Стратегические задачи демографического развития: приоритеты и региональные особенности

Под редакцией
О. С. Чудиновских,
И. А. Троицкой,
А. В. Степановой

СБОРНИК ДОКЛАДОВ

Экономический
факультет
МГУ
имени
М.В. Ломоносова

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
Экономический факультет
Лаборатория экономики народонаселения и демографии
Кафедра народонаселения

Стратегические задачи демографического развития: приоритеты и региональные особенности

Десятые Валентеевские чтения

Материалы юбилейной международной конференции

27–29 октября 2020 г.
Москва, Россия

Москва
2020

УДК 314.04
ББК 60.7
С83

Редакторы:
к.э.н. *О. С. Чудиновских,* к.э.н. *И. А. Троицкая, А. В. Степанова*

С83 Стратегические задачи демографического развития: приоритеты и региональные особенности: Десятые Валентеевские чтения: сборник докладов / ред. О. С. Чудиновских, И. А. Троицкая, А. В. Степанова. — М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2020. — 880 с.

ISBN 978-5-906932-57-0

В сборник вошли доклады и тезисы участников международной научной конференции «Стратегические задачи демографического развития: приоритеты и региональные особенности» (Десятые Валентеевские чтения), Москва, 27–29 октября 2020 г.

В материалах конференции нашел отражение широкий круг вопросов, связанных как с изучением классических демографических сюжетов, таких как воспроизводство населения, брак и семья, демографическая политика, миграция, так и с исследованиями, в которых народонаселение становится объектом внимания других научных дисциплин: истории, географии, социологии, этнографии, медицины и др.

Сборник представляет интерес для широкого круга специалистов, изучающих проблемы народонаселения, а также для преподавателей демографии и смежных дисциплин.

Все статьи опубликованы в авторской редакции.
За содержание представленных материалов отвечают авторы.
Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакторов.

ISBN 978-5-906932-57-0

© Экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Юбилейные X Валентеевские чтения в МГУ 14

Пленарное заседание 16

Антонов А. И.
Крах объяснительных схем демографического «перехода» 16

Вишневский А. Г.
Двойной смысл эпидемиологического перехода 23

Калабихина И. Е.
Стратегия социально-демографического развития региона: выявление и решение конкурирующих задач 26

Клупт М. А.
Государственный патернализм в сфере рождаемости: есть ли альтернативы? 28

Рязанцев С. В.
Вклад иммиграции в решение демографических проблем России 31

Рождаемость, семья, репродуктивное поведение 36

Андреенкова А. В.
Межстрановые различия в восприятии «календаря жизни» и основных этапов жизненного пути 36

Зельницкая Е. Н.
Социально-экономические факторы откладывания рождения первого ребенка в Российской Федерации 43

Калабихина И. Е., Абдуселимова И. А., Клименко Г. А.
Влияние цифровизации на репродуктивное поведение в России 47

Карпова В. М.
Специфика применения метода семантического дифференциала для изучения репродуктивных установок 51

Кубишин Е. С.
Репродуктивное поведение москвичей и перспективы его изменения 55

Менабдишвили Л. Э., Менабдишвили Н. Э., Хачатурова М. М.
Трансформация грузинской семьи 62

Миронова А. А.
Связь между частными и государственными трансфертами в России 73

Русанова Н. Е.
Вспомогательные репродуктивные технологии в современной демографической политике 85

Скрябина Я. А.
Репродуктивные установки вступающих в брак (по материалам социологического исследования) 90

Слюсар Л. И.
Семья в современной Украине: проблемы и риски в условиях интенсификации миграционных процессов 96

Храброва К. Г.
Влияние отношений между мужчинами и женщинами как социальными группами на состояние института семьи 102

Шубат О. М., Багирова А. П.
Дифференциация рождений высоких порядков в российских регионах: поиск детерминант 105

Смертность, продолжительность жизни и здоровье 115

Будилова Е. В., Лагутин М. Б., Мигранова Л. А.
Распространение социально значимых болезней в регионах России (2005–2018 гг.) 115

Ветрова Е. Д.
Взаимосвязь смертности от внешних причин в детском и подростковом возрасте и социально-экономических показателей в России 119

Дмитриева Е. В.
Мобильные технологии в формировании здоровья 128

Короленко А. В.
Самосохранительное поведение населения: индивидуальные стратегии и ключевые риски (на примере Вологодской области) 133

Кузнецова П. О.
Преждевременная мужская смертность как фактор бедности российских домохозяйств 139

Лифшиц М. Л., Литовченко Н. П.
Роль международной и внутренней миграции в распространении в РФ наркомании, ВИЧ, туберкулеза, сифилиса и вирусных гепатитов 142

Михальчи Е. В.
История организации статистического учета инвалидности в России в XVIII–XX вв. ... 169

Молчанов И. Н.
Здоровье населения и кадровый потенциал здравоохранения: региональные проблемы ... 177

Молчанова Н. П.
Здоровье населения: тенденции и перспективы развития здравоохранения ... 182

Нацун Л. Н.
Региональные особенности инвалидности в России ... 186

Петрякова А. В.
Абилитация: новые возможности ... 189

Попова Л. А.
Региональная конвергенция ожидаемой продолжительности жизни населения в условиях роста ... 194

Тихонова Г. И., Брылева М. С., Чуранова А. Н.
Дефицит трудовых ресурсов и смертность в трудоспособном возрасте ... 203

Халявкин А. В.
Динамика показателей смертности и достоверность декларированных рекордов долголетия ... 211

Чубарова Т. В.
Потенциал здоровья работающих как область социальной ответственности работодателей ... 219

Штырба В. В.
Предотвратимые причины смерти от болезней системы кровообращения как резерв повышения ожидаемой продолжительности жизни в Молдове ... 222

Миграция и миграционная политика ... 229

Бараненкова Т. А.
Учебная миграция российской молодежи: современные проблемы ... 229

Бедрина Е. Б.
Миграция как фактор трансформации образовательного пространства ... 233

Волох В. А., Айдынбеков Э. Ф.
Совершенствование государственной политики в сфере миграции населения в условиях пандемии на постсоветском пространстве ... 241

Габдрахманов Н. К.
Роль образовательной миграции
в социально-экономическом развитии регионов России 247

Глущенко Г. И.
Роль миграции талантов в повышении
цифровой конкурентоспособности 251

Журавлев Н. Ю.
Миграционные установки молодежи северных городов:
ключевые факторы 257

Загорец И. В.
Методологические проблемы изучения миграции населения 262

Злотников А. Г.
Методология исследования миграционных процессов
в Республике Беларусь 266

Золотарева О. А.
Проблемы демографической экспансии сквозь призму
оценки состояния миграции на евразийском пространстве 276

Игнатьева Л. Н.
Насильственная миграция в 30–50-е годы XX в.
и ее влияние на демографическую ситуацию в Казахской ССР..... 287

Карцева М. А.
Влияние статуса гражданства
на социально-экономическое положение мигрантов в США..... 292

Леденева В. Ю.
Социальная адаптация и ее влияние на формирование
демографического поведения мигрантов
в Центральном федеральном округе..... 316

Литовченко А. М.
Межстрановой анализ эффектов приобретения гражданства
мигрантами (на примере стран Европы) 319

Лыткина Т. С., Фаузер В. В.
Роль миграции в формировании населения и экономики
Республики Коми — составной части Российской Арктики..... 333

Максакова Л. П.
Узбекистан: модернизация миграционной политики 337

Масленкова Е. В.
Стратегические цели развития внешней трудовой миграции
в Республике Беларусь 352

Мищук С. Н.
Общая динамика и региональные различия
миграционных процессов
на Дальнем Востоке России в 2011–2019 гг. 360

Оксиненко В. Г.
Миграционные намерения студентов выпускных курсов медицинских вузов России и некоторых стран СНГ 366

Петракова Ю. Н.
Совершенствование инструментов миграционной политики Республики Беларусь 371

Пинязик В. Н.
Внешняя трудовая миграция в современных условиях развития рынка труда в Республике Беларусь..... 380

Пипия Л. К., Чистякова В. Е.
Влияние «утечки умов» на состояние кадров науки 383

Письменная Е. Е.
Образовательная миграция молодежи: проблемы мегаполисов 391

Полетаев Д. В.
Здоровье, беременность и роды трудовых мигранток в России (на примере Киргизии и Таджикистана)..... 393

Прокофьев А. Д.
Территориальные аспекты ассимиляционных процессов у европейских иммигрантов в США в конце XX — начале XXI в. 403

Прохода В. А.
Готовность населения к приему мигрантов в России и Европе 414

Садовская Е. Ю.
Основные и новейшие тенденции в миграционных процессах и миграционной политике Узбекистана 416

Сивоплясова С. Ю.
Миграция и брачность в России: региональный аспект 423

Смирнов А. В.
Миграционные процессы в Российской Арктике: подходы к изучению и основные тенденции..... 428

Станишевская Л. С.
Особенности территориальных перемещений населения Беларуси в рамках внутриреспубликанских миграционных потоков 432

Столярова З. Н.
О реализации Концепции государственной миграционной политики в Российской Федерации 440

Табак Т. В.
Новые тенденции в миграции из Республики Молдова в страны Европы: на примере Германии 444

Тарасова Е. В.
Переселенческое движение в контексте модернизации центральноазиатских окраин Российской империи 454

Фаузер В. В., Фаузер Г. Н.
Оценка новых тенденций в миграции населения Республики Коми в контексте вхождения ее в Российскую Арктику 461

Хараева О. А.
Политика трудовой миграции в Австралии 465

Черникова А. А.
Мигранты из Евразийского экономического союза: удовлетворенность российским образованием (на примере г. Москвы) 470

Чернышев К. А.
Интенсивность миграционных связей региона-донора в 1946–2018 гг. (на примере Кировской области) 473

Чистякова Н. Е.
Уровень образования российских и международных мигрантов в Санкт-Петербурге 477

Чудиновских О. С.
Оценка результатов реализации миграционной политики России и направления ее модернизации в свете новой концепции 481

Шичкин И. А.
Обеспечение достойного труда и социальной защиты внутрироссийских мигрантов 493

Социально-демографическая политика 498

Безрукова О. Н., Самойлова В. А.
Отцовство и поддержка отцов в демографической политике современной России 498

Белецкая М. Ю.
Выполнение программы развития народонаселения на 2015–2020 гг. странами БРИКС 501

Бердник Е. Д.
Материнский, отцовский и родительский отпуска в странах Европы 504

Богданович Е. А.
Политика стран Европы в области рождаемости и поддержки семей с детьми 511

Булетова Н. Е.
К вопросу влияния национального проекта «Демография» на региональную экономическую систему и ее развитие 514
Васильев В. П.
Риски современной демографической политики 522
Гамарник Р. О.
Пособия на детей как инструмент поддержки семей в странах Европы 525
Гришина Е. Е.
Бедность и социальная поддержка семей с детьми в Ульяновской области 529
Елизаров В. В.
Цели и ожидаемые результаты демографической политики в современной России 534
Елизаров В. В., Джанаева Н. Г.
Налоговые льготы как мера поддержки семей с детьми 542
Загорец В. С.
Демографическая политика Беларуси: критический анализ 546
Зотова Е. А.
Вопросы демографии в повестке стран «Группы двадцати» 550
Китова А. Л.
Национальный проект «Здравоохранение»: особенности федеральных проектов «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями» и «Развитие экспорта медицинских услуг» 553
Мотрич Е. Л.
Проблемы народонаселения Востока России и пути их решения 561
Привалова Н. Н.
Новая парадигма устойчивого развития Беларуси до 2035 г. 565
Ржаницына Л. С.
Эффективность мер социальной политики в сфере демографии 571
Сажин А. А.
Демографическая ситуация и политика Республики Нигер 573
Соловьев А. К.
Государственное регулирование демографических факторов пенсионной реформы 577
Ткаченко А. А.
Цели устойчивого развития ООН и бедность в России 580
Ткаченко Л. Г.
Демографические показатели в пенсионной политике 593

Юодешко В. И.
Перспективные направления демографической политики Беларуси в интересах устойчивого развития 599

Региональные демографические тенденции и расселение населения 605

Авдеев А. А., Троицкая И. А.
Кыргызстан: демографический фактор неустойчивого развития 605

Гагауз О. Е.
Демографические перспективы Молдовы 609

Дельва К. И.
Трансформация внутригородского распределения молодежных групп в г. Санкт-Петербурге в период молодежных миграций 625

Денисова И. А., Карцева М. А.
Возможности снижения бедности в благополучных регионах РФ (на примере ЯНАО) 628

Зимовина Е. П.
Модели демографического развития Калининградской области в советское время и постсоветский период (сравнительный анализ) 633

Иванова М. В.
Эффект демографического сжатия — вызов или возможность для решения проблем моногородов 640

Искакова А. Р.
Демографические процессы в Республике Татарстан: экономический аспект 644

Каберты Н. Г., Кочиева Ж. Г.
Демографические процессы и их последствия в постсоветской Южной Осетии 648

Коровкин А. Г., Синица А. Л., Королев И. Б.
Естественное и миграционное движение населения в регионах РФ (на примере регионов Арктической зоны) 658

Королев С. В.
Динамика и факторы потребления алкоголя в Удмуртии в начале XXI в. 661

Кучмаева О. В.
Особенности занятости в Ямало-Ненецком автономном округе: факторы и перспективы 671

Мамадалиева Х. Х.
Демографическая ситуация и медико-социальное благополучие семьи в Узбекистане 678

Николаева У. Г.
Депопуляция сельского населения в Центральной России: факторы и потенциал изменений 691

Носкова А. В., Кузьмина Е. И.
Жилищная мобильность в жизненном цикле городской семьи 702

Пашкевич О. А., Левкина В. О.
Занятость в агрогородках Беларуси и основные демографические тенденции 706

Русанов А. В.
Значение сезонного населения для изменения сельской местности в Северном Подмосковье 711

Сакаев В. Т.
Факторы развития и специфика демографической модернизации Татарской АССР в 1946–1991 гг. 718

Самсонова Н. А.
Агент-ориентированная модель ключевых демографических процессов как инструмент обоснования и поддержки принятия решений в региональном стратегическом планировании 724

Сафарова Г. Л., Кипяткова В. А., Сафарова А. А.
Долгосрочные перспективы изменения возрастной структуры населения Санкт-Петербурга в контексте старения населения 728

Сахвадзе А. Ш.
Стратегические задачи демографического и миграционного развития современной Грузии 736

Сухова Е. А.
Особенности демографических процессов Ямало-Ненецкого АО в разрезе муниципальных образований 752

Тожиева З. Н., Алекперова Ш. Т.
Некоторые проблемы демографической ситуации в Республике Узбекистан 760

Чайка Е. Е., Мизеровская У. В.
Современные особенности и тенденции расселения населения дальневосточных регионов Крайнего Севера России 765

Чучкалов А. С., Алексеев А. И.
Этнический фактор структуры и динамики сельского населения Республики Марий Эл 773

Человеческий капитал 778

Герасимович С. А.
Комплексы традиционной культуры в сельско-городских и дачных сообществах: трансформация роли и новые смыслы 778

Григорьева Н. С.
Студенческая семья — потенциал формирования человеческого капитала в условиях современных российских стратегий инновационного развития 781

Илимбетова А. А.
Гендерное неравенство как препятствие развитию человеческого капитала женщин 785

Калабихина И. Е., Казбекова З. Г.
Влияние демографического дивиденда на экономический рост с учетом человеческого капитала 788

Калмыкова Н. М.
Неравномерность старения регионов России как фактор дифференциации регионального человеческого капитала 791

Красовская Н. И.
Способы обеспечения гендерного равенства на рынке труда, в сфере занятости и социальной защиты 795

Мухамадиева А. А.
Гендерное равенство как необходимая составляющая устойчивого экономического роста Республики Казахстан 802

Пушкарева Л. В.
Кадровый потенциал с учетом возрастных особенностей населения 807

Смирнов С. Н.
Статистическая оценка человеческого капитала жителей сельских поселений России 813

Яковенко Н. В., Комов И. В.
Миграции населения как фактор накопления человеческого капитала (на примере Воронежской области) 816

Прикладные проблемы демографии 822

Варламова Ю. А.
Модели финансового поведения различных социально-демографических групп населения 822

Козлова О. А., Секицки-Павленко О. О.
Методические подходы к изучению возрастной структуры населения: анализ и перспективы использования 828

Колотуша А. В.
Детерминанты питания лиц с ограниченными возможностями здоровья 836

Коровкин А. Г., Долгова И. Н., Королев И. Б.
Фактор движения населения и рабочей силы при анализе и прогнозировании динамики российского рынка труда 843

Кучмаева О. В.
Экономическая и социальная активность лиц с инвалидностью в России 846

Махрова А. Г.
Оценка численности населения Москвы по данным сотовых операторов 852

Федорова Е. С.
Трансформация рынка труда в условиях цифровой экономики 855

Хорева О. Б., Нежина Т. Г., Тарасенко Е. А., Тамицкая Е. Н., Зайков К. С.
Здоровое питание? Пищевые привычки и структура питания школьников и студентов, проживающих в условиях Арктической зоны России 860

Цацура Е. А., Гришина Е. Е.
Барьеры для развития рынка негосударственных поставщиков социальных услуг для пожилых 866

Шарко Е. Р.
«Одиночество в сети»: реалии современного общества в цифровую эпоху 868

Елизаров В. В.
Из истории лаборатории экономики народонаселения и демографии (ЛЭНД) и Валентеевских чтений 872

ЮБИЛЕЙНЫЕ Х ВАЛЕНТЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ В МГУ

27–29 октября 2020 г. на экономическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова прошли юбилейные Х Валентеевские чтения «Стратегические задачи демографического развития: приоритеты и региональные особенности», объединившие участников из 25 российских регионов и семи стран ближнего и дальнего зарубежья — демографов, социологов, экономистов, географов, историков, биологов.

Формат видеоконференции, в котором впервые проводились Валентеевские чтения, позволил значительно расширить географию участия и дал возможность представить результаты своей работы большему числу исследователей, аспирантов и студентов, занимающихся проблемами населения. Для участия в конференции зарегистрировались 187 человек, и было сделано 90 докладов (из 117 заявленных) в рамках основной программы и 18 (из 41 заявленного) — в постерной сессии.

На открытии конференции с приветственным словом к участникам обратился декан экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова профессор А. А. Аузан, подчеркнувший важность существования и развития на факультете научных школ, к которым, бесспорно, относится школа Д. И. Валентея. Также с приветственным словом к участникам обратились профессор С. Д. Валентей, научный руководитель Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, и научный руководитель Лаборатории экономики народонаселения и демографии В. В. Елизаров.

На пленарном заседании выступили ведущие российские демографы и социологи — А. И. Антонов, А. Г. Вишневский, И. Е. Калабихина, М. А. Клупт, С. В. Рязанцев. В их докладах рассматривались ключевые теоретические и прикладные проблемы демографии в сфере рождаемости, смертности, миграции, социально-демографического развития регионов.

Работа конференции была интенсивной, в течение трех дней состоялось 17 заседаний, в том числе в формате параллельных сессий. Тематика охватила практически все направления исследований населения, от семьи и рождаемости, смертности и здоровья, миграции, социально-демографической политики до расселения населения, региональных демографических тенденций, человеческого капитала, истории населения. Параллельное проведение многих заседаний позволило участникам выбирать инте-

ресующие их темы. В рамках конференции была организована постерная сессия, на которой участникам, чьи доклады были отобраны в эту часть программы, была дана возможность представить результаты своих исследований с демонстрацией постеров.

В ходе заседаний удалось обсудить широкий круг сюжетов, причем некоторые из них по числу докладчиков не вписывались в рамки одной тематической сессии, поэтому было решено провести две сессии по вопросам семьи и рождаемости, две — по проблемам социально-демографической политики и четыре сессии по различным направлениям миграциологии. Несмотря на определенную политизированность демографической темы (и миграционной в том числе) и попытки некоторых управленцев убедить ученых, что наука должна обосновывать их идеи, высказанные на конференции точки зрения и выводы по итогам исследований были непредвзятыми и объективными.

Следующие Валентеевские чтения состоятся в 2022 г. и будут посвящены 100-летию со дня рождения Д. И. Валентея, основателя Центра по изучению проблем народонаселения и создателя научной школы системных исследований населения. Мы думаем, что Дмитрий Игнатьевич был бы удовлетворен тем, что его школа живет, развивается и позволяет собирать в рамках таких конференций десятки отечественных и зарубежных исследователей.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

АНТОНОВ Анатолий Иванович
д.филос.н., профессор,
заведующий кафедрой социологии семьи и демографии
социологического факультета МГУ
имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия.
E-mail: antonov_ai_@mail.ru

КРАХ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫХ СХЕМ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО «ПЕРЕХОДА»[1]

Ключевые слова: демографический переход, репродуктивные установки, социология населения.

Коды JEL: J11, J13

В последние десятилетия неравномерность демографического развития разных регионов мира привлекает внимание общественности к специфике и своеобразию демографической ситуации в мире. Неоднозначная трактовка демографических изменений в науке связана с пестротой мнений на уровне обыденного сознания и с противоречивостью оценок в СМИ. В странах с преобладанием городского населения в условиях «тесноты» проживания масс людей и плохого управления потоками транспортной, торговой, зрелищной и прочей жизнедеятельности распространяются мифы о «вредоносности» скопления людей, скученности и сверхплотности расселения. Активизация вульгарно-бытовых взглядов мальтузианского типа приводит к массовой циркуляции стереотипов демографического толка, самыми популярными из них являются три обыденных предрассудка.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976–2020 гг.)» № 18-011-01037.

Первый — когда рост мирового населения в XX–XXI вв. понимается как «взрыв», неминуемо ведущий к «перенаселенности». При этом реальный упадок темпа прироста и неизбежное прекращение роста численности игнорируются, как и вероятность убыли населения. Второй предрассудок связан с тем, что рост населения отождествляется с «ростом рождаемости» под влиянием «инстинкта размножения», т.е. сводится к сексуальности. Третий стереотип относится к «помехам» — условия жизни «мешают» иметь больше детей, чем уже есть, и потому люди ограничивают сексуальность с помощью контрацепции и абортов. Другими словами, люди якобы «хотят больше» детей (подспудное допущение), но «не могут» их иметь, и, значит, устранение «помех» и улучшение условий как бы автоматически повышают рождаемость, ведут к «росту» рождаемости и численности населения.

На самом деле рождаемость снижается везде в мире, хотя уровни рождаемости различны. И там, где они «выше» (а это африканские и азиатские регионы), они также продолжают снижаться, но в зонах с доминирующим малодетным строем мыслей их относят к странам «роста» рождаемости, влияющим на «рост» населения мира. Таким образом, региональная дифференциация демографических показателей может в сфере мнений и мотивировок истолковываться превратно. Обыденная идеология такого рода пронизывает общественное мнение в малодетных странах и проникает в сообщества ученых. Более того, это влияние может даже вести к радикальному пересмотру научной позиции. Здесь уместно сослаться на мнение Дж. Ходжсона, который попытался понять, как именитые авторы «переходной» теории (К. Дэвис, У. Томпсон, Ф. Нотештейн) предали забвению свои собственные выводы о модернизации как причине спада детности [Hodgson, 1983].

Пока рождаемость тихо сокращалась в Европе, демографы мирно изучали действительность, наблюдая и объясняя происходящее. Но как только в середине XX в. заявил о себе рост населения в развивающихся странах (аналогично тому, что было в Европе на 200 лет ранее и что привело, кстати, к бурному расцвету капитализма), ученые заволновались, оценили прогнозировавшийся ими рост населения как якобы угрожающий «перенаселением» планеты (вот оно, влияние обыденного — здравого — смысла, вот она, страшилка Мальтуса!) и решительно объявили цель ограничения числа рождений через программы «планирования семьи» посредством контрацепции. И это все провозглашалось после того, как в многочисленных трудах по «демографическому переходу» нигде никто никогда не писал о том, что «незнание методов контрацепции могло бы быть причиной высокой рождаемости».

Ходжсону удалось показать, что «планы» по предупреждению зачатий предписывались (навязывались!) крестьянам с иной культурой (дети —

это богатство), в которой «ухудшение жизни» зависело от самой жизни, как она есть, а не от «увеличения числа детей». Теоретики демографического «перехода» утверждали, что подлинной модернизации мешает рост населения в странах Африки и Азии из-за «однобокой модернизации» в них, которая вызвала снижение смертности вследствие борьбы с эпидемиями и с голодом, но не сократила рождаемость. Томпсон назвал это «мальтузианской дилеммой колониализма», так как развитые страны не хотели терять рынки сбыта в бывших своих колониях и не развивали в них промышленность.

Для «теории перехода» вообще характерна любопытная сосредоточенность на методологии отправного момента, исходного периода, имплицитно предполагающего финальный пункт движения и перемещения в завершающую фазу, которая легко оказывается «конечной целью» пути или же «перехода» от некоего начала к концу. Таким образом, на начальной стадии постулируется *баланс* сверхвысоких уровней смертности и рождаемости, обусловленный конвенциональным принятием однолинейного развития. Отказ от парадигмы изменения, нелинейной динамики населения вынуждает постулировать баланс демографических процессов в позитивном ключе успешной компенсации высочайшей («плохой») смертности сверхвысокой (и потому тоже «плохой») рождаемостью. Конвенциальная идея «прогрессивного развития» как бы «от плохого к хорошему», к хеппи-энду, способствовала обозначению движения от условного периода «начала» к условному же «концу» как *переходу* от баланса не лучшего по свойствам процессов к балансу с низкими уровнями рождаемости и смертности — т.е. к «хорошему» балансу, где предел минимальной (хорошей) смертности компенсируется (хорошей же) малодетностью.

Идеология перехода позволяла показать, что свойства конечного баланса лучше, чем свойства составлявших его процессов, ведших к пресловутому «демографическому взрыву». Крах этой методологии вследствие падения рождаемости ниже уровня простого воспроизводства заставил ее приверженцев заняться конструированием теорий и перекройкой «переходов» — так появились теории «второго», «третьего» и т.д. «переходов» [Новое в зарубежной демографии, 2015].

Методология исторических изменений демографических процессов требует гибкой и системной интерпретации динамизма социальной дифференциации в том числе рождаемости. Механистичный подход трактует корреляционную связь уровней рождаемости и условий жизни как постоянную и неизменную. В социологии населения эта корреляция рассматривается в качестве меняющейся — при снижении социальных норм детности возможны сходные результаты поведения, нивелирующие все социальные различия.

В длительной истории расширенной многопоколенной семьи высокая рождаемость обусловлена ее компенсационной функцией по отно-

шению к высочайшей смертности. При этом не только уровни этих двух процессов были близки друг другу по величине, но и дифференциация семей по детности минимальна и носила скорее случайный, чем систематический, характер. Вместе с тем в эпоху семейно-аграрной экономики вплоть до XVIII в. в структуре заболеваемости и смертности главную роль играли эпидемии, поражавшие всех без разбора — бедных и богатых, знатных и безродных. Поэтому дифференциация по числу детей не могла быть большой.

Существенное сокращение уровня смертности с конца XVIII в. начинается с высших, мобильных и образованных классов общества, постепенно затрагивая все слои. В результате увеличивается естественный прирост населения. Но он же означает и большее выживание детей и тем самым большую дифференциацию семей по детности. По мере приближения к современности уровни рождаемости и смертности выравниваются, но теперь на низком уровне, естественный прирост стремится к нулю, дифференциация семей по детности сглаживается и сходит на нет, приобретая одновременно случайный характер (министр и дворник с одинаковой вероятностью могут быть однодетными).

В развивающихся странах преобладают социальные нормы высокой рождаемости и в связи с этим сокращение детской смертности ведет к заметным семейным различиям в детности. Наличие действенной потребности в нескольких детях на всем протяжении репродуктивного периода жизни делает контрацепцию ненужной и излишней. Апелляции к «сознательности» в культуре фамилизма обречены на провал тем более, что контрацепция лишь инструментальное средство, а не причина блокады репродуктивных установок. Излишняя рационализация действий супругов давала теоретикам «демперехода» надежду на заимствование, например, индусами культуры малодетного эгоцентризма, т.е. взвешивания или расчета плюсов и минусов от сокращения числа детей в семье.

На практике навязывание средств предупреждения зачатий объявлялось ростом «сознательности» граждан. Разве это не вмешательство в приватную жизнь семьи? Теперь уже после многих лет принуждения к «однодетной сознательности» стал очевиден из-за депопуляционного режима провал китайской политики однодетности. Мальтузианский страх перед «перенаселенностью» привел к освобождению, но кого — джинна депопуляции?

Идеологией «планирования семьи» признается *принуждение* к практике контрацепции многодетных супругов, якобы ничего не знающих о ней. Призыв к ограничению рождаемости игнорировал наличие в многодетных странах определенной культуры ценностей, рациональности и экономической целесообразности. На это обратил внимание австралийский демограф Джон Колдуэлл — в семейной экономике и системе ценностей детность

рациональна [Caldwell, 1982, p. 1503]. Невнимание теоретиков демографического «перехода» к исследованию репродуктивного поведения семьи и личности, которое хотя и рефлексивно, но нетранзитивно и нелогично (ибо любое рождение ребенка в любой точке мира всегда для родителей экономически невыгодно, так как в стоимость рабочей силы не включен родительский труд), обернулось пренебрежением к движущей силе поведения — к непонятой, увы, многими потребности в детях.

Методолог Ходжсон, описывая приключения разработчиков теории «демперехода», сконцентрировался на факте конверсии научных взглядов у основных создателей теории под давлением «угрозы перенаселенности» в связи с небывалым ростом мирового населения в XX в. с 2 до 7 млрд. С помощью упрощенной схемы о двойственной природе демографии как одновременно социальной и политической науки он представил историю демографии в виде «перехода» от научного исследования и понимания явлений на позицию политики или идеологии, стремящейся изменить процессы в желаемом направлении.

Просчет Ходжсона в том, что всегда в научном изучении динамики населения, объяснение тенденций будет сопровождаться научной же оценкой направленности их во имя предотвращения угрозы самоуничтожения человечества. Во времена Мальтуса таковой катастрофой казалась перспектива «перенаселенности» в связи с несуществующим «инстинктом размножения» и якобы невозможностью окружающей среды приспособиться к столь быстрому демографическому «взрыву».

Сегодня еще более зримой и зловещей с точки зрения экзистенциальной стала перспектива депопуляции всего мирового населения ввиду семейно-детного кризиса и деградации семьецентризма, когда все внесемейное, считавшееся аморальным и порочным, становится нормальным и подобающим, приобретает положительную валентность. Проблема сокращения сверхнизкой рождаемости вплоть до ноля отягощается еще и тем, что пропагандисты «угрозы перенаселенности» и тем самым контрацептивного вмешательства в частный мир семьи объявляют всякую попытку поощрения государством семьи с несколькими детьми, семьедетного образа жизни, якобы грубым «вмешательством» в приватную жизнь людей, надругательством над свободой выбора и дискриминационным насилием над малодетными гражданами.

Вместе с тем рост рыночно-индустриального и финансово-олигархического капитализма быстро разрушает семейную мораль или, точнее говоря, систему ценностей фамилизма. Французский историк Ф. Арьес, обративший внимание на то, как европейской цивилизации удалось создать в Средние века культ ребенка, подчеркнул, что она радикально изменила отношение к детству и теперь социальная роль ребенка потеряла свое прежнее значение, чем и объясняется собственно падение рождаемости [Арьес, 1999]. Но решающее значение имел упадок влияния религии

и секуляризация социальной жизни — к этому выводу пришел бельгийский демограф Рон Лестеге на основе анализа данных множества исследований [Lesthaeghe, 1977; Карлсон, 2003, с. 226].

Новая волна снижения рождаемости в Европе и Северной Америке заставила теоретиков демографического «перехода» назвать это «вторым переходом», который описывается через рост сожительств, партнерских и сексуальных структур, неполных семей, т.е. через плюрализм «осколков» семейной системы родительства — супружества — родства. Дирк Ван де Каа объясняет эти перемены тем, что не дети, а супружеская пара становится центром семьи, причем сексуальный гедонизм супругов превращает постоянную практику контрацепции в норму супружества. Теоретик «второго перехода» заключает: «Сочетание нашей неспособности дать удовлетворительное объяснение нынешней ситуации (когда в большинстве европейских стран рождаемость ниже уровня простого замещения — с тем, насколько современные тенденции подходят под долгосрочную модель, заставляет меня задуматься, можем ли мы вообще спокойно смотреть на демографическое будущее Европы» [Van de Kaa, 2000, p. 43–47]. Миграциолог Д.Коулмен ввел понятие «третьего» демографического перехода, исходя из распространения низкой рождаемости и депопуляции в ряде стран и имея в виду активизацию потоков иммигрантов в депопулирующие страны, где нарастает дефицит в рабочей силе (что ведет к быстрым изменениям этнического состава, грозящим превращением коренного населения в меньшинство) [Coleman, 2006, p. 401–406; Карлсон, 2003, с. 227–234].

По-видимому, при доминировании «парадигмы перехода» будут появляться и «четвертые», и «пятые» демографические «переходы» (скрупулезно учитывающие особенности развала социальных норм рождаемости по обеспечению воспроизводства населения), что подтверждает неадекватность этой теоретической конструкции для описания и объяснения современной динамики населения. Крах системы ценностей и норм фамилизма, крах, неминуемо ведущий к сверхнизкой рождаемости и углублению депопуляции, вызван внесемейной модернизацией общества, т.е. секуляризацией, потребительством, изменением роли женщин, антагонизмом родителей и бездетных не-родителей.

Материальная поддержка семей с детьми не изменит ситуацию — только преобразование индивидного, одиночно-холостяцкого строя жизни в социуме способно устранить депопуляцию, которая, по жуткому сценарию Буржуа—Пиша, вернет человечество к нолю в 2400 г. Давид Реер считает, что возможны иные, менее вероятные сценарии: господства генно-технологических инноваций, агрессии социальной и политической, чреватой конфликтами и откатом от достижений последних столетий, и вариант политики изменения ценности, возврата к рождаемости на уровне простого воспроизводства. Однако, по его мнению, для наших внуков постоянное

снижение численности населения и ухудшение условий жизни «будет единственно известной им реальностью» [Реер, 2015, с.128].

В социологии населения, разрабатывающей поведенческие теории динамики воспроизводства населения через важную роль семьи в посредничестве общества и личности[1], научно обосновываются позитивные перспективы демографического будущего и прогнозные планы-проекты по достижению простого воспроизводства населения за счет преобладания среднедетной семьи и минимизации преждевременной смертности. Разработка и успешная реализация нормативных прогнозов элиминирования депопуляции и распространения семей с несколькими детьми в рамках национальных проектов, по-видимому, позволит уверенно смотреть вперед.

Список литературы

1. *Арьес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. — Екб: Изд-во Уральского ун-та, 1999.
2. *Карлсон А.* Общество-Семья-Личность: Социальный кризис Америки. Альтернативный социологический подход. Социальная мысль Запада. Американская школа альтернативной социологии / пер. с англ. и общ. ред. проф. А. И. Антонова. — М., 2003.
3. Новое в зарубежной демографии: сборник переводных статей / под ред. к.э.н. И. А. Троицкой, к.э.н. А. А. Авдеева. «Демографические исследования», вып. 24. Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. — М., 2015.
4. *Реер Д.* О долговременном снижении численности населения // Новое в зарубежной демографии / под ред. И. А. Троицкой, А. А. Авдеева. Демографические исследования. вып. 24. Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. — М., 2015. — С. 109–132.
5. *Caldwell J. C.* Theory of Fertility Decline. — London: Academic Press, 1982. p. 1503.
6. *Coleman D.* Demographic Trends in the Industrial World: Europe's Declining Population? 1989.
7. *Coleman D.* Immigration and Ethnic Change in Low-Fertility Countries: a Third Demographic Transition // Population and Development Review. — 2006. — Vol. 32. — № 3. — P. 401–446.
8. *Hodgson D.* Demography as social science and policy science // Population and Development Review. — 1983. — Vol. 9. — № 1.

[1] Социология населения включает в себя социологическую демографию, рассматривающую воздействие факторов социума на демографические феномены сквозь призму демографического поведения личности и семьи, а также демографическую социологию, предметом которой является изучение сложившейся социально-демографической реальности на социальные процессы и структуры. Две составные части социологии населения функционируют по принципу взаимной дополнительности, как бы соединяя в научном объяснении достижения теории социальных институтов (макроанализ) с теорией поведения индивидов и малых групп (микроанализ).

9. *Lesthaeghe R.* The Decline of Belgian Fertility 1800–1970, 1977.
10. *Van de Kaa D. J.* Demography-on the Need for Integration and Synthesis // Position of Demography Among Other Disciplines. — 2000. — P. 41–49.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Ar'es F.* Rebenok i semejnaja zhizn' pri starom porjadke. — Ekb: Izdatel'stvo Ural'skogo Universiteta, 1999.
2. *Karlson A.* Obshhestvo-Sem'ja-Lichnost': Social'nyj krizis Ameriki. Al'ternativnyj sociologicheskij podhod. Social'naja mysl' Zapada. Amerikanskaja shkola al'ternativnoj sociologii. / per. s angl. i obshh.red. prof. A. I. Antonova. — M., 2003.
3. Novoe v zarubezhnoj demografii: Sbornik perevodnyh statej / pod red. k.je.n. I. A. Troickoj, k.je.n. A. A. Avdeeva. «Demograficheskie issledovanija», vyp. 24. Jekonomicheskij fakul'tet MGU im. M. V. Lomonosova. — M., 2015.
4. *Reer D.* O dolgovremennom snizhenii chislennosti naselenija // Novoe v zarubezhnoj demografii / pod red. I. A. Troickoj, A. A. Avdeeva. Demograficheskie issledovanija. vyp. 24. Jekonomicheskij fakul'tet MGU im. M. V. Lomonosova. — M., 2015.

ВИШНЕВСКИЙ Анатолий Григорьевич
д.э.н., директор Института демографии НИУ ВШЭ,
Москва, Россия. E-mail: avishnevsky@hse.ru

ДВОЙНОЙ СМЫСЛ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

Ключевые слова: демографический переход, эпидемиологический переход, санитарный переход.

Коды JEL: I10, IJ10

Понятие «эпидемиологический переход» введено в научный оборот А. Омраном в 1971 г. Он характеризовал этот переход как длительный сдвиг в структуре причин смерти, в результате которого «пандемии инфекционных заболеваний в качестве основной причины заболеваемости и смертности постепенно уступают место дегенеративным и профессиональным заболеваниям» [Omran, 1971, p. 516; Омран, 1977, с. 64]. В более поздней работе он писал, что «этот вызванный экономическим и социальным развитием переход включает в себя изменения характеристик заболеваемости и здоровья (переход в здоровье), изменения в рождаемости и возрастной структуре, ведущие к старению населения (элементы демографического перехода), изменения в образе жизни (переход в образе жизни), измене-

ния структуры здравоохранения (переход в здравоохранении), развитие медицины и технологий (технологический переход) и средовые и экологические изменения (экологический переход)» [Omran, 1998, p. 99; Омран, 2019, с. 178–179].

Концепция эпидемиологического перехода изначально обладала большими эвристическими возможностями, что сказалось в появлении большого количества ее последователей и интерпретаторов. Одно из наиболее активных направлений интерпретации концепции Омрана, а по сути, ее переосмысления, связано с критикой этой концепции за то, что она не идет дальше рассмотрения «долгосрочного процесса изменения состояния здоровья общества, включая изменения структуры заболеваемости, инвалидности и смертности», тогда как необходимо рассматривать также «изменения в структуре организованного социального реагирования в связи с состоянием здоровья», переход в здравоохранении (health care transition) [Frenk et al., 1991, p. 23]. При таком подходе якобы преодолевается кажущееся узким сведение происходящих перемен к эпидемиологическому переходу и становится возможной более широкая их трактовка как «перехода в здоровье» (health transition) [Ibid.], или «санитарного перехода»[1]. Такая трактовка получила довольно широкое распространение. В многотомном демографическом компендиуме «Демография: анализ и синтез» нет главы «Эпидемиологический переход», в названии соответствующей главы использован термин «Санитарный переход» (во французской версии «Transition sanitaire», в английской — «Health transition») [Meslé, Vallin, 2002, 2006].

Основная идея настоящего доклада заключается в том, что подобная трактовка не расширяет, а сужает смысл введенного Омраном понятия и лишает его того смысла, который настойчиво вкладывал в него Омран и который имеет гораздо большее теоретическое значение, чем оставляют на его долю сторонники «переименования» эпидемиологического перехода.

Эпидемиологический переход имеет две ипостаси, каждая из которых исключительно важна, притом что они имеют совершенно разный смысл.

Во-первых, эпидемиологический переход тождествен небывалому, не имеющему прецедентов в истории снижению смертности и продлению человеческой жизни. Это и в самом деле небывалая революция, самостоятельное значение которой трудно переоценить. Оно огромно и для любого человека, и для тех, чья профессиональная деятельность связана с охраной здоровья и жизни людей, и для всего общества, которое получает гигантские выгоды от «рентабельности» становящегося всеобщим долгожительства. При повышении средней продолжительности жизни

[1] Этот термин (*transition sanitaire*) используется во франкоязычной, а вслед за ней и в русской, так как во французском языке, так же как и в русском, нельзя образовать прилагательное от слова «здоровье».

с 30–35 до 75–80 лет меняется все — экономика, культура, мораль, жизненный путь людей. Осознав новые возможности, общество направляет усилия и ресурсы на их реализацию, развивает современные системы здравоохранения, добивается все новых и новых успехов. Однако эти успехи именно в том и заключаются, что меняется «эпидемиологическая модель», в этом — суть перемен и их цель, а здравоохранение лишь предоставляет средства для ее достижения. Это имел в виду Омран, когда утверждал, что «обозначение всех этих перемен как «санитарного перехода» может внести путаницу. Здоровье — зависимая переменная эпидемиологии, а не наоборот» [Omran, 1998, p. 99; Омран, 2019, с.178].

Во-вторых — по счету, но не по значению, — эпидемиологический переход и обусловленное им огромное снижение смертности тождественны необратимому нарушению извечного демографического баланса, что имеет неисчислимые последствия как на микроуровне, т.е. на уровне индивида или семьи, так и на планетарном, глобальном уровне. Системным ответом всех обществ на новую ситуацию, требующую восстановления нарушенного равновесия, становится снижение рождаемости.

Таким образом, эпидемиологический переход выступает в качестве триггера и одновременно важнейшей составной части более общего всемирно-исторического процесса, получившего название «демографической революции», или «демографического перехода».

К сожалению, как это можно видеть на примере перетягивания каната в сторону «санитарного перехода», указанная вторая ипостась эпидемиологического перехода и ее фундаментальное значение нередко упускаются из виду или недооцениваются, а сам этот переход воспринимается как нечто, проходящее исключительно по ведомству здравоохранения, что приводит к девальвации концепции Омрана.

Для врача, эпидемиолога, организатора здравоохранения важна первая ипостась эпидемиологического перехода, в которой отражаются их усилия и достигнутые ими результаты — дальнейшее снижение смертности и рост продолжительности жизни. Но для демографа, стремящегося увидеть и понять всю меняющуюся картину воспроизводства населения, на первое место выходит его вторая ипостась, которая позволяет видеть всю изменившуюся картину демографического бытия и прогнозировать ее изменения.

Список литературы

1. *Омран А. Р.* Теория эпидемиологического перехода: взгляд 30 лет спустя // Демографическое обозрение. — 2019. — № 6(1). — С. 177–216. URL: https://doi.org/10.17323/demreview.v6i1.9117.
2. *Омран А. Р.* Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения. [Перевод названия неточный]. Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада / под ред. Д. И. Валентея и А. П. Судоплатова. — М.: Прогресс, 1977. — С. 57–91.

3. *Frenk J., Bobadilla J. L., Stern C., Frejka T. et Lozano R.* Elements for a theory of the health transition // Health Transition Review. — 1991. — № 1, 1. — P. 21–38.
4. *Meslé F., Vallin J.* La transition sanitaire : tendances et perspectives // Démographie: analyse et synthèse. — 2002. — Sous la direction de G. Caselli, J. Vallin et G. Wunsch. — INED. — V. III. Ch. 57.
5. *Meslé F., Vallin J.* The health transition: Trends and prospects // Demography. Analysis and Synthesis. A Treatise in Population Studies. — 2006. — Ed. by G. Caselli, J. Vallin, G. Wunsch. Elsevier. — V. 2. Ch. 57.
6. *Omran A. R.* The epidemiologic transition: a theory of the epidemiology of population change // The Milbank Memorial Fund Quarterly. — 1971. — 49, 4. Pt. 1. — P. 509–538.
7. *Omran A. R.* The epidemiologic transition theory revisited thirty years later // World Health Statistics Quarterly. — 1998. — 51(2-4). — P. 99–119.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Omran A. R.* Teorija jepidemiologicheskogo perehoda: vzgljad 30 let spustja // Demograficheskoe obozrenie. — 2019. — № 6(1). — S. 177–216. URL: https://doi.org/10.17323/demreview.v6i1.9117.
2. *Omran A. R.* Jepidemiologicheskij aspekt teorii estestvennogo dvizhenija naselenija. [Perevod nazvanija netochnyj]. Problemy narodonaselenija. O demograficheskih problemah stran Zapada / pod red. D. I. Valenteja i A. P. Sudoplatova. — M.: Progress, 1977. — S. 57–91.

КАЛАБИХИНА Ирина Евгеньевна
д.э.н., профессор, зав. кафедрой народонаселения
экономического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия.
E-mail:ikalabikhina@yandex.ru

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА: ВЫЯВЛЕНИЕ И РЕШЕНИЕ КОНКУРИРУЮЩИХ ЗАДАЧ[1]

Ключевые слова: стратегия развития, социально-демографическое развитие, социально-демографическая политика, конкурирующие задачи, рождаемость,

[1] Работа выполнена в рамках НИР «Оказание услуг по информационно-аналитическому и научно-методическому сопровождению реализации Стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа по социально-демографическим показателям».

бедность, оптимизация, возрастно-половая структура, расселение населения, вахтовые работники.

Коды JEL: J11, J13, J14, J15, J18, O15, O18

Постановка задачи. Данные и методы

Национальные проекты и программы России и ее регионов в области социально-демографического развития содержат конкурирующие задачи. Например, стимулирование рождаемости и снижение уровня бедности. Но рост рождаемости приводит к увеличению рисков бедности в краткосрочном периоде. Необходимость одновременно решать конкурирующие задачи с точки зрения экономической эффективности, социально-демографической результативности должна учитываться и в стратегии, и в тактике регионального развития.

На примере Ямало-Ненецкого автономного округа исследуются связанные тематические направления социально-демографического развития региона (демографическое развитие, уровень жизни, уровень неравенства, рынок труда, социальные и демографические программы, рынок жилья, взаимосвязь социально-экономического и демографического развития) для вычленения конкурирующих задач в процессе реализации стратегии развития региона. Предлагаются некоторые рекомендации по совершенствованию социально-демографической политики с учетом решения конкурирующих задач.

Использованы данные Росстата, регионального ЗАГСа, другие официальные источники и социологические обследования.

Система исследовательских методов: методы демографического анализа и прогнозирования, экономико-математические методы, картографические и геоинформационные методы, агентно ориентированное моделирование.

Результаты исследования

Наши возможности изменения программ развития региона на стратегическом уровне ограничены, поскольку заданы федеральными задачами развития регионов. Возможно лишь осуществить ревизию стратегических задач в контексте региональных особенностей. Однако мы можем выявить конкурирующие стратегические задачи при комплексном анализе социально-демографической ситуации и предложить пути их решения в рамках региональной социально-демографической политики. Продуманная тактика реализации стратегических задач, которая учитывает конкуренцию этих задач с точки зрения экономической эффективности или социально-демографического благополучия, может повысить эффективность реализации стратегии развития региона.

Основные конкурирующие задачи, которые выявлены в процессе анализа социально-демографического развития региона по ключевым смежным направлениям:

— повышение рождаемости и снижение уровня бедности в краткосрочном периоде,
— оптимизация численности населения с учетом практики привлечения вахтовых работников в среднесрочном периоде в контексте экономических задач и социальных вызовов региона,
— решение задач, сопутствующих старению населения, при сохранении возрастного профиля мигрантов,
— рост доступности социальных и медицинских услуг и сохранение сформировавшегося типа расселения населения,
— приоритет интересов и поддержка воспроизводства коренного малочисленного населения и экологические вызовы региона.

Пути решения некоторых из выявленных конкурирующих задач, разработанные на основе результатов ситуационного социально-демографического анализа и демографического прогноза, будут обсуждаться в рамках доклада.

КЛУПТ Михаил Александрович
д.э.н., профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: klupt@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПАТЕРНАЛИЗМ В СФЕРЕ РОЖДАЕМОСТИ: ЕСТЬ ЛИ АЛЬТЕРНАТИВЫ?

Ключевые слова: патернализм, демографическая политика, семейная политика, рождаемость, сравнительный анализ.

Коды JEL: J11, J13, J18

В российской обществоведческой, в том числе демографической, литературе 1990-х гг. государственный патернализм воспринимался прежде всего как атрибут «планово-административной» системы и в силу этого сопрягался преимущественно с негативными коннотациями. Теоретическая реабилитация патернализма пришла оттуда, откуда ее, вероятно, в ту пору менее всего ждали — из США. Мягкое «подталкивание» индивида

к тем или иным решениям стало одной из ключевых идей нового направлении экономической теории — поведенческой экономики (подробный обзор см. в [Капелюшников, 2013]). В случае рождаемости дело, однако, заключается не только и даже не столько в новых идеях теоретиков-экономистов. Сам мировой опыт демографической и семейной политики, накопленный в последние полвека и существенно обогащенный двумя последними десятилетиями, подталкивает к непредвзятому, насколько это возможно, анализу сильных и слабых сторон государственного патернализма в демографической сфере. Такому анализу и посвящен настоящий доклад, основные положения которого состоят в следующем.

1. Большее или меньшее участие государства в демографической сфере обусловлено как масштабами участия государства в перераспределении доходов, так и господствующими в обществе нормативными представлениями о взаимоотношениях семьи и государства. И те, и другие подвержены сильной зависимости от колеи (*path dependence*). То, что «планово-административная» система ушла, а государственный патернализм в демографической сфере остался, представляется поэтому вполне закономерным.

2. XXI в. проходит под знаком наступления государственного патернализма в демографической сфере не только в России, но и в Швеции, цитаделью которого она, впрочем, всегда и являлась, Норвегии, ФРГ, Японии, Южной Корее, Польше, Венгрии. Яркими примерами являются «отцовские квоты» родительского отпуска, мягко «подталкивающие» отцов к большему участию в семейных делах.

3. Отношение к государственному суверенитету и национальной идентичности в XXI в. вновь стало одним из основных внутри- и внешнеполитических водоразделов. То, что государственный патернализм в демографической сфере торжествует по обе стороны этих водоразделов, свидетельствует о его высокой политической и, в частности, электоральной функциональности.

4. Позитивным эффектом государственного патернализма в демографической сфере является то, что он, независимо от его влияния на рождаемость, улучшает условия жизни семей с детьми.

5. Государственный патернализм отнюдь не исключает участия негосударственных как коммерческих, так и некоммерческих организаций в решении демографических проблем страны. Напротив, одним из элементов государственного патернализма в данной сфере является поощрение деятельности таких организаций.

6. Существенное снижение суммарных коэффициентов рождаемости для условного поколения (далее — СКР) в странах Северной Европы и Франции в 2010-е гг. свидетельствует о том, что возможности демпфирования последствий экономических кризисов методами семейной политики ограничены.

7. В «фамилистских» обществах Южной Европы, Японии и Южной Кореи, традиции которых не предусматривали активной помощи государства семье, СКР не свойственны сильные флюктуации. Значения этих коэффициентов на протяжении последних лет стабильно остаются одними из самых низких в мире. В странах, проводящих государственную политику, явно или имплицитно направленную на повышение рождаемости, ее уровень выше, чем в фамилистских обществах, однако наблюдаются сильные флюктуации СКР. Триггерами таких флюктуаций оказываются, с одной стороны, меры стимулирования рождаемости, приводящие к росту СКР, с другой — экономические кризисы: в Швеции кризис 1990-х гг. и «великая рецессия», в России — трансформационный спад 1990-х гг. и экономический спад 2015 г.

8. Государственный патернализм в сфере рождаемости продуктивен до тех пор, пока остается «мягким», т.е. опирается на материальную поддержку государством семей с детьми и убеждение. «Жесткий» тоталитарный государственный патернализм в данной сфере контрпродуктивен. Примеры — Румыния времен Н. Чаушеску и современная Польша, в которой, несмотря на запрет абортов, уровень рождаемости остается одним из самых низких в Европе.

9. Полномасштабной конструктивной альтернативы «мягкому» государственному патернализму в сфере рождаемости в мире пока не просматривается. Идея о том, что «естественная семья» способна без помощи со стороны государства обеспечить простое воспроизводство населения, потерпела, как показывает опыт стран Южной Европы, ФРГ, Японии и Южной Кореи, историческое поражение. ФРГ, Япония и Южная Корея, отказавшись от надежд на «естественную семью», начали развивать семейную политику по скандинавскому образцу. Неудачный (возможно, только пока) в демографическом отношении опыт импорта скандинавской модели семейной политики в Южную Корею и Японию показывает, что успехи и неудачи государственных мер, направленных на повышение рождаемости, находятся в сильной зависимости от специфики институциональной структуры общества, отличающейся высокой инерционностью. Опыт США в силу его уникальности вряд ли воспроизводим в массовых масштабах за их пределами, что, однако, не исключает частичного применения его отдельных элементов, прежде всего — развития рынка негосударственных услуг по уходу за детьми.

10. Резервы эффективности государственной демографической политики в России следует искать в ее адаптации к региональной специфике и потребностям различных социально-демографических и социально-культурных групп населения.

Список литературы

1. *Капелюшников Р. И.* Поведенческая экономика и новый патернализм: препринт. WP3/2013/03/. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Kapeljushnikov R. I.* Povedencheskaja jekonomika i novyj paternalizm: preprint. WP3/2013/03/. — M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2013.

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич
чл.-корр. РАН, д.э.н., профессор,
директор Института демографических исследований ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия.
E-mail: riazan@mail.ru

ВКЛАД ИММИГРАЦИИ В РЕШЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ РОССИИ[1]

Ключевые слова: иммиграция, соотечественники, демографическое развитие, миграционная политика, России.

Коды JEL: J15, J60

Иммиграция играет исключительную роль в формировании населения России в постсоветский период, в 1992–2017 гг. компенсировав более 70% естественной убыли населения (суммарный миграционный прирост составил 9,4 млн человек). Иммиграция для России стала своеобразной «подушкой демографической безопасности». При этом российская миграционная политика отличается непоследовательностью, а порой вступает в полное противоречие с демографической ситуацией в стране. Концептуальные положения миграционной политики существенно расходятся с практикой реализации на уровне миграционных процедур, в результате миграционная политика носит ограничительный характер, а порой является просто жесткой в отношении иммигрантов. Например, процедуры приема в гражданство постепенно ужесточались, достигнув бюрократического апогея в 2002 г., когда был принят новый закон о гражданстве.

[1] Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного Советом по грантам Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации (грант № НШ-2631.2020.6).

И в настоящее время, несмотря на некоторые послабления для отдельных категорий иммигрантов, политика предоставления РВП, ВНЖ и гражданства иностранцам остается в России достаточно забюрократизированной и жесткой.

В 2007 г. в России стартовала первая и пока единственная государственная программа стимулирования возвращения соотечественников. Благодаря программе около 826 тыс. человек приехали в страну. Скорее всего еще больше иммигрантов приехали в Россию, минуя данную государственную программу. Например, по примерным оценкам, только за четыре года (2014–2017 гг.) Россия приняла более 1 млн выходцев из Украины, главным образом этнических русских или представителей смешанных семей. Первоначально процедуры их натурализации в России были упрощены специальным распоряжением Президента РФ, но затем, к концу 2016 г., преференции снова сошли на нет. Столь непоследовательные шаги миграционной политики отнюдь не способствовали выходу страны из депопуляции и шли вразрез с идей наращивания демографического потенциала, декларированной на официальном уровне.

Следует отметить, что в настоящее время Россия крайне слабо использует потенциал иностранных студентов, которые во время учебы и после окончания вузов могли бы пополнить молодежную когорту населения. Также категория трудовых мигрантов, которых в России, по разным оценкам, до 2–2,5 млн человек, пока не рассматривается официальной миграционной политикой как демографический резерв. На пути их натурализации существует колоссальное количество бюрократических препон и ограничений, а повседневная жизнь в России характеризуется постоянным пребыванием мигрантов под прессом проверок и давления представителей силовых структур. В результате иностранные трудовые мигранты и студенты из стран-доноров постепенно переориентируются на новые направления миграции. Например, выходцы из Украины и Молдовы переориентировались на страны Южной, Западной и Восточной Европы. Выходцы из Центральной Азии предпочитают теперь Турцию, Корею, Японию, США, страны Персидского залива. В регионе Центральной Азии возрастает конкуренция за трудовые ресурсы и студентов, в которую активно включились Япония, Южная Корея, Турция. В странах региона были открыты специальные центры подготовки трудовых мигрантов, развивается сеть агентств и рекрутинговых центров. Россия, несмотря на политические декларации и инерционность миграционных процессов в свою пользу, пока существенно проигрывает в эффективности внешней миграционной политики в части организованного привлечения мигрантов и студентов.

В 2019 г. Президент В. В. Путин дал поручение реформировать и сделать более лояльным к иностранцам миграционное законодательство, в том числе в части представления добропорядочным мигрантам россий-

ского гражданства. Меры упрощения миграционных процедур в этой части в стране не просто назрели, а даже перезрели. Реализация подходов, предложенных Президентом и озвучиваемых ранее многими экспертами и учеными, может помочь привлечь в страну трудоспособное, молодое, адаптивное население, заселить некоторые населенные пункты, пополнить численность населения регионов, стимулировать развитие бизнеса.

6 марта 2020 г. Президент утвердил перечень поручений по вопросам реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. С ключевым посылом документа следует полностью согласиться: *«Точечные изменения миграционного законодательства, а равно ужесточение юридической ответственности не приведут к качественному улучшению состояния миграционной сферы»* [Перечень поручений..., 2020].

В условиях современной депопуляции России требуется привлечение населения, прежде всего русскоязычного из стран-соседей, а также тех мигрантов, которые готовы работать, учиться и хотят жить в России. Исходя из этого посыла меры должны быть направлены на то, чтобы люди хотели приехать в Россию и остаться в ней жить постоянно, были готовы связать с ней свою жизнь и будущее своих детей.

В концептуальные положения российской миграционной политики целесообразно включить такие позиции, как приглашение русских и русскоязычного населения, добропорядочных и активных людей приезжать работать, делать бизнес, учиться и жить в Россию. То есть необходимо декларировать более открытую и привлекательную миграционную политику. Чтобы реализовать такую политику, нужна не силовая, а гражданская структура — Министерство миграции и натурализации (Миграционная служба). Без создания самостоятельного ведомства решить концептуально задачу вывода миграции из силового пространства и привлечения иммигрантов в Россию не получится. В предложенных Президентом мерах, к сожалению, снова доминирует силовой раздел (Раздел IV. Совершенствование механизмов обеспечения безопасности и правопорядка в миграционной сфере), который занимает значительный объем в документе, пожалуй, больший, чем, все остальные. В документе преобладают силовые формулировки: «проверять», «контролировать», «депортировать» [Перечень поручений..., 2020].

Необходима информатизация миграционных процедур — чем меньше мигрантам придется общаться с чиновниками, тем меньше будет коррупции и произвола в миграционной сфере. Мигранты должны подавать документы в электронном виде на основе единой информационной платформы (портала услуг) и не зависеть от мнения конкретного чиновника. Ключевой проблемой положения мигрантов в России является неадекватная времени система регистрации. Регистрация должна не зависеть

от собственника жилья и должна статья уведомительной. Без этой меры властям не удастся вывести в легальное пространство значительные категории мигрантов в России. Но для этого необходимо упрощение регистрационных процедур, а в идеале перевод регистрации в уведомительную форму, амнистирование иммигрантов, которые стали невольными заложниками неразумных регистрационных процедур и бюрократии.

Разумно, что постоянное проживание (вид на жительство) станет основным миграционным статусом, позволяющим иностранцу претендовать на получение гражданства РФ в общем и упрощенном порядке. Разрешение на временное проживание как отдельный миграционный статус в России, являющийся ступенью перед получением вида на жительство и предоставляемый в рамках выделяемых квот, исключается. Вызывает беспокойство изменение правового положения иммигрантов, которые в настоящее время имеют разрешение на временное проживание. Безусловно, этим людям необходимо предоставить вид на жительство. Кроме того, важно давать вид на жительство студентам, завершившим обучение в российских университетах. Они представляют собой демографический, интеллектуальный и трудовой ресурс для России.

Предлагается установить три вида порядка приема иностранцев в гражданство РФ: общий, упрощенный и особый. В общем порядке дополнительно предлагается введение особого порядка оценки претендентов на получение гражданства РФ на уровне субъекта, хотя решение будут принимать МВД России и его территориальные органы. К сожалению, это не решает проблемы снятия давления силового поля на принятие решения о предоставлении иностранцу российского гражданства. В принятии решения также должны участвовать работодатели и представители общественности, которые реально знают мигранта. Аналогично в упрощенном порядке предоставления гражданства нужно предусмотреть участие представителей общественности, которые знают лично мигранта.

Гражданство РФ инвесторам и бизнесменам должно предоставляться в упрощенном порядке при соблюдении условий вклада в экономическое развитие (создание рабочих мест, покупка недвижимости и акций, инвестиции в бизнес, развитие предпринимательства и пр.).

В современных условиях России необходимо увеличить вклад миграционной компоненты в демографическую динамику. Расчеты численности русских, проживающих в странах нового зарубежья, показывают, что там может быть не более 13–14 млн человек. Наибольшее их количество приходится на Казахстан и Украину. К сожалению, эти миллионы никак нельзя рассматривать как российский миграционный потенциал. Это связано с их социально-демографическим составом. Со времени распада Советского Союза уже прошло почти тридцать лет. За это время у русского населения, проживающего в странах нового зарубежья, ро-

дились миллионы детей, социализация которых проходила уже в новых условиях. К тому же и родившиеся в 1980-е гг. тоже социализировались не только в советских условиях. Среди наиболее активных трудоспособных возрастов, т.е. лиц в возрасте 20–40 лет, абсолютное большинство составляют те, кто родился не в России, а в государствах своего постоянного проживания. Их может быть примерно 35–40% во всем русском населении, а вместе с теми, кому нет еще 20 лет, их как минимум 3/5. Реальная величина миграционного потенциала может составлять 2–4 млн человек [Демографическая ситуация..., 2019, с. 37].

В настоящее время миграция представляет собой наиболее реальный и значимый компонент для пополнения численности населения в отдельных регионах и для страны в целом. И при разумной миграционной политике и эффективной интеграционной политике страна может получить значительный человеческий и трудовой потенциал из числа иммигрантов. К сожалению, в перечне поручений Президента России нет позиции о необходимости развития такого направления интеграционной политики, как бесплатные курсы русского языка для мигрантов. Это социальный проект для страны и необходимое условие их успешной интеграции в российское общество!

Список литературы

1. Демографическая ситуация в России: новые вызовы и пути оптимизации: национальный демографический доклад / под ред. чл.-корр. РАН, д.э.н. С. В. Рязанцева. — М.: Экон-Информ, 2019. URL: http://xn--h1aauh.xn--p1ai/wp-content/uploads/2019/06/%D0%9D%D0%B0%D1%86%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B423%D0%BC%D0%B0%D1%8F2019%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3.pdf
2. Перечень поручений по вопросам реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, 2020. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62960

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Demograficheskaja situacija v Rossii: novye vyzovy i puti optimizacii: nacional'nyj demograficheskij doklad / pod red. chl.-korr. RAN, d.je.n. S. V. Rjazanceva. — M.: Jekon-Inform, 2019. URL: http://xn--h1aauh.xn--p1ai/wp-content/uploads/2019/06/%D0%9D%D0%B0%D1%86%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B423%D0%BC%D0%B0%D1%8F2019%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3.pdf
2. Perechen' poruchenij po voprosam realizacii Koncepcii gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na 2019–2025 gody, 2020. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62960

РОЖДАЕМОСТЬ, СЕМЬЯ, РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

АНДРЕЕНКОВА Анна Владимировна
д.соц.н., зам. директора
Института сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ),
Москва, Россия.
E-mail: anna.andreenkova@cessi.ru

МЕЖСТРАНОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ВОСПРИЯТИИ «КАЛЕНДАРЯ ЖИЗНИ» И ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ[1]

Ключевые слова: календарь жизненных событий, временная периодизация жизни, возрастные социальные нормы, маркеры возрастных этапов жизни, стандартизация жизненного пути, межстрановые сравнения, Европейское социальное исследование (ESS).

Коды JEL: I12, J11, J13, Z13

Глобальные трансформации в структуре населения европейских обществ, образе жизни, формах семьи, реконфигурация межгендерных и межпоколенных отношений, а также рост географической мобильности и миграции, которые происходят на фоне экономического кризиса и продолжающейся глобализации и диджитализации социальной и экономической жизни, ведут к изменениям в построении жизненного пути людей, а также в субъективном восприятии возраста, сроков и последовательности жизненных событий. Планирование жизни стало важной частью жизни во многих современных обществах, а способность строить планы часто рассматривается как ключевая детерминанта успешного течения жизни и благополучия [Носкова, 2017]. Показатели субъективного «календаря

[1] Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-011-00999 «Структура ценностей, взглядов и нормативных установок, образ жизни и поведение россиян в первые двадцать лет XXI века — Седьмая волна Российского социального исследования (РСИ) по Программе международного сравнительного исследования European Social Survey — ESS».

жизни» существенно обогащают базовую демографическую статистику и экономические показатели жизни людей [Billari, 2015]. Международные исследования жизненного цикла современного человека и ценностно-нормативных регуляторов, определяющих характер изменений в календаре событий в жизни, стали активно проводиться лишь в последнее десятилетие и носят мультидисциплинарный характер.

Основываясь на теории о взаимосвязи демографического поведения и культурно-нормативных представлений [Elder, Giele, 2009; Heinz, Huinink, Weymann, 2009; Mayer, 2009] и «культурной сегментации жизни» [Hagestad, Neugarten, 1985], можно предположить существование довольно больших различий в реальной хронологии жизненных событий и в ценностно-нормативных представлениях о возрасте между разными частями Европы (Южной, Северной, Восточной и Западной), а также Россией, которые находятся на разных стадиях модернизации, различаются по структуре семейно-брачных отношений и ролей, демографической политике. Некоторые исследователи выдвигают гипотезы о тренде к увеличению стандартизации возрастных границ разных жизненных событий внутри отдельных обществ и в европейских обществах в целом [Brückner & Mayer, 2005; Scherger, 2009; Settersten, 2015]. Но существуют основания и для противоположной тенденции к постепенной диверсификации реализуемых и ожидаемых возрастных границ [Newman, 2008], а также неравенству возрастных норм и их зависимости от социальных характеристик людей: пола, расы, национальности и социального класса внутри конкретного общества [Scherger, 2009].

Для проверки этих гипотез с помощью эмпирических сравнительных межстрановых данных мы используем модуль «Временные этапы жизни» Российского социального исследования по программе Европейского социального исследования (ESS). Данные собраны на основе репрезентативных национальных опросов населения 15 лет и старше в 25 странах Европы и в России в 2006 и в 2018–2019 гг. (подробное описание методологии этого исследования см. на английском языке: www.europeansocialsurvey.org и на русском языке: www.ess-ru.ru).

Анализ данных показывает, что жизненный путь европейцев в послевоенное время (основную часть населения в выборках опроса составляют люди, рожденные между 1940 и 1990 гг.) довольно высоко стандартизирован (рис. 1). Несмотря на разнообразие жизненных стилей, свободу выбора и различные траектории жизни, которые стали возможными для людей в современных обществах, не ограниченных жесткими узкогрупповыми, корпоративными или религиозными требованиями и запретами, разнообразие «календаря жизни» европейцев очень невелико, основные жизненные события происходят на определенном и довольно ограниченном интервале времени. Особенно велика стандартизация жизни на этапе взросления. В среднем возрастная вариативность каждого жизненного

этапа (первая работа, начало жизни с партнером, брак, первый ребенок, последний ребенок, появление внуков) находится в интервале ±4 года. Исключения составляют такие жизненные события, как уход из родительского дома и начало самостоятельной жизни (возрастной интервал для этого события шире и составляет ±8 лет) и окончание трудовой деятельности (±6 лет).

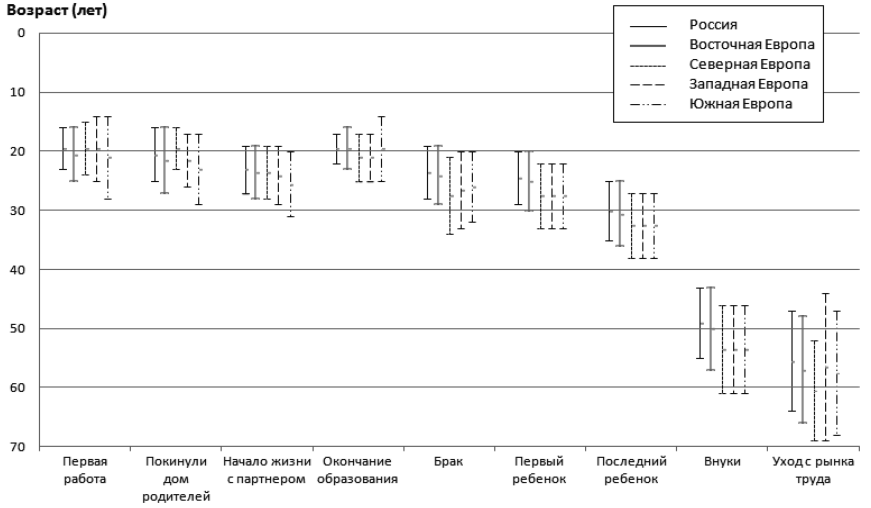

Рис. 1. Возраст разных этапов жизненного пути в России в сравнении с другими частями Европы

Примечание. Каждый интервал — среднее значение по возрасту, когда респонденты проходили этот этап в своей жизни, по всей выборке ± стандартное отклонение (Mean+-stdv). Регионы Европы: в Северную Европу включены Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия; в Южную — Испания, Кипр, Португалия; в Восточную — Эстония, Латвия, Польша, Венгрия, Словения, Словакия; в Западную — все остальные страны Европы.

Межстрановые различия в возрастных границах основных жизненных событий существуют, но они менее значительны, чем можно ожидать на основе существующих теорий. Основные жизненные события в России сдвинуты к нижней возрастной границе в среднем на 2–3 года, т.е. происходят в более молодом возрасте, чем в большинстве других стран Европы. Социальная дифференциация возрастных границ жизненных событий в России несколько меньше, чем в других регионах Европы, за исключением Северной Европы. Возрастные границы жизненных событий в России очень схожи со странами Восточной Европы: разница в средних значениях и стандартном отклонении наступления большинства жизненных событий находится в пределах одного года. В Западной, Южной и Северной Европе средние возрастные границы разных собы-

тий сдвинуты в сторону более старшего возраста в среднем на 3–4 года по сравнению с Россией.

Внутристрановое и межстрановое сходство возрастных этапов жизненного пути людей, стандартизация жизни, может происходить из-за сходства институциональной и юридической среды, формальной регламентации многих этапов жизни в современных обществах, а также из-за сходства в ценностно-нормативных представлениях о возрасте.

Данные РСС на базе ESS показывают, что различия в нормативных представлениях о возрастной периодизации жизни между Россией и другими частями Европы больше, чем различия в наступления этих событий в реальной жизни европейцев. Это касается и представлений о границах основных жизненных этапов (взросления, наступления среднего возраста и старости), и событийных маркеров этих этапов, и взглядов на идеальный возраст наступления разных событий и возрастные пределы этих событий. Несмотря на существование таких различий, они носят количественный, но не качественный характер и скорее говорят об общем ценностно-культурном сходстве, хотя и не идентичности, россиян и европейцев в отношении представлений о возрасте и этапах жизненного пути (табл. 1).

Россияне склонны относить все основные события жизни на более молодой возраст (в среднем на 1–2 года), а также концентрировать события на более коротком временном отрезке, чем жители других частей Европы. В результате событийная жизнь россиянина выглядит короче, чем жизнь людей в других странах. Наибольшие межстрановые различия проявляются в отношении определения возраста зрелости и старости: возрастная граница зрелости, по мнению россиян, почти на 3 года меньше, чем в большинстве других европейских стран, «старости» — почти на 4 года. Ближе всего нормативно-ценностные представления россиян о возрасте со странами Центральной, Восточной и Северной Европы — схожесть очень велика и находится в пределах различий в средних значениях в 1–2 года, различия с Южной Европой более существенны. Исключение составляют представления об идеальном времени окончания трудовой деятельности и образования. В России идеальный возраст окончания трудовой деятельности в среднем составляет 56,8 года, что на 4–6 лет меньше (моложе), чем в большинстве других стран Европы. Идеальный возраст окончания образования в России, напротив, выше (старше), чем в среднем в Европе, и составляет в среднем 21 год, в Европе — 17–19 лет. Определенную особенность составляют субъективные верхние возрастные границы жизненных событий — рождения детей, окончания трудовой деятельности, — в России они значимо сдвинуты в сторону молодых возрастов.

Кластерный анализ показывает, что в отношении событийных маркеров взросления Россия относится к группе, которую составляют страны Южной и частично Восточной Европы, где семейные отношения и семейная жизнь доминируют над событиями образовательной и трудовой жизни.

Таблица 1

Нормативные возрастные представления о событийных этапах жизни в России и в Европе

	Россия		**Восточная Европа**		**Северная Европа**		**Западная Европа**		**Южная Европа**	
	Mean	stdv	Mean	stdv	Mean	stdv	Mean	stdv	Mean	stdv
Возрастная граница **взрослости** (когда человека можно считать взрослым)	21,3	4,5	21,9	5,2	20,9	4,9	20,4	4,8	20,6	4,9
Возрастная граница **зрелости** (когда человека можно считать вступившим в средний возраст)	39,5	7,0	42,4	7,3	44,7	7,0	41,7	9,1	40,5	12,0
Возрастная граница **старости** (когда человека можно считать старым)	64,9	8,9	66,2	8,8	69,4	8,1	69,9	8,8	69,5	7,9
Нижняя возрастная граница для окончания **обучения** («слишком молод для этого»)	21,0	6,0	18,1	3,8	19,5	4,7	17,4	3,3	19,0	4,6
Верхняя возрастная граница, чтобы **оставаться в родительском доме** («слишком поздно»)	23,7	5,4	29,2	6,9	25,9	5,9	28,5	6,1	29,7	5,8
Идеальный возраст, чтобы начать **жить с партнером**	21,6	3,4	23,1	3,6	21,7	3,5	22,9	3,8	24,2	3,9
Нижняя возрастная граница начала **жизни с партнером** («слишком рано»)	18,3	2,4	18,6	2,6	18,4	2,6	18,7	2,7	19,5	3,3
Идеальный возраст для вступления **в брак**	24,0	3,5	25,3	3,5	25,9	3,8	26,6	3,8	27,0	4,0
Нижняя возрастная граница для **брака** («слишком рано»)	19,3	2,9	19,5	3,0	19,8	3,1	20,0	3,3	20,4	3,6

Окончание табл. 1

	Россия		**Восточная Европа**		**Северная Европа**		**Западная Европа**		**Южная Европа**	
	Mean	stdv	Mean	stdv	Mean	stdv	Mean	stdv	Mean	stdv
Идеальный возраст, чтобы **завести детей**	25,3	3,7	26,1	3,5	26,7	3,7	27,6	3,8	28,1	3,9
Нижняя возрастная граница, чтобы **завести детей** («слишком рано»)	20,0	3,4	19,8	3,5	20,0	3,3	20,2	3,7	20,7	4,2
Верхняя возрастная граница, чтобы завести (еще) **детей** («слишком поздно»)	44,9	7,4	45,6	7,4	46,4	7,8	45,9	7,4	44,7	6,8
Идеальный возраст, чтобы перестать **работать**	56,8	5,3	59,7	5,6	64,3	3,8	61,9	5,4	61,2	5,3
Нижняя возрастная граница, чтобы перестать **работать** («слишком рано»)	49,6	7,3	51,8	7,9	55,0	8,8	51,5	9,7	50,5	10,0
Верхняя возрастная граница, чтобы перестать **работать** («слишком поздно»)	55,3	7,8	61,8	7,2	67,1	6,9	63,0	7,7	60,7	7,8

Нормативное восприятие жизненного пути, а также хронология реальных событий жизни гендерно дифференцированы как в России, так и в Европе в целом, хотя различия и не стоит преувеличивать. В представлении россиян, все жизненные события у мужчин относятся к более позднему возрасту, чем у женщин, — взросление, возраст брачности, рождения детей, более длительный срок трудовой деятельности и возможности заводить детей. Подобный результат был получен уже в исследовании 2006 г. [Захаров, 2009] и остается стабильным и почти через десятилетие.

Большинство и россиян, и европейцев имеют вполне четкое представление о возрастных нормах — их границах и идеальном временном сроке. Доля тех, кто не смог определиться с ответами на эти вопросы, во всех странах не очень значительна. Наибольшее согласие и определенность проявляются в возрастных нормативных представлениях европейцев о начале семейной жизни (подавляющее большинство опрошенных называют идеальный возраст разных событий, а также границы этих событий в рамках очень узкого интервала — стандартное отклонение от среднего значения по выборке составляет 3–4 года). В наименьшей степени определены и согласованы возрастные нормы и пороги старости.

Динамический временной анализ показывает, что между двумя периодами измерений (2006 и 2018–2019 гг.) наметилась тенденция к постепенному повышению возраста всех жизненных событий в среднем на 1 год, но при этом дифференцированность мнений остается на прежнем уровне. Претерпевают постепенные изменения возрастные нормы образования супружеских связей — более широким стал возрастной интервал идеального возраста для начала самостоятельной жизни с партнером и вступления в брак.

За последнее десятилетие наметилась тенденция к конвергенции в идеально-нормативных моделях жизни молодых поколений россиян и европейцев, ослаблению строгих возрастных норм и расширению возрастных пределов разных этапов жизни. Однако насколько устойчивым будет этот процесс и насколько быстро он будет протекать — покажут дальнейшие исследования.

Список литературы

1. *Захаров С. В.* Ценностно-нормативные «расписания» человеческой жизни: представления жителей разных стран о том, когда девушка становится взрослой / Россия в Европе, под ред. А. В. Андреенковой, Л. А. Беляевой. — М.: Acamedia, 2009. — С. 347–380.
2. Методология Российского социального исследования на базе ESS. URL: www.ess-ru.ru (дата обращения: 05.08.2020).
3. *Носкова А. В.* Меняющиеся семейные отношения — гендер и поколения // Социологические исследования. — 2017. — № 2. — С. 158–160.
4. *Billari F. C.* Integrating macro- and micro-level approaches in the explanation of population change // Population Studies. — 2015. — 69(S1). —P. 11–20.

5. *Brückner H., Mayer K.* De-Standardization of the Life Course: What it Might Mean? And if it Means Anything, Whether it Actually Took Place? // Advances in Life Course Research. — 2005. — № 9. — P. 27–53.
6. *Elder G. H. Jr., Giele G. Z.* (eds.). The Craft of Life Course Research. — New York: Guilford Press, 2009.
7. *Hagestad G. O., Neugarten B. L.* Age and the Life Course / Handbook of Aging and the Social Sciences. Eds. Binstock R., Shanas E. New York: Van Nostrand Reinhold Company, 1985. — P. 46–61.
8. *Heinz, W. R., Huinink J., Weymann A.* (eds.). The Life Course Reader: Individuals and Societies Across Time. — Frankfurt and New York: Campus Verlag, 2009.
9. *Mayer K. U.* New Directions in Life Course Research // Annual Review of Sociology. — 2009. —35(1). — P. 413-33.
10. *Newman K. S.* Ties That Bind: Cultural Interpretations of Delayed Adulthood in Western Europe and Japan // Sociological Forum. — 2008 Dec. — Vol. 23, № 4. — P. 645–669.
11. *Scherger S.* Cultural practices, age and the life course // Cultural Trends. —2009. — № 18. — P. 23-45.
12. *Settersten R. A., Gunhild J., Hagestad G. O.* Subjective Aging and New Complexities of the Life Course // Annual Review of Gerontology and Geriatrics. — 2015. — № 35(1). — P. 29–53.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Zaharov S. V.* Cennostno-normativnye «raspisanija» chelovecheskoj zhizni: predstavlenija zhitelej raznyh stran o tom, kogda devushka stanovitsja vzrosloj / Rossija v Evrope, pod red. A. V. Andreenkovoj, L. A. Beljaevoj. — M.: Acamedia, 2009. — S. 347–380.
2. Metodologija Rossijskogo social'nogo issledovanija na baze ESS. URL: www.ess-ru.ru (data obrashhenija: 05.08.2020).
3. *Noskova A. V.* Menjajushhiesja semejnye otnoshenija — gender i pokolenija // Sociologicheskie issledovanija. — 2017. — № 2. — S. 158–160.

ЗЕЛЬНИЦКАЯ Елизавета Николаевна
студентка программы PhD in Economics, CERGE-EI,
Прага, Чехия.
E-mail: elizezeln@gmail.com

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ОТКЛАДЫВАНИЯ РОЖДЕНИЯ ПЕРВОГО РЕБЕНКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: рождаемость, календарь рождений, откладывание первых рождений, второй демографический переход.

Коды JEL: J11, J13

В работе количественно оценивается влияние социально-экономических характеристик женщин на откладывание рождений первого ребенка в Российской Федерации, а также выявляется характер тенденции к откладыванию первых деторождений в Российской Федерации: краткосрочное — как следствие экономических кризисов, произошедших в Российской Федерации в 2000–2017 гг., или долгосрочное — как признак второго демографического перехода, обусловленное изменением культурных и социальных норм в обществе.

В России наблюдается тенденция к откладыванию рождения первого ребенка, что приводит к откладыванию рождения последующих детей и общему снижению рождаемости. О наличии такой тенденции свидетельствуют данные [Хасанова и др., 2019; Захаров, 2016] по динамике среднего возраста матери в Российской Федерации, согласно которым с 1995 по 2017 г. средний возраст матери при рождении первого ребенка вырос с 22,7 до 25,8 года.

В литературе наблюдается два основных направления исследований факторов, влияющих на откладывание рождения первого ребенка, — изучение экономических факторов, влияние которых может усиливаться во время экономических кризисов, и социокультурных факторов, в частности — второго демографического перехода, т.е. изменения социальных норм в обществе, способствующего снижению рождаемости ниже уровня, необходимого для воспроизведения населения, и в том числе способствующего росту среднего возраста матери при рождении первого ребенка. При принятии решения о том, в каком возрасте рожать детей, женщины сравнивают потенциальные выгоды и издержки, сопряженные с рождением детей, и выбирают момент с максимальной отдачей от рождения ребенка [Pestieau, Ponthiere, 2013; Wolfe et al., 2007]. В статье М. Буркимшера [Burkimsher, 2015] говорится, что фактором, влияющим на принятие решения о рождении ребенка для матери, является доступность работы и величина отдачи от нее. Образование матери может повлиять на ее заработную плату и возможности карьерного роста, поэтому более высокий уровень образования в среднем приводит к большему среднему возрасту матери при рождении ребенка [Бирюкова, Макаренцева, 2017; Amin, Behrman, 2014].

Согласно исследованиям [Lestaeghe, 2010; Van de Kaa, 2002], откладывание первых рождений может являться последствием второго демографического перехода — изменения социальных норм в обществе, способствующего снижению рождаемости до уровня ниже необходимого для воспроизведения населения в том числе за счет роста среднего возраста матери при рождении первого ребенка. По данным статей [Acs, 1996; Fernandez, Fogli, 2009], женщины определяют желаемое количество детей еще в раннем возрасте, причем данное количество во многом обусловлено социокультурной средой, в которой живет женщина, а именно

тем, сколько детей есть у ее родителей и сколько детей принято иметь в обществе, в котором она выросла. Откладывание рождения первого ребенка матерью может быть вызвано изменением в ценностях россиян: так, согласно исследованию [Бирюкова, Тындик, 2014], в России у женщин и мужчин до 25 лет распространены «браки вдогонку», заключающиеся уже после зачатия или рождения первого ребенка, а после 25 лет дети часто рождаются после заключения брака или с составлением совместного заявления родителей, также разница в возрасте родителей снижает вероятность их вступления в брак после рождения первого ребенка. Согласно статье А. Мироновой и В. Прокофьевой [Миронова, Прокофьева, 2018], в России изменяется структура семей и домохозяйств: число детей в семьях уменьшается, откладываются рождения детей у молодежи.

Таким образом, откладывание рождения первого ребенка в России может объясняться экономическими факторами, а также изменением социальных норм, при этом характер изменений откладывания деторождений в зависимости от преобладающей группы факторов будет разным — если экономические кризисы и негативные шоки материального благосостояния матери оказывают скорее краткосрочное влияние на ее решение о том, в каком возрасте родить первого ребенка, и поддаются внешнему воздействию с помощью мер, защищающих потенциальных матерей от негативных шоков материального благосостояния и увеличивающих их материальное благосостояние при рождении детей, то изменение социальных и культурных норм в обществе оказывает долгосрочный и устойчивый эффект, слабо поддающийся внешнему воздействию.

Для выявления характера откладывания первых рождений в Российской Федерации используется метод Кокса, позволяющий оценить риск рождения первого ребенка в различных возрастных интервалах при заданных социально-экономических характеристиках матери за год до рождения ребенка. Данный метод применяется с использованием панельных данных РЛМС НИУ ВШЭ[1] за 2000–2018 гг., позволяющих выявить в первую очередь влияние экономических характеристик на риск рождения ребенка в различных возрастах на индивидуальном уровне. Также по данным опроса «Человек, семья, общество»[2] за 2017 г. при помощи медианного сглаживания, одного из методов APC-анализа (age-period-cohort analysis), показаны эффекты по когортам и периодам, очищенные от иных эффектов и отделенные друг от друга медианным сглаживанием, на распределение первых рождений у женщин в возрастах до и после 28 лет, для женщин, родивших первого ребенка и достигших на момент 2017 г. 38 или 43 лет, в зависимости от рассматриваемой выборки.

---

[1] Источник: https://www.hse.ru/rlms/

[2] Источник: https://social.ranepa.ru/tsentry-i-instituty/institut-sotsialnogo-analiza-i-prognozirovaniya/issledovaniya/86-chelovek-semya-obshchestvo-2017

В данной работе было выявлено, что откладывание первых рождений в Российской Федерации обусловлено вторым демографическим переходом, т.е. изменением социальных норм, в том числе способствующим росту среднего возраста матери при рождении первого ребенка. По результатам APC-анализа было выявлено, что женщины все чаще предпочитают рожать в возрасте 28 лет и старше в обеих рассматриваемых выборках. По результатам регрессии Кокса выяснилось, что до 20 лет женщины рожают чаще, если они живут в селе, после 20 лет они рожают чаще, если у них есть работа, после 25 лет — если у них есть законченное высшее образование, тем самым урбанизация и рост получения высшего образования женщинами приводят к откладыванию первых рождений. Также было обнаружено, что риск рождения первого ребенка у женщин в возрасте 20–24 лет зависит от периода возможного рождения ребенка, т.е. в данном возрасте женщины чувствительны к экономической ситуации в стране при принятии решения о рождении первого ребенка.

Список литературы

1. *Бирюкова С. С., Макаренцева А. О.* Оценки «штрафа за материнство» в России // Население и экономика. — 2017. — Т. 1. — № 1. — С. 50–70.
2. *Бирюкова С. С., Тындик А. О.* Регистрация брака и рождение ребенка в биографии россиян: анализ данных текущей статистики // Демографическое обозрение. — 2014. — Т. 1. — № 3 (3).
3. *Захаров С. В.* Население России 2014: XXII ежегодный демографический доклад. — М.: Изд. дом ВШЭ, 2016.
4. *Миронова А. А., Прокофьева Л. М.* Семья и домохозяйство в России: демографический аспект // Демографическое обозрение. — 2018. — Т. 5. — № 2.
5. *Хасанова, Р. Р., Малева, Т. М., Мкртчян, Н. В., Флоринская, Ю. Ф.* Проактивная демографическая политика: 10 лет спустя. Эффекты, инструменты, новые цели. — М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019.
6. *Acs G.* The impact of welfare on young mothers' subsequent childbearing decisions // Journal of Human Resources. — 1996. — P. 898–915.
7. *Amin V., Behrman J. R.* Do more-schooled women have fewer children and delay childbearing? Evidence from a sample of US twins // Journal of Population Economics. — 2014. — T. 27. — № 1. — P. 1–31.
8. *Burkimsher M.* Europe-wide fertility trends since the 1990s: Turning the corner from declining first birth rates // Demographic Research. — 2015. — T. 32. — P. 621–656.
9. *Fernandez R., Fogli A.* Culture: An empirical investigation of beliefs, work, and fertility // American economic journal: Macroeconomics. — 2009. — T. 1. — № 1. — P. 146–77.
10. *Lesthaeghe R.* The unfolding story of the second demographic transition // Population and development review. — 2010. — T. 36. — № 2. — P. 211–251.
11. *Pestieau P., Ponthiere G.* Optimal fertility along the life cycle // Economic Theory. — 2014. — T. 55. — № 1. — P. 185-224.
12. *Van de Kaa D. J.* The idea of a second demographic transition in industrialized countries // Birth. — 2002. — T. 35. — P. 45.

13. *Wolfe B. et al.* Do youth nonmarital childbearing choices reflect income and relationship expectations? // Journal of Population Economics. — 2007. — Т. 20. — № 1. — P. 73–100.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Birjukova S. S., Makarenceva A. O.* Ocenki «shtrafa za materinstvo» v Rossii // Naselenie i jekonomika. — 2017. — T. 1. — № 1. — S. 50–70.
2. *Birjukova S. S., Tyndik A. O.* Registracija braka i rozhdenie rebenka v biografii rossijan: analiz dannyh tekushhej statistiki // Demograficheskoe obozrenie. — 2014. — T. 1. — № 3 (3).
3. *Zaharov S. V. N*aselenie Rossii 2014: XXII ezhegodnyj demograficheskij doklad. — M.: Izd. dom VShJe, 2016.
4. *Mironova A. A., Prokof'eva L. M.* Sem'ja i domohozjajstvo v Rossii: demograficheskij aspekt //Demograficheskoe obozrenie. — 2018. — T. 5. — № 2.
5. *Hasanova R. R., Maleva T. M., Mkrtchjan N. V., Florinskaja Ju. F.* Proaktivnaja demograficheskaja politika: 10 let spustja. Jeffekty, instrumenty, novye celi. — M.: Izd. dom «Delo» RANHiGS, 2019.

КАЛАБИХИНА Ирина Евгеньевна
д.э.н., профессор, зав. кафедрой народонаселения экономического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
E-mail: ikalabikhina@yandex.ru

АБДУСЕЛИМОВА Имилия Абдуселимовна
студентка магистратуры
МГУ имени М. В. Ломоносова, экономический факультет, Москва, Россия.
E-mail: abduselimova15@gmail.com

КЛИМЕНКО Герман Андреевич
студент магистратуры
МГУ имени М. В. Ломоносова, экономический факультет, Москва, Россия.
E-mail: german89000@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РОССИИ

Ключевые слова: высокоскоростной интернет, рождаемость, дистанционная занятость, работа и семья, RLMS.

Коды JEL: J11, J13, J16, J22, O33

Введение

Поведение различных социально-демографических групп в отношении рождаемости главным образом определяет демографическую ситуацию и характер воспроизводства населения. Сегодня продукты цифровой революции активно внедряются в модели поведения людей и определяют стиль повседневной жизни. Результатом развития сетевых технологий является интернет.

Появление интернета значительно повлияло на способы взаимодействия людей: он стал эффективным инструментом для поиска партнера [Rosenfeld, Thomas, 2012; Bellou, 2015] и для поддержания общения с семьей [Wajcman et al., 2008]. Высокоскоростной интернет также способствовал смягчению баланса семья-работа [Billari et al., 2019], создавая условия для дистанционных форм занятости [Dettling, 2017]. Опираясь на модель Т. Шультца [Schultz, 1986], такие свойства высокоскоростного интернета могут оказать значимое влияние на репродуктивное поведение женщин с высоким уровнем значения карьеры при распределении времени между работой (карьерой) и семьей. Так, исследование Биллари и коллег [Billari et al., 2019] показало, что использование высокоскоростной домашней интернет-технологии женщинами с высшим образованием привело к росту рождаемости в Германии — развитой стране с низким уровнем рождаемости.

Цель настоящей работы — анализ влияния доступа к высокоскоростному интернету на вероятность рождения ребенка на российских данных. Результаты данного исследования будут способствовать формированию представления о том, как внедрение новых информационных технологий в домашних хозяйствах влияет на демографические результаты в России.

Данные и методология

Для эмпирической части работы были использованы данные лонгитюдного обследования домохозяйств в рамках «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» за период с 2014 по 2018 г. Данное исследование ограничивается выборкой, состоящей из женщин репродуктивного возраста (15–49 лет). Итоговое количество наблюдений основной модели за 5 лет составило 4170 человеко-лет.

Основной стратегией в оценке влияния доступа к высокоскоростному интернету на рождаемость является использование моделей бинарного выбора (логит и пробит) с методом инструментальных переменных (IV). Выбор обусловлен бинарной структурой главной переменной интереса — рождение в течение последних 12 месяцев, а также предположением о наличии обратной причинно-следственной связи между переменными: вы-

сокоскоростной доступ в интернет и рождаемость. Вследствие наличия множества способов подключения к высокоскоростному интернету (фиксированный (через кабель и телефонную линию по технологии DSL) и мобильный (через технологии 3G и UMTS) доступы, а также Wi-Fi и WiMax мы предлагаем группу инструментальных переменных, которые объясняют разницу в доступности высокоскоростного интернета для респондентов: место проживания респондента (в региональном центре/иное) и различия в жилищной инфраструктуре (многоквартирный дом/частный дом). Также была сформирована переменная на основе экспертной оценки степени возможности удаленной занятости по профессиональной и отраслевой группам респондентов.

Основная регрессия (регрессия второго шага) имеет вид:

$$Birth_{it} = f(\alpha_0 + \beta_0 Hinternet_{it} + \gamma X_{it} + \varepsilon_{ist}), \quad (1)$$

где $Birth_{it}$ — основная зависимая переменная регрессии, собранная из информации о рождении ребенка в течение последних 12 месяцев. Переменная принимает значение 1 в случае, если женщина дала положительный ответ на вопрос о рождении ребенка в течение последних 12 месяцев, и 0 — иначе. $Hinternet_{it}$ — основная независимая переменная, которая несет в себе информацию о наличии/отсутствии у соответствующего респонденту домохозяйства доступа к высокоскоростному интернету. Переменная X_{it} представляет собой группу социально-экономических факторов, способных влиять на репродуктивное поведение.

На первом шаге мы оцениваем регрессию вида:

$$Hintermet_{it} = f(\alpha_1 + \beta_1 Center_{it} + \beta_2 Accommodation_{ist} + \delta X_{ist} + \mu_{it}), \quad (2)$$

где $Center_{it}$ и $Accommodation_{it}$ являются инструментальными переменными. Переменная X_{it} — см. уравнение (1).

Описание всех данных, используемых в исследовании, представлено в табл. 1.

Таблица 1

Используемые в работе переменные и их описание

Переменная	Название	Min	Max	Mean	Standard deviation
Переменные интереса					
Рождение в течение последних 12 месяцев	birth	0	1	0,053	0,225
Фактически отработанные часы в течение последних 30 дней	w_hours	0	432	127,4	80,3
Работа дома по основной работе в течение последних 30 дней	w_home	0	1	0,084	0,277

Окончание табл. 1

Переменная	Название	Min	Max	Mean	Standard deviation
Независимые переменные					
Доступ к высокоскоростному интернету	hinternet	0	1	0,729	0,445
Региональный центр	center	0	1	0,435	0,496
Проживание в многоквартирном доме	accommodation	0	1	0,533	0,499
Контрольные переменные					
Количество полных лет	age	15	49	36, 711	6,280
Имеет партнера	with_partner	0	1	0,871	0,336
Количество детей	child	0	8	1,698	0,868
Профессиональное образование	prof_educ	0	1	0,700	0,458
Работает	employed	0	1	0,770	0,421
Совокупный реальный доход домохозяйства	rincome	5584	537227	23621,8	16401,2
Рейтинг возможности удаленной работы	telework	0	5	2,107	1,635

Результаты исследования

По результатам исследования было выявлено, что доступ к высокоскоростному интернету оказывает значимое влияние на рождение ребенка только среди женщин в среднем и старшем репродуктивном возрастах. Данное влияние в большей степени наблюдается в случае принятия решения о рождении второго и последующих детей, хотя мы находим эффект и на рождение первого ребенка, но достаточно слабый, так как в России наблюдается низкий уровень бездетности и решение о рождении первого ребенка находится под влиянием меньшего числа факторов. В свою очередь, на решение о рождениях второго и более высокого порядка накладывается множество ограничений. Высокоскоростной интернет за счет неограниченного во времени и пространстве доступа к информации создает условия для совмещения профессиональной и семейной жизни, что способствует росту рождаемости за счет бóльших возможностей распределения трудового времени, тем самым улучшая баланс семья-работа. Было обнаружено, что высокоскоростной интернет влияет на решение баланса семья-работа для женщин с профессиональным образованием, которые имеют относительно больше возможностей иметь работу с возможностью перевода на частично удаленный формат.

Список литературы

1. *Bellou A.* The impact of Internet diffusion on marriage rates: evidence from the broadband market // Journal of Population Economics. — 2015. — Vol. 28. — № 2. — P. 265–297.
2. *Billari F. C., Giuntella O., Stella L.* Does broadband Internet affect fertility? // Population studies. — 2019. — Vol. 73. — № 3. — P. 297–316.
3. *Dettling L. J.* Broadband in the labor market: the impact of residential high-speed internet on married women's labor force participation // ILR Review. — 2017. — Vol. 70. — № 2. — P. 451–482.
4. *Rosenfeld M. J., Thomas R. J.* Searching for a mate: The rise of the Internet as a social intermediary // American Sociological Review. — 2012. — Vol. 77. — № 4. — P. 523–547.
5. *Schultz T. P.* The value and allocation of time in high-income countries: Implications for fertility // Population and Development Review. — 1986. — Vol. 12. — P. 87–108.
6. *Wajcman J., Bittman M., Brown J. E.* Families without borders: Mobile phones, connectedness and work-home divisions // Sociology. — 2008. — Vol. 42. — № 4. — P. 635–652.

КАРПОВА Вера Михайловна
к.с.н., старший преподаватель
кафедры социологии семьи и демографии,
социологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия.
E-mail: wmkarpova@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА СЕМАНТИЧЕСКОГО ДИФФЕРЕНЦИАЛА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК[1]

Ключевые слова: семантический дифференциал, репродуктивные установки, семейные ценности.

Коды JEL: J11, J12, J13

Метод семантического дифференциала изначально был разработан как психологический метод изучения семантического поля испытуемых

[1] Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976–2020 гг.)» № 18-011-01037.

и анализа их отношения к исследуемому объекту. Впервые данный метод был предложен Чарльзом Осгудом в 1952 г. и в дальнейшем получил широкое распространение как в психологических исследованиях [Александрова, Дерманова, 2018; Петренко, 1988], так и в смежных дисциплинах, например, для изучения восприятия предметов искусства [Антонов, 1998, с. 267], в лингвистике [Новиков, Новикова, 2011; Хотинец, Кожевникова, 2009]. Наряду с психологическими исследованиями данный метод активно применяется в социологических [Ляликова, 2015; Сикевич, 2016] и маркетинговых исследованиях [Павлов, 2012].

Суть метода семантического дифференциала заключается в оценке исследуемых понятий по набору биполярных шкал. Чаще всего используются 7-балльные шкалы от −3 до 3, где 0 характеризует нейтральное мнение и зачастую выступает в качестве логического аналога категории «затрудняюсь ответить». Варианты дальнейшего анализа полученных ответов весьма разнообразны, от исследования самой семантики понятия при помощи методов факторного анализа до измерения расстояния между различными понятиями в семантическом поле испытуемых, исчисляемое как евклидово расстояние в *n*-мерном пространстве, заданном числом биполярных шкал.

Использование метода семантического дифференциала для изучения репродуктивных установок было впервые предложено в 1976 г. А. И. Антоновым и с тех пор регулярно повторяется в исследованиях, проводимых под руководством А. И. Антонова [Антонов, 1998], что позволяет оценивать не только фактическое состояние семантического пространства респондентов, но и изучать его изменение как во времени, так и при смене поколений. Для изучения репродуктивных установок при помощи метода семантического дифференциала используются оценки по биполярным шкалам разных чисел детей в семье: 1 ребенок, 2 ребенка, 3 ребенка и т.д. Также для поляризации и определения размера семантического пространства часто в инструментарий исследования добавляют два эталона: позитивный — «дети» и негативный — «бездетная семья». В некоторых исследованиях дополнительно рассматривалось понятие «я» [Антонов, Жаворонков, Синельников и др., 2016], что позволяет не только определить семантическое поле респондента, но и точнее оценить его репродуктивные предпочтения и степень идентификации с тем или иным числом детей.

В ходе последней волны исследования СеДОЖ-2019, проведенной в 2018–2019 гг. [Антонов, Карпова, Ляликова и др., 2020], также был задан блок вопросов, в рамках которого респондентов просили произвести оценку понятий: бездетная семья, однодетная семья, двухдетная семья, трехдетная семья и «дети» по шести шкалам семантического дифференциала. Для первой количественной оценки репродуктивных установок разное число детей в семье сравнивается с положительным эталоном

«дети». Наименьшее расстояние в семантическом пространстве респондентов отмечается для пары «двухдетная семья — дети» (2,20, при максимально возможном расстоянии 14,6), и практически такая же величина для пары «трехдетная семья — дети» (2,22). Таким образом, можно утверждать, что респонденты ассоциируют практически в равной степени детей как с двумя, так и с тремя детьми. Любопытно, что расстояние в семантическом поле между однодетной семьей и категорией «дети» лишь немногим больше (3,49), что может показаться на первый взгляд нелогичным, так как один ребенок никак не может быть тем же, что и дети (во множественном числе). Однако столь близкие значения семантического дифференциала показывают, что в представлениях респондентов разница между этими понятиями не столь велика, как могло бы показаться исключительно исходя из соображений логики.

Ожидаемо наибольшее расстояние наблюдается между бездетностью и понятием «дети» (7,90). Однако стоит обратить внимание, что с течением времени это расстояние становится меньше: так, если в исследованиях 1976–1978 гг. величина СД между позитивным и негативным полюсами шкалы (дети — бездетная семья) были близки к максимально возможному (14,4), то сейчас расстояние сократилось почти вдвое (до 7,9). Такое сближение говорит о повсеместном распространении толерантности, все менее контрастном отношении к бездетному и детному образу жизни, в том числе практике чайлд-фри. С демографической точки зрения такое «схлопывание» семантического поля предрекает дальнейшее снижение репродуктивных установок, снижение ценности семейно-детного образа жизни и потенциально распространение бездетности как образа жизни, все меньше отличающегося в сознании людей от наличия даже нескольких детей.

Дополнительные возможности использования метода семантического дифференциала появляются при организации одновременного опроса обоих супругов в паре, когда один и тот же блок вопросов задается как мужу, так и жене. Здесь становится возможным сравнение ответов супругов, определение степени близости и корреляции их ответов, выявление специфики различий. Так, результаты парного опроса СеДОЖ-2019 показали, что наибольшие отличия в восприятии супругов наблюдаются для категории «бездетная семья» (СД = 5,00), далее следуют оценки однодетной семьи (3,61). Восприятие двухдетного образа жизни и общей категории «дети» среди супругов отличается в наименьшей степени (СД 3,00 и 2,89 соответственно) и вновь несколько нарастает к оценке трехдетной семьи (3,33). Такая закономерность связана с более высокими репродуктивными установками мужей.

Таким образом, использование метода семантического дифференциала для исследования репродуктивных установок не только дает возмож-

ность использовать различные эконометрические способы исследования столь сложно измеряемого показателя, но и позволяет минимизировать вероятность социально одобряемых ответов, так как оценка проводится для многих понятий по многим абстрактным шкалам.

Список литературы

1. *Александрова О. В., Дерманова И. Б.* Семантический дифференциал жизненной ситуации // Консультативная психология и психотерапия. — 2018. — Т. 26. — № 3. — С. 127—145.
2. *Антонов А. И.* Микросоциология семьи: учебник — М.: ИНФРА-М, 2018.
3. *Ляликова С. В.* О социологическом методе измерения внутрисупружеских отношений // Семья и социально-демографические исследования. Научный интернет-журнал. — 2015. — № 5.
4. *Новиков А. Л., Новикова И. А.* Метод семантического дифференциала: теоретические основы и практика применения в лингвистических и психологических исследованиях // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2011. — № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metod-semanticheskogo-differentsiala-teoreticheskie-osnovy-i-praktika-primeneniya-v-lingvisticheskih-i-psihologicheskih
5. *Павлов О. Ю.* Бренд-менеджмент: Глубинный семантический дифференциал бренда // КЭ. — 2012. — № 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/brend-menedzhment-glubinnyy-semanticheskiy-differentsial-brenda
6. *Петренко В. Ф.* Психосемантика сознания. — М.: Изд-во МГУ, 1988. — 480 с.
7. Семьецентризм: миф или реальность? Коллективная монография / Антонов А. И., Жаворонков А. В., Синельников А. Б., Новоселова Е. Н. и др.; гл. ред. Антонов А. И. — М.: Макс Пресс, 2016.
8. *Сикевич З. В.* Метод семантического дифференциала в социологическом исследовании (опыт применения) // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. — 2016. — Вып. 3. — С. 118–128.
9. *Хотинец В. Ю., Кожевникова О. В.* Психологические особенности освоения транскрипции удмуртами и русскими // Вопросы психологии: издается с 1955 года / ред. Е. В. Щедрина, А. Г. Асмолов. — 2009. — № 6 ноябрь-декабрь. — С. 97–109.
10. Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ-2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования / А. И. Антонов, В. М. Карпова, С. В. Ляликова и др. — М.: ООО «МАКС Пресс», 2020.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Aleksandrova O. V., Dermanova I. B.* Semanticheskij differencial zhiznennoj situacii // Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija. — 2018. — T. 26. — № 3. — S. 127–145.
2. *Antonov A. I.* Mikrosociologija sem'i: uchebnik — M.: INFRA-M, 2018.

3. *Ljalikova S. V.* O sociologicheskom metode izmerenija vnutrisupruzheskih otnoshenij // Sem'ja i social'no-demograficheskie issledovanija. Nauchnyj internet-zhurnal. — 2015. — № 5.
4. *Novikov A. L., Novikova I. A.* Metod semanticheskogo differenciala: teoreticheskie osnovy i praktika primenenija v lingvisticheskih i psihologicheskih issledovanijah // Vestnik RUDN. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika. — 2011. — № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metod-semanticheskogo-differentsiala-teoreticheskie-osnovy-i-praktika-primeneniya-v-lingvisticheskih-i-psihologicheskih
5. *Pavlov O. Ju.* Brend-menedzhment: Glubinnyj semanticheskij differencial brenda // KJe. — 2012. — № 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/brend-menedzhment-glubinnyy-semanticheskiy-differentsial-brenda
6. *Petrenko V. F.* Psihosemantika soznanija. — M.: Izd-vo MGU, 1988. — 480 s.
7. Sem'ecentrizm: mif ili real'nost'? Kollektivnaja monografija / Antonov A. I., Zhavoronkov A. V., Sinel'nikov A. B., Novoselova E. N. i dr. Gl. red. Antonov A.I. — M.: Maks Press, 2016.
8. *Sikevich Z. V.* Metod semanticheskogo differenciala v sociologicheskom issledovanii (opyt primenenija) // Vestnik SPbGU. Serija 12. Sociologija. — 2016. — Vyp. 3. — S. 118–128.
9. *Hotinec V. Ju., Kozhevnikova O. V.* Psihologicheskie osobennosti osvoenija transkripcii udmurtami i russkimi // Voprosy psihologii: izdaetsja s 1955 goda / red. E. V. Shhedrina, A. G. Asmolov. — 2009. — № 6 nojabr'-dekabr'. — S. 97–109.
10. Cennosti semejno-detnogo obraza zhizni (SeDOZh–2019): Analiticheskij otchet po rezul'tatam mezhregional'nogo sociologo-demograficheskogo issledovanija / A. I. Antonov, V. M. Karpova, S. V. Ljalikova i dr. — M.: OOO «MAKS Press», 2020.

КУБИШИН Елена Сергеевна
к.э.н., старший научный сотрудник,
Институт экономики РАН, Центр политики занятости
и социально-трудовых отношений,
Москва, Россия.
E-mail: kubishin48@gmail.com

РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОСКВИЧЕЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ИЗМЕНЕНИЯ

Ключевые слова: население, рождаемость, браки и разводы, репродуктивное поведение.

Коды JEL: J11, J12, J13, J18

В Указе Президента В. В. Путина «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21 июля 2020 г. для осу-

ществления прорывного развития страны в качестве одной из ключевых названа цель увеличения численности населения России. Приоритетность данной цели продиктована необходимостью всемерного развития человеческого потенциала страны, и в достижении этой цели важнейшую роль играет семья, ее репродуктивные планы, и прежде всего — семья городская, поскольку жители городов составляют три четверти населения России. Однако, как показывают статистические данные, сложившаяся в стране в этом плане ситуация не радует. Столица, на долю которой приходится 11,5% городского населения, является наиболее показательным примером, демонстрирующим, как представляется, ближайшее демографическое будущее и других городов страны, в которых наблюдаются аналогичные тенденции, хотя и выраженные несколько слабее.

Следует отметить, что на протяжении второго десятилетия XXI в. население Москвы росло и в немалой мере за счет естественного прироста, на долю которого в 2016–2017 гг. пришлось свыше 40%, в 2018 г. — почти10% увеличения численности жителей столицы. И хотя москвичи несколько старше остального населения страны (средний возраст московских мужчин на 2,5 года больше аналогичного показателя по мужскому населению России в целом, московских женщин — на 1,7 года), их возрастно-половая структура пока еще благоприятна для создания семьи, рождения и воспитания детей (например, в трудоспособных возрастах в столице в 2019 г. на 1000 мужчин приходилось 940 женщин) [Демежегодник России, 2029; Московский статежегодник, 2018]. Однако в ближайшие годы Москву ожидает дальнейшее постарение населения и сокращение доли населения репродуктивного возраста, причем эти негативные тенденции в большей мере затронут женскую часть жителей столицы.

Количественные характеристики брачно-семейных отношений в Москве также более благоприятны: при уровне брачности, близком к общероссийскому (6 браков на 1000 человек населения), уровень разводимости — ниже (3,5 в Москве против 4,0 на 1000 человек по стране в целом). По соотношению численности заключаемых браков и разводов ситуация также лучше общероссийской: в столице на 1000 браков приходится 582 развода, тогда как как в целом по России — почти 654 [Демежегодник России, 2029; Московский статежегодник, 2018].

Однако в Москве сформировался «поздний» календарь брачности: наибольшее количество состоящих в семейных отношениях наблюдается с 35 лет, тогда как по России — с 30 лет, что неизбежно ведет к «откладыванию» рождений и сокращению числа детей в семье. При этом в столице выше доля менее стабильных незарегистрированных брачных союзов, особенно в наиболее репродуктивных возрастах, тогда как по России в целом доля таких союзов ниже [Мониторинг, 2017]. В столице также гораздо выше и продолжает расти доля неполных семей (34,8% всех семей-

ных ячеек по сравнению с 25,8% по остальному городскому населению). Три четверти таких семей возглавляют женщины, хотя специфической особенностью Москвы была и остается высокая доля неполных семей, возглавляемых мужчинами, в разы превышающая аналогичный показатель по России в целом и растущая высокими темпами [Итоги ВНРП, 2017]. И какова бы ни была причина возникновения неполных семей (а в основном — это распад брачных союзов по причине развода), они являются гораздо менее «детными» (рис. 1).

Что касается репродуктивных планов москвичей, то Микроперепись 2015 г. и Выборочные наблюдения репродуктивных планов населения 2012 и 2017 гг. продемонстрировали их ориентацию в основном на малодетную семью с 1–2 детьми (с небольшим перевесом в пользу двоих детей) при высокой доле не определившихся с ожидаемым (планируемым) числом детей, превышающей 30% как среди женщин, так и среди мужчин (среди россиян доля не определившихся с числом детей втрое ниже).

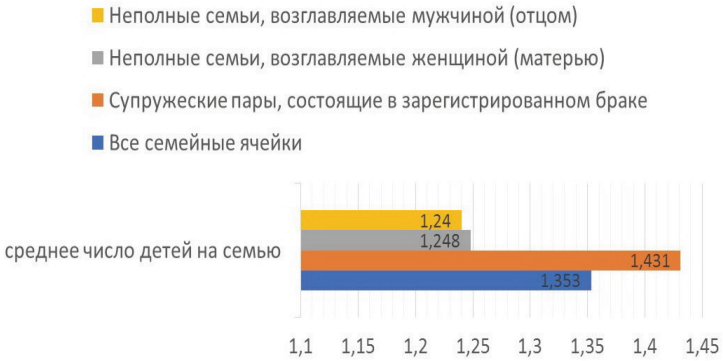

Рис. 1. Среднее число детей в московских семьях, по типу семей
Источник: данные Мосгорстата, 2015 г.

Наблюдение 2017 г. показало также, что как в Москве, так и по России в целом планируемое (ожидаемое) число детей меньше среднего желаемого (рис. 2). И даже если удастся добиться повышения планируемой детности до желаемой, при таком низком уровне обоих показателей это вряд ли приведет к заметному повышению рождаемости. Эти данные дают основание констатировать, что стремление иметь в семье не менее одного ребенка, но и не более двух в столице стало социальной нормой, которую, как представляется, отнюдь не легко изменить.

Результаты упомянутого выше обследования свидетельствуют, что, рассматривая возможность рождения еще одного ребенка (причем как второго, так и третьего), и москвичи и москвички достаточно единодушны во мнении, что это окажет негативное влияние на личные доходы и ма-

Рис. 2. Среднее желаемое и ожидаемое (планируемое) число детей в семье, Российская Федерация и Москва

Источник: по данным Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения (ВНРП), 2017 г.

териальное положение семьи, на жилищные условия (такую оценку дали свыше 60% респондентов обоего пола) и возможность полноценного отдыха (свыше 45% респондентов, а у женщин 65,5% в случае рождения третьего ребенка), тогда как на профессиональный рост, здоровье, общение с друзьями и отношения в семье рождение еще одного ребенка, по их мнению, скорее всего существенно не повлияет.

Морально-психологические и этические мотивы (такие как: «с тремя детьми больше гарантий, что получишь от детей поддержку в старости, не останешься одиноким», желание супруга(ги)/партнера(ши) иметь третьего ребенка, желание иметь ребенка другого пола, если первые двое детей одного пола, «трое детей в будущем смогут больше помогать по дому», «хотелось (хочется) снова иметь в семье маленького ребенка», «трое детей повышают авторитет человека в обществе», «третьего ребенка иметь не собирались, но когда случилась беременность, решили не делать аборт», «у многих друзей, знакомых трое детей, мне (нам) не хотелось (не хочется) от них отставать», «у моих родителей или у родителей супруга(и)/партнера(ши) было трое (или более) детей», «мы не ограничиваем число детей в семье, их должно быть столько, сколько Бог даст») были признаны гораздо менее значимыми. При этом как среди москвичей, так и среди москвичек невелика доля оценивших влияние упомянутых мотивов как «сильное» и «очень сильное» (примерно 10–15%), а преобладающими оказались те, кто не признал влияния указанных мотивов вообще либо не определился с их влиянием/отказался от ответа [Итоги ВНРП, 2017].

Такая оценка свидетельствует, на наш взгляд, о том, что основная масса москвичей репродуктивного возраста (а в обследовании приняли участие

только респонденты репродуктивных возрастов) перспективу рождения третьего ребенка серьезно не воспринимает и не рассматривает, хотя и не отрицает при этом необходимости государственного воздействия на репродуктивное поведение семей.

Подобная ориентация взрослых жителей столицы подтверждается и ответами на задававшийся респондентам в ходе вышеупомянутого обследования вопрос: «Помогло ли вам принять решение о рождении ребенка то, что начали реализовываться дополнительные меры государственной поддержки семей с детьми?» Согласно их ответам, некоторое влияние эти меры оказали в основном на рождение второго ребенка, что отметили примерно 30% женщин (оценка мужчин была гораздо более скромной — менее 20%, причем по всем детям), тогда как их влияние на появление третьего ребенка вообще не было отмечено никем из респондентов (рис. 3).

Отсутствие у москвичей стремления заводить третьего ребенка представляется вполне оправданным, учитывая затраты семьи на воспитание детей. И хотя в России практически не проводилось исследований того, сколько необходимо денег, чтобы вырастить ребенка, в издании «Московский детский бюджет» эти затраты применительно к 2015 г. были оценены примерно в 2,1 млн руб. (что по курсу на 24 августа 2015 г. составило 32,5 тыс. долл. США). С тех пор эти затраты только выросли, особенно в столице, учитывая, что приведенная оценка является средней по России [Ржаницына, 2016, с. 62].

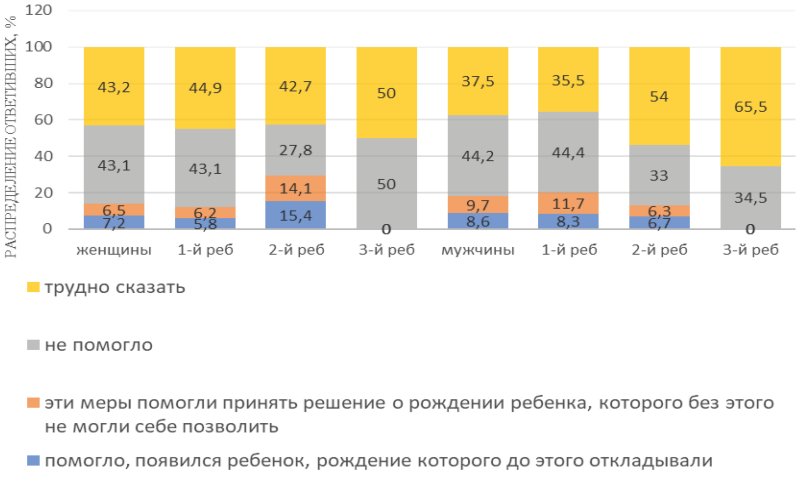

Рис. 3. Распределение ответов респондентов-москвичей на вопрос о влиянии мер государственной поддержки семей с детьми на решение о рождении ребенка, в %
Источник: данные по г. Москве предоставлены Росстатом на основе итогов Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения (ВНРП) 2017 г.

Именно поэтому, на наш взгляд, взрослые жители столицы отнюдь не отрицают необходимости государственного воздействия на репродуктивное поведение семей. Согласно данным уже упоминавшегося обследования, подавляющая часть (83,6% женщин и 76,5% мужчин) считают, что государство может и должно помогать семьям в реализации их репродуктивных планов и лишь 16,3% столичных респонденток и 23,5% респондентов-мужчин отметили, что оно «ни в коей степени и никаким образом не должно влиять на рождение в семьях того или иного числа детей» (табл. 1).

Таблица 1

Распределение мнений москвичей о возможности влияния государства на рождение детей в семьях, %

	женщины	мужчины
Государство должно помочь семье иметь столько детей, сколько она сама хочет	42,2	37,6
Если число детей в семьях слишком мало, то государство должно попытаться заинтересовать семьи иметь большее число детей, создав естественно необходимые условия для этого	41,4	38,9
Государство ни в коей степени и никаким образом не должно влиять на рождение в семьях того или иного числа детей	16,3	23,5

Источник: данные по Москве предоставлены Росстатом на основе итогов Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения (ВНРП) 2017 г.

Еще одной негативной тенденцией является постарение материнства и откладывание рождений: наибольшая интенсивность рождений у жительниц Москвы приходится на возраст 25–34 года, в то время как в целом по России — на 20–29 лет, что свидетельствует о стремлении москвичек в большей степени, чем остальных россиянок, к тому, чтобы сначала получить образование, найти работу, создать семью, обустроить быт и лишь затем обзаводиться потомством. Однако такая тенденция в конечном итоге приводит к снижению общего числа рожденных детей. В результате демографический фактор и меры стимулирования рождаемости перестают слаженно работать в одном направлении, и возникает вопрос, насколько сложившаяся ситуация может быть изменена и какими мерами.

И хотя в столице проводится весьма активная демографическая политика, нельзя не учитывать, что применяемые методы в основном относятся к мерам материального стимулирования рождаемости, и им свойственно не только инфляционное обесценение (т.е. их необходимо периодически ощутимо повышать), но и со временем — сокращение результативности, что демонстрирует как мировой опыт, так и российская практика последних двух лет.

Кроме того, затухание результативности данных мер совпадает с сокращением численности женщин в наиболее активных репродуктивных возрастах, что само по себе приведет к значительному сокращению числа рождений. Кроме того, при ориентации москвичей на малодетную семью эти меры практически не повышают шансы рождения третьего ребенка, а ведь именно его рождение делает возможным расширенное воспроизводство населения, особенно в условиях сокращения численности репродуктивных возрастов.

Наконец, учитывая сформировавшуюся в Москве «позднюю» модель брачности и материнства и достаточно высокую долю неполных семей, следует подчеркнуть, что одним из важных направлений демографической политики по повышению рождаемости могли бы стать меры по укреплению брачно-семейных отношений, повышению стабильности брачных союзов и «омоложению» столичной модели формирования семьи и материнства.

В этой связи одним из важных направлений могло бы стать усиление социальной составляющей столичной демографической политики, например, через развитие социальной рекламы и пропаганды стабильных и более ранних браков, формирование гражданской позиции в отношении необходимости семей с тремя детьми, повышения социального статуса выполнения родительских функций, укрепления семейного образа жизни, сплоченности и эмоционально-позитивных отношений в семье (по аналогии с PR-кампаниями, весьма успешно проводившимися в США в конце 40-х — начале 50-х гг. XX в. и вылившимися в широко известный baby-boom).

Список литературы

1. Демографический ежегодник России 2019: стат. сб. / Росстат. — М., 2020.
2. Итоги Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения (ВНРП) / Росстат. — М., 2017.
3. Мониторинг демографического развития Москвы в 2016–2017 гг. Аналитические материалы. — М., 2017.
4. Московский статистический ежегодник. 2018: стат. сб. / Мосгорстат. — М., 2018.
5. *Ржаницына Л. С., Воронин Г. Л., Удовенко И. П.* «Московский детский бюджет»: новая социальная технология программно-целевого управления. АНО «Совет по вопросам управления и развития». — М.: ООО «Вариант», 2016. — 232 с.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Demograficheskij ezhegodnik Rossii 2019: stat. sb. / Rosstat — M., 2020.

2. Itogi Vyborochnogo nabljudenija reproduktivnyh planov naselenija (VNRP) / Rosstat. — M., 2017.
3. Monitoring demograficheskogo razvitija Moskvy v 2016–2017 gg. Analiticheskie materialy. — M., 2017.
4. Moskovskij statisticheskij ezhegodnik. 2018: stat. sb. / Mosgorstat. — M., 2018.
5. *Rzhanicyna L. S., Voronin G. L., Udovenko I. P.* «Moskovskij detskij bjudzhet»: novaja social'naja tehnologija programmno-celevogo upravlenija. ANO «Sovet po voprosam upravlenija i razvitija». — M.: OOO «Variant», 2016. — 232 s.

МЕНАБДИШВИЛИ Лела Элгуджевна
доктор экономики,
исследователь Института демографии и социологии
Государственного университета Ильи,
Тбилиси, Грузия.
E-mail: lelamen@gmail.com

МЕНАБДИШВИЛИ Нана Элгуджевна
доктор экономики, ассоциированный исследователь
Института демографии и социологии
Государственного университета Ильи,
Тбилиси, Грузия.
E-mail: nanamen@gmail.com

ХАЧАТУРОВА Марина Мукучевна
ассистент-исследователь
Института демографии и социологии
Государственного университета Ильи,
Тбилиси, Грузия.
E-mail: khachmarina432@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРУЗИНСКОЙ СЕМЬИ

Ключевые слова: грузинская семья, рождение вне брака, семейная ответственность.

Коды JEL: J12, J13

Семья как социальный институт является активным элементом на арене различных социальных сил, вовлеченных в процесс социальной дифференциации и интеграции. Она как жизненно важная ячейка общества отражает природу общественной жизни. Состояние семьи, ее благополучие, стабильность — мощный социальный показатель, от которого в значительной степени зависит жизнеспособность нации, общества и государства.

Семья является важной опорой государства, поскольку она обеспечивает самые фундаментальные индивидуальные и коллективные потребности людей: любовь и эмоциональную безопасность, регулирование сексуальных отношений, физическую и культурную преемственность поколений, получение социального статуса, социальный контроль и т.д.

В грузинских реалиях семья веками считалась доминирующей формой отношений между мужчиной и женщиной. Семья и семейная жизнь были важными ценностями нашего общества. Особенности политических, социальных и экономических преобразований, процесс глубокой трансформации общественных отношений, произошедшие в Грузии в конце XX — начале XXI в., наложили глубокий отпечаток на семью. Прежде всего следует отметить существенное изменение системы ценностей. Если десятилетиями именно семья занимала важнейшее место в системе ценностей грузин, то теперь это уже не так. Она уступила место индивидуальным ценностям, таким как карьерный рост, материальное благополучие. Структура, форма и функции семьи начали меняться. Семья приспосабливается к меняющемуся глобальному обществу. Эти изменения приводят даже к неизвестным ранее и неприемлемым событиям, например, к росту незарегистрированных браков и рождений вне брака. Добавьте к этому тяжелую экономическую и социальную ситуацию в стране, высокий уровень безработицы, что, в свою очередь, имеет негативные последствия, такие как: увеличение числа разводов или бессрочная миграция одного из супругов, снижение рождаемости, нарушение общественного контроля, рост преступности среди детей и подростков, а также увеличение числа случаев домашнего насилия, что создает опасность социальной деградации семьи. Семья больше не является регулирующей формой общества. В таких обстоятельствах важно разработать семейную политику, направленную на укрепление семьи, улучшение семьи, равенство супругов, важность детей в семье и их воспитание в соответствии с традиционными ценностями в целях сохранения национальной самобытности.

Семья — это небольшая социальная группа, которая даже не существует изолированно, а является одной из подсистем всей системы общества. Это связано со всеми сферами жизни всего общества. Эта связь многогранна и имеет разный смысл. Семья отражает в своей жизни все важные изменения и процессы, происходящие в развитии общества. Существует теория Тоффлера, согласно которой наиболее быстро на все нововведения реагирует: во-первых, рынок, а во-вторых, семья своей гибкостью и скоростью реакции [Гендерные исследования, 2012, с. 36]. Да, семья меняется. Современная семья становится нуклеарной. Брачные отношения, роли, функции, поведение меняют лицо, но это не означает, что мы теряем семью как социальный институт. Главное — отслеживать текущие изменения и адаптировать социальные проблемы к нашему образу жизни.

С момента своего основания Институт демографии и социологии уделял значительное внимание изучению изменений, происходящих в семье. В связи с данной проблемой при нашем непосредственном участии был проведен ряд социологических опросов (2002, 2004, 2013, 2014, 2015, 2017) в разных социальных группах. Представленная статья на основе этих и других исследований отражает переход современной семьи к либерально-демократической модели.

В Грузии семья была названа главной ценностью в системе социальных ценностей. Этому способствовала православная вера, для которой брак — одна из семи тайн. О важности семьи свидетельствует тот факт, что оценка человека основывалась на авторитете семьи. Положительно оценивали человека, имеющего хорошую семью. Развод, разрыв семьи считались дурным тоном. Вследствие значительных изменений в обществе с конца XX в. произошла переоценка ценностей. Постепенно на передний план вышли достижения личности, индивидуальности. О людях судят уже не по семье, а по их собственным достижениям. Социологические исследования, проведенные среди студентов, наглядно показали, как протекает этот процесс. Лишь менее 2/5 из них разделяют мнение о том, что «человек больше ценится семьей, чем карьерным ростом», однако это мнение более свойственно мужчинам (40,0%), чем женщинам (38,0%). На основе смены социальных ценностей началось преобразование семьи, и это необратимый и длительный процесс.

Один из важнейших вопросов трансформации семьи связан с управлением семьей. В Грузии как в православной стране мужчина (муж, тесть) традиционно считается «главой семьи». В семье у мужа было больше власти и авторитета. Он был кормильцем семьи, он был ответственен не только за обеспечение семьи, но и отвечал за каждого члена семьи. Евангелие учит: «Жены, покоряйтесь мужьям своим, как Господу, ибо муж есть глава жены» (Еф. 5, с. 22–23). Его Святейшество Католикос-Патриарх Грузии заявил в одной из своих проповедей: то, что мужчина является главой семьи, означает не его господство, а его жертвенное служение, его ответственность перед женой и детьми. Он их защитник, кормилец, добывающий хлеб насущный, и в то же время служитель Бога от своего дома. Женщина отвечает за дом, заботится о его членах, воспитывает детей. Жена должна подчиняться своему мужу в соответствии с заповедями, даже если на первый взгляд это невозможно, потому что, поступая так, она исполняет волю Господа, и это не означает послушание греху [Илия II. Рождественское послание, 2014].

С конца прошлого века исследователи семейных проблем, как иностранные, так и грузинские, отмечают изменения, происходящие в семье. Речь идет о перераспределении власти в семье, доминировании, лидерстве, распределении ответственности, ролевых отношениях. Роль жен-

щин в сфере производства и домашнего труда становится все значительнее. При этом ослабевает роль мужчины-кормильца, что влечет за собой ослабление мужского авторитета и лидерства в семье. Такая ситуация передает женщине больше власти в семье. Был баланс сил. Термин «глава семьи» потерял свое первоначальное значение, претерпел определенную метаморфозу. Это стало традицией прошлого, хотя по-прежнему является важным звеном в структуре семейных отношений. В современном понимании термин «глава семьи» буквально означает контактное лицо в семье, которое наиболее осведомлено обо всех членах семьи. Сегодня «глава семьи» — это функциональная роль, которую могут играть не только мужчины, но и женщины. Многочисленные социологические исследования подтверждают, что потребность в «главе семьи» все больше уменьшается. По данным социологических опросов, проведенных в различных социальных группах за последние десять лет, число лиц, считающих, что семье необходим «глава», «лидер», «глава семьи», вдвое меньше. Важно отметить, что даже среди самих православных верующих, где мужчинам отводится особая роль и авторитет в семье в соответствии с их религией, потребность в «главе семьи» уменьшается. В то же время мужчины более привержены «институту семьи», чем женщины. Число мужчин, поддерживающих необходимость «главы семьи», уменьшилось в 1,8 раза, а число женщин — в 2,5 раза.

«Глава семьи» больше не ассоциируется с «кормильцем». По мнению респондентов, необходимо, чтобы «глава семьи» обладал такими качествами, как: высокий авторитет, способность принимать решения, умение выходить из кризисной ситуации. Эти навыки скорее свойственны жене, чем мужу. В современной семье роль «главы семьи» могут исполнять и муж, и жена или оба вместе. В современной семье кормилец — уже не просто мужчина. В некоторых случаях жена имеет больший доход, чем муж. Если раньше этот факт был унизительным для мужчин, то теперь это уже не так. По мнению 3/4 опрошенных, для мужа не оскорбительно, когда его жена имеет больший доход.

В 1989 г. были опубликованы данные крупных эмпирических исследований, авторами которых были американские социологи Р. Л. Бламберг и М. Т. Колеман. Они утверждали, что экономические ресурсы являются основой супружеской власти и что экономическая власть является наиболее важным, но не единственным фактором, определяющим место супругов в семье. По их мнению, власть в семье — это баланс сил, а сама экономическая власть определяется тремя факторами: абсолютным доходом мужа; соотношением доходов мужа и жены; самостоятельным учетом доходов.

Это доминирующие факторы, но их действие опосредовано рядом ситуаций макро- и микросоциального уровня. На макроуровне следует

отметить превосходство мужчин на высших ступенях социальной структуры, живучесть идеологии: «место женщины в доме», которую разделяют не только многие мужчины, но и женщины. На микроуровне — это признание необходимости дохода женщины. Партнер, который менее «в долгу», имеет больше власти, чем более «обязанный» супруг. Таким образом, даже если женщина имеет более высокий доход, но является более преданным партнером, ее реальная экономическая власть в браке будет уменьшена. Мужчина, который чувствует, что не может сделать лучший выбор для поддержания семейных отношений, может отказаться от преимуществ экономической власти. На уступки пойдет и женщина, считающая, что мужчина является «главой семьи», — это совершенно нормально и правильно. Очень важный фактор — это признание мужем того факта, что жена имеет собственный доход. Если муж считает, что доход жены не является необходимым для поддержания уровня жизни в семье, тогда влияние экономических ресурсов, которыми жена обеспечивает семью, будет небольшим [Егорова, 2010].

Учитывая высокий уровень безработицы в Грузии, в значительной части семей считается, что доход жены не только необходим для поддержания уровня жизни семьи, но и жизненно важен. Этот фактор способствует увеличению доли женщин среди грузинских мигрантов. Согласно переписи 2002 г. и опросам, проведенным в Грузии в тот же период, доля женщин в эмигрантах составляла 43%, затем она увеличилась еще больше и достигла 54,6%, по данным переписи 2014 г. Основной поток эмигрантов — это трудовые эмигранты. Доля денежных переводов, поступающих от женщин-иммигрантов — значительна. По состоянию на 1 января 2015 г. поступление денежных переводов через банковскую сеть в Грузию составило 1079 млрд долл. США. Учитывая, что 40% денежных переводов поступает через небанковские организации, общий объем переводов, вероятно, достиг 1800 млрд долл. (2014 г.). Исследование вернувшихся мигрантов показало, что доля денежных переводов, отправленных женщинами, в общем объеме переводов составила более половины [Шелия, 2018, с. 119, 133–134]. Понятно, что функцию кормильца в современных грузинских семьях взяли на себя не только мужчина, но и женщина.

Многие исследователи считают, что работающая женщина больше не может уделять должное внимание семье — семейным делам, детям, что часто приводит к недовольству мужчины или семейным конфликтам, что может вызвать физическое насилие [Family Connection and Happiness, 2007]. Интересно отметить, что наша молодежь, особенно студенты, не разделяют эту точку зрения. Значительная часть из них (90,7%) полагает, что у мужа нет достаточных оснований для физического насилия над же-

ной, если последняя не может выполнять домашние дела так, как этого хочет муж.

Одним из наиболее важных вопросов в управлении семьей является принятие семейных решений. Каждая семья демонстрирует относительно устойчивую модель принятия решений, которая проявляется с момента совершения совместного выбора. Сам факт наличия механизма принятия решений является условием создания и существования семьи. Его дезорганизация приведет к распаду семьи.

Согласно социологическим исследованиям, в решении важных семейных вопросов была выявлена решающая роль лиц, оказывающих финансовую поддержку членам семьи. Однако следует отметить, что таких случаев немного. В то же время между двумя исследованиями (одно проведено в конце прошлого века Программой ООН о развитии Грузии, а другое — в 2015 г. Институтом демографии и социологии при нашем непосредственном участии): по данным исследования ПРООН в Грузии, этот показатель составляет 6,5%, а по исследованиям нашего института — всего 2,8%, т.е. произошло снижение в 2,3 раза.

Существенные изменения произошли в распределении власти в грузинских семьях. Согласно опросу, проведенному программой ООН, «мужские приоритеты ярко выражены при принятии важных семейных решений (покупка и продажа квартиры или автомобиля, получение кредита в банке или взятие в долг значительной суммы и т.д.) — 55,3% респондентов говорят, что мужчины принимают важные решения в своей семье. Доля тех семей, где женщины принимают важные для семьи решения, составляет всего 15,4%» [Дурглишвили, 1997, с. 18–19].

Что касается результатов исследования, проведенного в 2015 г., то здесь сильно выражен баланс сил супругов в семье. Роль отдельного супруга в пользу совместных решений супругов значительно снижается. Однако нельзя не отметить высокий авторитет и влияние старшего поколения в больших семьях. В таких семьях молодые пары полностью зависят от материального дохода и жилья своих родителей, что оставляет им меньше власти в семье.

Исследования показали, что в Грузии существуют разные типы семей с точки зрения принятия семейных решений. Большинство из них — это семьи, в которых оба супруга принимают решения по согласованию друг с другом, т.е. имеет место партнерская семья. Семьи с синкретическим типом партнерства — когда супруги имеют равное влияние в семье. В семьях, где решения принимаются на основе совместного рассмотрения проблемы всеми членами семьи, мы имеем дело с коллегиальной семьей. Хотя такие семьи оказались в меньшинстве среди респондентов, это все же указывает на недавние изменения в расстановке сил в семье. Если решение принимает один из супругов, то мы имеем дело с автономной се-

мьей. По имеющимся данным, этот тип семей сокращается в 2,2 раза[1] по сравнению с началом XXI в. Снижение коснулось как решений, принимаемых только мужем (уменьшилось в 2 раза), так и решений, принятых женой (уменьшилось в 1,4 раза). Исходя из всего вышесказанного, в Грузии в первые двадцать лет XXI в. по принимаемым решениям можно выделить несколько типов семей: особый тип партнерства, коллегиальные семьи и автономные семьи.

Решения, принимаемые в семье, можно разделить на повседневные и наиболее важные. Наиболее важными областями, в которых вся семья может принимать решения об общих делах, являются: вопросы рождаемости; экономическая сфера; организация семейного хозяйства; воспитание детей (табл. 1). Роль мужа и жены в принятии решений в той или иной сфере различна.

Таблица 1

Кто конкретно принимает решения в вашей семье, %

	Муж	Жена	Супруги, по согласованию	Остальные
Желаемое количество детей	6,2	6,8	72,0	15,0
Воспитание детей	4,4	49,8	39,5	6,3
Распределение дохода	10,8	20,5	66,4	2,3

Источник: Социологическое исследование 2013 г. Института демографии и социологии Государственного университета Ильи «Вопросы трансформации семьи».

Согласие супругов очень важно при распределении семейного дохода, потому что, как показывают социологические исследования, конфликтная ситуация в семье часто возникает из-за присвоения одним из супругов роли казначея. Чтобы прояснить ситуацию в грузинских семьях относительно такой ситуации, сравним результаты двух исследований. Результаты нашего исследования, проведенного в 2015 г., существенно отличаются от результатов исследования ПРООН в Грузии. Двадцать лет назад «45,2% респондентов ответили, что решение о распределении ежедневного бюджета в семье принимает мужчина. А в тех семьях, в которых женщины принимают решения при распределении ежедневного бюджета, он составляет 32,6%» [Дурглишвили, 1997, с. 18–19]. Между этими обследованиями количество домохозяйств, в которых доход распределяется мужчинами, сократилось в четыре раза, и в 1,5 раза — женщинами. За счет этого увеличилось число решений, принимаемых обоими супругами относительно распределения дохода.

[1] По сравнению с исследованием 2002 г. Использованы результаты социологического исследования в диссертации Кетеван Гочиашвили «Социально-демографические аспекты развода. 2003».

Чтобы спрогнозировать ожидаемые последствия управления семьей, необходимо не только учитывать реальную ситуацию, но и изучать настроения населения. Социологические опросы респондентов репродуктивного возраста в трех городах Грузии: Тбилиси, Кутаиси, Каспи — четко показали положительное отношение населения к синкретному типу семейного партнерства.

Как показали данные исследования, у респондентов ярко выражено позитивное отношение к тому, что супруги в семье должны решать все вопросы согласованно. Однако настроение респондентов не соответствует реальной ситуации. 94,3% респондентов (табл. 2) считают, что супруги должны решать все вопросы в семье согласованно, но реально таких семей только 43,6%. Однако следует отметить, что отношение населения к решению важных семейных вопросов кардинально изменилось за последние двадцать лет. Количество тех, кто считает, что для успешного решения семейных проблем желательно, чтобы супруги принимали важные решения по договоренности, увеличилось вдвое. Если принять во внимание резкие изменения в настрое респондентов, то можно предположить, что в ближайшем будущем число таких семей действительно увеличится.

Таблица 2

Мнение респондентов о семейной ответственности в разбивке по полу, %

	Разделяю			Не разделяю			Затрудняюсь ответить		
	Мужчина	Женщина	Оба	Мужчина	Женщина	Оба	Мужчина	Женщина	Оба
Супруги все вопросы должны решать согласованно	90,0	97,4	94,3	3,2	1,0	2,0	6,8	1,6	3,7
Супруги должны вносить одинаковый вклад в семейный бюджет	71,3	78,9	75,5	8,4	7,5	7,9	20,3	13,6	16,6
Доход супругов должен расходоваться согласованно	63,1	68,4	64,4	18,5	13,7	17,6	18,4	17,9	18,0

Источник: Социологическое исследование 2013 г. Института демографии и социологии Государственного университета Ильи «Вопросы трансформации семьи».

Изучение настроения населения важно для молодых людей, поскольку они формируют будущее страны. Мы даже можем предсказать картину будущего на основе их восприятия и настроя. Опрос студентов показал, что они предпочитают равное влияние супругов в семье. Они прекрасно понимают, что у супругов не может быть единого мнения в семье, но разногласия не должны быть причиной семейных конфликтов и дезорганизации.

Неправомерно говорить о преобразовании семьи, основываясь только на настроениях населения. Важно знать о реальных изменениях. Эти изменения должны повлиять на перераспределение семейной деятельности между супругами. Как отмечают исследователи, с конца прошлого века участие мужчин в семейной деятельности возрастает. В семьях пятой части респондентов репродуктивного возраста оба супруга обеспечивают семью. Более половины респондентов в семье в равной степени обременены повседневными домашними делами: воспитанием детей — 18%, покупкой продуктов — 16,5%, уходом за пожилыми людьми — 12,5%, приготовлением еды — 3%, уборкой дома — 2%.

Одна из теорий, изучающих проблемы семьи, — символический интеракционизм полагает, что взаимодействие членов семьи и близость пар основаны на одинаковом понимании ситуации, одинаковом видении конкретных вопросов, разных стилях общения между супругами [Steven, Barkan. 2011]. Хотя это не всегда так, в некоторых семьях супруги поразному воспринимают ситуацию. Интересно мнение студентов: как в таком случае должны действовать супруги, чтобы не создавать конфликтную ситуацию? Для значительной части опрошенных рабское послушание друг другу недопустимо. 49% из них частично согласны с мнением: «Супруги слушаются друг друга, даже когда между ними есть разногласия». 72% студентов считают, что супруги должны уважать потребность сексуального удовлетворения взаимно. 40% считают, что супруги свободны в выборе друзей, они должны иметь возможность выбирать друзей, даже если другой супруг или другой член семьи против. 65% считают, что для сохранения единства семьи супруги не должны терпеть жестокого обращения от другого члена семьи.

Социологические исследования говорят нам, что гармоничных семей меньше. В семье бывают конфликты, но во многих случаях они разрешимы. Однако, судя по статистике, супруги все реже пытаются разрешить конфликты и находят выход в разводе. С конца прошлого века общий коэффициент разводимости значительно увеличился. Если в 1994 г. общий коэффициент разводимости в Грузии составлял 0,6, то в 2019 г. он уже оказался равен 3,0, т.е. за 25 лет вырос на 2,4, что является высоким показателем.

43% респондентов не имеют твердой позиции по поводу развода. Они лишь частично согласны с мнением, что «развод — лучшее решение, когда пара не может разрешить частые конфликты в семье». 32% респондентов считают, что развод — лучшее решение в условиях частых конфликтов. Однако женщины-респонденты соглашаются на развод чаще (35%), чем мужчины (27%). Эта ситуация свидетельствует о том, что женщины подчеркивают высокую степень собственной независимости.

В нашем обществе растет лояльное отношение к парам, живущим вместе. Социологический опрос, проведенный в разных возрастных группах

(2013 г.), показал, что 53,3% респондентов считают, что пара может жить вместе без брака. 15,4% тех же респондентов действительно живут в сожительстве со своим партнером. Есть мнения, которые выражают превосходство сожительства над браком. Согласно опросу, проведенному среди молодых людей (2016 г.), 43% молодых людей считают, что брак возлагает на их партнеров больше обязанностей, чем сожительство. Пятая часть респондентов считают, что прекратить отношения с партнером в случае сожительства намного легче. 13% разделяют мнение, что партнеры относительно более независимы в сожительстве, чем состоящие в браке [http://library.fes.de/].

Лояльное отношение общества к сожительству само по себе создает лояльное отношение к рождению без брака. Рождение без брака совершенно необоснованно только для 21,0% опрошенных, морально неоправданно — для 11,4%. 26,0% респондентов оправдывают рождение ребенка без брака только в том случае, если женщина больше не надеется выйти замуж. По сравнению с ними значительно большая доля (41,6%) считает, что подобное действие во всех отношениях оправданно.

Респонденты относительно легко оценивают то или иное действие, если вопрос не касается их лично. Для более глубокого понимания проблемы приводим результаты двух исследований. Одно было проведено среди неверующих, другое — среди православных (такую оценку относительно себя сделали сами респонденты). Не состоящие в семейных отношениях респонденты обеих социальных групп должны были изложить свою позицию по вопросу о том, могут ли они создать семью, иметь ребенка без брака. Выяснилось, что практически равные доли (13,4% неверующих и 13,3% верующих) зафиксировали положительную позицию. Судя по исследованиям, проведенным в разное время, в социальной группе православных верующих, спустя годы, негативное отношение к рождению без брака стало более выраженным, когда заходила речь конкретно об их действиях (табл. 3).

Таблица 3

Взгляд православных верующих на рождение ребенка без брака, %

Год	Родите ли вы ребенка без брака		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
2004	32,6	27,7	39,7
2015	13,3	47,6	39,1

Источник: Социологические исследования Института демографии и социологии Государственного университета Ильи: «Семейные ценности и демографическая ориентация православных верующих» (2004 г.) и «Отношение православных верующих к социально-демографическому поведению и проблемам семьи» (2015 г.).

По данным Геостата 1994 г., в Грузии было рождено вне брака 16 272 ребенка, а зарегистрированных по заявлению только матери — 1839 детей. Самый высокий уровень рождений от незарегистрированных браков был зафиксирован в 2006 г. — 25 324 ребенка. Количество рождений по заявлению только матери составило 2405. Что касается прошлогоднего показателя, то он отстает от показателя 2006 г. на 8844 ребенка и составляет 16 248 детей. Зарегистрирован по заявлению матери 1171 ребенок. Доля детей, рожденных от матери-одиночки, наиболее высока среди женщин в возрасте до двадцати и после сорока лет. Что касается этих двух возрастных групп, то можно сказать, что этот шаг, сделанный в молодом возрасте, должен быть скорее эмоциональным, чем осознанным, а у женщин старше сорока, напротив — хорошо продуманным.

Таким образом, с конца прошлого века грузинские семьи постепенно переходят к либерально-демократической модели. Переход выражается в управлении семьей, семейными отношениями, правах и обязанностях супругов, распределении ролей, норм поведения и т.д. Текущие изменения в семье всегда связаны с изменением социальных ценностей в обществе. Процесс перехода к либерально-демократической модели семьи происходит параллельно с происходящими в обществе изменениями и естественно он необратим.

Список литературы

1. Гендерные исследования: история, философия, образование: колективная монография / под общ. ред. Е. В. Ануфриевой, Т. П. Машихиной. — Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2012.
2. *Дурглишвили Н.* Изменения в социальной среде и грузинская семья. Материалы диссертации. — Серия 3, 1997.
3. *Егорова Н. Ю. Резник С. Д., Бобров В. А.* Менеджмент в домашнем хозяйстве: учебное пособие / под общ. ред. С. Д. Резника. — М.: Инфра-М, 2010. URL: http.sale/s://libotrasli-menedjment/menedjment-domashnem-hozyaystve.html
4. *Илия II.* Рождественское послание, 2014.
5. *Шелия М.* Особенности трудовой миграции женщин Грузии // Актуальные проблемы миграции населения Грузии, 2018.
6. Family Connection and Happiness. Fostering A. Close Relationship with Your Family. By Elizabeth Scott. M. S. Updated January 05. 2007.
7. Sociology: Understanding and Changing the Social World, Brief Edition V. I. O. Steven E Barkan. Sociological Perspectives on the Family, 2011.
8. www.geostat.ge
9. https:/library.fes.de/

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Gendernye issledovanija: istorija, filosofija, obrazovanie: kolektivnaja monografija / pod obshh. red. E. V. Anufrievoj, T. P. Mashihinoj. — Volgograd: Izd-vo VolGMU, 2012.
2. *Durglishvili N.* Izmenenija v social'noj srede i gruzinskaja sem'ja. Materialy dissertacii. — Serija 3, 1997.
3. *Egorova N. Ju. Reznik S. D., Bobrov V. A.* Menedzhment v domashnem hozjajstve: Uchebnoe posobie — Pod obshhej redakciej Reznika S. D. — M.: Infra-M, 2010. http.sale/s://libotrasli-menedjment/menedjment-domashnem-hozyaystve.html
4. *Ilija II.* Rozhdestvenskoe poslanie, 2014.
5. *Shelija M.* Osobennosti trudovoj migracii zhenshhin Gruzii // Aktual'nye problemy migracii naselenija Gruzii, 2018.

МИРОНОВА Анна Алексеевна
к.с.н., научный сотрудник,
Центр комплексных исследований социальной политики НИУ ВШЭ.
E-mail: nusa13@rambler.ru

СВЯЗЬ МЕЖДУ ЧАСТНЫМИ И ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ТРАНСФЕРТАМИ В РОССИИ

Для стран, где система социального обеспечения развита слабо, характерен высокий уровень неформальных обменов между родственниками, друзьями, соседями. Частные трансферты являются важнейшим компонентом расходов и доходов практически во всех развивающихся странах [Rempel, Lobdell, 1978; Cox, Jimenez, 1990]. При этом большинство родственных межпоколенных потоков направлено от детей к родителям. В то же время в тех странах, где система социального обеспечения развита хорошо, частные трансферты, как правило, имеют несколько меньшие масштабы и преимущественно другое направление. Например, в США трансферты от младших к старшим незначительны, основной поток трансфертов направлен в пользу младших поколений [Cox, Rank, 1992].

С точки зрения модернизационного подхода нуклеаризация семьи и появление государственной системы социального обеспечения рассматриваются как параллельные и взаимоусиливающие процессы. Основная идея этого подхода состоит в том, что по мере развития государства всеобщего благосостояния социальные трансферты вытесняют частные. Данная

гипотеза находила подтверждение в исследованиях некоторых экономистов [Reil-Held, 2006]. Однако последние социологические исследования свидетельствуют о том, что государственные трансферты далеки от того, чтобы вытеснить частные потоки трансфертов. Влияние государственных трансфертов на частные сводится к тому, что частные трансферты, приспосабливаясь к новым условиям, обретают иную модификацию, при этом не теряя своей значимости [Kohli, 1999; Künemund, Rein, 1999; Albertini, Kohli, 2012]. По мере развития государства всеобщего благосостояния материальные обмены все больше заменяются обменами различными услугами, в том числе эмоциональной поддержкой. Таким образом, развитие системы государственного обеспечения скорее создает условия для развития межсемейной солидарности, а не вытесняет ее.

Исследование взаимосвязи частных и социальных трансфертов проливает свет на некоторые ключевые вопросы планирования социальной политики — кто является реальным бенефициаром социальных выплат и можно ли говорить о том, что государственные трансферты вытесняют традиционную родственную поддержку?

Данное исследование ставит своей задачей проанализировать, как связаны между собой частные и государственные (социальные) трансферты в России. Можно ли сказать, что государственные трансферты вытесняет частные?

Связь частных и социальных трансфертов

Ряд исследований утверждает, что потоки частных межпоколенных трансфертов определяются характером государства всеобщего благосостояния [Attias-Donfut et al., 2005; Albertini et al., 2007; Björnberg, Latta, 2007; Brandt and Deindl, 2013]. В то же время речь не идет о наличии простой связи между частными и государственными трансфертами — например, чем больше социальной поддержки предоставляется государством, тем меньше поток частных трансфертов. Картина выглядит значительно сложнее. Государственные институты определяют нормы, обязательства и ожидания участников частных межпоколенных обменов. Согласно модели Бегсона и Силверстэйна [Silverstein, Bengtson, 1997], межпоколенные отношения представляет собой сложную и многогранную систему, включающую такие взаимосвязанные между собой измерения, как эмоциональная близость, функциональная взаимопомощь, общие духовные ценности. Государство, обеспечивая базовую материальную поддержку и поддержку в виде услуг, предоставляет возможность более интенсивно развиваться другим компонентам межпоколенных отношений [Brandt et al., 2009].

Некоторые исследования показывают, что традиционная социальная политика ослабляет ответственность семьи и друзей по обеспечению фи-

нансовой поддержки за счет того, что у реципиента помощи сокращается потребность в такого рода поддержке [Emery, 2016]. Например, было показано, что в странах, где образование стоит дорого, а социальные гарантии для молодежи очень ограничены, молодые люди с большей вероятностью получают финансовую поддержку от родителей [Villanueva, 2005]. Также было установлено, что увеличение пенсионного дохода родителей приводит к постепенному сокращению частных материальных трансфертов от детей ввиду значительного вклада государственных пенсионных отчислений в снижение бедности домохозяйств пожилых людей [Jensen, Robert, 2004]. Анализ по данным Германии продемонстрировал, что чем выше доход пожилых людей от государственных выплат, тем реже они получают частные трансферты и тем чаще сами выступают в роли доноров частных трансфертов [Reil-Held, 2006]. Исследования показали, что в тех странах, где государство играет активную роль в поддержке своих граждан (например, в Скандинавских странах), финансовая поддержка со стороны семьи имеет ограниченный характер. И напротив, в странах Южной Европы, где государство предоставляет меньше социальных гарантий, финансовая помощь со стороны семьи более существенна [Attias-Donfut et al., 2005; Albertini, Kohli, 2012]. В то же время речь не идет о том, что в Скандинавских странах семейные связи менее сильны. В связи с тем, что для Скандинавии характерен высокий уровень социальной поддержки, обмены внутри семьи приобретают ту форму, которая наиболее комфортна и желательна для участников обмена [Brandt, Deindl, 2013].

В современных исследованиях частные трансферты рассматриваются как элемент системы социальных взаимосвязей, где также присутствуют и социальные трансферты [Szydlik, 2008]. Культурные, экономические, социальные и политические институты могут влиять на частные обмены на уровне семьи, например, сокращая финансовые потребности индивида за счет различных пособий, или влиять на ожидания и социальные нормы.

Так, например, расширение государственной поддержки одной категории населения может усиливать поток частных трансфертов в пользу совершенно другой категории населения. Исследование, основанное на данных по Германии, обнаружило тесную связь между получением государственных трансфертов пожилыми и объемом частной финансовой помощи молодому поколению [Reil-Held, 2004]. Часть государственных трансфертов в пользу пожилых людей через систему частных межпоколенных трансфертов направляется младшим поколениям, что ставит в зависимость объемы частных трансфертов от государственных [Kohli, 1999]. Государственные трансферты позволяют пожилым людям оказывать финансовую помощь своим детям, получая взамен нематериальную помощь и внимание. Исследование по 13 европейским странам показало, что перераспределение приоритетов государственной поддержки в пользу старшего поколения (например, повышение пенсионных выплат или сокращение пособий

на детей), выражающееся в относительном ухудшении положения трудоспособного населения по сравнению с пенсионерами, ведет к росту потоков частных трансфертов в семье от старшего поколения к младшему [Mudrazija, 2016]. Другими словами, за счет внутрисемейного обмена происходит перераспределительный процесс, в результате которого некоторая часть пенсионных поступлений, финансируемых трудоспособным населением, в виде частных трансфертов от пожилых людей возвращается молодому поколению. В этом случае частная финансовая помощь от пожилого поколения является обратным потоком государственных трансфертов, что можно расценивать как неэффективность распределения потоков государственных ресурсов [Reil-Held, 2006].

Несмотря на похожесть функций, выполняемых частными и государственными трансфертами, обращают на себя внимание и различия. Одно из отличий состоит в том, что частные трансферты, как правило, носят свободный характер в отличие от обязательности государственных трансфертов. Государственные трансферты зачастую основаны на формальной оценке критериев нуждаемости реципиентов помощи, однако из-за несовершенства информации перераспределение может быть неэффективным. В свою очередь, частные трансферты, как правило, основываются на более достоверной информации относительно реальных нужд получателя помощи [Cordes, Goldfarb, Watson, 1986].

Методика исследования

В данном исследовании под частными трансфертами будут пониматься материальные ресурсы, полученные безвозмездно от родственников кого-либо из членов домохозяйства. В рамках социальных трансфертов были рассмотрены следующие государственные выплаты: пенсии, пособия по безработице, пособия на детей. Если домохозяйство получало хотя бы одну из перечисленных государственных выплат, значит, оно получало социальные трансферты.

Исследование основано на данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» (РМЭЗ — НИУ ВШЭ) — негосударственного мониторинга социально-экономического положения и состояния здоровья населения Российской Федерации, реализуемого Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН.

Для реализации поставленной задачи были использованы данные за период с 1994 по 2017 г. Данные за обозначенный период были объединены в общий пул данных. Анализ проводился на домохозяйственном уровне с использованием логистической регрессии. Также был проведен корреляционный анализ. Общий размер выборки составил 116 314 домохо-

зяйств (те домохозяйства, по которым были данные по анализируемым переменным).

В качестве зависимой переменной выступает вероятность получения домохозяйством частных трансфертов. Зависимая переменная принимает значение 1, если домохозяйство получало материальную помощь от родственников, или значение 0, если такой помощи не было. Среди независимых были рассмотрены следующие переменные:

— тип населенного пункта (город/село);
— наличие долгов у домохозяйства;
— наличие в составе домохозяйства детей младше 7 лет;
— наличие в составе домохозяйства детей от 7 до 18 лет;
— доход домохозяйства ниже/выше регионального прожиточного минимума;
— наличие сбережений;
— домохозяйство получало/не получало социальные трансферты.

Все анализируемые переменные являются дихотомическими.

Результаты исследования

Проанализируем характеристики выборки с точки зрения анализируемых переменных (табл. 1). Помощь от родственников получал 31% домохозяйств, социальные трансферты — 64% домохозяйств. Больше половины респондентов проживает в городе. 16 % домохозяйств брали деньги в долг. Четверть домохозяйств, представленных в выборке, имеют в своем составе детей в возрасте до 7 лет, и еще чуть больше трети домохозяйств имеют детей в возрасте от 7 до 18 лет. 13% домохозяйств имеют доход ниже регионального прожиточного минимума, и примерно столько же домохозяйств имеют сбережения.

Таблица 1

Распределение домохозяйств в выборке по выделенным характеристикам, %

Характеристика домохозяйства	Да	Нет	Итого
Проживание в городе	51,2	48,8	100
Домохозяйство брало деньги в долг	15,6	84,4	100
Есть дети до 7 лет	24,9	75,1	100
Есть дети от 7 до 18 лет	34,1	65,9	100
Доход домохозяйства ниже регионального ПМ	12,9	87,1	100
Наличие сбережений	13,2	86,8	100
Домохозяйство получало частные трансферты	31,2	68,8	100
Домохозяйство получало социальные трансферты	64,4	35,6	100

Источник: РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Анализ социально-демографических характеристик выявил существенные различия между получателями частных и социальных трансфертов (табл. 2). В отличие от получателей социальных трансфертов основная часть реципиентов частных трансфертов проживает в сельской местности. Среди получателей частных трансфертов значительно больше тех, домохозяйств, кто брал деньги в долг, чем среди получателей социальных трансфертов. Доля домохозяйств с детьми значительно выше среди реципиентов частных трансфертов по сравнению с реципиентами социальных трансфертов. Что касается дифференциации по таким характеристикам домохозяйств, как бедность и наличие сбережений, то здесь не было обнаружено значительных различий между получателями частных и социальных трансфертов.

Таблица 2

Социально-демографические характеристики домохозяйств — получателей частных и социальных трансфертов, %

Характеристики домохозяйства	Домохозяйство получало частные трансферты	Домохозяйство получало социальные трансферты
Тип населенного пункта		
город	46,5	52,7
село	53,5	47,3
итого	100,0	100,0
Домохозяйство брало деньги в долг		
да	30,2	8,5
нет	69,8	91,5
итого	100.0	100,0
Есть дети до 7 лет		
да	44,4	18,8
нет	55,6	81,2
итого	100,0	100,0
Есть дети от 7 до 18 лет		
да	46,6	26,0
нет	53,4	74,0
итого	100,0	100,0
Доход домохозяйства ниже регионального ПМ		
да	11,5	10,4
нет	88,5	89,6

Окончание табл. 2

Характеристики домохозяйства	Домохозяйство получало частные трансферты	Домохозяйство получало социальные трансферты
итого	100,0	100,0
Наличие сбережений		
да	13,1	14,2
нет	86,9	85,8
итого	100,0	100,0

Примечания:
1) Все межгрупповые различия статистически значимы на уровне $p < 0{,}001$.
2) *Источник*: РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Между получением социальных и частных трансфертов наблюдается значимая отрицательная корреляционная связь ($r = — 0{,}099$; $p < 0{,}05$). То есть вероятность получить частные трансферты ниже для домохозяйства, которое получает социальные трансферты. Проанализируем результаты регрессионного анализа (табл. 3).

Таблица 3

Результаты логистического регрессионного анализа факторов получения частных трансфертов

Факторы	*B*	*Exp (B)*
Проживание в городе	–0,16***	1,17
Домохозяйство брало деньги в долг	0,21***	1,24
Есть дети до 7 лет	0,80***	2,20
Есть дети от 7 до 18 лет	0,13***	1,14
Доход домохозяйства ниже регионального ПМ	–0,34***	0,71
Наличие сбережений	–0,02	0,98
Домохозяйство получало *социальные* трансферты	–0,45***	0,64
Константа	–1,03***	0,36

Примечания:
1) *** — статистическая значимость коэффициентов на уровне $p < 0{,}001$.
2) $R^2 = 0{,}05$.
3) модель значима на уровне $p < 0{,}001$.
4) *Источник*: РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Построенная логистическая регрессионная модель для анализа факторов получения частных трансфертов оказалась статистически значимой. Практически все включенные в анализ независимые переменные, за исключением наличия у домохозяйства сбережений, оказались зна-

чимыми. С точки зрения цели нашего исследования наибольший интерес представляет характер взаимосвязи между частными и социальными трансфертами при условии контроля других включенных в анализ переменных. Как видно по табл. 3, если домохозяйство получало социальные трансферты, то это снижает его шансы на получение частных трансфертов. При этом данная связь является статистически значимой. Такие факторы, как проживание в городе, наличие у домохозяйства долгов, присутствие в составе домохозяйства детей (в возрасте до 7 лет, а также в возрасте от 7 до 18 лет), повышают вероятность того, что домохозяйство получит помощь от родственников и друзей (частные трансферты). Как показывает анализ предельных эффектов, наибольший вклад в повышение вероятности получить частные трансферты вносит факт наличия в составе домохозяйства детей в возрасте до 7 лет. Если домохозяйство находится за чертой бедности (доходы ниже регионального уровня ПМ), то это понижает шансы на получение помощи от родственников или друзей, что может быть связано с тем, что в окружении практически нет родственников или друзей, способных и готовых оказать финансовую поддержку.

Модель факторов социальных трансфертов также оказалась статистически значимой (табл. 4). Основная часть включенных в анализ факторов, в том числе проживание в городе, наличие долгов, присутствие в составе домохозяйства детей от 7 до 18 лет, принадлежность домохозяйства к группе с доходами ниже прожиточного минимума, имеет отрицательную связь с вероятностью получения социальных трансфертов. Связь между частными и социальными трансфертами, как и ожидалось, имеет отрицательный характер. Такой фактор, как наличие в составе домохозяйства детей в возрасте до 7 лет, оказался статистически незначимым. Наличие сбережений у домохозяйства положительно связано с вероятностью получения социальных трансфертов. Наибольший вклад из учтенных в модели факторов в изменение вероятности получить социальные трансферты вносит наличие сбережений, наименьший — принадлежность к доходной группе с доходом ниже регионального прожиточного минимума. В то же время регрессионный анализ не позволяет установить направление выявленных связей, что важно иметь в виду при интерпретации результатов. Кроме того, безусловно, полученные результаты имеют свои ограничения в связи с тем, какие компоненты были учтены в составе социальных трансфертов.

Сравнительный анализ факторов, влияющих на получение частных и социальных трансфертов, обнаружил существенные различия. Если в случае с частными трансфертами наличие в домохозяйстве детей, как совсем маленьких (до 7 лет), так и постарше (от 7 до 18 лет), повышает вероятность получить помощь от родственников, то в ситуации с социальными трансфертами этот фактор имеет обратное влияние. Это, вероятно,

объясняется тем, что определяющим компонентом социальных трансфертов в рамках используемой методики стали пенсионные выплаты. Наличие долгов у домохозяйства повышает вероятность получить поддержку от неформального окружения, в то время как государственные выплаты в случае наличия долгов домохозяйство получает с меньшей вероятностью. Такой фактор, как наличие сбережений, оказался незначимым в контексте вероятности получения частных трансфертов, в то время как связь с вероятностью получения социальных трансфертов оказалась значимой. Принадлежность домохозяйства к низкодоходной группе (с доходами ниже регионального прожиточного минимума) как в случае социальных, так и в случае частных трансфертов имеет отрицательное влияние на вероятность получения помощи.

Таблица 4

Результаты логистического регрессионного анализа факторов получения социальных трансфертов

Факторы	*B*	*Exp (B)*
Проживание в городе	0,18***	0,83
Домохозяйство брало деньги в долг	–0,34***	0,71
Есть дети до 7 лет	–0,003	1,00
Есть дети от 7 до 18 лет	–0,38***	0,68
Доход домохозяйства ниже регионального ПМ	–0,52***	0,59
Наличие сбережений	0,22***	1,25
Домохозяйство получало *частные* трансферты	–0,45***	0,64
Константа	1,01***	2,75

Примечания:
1) *** — статистическая значимость коэффициентов на уровне $p < 0{,}001$.
2) $R^2 = 0{,}04$.
3) модель значима на уровне $p < 0{,}001$.
4) *Источник*: РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Обсуждение результатов

Результаты проведенного исследования показали, что если домохозяйство получает социальные трансферты, то это снижает для него вероятность получения частных трансфертов. Таким образом, результаты проведенного анализа по данным России свидетельствуют в пользу гипотезы о выталкивании (crowded-out) частных материальных трансфертов государственными. Ввиду этого можно рассматривать государственные трансферты как субститут частных трансфертов.

Однако здесь важно отметить, что в поле зрения данного исследования входили только материальные трансферты, в то время как инструментальные трансферты (помощь в виде различных услуг) не рассматривались. Специфика благ, предаваемых в процессе трансфертного обмена, состоит в том, что они, с одной стороны, могут выступать субститутами государственных трансфертов или рыночных благ, а с другой — имеют уникальную природу. Например, услугам, таким как уход за детьми или займы между поколениями, можно легко найти субститут в виде той или мной формы государственной поддержки или рыночный субститут. Однако внутрисемейный обмен обладает уникальной в своем роде спецификой. В отличие от получения государственной помощи внутрисемейная помощь, как правило, не предполагает строго определенных критериев, на основании которых она будет осуществляться (например, критериев адресности или нуждаемости). Кроме того, предметом внутрисемейного обмена часто выступают уникальные блага, которые не имеют явных рыночных субститутов: любовь, забота, привязанность [Laferrere, Wolff, 2006].

В то же время необходимо принимать во внимание тот факт, что вероятности получения частных и государственных трансфертов в определенной степени неизбежно взаимосвязаны между собой [Emery, 2016]. Так, например, те, у кого есть состоятельные родственники (например, родители), имеют меньше шансов попасть в категорию получателей социальных трансфертов, значительная часть которых в России основана на критериях адресности и нуждаемости.

Кроме этого, обращает на себя внимание тот факт, что характер взаимосвязи между частными и социальными трансфертами во многом обусловлен типом проводимой социальной политики [Emery, 2016]. Можно условно выделить два основных типа социальной политики: пассивная и активная. Пассивная социальная политика, которая является более традиционной и часто встречающейся, в качестве одной из главных своих целей имеет страхование от различного рода рисков: риск безработицы, риск бедности, риск наступления старости, инвалидности и т.д. В рамках политики данного типа государство выступает гарантом минимального уровня жизни и дохода. Концепция государства всеобщего благосостояния подобного рода сформировалась достаточно давно в условиях экономики промышленного производства. Вопрос о том, насколько пассивная система государственной поддержки является адекватной по отношению к современным реалиям, сейчас активно дискутируется среди исследователей [Emery, 2016]. Активная социальная политика в качестве приоритета имеет инвестиции в социальный капитал (в том числе инвестиции в образование и профессиональную переподготовку, пропаганда активного долголетия и пр.), стремясь скорее предупредить возможные провалы, чем исправлять их [Morel et al., 2012].

Активная и пассивная социальная политика формирует различные социальные стереотипы в отношении оказания помощи родственникам и друзьям. В условиях пассивной социальной политики усиление финансовой поддержки со стороны государства ведет к снижению финансовой поддержки со стороны родственников и друзей. В этой системе частные и социальные трансферты выступают в роли субститутов. В рамках активной социальной политики, если кто-то получает социальные трансферты, то это выступает для его окружения сигналом о том, что этот человек нуждается в поддержке. Соответственно, государственные трансферты служат катализатором частных и комплементарны друг другу. В то же время очевидно, что деление систем социальной политики на пассивные и активные является очень условным, и на практике однозначно отнести ту или иную систему социальной поддержки к пассивной или активной довольно затруднительно. Однако, несмотря на это, попытка учесть тип социальной политики при анализе взаимосвязи между частными и социальными трансфертами в дальнейших исследованиях даст возможность более глубоко изучить природу этой взаимосвязи.

Выводы

— По результатам исследования была обнаружена отрицательная связь между частными и социальными трансфертами в России. Это позволяет рассматривать частные и социальные трансферты в качестве субститутов и говорить о том, что частные трансферты восполняют «провалы» государственных трансфертов.
— Социально-демографический портрет получателей социальных и частных трансфертов несколько различаются. В отличие от получателей социальных трансфертов основная часть реципиентов частных трансфертов проживает в сельской местности. Среди получателей частных трансфертов значительно больше тех домохозяйств, кто брал деньги в долг, чем среди получателей социальных трансфертов. Доля домохозяйств с детьми значительно выше среди реципиентов частных трансфертов по сравнению с реципиентами социальных трансфертов.
— Сравнительный анализ факторов, влияющих на получение частных и социальных трансфертов, обнаружил существенные различия. Если в случае с частными трансфертами наличие в домохозяйстве детей повышает вероятность получить помощь от родственников, то в ситуации с социальными трансфертами этот фактор имеет обратное влияние. Наличие долгов у домохозяйства повышает вероятность получить поддержку от неформального окружения, в то время как государственные выплаты в случае наличия долгов домохозяй-

ство получает с меньшей вероятностью. Такой фактор, как наличие сбережений, оказался незначимым в контексте вероятности получения частных трансфертов, в то время как связь с вероятностью получения социальных трансфертов оказалась значимой. Принадлежность домохозяйства к низкодоходной группе (с доходами ниже регионального прожиточного минимума) как в случае социальных, так и в случае частных трансфертов имеет отрицательное влияние на вероятность получения помощи.

Список литературы

1. *Albertini M., Kohli M.* The generational contract in the family: An analysis of transfer regimes in Europe // European sociological review. — 2012. — Vol. 29. — № 4. — P. 828–840.
2. *Albertini M., Kohli M., Vogel C.* Intergenerational transfers of time and money in European families: common patterns—different regimes? //Journal of European social policy. — 2007. — Vol. 17. — № 4. — P. 319–334.
3. *Attias-Donfut C., Ogg J., Wolff F. C.* European patterns of intergenerational financial and time transfers // European journal of Ageing. — 2005. — Vol. 2. — № 3. — P. 161–173.
4. *Björnberg U., Latta M.* The roles of the family and the welfare state: the relationship between public and private financial support in Sweden // Current sociology. — 2007. — Vol. 55. — № 3. — P. 415–445.
5. *Brandt M., Deindl C.* Intergenerational transfers to adult children in Europe: Do social policies matter? // Journal of Marriage and Family. — 2013. — Vol. 75. — № 1. — P. 235–251.
6. *Brandt M., Haberkern K., Szydlik M.* Intergenerational help and care in Europe // European Sociological Review. — 2009. — Vol. 25. — № 5. — P. 585–601.
7. *Cordes J. J., Goldfarb R. S., Watson H. S.* The relative efficiency of private and public transfers // Public Choice. — 1986. — Vol. 49. — № 1. — P. 29–45.
8. *Cox D., Jimenez E.* Achieving social objectives through private transfers: a review // The World Bank Research Observer. — 1990. — Vol. 5. — № 2. — P. 205–218.
9. *Cox D., Rank M. R.* Inter-vivos transfers and intergenerational exchange // The review of economics and statistics. — 1992. — P. 305–314.
10. *Emery T.* Public and private financial assistance in Europe // European Societies. — 2016. — Vol. 18. — № 1. — P. 25–46.
11. *Jensen R. T.* Do private transfers 'displace'the benefits of public transfers? Evidence from South Africa // Journal of Public Economics. — 2004. — Vol. 88. — № 1–2. — P. 89–112.
12. *Kohli M.,* Private and public transfers between generations: Linking the family and the state // European Societies. — 1999. — Vol. 1. — P. 102–22.
13. *Künemund H., Rein M.* There is more to receiving than needing: theoretical arguments and empirical explorations of crowding in and crowding out // Ageing & Society. — 1999. — Vol. 19. — № 1. — P. 93–121.
14. *Laferrere A., Wolff F.* Microeconomic Models of Family Transfers // Version 2.3 for chapter 11, Handbook on the Economic on Giving, Reciprocity and Altruism / S. C. Kolm, J. Mecier-Ytier (ed.). — NorthHolland, 2006.

15. *Morel N., Palier B., Palme J.* Towards a Social Investment Welfare State?: Ideas, Policies and Challenges. — Bristol: Policy Press, 2012.
16. *Mudrazija S.* Public transfers and the balance of intergenerational family support in Europe // European Societies. — 2016. — Vol. 18. — № 4. — P. 336–358.
17. *Reil-Held A.* Crowding out or crowding in? Public and private transfers in Germany // European Journal of Population/Revue européenne de démographie. — 2006. — Vol. 22. — № 3. — P. 263–280.
18. *Rempel H., Lobdell R.A.* The role of urban-to-rural remittances in rural development // The Journal of Development Studies. — 1978. — Vol. 14. — № 3. — P. 324–341.
19. *Silverstein M., Bengtson V.L.* Intergenerational solidarity and the structure of adult child-parent relationships in American families // American journal of Sociology. — 1997. — Vol. 103. — № 2. — P. 429–60.
20. *Szydlik M.* Intergenerational solidarity and conflict // Journal of Comparative Family Studies. — 2008. — Vol. 39. — № 1. — P. 97–114.
21. *Villanueva E.* Inter vivos transfers and bequests in three OECD countries // Economic policy. — 2005. — Vol. 20. — № 43. — P. 506–565.

РУСАНОВА Нина Евгеньевна
д.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник,
ФНИСЦ ИСЭПН РАН,
Москва, Россия.
E-mail: ninrus238@mail.ru

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ РЕПРОДУКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии, регулирование рождаемости, качество населения.

Коды JEL: I14, I18, N94

По данным ВОЗ, бесплодие станет третьим по распространенности заболеванием в мире в XXI в. после рака и сердечно-сосудистых заболеваний [Feng, Qiao, 2014]. В середине XX в. каждый десятый брак был бесплоден абсолютно, каждый третий — относительно, но вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ), возникшие в мире более 40 лет назад, за это время решили проблему, но почти нигде не увеличили рождаемость более чем на 5%. В России после экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) на свет появляется пока не больше 2% новорожденных в год, а тенденцией является ускоренный рост числа циклов ЭКО по срав-

нению с медицинской потребностью в них: по данным Росстата и Национального российского регистра ВРТ, в 2005 г. соотношение между циклами ЭКО и впервые установленным диагнозом «бесплодие» составляло 1:3, в 2013 г. — 1:1, в 2016 г. — 1,3:1; за 2007–2016 гг. СКР вырос на 23,5%, доля ЭКО-рождений — в 3,8 раза, общее число родившихся — на 15,3%, число «естественных рождений» — на 13,9%. Повышение доступности ВРТ, ограниченной из-за их высокой стоимости, является одной из мер российской пронатальной демографической политики: в 2007 г. пациенты оплачивали 98,1% всех циклов ЭКО, в 2016 г. — 61,4%, в 2017 г. — 55,9%. С 2013 г. ЭКО входит в систему ОМС, что в 2017 г. помогло появиться на свет 84,5% всех ЭКО-новорожденных. Хотя перечень показаний для ЭКО расширяется, остаются «лишние» циклы, которые реализуются в коммерческих программах ВРТ (суррогатное материнство и проч.).

В условиях индивидуализации демографического поведения, характерного для второго демографического перехода, ВРТ стали не просто эффективным методом лечения бесплодия, но вместе с контрацепцией и абортами сформировали комплекс медицинских мер регулирования рождаемости, актуальный как при стремлении увеличить число рождений, так и при намерении сократить их, а также выбрать число детей, время их рождения, пол и даже некоторые биологические характеристики. В этом смысле показателен опыт Китая, где ВРТ двадцать лет приспосабливались к государственной политике однодетности, пока не были официально разрешены в 2003 г. как «*активные усилия по преодолению биологических препятствий для достижения желаемой беременности и рождения одного ребенка в строгом соответствии с политикой планирования семьи*» [Wahlberg, 2016].

Политика ограничения рождаемости началась в Китае в 1979 г., через несколько месяцев после рождения в Великобритании первого в мире ребенка, зачатого «in vitro», и длилась более трех десятилетий, предотвратив рождения около 140 млн детей; за это время в разных странах появилось на свет более 5 млн новорожденных после ЭКО, среди которых около 200 тыс. китайских. Но если пионерам британской репродуктологии изначально было отказано в государственном финансировании, то китайские репродуктологи получили его уже в 1986 г., поскольку политика одного ребенка на национальном уровне трактовалась как обязанность иметь этого ребенка. Именно цель рождения здорового ребенка, который должен в будущем содержать своих пожилых родителей, потребовала не просто развития ВРТ, но изменения юридических, медицинских, социальных, экономических, культурных и институциональных норм. После пробных экспериментов регулирование ВРТ приобрело соответствующую форму, позволяющую вписаться в действующие репродуктивные ограничения, и с 2003 г. «Положение о вспомогательных репродуктивных технологиях

и этические принципы для вспомогательных репродуктивных технологий человека и банков спермы» допускает проведение ВРТ только в лицензированных клиниках и только для пар, состоящих в официальном браке. При этом ВРТ предусматривают почти все существующие программы вспомогательной репродукции, но рассматриваются как один из методов регулирования рождаемости наряду со стерилизацией и прерыванием беременности — хотя понятие «регулирование рождаемости» обычно используется для описания усилий фертильных пар по предотвращению нежелательной беременности в рамках планирования семьи, если трактовать его как «регулирование естественного воспроизводства», то включение сюда усилий по достижению желаемой беременности, в том числе с использованием ВРТ для преодоления биологических проблем фертильности, становится очевидным. В Китае с 1986 г. медицинская репродуктология вошла в общую программу модернизации страны.

Результатом стало расширение масштабов ЭКО, с одной стороны, из-за высокого спроса на ВРТ, а с другой — из-за того, что ВРТ оказались очень прибыльным сектором китайской экономики, где большую часть капитала, необходимого для начала и расширения деятельности, предоставляют частные инвесторы. По данным Министерства здравоохранения КНР, в 2013 г. в стране было проведено 609 009 циклов ВРТ (искусственное оплодотворение спермой мужа — 15,06%; искусственное оплодотворение спермой донора — 4,96%; ЭКО — 36,29%; ИКСИ — 16,25%; замороженный эмбрион — 27,44%), 31,83% из которых закончились беременностью, в результате которой произошло 145 108 живых родов (23,83% от всех циклов, или 74,85% от беременностей); эти показатели соответствуют общемировым. Ориентировочная стоимость одного цикла ЭКО составляла 20–30 тыс. юаней, ИКСИ — 25–35 тыс. юаней, но не покрывалась ни государственной, ни частной страховкой, что делало ВРТ недоступными для многих бесплодных пациентов, которых в 2016 г. насчитывалось более 40 млн [Wahlberg, 2016].

Сегодня очевидно, что в условиях распространения поздних браков и откладывания деторождения ВРТ позволяют улучшать качество жизни инфертильного и субфертильного населения, однако до сих пор остается открытым вопрос о здоровье детей, рожденных с их помощью, — 5% североевропейских детей, зачатых с помощью ВРТ, становятся проблемой общественного здравоохранения [Kirkman-Brown, Martins, 2020]. Значительная часть таких детей рождается у родителей, состояние здоровья которых не позволяет естественным путем зачать или выносить ребенка, поэтому и вероятность отклонений от норм популяционного здоровья у них выше. Несмотря на то что многие из первых рожденных с помощью ЭКО детей уже сами стали родителями, причем без помощи вспомогательной репродукции, периодически появляются исследования о том, что ВРТ

могут стать причиной увеличения числа врожденных дефектов у новорожденных. Особенно рискованным в этом смысле считается метод ИКСИ, появление которого в 1992 г. позволило стать отцами мужчинам с ранее неизлечимыми формами бесплодия, число которых неуклонно растет: отдельные исследования показывают, что врожденные дефекты наблюдаются у 10% детей, рожденных с использованием ИКСИ, по сравнению с менее чем 6% у детей, зачатых естественным путем или с помощью классического ЭКО [Wrodzone wady...]. Однако в последние годы появляются исследования, свидетельствующие о том, что, например, когнитивных различий между детьми, родившимися после ЭКО и зачатых естественным путем, не обнаружено [Norrman, Petzold, Bergh, Wennerholm, 2018].

Новые репродуктивные технологии в разных странах, как правило, проходят через различные этапы общественного одобрения: от единичных новаторских прорывов, сопровождаемых сомнением и сопротивлением, до постепенного внедрения в клиническую практику и рутинизации по мере роста доступности конкретных процедур. Именно на этапе перехода программ ВРТ в разряд массовых и обыденных может идти речь о включении их в комплекс мер демографической политики, но этому предшествует длительный период сложных взаимоотношений между биологическими исследованиями, медицинскими услугами, политикой, социальными движениями, средствами массовой информации, которые превращают ВРТ в важную часть повседневной жизни поставщиков услуг, пациентов и членов их семей.

Таким образом, актуальной проблемой становится не включение ВРТ как таковых в комплекс мер демографической политики, а расширение программ вспомогательной репродукции, разрешенных или даже финансируемых государством. Окончательное решение здесь формируется исходя из национальных традиций и стратегий развития народонаселения — например, британское Управление по оплодотворению и эмбриологии человека разрешает активацию ооцитов в связи с высоким спросом на эту процедуру, хотя данных о ее безопасности пока недостаточно [Kirkman-Brown, Martins, 2020]. В России сегодня наибольшие дискуссии вызывают ВРТ с применением преимплантационной диагностики (ПГД) и суррогатного материнства, потребность в которых растет, а доступность нет, поскольку эти компоненты не входят в систему ОМС. Показания к ПГД отличаются от показаний к другим программам ВРТ, поскольку главным здесь является не лечение бесплодия, а наличие определенного генетического расстройства, с высокой вероятностью передаваемого по наследству. Стремление получить генетически своего здорового ребенка заставляет пациентов настаивать на ПГД, которая снижает шансы на успех, но усиливает финансовое, физическое и психосоциальное бремя лечения — после неудачного цикла примерно каждая четвертая пара прекра-

щает попытки. Другой проблемой становится принятие решения о выборе пациентами той или иной программы ВРТ — уже на первых консультациях парам, пытающимся завести ребенка, обычно предлагается перечень доступных программ, среди которых хуже всего воспринимается репродуктивное донорство, хотя для 40-летней европейской женщины среднего роста и веса с первичным бесплодием вероятность забеременеть после ВРТ с собственными яйцеклетками составляет 23% против 55% с донорскими [Kirkman-Brown, Martins, 2020]. Для многих пар с плохим прогнозом это означает повторяющиеся неудачные циклы лечения, число которых может расти по мере разработки новых, даже потенциально рискованных технологий, что в конечном итоге тормозит процесс обретения родительства, потенциально способствуя бездетности. Оптимальный подход должен учитывать в качестве решающего фактора желание пары стать родителями и вероятность этого в различных сценариях, особенно при ограниченных финансовых ресурсах — от стремления воспроизвести собственные гены до потребности выполнять социальные родительские роли.

Список литературы

1. Национальные регистры ВРТ за 2007–2017 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rahr.ru/d_registr_otchet/ (дата обращения: 22.03.2020).
2. *Feng H. L., Qiao J.* Assisted reproductive technology in China: compliance and non-compliance // Transl Pediatr. — 2014 Apr. — 3(2). — 91–97. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4729105/ (дата обращения: 22.08.2020).
3. *Kirkman-Brown J. C., Martins M. V.* Genes versus children': if the goal is parenthood, are we using the optimal approach? // Human Reproduction. — 2020 Jan. — Vol. 35. — Issue 1. — P. 5–11. URL: https://academic.oup.com/humrep/article/35/1/5/5698586 (дата обращения: 22.08.2020).
4. *Norrman E., Petzold M., Bergh C., Wennerholm U.-B.* School performance in singletons born after assisted reproductive technology // Human Reproduction. — 2018 Oct. — Vol. 33. — Issue 10. — P. 1948–1959. URL: https://academic.oup.com/humrep/article/33/10/1948/5084991 (дата обращения: 22.08.2020).
5. *Wahlberg A.* The birth and routinization of IVF // China Reproductive Biomedicine & Society Online. — 2016 June. — Vol. 2. — P. 97–107.
6. Wrodzone wady z in vitro? URL: https://kobieta.onet.pl/zdrowie/zycie-i-zdrowie/wrodzone-wady-z-in-vitro/1jx7x (дата обращения: 22.08.2020).

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Nacional'nye registry VRT za 2007-2017 gg. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.rahr.ru/d_registr_otchet/ (data obrashhenija: 22.03.2020).

СКРЯБИНА Яна Альбертовна
к.э.н., ГБОУ ВО «Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан», доцент кафедры экономической теории и социально-экономической политики,
Уфа, Россия.
E-mail: skryana67@mail.ru

РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ ВСТУПАЮЩИХ В БРАК (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Ключевые слова: репродуктивное поведение, идеальное, ожидаемое и желаемое числа детей, брачно-семейные отношения.

JEL код: J13

Рождаемости как одному из важнейших демографических процессов и прежде всего показателю, формирующему его уровень, — репродуктивному поведению населения должна отводиться самая главная роль в приоритетах по улучшению демографической ситуации. Переход на малодетность связан с сознательным поведением людей в отношении деторождения, с расширением контрацептивных средств, позволяющих регулировать, когда и сколько иметь детей. При анализе обширного комплекса факторов рождаемости и репродуктивного поведения особое значение имеет такой социально-демографический процесс, как брачность.

В июне-сентябре 2018 г. на территории Республики Башкортостан проведен социологический опрос «Современные браки» среди граждан, подающих заявление на заключение брака в отделах ЗАГС. Объем выборки составляетил 693 респондента, что соответствует социологическим нормам, обеспечивает репрезентативность данных. Результаты исследования сравнивались с результатами аналогичного исследования 2012 г. Одна из задач исследования заключалась в изучении репродуктивных намерений респондентов, вступающих в брак.

Репродуктивные установки респондентов дифференцированы в зависимости от типа поселения, что связано не только с различиями в образе, условиях жизни городского и сельского населения, но и с разными представлениями об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей в семье (табл. 1).

Таблица 1

Репродуктивные установки респондентов в зависимости от типа поселения, среднее число детей в семье

Тип поселения	Идеальное число детей в семье	Желаемое число детей в семье	Ожидаемое число детей в семье
Уфа	2,37	2,41	2,27
Городское население	2,37	2,34	2,21
Сельское население	2,55	2,51	2,39
Репродуктивные установки, все население	2,43	2,43	2,30

В г. Уфе, столице и крупнейшем городе Башкортостана, и других городах республики репродуктивные установки ниже, чем в сельской местности.

Ожидаемое число детей как наиболее точный индикатор рождаемости позволяет спрогнозировать, сколько детей в конкретных условиях своей семьи и исходя из личных предпочтений за весь брачный период планируют иметь вступающие в брак. Сравним ожидаемое число детей, полученное по результатам исследования, с суммарным коэффициентом рождаемости (СКР), который рассчитывается для условного поколения, основан на данных текущей статистики, обычно используется для характеристики демографической ситуации и позволяет постоянно отслеживать динамику рождаемости.

Ожидаемое число детей по опросам 2012 и 2018 гг. и суммарный коэффициент рождаемости в 2017–2019 гг. (СКР) графически представлены на рис. 1.

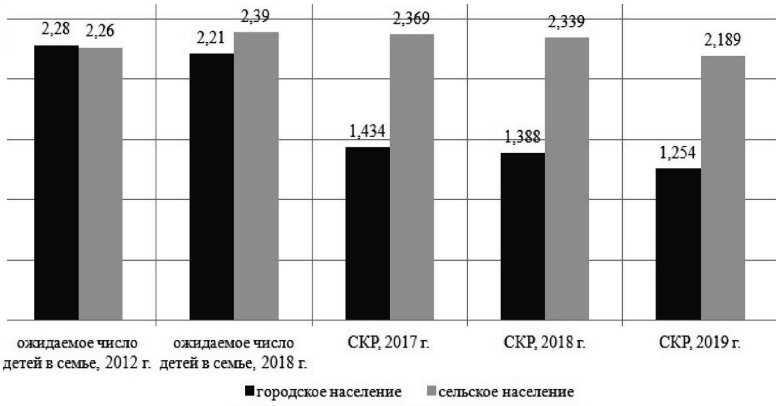

Рис. 1. Ожидаемое число детей по опросам 2012, 2018 гг., суммарный коэффициент рождаемости в 2017–2019 гг.

Разница между ожидаемым числом детей и значением СКР среди городского населения свидетельствует о потенциальных возможностях повышения рождаемости в городской местности. Разделив фактическое значение СКР в 2019 г. (1,511) на критическое значение 2,15 и умножив на 100, мы определим, что в 2019 г. уровень рождаемости в Республике Башкортостан обеспечивал простое воспроизводство населения на 70,3%, в том числе в городской местности — на 58,3%, в сельской — на 101,8%.

Практическое значение для оценки перспектив рождаемости имеет вопрос о сроках планирования рождения первого ребенка. Согласно опросу, одна треть респондентов (33,6%) не занимается планированием, еще треть (30,1%) предполагает родить в течение года после вступления в брак, 21,2% вступающих в брак уже ждут ребенка, т.е. скорее всего брак заключается по факту наступления беременности, 15,0% намереваются родить ребенка в ближайшие 2–4 года. В разрезе «город-село» респонденты, проживающие в г. Уфа и в других городах республики, менее склонны к планированию рождения детей: 33,1% уфимцев и 39,1% жителей других городов планируют обзаводиться первым ребенком как получится, соответственно 21,1 и 23,6% уже ждут ребенка. При этом для жителей села прослеживается более вдумчивый подход к срокам деторождения. Данные опроса несколько противоречат современным реалиям, поскольку для сельских жителей характерна более низкая культура контрацепции, чем для городских. В целом большинство респондентов настроены на рождение первого ребенка не позднее четырех лет после вступления в брак.

Репродуктивные установки у мужчин выше, чем у женщин. Мужчинам психологически свойственна завышенная потребность в детях. Практически все исследования показывают, что мужчины в среднем ориентированы на несколько большее число детей, чем женщины. Однако при принятии решения о числе детей в семье решающее значение имеет мнение того из супругов, чья установка детности ниже. Возможно, учитывая более высокие репродуктивные установки мужчин, следует предусмотреть дополнительные меры, предоставляемые отцам новорожденных детей.

Репродуктивная ориентация на одного и трех детей в семье, а также нежелание иметь детей как у мужчин, так и у женщин, по данным опросов 2012 и 2018 гг., практически совпадают, но с данными МНП-2015 наблюдаются существенные различия. Но во всех трех случаях подавляющее большинство отдает предпочтение двухдетной модели семьи.

Согласно данным ВЦИОМ, по мнению респондентов, основными причинами бездетности выступают эгоистичные мотивы, желание жить для себя (15%), бедность, нехватка денег, плохие материальные условия

(13%), приоритет карьеры, работы, сильной занятости (9%). Наименее значимая причина бездетности (1%) — не хотят иметь детей те, кто не думает о будущем, об одиночестве в старости [Вовк, 2008]. На наш взгляд, необходимо усилить пропагандистские меры, показывающие негативные стороны одиночества единственного ребенка в семье и одиночества самих родителей в старости.

Уровень образования влияет на образ жизни, круг интересов, систему ценностей и систему потребностей человека, в том числе на потребность в детях через формирование репродуктивных установок. Между уровнем образования и показателями рождаемости существует обратная связь: чем выше уровень образования, особенно женщин, тем ниже рождаемость. У респондентов с высшим образованием среднее идеальное, желаемое и ожидаемое число детей больше, а имеющееся — меньше, чем у респондентов со средним и средним специальным образованием (табл. 2). Повышение уровня образования создает новые возможности для развития внесемейных ориентаций.

Таблица 2

Репродуктивные установки респондентов в зависимости от уровня образования, среднее число детей в семье

Образование	Идеальное число детей в семье	Желаемое число детей в семье	Ожидаемое число детей в семье
среднее	2,51	2,42	2,27
среднее специальное	2,41	2,39	2,26
высшее	2,44	2,47	2,35

Согласно опросу, прослеживается зависимость потребности в детях от материального положения респондентов: наиболее высокие установки на детность у респондентов, чей уровень оценивается как «на новую машину денег хватает, но мы не можем позволить себе покупку квартиры или дома» и «материальных затруднений не испытываем, при необходимости могли бы приобрести квартиру, дом». У них самые высокие ожидания — 2,48 и 2,38 ребенка в семье соответственно. И, наоборот, у тех, кто очень низко оценил свое материальное положение (денег не хватает даже на питание), самые низкие репродуктивные установки. Конечно, материальное положение выступает одной из важнейших характеристик благополучия семьи, но одновременно с этим улучшение благосостояния семьи может существенно изменить образ ее жизни и переориентировать с семейных ценностей на внесемейные.

Родительская семья является важнейшим институтом социализации личности, именно она формирует представление детей и подростков о бу-

дущей семье. Чем больше число детей в родительской семье, тем выше идеальное, желаемое и ожидаемое число детей. По результатам опроса видно, что респонденты, выросшие в четырехдетных и более семьях, ориентированы на большее число детей, чем те, кто вырос в однодетных и двухдетных семьях (табл. 3).

Таблица 3

Репродуктивные установки респондентов в зависимости от числа детей в родительской семье, среднее число детей в семье

Число детей в родительской семье	Идеальное число детей	Желаемое число детей	Ожидаемое число детей
я один (одна)	2,18	2,14	2,00
два	2,38	2,39	2,29
три	2,63	2,59	2,44
четыре и более	2,71	2,72	2,52

На увеличение возраста вступления в первый брак значимое влияние оказывает допустимость не только добрачных сексуальных отношений, но и ранняя сексуальная жизнь. На вопрос анкеты «Как вы относитесь к ранней (до 18 лет) сексуальной жизни?» 78,8% респондентов выразили свое негативное отношение (27,5% — крайне отрицательно, 51,3% — отрицательно). По сравнению с опросом 2012 г. увеличилось число респондентов, положительно относящихся к ранней сексуальной жизни (с 2,1 до 4,9%) и не придающих этому значения (с 9,8 до 16,3%).

Репродуктивные установки выше у тех мужчин и женщин, которые неодобрительно относятся к ранней (до 16 лет) сексуальной жизни, чем у тех, которые одобряют или безразличны. Таким образом, несмотря на либерализацию сексуального поведения в современных условиях, большинство опрошенных респондентов, осуждающих ранние сексуальные связи, имеют более высокие репродуктивные установки.

Репродуктивные установки выше у тех мужчин и женщин, которые считают, что отношения надо узаконивать, чем у тех, которые негативно относятся к официальной регистрации брака.

В зависимости от норм детности выделяют три типа репродуктивного поведения: малодетное (1–2 ребенка в семье), среднедетное (3–4 ребенка) и многодетное (5 и более детей в семье). Согласно опросу, респонденты придерживаются норм малодетности, и даже есть те, которые предпочитают бездетность.

Сегодня мы наблюдаем постепенный переход от двухдетности к однодетности как идеальной модели семьи. Следует учесть, что не все репродук-

тивные планы и ожидания вступающих в брак будут реализованы полностью, так как респонденты не могут учесть возможного ухудшения своего здоровья, распада брака из-за развода или овдовения, изменения репродуктивных установок под влиянием жизненных обстоятельств. В среднем идеальное число 2,43, желаемое — 2,43 и ожидаемое — 2,30 детей в семье соответствуют малодетной модели семьи.

Информация об ожидаемом числе детей позволяет наиболее точно прогнозировать общий уровень рождаемости. В нашем случае среднее ожидаемое число детей в семье для всего населения республики составляет 2,30 ребенка. При стабильных условиях — благоприятной социально-экономической и политической ситуации, неизменном протекании демографических процессов — эти намерения реализуются достаточно точно. Скорректируем этот показатель на сокращение численности женщин репродуктивного возраста, современный уровень бесплодия в Башкортостане, уровень смертности женщин в наиболее активном репродуктивном возрасте 20–34 лет, миграционную убыль женщин в возрасте 20–34 лет и с учетом основных концепций и детерминант рождаемости, объясняющих сокращение рождаемости как результат принятия новых форм репродуктивного поведения, характеризующихся преднамеренными действиями супругов по ограничению деторождения после того, как в семье появилось определенное количество детей, спрогнозируем значение СКР на 2018–2020 гг. на уровне 1,533 ребенка в среднем на одну женщину. По данным за 2019 г., СКР для всего населения республики составил 1,511 ребенка.

Большинство ученых-демографов придерживаются мнения, что меры демографической политики, направленные главным образом на устранение материальных помех к рождению детей, в настоящее время исчерпали свою эффективность [Багирова и др., 2014]. Можно сделать предположение, что если государство не будет вместе с материальным стимулированием рождаемости активно, наступательно формировать потребность в детях и создавать положительный образ семьи с несколькими детьми, состоящей в законном браке, то следует ожидать перехода от двухдетной модели семьи преимущественно к однодетной и росту числа семей, предпочитающих бездетность.

Список литературы

1. *Багирова А. П., Шубат О. М.* и др. Государственная семейная политика в Уральском регионе: опыт и новые социальные практики. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2014. — 196 с.
2. *Вовк Е.* Бездетность и нежелание иметь детей. URL.: https://bd.fom.ru/report/map/d082125#f1

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Bagirova A. P., Shubat O. M. i dr.* Gosudarstvennaja semejnaja politika v Ural'skom regione: opyt i novye social'nye praktiki. — Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2014. — 196 s.
2. *Vovk E.* Bezdetnost' i nezhelanie imet' detej. URL.: https://bd.fom.ru/report/map/d082125#f1

СЛЮСАР Людмила Ивановна
к.э.н., ст.н.с., ведущий научный сотрудник
Института демографии и социальных исследований
имени М. В. Птухи НАНУ,
Киев, Украина.
E-mail: l.slyusar.demostudy@gmail.com

СЕМЬЯ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ: ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕНСИФИКАЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Ключевые слова: семья, брак, развод, родительство, миграция.

Код JEL: J12.

Современная специфика семьи в Украине обусловлена как национальными традициями, трансформированными советским типом модернизации, так и особенностями брачно-семейного поведения населения европейских стран в начале XXI в., а также социально-экономическими условиями жизни населения страны. Сложность современного этапа развития украинского общества, нерешенность многих социально-экономических проблем затрудняют жизнедеятельность и развитие семьи, создают препятствия для реализации ее функций, в том числе деторождения, воспитания и содержания детей, продуцирует ряд негативных тенденций и явлений.

Наиболее острыми проблемами украинской семьи на протяжении двух последних десятилетий являются:

- нестабильность брака, высокий уровень разводимости населения: хотя с 2000 г. наметилась тенденция к снижению показателей разводимости, которая усилилась после 2013 г., она нестойкая, наблюдаются значительные годовые колебания. Так, в 2018 г. количество

разводов «подскочило» на 20% по сравнению с предыдущим годом, в 2019 г. — уменьшилось более чем на 10%. (табл. 1);

Таблица 1

Количество разводов, в том числе на 1000 населения, зарегистрированных в Украине в 2014–2019 гг.

	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Количество зарегистрированных разводов, тыс.	130,7	129,4	130,0	128,7	153,9	138,0
Общий коэффициент разводимости, ‰	3,0	3,3	3,3	3,3	3,9	3,6

Источник: данные Государственной службы статистики Украины.

- массовая однодетность украинских семей: в 2018–2019 гг. однодетными были около 75% семей, воспитывающих детей, и менее 4% семей имели трех и больше детей;
- невыполнение частью семей своих родительских обязанностей, что стало причиной появления проблемы социального сиротства (несмотря на усилия социальных служб, в 2016–2019 гг. не удалось добиться значительного уменьшения численности таких детей);
- проблема семейного насилия, которая обострилась в условиях эпидемии COVID-19 и карантина;
- большое количество неполных семей: в 2018–2019 гг. в 20,3–20,5% домохозяйств с детьми дети не имели одного или обоих родителей.

С обретением Украиной статуса ассоциированного члена ЕС ускорился процесс ее вхождения в глобальный обмен трудовыми ресурсами, интенсифицировалась внешняя трудовая миграция, что не могло не повлиять на все стороны жизни украинской семьи, предоставив ей как новые возможности, так и обострив проблемы и риски.

Украина является одной из крупнейших стран — доноров рабочей силы в Европе, и пандемия COVID-19 мало повлияла на ее масштабы, не произошло, как ожидалось, массового возвращения трудовых мигрантов на родину. Соответственно в стране получили распространение транснациональные семьи, члены которых проживают в разных странах. Транснациональная семья, как ее определяют исследователи, — это малая социальная группа, объединенная брачными или родственными связями, члены которой определенное время (или преимущественно) проживают отдельно друг от друга, однако сохраняют ощущение единства, работают над обеспечением совместного благополучия и демонстрируют свою солидарность даже через государственные границы [Breceson, Vuorella, 2002].

Если в такой семье есть ребенок, он или живет с одним из родителей, или, если за границей работает мать, которая сама воспитывает ребенка, ребенок находится на попечении родственников.

Внешняя трудовая миграция позволяет повысить благосостояние семьи, смягчает проблемы безработицы и низкой оплаты труда, расширяет возможности для профессиональной реализации и карьерного роста члена семьи, способствует увеличению доходов. Однако эти материальные достижения провоцируют сужение, трансформацию других функций семьи, выполнение которых значительно усложняется. Уникальные социально-психологических функции семьи: психологическая поддержка и взаимопомощь, снятие эмоционального напряжения, реализация наиболее индивидуальных потребностей — не могут полноценно реализовываться на расстоянии, через средства связи. Не выполняются в полной мере и такие функции, как взаимный социальный контроль, социальная защита. В условиях демографического старения возрастает значение функций по уходу и заботе о пожилых членах семьи, нуждающихся в инструментальной помощи, а их выполнение под вопросом.

Безусловным является положительное влияние работы за рубежом одного из членов семьи на ее материальное положение: в условиях бедности значительной части украинских семей, в первую очередь семей с детьми, поступления средств от трудового мигранта позволяют решить часть экономических проблем, в том числе по обеспечению достойных материальных условий содержания детей. По оценкам Национального банка, в 2019 г. украинские трудовые мигранты перечислили на родину более 12 млрд долл. Большинство домохозяйств, получающих помощь из-за границы, получают ее от одного из супругов (мужа/жены), взрослых детей и даже других родственников (табл. 2), что является определенным свидетельством сохранения традиционной семейной солидарности, взаимопомощи поколений в новой, «дистанционной» форме.

Семья «делегирует» одного из своих членов для решения своих экономических проблем (жилье, образование, лечение, формирования страховых сбережений), в том числе для улучшения условий жизни детей. По данным опроса, проведенного в 2017 г. социологической группой «Рейтинг», одним из мотивов работы за рубежом для респондентов было желание заработать на жилье, обучение детей, лечение родственников; а одной из причин, побудивших думать об эмиграции, — «желание обеспечить лучшее будущее для детей».

Таблица 2

Распределение домохозяйств по источнику поступления денежной помощи из-за рубежа, % (2016 г.)*

Поступило от:	Все поселения	Городские поселения	Сельская местность
мужа/жены	33,7	34,9	32,2
детей (сына, дочки)	30,7	27,6	34,9
родителей	15,1	16,5	13,1
других родственников	20,1	20,1	20,0
друзей и др.	5,7	6,0	5,4

* предусматривалась возможность нескольких вариантов ответов.

Источник: Зовнішня трудова міграція населення (результати модульного вибіркового обстеження). Статистичний бюлетень. — Київ: Держ. служба статистики України, 2017. — С. 28.

Однако, решая экономические вопросы, транснациональная семья продуцирует многочисленные проблемы и риски — в сфере брачных отношений, социализации детей, одиночества лиц пожилого возраста.

В сфере брачных отношений: длительное отсутствие одного из супругов в той или иной форме способствует отчуждению, недопониманию, уменьшению общих интересов и увеличивает риск развода (более половины трудовых мигрантов состоят в браке) — табл. 3.

Дискомфорт испытывают как трудовые эмигранты, так и члены их семьи, и здесь есть определенная гендерная специфика. Женщины, которые работают за рубежом, особенно остро переживают разлуку с семьей, с детьми; они выезжают, чтобы материально обеспечить свою семью и детей, и вместе с тем страдают от ощущения собственной вины перед детьми. Мужчины в отсутствие жены и ее «социального контроля» часто склонны к девиантному поведению, алкоголизму. Если женщина, работая за рубежом, становится «кормильцем» семьи, мужчине трудно это воспринять, так как взгляды многих украинцев на роль мужчины в семье остаются традиционными.

Таблица 3

Распределение трудовых эмигрантов по брачному состоянию, %

	Состоят в браке	Никогда не состояли в браке	Разведены	Вдовые
Модульное выборочное обследование 2012 г.				
всего	58,4	28,2	10,3	3,1
женщины	46,1	25,3	21,3	7,3
мужчины	64,8	29,7	4,5	1,0

Окончание табл. 3

	Состоят в браке	Никогда не состояли в браке	Разведены	Вдовые
городские поселения	57,5	27,3	11,4	3,8
сельская местность	59,1	29,0	9,3	2,6
Модульное выборочное обследование 2017 г.				
всего	61,6	23,4	12,3	2,7
женщины	51,8	16,2	23,5	8,5
мужчины	65,6	26,5	7,7	0,2
городские поселения	64,1	19,4	14,1	2,4
сельская местность	58,9	27,7	10,5	2,9

Источник: Report on the Methodology, Organization and Results of a Modular Sample Survey on Labour Migration in Ukraine. — International Labour Organization, 2013. — P. 29; расчеты по данным модульного выборочного обследования по вопросам трудовой миграции 2017 г.

В социализации и воспитании детей: в такой семье изменены природные основы взаимоотношений ребенок-родители (внимание, забота, любовь), отсутствие «живого контакта» порождает психологические и эмоциональные проблемы, нарушается психоэмоциональное состояние ребенка, меняется поведение, есть риск депрессии, особенно если отсутствуют оба родителя, сложно проходят процессы социализации и воспитания. По данным проекта благотворительного фонда «Каритас» «Сеть социальных центров для детей трудовых мигрантов в Украине» относительно пользователей этих центров, половина детей воспитывалась без матери, треть детей — без обоих родителей, более чем четвертая часть воспитывалась старшим поколением — бабушками и дедушками. Продолжительность отсутствия родителей была разная, однако в большинстве случаев дети годами (от 3 и более лет) росли без родителей. По наблюдениям экспертов, эти дети более самостоятельны, чем дети, живущие с родителями, однако они не склонны к лидерству и не любят брать на себя ответственность; у них есть возможность путешествовать и изучать языки. Основными негативными последствиями разлуки детей с родителями эксперты «Каритас» назвали: тяжелые эмоциональные состояния и переживания; одиночество, замкнутость, чрезмерную агрессивность, уязвимость; потерю интереса к учебе; нарушение гендерной и социальной идентификации; сложные отношения с опекунами и конфликты со сверстниками; ослабление привязанности к родителям.

Внешняя трудовая миграция является одним из факторов, значительно увеличивающим риск одиночества пожилых людей, и в условиях нарастающего старения населения эта проблема обостряется. В современной

Украине, по данным выборочного обследования «Пожилые люди в Украине», в возрасте 75 лет и старше 32,0% женщин и 27,4% мужчин нуждаются в постоянной помощи в ведении домашнего хозяйства, выполнении домашней работы, а 53,3% женщин и 50,0% мужчин такая помощь нужна иногда. Одна из основных причин, почему помощь не оказывалась, — «дети живут далеко». В зоне риска находятся в первую очередь пожилые женщины, проживающие в домохозяйстве одиноко, что обусловлено значительными гендерными различиями в показателях смертности и средней продолжительности жизни и гендерными особенностями брачного поведения.

Вывод: транснациональная семья, с одной стороны, свидетельствует о деформации и даже разрушении традиционных форм семейных связей, недовыполнении ряда важных функций семьи, с другой — свидетельствует об адаптационных возможностях института семьи, ее способности приспособиться к новым общественным процессам, трансформируя формы семейных связей.

Список литературы

1. Динаміка міграційних настроїв українців. — вересень 2017 / Соціологічна група «РЕЙТИНГ» [Электронный ресурс]. URL: http://ratinggroup.ua/research/ukraine/dinamika_migracionnyh_nastroeniy_
2. Зовнішня трудова міграція населення (результати модульного вибіркового обстеження). Статистичний бюлетень. — Київ: Держ. служба статистики України, 2017.
3. *Иванкова-Стецюк О. Б.* Проблемы и перспективы дистанционных семей (по материалам социологических исследований) // Вестник Нижегородского университета. Серия: Социологические науки. — 2014. — № 3 (35). — С. 102–109.
4. *Лукавецька З.* Діти трудових мігрантів. Проблеми, досвід МБФ «Карітас України» // Транснаціональні сім'ї як наслідок української трудової еміграції: проблеми та шляхи їх розв'язання // Збірник доповідей Міжнародної наук.-практ. конференції — Львів: Вид-во Нац. Ун-ту «Львівська політехніка», 2012. — С. 254–262.
5. *Breceson D., Vuorella U.* Transnational families in Twenty First century // The Transnational Families: New European frontiers and global networks. — Oxford, N. Y., 2002.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Ivankova-Stecjuk O. B.* Problemy i perspektivy distancionnyh semej (po materialam sociologicheskih issledovanij) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta. Serija: Sociologicheskie nauki. — 2014. — № 3 (35). — S. 102–109.

ХРАБРОВА Ксения Геннадиевна
старший преподаватель,
факультет социально-политических наук ЯрГУ
имени П. Г. Демидова,
Ярославль, Россия.
E-mail: bolvina.kseniya@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ МУЖЧИНАМИ И ЖЕНЩИНАМИ КАК СОЦИАЛЬНЫМИ ГРУППАМИ НА СОСТОЯНИЕ ИНСТИТУТА СЕМЬИ

Ключевые слова: мужчины, женщины, семья, брак.

Код JEL: J12

Под влиянием изменений в российском обществе формируются различные варианты взаимодействий между мужчинами и женщинами. Разнообразные социальные практики, изменение ценностей и формирование новых жизненных стратегий у мужчин и женщин, которые проходят по-разному, приводят к появлению противоречий, которые выражаются в таких тенденциях, как высокий уровень разводов, рост числа незарегистрированных браков, нежелание заводить ребенка [Гурко, 2008, 2017]. Это обуславливает необходимость исследований семейно-брачных отношений, состояния семьи как социального института. Перед нами стояла задача проследить характер взаимоотношений мужчин и женщин как социальных групп в условиях социальных трансформаций.

Результаты авторского исследования, проведенного в г. Ярославле (N = 600) показали, что характер (содержание) отношений между мужчинами и женщинами как социальными группами зависит от состояния социокультурной среды (изменения норм общества, смены ценностных ориентаций).

Нормы, которые поддерживали функционирование полной семейной системы, изменились, брак теперь желателен, но не обязателен, отношения супружества перестали рассматриваться как пожизненные, наличие и количество детей регулируется самими супругами.

Полученные данные позволяют говорить о разнообразии и расширении представлений об идеальном мужчине и идеальной женщине в социуме, выходящих за рамки представлений об идеальных супругах (муже и жене).

Анализируя представления об идеальных мужчинах и женщинах, можно выделить несколько моделей характеристик идеальных мужчины

и женщины. Первая модель связана с идеей семьи и соответствующими характеристиками будущих мужа и жены, идеей родительства. Вторая модель — «несемейная», она не связывает образы мужчины и женщины с их ролью в семье [Лежнина, 2013, с. 170].

В первой модели выделяются такие качества женщины, как любовь к детям (отметили 96,2% мужчин), умение вести хозяйство (отметили 90,5% мужчин), верность (отметили 96,8% мужчин), именно эти качества необходимы женщине для выполнения роли жены и матери. Главные качества идеального мужчины в этой модели — трудолюбие (отметили 95,5% женщин), хозяйственность (отметили 84,4% женщин) и верность (отметили 96,3% женщин). Именно эти качества необходимы для выполнения роли мужа и отца.

В «несемейной» модели для женщины важны такие качества, как красота, привлекательность (отметили 95,5% мужчин), целеустремленность, карьеризм (отметили 57,9% мужчин). Для мужчин важна острота ума (отметили 80% женщин), сила, выносливость (отметили 84,9% женщин), внешняя привлекательность (отметили 44,7% женщин).

Таким образом, идеальная женщина сочетает в себе качества жены и женщины. Идеальная женщина и идеальная жена — два разных понятия. Женщина должна быть красивой, привлекательной, целеустремленной — это ключевые параметры, которые позволяют оценить ее как женщину. А для жены есть другой спектр: вопросы, связанные с ее верностью, добротой, любовью к детям, хозяйственностью. Роли мужчины и мужа тоже несколько различны, но у них больше пересечений. А в случае с представлением об идеальной женщине с точки зрения мужчин речь идет о разных женских ролях.

Рассмотрим отношение мужчин и женщин к сексуальным отношениям.

На вопрос «Как вы относитесь к добрачным сексуальным отношениям?» ответили «Положительно, считаю это нормальным» 65,6% мужчин и 65,3% женщин. И те и другие одобряют интимную близость до брака. При этом 14,1% мужчин и 7,5% женщин согласились с тем, что «для мужчины это нормально, а для женщины недопустимо», а 9,2% мужчин и 8,7% женщин относятся к добрачным отношениям «отрицательно, эти отношения должны начинаться только после свадьбы». Таким образом, подтверждается устойчивый и последовательный сдвиг в сторону большей терпимости к сексуальным практикам других, включая принятие добрачных половых отношений как для мужчин, так и для женщин [Гурко, Мамиконян, 2018].

Должны ли интимные отношения приводить к браку? В ходе исследования выяснили, что 62% мужчин и 56,1% женщин (ответивших на вопрос) согласны с суждением «главное, чтобы в основе интимных отношений были подлинные чувства, тогда не важно, заключается брак или нет».

Как мы видим, к интимным отношениям без намерения вступить в брак лояльно относятся и мужчины, и женщины.

При этом 64,8% мужчин и 69,3% женщин согласны и со следующим суждением «считаю, что интимные отношения должны строиться на основе любви и приводить к браку». Таким образом, можно сделать вывод, что у респондентов не сформировано единое представление о связи интимных отношений с браком.

И мужчины, и женщины выступают за официальную регистрацию брака — 86,1% мужчин и 85,0% женщин, форма семьи на основе свободных отношений без регистрации брака устраивает 10,8% мужчин и 7,7% женщин, 3,2% мужчин и 6,2% женщин одобряют заключение брачного контракта. Итак, семья на основе зарегистрированного брака остается предпочтительной и среди мужчин, и среди женщин.

Большинство респондентов согласны с тем, что «создавая семью, нужно думать о том, что это решение на всю жизнь» (87,9% мужчин и 88,5% женщин). 10,2% мужчин и 9,5% женщин согласны с суждением: «Создавая семью не нужно думать о том, что это решение на всю жизнь, можно в любой момент разойтись». Как мы видим, часть респондентов изначально не рассматривает отношения супружества как пожизненные.

Таким образом, рассмотрев представления мужчин и женщин друг о друге, об интимных отношениях, о браке, мы можем предположить, что разница во взглядах мужчин и женщин как социальных групп оказывает влияние на состояние института семьи в целом.

Список литературы

1. *Гурко Т. А.* Брак и родительство в России. — М.: Институт социологии РАН, 2008. — 325 с.
2. *Гурко Т. А.* Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. — 2017. — № 11. — С. 99–110.
3. *Гурко Т. А., Мамиконян М. С.* Установки студентов в брачно-семейной сфере и отношениях между полами // Вестник Института социологии. — 2018. — № 27. — С. 192–226.
4. *Лежнина Ю. П.* Трансформация гендерных ролей в современной России // Общественные науки и современность. — 2013. — № 14. — С. 165–176.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Gurko T. A.* Brak i roditel'stvo v Rossii. — M.: Institut sociologii RAN, 2008.
2. *Gurko T. A.* Novye semejnye formy: tendencii rasprostranenija i ponjatija // Sociologicheskie issledovanija. — 2017. — № 11. — S. 99–110.

3. *Gurko T.A., Mamikonjan M.S.* Ustanovki studentov v brachno-semejnoj sfere i otnoshenijah mezhdu polami // Vestnik Instituta sociologii. — 2018. — № 27. — C. 192–226.
4. *Lezhnina Ju.P.* Transformacija gendernyh rolej v sovremennoj Rossii // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. — 2013. — № 14. — S. 165–176.

ШУБАТ Оксана Михайловна
к.э.н., доцент, Институт экономики и управления
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
кафедра экономики и управления
на металлургических и машиностроительных предприятиях,
Екатеринбург, Россия.
E-mail: o.m.shubat@urfu.ru

БАГИРОВА Анна Петровна
д.э.н., профессор, Институт экономики и управления
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
кафедра социологии и технологий
государственного и муниципального управления,
Екатеринбург, Россия.
E-mail: a.p.bagirova@urfu.ru

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РОЖДЕНИЙ ВЫСОКИХ ПОРЯДКОВ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ: ПОИСК ДЕТЕРМИНАНТ[1]

Ключевые слова: рождаемость, российские регионы, рождения высоких порядков, детерминанты рождаемости.

Коды JEL: J11, J13

Динамика рождаемости подвержена влиянию различных факторов: экономических, социально-культурных, религиозных, внутриполитических. При этом на сегодняшний день отчетливое представление о том, в какой мере тот или иной фактор влияет на уровень рождаемости,

[1] Исследование проведено в рамках проекта «Российская пронаталистская политика: ресурсы, эффекты, возможности оптимизации», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2722.2020.6)

а также о возможном эффекте, возникающем от совместного влияния нескольких факторов, отсутствует. Отдельные детерминанты рождаемости активно изучаются учеными во многих странах мира. Исследователи классифицируют факторы рождаемости по разным основаниям, формируя разные группы или типы факторов даже в рамках одного и того же основания.

Например, Л. Е. Дарский всю совокупность влияющих на рождаемость факторов разделяет на две группы — факторы, определяющие историческую трансформацию демографических процессов (например, демографический переход), и те, которые влияют на рождаемость в краткосрочной и среднесрочной перспективе или детерминируют межстрановые, межрегиональные различия [Дарский, 1976, с. 8]. Б. Ц. Урланис предлагает оригинальную модель детерминации рождаемости, в которой выделяет ее условия, факторы, субфакторы и причины [Урланис, 1974]. Согласно теории А. И. Антонова, В. Н. Архангельского, В. А. Борисова и др., в России существует две группы факторов низкой рождаемости: социально-психологические (или — низкая потребность в детях) и социально-экономические (или — плохие условия реализации потребности в детях). К первой группе относятся, например, желание иметь то или иное число детей, распространенные в обществе социальные нормы относительно числа детей и т.д. Вторая группа факторов включает уровень дохода, жилищные условия, наличие детских садов и т.д. [Архангельский, 2012]. Влияние этих групп факторов взаимосвязано, и нельзя, например, говорить о детерминации рождаемости только экономическими причинами, не связывая их с уровнем потребности в детях. И. Е. Калабихина выделяет два типа детерминант рождаемости: промежуточные и социально-экономические. К первой группе ученый относит различные поведенческие, биологические факторы рождаемости — возраст вступления в брак, уровень абортов, уровень бесплодия, длительность периода лактации, использование контрацепции и др. Группа социально-экономических факторов включает широкий набор индикаторов экономического, институционального и социокультурного характера [Экономика народонаселения, с. 422–424].

Отмечая глубокую проработку в отечественной демографии вопросов, связанных с детерминацией рождаемости, в то же время необходимо констатировать, что изучение детерминант рождений разной очередности попадает в фокус демографических и социологических исследований гораздо реже. Однако в последние годы результаты такого изучения публиковались как российскими, так и зарубежными учеными [см., например, Matysiak, Szalma, 2014; Wood, Neels, Vergauwen, 2016; Карпова, 2016; Шубат, Багирова, 2014 и др.]. Мы полагаем, что детерминанты рождений разной очередности могут иметь региональную специфику. Действительно, для России исторически характерна существенная региональная дифференциация

по многим экономическим, социальным, демографическим показателям, в том числе и по уровням рождаемости. Так, в целом ряде регионов России показатели рождаемости значительно выше среднероссийского уровня. Среди них традиционно Республика Тыва (наибольший среди российских регионов суммарный коэффициент рождаемости, который в 2019 г. превышал общероссийский показатель более чем в 1,8 раза), Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Республика Алтай, Республика Дагестан и др. Можно выделить группу регионов, в которых в этом же году показатели суммарного коэффициента рождаемости были существенно ниже, чем в целом по стране: Ленинградская область (наименьший среди российских регионов суммарный коэффициент рождаемости, который в 2019 г. был ниже общероссийского почти на 30%), Республика Мордовия, Тульская область, Пензенская область и др. [Суммарный коэффициент рождаемости, 2019]. Существенные различия российских регионов наблюдаются и по уровню других показателей воспроизводства населения — общего коэффициента рождаемости, ожидаемой продолжительности жизни, младенческой и материнской смертности, количества детей в семьях, количества детей, родившихся вне брака, и др. Наши исследования подтвердили не только неоднородность демографического пространства России, но и возможность выделения кластеров регионов, специфичных по уровням рождаемости, тенденциям ее изменения, особенностям детерминации (см., например, [Shubat, Bagirova, Shmarova, 2017]).

С 2019 г. официальная российская статистика аккумулирует региональные данные и по рождениям разной очередности. В отношении этих показателей рождаемости также наблюдается заметная региональная дифференциация (табл. 1).

Таблица 1

Суммарный коэффициент рождаемости для рождений разной очередности в регионах России в 2019 г.
(Суммарный коэффициент рождаемости вторых детей, 2019; Суммарный коэффициент рождаемости третьих и последующих детей, 2019)

	Суммарный коэффициент рождаемости по вторым детям	Суммарный коэффициент рождаемости по третьим и последующим детям
Региональный минимум	0,37	0,20
Региональный максимум	0,84	1,25
Отношение максимума к минимуму	2,27	6,25

Наиболее существенным образом регионы России различаются по показателю рождаемости третьих и последующих детей. В 2019 г. максимальный региональный уровень этого показателя (1,25 в Чеченский Республике) более чем в 6 раз превышал его минимальное значение (0,2 в городе федерального значения Севастополь) [Суммарный коэффициент рождаемости третьих и последующих детей, 2019]. При этом можно выделить группу регионов с нетипично высокими уровнями рождаемости третьих и последующих детей. К таковым, согласно общепринятой статистической методологии, относятся регионы с уровнями рождаемости, превышающими уровень третьего квартиля распределения более чем на 1,5 межквартильного размаха. Такие регионы могут быть названы драйверами позитивной демографической динамики (рис. 1, кружками обозначены регионы, значения показателя в которых превышают уровень третьего квартиля более чем на 1,5, а звездочками — более чем на 3 межквартильных размаха).

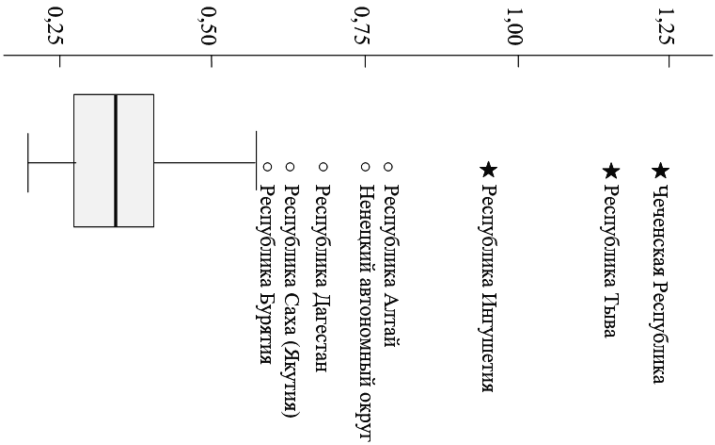

Рис. 1. Ящичковая диаграмма региональных значений суммарного коэффициента рождаемости по третьим и последующим детям в 2019 г.

Важным является то, что эти субъекты характеризуются очень разным уровнем регионального развития. Последний может быть представлен, например, данными рейтинга социально-экономического положения субъектов РФ, составляемого агентством «РИА Рейтинг» (универсальное рейтинговое агентство медиагруппы МИА «Россия сегодня», специализирующееся на оценке социально-экономического положения регионов РФ, экономического состояния компаний, банков, отраслей экономики, стран) [Рейтинг социально-экономического положения регионов, 2020]. В табл. 2 приведены интегральные рейтинги (в баллах) и места

выделенных регионов по итогам 2019 г. Эти места различны — они находятся как во втором квартиле, так и в середине, и в конце национального рейтинга.

Таблица 2

Рейтинговые оценки социально-экономического развития регионов — драйверов позитивной демографической динамики

Регион	Интегральный рейтинг, баллы	Место в рейтинге
Республика Чечня	28,373	68
Республика Тыва	13,174	84
Республика Ингушетия	16,279	82
Республика Алтай	13,710	83
Ненецкий АО	33,939	58
Республика Дагестан	34,731	57
Республика Саха (Якутия)	45,835	33
Республика Бурятия	27,889	71

Источник: составлено по: Рейтинг социально-экономического положения регионов, 2020.

Рейтинг российских регионов по качеству жизни населения в 2019 г., составленный рейтинговым агентством «Национальные кредитные рейтинги» по заказу РБК, позволил сделать аналогичные выводы: для регионов — драйверов позитивной демографической динамики не характерен какой-либо один, типовой уровень качества жизни (табл. 3).

Таблица 3

Рейтинговые оценки регионов — драйверов позитивной демографической динамики по качеству жизни населения

Регион	Рейтинговый балл	Место в рейтинге
Республика Чечня	1,56	69
Республика Тыва	–1,79	85
Республика Ингушетия	–0,39	80
Республика Алтай	–1,12	83
Ненецкий АО	1,94	65
Республика Дагестан	2,61	55
Республика Саха (Якутия)	3,88	25
Республика Бурятия	0,66	77

Источник: составлено по: Лучшие регионы для жизни, 2020.

Интересно, что у выделенной группы регионов оценки по двум типам рейтингов характеризуются практически полным совпадением (рис. 2); рассчитанные коэффициенты корреляции близки к единице и статистически значимы.

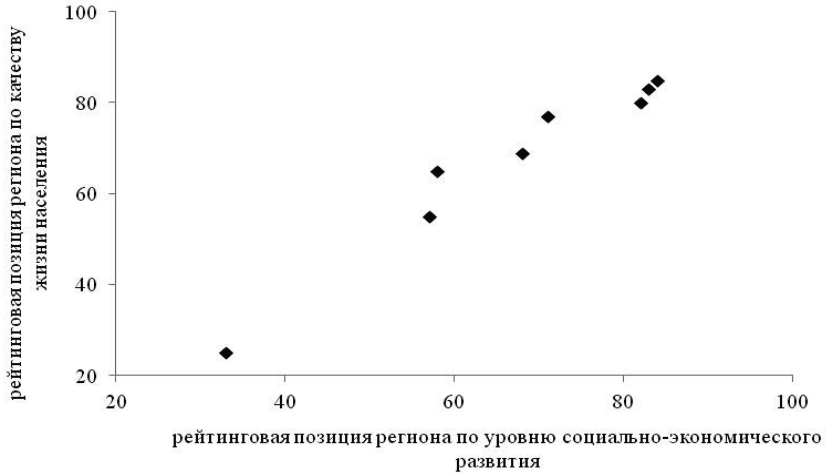

Рис. 2. Взаимосвязь рейтинговых позиций регионов России по уровню социально-экономического развития и качеству жизни населения

Еще более неоднородным состав этой группы регионов выглядит по уровню благосостояния семей, оцениваемому на основе соответствующего рейтинга агентства «РИА Рейтинг» (табл. 4). Регионы — драйверы позитивной демографической динамики практически и занимают топовые позиции в этом рейтинге (Ненецкий АО, Якутия), и замыкают его (Чечня).

Таблица 4

Рейтинг регионов — драйверов позитивной демографической динамики по уровню благосостояния семей

Регион	Максимально возможный остаток денежных средств среднестатистической семьи с двумя детьми после минимальных расходов в 2019 г., руб. в мес.	Место в рейтинге
Республика Чечня	4 200	84
Республика Тыва	27 703	23
Республика Ингушетия	8 121	79
Республика Алтай	15 695	54
Ненецкий АО	52 865	8

Окончание табл. 4

Регион	Максимально возможный остаток денежных средств среднестатистической семьи с двумя детьми после минимальных расходов в 2019 г., руб. в мес.	Место в рейтинге
Республика Дагестан	8 252	78
Республика Саха (Якутия)	43 571	9
Республика Бурятия	21 276	38

Источник: составлено по: Рейтинг регионов по уровню благосостояния семей, 2020.

Полученные результаты исследования демонстрируют, что детерминанты рождения детей высоких порядков лежат в сфере, не ограничивающейся исключительно экономическими условиями жизни населения. Действительно, демографы рассматривают рождаемость в качестве многофакторного процесса. Эти факторы выделяются в разных сферах (политика, экономика, социальная сфера, культура, религия) и на разных уровнях (макро-, мезо-, мини-). Внутри каждой сферы и на каждом уровне могут быть выделены разные факторы рождаемости.

Такое представление о факторах рождаемости лежит в русле институционального подхода в демографии, развиваемого в работах М. А. Клупта и др. [Клупт, 2008]. Этот подход отстаивает неограниченность перечня детерминант демографических процессов, сложность их взаимодействия и их региональное разнообразие. В качестве одного из институтов, влияющих на рождения детей высоких порядков в регионах, может рассматриваться и функционирование института родительского труда — а именно наличие условий для его реализации, сложившиеся формы его организации, наиболее распространенные мотивы этого труда, формирующиеся у его субъектов.

Сам родительский труд — это сложно дифференцированная многозадачная деятельность, предполагающая реализацию совокупности трудовых функций и требующая наличия определенных компетенций у ее субъектов. В процессе родительского труда его субъекты, с одной стороны, реализуют свои личные потребности, с другой — решают важную государственную задачу по формированию и развитию человеческого капитала страны. Организация родительского труда, набор выполняемых субъектами труда функций имеют специфику в типах семей, различающихся своей структурой: в семьях с разным числом проживающих вместе поколений; в семьях с разным числом родителей; в семьях с разным числом детей. Более того — характер и содержание родительского труда в подтипах семей, выделенных по каждому из перечисленных оснований, также могут различаться. Так, например, родительский труд, реализуемый в отношении детей разной очередности, может иметь определенную спе-

цифику, связанную с отношением субъектов труда к выполнению родительских функций, содержанием мотивации труда, глубиной родительских компетенций, вовлечением в процесс родительского труда различных субъектов и т.д. Кроме того, организация родительского труда, условия его реализации в отношении детей разной очередности могут иметь и региональную специфику.

Таким образом, учитывая, что регионы, отнесенные нами к драйверам демографической динамики по суммарным коэффициентам рождаемости высоких порядков, заметно различаются между собой по экономическим условиям, на основе институционального подхода мы считаем целесообразным включать в круг потенциальных детерминант рождаемости высоких порядков факторы, связанные с реализацией родительского труда — отношение к нему населения регионов; мотивацию субъектов родительского труда; факторы, влияющие на эту мотивацию; разнообразные (не только экономические) условия его реализации. Влияние всех этих факторов на принятие репродуктивных решений необходимо учитывать при совершенствовании пронаталистской политики регионов.

Список литературы

1. *Архангельский В. Н.* Методологические вопросы исследования детерминации демографических процессов // Детерминация демографических процессов: сб. ст. — М.: МАКС Пресс, 2012.
2. *Дарский Л. Е.* Проблемы изучения факторов рождаемости // Рождаемость: проблемы изучения: сб. ст. / под ред. Л. Е. Дарского. — М.: Статистика, 1976. — С. 3–21.
3. *Карпова В. М.* Сравнительный анализ ценности детей и семейного образа жизни у малодетных и многодетных семей // Социология. — 2016. — № 2. — С. 96–107.
4. *Клупт М. А.* Демография регионов Земли. — СПб.: Питер, 2008.
5. Лучшие регионы для жизни. Рейтинг РБК [Электронный ресурс] // Медиахолдинг «РБК». URL: www.rbc.ru/economics/21/07/2020/5f0ece439a79470d37b66efc
6. Рейтинг регионов по уровню благосостояния семей — 2020 // РИА Рейтинг. URL: https://riarating.ru/infografika/20200616/630171946.html.
7. Рейтинг социально-экономического положения регионов — 2020 [Электронный ресурс] // РИА Рейтинг. URL: https://riarating.ru/infografika/20200602/630170513.html
8. Суммарный коэффициент рождаемости [Электронный ресурс] // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: https://fedstat.ru/indicator/55407
9. Суммарный коэффициент рождаемости вторых детей [Электронный ресурс] // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: https://fedstat.ru/indicator/59771

10. Суммарный коэффициент рождаемости третьих и последующих детей [Электронный ресурс] // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: https://fedstat.ru/indicator/59772
11. *Урланис Б. Ц.* Проблемы динамики населения СССР. — М.: Наука, 1974.
12. *Шубат О. М.* Прогнозирование вторых рождений у российских женщин: социолого-статистический подход / О. М. Шубат, А. П. Багирова // Проблемы прогнозирования. — 2014. — № 3. — С. 131–140.
13. Экономика народонаселения / под ред. проф. В.А. Ионцева. — М.: Инфра-М, 2009.
14. *Matysiak A.* Effects of parental leave policies on second birth risks and women's employment entry / A. Matysiak, I. Szalma // Population. — 2014. — № 69 (4). — P. 659–698.
15. *Shubat O., Bagirova A., Shmarova I.* The Use of Cluster Analysis to Assess the Demographic Potential of Russian Regions // 31th European Conference on Modelling and Simulation: Conference Proceedings. — Budapest, 2017. — P. 53–59.
16. *Wood J.* Economic and Institutional Context and Second Births in Seven European Countries / J. Wood, K. Neels, J. Vergauwen // Population research and policy review. — 2016. — № 35 (3). — P. 305–325.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Arhangel'skij V. N.* Metodologicheskie voprosy issledovanija determinacii demograficheskih processov // Determinacija demograficheskih processov: sb. st. — M.: MAKS Press, 2012.
2. *Darskij L. E.* Problemy izuchenija faktorov rozhdaemosti // Rozhdaemost': problemy izuchenija: sb. st. / pod red. L. E. Darskogo. — M.: Statistika, 1976. — S. 3–21.
3. *Karpova V. M.* Sravnitel'nyj analiz cennosti detej i semejnogo obraza zhizni u malodetnyh i mnogodetnyh semej // Sociologija. — 2016. — № 2. — S. 96–107.
4. *Klupt M. A.* Demografija regionov Zemli. — SPb.: Piter, 2008.
5. Luchshie regiony dlja zhizni. Rejting RBK [Jelektronnyj resurs] // Mediaholding «RBK». URL: www.rbc.ru/economics/21/07/2020/5f0ece439a79470d37b66efc
6. Rejting regionov po urovnju blagososotojanija semej — 2020 // RIA Rejting. URL: https://riarating.ru/infografika/20200616/630171946.html.
7. Rejting social'no-jekonomicheskogo polozhenija regionov — 2020 [Jelektronnyj resurs] // RIA Rejting. URL: https://riarating.ru/infografika/20200602/630170513.html
8. Summarnyj kojefficient rozhdaemosti [Jelektronnyj resurs] // Edinaja mezhvedomstvennaja informacionno-statisticheskaja sistema (EMISS). URL: https://fedstat.ru/indicator/55407
9. Summarnyj kojefficient rozhdaemosti vtoryh detej [Jelektronnyj resurs] // Edinaja mezhvedomstvennaja informacionno-statisticheskaja sistema (EMISS). URL: https://fedstat.ru/indicator/59771
10. Summarnyj kojefficient rozhdaemosti tret'ih i posledujushhih detej [Jelektronnyj resurs] // Edinaja mezhvedomstvennaja informacionno-statisticheskaja sistema (EMISS). URL: https://fedstat.ru/indicator/59772

11. *Urlanis B. C.* Problemy dinamiki naselenija SSSR. — M.: Nauka, 1974.
12. *Shubat O. M.* Prognozirovanie vtoryh rozhdenij u rossijskih zhenshhin: sociologo-statisticheskij podhod / O. M. Shubat, A. P. Bagirova // Problemy prognozirovanija. — 2014. — № 3. — S. 131–140.
13. Jekonomika narodonaselenija / pod red. prof. V. A. Ionceva. — M.: Infra-M, 2009.

СМЕРТНОСТЬ, ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЕ

БУДИЛОВА Елена Вениаминовна
д.б.н., старший научный сотрудник,
биологический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова,
кафедра экологии и географии растений,
Москва, Россия.
E-mail: evbudilova@mail.ru

ЛАГУТИН Михаил Борисович
ассистент,
механико-математический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова,
кафедра математической статистики и случайных процессов,
Москва, Россия.
E-mail: lagutinmb@mail.ru

МИГРАНОВА Людмила Алексеевна
к.э.н., ведущий научный сотрудник
Института социально-экономических проблем народонаселения
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.
E-mail: lmigranova@mail.ru

РАСПРОСТРАНЕНИЕ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ БОЛЕЗНЕЙ В РЕГИОНАХ РОССИИ (2005–2018 гг.)[1]

Ключевые слова: социально значимые болезни, динамика заболеваемости, региональные различия, кластерный анализ.

Коды JEL: I10, I12, J11

Реализация национального проекта «Демография» зависит во многом от здоровья населения, в том числе от заболеваемости социально значи-

[1] Работа выполнена при поддержке РФФИ: грант № 18-013-00508 «Популяционное здоровье населения как фактор инновационного развития территорий».

мыми болезнями. В данной работе рассматривалась заболеваемость населения социально значимыми болезнями нескольких групп (злокачественные новообразования, психические расстройства и расстройства поведения, алкоголизм, наркомания, токсикомания и сифилис), для которых доступны статистические данные в региональном разрезе. Уровень заболеваемости оценивался с помощью показателя: численность пациентов (на 100 тыс. человек населения), состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях (ЛПО) на конец года [Здравоохранение, 2019].

В 2018 г. общая удельная численность населения России, состоящего на учете в ЛПО с этими болезнями, снизилась по сравнению с 2005 г. на 7,7% (с 5006[1] до 4618,6 человека на 100 тыс. населения). При этом сокращение численности больных произошло по всем видам болезней за исключением злокачественных новообразований, удельная численность которых выросла за эти годы в 1,5 раза (с 1679,8 до 2563,2). Доля таких больных в составе всех пациентов с социально значимыми болезнями в 2018 г. оставалась самой большой, увеличившись с 33,6 до 55,5%. В 2005 г. высокая доля приходилась на больных алкоголизмом и алкогольными психозами — 30,8% (1541,8), через 13 лет она снизилась до 17,8% (823,4). Остается высокой и численность лиц с психическими расстройствами (1255,3 против 989,3), доля которых сократилась с 25,1 до 21,4%. Удельная численность больных сифилисом снизилась в 3,2 раза (с 288,1 до 90,7), а доля уменьшилась соответственно с 5,8 до 2,0%. Относительно высокими темпами снижалась заболеваемость токсикоманией (в 2,5 раза с 10,2 до 3,9), но ее доля незначительна — 0,2% в 2005 г. и 0,1% в 2018 г. Удельная заболеваемость наркоманией сократилась в 1,6 раза (с 230,8 до 148,1) и доля — с 4,6 до 3,2%.

В регионах РФ складывалась неоднозначная ситуация. Максимальные различия в общей численности лиц, состоящих на учете с социально значимыми болезнями, в 2005 г. составляли 6,6 раза между Магаданской областью и Республикой Ингушетия, в 2018 г. — 3,1 раза между Чукотским АО и Чеченской Республикой. По отдельным видам болезней максимальные различия менялись в разные стороны: по психическим болезням снизились с 4,4 раза (между Чукотским АО и Курганской областью) до 3,9 раза (между Новгородской и Волгоградской областью); злокачественным новообразованиям — с 6,5 раза (между Краснодарским краем и Республикой Ингушетия) до 3,8 раза (между Курской областью и Республикой Дагестан); самое большое снижение региональных различий зафиксировано в контингенте больных токсикоманией с 516 раз (между Сахалинской областью и Республикой Северная Осетия) до 30,6 раза (между Сахалинской областью и Краснодарским краем), при этом в 2018 г. больных токсикоманией в Ингушетии не зафиксировано. Различия в заболеваемости си-

[1] Без республик Чеченская, Крым и г. Севастополь.

филисом, наоборот, увеличились с 28,6 раза (между республиками Тыва и Северная Осетия) до 62,6 раза (между республиками Тыва и Ингушетия, при этом заболеваемость в Тыве снизилась в 5 раз); такая же ситуация с алкоголизмом — рост с 304,1 раза (между Магаданской областью и Республикой Ингушетия) до 427,6 раза (между ЧАО и Республикой Ингушетия) и наркоманией — с 33,8 раза (между Самарской областью и ЧАО) до 39,7 раза (между Еврейской автономией и ЧАО).

В пространственном анализе принято выделять регионы-лидеры с наилучшими значениями исследуемых показателей и регионы-аутсайдеры — с наихудшими показателями. Обычно каждая такая группа состоит из 10 субъектов РФ. Ранжирование регионов проводилось по показателю общей (суммарной) численности пациентов, состоящих на учете в ЛПО с социально значимыми болезнями на 100 тыс. населения. В 2005 г. среди 10 субъектов-лидеров в РФ с низкой численностью болеющих социально значимыми болезнями (ниже 4040 на 100 тыс. населения) первые 4 места занимали республики СКФО — Ингушетия, Дагестан, Северная Осетия и Кабардино-Балкария. За ними шла Москва и Республика Калмыкия. Ямало-Ненецкий АО и Ханты-Мансийский АО занимали соответственно 7 и 9-е места. На 8-м месте была Мурманская область, и на 10-м — Еврейская автономия. Заболеваемость большинством видов социально значимых болезней в этих регионах была существенно ниже среднероссийских показателей, но есть и исключения. Так, например, среди всех субъектов РФ Республика Дагестан занимала 76-е место по заболеваемости психическими расстройствами, Мурманская область — 74-е место по заболеваемости токсикоманией, а Ханты-Мансийский АО был на 80-м месте по заболеваемости наркоманией и на 60-м — токсикоманией. Высокая заболеваемость наркоманией (64-е место) была зафиксирована и в Ямало-Ненецком АО.

В 2018 г. среди регионов-лидеров (с численностью лиц, стоящих на учете в ЛПО ниже 3610 на 100 тыс. населения) оставалась Республика Ингушетия (2-е место), Республика Дагестан переместилась на 3-е место благодаря появлению статистической информации по Чеченской Республике, которая заняла 1-е место в РФ. Ханты-Мансийский АО и Ямало-Ненецкий АО повысили свой региональный статус до 4 и 5-го места соответственно. Группа лидеров в 2018 г. больше чем наполовину поменяла свой состав. В нее вошли помимо Чеченской Республики, республики Алтай (6-е место), Карачаево-Черкесия (7-е место), Тюменская и Ленинградская области (соответственно 8 и 9-е место), г. Севастополь (10-е место).

Как и 13 лет назад, некоторые регионы из группы «лидеров» имели высокую заболеваемость по некоторым видам болезней. Так, Республика Дагестан среди всех субъектов РФ занимала 78-е место по психическим заболеваниям и 73-е — токсикоманией. Высокая заболеваемость сифили-

сом и токсикоманией была зафиксирована в Чеченской Республике (соответственно 77 и 74-е места). Относительно большой контингент больных наркоманией стоит на учете в ЛПО г. Севастополь (63-е место).

В 2005 г. в составе регионов-аутсайдеров с самой высокой удельной численностью лиц, состоящих на учете в ЛПО с социально значимыми болезнями (выше 6100 на 100 тыс. населения), большинство составляли субъекты РФ из ЦФО и ДФО. Брянская, Костромская и Ивановская области среди всех регионов РФ занимали соответственно 73, 75 и 77-е места, Сахалинская область, Чукотский АО и Магаданская область — 78, 80 и 81-е места. Пермский край и Нижегородская область — представители ПФО, занимали 72 и 76-е места. Республика Карелия и Новгородская область из СЗФО — 74 и 79-е места. В подавляющем большинстве регионов заболеваемость всеми видами социально значимых болезней была не только выше среднего по стране уровня, но и выше, чем в 60 субъектах РФ. Однако некоторые регионы по отдельным заболеваниям были в числе лидеров. Так, например, Брянская область занимала 8-е место по заболеваемости наркоманией и 5-е — токсикоманией; Костромская область — 5-е место по заболеваемости сифилисом и 6-е — токсикоманией; Чукотский АО был на 1-м месте по заболеваемости наркоманией и на 4-м — злокачественными новообразованиями, а Магаданская область — на 9-м месте по заболеваемости сифилисом.

В 2018 г. в состав регионов-аутсайдеров (с удельной численностью лиц, состоящих на учете, выше 5800 на 100 тыс. населения) вошли республики Мордовия и Адыгея (75 и 76-е места), Орловская, Курская и Псковская области (соответственно 77, 79, 80-е места), Камчатский край (82-е место). Из состава 2005 г. в ней остались: Брянская, Нижегородская области снизили свой ранг до 81 и 83-го, в том числе за счет включения в состав регионов республик Чеченская и Крым и г. Севастополь, а Новгородская область повысила свой рейтинг до 78-го. Чукотский АО оказался на последнем месте (84), но по заболеваемости злокачественными новообразованиями и наркоманией удерживал лидирующие позиции — соответственно 7 и 1-е места. Республика Адыгея занимала 8-е место по заболеваемости токсикоманией.

Методом кластерного анализа проведена классификация 80 регионов РФ по шести рассмотренным социально значимым заболеваниям (4 субъекта с резко выделяющимися показателями по отдельным заболеваниям были исключены из анализа), что позволило выделить три кластера. Кластер 1, в который вошли 35 субъектов РФ, характеризуется стандартизованными значениями ниже среднего (нулевого) уровня по всем заболеваниям. Для кластера 2 (29 субъектов РФ) характерны высокий уровень заболеваемости злокачественными новообразованиями и алкоголизмом и алкогольными психозами. Кластер 3 (16 субъектов РФ) отличается

прежде всего высоким уровнем заболеваемости сифилисом, а также высокой заболеваемостью наркоманией. В каждом из выделенных кластеров было исследовано влияние демографических, социально-экономических, экологических и поведенческих факторов на численность контингента лиц, состоящих на учете в ЛПО.

Список литературы

1. Здравоохранение в России. 2019: стат. сб. // Росстат. Официальный сайт. 2020. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13218 (дата обращения: 18.01.2020).

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Zdravoohranenie v Rossii. 2019: stat. sb. // Rosstat. Oficial'nyj sajt. 2020. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13218 (data obrashhenija: 18.01.2020).

ВЕТРОВА Екатерина Дмитриевна
аспирант,
экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия.
E-mail: ekat.vetrova@gmail.com

ВЗАИМОСВЯЗЬ СМЕРТНОСТИ ОТ ВНЕШНИХ ПРИЧИН В ДЕТСКОМ И ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В РОССИИ

Ключевые слова: детская смертность, подростковая смертность, смертность от внешних причин, экономические факторы смертности.

Коды JEL: I140, I150, I180

Вопрос детской смертности уже исследовался ранее, однако, как правило, в этом контексте внимание уделяется младшим возрастам как наиболее подверженным риску. В то время как младенческая смертность находится под постоянным контролем, возрастной коэффициент смертности в возрастах 1–18 лет, который является индикатором как социальной об-

становки, так и качества медицинских услуг, в России превышает средний уровень развитых стран. В период с 2002 по 2010 г. в России был выявлен самый высокий уровень смертности по 30 европейским и североамериканским странам, несмотря на его снижение в этот период [Molcho et al., 2015]. Если рассматривать 2017 г., уровень смертности в детских возрастах в России по-прежнему значительно превышает развитые европейские страны [Rajaratnam et al., 2010]. По сравнению со странами — лидерами в ожидаемой продолжительности жизни вклад в различия в ОПЖ во всех детских возрастах остается больше нуля как для мужчин, так и для женщин (рис. 1).

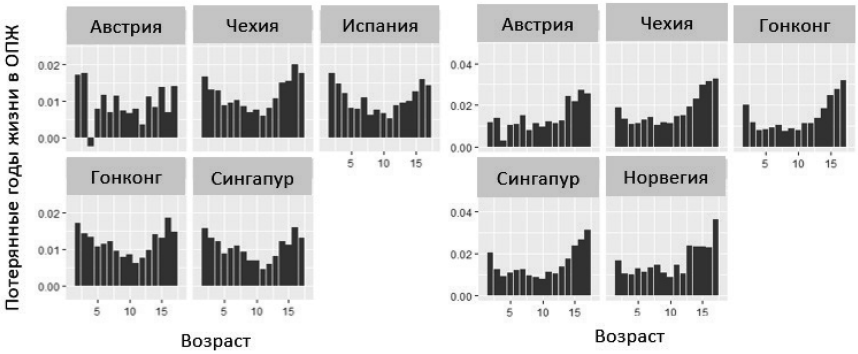

Рис. 1. Вклад внешних причин в отставание в ОПЖ России от Австрии, Чехии, Испании, Гонконга, Сингапура и Норвегии на 2017 г., слева — женщины, справа — мужчины
Источник: по данным HMD.

Согласно отчету UNICEF за 2019 г., целевым показателем устойчивого развития является смертность на уровне 25 или менее детей, умерших в возрасте до пяти лет, на 1000 живорожденных. По итогам 2018 г. 121 страна мира уже достигла нужного уровня. Россия входит в список этих стран, однако, учитывая структуру детской смертности по причинам, нельзя считать положение страны оптимальным. В отчете UNICEF подчеркивается недопустимость детской смертности от предотвратимых причин, к которым относятся внешние повреждения. В целях выполнения обязательств Конвенции ООН о правах ребенка, смертность от внешних причин должна быть минимизирована, в то время как в России в настоящий момент эта причина является превалирующей в детской смертности [UNICEF 2019].

Основной гипотезой данного исследования является значимость влияния социально-экономических показателей, таких как уровень дохода и социальное неравенство, на структуру детской и подростковой смертно-

сти. Подтверждение этой гипотезы позволит предложить меры социальной политики, которые будут способствовать снижению смертности от внешних причин. Так как в класс «Внешние причины» не входят заболевания, для предотвращения ранних смертей от этих причин инвестиции в уровень медицины могут быть менее эффективны, чем социальные меры.

Согласно исследованию И. Даниловой [Данилова, 2017], вклад, который вносят детские возраста в отставание других регионов от Москвы по продолжительности жизни, образуется преимущественно из-за различной структуры по причинам смерти. Различия в количестве смертей по классу «Внешние причины» подтверждают необходимость исследования вклада внешних причин в межрегиональные различия детской смертности и выявления факторов, влияющих на эти различия.

Практика снижения смертности от внешних причин через меры социальной политики широко применяется в европейских странах [Ekman et al., 2005; Gijzen et al., 2014]. Так, в Финляндии уровень детской смертности от внешних причин стабильно снижался за счет снижения смертельных случаев в ДТП с 57 для девочек и 92 для мальчиков в 1971 г. до 5 случаев в год для девочек и 2 для мальчиков в 2010 году [Parkkari et al., 2013]. Это стало возможным благодаря многоплановой программе по повышению безопасности на дорогах, проводимой правительством. Программа включает в себя контроль скорости, усиление санкций за вождение в нетрезвом состоянии и под воздействием наркотиков, повышение требований безопасности к автомобилям: кузовам, сиденьям, ремням безопасности и детским креслам. Снижению смертности в детских возрастах от самоповреждений способствовало усиление требований безопасности к игровым площадкам и сложности упаковки опасных для детей веществ.

В Швеции аналогичная национальная стратегия по повышению безопасности включает улучшение транспортной инфраструктуры, повышение требований к использованию велосипедных шлемов, планирование безопасности в жилых районах, использование спасательных жилетов [Ekman et al., 2005].

Структура причин детской смертности значительно различается в зависимости от уровня развития страны или региона. В то время как проблемой развивающихся стран в большинстве случаев является смертность от внешних причин, в Англии в детских возрастах наиболее актуальны проблемы астмы, ожирения и диабета [Hug, Sharrow, You, 2017]. В этом исследовании фактором, объясняющим колебания смертности в возрастах 1–18 лет, выделяют распространенность превентивного поведения. В качестве рекомендаций по социальной политике в этой стране подчеркивается важность популяризации превентивного поведения среди детей и подростков, работа с общественным мнением.

При тестировании этих гипотез на примере регионов России также выявлены существенные различия в структуре причин детской смертно-

сти. Особенно ярко эти различия представлены в возрастной группе 10–15 лет. На рис. 2 приведена тепловая карта вероятности смерти от внешних причин для данной возрастной группы в среднем с 2011 по 2014 г. Наиболее высокие показатели смертности мальчиков от внешних причин выявлены в Еврейской автономной области (0,01), Ивановской (0,001), Смоленской (0,001) и Кировской (0,001) областях. Для девочек лидеры по этому показателю — Новгородская область (0,004), Республика Тыва (0,001), Кировская (0,001) и Тверская (0,001) области, Ямало-Ненецкий автономный округ (0,001).

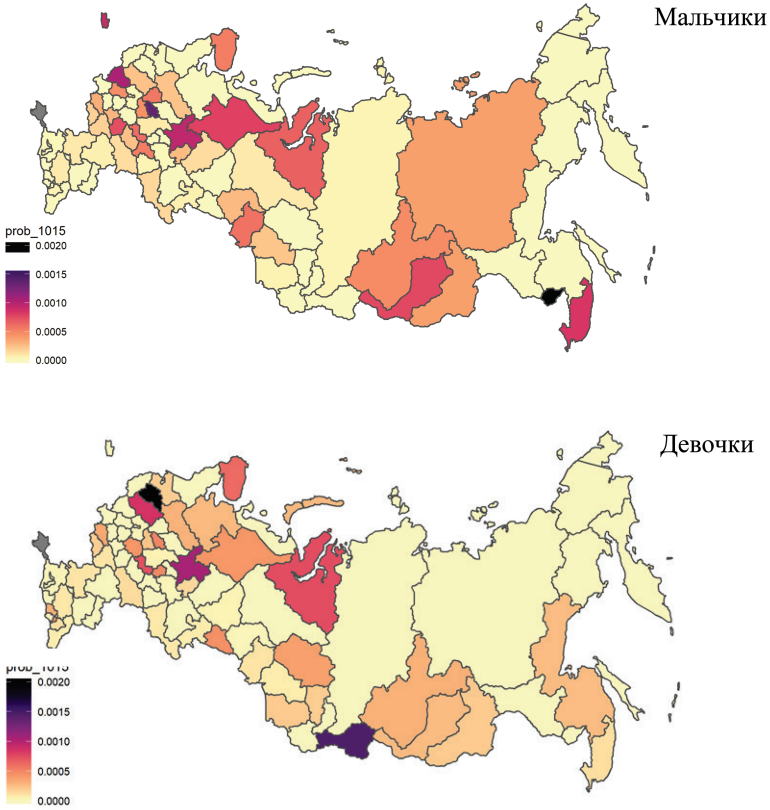

Рис. 2. Вероятность смерти от внешних причин в возрастной группе 10–15 лет, средний показатель за 2011–2014 гг.
Источник: РосБРиС.

В качестве данных для исследования использовалась статистика Российской базы данных по рождаемости и смертности Центра демогра-

фических исследований Российской экономической школы (РосБРиС). Из РосБРиС взяты возрастные коэффициенты смертности и коэффициенты смертности по причинам по пятилетним возрастным группам 1–4 года, 5–9 лет, 10–15 лет с 2011 по 2014 г. Для анализа выбран Класс XX в соответствии с Международной классификацией болезней 10-го пересмотра (МКБ-10) «Внешние причины заболеваемости и смертности» (V01-Y98). Для оценки потерь от внешних причин проведена декомпозиция ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) и выделен компонент, отражающий количество потерянных лет из-за смертей, связанных с внешними причинами в детских возрастах. Использован метод расчета, разработанный Е. М. Андреевым [Андреев, 1982].

На основе коэффициентов смертности рассчитаны таблицы смертности и ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) во всех регионах. Самая высокая продолжительность жизни за этот период как у мужчин, так и у женщин — в Москве. Поэтому Москва выбрана в качестве базового региона. Для всех остальных регионов рассчитано количество «потерянных» лет из-за детской смертности от внешних причин. Логарифм вклада внешних причин в разницу в ОПЖ при рождении является зависимой переменной модели.

Экономические факторы, которые могут влиять на детскую и подростковую смертность от внешних причин, — доходы населения и неравенство. Для оценки доходов используются показатели дефицита располагаемых ресурсов в малоимущих домохозяйствах, среднедушевого дохода и среднедушевого потребления. Неравенство оценивается с помощью коэффициента Джини.

В качестве социальных факторов выделена урбанизация региона, благополучие домохозяйств, ресурсы медицинских учреждений. Урбанизация оценивается долей городского населения в общей численности населения. Благополучие домохозяйств отражено долей семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, суммарный коэффициент рождаемости как показатель среднего количества детей в семье (погрешностью, связанной с детской смертностью, детьми, воспитываемыми в детских домах и т.п., было решено пренебречь). Дополнительно включена переменная количества мест в детских садах на 1000 детей дошкольного возраста, чтобы учесть возможности присмотра за детьми не только со стороны родителей, но и со стороны муниципальных учреждений.

Ресурсы медицины включены в анализ, так как они могут влиять на вклад других причин, связанных с заболеваниями, в детскую смертность, таким образом повышая вклад внешних причин. Ресурсы медицины оцениваются числом врачей всех специальностей на 100 человек и числом больничных коек на человека.

Данные о социальных и экономических показателях получены из Единой межведомственной информационно-статистической системы

(ЕМИСС), Федеральная служба государственной статистики. Показатели уровня преступности и дорожно-транспортных происшествий построены по базам ЕМИСС, Министерство внутренних дел, Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Данные о заболеваемости алкоголизмом и наркоманией взяты из базы ЕМИСС, Министерство здравоохранения Российской Федерации.

На основе описанных данных были построены модели по возрастным группам 1–4 года, 5–9 лет и 10–15 лет. Наиболее удачной спецификацией с самым высоким значением логарифма функции правдоподобия и *p*-значения теста Рамсея, а также низкой стандартной ошибкой модели оказалась оценка логарифма зависимой переменной. По результатам прошлых исследований и анализу данных МНК подходит лучше, чем панельные модели с фиксированными и случайными эффектами. Также на основе прошлых исследований [Shen, Williamson, 1997] выявлено, что будет оправданным включить переменную с лагом и посмотреть на изменение вклада внешних причин по сравнению с прошлым периодом. Результаты регрессионного анализа приведены в табл. 1.

Таблица 1

МНК, зависимая переменная — логарифм вклада внешних причин в ОПЖ между Москвой и регионами для трех возрастных групп: 1–4 года, 5–9 лет, 10–15 лет

	1–4 года	**5–9 лет**	**10–15 лет**
const	–29,89 *** (9,366)	–19,56 *** (3,794)	–24,9 *** (5,462)
Логарифм вклада внешних причин в ОПЖ, лаг 1	–0,09 (0,056)	–0,02 (0,076)	–0,09 (0,069)
Демографические показатели			
Пол (мальчик)	–0,10 (0,26)	1,01 *** (0,283)	1,12 *** (0,27)
Суммарный коэффициент рождаемости	1,49 (0,920)	2,14 (2,146)	–1,2 (0,742)
Суммарный коэффициент рождаемости, прошлый год	-	–1,69 (1,881)	-
Показатели доходов населения			
Дефицит располагаемых ресурсов в малоимущих домохозяйствах	–6,3*e–05 (0,0003)	7,03e–05 (0,000)	0,001 * (0,0003)
Логарифм среднедушевого дохода	4,22 ** (1,957)	-	1,24 (1,55)
Логарифм среднедушевого потребления	–3,95 ** (1,893)	-	–1,78 (1,614)

Окончание табл. 1

	1-4 года	5–9 лет	10-15 лет
Показатели неравенства в регионе			
Коэффициент Джини	–12,08 (10,29)	–18,18 ** (8,12)	9,13 (8,927)
Присмотр за детьми			
Количество мест в детских садах на 1000 детей дошкольного возраста	–0,004 * (0,002)	–	–
Показатели уровня преступности в регионе			
Число преступлений на человека	–0,002 (0,005)	–	0,01 *** (0,004)
Количество тяжких преступлений на 10 000 жителей региона	0,04 (0,027)	–	–0,06 ** (0,028)
Процент нераскрытых убийств и покушений на убийства	0,03 (0,033)	0,04 * (0,019)	–0,01 (0,021)
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью на 10 000 жителей региона	–0,1 (0,118)	0,2 * (0,108)	0,34 *** (0,13)
Урбанизация региона			
Доля городского населения, проценты	0,01 (0,025)	–0,04 ** (0,019)	–0,04 ** (0,016)
Благополучие региона			
Доля семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях	26,56 (16,85)	18,83 (15,894)	–14,17 (12,051)
Доля людей с установленным диагнозом алкоголизм	–46,28 (98,48)	–172,82 ** (80,39)	95,33 (104,54)
Доля людей с установленным диагнозом наркомания	355,24 (2295,35)	3058,93 (1915,76)	3515,51 ** (1560,69)
ДТП с пострадавшими на 1 человека	1068 ** (464,241)	965,42 *** (349,182)	301,7 (341,626)
Показатели ресурсов медицины			
Численность врачей всех специальностей на 100 человек	–3,04 * (1,753)	–	1,52 (1,608)
Число больничных коек на человека	0,38 ** (0,167)	–	0,08 (0,106)
n	293	207	283
R^2	0,21	0,20	0,27
lnL	–646,1259	–435,4	–579,73

* — значимость на уровне 10%, ** — на уровне 5%, *** — на уровне 1%. В скобках указаны стандартные ошибки.

Таким образом, для каждой рассмотренной возрастной группы важными оказались разные сочетания социально-экономических факторов. Для наиболее младших возрастов важна возможность родителей уделять внимание детям, а также медицинская помощь. В более старших возрастах начинают влиять факторы окружения и криминогенной обстановки. Стоить отметить изменение направления влияния неравенства на вклад внешних причин в структуру смертности. Если для младших возрастных групп этот фактор уменьшает вклад внешних причин, так как, вероятно, влечет более высокую смертность от заболеваний, то в старшей возрастной группе он ведет к росту этого вклада. Обобщение значимых факторов для каждой возрастной группы приведено в табл. 2.

Таблица 2

Значимые факторы детской смертности от внешних причин по итогам моделей на уровне регионов России

Значимые факторы для каждой возрастной группы		
1–4 года	**5–9 лет**	**10–15 лет**
Доходы населения (2/3)	Неравенство в регионе (1/1)	Доходы населения (1/3)
Присмотр за детьми (1/1)	Преступность (2/4)	Преступность (3/4)
Ресурсы медицины (2/2)	Урбанизация (1/1)	Урбанизация (1/1)
Благополучие района (1/4)	Благополучие района (2/4)	Благополучие района (1/4)

Примечание: в скобках указано число значимых показателей из каждой группы факторов.

На основе проведенного исследования можно сказать, что на детскую и подростковую смертность большее влияние оказывает не только сам уровень дохода, но и неравенство и социальная обстановка. Чем выше оказывается неравенство, тем меньше вклад внешних причин в различие ожидаемой продолжительности жизни. Это может быть следствием того, что при высоком неравенстве страдает качество медицины, доступной широким слоям населения. Можно предположить, что на первое место выходят проблемы, связанные с излечимыми заболеваниями. Уровень рождаемости негативно влияет на смертность от внешних причин. Можно заключить, что в вопросе детской смертности важна обстановка, в которой находятся дети и подростки. При многодетности каждому отдельному ребенку оказывается меньше внимания.

Подводя итоги, можно сказать, что на уровень детской и подростковой смертности от внешних причин можно повлиять через социальные и экономические факторы. К примеру, в младших возрастах результат может быть достигнут благодаря помощи родителям в присмотре за детьми. Это может выражаться в увеличении количества мест в детских садах и их доступности или в предоставлении родителям возможности самостоя-

тельно проводить время с детьми. Необходима финансовая поддержка семей с маленькими детьми, а также возможность присматривать за детьми до 4 лет без потерь, связанных с работой. Для более старших возрастных групп значимыми факторами становятся уровень доходов, неравенства и благополучия региона. Детская смертность от внешних причин может снизиться в случае усиления борьбы с преступностью. В качестве воздействия на неравенство и уровень дохода можно предложить субсидии малоимущим семьям с детьми. В силу ограниченности данных о социально-экономическом положении регионов России данная работа имеет ряд ограничений. Однако тема снижения смертности от внешних причин в детских возрастах имеет большой потенциал для дальнейшего исследования, так как может внести вклад в рост ожидаемой продолжительности жизни населения.

Список литературы

1. *Андреев Е. М.* Метод компонент в анализе продолжительности жизни // Вестник статистики. — 1982. — Т. 9. — С. 42–47.
2. База данных показателей муниципальных образований. Москва. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst45/DBInet.cgi (дата обращения: 05.05.2020).
3. *Данилова И. А.* Межрегиональное неравенство в продолжительности жизни в России и его составляющие по возрасту и причинам смерти // Социальные аспекты здоровья населения. — 2017. — Т. 57. — № 5.
4. ЕМИСС, Смертность детей 0–17 лет на 100000 населения соответствующего возраста [Электронный ресурс]. URL: https://fedstat.ru/indicator/43894 (дата обращения: 28.02.2019).
5. *Ekman R., Svanström L., Långberg B.* Temporal trends, gender, and geographic distributions in child and youth injury rates in Sweden // Injury Prevention. — 2005. — Т. 11. — № 1. — С. 29–32.
6. *Gijzen S. et al.* Child mortality in the Netherlands in the past decades: An overview of external causes and the role of public health policy // Journal of public health policy. — 2014. — Т. 35. — № 1. — С. 43–59.
7. *Hug L., Sharrow D., You D.* Levels & trends in child mortality: report 2017. Estimates developed by the UN Inter-agency Group for Child Mortality Estimation, 2017.
8. *Molcho M, Walsh S, Donnelly P, Gaspar de Matos M, Pickett W.* Trends in injury-related mortality and morbidity among adolescents across 30 countries from 2002 to 2010 // Eur J Public Health, 2015. — 25(Suppl. 2). — 33–6.
9. *Parkkari J. et al.* Fatal childhood injuries in Finland, 1971–2010 // Injury prevention. — 2013. — Т. 19. — № 3. — С. 171–176.
10. *Rajaratnam J. K., Marcus J. R., Flaxman A. D., Wang H., Levin-Rector A., Dwyer L., Murray C. J.* (2010). Neonatal, postneonatal, childhood, and under-5 mortality for 187 countries, 1970-2010: a systematic analysis of progress towards Millennium Development Goal 4. The Lancet. URL: https://doi.org/10.1016/S0140-6736(10)60703-9

11. *Shen C., Williamson J. B.* Child mortality, women's status, economic dependency, and state strength: a cross-national study of less developed countries // Social Forces. — 1997. — Т. 76. — № 2. — С. 667–700.
12. The Human Cause-of-Death Database [Электронный ресурс]. URL: www.causesofdeath.org (дата обращения: 05.05.2020).
13. The Human Mortality Database [Электронный ресурс]. URL: www.mortality.org (дата обращения: 05.05.2020).
14. UNICEF, WHO, World Bank Group and United Nations, Levels & Trends in Child Mortality — Report 2019.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Andreev E. M.* Metod komponent v analize prodolzhitel'nosti zhizni // Vestnik statistiki. — 1982. — T. 9. — S. 42–47.
2. Baza dannyh pokazatelej municipal'nyh obrazovanij. Moskva [Jelektronnyj resurs]. URL: https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst45/DBInet.cgi (data obrashhenija: 05.05.2020).
3. *Danilova I. A.* Mezhregional'noe neravenstvo v prodolzhitel'nosti zhizni v Rossii i ego sostavljajushhie po vozrastu i prichinam smerti // Social'nye aspekty zdorov'ja naselenija. — 2017. — T. 57. — № 5.
4. EMISS, Smertnost' detej 0–17 let na 100000 naselenija sootvetstvujushhego vozrasta [Jelektronnyj resurs]. URL: https://fedstat.ru/indicator/43894 (data obrashhenija: 28.02.2019).

ДМИТРИЕВА Елена Викторовна
д.с.н., профессор кафедры социологии
Московского государственного университета
международных отношений МИД России (МГИМО (У) МИД России),
Москва, Россия.
E-mail: dmitrieva.ev@gmail.com

МОБИЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЗДОРОВЬЯ

Ключевые слова: цифровое здравоохранение, мобильное здоровье, изменение поведения, коммуникационные кампании.

Коды JEL: I10, I12

Цифровое здравоохранение, появившееся относительно недавно, охватывает все больше сфер, сопряженных со здоровьем человека и населения, давая возможность справиться с серьезными вызовами, с которыми

сталкиваются системы здравоохранения во всем мире. Различные формы цифровых технологий способны снизить стоимость лечения, расширить доступ к услугам, улучшить качество оказываемой помощи и повысить рациональность использования национальных ресурсов, направленных на охрану здоровья. Эти инновации приобретают особое значение в условиях роста нагрузки на систему здравоохранения, связанной с увеличением продолжительности жизни индивидов, высокой динамикой числа людей с хроническими заболеваниями, атипичным течением болезней, психоэмоциональной неустойчивостью индивидов и различными видами расстройств, а также прежде не встречавшимися разновидностями неврозов (ощущение одиночества, ожидания бессонницы и т.д.), ожирением, гиподинамией и различными формами аддикции.

ВОЗ относит к термину «цифровое здравоохранение» такой тип здравоохранения, где вся информация и услуги, связанные со здоровьем, передаются при помощи электронных средств, а также где используется искусственный интеллект — анализ больших данных для характеристики состояние здоровья населения [ВОЗ, 2019]. Искусственный интеллект способствует большей эффективности и персональной ориентированности систем здравоохранения. Его внедрение позволяет расширить функции здравоохранения от раннего выявления онкологических заболеваний до оценки предрасположенности индивида к определенным патологиям и разработки схем лечения, лекарственных препаратов, адаптированных к индивидуальным потребностям пациентов на основе анализа больших данных. С помощью искусственного интеллекта разрабатываются алгоритмы, например, компьютерного зрения, которые позволяют анализировать и интерпретировать информацию на изображениях и помогают врачам быстрее и точнее проводить компьютерную и магнитно-резонансную томографию.

Цифровое здравоохранение соединяет цифровые технологии со сферой здоровья, обществом в целом, использует информацию и коммуникационные технологии для решения проблем в сферах лечения и профилактике. Более того, по мнению экспертов ВОЗ, именно этот технологический прорыв позволит сделать необходимый акцент на превентивной, пациентоориентированной медицине. Информация, доставленная на мобильные устройства пользователей с напоминанием о необходимости пройти обследование, сделать своевременную вакцинацию, помогает людям жить более здоровой жизнью, повышает качество здоровья населения и человеческого потенциала.

Мобильное здоровье (от англ. Mobile health или mHealth) — общее название проектов в сфере общественного здравоохранения, основанных на использовании мобильных устройств с целью диагностики, информирования, образования и мотивации пациента, а также формирования

приверженности к лечению и посещению врача и т.д. В таких программах сотовые телефоны, смартфоны, планшетные компьютеры, КПК и подключаемые к ним модули позволяют дистанционно сделать УЗИ, анализ крови, вести электронную карту пациента, посетить видеоконференцию с врачом, получить своевременное напоминание о приеме препарата, а также получать информацию о здоровье на свой мобильный телефон/смартфон с рекомендациями по различным вопросам лечения, профилактики и др. Программы в сфере mHealth (мобильное здравоохранение) обеспечивают максимальный охват при минимальных затратах, оказывая наиболее существенное воздействие на изменение поведения в сфере охраны здоровья и формирования здорового образа жизни.

Теоретико-методологическими основаниями для проведения кампаний в сфере мобильного здравоохранения, направленных на изменение поведения индивида в отношении здоровья, являются представления о стадиальности изменения поведения, коммуникативном процессе [Parsons, 1951; Parsons, 1972; Freidson, 1970; Illich, 1976; Illich, 1995; Sokolowska, 1993; Pettegrew, 1982], роли социологических исследований в изучении динамики ценностей, установок и поведения.

С учетом возникших в последние годы технологических возможностей в сфере мобильных технологий разрабатываются различные коммуникационные программы для сопровождения пациентов, удовлетворения потребностей пользователей в информации о детско-материнском здоровье. Ключевыми задачами политики в сфере здравоохранения являются сохранение и укрепление здоровья наиболее уязвимых групп населения, а именно беременных женщин и мам, имеющих детей до одного года. Наряду с предоставлением медицинских услуг данной категории населения важным фактором укрепления здоровья является информирование о здоровом образе жизни, рисках, вакцинации, психологических аспектах беременности и послеродовом состоянии, профилактике послеродовой депрессии, юридических и социальных аспектах, включая материнский капитал, пособия и т.п. Для индивидуальной доставки контента каждому пользователю согласно его персональным параметрам (срок беременности, дата родов, день рождения ребенка) был разработан уникальный искусственный интеллект, сопровождающий пользователя в течение всего срока беременности и первых лет жизни ребенка.

Разработанная система мониторинга эффективности коммуникационной кампании показала, что более 94% пользователей остаются активными подписчиками всего срока действия программы — 9 месяцев беременности и первый года ребенка. 97% респондентов подтвердили, что им понравилась программа. 90% респондентов сохраняют сообщения в телефоне, чтобы воспользоваться ими еще раз или поделиться в друзьями; 3/4 респондентов рекомендовали программу своим друзьям. Женщин, бро-

сивших курить в период беременности, среди пользователей программы в 3 раза больше, чем среди респондентов контрольной группы. Более 90% респондентов сообщили, что следуют рекомендациям, указанным в сообщениях. Число тех, кто использует витамины и фолиевую кислоту, среди пользователей программы в 2 раза превышает аналогичное среди контрольной группы.

Отдельно следует отметить программы мобильного здоровья в лечении и реабилитации клиентов с различными формами зависимостей, так как они позволяют предоставлять контент в максимально индивидуализированном формате, оказывать психологическую поддержку за пределами лечебного учреждения, предоставлять экстренную помощь в случае «срыва пациента». Например, пациенты, использующие психоактивные вещества, обычно испытывают социальное давление, страх перед участием в программах из-за боязни раскрытия их статуса и социального неодобрения. Наиболее доступным, «конфиденциальным» средством доставки сообщений в этом случае является мобильный телефон. Однако в подобных программах по сопровождению наркозависимых пациентов важна не только модель информационного сопровождения пациентов, но и система их вовлечения в программу, которая может быть осуществлена через врачей, которым доверяют пациенты, а также через лечебно-профилактические учреждения и группы взаимопомощи [Карпец, Дмитриева, 2011].

На примере многолетнего исследования можно видеть, что мобильные каналы связи являются эффективным инструментом профилактики и должны рассматриваться как надежное средство доставки своевременной, достоверной, актуальной информации пользователю по вопросам детско-материнского здоровья и здорового образа жизни в целом. Распространение мобильных телефонов и все больший охват смартфонами и интернетом позволяют сопровождать пользователя в течение продолжительного времени и помогать ему принимать рациональные решения в отношении своего здоровья и здоровья его близких. При разработке профилактических программ для населения с использованием мобильных каналов связи необходимо учитывать предпочтения целевой аудитории в каналах доставки информации и соотносить их с эффективностью в плане полноты, восприятия и удобства для пользователя.

Перспективной представляется разработка программ в сфере мобильного здоровья, основанных на комплексном использовании различных каналов доставки информации на телефоны пользователей, поскольку на данный момент невозможно определить абсолютно эффективный и универсальный канал, удовлетворяющий всем требованиям одновременно. Пользователь должен иметь выбор одного или нескольких каналов одновременно, в зависимости от своих персональных предпочтений,

возможностей и объективных условий с доступностью интернета и мобильной связи.

Список литературы

1. *Карпец А. В., Дмитриева Е. В., Чернышова О. В., Фролов С. А., Орлова М. О.* Модель медико-социальной маршрутизации стационарных наркологических пациентов с разными уровнями мотивации к лечению и риска ВИЧ-инфицирования // Вопросы наркологии. — 2011. — № 1. — С. 72–80.
2. Симпозиум ВОЗ «Будущее состояние цифровых систем здравоохранения в Европейском регионе», 2019. URL: https://www.euro.who.int/ru/media-centre/events/events/2019/02/who-symposium-on-the-future-of-digital-health-systems-in-the-european-region/news/news/2019/02/what-you-need-to-know-about-digital-health-systems
3. *Freidson E.* Profession of Medicine: A study of the Sociology Applied Knowledge. — New York: Dodd, Mead and Co, 1970.
4. *Illich I.* Limits to Medicine. — London: Marion Boyars, 1976.
5. *Illich I.* The epidemics of modern medicine // Health and Disease. A Reader. ed. By Gray A. Buckingham. — Philadelphia: Open University Press, 1995.
6. *Parsons T.* Definition of Health and illness in the light of American values and social structure // Patients Physicians and Illness. ed. By E. Jaco. — New York: Free Press, 1972.
7. *Parsons T.* The Social System. — New York: Free Press, 1951.
8. *Pettegrew L. S.* Some boundaries and assumption in health communication // Exploration in provider and patient interaction. — Louisville, KY: Humana, 1982.
9. *Sokolowska M.* Two Basic Types of Medical Orientation//Concepts of Health and Illness and Disease: A Comparative Perspective. ed. By C. Currer and M. Stacey. — Oxford: Berg Publishers Limited, 1993.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Karpec A. V., Dmitrieva E. V., Chernyshova O. V., Frolov S. A., Orlova M. O.* Model' mediko-social'noj marshrutizacii stacionarnyh narkologicheskih pacientov s raznymi urovnjami motivacii k lecheniju i riska VICh-inficirovanija // Voprosy narkologii. — 2011. — № 1. — S. 72–80.
2. Simpozium VOZ «Budushhee sostojanie cifrovyh sistem zdravoohranenija v Evropejskom regione», 2019. URL: https://www.euro.who.int/ru/media-centre/events/events/2019/02/who-symposium-on-the-future-of-digital-health-systems-in-the-european-region/news/news/2019/02/what-you-need-to-know-about-digital-health-systems

КОРОЛЕНКО Александра Владимировна
научный сотрудник,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»,
Вологда, Россия.
E-mail: coretra@yandex.ru

САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ И КЛЮЧЕВЫЕ РИСКИ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ключевые слова: самосохранительное поведение, стратегии (модели) поведения, поведенческие факторы риска, социологический опрос, Вологодская область.

Коды JEL: J11, Z13

Введение. Одной из стратегических задач демографического развития России согласно целевым ориентирам национального проекта «Демография» выступает увеличение доли граждан, ведущих здоровый образ жизни [Паспорт национального проекта]. В частности, к 2024 г. планируется повысить до 55% удельный вес людей, систематически занимающихся физкультурой и спортом. Однако без понимания того, какие модели поведения в части сохранения и укрепления здоровья распространены среди населения, а также какие поведенческие риски здоровью существуют, невозможной представляется разработка эффективных мер по достижению обозначенных задач.

В рамках социолого-демографического подхода, который успешно развивался в отечественной науке (А. И. Антонов, В. М. Медков, В. А. Борисов, В. А. Зотин, Т. В. Лифарь, И. В. Журавлева, Л. С. Шилова, Е. Б. Бабин, Л. В. Шибут, И. С. Вялов, Г. А. Ивахненко, В. Я. Шклярук, Л. Ю. Иванова, А. А. Шабунова и др.), самосохранительное поведение понимается как система действий и отношений личности, направленных на сохранение здоровья в течение всего жизненного цикла и продление сроков жизни. В данном исследовании под *самосохранительным поведением (СП)* подразумевается *совокупность потребностей, установок, мотивов и вытекающих из них конкретных действий индивида в части сохранения и укрепления собственного здоровья* [Короленко, 2018, с. 253].

Чаще всего при изучении самосохранительного поведения ученые акцентируют внимание на его отдельных компонентах, таких как место

здоровья в системе жизненных ценностей, самооценка здоровья, медицинская и физическая активность, наличие вредных привычек, стрессоустойчивость организма, характер и режим питания и т.д., что не позволяет сформировать представление о сложившихся среди населения индивидуальных стратегиях поведения. Попытки построения моделей, описывающих здоровьесберегательные действия индивидов, предпринимались в исследованиях А. И. Антонова [Антонов, 1998], И. В. Журавлевой [Журавлева, 2000], Л. С. Шиловой [Шилова, 2000], Г. И. Ивахненко [Ивахненко, 2006], Т. В. Шушуновой [Шушунова, 2010], Е. А. Юговой [Югова, 2012], И. В. Павловой [Павлова, 2016].

Цель данного исследования — построение моделей самосохранительного поведения на индивидуальном уровне и анализ взаимосвязи его компонентов с ключевыми факторами риска.

Методология исследования. *Информационной базой* выступили данные мониторинга физического здоровья населения Вологодской области, проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2020 г. Опрос населения осуществлялся на территории городов Вологды, Череповца и 8 муниципальных районов Вологодской области. Метод — раздаточное анкетирование. Объем выборки — 1500 респондентов. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечивалась соблюдением пропорций между городским и сельским населением, между жителями населенных пунктов различных типов (сельские поселения, малые и средние города), пропорций половозрастной структуры населения области. Ошибка выборки не превышает 5%. Техническая обработка информации производилась в программах SPSS и Excel.

Для конструирования моделей в работе использовался *метод «дерева» принятия решений*, в основе которого лежит схематическое отражение разветвляющегося по каким-либо условиям процесса принятия решений. Этот метод применяют тогда, когда результат одного решения заставляет индивида принять следующее, которое, в свою очередь, влияет на принятие третьего, четвертого и т.д., вплоть до достижения конечного результата [Яресь, Паньшин, 2011, с. 42–43]. Компонентами «дерева» выступают «*узлы*» и «*ветви*» *вариантов принятия решений*. «Ветви» обозначают возможные альтернативные решения, которые могут быть приняты, и возможные исходы, возникающие в результате этих решений. «Узлы» обозначают точки, где принимаются решения.

В представленном исследовании была принята следующая последовательность «узлов»: ценность здоровья → и мотивация на заботу о нем → принятие самосохранительных мер. Ценность здоровья, на наш взгляд, характеризует базовую установку индивида по отношению к данной категории. От ценности здоровья в идеальной ситуации зависит мотивация

на заботу о нем, которая, в свою очередь, определяет выполнение человеком конкретных самосохранительных мер.

Следовательно, первым «узлом» дерева принятия решений стало *место здоровья в системе жизненных ценностей*. В зависимости от распределения ответов респондентов на вопрос «Что для вас является главной ценностью?» строились две «ветви»: население, для которого здоровье выступает главной ценностью, и население, для которого оно не является жизненным приоритетом. Второй «узел» отражает наличие *мотивации на заботу о здоровье*, которая служит побудителем личности к активным действиям, направленным на укрепление собственного здоровья и продление жизни [Шушунова, 2010, с. 17]. Исходя из того, в какой мере индивид заботится о своем здоровье (т.е. в какой степени мотивирован на заботу о нем), выделялись «ветви»: население, заботящееся о здоровье (мотивированное на заботу о нем), и население, мало заботящееся и не заботящееся о здоровье (слабо мотивированное или немотивированное). Наличие мотивов одновременно отражает и потребность в сохранении здоровья или, в случае ответа «не забочусь о своем здоровье», отсутствие таковой. Третьим «узлом» выступило *осуществление самосохранительных действий*. Разделение «ветвей» производилось на основании ответов на соответствующий вопрос: население, практикующее какие-либо самосохранительные меры, и население, не предпринимающее никаких мер.

После построения «дерева» в зависимости от распределения ответов респондентов на специальные вопросы анкеты, отражающие отдельные элементы самосохранительного поведения, рассчитывались веса каждой полученной модели (от первого до конечного «узла»), их величины проставлялись над «ветвями». Исходя из положений теории вероятностей каждый «узел» принятия решений брался за единицу, следовательно, каждая «ветвь» приобретала определенный вес, выраженный в долях единицы [Короленко, 2018, с. 256].

Доля каждой модели самосохранительного поведения в их общем их числе вычислялась путем перемножения весов всех «ветвей» до конечных «узлов»:

$$\omega = X \cdot X1 \cdot X1' \cdot \ldots \cdot 100\%,$$

где ω — доля модели, *X, X1, X1′* — веса «ветвей» «дерева» принятия решений (%).

Основные результаты. В ходе конструирования «дерева» принятия решений было получено 8 возможных вариантов моделей самосохранительного поведения. Среди населения Вологодской области в 2020 г. наиболее распространенной выступала стратегия, для которой характерно признание здоровья главной ценностью, наличие мотивации на заботу о нем и применение каких-либо здоровьесберегательных практик (39%; рис. 1).

15% опрошенных причисляют собственное здоровье к главным ценностям и применяют самосохранительные меры, но не мотивированы на заботу о здоровье (модель 3). Несмотря на то что здоровье фигурирует в числе их жизненных ценностей, 15% жителей региона не мотивированы на заботу о нем и не предпринимают конкретных действий в этом направлении (модель 4). У 8% опрошенных мотивация на здоровый образ жизни и специальные самосохранительные действия сочетаются с отсутствием здоровья в системе ценностей (модель 5). Самая неблагоприятная модель ССП характерна для 6% населения: в ней здоровье не позиционируется как главная ценность, отсутствуют какие-либо стимулы и практики здорового образа жизни. Иные модели поведения встречаются среди населения значительно реже.

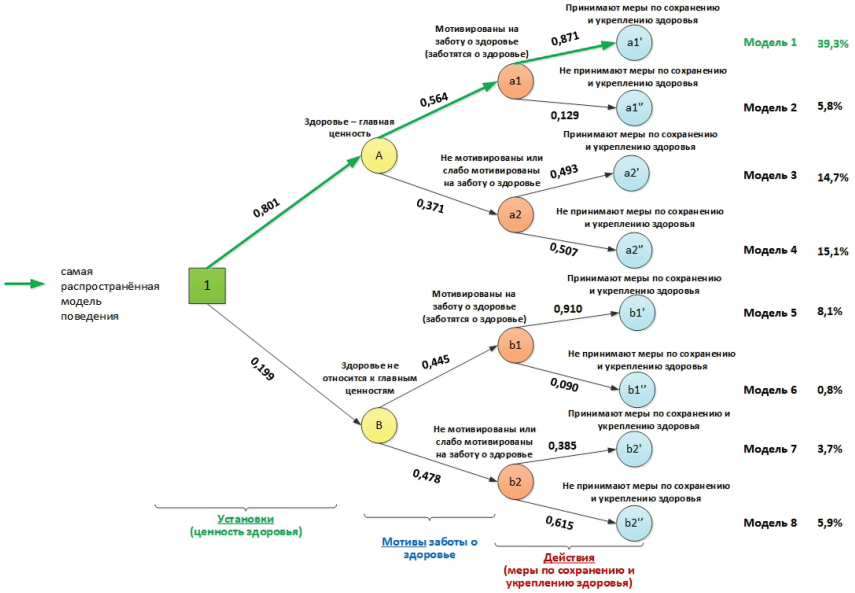

Рис. 1. Модели самосохранительного поведения населения Вологодской области
* сумма долей всех моделей не равна 100% (93%), так как часть респондентов затруднились при ответе на вопрос о мотивации на заботу о здоровье.
Источник: составлено автором по данным мониторинга физического здоровья населения Вологодской области 2020 г.

Ключевые риски в самосохранительном поведении. Рассмотрим распространенность основных поведенческих факторов риска (вредных привычек — употребления алкоголя, курения; неправильного питания; низкой физической и медицинской активности) в разрезе отдельных компонентов

самосохранительного поведения (установок, мотивов, действий). Как показали данные опроса, жители Вологодской области, *не причисляющие здоровье к главным ценностям*, по сравнению с теми, кто считает его жизненным приоритетом, заметно чаще курят (34% против 26%), чаще отказываются от соблюдения практик правильного питания (48% против 38%), а также чаще игнорируют плановое посещение медицинских учреждений (48% против 38%).

Среди респондентов, *не мотивированных или слабо мотивированных на заботу о здоровье*, по сравнению с теми, кто стремится заботиться о нем, оказалась выше доля употребляющих алкогольные напитки (65% против 45%), курильщиков (42% против 18%), тех, кто не применяет практики правильного питания (57% против 26%), не занимается физической культурой и спортом (86% против 70%), а также тех, кто в течение последнего года ни разу не обращался в медицинские учреждения (45% против 29%).

Как следствие, люди, *не принимающие никаких действий по сохранению и укреплению собственного здоровья*, в большей степени по сравнению с практикующими их склонны к употреблению спиртного (67% против 46%) и курению (48% против 19%), значительно чаще игнорируют практики здорового питания (75% против 25%), занятия физкультурой и спортом (94% против 70%), а также своевременное посещение медицинских организаций (53% против 29%).

Таким образом, низкая ценность здоровья, отсутствие мотивации на заботу о нем, отказ от принятия мер по его сохранению и укреплению способствуют бóльшей распространенности поведенческих факторов риска.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что среди населения Вологодской области чаще встречается наиболее благоприятная стратегия самосохранительного поведения, для которой характерно признание здоровья главной ценностью, наличие мотивации на заботу о нем и применение каких-либо здоровьесберегательных практик (39%). Однако среди остальных жителей региона получили распространение модели, содержащие те или иные поведенческие угрозы для здоровья. У 6% населения встречается самая неблагоприятная стратегия, для которой свойственно непризнание здоровья главной жизненной ценностью, отсутствие или слабая мотивация на заботу о нем и отказ от практик здорового образа жизни. Установлено, что негативные проявления поведения в отношении собственного здоровья, а именно низкая ценность здоровья, отсутствие мотивации на заботу о нем, отказ от принятия мер по его сохранению и укреплению, способствуют более широкому распространению таких поведенческих факторов риска, как употребление алкоголя, курение, неправильное питание, отказ от занятий физкультурой и спортом, низкая медицинская активность. Учет разнообразия стратегий самосохранительного поведения населения и их взаимосвязи с поведенческими

факторами риска позволит разработать дифференцированную систему профилактических мер, внедрение которых в практику государственной политики в сфере сохранения и укрепления здоровья будет способствовать повышению эффективности ее реализации.

Список литературы

1. *Антонов А. И.* Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов): учеб. пособие для вузов. — М.: Nota Bene, 1998. — 360 с.
2. *Журавлева И. В.* Самосохранительное поведение подростков и заболевания, передающиеся половым путем // Социологические исследования. — 2000. — № 5. — С. 66–74.
3. *Ивахненко Г. И.* Здоровье московских студентов: анализ самосохранительного поведения // Социологические исследования. — 2006. — № 7. — С. 78–81.
4. *Короленко А. В.* Модели самосохранительного поведения населения: подходы к изучению и опыт построения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2018. — Т. 11. № 3. — С. 248–263.
5. *Павлова И. В.* Социологические основания исследования здоровья и здорового образа жизни молодежи // Образование и общество. — 2016. — № 6. — С. 103–109.
6. Паспорт национального проекта «Демография»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол № 16 от 24 декабря 2018 г.) // Правительство Российской Федерации. URL: http://government.ru/info/35559/
7. *Шилова Л. С.* Трансформация женской модели самосохранительного поведения // Социологические исследования. — 2000. — № 11. — С. 134–140.
8. *Шушунова Т. Н.* Самосохранительное поведение студенческой молодежи: социологический анализ (на примере минских вузов). — Минск: Право и экономика, 2010. — 114 с.
9. *Югова Е. А.* Формирование здоровьесберегающей модели поведения у студентов высших учебных заведений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. — 2012. — № 2. — С. 29–34.
10. *Яресь О. Б., Паньшин И. В.* Методы принятия управленческих решений: учеб. пособие. — Владимир: Владим. гос. ун-т им. Столетовых, 2011. — 66 с.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Antonov A. I.* Mikrosociologija sem'i (metodologija issledovanija struktur i processov): ucheb. posobie dlja vuzov. — M.: Nota Bene, 1998. — 360 s.
2. *Zhuravleva I. V.* Samosohranitel'noe povedenie podrostkov i zabolevanija, peredajushhiesja polovym putem // Sociologicheskie issledovanija. — 2000. — № 5. — S. 66–74.
3. *Ivahnenko G. I.* Zdorov'e moskovskih studentov: analiz samosohranitel'nogo povedenija // Sociologicheskie issledovanija. — 2006. — № 7. — S. 78–81.

4. *Korolenko A. V.* Modeli samosohranitel'nogo povedenija naselenija: podhody k izucheniju i opyt postroenija // Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. — 2018. — T. 11. № 3. — S. 248–263.
5. *Pavlova I. V.* Sociologicheskie osnovanija issledovanija zdorov'ja i zdorovogo obraza zhizni molodezhi // Obrazovanie i obshhestvo. — 2016. — № 6. — S. 103–109.
6. Pasport nacional'nogo proekta «Demografija»: utv. prezidiumom Soveta pri Prezidente RF po strategicheskomu razvitiju i nacional'nym proektam (protokol № 16 ot 24 dekabrja 2018 g.) // Pravitel'stvo Rossijskoj Federacii. URL: http://government.ru/info/35559/
7. *Shilova L. S.* Transformacija zhenskoj modeli samosohranitel'nogo povedenija // Sociologicheskie issledovanija. — 2000. — № 11. — S. 134–140.
8. *Shushunova T. N.* Samosohranitel'noe povedenie studencheskoj molodezhi: sociologicheskij analiz (na primere minskih vuzov). — Minsk: Pravo i jekonomika, 2010. — 114 s.
9. *Jugova E. A.* Formirovanie zdorov'esberegajushhej modeli povedenija u studentov vysshih uchebnyh zavedenij // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 12: Psihologija. Sociologija. Pedagogika. — 2012. — № 2. — S. 29–34.
10. *Jares' O. B., Pan'shin I. V.* Metody prinjatija upravlencheskih reshenij: ucheb. posobie. — Vladimir: Vladim. gos. un-t im. Stoletovyh, 2011. — 66 s.

КУЗНЕЦОВА Полина Олеговна
старший научный сотрудник
Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС.
E-mail: polina.kuznetsova29@gmail.com

ПРЕЖДЕВРЕМЕННАЯ МУЖСКАЯ СМЕРТНОСТЬ КАК ФАКТОР БЕДНОСТИ РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ

В работе рассматривается влияние мужской смертности в трудоспособных возрастах на распределение благосостояния российских домохозяйств. Феномен высокой мужской смертности в России широко известен и хорошо изучен [Shkolnikov et al., 2013, Denisova, 2010]. Будучи сконцентрированной в трудоспособных возрастах, она оказывает непосредственное влияние на структуру домохозяйств, увеличивая представленность в ней неполных семей с детьми [Захаров, Чурилова, 2013; Доброхлеб, Гузанова, 2016], и других домохозяйств, в которых проживают одинокие женщины. Неполные семьи традиционно относятся к числу наиболее уязвимых с точки зрения как доходной, так и депривационной бедности [Гришина, 2018], в то время как влияние вдовства на благосо-

стояние женщин без несовершеннолетних детей предстояло выяснить в ходе исследования.

Проведенный обзор современной исследовательской литературы продемонстрировал широкий набор методов количественной оценки данных, которые могут быть применены в данном исследовании. Для выявления последствий негативных событий в жизни домохозяйства (развод, смерть одного из членов семьи) в том числе могут быть использованы такие методы, как анализ продолжительности событий (survival analysis), впервые примененный к изучению бедности в работе [Bane, Ellwood 1986]; линейная панельная регрессия с фиксированными эффектами, включающая наблюдения за несколько лет до и после экспериментального события (смерть супруга, развод, прекращение совместного проживания и др. [Leopold, 2018]); пробит- или логит-модели для поиска факторов вероятности быть бедным, условной вероятности быть хронически бедным, будучи бедным, а также вероятности попадания в бедность и выхода из нее [Lindquist, Lindquist, 2012], а также усовершенствованный метод [Cappellari, Jenkins 2002; Fusco, Islam 2012].

В качестве детерминант бедности могут быть использованы факторы, влияющие на трудовые и нетрудовые доходы домохозяйств и их размер, в том числе состояние здоровья или инвалидности членов домохозяйства, возраст взрослых, национальная принадлежность взрослых, человеческий капитал (уровень образования и квалификации) взрослых трудоспособного возраста, пол взрослых, количество взрослых, количество детей, возраст детей и др.

Основой проведенного эмпирического исследования стали ретроспективные данные Российского мониторинга экономического состояния и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ) с 1999 по 2018 г. Данный временной диапазон позволяет получить представление о динамике благосостояния домохозяйств различного типа в различные экономические периоды: быстрый экономический рост начала и середины 2000-х гг., глобальный кризис 2008 г. и посткризисная адаптация 2009–2013 гг., а также последствия событий 2014 г., выразившиеся, в частности, в падении и последующей стагнации реальных доходов населения. В качестве экспериментальной была рассмотрена группа домохозяйств, в которых на протяжении наблюдения была зафиксирована смерть хотя бы одного мужчины в возрасте от 25 до 60 лет. Для сравнения с ней рассматривалась контрольная группа, состоявшая из домохозяйств с похожими социально-демографическими характеристиками, в которых смерть мужчин трудоспособного возраста не наблюдалась. Аналогичное исследование также было проведено для группы домохозяйств с несовершеннолетними детьми.

Первичный анализ данных РМЭЗ показал, что они с некоторыми ограничениями могут быть использованы при анализе смертности. Это под-

тверждает вывод более ранних исследований с использованием данных этого обследования [Denisova, 2010]. Существуют определенные проблемы при использовании социологических данных при анализе смертности, к которым следует прежде всего отнести потерю части случаев смерти из-за исчезновения из выборки части домохозяйств (прежде всего небольшого размера), что приводит к занижению смертности. Как показали расчеты, при переходе к смертности в трудоспособном возрасте объем таких потерь снижается, а коэффициенты смертности, рассчитанные по данным РМЭЗ, приближаются к значениям соответствующих показателей официальной статистики.

Согласно полученным результатам, ретроспективные данные РМЭЗ позволяют достаточно точно моделировать смертность в домохозяйствах выборки, а количество наблюдений в экспериментальной группе дает возможность провести тестирование основных гипотез исследования. Проведенный эмпирический анализ позволил прийти к следующим выводам: 1) смерть мужчины трудоспособного возраста негативно сказывается на благосостоянии домохозяйства, в котором он проживал, способствуя росту риска бедности и ее глубины; 2) существует ряд факторов, снижающих возможность адаптации домохозяйств к потере кормильца, в том числе наличие в домохозяйстве малолетних детей, инвалидов, безработных и др.; 3) социальные пособия смягчают последствия смерти члена домохозяйства, однако не могут полностью компенсировать понесенных домохозяйством потерь в благосостоянии.

Список литературы

1. *Гришина Е. Е.* Различные аспекты бедности семей с детьми // Всероссийский экономический журнал ЭКО. — 2018. — № 3 (525).
2. *Доброхлеб В. Г., Гузанова А. К.* Городское население и семья в современной России // Народонаселение. — 2016. — № 2 (72).
3. *Захаров С. В., Чурилова Е. В.* Феномен одинокого материнства в России: статистико-демографический анализ распространенности и механизмов его формирования // Мир России. Социология. Этнология. — 2013. — Т. 22. — № 4.
4. *Bane M. J., Ellwood D. T.* Slipping into and out of Poverty: the Dynamics of Spells // Journal of Human Ressources. — 1986.
5. *Cappellari L., Jenkins S. P.* Who stays poor? Who becomes poor? Evidence from the British household panel survey // The Economic Journal. — 2002. — Vol. 112. — № 478. — P. C60–C67.
6. *Denisova I.* Adult mortality in Russia // Economics of Transition. — 2010. — Vol. 18. — Issue 2. — P. 333–363.
7. *Fusco A., Islam N.* Understanding the drivers of low income transitions in Luxembourg. — LISER, 2012. — № 2012–31.

8. *Leopold T.* Gender differences in the consequences of divorce: A study of multiple outcomes // Demography. — 2018. — Vol. 55. — № 3. — P. 769–797.
9. *Lindquist M. J., Lindquist G. S.* The dynamics of child poverty in Sweden // Journal of Population Economics. — 2012. — Vol. 25. — № 4. — P. 1423–1450.
10. *Shkolnikov V. M. et al.* Components and possible determinants of the decrease in Russian mortality in 2004-2010 // Demographic research. — 2013. — Vol. 28. — P. 917–950.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Grishina E. E.* Razlichnye aspekty bednosti semej s det'mi // Vserossijskij jekonomicheskij zhurnal JeKO. — 2018. — № 3 (525).
2. *Dobrohleb V. G., Guzanova A. K.* Gorodskoe naselenie i sem'ja v sovremennoj Rossii // Narodonaselenie. — 2016. — № 2 (72).
3. *Zaharov S. V., Churilova E. V.* Fenomen odinokogo materinstva v Rossii: statistiko-demograficheskij analiz rasprostranennosti i mehanizmov ego formirovanija // Mir Rossii. Sociologija. Jetnologija. — 2013. — T. 22. — № 4.

ЛИФШИЦ Марина Лазаревна
аспирантка, Институт экономики УрО РАН,
Екатеринбург, Россия.
E-mail: lifmarina@yandex.ru

НЕКЛЮДОВА Наталья Павловна
к.э.н., старший научный сотрудник,
Институт экономики УрО РАН,
Екатеринбург, Россия.
E-mail: nnp81@mail.ru

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ И ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ В РАСПРОСТРАНЕНИИ В РФ НАРКОМАНИИ, ВИЧ, ТУБЕРКУЛЕЗА, СИФИЛИСА И ВИРУСНЫХ ГЕПАТИТОВ[1]

Ключевые слова: миграция, инфекционные заболевания, наркомания, регионы России, эконометрический анализ.

Коды JEL: C51, I31, J61

[1] Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-010-01049 «Методология и методика системной оценки взаимосвязи средовых факторов и здоровья населения в задаче устойчивого развития регионов России».

Введение

Цель данной работы — оценка возможного влияния различных аспектов внутренней и внешней миграции на распространенность в регионах России заболеваний, представляющих опасность для окружающих: ВИЧ-инфекции, активного туберкулеза, сифилиса, наркомании, острых и хронических вирусных гепатитов В и С. Проведен анализ работ, касающихся вопросов влияния миграции на здоровье населения принимающей территории. Основные методы исследования — корреляционный и эконометрический анализ. Построены панельные модели для каждого из заболеваний. В моделях протестированы различные социально-экономические показатели (включая уровень образования населения, денежные доходы, благоустройство жилья и заболеваемость алкоголизмом), а также климатические, географические и демографические факторы. Протестированы пять различных показателей миграции. Они характеризуют трудовую иммиграцию, приток в регион мигрантов из других стран и других регионов, а также долю в постоянном населении лиц, родившихся в других странах и других регионах. Учтено также влияние уровня заболеваемости в соседних регионах и близости границы с отдельными странами. Сделана попытка проследить изменение факторов, влияющих на распространение заболеваний, с течением времени. Для построения эконометрических моделей использованы данные Росстата и Министерства здравоохранения РФ за 2005–2016 гг. и переписей населения РФ 2002 и 2010 гг. Данная статья является расширенной версией ранее опубликованной работы авторов [Лифшиц, Неклюдова, 2019].

Пространственные перемещения людей традиционно являются фактором распространения инфекционных заболеваний. Однако часто это происходит вследствие перемещений не мигрантов, а так называемых «посетителей», которые покидают места своего обычного проживания на короткий срок (менее 3 месяцев) с целью отдыха, лечения, по служебным делам и т.п. Мы видели это и во время вспышки пандемии нового коронавируса в текущем году. Поэтому неудивительно, что Европейское бюро ВОЗ настаивает, что главной причиной распространения инфекционных заболеваний является бедность и плохие жилищные условия, а систематическая связь с миграцией отсутствует (Европейское региональное бюро ВОЗ). С другой стороны, отчет Института Роберта Коха (2017) указывает на негативные последствия массового притока мигрантов для здоровья населения Германии. В отчете перечисляются болезни, случаи распространения которых увеличились, в том числе: холера, гепатит, СПИД, проказа, малярия, сифилис, туберкулез [Infektionsepidemiologisches Jahrbuch, 2017]. В ряде европейских исследований подтверждается, что уровень заболевания ВИЧ-ассоциированным туберкулезом среди мигрантов выше,

чем среди местного населения [Tavares et al., 2017]. Однако отчасти это может быть связано с тем, что среди мигрантов меньше доля незарегистрированных случаев туберкулеза, чем у местного населения, вследствие усиленного эпиднадзора над мигрантами [Farchi et al., 2008; Melosini et al., 2012]. Этим же отчасти объясняют и меньшую степень занижения сведений об инфицировании гепатитом В и С среди мигрантов по сравнению с местными жителями [Nightingale et al., 2009].

В России ситуация схожая. Все иностранные граждане подлежат обязательному медицинскому освидетельствованию на сифилис, туберкулез и ВИЧ-инфекцию в отличие от граждан РФ, и это может отражаться на показателях заболеваемости. Например, в Санкт-Петербурге показатели заболеваемости ВИЧ-инфекцией, туберкулезом и сифилисом иностранных граждан в 1,5 раза превышают показатели заболеваемости этими инфекционными болезнями жителей города [Щербак, Улюкин, 2014]. В более позднем исследовании ФГБНУ «Центральный научно-исследовательский институт туберкулеза» установлено, что в целом по России на каждые 100 тыс. иностранных граждан туберкулез обнаруживается в 2,65 раза чаще, однако ВИЧ-инфекция в 2,93 раза реже, чем на каждые 100 тыс. россиян [Демихова, Нечаева, 2016].

Итак, есть проблемы с выявлением заболевания и проблемы с реальной заболеваемостью. Второе в большой мере зависит от социально-экономического положения отдельных групп населения [Прохоров, 2009]. Очевидно, что это может сказываться на уровне заболеваемости мигрантов. Исследование, проведенное в Смоленской области в 2014–2015 гг., установило более высокую частоту латентной туберкулезной инфекции (в 3 раза) и активного туберкулеза (в 10 раз) у детей из семей мигрантов по сравнению с детьми, постоянно проживающими в Смоленской области, при этом дети мигрантов на 25% реже имели вакцинацию БЦЖ [Рашкевич и др., 2016].

Существуют и убедительные свидетельства завоза некоторых инфекций мигрантами, например, гепатита Е. Так, у 17% обследованных иностранных граждан, прибывших на территорию г. Хабаровска по рабочей визе, были обнаружены антитела к гепатиту Е, неэндемичному для территории Хабаровского края [Мальцева и др., 2009; Солонин, 2010]. Ряд исследователей приходят к выводу о том, что значительная доля трудовых мигрантов, прибывающих в Россию, уже инфицированы гепатитом *С* [Алсалих и др., 2017].

Обзор исследований (в основном зарубежных), посвященных заболеваемости мигрантов в различных странах мира социальными инфекциями, говорит о том, что заболеваемость мигрантов сифилисом, ВИЧ-инфекцией и другими инфекциями, передаваемыми половым путем, выше, чем у местных жителей [Струин и Шубина, 2015]. Впрочем, Европейское

бюро ВОЗ отмечает, что в большинстве стран происхождения мигрантов уровень распространения ВИЧ-инфекции невысок, при этом «поступает все больше данных о том, что некоторые мигранты заражаются ВИЧ после прибытия» (указ. сайт).

Таким образом, в настоящее время вопрос о влиянии миграции на распространение социально опасных заболеваний остается дискуссионным.

С целью прояснить этот вопрос в настоящей работе поставлена задача выполнить эконометрический анализ распространения некоторых заболеваний, которые теоретически могут быть связаны с миграцией. Это наркомания и несколько инфекционных заболеваний из Перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих [Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715].

Описание статистических данных и методики исследования

Для исследования выбраны следующие заболевания: 1) ВИЧ-инфекция; 2) активный туберкулез; 3) сифилис; 4) наркомания; 5) хронические вирусные гепатиты (впервые установленный диагноз, вирус не указан, в хроническую форму могут переходить гепатиты *B* и *C*); 6) острый вирусный гепатит *B*; 7) острый вирусный гепатит *C*. По заболеваниям 1–4 в базе данных ЕМИСС [https://fedstat.ru/organizations/] имеется статистика Минздрава с 2005 г., по остальным — только с 2010 г.

Статистические данные говорят о том, что заболеваемость туберкулезом, сифилисом и острыми вирусными гепатитами *B* и *C* явно идет на спад, а по ВИЧ-инфекции эпидемия имеет тенденцию к росту. В 2010 г. ВИЧ-инфекция занимала 4-е место по числу заболевших в РФ среди рассматриваемых семи заболеваний (после туберкулеза, сифилиса и хронических вирусных гепатитов), но с 2014 г. вышла на первое место. В 2016 г. число лиц с впервые выявленным диагнозом «ВИЧ-инфекция» составило 84 тыс., на втором месте был туберкулез (77 тыс.), затем хронические вирусные гепатиты (68 тыс.), сифилис (31 тыс.), наркомания (16 тыс.), гепатит *C* (1806) и гепатит *B* (1378).

Заболеваемость в регионах в первые и последние годы, за которые имеются данные, показана на рисунках в приложении. Ситуация в регионах отличается большим разнообразием. Нет ни одного субъекта РФ, который входил бы в десятку лучших или худших по каждому из рассматриваемых заболеваний.

Из федеральных округов наименьшая заболеваемость ВИЧ-инфекцией, сифилисом, хроническими и острыми вирусными гепатитами фиксировалась чаще всего в Северо-Кавказском ФО, наркоманией — в Южном ФО, туберкулезом — в Центральном и Северо-Кавказском ФО. Наибольшая заболеваемость ВИЧ-инфекцией чаще всего наблюдалась в Уральском

и Сибирском ФО, туберкулезом — в Дальневосточном ФО, сифилисом — в Дальневосточном и Сибирском ФО, наркоманией и острым вирусным гепатитом *С* — в Уральском ФО, хроническими вирусными гепатитами — в Северо-Западном ФО, острым вирусным гепатитом *В* — в Центральном и Северо-Западном ФО.

По каждой из рассматриваемых болезней ежегодно есть случаи заболеваний почти в каждом субъекте РФ, и в целом данных достаточно, чтобы попытаться построить вероятностные панельные модели распространения заболеваний в 83 регионах России (таким был состав Российской Федерации в конце 2013 г.). Архангельская и Тюменская области рассматриваются отдельно от автономных округов, входящих в их состав.

ЕМИСС показывает нулевую заболеваемость в Чеченской Республике в 2005 г. по всем заболеваниям. Мы полагаем, что это ошибка, что данные за этот год просто отсутствуют. За 2005 г. отсутствуют и многие другие данные по Чеченской Республике, а данные по денежным доходам населения, например, там имеются лишь с 2010 г. Данные по наркомании во всех субъектах РФ за 2006 и 2007 гг. в ЕМИСС совпадают. Вероятно, это ошибка, вызванная тем, что в изданиях Росстата данные по наркомании за 2007 г. отсутствуют. Поэтому мы взяли для 2007 г. средние значения между 2006 и 2008 гг.

Панельное уравнение множественной регрессии имеет вид:

$$Y_{(t,R)} = a_0 + a_1 X_{1(t,R)} + \ldots + a_n X_{n(t,R)} + \varepsilon, \qquad (1)$$

где Y — объясняемая переменная, вектор с координатами времени и пространства; X_i — факторы, влияющие на объясняемую переменную; a_i — коэффициенты, ε — остаток уравнения.

В нашем случае объясняемые переменные — **Б1–Б7** — это число заболевших, или впервые поставленных диагнозов на 100 тыс. населения в год *t* в регионе (субъекте РФ) *R*, *t* принимает значения от 1 в 2005 г. до 12 в 2016 г.

В качестве факторов протестированы показатели, отражающие социально-экономическую и миграционную ситуацию, климат и некоторые другие характеристики региона.

В моделях тестировались пять различных показателей миграции.

М1 — *уровень легальной занятости иностранных граждан* — численность иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу или действующий патент на осуществление трудовой деятельности на 1 тыс. населения, на конец года. У этого показателя есть определенные недостатки. Во-первых, данные о патентах с разбивкой по регионам имеются лишь с 2013 г., хотя возможность приобретать патенты появилась у иностранцев в середине 2010 г. Во-вторых, наибольшая численность работающих в России иностранцев обычно наблюдается не в конце

года, а во втором и третьем кварталах. В-третьих, до 2011 г. публиковалась не численность *действующих разрешений на работу на конец года*, а число *выданных разрешений в течение года*. Таким образом, данные не полностью соответствуют критерию сравнимости.

M2 — *индекс уровня прибытия в регион международных мигрантов* –процентное отношение коэффициента прибытия международных мигрантов в регион к среднему значению показателя в РФ в данном году, т.е. уровень РФ в каждом году принят за 1. Необходимо отметить, что правила статистического учета международной миграции за период 2005–2016 гг. менялись неоднократно и еще более существенным образом, чем статистика трудовой миграции. Как следствие, данные Росстата не отражают реальное изменение миграционной ситуации с течением времени, хотя и позволяют сравнить регионы между собой в каждый отдельный год. Таким образом, относительный показатель **M2** больше соответствует критерию сравнимости во времени и пространстве, чем коэффициент прибытия.

Переменные **M1** и **M2** дополняют друг друга. В отличие от **M2**, **M1** не включает мигрантов из стран ЕАЭС, зато включает мигрантов из всех других стран, прибывших на срок 3–9 месяцев, а **M2** — только на срок от 9 месяцев. Можно предположить, что для нелегальных мигрантов привлекательны те же регионы, что и для легальных. Тогда можно считать, что переменные **M1** и **M2** косвенно отражают также влияние нелегальной иммиграции.

M3 — индекс уровня прибытия в регион мигрантов из других регионов. Рассчитано по аналогии с **M2**.

M4 и **M5** — доля в постоянном населении региона лиц, родившихся за пределами страны и в других субъектах РФ соответственно.

Переменные **M1**, **M2** и **M3** рассчитаны по данным Росстата, а **M4** и **M5** — по переписям населения РФ 2002 и 2010 гг. Предполагается, что между переписями значения показателей менялись линейно, а после 2010 г. не изменялись.

Еще четыре переменные (**ГрКит**, **ГрКаз**, **ГрГр** и **ССР**) отчасти отражают влияние и миграции, и географического фактора.

ГрКаз, **ГрКит и ГрГр** — это фиктивные переменные, принимают значение 1, если у субъекта РФ есть общая граница с Казахстаном, Китаем или Грузией соответственно и 0 в остальных случаях. С Казахстаном граничат 11 субъектов РФ (Астраханская, Волгоградская, Курганская, Новосибирская, Оренбургская, Самарская, Саратовская, Тюменская и Челябинская области, Республика Алтай и Алтайский край), с Китаем — семь (Забайкальский, Приморский и Хабаровский края, Республика Алтай, Амурская область и Еврейская автономная область; к этой группе отнесена также Сахалинская область, от которой недалеко до Китая по морю),

с Грузией также семь (Краснодарский край и все шесть республик Северо-Кавказского ФО).

ССР(Б*k*) — ситуация с заболеванием ***k*** в соседних регионах РФ (имеющих общую границу с рассматриваемым субъектом РФ). Средневзвешенное значение, веса — миграционные связи с соседними регионами. Миграционные связи между регионами А и Б — это сумма численности уроженцев региона А, проживающих в регионе Б, и численности уроженцев региона Б, проживающих в регионе А. Источник данных о миграционных связях — переписи населения 2002 и 2010 гг. У Москвы до 2012 г. единственным соседом была Московская область, а с 2012 г. ее соседом стала также Калужская область. У Сахалинской области нет сухопутной границы с другими регионами, ее соседи через море — Камчатский, Приморский и Хабаровский края. Для Калининградской области, которая является анклавом, значение **ССР** равно средневзвешенному значению заболеваемости в Москве, С.-Петербурге, Брянской, Псковской и Смоленской областей. Такой выбор сделан на основании транспортной доступности и миграционных связей между регионами. Но при расчете **ССР** для этих пяти субъектов РФ Калининградская область не считалась соседом.

Протестированы также и включены в модели в случае их значимости следующие независимые переменные.

Алк — впервые поставленные диагнозы «алкоголизм» и «алкогольный психоз», на 10 тыс. населения. Данные ЕМИСС.

ДГор — доля городского населения, %.

ЖМ — обеспеченность населения жилой площадью, м^2/чел.

ЗТТ — численность российских туристов, отправленных туристскими фирмами в зарубежные туры, на 100 тыс. населения.

ИУО — индекс уровня образования, рассчитан как сумма произведений доли населения (в возрасте 15 лет и более) с определенным уровнем образования на балл, присвоенный этому уровню: отсутствие образования — 0, начальное общее образование — 1, неполное общее среднее — 2, полное общее среднее и начальное профессиональное — 3, среднее профессиональное — 4, неоконченное высшее и бакалавриат — 5, высшее и послевузовское — 6.

М1719 — доля в населении мужчин в возрасте 17–19 лет, на начало года, %.

НацР — фиктивная переменная, принимает значение 1 для 26 «национальных» субъектов РФ (республик и автономных образований) и 0 в остальных случаях.

ОГВ — отсутствие в жилище горячей воды (нет ни централизованного снабжения горячей водой, ни индивидуальных водонагревателей), доля домохозяйств на начало года, %. Диапазон значений переменной: от 0,56 в Москве (с 2011) до 88,5 в Чеченской Республике (2006). По переписи-2002

доля таких домохозяйств в РФ составляла 39,6%, причем в 29 субъектах РФ доля домохозяйств без горячей воды составляла более 50%. По переписи 2010 г. доля таких домохозяйств в РФ составляла 25,4%, максимальное значение (77,2%) наблюдалось в Республике Алтай.

ОКан — отсутствие в жилище канализации (туалет вне жилища или отсутствует), доля домохозяйств на начало года, %. Диапазон значений: от 0,06 в Москве (с 2011 г.) до 77,7 в Республике Алтай (2005). По переписи-2002 доля домохозяйств, не имеющих канализации в жилом помещении, составляла 33,9%, по переписи-2010 — 17,0% (от 0,06% в Москве до 65,3% в Республике Тыва). Одна из причин постепенного снижения значений ОГВ и ОКан — отъезд или смерть жителей. Между переписями 2002 и 2010 гг. количество населенных пунктов в РФ, имеющих хотя бы одного постоянного жителя, снизилось с 145 143 до 136 072.

ОКБер — доля беременных женщин, на 1000 населения. Рассчитано по формуле:

$$\textbf{ОКБер}(t) = \text{ОКАб}(t) + \text{ОКР}(t+1)\ , \qquad (2)$$

где **ОКР** — общий коэффициент рождаемости на 1000 населения, а **ОКАб** — число абортов на 1000 населения. В 2006–2016 гг. значения **ОКАб** довольно быстро снижались. В 2006 г. на 100 родившихся детей приходилось 96 абортов, а в 2016 г. уже только 39.

ПВИЧ — пораженность ВИЧ-инфекцией, доля живущих с ВИЧ на 10 тыс. населения. Рассчитана по данным ЕМИСС и Федерального научно-методического центра по профилактике и борьбе со СПИДом. При расчете за основу взята численность живущих с ВИЧ на начало 2006 г. и численность умерших ВИЧ-инфицированных в 2005–2014 гг., по данным Федерального центра по борьбе со СПИДом, а также численность выявленных заразившихся, по данным ЕМИСС.

ПлН — плотность населения, человек на кв. км.

Т1 и **Т7** — средние значения температуры воздуха в январе и июле соответственно (данные Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды).

УДД — соотношение денежных доходов населения с прожиточным минимумом, т.е. если средние денежные доходы равны прожиточному минимуму в регионе, **УДД** принят за 1. Набор товаров и услуг в минимальной потребительской корзине с 2000 г. менялся незначительно, поэтому можно считать, что переменная **УДД** соответствует критерию сравнимости.

УЗан — доля занятых в экономике среди населения возрастной группы 15–72, %.

Фактор времени (***t***) — фиктивная переменная, принимает значение 1 в 2005 г., 2 в 2006 г., ..., 12 в 2016 г.

Источник данных — Росстат, если не указано иное. В случае, если данные рассчитаны по переписям населения 2002 и 2010 гг. (ИУО, ОГВ, ОКан), предполагается, что значения показателей между переписями менялись линейно, а после 2010 г. не изменялись.

Результаты регрессионного анализа и их интерпретация

Ниже представлены результаты эконометрического моделирования по методу наименьших квадратов. Коэффициенты полученных уравнений являются случайными величинами, поэтому после каждого в скобках стоит его стандартное отклонение (стандартная ошибка). Уровень значимости коэффициентов обозначен звездочками: * — 0,1, ** — 0,05, *** — 0,01, **** — 0,001. N — число наблюдений, R^2 — коэффициент детерминации. Все предикторы включались в модели только в случае их значимости и при отсутствии явной мультиколлинеарности. Это важно, поскольку многие характеристики регионов связаны друг с другом. Для каждого периода выбраны модели с наибольшим скорректированным коэффициентом детерминации R^2.

Во все модели, кроме первого года наблюдения, в качестве одного из факторов включена заболеваемость в предшествующем году ($Б_{(t-1)}$), поскольку ситуация с заболеваемостью в регионе обычно меняется медленно (хотя порой после резкой вспышки заболеваемости наблюдается улучшение ситуации). Эта переменная неизменно является наиболее значимой для всех заболеваний. В модель для первого года наблюдения эту переменную включить невозможно, поэтому состав факторов в таких моделях, как правило, значительно отличается от моделей для последующих периодов.

Необходимо отметить, что $Б_{(t-1)}$ отчасти отражает факторы, действовавшие в предыдущем году, поэтому, когда эта переменная присутствует в модели, остальные факторы, в сущности, показывают характеристики регионов, в которых происходили наибольшие изменения по сравнению с предыдущим годом. Поэтому при интерпретации результатов регрессионного анализа важно для полноты картины учитывать динамику корреляционных связей объясняемой переменной с различными факторами.

1) ВИЧ

Важнейшие факторы заболеваемости ВИЧ — уровень пораженности населения региона ВИЧ-инфекцией, внутривенное употребление наркотиков и эпидемиологическая ситуация в соседних регионах. Первый из этих предикторов значим во всех моделях, представленных в табл. 1, остальные два — во всех, кроме первой.

Таблица 1

Модели выявления новых случаев ВИЧ

Модели	**Б1.1**	**Б1.2**	**Б1.3**	**Б1.4**	**Б1.5**
Constant	7,987 (8,491)	41,33**** (10,37)	–7,514*** (2,427)	1,552 (2,772)	119,22**** (23,60)
ПВИЧ	0,7316**** (0,0663)	0,1859**** (0,0320)	0,5079**** (0,0579)	0,1606** (0,0680)	0,0758* (0,0417)
ЗТТ	1,375**** (0,351)	–	–	–	–
Ln(ПлН)	3,739**** (0,861)	–	–	–	–
УДД	3,547*** (1,311)	–	–	–	–
Т7	–1,064** (0,403)	–	–	–	–
Б1(*t*-1)	–	0,6877**** (0,0286)	0,4087**** (0,0558)	0,7422**** (0,0571)	0,8090**** (0,0392)
ССР(Б1)	–	0,2003**** (0,0189)	0,1411**** (0,0356)	0,2316**** (0,0333)	0,1192**** (0,0310)
Б4	–	0,1626**** (0,0470)	0,2066**** (0,0553)	0,2963*** (0,1015)	0,2004** (0,0845)
ОКан	–	–0,2632**** (0,0524)	–	–0,2080*** (0,0751)	–
ИУО	–	–10,55**** (2,79)	–	–	–19,86**** (5,44)
Б2	–	0,04375*** (0,01472)	0,02956* (0,01686)	–	–
НацР	–	–2,010** (0,982)	–	–	–
М2	–	–1,154** (0,554)	–	–2,206** (0,921)	–
t	–	–	1,108** (0,538)	–	–3,454**** (0,889)
ОГВ	–	–	–	–	–0,2668*** (0,0832)
N	82	912	331	332	249
R^2	0,776	0,883	0,800	0,852	0,933
Период	2005	2006–2016	2006–2009	2010–2013	2014–2016

Принципиальным отличием модели Б.1.1 от моделей для последующих периодов является значимость фактора зарубежного туризма (ЗТТ).

Первоначально ВИЧ пришел в СССР из-за границы, поэтому зарубежные контакты, в том числе туристические поездки россиян, сыграли свою роль в распространении ВИЧ в России. Больше всего зарубежных контактов было у обеспеченных жителей крупных городов, поэтому показатели площади населения и денежных доходов (*Ln*(ПлН) и УДД соответственно) входят в модель Б1.1 со знаком плюс. Корреляция Б1 с ЗТТ и *Ln*(ПлН) была значимой только в первый год наблюдения (0,364 и 0,351 соответственно).

В дальнейшем распространение ВИЧ-инфекции шло преимущественно от сформировавшихся на территории России очагов заболеваемости, поэтому во всех моделях для последующих периодов значима переменная ССР(Б1), отражающая заболеваемость в соседних регионах.

Хотя доля ВИЧ-инфицированных, заразившихся через внутривенное употребление наркотиков, постепенно снижается, продолжается рост численности впервые заразившихся этим путем (рис. 1). В 2014 г. численность заразившихся через употребление наркотиков (22 468 человек) превысила число впервые поставленных диагнозов «наркомания» (21 тыс.) [Покровский и др., 2015, с. 40].

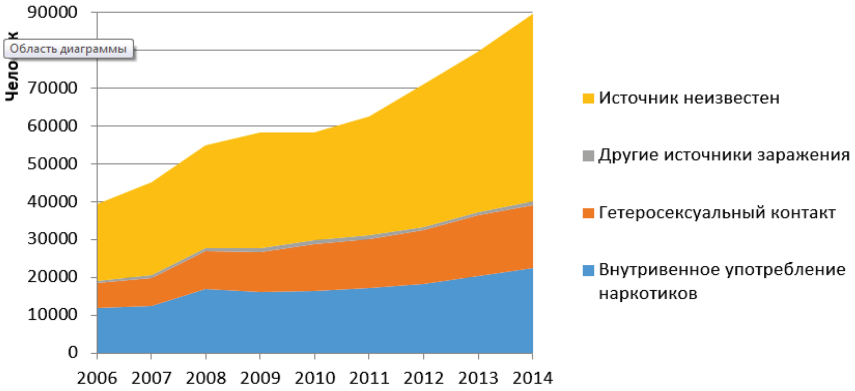

Рис. 1. Число впервые поставленных диагнозов «ВИЧ-инфекция» гражданам РФ, по источникам заражения, 2006–2014.
Источник данных: [Покровский и др., 2015, с. 40].

Согласно модели для периода 2006–2016 гг., в «национальных» регионах распространение ВИЧ шло медленнее, чем в прочих. Это можно объяснить традиционными особенностями поведения жителей, в том числе отказом от обследования из-за боязни оказаться изгоями в обществе. Однако значимость этой переменной невелика, а в моделях для коротких периодов отсутствует.

Главная особенность динамики выявленной заболеваемости ВИЧ — все большее распространение эпидемии в менее развитых регионах, за счет

этого наметилась тенденция к выравниванию регионов по уровню заболеваемости. Если вначале ВИЧ-инфекция распространялась преимущественно в экономически благополучных субъектах РФ, то затем ситуация меняется. В моделях для 2010–2013 и 2014–2016 гг. мы видим сочетание «благополучных» и «неблагополучных» характеристик региона. К признакам «благополучия» относится факторы ОКан и ОГВ (отсутствие канализации и горячей воды), входящие в модели со знаком минус. К признакам «неблагополучия» — непривлекательность региона для мигрантов (в модели Б1.4 показатель М2 со знаком минус), а также индекс уровня образования (ИУО), в модели Б1.5 также со знаком минус.

Постепенное ослабление корреляционных связей Б1 с некоторыми упомянутыми характеристиками регионов подтверждает эту тенденцию. Так, коэффициент корреляции Б1 с УДД составлял в 2005 г. 0,453, в 2006–2009 гг. — 0,267, в 2014–2016 гг. — 0,078. С ОКан: –0,384, –0,234 и –0,146 в те же годы; с ОГВ: –0,415, –0,218 и –0,124; с ИУО: 0,487, 0,195 и 0,110 соответственно.

Согласно официальным данным, в 2016 г. эпидемия ВИЧ пошла на спад, численность новых выявленных заболевших существенно снизилась, с 68,5 на 100 тыс. населения в 2015 г. до 59,3 в 2016 г. и 58,4 в 2017 г. [Совместный комментарий..., 2018]. Однако, по мнению сотрудников Федерального научно-методического центра по профилактике и борьбе со СПИДом ФБУН Центрального НИИ эпидемиологии Роспотребнадзора, официальная статистика неполная, а в реальности заболеваемость выросла до 69,6 в 2016 г. и 71,1 на 100 тыс. населения в 2017 г. [Справка..., 2017].

Если считать, что официальные данные верны, тогда можно предположить, что антиретровирусная терапия ВИЧ-инфицированных дает свои плоды, поэтому и влияние ПВИЧ постепенно снижается. Однако охват антиретровирусной терапией пока остается небольшим, хотя и вырос почти в два раза за пять лет (табл. 2).

Таблица 2

Охват ВИЧ-инфицированных диспансерным наблюдением и антиретровирусной терапией

Год	Доля ВИЧ-инфицированных лиц, состоящих на диспансерном учете, из числа выявленных	Доля ВИЧ-инфицированных лиц, получающих антиретровирусную терапию, от числа состоящих на диспансерном учете	Доля ВИЧ-инфицированных лиц, получающих антиретровирусную терапию, от числа выявленных
2012	65,8	28,6	18,8
2013	64,8	32,9	21,3

Окончание табл. 2

Год	Доля ВИЧ-инфицированных лиц, состоящих на диспансерном учете, из числа выявленных	Доля ВИЧ-инфицированных лиц, получающих антиретровирусную терапию, от числа состоящих на диспансерном учете	Доля ВИЧ-инфицированных лиц, получающих антиретровирусную терапию, от числа выявленных
2014	66,0	36,4	24,0
2015	66,1	39,8	26,3
2016	72,4	42,5	30,8
2017	74,2	47,8	35,5

Источники данных: Справка «ВИЧ-инфекция в Российской Федерации» в 2017 г.; ЕМИСС.

Ни одна из моделей из табл. 1 не показала влияния миграции на распространение ВИЧ. Несмотря на то что у приезжающих в регион мигрантов есть спрос на сексуальные услуги, а работники этой сферы являются группой риска.

Связь туберкулеза с ВИЧ-инфекцией хорошо известна [Farchi et al., 2008; Tavares et al., 2017]. Переменная Б2 значима в моделях для периодов 2006–2009 и 2006–2016 гг. Видимо, у некоторых из тех, кто заболел туберкулезом, обнаруживают также ВИЧ. В моделях Б1.4 и Б1.5 фактор Б2 не значим, хотя коэффициент корреляции между уровнем выявленной заболеваемости ВИЧ и активным туберкулезом вырос (от 0,187 в 2006–2009 гг. до 0,345 в 2014–2016 гг.).

2) туберкулез

Наибольшая заболеваемость туберкулезом ежегодно наблюдается в основном в одних и тех же регионах, преимущественно в Дальневосточном и Сибирском федеральных округах. Поэтому влияние фактора Б2(t-1) в моделях для заболеваемости туберкулезом (табл. 3) выше, чем влияние аналогичного фактора в моделях для других заболеваний. В тройку худших чаще всего входили Республика Тыва, Приморский край и Еврейская автономная область.

Из рассматриваемых болезней к туберкулезу больше всего подходят слова ВОЗ, что главной причиной инфекционных заболеваний является бедность и плохие жилищные условия. В российских реалиях можно добавить к этому холодный климат. Корреляция Б2 с Т1 (от –0,543 до –0,596), ОКан (0,337–0,441), ЖМ (от –0,279 до –0,333) и УДД (от –0,195 до –0,308) в разные короткие периоды колеблется в небольших диапазонах. Факторы Т1, ОКан и УДД значимы только в моделях для 2005 г., в моделях для последующих лет их влияние отражается косвенно, через переменную Б2(t-1). Фактор ЖМ, напротив, значим только в модели Б2.6.

Таблица 3

Модели выявления новых случаев активного туберкулеза

Модели	Б2.1	Б2.2	Б2.3	Б2.4	Б2.5	Б2.6
Constant	–33,51 (27,78)	2,661 (12,938)	–9,289**** (1,320)	–0,711 (1,505)	–8,17**** (2,12)	9,582** (3,850)
ССР(Б2)	0,416*** (0,156)	0,685**** (0,103)	–	0,0526** (0,1458)	–	–
УДД	–6,327** (3,099)	–6,092** (2,951)	–	–	–	–
М1719	21,61* (10,90)	–	3,742**** (0,635)	–	–	–
Т1	–1,297* (0,504)	–	–	–	–	–
Б4	0,617** (0,250)	0,422* (0,238)	–	–	–	–
ОКан	0,442** (0,199)	0,499** (0,191)	–	–	–	–
Б3	–	0,160**** (0,039)	–	–	–	–
ПВИЧ	–	0,3226* (0,1701)	–	–	–	–
Б2(*t*-1)	–	–	0,938**** (0,0084)	0,949**** (0,0166)	0,905**** (0,0148)	0,8925**** (0,0180)
Б1	–	–	0,0326**** (0,00823)	–	0,0374*** (0,01220)	0,0363**** (0,01059)
Алк	–	–	0,211**** (0,0373)	–	0,315**** (0,0709)	0,452**** (0,0976)
ОКБер	–	–	–	–	0,289*** (0,1106)	–
ЖМ	–	–	–	–	–	–0,507**** (0,1482)
N	82	82	912	331	332	249
R^2	0,611	0,646	0,951	0,951	0,948	0,950
Период	2005	2005	2006–2016	2006–2009	2010–2013	2014–2016

В модели для 2006–2009 гг. вообще нет значимых факторов, кроме ССР и Б2(*t*-1). Видимо, в этот период факторы заболеваемости туберкулезом были такими же, как в предыдущие годы. Фактор ССР подчеркивает неизменную локализацию очагов наибольшего распространения туберкулеза, т.е. в данном случае это чисто географический фактор, в отличие

от моделей для ВИЧ, где он отражал влияние контактов между людьми. Корреляция Б2 и ССР стабильно очень высокая (0,653–0,696).

После 2008 г. в России началось снижение заболеваемости туберкулезом. По-видимому, в первую очередь это коснулось детей и подростков, потому корреляция М1719 с Б2 снижается. На заболеваемости населения других возрастов это, очевидно, пока не отразилось, поэтому корреляция ОКБер и Б2 остается стабильно высокой в каждый период времени (0,497–0,537).

Беременные женщины и молодые люди призывного возраста — это категории населения, которые подлежат обязательному медицинскому освидетельствованию. Поэтому высокая положительная корреляция переменных ОКБер и М1719 с уровнем заболеваемости может свидетельствовать как о равномерном распределении заболевания по территории страны, так и о проблемах с выявляемостью заболевания у прочих категорий населения.

Модели для туберкулеза показывают растущее влияние ВИЧ-инфекции. Уже в модели Б2.2 встречается переменная ПВИЧ (отражающая пораженность населения ВИЧ), правда, значимая лишь на 10%-ном уровне. В модели для 2010–2013 гг. фактор Б1 значим на 1%-ном уровне, а для 2014–2016 гг. — уже на 0,1%-ном уровне. Поэтому прогноз заболеваемости туберкулезом зависит от того, как будет развиваться эпидемия ВИЧ в России и насколько быстро будет расти охват ВИЧ-инфицированных антиретровирусной терапией. Согласно данным ВОЗ, активная форма туберкулеза развивается только у части инфицированных в течение нескольких месяцев или лет после заражения. Риск колеблется от 10% в течение жизни для населения в целом до 10% в течение года для ВИЧ-позитивных людей [Европейское региональное бюро ВОЗ].

На переход латентного туберкулеза в активную стадию могут оказывать влияние также другие заболевания. Связь между алкоголизмом и заболеваемостью туберкулезом известна давно [Рудой, Чубаков, 1985; Разводовский, 2003]. В настоящее время установлено, что алкоголь повышает риск заболеваемости и развития активного туберкулеза [Molina et al., 2010; Imtiaz et al., 2017]. Причинами влияния потребления наркотиков на заболеваемость туберкулезом являются как образ жизни наркоманов, так и повреждение дыхательных путей и снижение иммунитета человека [Cruz et al., 2013; Kiboi et al., 2016; Silva et al., 2018]. Фактор «Алк» значим в моделях Б2.5 и Б2.6, а фактор Б4 только в моделях для 2005 г., но можно предположить, судя по коэффициентам корреляции (от 0,272 в 2006–2009 гг. до 0,345 в 2014–2016 гг.), что в дальнейшем влияние Б4 проявляется косвенно через Б2(t-1).

Вопрос о возможном влиянии сифилиса спорный [Goldblatt, 1939], поэтому для 2005 г. в табл. 2 представлены две модели, одна из которых вклю-

чает Б3 как фактор заболеваемости туберкулезом. В моделях для других периодов эта переменная не значима, хотя корреляция между Б2 и Б3 неизменно очень высока (от 0,444 в 2005 г. до 0,713 в 2010–2013 гг.). Это может быть объяснено тем, что оба заболевания наиболее распространены в регионах с похожими характеристиками.

3) сифилис

Согласно моделям для туберкулеза и ВИЧ, миграция не оказывала влияния на их распространение. Возможно, потому, что туберкулез, ВИЧ и сифилис (в отличие от вирусных гепатитов) входят в перечень заболеваний, при обнаружении которых иностранный гражданин должен покинуть Россию [Приказ Министерства здравоохранения РФ от 29 июня 2015 г. № 384н].

Несмотря на это обстоятельство, в модели для сифилиса Б3.1 (табл. 4) значимым фактором являлся приток международных трудовых мигрантов. Это можно объяснить следующим образом. Во-первых, заболеваемость сифилисом в РФ в 2005 г. была в три раза выше, чем ВИЧ. Заболеваемость туберкулезом была еще выше, однако заболеваниями, передающимися половым путем, мигранты чаще заражаются уже после приезда, через пользование сексуальными услугами. Во-вторых, если предположить, что нелегальные трудовые мигранты ехали в те же регионы, что и легальные, то положительная значимость фактора М1 только в модели Б3.1 отражает то обстоятельство, что в 2005 г. уровень нелегальной занятости иностранных граждан, не прошедших обязательное обследование, был довольно высоким, а затем снизился. Тесная корреляция между Б3 и М1 (0,601) наблюдалась только в 2005 г., уже в 2006–2009 гг. она опустилась до 0,250, а в 2014–2016 гг. до 0,017.

Таблица 4

Модели выявления новых случаев сифилиса

Модели	Б3.1	Б3.2	Б3.3	Б3.4	Б3.5
Constant	–25,02 (16,83)	–10,39**** (2,38)	–35,42*** (12,30)	7,166 (4,664)	–20,07** (7,80)
T1	–2,153*** (0,744)	–	–	–0,1829** (0,0823)	–
Алк	2,267**** (0,655)	–	–	–	–
М1	2,223**** (0,546)	–	–	–	–
Б3(*t*-1)	–	0,7863**** (0,0134)	0,7929**** (0,0234)	0,7609**** (0,0138)	0,7392**** (0,0206)
ССР(Б3)	–	0,1385**** (0,0270)	0,1796**** (0,0516)	0,05992** (0,02757)	0,1050*** (0,0381)

Окончание табл. 4

Модели	Б3.1	Б3.2	Б3.3	Б3.4	Б3.5
М1719	–	3,946*** (1,466)	11,01** (5,49)	–	–
ОКан	1,118*** (0,362)	0,0806* (0,0457)	0,2246* (0,1166)	–	–0,0671* (0,0368)
Ln(ПлН)	–	–	–	0,6997*** (0,2678)	–
Б5	–	–	–	0,04415**** (0,01115)	–
УЗан	–	–	–	–0,1714** (0,0752)	–
М3	–	–	–	–1,578*** (0,605)	–
ИУО	–	–	–	–	5,360*** (2,021)
ГрКит	–	–	–	–	–2,708** (1,279)
N	82	912	331	332	249
R^2	0,553	0,873	0,823	0,959	0,909
Период	2005	2006–2016	2006–2009	2010–2013	2014–2016

Модели показывают, что с течением времени происходит выравнивание регионов с различным уровнем благосостояния по заболеваемости сифилисом. Весь период наблюдения болезнь была наиболее характерна для неблагополучных в социально-экономическом отношении регионов. Об этом говорит корреляция Б3 с ОКан, а также положительная значимость переменной ОКан в моделях Б3.2 и Б3.3 и отрицательная значимость переменных УЗан и М3 в модели Б3.4. Однако в модели Б3.5 мы видим принципиально новое явление, когда ИУО входит в модель со знаком плюс, а ОКан и ГрКит со знаком минус, хотя корреляция Б3 с ГрКит в период 2006–2016 гг. была значимо положительной (0,256–0,411), поскольку все субъекты РФ, граничащие с Китаем, почти каждый год были в десятке регионов с наибольшей заболеваемостью (неясно, связано ли это с контактами с жителями Китая). Тем не менее в модели Б3.5 нет мультиколлинеарности. Необычные знаки при переменных стали следствием того, что в этот период заболеваемость быстрее всего снижалась там, где ее уровень был наиболее высоким, в то время как в некоторых благополучных регионах (Москва, Калужская обл.) заболеваемость даже выросла.

4) наркомания

Особенность моделей выявления новых случаев наркомании (табл. 5) — значимость со знаком плюс фиктивных переменных, отражающих бли-

зость той или иной границы. По-видимому, эти переменные характеризуют пути доставки наркотиков. Как правило, доминирует китайское направление, в 2005 г. это также Грузия, а в 2010–2013 гг. Казахстан.

Таблица 5

Модели выявления новых случаев наркомании

Модели	**Б4.1**	**Б4.2**	**Б4.3**	**Б3.4**	**Б3.5**
Constant	100,91*** (37,89)	12,52**** (2,89)	18,93**** (5,11)	3,384* (1,714)	21,24**** (3,80)
ССР(Б4)	0,4589*** (0,1417)	0,0943**** (0,0224)	0,1152*** (0,0366)	–	–
ИУО	–26,27* (10,46)	–5,315**** (0,912)	–8,353**** (1,722)	–	–
ГрГр	12,42*** (4,57)	–	–	–	–
ЗТТ	1,120*** (0,413)	–	–	–	–
ОГВ	–0,2870** (0,1187)	–	–	–	–
М5	0,3014* (0,1524)	–	–	–	–
Б4(*t*-1)	–	0,7982**** (0,0161)	0,8006**** (0,0234)	0,7762**** (0,0253)	0,9153**** (0,0359)
ДГор	–	0,0937**** (0,0146)	0,1682**** (0,0268)	0,05582*** (0,01655)	–
ГрКит	–	1,773*** (0,585)	–	2,603**** (0,635)	4,271**** (1,052)
Ln(ПлН)	–	0,2726*** (0,0937)	–	–	–
М1	–	0,03045** (0,01391)	–	–	–
ГрКаз	–	–	–	1,171** (0,575)	–
t	–	–	–	–0,7761**** (0,1808)	–1,873**** (0,346)
N	82	912	331	332	249
R^2	0,302	0,794	0,807	0,818	0,763
Период	2005	2006–2016	2006–2009	2010–2013	2014–2016

В течение всего рассматриваемого периода сохранялась значимая положительная корреляция между ЗТТ и ГрКит, поэтому в модели Б4.1 значима

лишь ЗТТ, а в модели Б4.5 лишь ГрКит в соответствии с тем, корреляция какого из этих двух предикторов была выше с объясняемой переменной.

Модели и корреляционные связи позволяют предположить, что в роли наркокурьеров в 2005 г. использовались российские туристы и внутренние мигранты, а впоследствии среди них выросла доля иностранных граждан. Корреляция Б4 с ЗТТ, М5 и М1 составляла в 2005 г. 0,242, 0,232 и –0,026, а в 2014–2016 гг. 0,246, 0,182 и 0,231 соответственно. Впрочем, переменная М1 значима только в модели для длинного периода 2006–2016 гг., но не значима в коротких периодах.

Уровень наркомании, как правило, выше в регионах с более высокой плотностью населения и в городах с более качественным жилищным фондом. Это, видимо, отражает предпочтения наркодилеров, стремящихся получить наибольшую прибыль. Нередко семья наркомана из-за его долгов лишалась своей квартиры, особенно в 1990-е и в начале 2000-х. В этом случае интерес для наркомафии представляло ликвидное жилье, оборудованное коммунальными благами.

Показатель уровня образования входит в модели Б4.1, Б4.2 и Б4.3 со знаком минус, поскольку, как правило, чем выше уровень образования, тем лучше развиты навыки самосохранительного поведения.

5) вирусные гепатиты

Хронические вирусные гепатиты и острый гепатит *С* обнаруживают прежде всего в благополучных регионах, где есть деньги на обследование и лечение людей. В модели Б5.1 (табл. 6) показателями благополучия выступают УЗан и обеспеченность жилья канализацией, в модели Б5.2 — ИУО, а в моделях Б5.3 и Б7 — УДД.

Таблица 6

Модели выявления новых случаев хронических вирусных гепатитов и острых гепатитов *В* и *С*

Модели	Б5.1	Б5.2	Б5.3	Б6	Б7
Constant	–132,9*** (47,5)	–28,63** (14,07)	–7,063** (3,052)	0,7725*** (0,1949)	–0,6916*** (0,2542)
ОКБер	2,971*** (0,920)	–	–	–	0,01402** (0,00697)
УЗан	2,067*** (0,659)	–	–	–	–
ОКан	–1,180*** (0,396)	–	–	–	–
Б3	0,2676** (0,1214)	0,08885**** (0,02611)	0,08873** (0,03633)	–	–
М2	10,51* (5,38)	–	–	–	0,06980** (0,03412)

Окончание табл. 6

Модели	Б5.1	Б5.2	Б5.3	Б6	Б7
Б5(*t*-1)	–	0,8741**** (0,0201)	0,8262**** (0,0204)	–	–
ИУО	–	8,327** (3,845)	–	–	–
УДД	–	–	2,730*** (1,036)	–	0,1270** (0,0537)
ln(ПлН)	–	–	0,6313* (0,3289)	0,03472** (0,01600)	–
ПВИЧ	–	–	0,002823* (0,001711)	–	–
Б6(*t*-1)	–	–	–	0,5090**** (0,0320)	–
НацР	–	–	–	–0,1856*** (0,0654)	–
Б1	–	–	–	0,001710** (0,000745)	–
t	–	–	–	–0,04864*** (0,01812)	–
Б7(*t*-1)	–	–	–	–	0,5764**** (0,0306)
Б4	–	–	–	–	0,008938** (0,003937)
ГрКаз	–	–	–	–	0,2277** (0,0884)
ДГор	–	–	–	–	0,004682** (0,002800)
N	83	249	249	498	498
R^2	0,452	0,914	0,900	0,494	0,585
Период	2010	2011–2013	2014–2016	2011–2016	2011–2016

Для острых вирусных гепатитов *B* и *C* построено только по одной модели, так как зарегистрированных случаев заболеваний довольно мало. Это может быть связано с очень низкой выявляемостью этих заболеваний. Об этом косвенно говорит тот факт, что новых случаев хронических вирусных гепатитов регистрируется в несколько раз больше, чем острых гепатитов *B* и *C*.

О низкой выявляемости вирусных гепатитов может свидетельствовать также значимость переменной ОКБер в моделях Б5.1 и Б7 и рост корреляции между Б5 и ОКБер (от 0,173 в 2005 г. до 0,274 в 2014–2016 гг.). В моделях Б6 и Б7 о том же говорит значимость плотности населения и доли

городского населения со знаком плюс: выявление заболевания ниже там, где медицинская помощь менее доступна.

Модели показали связь между вирусными гепатитами и другими рассматриваемыми заболеваниями. Модель Б7 говорит о наркомании как факторе распространения гепатита *С*. Есть связь между хроническими вирусными гепатитами и сифилисом: в модели Б3.4 значима переменная Б5, в моделях для Б5 — переменная Б3. Видимо, тех, у кого обнаружено одно инфекционное заболевание, передающееся половым путем, проверяют и на другие. Однако связь Б3 с острыми гепатитами отсутствует. Наблюдается также связь между вирусными гепатитами и ВИЧ: фактор Б1 значим в модели Б6, фактор ПВИЧ — в модели Б5.3.

В модель Б6 входит переменная НацР со знаком минус. Неясно, следует ли из этого, что в большинстве «национальных» регионов меньше распространенность вируса гепатита *В*, или там, как правило, меньше проверяют на это заболевание. Не вполне ясно также, связана ли значимость в модели Б7 переменной ГрКаз с миграцией из Казахстана или с лучше организованной проверкой на гепатит *С* в УФО.

В моделях Б5.1 и Б7 значим фактор прибытия в регион международных мигрантов (М2). Это следствие того, что в большинстве стран исхода распространенность вирусных гепатитов выше, чем в РФ. При этом корреляция М2 с Б5 и Б7 заметно снижается (с Б5: от 0,374 в 2010 г. до 0,179 в 2014–2016 гг., с Б7: 0,305 в 2011–2013 гг. и 0,225 в 2014–2016 гг.).

Заключение

В процессе исследования установлена положительная значимая статистическая связь следующих показателей миграции и заболеваемости: 1) «занятость иностранных граждан» и заболеваемость сифилисом в 2005 г.; 2) «доля в населении внутренних мигрантов» и заболеваемость наркоманией в 2005 г.; 3) «занятость иностранных граждан» и заболеваемость наркоманией в 2006–2016 гг.; 4) «приток иностранных граждан» и выявление хронических вирусных гепатитов в 2010 г.; 5) «приток иностранных граждан» и выявление острого вирусного гепатита *С* в 2011–2016 гг.

Не обнаружена связь с какими-либо заболеваниями показателей «доля в населении иностранных граждан» и «прибытие внутренних мигрантов», отсутствует связь международной миграции с распространением ВИЧ, туберкулеза и вирусного гепатита *В*.

«Эпидемиологическая ситуация в соседних регионах» значима в распространении ВИЧ, туберкулеза, сифилиса и наркомании, а это отчасти можно считать влиянием внутренней миграции. Также можно отчасти считать влиянием внешней миграции фактор близости границ. Выявлена связь между наркоманией и соседством с Китаем, Грузией и Казах-

станом, а также бóльшая распространенность гепатита *С* вблизи границы с Казахстаном.

Таким образом, наибольшее влияние внутренняя и внешняя миграция оказывает на распространение наркомании, причем острота этой проблемы не снижается. Влияние внешней миграции на распространение сифилиса осталось в прошлом, а на заболеваемость вирусными гепатитами ослабевает.

В настоящее время существует проблема с получением мигрантами заработанных ими денег, поскольку государство не защищает права иностранных работников, если работодатель привлекает их к трудовой деятельности без заключения официального трудового договора. В итоге государство подталкивает мигрантов к нелегальной работе, в том числе в запрещенных сферах деятельности, например, в роли наркокурьеров.

Исследование подтвердило, что наркомания оказывает влияние на распространение ВИЧ и вируса гепатита *С*, увеличивает вероятность заболеть туберкулезом. То есть можно сказать, что косвенно миграция способствует распространению и этих заболеваний. Поэтому защита государством трудовых прав международных мигрантов могла бы способствовать снижению заболеваемости граждан России.

Список литературы

1. *Алсалих Н. Д., Сычев Д. А., Подопригора И. В.* Распространенность вирусного гепатита С среди трудовых мигрантов, прибывающих в Российскую Федерацию // Электронный научно-образовательный вестник «Здоровье и образование в XXI веке». — 2017. — Т. 19. — № 7. — С. 6–13. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rasprostranennost-virusnogo-gepatita-s-sredi-trudovyh-migrantov-pribyvayuschih-v-rossiyskuyu-federatsiyu (дата обращения: 25.06.2019).
2. *Демихова О. В., Нечаева О. Б.* Вопросы доступа мигрантов к мероприятиям по раннему выявлению, диагностике, профилактике и лечению туберкулеза и туберкулеза, сочетанного с ВИЧ-инфекцией в странах СНГ (аналитический обзор). — М., 2016. URL: http://mednet.ru/images/stories/files/CMT/migranty.pdf (дата обращения: 20.03.2018).
3. Европейское региональное бюро ВОЗ. Миграция и здоровье: ключевые вопросы. URL: https://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-determinants/migration-and-health/migration-and-health-in-the-european-region/migration-and-health-key-issues (дата обращения: 15.08.2020).
4. *Лифшиц М. Л., Неклюдова Н. П.* Влияние международной и внутренней миграции на распространение некоторых инфекционных заболеваний и наркомании в регионах РФ // Экономика региона. — 2019. — Т. 15, вып. 4. — С. 1184–1198.
5. *Мальцева Н. С., Старостина И. С., Кузнецова С. А.* К вопросу о частоте выявления парентеральных и энтеральных вирусных гепатитов среди трудовых мигрантов г. Хабаровска // Дальневосточный журнал инфекционной патологии. — 2009. — № 14. — С. 63–64.

6. *Покровский В. В., Ладная Н. Н., Тушина О. И., Буравцова Е. В.* ВИЧ-инфекция: информационный бюллетень No 40. — М.: Федеральный научно-методический центр по профилактике и борьбе со СПИДом, 2015. — 56 с.
7. Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 6 декабря 2004 г. — № 49. — Ст. 4916.
8. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 29 июня 2015 г. № 384н «Об утверждении перечня инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих и являющихся основанием для отказа в выдаче либо аннулирования разрешения на временное проживание иностранных граждан и лиц без гражданства, или вида на жительство, или патента, или разрешения на работу в Российской Федерации, а также порядка подтверждения их наличия или отсутствия, а также формы медицинского заключения о наличии (об отсутствии) указанных заболеваний» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти от 26 октября 2015 г. № 43.
9. *Прохоров Б. Б.* Социальная стратификация общества и здоровье населения // Проблемы прогнозирования. — 2009. — № 3. URL: https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2009/fp/3/09.pdf (дата обращения: 14.03.2018).
10. *Разводовский Ю. Е.* Алкоголь и туберкулез — популяционный уровень взаимосвязи // Журнал ГрГМУ. — 2003. — № 3 (3). — С. 71–73.
11. *Рашкевич Е. Е., Фролова Ю. В.* и др. Скрининг и верификация туберкулезной инфекции у детей из семей мигрантов // Смоленский медицинский альманах. — 2016. — № 1. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/skrining-i-verifikatsiya-tuberkuleznoy-infektsii-u-detey-iz-semey-migrantov (дата обращения: 15.11.2017).
12. *Рудой Н. М., Чубаков Т. Ч.* Туберкулез легких и алкоголизм. — М.: Медицина, 1985. — 175 с.
13. Совместный комментарий Минздрава России и Роспотребнадзора о заболеваемости ВИЧ/СПИДом в России. URL: https://www.rosminzdrav.ru/news/2018/11/29/9929-sovmestnyy-kommentariy-minzdrava-rossii-i-rospotrebnadzora-o-zabolevaemosti-vich-spidom-v-rossii
14. *Солонин С. А.* и др. Циркуляция вируса гепатита Е на территории Хабаровского края // Дальневосточный журнал инфекционной патологии. — 2010. — № 16. — С. 31–36.
15. Справка: ВИЧ-инфекция в Российской Федерации в 2017 г. URL: http://aids-centr.perm.ru/images/4/hiv_in_russia/hiv_in_rf_31.12.2017.pdf. (дата обращения: 21.08.2020).
16. *Струин Н. Л., Шубина А. С.* Социальные инфекции у мигрантов, факторы, способствующие заболеваемости: обзор литературы // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2015. — № 11-5. — С. 676–679.
17. *Щербак Н. Я., Улюкин И. М.* Опыт организации медицинского освидетельствования иностранных граждан и лиц без гражданства в условиях мегаполиса // Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. — 2014. — Т. 9. — № 2. — С. 481–488.

18. *Cruz V. D, Harter J., Oliveira M. M., Gonzales R. I., Alves P. F.* Crack consumption and tuberculosis an integrative review // Rev Eletronica Saude Mental Alcool Drog. — 2013. — Vol. 9(1). — P. 48–55.
19. *Farchi S. et al.* Tuberculosis incidence, hospitalisation prevalence and mortality in Lazio, Italy, 1997–2003 // The international journal of tuberculosis and lung disease. — 2008. — Vol. 12 (2). —P. 193–198. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/18230253 (date of access: 14.03.2018).
20. *Goldblatt S.* Relation Between Syphilis and Tuberculosis in the Negro // Archives of Dermatology and Syphilology. — 1939. — Vol. 40(5). – P. 792–802.
21. *Imtiaz S., Shield K. D., Roerecke M., Samokhvalov A. V., Lönnroth K., Rehm J.* Alcohol consumption as a risk factor for tuberculosis: meta-analyses and burden of disease // Eur Respir J. — 2017.
22. Infektionsepidemiologisches Jahrbuch meldepflichtiger Krankheiten für 2016 Robert Koch-Institut. — Berlin, 2017. URL: http://www.rki.de/DE/Content/Infekt/Jahrbuch/Jahrbuch_2016.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 15.08.2020).
23. *Kiboi N. G., Nebere S. N., Karanja J. K.* Immunological Interactions of Tuberculosis with Drugs and Substance Use: A Systematic Review and Update // J Pulm Respir Med. — 2016.
24. *Melosini, L. et al.* (2012). Evaluation of underreporting tuberculosis in Central Italy by means of record linkage. BMC Public Health. Vol. 12(1). URL: https://doi.org/10.1186/1471-2458-12-472 (date of access: 14.03.2018).
25. *Molina P. E., Happel K. I., Zhang P., Kolls J. K., & Nelson S.* Focus on: Alcohol and the immune system // Alcohol research & health. — 2010. — 33(1-2). — P. 97–108. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3887500/ (дата обращения: 25.06.2019).
26. *Nightingale S., Stormon M. O., Day A. S., Webber M. T., Ward K. A., O'Loughlin E. V.* Chronic hepatitis B and C infection in children in New South Wales // Medical Journal of Australia 2009. — 2009. — Vol. 190(12). — P. 670–673. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/18230253 (date of access: 14.03.2018).
27. *Silva D. R., Muñoz-Torrico M., Duarte R., Galvão T., Bonini E. H., Arbex F. F., et al.* Risk factors for tuberculosis: diabetes, smoking, alcohol use, and the use of other drugs // J Bras Pneumol. — 2018. — Vol. 44(2). — P. 145–152. URL: https://doi.org/10.1590/s1806-37562017000000443
28. *Tavares A. M., Fronteira I., Couto I., Machado D., Viveiros M., Abecasis A. B., et al.* HIV and tuberculosis co-infection among migrants in Europe: A systematic review on the prevalence, incidence and mortality // PloS one. — 2017. — Vol. 12 (9). URL: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0185526 (дата обращения: 14.03.2018).

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Alsalih N. D., Sychev D. A., Podoprigora I. V.* Rasprostranennost' virusnogo gepatita S sredi trudovyh migrantov, pribyvajushhih v Rossijskuju Federaciju // Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj vestnik «Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke». — 2017. — T. 19. — № 7. — S. 6–13. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rasprostranen-

nost-virusnogo-gepatita-s-sredi-trudovyh-migrantov-pribyvayuschih-v-rossiyskuyu-federatsiyu (data obrashhenija: 25.06.2019).

2. *Demihova O. V., Nechaeva O. B.* Voprosy dostupa migrantov k meroprijatijam po rannemu vyjavleniju, diagnostike, profilaktike i lecheniju tuberkuleza i tuberkuleza, sochetannogo s VICh-infekciej v stranah SNG (analiticheskij obzor). — M., 2016. URL: http://mednet.ru/images/stories/files/CMT/migranty.pdf (data obrashhenija: 20.03.2018).
3. Evropejskoe regional'noe bjuro VOZ. Migracija i zdorov'e: kljuchevye voprosy. URL: https://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-determinants/migration-and-health/migration-and-health-in-the-european-region/migration-and-health-key-issues (data obrashhenija: 15.08.2020).
4. *Lifshic M. L., Nekljudova N. P.* Vlijanie mezhdunarodnoj i vnutrennej migracii na rasprostranenie nekotoryh infekcionnyh zabolevanij i narkomanii v regionah RF // Jekonomika regiona. — 2019. — T. 15, vyp. 4. — S. 1184–1198.
5. *Mal'ceva N. S., Starostina I. S., Kuznecova S. A.* K voprosu o chastote vyjavlenija parenteral'nyh i jenteral'nyh virusnyh gepatitov sredi trudovyh migrantov g. Habarovska // Dal'nevostochnyj zhurnal infekcionnoj patologii. — 2009. — № 14. — S. 63–64.
6. *Pokrovskij V. V., Ladnaja N. N., Tushina O. I., Buravcova E. V.* VICh-infekcija: informacionnyj bjulleten' No 40. — M.: Federal'nyj nauchno-metodicheskij centr po profilaktike i bor'be so SPIDom, 2015. — 56 s.
7. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 1 dekabrja 2004 g. № 715 "Ob utverzhdenii perechnja social'no znachimyh zabolevanij i perechnja zabolevanij, predstavljajushhih opasnost' dlja okruzhajushhih" // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. — 6 dekabrja 2004 g. — № 49. — St. 4916.
8. Prikaz Ministerstva zdravoohranenija RF ot 29 ijunja 2015 g. № 384n "Ob utverzhdenii perechnja infekcionnyh zabolevanij, predstavljajushhih opasnost' dlja okruzhajushhih i javljajushhihsja osnovaniem dlja otkaza v vydache libo annulirovanija razreshenija na vremennoe prozhivanie inostrannyh grazhdan i lic bez grazhdanstva, ili vida na zhitel'stvo, ili patenta, ili razreshenija na rabotu v Rossijskoj Federacii, a takzhe porjadka podtverzhdenija ih nalichija ili otsutstvija, a takzhe formy medicinskogo zakljuchenija o nalichii (ob otsutstvii) ukazannyh zabolevanij"// Bjulleten' normativnyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti ot 26 oktjabrja 2015 g. № 43.
9. *Prohorov B. B.* Social'naja stratifikacija obshhestva i zdorov'e naselenija // Problemy prognozirovanija. — 2009. — № 3. URL: https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2009/fp/3/09.pdf (data obrashhenija: 14.03.2018).
10. *Razvodovskij Ju. E.* Alkogol' i tuberkulez populjacionnyj uroven' vzaimosvjazi // Zhurnal GrGMU. — 2003. — № 3 (3). — S. 71–73.
11. *Rashkevich E. E., Frolova Ju. V. i dr.* Skrining i verifikacija tuberkuleznoj infekcii u detej iz semej migrantov // Smolenskij medicinskij al'manah. — 2016. — № 1. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/skrining-i-verifikatsiya-tuberkuleznoy-infektsii-u-detey-iz-semey-migrantov (data obrashhenija: 15.11.2017).
12. *Rudoj, N. M., Chubakov T. Ch.* Tuberkulez legkih i alkogolizm. — M.: Medicina, 1985. — 175 s.
13. Sovmestnyj kommentarij Minzdrava Rossii i Rospotrebnadzora o zabolevaemosti VICh/SPIDom v Rossii. URL: https://www.rosminzdrav.ru/

news/2018/11/29/9929-sovmestnyy-kommentariy-minzdrava-rossii-i-rospotrebnadzora-o-zabolevaemosti-vich-spidom-v-rossii
14. *Solonin S. A. i dr.* Cirkuljacija virusa gepatita E na territorii Habarovskogo kraja // Dal'nevostochnyj zhurnal infekcionnoj patologii. — 2010. — № 16. — S. 31–36.
15. Spravka VICh-infekcija v Rossijskoj Federacii v 2017 g. URL: http://aids-centr.perm.ru/images/4/hiv_in_russia/hiv_in_rf_31.12.2017.pdf (data obrashhenija: 21.08.2020).
16. *Struin N. L., Shubina A. S.* Social'nye infekcii u migrantov, faktory, sposobstvujushhie zabolevaemosti: obzor literatury // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij. — 2015. — № 11-5. — S. 676–679.
17. *Shherbak N. Ja., Uljukin I. M.* Opyt organizacii medicinskogo osvidetel'stvovanija inostrannyh grazhdan i lic bez grazhdanstva v uslovijah megapolisa // Zdorov'e — osnova chelovecheskogo potenciala: problemy i puti ih reshenija. — 2014. — T. 9. — № 2. — S. 481–488.

Приложение

На рисунках ниже показана заболеваемость ВИЧ, активным туберкулезом, сифилисом, наркоманией и хроническими вирусными гепатитами в регионах в первые и последние годы, за которые имеются данные, впервые установленные диагнозы на 100 тыс. населения. Для сравнимости на всех рисунках использованы одни и те же условные обозначения:

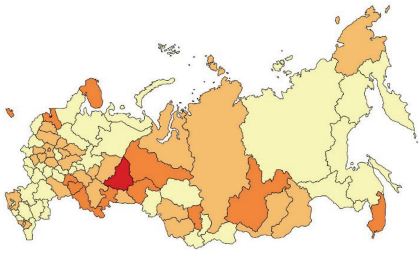

Рис. П1.1. ВИЧ, 2005–2006

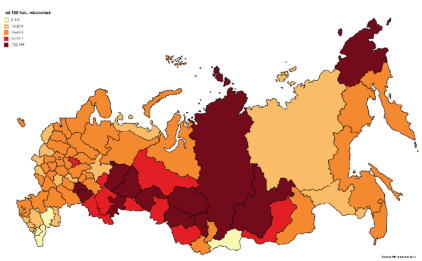

Рис. П1.2 ВИЧ, 2017–2018

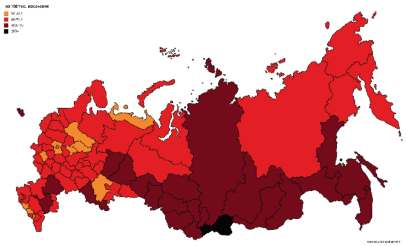
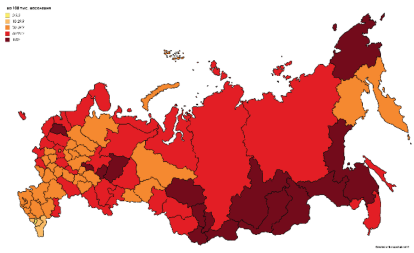

Рис. П2.1. Туберкулез, 2005–2006

Рис. П2.2. Туберкулез, 2017–2018

П3.1. Сифилис, 2005–2006

П3.2. Сифилис, 2017–2018

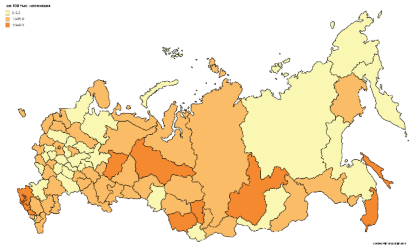

Рис. П4.1. Наркомания, 2005–2006

Рис. П4.2. Наркомания, 2017–2018

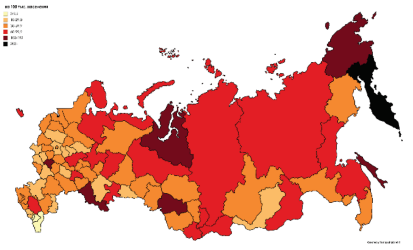

Рис. П5.1. Хронические вирусные гепатиты, 2010

Рис. П5.2. Хронические вирусные гепатиты, 2016

МИХАЛЬЧИ Екатерина Владимировна
старший преподаватель,
Институт бизнеса и делового администрирования ФБГОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»,
Москва, Россия.
E-mail: missi-ice@rambler.ru

ИСТОРИЯ ОРГАНИЗАЦИИ СТАТИСТИЧЕСКОГО УЧЕТА ИНВАЛИДНОСТИ В РОССИИ В XVIII–XX вв.

Ключевые слова: статистика инвалидности, статистика профессионального травматизма, страховые кассы, санитарная статистика.

Коды JEL: I10, I19

В современную эпоху в обществе наблюдаются изменения в восприятии и в отношении к лицам с психофизическими отклонениями. Эти изменения отражаются на разных сторонах жизни общества: массовой психологии, социальных взаимоотношениях и экономической структуре. Одним из инструментов анализа социально-экономической структуры общества является статистика, которая отражает: «...количественную сторону качественно определенных массовых социально-экономических явлений и процессов, их структуру и распределение...» [Шмойлова, 2004, с. 29]. Инвалидность как социальное явление существенно влияет на экономическое развитие общества. Ее изучают социальные и экономические науки, такие как социология, педагогика, психология, экономика, статистика.

Статистика лиц с психофизическими отклонениями, приводящими к ограничениям возможностей здоровья и инвалидности, развивалась в разных направлениях, медицинском и социальном, и имеет длительную историю.

Целью данного исследования является описание истории становления и развития статистики инвалидности в Российской Федерации. Это будет одним из этапов проводимого авторами изучения организации системы статистического учета лиц с инвалидностью в Российской Федерации и вопросов классификации разных по уровню здоровья групп лиц.

На первом этапе данного исследования определимся с используемой терминологией. Под инвалидностью будет пониматься «нарушение здоровья человека со стойким расстройством функций организма, приводящее к полной или значительной потере профессиональной трудоспособности или существенным затруднениям в жизни» [Закон РФ № 340-1..., 1990].

Под термином «лицо с инвалидностью» или «инвалид» будет пониматься «лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты» [ФКУ «Главное бюро...»]. Данное понятие было образовано с помощью латинской приставки *«in»,* имеющей значение «не», и корня *«valere»*, который означает «стоять», в результате получилось слово invalidus, означающее слабый, немощный.

Этот термин появился в России в XVIII в. в эпоху Петра I и первоначально употреблялся к старым, израненным, неспособным служить солдатам [Михальчи, 2015]. Как отмечает Калинин В. М., среди инвалидов в петровскую эпоху был организован специальный «отбор для обучения» [Калинин, 2001. с. 41]. В тот же период был организован учет военнослужащих, которым занималась Военная коллегия. В частности, в Указе Военной коллегии от 25 октября 1720 г. «Об осмотре генерал-губернаторами военных людей и о даче отставки тем, кои за старостью или болезнями служить не могут» закреплены правила, которые должны были соблюдаться при увольнении с военной службы по состоянию здоровья: «В губерниях гарнизонных полков драгун, солдат и пушкарей, которые за ранами, неисцеленными болезнями гарнизонной службы снести не могут, пересмотреть... и освидетельствовать докторами. И которые с их осмотров написаны будут в отставку, спрашивать их, кто какое может иметь пропитание...» [Калинин, 2001. с. 40]. В конце XVIII в. в России появилось понятие инвалидности как утраты работоспособности военнослужащими при ранении, а также первые записи о лицах, получивших боевые травмы и увечья, для последующей помощи им.

Во второй половине XIX в. — начале XX в. в Российской империи наблюдалось затишье военных компаний, стабилизация социальной сферы и рост экономики, а также активное развитие промышленности. На фоне политики капитализма начал расти класс рабочих, которые объединялись в профессиональные союзы. Рабочие союзы направляли свою деятельность на помощь рабочим и защиту их интересов. В тот период с протекции рабочих союзов появилось понятие трудовой инвалидности как стойкой утраты трудоспособности вследствие увечья, аварии, несчастного случая. Аварийные ситуации на том уровне развития промышленности случались часто. Благодаря деятельности рабочих союзов были организованы кассы взаимопомощи, которые оказывали материальную поддержку лицам, потерявшим трудоспособность из-за аварии на производстве. Для освидетельствования и оценки ущерба от травмы на предприятиях создавались бюро освидетельствования увечных рабочих, где также велся их постоянный учет. Эти бюро были прототипом врачебно-трудовых экспертных

комиссий (ВТЭК). Датой начала истории врачебно-трудовых комиссий считают 27 апреля 1918 г., когда Народный комиссариат общественного презрения был преобразован в Комиссариат социального обеспечения [ФКУ «Главное бюро...»] и началось их активное формирование на всей территории Советского Союза.

Активная деятельность союзов рабочих привела к организации на государственном уровне системы страхования рабочих при авариях и травмах, полученных на предприятиях. Для организации деятельности системы страхования рабочих было необходимо проводить постоянный анализ страховых случаев, вести учет рабочих, получивших инвалидность и получающих материальную помощь.

В 1920-х гг. известные врачи и ученые стали активно изучать заболеваемость, инвалидность и смертность населения в результате профессиональной деятельности и приобретенных болезней. Появились научные труды по трудовой инвалидности, а также полученной вследствие заболеваний: «Общие типы инвалидности и смертности профессионального железнодорожного населения» (1927) заведующего кафедрой общей гигиены Московского областного клинического института, профессора Анастасьева Н. М. [Социально-гигиенический мониторинг..., 2002], «Заболеваемость, смертность, инвалидность и временная нетрудоспособность от туберкулеза в Черкассах за 1925/27 гг.» (1928) Гершельмана Э. [Гершельман, 1928]. Многие ученые и врачи, исследующие основы гигиены труда, такие как Грановский Л. Б. (1924), Каган Э. М. (1928) и др., изучали и публиковали статистические данные по уровню инвалидности, социальному страхованию и видам инвалидности. Основные исследования того времени по статистики инвалидности принадлежат: основоположнику санитарной статистики в нашей стране, крупному исследователю в области демографии Новосельскому С.А, профессору, доктору медицинских наук, социал-гигиенисту Бедному М. С., демографу, сотруднику журнала «Русский инвалид» Бушену А. Б. В довоенное время статистика инвалидности развивалась на базе санитарной статистики и статистики социального страхования рабочих. Этому способствовали научные труды многих русских ученых, врачей, психофизиологов, гигиенистов.

После Великой Октябрьской революции В. И. Ленин издал резолюцию «Об отношении к думскому законопроекту о государственном страховании рабочих» [«Об отношении к думскому законопроекту..., 1912»], в которой изложил основы страховой деятельности и основные виды разделения деятельности страховых организаций.

В советской Конституции принципы этой резолюции были отражены в ст. 120: «Граждане СССР имеют право на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности» [Конституция Союза Советских..., 1936].

На рассмотренных этапах (XVIII — начало XX в.) еще нельзя говорить о становлении учета инвалидности как отдельной отрасли статистики. Однако в рамках деятельности военных ведомств, рабочих союзов, в страховых организациях учет лиц с нарушениями здоровья, увечьями, болезнями уже велся.

Статистика инвалидности начала развитие как отрасль статистической науки в период новой экономической политики (20–30-е гг. XX в.), когда социально-экономическая жизнь общества находилась на подъеме, народное хозяйство восстанавливалось после упадка, вызванного революцией и военными действиями.

В тот период статистический учет лиц, получивших травмы и заболевания в ходе трудовой деятельности, развивался во многих странах мира. В Германии получила развитие статистика страховых больничных касс, деятельность которых была направлена на контроль над состоянием больных, взимание страховых взносов с предприятий и организаций врачебной помощи. В каждой больничной кассе функционировал отдел статистики. Учет предприятий и больных в страховых кассах велся на основе карточных каталогов. Они попадали в отдел «статистики для обработки и затем вновь попадали в отдел извещений, где и хранились по предприятиям» [Маркузон, 1923, с. 27].

Как отмечает российский ученый-демограф Маркузон Ф. Д., исследовавший организацию страховых касс в Германии: «Статистические сведения о численности, причинах и исходах несчастных случаев появляются аккуратно без опозданий ежегодно и содержат очень ценный материал об опасности отдельных производств» [Маркузон, 1923, с. 2]. Его исследование организации статистики страховых случаев положило начало научной разработке системы учета лиц, получивших инвалидность на производстве, в России. Маркузон Ф. Д. внес свой вклад в создание области статистической науки — санитарной статистики. «Предметом ее исследования была не только смертность, но и все другие явления, характеризующие состояние здоровья населения» (Маркузон). Данные санитарной статистики собирались по двум демографическим группам: городскому и сельскому населению. На современном этапе санитарная статистика называется медицинской и включает два раздела — статистику здравоохранения и статистику здоровья населения.

Врач из г. Минска Вигдорчик Н. А. в начале XX в. изучал теорию и практику социального страхования, в рамках этого выделял такую область, как статистика профессионального травматизма. В своих трудах он рассмотрел вопросы определения статистики профессионального травматизма, выделил ее методы, провел обзор имеющихся статистических данных в России и в Германии, выделил основные факторы профессионального травматизма. В рамках научной деятельности Вигдорчик Н. А. пытался

вывести *«законы профессионального травматизма»*, он считал, что «статистика изучает его *как социальное явление*, обнаруживающее правильную закономерность в своих проявлениях» [Вигдорчик, 1922, с. 9].

Маркузона Ф. Д. и Вигдорчика Н. А. считают основателями статистики инвалидности как отдельной отрасли статистической науки, находящейся на стыке социальной и медицинской статистики. Обе области статистического знания — санитарная статистика и статистика профессионального травматизма — содержали данные о лицах, имеющих или получивших инвалидность в ходе трудовой деятельности. Их можно считать истоками и близкими областями для современной статистики инвалидности.

Большой вклад в развитие статистики инвалидности как отдельной отрасли статистической науки внес профессор Кубанского медицинского института, заведующий кафедрой социальной гигиены и организации здравоохранения Нестеров В. А. Он и его ученики «для углубленного изучения инвалидности широко использовали такие ранее практически не применявшиеся в изучении инвалидности статистические методы, как стандартизация, расчет таблиц инвалидности на принципах демографического анализа средней продолжительности предстоящей жизни» [Войцехович, 2010, с. 76]. Подготовленная Нестеровым В. А. научная монография «Статистика инвалидности» (1977) является уникальной и наиболее полно отражающей вопросы организации статистического учета лиц с инвалидностью.

Основные направления отечественной статистики инвалидности были заложены в 30-е гг. XX в. К ним относятся:

— изучение первичной инвалидности и повторного признания инвалидом;
— изучение контингента инвалидов (общая инвалидность);
— изучение изменений в контингенте инвалидов.

В период Великой Отечественной войны и послевоенный период (40–60-е гг. XX в.) в статистике инвалидности учитывались данные в основном о военных инвалидах и мерах, направленных на восстановление их здоровья. «В этот период практически прекратилось изучение первичной инвалидности» [Нестеров, 1977, с. 16], что отразилось на научной организации статистики инвалидности, лишив ее на продолжительный период сведений о первичной инвалидности в зависимости от пола, возраста и профессии. Появление большого количества инвалидов молодого и среднего возраста после Великой Отечественной войны привело к необходимости проводить их учет и определять группу инвалидности. Для этого после 1945 г. число врачебно-трудовых экспертных комиссий было увеличено почти в два раза, и они имели право устанавливать группу инвалидности по критерию «выраженного дефекта» [Рожков, Хуторная, 2015, с. 1].

Наибольшее развитие статистика инвалидности получила в результате деятельности врачебно-трудовых экспертных комиссий, в которых про-

изводилось медицинское освидетельствование лиц, имеющих психофизические нарушения, постановка на учет, обеспечение необходимыми техническими средствами и санаторно-курортным лечением, повторное переосвидетельствование лиц с инвалидностью. Также ВТЭК формировали и представляли статистические отчетности о своей деятельности в следующих формах:

— сеть и кадры врачей ВТЭК,
— объем и показатели деятельности ВТЭК (результаты первичных освидетельствований и переосвидетельствований инвалидов);
— результаты первичных освидетельствований рабочих и служащих в районных (межрайонных, городских) ВТЭК (распределение впервые признанных инвалидами по видам заболеваний);
— результаты первичных освидетельствований членов колхозов в районных (межрайонных, городских) ВТЭК;
— результаты переосвидетельствований инвалидов в районных (межрайонных, городских) ВТЭК;
— численность инвалидов, состоящих на учете в районных (городских) отделах социального обеспечения [Основные показатели инвалидности..., 1989].

Сбор отчетов по данным статистическим формам и их последующий анализ способствовали выделению статистики инвалидности как отдельной отрасли медицинской и социальной статистики и накоплению систематизированного статистического материала. Как отмечали ученые-статистики того периода: «Ежегодно по данным отчетов ВТЭК (форма 7) Министерство социального обеспечения РСФСР разрабатывает и издает для служебного пользования информационно-методические письма о деятельности ВТЭК за истекший год по РСФСР, которые имеют большое значение для анализа и сопоставлений» [Основные методы статистического..., 1966].

Основными методами сбора статистического материала о положении инвалидов в советское время являлись: выборка данных из учетной документации медицинских учреждений (истории болезни и амбулаторной карты), посыльные листы на ВТЭК, документация учреждений социального обеспечения, обследование и опросы лиц с инвалидностью.

Деятельность врачебно-трудовых экспертных комиссий обеспечила полноту сбора и предоставления данных о лицах с инвалидностью. В советский период (20–80-е гг. XX в.) статистика инвалидности обособилась в отдельную отрасль статистической науки, с системными и периодическими сбором и анализом данных.

После распада СССР преемниками ВТЭК стали бюро медико-социальной экспертизы (МСЭ), выполняющие сходные функции. Видов форм статистической отчетности стало больше, однако ряд их сохранился прак-

тически без изменений с советского времени (например, форма 94). Основными методами современной статистики инвалидности являются: сбор и анализ медицинской документации, отчетов МСЭ и психолого-медико-педагогических комиссий, опрос и обследования лиц с инвалидностью, данные переписей и микропереписей населения.

Статистика инвалидности является молодой отраслью социальной статистики и находится на стыке с медицинской статистикой. Ее значение в настоящее время возрастает в связи с социально-экономической политикой, проводимой в Российской Федерации и направленной на улучшение положения лиц с инвалидностью в обществе. Статистика инвалидности предоставляет сведения для организаций образования, социальных служб, спортивных учреждений и других социальных объектов. Рассмотренные временные периоды ее становления и обособления в отдельную отрасль статистической науки демонстрируют значимость влияния лиц с инвалидностью на социально-экономическое положение в стране и уровень поддержки государством данной категории граждан.

Список литературы

1. *Вигдорчик Н. А.* Теория и практика социального страхования. Статистика профессионального травматизма. — М.: Издательское товарищество «Книга», 1922. — С. 9.
2. *Войцехович Б. А.* Вадим Александрович Нестеров — идеолог и организатор медико-социального направления в научных исследованиях на Кубани // Кубанский научный медицинский вестник. — 2010. — Вып. 5. — С. 76.
3. *Гершельман Э.* Заболеваемость, смертность, инвалидность и временная нетрудоспособность от туберкулеза в Черкассах за 1925/27 гг. // Вопросы туберкулеза. — 1928. — № 7-8. — С. 1–22.
4. Закон Российской Федерации от 20.11.1990 № 340-1 (ред. от 27.11.2001, с изм. от 05.11.2002) «О государственных пенсиях в Российской Федерации».
5. *Калинин В. М.* Возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью военнослужащих. — М.: Военный университет, 2001. — С. 41.
6. Конституция Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) (с изменениями и дополнениями) (прекратила действие). Ст. 120.
7. *Маркузон Ф. Д.* Организация и деятельность страховых касс в Германии. — М.: Изд. НКТ «Вопросы Труда», 1923. — С. 27.
8. *Маркузон Ф. Д.* Санитарная статистика в городах предреволюционной России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund013.html (дата обращения: 26.02.2019).
9. *Михальчи Е. В.* Социально-психологический анализ понятийного аппарата инклюзивного образования // Новое в психолого-педагогических исследованиях. — 2015. — № 2. — С. 138–145.
10. *Нестеров В. А.* Статистика инвалидности. — М.: Медицина, 1977. — С. 17.

11. Об отношении к думскому законопроекту о государственном страховании рабочих (Резолюции конференции. VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП 5–17 (18–30) января 1912 г.). 5-е изд. — С. 141–149.
12. Основные методы статистического анализа динамики инвалидности. — М., 1966. — С. 6.
13. Основные показатели инвалидности и деятельности ВТЭК в РСФСР за 1988 г. — М., 1989.
14. *Рожков И. С., Хуторная Е. В.* История развития врачебно-трудовой экспертизы в России в послевоенные годы и до 1990-х гг. // Наука, техника, образование. — 2015. — Вып. 6. — С. 17–23.
15. Социально-гигиенический мониторинг здоровья населения. — Рязань: РГМУ, 2002. — С. 21.
16. Федеральное казенное учреждение «Главное бюро медико-социальной экспертизы по Челябинской области» Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. URL: http://mse74.ru/aboutus/Istoricheskaya_sprav (дата обращения: 26.02.2019).
17. *Шмойлова Р. А.* и др. Теория статистики. — М.: Финансы и статистика, 2004. — С. 29.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Vigdorchik N. A.* Teorija i praktika social'nogo strahovanija. Statistika professional'nogo travmatizma. — M.: Izdatel'skoe tovarishhestvo «Kniga», 1922. — S. 9.
2. *Vojcehovich B. A.* Vadim Aleksandrovich Nesterov — ideolog i organizator mediko-social'nogo napravlenija v nauchnyh issledovanijah na Kubani // Kubanskij nauchnyj medicinskij vestnik. — 2010. — Vyp. 5. — S. 76.
3. *Gershel'man Je.* Zabolevaemost', smertnost', invalidnost' i vremennaja netrudosposobnost' ot tuberkuleza v Cherkassah za 1925/27 gg. // Voprosy tuberkuleza. — 1928. — № 7–8. — S. 1–22.
4. Zakon Rossijskoj Federacii ot 20.11.1990 № 340-1 (red. ot 27.11.2001, s izm. ot 05.11.2002) «O gosudarstvennyh pensijah v Rossijskoj Federacii».
5. *Kalinin V. M.* Vozmeshhenie vreda, prichinennogo zhizni ili zdorov'ju voennosluzhashhih. — M.: Voennyj universitet, 2001. — S. 41.
6. Konstitucija Sojuza Sovetskih Socialisticheskih Respublik (utverzhdena postanovleniem Chrezvychajnogo VIII S#ezda Sovetov Sojuza Sovetskih Socialisticheskih Respublik ot 5 dekabrja 1936 g.) (s izmenenijami i dopolnenijami) (prekratila dejstvie). St. 120.
7. *Markuzon F. D.* Organizacija i dejatel'nost' strahovyh kass v Germanii. — M.: Izd. NKT «Voprosy Truda», 1923. — S. 27.
8. *Markuzon F. D.* Sanitarnaja statistika v gorodah predrevoljucionnoj Rossii. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund013.html (data obrashhenija: 26.02.2019).
9. *Mihal'chi E. V.* Social'no-psihologicheskij analiz ponjatijnogo apparata inkljuzivnogo obrazovanija // Novoe v psihologo-pedagogicheskih issledovanijah. — 2015. — № 2. — S. 138–145.

10. *Nesterov V. A.* Statistika invalidnosti. — M.: Medicina, 1977. — S. 17.
11. Ob otnoshenii k dumskomu zakonoproektu o gosudarstvennom strahovanii rabochih. (Rezoljucii konferencii. VI (Prazhskaja) Vserossijskaja konferencija RSDRP 5–17 (18–30) janvarja 1912 g.). 5 izd. — C. 141–149.
12. Osnovnye metody statisticheskogo analiza dinamiki invalidnosti. — M., 1966. — S. 6.
13. Osnovnye pokazateli invalidnosti i dejatel'nosti VTJeK v RSFSR za 1988 g. M., — 1989.
14. *Rozhkov I. S., Hutornaja E. V.* Istorija razvitija vrachebno-trudovoj jekspertizy v Rossii v poslevoennye gody i do 1990-h gg. // Nauka, tehnika, obrazovanie. — 2015. — Vyp. 6. — S. 17–23.
15. Social'no-gigienicheskij monitoring zdorov'ja naselenija. — Rjazan': RGMU, 2002. — S. 21.
16. Federal'noe kazennoe uchrezhdenie «Glavnoe bjuro mediko-social'noj jekspertizy po Cheljabinskoj oblasti» Ministerstva truda i social'noj zashhity Rossijskoj Federacii. URL: http://mse74.ru/aboutus/Istoricheskaya_sprav (data obrashhenija: 26.02.2019).
17. *Shmojlova R. A. i dr.* Teorija statistiki. — M.: Finansy i statistika, 2004. — S. 29.

МОЛЧАНОВ Игорь Николаевич
д.э.н., профессор, профессор кафедры политической экономии,
экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова;
профессор Департамента общественных финансов,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия.
E-mail: inmolchanov@fa.ru

ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ И КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Ключевые слова: врач общей практики, первичная медико-санитарная помощь, особенности пространственного развития, трудовой потенциал сферы здравоохранения.

Коды JEL: I10, P25, R23

Вопросы кадрового обеспечения учреждений здравоохранения относятся к числу приоритетных. В России наблюдается существенный дефицит медицинских работников первичного звена: меньше необходимой численности врачей участковой службы в 1,5 раза, средних медицинских

работников — в 1,8 раза, фельдшеров — в 1,9 раза [Прохоренко и др., 2019, с. 20]. Это инициирует снижение качества медицинской помощи и повышение трудовой нагрузки медицинских работников. В динамике численности врачей и среднего медицинского персонала наблюдаются разнонаправленные тренды. Если по численности врачей с 2011 по 2015 г. общие и удельные показатели устойчиво снижались, то начиная с 2016 г. происходит их медленный рост. По численности среднего медицинского персонала за 2011–2018 гг. просматривается устойчивое снижение общих и удельных показателей.

Современная ситуация в сфере здравоохранения требует повышенного внимания к вопросам подготовки кадров врачей и среднего медицинского персонала, закрепления квалифицированных специалистов на местах. Оценка состояния первичной медико-санитарной помощи как основного вида медицинской помощи показывает: «Сегодня это самый слабый сектор российского здравоохранения. Главные его проблемы — острейший дефицит врачей участковой службы, их ограниченный лечебный и координационный функционал, низкий уровень эффективности» [Шейман и др., 2019, с. 1].

В 2018 г. было выпущено 20,8 тыс. человек бакалавров, специалистов, магистров, обучавшихся на бюджетной основе в государственных и муниципальных образовательных организациях высшего образования по очной форме обучения по специальностям, входящим в группу «Здравоохранение». Из них получили направление на работу 6,6 тыс. человек (31,7%), не получили направление 0,6 тыс. человек (3,0%), изъявили желание самостоятельно трудоустроиться 2,7 тыс. человек (13,2%). Сведений о трудоустройстве 10,9 тыс. человек (52,4%) нет [Здравоохранение в России, 2019, с. 117].

В этой связи актуализируются проблемы повышения престижности труда врачей. Оптимизация общей сети медицинских учреждений проводится посредством их укрупнения и проведения различного рода организационно-структурных реорганизаций (в случае избыточного их количества в каком-либо субъекте Российской Федерации или муниципальном образовании). Изменения в поселенческой структуре населения обусловлены различными причинами. Основная из них — проводимая в годы советской власти политика индустриализации, которая сопровождалась оттоком населения из сельской местности в города. Тенденция роста численности городского населения активизировала агломерационное строительство в 1960–1980-х гг. и продолжается до настоящего времени. К примеру, если на конец 2005 г. в общей численности населения России (143 236 тыс. человек) городское население составляло 104 818 тыс. человек (73,2%), сельское — 38 418 тыс. человек (26,8%), то на конец 2018 г. при росте данного показателя до 146 781 тыс. человек (т.е.

на 102,5%) это соотношение несколько ухудшилось: 109 454 тыс. человек (74,6%) и 37 327 тыс. человек (25,4%)[1].

Следовательно, при проектировании сети медицинских учреждений нужно учитывать объективные демографические и миграционные факторы, которые проявляются в неравномерном пространственном размещении городских и сельских поселений, обострении проблем трудоустройства. В удаленных от административных центров населенных пунктах сложно создавать новые рабочие места и комфортные условия для проживания. Дестабилизирующее влияние оказывает продолжающаяся депопуляция, а именно «снижение численности населения вследствие старения, а также недостаточных даже для простого воспроизводства показателей рождаемости» [Рязанцев и др., 2019, с. 6]. Усугубление данных проблем можно остановить только осуществлением комплекса организационных мер, экономических и финансовых стимулов, проводимых в ходе реализации различных форм (видов) экономической политики: демографической, миграционной, финансовой.

Сохраняющемуся оттоку населения из сельской местности в города способствует развитие агломераций. В Стратегии пространственного развития России подчеркивается: концентрация населения и экономики в крупнейших формах расселения, среди которых ведущие позиции занимают городские агломерации, является общемировой тенденцией пространственного развития. В стране сформировалось около 40 крупных и крупнейших городских агломераций, в большинстве из которых численность населения с начала 2000-х гг. устойчиво возрастает и в настоящее время превысила 73 млн человек [Стратегия пространственного..., 2018]. В то же время вопросы развития малых городов и сельских населенных пунктов в данном документе предметно не рассматриваются. Эксперты отмечают: «Отсутствие четких критериев отнесения населенных пунктов к тому или иному виду поселений сказывается на процессе расселения и территориальном размещении производственных структур, на возможностях использования их социально-экономического потенциала в целях стратегического территориального развития» [Стратегия прорыва..., 2019, с. 321].

Необходимо выравнивать уровень коммунальных удобств и обеспечивать комфортность проживания населения (включая и медицинский персонал) в городских и сельских поселениях, создавать равные условия содержания пациентов в лечебно-профилактических учреждениях на всей территории страны. Решение этих задач требует существенных объемов капитальных вложений и более широкого использования программно-целевого подхода, задействования механизмов государственно-частного

[1] Данные Федеральной службы государственной статистики: www.gks.ru/

партнерства, применения схем софинансирования и др. Можно привести такой пример: при росте инвестиций в основной капитал, направленных на развитие здравоохранения, с 94,8 млрд руб. в 2005 г. до 246,8 млрд руб. в 2018 г. их удельный вес в общем объеме инвестиций в основной капитал в экономику снизился соответственно с 2,6% в 2005 г. до 1,4 % в 2018 г. При этом, собственные средства составили 13,3%, привлеченные — 86,7%; из них основной удельный вес занимают бюджетные средства — 66,6% (федерального бюджета — 24,9%; бюджетов субъектов Российской Федерации — 38,9%, местных бюджетов — 2,8%). Как известно, износ основных фондов в здравоохранении составляет 52,7%; коэффициент обновления основных фондов (в сопоставимых ценах 2010 г.) — 3,1% [Здравоохранение..., 2019, с. 159]. В этой связи заслуживает внимания поиск путей повышения собственных доходов организаций здравоохранения, направляемых на накопление и обновление основных фондов.

В решении проблем по обеспечению качества и доступности медицинской помощи ключевое место принадлежит вопросам оплаты труда, материальной и моральной мотивации работающих. Для лучшего стимулирования труда врачей и среднего медицинского персонала можно рекомендовать зарубежный опыт преобразования муниципальных поликлиник в офисы частнопрактикующих врачей. Это способствует конкуренции, расширяет возможности для оперативного принятия решений, повышает ответственность медицинского персонала. Одновременно создаются стимулы для достижения соответствия между затратами труда в стоимостном выражении и структурой заработной платы разных категорий работников. В ряде зарубежных стран применяется модель «оплаты за производительность» [Шейман, Шевский, 2015]. Она основывается на критериальном подходе к финансовому стимулированию различных групп медицинских работников. Необходимо расширять вариативный подход к оценке результатов труда в здравоохранении по аналогии с другими сферами экономики, где практикуется применение ключевых показателей эффективности.

Список литературы

1. Здравоохранение в России. 2019: стат. сб. / Росстат. — М., 2019.
2. *Прохоренко Н. Ф., Гапонова Е. А., Петрачков И. В., Улумбекова Г. Э.* Обеспечение доступности и качества первичной медико-санитарной помощи // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. — 2019. — Том 5. № 4. — С. 20–42.
3. *Рязанцев С. В., Храмова М. Н., Байков А. А., Вазиров З. К.* Социально-политические аспекты миграционной политики России // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2019. — № 6. — С. 5–18.

4. Стратегия прорыва и цифровая реальность России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2019 году: коллективная монография // под ред. Г. В. Осипова, С. В. Рязанцева, В. К. Левашова, Т. К. Ростовской. — М: ИТД «Перспектива», 2019. — 786 с.
5. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Минэкономразвития, 2018. — 114 с. URL: http://static.government.ru/media/files/UVAlqUtT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf
6. *Шейман И. М., Шевский В. И., Сажина С. В.* Приоритет первичной медико-санитарной помощи — декларация или реальность? // Социальные аспекты здоровья населения. Электронный научный журнал. — 2019. — № 65 (1). — С. 1–37.
7. *Шейман И. М., Шевский В. И.* Кадровая политика в здравоохранении: сравнительный анализ российской и международной практики // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2015. — № 1. — С. 143–167.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Zdravoohranenie v Rossii. 2019: stat. sb. / Rosstat. — M., 2019.
2. *Prohorenko N. F., Gaponova E. A., Petrachkov I. V., Ulumbekova G.Je*. Obespechenie dostupnosti i kachestva pervichnoj mediko-sanitarnoj pomoshhi // ORGZDRAV: novosti, mnenija, obuchenie. Vestnik VShOUZ. — 2019. — Tom 5. № 4. — S. 20–42.
3. *Rjazancev S. V., Hramova M. N., Bajkov A. A., Vazirov Z. K.* Social'no-politicheskie aspekty migracionnoj politiki Rossii // Nauchnoe obozrenie. Serija 2. Gumanitarnye nauki. — 2019. — № 6. — S. 5–18.
4. Strategija proryva i cifrovaja real'nost' Rossii. Social'no-politicheskoe polozhenie i demograficheskaja situacija v 2019 godu: kollektivnaja monografija // pod red. G. V. Osipova, S. V. Rjazanceva, V. K. Levashova, T. K. Rostovskoj. — M: ITD «Perspektiva», 2019. — 786 s.
5. Strategija prostranstvennogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda. Minjekonomrazvitija, 2018. — 114 s. URL: http://static.government.ru/media/files/UVAlqUtT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf
6. *Shejman I. M., Shevskij V. I., Sazhina S. V.* Prioritet pervichnoj mediko-sanitarnoj pomoshhi — deklaracija ili real'nost'? // Social'nye aspekty zdorov'ja naselenija. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal. — 2019. — № 65 (1). — S. 1–37.
7. *Shejman I. M., Shevskij V. I.* Kadrovaja politika v zdravoohranenii: sravnitel'nyj analiz rossijskoj i mezhdunarodnoj praktiki // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija. — 2015. — № 1. — S. 143–167.

МОЛЧАНОВА Наталья Петровна
д.э.н., доцент,
профессор Департамента общественных финансов,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия.
E-mail: NPMolchanova@fa.ru

ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Ключевые слова: доступность и качество медицинских услуг, кадровое и финансовое обеспечение, оплата труда, медицинский персонал, национальный проект, государственное регулирование, региональный уровень, программно-целевое управление.

Коды JEL: I15, J08, I28, J45

Экономическая деятельность организаций здравоохранения базируется на действующей нормативной правовой базе в составе законодательных и подзаконных актов, методических положениях и инструкциях Министерства здравоохранения Российской Федерации. Нестабильность экономики в начальный период рыночных преобразований (1990-е гг.) отрицательно отразилась на функционировании отрасли «Здравоохранение»: ухудшились показатели состояния здоровья граждан, не соблюдались гарантии обязательного медицинского страхования. Наблюдался дефицит в отношении не только материальной и финансовой ресурсной базы, но и трудовой составляющей, особенно по обеспечению медицинских организаций высококвалифицированными профессиональными кадрами работников. Следствием названных негативных тенденций стало ухудшение здоровья и сокращение продолжительности жизни населения.

Положение изменилось в начале 2000-х гг., что было связано с периодом наметившейся экономической стабилизации, обусловившей финансовые основания для реализации ресурсоемких проектов и программ. Вследствие последовательно возраставших в течение 2000–2010-х гг. объемов государственного финансирования отрасли было существенно улучшено оснащение медицинских организаций современным оборудованием, а объемы предоставления населению различных видов медицинской помощи: не только лечебной и лекарственной, но особенно профилактической и высокотехнологичной — значительно выросли, о чем свидетельствуют данные государственной статистики. Все названные и другие

проводимые меры способствовали стабилизации ситуации и повышению продолжительности жизни населения.

Модернизация сферы здравоохранения в России в 2010-х гг. проводилась на институциональной основе и при повсеместном распространении принципов обязательного медицинского страхования [Федеральный закон..., 2010]. Такой подход способствовал улучшению управляемости и поддержанию финансовой стабильности функционирования всей системы здравоохранения, а его особенности детально проанализированы [Шишкин и др., 2019]. Однако сохраняется дискуссионность вопросов построения базовой программы обязательного медицинского страхования и соответствующей ей программы государственных гарантий. В литературных публикациях обсуждаются возможности привлечения различных источников финансирования для обеспечения стабильности работы лечебно-профилактических учреждений, описываются особенности формирования рынка медицинских услуг [Чилилов, Молчанова, 2018]. В качестве основы для устойчивого функционирования здравоохранения рассматривается стабильный рост объема финансовых ресурсов ФФОМС. Наряду с перманентным совершенствованием законодательства в области обязательного медицинского страхования развитие отрасли регламентируется законом о стратегическом планировании, согласно которому разрабатываются долго- и среднесрочные прогнозы, отраслевые стратегии, государственные и ведомственные программы развития отрасли [Федеральный закон..., 2014]. Ключевое значение приобретает использование нормативного метода в финансовом планировании деятельности медицинских организаций [Ястребова, 2016].

Для современного периода стала характерной тенденция опережающего повышения удельного веса средств граждан в общих затратах на поддержание собственного здоровья (по сравнению с динамикой роста расходов государства на цели здравоохранения). Например, это троекратное увеличение (по сравнению с началом 2000-х гг., с учетом инфляции) средств населения на приобретение лекарственных препаратов, не включенных в Программу государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи; рост в два раза доли пациентов, получающих платные амбулаторные услуги и др. [Пути..., 2016]. Развитие междисциплинарных научных исследований и пропаганда здорового образа жизни способствуют трансформации сознания людей разных поколений в направлении поиска различных активных форм поддержания собственного здоровья [Социально-экономическая..., 2018].

Новый этап развития отрасли связан с реализацией национального проекта «Здравоохранение» (2019–2024 гг.), в который в качестве самостоятельных подразделов включены восемь федеральных проектов. Представленные в составе национального проекта «Здравоохранение» инвести-

ционные проекты федеральных программ требуют значительных объемов финансовых ресурсов. На реализацию всех запланированных мероприятий предусматривается 1725,8 млрд руб., из них 56% приходится на федеральный проект по борьбе с онкологическими заболеваниями. Объем средств федерального бюджета составляет 1366,7 млрд руб. (79,2% от всего объема финансирования), бюджетов субъектов Российской Федерации — 265 млрд руб. (15,4%), государственных внебюджетных фондов — 94 млрд руб. (5,4%), внебюджетных источников — 100 млн руб. Предусматривается развитие экспорта медицинских услуг: в рамках национального проекта их объем вырастет в четыре раза: с 250 млн до 1 млрд долл. [Паспорт..., 2019].

Представляется справедливым понимание того, что изучение проблематики здравоохранения следует вести в двух аспектах: поведенческом и контекстуальном[1]. Углубленное изучение актуальных вопросов в рамках названных подходов позволяет сформировать детальное представление о преимуществах и недостатках существующей системы организации здравоохранения в России и разработать рекомендации по ее дальнейшему развитию и совершенствованию. В современных условиях необходимо более активно сочетать применение методологии государственного регулирования развития здравоохранения с расширением коммерческой составляющей в деятельности лечебно-профилактических учреждений.

Список литературы

1. *Восколович Н. А., Молчанов И. Н., Сапожникова С. Н., Волкова А. А., Воробьева Е. С., Великанов Н. С., Гнетова О. В., Луговских Н. Б., Якушева А. О.* Саморегулирование в сфере услуг: монография / под общ. ред. Н. А. Восколович. — М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; ТЕИС, 2011. — 166 с.
2. Паспорт национального проекта «Здравоохранение». URL: http://government.ru/info/35561/ (дата обращения: 22.08.2019).
3. Пути достижения всеобъемлющего экономического роста. Российская Федерация. Комплексное диагностическое исследование экономики. Группа Всемирного банка, 2016. — 230 с. URL: http://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/publication/

[1] Поведенческий аспект анализирует влияние демографических, социальных характеристик населения, ценностных оценок здоровья и потребности в медицинских услугах, а также наличия медицинских учреждений по месту жительства; контекстуальный (организационный) исследует влияние макроэкономических факторов, состояния экономики в целом, в том числе в конкретной отрасли, а также ценностных ориентаций потребителей, определяющих выбор приоритетов системы предоставления услуг, организации работы на региональном уровне и на уровне учреждения здравоохранения [Саморегулирование..., с. 12–13].

4. *Разумовская Е. М., Цаликова В. В.* Методологические аспекты управления общественным здоровьем // Социально-экономическая эффективность управления общественным здоровьем: философско-методологические основания: Вторая ежегодная научно-практическая конференция; Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, Экономический факультет; 23–24 апреля 2018 г.: монография / под ред. Л. А. Тутова, Е. М. Разумовской, З. Р. Зиганшиной. — М.: ТЕИС, 2018. — С. 18–22.
5. Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации». (ред. от 03.07.2016). URL: www.consultant.ru/
6. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (последняя редакция). URL: www.consultant.ru/.
7. *Чилилов А. М., Молчанова Н. П.* Трудовые и общеэкономические отношения в здравоохранении: монография. — М.: Экономика, 2018. — 320 с.
8. *Шишкин С. В., Шейман И. М., Потапчик Е. Г., Понкратова О. Ф.* Анализ состояния страховой медицины в России и перспектив ее развития. — М.: НИУ ВШЭ, 2019. — 93 с.
9. *Ястребова О. К.* Развитие методологии и практики нормативного финансирования государственных услуг и работ // Финансы. — 2016. — № 10. — С. 17–23.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Voskolovich N. A., Molchanov I. N., Sapozhnikova S. N., Volkova A. A., Vorob'eva E. S., Velikanov N. S., Gnetova O. V., Lugovskih N. B., Jakusheva A. O.* Samoregulirovanie v sfere uslug: monografija / pod obshhej redakciej N. A. Voskolovich. Moskva: Jekonomicheskij fakul'tet MGU imeni M. V. Lomonosova; TEIS, 2011. — 166 s.
2. *Razumovskaja E. M., Calikova V. V.* Metodologicheskie aspekty upravlenija obshhestvennym zdorov'em //Social'no-jekonomicheskaja jeffektivnost' upravlenija obshhestvennym zdorov'em: filosofsko-metodologicheskie osnovanija: Vtoraja ezhegodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija; Moskva, MGU imeni M. V. Lomonosova, Jekonomicheskij fakul'tet; 23-24 aprelja 2018 g.: monografija / pod red. L. A. Tutova, E. M. Razumovskoj, Z. R. Ziganshinoj. — M.: TEIS, 2018. — S. 18–22.
3. *Chililov A. M., Molchanova N. P.* Trudovye i obshhejekonomicheskie otnoshenija v zdravoohranenii: monografija. — M.: Jekonomika, 2018. — 320 s.
4. *Shishkin S. V., Shejman I. M., Potapchik E. G., Ponkratova O. F.* Analiz sostojanija strahovoj mediciny v Rossii i perspektiv ee razvitija. — M.: NIU VShJe, 2019. — 93 s.
5. *Jastrebova O. K.* Razvitie metodologii i praktiki normativnogo finansirovanija gosudarstvennyh uslug i rabot // Finansy. — 2016. — № 10. — S. 17–23.

НАЦУН Лейла Натиговна
научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН,
Лаборатория исследования проблем управления в социальной сфере,
Вологда, Россия.
E-mail: leyla.natsun@yandex.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНВАЛИДНОСТИ В РОССИИ

Ключевые слова: возрастная структура инвалидности, региональная дифференциация инвалидности, кластерный анализ.

Код JEL: J14

Распространение инвалидности выступает одним из наиболее актуальных вызовов для современных государств на фоне демографического старения населения [Инвалидность..., 2019; 10 фактов..., 2019].

Численность и состав общего контингента российских инвалидов формируются под действием двух разнонаправленных процессов — первичного выхода населения на инвалидность и выбытия из числа инвалидов в результате естественных причин (смертность) или снятия текущего статуса «инвалид» после прохождения переосвидетельствования в бюро медико-социальной экспертизы.

Ранее в исследованиях российских авторов отмечалась взаимосвязь между уровнем инвалидности в регионах и особенностями возрастной структуры их населения. Так, чем выше доля лиц старше трудоспособного возраста и выше продолжительность жизни населения, тем больше в его составе доля инвалидов [Малева и др., 1999]. Помимо этой общей закономерности выявлены и специфические факторы, определяющие особенности инвалидности в регионах [Кулагина, 2016]. В настоящем исследовании мы рассмотрим региональные особенности возрастного состава контингента инвалидов, опираясь на данные Федерального реестра инвалидов за 2019 г.

Возрастная структура контингента российских инвалидов в целом смещена в сторону лиц старше 60 лет. При этом высокими являются показатели инвалидности детского населения. К регионам, где дети 0–17 лет составляют более 10% от общей численности инвалидов, относятся: Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Тыва, Чукотский автономный округ, Республика Саха (Якутия). Среди детей-инвалидов в таких регионах, как Калужская, Липецкая, Смоленская, Ярославская область, город Москва, Московская область, Республика Коми, Ненецкий автономный округ, Вологодская область, город

Санкт-Петербург, Мурманская область, город Севастополь, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Кировская область, Нижегородская область, Пензенская область, Самарская область, Республика Тыва, Новосибирская область, Чукотский автономный округ, более 10% от общей численности приходится на возрастную группу 0–3 года.

Для выявления региональных особенностей возрастных структур инвалидов проведена группировка субъектов Российской Федерации с использованием процедуры иерархического кластерного анализа (метод межгрупповой связи). В результате сформированы семь кластеров, внутри которых регионы имеют наиболее сходные возрастные структуры контингентов инвалидов. Наполнение кластеров неравномерно. Самый крупный, кластер № 2, объединил 57 субъектов. Обособленные кластеры сформировали такие субъекты, как город Санкт-Петербург, Чеченская Республика и Республика Ингушетия.

Сравнение профилей полученных кластеров позволило выделить ряд особенностей. Характерной чертой возрастной структуры контингента инвалидов в г. Санкт-Петербурге (кластер № 3) по сравнению с кластерами № 1, 2 и 6 является более выраженное доминирование в ней лиц в возрасте старше 60 лет (76% от общей численности инвалидов). Кластер № 1 объединяет субъекты Северо-Западного (5 регионов), Центрального (6) и Приволжского (4) федеральных округов: Белгородская, Владимирская, Ивановская, Рязанская, Ярославская области, город Москва, Республика Карелия, Архангельская, Вологодская, Ленинградская, Новгородская, Кировская, Нижегородская области, Оренбургская область и Пермский край. В нем, хотя и наблюдается существенное преобладание среди инвалидов лиц старше 60 лет, несколько выше доля групп более «молодых» возрастов. Так, на долю лиц 51–60 лет приходится 14% общей численности, тогда как в г. Санкт-Петербурге — 10%. Кластеры № 1 и № 3 наиболее сходны по доле детей в составе контингента инвалидов — 4 и 3% соответственно.

В российских регионах, составляющих самый крупный кластер (№ 2), доля инвалидов молодых возрастных групп еще выше, чем в кластерах № 1 и 3. На детей 0–17 лет суммарно приходится 6% от общей численности инвалидов, на молодежь 18–30 лет — 4%. Еще выше доля детей в составе инвалидов (10%) в регионах, принадлежащих к шестому кластеру. К ним относятся: Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Калмыкия, Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Магаданская область, Республика Саха (Якутия).

В кластер № 4 вошли Республика Дагестан, Республика Тыва и Чукотский автономный округ. Его особенность состоит в том, что возрастная структура контингента инвалидов наиболее «равномерна»: на лиц старшей группы приходится только 28% общей численности, на лиц 51–60 лет — 22%, на детей 8–14 лет — 6% общей численности инвалидов. Эти характе-

ристики отличают кластер от наиболее близкого к нему по своим чертам кластера № 5, представленного единственным субъектом — Республикой Ингушетия. В данном регионе доля пожилых (старше 60 лет) еще ниже — 19%, тогда как доминируют в составе инвалидов лица «предпенсионной» возрастной категории (51–60 лет) — 23%. Среди инвалидов существенно выше доля детей 8–14 лет– 12% (рис.1).

Сильнее всего отличается от остальных кластеров возрастная структура контингента инвалидов в Чеченской Республике (кластер № 7). Здесь в общей численности инвалидов выше всего доля детей — 28%. При этом наблюдается минимальная доля пожилых — 12% от общей численности инвалидов.

В кластере № 5, включающем только Республику Ингушетия, возрастное распределение инвалидов также смещено в сторону старших возрастных групп. Но при этом наблюдается высокая доля детей (21%).

Рис. 1. Возрастные структуры контингентов инвалидов по кластерам субъектов РФ
Источник: составлено по средним для кластеров значениям долей каждой возрастной группы в общей численности инвалидов (в %); данные ФГИС ФРИ по состоянию на 01.12.2019.

Полученные результаты группировки российских регионов по характеристикам возрастных структур контингентов инвалидов позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, в стране имеет место существенная региональная дифференциация возрастных структур инвалидности. Во-вторых, региональный состав полученных кластеров отчасти повторяет административное деление российской территории на федеральные округа. При этом наиболее «однородным» по своим характеристикам является Северо-Западный федеральный округ, большинство субъектов которого вошли в один и тот же кластер.

В перспективе предполагается проанализировать, как в субъектах Российской Федерации соотносятся между собой возрастные структуры инвалидов и населения в целом.

Список литературы

1. 10 фактов об инвалидности / Всемирная организация здравоохранения. URL: http://www.who.int/features/factfiles/disability/facts/ru/index1.html (дата обращения: 24.04.2019).
2. Инвалидность и здоровье / Всемирная организация здравоохранения. URL: http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs352/ru/ (дата обращения: 24.04.2019).
3. *Кулагина Е. В.* Профиль инвалидности: демографический и региональный аспекты // Региональная экономика: теория и практика. — 2016. — № 11 (434). — С. 103–119.
4. *Малева Т. М., Васин С. А., Голодец О. Ю., Бесфамильная С. В.* Инвалиды в России: причины и динамика инвалидности, противоречия и перспективы социальной политики / Бюро экономического анализа. — М.: РОССПЭН, 1999. — 368 с.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. 10 faktov ob invalidnosti / Vsemirnaja organizacija zdravoohranenija. URL: http://www.who.int/features/factfiles/disability/facts/ru/index1.html (дата обращения: 24.04.2019).
2. Invalidnost' i zdorov'e / Vsemirnaja organizacija zdravoohranenija. URL: http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs352/ru/ (дата обращения: 24.04.2019).
3. *Kulagina E. V.* Profil' invalidnosti: demograficheskij i regional'nyj aspekty // Regional'naja jekonomika: teorija i praktika. — 2016. — № 11 (434). — S. 103–119.
4. *Maleva T. M., Vasin S. A., Golodec O.Ju., Besfamil'naja S. V.* Invalidy v Rossii: prichiny i dinamika invalidnosti, protivorechija i perspektivy social'noj politiki / Bjuro jekonomicheskogo analiza. — M.: ROSSPJeN, 1999. — 368 s.

ПЕТРЯКОВА Антонина Васильевна
старший преподаватель,
юридический факультет Московского международного университета,
Москва, Россия.
E-mail: antonina_moscow@mail.ru

АБИЛИТАЦИЯ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Ключевые слова: реабилитация, абилитация, инвалид, цифровизация.

Коды JEL: I14, I18, J14, J48, K31

Идея помощи нуждающимся универсальна для любого государства, поскольку человечность и гуманизм — не политические явления, а обще-

социальные. Как писал Владимир Соловьев, «между идеальным добром и злою действительностью есть промежуточная область права и закона, служащая воплощению добра, ограничению и исправлению зла. Правом и его воплощением — государством — обусловлена действительная организация нравственной жизни в целом человечестве...» [Соловьев, 2001, 28].

Наиболее нуждающимися в поддержке общества и государства являются инвалиды, поскольку, как указывает, в частности, Р. И. Ерусланова, «их доход, как правило, намного ниже средних показателей по стране, а потребности особенно в медицинском обслуживании, диетическом питании, благоустроенном жилье значительно выше» [Ерусланова, 2010, 22].

По данным Федеральной службы государственной статистики, по состоянию на 2019 г. в Российской Федерации насчитывается 11 947 тыс. граждан-инвалидов [Росстат, 2020].

В современной России наблюдается постепенная смена парадигмы восприятия социального положения инвалидов; не случайно в обществе продолжает развиваться дискуссия о возможности использования самого термина «инвалид», дословно переводимого с английского языка как «неспособный», «недействительный»; все чаще вместо слова «инвалид» используется «гражданин с ограниченными возможностями здоровья».

Все изложенное подтверждает актуальность проблемы, вынесенной в качестве темы настоящей работы.

В соответствии со ст. 1 Закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (далее по тексту — Закон) инвалид — лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты.

Каждое государство сообразно уровню своего развития, приоритетам и возможностям формирует социальную и экономическую политику в отношении инвалидов. Социальный характер государства проявляется в установлении определенных гарантий, которые обуславливают цели и задачи государственной политики. [Габов, 2015, 32].

В законодательстве РФ в 2014 г. появилось новое понятие «абилитация». Согласно ч. 1 ст. 9 Закона реабилитация инвалидов — система и процесс полного или частичного восстановления способностей инвалидов к бытовой, общественной, профессиональной и иной деятельности. Абилитация инвалидов — система и процесс формирования отсутствовавших у инвалидов способностей к бытовой, общественной, профессиональной и иной деятельности. Реабилитация и абилитация инвалидов направлены на устранение или возможно более полную компенсацию ограничений жизнедеятельности инвалидов в целях их социальной адаптации, включая достижение ими материальной независимости и интеграцию в общество.

Идеальным результатом проведения реабилитационно-абилитационных мероприятий является «возвращение» человека в социальную среду как полноправного участника общественной жизни с учетом уже новых, изменившихся возможностей здоровья.

Особым вызовом современности является трудоустройство инвалидов. Согласно Стандартным правилам обеспечения равных возможностей для инвалидов, принятым Генеральной Ассамблеей ООН 20.12.1993 (Резолюция № 48/96, Правило 7. Занятость), государствам следует признать принцип, в соответствии с которым инвалиды должны получить возможность осуществлять свои права человека, особенно в области занятости.

Наибольшее число инвалидов имеют II и III группы инвалидности, а значит, временно нетрудоспособны или трудоспособны ограниченно или в щадящих условиях труда. Этим гражданам необходимо оказывать психологическую, юридическую и иную помощь для стимулирования их активного включения в общественную жизнь, помогать в поиске работы.

Новый подход к реализации лицами с ограниченными возможностями здоровья своих прав и свобод, в частности права на труд, установлен ст. 3.1. Закона, согласно которой в Российской Федерации не допускается дискриминация по признаку инвалидности. Теперь отказ в приеме на работу или иные действия (бездействия) работодателя по отношению к лицу с инвалидностью могут быть расценены как дискриминационные; Минтруд России утвердил Методические рекомендации по выявлению признаков дискриминации инвалидов при решении вопросов занятости. На наш взгляд, применение антидискриминационных норм, защищающих права инвалидов, может быть темой самостоятельного полноценного исследования: здесь могут быть выявлены как нарушения прав инвалидов, так и «перегибы» и неверные трактовки закона правоприменительными органами.

В соответствии со ст. 20 Закона проведение специальных мероприятий, направленных на организацию трудоустройства инвалидов, относится к компетенции субъектов РФ. Так, при Центре занятости населения города Москвы существует Отдел трудоустройства инвалидов, который организует мероприятия, направленные на трудоустройство граждан с ограниченными физическими и интеллектуальными возможностями (инвалидов) и ограничениями жизнедеятельности.

Хочется отметить новые возможности, которые получили инвалиды в сфере труда в условиях цифровизации.

1. Возможность получать дополнительное образование онлайн. Интернет является источником информации, в том числе образовательной и профессиональной. Так, «Открытое образование» — современная образовательная платформа, предлагающая онлайн-курсы по базовым дис-

циплинам, изучаемым в российских университетах. Все курсы доступны бесплатно и без формальных требований к базовому уровню образования.

2. Возможность получать среднее профессиональное/высшее образование по адаптированным программам. Некоторые вузы реализуют адаптированные образовательные программы с использованием современных цифровых технологий (например, МГТУ им. Баумана).

3. Новые возможности по поиску работы. За счет интернет-ресурсов значительно расширился инструментарий для поиска работы. Например, hh.ru и ru.jooble.org имеют специальные программы помощи инвалидам в поиске работы.

4. На значение популяризации успехов инвалидов в трудовой сфере, формирование положительного отношения к людям с ограниченными возможностями здоровья с помощью сети Интернет обращает внимание М. Д. Белецкий [Белецкий, 2017: 17] и другие исследователи.

5. Интернет создает дополнительные рабочие места; в интернет-компаниях работают специалисты в том числе с ограниченными возможностями здоровья. Интернет-среда является местом работы самозанятых граждан, в том числе инвалидов.

У Аристотеля мы находим положения о «справедливом от природы» и «гражданском справедливом» [Аристотель, 1983, с 328]. Античный ученый развивал концепцию уравнивающей и распределяющей справедливости. Можно провести параллель с современным подходом к реабилитации и абилитации инвалидов. Изначально общество ориентировалось на распределяющую справедливость в ее социальном понимании: материальные блага распределялись в зависимости от трудового вклада граждан в процесс создания благ; людям с ограниченными возможностями здоровья выплачивалась материальная помощь для того, чтобы уравнять их возможности с возможностями других людей. Но новые технологии, цифровизация экономики и общественной жизни, по нашему мнению, дают возможность реального уравнивания инвалидов и здоровых граждан в вопросах реализации их трудовых прав; в виртуальном пространстве интернета все работники равны, их физические кондиции не имеют особого значения и не сказываются на качестве выполняемой ими работы.

Как отметил доктор юридических наук, профессор Ю. А. Тихомиров, с помощью сетевых ресурсов (интернет) «становится возможным по-новому реализовать конституционные права гражданина» [Залоило, Власова, 2014, с. 145].

Всесторонняя интеграция людей с ограниченными возможностями здоровья в общественную жизнь является основой гармонизации отношений инвалидов и государства. Цифровизация может рассматриваться как мощный инструмент, способствующий достижению этой цели.

Список литературы

1. *Аристотель.* Большая этика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. — М.: Мысль, 1983. — 830 с.
2. *Белецкий М.Д.* Ключевые аспекты проблемы трудоустройства инвалидов в России // Дискуссия. — 2017. — № 7 (81). — С. 16–21.
3. *Габов А. В.* Баланс конституционно защищаемых ценностей и интересов как условие реализации социальных гарантий // Право и социальное развитие: новая гуманистическая иерархия ценностей: монография / отв. ред. А. В. Габов, Н. В. Путило. — М., 2015. — 272 с.
4. *Ерусланова Р. И.* Технологии социального обслуживания лиц пожилого возраста и инвалидов на дому: учебное пособие. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2010. — 208 с.
5. *Залоило М. В., Власова Н. В.* Социальные интернет-сети: правовые аспекты // Журнал российского права. — 2014. — № 5. — С. 140–145.
6. Росстат. Общая численность инвалидов по группам инвалидности. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1-1.doc (дата обращения: 16.10.2020).
7. *Соловьев В. С.* Право и нравственность. — М.: Харвест АСТ, 2001. — 192 с.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Aristotel'.* Bol'shaja jetika // Aristotel'. Sochinenija: V 4 t. T. 4 / per. s drevnegrech.; obshh. red. A. I. Dovatura. — M.: Mysl', 1983. — 830 c.
2. *Beleckij M. D.* Kljuchevye aspekty problemy trudoustrojstva invalidov v Rossii // Diskussija. — 2017. — № 7 (81). — S. 16–21.
3. *Gabov A. V.* Balans konstitucionno zashhishhaemyh cennostej i interesov kak uslovierealizacii social'nyh garantij // Pravo i social'noe razvitie: novaja gumanisticheskaja ierarhija cennostej: Monografija / otv. red. A. V. Gabov, N. V. Putilo. — M., 2015. — 272 s.
4. *Eruslanova R. I.* Tehnologii social'nogo obsluzhivanija lic pozhilogo vozrasta i invalidov na domu. Uchebnoe posobie. — M.: Izdatel'sko-torgovaja korporacija «Dashkov i K», 2010. — 208 s.
5. *Zaloilo M. V., Vlasova N. V.* Social'nye Internetseti: pravovye aspekty // Zhurnal rossijskogo prava. — 2014. — № 5. — S. 140–145.
6. Rosstat. Obshhaja chislennost' invalidov po gruppam invalidnosti. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1-1.doc (data obrashhenija: 16.10.2020).
7. Solov'ev V. S. Pravo i nravstvennost'. — M.: Harvest AST, 2001. — 192 s.

ПОПОВА Лариса Алексеевна
д.э.н., доцент, зам. директора по научной работе,
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
Сыктывкар, Россия.
E-mail: popova@iespn.komisc.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ ОЖИДАЕМОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РОСТА[1]

Ключевые слова: регионы России, ожидаемая продолжительность жизни населения, региональная дифференциация, региональная конвергенция, факторы роста.

Коды JEL: J10, J11

Распространение пандемии COVID-19 и увеличение смертности населения России в апреле-июле 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлых лет (по данным Росстата, в первом полугодии 2020 г. в России скончались 946 539 человек против 918 503 в соответствующем периоде 2019 г., т.е. рост составил 3,1%[2]) обусловили пересмотр национальных целей России в области продолжительности жизни населения, которые предусматривали повышение к 2024 г. ожидаемой продолжительности жизни россиян до 78 лет, к 2030 г. — до 80 лет [Указ Президента, 2018]. Согласно Указу Президента от 21 июля 2020 г., целевой показатель 78 лет определен на 2030 г. [Указ Президента, 2020]. Новые глобальные эпидемиологические вызовы, существенное отставание России по продолжительности жизни населения от развитых стран и масштабность даже скорректированных задач определяют актуальность исследований в области резервов и возможностей роста ожидаемой продолжительности жизни россиян.

В последние полтора десятилетия в стране были достигнуты значительные успехи в сокращении смертности и росте продолжительности жизни, позитивная динамика которых наблюдается с 2004 г. За 2003–2019 гг. общий коэффициент смертности уменьшился на четверть: с 16,4 на 1000

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-010-00881 «Продолжительность жизни российского населения: возможности достижения «80 плюс».

[2] https://news.rambler.ru/community/44631061-v-rossii-vyrosla-smertnost/?utm_source=head&utm_campaign=self_promo&utm_medium=news&utm_content=news (дата обращения: 07.08.2020).

человек населения до 12,3‰ [Росстат, 2020]. Параллельно со снижением произошли благоприятные изменения в структуре смертности по причинам. Наиболее существенные темпы сокращения характерны для внешних причин (несчастных случаев, отравлений, травм, убийств, самоубийств) — в результате эта группа еще в 2006 г. уступила новообразованиям вторую позицию в структуре смертности по причинам, опустившись на закономерное для нее третье место. В том же году болезни органов дыхания, занимающие второе место по темпам снижения уровня, опустились в структуре с четвертой на пятую позицию, пропустив болезни органов пищеварения. Ожидаемая продолжительность жизни россиян увеличилась за 2003–2018 гг. на 8,1 года, достигнув 72,9 года (67,8 для мужчин и 77,8 для женщин). Это максимальные значения за историю России. Предыдущие максимумы, ранее наблюдавшиеся в 1986–1987 гг., составляли 70,1 года для обоих полов, 64,9 года для мужчин и 74,6 года для женщин [Стабилизация..., 2001]. По женскому показателю рекорд был перекрыт еще в 2009 г., по показателю для всего населения — в 2012 г., по мужскому — в 2013 г. Тем не менее отставание России от развитых стран превышает 12 лет, по мужской продолжительности жизни — 15 лет, по женской — 10.

Мужской показатель за 2003–2018 гг. вырос более существенно — на 9,3 года (с 58,5 до 67,8 лет), женский — на 5,9 года (с 71,9 до 77,8 года), т.е. вместе с ростом продолжительности жизни в России произошло уменьшение гендерной дифференциации показателя с 13,4 до 10,0 лет. Но отставание мужского показателя остается весьма значительным, представляя серьезный резерв роста продолжительности жизни населения [Калабихина, 2015]. В городской местности уровень показателя достиг в 2018 г. 73,3 года, в сельской — 71,7 года. До 2009 г. рост продолжительности жизни городского населения был существенней — различия между городом и селом за 2003–2009 гг. увеличились с 2,0 до 2,9 года. В последние годы более высокими темпами увеличивается сельский показатель. Однако период 2003–2018 гг. в целом пока не отличается заметным сокращением межпоселенческой дифференциации: в 2018 г. сельский уровень на 1,6 года ниже городского. Соответственно, подтягивание продолжительности жизни сельского населения также является резервом роста [Денисенко, Николаева, 2015]. Общероссийский показатель продолжительности жизни складывается из уровня в разных регионах, который в 2017 г. варьирует от 66 лет в Чукотском автономном округе и Республике Тыва до почти 82 лет в Республике Ингушетия. Соответственно, одним из важнейших условий достижения поставленных в области продолжительности жизни российского населения целей является сокращение региональной дифференциации за счет подтягивания регионов-аутсайдеров.

Целью исследования является оценка изменения региональной дифференциации продолжительности жизни населения России за 2003–2017 гг.,

рассмотрение гендерных различий показателя, разницы между городской и сельской местностью, структуры смертности по причинам смерти, уровня младенческой смертности в регионах России и обозначение региональных резервов дальнейшего роста продолжительности жизни российского населения.

Устойчивость развития любой системы определяется сбалансированностью динамики ее отдельных компонентов. Значительная региональная дифференциация по уровню демографических показателей является препятствием для демографического развития страны и проведения государственной демографической политики, поэтому нуждается в исследовании. Изучение демографической конвергенции/дивергенции важно и для демографического прогнозирования, которое в огромной по территории и разнообразной по социально-экономическим и природно-климатическим условиям стране должно опираться на устойчивые тренды, определенные согласованностью изменений, происходящих в разных регионах [Шубат, 2019]. Наиболее известной и легко применяемой для выявления конвергенции/дивергенции является методика σ-конвергенции [Barro, 1992], которая и будет использована в исследовании.

В 2003 г. в 57 субъектах Федерации, а также в Республике Крым уровень продолжительности жизни населения был ниже, чем в среднем по России (64,8 года), в 26 регионах и Севастополе был выше среднероссийского[1]. В 2017 г. показатель ниже, чем в целом по стране (72,7 года), в 55 субъектах Федерации, в трех регионах (Чувашия, Рязанская и Кировская области) он равен среднероссийскому уровню, и в 27 регионах выше среднего [Росстат, 2020]. То есть за 2003–2017 гг., в условиях роста продолжительности жизни населения ситуация с количеством регионов выше и ниже среднероссийского уровня принципиально не изменилась. Лишь немного уменьшилось число субъектов с показателем ниже среднероссийского за счет достижения в трех регионах среднего уровня.

Однако за рассматриваемый период произошло уменьшение межрегионального разброса значений продолжительности жизни, уплотнение регионов к среднему уровню. В 2003 г. разница между максимальным и минимальным уровнями продолжительности жизни составляла 20,2 года (74,4 года в Ингушетии и 54,2 в Тыве). В 2017 г. минимакс сократился до 15,5 года (81,6 года в Ингушетии и 66,1 в Чукотском автономном округе).

О региональной конвергенции продолжительности жизни населения России в 2003–2017 гг. свидетельствует и изменение среднеквадратического отклонения:

[1] https://russia.duck.consulting/maps/96/2003 (дата обращения 15.02.2020); http://crimea.gks.ru; http://sevastopol.gks.ru (дата обращения: 15.02.2020).

$$\sigma = \sqrt{\sum_{i=1}^{n} \frac{(x_i - \bar{x})}{n}},$$

где x_i — величина продолжительности жизни населения в каждом регионе; $\bar{x}$ — среднероссийское значение показателя; n — количество регионов.

Большее значение среднеквадратического отклонения показывает больший разброс региональных уровней продолжительности жизни населения в сравнении со среднероссийским. Меньшее значение свидетельствует о том, что региональные уровни тесней сгруппированы вокруг среднего. В 2003 г. дисперсия российских регионов по величине продолжительности жизни населения составляла 10,2, в 2017 г. — 5,4. Среднеквадратичное отклонение соответственно сократилось с 3,2 до 2,3. То есть за 2003–2017 гг. произошло снижение разброса регионов, сближение их со средним уровнем.

В процессе анализа изменения региональной дифференциации продолжительности жизни населения России в условиях роста показателя — для 2003 г. и 2017 г. нами были выделены по девять групп регионов (с применением одинакового по отношению к среднероссийскому уровню принципа группировки на однолетние по диапазону продолжительности жизни группы) с условными названиями: очень высокий уровень продолжительности жизни; высокий уровень; существенно выше среднероссийского уровня; выше среднероссийского уровня; среднероссийский уровень; ниже среднероссийского уровня; существенно ниже среднероссийского уровня; низкий уровень; очень низкий уровень (табл. 1).

Данные табл. 1 показывают, что региональная конвергенция продолжительности жизни населения в условиях роста 2003–2017 гг. произошла за счет крайних групп, и прежде всего за счет подтягивания отстающих регионов:

- количество субъектов Федерации с очень низким и низким уровнями ожидаемой продолжительности жизни населения уменьшилось с 26 до 12 — в два с лишним раза;
- число регионов с очень высоким уровнем продолжительности жизни, высоким и существенно выше среднего уменьшилось с 18 до 10 — не столь значительно;
- за счет этого «встречного сдвига» сильно увеличились по составу группы с уровнями ниже среднероссийского (с 8 до 25) и существенно ниже среднероссийского (с 8 до 13) — в целом две указанные группы с 16 до 38;
- общее количество регионов со среднероссийским уровнем продолжительности жизни и выше среднероссийского — не изменилось, составляет 25 и в 2003 г., и в 2017 г.

Таблица 1

Группировка регионов России по отношению к среднероссийскому уровню ожидаемой продолжительности жизни населения в 2003 г. и 2017 г.

2003 г.			2017 г.		
Группа	**Количество регионов**		**Группа**	**Количество регионов**	
Очень высокий уровень (68,3 года и выше)	7	18	Очень высокий уровень (76,2 года и выше)	3	10
Высокий уровень (67,3–68,2 года)	6		Высокий уровень (75,2–76,1 года)	4	
Существенно выше среднероссийского уровня (66,3–67,2 года)	5		Существенно выше среднероссийского уровня (74,2–75,1 года)	3	
Выше среднероссийского уровня (65,3–66,2 года)	14	25	Выше среднероссийского уровня (73,2–74,1 года)	13	25
Среднероссийский уровень (64,3–65,2 года)	11		Среднероссийский уровень (72,2–73,1 года)	12	
Ниже среднероссийского уровня (63,3–64,2 года)	8	16	Ниже среднероссийского уровня (71,2–72,1 года)	25	38
Существенно ниже среднероссийского уровня (62,3–63,2 года)	8		Существенно ниже среднероссийского уровня (70,2–71,1 года)	13	
Низкий уровень (61,3–62,2 года)	12	26	Низкий уровень (69,2–70,1 года)	8	12
Очень низкий уровень (до 61,2 года)	14		Очень низкий уровень (до 69,1 года)	4	

Догоняющий характер конвергенции свидетельствует о том, что в 2004–2017 гг. были хорошо использованы относительно легко реализуемые резервы повышения продолжительности жизни, которые характерны для регионов с низким уровнем показателя. А в регионах с высокой ожидаемой продолжительностью жизни населения дальнейший рост является очень непростой задачей, поскольку возможности в значительной степени уже реализованы.

В каждой группе регионов были проанализированы особенности роста продолжительности жизни в 2003–2017 гг. и резервы роста, обусловленные очевидными, лежащими на поверхности факторами, доступными из официальной статистики. Назовем их факторами роста первого порядка. В их составе мы рассматриваем величину отставания мужского показателя, различия между городской и сельской местностью, долю смертности от внешних причин, уровень младенческой смертности — в сравнении со сред-

нероссийским уровнем. Подытожим эти факторы по регионам (табл. 2), что позволит выделить группы территорий, требующих решения сходных задач для дальнейшего повышения продолжительности жизни населения.

Таблица 2

Региональные резервы роста ожидаемой продолжительности жизни населения за счет возможностей факторов первого порядка в 2017 г.

Резервы роста	Количество регионов	Регионы
Значительная гендерная дифференциация показателя ожидаемой продолжительности жизни	59	Республики Алтай, Башкортостан, Бурятия, Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Саха (Якутия), Татарстан, Удмуртская, Чувашская и Хакасия, Алтайский, Забайкальский, Камчатский, Красноярский, Пермский, Приморский и Хабаровский края, Амурская, Архангельская, Брянская, Владимирская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Иркутская, Калужская, Кемеровская, Кировская, Костромская, Курганская, Курская, Ленинградская, Липецкая, Магаданская, Нижегородская, Новгородская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Псковская, Рязанская, Самарская, Сахалинская, Свердловская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Томская, Тульская, Ульяновская, Челябинская и Ярославская области, Ненецкий и Чукотский автономные округа и Еврейская автономная область
Существенное отставание продолжительности жизни сельского населения	47	Республики Адыгея, Алтай, Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Тыва, Хакасия и Чувашская, Алтайский, Забайкальский, Камчатский, Красноярский, Пермский, Приморский, Ставропольский и Хабаровский края, Архангельская, Брянская, Иркутская, Калининградская, Кировская, Курганская, Курская, Липецкая, Магаданская, Новосибирская, Омская, Орловская, Псковская, Сахалинская, Свердловская, Смоленская, Томская, Тюменская, Удмуртская, Ульяновская и Челябинская области, Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский и Ямало-Ненецкий АО, Еврейская АО

Окончание табл. 2

Резервы роста	Количество регионов	Регионы
Большая доля внешних причин смерти в структуре смертности по причинам	42	Республики Алтай, Башкортостан, Бурятия, Коми, Калмыкия, Марий Эл, Саха (Якутия), Тыва, Удмуртская, Хакасия и Чувашская, Забайкальский, Камчатский, Красноярский, Пермский, Приморский и Хабаровский края, Амурская, Архангельская, Воронежская, Иркутская, Кемеровская, Кировская, Курганская, Ленинградская, Магаданская, Мурманская, Омская, Оренбургская, Пензенская, Псковская, Самарская, Сахалинская, Свердловская, Томская, Тюменская и Челябинская области, Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский и Ямало-Ненецкий АО, Еврейская АО
Высокий уровень младенческой смертности	38	Республики Адыгея, Алтай, Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Ингушетия, Карачаево-Черкесская, Карелия, Тыва и Чеченская, Алтайский, Забайкальский, Камчатский, Красноярский, Приморский, Ставропольский и Хабаровский края, Архангельская, Астраханская, Брянская, Вологодская, Иркутская, Кемеровская, Костромская, Новгородская, Омская, Оренбургская, Орловская, Ростовская, Смоленская, Тульская, Челябинская и Ярославская области, Ненецкий, Чукотский и Ямало-Ненецкий АО, Еврейская АО, город Москва

В 59 субъектах Российской Федерации выше среднего по стране превышение женской продолжительности жизни, требующее более пристального внимания к вопросам, связанным с неблагоприятным образом жизни мужчин, особенно в трудоспособном возрасте, с гендерными различиями в поведенческих факторах риска производственного, бытового и дорожного травматизма, с профилактикой рискового поведения. В 47 регионах наблюдается существенное отставание сельского показателя, предполагающее акцент на совершенствовании санитарно-бытовых условий на селе, повышении уровня жизни сельских жителей, улучшении им доступа к квалифицированным медицинским услугам. Практически в половине субъектов Федерации (42) значителен удельный вес смертности от внешних причин, в основе которой как поведенческие, так и средовые факторы риска: неблагополучная нравственно-психологическая и кри-

миногенная атмосфера, низкий уровень и неблагоприятный образ жизни населения, недостаточный уровень безопасности условий труда, отдыха, передвижений. В 38 регионах России остается высокой смертность детей на первом году жизни, зависящая как от возможностей здравоохранения и служб родовспоможения, так и от благополучия в образе жизни населения, в развитии брачно-семейных отношений и жизнедеятельности семьи. При этом 14 субъектов (республики Алтай, Башкортостан и Бурятия, Забайкальский, Камчатский, Красноярский, Приморский и Хабаровский края, Архангельская, Омская и Челябинская области, Ненецкий и Чукотский автономные округа, Еврейская автономная область) входят во все группы, т.е. характеризуются всеми резервами роста первого порядка.

Таким образом, в условиях роста продолжительности жизни российского населения произошло заметное сближение субъектов Федерации, уплотнение их к среднему уровню. Региональная конвергенция произошла за счет крайних по уровню показателя групп, и прежде всего за счет подтягивания отстающих регионов. Догоняющий характер конвергенции свидетельствует о том, что на протяжении 2004–2017 гг. были хорошо использованы относительно легко реализуемые резервы повышения продолжительности жизни, которые характерны для территорий с низким уровнем показателя. А в субъектах с высокой ожидаемой продолжительностью жизни населения дальнейший рост является уже очень непростой задачей, поскольку возможности факторов первого порядка, в качестве которых рассматриваются величина гендерных различий, разница между городским и сельским показателем, доля смертности от внешних причин смерти и уровень младенческой смертности, в значительной степени уже реализованы. Однако все выделенные девять групп российских регионов пока обладают резервами увеличения продолжительности жизни населения, обусловленными теми или иными из перечисленных факторов. Наибольшими резервами, безусловно, располагают субъекты с самым неблагоприятным уровнем показателя, но и в группе с очень высокой продолжительностью жизни отставание сельского показателя и величина младенческой смертности дают возможности дальнейшего повышения продолжительности жизни населения за счет факторов роста первого порядка.

Кроме того, в России повсеместно значительны резервы увеличения продолжительности жизни, определяемые ростом уровня и качества жизни населения, снижением социальной дифференциации, усилением мотивации к здоровому образу жизни, формированием ответственного отношения граждан всех возрастов к своему здоровью, профилактикой основных модифицируемых факторов риска развития хронических заболеваний, ранним выявлением и адекватным лечением выявленных болезней, развитием и повышением доступности высокотехнологичной медицины и пр.

Активизация и задействование всех резервов — важное условие дальнейшего роста продолжительности жизни россиян.

Список литературы

1. *Денисенко М. Б., Николаева У. Г.* Что происходит с сельским населением на ближнем севере России? (на материале Костромской области) // Социологические исследования. — 2015. — № 12. — С. 70–81.
2. *Калабихина И. Е.* Об учете здоровья и долголетия в концепции человеческого развития: гендерное измерение // Управление здравоохранением. — 2015. — Т. 1. — № 43. — С. 50–65.
3. Стабилизация численности населения России (возможности и направления демографической политики) / под ред. Г. Н. Кареловой, Л. Л. Рыбаковского. — М., 2001.
4. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/57425 (дата обращения: 07.08.2020).
5. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 204 «О национальных целях развития России до 2024 года». URL: http://kremlin.ru/acts/news/63728 (дата обращения: 07.08.2020).
6. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Официальный сайт. Москва. URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 15.02.2020; 07.08.2020).
7. *Шубат О. М.* Региональная конвергенция рождаемости в России // Экономика региона. — 2019. — Т. 15. — Вып. 3. — С. 736–748.
8. *Barro R., Sala-I-Martin X.* Convergence // Journal of Political Economy. — 1992. — Vol. 100. — Iss.2. — Pp. 223–251.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Denisenko M. B., Nikolaeva U. G.* Chto proishodit s sel'skim naseleniem na blizhnem severe Rossii? (na materiale Kostromskoj oblasti) // Sociologicheskie issledovanija. — 2015. — № 12. — S. 70–81.
2. Stabilizacija chislennosti naselenija Rossii (vozmozhnosti i napravlenija demograficheskoj politiki) / pod red. G. N. Karelovoj, L. L. Rybakovskogo. — M., 2001.
3. *Kalabihina I. E.* Ob uchete zdorov'ja i dolgoletija v koncepcii chelovecheskogo razvitija: gendernoe izmerenie // Upravlenie zdravoohraneniem. — 2015. — T. 1. — № 43. — S. 50–65.
4. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 07.05.2018 № 204 «O nacional'nyh celjah i strategicheskih zadachah razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda». URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/57425 (data obrashhenija: 07.08.2020).
5. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 21.07.2020 № 204 «O nacional'nyh celjah razvitija Rossii do 2024 goda». URL: http://kremlin.ru/acts/news/63728 (data obrashhenija: 07.08.2020).

6. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki (Rosstat): oficial'nyj sajt. Moskva. URL: https://rosstat.gov.ru (data obrashhenija: 15.02.2020; 07.08.2020).
7. *Shubat O. M.* Regional'naja konvergencija rozhdaemosti v Rossii // Jekonomika regiona. — 2019. — T. 15. — Vyp. 3. — S. 736–748.

ТИХОНОВА Галина Ильинична
д.б.н., зав. Лабораторией социально-гигиенических исследований ФГБНУ «НИИ МТ»,
Москва, Россия.
E-mail: gtikhonova@yandex.ru

БРЫЛЕВА Мария Сергеевна
младший научный сотрудник Лаборатории социально-гигиенических исследований ФГБНУ «НИИ МТ»,
Москва, Россия.
E-mail: lms_18@mail.ru

ЧУРАНОВА Анастасия Николаевна
к.б.н., старший научный сотрудник Лаборатории социально-гигиенических исследований ФГБНУ «НИИ МТ,
Москва, Россия.
E-mail: nastja_3006@mail.ru

ДЕФИЦИТ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ И СМЕРТНОСТЬ В ТРУДОСПОСОБНОМ ВОЗРАСТЕ

Ключевые слова: смертность, трудоспособный возраст, условия труда, уровень жизни.

Коды JEL: J11, J81, J30

В России в последние 15 лет последовательно увеличивалась ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) мужского и женского населения, однако она продолжает отставать по этому показателю не только от развитых, но и от большинства развивающихся стран мира [World Health Organization, 2020]. Низкие показатели ОПЖ в России связаны с сохраняющимися негативными тенденциями в смертности населения, особенно трудоспособного возраста. За период с начала экономических реформ (1990–2018 гг.) были отмечены и положительные изменения: существенно снизилась детская смертность в возрастах до 10 лет (в 3,0–3,5 раза у мальчиков и в 2,4–3,3 раза у девочек) и в возрастах старше трудоспособного — у мужчин снижение на 20–28%, а у женщин до 35% [Росстат, 2020]. Од-

нако динамика смертности населения трудоспособного возраста выглядит значительно хуже, за указанный период снижение было незначительным, а в некоторых возрастных группах смертность была выше, чем в 1990 г. В 2018 г. в возрасте 30–44 лет смертность у мужчин была выше на 3–6%, а у женщин на 17–37%. Таким образом, одной из основных демографических проблем России остается сверхсмертность населения трудоспособного возраста.

В Послании Президента Федеральному собранию 1 марта 2018 г. подчеркнуто, что «сокращение численности населения в трудоспособном возрасте может стать серьезным ограничением для экономического роста. Трудовых ресурсов просто нет. Необходимо ответить на эти вызовы».

Учитывая, что более 70% населения трудоспособного возраста составляют работающие, то среди факторов, обуславливающих здоровье данной возрастной группы, значительную роль играют условия труда. По данным Роспотребнадзора, в последние годы удельный вес промышленных предприятий с неудовлетворительными и крайне неудовлетворительными условиями труда составляет более 70% [О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия..., 2018, с.104]. Следует подчеркнуть, что во вредных и опасных условиях работают преимущественно мужчины.

Известно, что вредные и опасные условия труда являются фактором риска развития профессиональных заболеваний, а также способствуют росту заболеваемости и смертности от общих (непрофессиональных) болезней (злокачественные новообразования (ЗН) у работников канцерогенных производств, болезни системы кровообращения (БСК) у лиц нервно напряженного труда и сменного режима труда, заболевания печени и других органов у занятых на предприятиях химической отрасли и т.д.), но этиологически связанных с условиями труда, так называемых производственно обусловленных заболеваний (ПОЗ). Характерной чертой ПОЗ является их более частое возникновение в определенных профессиональных коллективах, развитие в более молодом возрасте и более тяжелое течение, следствием чего может быть смерть в более молодом возрасте по сравнению с остальным населением [Российская энциклопедия по медицине труда, 2005].

Негативное влияние на здоровье работников вредных производственных факторов подтверждено многочисленными когортными исследованиями российских и зарубежных авторов, где показано, что риски умереть от болезней, связанных с условиями труда, у работников многих профессий существенно выше по сравнению с населением того же возраста и пола [Головкова, 2004; Бардина, 1994; Чхаидзе, 1990; Субботин, 1994; Костюковская,1991; Тихонова, 2003].

Последствия воздействия вредных производственных факторов были выявлены не только на уровне отдельных профессиональных групп,

но и в промышленных городах (моногородах), где уровни смертности мужчин трудоспособного возраста были выше по сравнению с контролем от тех болезней, которые чаще развивались под воздействием вредных факторов производства и загрязненной этим же производством окружающей среды [Измеров, 2013; Тихонова, 2019].

Так, в исследовании смертности населения трудоспособного возраста в промышленных городах Мурманской области было установлено, что в г. Кандалакша с градообразующим предприятием по производству алюминия, для которого характерны повышенные концентрации бенз(а)пирена (канцероген 1-го класса опасности), тепловое излучение, неблагоприятный микроклимат, запыленность, повышенная тяжесть труда и др., коэффициенты смертности мужчин трудоспособного возраста были выше по сравнению со столицей региона (стандарт) от БСК — на 66,4%, от болезней органов дыхания — на 43,8%, от ЗН на 36,3% [Измеров, 2013]. В г. Кировске осуществляется добыча и переработка апатит-нефелиновых руд, и работники трудятся в условиях охлаждающего микроклимата, высокой относительной влажности и повышенной запыленности, их труд характеризуется высокой тяжестью, особенно в условиях шахт. Данное производство не является канцерогенным. Превышение смертности в г. Кировске по сравнению с тем же контрольным населением составляло от БСК на 18,0% и болезней органов дыхания на 25,9%. В отличие от г. Кандалакша за 6-летний период наблюдения в Кировске не было выявлено повышенного риска смерти от ЗН.

К настоящему времени в ФГБНУ НИИ МТ завершено эпидемиолого-гигиеническое исследование смертности мужского населения за период 2010–2017 гг. в двух промышленных моногородах Арктической зоны — Норильске (Красноярский край) и Мончегорске (Мурманская область), специализирующихся на медно-никелевом производстве [Тихонова, 2019]. Смертность в этих городах сопоставлялась со смертностью по России в целом.

Согласно классификации МАИР никель является канцерогеном 1-й группы опасности [IARC, 1990]. Помимо развития ЗН при воздействии соединений никеля, а также кобальта, хрома, меди и др. сопутствующих веществ, присутствующих при переработке медно-никелевой руды, органом-мишенью являются органы пищеварения [Серебряков, 2007]. Кроме того, практически все этапы производства никеля сопряжены с такими факторами, как повышенные пылевые нагрузки на этапах добычи и обогащения руды, нагревающий микроклимат в сочетании с тяжелым физическим трудом на металлургических предприятиях, что негативно влияет на сердечно-сосудистую систему и приводит к развитию БСК.

Анализ производственных и непроизводственных характеристик в изучаемых моногородах показал, что условия труда на предприятиях обоих

городов существенно не различались. Вместе с тем уровень загрязнения окружающей среды в силу бóльших объемов производства и климатогеографических особенностей в Норильске был многократно выше по сравнению с Мончегорском и входил в тройку самых грязных городов России.

Кроме того, были выявлены значительные различия при сопоставлении социально-экономических характеристик. В Норильске регистрировались более высокие показатели уровня жизни. Средняя заработная плата составляла в Норильске, Мончегорске и России соответственно 93 129 руб., 59 734 руб., 43 724 руб., уровень пенсионного обеспечения, соответственно 22 618 руб., 18 150 руб., 13 360 руб. Одновременно в Норильске наблюдалась более низкая доля лиц с доходами ниже прожиточного минимума (6,6, 10,8 и 12,9%), более низкий уровень безработицы (0,8, 2,2, 4,8%) и др. (данные за 2018 г.). Особенно Норильск выделялся по качеству и уровню доступности медико-профилактической помощи населению, в том числе отмечалась широкая доступность высокотехнологичных методов диагностики и лечения. В то же время в Мончегорске показатели уровня жизни и состояния системы здравоохранения были близки к среднероссийским.

Уровни смертности мужского населения трудоспособного возраста в Мончегорске были выше по сравнению с Россией, что при сходных социально-экономических характеристиках можно оценивать как негативное последствие производственной деятельности градообразующего предприятия, на котором занята большая часть мужского населения города (табл. 1).

Таблица 1

Стандартизованные по возрасту показатели смертности мужского населения трудоспособного возраста (15–59 лет) в г. Норильске, г. Мончегорске и России в среднем за 2010–2017 гг. на 100 тыс. населения соответствующего возраста и пола

	Норильск	Мончегорск	Россия
Все причины	829,9	929,8	821,8
БСК	232,2	390,8	262,2
ЗН	84,0	133,8	99,4
Болезни органов пищеварения	73,3	86,5	63,8

Это подтверждает превышение показателей смертности именно от тех классов причин, которые этиологически связаны с факторами производства и загрязненной окружающей среды.

В Норильске стандартизованные показатели смертности были ниже по сравнению с Мончегорском, а от классов БСК и ЗН даже ниже,

чем в России. Более низкие показатели смертности мужского населения г. Норильска, несмотря на выраженное неблагополучие окружающей среды, могут быть связаны с высоким уровнем экономического благосостояния территории как следствия финансовой эффективности «Норильского никеля», вкладывающего значительные средства в инфраструктуру города, социальную политику, образование, здравоохранение, что обеспечивает широкий доступ населения к современным методам диагностики, лечения и профилактики заболеваний, включая высокотехнологичную медицинскую помощь.

Отдельно следует отметить, что смертность от ЗН в Норильске была ниже именно в трудоспособном возрасте, в то время как в посттрудоспособном возрасте (60+) смертность от данного класса причин была выше (1299,8, 1204,6 и 1134,1 на 100 тыс. мужского населения старше 60 лет в Норильске, Мончегорске и России соответственно). Данный факт не исключает негативного влияния канцерогенного производства, а лишь указывает на положительную роль социально-экономических факторов. Более высокий уровень жизни и высокое качество медико-профилактической помощи позволяют использовать самые современные методы диагностики и лечения. Выявление заболеваний на ранней стадии, применение при лечении малоинвазивных операций, современных и эффективных методов химио- и лучевой терапии и др. препятствуют реализации канцерогенных эффектов и их переносу на более поздний возраст.

Эффект компенсирующего влияния более высокого уровня жизни в городах с одним и тем же вредным производством был оценен как число потенциально предотвратимых смертей. Если бы в г. Мончегорске коэффициенты смертности мужчин в трудоспособном возрасте были такими же, как в Норильске, то суммарно за 8 лет от трех причин смерти (БСК, ЗН и болезни органов пищеварения), имеющих причинную связь с профессиональными факторами, можно было бы предотвратить 266 смертей из 1177 произошедших в реальной жизни, т.е. почти четверть (22,6%) от фактического числа умерших мужчин трудоспособного возраста могли бы остаться живыми.

Таким образом, сохранению здоровья населения и снижению смертности в трудоспособном возрасте наряду с улучшением условий труда в значительной степени способствует повышение уровня социально-экономического благосостояния населения и качества и доступности медицинской помощи.

Высокий уровень жизни неотделим от параметров, характеризующих достойный труд как основу благосостояния человека и развития страны. Согласно концепции достойного труда, разработанной и активно продвигаемой Международной организацией труда, достойный труд определяется не только безопасными условиями труда, но и как труд, который

приносит адекватный доход и при этом оставляет время для других сторон жизни, предоставляет надежность семье, уважает права человека. Достойный труд — это путь, соединяющий экономические и социальные цели [Международная организация труда, 2011].

Сравнение уровня заработной платы в России и ряде развитых стран показало значительное отставание России [Россия и страны — члены Европейского союза, 2019]. В 2017 г. в России среднемесячная номинальная начисленная зарплата составляла 39,2 тыс. руб. и была ниже (в пересчете национальной валюты на рубли) по сравнению с Норвегией в 9,0 раз (страна с развитой добывающей отраслью) (данные за 2018 г.), с Германией — в 5,5 раза, с Канадой — в 4,5 раза (данные за 2018 г.) и др. Различия наблюдались и по сравнению со странами бывшего соцлагеря и СССР — Словенией (в 3,3 раза), Эстонией (2,1 раза), Литвой (в 1,4 раза), Румынией (в 1,2 раза) и т.д. (рассчитано по: [Россия и страны — члены Европейского союза, 2019; Statistics Norway, 2020; Statistics Canada, 2020]).

По данным ООН в среднем за 2015–2020 гг. [United Nations, 2019] вероятность умереть для мужчин в интервале возраста от 15 до 59 лет составила в Норвегии 7,0%, Канаде 7,6%, Германии — 9,4%, Словении 9,0%, Эстонии 15,3%, Румынии 17,4% и Литве 23,9% [United Nations, 2019]. По данным Росстата, в России усредненный за 4 года (2015–2018 гг.) аналогичный показатель был выше и составил 29,0% [Росстат, 2020].

В России в среднем за 2015–2018 гг. ежегодно умирал 340 051 мужчина трудоспособного возраста (за 4 года 340,1 тыс. * 4 = 1360,4 тыс.) (рассчитано по: [Росстат, 2020]). Снижение смертности в России до уровня Румынии и Литвы позволило бы сохранить за 4 года соответственно 544,1 тыс. и 239,2 тыс. жизней мужчин трудоспособного возраста.

Если бы смертность была такой же, как в Германии, Канаде или Норвегии, то были бы сохранены жизни около миллиона мужчин трудоспособного возраста (соответственно 919,3 тыс., 1003,7 тыс., 1031,9 тыс.).

Таким образом, среди факторов, влияющих на уровни смертности населения трудоспособного возраста, значительная роль принадлежит условиям труда. Однако полное исключение из производственной среды опасных и вредных для здоровья профессиональных факторов невозможно. Опыт развитых и развивающихся стран, а также отдельных промышленных городов России показывает, что наряду с улучшением условий труда и оздоровлением экологической обстановки, эффективным механизмом снижения смертности в трудоспособном возрасте и увеличения численности трудовых ресурсов является улучшение качества жизни, повышение уровня зарплаты и развертывание социальных программ, направленных на сохранение здоровья населения. При этом следует констатировать, что в России с этой точки зрения складывается крайне неблагоприятная ситуация. На предприятиях страны сохраняется большое количество рабочих мест с вредными и опасными условиями труда, что в совокупности

с низким уровнем жизни и оплаты труда работников является причиной сверхсмертности мужского населения трудоспособного возраста.

Список литературы

1. *Бардина О. С., Лебедева Н. В., Гурвич Е. Б.* Влияние условий труда свинцовых производств на уровни смертности работающих // Медицина труда и промышленная экология. — 1994. — № 5–6. — С. 8–12.
2. *Головкова Н. П., Яковлева Т. П., Михайлова Н. С., Тихонова Г. И.* Отдаленные последствия влияния нагревающего микроклимата различной интенсивности на здоровье металлургов // Бюллетень Научного совета «Медико-экологические проблемы работающих». — 2004. — № 3. — С. 58–60.
3. *Измеров Н. Ф., Тихонова Г. И., Горчакова Т. Ю.* Условия труда и смертность мужчин трудоспособного возраста в России (на примере Мурманской области) // Вестник РАМН. 2013. — № 9. — С. 32–36
4. *Костюковская А. В., Лебедева Н. В., Сливко-Кольчик С. В.* Смертность работающих в шинной промышленности // Гигиена труда и проф. заболевания. — 1991. — № 11. — С. 3–6.
5. Международная организация труда: конвенции, документы, материалы: справочное пособие. — М.: Дело и Сервис, 2011.
6. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2018 году: Государственный доклад. — М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2019.
7. Россия и страны — члены Европейского союза. 2019: стат. сб. / Росстат. — М., 2019.
8. Российская энциклопедия по медицине труда / Российская акад. мед. наук; гл. ред. Н. Ф. Измеров. — М.: Медицина, 2005.
9. *Серебряков П. В.* Роль никельсодержащих аэрозолей в формировании злокачественных новообразований желудочно-кишечного тракта // Российский журнал гастроэнтерологии, гепатологии, колопроктологии. 2007. — Т. 17. — № 3. — С. 78–84.
10. *Субботин В. В.* Изучение смертности промышленных рабочих Кадамджайского района Ошской области // Окружающая среда и здоровье человека: сб. трудов. — Бишкек: НИИ профилактики и медицинской экологии, 1994. — Т. 11. — С. 198–204.
11. *Тихонова Г. И., Брылева М. С., Горчакова Т. Ю.* Особенности смертности мужского населения моногорода, являющегося промышленным центром цветной металлургии // Медицина труда и промышленная экология. — 2019. — Т. 59. — № 9. — С. 772.
12. *Тихонова Г. И., Брылева М. С.* Роль системы здравоохранения в снижении демографических потерь // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. — 2019. — № S5. — С. 172–173.
13. *Тихонова Г. И.* Эпидемиологическая оценка риска развития патологии при производственном воздействии электромагнитных полей радиочастотного диапазона // Радиационная биология. Радиоэкология. — 2003. — Т. 43. — № 5. — С. 559–564.

14. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Официальный сайт. Москва. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/10705 (дата обращения 18.05.2020).
15. *Чхаидзе Н. Н.* Уровни и причины смертности мужчин, работавших на рудниках П/О «Чиатурмарганец» (по когорте в целом) // Труд и здоровье рабочих производства марганца и шелка: сб. научн. тр. — Тбилиси: НИИ МЗ ГССР, 1990. — С. 42–44.
16. IARC Monographs on the Evaluation of Carcinogenic Risks to Humans. Chromium, Nickel and Welding. Vol. 49: IARC Lyon, France, 1990.
17. Statistics Canada. Официальный сайт. URL: https://www150.statcan.gc.ca/t1/tbl1/en/tv.action?pid=1410032501 (дата обращения: 06.08.2020г.)
18. Statistics Norway. Официальный сайт. Oslo. URL: https://www.sb.no/en/arbeid-og-lonn/statistikker/lonnansatt (дата обращения: 06.08.2020).
19. World Health Organization. Официальный сайт. Geneva. URL: https://www.who.int/uat-portal/publications/world-health-statistics/ (Дата обращения: 13.07.2020).
20. United Nations. Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Population Prospects: The 2019 Revision. Официальный сайт. URL: pttps://esa.un.org/unpd/wpp/Download/Standard/Mortality/ (дата обращения: 06.06.2020).

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Bardina O. S., Lebedeva N. V., Gurvich E. B.* Vlijanie uslovij truda svincovyh proizvodstv na urovni smertnosti rabotajushhih // Medicina truda i promyshlennaja Jekologija. — 1994. — № 5–6. — S. 8–12.
2. *Golovkova N. P., Jakovleva T. P., Mihajlova N. S., Tihonova G. I.* Otdalennye posledstvija vlijanija nagrevajushhego mikroklimata razlichnoj intensivnosti na zdorov'e metallurgov // Bjulleten' Nauchnogo soveta "Mediko-jekologicheskie problemy rabotajushhih". — 2004. — № 3. — S. 58–60.
3. *Izmerov N. F., Tihonova G. I., Gorchakova T. Ju.* Uslovija truda i smertnost' muzhchin trudosposobnogo vozrasta v Rossii (na primere Murmanskoj oblasti) // Vestnik RAMN. — 2013. — № 9. — S. 32–36.
4. *Kostjukovskaja A. V., Lebedeva N. V., Slivko-Kol'chik S. V.* Smertnost' rabotajushhih v shinnoj promyshlennosti // Gigiena truda i prof. zabolevanija. — 1991. — № 11. — S. 3–6.
5. Mezhdunarodnaja organizacija truda: konvencii, dokumenty, materialy: spravochnoe posobie. — M.: Delo i Servis, 2011.
6. O sostojanii sanitarno-jepidemiologicheskogo blagopoluchija naselenija v Rossijskoj Federacii v 2018 godu: Gosudarstvennyj doklad. — M.: Federal'naja sluzhba po nadzoru v sfere zashhity prav potrebitelej i blagopoluchija cheloveka, 2019.
7. Rossija i strany — chleny Evropejskogo sojuza. 2019: stat. sb. / Rosstat. — M., 2019.
8. Rossijskaja jenciklopedija po medicine truda / Rossijskaja akad. med. nauk; gl. red. N. F. Izmerov. — M.: Medicina, 2005.
9. *Serebrjakov P. V.* Rol' nikel'soderzhashhih ajerozolej v formirovanii zlokachestvennyh novoobrazovanij zheludochno-kishechnogo trakta // Rossijskij zhurnal gastroenterologii, gepatologii, koloproktologii. — 2007. — T. 17. — № 3. — S. 78–84.

10. *Subbotin V. V.* Izuchenie smertnosti promyshlennyh rabochih Kadamdzhaj¬skogo rajona Oshskoj oblasti // Okruzhajushhaja sreda i zdorov'e cheloveka: sb.trudov. — Bishkek: NII profilaktiki i medicinskoj jekologii. — 1994. — T. 11. — S. 198–204.
11. *Tihonova G. I., Bryljova M. S., Gorchakova T. Ju.* Osobennosti smertnosti muzhskogo naselenija monogoroda, javljajushhegosja promyshlennym centrom cvetnoj metallurgii // Medicina truda i promyshlennaja jekologija. — 2019. — T. 59. — № 9. — S. 772.
12. *Tihonova G. I., Bryljova M. S.* Rol' sistemy zdravoohranenija v snizhenii demograficheskih poter' //Sovremennye problemy zdravoohranenija i medicinskoj statistiki. — 2019. — № S5. — S. 172–173.
13. *Tihonova G. I.* Jepidemiologicheskaja ocenka riska razvitija patologii pri proizvodstvennom vozdejstvii jelektromagnitnyh polej radiochastotnogo diapazona // Radiacionnaja biologija. Radiojekologija. — 2003. — T. 43. — № 5. — S. 559–564.
14. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki (Rosstat): oficial'nyj sajt. Moskva. URL: https: http: https://rosstat.gov.ru/folder/10705 (data obrashhenija: 18.05.2020).
15. *Chhaidze N. N.* Urovni i prichiny smertnosti muzhchin, rabotavshih na rudnikah P/O «Chiaturmarganec» (po kogorte v celom) // Trud i zdorov'e rabochih proizvodstva marganca i shelka: sb. nauchn. tr. — Tbilisi: NII MZ GSSR, 1990. — S. 42–44.

ХАЛЯВКИН Александр Викторович
к.б.н., старший научный сотрудник,
Институт биохимической физики им. Н. М. Эмануэля РАН,
Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление»
Российской академии наук, Геронтологическое общество при РАН,
Москва, Россия.
E-mail: antisenesc@mail.ru

ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ СМЕРТНОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТЬ ДЕКЛАРИРОВАННЫХ РЕКОРДОВ ДОЛГОЛЕТИЯ

Ключевые слова: статистика смертности, оценка достоверности сверхдолголетия, закон Гомперца, корреляция Стрелера—Милдвана.

Код JEL: J14

Введение

На IX Валентеевских чтениях было продемонстрировано то, каким образом закономерности статистики смертности смогли помочь в прояснении первопричины старения [Халявкин, 2017]. Для геронтологов эта причина оставалась загадочной, несмотря на огромное число гипотез, выдвинутых для ее объяснения. А наличие внутритканевых стволовых клеток,

потенциально способных до глубокой старости обновлять все органы и ткани, поставило вопрос — почему этого не происходит.

Применение сравнительного анализа возрастной динамики демографических показателей смертности в разных странах или в одной стране в историческом аспекте оказалось достаточным для выявления первопричины старения. Ведь старение должно неизбежно возникать в любой, даже динамически устойчивой (нестареющей) системе, функционирующей вне зоны устойчивости. Поскольку скорость старения связана с расстоянием от границ зоны устойчивости, эта скорость оказывается различной у популяций, жизнедеятельность которых протекает в разных условиях. Различия в усредненной скорости старения отражаются в демографической статистике этих стран и обобщаются в виде корреляции Стрелера–Милдвана [Strehler, Mildvan, 1960] между параметрами закона Гомперца [Gompertz, 1825]. Этот закон является идеализированной закономерностью статистики смертности. Он заключается в экспоненциальном росте силы смертности с возрастом и справедлив даже для популяции потенциально нестареющих гидр, которые вынуждены стареть в неадекватных условиях существования.

Корреляция Стрелера—Милдвана была впервые построена на обобщении демографической статистики 69 стран середины прошлого века, население которых, естественно, находилось в различных климатических, социально-экономических и иных условиях [Strehler, Mildvan, 1960]. С тех пор она была неоднократно подтверждена. В том числе и на других видах. Одна из интерпретаций этой корреляции однозначно связывает появление старения с выходом за границы зоны устойчивой жизнедеятельности организмов. Кроме того, корреляция указывает на варьируемость темпа старения в достаточно широких пределах. А это может приводить к расхождению между паспортным и биологическим возрастом индивида и служить объяснением того факта, что *одинаково низкого уровня сопротивляемости организма, несовместимого с жизнью, разные индивиды достигают в существенно различающихся возрастах*.

В данной публикации будут показаны результаты анализа демографической статистики для прояснения другого «темного места» геронтологии. Это спорность оценок возможности или невозможности декларированных случаев сверхдолголетия. То есть дожития до возрастов, значительно (на десятки лет) превышающих условный видовой возраст человека — 100 лет.

Цивилизационное снижение вероятности сверхдолгожительства — парадокс Гумбеля

Парадоксом Гумбеля можно назвать наблюдаемое в ходе цивилизации снижение вероятности отдельных случаев исключительного долголетия

на фоне роста средних сроков жизни [Гумбель, 1965; Комфорт, 1967]. Это достаточно контринтуитивное следствие более быстрого исчерпания резервных возможностей из-за ускоренной дезадаптации организма в комфортных условиях. И это следствие полностью согласуется с демографическими данными.

Казалось бы, вывод о том, что повышение жизненного уровня, сопровождающее прогресс цивилизации, приводит к ускорению старения, находится в явном противоречии с увеличением средней продолжительности жизни, наблюдаемым в экономически развитых странах. Действительно, если увеличение уровня жизни повлечет за собой ускоренное истощение резервных возможностей организма человека, то оно должно сказаться на более быстром повышении силы смертности в популяции с возрастом. Это, в свою очередь, приведет к уменьшению, а не к увеличению средней продолжительности жизни. Однако противоречие здесь кажущееся. Повышение жизненного уровня сопровождается не только ускорением возрастного увеличения силы смертности, но и снижением ее исходного значения [Стрелер, 1964; Strehler, Mildvan, 1960]. Именно из-за такого снижения увеличилась средняя продолжительность жизни в развитых странах. Однако из-за ускоренного возрастного повышения силы смертности до очень преклонных лет в этих странах должна доживать все меньшая доля людей. Подобная тенденция известна уже с XVIII в. и, по мнению А. Комфорта [Комфорт, 1967], *есть основания связывать необычно большую продолжительность жизни отдельных индивидов с низким, а не с очень высоким уровнем жизни*.

Например, по данным Б. Я. Смулевича [Рубакин, 1962], в штате Массачусетс в 1789 г. средняя продолжительность жизни новорожденных была 35,4 года, а к 1929 г. она возросла до 59,7 года. Средняя продолжительность жизни для 60-летнего возраста за это время снизилась с 15,5 до 14,7 года. Таким образом, пишет А. Н. Рубакин, приводя эти данные, «в одном из самых промышленных штатов США количество лет, которое человек в возрасте 60 лет может еще рассчитывать прожить, за 140 лет не только не увеличилось, но даже уменьшилось» [Рубакин, 1962, с. 9]. Известно и снижение коэффициента дожития пожилых людей во Франции: за период между 1805 и 1955 гг. средняя продолжительность жизни 80-летних мужчин сократилась с 6,7 до 5,0 лет, а женщин — с 6,8 до 5,9 года [Россет, 1981].

Эта же закономерность наблюдалась и в России [Мерков, Поляков, 1974; Урланис, 1978]. Несмотря на то что ожидаемая продолжительность жизни новорожденных в России к 1970–1971 гг. выросла почти в два раза по сравнению с таковой в 1896–1897 гг., ожидаемые продолжительности жизни в возрасте 80 лет у них сравнялись. А к 100 годам средняя продолжительность предстоящей жизни для периода 1970–1971 гг. сократилась

более чем в два раза по сравнению с периодом 1896–1897 гг. [Мерков, Поляков, 1974; Урланис, 1978]. По расчетам Б. Ц. Урланиса, вероятность дожить до 100 лет для родившихся в России в 1869 г., сократилась в 3 раза в сравнении с поколением, родившимся в 1796 г. [Урланис, 1978].

Особенности кинетики выживания особей и статистики их смертности позволяют понять, почему при достаточно большой величине популяций или достаточно длительном периоде наблюдения, чем ниже средняя продолжительности жизни, тем больше шансов стать сверхдолгожителем, т.е. достичь возрастов, существенно превышающих столетний возраст. Сравнение кривых дожития в странах с разным уровнем жизни показывает, что в более развитой стране до пожилого возраста доживает больше людей, чем в менее развитой. Однако из-за того, что темп вымирания пожилых в первом случае оказывается выше, то в еще более позднем возрасте кривые дожития пересекутся. Из этого следует, что жители страны с более высоким уровнем жизни имеют меньше шансов стать сверхдолгожителями, как это показано на примере экономически развитой Швеции и отсталой Доминиканской Республики, кривые дожития которых, построенные для 2015 г., пересекаются в возрасте 94 года. Данные взяты из «WHO Global Health Observatory data repository. Life Tables» [WHO,2020].

Производные кривой выживания — плотность распределения продолжительности жизни и сила смертности — аналогичным образом иллюстрируют эту закономерность. Например, сравнение возрастного увеличения силы смертности в тех же Швеции и Доминиканской Республике показало, что до возраста 81 года сила смертности в Швеции всегда ниже. Но из-за более быстрого увеличения ее с возрастом оказывается, что после 81 года жизни сила смертности в Швеции всегда выше, чем в Доминиканской Республике [WHO,2020]. Это тоже говорит о том, что шансов на сверхдолголетие у престарелых шведов меньше, чем у престарелых жителей Доминиканской Республики.

Аналогичным образом, сравнение афроамериканского и белого населения США показало, что до возраста 75 лет сила смертности афроамериканцев всегда выше. Но из-за более медленного ее возрастного увеличения к 75 годам кривые пересекаются и в дальнейшем сила смертности афроамериканцев всегда ниже, чем у белого населения [Manton et al., 1979]. И это дает пожилым афроамериканцам, чья удивительная природная жизнеспособность отмечена в литературе (например, [Урланис, 1978]), больше шансов стать сверхдолгожителями, чем представителям белого населения США.

Схожие результаты получены при сопоставлении средней продолжительности предстоящей жизни 60-летних мексиканцев и костариканцев с их социоэкономическим статусом, которые оказались в обратной зависимости друг от друга [Rosero-Bixby, 2018].

Сравнение плотности распределения продолжительности жизни в различных популяциях показывает, что почти всегда большая модальная продолжительность жизни (возраст наибольшего количества смертей в год) сочетается с меньшей величиной дисперсии продолжительности жизни [Гумбель, 1965; Комфорт, 1967; Стрелер, 1964]. Поэтому при достаточно больших размерах популяции или достаточно длительном периоде наблюдений рекорды долголетия будут зафиксированы в популяциях с меньшей модальной и средней продолжительностью жизни. Поскольку, как пишет Э. Гумбель, в этом случае среднее наибольшее значение в выборке из генеральной совокупности с меньшим средним превысит среднее наибольшее значение в выборке из генеральной совокупности с большим средним. И, по его мнению, *именно это может явиться основанием для объяснения того, почему люди из так называемых нецивилизованных народов достигают иногда удивительно большого возраста* [Гумбель, 1965].

Оценка экстремальной продолжительности жизни человека

Знание динамики роста одного из демографических показателей, возрастного коэффициента смертности, дает возможность довольно точно рассчитать такие статистически устойчивые параметры когорты ровесников, как средняя продолжительность жизни ее членов и возраст, на который приходится максимальное количество смертей в год (модальный возраст). Однако знание этой динамики не позволяет предсказать возраст дожития последнего индивида. И не только потому, что он зависит от размера когорты, но и главным образом потому, что этот экстремальный возраст является статистически неустойчивой величиной. Именно поэтому его невозможно оценить заранее. А декларируемые отдельные случаи сверхдолголетия вызывают у исследователей вполне понятный скепсис ввиду сложностей с верификацией заявленного возраста. Тем более что даже официально признанный мировой рекорд долголетия — 122 года, принадлежащий француженке Жанне Кальман (1875–1997), недавно был аргументированно поставлен под сомнение [Zak, 2019]. Использование же такой закономерности, как корреляция Стрелера—Милдвана между параметрами демографической статистики повозрастной смертности (аппроксимируемой законом Гомперца), позволило оценить достоверность принципиальной возможности отдельных случаев сверхдолголетия.

Если условно принять за экстремальную продолжительность жизни ($T_{экстр}$) возраст, при котором ожидаемая продолжительность предстоящей жизни доживших до этого возраста членов когорты снизится до одного года, то это означает, что сила смертности в этом возрасте должна достичь величины в 1 год$^{-1}$. В гомперцевском приближении [Gompertz, 1825] возрастная зависимость сила смертности выглядит как:

$$\mu(t) = R_0 e^{\alpha t},$$

где $\mu(t)$ — сила смертности в возрасте t, R_0 — экстраполяционная сила смертности при $t = 0$, а α — кинетический параметр или константа скорости нарастания силы смертности, характеризующая темп старения. Тогда из условия $\mu(T_{экстр}) = 1$ следует, что формулой зависимости экстремальной продолжительности жизни от параметров закона Гомперца будет:

$$T_{экстр}(\alpha, R_0) = \frac{1}{\alpha} \ln \frac{1}{R_0}.$$

Поскольку показано, что величины α и R_0 бывают связаны между собой корреляцией Стрелера-Милдвана по формуле $\ln R_0 = \ln \mu_0 - \alpha T$ [Strehler, Mildvan, 1960], где μ_0 и T — параметры этой корреляции, то в этом приближении экстремальная продолжительность жизни стала зависеть только от одного параметра закона Гомперца, от темпа старения α:

$$T_{экстр}(\alpha) = T + \frac{1}{\alpha} \ln \frac{1}{\mu_0}.$$

Численные значения параметров корреляции известны. Это $T = 68{,}5$ года и $\mu_0 = 0{,}05$ год$^{-1}$ [Strehler, Mildvan, 1960]. Значит, $\ln \frac{1}{\mu_0} \approx 3$, и тогда экстремальные сроки жизни в разных странах можно оценить по упрощенной формуле $T_{экстр}(\alpha) \approx 70 + \frac{3}{\alpha}$ лет, где α — это кинетический параметр (демографический темп старения). Чем он больше, тем меньше экстремальный возраст, до которого могут дожить отдельные индивиды.

В экономически развитых странах этот параметр бывает порядка 0,1 год$^{-1}$. Значит, их расчетный экстремальный возраст будет около 100 лет, что не противоречит нашим представлениям. Тогда как для стран с демографическими значениями параметра α в диапазоне от 0,03 год$^{-1}$ [Gompertz, 1825] до 0,05 год$^{-1}$ [Strehler, Mildvan, 1960], рекордные сроки, до которых теоретически возможно было дожить их отдельным индивидам, находились бы в пределах 130–170 лет. При этом следует учесть следующие соображения: 1) параметр α для всех стран вычислялся по демографическим показателям диапазона средних возрастов, когда статистика смертности достаточно надежна; 2) упрощенная формула $T_{экстр}(\alpha) \approx 70 + \frac{3}{\alpha}$ дает заниженный результат; 3) в ходе цивилизации параметр α имеет тенденцию к росту, приводя к падению вероятности сверхдолголетия на фоне увеличения средних сроков жизни. Что наблюдается в действительности и вызывает недоверие у некритически мыслящих исследователей относительно случаев долгожительства прошлых эпох или в отсталых регионах мира и признающих рекорды долголетия только в экономически разви-

тых странах. Однако как раз в них случаи сверхдолголетия практически невозможны в силу всего сказанного выше.

Интересно, что схожие результаты были получены при исследовании дожития обширной когорты, состоящей из более 1,2 млн средиземноморских мух [Carey et al., 1992], поскольку день мухи примерно соответствует году жизни человека. Оказалось, что, несмотря на кажущийся предел продолжительности жизни для данной когорты мух в 60 дней, 10 мух дожили до 148 дней, а последние погибли в возрасте 172 дней. Что примерно соответствует 170 годам жизни для человека.

Кроме того, на модельных организмах (круглых червях *C. elegans*) за счет гипоморфной мутации в одном из регуляторных генов удалось искусственным путем отменить обратную зависимость между начальным уровнем силы смертности R_0 и темпом старения α. Оба эти параметра у мутантов оказались одновременно малы. Поэтому продолжительность их жизни увеличилась в 10 раз [Ayyadevara et al., 2008].

Заключение

Так как с повышением уровня жизни отмечена тенденция увеличения параметра α, становится понятным наблюдаемое снижение величины $T_{экстр}$, происходящее при увеличении средней продолжительности жизни главным образом за счет параллельного уменьшения стартовой силы смертности (параметра R_0). Кроме того, нет никаких оснований считать величины 0,03 год$^{-1}$ ÷ 0,05^{-1}, минимально возможными значениями α, а 130 ÷ 170 лет максимально достижимыми экстремальными возрастами, до которых могут дожить отдельные индивиды. Ведь демографическая статистика, пригодная для анализа, ведется всего только около двух с половиной веков и свидетельствует об устойчивом тренде роста параметра α в ходе цивилизации. А история человечества насчитывает несколько тысячелетий.

Таким образом, предварительные расчеты, основанные на закономерностях статистики смертности людей и демографических данных, показывают, что не следует категорично отрицать возможность достижения отдельными индивидами возраста, существенно превышающего 100 лет.

Дополнительную информацию по теме можно почерпнуть в [Халявкин, 1998; Халявкин, 2017; Khalyavkin, Krut'ko, 2018] и из некоторых других публикаций автора, представленных на научном портале Research Gate (https://www.researchgate.net/profile/Alexander_Khalyavkin/publications).

Список литературы

1. *Гумбель Э.* Статистика экстремальных значений / пер. с англ. — М.: Мир, 1965.
2. *Комфорт А.* Биология старения / пер. с англ. — М.: Мир, 1967.

3. *Мерков А. М., Поляков Л. Е.* Санитарная статистика. — Л.: Медицина, 1974.
4. *Россет Э.* Продолжительность человеческой жизни / пер. с польск. — М.: Прогресс, 1981.
5. *Рубакин А. Н.* Долголетие как государственная проблема в СССР // Проблемы долголетия. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — С. 5–15.
6. *Стрелер Б.* Время, клетки и старение / пер. с англ. — М.: Мир, 1964.
7. *Урланис Б. Ц.* Эволюция продолжительности жизни. — М.: Статистика, 1978.
8. *Халявкин А. В.* Взаимодействие «организм-среда» и причины старения // Успехи геронтологии. — 1998. — Вып. 2. — С. 43–48.
9. *Халявкин А. В.* Демография — геронтологии. Как закономерности статистики смертности помогли прояснить первопричину старения // Демографическое образование и изучение народонаселения в университетах (Девятые Валентеевские чтения): сборник статей и тезисов выступлений. — М.: МГУ, 2017. — С. 371–378.
10. *Ayyadevara S., Allen R., Thaden J. J., Shmookler-Reis R. J.* Remarkable longevity and stress resistance of nematode PI3K-null mutants // Aging Cell. — 2008. — Vol. 7. — № 1. — P. 13–22.
11. *Carey J. R., Liedo P., Orozco D., Vaupel J. W.* Slowing of mortality rates at older ages in large medfly cohorts // Science, 1992. — Vol. 258. — № 5081. — P. 457–461.
12. *Gompertz B.* On the nature of the function expressive of the law of human mortality, and on a new mode of determining the value of life contingencies // Phil. Trans. Roy. Soc. — 1825, — Vol. 115. — P. 513–585.
13. *Khalyavkin A. V., Krut'ko V. N.* How regularities of mortality statistics explain why we age despite having potentially ageless somatic stem cells // Biogerontology. — 2018. — Vol. 19. — № 1. — P. 101–108.
14. *Manton K. G., Poss S. S., Wing S.* The black/white mortality crossover: Investigation from the perspective of the components of aging // Gerontologist. — 1979. — Vol. 19. — № 3. — P. 291–300.
15. *Rosero-Bixby L.* High life expectancy and reversed socioeconomic gradients of elderly people in Mexico and Costa Rica // Demographic Res. — 2018. — Vol. 38. — № 3. — P. 95–108.
16. *Strehler B. L., Mildvan A. S.* General theory of mortality and aging // Science. — 1960. — Vol. 132. — № 3418. — P. 14–21.
17. World health Organization (WHO) // Global Health Observatory Data Repository. URL: http://apps.who.int/gho/data/node.main.687?lang=en
18. *Zak N.* Evidence that Jeanne Calment died in 1934 — not 1997 // Rejuvenation Res. — 2019. — Vol. 22. — № 1. — P. 3–12.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Gumbel' Je.* Statistika jekstremal'nyh znachenij / per. s angl. — M.: Mir, 1965.
2. *Komfort A.* Biologija starenija / per. s angl. — M.: Mir, 1967.
3. *Merkov A. M., Poljakov L. E.* Sanitarnaja statistika. — L.: Medicina, 1974.
4. *Rosset Je.* Prodolzhitel'nost' chelovecheskoj zhizni / per. s pol'sk. — M.: Progress, 1981.

5. *Rubakin A. N.* Dolgoletie kak gosudarstvennaja problema v SSSR // Problemy dolgoletija. — M.: Izd-vo AN SSSR, 1962. — S. 5–15.
6. *Streler B.* Vremja, kletki i starenie / per. s angl. — M.: Mir, 1964.
7. *Urlanis B. C.* Jevoljucija prodolzhitel'nosti zhizni. — M.: Statistika, 1978.
8. *Haljavkin A. V.* Vzaimodejstvie «organizm-sreda» i prichiny starenija // Uspehi gerontologii. — 1998. — Vyp. 2. — S. 43–48.
9. *Haljavkin A. V.* Demografija — gerontologii. Kak zakonomernosti statistiki smertnosti pomogli projasnit' pervoprichinu starenija // Demograficheskoe obrazovanie i izuchenie narodonaselenija v universitetah (Devjatye Valenteevskie chtenija): sbornik statej i tezisov vystuplenij. — M.: MGU, 2017. — S. 371–378.

ЧУБАРОВА Татьяна Владимировна
д.э.н., зав. центром экономической теории социального сектора,
Институт экономики РАН,
Москва, Россия.
E-mail: t_chubarova@mail.ru

ПОТЕНЦИАЛ ЗДОРОВЬЯ РАБОТАЮЩИХ КАК ОБЛАСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РАБОТОДАТЕЛЕЙ

Ключевые слова: социальная ответственность работодателей (СОР), здоровье работающего населения, социальное государство, пандемия COVID-19.

Коды JEL: I15, J32

Состояние здоровья работающего населения является одним из важнейших элементов человеческого потенциала современной экономики, что ведет к усилению внимания к социальным факторам производства. Растет понимание того, что человек является не только целью, но и ресурсом, и условием социально-экономического развития. Происходящие в экономике структурные изменения повышают требования к качеству рабочей силы, требуют от работников новых качеств, квалификации и навыков, отсюда — необходимость нового отношения к удовлетворению их социальных потребностей.

Взаимосвязь здоровья и экономики проявляется по ряду направлений, в том числе через повышение производительности труда. Потери от невыхода на работу значительны, а длительное заболевание снижает вероятность возвращения человека на рынок труда. В настоящее время в России острота вопроса об эффективном обеспечении охраны здоровья работающих определяется высокой заболеваемостью и смертностью на-

селения в трудоспособном возрасте. При этом тесная связь между состоянием здоровья работающих и условиями их труда подразумевает участие работодателей в охране и укреплении здоровья работников.

В докладе рассматривается роль работодателей в финансировании и предоставлении медицинских услуг работающим, формы организации медицинского обслуживания, включая развитие служб здравоохранения по месту работы (СОЗ) и развитие системы добровольного медицинского страхования. В основе доклада лежит категория социальной ответственности работодателей (СОР), которая подразумевает стратегические и организационные меры, предпринимаемые работодателями для удовлетворения социальных потребностей работников, и связанные с этим материальные затраты. При этом СОР рассматривает социальные программы по месту работы не просто как инициативы индивидуальных работодателей, а как часть социальной политики современного социального государства [Чубарова, 2013].

Осознание предпринимателями важности хорошего состояния здоровья работников для осуществления эффективного производства определило тенденцию к созданию на предприятиях специальных медицинских служб. В отличие от использования страховой схемы работодатель в этом случае получает гораздо больше возможностей для контроля за соответствующими расходами. Главное преимущество таких служб состоит в том, что они создают возможность более полного учета влияния производственной среды на здоровье работника. В последнее время популярность служб охраны здоровья по месту работы возрастает. Первоначально основная их функция состояла в профилактике прежде всего травматизма и профзаболеваний, улучшении условий труда. Однако сегодня в развитых странах они все чаще предоставляют работникам первичную медицинскую помощь и рассматриваются как одна из эффективных форм медицинского обслуживания, развитие которой способно уменьшить расходы общества на здравоохранение.

На здоровье людей воздействует целый ряд социальных и экономических факторов, среди которых условия и содержание работы имеют особое значение. Профессиональные риски сегодня включают помимо болезней и травм содержание работы, степень контроля работника за трудовым процессом и своими действиями, сверхурочные, отношения в трудовом коллективе, культуру организации. В результате в развитых странах стали создаваться программы, направленные на поддержание общего уровня психического и физического здоровья работающих на всех стадиях жизни в организации, получившие название «продвижение здоровья на работе» *(workplace health promotion*) [Odeen et al., 2012]. Они определяются как общие усилия работников, работодателя и общества в целях улучшения здоровья и благосостояния на работе, направленные на риски, которые либо

раньше не учитывались применительно к здоровью работника (в частности, среда в организации, продвижение здорового образа жизни), либо напрямую не были связаны с работой (благосостояние семьи, жилищные условия).

Однако необходимо понимать, что организация охраны здоровья по месту работы создает и определенные проблемы, связанные с реализацией таких принципов построения систем здравоохранения, как доступность и справедливость. Преимущества в доступе к здравоохранительным услугам, которые получают работники отдельных предприятий, снижают уровень социальной солидарности. Причем если СОЗ по месту работы будут развиваться в ущерб общей системе, то пострадают неработающие группы населения. Автор исходит из того, что современное государство благосостояния означает не только собственно государственные структуры, а все институты, которые участвуют в решении социальных проблем человека, в том числе и работодателей. В этом контексте государство, по существу, выступает как координатор усилий различных заинтересованных сторон, повышается важность совершенствования механизмов, которые позволят реализовать положительный потенциал СОР в обеспечении здоровья работающего населения страны на основе гармоничного сочетания интересов работодателей, работников и общества в целом.

В настоящее время в условиях пандемии СОР возрастает, прежде всего это связано с необходимостью обеспечить выполнение всех санитарных мероприятий для предотвращения заражения работников, условия для проведения тестов и т.д. У работников в условиях пандемии могут возникать не только материальные, но и психологические проблемы. Исследование, проведенное в Японии, показало зависимость между масштабом принятых работодателем антипандемических мер и интенсивностью психологических проблем и уровнем работоспособности сотрудников [Sasaki et al., 2020]. Опыт показывает, что готовыми к пандемии оказались те организации, которые традиционно уделяют внимание не просто здоровью работников, но и поддерживают в своей деятельности принципы устойчивого развития.

Список литературы

1. *Чубарова Т. В.* Социальная ответственность работодателей в мировой экономике // Человек и труд. — 2013. — № 8.
2. *Odeen M., Magnussen L. H., Mæland S., Larun L., Eriksen H. R., Tveito T. H.* (2012). Systematic review of active workplace interventions to reduce sickness absence // Occup. Med. — 2013. — Jan. 63 (1). — P. 7–16.
3. *Sasaki Natsu, Reiko Kuroda, Kanami Tsuno, Norito Kawakami.* Workplace responses to COVID-19 associated with mental health and work performance of employees in Japan // Journal of occupational health. — 2020. — Vol. 62. — Issue 1.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Chubarova T. V.* Cocial'naja otvetstvennost' rabotodatelej v mirovoj jekonomike // Chelovek i trud. — 2013. — № 8.

ШТЫРБА Виталие Валерьевич
научный сотрудник, Центр демографических исследований Национального института экономических исследований, Кишинев, Молдова.
E-mail: vitalie.stirba@ccd.ince.md

ПРЕДОТВРАТИМЫЕ ПРИЧИНЫ СМЕРТИ ОТ БОЛЕЗНЕЙ СИСТЕМЫ КРОВООБРАЩЕНИЯ КАК РЕЗЕРВ ПОВЫШЕНИЯ ОЖИДАЕМОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ В МОЛДОВЕ

Ключевые слова: предотвратимая смертность, ожидаемая продолжительность жизни, болезни системы кровообращения.

Коды JEL: J10, I10

В отличие от западных европейских стран, где ощутимый прирост ожидаемой продолжительности жизни за счет снижения смертности от болезней системы кровообращения был замечен с середины 60-х гг. прошлого века [Vallin & Meslé, 2004], в Молдове, несмотря на некоторое улучшение ситуации, тенденция роста ожидаемой продолжительности жизни имеет неравномерный характер и подчеркивает долговременную стагнацию. В данном контексте наблюдаемые тенденции в изменении ожидаемой продолжительности жизни в Молдове сопоставимы со странами Восточной Европы, в частности с постсоветскими странами (рис. 1), в которых преобладает общий инерционный тренд с точки зрения организации систем здравоохранения и социальной защиты, экономики, культурных и поведенческих характеристик населения и др. Помимо представленных факторов, препятствующих значительному темпу роста ожидаемой продолжительности жизни в Молдове, высокий уровень эмиграции населения путем селективности процесса может иметь косвенное влияние на общую ситуацию, связанную со здоровьем населения.

В Молдове наибольший вклад в общую смертность вносят болезни сердечно-сосудистой системы, онкологические заболевания, внешние причины смерти и заболевания органов дыхания [Gagauz, et al., 2016; Penina, 2014], большая часть которых входят в перечень предотвратимых смертей. Наблюдаемый относительно небольшой рост ожидаемой продолжительности жизни в 2000–2014 гг. в основном был достигнут за счет снижения смертности от предотвратимых причин смерти [Stirba & Pahomii, 2019].

В данной статье представлены результаты исследования предотвратимых причин смерти от болезней системы кровообращения как гипотетического резерва повышения ожидаемой продолжительность жизни за счет их исключения из общей смертности. Избежание данных смертей возможно путем внедрения профилактических программ, ориентированных на улучшение здоровья населения, а также улучшения качества и расширения спектра оказываемых медицинских услуг.

Для исследования использовался перечень предотвратимых причин смерти, разработанный ОЭСР/Евростат [OECD/Eurostat, 2019] в качестве дополнительного индикатора для оценки качества системы здравоохранения. Концепция предотвратимой смертности была разработана в середине 70-х гг. [Rutstein, et al., 1976], а по мере развития технологий в области медицины перечень предотвратимых смертей постепенно расширялся [Nolte & McKee, 2004; ONS, 2011; Nolte & McKee, 2011].

В расчетах и анализе предотвратимые смерти от болезней системы кровообращения были разделены на следующие основные группы: ишемическая болезнь сердца (I20–I25), цереброваскулярные заболевания (I60–I69), гипертоническая болезнь (I10–I13, I15) и другие причины смерти, включающие атеросклероз, аневризму аорты, венозную тромбоэмболию, ревматические и другие болезни сердца (I70, I73.9, I71, I26, I80, I82.9, I00–I09).

Расчеты были проведены для населения с обычным местом жительства[1], что позволило дать более объективную оценку ситуации по смертности в Молдове. Учитывая доступность детальных данных о распределении смертей по полу и возрасту [WHO Mortality Database], а также «скорректированного» знаменателя для определенного периода, в статье рассматривается анализ предотвратимых причин смерти от болезней системы кровообращения для 2014–2016 гг.[2]

---

[1] Население, постоянно проживающее в Республике Молдова и находящиеся на ее территории не менее 9 месяцев в календарном году.

[2] Сочетание последних доступных годов с точки зрения качества знаменателя и детального распределения причин смерти. Во избежание влияния малых чисел и других погрешностей события и знаменатель были сгруппированы.

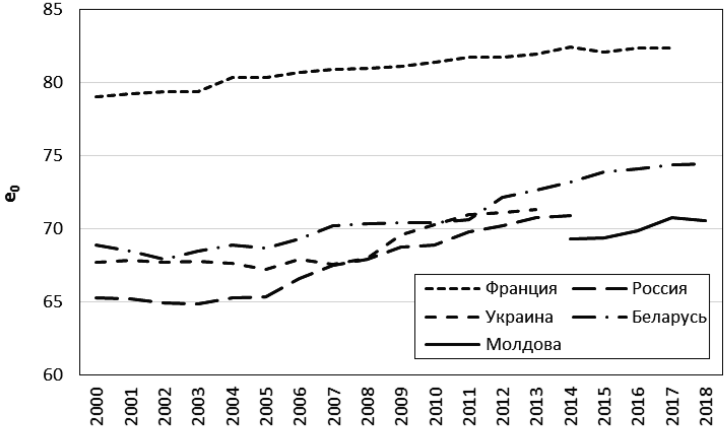

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Франции, России, Беларуси, Украине и Молдове, 2000–2018 гг., лет
Источник: The Human Mortality Database;
Национальное бюро статистики Республики Молдова (NBS Database).

Наибольший численный вклад в предотвратимую смертность от болезней системы кровообращения приходится на смертность, вызванную ишемической болезнью сердца. Распределение табличных чисел умерших от ишемической болезни сердца имеет существенные различия в зависимости от пола. У мужчин, кривая *dx* демонстрирует ощутимый рост начиная с 40 лет, составляя в возрастных группах 45–49 лет — 0,8 тыс., 50–54 лет — 1,2 тыс., 55–59 лет — 1,8 тыс., 60–64 года — 2,7 тыс., 65–69 лет — 3,3 тыс., и 70–74 года — 4,5 тыс. смертей. У женщин распределение табличных смертей от ишемической болезни сердца имеет более значительный прирост начиная с возрастной группы 55–59 лет, составляя 0,7 тыс. смертей и возрастая до 1,5 тыс., 2,6 тыс. и 5,0 тыс. в возрастах 60–64, 65–69 и 70–74 года соответственно.

Распределение табличных смертей от цереброваскулярных заболеваний показывает более значительный рост у обоих полов начиная с 50 лет и достигает пика в возрастной группе 70–74 года с численными значениями в 2,3 тыс. смертей у женщин и 2,5 тыс. смертей у мужчин. Численные различия в показателе *dx* у мужчин и женщин составляют около 1,1 тыс. (7,0 тыс. у мужчин и 5,9 тыс. у женщин). Основной разрыв в распределении условных смертей по полу приходится на 40–60 лет.

Предотвратимые смерти от гипертонических болезней у мужчин и женщин вносят практически одинаковый вклад в общую смертность, регистрируя основные различия в возрастной группе 70–74-летних. Повозрастное распределение смертей в условных когортах акцентирует численный

рост показателя *dx* начиная с возраста 55 лет, достигая суммарных значений для возрастов 0–74 года — 1,4 тыс. у мужчин и 1,6 тыс. у женщин.

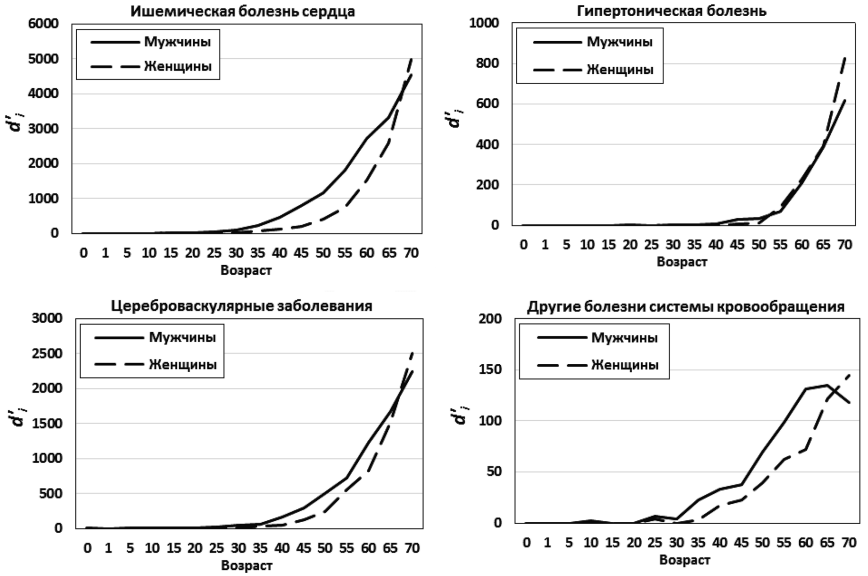

Рис. 2–5. Распределение табличных чисел умерших *dx* от основных предотвратимых заболеваний системы кровообращения на 100 тыс. родившихся по возрасту и по полу, Молдова, 2014–2016 гг.
Источник: расчеты автора по данным World Health Organisation mortality database (WHO Mortality Database) и Национального бюро статистики Республики Молдова (NBS Database).

Смерти от атеросклероза, аневризмы аорты, венозной тромбоэмболии, ревматической и других болезней сердца вносят наименьший вклад в предотвратимую смертность от болезней системы кровообращения. Повозрастное распределение *dx* имеет существенные различая в зависимости от пола, где наибольшие численные потери в гипотетических когортах регистрируются у мужчин. Основной вклад других болезней кровообращения приходится на возрастные группы 30–74 года, составляя 1,1 тыс. табличных смертей (0,6 тыс. у мужчин и 0,5 тыс. у женщин).

Суммарные потери от предотвратимых смертей болезней системы кровообращения в условных когортах составляют 24,2% у мужчин и 18,6% у женщин.

Условное исключение предотвратимых смертей от заболеваний системы кровообращения из общей смертности могло бы внести существенный вклад в прирост ожидаемой продолжительности жизни. У мужчин ос-

новные потери сконцентрированы в трудоспособном (40–64 года) и постпенсионном (65–74 года) возрасте; у женщин наибольший возможный ресурс для роста ожидаемой продолжительности жизни наблюдается в возрастах 50–74 года. Важно отметить, что предотвратимые смерти от болезней кровообращения до 65-летнего возраста вносят львиную долю в избыток анализируемой смертности.

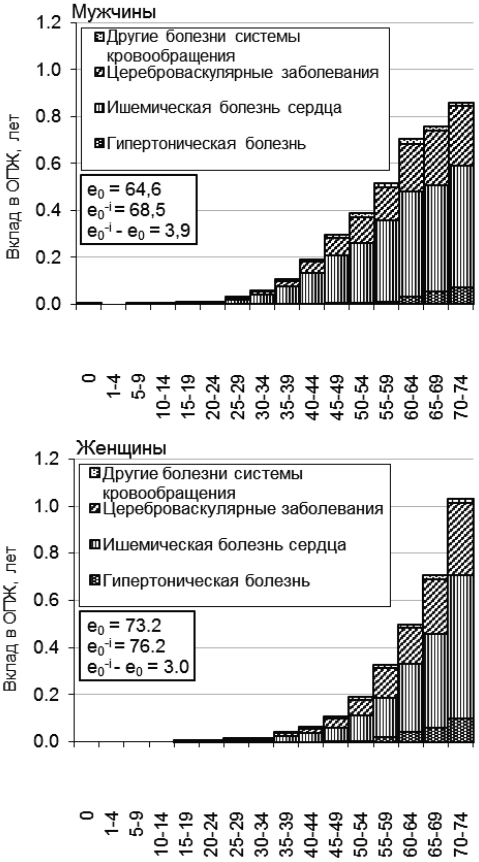

Рис. 6–7. Вклад предотвратимых смертей от заболеваний системы кровообращения в резервы роста ожидаемой продолжительности жизни в Молдове, 2014–2016 гг.
Источник: расчеты автора по данным World Health Organisation mortality database (WHO Mortality Database) и Национального бюро статистики Республики Молдова (NBS Database).

Результаты показывают возможный прирост ожидаемой продолжительности жизни у мужчин в 3,9 года, из которых 2,5 года относятся к ише-

мической болезни сердца, 1,1 года к цереброваскулярным заболеваниям, 0,2 года к гипертоническим заболеваниям и 0,2 года к другим предотвратимым смертям системы кровообращения. У женщин имеющийся ресурс для прироста ожидаемой продолжительности жизни за счет избежания предотвратимых смертей от ишемической болезни сердца, цереброваскулярных заболеваний, гипертонических заболеваний и других болезней системы кровообращения составляет 1,7 года, 1,0 года, 0,2 года и 0,2 года соответственно.

Смерти от гипертонической болезни сконцентрированы у обоих полов в поздних возрастах, внося незначительные потери в рост ожидаемой продолжительности жизни в возрастных группах 55–74-летних.

У мужчин наибольший вклад смертности от ишемической болезни сердца регистрируется в допенсионном возрасте, что, в свою очередь, снижает ожидаемую продолжительность жизни на 1,5 года; в возрастной группе 65–74 года имеющийся ресурс для роста показателя e_0 составляет 1,0 год. Общий вклад в смертность от ишемической болезни сердца у женщин имеет существенные различия по сравнению с мужчинами, основные имеющиеся ресурсы для роста ожидаемой продолжительности жизни сконцентрированы в возрастах 65–69 лет — 0,4 года и 70–74 года — 0,6 года; в допенсионном возрасте возможный рост e_0 составляет 0,7 года.

Предотвратимые смерти от цереброваскулярных заболеваний снижают ожидаемую продолжительность жизни у мужчин на 0,4 года в возрасте до 59 лет и на 0,7 года в возрастных группах 60–74 года. У женщин снижение смертности от цереброваскулярных заболеваний могло бы гарантировать рост e_0 на 0,4 года в возрасте до 64 лет, на 0,2 и 0,3 года в возрастных группах 65–69 и 70–74 года.

Представленные результаты предполагают развитие идеального сценария полного сокращения предотвратимых смертей от болезней системы кровообращения путем улучшения качества системы здравоохранения и внедрения политики и государственных программ, ориентированных на улучшение здоровья населения. В то же время перечисленные действия могут внести прямое или косвенное влияние на снижение смертности от онкозаболеваний, внешних и других причины смерти.

Учитывая, что государственные программы по снижению заболеваемости и смертности от болезней сердечно-сосудистой системы были внедрены еще в конце 90-х гг., в том числе включающие регулярное финансирование, направленное на повышение доступности для населения услуг системы здравоохранения, можем подчеркнуть, что ожидаемого прогресса не удалось достичь. В то же время сохраняются существенные различия в уровне доступности для городского и сельского населения системы здравоохранения, в частности в случае нуждающихся в оказании срочной и квалифицированной медицинской помощи.

В контексте Молдовы важно принимать во внимание аспекты, связанные с местом проживания населения (столица, район, город, село), которые определяют такие факторы, как: основные экономические сферы, в которых вовлечено население (услуги, производство, сельское хозяйство и др.), уровень благосостояния населения, доступ к инфраструктуре для занятия спортом и проведения свободного времени, уровень образования населения и др. Кроме того, на данный момент недостаточно изучено влияние высокой интенсивности эмиграции из Молдовы на здоровье населении, которая может формировать эффект здорового мигранта.

Список литературы

1. Population situation analysis in the Republic Of Moldova. (2016). Ed. Gagauz, O. Chisinau: National Institute for Economic Research.
2. NBS Database. (б.д.). URL: http://www.statistica.md/pageview.php?l=en&idc=407
3. *Nolte E., & McKee M.* (2004). Does health care save lives? Avoidable mortality revisited. — London: The Nuffield Trust.
4. *Nolte E., & McKee M.* (2011). Variations in amenable mortality—Trends in 16 high-income nations // Health Policy, 103(1), 47–52.
5. OECD/Eurostat. (2019). Avoidable mortality: OECD/Eurostat lists of preventable and treatable causes of death (November 2019 version). URL: https://www.oecd.org/health/health-systems/Avoidable-mortality-2019-Joint-OECD-Eurostat-List-preventable-treatable-causes-of-death.pdf
6. ONS. (2011). Definition of avoidable mortality. Office for National Statistics. URL: http://www.ons.gov.uk/ons/about-ons/get-involved/consultations/archived-consultations/2011/definitions-of-avoidable-mortality/definition-of-avoidable-mortality.pdf
7. *Penina O.* (2014). Mortalitatea excesivă în Republica Moldova. Analele Institutului Naţional de Cercetări Economice, (2), 142–147.
8. *Rutstein D., Berenberg W., Chalmers T., Child C., Fishman A., & Perrin E.* (1976). Measuring the quality of medical care // New England Journal of Medicine, 294 (11), 582–588.
9. *Stirba V., & Pahomii I.* (2019). The Contribution of Avoidable Mortality To The Life Expectancy Change In The Republic Of Moldova // Demography and social economy, 38 (№ 4), 58–70.
10. The Human Mortality Database. (б.д.). URL: https://www.mortality.org/
11. *Vallin J., & Meslé F.* (2004). Convergences and divergences in mortality: a new approach of health transition // Demographic Research.
12. WHO Mortality Database. (б.д.). URL: https://www.who.int/healthinfo/mortality_data/en/

МИГРАЦИЯ
И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

БАРАНЕНКОВА Таисия Алексеевна
к.э.н., старший научный сотрудник, Институт экономики РАН,
Центр политики занятости и социально-трудовых отношений,
Москва, Россия.
E-mail: agastya73@mail.ru

УЧЕБНАЯ МИГРАЦИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Ключевые слова: международная образовательная миграция, иностранные студенты, миграционная политика.

Коды JEL: J24, J44, F20, F22

Переход к экономике инновационного типа, основанный на знаниях и интеллекте, требует особого внимания к обеспечению российской экономики квалифицированными кадрами.

На современном этапе развития Россия стремится к увеличению образовательной (учебной) миграции как способу повышения численности трудоспособного населения и квалифицированных специалистов на рынке труда, привлекая в учебные заведения нашей страны и иностранную молодежь. Это особенно важно, учитывая неблагоприятное в последние годы естественное движение населения, увеличение в нем удельного веса лиц пенсионного возраста, которые в меньшей мере, чем молодежь, восприимчивы к техническим новшествам, инновационным технологиям, к профессиональной переподготовке.

В условиях глобализации страны Западной Европы и др., также испытывающие нехватку молодых кадров на рынке труда, ведут борьбу за направляемую развивающимися странами молодежь на обучение за рубеж. В новой иммиграционной политике придают большое значение развитию учебной миграции, которая не только экономически выгодна, принося дополнительные инвестиции. Иностранные студенты, прошедшие

курс обучения, представляют также важный источник пополнения данной страны высококвалифицированными кадрами, уже достаточно адаптировавшимися в ней.

С распадом Советского Союза в условиях отсутствия полномасштабного заказа на нужных специалистов российским вузам пришлось самим ориентироваться в новой рыночной экономике. Необходимо было самостоятельно выстраивать собственную стратегию развития на рынке труда в условиях сильной ограниченности материальных ресурсов, резкого снижения заработной платы научных работников.

В настоящее время российское образование, несмотря на определенное снижение качества в 90-е гг., все же пользуется за границей популярностью. Только в течение трех лет число иностранных студентов, обучающихся очно в отечественных университетах, как свидетельствуют статистические данные, увеличилось на 20% (примерно со 183 тыс. иностранцев в 2014/2015 академическом году до 230 тыс. в 2016/2017 г.). Прежде всего это традиционно учащиеся из стран СНГ: Казахстана, Туркмении, Узбекистана и Таджикистана. В 2016/2017 г. количество учащихся из этих стран достигло 120 тыс. человек. Среди третьих стран лидирует Китай.

Вместе с тем Россия, согласно данным ЮНЕСКО, по численности обучающихся иностранных граждан занимает пока шестое место в мире.

Задача увеличения количества и качества профессиональных кадров для эффективного социально-экономического развития России продолжает оставаться актуальной. В ее решении целесообразно, в частности, использовать и опыт развитых стран.

Постоянно стремясь к увеличению числа студентов в своих национальных вузах, некоторые страны используют для этого разные рычаги. Так, в Германии, Финляндии, Швеции иностранным студентам предоставлено право в государственных вузах учиться бесплатно. Во Франции принят закон, который гарантирует иностранным гражданам бесплатное обучение на французском языке.

Вместе с тем вузы некоторых стран-экспортеров тщательно регулируют состав своих абитуриентов. Это делается, например, с помощью финансовых механизмов. Так, в Великобритании стоимость обучения для студентов из стран ЕС и из других стран существенно различается. Законодательно регулируется (в плане смягчения или ужесточения) ограничение на въезд и пребывание студентов, а также число учащихся.

Развитые страны ЕС, скорректировав свою миграционную политику, пришли к выборочному ограничению отдельных ее видов, нацелившись прежде всего на привлечение высококвалифицированных специалистов и иностранных студентов с предоставлением им возможностей трудоустройства после окончания вуза.

В 2017 г. в Российской Федерации был определен список из 39 вузов, участвующих в экспорте образования.

Ежегодно в Российской Федерации выделяется квота в 15 тыс. человек для иностранных студентов, которые могут поступить в высшие учебные заведения бесплатно. Конкурс среди них, по данным за 2016 г., составил 4,5 человек на одно бюджетное место.

В 2017 г. количество заявлений на обучение в российских вузах от иностранных абитуриентов превысило число квот в шесть раз [Кокарева, Барсукова, 2019].

Многие страны, где проходит процесс обучения, поощряют поиск работы иностранных аспирантов по завершении учебы, поскольку такие выпускники обладают высоким уровнем квалификации, легче интегрируются и способны внести положительный вклад в развитие экономики страны, где они получили образование.

В миграционное законодательство России уже внесены изменения, позволившие иностранцам, обучающимся в российских вузах на очном отделении, работать в период обучения. Принятие норм, предоставляющих иностранным студентам после обучения право на дальнейшее трудоустройство, позволило бы получить дополнительный источник квалифицированных специалистов.

Стремительные темпы по увеличению числа иностранных студентов набирает Китай. За последние 15 лет их численность увеличилась в 8,5 раза и достигла цифры почти 500 тыс. человек; большинство обучающихся здесь представители из соседних стран (Японии, Кореи), а также из стран, с которыми у Китая хорошие экономические связи.

По некоторым исследованиям, в период с 2005 по 2014 г. число иностранных учащихся в КНР утроилось, благодаря чему страна вышла на третье место в мире по этому показателю. В конце 2015 г. в Китае более чем в 800 учебных заведениях обучалось 398 тыс. иностранцев. Широко здесь распространены бесплатные стажировки для иностранных научно-педагогических работников и курсы повышения квалификации иностранцев — преподавателей китайского языка. Также для привлечения иностранных студентов увеличено число стипендий и курсов на английском языке [Чубаров, Колесников, 2018].

В целях дальнейшего увеличения числа иностранных студентов китайцы постоянно расширяют круг специальностей: если раньше в Китай приезжали для изучения языка, то сейчас там изучают экономику, классическую медицину, литературу, инженерное дело.

Одновременно Китай в настоящее время, как отмечается во всемирном докладе по образованию Института статистики ЮНЕСКО, является мировым лидером по количеству студентов, направленных на обучение в зарубежные страны. Это количество составляет 394 669 человек, тогда как для Индии этот показатель равен 139 356 человек, для Кореи 97 395, для Японии — 65 229 человек.

Рационально также использовать положительный опыт Китая и других государств Азиатского региона (Тайваня, Мексики), где разрабатываются программы, с одной стороны, поощрения временной образовательной, как и трудовой миграции, с другой стороны — стимулирования их к возвращению на родину.

С целью трудоустройства за границей Россию ежегодно покидают 15% выпускников вузов, среди которых много наиболее талантливых и конкурентоспособных. По официальной статистике, например, до 60% российских победителей международных олимпиад уезжают за границу, а обратно возвращаются лишь 9% [Яковлева, Юхлин, 2014].

Важно наряду с увеличением численности привлекаемой в нашу страну иностранной молодежи повысить стимулы, сдерживающие отток российской молодежи за рубеж, в частности, расширить взаимовыгодные соглашения между нашими ведущими вузами и западноевропейскими университетами по поводу обмена студентами, аспирантами, стажерами. Это способствовало бы сокращению отъезда российской молодежи за рубеж на постоянное место жительства. К сожалению, в последние годы в связи с введением антироссийских санкций проблема получения образования за рубежом осложняется, программа обмена студентами свертывается.

Необходимо стремиться создать по возможности в России для талантливой молодежи привлекательные условия жизни и работы с целью сократить впоследствии потери высококвалифицированных кадров.

Очень важно, чтобы молодые образованные люди, способные конкурировать на рынке труда, поверили в свою страну, в то, что они ей нужны, что они будут востребованы на российском рынке труда, смогут занять рабочее место соответственно полученной профессии и приносить пользу своей Родине. Для этого целесообразно наряду с воспитанием патриотических настроений увеличивать затраты на науку и рост спроса на инновационные разработки в экономике страны.

Необходимо в дальнейшем прежде всего увеличить государственное финансирование высшего образования (хотя бы до среднемирового уровня), предусмотрев при этом как повышение зарплаты преподавателей вузов, так и дополнительные поощрения для студентов — введение особых стипендий, премий для стимулирования исследовательской деятельности.

Рационально активнее задействовать механизмы взаимодействия вузов с государственными и частными компаниями, что позволит осуществлять подготовку востребованных специалистов.

Список литературы

1. *Кокарева А. И., Барсуков А. М.* Научная дипломатия и академическая мобильность как элементы «мягкой силы» // Мобильность как измере-

ние мягкой силы: теория, практика, дискурс. Сборник научных трудов по итогам Всероссийской научно-практической молодежной конференции (19 июня 2019) / отв. ред. Русакова О. Ф. — Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2019. — С. 8–23.
2. *Чубаров И. Г., Колесников Д. Б.* «Один пояс — один путь» — глобализация по-китайски // Мировая экономика и международные отношения. — 2018. — № 1. — С. 25–33.
3. *Яковлева Т. А., Юхин Р.* «Утечка умов» в условиях глобализации: риски для России // Современные наукоемкие технологии. — 2014. — № 7-3. — С. 63–64.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Kokareva A. I., Barsukov A. M.* Nauchnaja diplomatija i akademicheskaja mobil'nost' kak jelementy «mjagkoj sily» // Mobil'nost' kak izmerenie mjagkoj sily: teorija, praktika, diskurs. Sbornik nauchnyh trudov po itogam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj molodezhnoj konferencii (19 ijunja 2019) / otv. red. Rusakova O. F. — Ekaterinburg: Institut filosofii i prava UrO RAN, 2019. — S. 8–23.
2. *Chubarov I. G., Kolesnikov D. B.* «Odin pojas — odin put'» — globalizacija po-kitajski // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. — 2018. — № 1. — S. 25–33.
3. *Jakovleva T. A., Juhin R.* «Utechka umov» v uslovijah globalizacii: riski dlja Rossii // Sovremennye naukoemkie tehnologii. — 2014. — № 7-3. — S. 63–64.

БЕДРИНА Елена Борисовна
к.э.н., доцент, старший научный сотрудник
Института экономики УрО РАН,
Екатеринбург, Россия.
E-mail: Bedrina1967@mail.ru

МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА[1]

Ключевые слова: дети мигрантов, образовательное пространство, образовательная маятниковая миграция, семейная миграция, полиэтнические школы, академическая мобильность.

Коды JEL: J13, J18, F24

[1] Материалы подготовлены при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-010-01049 «Методология и методика системной оценки взаимосвязи средовых факторов и здоровья населения в задаче устойчивого развития регионов России».

В современных условиях повышается важность миграции как фактора демографических и социоэкономических изменений. К сожалению, данные эффекты часто бывают недооценены, что создает определенные трудности при их изучении. Несмотря на рост интереса исследователей к вопросам обучения детей мигрантов из зарубежных стран, тема трансформации образовательного пространства в условиях миграции остается недостаточно изученной. В частности, мало внимания уделяется образовательной внутренней миграции, особенно маятниковой. В исследованиях, посвященных международной образовательной миграции, недостаточно освещены практики работы с детьми-мигрантами. В связи с чем попробуем представить комплексный взгляд на происходящее.

Итак, одним из наиболее важных и требующих оценки эффектов миграции является трансформация образовательного пространства. Применительно к данному исследованию под образовательным пространством понимается любая территория, обладающая определенной образовательной инфраструктурой, в рамках которой происходит реализация образовательного процесса, на качественные характеристики которого оказывают влияние особенности внутренних и внешних миграционных процессов.

Для начала попробуем разобраться в факторах, связанных с миграцией и определяющих процесс данной трансформации. С нашей точки зрения, их несколько.

Первым фактором являются агломерационные эффекты, стимулирующие рост образовательной маятниковой миграции [Скворцов, 2017; Кондакова, Старикова, 2018]. Важность данной темы связана не только с изучением образовательного пространства, но и с агломерационными эффектами. Наше исследование, проведенное в 2018 г., показало наличие значительного потока маятниковой образовательной миграции в город Екатеринбург из близлежащих городов. А именно то, что образовательная маятниковая миграция составляет около 46 тыс. человек, или около ¼ общей маятниковой миграции. Более того, в эту цифру входит и небольшая школьная миграция из городов-спутников Березовского и Верхней Пышмы в престижные общеобразовательные учреждения Екатеринбурга, расположенные в приграничных микрорайонах [Бедрина и др., 2018, с. 641]. Рост транспортной доступности городов является важнейшим стимулом для образовательной маятниковой миграции. Благодаря маятниковой миграции образовательные учреждения имеют возможность расширить контингент учащихся и преподавателей, экономя при этом на местах в общежитиях. В то же время благодаря маятниковой образовательной миграции наблюдаются такие положительные эффекты, как рост доступности образования и снижение сегрегации образовательного пространства.

Вторым фактором выступает новый этап индустриализации. В частности, в настоящее время отмечается высокий уровень потоков переселенцев

из сел, деревень, малых и средних городов в крупные города [Мкртчян, Флоринская, 2016], что также требует определенных усилий, в том числе и от принимающего сообщества, по адаптации прибывших в силу отсутствия у них навыков по проживанию в крупном городском пространстве с устоявшимися правилами и культурными нормами. Хотя дети и молодые люди, как правило, быстро справляются с этой проблемой в отличие от взрослых.

Кроме того, процессы индустриализации носят глобальный характер, происходит переход от чисто трудовой международной миграции к семейной [Флоринская, 2012; Деминцева, Пешкова, 2014; Флоринская и др., 2015], и, как следствие, рост численности детей-мигрантов на принимающей территории. В связи с чем возникает потребность в росте инклюзивного образования, понимаемого в широком смысле как включение в образовательное пространство лиц, различающихся не только по физическим данным, но и с точки зрения социального статуса, а также этнических, религиозных и культурных характеристик.

Наиболее остро данная проблема стоит на начальном уровне образования, в полиэтнических школах, которые формируются в крупных городах, являющихся привлекательными для мигрантов. Не существует четкого критерия для выделения данных школ, хотя существует несколько подходов. Во-первых, под «полиэтнической» или «поликультурной» школой принято понимать такую национальную российскую школу, контингент которой до 15% составили иноэтнические учащиеся, владеющие русским языком на уровне, недостаточном для того, чтобы он стал языком обучения в школе [Уша, 2014, с. 30]. Во-вторых, к ним относят школы, где в классах численность детей-мигрантов составляет 6–7 человек [Деминцева и др., 2017]. Такое число детей-мигрантов в учебных заведениях назовем «видимым» контингентом, а школы «мигрантскими».

Социологический опрос учителей, работников школ и детских садов в Свердловской области показал актуальность данного направления исследования в силу значительного количества проблем, с которыми сталкивается руководство и учителя данных школ [Бедрина и др., 2017, с. 49–64]. В результате исследования, проведенного нами в г. Екатеринбурге, выявлены микрорайоны, в которых сформировались полиэтнические школы. Как правило, это микрорайоны, расположенные вокруг железнодорожного узла (Вокзальный, Новая Сортировка и Сортировка), где предпочитают селиться трудовые мигранты. По данным Департамента образования г. Екатеринбурга, в среднем в полиэтнических школах «мигрантского» типа в данных микрорайонах доля детей, чьи родители являются иностранными гражданами, составляет около 35% [Бедрина, 2019], а по данным интервью с руководителями школ, доля детей-мигрантов значительно больше. К примеру, к концу 2019 г. этнический состав детей в одной

из таких школ был следующий: 24% — русские, 35% — киргизы, 23% — таджики, 10% — узбеки, и в оставшиеся 8% вошли представители различных национальностей, в том числе азербайджанцы, вьетнамцы, украинцы, монголы, армяне, казахи, езиды, сирийцы и турки. Очевидно, что разница в подсчетах связана с неоднозначностью определения детей-мигрантов.

Как правило, приезжие из других регионов и стран селятся в малопрестижных или вновь застраиваемых микрорайонах города, и это также оказывает влияние на образовательное пространство, повышая его сегрегацию. Замечено, что в данных микрорайонах практически отсутствуют гимназии и лицеи, а общеобразовательные учреждения не являются «раскрученными».

С целью характеристики «мигрантских» школ нами проведена их классификация. Выявлено, что только одно из учебных учреждений, находящееся в относительной близости к Железнодорожному району, где «видимый» контингент составляют дети мигрантов, имеет статус гимназии, остальные — это обычные школы, среди которых есть школы с коррекционными классами. В старших классах некоторых школ существуют специализированные классы, например, медицинский класс. Кроме того, такие школы различаются по этническому доминированию. Даже проживая в одном микрорайоне, родители — мигранты из различных стран предпочитают отдавать своих детей в школы, где уже учатся дети их соотечественников, например, в уже упомянутую нами «киргизскую» школу.

Интервью с руководителями школ показало наличие таких признаков «этнитизации», как проведение специальных праздников и других мероприятий, посвященных культуре разных народов, а также факультативных занятий для изучения русского языка как неродного. В некоторых школах налажена связь с национальными диаспорами, которые помогают проводить факультативы и внеучебные мероприятия. В одной из школ нам рассказали о работе Совета отцов, который помогает решать возникающие проблемы. Кроме того, на родительские собрания также предпочитают приглашать мужчин, так как в среднеазиатских семьях они пользуются большим авторитетом.

Отсутствие официально разработанных принципов организации образовательного пространства в условиях культурного, этнического, религиозного и языкового разнообразия ведет к существованию дискриминационных практик. Появляются дети школьного возраста, не охваченные школьным образованием. Так, по данным Уполномоченного по правам человека в г. Москве, в 2018 г. посещали школу только 85% детей соответствующего возраста. Кроме того, учителя обращают внимание на то, что родители часто забирают детей старших возрастов из школы, особенно девочек, чтобы они помогали по дому, присматривали за малень-

кими детьми или помогали родителям на работе. Часто это происходит в начале или в середине учебного года.

Третьим фактором является стимулирование академической миграции из зарубежных стран в рамках направления на интернационализацию высших учебных заведений [Куприна и др., 2019; Рязанцев и др., 2019]. Присоединение Российской Федерации в сентябре 2003 г. к Болонской декларации потребовало от России интернационализации образовательного процесса и развития студенческого обмена. В связи с тем, что в соответствии с Приказом Минобразования от 11.06.2014 № 657 (ред. 13.02.2017) показатели интернационализации включены в мониторинг системы образования в Российской Федерации, вузы активно наращивают контингент иностранных учащихся, часто в ущерб качеству образования. В Указе Президента от 31.10.1918 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг.» повышение доступности образовательных услуг для иностранных граждан и открытость образовательных учреждений провозглашаются в качестве одного из государственных приоритетов. Одним из направлений федерального проекта «Молодые профессионалы (повышение конкурентоспособности профессионального образования)» является развитие академической мобильности НПР и студентов. В связи с чем наблюдается активизация роста образовательной миграции. К примеру, только в Уральском федеральном университете в 2019–2020 учебном году обучалось 3500 иностранных студентов из 93 стран. В национальном проекте «Экспорт образования» поставлена задача увеличения не менее чем в два раза количества иностранных граждан, обучающихся в образовательных организациях высшего образования и научных организациях. В результаты поощрения академической миграции в России происходит постепенное изменение географии миграционных потоков и, как следствие, изменение этнического состава мигрантов. Кроме того, в миграционный процесс втягивается все больше и больше стран-доноров, в результате чего происходит рост культурного, этнического, религиозного и языкового разнообразия на принимающей территории.

Такая «этнизация» высшего образования также создает проблемы и конфликты на этнической почве. Если на уровне среднего образования прилагаются значительные усилия для подготовки учителей к работе в этнокультурной среде, то в вузах преподавательский состав часто бывает не подготовлен к данным изменениям, в связи с чем существует большой процент отчислений иностранных студентов со старших курсов.

Эпидемия COVID-19, повлекшая за собой закрытие границ, бесспорно, будет тормозить развитие академической мобильности, хотя скорее всего усилит внутреннюю мобильность населения.

Важно подчеркнуть, что рост культурного, этнического, религиозного и языкового разнообразия сказывается на формировании и развитии образовательного процесса, усложняется образовательная деятельность как со стороны образовательных учреждений, так и со стороны остальных участников образовательного процесса, возникает потребность в создании дополнительной инфраструктуры и изменении подходов, методов и методик в деятельности образовательной учреждений.

В этих условиях возникает потребность в разработке таких механизмов формирования и развития образовательного пространства, которые позволили бы учесть интересы его различных участников и были бы направлены на создание бесконфликтной среды. Однако данные проблемы часто игнорируются, о чем может свидетельствовать нормативная база образовательной деятельности, в рамках которой инклюзивное образование рассматривается в относительно узком смысле, как образование лиц с ограниченными физическими возможностями. А механизмы инклюзивного образования как образования лиц с различными культурными, этническими, религиозными и языковыми потребностями только начинают разрабатываться, как правило, в конкретных образовательных учреждениях, столкнувшихся с данной проблемой.

Категориальный аппарат концепции образовательного пространства слабо разработан. Нет единого представления о том, что есть образовательное пространство, инклюзивность образования, полиэтническая школа, академическая мобильность. В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» отсутствуют такие понятия, как «полиэтническая школа» и «академическая мобильность». Однако разработка данного направления отвечает 4-й задаче ООН в области устойчивого развития, предполагающей создание условий для всеохватывающего и справедливого качественного образования.

ЮНЕСКО поднят вопрос об инклюзивном образовании в условиях роста миграционных процессов, выявлены проблемы и представлена практика реализации данного направления в ряде стран. Кроме того, в странах Европейского союза взят курс на активную двухстороннюю адаптацию мигрантов, в связи с чем международный опыт мог бы сыграть важную роль в развитии эффективных практик в России. К примеру, Финляндия выделяет школам дополнительные средства в размере 1000 евро в год на каждого ребенка из школьного списка, который проживает в Финляндии менее четырех лет [Osadan, Reid, 2015, p. 212]. Во многих европейских странах происходит финансирование отдельных учебных предметов, необходимых детям мигрантов, через заключение двухсторонних соглашений с консульствами стран исхода [Jacobs, 2013]. Другой практикой стало привлечение в школу педагогических кадров из стран исхода [Vellanki, Prince, 2018].

Таким образом, следует заметить, что в России процесс трансформации образовательного пространства под действием миграции уже запущен. Происходящие изменения требуют принятия адекватных мер, что в первую очередь должно отразиться в нормативной базе, регламентирующей образовательный процесс. Особую важность имеют меры, направленные на ограничение сегрегации образовательного процесса. В связи с чем требуется активное изучение и анализ зарубежных практик в данной области.

Список литературы

1. *Бедрина Е. Б.* Особенности расселения трудовых мигрантов из зарубежных стран в российских мегаполисах // Экономика региона. — 2019. — Т. 15, вып. 2. — С. 451–464.
2. *Бедрина Е. Б., Козлова О. А., Ишуков А. А.* Методические вопросы оценки маятниковой миграции населения // Ars Administrandi. Искусство управления. — 2018. — Т. 10. № 4. — С. 631–648.
3. *Деминцева Е. Б., Зеленова Д. А., Космидис Е. А., Опарин Д. А.* Возможности адаптации детей мигрантов в школах Москвы и Подмосковья // Демографическое обозрение. — 2017. — Т. 4. № 4. — С. 80–109.
4. *Деминцева Е. Б., Пешкова В. М.* Мигранты из Средней Азии в Москве // Демоскоп Weekly. — 2014. — № 597–598. URL: http://demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php (дата обращения: 10.06.2017).
5. *Кондакова Т. Ю., Старикова А. В.* Учебная миграция в вузы Ярославской области и Баварии (сравнительный анализ) // Геополитика и экогеодинамика регионов. — 2018. — Т. 4 (14). № 4. — С. 197–207.
6. *Куприна Т. В., Минасян С. М., Цатурян А. М.* Моделирование инвариантов академической миграции, влияющих на социально-экономические показатели территории // Экономика региона. — 2019. — Т. 15, вып. 3. — С. 749–762.
7. *Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф.* Социально-экономические эффекты трудовой миграции из малых городов России // Вопросы экономики. — 2016. — № 4. — С. 103–123.
8. Региональные аспекты международной трудовой миграции в современной России: оценка факторов и эффектов / Е. Б. Бедрина, М. Н. Вандышев, Т. В. Куприна и др. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. — 180 с.
9. *Рязанцев С. В., Ростовская Т. К., Скоробогатова В. И., Безвербный В. А.* Международная академическая мобильность в России. Тенденции, виды, государственное стимулирование // Экономика региона. — 2019. — Т. 15, вып. 2. — С. 420–435.
10. *Скворцов Ю. А.* Региональные особенности образовательной миграции Донбасса // Вестник Донецкого педагогического института. — 2017. — № 3. — С. 176–181.
11. *Уша Т. Ю.* Опыт языковой адаптации инофонов как отражение миграционной политики // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2014. — № 170. — С. 26–34.

12. *Флоринская Ю. Ф.* Миграция семей с детьми в Россию: проблемы интеграции (по материалам социологических опросов центра миграционных исследований) // Проблемы прогнозирования. — 2012. — № 4 (133). — С. 118–127.
13. *Флоринская Ю. Ф., Мкртчян Н. В., Малева Т. М., Кириллова М.* Миграция и рынок труда. — М.: ИД «Дело», 2015. — 108 с.
14. *Jacobs D.* The educational integration of migrants. What is the role of sending society actors and is there a transnational educational field? INTERACT Research Report 2013/03. — 2013. URL: http://www.interact-project.eu/docs/ publications/ Research%20Report /INTERACT-RR-2013-03.pdf (Accessed: 10.06.2017).
15. *Osadan R., Reid E.* Primary Education of Migrant Background Children in the Lingua Franca a Random Survey // International Journal of Humanities and Social Science. — 2015. — Vol. 5. — № 9. — P. 208–216.
16. *Vellanki V., Prince S. P.* Where Are the "People Like Me"? A Collaborative Autoethnography of Transnational Lives and Teacher Education in the U. S. // Teacher Educator. — 2018. — Vol. 53. no 3. — P. 313–327.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Bedrina E. B.* Osobennosti rasselenija trudovyh migrantov iz zarubezhnyh stran v rossijskih megapolisah // Jekonomika regiona. — 2019. — T. 15, vyp. 2. — S. 451–464.
2. *Bedrina E. B., Kozlova O. A., Ishukov A. A.* Metodicheskie voprosy ocenki majatnikovoj migracii naselenija // Ars Administrandi. Iskusstvo upravlenija. — 2018. — T. 10. № 4. — S. 631–648.
3. *Deminceva E. B., Zelenova D. A., Kosmidis E. A., Oparin D. A.* Vozmozhnosti adaptacii detej migrantov v shkolah Moskvy i Podmoskov'ja // Demograficheskoe obozrenie. — 2017. — T. 4. № 4. — S. 80–109.
4. *Deminceva E. B., Peshkova V. M.* Migranty iz Srednej Azii v Moskve // Demoskop Weekly. — 2014. — № 597–598. — URL: http://demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php (data obrashhenija: 10.06.2017).
5. *Kondakova T. Ju., Starikova A. V.* Uchebnaja migracija v vuzy Jaroslavskoj oblasti i Bavarii (sravnitel'nyj analiz) // Geopolitika i jekogeodinamika regionov. — 2018. — T. 4 (14). № 4. — S. 197–207.
6. *Kuprina T. V., Minasjan S. M., Caturjan A. M.* Modelirovanie invariantov akademicheskoj migracii, vlijajushhih na social'no-jekonomicheskie pokazateli territorii // Jekonomika regiona. — 2019. — T. 15, vyp. 3. — S. 749–762.
7. *Mkrtchjan N. V., Florinskaja Ju. F.* Social'no-jekonomicheskie jeffekty trudovoj migracii iz malyh gorodov Rossii // Voprosy jekonomiki. — 2016. — № 4. — S. 103–123.
8. Regional'nye aspekty mezhdunarodnoj trudovoj migracii v sovremennoj Rossii: ocenka faktorov i jeffektov / E. B. Bedrina, M. N. Vandyshev, T. V. Kuprina i dr. — Ekaterinburg: Institut jekonomiki UrO RAN, 2017. — 180 s.
9. *Rjazancev S. V., Rostovskaja T. K., Skorobogatova V. I., Bezverbnyj V. A.* Mezhdunarodnaja akademicheskaja mobil'nost' v Rossii. Tendencii, vidy, gosudarstvennoe stimulirovanie // Jekonomika regiona. — 2019. — T. 15, vyp. 2. — S. 420–435.

10. *Skvorcov Ju. A.* Regional'nye osobennosti obrazovatel'noj migracii Donbassa // Vestnik Doneckogo pedagogicheskogo instituta. — 2017. — № 3. — S. 176–181.
11. *Usha T. Ju.* Opyt jazykovoj adaptacii inofonov kak otrazhenie migracionnoj politiki // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. — 2014. — № 170. — S. 26–34.
12. *Florinskaja Ju. F.* Migracija semej s det'mi v Rossiju: problemy integracii (po materialam sociologicheskih oprosov centra migracionnyh issledovanij) // Problemy prognozirovanija. — 2012. — № 4 (133). — S. 118–127.
13. *Florinskaja Ju. F., Mkrtchjan N. V., Maleva T. M., Kirillova M.* Migracija i rynok truda. — M.: ID "Delo", 2015. — 108 s.

ВОЛОХ Владимир Александрович,
д.полит.н.,
профессор Государственного университета управления,
почетный работник ФМС России,
Москва, Россия.
E-mail: v.volokh@yandex.ru

АЙДЫНБЕКОВ Эльмар Фаррухович
старший преподаватель АНО
дополнительного профессионального образования
«Международный институт образования и развития»,
Москва, Россия.
E-mail: elmar_aydynbekov@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: миграция, государственная политика, управление, законодательство, пандемия, указ.

Код JEL: Z18

Указом Президента Российской Федерации в конце 2018 г. была утверждена новая Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. В этом политическом документе определены цель, принципы, задачи и основные направления государственной миграционной политики на период до 2025 г., исходя из анализа практики регулирования миграционных процессов и современного понимания национальных и глобальных проблем миграции.

В этом документе особенно отмечается, что «устойчивое социально-экономическое положение, сохранение исторических и культурных связей народов государств — участников Содружества Независимых Государств, взаимные безвизовые поездки, учреждение Евразийского экономического союза являются мощными факторами миграционной привлекательности Российской Федерации» [Указ Президента, 2018].

Главной целью государственной миграционной политики на этом этапе ставилось «создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышения качества жизни ее населения, обеспечения безопасности государства, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода» [Указ Президента, 2018].

Исходя их этой цели, в государственно-политическом документе, которым является этот указ, были определены принципы, задачи, основные направления и вопросы международного сотрудничества Российской Федерации в сфере миграции.

Следует отметить, что государственная миграционная политика на этот период предусматривала в основном два ярко выраженных направления, касающихся организации работы с мигрантами, которые планируют связать свою дальнейшую жизнь с Россией (получить разрешение на временное проживание, вид на жительство, гражданство РФ), и с теми, кто временно находится в нашей стране (временно пребывающие, например, иностранные работники, осуществляющие трудовую деятельность).

В целях реализации миграционной политики приняты распоряжение Правительства Российской Федерации [Распоряжение Правительства, 2019] и политико-правовые акты федеральных, местных и муниципальных органов исполнительной власти, а также организована определенная работа по их выполнению. Следует отметить, что миграционные процессы в Российской Федерации продолжали оставаться одним из основных факторов, оказывающих существенное влияние на демографическую и социально-экономическую ситуацию в стране.

По данным Государственной информационной системы миграционного учета, на территорию Российской Федерации в 2019 г. въехало 15,3 млн иностранных граждан и лиц без гражданства. Основной целью въезда иностранных граждан на территорию Российской Федерации остается «частная», с которой прибыло 34,6% всех въехавших иностранных граждан. Цель въезда «работа по найму» составляет 21,1% (АППГ[1] —

[1] АППГ — аналогичный период прошлого года.

22,1%). Основной поток трудовых мигрантов образуют граждане Узбекистана (37,1%), Таджикистана (21,7%) и Киргизии (14,4%). Единственной целью въезда, заявленной иностранными гражданами при въезде в Российскую Федерацию, в рамках которой наблюдается увеличение миграционного потока, является «туризм». Рост составил 16%. Всего в 2019 г. с туристическими целями въехало 23,1% от всех иностранных граждан, прибывших на территорию Российской Федерации.

По состоянию на 1 января 2020 г. на территории Российской Федерации находилось 10,5 млн иностранных граждан. По сравнению с 2019 г. численность находящихся увеличилась на 812,4 тыс. человек (+8,4%). Увеличение числа находящихся в Российской Федерации иностранных граждан обусловлено в основном ростом количества прибывающих граждан Китая (+218 тыс. человек), Таджикистана (+108,5 тыс.), Узбекистана (+106,4 тыс.), Азербайджана (+82,8 тыс.), Киргизии (+63,3 тыс.).

Большинство иностранных граждан, пребывающих на территории Российской Федерации, составляют трудовые мигранты (37,3%); туристы — 13,8%; лица, прибывшие с целью учебы, — более 4%. На граждан государств — участников СНГ приходится 78,8% (АППГ — 84,1%) от общего числа находящихся иностранных граждан. Наибольшее количество иностранных граждан находится в Центральном (38,2%) и Северо-Западном (17,3%) федеральных округах.

Возникновение нового вируса COVID-19 нанесло серьезный удар по российской экономике. Российские аналитики и экономисты оценивают спад ВВП РФ в 2020 г. на уровне 6%, предсказывая, что докризисный уровень может быть достигнут только к середине 2022 г., либо объявляют, что полного восстановления экономики не произойдет в течение нескольких лет [Сергеев, 2020]. При этом официально объявленная государственная поддержка экономики составляет в России около 2% ВВП (в Германии это более 10% ВВП, во Франции — 9%, в Италии — 6%, Китае — 4%). Академик РАН А. Аганбегян прогнозирует увеличение числа бедных в стране с 18 млн человек до 30 млн и более.

В этой ситуации мигранты оказались в более сложном положении, чем россияне, по целому ряду причин: потеря работы без каких-то бонусов и гарантий, невозможность уехать домой из-за закрытых границ, отсутствие каких-либо запасов и денежных средств, аренда жилья, скученность проживания без шансов на изоляцию, т.е. повышенный риск заразиться и при этом затрудненность доступа к медицинской помощи [Воронина и др., 2020].

Местное население в ряде случаев видит в мигрантах угрозу не только как в конкурентах на рынке труда в связи с растущей безработицей, но и как потенциальных, а порой уже и реальных лицах, совершающих правонарушения. И в целом небезосновательно. Не стоит закрывать на это глаза.

Необходимо отметить, что Россия является одним из центров глобальных миграционных потоков. В нашу страну, как отмечалось ранее ежегодно приезжает 15–17 млн иностранных граждан и находится в течение года около 10 млн. Проводилась работа по адаптации иностранных граждан в период их временного пребывания в стране [Дмитриева, 2020]. В момент закрытия границ подавляющее большинство из этих людей были вынуждены остаться в России, не имея документов на длительное пребывание и работу. В этих условиях власти России принимают серьезные меры, которые можно даже сравнить с миграционной амнистией. Исходя из сложной ситуации, в которой оказались граждане иностранных государств, и гуманитарных побуждений, Президентом России издан указ [Указ Президента (б), 2020], которым всем лицам была предоставлена возможность урегулировать свой правовой статус для законного пребывания и работы в России. Также следует отметить, что Указом Президента РФ от 23 сентября 2020 г. № 580 [Указ Президента (а), 2020] срок действия принятых решений продлен до 15 декабря 2020 г.

В соответствии с указом было приостановлено течение сроков миграционных документов и не принимаются решения об их аннулировании, в частности — сроков временного пребывания (включая продление виз), временного или постоянного проживания (включая продление вида на жительство), сроков, на которые иностранные граждане поставлены на учет по месту пребывания или зарегистрированы по месту жительства, а также сроков действия свидетельств о временном убежище, удостоверении беженца. Также в отношении иностранных граждан не принимались решения об аннулировании ранее выданных виз, разрешений на временное проживание, видов на жительство, разрешений на работу, патентов и свидетельств участника Госпрограммы переселения соотечественников, лишении статуса беженца или временного убежища. Введены ограничения на осуществление контрольно-надзорной деятельности в сфере миграции. Более того, не принимаются решения о выдворении, депортации, реадмиссии, нежелательности пребывания, сокращении сроков временного пребывания.

В условиях пандемии федеральные, местные и муниципальные органы власти, а также территориальные органы МВД России не прекращали работу и предоставляли всем гражданам необходимые государственных услуги.

Благодаря реализованному комплексу мер документировано свыше 1,5 млн человек, нуждавшихся в продлении законного срока пребывания и оформлении разрешений на трудовую деятельность.

Повышенное внимание уделяется вопросам возвращения в страну исхода граждан, уже находящихся в специальных учреждениях временного

содержания. Приняты меры по недопущению возникновения среди иностранных граждан трудовых конфликтов, протестных проявлений, в том числе забастовок.

Таким образом, нивелированы все социальные риски, включая ухудшение криминогенной ситуации, связанной с ростом преступности среди иностранцев. Вопреки многочисленным прогнозам разных российских и зарубежных экспертов в нашей стране не произошло всплеска противоправных действий со стороны мигрантов, массовых протестов и беспорядков.

Стоит отметить, что значительным вкладом в недопущение негативного развития ситуации стало тесное взаимодействие с нашими зарубежными коллегами, а также деятельное участие общественных организаций. Благодаря совместным усилиям были благополучно разрешены ситуации, связанные с концентрацией иностранных граждан вблизи пунктов пропуска через границу — в аэропортах, на вокзалах, в морских портах, автомобильных и пеших терминалах.

В этот период была проведена информационная кампания о правилах временного пребывания и работы иностранцев в России, порядке получения необходимых документов, правах и обязанностях граждан в условиях ограничительных мер. Все это позволило в целом обеспечить безопасность и правопорядок.

Вместе с тем ситуация в сфере миграции в Российской Федерации по-прежнему остается сложной, что требует принятия необходимых мер по дальнейшему совершенствованию государственной миграционной политики и управления миграционными процессами в условиях пандемии.

Президент России дал поручение провести комплексное реформирование миграционных режимов и института гражданства. МВД России следует упростить правила пребывания, сделать более понятные и выполнимые условия соблюдения требований закона. В ближайшие годы будет создана новая информационная инфраструктура. Государственные услуги станут доступны всем иностранцам в режиме онлайн, включая личный кабинет, многофункциональные электронные сервисы. Практически полностью завершен переход на использование электронного приглашения на въезд в Российскую Федерацию. Со следующего года планируется ввести электронную визу для въезда и пребывания на всей территории страны.

Нельзя не отметить еще одно историческое событие — впервые за последние 27 лет 1 июля 2020 г. состоялся Референдум по Конституции Российской Федерации, поправки которой затронули все сферы жизни общества, в том числе и миграционную сферу.

Список литературы

1. *Воронина Н. А., Суворова В. А., Волох В. А.,* Миграционная политика в новой реальности: выход из пандемии // Власть. — 2020. — Том 28. № 4. — С. 26–32.
2. *Дмитриева Т. Н.* Приоритеты инструментального обеспечения политики интеграции мигрантов в контексте расширения Евразийского экономического союза // Власть, информационные технологии, массовое сознание: основные тенденции современного политического развития: сборник научных статей / под ред. А. Ю. Полунова. — М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2017. — С. 61–68.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2019 г. № 265-р «О плане мероприятий по реализации в 2019–2021 годах концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72084086/
4. *Сергеев М.* Восстановления российской экономики ждут к середине 2022 года // Независимая газета. — 2020. — 19 мая.
5. Указ Президента (а) РФ от 23 сентября 2020 г. № 580 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 18 апреля 2020 г. № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74569600/
6. Указ Президента (б) РФ от 18 апреля 2020 г. № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73813348/.
7. Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71992260/.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Voronina N. A., Suvorova V. A., Voloh V. A.,* Migracionnaja politika v novoj real'nosti: vyhod iz pandemii //Vlast'. — 2020. — Tom 28. № 4. — S. 26–32.
2. *Dmitrieva T. N.* Prioritety instrumental'nogo obespechenija politiki integracii migrantov v kontekste rasshirenija Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza // Vlast', informacionnye tehnologii, massovoe soznanie: osnovnye tendencii sovremennogo politicheskogo razvitija: sbornik nauchnyh statej / pod red. A.Ju. Polunova. — M.: ARGAMAK-MEDIA, 2017. — S. 61–68.
3. Rasporjazhenie Pravitel'stvo Rossijskoj Federacii ot 22 fevralja 2019 g. № 265-r «O plane meroprijatij po realizacii v 2019–2021 godah koncepcii gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na 2019–2025 gody». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72084086/

4. *Sergeev M.* Vosstanovlenija rossijskoj jekonomiki zhdut k seredine 2022 goda // Nezavisimaja gazeta. — 2020. — 19 maja.
5. Ukaz Prezidenta (a) RF ot 23 sentjabrja 2020 g. № 580 «O vnesenii izmenenij v Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 18 aprelja 2020 g. № 274 «O vremennyh merah po uregulirovaniju pravovogo polozhenija inostrannyh grazhdan i lic bez grazhdanstva v Rossijskoj Federacii v svjazi s ugrozoj dal'nejshego rasprostranenija novoj koronavirusnoj infekcii (COVID-19)». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74569600/.
6. Ukaz Prezidenta (b) RF ot 18 aprelja 2020 g. № 274 «O vremennyh merah po uregulirovaniju pravovogo polozhenija inostrannyh grazhdan i lic bez grazhdanstva v Rossijskoj Federacii v svjazi s ugrozoj dal'nejshego rasprostranenija novoj koronavirusnoj infekcii (COVID-19)». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73813348/
7. Ukaz Prezidenta RF ot 31 oktjabrja 2018 g. № 622 «O Koncepcii gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na 2019 — 2025 gody». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71992260/

ГАБДРАХМАНОВ Нияз Камилевич
к.г.н., доцент, научный сотрудник,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
ПУЛ «Развитие университетов»,
Москва, Россия.
E-mail: ngabdrahmanov@hse.ru

РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Ключевые слова: молодежная миграция, региональная аттрактивность, геодемографическая ситуация, прогноз численности населения, региональное развитие, образовательная миграция, молодежная политика, население, региональные различия.

Коды JEL: J11, O15, R23

Вклад образовательной миграции в социально-экономическое развитие регионов не вызывает сомнения. Начиная с того, что она оказывает влияние на количественные характеристики субъектов (численность населения), и заканчивая качественными (человеческий капитал). Эта ситуация не вызывала бы серьезных опасений, если бы не усугублялась невозвратностью молодежи в родные регионы и населенные пункты [Сан-

никова, 201]). Актуальность исследования связана с масштабом миграции молодежи и последствиями этого процесса для социально-экономической ситуации в регионах России. Исследования последних лет констатируют, что территориальная организация общества на государственном уровне в неполной мере учитывает территориальные особенности формирования и распределения демографического потенциала в различных социально-экономических условиях [Габдрахманов, 2019]. Образовательная политика на федеральном уровне определяет точки роста человеческого капитала на карте российского образования, а региональная политика определяет мотивы и аттракторы регионального масштаба. Образовательная политика является обязательным разделом стратегии социально-экономического развития регионов и важным элементом конструирования жизненных траекторий.

Молодежь по-прежнему остается наиболее мобильной группой населения, чаще всего исследователи выделяют два пика миграционной активности молодежи. Первый связан с выбором университета, второй с трудоустройством. И совсем недавно нами был замечен еще один незначительный пик миграционной активности молодежи, связанный с поступлением в магистратуру.

Данные Ростата свидетельствуют о том, что 64% регионов России испытывают миграционный отток молодежи в возрасте 16–17 лет. Ориентацию населения на переезд с образовательной целью подтверждают проводимые социологические опросы [Галанина, 2019]. Одним из индикаторов привлекательности регионов России для молодежи может стать показатель миграционного прироста в конкретных возрастных группах. Большая часть первокурсников — это лица в возрасте 18 лет. Именно по этой причине далее мы оцениваем привлекательность регионов на основе изменения численности данной возрастной группы. С нашей точки зрения, текущие передвижения молодежи оказывают незначительное влияние на социально-экономическое положение регионов, однако их влияние растет по мере их включенности в экономику региона посредством трудоустройства. Именно поэтому важно оценить последствия такого рода перераспределения молодежи между регионами в будущем. Перспективная численность 18-летних была рассчитана на основе текущей возрастной структуры населения методом передвижки возрастов, что позволило оценить потенциальный прирост данной группы населения в 2026 г. После сопоставления значений текущей привлекательности регионов и перспективного прироста 18-летних были выделены четыре группы регионов с точки зрения их привлекательности и демографического прогноза. Прогнозируемый рост численности молодежи интерпретируется нами как потенциал социально-экономического роста регионов России. При стратегическом планировании важно понимать и учитывать привлекательность

региона для молодежи и всячески повышать его аттрактивность, а также вести грамотную молодежную политику. В противном случае игнорирование появившихся возможностей демографического роста будет сложно компенсировать.

На основе сопоставления двух значений текущего прироста 18-летних, который обусловлен в основном миграцией, и прогнозного прироста 18-летних, который обусловлен естественным движением населения, нами было получено четыре группы регионов (рис. 1).

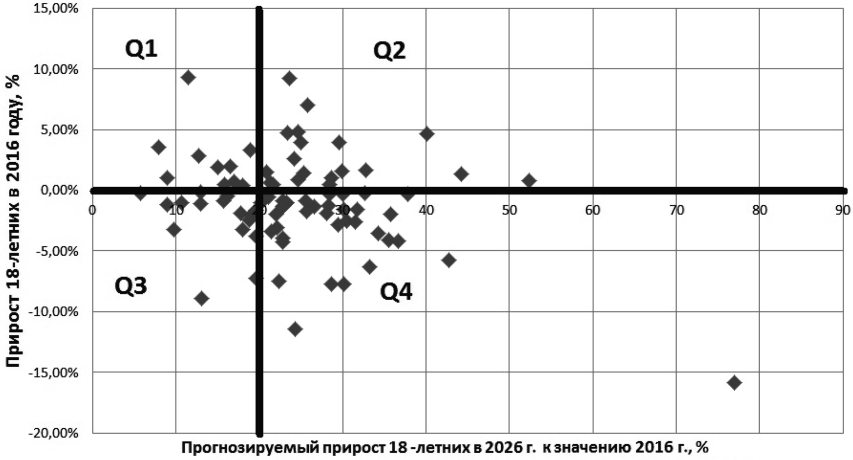

Рис. 1. Группировка регионов России по текущим и прогнозным значениям темпов прироста 18-летних

В группу регионов Q1 вошло 10 субъектов, которые характеризуются незначительным приростом 18-летних, способных компенсировать низкие темпы роста высокой привлекательностью региона. Так как одним из ведущих аттракторов молодежи в нашем исследовании выступает высшее учебное заведение, то можно предположить высокую роль университетов этих регионов в решении задач привлечения и сохранения молодежи.

Группа Q2 — наиболее обеспеченные с точки зрения демографии регионы, так как они характеризуются привлекательностью для молодежи, и в то же время в них прогнозируется прирост 18-летних к 2026 г. более чем на 20%. В данную группу вошло 20 субъектов из анализируемого списка. Отличительной особенностью групп Q1 и Q2 является их привлекательность, которая обеспечивает прирост численности молодежи как за счет образовательных услуг, так и за счет рынков труда.

Группу Q3 составляют регионы, которые находятся в зоне риска. Они характеризуются отрицательным приростом молодежи. В то же время

этот процесс оттока не может компенсироваться низкими прогнозными значениями прироста численности 18-летних в регионе. В состав данной группы вошло 16 регионов.

Группа регионов Q4 характеризуются отрицательным приростом 18-летних в 2016 г., при этом в этих регионах прогнозируется прирост этой группы населения на более чем 20%. Группа объединила 37 регионов. Отрицательное сальдо 18-летних свидетельствует о низкой привлекательности региона с точки зрения получения образования и трудоустройства. Сохранение данной картины приведет к потере значительной доли молодежи, которая будет насыщать регион.

Таким образом, отсутствие внимания к анализу демографических предпосылок и текущей емкости образовательной инфраструктуры региона может привести к ситуации, которую мы наблюдаем относительно дошкольных образовательных учреждений. Если в первом случае потребители услуг менее мобильны в пространстве, то в случае с университетами абитуриенты не готовы ждать несколько лет своей очереди и, вероятно, будут использовать инфраструктуру других регионов. Неготовность вузовской сети к росту числа потребителей образовательных услуг повлечет за собой серьезные экономические, социальные и культурные потери регионов, которые проявляются прежде всего в потере наиболее приоритетной с точки зрения дальнейшего социально-экономического развития группы населения — молодежи. Проведенный анализ позволил выделить регионы, которые в ближайшее время столкнутся с существенным изменением половозрастной структуры населения, усилением демографической нагрузки, культурной трансформацией, поскольку намерение уехать в «большой город» есть у большинства россиян. Необходимо понимать, что вуз в другом регионе или городе часто воспринимается студентами как возможность закрепиться, поэтому, потеряв их на этапе выбора университета, вероятность потерять их навсегда очень высока. Региональные власти должны формировать внутри региона конкурентоспособную систему высшего образования и соответствующий ей рынок труда. Таким образом, можно сформировать благоприятную среду для накопления человеческого капитала внутри региона.

Список литературы

1. *Габдрахманов Н. К., Никифорова Н. Ю.* Роль высшего учебного заведения в пространственной поляризации молодежи // Экономика региона. — 2019. — Т. 5. № 4. — С. 1103–1114.
2. *Галанина А.* Выпускникам рекомендовали столицы // Известия. URL: https://iz.ru/744525/angelina-galanina/vypusknikam-rekomendovali-stolitcy/ (дата обращения: 19.03.2019).

3. *Санникова О. В.* Некомпенсируемая образовательная миграция как проблема развития российского региона // Теория и практика общественного развития. — 2015. — № 24. — С. 19–21.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Gabdrahmanov N. K., Nikiforova N. Ju.* Rol' vysshego uchebnogo zavedenija v prostranstvennoj poljarizacii molodezhi // Jekonomika regiona. — 2019. — T. 5. № 4. — S. 1103–1114.
2. *Galanina A.* Vypusknikam rekomendovali stolicy // Izvestija. URL: https://iz.ru/744525/angelina-galanina/vypusknikam-rekomendovali-stolitcy/ (data obrashhenija: 19.03.2019).
3. *Sannikova O. V.* Nekompensiruemaja obrazovatel'naja migracija kak problema razvitija rossijskogo regiona // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. — 2015. — № 24. — S. 19–21.

ГЛУЩЕНКО Галина Ивановна
д.э.н., старший научный сотрудник
экономического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова,
кафедра мировой экономики,
Лаборатория по изучению социально-экономических проблем
развивающихся стран,
Москва, Россия.
E-mail: gala@gluschenco.ru

РОЛЬ МИГРАЦИИ ТАЛАНТОВ В ПОВЫШЕНИИ ЦИФРОВОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Ключевые слова: миграция, таланты, человеческий капитал, мобильность талантов, конкурентоспособность.

Коды JEL: F01, F22, J08, J24, J68.

Элитный человеческий капитал является важнейшим ресурсом и условием динамичного развития цифровой экономики. Особую роль в повышении цифровой конкурентоспособности играет миграция элитного человеческого капитала (ЭЧК). Цель данного доклада состоит в исследовании факторов, повышающих привлекательность стран и обеспечивающих достойные позиции в мире, ориентированном на проникновение цифровых технологий во все отрасли и сферы жизни. Методом, используемым авто-

ром, является анализ основных трендов развития конкуренции за привлечение талантов, особенно в области науки и техники. Новизна исследования заключается в рассмотрении детерминант мобильности ЭЧК в условиях долгосрочных тенденций развития современного общества.

Прежде всего следует определиться с понятием ЭЧК или, как его часто называют, талантом. Исследователи различных областей науки, изучающие данный вопрос, пытаются по-разному охарактеризовать ЭЧК с точки зрения качественных и количественных характеристик. В экономической науке под элитным ЧК обычно понимают высококвалифицированных специалистов. В частности, в работах, исследующих мобильность, вводятся критерии:

— образовательного уровня;
— заработной платы;
— принадлежности к той или иной профессии.

Различают три типа мобильности талантов: а) предприниматели и инженеры, б) академические таланты (ученые, ученые и иностранные студенты), в) таланты в социальных и культурных секторах, например в здравоохранении, а также журналисты и музыканты. Вводится понятие технического таланта, учитывающего информацию об образовании и профессии, т.е. человеческие ресурсы в науке и технике.

Человеческий капитал становится все более важным ресурсом для экономического развития и роста. Международная миграция (ММ) обеспечивает доступ к талантливым и квалифицированным специалистам. Охватывая все сегменты рынка труда от низкоквалифицированного до элитного, создающего возможность для инноваций и стимулирующего быстрый технический прогресс, ММ играет особую роль в привлечении ЭЧК. В связи со снижением рождаемости ММ превратилась, с одной стороны, в структурный элемент экономики, без которого невозможен нормальный процесс воспроизводства. С другой стороны, трансформация среды обитания и трудовой деятельности вносит коррективы в совокупность необходимых знаний, умений, навыков, компетенций, характеризующих ЧК высокого качества. Совершенствование системы образования может через определенное время адаптировать ее к новым условиям подготовки требующихся кадров. Однако без ММ ЭЧК, определяющего «инновационную силу» общества, восполнить дефицит данного ресурса в короткие сроки проблематично.

В ОЭСР разрабатываются показатели привлекательности талантов, помогающие на основе комплексной оценки определить сильные и слабые стороны стран в привлечении и удержании талантов. Проект «Привлекательность талантов» различает три профиля мигрантов:

1. Талантливые люди с высшим образованием. В Китае правительство упростило процесс подачи заявления на визу. Нацеленные на талантли-

вых иностранных специалистов, в том числе профессионалов в области инноваций, революционных технологий и новых отраслей промышленности, а также ученых в стратегических секторах, помимо частного сектора, даже государственные предприятия демонстрируют растущий спрос на международный персонал [Zhou, 2016]. В области создания электромобилей китайские стартапы переманивают старших менеджеров из Tesla Motors Inc, BMW, Infiniti China [Zhengzheng, 2016].

2. Предприниматели-мигранты — активные инвесторы, т.е. те иностранные граждане, которые активно управляют бизнесом, в который они инвестировали в странах назначения. Согласно отчету Национального фонда американской политики, 44 из 87 стартапов стоимостью более 1 млрд долл. были основаны иммигрантами, создавшими в среднем 760 рабочих мест на компанию [Richter, 2018].

3. Иностранные студенты, которые все чаще рассматриваются в качестве ресурса для сохранения и приумножения образованного населения. В странах ОЭСР обучается более 3,7 млн иностранных студентов. 6% всех студентов высших учебных заведений в странах ОЭСР являются иностранными студентами, и эта цифра возрастает до 13% для магистров и 22% для докторов наук [OECD: Education..., 2019]. В 2017 г. рекордные 276 500 иностранных выпускников получили разрешения на работу в рамках программы OPT США по сравнению с 257 100 в 2016 г. [Ruiz et al., 2017].

Поскольку человеческий капитал в условиях цифровизации становится все более важным для экономического развития, доступ к талантливым и квалифицированным специалистам является важным фактором повышения конкурентоспособности. Во всем мире работодатели борются за привлечение квалифицированных работников, особенно в области науки и техники. Многие страны приняли *иммиграционную политику* или программы, поощряющие импорт квалифицированной иностранной рабочей силы.

Финляндия: программа «Привлечение талантов», целью которой является повышение осведомленности о Финляндии и повышение ее привлекательности. Развитие частных и государственных служб для поддержки международного найма, а также создание в крупных городах международных школ, в которых дети учатся на английском языке.

Нидерланды: «Процедура экспатриации» в Нидерландах является еще одним хорошо зарекомендовавшим себя примером более простой процедуры въезда, предназначенной для «мигрантов, обладающих знаниями», когда специальные мероприятия помогают высококвалифицированным иностранным работникам и их семьям беспрепятственно интегрироваться в сообщества в местах их нового проживания.

Чили: учредила в 2010 г. программу «Start-up Chile», чтобы привлечь иностранных предпринимателей для разработки проектов в течение по-

лугодового периода в стране. Инициатива предлагает отобранным кандидатам 40 000 долл. США без начального капитала и рабочую визу, и она принесла пользу проектам из более чем 70 стран.

Австрия: программа «Go Austria», созданная в 2015 г., ориентирована на привлечение предпринимателей из-за пределов Европы для размещения своего бизнеса в стране.

Франция: с 2015 г. правительством учреждена программа «French Tech Ticket» для привлечения международных стартапов путем предоставления им финансовой поддержки в размере 45 000 евро. Введена ускоренная процедура членам команды для получения вида на жительство, помощь в административных процедурах и регулярные тренерские сессии [Tuccio, 2019].

Великобритания: в феврале 2020 г. были внесены изменения в правила получении визы Tier 1 «Исключительный талант». Введенная виза «Глобальный талант» ориентирована на талантливых и многообещающих специалистов. Ранее лишь небольшое количество старших исследователей имели право на получение визы Tier 1. В новой модификации введено понятие «одобренные спонсоры». Любой, кто упоминается как исполнитель при получении гранта от одобренного спонсора, потенциально имеет право на визу. Гранты могут быть получены в области науки, техники, медицины, социальных или гуманитарных наук. Список одобренных спонсоров очень широк: Британская академия, Королевская инженерная академия, Королевское общество или UK Research and Innovation (UKRI). Однако он не ограничивается только профилем STEM[1], а включает все исследовательские советы Великобритании, благотворительные организации и фонды, такие как Wellcome, Cancer Research UK и British Heart Foundation, Arts Council England или Tech Nation, финансирование Horizon 2020 и ряд других международных спонсоров [Global..., 2020].

Привлечение и удержание элитного ЧК обусловливает трансформацию страны в узловой центр инноваций. Пренебрежение важностью улучшения жизненной среды, объектов и инфраструктуры страны может привести к «каскадной миграции» талантов, потере завоеванных позиций. История знает примеры оттока ЭЧК. Нацистскую Германию были вынуждены покинуть 15% ученых, в том числе лауреаты Нобелевской премии по физике: А. Эйнштейн, М. Борн и Э. Шредингер; по химии: Ф. Хабер и О. Мейерхоф. Увольнение 10% преподавателей снизило результативность научных исследований почти на 50 лет. При этом разрушение 10% университетских зданий во время бомбардировок союзников — лишь на четверть по сравнению с изгнанием интеллектуалов и к 1961 г. было полностью восстановлено [Waldinger, 2012].

[1] STEM — наука, технология, инжиниринг, математика.

«Элитизация» регионов позволяет добиться чрезвычайно высоких результатов в различных областях. «Элитизация» в США достигается, в частности, за счет того, что 56% докторантов, защитившихся в США, остаются в стране; примерно 3/4 всех лауреатов Нобелевской премии, независимо от места их происхождения, работают и получают свои награды в США. Почти треть из них — мигранты [Buchholz, 2019]. Начиная с 1990-х гг. Китай также взял курс на создание условий для привлечения и удержания талантов. Как результат, большинство заявок на патенты, связанные с ИИ, подаются в патентных ведомствах Соединенных Штатов Америки (152 981 заявка) и Китая (137 010). Обе страны сочетают большое количество инноваций и потенциал в качестве рынка для изобретений, связанных с ИИ [Artificial Intelligence, 2019; Jappe et al., 2019].

Еще на один аспект привлекательности для молодых талантливых людей обратили внимание специалисты Института политики высшего образования (HEPI). Лидеры, получившие образование в других странах, могут служить «мягкой силой» за рубежами страны обучения. С 2015 г. проводилось исследование о главах государств и правительств, обучавшихся за рубежом. Вывод состоял в том, что «мягкую силу» трудно измерить. Однако определенная корреляция существует, и необходимо действовать в данном направлении, привлекая к себе на обучение молодых талантливых людей [Hillman, Huxley, 2019].

Способность привлечь и удержать таланты чрезвычайно важна. Для того чтобы талантливые мигранты могли в полной мере использовать имеющийся потенциал и реализовать свои личные и профессиональные цели, необходимо создать динамичную среду с учетом мотивации потенциальных мигрантов. Секретариатом ОЭСР определяются восемь детерминант привлекательности для талантов той или иной страны. Наряду с экономическими факторами все чаще в качестве важной мотивации выбора места назначения выступают нематериальные факторы: качество жизни и условия окружающей среды; социальная политика; качество системы образования и здравоохранения; отсутствие дискриминации, нетерпимости меньшинств и ксенофобии. Наконец, степень разнообразия и открытости — один из основных нематериальных факторов, определяющих привлекательность страны для талантов, которые в конечном счете являются важнейшим ресурсом повышения конкурентоспособности в условиях цифровизации.

Список литературы

1. Artificial Intelligence / WIPO Technology Trends 2019 [Electronic resource] / WIPO. — Geneva: WIPO, — 2019. — URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_1055.pdf; (date of the application: 10.10.2019).

2. *Buchholz K.* Immigrants Are Driving up Nobel Prize Counts in the U. S. // Statista. — 10.14.2019. URL: https://www.statista.com/chart/19636/share-of-immigrants-winners-of-nobel-prizes-in-the-us/ (date of the application: 22.01.2020).
3. Global Talent Visa / UK Research and Innovation. URL: https://www.ukri.org/research/international/global-talent-visa/ (date of the application: 03.06.2020).
4. *Hillman N., Huxley T.* The soft-power benefits of educating the world's leaders // HEPI Policy. — September 2019. — № 16. URL: https://hbr.org/2019/10/reskilling-workers-is-a-central-part-of-corporate-social-responsibility (date of the application: 10.10. 2019).
5. How do OECD countries compare in their attractiveness for talented migrants? // Migration Policy Debates. — May 2019. — № 19. URL: https://www.oecd.org/els/mig/migration-policy-debates-19.pdf (date of the application: 22.01.2020).
6. *Jappe A., Pithan D., Heinze T.* Charting the rise and fall of North American leadership in global science: Insights from the population of Nobel Laureates // The LSE UK Center. — 02.25.2019. URL: http://bit.ly/2YMx95c (date of the application: 10.10.2019).
7. OECD: Education at a Glance 2019/ OECD Publishing. — Paris, 2019. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2019_f8d7880d-en#page1 (date of the application: 22.01.2020).
8. *Richter F.* Immigrant Entrepreneurs Shape America's Startup Economy // Statista. — 05.31.2018. URL: https://www.statista.com/chart/14065/countries-of-origin-of-immigrant-founders-of-billion-dollar-startups/ (date of the application: 22.01.2020).
9. *Ruiz N. G., Budiman A.* Number of foreign college graduates staying in U. S. to work climbed again in 2017, but growth has slowed // Pew Research Center. — 07.25.2018. URL: https://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/07/25/number-of-foreign-college-graduates-staying-in-u-s-to-work-climbed-again-in-2017-but-growth-has-slowed/ (date of access: 22.01.2020).
10. *Tuccio M.* Measuring and assessing talent attractiveness in OECD countries // OECD Social, Employment and Migration Working Papers № 229. — 2019. URL: https://www.oecd.org/migration/mig/Measuring-and-Assessing-Talent-Attractiveness-in-OECD-Countries.pdf (date of access: 22.01.2020).
11. *Waldinger F.* Invest in brains, not buildings, to raise scientific output and impact // The London School of Economic and Political science. — 2012. URL: https://blogs.lse.ac.uk/impactofsocialsciences/2012/07/27/brains-not-buildings-impact (date of access: 10.10.2019).
12. *Zhengzheng G.* Future mobility in global talent grab // China Daily. — 04.28.2016. URL: https://www.chinadaily.com.cn/cndy/2016-04/28/content_24916258.htm (date of access: 01.02.2020).
13. *Zhou Su* Chinese companies' search widens for overseas professionals // China Daily. — 05.09.2016. URL: https://www.chinadaily.com.cn/business/2016-05/09/content_25144148.htm (date of access: 01.02.2020).

ЖУРАВЛЕВ Назар Юрьевич
старший инженер
отдела социально-экономических проблем ФГБУН,
Институт социально-экономических
и энергетических проблем Севера
Коми НЦ УрО РАН,
Сыктывкар, Россия.
E-mail: zhuravlev.nazar@yandex.ru

МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНЫХ ГОРОДОВ: КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ[1]

Ключевые слова: молодежь, Север, факторы миграции.

Коды JEL: J13,O15, R23

Миграция сыграла важную роль в формировании населения Севера и послужила эффективным инструментом освоения его потенциала. Однако на сегодняшний день для населенных пунктов, расположенных на северных территориях, да и для северных регионов в целом, актуальна проблема постоянного оттока населения. Данное явление в долгосрочной перспективе является серьезным препятствием для формирования и развития человеческого и производственного потенциала северных регионов, что особенно актуально в связи с повышенным вниманием государства к Арктической зоне.

Данные статистических исследований последних лет (2008–2017) указывают на негативное влияние миграционных процессов на человеческий капитал и human resources в большинстве приарктических регионов как на устойчивую тенденцию [Шарапов, Чувашова, 2019].

Объединяющим трендом для миграционных процессов на Российском Севере является разрушение демографического потенциала, снижение численности населения, адаптированного к специфическим северным условиям, и уменьшение плотности населения в стратегически важных районах [Фаузер и др., 2001].

Процесс миграционного оттока не является чем-то из ряда вон выходящим для Севера. В Республике Коми, являющейся в этом качестве показательной, в середине XX в. рост численности населения произошел

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Республики Коми, проект «Занятость в малом предпринимательстве (на примере Республики Коми)» № 18-410-110002 на 2018–2020 гг.

именно благодаря активной миграционной политике государства. Однако уже начиная с конца 80-х республика начала терять население за счет выбывших за ее пределы [Фаузер и др., 2016]. Наиболее масштабный характер отток населения приобрел в период 1991–1995 гг., несколько сократившись с началом 2000-х. В настоящее время тренд на миграционную убыль сохраняется, в 2018 г. ее величина составила 9276 человек [Миграция населения, 2019].

Молодежь является важнейшим фактором развития региона, позволяющим укрепить его инновационный потенциал и человеческий капитал. В свою очередь, доля молодежи в общей численности выбывших за пределы региона довольно значительна. В Республике Коми за период с 2009 по 2018 г. более трети покинувших регион являются лицами от 15 до 29 лет, в 2018 г. величина составила 31,1% [Миграция населения, 2010–2019].

Молодые люди также являются носителями наиболее актуальных знаний и навыков. Отток населения с высшим образованием негативно сказывается на уровне человеческого потенциала. Большая часть северных регионов страдает от оттока специалистов со средним и высшим образованием [Шарапов, Чувашова, 2019, с. 71], в их числе и Коми.

Игнорирование существующих миграционных установок молодых людей, непонимание факторов и причин, оказывающих влияние на их формирование, в конечном итоге не позволит осознанно подойти к реализации мер эффективной миграционной политики для сокращения массового оттока перспективных молодых специалистов.

Таким образом, в качестве цели исследования выступает оценка миграционных установок молодых людей (до 29 лет) и влияющих на них факторов.

В рамках исследования предпринимательского потенциала населения был введен блок вопросов, позволяющих определить основные миграционные факторы, имеющие значение для принятия решения о смене места жительства. Метод исследования — опрос. Время проведения — четвертый квартал 2018 г. Местом проведения исследования выступили четыре города Республики Коми — три моногорода (Воркута, Инта, Усинск) и столичный город (Сыктывкар). Население этих городов составляет 411,1 тыс. человек, или 76,1% всего населения городов Коми. Объектом исследования выступили люди в возрасте экономической активности, от 16 до 60 лет и старше. Всего было опрошено 640 респондентов. Выборка целенаправленная, квотная, согласованная с генеральной совокупностью населения городов по полу и возрасту. Ошибка выборки не превышала 5,0%. При разработке анкетного листа учитывалась северная специфика и социально-экономические факторы развития региональных городов.

Миграционные намерения респондентов раскрыты через вопрос «Планируете ли вы отъезд из вашего города?». Большинство молодых людей (64,4%) заявили о желании покинуть родной город. Наибольшая доля потенциальных мигрантов (81,3%) в Воркуте. Инта показала также высокий потенциал к миграции молодежи (71,4%). Чуть лучше ситуация в Усинске (61,1%) и в Сыктывкаре (48,0%). Отчасти это объясняется общим состоянием инфраструктуры и качества жизни — столица предоставляет больше вариантов для профессионального роста, развитую социальную инфраструктуру, вследствие чего миграционный отток не столь значителен. Уровень заработной платы в Усинске значительно выше среднереспубликанского, что позволяет отчасти сгладить существующие проблемы. Инта и Воркута, в свою очередь, относятся скорее к «депрессивным» территориям.

Почти четверть потенциальных мигрантов (24,1%) имеет высшее образование, а 31,2% — среднее профессиональное. Отсутствует значительная разница по полу среди тех, кто планирует покинуть родной город: 44,7% женщины, 55,3% мужчины. Большинство (82,1%) не состоят в браке, что также влияет на высокий уровень миграционной мобильности.

Несмотря на желание сменить место жительства, многие респонденты не имеют четких временных границ переезда. 64,1% опрошенных не определились с датой переезда, и лишь 19,1% уверены, что это произойдет в ближайшем времени.

Территориально молодые жители республики выбрали населенные пункты средней полосы России (61,7%). С одной стороны, это объясняется более мягким климатическим переходом, с другой — расположением там крупных мегаполисов, являющихся центрами притяжения мигрантов. Среди вариантов встречаются города юга России (7,8%), другие страны (8,5%). В качестве цели миграции другие города республики выбрали только жители Воркуты (5%). Часть респондентов (16,3%) не определились с выбором места переезда.

Для определения серьезности миграционных намерений респондентам был предложен вопрос «Какие действия предпринимаются вами для осуществления переезда?» с возможностью указать до двух вариантов ответа. В основном стремление к переезду ограничивается поиском информации о потенциальном месте жительства (49,6%) и возможности трудоустройства (39,0%).

Потенциальные причины отъезда для молодых людей имеют некоторые отличия по сравнению с общей совокупностью (табл.1)

Таблица 1

Потенциальные причины переезда, %

Причины отъезда	% от выборки	
	всего	молодежь
Неразвитая инфраструктура (мало музеев, театров, кафе)	31,9	44,7
Здесь скучно жить	23,8	38,3
Нет возможностей для развития творческих и умственных способностей детей	13,1	36,9
Климат, плохие природные условия, экология	46,2	35,5
Бесперспективность развития города, где проживаю	41,5	34,8
Низкие заработки	32,9	34,8
Отсутствие интересной работы	17,2	30,5
Низкое качество образования/ здравоохранения	27,4	25,5
Отсутствие работы	18,5	22,0
Нет возможностей для самореализации	24,0	19,1
Отдаленность от «центра»	18,3	13,5
Все знакомые переехали / или собираются уехать	11,7	7,8

Значительную роль в жизни молодых людей играют досуг и возможность разнообразить свою жизнь, поэтому среди причин, побуждающих сменить место жительства, неразвитая развлекательная инфраструктура (44,7%) и «скучная жизнь» (38,3%) занимают первую и вторую строчку соответственно.

Стоит отметить также, что проблема с поиском работы среди молодежи стоит не так остро, как отсутствие возможности реализовать себя в интересной профессии. Отсутствие интересной работы в качестве причины для переезда (30,5%) более значимо, чем отсутствие работы в целом (22%).

Климат является одной из распространенных причин переезда среди северных регионов [Шарапов, Чувашова, 2019]. В общей совокупности неблагоприятный климат как причину миграции указало 46,2% опрошенных. Для молодежи климат также является важным фактором, определяющим ее миграционные установки, его отметили 35,5%.

Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на многообразие факторов, одним из основных является именно отсутствие веры в перемены к лучшему. Значительная часть молодежи северных городов не только негативно воспринимает условия, в которых они живут в настоящий момент, но и не видит перспектив для дальнейшего развития (34,8%).

Миграционный отток молодежи наряду с естественной убылью населения негативно влияет как на текущее качество человеческого капитала, так и на перспективы его развития. Возрастная структура населения изменяется, доля пожилых людей увеличивается, и, если проблеме миграционного оттока не будет уделено достаточно внимания, в конечном итоге это может привести к невозможности полноценного использования потенциала Севера.

Список литературы

1. Миграция населения Республики Коми за 2010–2019 гг. Информационно-аналитический бюллетень. URL: http://komi.gks.ru/ (дата обращения: 02.08.2020).
2. *Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н.* Демографические и миграционные процессы на Российском Севере: 1980–2000 гг. / отв. ред. д-р экон. наук, профессор В. В. Фаузер. — Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. — 168 с.
3. *Фаузер В. В., Рожкин Е. Н., Загайнова Г. В.* Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. — Сыктывкар, 2001. — 124 с.
4. Федеральный закон от 13 июля 2020 г. N 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007130047 (дата обращения: 02.08.2020).
5. *Шапаров А. Е., Чувашова Н. И.* Влияние миграции на качество человеческого капитала регионов Российской Арктики // Россия: тенденции и перспективы развития. — 2019. — № 14–2. — С. 714–717.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Migracija naselenija Respubliki Komi za 2010–2019 gg. Informacionno-analiticheskij bjulleten'. URL: http://komi.gks.ru/ (data obrashhenija: 02.08.2020).
2. *Fauzer V. V., Lytkina T. S., Fauzer G. N.* Demograficheskie i migracionnye processy na Rossijskom Severe: 1980–2000 gg. / otv. red. d-r jekon. nauk, professor V. V. Fauzer. — Syktyvkar: Izd-vo SGU im. Pitirima Sorokina, 2016. — 168 s.
3. *Fauzer V. V., Rozhkin E. N., Zagajnova G. V.* Respublika Komi v HH veke: demografija, rasselenie, migracija. — Syktyvkar, 2001. — 124 s.
4. Federal'nyj zakon ot 13 ijulja 2020 g. № 193-FZ «O gosudarstvennoj podderzhke predprinimatel'skoj dejatel'nosti v Arkticheskoj zone Rossijskoj Federacii». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007130047 (data obrashhenija: 02.08.2020).
5. *Shaparov A. E., Chuvashova N. I.* Vlijanie migracii na kachestvo chelovecheskogo kapitala regionov Rossijskoj Arktiki // Rossija: tendencii i perspektivy razvitija. — 2019. — № 14–2. — S. 714–717.

ЗАГОРЕЦ Ирина Викторовна
к.геогр.н., Институт управленческих кадров
Академии управления
при Президенте Республики Беларусь,
кафедра экономического развития и менеджмента,
Минск, Беларусь.
E-mail: zaharets_iryna@tut.by

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

Ключевые слова: миграции населения, международная миграция, классификация миграций, статистический учет мигрантов.

Коды JEL: J10, J11

Миграции являются важной составляющей современного демографического развития и требуют пристального изучения представителями различных научных дисциплин. В то же время этому изучению препятствует целый ряд различных факторов. Основными из них нам представляются следующие:

1. Отсутствие единой методологической базы, общего подхода к классификации, терминам, относящимся к миграции, у представителей ученых разных специальностей и стран;
2. Неудовлетворительное состояние статистики миграции, существенно ограничивающей возможности анализа;
3. Политизированность и идеологизированность демографических процессов и исследований миграций.

В рамках советской демографической научной школы существовала четкая классификация миграций, соответствовавшая основным миграционным потокам того периода. Основными критериями классификации миграций были:

- по отношению к границам страны: внутренние (внутри страны) и внешние;
- по конечному их результату: постоянные (безвозвратные) и временные;
- по инициатору и способу организации смены места проживания: самостоятельные и организованные;
- по отношению мигранта к ее осуществлению: добровольные и вынужденные;
- по причинам миграции: экономические (трудовые), политические, этнические, экологические, религиозные и по семейным обстоятельствам.

В условиях существования в стране жесткой системы прописки и обязательной регистрации смены места проживания даже на среднесрочный период учет миграции был четко налажен. Серьезных проблем в определении видов, объемов и направлений миграций не возникало.

Произошедшие с советского периода изменения в миграционных процессах и сам распад СССР существенно изменили характеристики миграций. Произошел не только резкий всплеск их объема, но и существенно изменилась направленность. Назрела необходимость изменения методологических подходов в изучении современных миграций, в том числе и пересмотра существовавшей ранее их классификации. Наиболее ярким примером этого служит классификация миграций на такие категории, как постоянная и временная. На наш взгляд, сами термины «безвозвратная» или «постоянная» вообще безнадежно устарели и неприменимы в современных условиях. В настоящее время отсутствуют границы или преграды, препятствующие возвращению мигрантов или обязывающие мигрантов проживать где бы то ни было постоянно. Многие из мигрантов, прожив в других странах годы и даже десятилетия, возвращаются в страну, из которой они выехали. Население в мире в целом и на постсоветском пространстве в частности активно участвует в мировом миграционном процессе; миллионы людей совершают в ходе жизни два, три и более переезда со сменой страны проживания. Поэтому в настоящее время вместо понятий «безвозвратная» и «постоянная» уместнее использовать термины «длительная» и «краткосрочная» миграция.

Но и при таком вполне обоснованном подходе также существует методологическая или терминологическая ловушка. Данное деление не имеет четких критериев и в зависимости от страны или специальности исследователя (юрист, социолог, географ, экономист), неких его политических предпочтений или сложившейся практики критерии длительности значительно различаются. Все существующие подходы деления на кратковременную и длительную миграции можно условно разделить на две категории.

А) По времени проживания мигранта в новой стране. Но даже здесь отсутствует единый подход. В ряде стран временной критерий связывается с особенностями налогообложения граждан и их статусом налогового резидента. Чаще всего в этом случае граница между кратко- и долгосрочностью устанавливается в размере 180 дней или 6 месяцев в течение года, после чего мигрант приобретает статус налогового резидента. В других странах граница «длительности» миграции еще больше. Так, согласно принятой Росстатом в 2011 г. методике учета миграции в качестве долговременных мигрантов стали учитывать зарегистрированных по месту пребывания на срок девять месяцев и более. В Республике Беларусь с 1 октября 2018 г. статистическому учету подлежат иностранные граждане и лица без гражданства, получившие разрешение на временное проживание на территории Республики Беларусь на один год и более.

Б) Деление на постоянных и временных мигрантов связывается с правовым статусом мигранта — сменой его гражданства или постановкой на консульский учет и сменой серии паспорта. Этот подход характерен, в частности, для Республики Беларусь и ряда других стран. При этом фактический срок проживания при данном подходе вообще не играет роли: «временные» мигранты могут проживать в другой стране и 5 и 10 лет, а «постоянные» вернуться через год. Такой подход имеет существенные недостатки. Миграция (особенно в условиях свободного миграционного пространства) может и не сопровождаться сменой гражданства. Кроме того, сегодня мигрант вообще может иметь одновременно гражданство нескольких стран. Он может также легально проживать длительное время или вообще всю оставшуюся жизнь в другой стране без постановки в ней на консульский учет и уведомления «своей родной» страны.

Существуют проблемы и в классификации мигрантов по причинам миграции на категории «экономические», «политические», «этнические» и др. В современном мире эти градации опять же не имеют четких границ. Примером их размытости является попытка пересмотра критериев получения статуса «беженец» в сторону их расширения. Согласно подобному подходу, люди бегут не только от военных действий, политической, религиозной или другой дискриминации, угроз жизни и здоровью, но и от нищеты, голода, безработицы.

Но и в классификации причин миграции беженцев в рамках классического их определения нет однозначного толкования. Казалось бы, чисто политические миграции даже из стран, где происходят различные политические катаклизмы, которые можно было бы классифицировать как политические, все равно имеют экономическую составляющую. Значительная часть мигрантов и беженцев при выборе страны безопасного проживания останавливаются не на ближайшей стране, благополучной с политической точки зрения, а на стране более благополучной экономически, в которой система социальной поддержки гарантирует значительно больший объем экономической помощи.

Это же проблема возникает и при попытке классифицировать мигрантов на категории «вынужденных» и «добровольных». Грань между этими категориями также очень тонка. Если человек не может найти работу с достойной оплатой труда по месту постоянного проживания и уезжает, то он вынужденный или добровольный мигрант? Терминологические разночтения в определении вида миграции могут приводить к значительным различиям в результатах учета, искажению статистики миграционных процессов.

Второй группой проблем, вызывающих сложности в анализе миграций, являются недостатки их статистического учета. Без достоверных, полных и сопоставимых статистических данных любые выводы из исследования миграции могут оказаться ложными. Не обладая всей полнотой данных,

исследователи часто анализируют лишь «верхушку айсберга», нерепрезентативную часть выборки и невольно приходят к ложным выводам, выявляют противоположные реальности тенденции развития событий. И это не только их вина, но и беда.

Сама методика учета данных по миграции в нашей и других постсоветских странах основывается на методологической базе советского времени. Она была хороша в замкнутых системах и не отражает особенности современных миграционных процессов в открытых системах. Главный недостаток существующих систем учета объема миграции — сложность или невозможность установить его путем учета в стране выезда. Это характерно не только для белорусской статистики, но и для статистики миграции в стране, куда чаще всего направляются белорусские мигранты, — России и для статистики ряда других стран. Существующая методика учета мигрантов государственными органами позволяет точно зарегистрировать количество приезжающих граждан других стран (иммигрантов), а регистрация выезжающих (эмигрантов) охватывает минимальную их часть.

Реальную картину вклада миграционной составляющей в демографические процессы в Республике Беларусь дает сопоставление официальных белорусских данных о размерах внешней миграции страны и стран — реципиентов белорусских мигрантов. Согласно данным стран, принимающих мигрантов из Беларуси, их численность превышает официальные цифры Белстата даже не в разы, а на порядки. Такая картина наблюдается и по миграции на восток в Россию, и на запад в страны Евросоюза. По данным департамента по гражданству и миграции МВД Беларуси за 2019 г. из нашей страны на работу в Россию выехало 4173 человека [Сведения о трудящихся-мигрантах 2020], в то время как по российским данным [ГУВМ МВД РФ, ЦБДУИГ] на 1 июня этого года в России находилось 655 846 трудовых мигрантов из Беларуси [Мониторинг экономической ситуации в России, 2019]. При таких темпах выезда им потребовалось бы 157 лет, чтобы достичь указанной цифры.

Уточнить данные национальной статистики о выезде из страны позволяют социологические опросы и переписи населения. Подобные опросы в последнее время используются в большинстве российских научных публикаций в этой сфере. К сожалению, в Беларуси этому препятствует политизация и идеологизация процессов миграции. Практика игнорирования или занижения миграционного оттока используется как элемент идеологии и пропаганды для подтверждения правильности социально-экономической модели, принятой в стране. В то же время несвоевременное выявление проблем в сфере миграции и отказ от поиска путей их разрешения не только не ослабят или отменят их, но и могут привести к неконтролируемому характеру развития миграционных процессов и крайне негативным их последствиям.

Список литературы

1. Сведения о трудящихся — мигрантах, въехавших на работу в Республику Беларусь и выехавших на работу за границу // МВД Республики Беларусь. URL: https://mvd.gov.by/ru/page/uchet-trudyashihsya-emigrantov-i-trudyashihsya-immigrantov (дата обращения: 29.06.2020).
2. Мониторинг экономической ситуации в России. — 2019. — № 12 (95) Июль. URL: https://iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2019-12-956.pdf (дата обращения: 11.07.2020).

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Svedenija o trudjashhihsja — migrantah, v#ehavshih na rabotu v Respubliku Belarus' i vyehavshih na rabotu za granicu // MVD Respubliki Belarus'. URL: https://mvd.gov.by/ru/page/uchet-trudyashihsya-emigrantov-i-trudyashihsya-immigrantov (data obrashhenija: 29.06.2020).
2. Monitoring jekonomicheskoj situacii v Rossii. — 2019. — № 12 (95) Ijul'. URL: https://iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2019-12-956.pdf (data obrashhenija: 11.07.2020).

ЗЛОТНИКОВ Анатолий Геннадьевич
к.э.н., доцент, факультет экономики и управления
Белорусского торгово-экономического университета
потребительской кооперации,
профессор кафедры права и экономических теорий,
Гомель, Беларусь.
E-mail: zlot@tut.by

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ[1]

Ключевые слова: методология Big Data, миграция, миграционное сальдо, миграция коронавируса.

Коды JEL: J10, J11, O15, R23, Z00

[1] Выполнено по гранту БРФФИ-РГНФ Г20Р-054 «Оценка и алгоритм использования резервов воспроизводства и миграции населения для сохранения демографического роста в Союзном государстве — Россия и Беларусь» (руководители: с российской стороны — д.э.н., профессор Л. Л. Рыбаковский, с белорусской стороны — к.э.н., доцент А. Г. Злотников).

Ситуация в отношении белорусской миграции характеризуется рядом противоречивых выводов. Прежде всего это проблема определения масштабов и тенденций белорусской миграции. Большинство белорусских специалистов, оглядываясь на политическую конъюнктуру в стране, на основе текущего учета миграционного движения считают, что Беларусь имеет положительное сальдо миграции. Но прошедшие переписи населения страны 1999 и 2009 гг. показывают иное — в международном миграционном обмене Беларусь имеет отрицательное сальдо. Так, перепись 1999 г. выявила за период 1989–1999 гг. отрицательное сальдо миграции в 25,3 тыс. человек. Она опровергает предшествующие выводы о положительном сальдо за это десятилетие в 120,1 тыс. человек. Аналогично материалы переписи 2009 г. зафиксировали, что за 1999–2009 гг. отрицательное сальдо миграции составило 97,0 тыс. человек, в то время, как считалось, что Беларусь имеет положительное сальдо в 54,5 тыс. человек. Соответственно, в первом случае разница в оценке составила 145,4 тыс. человек, а во втором — 151,5 тыс. человек.

Но при разработке Национальной программы демографической безопасности на период 2011–2015 гг. эта ситуация по итогам реализации Национальной программы демографической безопасности на 2007–2010 гг. не была учтена. Ее разработчики констатировали, что реализация в 2010 г. предыдущей программы принесла положительное сальдо миграции в 10,3 тыс. человек. Проблема состоит в том, что вместо того, чтобы подводить итоги реализации предыдущей программы за все (2007–2010) годы, в обоснование итогов взят только один — 2010 г., не учитывая результатов переписи населения 2009 г. Если и нам подводить итоги только за один год, то последняя (2019 г.) перепись населения выявила отрицательное миграционное сальдо, вступая в противоречие с текущим учетом миграции. Анализ данных переписи населения 2019 г. выявляет, что за три квартала 2019 г. оно отрицательное. За девять месяцев последнего переписного года численность населения страны уменьшилась на 61,8 тыс. человек. За счет естественного движения численность населения уменьшилась 24,8 тыс. человек: разница на начало критического (4 октября 2019 г.) момента переписи при 65,8 тыс. родившихся и 90,6 тыс. умерших за январь — сентябрь 2019 г. Таким образом, в уменьшении численности населения за указанный период величина миграционных потерь составила 37,0 тыс. человек.

А по данным текущего миграционного движения получилось, что Беларусь в 2019 г. имела положительное сальдо международной миграции в 13,9 тыс. человек [Беларусь, с. 12]. То есть в этом случае получается небывалое в отечественном миграционном движении, что только за последний квартал 2019 г. положительное сальдо миграции составило 50,9 тыс. человек (?!). Но реальность оказывается иной: в структуре сокращения

численности населения переписного года соотношение между отрицательными сальдо естественного движения и миграции характеризуется как 40,1 к 59,9%, в то время как за период между переписями 1989 и 1999 гг. оно составляло 76,3 к 23,7%, а за 1999–2008 гг. соответственно — 58,1 к 41,9% [Злотников, 2020, с. 56].

Это свидетельствует о том, что, во-первых, наряду с резким сокращением рождаемости в стране на первый план выдвигается проблема миграционных процессов, доля которых в депопуляционных процессах Беларуси имеет тенденцию к росту. Во-вторых, эти противоречия в итогах текущего статистического учета миграционного движения и итогов переписей свидетельствуют о значимости методологии расчета величины миграции, а значит, и аналитического инструментария миграционных процессов. Вообще методология статистического анализа миграционных процессов среди других демографических явлений является самой проблемной. Те, кто делает выводы о положительном сальдо белорусской миграции, исходят из традиционной методологии — в расчет берутся только данные текущей национальной статистики. Ее итогом и является противоречивая ситуация не только в оценке величины миграции и миграционного сальдо, но и в оценке общей численности населения страны. До проведения переписей населения имеются данные об одной численности населения. Но после проведения переписей эти данные о численности населения в межпереписные годы постоянно корректируются. Поэтому о действительной величине динамики миграционного сальдо в Беларуси дают представления материалы переписей населения 1989, 1999, 2009 и 2019 гг.

Это означает, что для расчета масштабов и тенденций миграционного движения населения данных только текущей национальной статистики недостаточно. Необходимо привлекать и материалы переписей населения, а также учитывать и данные других стран. Этого требует и неоднозначная ситуация в характеристике масштабов белорусско-российской миграции, что иллюстрируют различные итоги белорусской и российской статистики за 2010–2018 гг. В анализе большинства отечественных специалистов, базирующемся только на текущих данных Национального статистического комитета Республики Беларусь, доминирует вывод, что белорусско-российская миграция последнего десятилетия, как и в целом международная белорусская миграция постсоветского периода, характеризуется положительным сальдо, хотя и имеет постоянную тенденцию к снижению.

Также сопоставление данных о величине безвозвратной белорусско-российской миграции, с одной стороны, российской статистики и данных белорусской статистики, с другой стороны, выявляет их значительное расхождение (см. табл. 1). Так, на основе текущих данных белоруской статистики за 2010–2018 гг. численность прибывших в Беларусь из России

на постоянное место жительства составила 73,3 тыс. человек, а по данных российской статистики, численность выбывших в Беларусь составила 81,7 тыс. человек. Разницу в 8,4 тыс. человек (не всех россиян Беларусь приняла) можно отнести за счет сдвижки по времени — процедура прописки, разрешения на проживание занимает массу времени и усилий.

Таблица 1

Сравнительная характеристика миграционного белорусско-российского обмена, по данным текущего учета в Беларуси и в России за 2010–2018 гг., чел.

Годы	Белорусские данные			Российские данные		
	Прибыло	Выбыло	Прирост	Прибыло	Выбыло	Прирост
2010	9268	4237	5031	4894	2899	1995
2011	9666	4953	4713	10 182	2622	7560
2012	8560	5493	3067	16 564	6315	10 249
2013	9150	4378	4772	15 748	12 031	3717
2014	9131	4669	4462	17 878	11 156	6722
2015	7837	5137	2700	17 741	12 832	4909
2016	6611	5912	699	14 590	12 463	2127
2017	6025	6125	–100	21 282	9512	11 770
2018	7040	6732	308	19 045	11 854	7191
2010–2018	73 288	47 636	25 652	137 924	81 684	56 240

Источник: [Злотников, 2020, с. 54].

Также существует разрыв, с одной стороны, в данных российской статистики в отношении численности прибывших в Российскую Федерацию на постоянное место жительства из Беларуси, которая составила за этот период 137,9 тыс. человек, и, с другой стороны, данных белорусской статистики в отношении численности граждан Беларуси, выбывших в Россию, — 47,6 тыс. человек. И этот разрыв — троекратный! Что стоит за этим — это отдельный вопрос. Это прежде всего проблема, связанная с белорусскими трудовыми мигрантами на российском рынке труда, которые становятся в Союзном государстве экспатами, имея дойное гражданство. В результате отклонение в миграционном сальдо между Беларусью и Россией составляет почти 82 тыс. человек. Российские данные за период 2010–2018 гг. выявляют, что Россия в миграционном обмене с Беларусью имеет положительное сальдо в 56 240 человек. Белорусские данные за этот период показывают, что, наоборот, Беларусь имеет положительное сальдо — в 25 652 человек.

Таким образом, методологии анализа миграционных процессов состоит в использовании системного подхода Big Data, включающего анализ: а) данных текущего статистического учета; б) материалов переписей населения, уточняющих демографические показатели и в) данных других государств, с которыми осуществляется миграционный обмен. Его применение позволяет получить реальную картину о миграционных процессах в стране. При этом важная роль отводится переписям населения, которые в итоге выявляют реальную ситуацию в миграционных процессах Беларуси.

События текущего, 2020 г. в Беларуси, России и мире в целом проблему миграции ставят и в ином плане — миграции COVID-19: миграции вирусной пандемии.

В своей истории человечество постоянно сталкивалось с разного рода массовыми вирусами. Еще в Древнем Египте (примерно 5–6 тысячелетий тому назад) свирепствовала эпидемия, похожая на чуму, уничтожившая, по некоторым данным, более половины населения древности. В начале новой эры (в середине VI в.) масштабной эпидемией стала «чума Юстиниана», с одной стороны, унесшая свыше 100 млн жизней населения Средиземноморья и, с другой, вызвавшая Великое переселение народов. В середине XIV в. (1347 г.) Европу поглотила новая «черная смерть», скосившая около трети жителей континента. Столетие назад (1918–1920 гг.) почти 100 млн человек свела в могилы «испанка». В последней трети XX в. и начале XXI столетия такими вирусными угрозами были СПИД, различного рода грипп (атипичная пневмония, птичий и свиной грипп), лихорадка Эбола. И вот теперь коронавирус, ставший новой и более масштабной угрозой для человечества...

В течение этого года со страниц СМИ, как военные сводки, не сходит проблема коронавируса — сколько выявлено заболевших COVID-19, сколько вылечилось, сколько умерло. Прежде всего беспокоят ее крайние последствия — летальность. Проблема смертности открывает летопись демографии как науки. Первым системным исследованием по демографии в целом и смертности в частности явилась работа Джона Граунта, сокращенное название которой «Наблюдение о смертности в Лондоне», она увидела свет в 1662 г. Сложные демографические процессы не всегда бывают линейными и сводимыми только к простым связям и взаимодействиям. Но тем не менее между ними имеется определенное причинное следствие. И смертность является такой итоговой детерминантой, в том числе и миграции, отражая в их количественном измерении качественные процессы.

Какие демографические факторы вызывают пандемию COVID-19 и ее самые негативные последствия? Первый среди этих факторов — урбанизация, теснота, скученность населения, массовость контактов.

Чем выше уровень урбанизации, тем более остро протекают демографические процессы. Массовые заболевания ковидом появились в крупнейших агломерациях одной из самых многонаселенных стран мира — Китая, в более чем 10-миллионном Ухане. Кстати, и прежние вирусы начала XXI столетия — атипичная пневмония, птичий и свиной грипп — имеют китайский источник. В Беларуси наибольшие масштабы — более 60% — в начальной стадии периода распространения коронавируса пришлись на столичную агломерацию — Минск и Минскую область. Важным фактором урбанизации, роста агломераций являются миграционные процессы.

В Российской Федерации наибольшее количество выявленных коронавирусных заболеваний пришлось на такие крупнейшие агломерации, как Москва с областью и Санкт-Петербург с Ленинградской областью. В России носителями COVID-19 стали мигранты (образовательная, челночная, туристическая и другие виды миграции). Италия, Испания, Португалия, Франция как крупнейшие страны туристической миграции, стали и странами с высоким уровнем распространения заболевания коронавирусом.

Внутри страны распространение ковидного вируса связано с особенностями внутренней миграции. Это общая особенность развития эпидемии по территории страны. В Италии очаг эпидемии пришелся на ее экономический центр — Ломбардию, где выявлено 37% случаев и куда приезжают трудовые мигранты со всей страны. В Центральном федеральном округе России таких случаев — почти 60% — приходится на Москву. Это связано с тем, что почти три четверти пассажиропотока приходится на направления, проходящие через Москву. Это позволяет ковидному вирусу распространяться через основные транспортные узлы. Высокая миграционная связь этого округа с урбанизированной агломерацией Москвы и распространение коронавируса характеризуют следующие данные. Наиболее высокая заболеваемость среди областей ЦФО приходится на Тульскую область, дающую и наибольшую величину своих трудовых мигрантов Москвы. Второй по величине трудовых мигрантов в Москве является Калужская область. Это область по численности заболевших ковидом на третьем месте в ЦФО [Демоскоп, 2020].

Внутренняя миграция, косвенно отражая величину контактов всех типов между населением в разных регионах, обусловливает и масштабы распространения коронавируса. И даже отдаленность региона от центра притяжения населения не препятствует миграции ковида по направлению от центра к периферии. И чем больше людей из региона переезжает в столицу или в другие крупные города, тем больше в нем вероятность заболеваний.

Беларуси как стране, не пользующейся высоким туристическим имиджем, особенно в зимнее время, в период интенсивного распространения COVID-19 больше «повезло» в плане отсутствия наплыва туристических и иных мигрантов. Их «нулевыми» носителями стали в основном белорусские граждане, возвратившиеся из регионов с высоким уровнем их заражения.

В Беларуси, как и во всем мире, начало распространения заболевания коронавирусом связано с миграцией. Миграция после урбанизации — второй, но по масштабам распространения пандемии — ведущий демографический фактор. В частности, в результате образовательной миграции первым носителем этого заболевания в Беларуси оказался иностранец, мигрант — студент одного из столичных вузов из Ирана, прилетевший из Баку. В Гомеле первый случай коронавируса официально зафиксирован у 20-летнего спортсмена по акробатике, возвратившегося из Португалии после пересадок в аэропортах Порту — Франкфурт — Варшава — Минск. В Витебске первый случай коронавируса также связан со спортивной миграцией. В Гродно первый ковид официально зафиксирован у жительницы областного центра, прибывшей на маршрутке из Вильнюса, что характерно и для фронтьерской, и для транзитной, и для маятниковой, и для челночной миграции.

В истории цивилизации это не единственный случай влияния различных видов миграции на состояние социума. Венецианские купцы, привозя в Европу восточные сладости и пряности, в трюмах кораблей завезли и крыс с блохами, носителями оспы, чумы и холеры, заболеваний, которые в Средние века выкосили более чем половину населения Европы. Венецианские правители боролись с тогдашней пандемией, установив карантин для прибывших кораблей на две недели — срок, который для профилактики установлен и в современном мире. А европейцы с выработанным у них иммунитетом к этим болезням стали разносчиками заболеваний и смертей на Американском континенте, против которых — сальмонеллеза и оспы — среди местного населения не было иммунитета. В свою очередь, с возвратными мигрантами с Американского континента на Европейском начал свое путешествие сифилис. Таким образом, миграция, особенно международная, наряду с несомненно позитивными социальными и экономическими функциями несет с собой и угрозу конкретному социуму, что характерно и для ковидной пандемии.

Вообще в современном мире более полусотни различных видов миграции, распространяющих и ковидные последствия: внутренняя, временная, возвратная, маятниковая, международная, нелегальная, образовательная, оздоровительная, сезонная, спортивная, транзитная, трудовая, туристиче-

ская, фронтьерская, челночная, эпизодическая и многие другие ее виды. С ковидными последствиями этих миграций столкнулись все страны. Поэтому большинство стран, в том числе и все государства, граничащие с Республикой Беларусь, ввели ограничения на приграничные перемещения, ибо распространение вируса в мире связано с различными видами международной миграции.

В Беларуси в отличие от России и Украины наблюдается недостаток информации о региональном распространении ковидной пандемии, что, по-видимому, преследует благую цель борьбы с паническими настроениями. В частности, последние официальные эпидемиологические данные по статистике регионального распространения выявленных и подтвержденных заболеваний коронавирусом в Беларуси имеются только по состоянию на 24 апреля, когда прирост выявленных заболеваний за сутки в стране резко перевалил за 750 случаев — почти на две сотни больше, чем двое суток ранее. Тогда в региональном распространении заболеваний коронавирусом в Беларуси на долю Минска выпало 46,6% случаев, а вместе с областью — 60,3%. Вторым регионом в Беларуси по коронавирусным заболеваниям оказалась Витебская область с удельным весом 22,1%, что значительно выше суммы таких выявленных заболеваний в остальных четырех (Брестской, Гомельской, Гродненской и Могилевской) областях страны. Ковидное плато в Беларуси остановилось на рубеже более 900 случаев выявленных коронавирусных заболеваний. Планка выявленных заболеваний более 700 случаев фиксировалась в течение семи дней. Более 800 выявленных случаев заболеваний были зафиксированы на протяжении 20 дней. Плато выявленных заболеваний более 900 случаев держалось на протяжении 28 дней. Потом в середине июня их величина пошла на спад, снизившись в первых числах июля до уровня менее 300 случаев.

О масштабности пандемии в Витебской области можно судить, сравнивая величину численности ее населения с численностью населения страны, которая составляет 12,4%, а Брестской, Гомельской, Гродненской и Могилевской областей — 51,7%. Ситуация в Витебской области отражает доминирование в распространении ковидной пандемии самых массовых демографических процессов — миграционных процессов. В области с ее высокой степенью напряженности на рынке труда (в Постановлении Совета Министров Республики Беларусь отмечено восемь таких районов этой области) соотносятся и высокие размеры трудовой миграции на рынке труда Российской Федерации. Карантин, введенный Россией, вынудил витебских трудовых мигрантов разными путями вернуться на Родину, что стало важным фактором распространения эпидемии коронавируса в регионе, имеющем самую продолжительную границу с Россией.

Поэтому большинство государств наложило временный запрет на массовые передвижения через границы своих стран как преграду в парагеометрической форме расползающегося коронавируса. Но кроме проблемы здоровья, коронавирусные процессы, приведшие к перекрытию границ, породили и ряд социально-экономических проблем для трудовых мигрантов. Для Беларуси, численность трудовых мигрантов которой на рынке труда России составляет более 800 тыс., это важнейший фактор ковидной пандемии. Часть тех, кто имел в России личные средства передвижения, смогли без особых сложностей пересекать российско-белорусскую границу и возвратиться на Родину. Именно этим воспользовались витебские трудовые мигранты российского рынка труда — пережидать в Беларуси карантин значительно дешевле. Но здесь они попали в непростую ситуацию — невозможности трудоустройства из-за отсутствия в Беларуси достойных свободных мест приложения труда. Возврат же в Россию грозил им там двухнедельным карантином.

Белорусско-российская граница оставалась полуоткрытой, многие белорусские трудовые мигранты, лишившись источников занятости, но не имеющие средств передвижения (поезда, автобусы, маршрутки и попутки типа BlaBlaCar были отменены), в связи с прекращением трудовой деятельности ряда производств регионов Центрального федерального округа временно оставались на территории соседней страны. Оставшиеся на территории России оказались без работы и без источников существования, ибо как временные работники — не граждане России — не получали в России даже небольших декларированных пособий. Другим ярким примером являются нефтяники — «вахтовики», которые более чем на три месяца оставались на тюменских промыслах из-за отмены авиарейсов, а сменяющие их команды из Речицы сидели дома без работы. Хотя в мае-июле вспышки заражения коронавирусом наблюдались и в других регионах, ярким примером чего является ситуация в брестском футбольном клубе «Динамо».

Таким образом, методология анализа миграционных процессов состоит в использовании системного подхода — Big Data, включающего анализ: а) данных текущего статистического учета; б) материалов переписей населения, уточняющих демографические показатели, и в) данных других государств, с которыми осуществляется миграционный обмен. Его применение позволяет получить реальную картину о миграционных процессах в стране. При этом важная роль отводится переписям населения, которые в итоге выявляют реальную ситуацию в миграционных процессах Беларуси.

Актуальнейшая для 2020 г. проблема пандемии коронавируса выявляет, что миграция COVID-19 и последствия в целом в мире и в Бела-

руси в частности взаимосвязаны с рядом демографических факторов. Во-первых, это процесс урбанизации и рост агломераций, создающих благоприятную среду для распространения вирусных заболеваний. Во-вторых, доминирующим фактором являются многообразные миграционные процессы, порождающие урбанизацию и развитие агломераций. В межгосударственном их распространении носителем ковида выступают многие виды международной миграции. Во внутристрановом масштабе их величина связана с внутренней миграцией и прежде всего с трудовой миграцией от периферии к центру. В-третьих, COVID-19 влияет на изменения в структуре причин смертности от болезней органов дыхания, влияя на их рост. В-четвертых, на динамику смертности оказывают влияние тенденции в изменении возрастной структуры населения, которые в ближайшей перспективе наряду с ковидной составляющей могут вызвать рост летальных исходов в Беларуси. В-пятых, ситуация с коронавирусом ударила по национальной этической демографии — достойных похоронных почестях, свидетельствующих, что ушедшие из жизни продолжают оставаться жить в нашей памяти. И, в-шестых, чтобы не способствовать слухам, недопустимой является ситуация с нынешней закрытостью в Беларуси текущих основных демографических показателей в целом по стране и регионам. А для ученых их отсутствие может привести к ошибочным выводам, а значит, и неправильным управленческим решениям, при принятии которых управленцы учитывают выводы и рекомендации ученых.

Список литературы

1. Беларусь в цифрах: статистический справочник. — Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2020. — 72 с.
2. *Злотников А. Г.* Что показывают первые итоги переписи населения Беларуси // Наука и инновации. — 2020. — № 4. — С. 52–57.
3. «Новая газета» о роли миграции в распространении коронавируса // Демоскоп Weekly. — 2020. — № 859–860. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0859/gazeta012.php (дата обращения: 25.06.2020).

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Belarus’ v cifrah: statisticheskij spravochnik. — Minsk: Nacional’nyj statisticheskij komitet Respubliki Belarus’, 2020. — 72 s.
2. *Zlotnikov A. G.* Chto pokazyvajut pervye itogi perepisi naselenija Belarusi // Nauka i innovacii. — 2020. — № 4. — S. 52–57.
3. «Novaja gazeta» o roli migracii v rasprostranenii koronavirusa // Demoskop Weekly. — 2020. — № 859–860. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0859/gazeta012.php (data obrashhenija: 25.06.2020).

ЗОЛОТАРЕВА Ольга Анатольевна
к.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник,
Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
доцент, кафедра статистики,
Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия.
E-mail: Zolotareva.OA@rea.ru

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОЦЕНКИ СОСТОЯНИЯ МИГРАЦИИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: евразийская интеграция, демографическая экспансия, воспроизводство населения, миграция.

Коды JEL: J11, O15

Введение

Сегодня сложившаяся в России демографическая конъюнктура, характеризующаяся регрессивной возрастной структурой населения, сформированной под влиянием суженного воспроизводства населения страны и приводящей в обозримом будущем к сокращению численности населения, явно определяет не только прямые угрозы национальным интересам, но и косвенные. Евразийская интеграция, основанная не только на беспрепятственном перемещении товаров и капитала, но и на открытости рынка труда, предполагающей свободную трудовую миграцию, помимо положительного эффекта (сдерживания сокращения численности трудовых ресурсов) характеризуется рядом негативных последствий, среди которых до поры до времени не привлекающая внимания общества угроза демографической экспансии. В условиях отсутствия равноценного замещения поколений коренных жителей России евразийская интеграция в социально-демографическом аспекте развития для страны представляет мощный фактор, влияющий на исторически сложившиеся пока еще доминирующие демографические, социально-политические, религиозные и т.п. позиции. Несмотря на то что изначально ЕАЭС создавался как экономический союз, в настоящее время очевидно, что эта модель не может быть сугубо экономической. Существующие и с каждым годом усилива-

ющиеся миграционные потоки в Россию из азиатских стран ЕАЭС, хоть и компенсируют естественную убыль, но приводят к трансформации этнической структуры страны вследствие низкой интенсивности процесса ассимиляции приезжих.

Оценка современного состояния демографической конъюнктуры в России

Сформировавшееся в 1960-х гг. суженное воспроизводство населения и экономический кризис 1990-х гг. до сих пор отражаются на демографической конъюнктуре — уровень рождаемости, необходимый для сохранения численности населения на постоянном уровне за счет естественного прироста (при простом воспроизводстве численности населения суммарный коэффициент рождаемости не менее 2,2), не достигается в течение последних тридцати лет.

В 2002–2015 гг. в Российской Федерации было зафиксировано сокращение естественной убыли населения на 74,41 тыс. человек ежегодно, что в 2015 г. позволило достичь естественного прироста в 32,04 тыс. человек (0,3‰). Численность родившихся в 2002–2014 гг. в среднем ежегодно увеличивалась на 2,79%, а среднегодовые темпы снижения смертности составляли –1,64%, что позволило в 2013–2015 гг. приблизиться к целевым показателям национального развития в области устойчивого естественного прироста населения.

В большей степени рост рождаемости был обусловлен «демографическим эхом» второй половины 80-х на волне ожидания положительных перемен (это поколение вступило в детородный возраст).

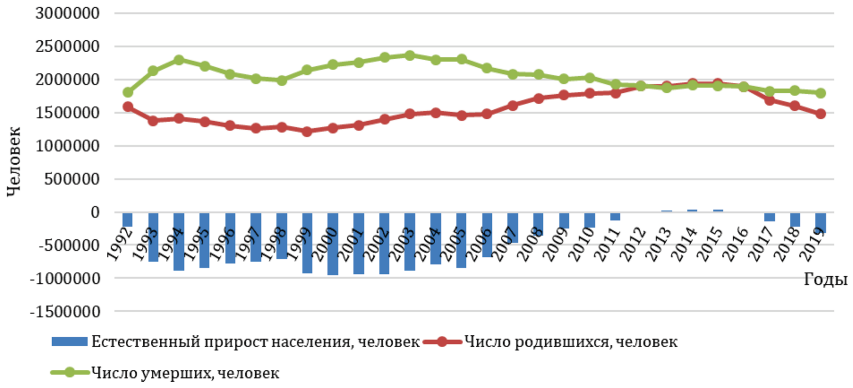

Рис. 1. Динамика численности родившихся и умерших в Российской Федерации за период с 1992 по 2019 г., чел.

Значительный рост общего количества рождений с 1999 по 2015 г. был обусловлен в большей мере благодаря многочисленному поколению девочек, рожденных в 1980-е гг. поколением «бэби-бума» 1950-х и начала 1960-х гг., которые вступили в 2000-е гг. в фертильный возраст. Однако уже в 2015–2019 гг. численность родившихся стала ежегодно снижаться на 92,85 тыс. человек (на 5,31%). Причиной этому послужило вновь «демографическое эхо» — на смену поколению 1980-х в репродуктивный возраст вступает вдвое меньшее по численности поколение 1990-х. Обозначенное «демографическое эхо» также имеет свои исторические предпосылки. Поколения военных лет рождения стали образовывать семьи во второй половине 1960-х гг. XX в., что вызвало очередное снижение рождаемости («45–49» и частично «50–54»), в свою очередь, население, значительно сократившееся во время войны, образовало малочисленное поколение, которое имело еще меньшую рождаемость. Родившиеся в конце 1960-х гг. вступают в брак в начале 1990-х гг., что вызвало новый спад рождаемости и снижение численности населения в 2019 г. в активном репродуктивном возрасте 18–29 лет, к тому же усиленное экономическим кризисом и снижением уровня жизни.

Вступление России в «демографическую яму» за счет низкой рождаемости в 1990-е гг., снижение численности женщин репродуктивного возраста 20–29 лет, на которых приходилось 50–60% рождений всех детей, вызывают серьезное беспокойство и призывают принимать действенные меры со стороны государства [Рыбальченко, 2019]. Некоторое время снижение родившихся у матерей в возрасте 20–29 лет компенсировалось высоким уровнем рождаемости среди женщин старших возрастных групп, а также увеличением доли вторых и третьих рожденных по очередности детей. То есть на протяжении последних лет наблюдается ярко выраженная тенденция «откладывания рождений», а также реализация отложенных ранее рождений в старших возрастных группах, что подтверждает динамика возрастных коэффициентов рождаемости за изучаемый период. Учитывая то, что к 2018 г. средний возраст матери в России увеличился на 2,6 года по сравнению с 2002 г. и составил 28,7 года, а преимущественный возраст первых рождений для матерей сейчас составляет 25–29 лет, прослеживается угроза уменьшения возможности рождения вторых и третьих детей.

Снижение в 2015–2018 гг. суммарного коэффициента рождаемости, не зависящего от возрастной структуры матерей, на 0,07 п. (на 3,86%) ежегодно приведет к «ослаблению уровня репродуктивного потенциала» будущих поколений и сформирует новую «демографическую яму» в 2040–2050 гг. Более того, прогнозные оценки Росстата относительно величины суммарного коэффициента рождаемости в России на период до 2023 г.,

в течение реализации проектов национальных целей развития, не превышает 1,89 ребенка на женщину, что свидетельствует о снижении уровня рождаемости в стране даже при оптимистичном прогнозе.

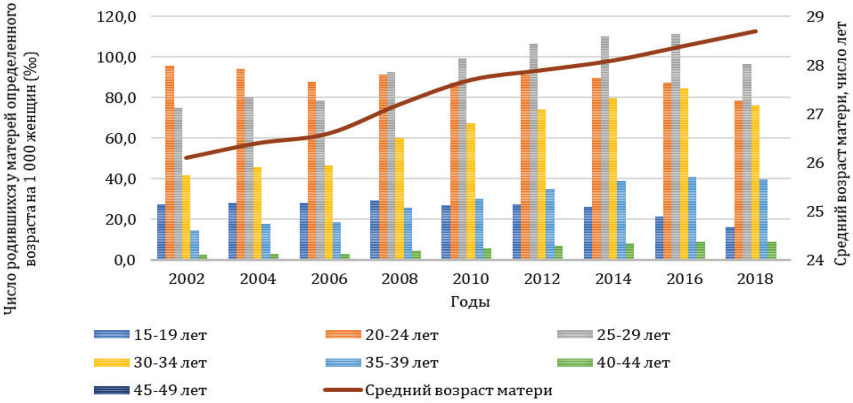

Рис. 2. Возрастные коэффициенты рождаемости (‰) и средний возраст матери (лет) в Российской Федерации в 2002–2018 гг.

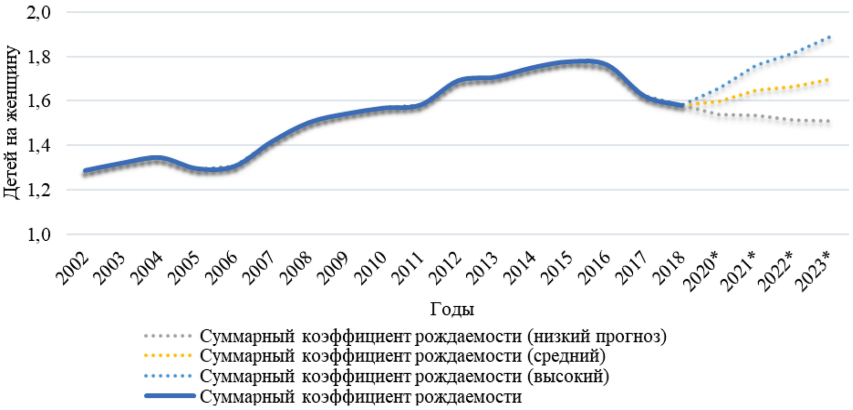

Рис. 3. Суммарные коэффициенты рождаемости в Российской Федерации в 2002–2018 гг. и в 2020–2035 гг. по прогнозным оценкам Росстата, ‰

Отметим, что в настоящее время проведена корректировка/актуализация национальных целей с учетом текущей ситуации (сложная обстановка прежде всего из-за распространения COVID-19, а также ряда внешних шоков, включая продолжающуюся антироссийскую позицию Запада). В об-

новленной системе национальных целей сохранилась гуманитарно-технологическая направленность, при этом достижение актуализированных плановых значений показателей представляется более вероятным. В соответствии с Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» Правительству Российской Федерации вменено обеспечить устойчивый рост численности населения (акцент на естественный рост «утратил силу») [Указ..., 2020]. Обновление/корректировка указанной цели, на наш взгляд, требовалась вне зависимости от пандемии, о чем свидетельствует демографическая конъюнктура.

В целом сложившаяся неблагоприятная демографическая конъюнктура, сформированная устойчивым трендом суженного воспроизводства населения России, ставит не только вопрос о новой волне депопуляции со всеми вытекающими социально-демографическими последствиями, но и сохранения исторически сложившихся доминирующих культурных, политических, религиозных и т.п. ценностей в контексте миграции как «панацеи».

Трансформации в миграции России

В России сформированный дефицит трудовых ресурсов, сложившийся в условиях отсутствия полноценного естественного пополнения при суженном воспроизводстве населения, покрывается мигрантами, среди которых львиную долю составляют прибывшие из стран постсоветского пространства (СНГ), при этом внутри евразийского пространства поток мигрантов в Россию увеличился (удельный вес прибывших из стран ЕАЭС в числе прибывших в 2019 г. был равен 32,88%, в 2014 г. — 25,76%). Существенный вклад в прибытие за собой оставляют страны СНГ, не входящие в состав ЕАЭС, однако удельный вес прибывших из этих государств в общем прибытии уменьшился с 63,85% в 2014 г. до 55,25% в 2019 г. Вклад в прибытие из стран дальнего зарубежья попрежнему остается невелик, хоть и возрос за 2019 г. и составил 11,87% (в 2014 г. — 10,39%). В целом масштабы прибытия в Россию за последние шесть лет возросли в сравнении с 2014 г. на 18,69%, численность прибывших составила 701,2 тыс. человек, в то время как в 2014 г. на она была равной 590,8 тыс. человек (при этом следует отметить, что данный рост обоснован увеличением прибытия в 2019 г., в 2018 г. масштабы прибытия были ниже 2014 г.).

Таким образом, общее открытое для миграционных перемещений евразийское пространство определило существенные трансформации в прибытии мигрантов в Россию, произошедшие за шесть лет, это подтвержда-

ется рассчитанным интегральным коэффициентом структурных сдвигов Рябцева, равным 0,218.

За период с 2014 по 2019 г. число прибывших из Кыргызстана возросло на 25 267 человек (или на 88,52%), из Армении — на 25 416 человек (или на 54,58%), из Казахстана — на 27 169 человек (или на 45,94%), из Беларуси на 497 человек (или на 2,77%). Если в прибытие из стран СНГ в Россию в 2014 г. вклад Армении был равен 8,80% (страна была 5-й по масштабу прибытия в Россию из 10 стран СНГ), то в 2019 г. он составил 11,65% (4-е место). Значимый рост прибывших из Кыргызстана также переместил страну в рейтинге по масштабам прибытия из стран СНГ в Россию вверх с 7-го на 6-е место.

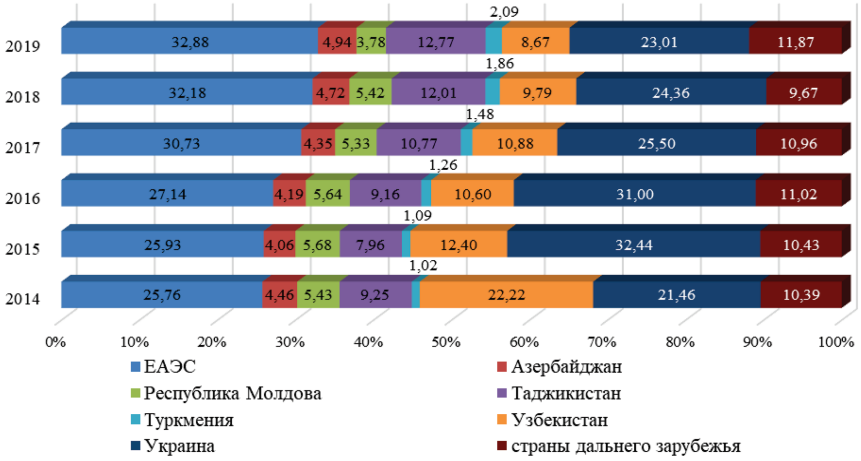

Рис. 4. Структура прибывших в Россию из стран ЕАЭС, других стран СНГ (не входящих в ЕАЭС) и дальнего зарубежья за 2014–2019 гг., %

Отметим, что у мигрантов из азиатских стран сформированы благоприятные тенденции к росту их численности, основанные на расширенном воспроизводстве населения, чем, увы, не может похвастаться Россия. В Казахстане и Кыргызстане в 2018 г. коэффициент суммарной рождаемости составил соответственно 2,84 и 3,28, увеличившись в сравнении с 2017 г. соответственно по государствам на 4 и 11,2%. Суммарный коэффициент рождаемости, характерный для Кыргызстана, не просто превышает уровень простого воспроизводства, но быстрыми темпами увеличивает численность тюркоязычного народа, который в скором времени будет расширять многочисленные общины и ареалы в России. Суммарный коэффициент рождаемости, характерный для Казахстана, также выше уровня простого воспроизводства и увеличивается. Женщины-мигранты

указанных стран рожают в нашей стране, несмотря на социально-бытовые условия, и остаются в ней, часть женщин-мигрантов прибывает с семьей вслед за мужем, уехавшим в Россию на заработки, т.е. нарастает интенсивность расширения этноса за пределами его первоначального ареала, образуются диаспоры, этнические колонии, что обуславливает демографическую экспансию.

Увеличение масштабов демографической экспансии грозит трансформацией этнокультурных и социальных пропорций. В этой связи обостряются вопросы сохранения российской государственности, ее территориальной целостности, возрастает риск утраты части исконной территории проживания.

Мигранты из стран ЕАЭС и рынок труда России

Сегодня также необходимо ставить вопрос о будущем состоянии национального рынка труда в контексте перехода к Обществу 5.0. Внедрение новых технологий неизбежно влечет появление новых профессий, отвечающих цифровой экономике, и соответственно исчезновение целого ряда существующих профессий, включая те, по которым в настоящее время осуществляют подготовку специалистов профессиональные образовательные организации. Это неминуемо приведет к высвобождению огромных масс работников. Многим людям работы не найдется в принципе. По экспертным оценкам, развитие цифровизации в России при допущении стремительной автоматизации может привести к утрате работы более чем 40 млн человек, при сглаженных параметрах будет высвобождено более 12 млн занятых до 2030 г. [Агеев, 2019]. В этом контексте стоит вопрос: а нужен ли открытый рынок труда в России? Чрезмерное прибытие в Россию трудовых мигрантов из азиатских стран в ближайшем будущем станет значимым фактором, увеличивающим рост безработицы на национальном рынке нашей страны. Более того, говорить о демографической экспансии необходимо в синтезе с трудовой экспансией.

Особо отметим, что имеющаяся миграционная политика на евразийском пространстве оказала влияние на полноту информации о мигрантах. По данным Росстата, в 2019 г. большинство лиц, прибывающих в Россию из государств — участников ЕАЭС, не указали уровень образования (рис. 5) — один из основных параметров, характеризующих качество рабочей силы. В этой связи более полную картину можно представить только по 2018 г.

Основная численность приезжих в Россию из стран ЕАЭС имеет среднее профессиональное (среднее специальное) и среднее общее (полное)

образование (соответственно 26,06 и 24,70% от всех прибывших в возрасте 14 лет и старше в Россию из стран ЕАЭС), т.е. это неквалифицированные и низкоквалифицированные работники, которые не только не вписываются в концепцию цифрового развития общества, но и создают широкий спектр дополнительных проблем. Наиболее образованные среди приезжих — это люди из Казахстана и Беларуси. Большая часть прибывающих в Россию из Казахстана имеют высшее профессиональное (26,68 %) и среднее профессиональное (26,26%) образование. Среди прибывающих в Россию из Беларуси имеют высшее профессиональное (25,46%) и среднее профессиональное образование (30,78%), однако их доля среди всех приезжих из стран ЕАЭС в возрасте 14 лет и старше невелика — 10,98%.

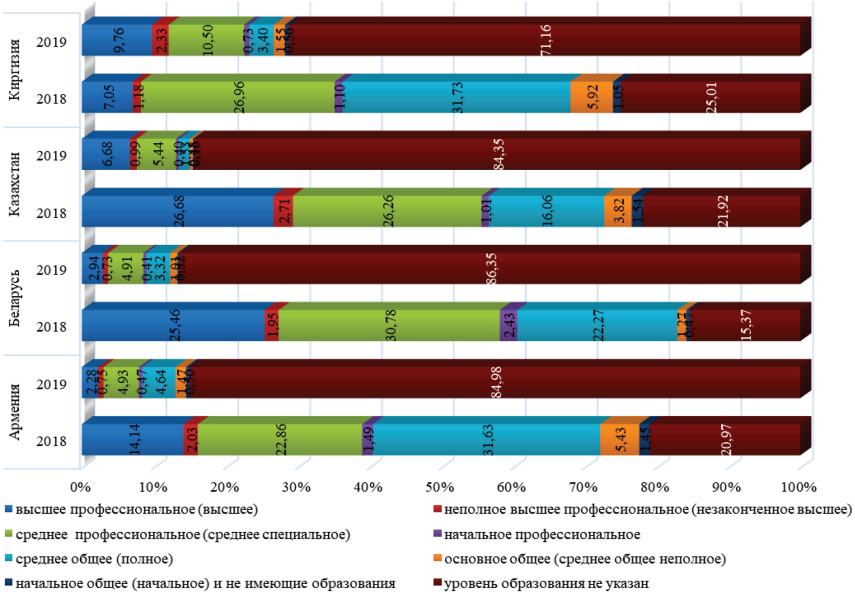

Рис. 5. Структура прибывших в возрасте 14 лет и старше в Россию из стран ЕАЭС по уровню образования в 2018 г., %

Среди прибывающих из Армении и из Кыргызстана (прибытие из которых в совокупности составляет 50,98% от всех прибывших в возрасте 14 лет и старше из стран ЕАЭС в Россию) среднее общее (полное) образование имеют 31,63 и 31,73% соответственно по странам.

Таким образом, сегодня мы не можем говорить о том, что мигранты, прибывающие в Россию, отвечают современным требованиям цифрового рынка труда.

Более того, приезжие из стран ЕАЭС (а также и других стран СНГ), несмотря на предпринимаемые меры по интеграции мигрантов, зачастую не испытывают явного желания ассимилироваться. Миграция попрежнему является одним из основных факторов роста вызовов уже сложившимся устоям и традициям в обществе. В ряде случаев мигранты не стремятся адаптироваться к местной культуре, традициям и обычаям, а наоборот, создают общины и анклавы, в которых сохраняются самобытность и традиции, сознательно отчуждаясь от других этносов. Они готовы работать за меньшее денежное вознаграждение по сравнению с местной рабочей силой, что провоцирует рост безработицы на национальном рынке труда, ведь в погоне за прибылью бизнес стремится использовать дешевую низкоквалифицированную рабочую силу. В этом контексте миграция представляет явную угрозу национальным интересам страны.

Заключение

Обобщая результаты проведенного анализа последствий евразийской интеграции в контексте демографических проблем России, можно сделать следующие выводы. Евразийское открытое миграционное пространство, безусловно, позволяет «залатать демографическую яму» — сдержать убыль населения России, но на современном этапе тормозит инновационное и гуманитарно-технологическое развитие, так как не обеспечивает наукоемкие и высокотехнологичные сферы национальной экономики специалистами соответствующего уровня. Курс на формирование новых технологических укладов и технологических систем определяет происходящие структурные изменения в экономике и будущее национального рынка труда, изменяет требования к работникам и увеличивает спрос на высококвалифицированных специалистов, умеющих работать с большими, постоянно возрастающими потоками информации, системно воспринимать проблемы, комплексно их решать. У большей части прибывающих в Россию из стран — участников ЕАЭС уровень образования не отвечает подобным высоким требованиям, что отрицательно сказывается на процессах их адаптации и интеграции в российское общество.

Сегодня требуется обратить пристальное внимание на регулирование миграционных процессов как на национальном, так и на наднациональном уровнях. Решения должны приниматься с учетом имеющегося мирового опыта. Необходимо в будущем не допустить рост нищеты в стране при существенных объемах высвобождающихся работ-

ников, важно максимально обеспечить коренное население рабочими местами.

В современных условиях глобализации и нацеленности на принципы демократии, толерантности, допустимого неодобрения у части представителей современного общества, представляется значимым обращать внимание на вопросы демографической экспансии, стремиться характеризовать состояние и интенсивность распространения масштабов данного процесса, вырабатывать соответствующие управленческие решения. Имеет большую ценность осознание, что демографическая экспансия носит скрытый, «ползущий» характер, до поры до времени не привлекающий внимания общества, но при определенном ландшафте она может вызвать непоправимые последствия. Демографическая экспансия сегодня представляет серьезный вызов для любого государства в контексте сохранения его государственности.

Список литературы

1. *Агеев А. И.* Цифровизация и Общество 5.0 выводят человечество на другой уровень развития // Независимая газета. — 2019. URL: http://www.ng.ru/energy/2019-01-14/12_7481_energy06.html (дата обращения: 11.07.2020).
2. Евразийская экономическая комиссия. URL: http://eec.eaeunion.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/population.aspx (дата обращения: 11.08.2020).
3. *Карманов М. В.* Демографическая экспансия как объект статистического исследования // Экономика, Статистика и Информатика. — 2010. — № 4. — С. 115–118. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskaya-ekspansiya-kak-obekt-statisticheskogo-issledovaniya (дата обращения 04.08.2020).
4. *Махова О. А.,* Проблемы национальной безопасности России сквозь призму оценки динамики естественных и миграционных процессов // Управление экономическими системами: электронный научный журнал / Кисловодский институт экономики и права. — Кисловодск , 2016. — № 10 (92). — С. 29–35.
5. *Махова О. А., Прохоров П. Э.* Статистическая оценка угроз изменения численности населения // Повышение открытости отечественной статистики: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной профессиональному празднику — Дню работника статистики / ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова» — М., 2016. — С. 112–116.
6. Федеральная служба социальной статистики (Росстат). Официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 09.08.2020).
7. *Рыбаковский Л. Л.* 20 лет депопуляции в России. URL: http://rybakovsky.ru/dem1/demografia1.html (дата обращения: 09.07.2020).
8. *Рыбальченко С. И.* Демография-2024. Как обеспечить устойчивый естественный прирост населения Российской Федерации, 2019. URL: https://www.oprf.ru/files/1_2019dok/doklad.pdf (дата обращения: 15.08.2020).

9. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357927/ (дата обращения: 20.08.2020).

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Ageev A. I.* Cifrovizacija i Obshhestvo 5.0 vyvodjat chelovechestvo na drugoj uroven' razvitija // Nezavisimaja gazeta. — 2019. URL: http://www.ng.ru/energy/2019-01-14/12_7481_energy06.html (data obrashhenija: 11.07.2020).
2. Evrazijskaja jekonomicheskaja komissija. URL: http://eec.eaeunion.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/population.aspx (data obrashhenija: 11.08.2020).
3. *Karmanov M. V.* Demograficheskaja jekspansija kak ob#ekt statisticheskogo issledovanija // Jekonomika, Statistika i Informatika. — 2010. — № 4. — S. 115–118. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskaya-ekspansiya-kak-obekt-statisticheskogo-issledovaniya (data obrashhenija: 04.08.2020).
4. *Mahova O. A.* Problemy nacional'noj bezopasnosti Rossii skvoz' prizmu ocenki dinamiki estestvennyh i migracionnyh processov // Upravlenie jekonomicheskimi sistemami: jelektronnyj nauchnyj zhurnal / Kislovodskij institut jekonomiki i prava. — Kislovodsk, 2016. — № 10 (92). — S. 29–35.
5. *Mahova O. A., Prohorov P. Je.* Statisticheskaja ocenka ugroz izmenenija chislennosti naselenija // Povyshenie otkrytosti otechestvennoj statistiki : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj professional'nomu prazdniku — Dnju rabotnika statistiki / FGBOU VO «RJeU im. G. V. Plehanova» — M., 2016. — S. 112–116.
6. Federal'naja sluzhba social'noj statistiki (Rosstat). Oficial'nyj sajt. URL: https://rosstat.gov.ru/ (data obrashhenija: 09.08.2020).
7. *Rybakovskij L. L.* 20 let depopuljacii v Rossii. URL: http://rybakovsky.ru/dem1/demografia1.html (data obrashhenija: 09.07.2020).
8. *Rybal'chenko S. I.* Demografija-2024. Kak obespechit' ustojchivyj estestvennyj prirost naselenija Rossijskoj Federacii, 2019. URL: https://www.oprf.ru/files/1_2019dok/doklad.pdf (data obrashhenija: 15.08.2020).
9. Ukaz Prezidenta RF ot 21 ijulja 2020 g. № 474 «O nacional'nyh celjah razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357927/ (data obrashhenija: 20.08.2020).

ИГНАТЬЕВА Людмила Николаевна
к.и.н., доцент,
Высшая школа международных отношений и мировой политики,
НГЛУ имени Н. Добролюбова,
кафедра истории и зарубежного регионоведения,
Нижний Новгород, Россия.
E-mail: luda_uk@mail.ru

НАСИЛЬСТВЕННАЯ МИГРАЦИЯ В 30–50-е гг. XX в. И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В КАЗАХСКОЙ ССР

Ключевые слова: миграция, депортация, этнодемографическая ситуация.

Код JEL: J 110

Демографические процессы в истории Казахстана на протяжении XIX–XXI вв. играли заметную роль. Особенно это касается миграционных событий середины XX в. Если в конце XIX — начале XX в. переселения были стихийными или организованными властями, то с 30-х гг. XX в. доминирующими стали насильственные переселения. Именно насильственная миграция оказала существенное влияние на формирование этнодемографической ситуации в республике в 30–50-е гг. XX в.

Первая волна насильственной миграции накрыла Казахскую ССР в 1931 г. Территория республики была определена местом «кулацкой ссылки». Крестьян переселяли с Нижней и Средней Волги, Центрально-Черноземной и Московской области, Закавказья и Средней Азии.

Следующий этап насильственных переселений связан с предвоенными зачистками границ. Первой зачистке подверглась западная граница. В 1936 г. по постановлению СНК СССР от 28 апреля 1936 г. из пограничных районов Украинской ССР были высланы поляки. Всего было переселено 35 820 поляков, из них 35 739 (99,8%) — в Казахстан, в основном в северные области республики [Масанов и др., 2001, с. 379–380].

В 1937 г. начинается тотальная депортация корейцев из Дальневосточного края. Всего на 1 февраля 1938 г. в Казахской ССР было расселено 20 550 семей корейских переселенцев (98 454 человека) (ЦГА РК. Фонд 1987. Оп. 1. Дело 11. Лист 24).

Зачистка южных границ проводилась в 1937–1939 гг. В конце 1937 г. в республику были переселены азербайджанцы, курды, турки, армяне из Армянской и Азербайджанской ССР. 1121 хозяйство переселенцев

разместили в Алма-Атинской и Южно-Казахстанской областях КССР [ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1. Д. 10. Л. 249]. В этот же период из Туркмении, Азербайджана, Грузии и Армении депортируют иранцев. Их расселили в Южно-Казахстанской области — 1326 хозяйств, в Алма-Атинской области — 600 хозяйств. Всего — 1926 хозяйств [ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1. Д. 1. Л. 180].

В 1940–1941 гг. из Западной Украины и Западной Белоруссии на территорию Казахстана выселяют польских осадников. В июне 1941 г. произошло выселение из Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, Правобережной Молдавии «антисоветских элементов». В Казахскую ССР было переселено из западных областей Украины и Белорусской ССР 60 667 (по другим данным — 61 092 человек) членов семей репрессированных участников повстанческих организаций, офицеров бывшей польской армии, полицейских, тюремщиков, жандармов, помещиков, фабрикантов и чиновников бывшего польского государственного аппарата. Эти лица были размещены в Акмолинской, Актюбинской, Кустанайской, Павлодарской, Северо-Казахстанской и Семипалатинской областях. Из них 36 729 человек расселены в колхозах, 17 923 — в совхозах и 8000 человек — в рабочих поселках различных промышленных предприятий [Бугай, 1992, с. 123–124].

Заключительный этап насильственной миграции охватывает военный период и до 1952 г. В 1941–1942 гг. были депортированы немцы, проживавшие в Поволжье, Крымской АССР, в районах Дона и Северного Кавказа, в Ставропольском и Краснодарском краях. Всего в Казахскую ССР было переселено 444 005 человек [Масанов и др., 2001]. Часть греков, выселенных в мае 1942 г. из Краснодарского края, Ростовской области, Крымской АССР, Армении, Азербайджана и Грузии, были расселены в Северном и Западном Казахстане.

В 1943–1944 гг. были депортированы карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши. Большинство из них оказались в Казахстане. 12 октября 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Карачаевская АО была ликвидирована, 14 октября 1943 г. было принято закрытое Постановление Совнаркома СССР о выселении карачаевцев. Из области вывезли 14 774 семьи общей численностью 69 267 человек. Из них в Джамбулской и Южно-Казахстанской областях республики было размещено 11 711 семей численностью 45 529 человек [Алдажуманов, 1998, с. 239]. В декабре 1943 г. была ликвидирована Калмыцкая АССР. После ее упразднения 91 919 калмыков были переселены в другие регионы СССР. Из них в Казахстане оказались 2268 человек. Они были размещены в Кзыл-Ординской области [Алдажуманов, 1997, с. 10]. В феврале 1944 г. было выселено 310 630 чеченцев и 78 479 ингушей. В марте того же года в Казахстан прибыло 344 589 человек. В Джамбульской области было расселено 16 565 человек, в Алма-

Атинской — 29 089, в Восточно-Казахстанской — 34 167, в Южно-Казахстанской — 39 542, в Актюбинской — 20 309, в Семипалатинской — 31 236, в Павлодарской — 41 230, в Карагандинской — 37 938 человек. К этим переселенцам прибавились тысячи чеченцев и ингушей, уволенных из рядов Красной армии после февраля 1944 г. Всего в Казахстан их прибыло свыше 60 тыс. человек [ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1. Д. 9. Л. 6–10]. В марте 1944 г. переселению подверглись балкарцы. В Казахской ССР их было размещено 18 219 человек (по другим данным, 21 394 человека), из них в Семипалатинской области — 2742, в Алма-Атинской — 5541, в Южно-Казахстанской — 5278, в Павлодарской — 2614, в Акмолинской — 5219 человек [Бугай, 1991. № 1, с. 149].

В мае 1944 г. из Крымской АССР были высланы крымские татары. В Узбекской ССР были размещены 37 230 семей или, 147 170 человек, а 1268 семей, или 4501 человек, прибыли в Казахстан. Кроме того, в ходе этой операции были депортированы в Казахстан около 7 тыс. болгар и греков [ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1. Д. 6. Л. 8–10]. Летом 1944 г. из Грузии в Казахскую ССР выселили турок, курдов и хемшидов. Было выселено 45 516 турок, 8694 курда,1385 хемшидов и 29 505 представителей других этнических групп. Всего выселению подверглись 115,5 тыс. человек, проживавших в Ахалцихском, Адыгенском, Аспиндзском, Ахалкалакском и Богдановском районах Грузии [Панеш, 1991. № 9–10, с. 212]. В Казахстан было выселено 6300 семей турок общей численностью 27 833 человека [ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1. Д. 16. Л. 8].

В целом за период Великой Отечественной войны в республику было депортировано более 1 млн человек.

В послевоенный период насильственная миграция уже не была столь масштабной, как в довоенный, а особенно в военный период, но все же имела место быть. Из Западной Украины в течение 1944–1952 гг. переселены «оуновцы». В 1945–1949 гг. выселения происходили из Прибалтики. В 1949 г. произошло перемещение греков, турок и так называемых дашнаков из Грузинской, Армянской, Азербайджанской ССР, Краснодарского края и с Черноморского побережья (Одесса и Крым). Коллективизация сельского хозяйства в Прибалтике, Западной Украине, Западной Белоруссии, Правобережной Молдавии и Северной Буковине в конце 40-х — начале 50-х гг. сопровождалась раскулачиванием и выселением крестьян.

После смерти И. Сталина многие депортированные народы получили возможность вернуться на прежнее место жительство, но представители всех переселенных народов остались на территории Казахской ССР.

Последствия насильственной миграции носили двойственный характер для демографической ситуации республики. Насильственная миграция и возобновившийся послевоенный оргнабор позволили избежать демографической катастрофы военного времени. Как известно, перепись населения в 1949 г. не проводилась, но, используя данные Центрального ста-

тистического управления при Совете Министров Казахской ССР, можно рассчитать, что численность населения республики с 1939 по 1949 г. сократилась на 18,7 тыс. человек. Причем убыль населения отмечалась в Южном и Западном экономических районах, а в Центральном, Северном и Восточном — наоборот, был отмечен прирост населения. Данная ситуация свидетельствует о том, что в данный период рост населения осуществлялся в основном благодаря миграции.

Самое значительное влияние было оказано на этнический состав населения Казахской ССР. С 30-х гг., после начала депортаций, резко возрастает в республике численность этносов, подвергшихся переселению. Для характеристики данных процессов рассмотрены изменения численного состава этносов, чья численность изменилась самым заметным образом. Так, в межпереписной период с 1926 по 1939 г. число азербайджанцев увеличилось на 12 950 человек или на 99,6%, корейцев — на 96 411 человек или на 99,9%, поляков — на 51 067 человек, или на 93,1%. Численность немцев с 1939 по 1959 г. возрастает на 567 180 человек, или на 85,9%, чеченцев — на 137 361 человека, или на 98,0%. Представители одних переселенных народов и до депортации проживали на территории Казахской ССР, а другие были представлены единицами.

Таблица 1

Изменение численности депортированных народов в 30–50-е гг.

	1926 г.	**1939 г.**	**1959 г.**
Азербайджанцы	46	12 996	38 362
Корейцы	42	96 453	74 019
Немцы	51 094	92 571	659 751
Поляки	3742	54 809	51 102
Татары	79 751	108 127	191 690
Чеченцы	3	2639	140 000

Источники: Всесоюзная перепись населения 1926. Т. 8, Каз. АССР. — М., 1928; Всесоюзная перепись населения 1939 г. // ЦГА РК. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 338–402; Всесоюзная перепись населения 1959 г. // ЦГА РК. Ф. 1568. Оп. 21. Д. 4. Л. 1–42; Статистический сборник по отдельным показателям всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг., Алма-Ата, 1991, с. 7–70.

По некоторым другим депортированным народам данные за 1959 г. отсутствуют, а последующие переписи не отражают объективно эффект насильственной миграции.

Вливание такого количества мигрантов в состав населения Казахской ССР в относительно короткий период приводит к тому, что удельный вес казахов уменьшается с 58,5% в 1926 г., до 37,8% в 1939 г. и до 30,0% в 1959 г. [Масанов и др., 2001].

Сложившаяся в 30–50-е гг. этническая ситуация закрепилась в Казахской ССР до развала СССР. 90-е гг. в Казахстане отмечены активными миграционными процессами уже в обратном направлении. Результатом этих процессов явилось сокращение численности населения, в частности большинства подвергшихся депортации этносов. В целом же этническая картина, доставшаяся республике с советских времен, осталась практически неизменной.

Список литературы

1. *Алдажуманов К. С., Алдажуманов Е. К.* Депортация народов — преступление тоталитарного режима. — Алматы, 1997.
2. *Алдажуманов К., Алдажуманов Е.* Карачаевцы: по злому навету /Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. — Алматы, 1998.
3. *Бугай Н. Ф.* 40–50-е годы: последствия депортации народов (Свидетельствуют архивы НКВД-МВД СССР) // История СССР. — 1992. — № 1.
4. *Бугай Н. Ф.* «Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений...» Л. Берия — И. Сталину // История СССР. — 1991. — № 1.
5. Всесоюзная перепись населения 1926. Т. 8, Каз. АССР. — М., 1928.
6. Всесоюзная перепись населения 1939 г. // ЦГА РК. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 338–402.
7. Всесоюзная перепись населения 1959 г. // ЦГА РК. Ф. 1568. Оп. 21. Д. 4. Л. 1–42.
8. *Масанов Н. Э., Абылхожин Ж. Б., Ерофеева И. В., Алексеенко А. Н., Баратова Г. С.* История Казахстана: народы и культуры. — Алматы, 2001.
9. *Панеш Э., Ермолов Л.* Месхетинские турки // Вопросы истории. — 1991. — № 9–10.
10. Статистический сборник по отдельным показателям всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. — Алма-Ата, 1991.
11. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Фонд 1987.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Aldazhumanov K. S., Aldazhumanov E. K.* Deportacija narodov — prestuplenie totalitarnogo rezhima. — Almaty, 1997.
2. *Aldazhumanov K., Aldazhumanov E.* Karachaevcy: po zlomu navetu /Deportirovannye v Kazahstan narody: vremja i sud'by. — Almaty, 1998.
3. *Bugaj N. F.* 40–50-e gody: posledstvija deportacii narodov (Svidetel'stvujut arhivy NKVD-MVD SSSR) // Istorija SSSR. — 1992. — № 1.
4. *Bugaj N. F.* «Pogruzheny v jeshelony i otpravleny k mestam poselenij...» L. Berija — I. Stalinu // Istorija SSSR. — 1991. — № 1.
5. Vsesojuznaja perepis' naselenija 1926. T. 8, Kaz. ASSR. — M., 1928.
6. Vsesojuznaja perepis' naselenija 1939 g. // CGA RK. F. 1562. Op. 336. D. 338–402.

7. Vsesojuznaja perepis' naselenija 1959 g. // CGA RK. F. 1568. Op. 21. D. 4. L. 1–42.
8. *Masanov N. Je., Abylhozhin Zh. B., Erofeeva I. V., Alekseenko A. N., Baratova G. S.* Istorija Kazahstana: narody i kul'tury. — Almaty, 2001.
9. *Panesh Je., Ermolov L.* Meshetinskie turki // Voprosy istorii. — 1991. — № 9–10.
10. Statisticheskij sbornik po otdel'nym pokazateljam vsesojuznyh perepisej naselenija 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 gg. — Alma-Ata, 1991.
11. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan (CGA RK). Fond 1987.

КАРЦЕВА Марина Анатольевна
старший научный сотрудник ИНСАП РАНХиГС,
Москва, Россия.
E-mail: mkartseba@mail.ru

ВЛИЯНИЕ СТАТУСА ГРАЖДАНСТВА НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МИГРАНТОВ В США[1]

Ключевые слова: мигранты, граждане, США, статус мигранта.

Коды JEL: F22, I3

Введение

В работе на материалах Американского обследования общин за 2008–2017 гг. мы делаем попытку проанализировать, что общего или особенного имеется между мигрантами и немигрантами в отношении их социально-экономических (в первую очередь) характеристик. Важным срезом анализа является выделение среди мигрантов тех, кто уже приобрел гражданство Соединенных Штатов Америки. Сравнение трех подгрупп населения, различающихся миграционным статусом, должно показать, каким образом влияет опыт миграции и факт приобретения гражданства на такие характеристики, как уровень образования, дохода, занятость, жилищные условия и пр.

Для достижения целей исследования мы рассматриваем три подгруппы населения:

— *немигранты* — люди, родившиеся в США и имеющие гражданство США;

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00670\20 «Оценка результатов реализации миграционной политики Российской Федерации и предложения по ее модернизации в новых экономических и геополитических условиях».

— *мигранты-граждане* — люди, родившиеся не в США и на момент обследования имевшие гражданство США;
— *мигранты-неграждане* — люди, родившиеся не в США и на момент обследования не имевшие гражданства США.

В табл. 1 показана общая среднегодовая численность населения США, а также численность немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан в период с 2008 по 2017 г. Также в таблице представлена структура населения США в разрезе рассматриваемых групп. Анализируя динамику структуры населения, можно отметить, что за рассматриваемый период времени доля коренного населения в США несколько снизилась — с 87,5% в 2008 г. до 86,3% в 2017 г. Доля мигрантов-граждан, напротив, выросла — от 5,4 до 6,7%. Доля мигрантов-неграждан в структуре населения в период 2008–2017 гг. оставалась практически постоянной, на уровне 6,9–7,2%.

Таблица 1

Среднегодовая численность населения США, а также численность трех рассматриваемых групп в период с 2008 по 2017 г., млн чел.

Группа населения / Год	Все население, млн чел., %	Немигранты, млн чел., %	Мигранты-граждане, млн чел., %	Мигранты-неграждане, млн чел., %
2008	304,1 (100%)	266,1 (87,5%)	16,3 (5,4%)	21,6 (7,1%)
2009	307,0 (100%)	268,5 (87,5%)	16,8 (5,5%)	21,7 (7,1%)
2010	309,3 (100%)	269,4 (87,1%)	17,5 (5,6%)	22,5 (7,2%)
2011	311,6 (100%)	271,2 (87,0%)	18,1 (5,8%)	22,2 (7,1%)
2012	313,9 (100%)	273,1 (87,0%)	18,7 (6,0%)	22,1 (7,1%)
2013	316,1 (100%)	274,8 (86,9%)	19,3 (6,1%)	22,1 (7,0%)
2014	318,9 (100%)	276,5 (86,7%)	20,0 (6,3%)	22,4 (7,0%)
2015	321,4 (100%)	278,1 (86,5%)	20,7 (6,4%)	22,6 (7,0%)
2016	323,1 (100%)	279,4 (86,5%)	21,2 (6,6%)	22,5 (7,0%)
2017	325,7 (100%)	281,2 (86,3%)	21,9 (6,7%)	22,6 (6,9%)

Источник данных: Бюро цензов США, 2017 г.

Далее проводится подробный сравнительный анализ социально-экономических характеристик трех выделенных групп населения: немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан. Анализ социально-экономических характеристик сопровождается кратким описанием демографической ситуации внутри групп.

Основные демографические характеристики немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан

При проведении комплексного сравнения социально-экономических характеристик в группах мигрантов и немигрантов, а также для выявления причин возникающих различий необходимо учитывать демографическую структуру трех рассматриваемых групп. В данном разделе кратко приводятся основные демографические показатели мигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан в США на 2017 г.

Гендерная структура

Доля мужчин и женщин примерно одинакова среди немигрантов и среди мигрантов-неграждан (см. табл. 2). Среди немигрантов доля женщин составляет 50,6%, а доля мужчин соответственно 49,4%. В группе мигрантов-неграждан женщины составляют 49,2% группы, мужчины — 50,8%. Среди мигрантов-граждан доля женщин несколько выше, чем в других рассматриваемых группах населения, — 54,1%, а доля мужчин соответственно ниже — 45,9%. Данное наблюдение может частично объясняться тем, что мигранты-граждане в среднем значительно старше, чем немигранты и мигранты-неграждане (см. далее), а в более старших возрастных когортах наблюдается сдвиг гендерного баланса в сторону женщин из-за разницы в продолжительности жизни мужчин и женщин[1].

Медианный возраст

Медианный возраст мигрантов и немигрантов в США существенно различается. Согласно данным Бюро переписи США в 2017 г. средний возраст немигрантов составил 36,2 года (см. табл. 2). Мигранты-неграждане в целом несколько старше немигрантов — для них показатель среднего возраста в 2017 г. составил 38,6 года. Однако медианный возраст мигрантов, получивших гражданство США, значительно превышает аналогичные показатели в обеих рассмотренных группах. Медианный возраст мигрантов-граждан — 51,7 года. Таким образом, мигранты-граждане представляют собой самую старшую из рассматриваемых групп. Данное наблюдение частично может быть объяснено правилами получения гражданства (в частности, необходимостью проживания в стране в те-

[1] В 2017 г. средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении в США составила 76,2 года для мужчин и 81,1 года для женщин.

чение определенного времени для получения права обратиться за гражданством[1]).

Состояние в браке[2]

Согласно данным Бюро переписи США в 2017 г. в браке состояли около половины немигрантов и мигрантов-неграждан (46 и 57% соответственно) (см. табл. 2). Доля состоящих в браке мигрантов-граждан несколько выше — 63%. Никогда не состояли в браке треть немигрантов и мигрантов-неграждан (36 и 31% соответственно). Доля никогда не состоявших в браке среди мигрантов, имеющих гражданство, в два раза ниже — только 17% мигрантов-граждан никогда не вступали в брак. Каждый восьмой (13%) немигрант и мигрант-гражданин состоит в разводе или находится в браке, но проживает отдельно от супруга/супруги. Среди мигрантов-неграждан в данную категорию попадает только 9%. Доля вдовых для немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан составляет 6, 7 и 3% соответственно. Таким образом, можно заключить, что наблюдаются значительные различия в структуре брачности немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан. Данные различия могут объясняться различиями в возрастной структуре рассматриваемых групп, культурными различиями между группами, а также установленными правилами получения гражданства.

Средний размер домохозяйства

Средний размер домохозяйства мигрантов значительно превышает средний размер домохозяйств немигрантов. В 2017 г. в США средний размер домохозяйства немигрантов составил 2,5 человека, в то время как в домохозяйствах мигрантов-граждан в среднем проживало 3,2 человека, а в домохозяйствах мигрантов-неграждан — 3,5 человека (см. табл. 2).

Таблица 2

Основные демографические показатели немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан в США, 2017 г.

Показатель	Немигранты	Мигранты-граждане	Мигранты-неграждане
Гендерная структура			
Мужчины, %	49,4	45,9	50,8
Женщины, %	50,6	54,1	49,2

[1] В 2017 г. среднее время ожидания получения гражданства после получения вида на жительство составило 7 лет (https://www.migrationpolicy.org/article/naturalization-trends-united-states/).

[2] Согласно методике Бюро переписи США брачный статус определяется для населения от 15 лет и старше.

Окончание табл. 2

Показатель	Немигранты	Мигранты-граждане	Мигранты-неграждане
Возраст			
Медианный возраст, лет	36,2	51,7	38,6
Состояние в браке			
Никогда не состоял в браке, %	35,5	17,4	30,6
Состоит в браке, %	45,5	62,7	56,7
Разведен, проживает отдельно, %	13,2	12,8	9,3
Вдовец/вдова, %	5,8	7,1	3,4
Размер домохозяйства			
Средний размер домохозяйства, чел.	2,5	3,2	3,5

Источник данных: Бюро цензов США, 2017.

Необходимо отметить, что в период с 2008 по 2017 г. демографическая структура рассматриваемых групп населения существенно не менялась.

Социальные характеристики немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан

Рассмотрим основные социальные характеристики трех групп населения США, находящихся в фокусе нашего исследования. Образовательная структура является одной из наиболее важных социальных характеристик населения. Уровень образования характеризует качество населения как рабочей силы, является фактором экономического и социального развития общества. Уровень образования также входит в ряд индикаторов, определяющих качество жизни населения (например, Индекс развития человеческого потенциала ПРООН, Индекс измерения качества жизни ОЭСР). Другой важнейшей социальной характеристикой является хорошее владение английским языком. Недостаточное владение языком страны проживания представляет собой существенный барьер для интеграции человека в общество — возникают трудности с трудоустройством, общением с людьми и т.п.

Наивысший достигнутый уровень образования

В табл. 3 представлено распределение трех групп населения США, находящихся в фокусе исследования, по наивысшему достигнутому уровню образования на 2017 г.[1] Для наглядности распределение графически пока-

[1] Согласно методике Бюро переписи США наивысший достигнутый уровень образования определяется для лиц от 25 лет и старше.

зано на рис. 1. Анализ данных показал, что наименее образованной из рассматриваемых групп населения являются мигранты-неграждане. Среди мигрантов-неграждан более трети (36,6%) имеют образование в объеме менее старшей школы. 23,6% мигрантов-неграждан закончили только старшую школу, колледж и бакалавриат закончили 14,1 и 14,2% соответственно. Однако каждый десятый мигрант-негражданин (11,6%) имеет степень магистра (или выше). Данный показатель сравним с аналогичным показателем для коренного населения. Отдельный интерес представляет собой сравнение образовательной структуры мигрантов-граждан и немигрантов. По сравнению с немигрантами среди мигрантов-граждан выше доля лиц с относительно низким уровнем образования (менее старшей школы) — каждый пятый мигрант-гражданин (19,3%) не окончил старшую школу, в то время как среди немигрантов аналогичный показатель составляет только 8,7%. Немигранты чаще по сравнению с мигрантами-гражданами имеют средний уровень образования. 28,1% немигрантов окончили старшую школу и 31% — колледж (21,9 и 23,0% среди мигрантов-граждан соответственно). Доли людей, имеющих степень бакалавра, в группах немигрантов и мигрантов-граждан приблизительно совпадают — 20,1 и 20,8%. Отдельно стоит отметить, что доля лиц с высоким уровнем образования (магистратура и выше) среди мигрантов-граждан выше, чем среди немигрантов. 12,1% коренного населения имеют степень магистра, в то время как среди мигрантов-граждан 15,0% обладают этим уровнем образования.

Таблица 3

Распределение немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан по уровню образования в США, 2017 г.

Уровень образования / Группа	Менее старшей школы	Старшая школа	Колледж	Бакалавриат	Магистратура и выше
Немигранты	8,7%	28,1%	31,0%	20,1%	12,1%
Мигранты-граждане	19,3%	21,9%	23,0%	20,8%	15,0%
Мигранты-неграждане	36,6%	23,6%	14,1%	14,2%	11,6%

Источник данных: Бюро цензов США, 2017.

На рис. 2 и 3 представлена динамика образовательной структуры населения для трех рассматриваемых групп в США в период с 2008 по 2017 г. Рисунок 2 демонстрирует динамику доли лиц с относительно низким уровнем образования (старшая школа и менее), а рис. 3 — доли лиц с относительно высоким уровнем образования (бакалавриат, магистра-

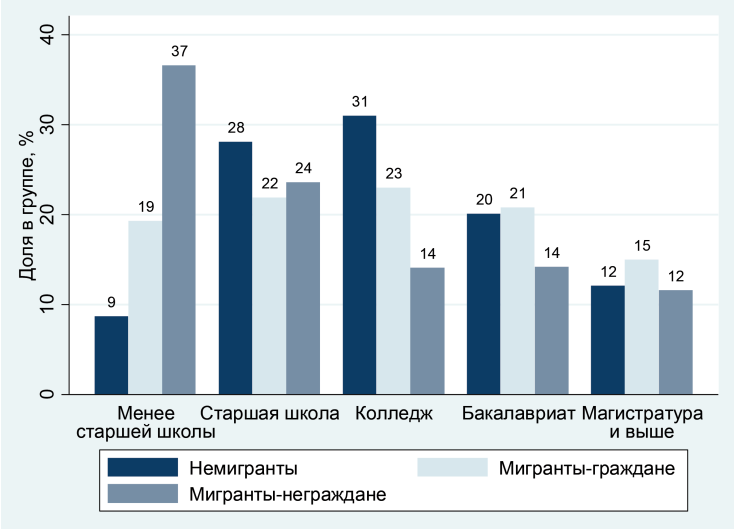

Рис. 1. Распределение немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан по уровню образования в США, 2017 г.
Источник данных: Бюро цензов США, 2017.

тура и выше). Необходимо отметить, что в рассматриваемое десятилетие доля лиц с относительно низким уровнем образования сократилась во всех трех группах населения. Среди немигрантов доля лиц, окончивших только старшую школу или менее, снизилась с 41,5% в 2008 г. до 36,8% в 2017 г. Среди мигрантов-граждан данный показатель сократился с 44,0 до 41,2%. Доля мигрантов-неграждан с относительно низким уровнем образования также несколько снизилась — с 63,6 до 60,2%. Доля лиц с относительно высоким уровнем образования (бакалавриат, магистратура и выше), напротив, росла во всех трех рассматриваемых группах населения. В период с 2008 по 2017 г. доля лиц, имеющих степень бакалавра или магистра, среди немигрантов выросла на 4,4 п.п., с 27,8 до 32,2%. В группе мигрантов-граждан аналогичный показатель увеличился на 3,3 п.п., с 32,5 до 35,8%. При этом как в группе немигрантов, так и в группе мигрантов-граждан рост доли высокообразованного населения был практически равномерным. Среди мигрантов-неграждан доля лиц с относительно высоким уровнем образования также выросла в период с 2008 по 2017 г. — с 22,1 до 25,8% (прирост 3,7 п.п.). Однако в этой группе рост показателя не был равномерным. С 2008 по 2013 г. доля мигрантов-неграждан, имеющих степень бакалавра или магистра, оставалась стабильной на уровне 21,5–22,1%. Начиная с 2014 г., наблюдается интенсивный рост показателя — с 22,6% в 2014 г. до 25,8% в 2017 г.

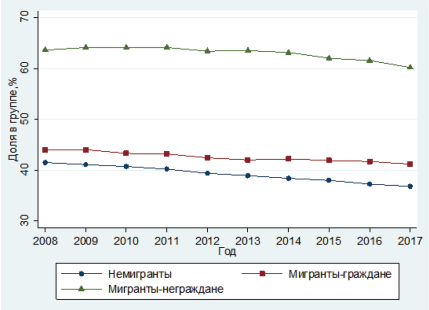

Рис. 2. Доля немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан, окончивших только старшую школу или менее, в США, %, 2008–2017 гг.
Источник данных: Бюро цензов США, 2008–2017.

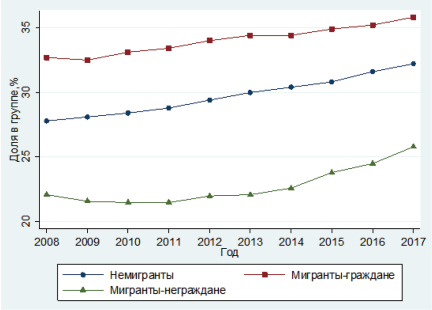

Рис. 3. Доля состоящих в браке немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан, имеющих степень бакалавра или магистра (или выше), в США, %, 2008–2017 гг.
Источник данных: Бюро цензов США, 2008–2017.

Владение английским языком

Важным фактором социальной интеграции и реализации человека в обществе является свободное владение государственным языком страны проживания. Данные Бюро цензов США дают возможность оценить степень владения английским языком населения старше пяти лет. На рис. 4 представлена доля лиц, владеющих английским языком не очень хорошо (*less than "very well"*), среди немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан в США в 2017 г. Неудивительно, что среди коренного населения (немигрантов) данный показатель очень мал (1,8%). Однако среди мигрантов многие владеют английским языком не очень хорошо. Так, среди мигрантов-граждан более трети (37,3%) населения отмечают, что их степень владения английским не может быть оценена как «очень хорошо». А среди мигрантов-неграждан таких людей более половины — 58,3%.

Необходимо отметить, что доля немигрантов, не владеющих английским языком очень хорошо, оставалась стабильной в период 2008–2017 гг. (1,8–2,0%). Сравнительно бóльший интерес представляет динамика владения языком в группах мигрантов. На рис. 5 показана доля лиц, владеющих английским языком не очень хорошо, среди мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан в США в период с 2008 по 2017 г. В рассматриваемый временной период доля мигрантов, владеющих английским языком не очень хорошо, сокращалась как среди мигрантов-граждан, так и среди мигрантов-неграждан. Однако степень сокращения нельзя оценить как значительную. За рассматриваемые десять лет среди мигрантов-граждан данный показатель уменьшился на 1,8 п.п., с 39,1 до 37,3%. Среди мигран-

тов-неграждан доля владеющих английским не очень хорошо снизилась на 3,7 п.п., с 62,0 до 57,3%.

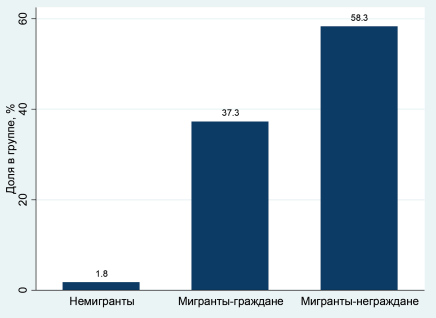

Рис. 4. Доля немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан, владеющих английским языком не очень хорошо, в США, %, 2017 г.
Источник данных: Бюро цензов США, 2008–2017.

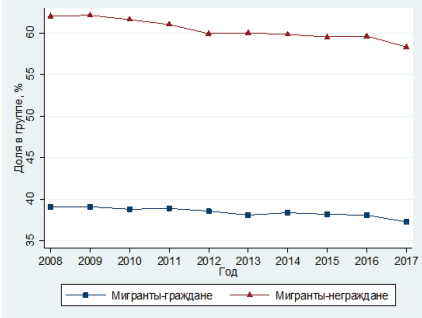

Рис. 5. Доля немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан, владеющих английским языком не очень хорошо, в США, %, 2008–2017 гг.
Источник данных: Бюро цензов США, 2008–2017.

Экономические характеристики немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан

Далее в работе проводится сравнительный анализ экономических характеристик немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан. В частности, рассматриваются такие показатели, как участие в рынке труда, занятость, безработица, профессиональная и отраслевая структура занятости, средняя заработная плата.

Участие в рабочей силе

Согласно данным Бюро цензов за 2017 г., уровень участия в рабочей силе различается для трех рассматриваемых групп населения (см. рис. 6)[1]. Интересно отметить, что минимальный уровень участия в рабочей силе наблюдается среди немигрантов — 62,2%. Для мигрантов-граждан аналогичный показатель составляет 64,9%. В группе мигрантов-неграждан уровень участия в рабочей силе достигает 67,1% и является максимальным среди трех групп.

Необходимо отметить, что подобное ранжирование групп по уровню участия в рабочей силе не менялось на протяжении предыдущего десятилетия, в период с 2008 по 2017 г. (см. рис. 7). То есть уровень участия в рабочей силе мигрантов стабильно превышает уровень участия в рабочей

[1] Согласно методике Бюро переписи США участие в рабочей силе определяется для лиц от 16 лет и старше.

силе коренного населения. Тем не менее привлекает внимание интересная тенденция — уровень участия в рабочей силе в период с 2008 по 2017 г. снизился во всех группах населения. При этом основное снижение показателя для всех групп произошло в период 2008 по 2015 г. В дальнейшем индекс участия в рабочей силе оставался постоянным.

Более активное участие в рабочей силе мигрантов по сравнению с немигрантами объясняется комплексом причин, среди которых наиболее значимыми являются различия возрастной структуры, различия в охвате образованием, различия в доступе к социальному и пенсионному страхованию. Эти же причины объясняют наблюдаемую разницу уровня участия в рабочей силе мигрантов, имеющих гражданство США, и мигрантов-неграждан. Наличие гражданства облегчает мигрантам доступ к образованию, а также к институтам социального и пенсионного страхования. Другой причиной наблюдаемого более высокого уровня участия в рабочей силе мигрантов по сравнению с коренным населением является самоотбор (*self-selection*) — во-первых, одним из основных видов миграции является трудовая миграция, т.е. мигранты по сравнению с немигрантами в большей степени мотивированы к участию в рабочей силе; во-вторых, правила получения гражданства таковы, что при вынесении решения о принятии в гражданство предпочтение отдается людям со стабильной занятостью.

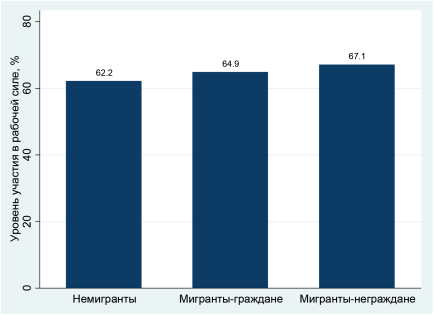

Рис. 6. Уровень участия в рабочей силе немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан в США, %, 2017 г.
Источник данных: Бюро цензов США, 2008–2017.

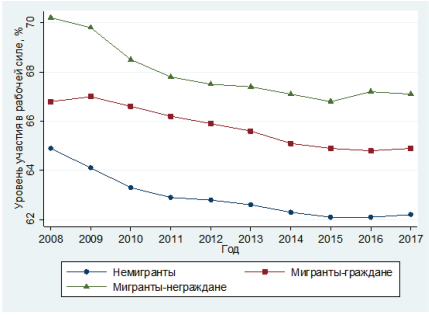

Рис. 7. Уровень участия в рабочей силе немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан в США, %, 2008–2017 гг.
Источник данных: Бюро цензов США, 2008–2017.

Уровень занятости

Так же как и уровень участия в рабочей силе, минимальный уровень занятости[1] наблюдается в США в 2017 г. в группе немигрантов. Только

[1] Согласно методике Бюро переписи США уровень занятости определяется для лиц от 16 лет и старше.

58,8% немигрантов в возрасте 16 лет и старше в 2017 г. являлись занятыми, т.е. имели оплачиваемую работу (см. рис. 8). Среди мигрантов уровень занятости несколько выше — 62,5% в группе мигрантов-граждан и 63,5% в группе мигрантов-неграждан.

Превышение уровня занятости мигрантов над аналогичным показателем в группе немигрантов наблюдается в течение всего периода 2008–2017 гг. (см. рис. 9). Основные причины этого превышения аналогичны причинам более активного участия мигрантов в рабочей силе — различия возрастной структуры рассматриваемых групп, различия в охвате образованием, различия в доступе к социальному и пенсионному страхованию, а также самоотбор (*self-selection*) мигрантов в части мотивации к занятости.

Рассмотрим динамику уровня занятости немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан в период с 2008 по 2017 г. более подробно. Нужно отметить, что в 2008 г. доля занятых во всех трех рассматриваемых категориях населения была выше, чем в 2017 г., — 60,7% для немигрантов, 63,7% для мигрантов-неграждан и 65,5% для мигрантов-неграждан (см. рис. 9). В период с 2008 по 2011 г. во всех группах наблюдалось значительное снижение уровня занятости, основной причиной которого стал спад экономики США в результате мирового финансового кризиса 2008 г. Минимальный уровень занятости в группах был отмечен в 2010–2011 гг. Интересно отметить, что в результате негативных явлений в экономике в наибольшей степени с уровень занятости снизился в группах немигрантов и мигрантов-неграждан — минимальное значение уровня занятости за рассматриваемый период период для этих групп ниже уровня 2008 г. на 7,2 и 7,8% соответственно. Уровень занятости среди мигрантов-граждан сократился только на 4,2%. В период 2012–2017 гг. во всех группах доля занятости медленно увеличивалась. Относительно минимального значения за период уровень занятости вырос на 4,4% среди немигрантов, на 5,1% для мигрантов-неграждан и на 2,5% для мигрантов-граждан. Таким образом, исходя из вышесказанного, можно заключить, что группа мигрантов-граждан оказалась более устойчива на рынке труда в кризисный период по сравнению с другими рассматриваемыми группами населения. Необходимо также отметить, что восстановление уровня занятости происходит достаточно медленными темпами — ни в одной из рассматриваемых групп населения уровень занятости в 2017 г. не достиг уровня занятости 2008 г.

Уровень безработицы

Согласно данным Бюро цензов США в 2017 г. уровень безработицы[1] среди немигрантов и мигрантов-неграждан был приблизительно одина-

[1] Согласно методике Бюро переписи США уровень безработицы определяется для лиц от 16 лет и старше.

ковым — 3,4 и 3,5% соответственно (см. рис. 10). Минимальный уровень безработицы в 2017 г. отмечался в группе мигрантов-граждан — 2,4%.

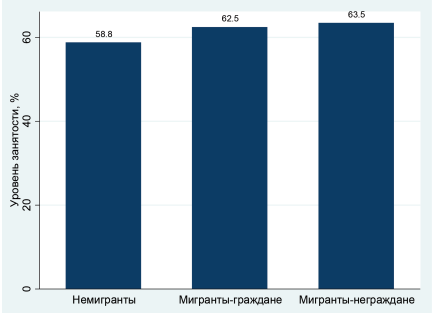

Рис. 8. Уровень занятости немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан в США, %, 2017 г.
Источник данных: Бюро цензов США, 2008–2017.

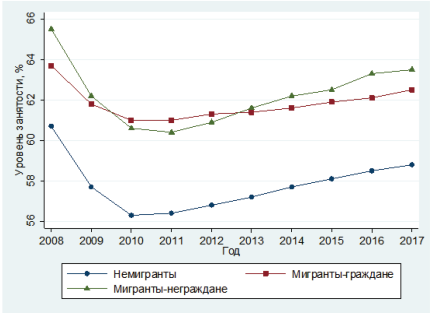

Рис. 9. Уровень занятости немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан в США, %, 2008–2017 гг.
Источник данных: Бюро цензов США, 2008–2017.

Необходимо отметить, что подобное ранжирование групп по уровню безработицы не менялось на протяжении предыдущего десятилетия, в период с 2008 по 2017 г. (см. рис. 11). То есть уровень безработицы среди мигрантов-неграждан стабильно превышает аналогичные показатели для двух других рассматриваемых групп населения. Однако в последнее время наблюдается тенденция сближения уровня безработицы среди мигрантов-неграждан и немигрантов. Доля безработных среди мигрантов-граждан в период 2008–2011 гг. была существенно ниже аналогичного показателя для двух других рассматриваемых групп.

В 2008 г. уровень безработицы в США среди немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан составлял 4,2, 3,1 и 4,7% соответственно. В результате мирового финансового кризиса уровень безработицы существенно вырос в период 2008–2010 гг. во всех трех рассматриваемых группах населения. Максимальный уровень безработицы для немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан наблюдался в 2010 г. и составлял 6,9, 5,6 и 7,9% соответственно. То есть по сравнению с 2008 г. в 2010 г. доля безработных среди немигрантов выросла на 64%, среди мигрантов-граждан — на 81%, а среди мигрантов-неграждан — на 68%. Несмотря на то что уровень безработицы среди мигрантов-граждан вырос в наибольшей степени, абсолютное значение показателя безработицы оставалось минимальным среди рассматриваемых групп населения. Начиная с 2017 г. доля безработных снижалась во всех рассматриваемых группах. В период с 2010 по 2017 г. уровень безработицы

снизился на 51%, среди мигрантов-граждан на — 57% и среди мигрантов-неграждан — на 56%. Нужно отметить, что для всех рассматриваемых в работе групп населения уровень безработицы в 2017 г. был ниже, чем в 2008 г.

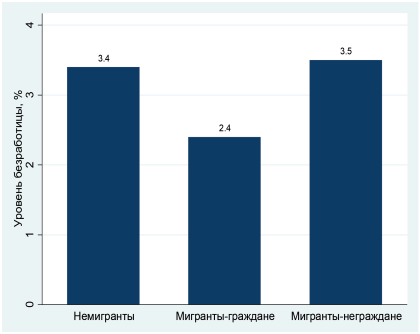

Рис. 10. Уровень безработицы немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан в США, %, 2017 г.
Источник данных: Бюро цензов США, 2008–2017.

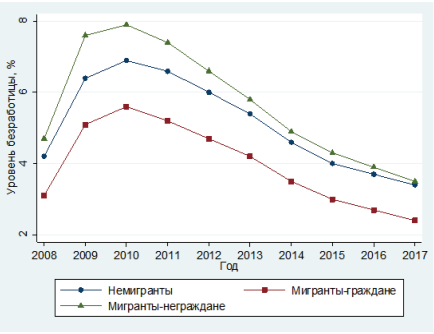

Рис. 11. Уровень безработицы немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан в США, %, 2008–2017 гг.
Источник данных: Бюро цензов США, 2008–2017.

Профессиональная структура занятого населения

На основе данных Американского обследования общин Бюро цензов США публикует информацию о профессиональной структуре занятого населения, в том числе и о профессиональной структуре занятых в группах немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан. Согласно методологии Бюро цензов профессиональная структура населения определяется согласно стандартному классификатору SOC (https://www.bls.gov/soc/). В период с 2010 по 2017 г. профессиональная структура представлена в кодировке SOC-2010 (версия кодировки, утвержденная для использования официальными статистическими органами США с 2010 г.).

В табл. 4 представлена профессиональная структура занятых для трех групп населения США в 2017 г. Для наглядности распределение графически показано на рис. 12. Имеющиеся данные показывают, что порядка 40% работающих немигрантов и мигрантов-граждан принадлежат к первой профессиональной группе, т.е. группе, объединяющей руководителей и специалистов в области науки и искусства. Среди мигрантов-неграждан только один из четырех занятых (24,9%) относится к этой профессиональной группе. Работниками сферы услуг являются 16,7% занятых немигрантов и 20,0% работающих мигрантов-граждан. В боль-

шей степени профессии этой группы распространены в группе мигрантов-неграждан — среди работающих мигрантов-неграждан 26,9% заняты в сфере услуг. Каждый четвертый занятый немигрант (24,3%) работает в области торговли или является офисным служащим. Среди мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан, имеющих работу, доля данной профессиональной группы значительно меньше — 19,4 и 13,5% соответственно. В профессиональной структуре занятых всех трех рассматриваемых групп доля четвертой профессиональной группы (работники сельского хозяйства, добывающей промышленности, строительства, работники, занятые на ремонтно-эксплуатационных работах) является наименьшей. Однако если среди немигрантов и мигрантов-граждан эта доля не превышает 10% (8,0 и 7,3% соответственно), то среди работающих мигрантов-неграждан практически каждый пятый (18,3%) относится к четвертой группе. Согласно укрупненной кодировке SOC-2010 к пятой профессиональной группе относятся работники производственных профессий, а также работники транспорта и грузоперевозок. Согласно представленным данным в данную профессиональную категорию попадают 11,6% работающих немигрантов, 13,4% мигрантов-граждан и 16,5% мигрантов-неграждан.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что профессиональная структура занятых мигрантов-граждан очень близка с профессиональной структурой коренного населения. По сравнению с немигрантами и мигрантами-гражданами профессиональная структура мигрантов-неграждан значительно сдвинута в сторону профессий, не требующих высокой квалификации. Таким образом, статус гражданина открывает работникам доступ к лучшим рабочим местам. Тем не менее нельзя не отметить и влияние самоотбора при формировании профессиональной структуры мигрантов — с большей вероятностью гражданство получают более квалифицированные мигранты.

Необходимо отметить, что профессиональная структура занятых немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан достаточно стабильна. В период с 2010[1] по 2017 г. она не претерпела никаких существенных изменений. Единственное, что можно отметить — некоторый рост доли высококвалифицированных работников первой профессиональной группы среди мигрантов-неграждан (от 20,8% в 2010 г. до 24,9% в 2017 г.).

[1] Динамика профессиональной структуры занятости в данной работе рассматривается за период с 2010 по 2017 г., так как до 2010 г. данные по профессиональной структуре занятого населения, представленные Бюро цензов, имеют другую кодировку, что затрудняет сравнение.

Таблица 4

Профессиональная структура занятых в группах немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан в США, 2017 г.

Код SOC-2010 (укрупненная кодировка)	Профессиональная группа	Немигранты	Мигранты-граждане	Мигранты-неграждане
1	Руководители и специалисты в области науки и искусства	39,4%	39,8%	24,9%
2	Работники сферы услуг	16,7%	20,0%	26,8%
3	Работники торговли и офисные служащие	24,3%	19,4%	13,5%
4	Работники сельского хозяйства, добывающей промышленности, строительства, работники, занятые на ремонтно-эксплуатационных работах	8,0%	7,3%	18,3%
5	Работники производственных профессий, работники транспорта и грузоперевозок	11,6%	13,4%	16,5%

Источник данных: Бюро цензов США, 2017.

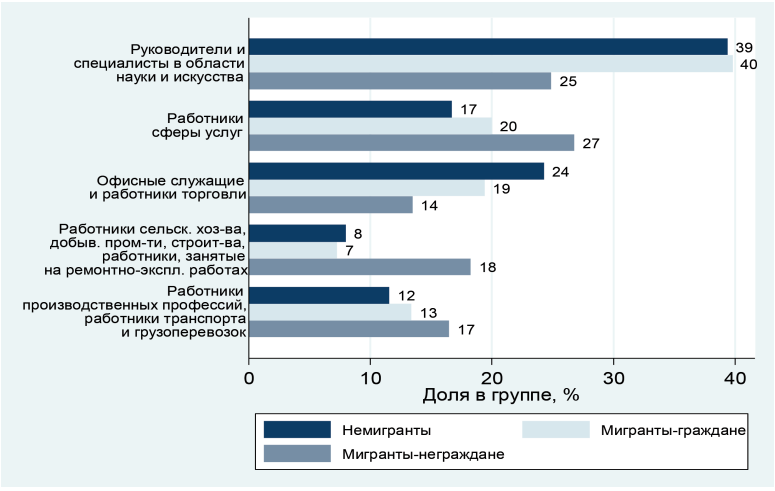

Рис. 12. Профессиональная структура занятых в группах немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан в США, 2017 г.
Источник данных: Бюро цензов США, 2017.

Отраслевая структура занятого населения

Кроме профессиональной структуры занятых, на основе данных Американского обследования общин Бюро цензов США публикует инфор-

мацию об отраслевой структуре занятого населения, в том числе и об отраслевой структуре занятых в группах немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан. Согласно методологии Бюро цензов структура занятых по отраслям определяется согласно стандартному классификатору NAICS (https://www.naics.com/search/).

В табл. 5 показана структура занятого населения в трех рассматриваемых группах по тринадцати отраслям (укрупненная кодировка). Анализ данных показал, что отраслевая структура занятости мигрантов-граждан практически не отличается от структуры занятости немигрантов. В обеих группах каждый четвертый занятый работает в области здравоохранения и социальных услуг, образования (23,9% немигрантов и 25,0% мигрантов-граждан). Приблизительно по 10% занятых среди немигрантов и мигрантов-граждан работают на обрабатывающих производствах, в розничной торговле, осуществляют профессиональную, научную и техническую деятельность, административную деятельность. Также чуть менее 10% занятых в этих двух группах работают в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений, деятельности гостиниц и предприятий общественного питания. Таким образом, в перечисленных четырех отраслях работают порядка 60–65% занятых немигрантов и мигрантов-граждан.

По сравнению со структурой занятости мигрантов и мигрантов-граждан, распределение занятых мигрантов-неграждан по отраслям является более равномерным. Наиболее распространенными местами работы среди мигрантов-неграждан являются такие отрасли, как деятельность профессиональная, научная и техническая, деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги (14,5%), деятельность в области здравоохранения и социальных услуг, образования (13,9% занятых), строительство (13,8% занятых), деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений, деятельность гостиниц и предприятий общественного питания (13,8% занятых), обрабатывающие производства (11,4% занятых). По сравнению с немигрантами, мигрантами-гражданами мигранты-неграждане значительно чаще работают в строительстве, в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений, деятельности гостиниц и предприятий общественного питания, а также в сельском хозяйстве и добыче полезных ископаемых. Относительно реже мигранты-неграждане имеют занятость в таких отраслях, как деятельность финансовая и страховая, деятельность по операциям с недвижимым имуществом и государственное управление.

Необходимо отметить, что в период с 2008 по 2017 г. существенных изменений отраслевой структуры занятого населения не происходило. Таким образом, можно говорить о существовании стабильных различий отраслевой структуры занятости мигрантов-неграждан и двух других рассматриваемых групп населения. Отсутствие гражданства ограничивает мигрантам-негражданам доступ к определенным профессиям (напри-

мер, государственное управление). Наличие гражданства практически уравнивает положение мигрантов и коренного населения в части выбора вида деятельности.

Таблица 5

Отраслевая структура занятых в группах немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан в США, 2017 г.

Отрасль (NAICS, укрупненная классификация)	Немигранты	Мигранты-граждане	Мигранты-неграждане
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство, добыча полезных ископаемых	1,6%	1,0%	3,7%
Строительство	6,0%	5,4%	13,8%
Обрабатывающие производства	9,9%	10,8%	11,4%
Оптовая торговля	2,6%	2,6%	2,6%
Розничная торговля	11,6%	9,5%	8,7%
Транспортировка и хранение	5,3%	6,7%	4,8%
Деятельность в области информации и связи	2,1%	1,8%	1,4%
Деятельность финансовая и страховая, деятельность по операциям с недвижимым имуществом	6,8%	7,0%	3,9%
Деятельность профессиональная, научная и техническая, деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	11,2%	12,0%	14,5%
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг, образования	23,9%	25,0%	13,9%
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений, деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	9,4%	8,8%	13,8%
Предоставление прочих видов услуг	4,6%	5,8%	6,6%
Государственное управление	5,1%	3,6%	1,0%

Источник данных: Бюро цензов США, 2017.

Заработная плата

Принимая во внимание различия в отраслевой и профессиональной структуре занятости немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан, можно предположить, что заработные платы работников трех рассматриваемых групп населения также варьируются. В табл. 6 представлено распределение работников по размеру заработной платы для трех рассматриваемых групп населения в США в 2017 г. Согласно методике Бюро цензов США в данном случае заработная плата определяется как совокупный годовой денежный доход лиц 16 лет и старше, работавших полный рабочий день в течение всего года. Для наглядности распределение графически показано на рис. 13.

Исходя из представленных данных, можно заключить, что распределение мигрантов-граждан по уровню зарплат мало отличается от аналогичного распределения для немигрантов. Малая доля работающих немигрантов и мигрантов-неграждан имеют годовой заработок менее 15 000 долл. в год — 4,4 и 4,1% соответственно. С другой стороны, практически половина работающих немигрантов и мигрантов-граждан (48,7 и 49,6% соответственно) получают относительно высокую зарплату, более 50 000 долл. в год. Доля лиц, получающих в год 75 000 долл. и более, среди мигрантов-граждан даже несколько выше, чем среди немигрантов (28,9 против 25,6%).

По сравнению с распределением немигрантов и мигрантов-неграждан по уровню заработной платы аналогичное распределение для мигрантов-неграждан существенно сдвинуто влево, в область низких зарплат. Так, например, доля мигрантов-неграждан, имеющих трудовой доход менее 15 000 долл. в год, составляет 7,8%. Приблизительно каждый четвертый (23,9%) работающий мигрант, не имеющий гражданства, зарабатывает от 15 000 до 25 000 долл. в год. Только 30,1% работников этой группы относятся к двум наиболее высокодоходным категориям работников и получают более 50 000 долл. в год. Доля работников, получающих более 75 000 долл. в год, среди мигрантов-неграждан составляет только 16,8%.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что отсутствие статуса гражданина негативно сказывается на заработной плате мигрантов. При наличии гражданства распределение мигрантов по уровню заработной платы практически не отличается от аналогичного распределения для немигрантов. Нужно отметить, что разница в заработных платах объясняется не только наличием или отсутствием гражданства, но и демографическими и образовательными различиями размариваемых групп. Также следует еще раз отметить проблему самоотбора при получении гражданства — статус гражданина чаще получают более образованные и квалифицированные мигранты.

Таблица 6

Распределение немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан по размеру заработной платы в США, 2017 г.

Заработная плата, долл. / Группа	1–9999	10000–14999	15000–24999	25000–34999	35000–49999	50000–74999	75000 и более
Немигранты	1,6%	2,8%	11,5%	15,2%	20,2%	23,1%	25,6%
Мигранты-граждане	1,3%	2,8%	12,2%	15,1%	18,9%	20,7%	28,9%
Мигранты-неграждане	2,1%	5,5%	23,9%	21,1%	17,4%	13,3%	16,8%

Источник данных: Бюро цензов США, 2017.

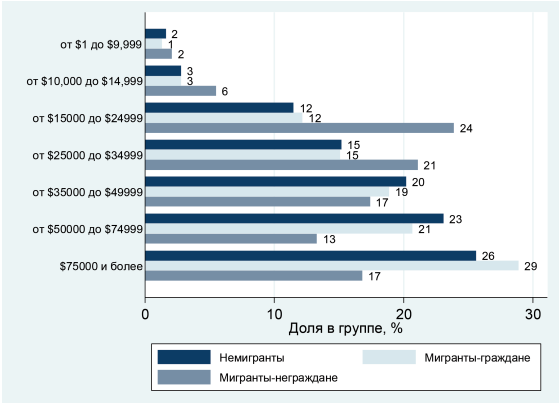

Рис. 13. Распределение немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан по размеру заработной платы в США, 2017 г.
Источник данных: Бюро цензов США, 2017.

Анализ динамики распределения немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан по размеру заработной платы в США в период с 2008 по 2017 г. показал, что доля работников, получающих относительно низкую зарплату (менее 150 00 долл. в год), снижалась во всех трех рассматриваемых группах населения. Причем, если среди немигрантов и мигрантов-граждан это снижение было незначительным (1,8 п.п.), то доля работников с низкими зарплатами среди мигрантов-неграждан сократилась практически в два раза — с 14,1% в 2008 г. до 7,6% в 2017 г.

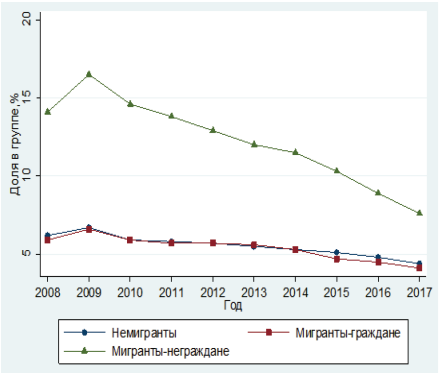

Рис. 14. Доля работающих немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан, зарабатывающих менее 15 000 долл. в год, в США, %, 2008–2017гг.
Источник данных: Бюро цензов США, 2008–2017.

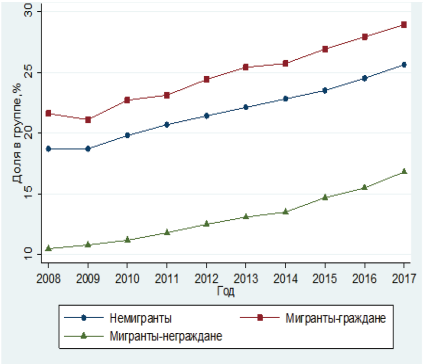

Рис. 15. Доля работающих немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан, зарабатывающих более 50 000 долл. в год, в США, %, 2008–2017 гг.
Источник данных: Бюро цензов США, 2008–2017.

Экономические характеристики домохозяйств немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан

В данном разделе анализируются отдельные, наиболее важные, характеристики экономического положения домохозяйств, в которых проживают немигранты, мигранты-граждане и мигранты-неграждане. В частности, рассматривается доход домохозяйства и уровень бедности.

Доход домохозяйства

На основе данных Американского обследования общин Бюро цензов США публикует подробную информацию о доходах домохозяйств[1], в том числе показатель медианного годового дохода для домохозяйств трех рассматриваемых категорий населения. На рис. 16 представлена величина медианного годового дохода для домохозяйств немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан в США в 2017 г. Наибольший медианный доход наблюдается у домохозяйств, в которых проживают мигранты-граждане, — 66,0 тыс. долл. в год. Медианный доход домохозяйств немигрантов несколько ниже — 60,8 тыс. долл. в год. Некоторое превышение доходов домохозяйств мигрантов-граждан над доходами домохозяйств немигрантов в основном объясняется различием демографической структуры этих групп. Так, мигранты-граждане — самая старшая категория из рассматриваемых, среди них существенно меньше несовершеннолетних детей, чем среди немигрантов. Согласно данным Бюро цензов в 2017 г. в домохозяйствах мигрантов-граждан в среднем было 1,51 занятого, а в домохозяйствах немигрантов — только 1,21.

Домохозяйства мигрантов-неграждан существенно менее обеспечены, чем домохозяйства двух других категорий, — для них медианный доход оценивается в 47,3 тыс. долл. в год, что составляет 78% медианного дохода домохозяйств немигрантов и 72% медианного дохода домохозяйств мигрантов-граждан. Отставание доходов домохозяйств мигрантов-неграждан объясняется в основном более низкими трудовыми доходами этой категории населения. Более того, мигранты-неграждане в среднем получают меньший объем социальных пособий и пенсионных выплат.

Необходимо отметить, что подобное ранжирование групп по медианному доходу домохозяйств не менялось на протяжении предыдущего де сятилетия, в период с 2008 по 2017г. (см. рис. 17). То есть доходы домохозяйств мигрантов-неграждан стабильно ниже доходов домохозяйств немигрантов и мигрантов-граждан. Также в течение всего рассматриваемого временного периода наблюдается некоторое превышение доходов домохозяйств мигрантов-граждан над доходами домохозяйств немигрантов.

[1] Доход домохозяйства определяется как сумма доходов его членов.

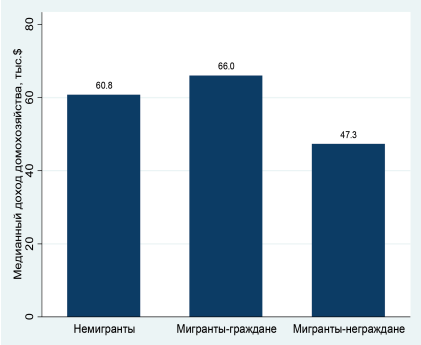

Рис. 16. Медианный доход домохозяйств, в которых проживают немигранты, мигранты-граждане и мигранты-неграждане в США, тыс. долл., 2017 г.
Источник данных: Бюро цензов США, 2017.

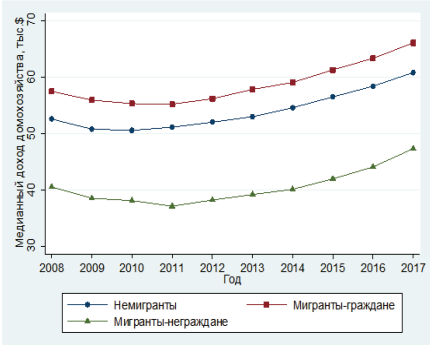

Рис. 17. Медианный доход домохозяйств, в которых проживают немигранты, мигранты-граждане и мигранты-неграждане в США, тыс. долл., 2008–2017 гг.
Источник данных: Бюро цензов США, 2008–2017.

Уровень бедности

Строго говоря, уровень бедности не является характеристикой домохозяйства. Согласно методике Бюро цензов США уровень бедности рассчитывается как доля населения с доходами ниже порога бедности в общей численности населения. Однако порог бедности по этой методике определяется на уровне домохозяйства. Пороги бедности устанавливаются отдельно для семей различных типов в зависимости от количества членов домохозяйства и их возраста. Всего Бюро цензов рассчитывает 48 порогов бедности. Для понимания величины порога бедности приведем грубые средние оценки порога бедности для домохозяйств различного размера. Так, в среднем порог бедности для домохозяйств из четырех человек в 2017 г. составлял 25 094 долл. в год, для семьи из трех человек — 19 515 долл. в год, для семьи из двух человек — 15 877 долл., для одиноко проживающего человека — 12 488 долл. в год. После определения типа домохозяйства и его порога бедности, порог бедности сравнивается с совокупным доходом домохозяйства. Если совокупный доход домохозяйства оказывается меньше порога бедности для домохозяйств соответствующего типа, то все члены такого домохозяйства признаются бедными.

На рис. 18 представлен уровень бедности немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан в США в 2017 г. Наименьший показатель уровня бедности наблюдается в группе мигрантов-граждан — только один из десяти (10,2%) представителей этой группы имеет доходы менее порога бедности. Среди немигрантов уровень бедности несколько выше — 13,1%. Мигранты-неграждане представляют собой самую уязвимую категорию

населения с точки зрения риска попадания в бедность. Каждый пятый (20,4%) мигрант, не имеющий гражданства, является бедным.

Динамика уровня бедности трех рассматриваемых групп населения показана на рис. 19. Необходимо отметить, что ранжирование групп по уровню бедности сохраняется на протяжении всего временного периода. Наименьший уровень бедности всегда наблюдается в группе мигрантов-граждан, а наибольший — среди мигрантов-неграждан. Причем показатели бедности в этих группах различаются значительно — уровень бедности мигрантов, не имеющих гражданства, в 2,0–2,3 раза превышает аналогичный показатель для мигрантов-граждан.

В 2008 г. доля бедных среди мигрантов-граждан составила 9,5%, среди немигрантов — 12,8% и среди мигрантов-неграждан — 20,9%. Начиная с 2009 г. отмечается рост уровня бедности во всех рассматриваемых категориях населения. Основной причиной данного роста является падение доходов домохозяйств в результате мирового финансового кризиса 2008 г. Рост бедности продолжается вплоть до 2012–2013 гг. Максимальный уровень бедности мигрантов-неграждан бал зафиксирован в 2012 году и составил 11,7%. Для немигрантов максимальный уровнень бедности за период, 15,4%, наблюдался в 2011–2013 гг. В группе мигрантов-неграждан уровень бедности увеличивался до 25,6% в 2012 г. Таким образом, в результате кризиса доля бедных во всех группах населения увеличилась в 1,2–1,3 раза. Впоследствии уровень бедности снижался во всех рассматриваемых группах населения и к 2017 г. приблизился к исходным показателям 2008 г.

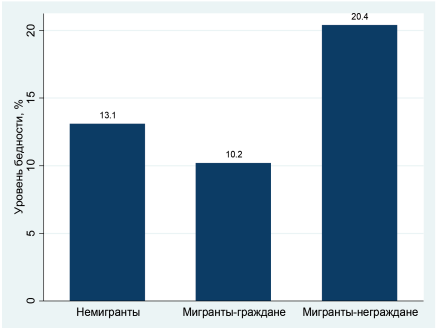

Рис. 18. Уровень бедности немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан в США, %, 2017 г.
Источник данных: Бюро цензов США, 2017.

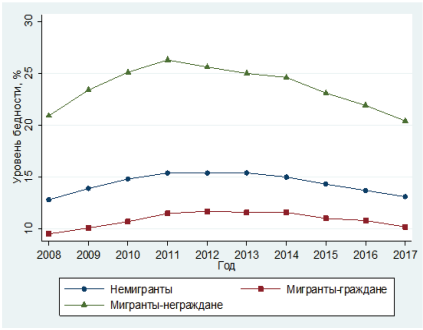

Рис. 19. Уровень бедности немигрантов, мигрантов-граждан и мигрантов-неграждан в США, %, 2008–2017 гг.
Источник данных: Бюро цензов США, 2008–2017.

Проведенный анализ показал, что для мигрантов, не имеющих гражданства, риск бедности существенно выше, чем для мигрантов, имеющих

гражданство. Высокий риск бедности мигрантов-неграждан по сравнению с мигрантами-гражданами объясняется более низкими доходами этой категории населения, которые, в свою очередь, обусловлены отсутствием статуса гражданина, спецификой образовательной и демографической структуры группы, а также самоотбором при получении гражданства.

Основные выводы работы

- Отраслевая структура занятости мигрантов-неграждан отличается от отраслевой структуры занятости двух других рассматриваемых групп населения. Отсутствие гражданства ограничивает мигрантам-негражданам доступ к определенным профессиям (например, государственное управление). Наличие гражданства практически уравнивает положение мигрантов и коренного населения в части выбора вида деятельности.
- Отсутствие статуса гражданина негативно сказывается на заработной плате мигрантов. При наличии гражданства распределение мигрантов по уровню заработной платы практически не отличается от аналогичного распределения для немигрантов.
- Домохозяйства мигрантов-неграждан существенно менее обеспечены, чем домохозяйства мигрантов-граждан и немигрантов. Их медианный доход стабильно является наименьшим среди рассматриваемых групп. Также мигранты-неграждане представляют собой самую уязвимую категорию населения с точки зрения риска попадания в бедность. Отставание доходов домохозяйств мигрантов-неграждан объясняется в основном более низкими трудовыми доходами этой категории населения. Более того, мигранты-неграждане в среднем получают меньший объем социальных пособий и пенсионных выплат.
- Мигранты-неграждане являются наиболее уязвимой категорией с точки зрения попадания в бедность. Каждый пятый мигрант, не имеющий гражданства, испытывает дефицит доходов. Высокий риск бедности мигрантов-неграждан объясняется относительно низкими доходами этой категории населения, которые, в свою очередь, обусловлены отсутствием статуса гражданина, спецификой образовательной и демографической структуры группы, а также самоотбором при получении гражданства.
- Демографическая структура рассматриваемых категорий населения существенно различается. Так, группа мигрантов-граждан существенно старше по сравнению с немигрантами и мигрантами-негражданами. Также мигранты-граждане чаще состоят в браке,

чем немигранты и мигранты-неграждане. Наименьший средний размер домохозяйства наблюдается у немигрантов. Размер домохозяйства мигрантов практически не зависит от наличия гражданства.

- Наименее образованной из рассматриваемых групп населения являются мигранты-неграждане. Уровень образования мигрантов-граждан приближается к уровню образования коренного населения.
- Среди мигрантов крайне актуальной является проблема свободного владения английским языком. Особенно остро данный вопрос стоит перед мигрантами, не имеющими гражданства.
- Мигранты-граждане по сравнению с мигрантами, не имеющими гражданства, гораздо увереннее чувствуют себя на рынке труда США. Несмотря на то что уровень занятости мигрантов-неграждан сравним с уровнем занятости мигрантов, имеющих гражданство, и даже несколько превышает его, проведенный анализ показал, что занятость мигрантов-граждан более стабильна — они проходят кризисные периоды с меньшими потерями по сравнению с мигрантами без гражданства. Более того, среди мигрантов-граждан наблюдается самый низкий показатель безработицы среди всех рассматриваемых групп населения. Основные причины такого положения — различия возрастной структуры двух групп, различия в охвате образованием, различия в доступе к социальному и пенсионному страхованию, а также самоотбор (self-selection) мигрантов при получении гражданства.
- Профессиональная и отраслевая структура занятости мигрантов, имеющих гражданство, практически не отличается от аналогичных структур для коренного населения. По сравнению с немигрантами и мигрантами-гражданами профессиональная структура мигрантов-неграждан значительно сдвинута в сторону профессий, не требующих высокой квалификации. Таким образом, статус гражданина открывает работникам доступ к лучшим рабочим местам. Тем не менее нельзя не отметить и влияние самоотбора при формировании профессиональной структуры мигрантов — с большей вероятностью гражданство получают более образованные и квалифицированные мигранты.

ЛЕДЕНЕВА Виктория Юрьевна
д.с.н., доцент, руководитель отдела,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия;
профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Россия.
E-mail: vy.ledeneva@yandex.ru

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ МИГРАНТОВ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Ключевые слова: адаптация, мигранты, демографическое поведение, ЦФО.

Коды JEL: J6, R23

В 2021 г. в России состоится очередная перепись населения. За время, прошедшее с предыдущей переписи в 2010 г., в России стал наблюдаться регулярный прирост. При этом в 2013–2015 гг. рождаемость наконец-то перегнала смертность, но темпы миграции в последнее время немного снизились из-за кризиса.

Однако рост рождаемости не сумеет поднять численность населения России без учета Крыма до 147 млн. Таково было население России в 1990 г. А в современных границах — до 150 млн. Выхода два: или смириться с этим положением и с прогнозом Росстата, который обещает сокращение населения вплоть до 142,5 млн в 2030 г. (а самые пессимистичные варианты прогноза ООН обещают к 2050 г. численность населения около 132,7 млн)[1], или привлечь мигрантов. Одним лишь повышением рождаемости вопрос не решить.

Численность постоянных и трудовых мигрантов различается в России на порядок. Но в основном даже постоянные мигранты приезжают для того, чтобы работать (часто это те мигранты, которые решили остаться или же задерживаются в стране по несколько лет).

Несмотря на сокращение в 2020 г. притока мигрантов, связанное с принятием ограничительных мер из-за пандемии COVID-19, трудовая миграция остается важным фактором, влияющим не только на социально-экономическую, но и на демографическую ситуацию в России. Поэтому важно понимать, как будут вести себя трудовые мигранты, решившие связать свою судьбу с Россией.

[1] ООН: население России сократится до 132,7 млн человек к 2050 г. URL: https://tass.ru/obschestvo/5207720

Изучение социальных норм и практик мигрантов в новых для них условиях — одна из главных проблем не только для исследователей, но и для государственных чиновников, занимающихся разработкой миграционной политики. Как влияет адаптация мигрантов на их демографическое поведение?

Демографическая ситуация в России уникальная в силу распада Союза. Согласно переписи 2010 г., из 11 млн иммигрантов 27% родились на Украине и, надо полагать, русским языком владели свободно. 23% раньше жили в Казахстане, 10% — в Узбекистане. Из 6 млн человек, въехавших в Россию уже после 1991 г., больше половины были русскими.

Миграция после скачка в 90-е гг. держится на стабильном уровне. Активней всего мигрируют люди в возрасте от 18 до 29 лет, родившиеся уже в независимых государствах.

Нынешние мигранты быстро привыкают к новой обстановке и приживаются не только в сельской местности, но и в крупных мегаполисах. Часто ассимиляция трудового мигранта происходит за счет вступления в брак с российской женщиной. Но даже если мигрант привозит свою жену с собой, то и она старается как можно быстрее адаптироваться в обществе. Особенно если в семье есть дети, которые посещают школу. Качественные исследования часто подтверждают эти слова — дети мигрантов из Средней Азии очень быстро ассимилируются в школах, а вместе с ними ассимилируются и их родители.

Самые высокие показатели миграционного прироста ежегодно фиксируются в Центральном федеральном округе. В 2019 г. прирост составил 90,5 тыс. человек. ЦФО имеет положительное сальдо миграции в обмене населением со всеми федеральными округами Российской Федерации [Щербакова, 2020].

Регионы ЦФО в силу их высокого экономического потенциала являются особо привлекательными для иностранных граждан. В 2019 г. в ЦФО на миграционный учет было поставлено — 7,8 млн человек (в 2018 г. — 6,7 млн человек). В ЦФО находятся крупные промышленные центры с развитым рынком труда, обеспечивающим стабильную и относительно высокую заработную плату. Так, в 2019 г. на миграционный учет поставлено с целью работы: г. Москва — 4,5 млн человек, Московская обл. — 1,9 млн человек, Калужская обл. — 247 тыс. человек, Тульская обл. — 192 тыс. человек. Кроме того, крупные центры привлекают людей более развитой инфраструктурой и более высоким уровнем жизни.

Однако значительной проблемой для ЦФО являются неконтролируемые миграционные процессы, которые расшатывают стабильность в обществе, становятся угрозой межнационального мира и согласия в нашей стране.

На фоне количественного роста иностранных граждан происходят качественные изменения в их поведении. В первую очередь это возрастание социальной агрессии, проявления пренебрежительного отношения

к России и ее коренным жителям, рост преступности в среде иностранных граждан, их слабая социокультурная адаптация. Таким образом, в некоторых субъектах ЦФО нарастает социальная напряженность между коренным населением и внешними трудовыми мигрантами. Наибольший уровень социальной напряженности наблюдается в г. Москве, Московской, Тульской, Орловской и Тверской областях.

Зачастую, несмотря на отсутствие соответствующих трудовых навыков при существующем уровне образования, мигранты занимают рабочие места, которые в основном не пользуются спросом у местных жителей из-за низкого уровня оплаты и тяжелых условий труда, а также рабочие места, которые не могут быть заполнены в связи с дефицитом кадров по определенным профессиям и специальностям (в сфере розничной торговли — продавец, фасовщик, грузчик, экспедитор; в сфере общественного питания — повар, пекарь; в сфере строительства — штукатур, маляр, подсобный рабочий, каменщик, монтажник; рабочий лесного хозяйства, водитель и т.д.).

Сегодня инфраструктура по социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в стране практически не развита, что приводит к социальной исключенности мигрантов, пространственной сегрегации и формированию этнических анклавов.

Новая тенденция, наблюдаемая в последние годы, — рост числа моноэтнических поселений иностранцев. Рост происходит во всех федеральных округах, но особенно интенсивно в Центральном федеральном округе. Конкретные случаи формирования моноэтнических анклавов зафиксированы в Тульской, Орловской и Тверской областях. По-прежнему остается проблема «резиновых квартир и офисов», когда в одном помещении регистрируются десятки и сотни человек. Чтобы быстрее и проще освоиться в новой обстановке, мигранты стараются селиться вместе, создают новые поселения.

Руководители регионов не заинтересованы признавать складывающуюся у них ситуацию как формирование этнических анклавов, поскольку это негативно отразится на показателях их деятельности.

По мнению экспертов, правильно выработанные управленческие механизмы в части социальной и культурой адаптации мигрантов позволят наладить эффективную работу по их встраиванию в российское общество. Для этого необходима разработка и скорейшее принятие федерального закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации».

В целях снятия социальной напряженности в субъектах ЦФО органам власти субъектов необходимо проводить систематический мониторинг развития ситуации и разрабатывать региональные программы по адаптации мигрантов.

Очевидно, что принимаемые в настоящее время попытки ограничить миграционное давление на субъекты Российской Федерации недоста-

точны, так как не приносят ожидаемого эффекта. Необходимы более действенные меры, направленные на снижение социального напряжения и устранение факторов, генерирующих конфликты на национальной и религиозной почве. Субъектам должно даваться право как принимающей стороне выдвигать свои условия по предоставлению места занятости мигрантам, желающим трудоустроиться на территории. Такое направление официально должно быть признано приоритетом деятельности местных властей, которые стремятся таким образом не допустить постепенного размывания титульной нации.

Список литературы

1. *Щербакова Е.* Миграция в России, предварительные итоги 2019 года // Демоскоп Weekly. — 2020. — № 851–852. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0851/barom04.php (дата обращения: 20.09.2020).

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

2. *Shherbakova E.* Migracija v Rossii, predvaritel'nye itogi 2019 goda // Demoskop Weekly. — 2020. — № 851–852. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0851/barom04.php (data obrashhenija: 20.09.2020).

ЛИТОВЧЕНКО Алексей Михайлович
магистр экономики,
экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова,
Лаборатория экономики народонаселения и демографии,
Москва, Россия.
E-mail: litmoskva96@yandex.ru

МЕЖСТРАНОВОЙ АНАЛИЗ ЭФФЕКТОВ ПРИОБРЕТЕНИЯ ГРАЖДАНСТВА МИГРАНТАМИ (НА ПРИМЕРЕ СТРАН ЕВРОПЫ)[1]

Ключевые слова: миграция, приобретение гражданства, страны Европы, натурализация.

Коды JEL: D81, F22, J18, J61, O15

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00670\20 «Оценка результатов реализации миграционной политики Российской Федерации и предложения по ее модернизации в новых экономических и геополитических условиях».

Актуальность. Одной из главных причин существования международной миграции является разрыв в доходах между бедными и богатыми странами. Жители бедных стран мигрируют в государства с более развитой экономикой, устраиваются там на работу и за счет этого обустраивают свою жизнь. В этой связи выгода от миграции для самого мигранта неоспорима. При этом существуют и отрицательные стороны — например, конкуренция на рынке труда с другими мигрантами, которая постоянно увеличивается за счет переезда других мигрантов в принимающую страну; кроме того, мигрант может нести издержки из-за достаточно длительного пребывания в иной культурной среде вдали от родины. В свою очередь, для принимающей страны главная выгода от миграции — это появление дополнительной рабочей силы, часто более дешевой в сравнении с местными жителями, и ускорение экономического роста [Коллиер, 2017, с. 55]. Однако процесс миграции имеет и отрицательные стороны для принимающего общества. К ним можно отнести существование нелегальной миграции, поддерживающей теневую экономику, а также снижение уровня доверия не только между иммигрантами и коренным населением, но и внутри этих групп [Putnam, 2007]. Процесс приобретения гражданства принимающей страны — натурализация — требует от мигранта приложения определенных усилий, но позволяет мигрантам в конечном счете стать полноценной частью принимающего общества.

В зарубежной научной литературе хорошо представлены последствия натурализации для мигранта, при этом показано, что в большинстве случаев эти последствия позитивные. Показано, что получение гражданства ведет к более быстрой интеграции мигрантов в принимающее общество [Hainmueller et al., 2017]. Большое влияние на поведение мигрантов оказывает базовый принцип приобретения гражданства, применяемый в стране назначения. Существует два основных принципа: jus soli, или «право почвы», по которому гражданство страны предоставляется любому человеку, родившемуся на ее территории, и jus sanguinis («право крови»), по которому право получить гражданство страны есть только у человека, хотя бы один из родителей которого является гражданином этой страны. Кроме того, ряд стран (Греция, Израиль, Ирландия и др.) используют смешанный принцип. Законы, по которым предоставляется гражданство, могут влиять на поведение мигрантов: так, в случае, когда новорожденный ребенок имеет право на получение гражданства принимающей страны по рождению, их матери после родов чаще выходят в декретный отпуск и ухаживают за детьми [Sajons, 2019]; кроме того, родители с большей вероятностью будут принимать решение о том, чтобы остаться в стране, гражданством которой обладает их ребенок [Sajons, 2016], а также будут больше взаимодействовать с местным сообществом и чаще использовать язык этого сообщества [Avitabile et al., 2013]. Многое зависит и от населения прини-

мающей страны: если в обществе придается большое внимание наличию гражданства этой страны (к примеру, при приеме на работу), то у мигрантов, которые становятся ее подданными, возникает чувство принадлежности к ней [Simonsen, 2017].

Вместе с тем существует не так много работ, в которых изучаются факторы, влияющие на приобретение гражданства; кроме того, редки межстрановые сравнения: в большинстве случаев производится анализ мигрантов в одном государстве. Это обедняет анализ, поскольку в таком случае вне поля зрения остаются характеристики принимающей страны как фактор, влияющий на процесс и итоги натурализации. Еще одним моментом, заслуживающим внимания, является противоречивое влияние натурализации на трудовой доход мигрантов — в разных работах, рассматривавших выборки мигрантов из разных стран, авторы приходили к неодинаковым выводам. Так, во Франции и в США зафиксировано положительное влияние приобретения гражданства принимающей страны [Bratsberg et al., 2002; Fougere, Safi, 2009], а в таких странах, как Германия и Швеция, влияния обнаружено не было [Steinhardt, 2012; Engdahl, 2014].

В ходе проведенного автором исследования была предпринята попытка найти ответы на два исследовательских вопроса:

а) какие личностные и страновые характеристики увеличивают вероятность приобретения гражданства мигрантом?

б) как местные жители, мигранты с гражданством принимающей страны и мигранты без него соотносятся между собой по уровню дохода?

Для поиска ответов на вопросы были выдвинуты три гипотезы:

1) уровень доверия мигранта к окружающим и уровень образования его родителей положительно влияют на вероятность приобретения им гражданства принимающей европейской страны, а исповедание им одной из нехристианских религий — отрицательно;
2) более высокие требования к мигрантам в рамках законов о приобретении гражданства в европейских странах (количество лет, которые необходимо прожить в стране; наличие института двойного гражданства) не влияют на вероятность натурализации мигрантов в этих странах;
3) уровень доходов натурализованных мигрантов оказывается выше, чем ненатурализованных; при этом эффект от приобретения гражданства принимающей страны оказывается выше в странах, которые в Новое и Новейшее время проводили активную колониальную политику.

Данные. В работе были использованы микроданные Европейского социального исследования (European Social Survey, ESS) за 2–9-ю волны

(2004–2018 гг.) по 15 европейским странам — Австрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Дании, Ирландии, Испании, Нидерландам, Норвегии, Португалии, Словении, Франции, Швейцарии, Швеции, Эстонии. В рамках каждой волны опроса по каждой стране случайным образом формируется выборка опрашиваемых людей возрастом от 15 лет, размер которой должен составлять минимум 1500 человек (или 800 для стран с населением менее 2 млн человек). Способы формирования выборки могут различаться, однако в любом случае полученная выборка должна отвечать всем принципам репрезентативности.

В опросах ESS среди прочего задаются вопросы о наличии гражданства той или иной страны, а именно вопрос «Являетесь ли вы гражданином страны?», и если дан ответ «нет» или «не знаю», то задается вопрос «Каким гражданством вы обладаете?». При этом в опросах ESS нет вопросов о гражданстве родителей респондента, поэтому использование законов о гражданстве европейских стран затруднено. Это вызвано тем, что во всех рассматриваемых странах действует принцип «право крови» (jus sanguinis), в соответствии с которым гражданином той или иной страны может считаться человек, у которого хотя бы один родитель является гражданином этой страны. По этой причине для ответа на вопрос о том, является ли респондент мигрантом или нет, необходимо определить его страну происхождения, для чего в рамках работы была разработана соответствующая методология на основе ответов респондентов на вопросы о стране, в которой они родились, стране рождения родителей, языках, на которых респонденты говорят внутри своих домохозяйств, а также религии, которую они исповедуют. Если страна происхождения отличается от страны проживания (т.е. той страны, в которой респондент проходил опрос), то его можно рассматривать как мигранта.

В результате отбора данных в выборку вошло 20 114 человек из 15 стран. Их распределение по странам и по волнам опроса представлено в табл. 1.

Таблица 1

Распределение респондентов в выборке по странам и волнам опроса ESS

Страна	2	3	4	5	6	7	8	9	Всего
Австрия	126	124	187	183	0	216	210	250	1296
Бельгия	162	139	171	179	282	229	272	277	1711
Великобритания	154	155	225	213	252	167	147	157	1470
Германия	213	178	192	259	274	268	283	269	1936
Дания	40	61	70	89	88	92	0	0	440

Окончание табл. 1

Страна	2	3	4	5	6	7	8	9	Всего
Ирландия	60	135	227	287	277	214	248	255	1703
Испания	83	115	185	151	174	121	151	0	980
Нидерланды	117	137	153	129	144	159	125	154	1118
Норвегия	90	90	86	123	96	88	41	120	734
Португалия	61	69	79	93	73	49	31	0	455
Словения	4	22	93	76	104	97	106	128	630
Франция	110	175	166	179	220	225	208	230	1513
Швейцария	346	319	371	316	297	368	386	359	2762
Швеция	174	195	197	145	227	208	151	0	1297
Эстония	272	223	172	201	308	357	288	248	2069
Всего	2012	2137	2574	2623	2816	2858	2647	2447	20114

Источник: собственные расчеты. *Примечание*: 0 означает, что страна не принимала участия в той или иной волне опроса.

Влияние личностных и страновых характеристик на вероятность натурализации. В первой части исследования была проведена оценка того, влияют ли (и если да, то как именно) на принятие решения о приобретении гражданства мигрантом некоторые факторы, не исследовавшиеся ранее в литературе. К ним относятся, в частности, наличие высшего образования (как у самого мигранта, так и у его родителей), уровень доверия к окружающим людям, а также вероисповедание (христианское или нехристианское). Для проведения оценки была построена логистическая регрессия, в которой зависимой переменной выступила бинарная переменная *ctzship*, равная 1, если респондент прошел процесс приобретения гражданства, и 0 в ином случае. Спецификация модели выглядит следующим образом:

$$P\{ctzship_i = 1\} = \frac{\exp(x_i'\beta)}{1+\exp(x_i'\beta)},$$

где β — вектор коэффициентов модели, x_i' — вектор характеристик i-го респондента, к которым относятся 5 упомянутых выше характеристик, а также ряд других личностных характеристик (в частности, пол, возраст, количество членов в домохозяйстве, наличие оплачиваемой работы и т.д.).

В результате построения вышеуказанной модели были получены следующие результаты (для сокращения места представлены только коэффициенты при интересующих переменных).

Таблица 2

Результаты построения логистической регрессии (зависимая переменная *ctzship*)

Переменная	Значение	Коэфф-т	Станд. ошибка	Значимость
parents_s	Уровень образования родителей респондента	0,114	0,036	***
ppltrst	Уровень доверия респондента к окружающим людям	–0,048	0,007	***
christ	Исповедует ли респондент христианство?	–0,183	0,037	***
nonchrist	Исповедует ли респондент какую-либо религию, кроме христианства?	0,425	0,050	***
secondary	Наличие у респондента высшего образования	0,116	0,034	***
N (число наблюдений)				20 114
AIC (коэффициент Акаике)				22 369
Pseudo-R^2				0,1863

Источник: расчеты автора в среде RStudio.

Все интересующие переменные оказались значимыми на уровне значимости 1%. Показано положительное влияние уровня образования как самого мигранта, так и его родителей на вероятность приобретения гражданства принимающей страны, что может быть объяснено, с одной стороны, лучшим осознанием самим мигрантом всех выгод от натурализации, с другой стороны, заинтересованностью принимающего общества в том, чтобы его гражданство принимали более образованные мигранты, повышая тем самым конкуренцию на рынке труда. Уровень доверия к окружающим людям оказывается отрицательно значимым, что означает, что мигранты, не доверяющие обществу, оказываются более склонны к натурализации (по-видимому, в связи с тем, что получение гражданства позволяет мигрантам чувствовать себя более защищенными от дискриминации по отношению к ним). Кроме того, как видно из результатов, мигранты, исповедующие одну из ветвей христианства, менее склонны натурализоваться при прочих равных условиях, тогда как для нехристиан наблюдается обратный эффект. Этот факт противоречит выдвинутой гипотезе, а также одной из работ на эту тему, в которой рассматривалось в том числе влияние мусульманского вероисповедания на вероятность натурализации [Dronkers, Vink, 2012]. При включении дополнительных страновых характеристик (см. ниже) эффект для нехристиан перестал быть значимым, однако этого все еще недостаточно для безоговорочного принятия первой из заявленных гипотез. Таким образом, гипотеза 1 подтвердилась частично.

Во второй части исследования был дан ответ на вопрос о том, является ли необходимым учет страновых характеристик при исследовании приобретения гражданства и влияния на принятие решения мигрантом о натурализации тех или иных факторов. Для этого в модель были включены дополнительные переменные, относящиеся к странам происхождения и проживания мигранта, а именно:

- для страны происхождения: индекс развития человеческого потенциала; индекс этнолингвистической фракционализации; разница в «силе паспорта»[1] между страной происхождения и страной проживания мигранта; членство страны происхождения в ЕС/ЕАСТ;
- для страны проживания: разница в ВВП на душу населения между страной проживания и страной происхождения мигранта; уровень дружелюбности местного населения к мигрантам; доля населения с вероисповеданием респондента в стране; признание или непризнание двойного гражданства; количество лет, необходимых для приема в гражданство.

Включение страновых характеристик в модель наподобие логистической регрессии приведет к тому, что коэффициенты при переменных, обозначающих характеристики мигрантов, дадут точные оценки, а коэффициенты при страновых характеристиках оказались бы смещенными. В связи с этим необходимо учесть их на другом уровне, что и позволяет сделать построение многоуровневой модели (multilevel model). Эта модель содержит внутри себя как фиксированные, так и случайные эффекты и называется так в связи с тем, что эти эффекты могут изменяться по группам. Это позволяет не только смоделировать эффекты от личностных характеристик мигранта, что делает и логит-регрессия, но и удобно предсказать их значения для разных групп. Метод активно применяется в исследованиях на различные темы, начиная с 1980-х гг. [Lucas, 2014].

Спецификация используемой модели выглядит следующим образом:

$$ctzship_i = \beta_0 + \beta_1 * parents_s_i + \beta_2 * ppltrst_i + \beta_3 * christ_i + \\ + \beta_4 * nonchrist_i + \beta_5 * secondary_i + \\ + \gamma_i * X_i + \delta_j * Y_j + \eta_k * Z_k + \varepsilon_i + \mu_j + \xi_k,$$

где X_i — вектор личностных характеристик, Y_j — вектор характеристик страны происхождения, Z_k — вектор характеристик страны проживания; ε_i, μ_j, ξ_k — соответствующие случайные ошибки. Зависимой переменной по-прежнему является бинарная переменная *ctzship*, принцип построения которой показан выше.

[1] Под «силой паспорта» подразумевается количество стран, в которые резидент той или иной страны может въезжать без визы. Переменная рассчитана автором на основании индекса Henley Passport Index [9]. Чем больше значение индекса для той или иной страны, тем больше стран обладатель ее паспорта может посетить без визы.

В результате построения многоуровневой модели для страновых характеристик были получены следующие коэффициенты (см. табл. 3).

Полученные результаты показывают необходимость включения страновых характеристик в модель при изучении вопросов приобретения гражданства мигрантами, поскольку они оказывают значимое влияние на вероятность натурализации. При этом неизменными остались знаки коэффициентов при интересующих нас переменных, рассмотренных в первой части (кроме коэффициента при переменной, обозначающей нехристианское вероисповедание, который стал незначимым). Также обращает на себя внимание незначимость обеих переменных, связанных с законами принимающих стран о приобретении гражданства (*CtzDuo* и *CtzYears*). Этот результат подтверждает вывод из работы [Helgertz et al., 2014], где поставлена под сомнение необходимость использования более строгих законов о приобретении гражданства для лучшей интеграции мигрантов в принимающее общество. Таким образом, гипотеза № 2 подтвердилась.

Таблица 3

Результаты построения мультиуровневой модели (multilevel model) с зависимой переменной *ctzship*

Переменная	Значение	Коэфф-т	Станд. ошибка	Значимость
HPI	Разница в «силе паспорта»	–0,001	0,000	***
HDI	ИРЧП	–0,269	0,091	***
EU15	Входит ли страна происхождения мигранта в ЕС/ЕАСТ?	–0,159	0,032	***
ELF	Индекс этнолингвистической фракционализации	–0,067	0,043	
GDPdiff	Разница в ВВП на душу населения	–0,000	0,000	*
MigrReact	Уровень дружелюбия местных жителей к мигрантам	–0,049	0,011	***
CtzDuo	Признает ли страна проживания мигранта двойное гражданство?	–0,009	0,059	
CtzYears	Кол-во лет, которое необходимо прожить в стране для получения ее гражданства	–0,013	0,009	
CoReligShare	Доля населения с той же религией, которую исповедует мигрант	0,072	0,015	***
N (число наблюдений)				20 114
AIC (коэффициент Акаике)				21 317,5
logLik (логарифм правдоподобия)				–10 626,7

Источник: расчеты автора в среде RStudio.

Сравнение мигрантов и местных жителей по уровню дохода. Наконец, в третьей части исследования было проведено сравнение по уровню дохода трех групп населения — мигрантов с гражданством принимающей страны, мигрантов без него и местных жителей. Для этого было построено несколько упорядоченных логистических регрессий, в которых зависимой переменной выступила переменная *hinctnt*, показывающая, к какой децильной группе дохода относится респондент. Сначала было проведено сравнение местных жителей и всех мигрантов, а затем — мигрантов с гражданством и мигрантов без него. Для подтверждения или опровержения соответствующей гипотезы интерес представляла значимость переменных, показывающих, к какой группе относится респондент по своему миграционному статусу, а также переменных, показывающих страну происхождения респондента. Вся выборка респондентов (не только мигрантов) при этом была разбита на четыре кластера по странам в зависимости от доли мигрантов из бывших колоний в той или иной стране (см. табл. 4).

Таблица 4

Деление стран, участвующих в рассмотрении, по кластерам в зависимости от доли мигрантов из бывших колоний

№ кластера	Признак	Страны (доля, в %)
1	Нет мигрантов из бывших колоний	Дания, Ирландия, Норвегия, Швейцария
2	Доля мигрантов из бывших колоний меньше 25%	Бельгия (3,63), Германия (9,69), Нидерланды (16,62), Австрия (22,16), Швеция (24,68)
3	Доля мигрантов из бывших колоний больше 25%	Испания (44,19), Франция (51,98), Великобритания (72,15), Португалия (78,15)
4	Бывшие страны СССР и Югославии	Словения (94,38), Эстония (97,88)

Спецификация правых частей уравнения в моделях выглядит следующим образом:

$$\beta_0 + \beta_1 * immigrant_i + \beta_2 * colonia_i + \beta_3 * oecd_i + \gamma_{ti} * X_i + \delta_{ti} * Y_i + \varepsilon_i$$

(для сравнения мигрантов и местных жителей);

$$\beta_0 + \beta_1 * naturalized_i + \beta_2 * colonia_i + \beta_3 * oecd_i + \gamma_{ti} * X_i + \delta_{ti} * Y_i + \varepsilon_i$$

(для сравнения натурализованных и ненатурализованных мигрантов);

где $immigrant_i$ — переменная, равная 1, если респондент является мигрантом, и 0 в противном случае; $naturalized_i$ — переменная, равная 1, если респондент прошел процесс натурализации, и 0 в противном случае;

colonia$_i$ — переменная, равная 1, если респондент приехал в страну проживания из бывшей колонии этой страны; *oecd*$_i$ — переменная, равная 1, если респондент приехал в страну проживания из одной из стран с высоким уровнем дохода по классификации ОЭСР[1]; X_i — набор демографических характеристик респондента (его возраст, пол, уровень образования, количество людей в домохозяйстве и уровень жизни домохозяйства с имеющимся доходом), Y_i — набор характеристик респондента, связанных с рынком труда, ε_i — случайная ошибка.

Результаты построения логистических регрессий для каждого кластера стран представлены в табл. 5 (для сокращения места представлены только коэффициенты при переменных, представляющих интерес). В верхней части таблицы представлены коэффициенты в модели, сравнивающей мигрантов и местных жителей, в нижней части — мигрантов с гражданством и без него.

Таблица 5

Результаты оценки коэффициентов моделей для сравнения натурализованных и ненатурализованных мигрантов, а также местных жителей

Переменная	Вся выборка	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4
Зависимая переменная	hinctnt	hinctnt	hinctnt	hinctnt	hinctnt
immigrant	–0,378 *** (0,026)	–0,404 *** (0,049)	–0,436 *** (0,037)	–0,772 *** (0,067)	–0,587 * (0,353)
colonia	0,126 *** (0,036)	NA	0,258 *** (0,069)	0,326 *** (0,073)	0,824 ** (0,353)
oecd	0,350 *** (0,033)	0,210 *** (0,060)	0,387 *** (0,053)	0,745 *** (0,078)	0,704 ** (0,324)
N	121696	31035	44072	32612	13977
R^2 McFadden	0,120	0,097	0,127	0,134	0,128
AIC	489 167,4	126 756,4	173 636,7	129 070,5	55 589,2
Зависимая переменная	hinctnt	hinctnt	hinctnt	hinctnt	hinctnt
naturalized	0,216 *** (0,042)	0,177 ** (0,080)	0,282 *** (0,072)	0,207 ** (0,091)	–0,064 (0,127)

[1] ОЭСР относит к странам с высоким уровнем дохода следующие страны: Австралия, Австрия, Бельгия, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Израиль, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Канада, Латвия, Литва, Люксембург, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Португалия, Словакия, Словения, США, Финляндия, Франция, Чехия, Чили, Швейцария, Швеция, Эстония, Южная Корея, Япония. *Источник*: [5].

Окончание табл. 5

Переменная	Вся выборка	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4
colonia	0,041 (0,046)	NA	0,144 * (0,085)	0,302 *** (0,088)	1,240 *** (0,419)
oecd	0,360 *** (0,043)	0,190 ** (0,077)	0,482 *** (0,072)	0,585 *** (0,101)	1,075 *** (0,413)
N	13137	3892	4784	3086	1375
R^2 McFadden	0,114	0,095	0,131	0,122	0,130
AIC	36 845,7	11 828,7	12 527,2	8690,8	3530,7

Источник: расчеты автора в среде RStudio.

Отрицательно значимый коэффициент при переменной *immigrant* показывает, что между местными жителями и мигрантами действительно существует значимая разница в уровне доходов — мигранты при прочих равных условиях получают меньший доход, чем местные жители. При этом коэффициент при переменной *naturalized* оказался положительно значимым по всем выборкам, кроме стран 4-го кластера (Эстонии и Словении), что свидетельствует о положительном влиянии приобретения гражданства мигрантом на уровень его дохода.

Для переменных *colonia* и *oecd* зафиксировано положительное влияние на вероятность получения более высокого дохода, причем величина эффекта растет с ростом доли мигрантов из бывших колоний в принимающей стране. Для переменной *colonia* такому росту может быть дано следующее объяснение: мигранты, прибывающие в страну, в свое время бывшую метрополией для их родины, уже обладают определенными культурными знаниями о стране проживания — владеют языком (в случаях, если официальные языки страны их происхождения и страны их проживания совпадают, а такие случаи довольно часты), знают определенные культурные особенности принимающего общества и т.д. Все это дает им больше возможностей для успешной ассимиляции в принимающем обществе и, следовательно, более быстрого трудоустройства на должность с более высокой заработной платой по сравнению с мигрантами из стран, не имеющих с принимающей страной общего исторического и культурного прошлого (у которых, в частности, может быть далеко не идеальное знание языка). В свою очередь, для переменной *oecd* возможно следующее объяснение: большинство мигрантов переезжают в европейские страны из развивающихся стран с целью увеличения своего дохода в новой стране проживания, в то время как мигранты из наиболее богатых стран, вероятнее всего, переедут в другую страну либо по работе, либо с целью создания семьи. В случае получения работы за границей гражданин выберет ее, если заработная плата за выполнение этой работы будет больше, чем за

выполнение аналогичной работы в своей стране. Поскольку такая страна уже является одной из наиболее развитых в экономическом плане стран мира, становится понятно, что заработная плата в принимающей стране должна быть достаточно высокой. В случае изменения брачного статуса мигрант начинает жить не только на свой доход, но и на доход своего партнера (а также, возможно, его семьи), таким образом, располагаемый доход становится больше.

Таким образом, гипотеза 3 подтвердилась: уровень доходов натурализовавшихся мигрантов действительно оказался выше, чем ненатурализовавшихся, при этом данный эффект оказывается сильнее в странах, которые в прошлом проводили активную колониальную политику.

Проведение анализа данных по странам бывших СССР и Югославии. Стоит также заметить, что кластер, к которому отнесены две используемые в анализе бывшие страны СССР и Югославии — Эстония и Словения, — несколько отличается от других кластеров, в частности, в нем отсутствуют значимые различия в доходе между натурализованными и ненатурализованными мигрантами. В рамках исследования предполагалась проверка того, существуют ли различия между бывшими странами СССР и Югославии и остальными странами Европы в отношении разницы в доходах для местных жителей, натурализованных мигрантов и мигрантов, не прошедших процедуру приобретения гражданства. Для ответа на этот вопрос необходимо использовать более широкую выборку стран, поскольку рассмотрение лишь по одной стране из каждого блока (к тому же не самых крупных и политически значимых, особенно в случае с бывшим СССР) и последующая попытка применить полученные выводы к другим странам блока, в частности к России, выглядели бы странными. В связи с этим было принято решение попробовать расширить этот кластер, рассмотрев данные по другим странам, участвовавшим в опросах European Social Survey. К таким странам относятся Сербия, Хорватия, Латвия, Литва, Россия и Украина. К сожалению, при использовании разработанной методологии для определения того, является ли респондент мигрантом или нет, выяснилось, что во всех перечисленных странах, кроме Латвии, доля мигрантов, прошедших процедуру приобретения гражданства, среди всех мигрантов превысила 90%. Таким образом, коэффициент при переменной *naturalized* при построении моделей на выборке из этих стран в любом случае оказался бы незначимым, поскольку практически все рассматриваемые респонденты приобрели гражданство принимающей страны, согласно используемой методологии, и отличий между ними в данном показателе нет. Возможной причиной этого явления может служить тот факт, что после распада союзного государства его граждане могли принять гражданство той или иной республики по факту проживания в ней (вне зависимости от этнического происхождения). Подобное явление наблюда-

лось как в Югославии, так и в СССР и вполне соответствовало мировой практике (Аксенов, 2011, с. 62). В связи с этим для стран СССР и Югославии оценивание влияния переезда в другую сторону и/или приобретения ее гражданства на уровень дохода в них оказалось невозможным, по крайней мере на используемых данных.

Заключение. Таким образом, в работе продемонстрировано влияние личностных характеристик мигранта, в частности уровня доверия к окружающим, конфессиональной принадлежности и уровня образования родителей, на вероятность приобретения мигрантом гражданства принимающей страны. Влияние данных факторов не рассматривалось ранее в литературе. Оказалось, что уровень образования родителей мигранта положительно влияет на вероятность приобретения им гражданства принимающей европейской страны, а уровень доверия к окружающим людям — отрицательно. Для вероисповедания, в частности принадлежности мигранта к одной из нехристианских религий, однозначной взаимосвязи установить не удалось. Таким образом, гипотеза 1 подтверждена частично. Кроме того, в рамках многоуровневого анализа установлено, что более строгие требования к мигрантам для получения возможности натурализации в принимающей стране (а именно большее количество лет, которое необходимо прожить в стране, а также наличие института двойного гражданства) не влияют на вероятность натурализации, что подтверждает выводы из некоторых работ на ту же тему, в которых сравнивались лишь несколько стран. Тем самым подтверждена вторая из трех заявленных в работе гипотез. Наконец, доказано, что уровень доходов натурализовавшихся мигрантов оказывается выше, чем ненатурализовавшихся; при этом эффект от приобретения гражданства принимающей страны оказывается выше в странах, которые в Новое и Новейшее время проводили активную колониальную политику (т.е. подтверждается гипотеза 3). В отличие от Европы, в СНГ (и, в частности, в Российской Федерации) публикуется не так уж много работ, в которых исследуется «экономика натурализации» и влияние тех или иных факторов на вероятность приобретения мигрантом гражданства. Одной из возможных причин этого являются особенности закона о гражданстве СССР, а также мер по выдаче гражданства бывшим гражданам СССР, принятых первыми президентами бывших стран СССР при его распаде. В рамках используемой в данной работе методологии определения того, является ли участник опроса мигрантом или нет, не представляется возможным отследить, как изменяется вероятность получения им более высокого дохода в зависимости от того, является ли он местным жителем, натурализованным или ненатурализованным мигрантом. Разработка способа оценки такого влияния для данных стран не входила в задачи проводимого исследования. Решение этой проблемы может считаться вопросом, требующим дальнейшей разработки.

Список литературы

1. *Аксенов А. Б.* Современные тенденции в международно-правовом регулировании вопросов гражданства в связи с правопреемством государств. — М.: Российская академия правосудия, 2011. URL: https://rucont.ru/efd/213490 (дата обращения: 02.04.2020).
2. *Коллиер П.* Исход: как миграция изменяет наш мир / пер. с англ. Н. Эдельмана. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. — 384 с.
3. *Avitabile C., Clots-Figueras I., Masella P.* The Effect of Birthright Citizenship on Parental Integration Outcomes // The Journal of Law & Economics. — 2013. — Vol. 56. — № 3. — P. 777–810.
4. *Bratsberg B., Ragan Jr. J. F., Nasir Z.* The Effect of Naturalization on Wage Growth: A Panel Study of Young Male Immigrants. // Journal of Labor Economics. — 2002. — Vol. 20. — № 3. — P. 568–597.
5. Doing Business 2019: Training for Reform / The World Bank. URL: https://www.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/media/Annual-Reports/English/DB2019-report_web-version.pdf (дата обращения: 16.02.2020).
6. *Dronkers J., Vink M. P.* Explaining access to citizenship in Europe: How citizenship policies affect naturalization rates // European Union Politics. — 2012. — Vol. 13. — Issue 3. — P. 390–412.
7. *Engdahl M.* Naturalizations and the economic and social integration of immigrants // Working Paper Series, Center for Labor Studies. Uppsala University, Department of Economics. — 2014. — № 2014:6.
8. *Fougère D., Safi M.* Naturalization and employment of immigrants in France (1968–1999) // International Journal of Manpower. — 2009. — Vol. 30. — Issue ½. — P. 83–96.
9. Global Ranking /Henley Passport Index. URL: https://www.henleypassportindex.com/global-ranking (дата обращения: 21.02.2020).
10. *Hainmueller J., Hangartner D., Pietrantuono G.* Catalyst or Crown: Does Naturalization Promote the Long-Term Social Integration of Immigrants? // American Political Science Review. — 2017. — Vol. 111. — Issue 2. — P. 256–276.
11. *Helgertz J., Bevelander P., Tegunimataka A.* Naturalization and Earnings: A Denmark-Sweden Comparison // European Journal of Population. — 2014. — Vol. 30. — Issue 3. — P. 337–359.
12. *Lucas S.* An inconvenient dataset: bias and inappropriate inference with the multilevel model. // Quality and Quantity. — 2014. — Vol. 48. — № 3. — P. 1619–1649.
13. *Putnam R.* E Pluribus Unum: Diversity and Community in the 21st Century // Scandinavian Political Studies. — 2007. — № 30(2). — P. 137–174.
14. *Sajons C.* Birthright citizenship and parental labor market integration // Labour Economics. — 2019. — Vol. 57. — P. 1–22.
15. *Sajons C.* Does granting citizenship to immigrant children affect family outmigration? // Journal of Population Economics. — 2016. — Vol. 29(2). — P. 395–420.
16. *Simonsen K. B.* Does citizenship always further Immigrants' feeling of belonging to the host nation? A study of policies and public attitudes in 14 Western democracies // Comparative Migration Studies. — 2017. — Vol. 5:3. — P. 1–17.

17. *Steinhardt M. F.* Does citizenship matter? The economic impact of naturalizations in Germany // Labour Economics. — 2012. — Vol. 19. — Issue 6. — P. 813–823.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Aksjonov A. B.* Sovremennye tendencii v mezhdunarodno-pravovom regulirovanii voprosov grazhdanstva v svjazi s pravopreemstvom gosudarstv. — M.: Rossijskaja akademija pravosudija, 2011. URL: https://rucont.ru/efd/213490 (data obrashhenija: 02.04.2020).
2. *Kollier P.* Ishod: kak migracija izmenjaet nash mir / per. s angl. N. Jedel'mana. — M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2017. — 384 s.

ЛЫТКИНА Татьяна Степановна
к.соц.н., старший научный сотрудник
Лаборатории демографии и социального управления,
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми НЦ УрО РАН,
Сыктывкар, Россия.
E-mail: tlytkina@yandex.ru

ФАУЗЕР Виктор Вильгельмович
д.э.н., профессор, главный научный сотрудник
Лаборатории демографии и социального управления,
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми НЦ УрО РАН,
Сыктывкар, Россия.
E-mail: fauzer.viktor@yandex.ru

РОЛЬ МИГРАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ НАСЕЛЕНИЯ И ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ КОМИ — СОСТАВНОЙ ЧАСТИ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ[1]

Ключевые слова: миграция населения, Республика Коми, АЗРФ.

Коды JEL: J11, O15, R23

В Коми-крае в 1920-е и до середины 1940-х гг. формирование населения шло в основном за счет выходцев из села. Это определялось проводимой

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00509.

в стране индустриализацией на слабой материально-технической базе, что постоянно требовало привлечения значительного количества новой рабочей силы. Поскольку городские жители составляли в довоенные годы менее 10% общей численности населения Коми-края (в 1920 г. — 3,0%, в 1926 г. — 4,4%, в 1939 г. — 9,1%), взять ее можно было в сельской местности или за счет внешних мигрантов, в основном тех же селян.

Спецификой формирования населения Коми-края в первой половине XX в. было и то, что широко использовалась принудительная миграция. Вызвано это было тем, что после окончания гражданской войны для ликвидации разрухи и возрождения экономики стране нужны были надежные источники сырья, расположенные как можно дальше от границ и близко к промышленному центру. В этом плане Коми-край являлся идеальным регионом для поставки необходимых природных ресурсов (лес, уголь, нефть). Для реализации этих планов нужны были трудовые ресурсы. Проблему поставки рабочей силы для экономики местные жители из-за своей малочисленности решить не могли [Фаузер и др., 2001]. Руководством страны предлагается план колонизации и освоения природных ресурсов Севера путем создания системы исправительно-трудовых лагерей и спецпоселений. Для решения этой задачи в 1930 г. создается Главное управление лагерей (ГУЛАГ).

С принятием политического решения о переходе к системе лагерей их число стало быстро расти. Если в 1932 г. в СССР функционировали 11 лагерей ГУЛАГа, то в середине 1937 г. — 18. Вместе с тем возрастала и численность содержавшихся в них заключенных: в 1930 г. — 179 тыс., в 1931 г. — 212 тыс., в 1932 г. — 268,7 тыс., в 1933 г. — 334,3 тыс., в 1934 г. — 510,3 тыс., 1935 г. — 725,5 тыс., в 1936 г. — 839,4 тыс., в 1937 г. — 820,9 тыс. человек (данные на 1 января каждого года) [Земсков, 1997, с. 54, 57].

Коми-край становится местом, где наиболее полно нашли применение гулаговские методы индустриализации страны. К началу 1941 г. в Коми было 11,2 тыс. ссыльных, 37,8 тыс. спецпереселенцев и 249,3 тыс. заключенных, всего — 298,3 тыс. человек подневольного труда. При этом численность населения в 1939 г. составляла всего 320,3 тыс. человек, а занятых в народном хозяйстве — 166,4 тыс. человек [История Коми, 2011, с. 389]. Второй всплеск числа заключенных и спецпереселенцев был в республике в 1946–1952 гг. — в среднем 260 тыс. человек. К концу 1950-х гг. на смену ГУЛАГу (принудительной миграции) пришли организованный набор и экономические методы привлечения рабочей силы [Лыткина, Фаузер, 2016; Фаузер и др., 2015; Фаузер и др., 2017]. Пиковую численность населения Республика Коми имела в 1989 г. — 1250,8 тыс. человек, в том числе городское — 944,4 и сельское — 306,4. В последующие годы и до настоящего времени численность населения постоянно уменьшается, в первую очередь из-за миграционного оттока.

Следующей особенностью формирования населения республики стало образование широкой сети городских поселений, что изменило структуру мигрантов по прибытию — стало больше приезжать выходцев из городской местности России. К тому же промышленная специализация части сельских поселений края также притягивала горожан на постоянное место жительства. Подобное формирование населения и трудовых ресурсов позволило в кратчайшие сроки укомплектовать строящиеся предприятия относительно квалифицированными кадрами с достаточно высоким образовательным уровнем.

В динамике численности мигрантов по районам выхода в 1960–1990 гг. следует отметить их стабильность. Основная часть мигрантов приходилась на те регионы Российской Федерации, которые отличались интенсивным обменом населения: Центральный, Уральский, Волго-Вятский и Северо-Кавказский экономические районы. Среди бывших союзных республик главными поставщиками населения в республику являлись Украина, Молдова и Белоруссия.

Статистика зафиксировала, что в структуре мигрантов преобладали мужчины трудоспособного возраста. При этом половозрастные диспропорции наиболее ярко выражены в период пионерного освоения. По мере заселения территории, создания разветвленной сети городов и поселков городского типа, развития социальной инфраструктуры в миграционных потоках увеличивается доля женщин и детей. Однако в миграционных потоках по прибытию «город-село» до 1990 г. по-прежнему сохранялась высокая доля мужчин. Таким образом, можно заключить, что половозрастная структура мигрантов для определенного исторического периода может служить одним из критериев оценки освоенности территории и стадии формирования там постоянного населения.

Отмеченные особенности структуры мигрантов по прибытию нашли свое непосредственное отражение в составе населения Республики Коми. На протяжении десятилетий в населении преобладали мужчины: 1959 г. — 52,1%, 1989 г. — 50,6% (в Российской Федерации — 44,6 и 46,7% соответственно). Особенно деформирована структура по полу в молодых дееспособных возрастах: в 1989 г. в возрасте 20–29 лет доля мужчин составляла 55,9%, в возрасте 30–39 лет — 54,3%. Последствия этих диспропорций республика ощущает и сегодня в виде повышенной смертности одиноких и разведенных мужчин, нестабильности брачно-семейных отношений в силу деформированности брачного рынка, излишней подвижности населения, где одной из причин миграции является мотив создания семьи.

Наряду с отрицательными воздействиями на ход отдельных демографических процессов миграция дает принимающим территориям ряд преимуществ. Например, благодаря миграции Республика Коми выгодно отличалась от ряда районов страны повышенным удельным весом лиц тру-

доспособного возраста (в 1989 г. в Республике Коми — 62,1%, Российской Федерации — 56,9%) и пониженным — предпенсионного и пенсионного возрастов (доля лиц старше трудоспособного возраста в 1989 г. составляла в республике 10,0%, в Российской Федерации — 18,5%). Однако, если в предстоящие годы не будет в полной мере юридически и экономически урегулирован вопрос о значительном выезде пенсионеров за пределы республики, их доля в населении может существенно возрасти (2026 г. — 27,0%, 2036 г. — 30,6%). Эту тенденцию нельзя рассматривать как благоприятную для развития экономики и бюджета северной республики.

Для экономики республики важным моментом стал принятый Закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в АЗРФ». В перечень территорий вошли: муниципальное образование городского округа Воркута, муниципальное образование городского округа Инта, муниципальное образование городского округа Усинск, муниципальный район Усть-Цилемский.

Список литературы

1. *Земсков В. Н.* Заключенные в 1930-е годы: социально-демографические проблемы // Отечественная история. — 1997. — № 4. — С. 54–79.
2. История Коми с древнейших времен до современности. Т. 2. 2-е изд., испр. и доп. — Сыктывкар, 2011. — 688 с.
3. *Лыткина Т. С., Фаузер В. В.* Государственное управление принудительной миграцией как способ освоения Севера России в 1930–1950-е гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2016. — Том XIX. — №1 (84). — С. 90–109.
4. *Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н.* Государственное управление миграцией населения: от принуждения к поощрению // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СГУ (электронный журнал). — 2015. — № 3. — С. 151–168.
5. *Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н.* Государственные преференции для населения отдаленных и северных территорий России // Арктика и Север. — 2017. — № 29.
6. *Фаузер В. В., Рожкин Е. Н., Загайнова Г. В.* Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. — Сыктывкар, 2001. — 124 с.
7. Федеральный закон от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007130047 (дата обращения: 01.08.2020).

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Zemskov V. N.* Zakljuchennye v 1930-e gody: social'no-demograficheskie problemy // Otechestvennaja istorija. — 1997. — № 4. — S. 54–79.

2. Istorija Komi s drevnejshih vremen do sovremennosti. T. 2. 2-e izd., ispr. i dop. — Syktyvkar, 2011. — 688 s.
3. *Lytkina T. S., Fauzer V. V.* Gosudarstvennoe upravlenie prinuditel'noj migraciej kak sposob osvoenija Severa Rossii v 1930-1950-e gg. // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. — 2016. — Tom XIX. — №1 (84). — S. 90–109.
4. *Fauzer V. V., Lytkina T. S., Fauzer G. N.* Gosudarstvennoe upravlenie migraciej naselenija: ot prinuzhdenija k pooshhreniju // Korporativnoe upravlenie i innovacionnoe razvitie jekonomiki Severa: Vestnik NIC KPUVI SGU (jelektronnyj zhurnal). — 2015. — № 3. — S. 151–168.
5. *Fauzer V. V., Lytkina T. S., Fauzer G. N.* Gosudarstvennye preferencii dlja naselenija otdaljonnyh i severnyh territorij Rossii // Arktika i Sever. — 2017. — № 29.
6. *Fauzer V. V., Rozhkin E. N., Zagajnova G. V.* Respublika Komi v XX veke: demografija, rasselenie, migracija. — Syktyvkar, 2001. — 124 s.
7. Federal'nyj zakon ot 13 ijulja 2020 g. N 193-FZ «O gosudarstvennoj podderzhke predprinimatel'skoj dejatel'nosti v Arkticheskoj zone Rossijskoj Federacii». — URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007130047 (data obrashhenija: 01.08.2020).

МАКСАКОВА Людмила Петровна
д.э.н., старший научный сотрудник,
Международный фонд «СогломАвлодучун»
(«За здоровое поколение»),
Ташкент, Узбекистан.
E-mail: Lyudmila.maksakova@gmail.com

УЗБЕКИСТАН: МОДЕРНИЗАЦИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова: миграция, миграционная политика, трудовая миграция, титульное население.

Коды JEL: J08, J2, J24

Миграция является одним из важнейших направлений мобильности населения. Она охватывает весь комплекс территориальных передвижений населения, включая внутренние и международные. Миграция сопровождают всю историю развития человечества, видоизменяясь в зависимости от различных факторов и обстоятельств. В современном мире миграция населения тесно взаимодействует со всеми социально-экономическими и демографическими особенностями развития стран. Она обусловлена комплексом влияющих факторов, в то же время отражает проблемы социально-экономического и демографического развития стран и конти-

нентов. Тем самым миграции могут вносить определенные коррективы в стратегии развития государств.

Население Узбекистана характеризуется относительно низкой миграционной подвижностью. По данным советских переписей населения, в Узбекистане она была в 4–6 раз ниже, чем в европейской части страны. Относительно невысокой она остается и в последующие годы. По расчетам, интенсивность миграции населения республики, включая внешние связи и перемещения внутри республики, в новом столетии находится в пределах 6–6,5‰.

В относительно небольших масштабах в Узбекистане происходит и сельско-городская миграция. По расчетам, отток сельских жителей в города занимает всего 2–3% от прироста численности сельских жителей. В настоящее время низкая мобильность населения противоречит разработанной стратегии социально-экономического развития до 2030 г., предусматривающей значительные изменения структуры и сельской, и городской экономики. С принятием стратегии ускорения урбанизационных процессов вопросы повышения мобильности населения подняты на государственный уровень [Указ Президента, 2019].

В общемировых миграционных процессах Узбекистан занимает определенную нишу. В аспектах миграционной политики в данной статье рассмотрены два основных направления, характеризующих современную миграционную ситуацию. Это внешние миграции с переменой постоянного места жительства (ПМЖ) и трудовые миграции с целью трудоустройства за пределами республики.

Внешние миграционные связи. Наиболее значимой тенденцией современной миграционной ситуации является сокращение валового объема внешних перемещений как в иммиграционных, так и в эмиграционных потоках. Сильно сократилась численность прибывших в республику (до 3–5 тыс. человек), особенно в сравнении с прошедшими десятилетиями (71,9 тыс. в 2000 г.). Существенно уменьшились и эмиграционные потоки. В 2000 г., например, покидали республику более 128 тыс. человек, а в последние годы 20– 25 тыс. человек (табл. 1). По расчетам, за первое десятилетие после распада советской системы из Узбекистана выехало более 1,2 млн человек, а за последнее десятилетие — около 320 тыс. человек.

Значительно вырос разрыв между иммиграционными и эмиграционными потоками. По данным Госкомитета по статистике, в начале 90-х гг. эмиграция превышала иммиграцию в 1,7–1,8 раза, в середине 90-х гг. — в 4–5 раз, а в настоящее время в 6–7 и более раз. Происходит последовательное сокращение валового объема внешних миграций. По расчетам, в 2018 г. его доля в общем объеме миграции населения республики составила 13,9% против 60–65% в конце советского периода. Исходя из со-

временных тенденций нет основания полагать, что в перспективе масштабы внешней миграции населения Узбекистана могут существенно увеличиться.

Таблица 1

Внешняя миграция населения Узбекистана, тыс. человек

Миграционные потоки	2017 г.	2018 г.	+, –
Прибыло в Узбекистан, всего	2,1	2,8	+ 0,7
В том числе из:			
Казахстана	0,8	0,8	
России	0,7	0,7	
Киргизии	-	0,3	
Таджикистана	0,4	0,8	
Других стран	0,2	0,2	
Выбыло из Узбекистана, всего	22,7	19,0	–3,7
В том числе:			
в Казахстан	9,5	8,9	
в Россию	11,8	9,0	
в другие страны	1,4	1,1	
Сальдо миграции	20,6	16,2	–4,4

Источник: данные Госкомитета Республики Узбекистан по статистике за 2017 и 2018 гг.

При значительном расширении орбиты миграционных связей основные внешние миграции населения происходят в пределах СНГ. Наиболее масштабные и устойчивые миграционные связи сложились с Россией и Казахстаном. В 2018 г., например, в общей численности выехавших из республики 37,7% приходилось на Россию, 37,5% — на Казахстан [Госкомстат РУз, 2020, с. 8–10]. Государства дальнего зарубежья (США, Германия, Бельгия, Англия, ОАЭ, Турция) в общем объеме внешних миграций занимают незначительную долю (2–3%).

Во внешних миграциях Узбекистан длительное время теряет свое население, но отрицательное сальдо значительно сократилось. В последние годы оно находится в пределах 20–25 тыс. человек [Социально-экономическое положение..., 2011, с. 19, табл. 1], т.е. примерно в лучших параметрах советского периода. Снижение миграционного оттока является для Узбекистана позитивной тенденцией. Во внешних миграциях республика традиционно теряет немало своих квалифицированных кадров. В годы репатриации была потеряна значительная часть профессионалов своего дела, специалистов, ученых, высококвалифицированных рабочих кадров.

Даже спустя десятилетия все еще ощущается дефицит преподавательских и инженерных кадров, высококвалифицированных врачей, среднего медицинского персонала, работников науки, культуры и т.д. В эмиграционные потоки вовлекаются в основном молодые люди. Так, в 2017–2018 гг. половину выехавших составила молодежь до 30 лет (47%) [Социально-экономическое положение..., 2019, с. 8–9]. Современные эмиграционные потоки захватывают часть национальной элиты. Это молодые, высокообразованные люди, получившие профессиональное образование за рубежом, многие из них — в ведущих университетах развитых стран, что в определенной мере ослабляет интеллектуальный потенциал республики.

В период трансформации, всколыхнувшей репатриационные процессы, из Узбекистана в 90-х гг. выехала значительная часть нетитульного населения (славянские этносы, татары, немцы, евреи и др.). По данным Госкомитета по статистике, за постсоветский период удельный вес русских, живущих в республике, сократился с 8,4 до 2,3%, татар — с 2,4 до 0,6%, казахов — с 4,0 до 3,5%, а численность оставшихся евреев, немцев, представителей прибалтийских народов не имеет статистического значения. К настоящему времени эмиграционный потенциал республики практически исчерпан. В связи с этим, рассматривая развитие внешних миграций на предстоящие годы, следует принимать в расчет возможную степень участия в них титульного населения.

Титульное население Узбекистана (узбеки и каракалпаки) имеет ярко выраженные особенности, связанные с миграционными процессами. Прежде всего следует отметить его низкую миграционную подвижность. Участие коренных жителей республики в межгосударственной миграции всегда было небольшим. Так, в конце 90-х гг. в численности выехавших из Узбекистана на ПМЖ в Россию доля узбеков и каракалпаков составляла всего 5–7%, в Казахстан 7–8%, в настоящее время — 10–11%. Однако этот рост происходит на фоне абсолютного сокращения масштабов эмиграции, а абсолютные величины выезда узбеков и каракалпаков за пределы республики выросли незначительно.

В условиях значительного исчерпания миграционного потенциала республики все большее значение приобретают миграционное поведение и миграционные намерения местного населения, определяемые социально-экономической ситуацией в самой республике и степенью продвижения страны в межгосударственном сотрудничестве в рамках СНГ и зарубежных стран. В настоящее время тенденция роста миграционного оттока титульного населения в достаточной мере не выражена. Коренное население предпочитает выезжать из республики на временные работы, но постоянно жить у себя дома.

В перспективе на процессы эмиграции титульного населения будут влиять разнонаправленные факторы. С одной стороны, усиливаются фак-

торы, способствующие расширению участия во внешних миграциях коренного населения. Узбекистан включается в мировую экономику, выходит на мировые рынки. Увеличивается число молодых людей, поработавших на предприятиях со сложным производством, в иностранных фирмах, расположенных на территории республики. Многие из них проходят стажировку за рубежом через совместные предприятия и соответствующие государственные структуры, овладевают иностранными языками. Кроме того, происходит демократизация миграционной политики в принимающих странах, в частности, в России [Демографическая ситуация..., 2019, с. 62–63]. В то же время в республике достаточно сильны и сдерживающие факторы: заметное ускорение социально-экономического развития, социальная стабильность, национальный менталитет, которые имеют позитивную динамику.

Трудовая миграция населения. Трудовая миграция в Узбекистане значительно превосходит масштабы выезда на ПМЖ. Как показывают результаты опросов общественного мнения [Правительство Узбекистана..., 2019; Институт Гэллапа, 2000] и социологических обследований отечественных специалистов из Республиканского научно-исследовательского Центра «Оила» (Семья») [Мамадалиева, Максакова, 2014; Максакова, 2015, с. 211–241], граждане Узбекистана особо не стремятся навсегда покинуть республику, они предпочитают жить у себя дома, но время от времени выезжать на заработки.

Внешняя трудовая миграция имеет значительные масштабы. По данным Министерства занятости и трудовых отношений, в 2018 г. за пределами республики работали 2,6 млн человек. В основном это титульное население. Потоки трудовой миграции из Узбекистана направлены в страны ближнего и дальнего зарубежья, но основными партнерами являются Россия и Казахстан.

Масштабная трудовая миграция из Узбекистана — это своеобразное демографическое эхо высокой рождаемости советского периода, следствием которой является высокая трудообеспеченность. Во многих регионах создание рабочих мест отстает от роста трудовых ресурсов, следствием чего является безработица, особенно среди молодежи. В период трансформации такая ситуация усугубилась издержками формирования рыночной экономики, разбалансированностью рынка труда и относительно низкой стоимостью рабочей силы. По данным обследований, эти факторы сформировали основные побудительные мотивы поиска работы за пределами республики.

Трудовая миграция в Узбекистане находится в поле правового регулирования. Система законодательства представляет собой достаточно развитую структуру, включающую международные документы, национальное законодательство (законы, постановления Правительства, указы Прези-

дента, подзаконные акты), а также межгосударственные соглашения по вопросам трудовой миграции.

Трудовая миграция воздействует на количественные и качественные показатели рабочей силы, на формирование рынков труда в местах выхода и вселения. В принимающих странах основным эффектом трудовой миграции является восполнение дефицита рабочей силы, особенно в сферах неквалифицированного труда. В странах выхода массовые трудовые миграции имеют неоднозначные последствия. С одной стороны, они сглаживают безработицу и имеют значительные экономические эффекты в виде денежных переводов. Так, по данным Министерства занятости и трудовых отношений, в 2018 г. денежные переводы трудовых мигрантов составили 5,1 млрд долл. США, или 10% от ВВП. Кроме того, многие мигранты, в основном из взрослого населения, в процессе миграции включаются в новые для себя виды деятельности, осваивают новые профессии, нарабатывают рыночные навыки, расширяющие профессиональный и трудовой потенциал. С другой стороны, массовые миграции несут значительные потери трудового потенциала и усиливают собственный кадровый дефицит. Они ухудшают качественный состав трудовых ресурсов. В трудовой миграции участвует молодые и относительно молодые люди, в массовом порядке получившие профессиональное образование в системе лицеев и колледжей. Выезжают наиболее мобильные, дееспособные, работящие люди, что ослабляет местные рынки труда. Среди мигрантов немало и специалистов с высшим и средним специальным образованием, которые, занимаясь в странах приема неквалифицированными видами труда, в процессе миграции утрачивают свои профессиональные навыки. В процессе миграции происходит трансформация ценностей у молодежи, поскольку на местах приложения труда мигранты, даже имеющие профессии и специальности, используются на неквалифицированных работах. Молодым людям в этом возрасте необходимо утверждаться в профессии, строить свою карьеру, расти в своем профессионализме. Кроме того, происходит «размывание» традиционных семейных ценностей. Все это означает, что в массовых трудовых миграциях создаются реальные угрозы не только для формирования национального рынка труда, но и для демографической и социальной безопасности республики.

По оценкам, масштабы трудовой миграции в ближайшие годы не претерпят существенных изменений. Об этом свидетельствует ожидаемый достаточно высокий рост трудового потенциала республики. Однако последовательная реализации долгосрочной государственной стратегии социально-экономического развития, нацеленной на ускорение экономического роста, качественные сдвиги в экономике и в системах профессионального образования неизбежно будут сопровождаться увеличением спроса на рабочую силу и растущими возможностями трудоустройства

на национальных рынках труда. Кроме того, этому будет способствовать снижение потребности в рабочей силе в основных принимающих странах. В частности, в России в конце 2020-х гг. уже могут ощущаться результаты улучшения демографической ситуации, обеспечивающие прирост своего трудового потенциала.

На характер и масштабы трудовой миграции немалое влияние могут оказать последствия пандемии коронавируса COVID -19, что, по субъективным оценкам, уже ощущается в 2020 г. Однако эти вопросы требуют специальных исследований, которые предстоит провести после окончания карантина.

Модернизация миграционной политики в Узбекистане. С достижением независимости в Узбекистане были предприняты определенные шаги по управлению миграцией населения, особенно трудовыми миграциями, которые начиная с 90-х гг. приобретали большие масштабы. Предпринимаемые меры в основном касались организованного экспорта рабочей силы. В 1994 г. при Министерстве труда было создано Агентство по внешней трудовой миграции, в последующие годы были открыты региональные бюро этого агентства, налажено организованное трудоустройство граждан республики в зарубежных странах, в основном в Республике Корея, предпринимались меры по совершенствованию трудовых отношений в этой сфере. Однако организованный экспорт рабочей силы имел крайне малые размеры (3–5 тыс. человек в год). Основная масса трудовых мигрантов в поисках работы выезжали неорганизованно, в индивидуальном порядке, зачастую трудоустраиваясь на нелегальной основе со всеми вытекающими последствиями. Несмотря на огромные масштабы неорганизованной трудовой миграции, в официальных кругах эта проблема как бы не замечалась. В результате наши люди, работая в зарубежных странах, не имели социальной защиты от своего государства. Достигнутое в 2007 г. соглашение с Россией «О трудовой деятельности и защите прав трудящихся — мигрантов, являющихся гражданами Республики Узбекистан, в России, и трудовых мигрантов, являющихся гражданами России, в Республике Узбекистан» практически не работало. Ни Россия, ни Узбекистан как наиболее заинтересованная сторона не проявили достаточных инициатив для его реализации.

В последние годы в Узбекистане происходят заметные позитивные изменения миграционной политики. На государственном уровне осознана объективность происходящих миграционных процессов, а также необходимость их цивилизации. Исходя из этого, определены новые подходы к миграции населения и предприняты достаточно значимые реальные шаги по упорядочению миграционных процессов. По сути дела, модернизация миграционной политики началась с принятием в 2018 г. Постановления Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по даль-

нейшему совершенствованию системы внешней трудовой миграции Республики Узбекистан» [Постановление Президента, 2018].

Исходя из сложившейся ситуации в республике выработаны важнейшие приоритеты современной миграционной политики. Основными из них стали сокращение масштабов трудовой миграции, усиление социальной защиты трудовых мигрантов, создание стимулов сдерживания оттока квалифицированной рабочей силы из республики.

В развитии современной стратегии относительно миграции населения предпринят целый ряд конкретных мер и государственных решений. Ратифицировано 13 международных конвенций по вопросам миграции и прав человека, произошло присоединение к Конвенции о защите прав мигрантов, созданы (а по сути дела, легализованы) частные агентства по трудовой миграции. В настоящее время число их превышает 90. Налаживается организационное и информационное сотрудничество между государственным Агентством по внешней трудовой миграции при Министерстве занятости и трудовых отношений и частными агентствами. Образована Республиканская комиссия по вопросам внешней трудовой миграции. Принято решение о создании межправительственных рабочих групп по организации трудовой миграции. На уровне Министерства занятости и трудовых отношений создана Комиссия по разработке механизма сотрудничества с мигрантами в вопросах стимулирования инвестиционного потенциала денежных переводов. В Министерстве занятости и трудовых отношений создан Фонд поддержки и защиты прав и интересов граждан, осуществляющих трудовую деятельность за рубежом. В 2019 г. принято постановление Президента о защите прав и финансовой поддержке трудовых мигрантов, расширяющее возможности получения кредитов, микрозаймов, оплаты страхового полиса. Входит в практику привлечение льготных долгосрочных кредитов международных финансовых институтов и иностранных правительственных финансовых организаций на строительство квартир в многоквартирных домах для трудовых мигрантов. В 2020 г., например, трудовым мигрантам, нуждающимся в улучшении жилищных условий, в рамках этих программ было выделено 3,5 тыс. квартир в многоквартирных домах.

Одним из приоритетов модернизации миграционной политики становится межгосударственное сотрудничество в вопросах профессиональной подготовки мигрантов. Определенный опыт сотрудничества в этой сфере в республике был уже отработан на организованном экспорте рабочей силы в Корею. В вопросах организованного экспорта рабочей силы большее внимание стало уделяться профессиональной подготовке потенциальных трудовых мигрантов. Небольшой Центр профессионального обучения, созданный в Ташкенте несколько лет назад при участии Республики Корея, с общежитием на 100 мест, в 2019 г. преобразован в современную об-

разовательную структуру с учебными помещениями и комфортабельным жилым комплексом, в нем ведется обучение профессии и иностранным языкам, в частности английскому и корейскому. Вводится в практику организованный вывоз рабочей силы в регионы России с предварительным обучением потенциальных мигрантов. В этих целях Министерством занятости и трудовых отношений создаются Центры по предвыездной ориентации, ориентированные на подготовку и переподготовку молодежи по 12 рабочим профессиям и обучению русскому языку. В 2018 г. в 16 таких центрах обучено 300 тыс. человек, в 2019 г. число центров увеличилось втрое, а численность обученных — вдвое.

На правительственном уровне стали решаться вопросы социальной защиты трудовых мигрантов. Постановлением Президента Республики Узбекистан от 5 июля 2018 г. [Постановление Президента, 2018] предусмотрено налаживание разностороннего сотрудничества с уполномоченными государственными органами зарубежных стран по вопросам внешней трудовой миграции. В частности, в вопросах присоединения Узбекистана к международным договорам в области защиты прав и законных интересов трудовых мигрантов, а также «в реализации гражданами Республики Узбекистан их прав на трудовую деятельность за рубежом, справедливые и безопасные условия труда, обеспечение их социальной и правовой защиты и реинтеграции после возвращения на родину». Для решения этих вопросов принят ряд мер, вытекающих из Указа Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему усилению гарантий защиты граждан Республики Узбекистан, осуществляющих временную трудовую деятельность за рубежом, и членов их семей» от 20 августа 2019 г.

Реализация таких мер возможна только на основе эффективного межгосударственного сотрудничества. В этом направлении также сделаны практические шаги: в семи российских регионах открыты представительства компетентных органов республики в сфере миграции. В прежние времена нашим трудовым мигрантам в случаях нарушения их прав приходилось обращаться за помощью в представительства других стран, в частности, Таджикистана. Разработаны положения и порядок организованного набора граждан Республики Узбекистан для осуществления трудовой деятельности за рубежом.

Таким образом, в настоящее время на правительственном уровне решаются вопросы содействия в реализации гражданами Республики Узбекистан их прав на трудовую деятельность за рубежом, справедливые и безопасные условия труда, обеспечение их социальной и правовой защиты, а также реинтеграции после возвращения на родину. Реализация принятых правительственных документов уже приобретает практические очертания. Вопросы обучения, переобучения и повышения квалификации трудовых мигрантов по востребованным на зарубежном рынке труда

специальностям и иностранным языкам, возможность профессионального обучения граждан по заявкам иностранных работодателей или организаций, по правовой защите трудовых мигрантов в странах пребывания и т.д. включены в практическую деятельность различных органов управления. Эти документы создают правовые основы для выработки соответствующих мер в предстоящие годы по наиболее актуальным направлениям последовательной цивилизации процессов трудовой миграции.

Важнейшим приоритетом современной миграционной политики является создание стимулов сдерживания оттока квалифицированной рабочей силы из республики и привлечения высокообразованных специалистов из-за рубежа, в том числе из числа соотечественников, выехавших по разным причинам в другие страны. Началом такого поворота стала встреча в Нью-Йорке Президента Узбекистана Ш. М. Мирзиеева с соотечественниками, выехавшими в США (2018 г.). На ней были затронуты вопросы перспектив возвращения квалифицированных специалистов на родину с гарантиями их поддержки и всестороннего стимулирования. Следует отметить, что попытки сдерживания утечки умов были предприняты в республике еще в начале 90-х гг., когда стало очевидным, что многие молодые люди, выехавшие в зарубежные страны на учебу или работу, не возвращаются обратно. В 1997 г. по инициативе Президента РУз. И. А. Каримова для организации обучения граждан республики за рубежом был создан Фонд «Умид» («Надежда»), через который было организовано направление молодых людей на обучение в зарубежные страны (Япония, Германия, Франция, Италия) при условии возвращения на родину и работы по направлению специальной комиссии в государственных структурах в течение пяти лет. Подготовленные через этот фонд молодые специалисты были успешно использованы в крупнейших государственных структурах и в академических институтах, но число их было невелико.

В последние годы эти процессы не только активизировались, но и наполнились новым содержанием. В 2018 г. был создан Фонд «БуюкКелажак» («Великое будущее»), нацеленный на поддержку и содействие масштабным реформам в Узбекистане в политической, экономической и социальной сферах. При нем организован Экспертный совет, объединивший около 300 экспертов родом из Узбекистана, живущих и работающих в развитых странах. Экспертами фонда являются известные специалисты — профессионалы в различных направлениях деятельности. Реальным результатом их деятельности является разработка долгосрочной модели социально-экономического развития Узбекистана на период до 2035 г., нацеленная на повышение уровня жизни, улучшение качества человеческого капитала, развитие рынка долгосрочных инвестиций и реформирование институтов государственной власти. В 2019 г. при Кабинете Министров республики в целях налаживания тесного взаимодействия с соотечественни-

ками, имеющими большой научный потенциал, учеными, специалистами и талантливой молодежью, проживающими и ведущими свою профессиональную деятельность за рубежом, был создан Фонд «Эл-Юрт-Умиди» («Надежда родины»).

С созданием этих фондов практическое значение приобрели такие вопросы, как выявление потребности республики в высококвалифицированных кадрах с опытом работы за границей в разрезе отраслей; учреждение дочерних иностранных компаний с соответствующим профессиональным обучением кадров, формирование базы данных о соотечественниках за рубежом, самостоятельно поступивших в магистратуру или докторантуру известных зарубежных вузов и научных центров. Решение их в конечном итоге может способствовать улучшению обеспеченности республики высококвалифицированными и конкурентоспособными на мировом рынке труда специалистами. Кроме того, в настоящее время в Узбекистане принимаются реальные меры по расширению подготовки кадров в системах высшего и среднего специального образования и обеспечения коренных сдвигов в вопросах качества профессионального образования. Только за последние три года открыто 35 новых вузов, включая филиалы престижных зарубежных университетов.

Изменения миграционной политики касаются и внутренних миграционных процессов, в частности сельско-городской миграции. Она в Узбекистане происходит в относительно небольших масштабах. В настоящее время низкая мобильность населения противоречит разработанной стратегии социально-экономического развития, предусматривающей значительные изменения структуры экономики в больших, малых городах и других городских поселениях. С принятием стратегии ускорения урбанизационных процессов вопросы повышения мобильности населения подняты на государственный уровень. Указом Президента Узбекистана от 11.01.2019 [Указ Президента, 2019] в числе основных направлений решения этой проблемы названо создание условий для перемещения населения из села в город.

Таким образом, в Узбекистане происходят достаточно ощутимые сдвиги в области государственной миграционной политики, что стало возможным с подключением государства к решению наиболее острых и значимых миграционных проблем.

Предложения по повышению эффективности реализации миграционной политики. Основные приоритеты миграционной политики определяют направления ее более эффективной реализации. Прежде всего они касаются возможностей цивилизации процессов трудовой миграции. Эта задача является достаточно трудной, особенно с учетом потенциальных негативных последствий для экономики эпидемии COVID-19. Исходя из значительных негативных последствий трудовой миграции в респу-

блике целесообразно принять более действенные меры по ее упорядочению и социальной защите людей, работающих за пределами республики. Результаты исследований показывают, что в условиях Узбекистана целесообразно рассматривать два основных направления регулирования миграционных процессов.

Первое направление — это последовательное проведение политики сдерживания масштабов трудовой миграции путем расширения возможностей для трудоустройства населения в местах своего постоянного проживания. В рамках проекта Концепции комплексного социально-экономического развития республики до 2030 г. уже предусмотрены меры, позволяющие сократить число трудовых мигрантов к 2030 г. до 1,96 млн человек против 2,35 млн в 2018 г., т.е. на 16,6% [Правительство Узбекистана..., 2019]. Современный и достаточно длительный всплеск трудовой миграции населения Узбекистана обусловлен спецификой трансформационного периода. Однако процессы трудовой миграции очень динамичны и восприимчивы к переменам как на международных рынках труда, так и изменениям в социально-экономической ситуации у себя дома. Наглядным примером этого является Казахстан, еще недавно он был активным экспортером рабочей силы в Россию и другие страны, а затем стал принимающей страной. Таким примером со временем может стать и Узбекистан, для этого имеются достаточно значимые предпосылки. Долгосрочные стратегии развития республики позволяют ожидать существенный рост потребности в рабочей силе, особенно в квалифицированных кадрах, во многих отраслях и сферах экономики и на региональных рынках труда, с соответствующими материальными и профессиональными стимулами, что будет сокращать потребность населения во внешней занятости. Важно в условиях масштабной трудовой миграции обеспечить значительные сдвиги в состоянии рынка труда, позволяющие количественно и качественно сберечь свой трудовой потенциал.

Для решения проблем сохранения и приумножения интеллектуального потенциала, недопущения оттока из республики высокообразованных кадров необходимы эффективные меры по обеспечению качественных изменений на рынке труда, что требует значительных инвестиций и в экономику, и в развитие человеческого капитала. Это более сложная задача. Необходимы качественные сдвиги в общеобразовательной и профессиональной подготовке молодежи, рост профессионализма кадров, в первую очередь в наиболее значимых отраслях экономики. Увеличение доли высококвалифицированных рабочих кадров и специалистов возможно на основе коренных преобразований в качестве профессионального обучения кадров во всех образовательных структурах, начиная с общеобразовательной школы. Целесообразно использовать международные практики достижения качественного обучения в системах профессиональной

подготовки, расширить обучение молодежи по профессиям IT с использованием разнообразных форм, методов и источников финансирования. Решение этих задач требует коренного улучшения вузовской науки, создания научно-технологических лабораторий при вузах с привлечением талантливой молодежи. Целесообразно продвижение высших учебных заведений и инновационных центров в регионы, всемерное содействие повышению интереса молодых людей к приобретению профессий IT на всей территории.

Важно также расширение сферы приложения труда для высокообразованной молодежи, что может быть существенной мотивацией возвращения в страну квалифицированных специалистов, работающих в других странах, а также приезда в республику зарубежных высококвалифицированных специалистов. В современном мире государства должны заботиться об усилении своих конкурентных позиций в глобальной экономике.

В условиях глобализации целесообразно находить пути и методы полноправного участия республики в конкурентной борьбе за высококвалифицированные кадры и создавать реальные предпосылки сдерживания утечки умов, что представляется более эффективным как для национальной экономики, так и для самих мигрантов. Конечным результатом таких перемен может стать больший вклад миграции в обеспечение социально-экономической и демографической безопасности республики. Под воздействием социально-экономических и демографических факторов, многие из которых имеют долговременное значение, трудовая миграция может заметно сократиться и приобрести более цивилизованные формы.

Вторым направлением цивилизации трудовой миграции может стать достижение более эффективного межгосударственного сотрудничества. Необходимость разработки согласованной миграционной политики достаточно четко обоснована и в трудах исследователей в принимающих странах [Власова, Топилин, 2012]. Отсутствие социальной защиты трудовых мигрантов в настоящее время остается наиболее слабым звеном в миграционных процессах. Сказываются разобщенность государственных миграционных политик, несогласованность нормативно-правовой базы. На основе улучшения межгосударственного сотрудничества возможны кардинальные перемены: введение в практику современных форм организованного экспорта рабочей силы, усиление интеграционных процессов на рынках труда, в том числе на межрегиональном уровне, уменьшение негативных последствий миграции в местах приема и выхода, обеспечение социальной защиты трудовых мигрантов. Для достижения реальных эффектов от межгосударственного сотрудничества необходимы обоюдные усилия посылающих и принимающих стран, основанные на совершенствовании нормативно-правового поля миграции на своих территориях. Эта работа уже активизируется, о чем было сказано выше.

Таким образом, возможности реализации новой миграционной политики во многом зависят от ускорения экономических реформ, значительного улучшения социально-экономической ситуации в республике, качественного развития рынка труда, а также совершенствования государственного управления, сокращения бюрократизма и коррупции на разных уровнях управления. Кроме того, современные перемены в миграционной политике убирают политический оттенок в отношении миграции населения, что создает возможности для более масштабных научных исследований этой сложной, многогранной и актуальной проблемы.

Список литературы

1. *Власова Н., Топилин А.* Миграция и углубление процессов интеграции в Содружестве Независимых Государств // Международная миграция населения на постсоветском пространстве в эпоху глобализации. — Издательство Московского университета, 2012.
2. Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике (Госкомстат РУз) // Население за год выросло на 650,3 тысячи. Предварительные итоги 2019. Официальный сайт. — Ташкент, 27.01.2020. URL: https://stat.uz/ru/
3. Демографическая ситуация в России: новые вызовы и пути оптимизации / под ред. чл.-корр. РАН С. В. Рязанцева. — М.: Экон-Информ, 2019.
4. Институт Гэллапа. Опрос населения 10 стран СНГ 5 августа 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: CA-News.Info.
5. *Максакова Л. П.* Трудовая миграция и ее роль в решении проблем занятости и повышении доходов населения // Занятость, доходы и уровень жизни. — Ташкент, 2015.
6. *Мамадалиева Х. Х., Максакова Л. П.* Узбекистан: современные демографические тенденции // Demoscope (научный электронный журнал). — М., 2014. — № 617–618. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0617/tema01.php
7. Правительство Узбекистана намерено уменьшить миграцию. РИА-Новости, Ташкент, 8 октября 2019 г. URL: https://uz.sputniknews.ru/migration/20191008/12576233/Pravitelstvo-Uzbekistana-namereno-umenshit-migratsiyu.html
8. Постановление Президента Республики Узбекистан от 05.07.2018 «О дополнительных мерах по дальнейшему совершенствованию системы внешней трудовой миграции Республики Узбекистан». URL: https://nrm.uz/contentf?doc=548754_&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana
9. Социально-экономическое положение Республики Узбекистан за 2010 г. Госкомитет РУз. по статистике. — Ташкент, 2011.
10. Социально-экономическое положение Республики Узбекистан. Издание Госкомитета РУз. по статистике. — Ташкент, 2019.
11. Указ Президента Республики Узбекистан от 11.01.2019 «О мерах по коренному совершенствованию процессов урбанизации». URL: http://uza.uz/ru/documents/o-merakh-po-korenanomu-sovershenstvovaniyu-protsessov-urbaniz-11-01-2019?m=y&ELEMENT_CODE=o-merakh-po-

korenanomu-sovershenstvovaniyu-protsessov-urbaniz-11-01-2019&SECTION_CODE=documents

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Vlasova N., Topilin A.* Migracija i uglublenie processov integracii v Sodruzhestve Nezavisimyh Gosudarstv // Mezhdunarodnaja migracija naselenija na postsovetskom prostranstve v jepohu globalizacii. — Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta, 2012.
2. Gosudarstvennyj komitet Respubliki Uzbekistan po statistike (Goskomstat RUz) // Naselenie za god vyroslo na 650,3 tysjachi. Predvaritel'nye itogi 2019. Oficial'nyj sajt. — Tashkent, 27.01.2020. URL: https://stat.uz/ru/
3. Demograficheskaja situacija v Rossii: novye vyzovy i puti optimizacii / pod red. chl.-korr. RAN S. V. Rjazanceva. — M.: Jekon-Inform, 2019.
4. Institut Gjellapa. Opros naselenija 10 stran SNG 5 avgusta 2010 g. [Jelektronnyj resurs]. URL: CA-News.Info.
5. *Maksakova L. P.* Trudovaja migracija i ee rol' v reshenii problem zanjatosti i povyshenii dohodov naselenija // Zanjatost', dohody i uroven' zhizni. — Tashkent, 2015.
6. *Mamadalieva H. H., Maksakova L. P.* Uzbekistan: sovremennye demograficheskie tendencii // Demoscore (nauchnyj jelektronnyj zhurnal). — M., 2014. — № 617–618. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0617/tema01.php
7. Pravitel'stvo Uzbekistana namereno umen'shit' migraciju. RIA-Novosti, Tashkent, 8 oktjabrja 2019 g. URL: https://uz.sputniknews.ru/migration/20191008/12576233/Pravitelstvo-Uzbekistana-namereno-umenshit-migratsiyu.html
8. Postanovlenie Prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 05.07.2018 «O dopolnitel'nyh merah po dal'nejshemu sovershenstvovaniju sistemy vneshnej trudovoj migracii Respubliki Uzbekistan». URL: https://nrm.uz/contentf?doc=548754_&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana
9. Social'no-jekonomicheskoe polozhenie Respubliki Uzbekistan za 2010 g. Goskomitet RUz. po statistike. — Tashkent, 2011.
10. Social'no-jekonomicheskoe polozhenie Respubliki Uzbekistan. Izdanie Goskomiteta RUz. po statistike. — Tashkent, 2019.
11. Ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 11.01.2019 «O merah po korennomu sovershenstvovaniju processov urbanizacii». URL: http://uza.uz/ru/documents/o-merakh-po-korenanomu-sovershenstvovaniyu-protsessov-urbaniz-11-01-2019?m=y&ELEMENT_CODE=o-merakh-po-korenanomu-sovershenstvovaniyu-protsessov-urbaniz-11-01-2019&SECTION_CODE=documents

МАСЛЕНКОВА Елена Владимировна
к.э.н.,
завкафедрой экономики и менеджмента УО ФПБ
«Международный университет «МИТСО»,
Минск, Беларусь.
E-mail: maslenkoff@mail.ru

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ключевые слова: миграция населения, внешняя трудовая миграция, миграционная политика, государственное регулирование.

Коды JEL: J18, J28, J61, J68

Постановка проблемы

Новая модель национального развития, реалии времени требуют переосмысления многих проблем и задач государственного регулирования миграционных процессов Беларуси. Находясь в силу своего геополитического положения на перекрестках разнообразных и разноплановых миграционных потоков, Беларусь остро нуждается в изучении их воздействия на социально-экономические и демографические процессы, проходящие в обществе.

Обобщение результатов исследований, проводимых отечественными и зарубежными учеными, позволяет отметить многообразие рассматриваемых внешних и внутренних факторов, детерминирующих развитие процессов трудовой миграции, среди которых ключевыми определены экономические. В то же время, как показывает анализ научной литературы, концептуальное осмысление феномена внешней трудовой миграции еще не завершилось. Это связано с тем, что процессы трудовой миграции постоянно меняются и трансформируются, а концептуальные подходы находятся в стадии разработки, получая новые стимулы в исследованиях проблем, которые обнаруживаются в современном обществе.

В Республике Беларусь до сих пор отсутствуют концептуальные документы, определяющие миграционную политику страны. В настоящее время еще только готовится проект Концепции государственной миграционной политики Республики Беларусь [Концепция..., 2019]. Разработка проекта Концепции — своевременная инициатива. Она предполагает обоснование фундаментальных взглядов государства на вопросы реализации миграционной политики, оценку миграционной ситуации в стране с уче-

том сложившихся тенденций и перспектив социально-экономического и демографического развития государства, с одной стороны, а также приоритетов, определяемых ключевыми программными документами государства — с другой.

Исходя из сказанного, целью представленного исследования является выработка мер миграционной политики с учетом приоритетов устойчивого социально-экономического развития страны на основе комплексного изучения процессов внешней трудовой миграции, протекающих в Беларуси.

Понятие и структура миграционной политики государства

В широком смысле слова миграционная политика представляет собой особый вид деятельности государства, направленный с помощью различных рычагов и методов на управление миграционными процессами. По определению В. М. Моисеенко, миграционная политика — это «деятельность государства и общественных организаций, направленная с помощью различных рычагов и методов на регулирование миграционных процессов» [Моисеенко, 1982]. Как уточняет Н. В. Воробьев, это «деятельность органов управления (субъект политики), направленная на изменение миграционного поведения некой территориальной общности людей или ее отдельных членов (объект политики) с использованием социальных, экономических, экологических, политических и иных движущих сил» [Воробьев, 2001].

Миграционная политика, по мнению большинства исследователей, «должна содействовать достижению наиважнейших общественных целей, таких как развитие рыночных отношений, построение демократического общества, соблюдение прав человека, интеграция в международный рынок труда, укрепление безопасности страны» [Топилин, 2004]. При этом миграционная политика должна быть не только подчинена задачам планирования численности населения во взаимосвязи с социально-экономическими аспектами, но также должна учитывать факторы, вытекающие из взятых международных обязательств и условий, в которых находится государство [Демидов, 2003].

По мнению И. В. Ивахнюк, формирование эффективной миграционной политики может происходить только на основе баланса ее целей. При этом две цели, имеющие непосредственное отношение к социальному измерению миграционной политики — «безопасность» и «права человека», — приобретают в современном мире особое значение [Ивахнюк, 2011]. Как отмечают В. Мигас, А. Нечай, экономически безопасной и способствующей накоплению человеческого капитала можно считать такую внешнюю трудовую миграцию, которая, во-первых, не сокращает трудовой потенциал страны; во-вторых, обеспечивает прирост ее нацио-

нального богатства за счет рационального использования национальной рабочей силы в различных сегментах мирового рынка труда и/или включения в трудовой процесс не использованной в национальном сегменте мирового рынка труда рабочей силы. При этом необходимо соблюдение условий возвратной миграции работников и возвращение на родину, хотя бы частично, денежных средств, заработанных за границей [Мигас, Нечай, 1999].

Обобщая данные определения, можно сделать вывод о том, что миграционная политика может выступать в различных формах: выполнять конъюнктурно-корректирующую роль, являясь инструментом текущей социально-экономической политики, и стратегически значимую роль, когда увязывается с разработкой долгосрочных проблем стратегического развития экономики, изменения объемных и качественных характеристик движения населения. По мнению автора, миграционная политика в сфере внешней трудовой миграции может быть определена как система концептуально объединенных инструментов, с помощью которых государство и его социальные институты предполагают достижение целей развития процессов внешней трудовой миграции, соответствующих перспективным задачам социально-экономического развития общества.

Развитие процессов внешней трудовой миграции в Республике Беларусь на современном этапе

Республика Беларусь включена в международную трудовую миграцию как государство-донор и как государство-реципиент.

Анализ развития экспорта рабочей силы показал, что за последние 30 лет в стране сформировались два канала трудоустройства белорусских граждан за рубежом, существенно отличающихся по масштабам: 1) самостоятельный поиск работодателя и выезд за рубеж с целью осуществления трудовой деятельности; 2) трудоустройство за рубежом с помощью специализированной фирмы-лицензиата.

Численность граждан Республики Беларусь, выезжающих на работу при содействии юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, имеющих лицензию на осуществление деятельности, связанной с трудоустройством за пределами Республики Беларусь, незначительна и составляет 5,5–11 тыс. человек в год [Учет..., 2019]. Одновременно масштабы самостоятельного выезда с целью трудоустройства превосходят зарегистрированные объемы экспорта рабочей силы на порядок и составляют от 80 тыс. человек (результаты выборочного обследования домохозяйств Национального статистического комитета Республики Беларусь) до 300 тыс. человек (совокупные статистические данные государств, принимающих белорусскую рабочую силу) [Масленкова, 2018].

Основными странами — реципиентами белорусской рабочей силы являются Россия, Польша, Литва, Чехия. На международном рынке труда белорусы представлены как в сфере физического труда (строительные рабочие, работники сферы обслуживания и торговли, работники сельского хозяйства, водители), так и сфере умственного труда (квалифицированные работники и специалисты различных отраслей экономики: врачи, программисты, инженеры, преподаватели и др.).

Новые возможности для трудоустройства для белорусской рабочей силы появились вместе с созданием Евразийского экономического союза; формирование общего рынка труда стран Евразийского экономического союза, безвизовый режим и знание языка будут способствовать дальнейшему увеличению экспорта белорусской рабочей силы в данный регион [Масленкова, 2017]. Одновременно развитие сезонных программ привлечения иностранной рабочей силы в отдельных странах Европейского союза (Польша, Литва, Латвия, Чехия, Финляндия), а также появление новых центров миграционного притяжения (Китай, Тайвань, Сингапур) также будут активизировать дальнейшее вовлечение белорусской рабочей силы в международный рынок труда.

Привлечение иностранной рабочей силы в Республику Беларусь осуществляется юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, получившими в установленном порядке специальные разрешения (лицензии) на осуществление данного вида деятельности, выдавать которые уполномочено Министерство внутренних дел Республики Беларусь.

Численность трудящихся-иммигрантов, въехавших в Республику Беларусь для работы, зависит от потребности национального рынка труда, конъюнктуры рынка труда отдающих государств, а также сроков реализации иностранных инвестиционных проектов в стране и варьируется в среднем от 16 до 37 тыс. человек в год [Учет..., 2019].

Прибывают трудовые мигранты более чем из 30 стран мира. Наибольшая их часть приходится на такие страны, как Украина, Китай, Узбекистан. Трудовые мигранты, работающие в Республике Беларусь, заняты не только физическим трудом (в строительстве, деревообработке, сельском хозяйстве), но и интеллектуальным — каждый десятый трудящийся-иммигрант занимает руководящую должность, каждый третий — квалифицированный специалист.

В целом в настоящее время объемы импорта трудовых ресурсов невелики и не оказывают заметного давления на национальный рынок труда, а трудовые мигранты не представляют значительной конкуренции в борьбе за имеющиеся рабочие места. При этом привлечение иностранных работников позволяет достичь сбалансированности национального рынка труда по отдельным специальностям, а также обеспечивает реализацию заключенных межправительственных соглашений и инвестиционных проектов.

Особенности миграционной политики Республики Беларусь в сфере внешней трудовой миграции

Миграционная политика Республики Беларусь в сфере внешней трудовой миграции формируется с учетом особенностей современного демографического и социально-экономического развития государства. Это: 1) реализация прав белорусских граждан на трудоустройство за рубежом; 2) обеспечение потребности национального рынка труда в дополнительной рабочей силе за счет привлечения иностранных работников.

К настоящему времени в стране в сфере внешней трудовой миграции создан достаточно системный пакет законов, регулирующих экспорт и импорт рабочей силы. Привлечение иностранной рабочей силы в Республику Беларусь осуществляется с учетом экономической целесообразности, в интересах защиты внутреннего рынка труда и обеспечения приоритетного права белорусских граждан на труд. Преимущество отдается высококвалифицированным специалистам, а также тем иностранным гражданам и лицам без гражданства, которые инвестируют в экономику страны, создают на ее территории иностранные и совместные предприятия, а также осуществляют подготовку и переподготовку кадров на уровне современных требований.

Достижением национальной миграционной политики в сфере внешней трудовой миграции можно считать обеспечение эффективной защиты прав трудящихся-мигрантов, противодействие торговле людьми, дискриминации и эксплуатации мигрантов.

Основной проблемой современного этапа является недостаточная взаимосвязь реализуемой в стране политики в сфере занятости и рынка труда с миграционной политикой. Процессы выезда белорусской рабочей силы за рубеж в целях временного трудоустройства остаются во многом стихийными, что затрудняет оценку их влияния на социально-экономическое развитие страны. Миграционный отток белорусских граждан за рубеж становится серьезным демографическим и экономическим вызовом для Республики Беларусь. При этом вопросы реэмиграции и реинтеграции не решаются, никакие действенные механизмы по возврату трудовых мигрантов не закреплены в базовых миграционных законах страны.

Стратегическая цель, задачи и приоритеты развития внешней трудовой миграции

При определении направлений государственного регулирования внешней трудовой миграции первостепенное значение приобретает увязка темпов развития национальной экономики, влияющих на объем и структуру

спроса на рабочую силу, и численности экономически активного населения, формирующего предложение рабочей силы на национальном рынке труда.

Цель государственного регулирования внешней трудовой миграции, на наш взгляд, заключается в достижении территориальной и структурной сбалансированности спроса и предложения рабочей силы на рынке труда за счет экспорта и импорта рабочей силы с учетом обеспечения национальной безопасности страны и реализации конституционных прав граждан.

Основными задачами регулирования процессов внешней трудовой миграции являются:

— содействие обеспечению потребности экономики Республики Беларусь в рабочей силе;
— совершенствование механизмов сбора, хранения, обработки и распространения информации в сфере трудовой миграции;
— унификация статистического учета в сфере внешней трудовой миграции между Республикой Беларусь и отдельными странами выезда (въезда) трудовых мигрантов, а также в рамках межгосударственных объединений;
— проведение научно-исследовательских разработок для анализа и прогноза ситуации в сфере экспорта и импорта рабочей силы, мониторинга процессов трудовой миграции и оценки ее эффективности.

Основные направления государственной миграционной политики Республики Беларусь:

1) в сфере экспорта рабочей силы:
— развитие инфраструктуры в сфере трудовой миграции на основе государственно-частного партнерства;
— создание механизмов стимулирования возвращения трудящихся-эмигрантов, востребованных на национальном рынке труда;
— развитие информационных баз данных о возможностях трудоустройства в ЕАЭС, налоговым и пенсионным вопросам;
— разработка программ по реэмиграции и реинтеграции трудящихся-мигрантов, работающих за рубежом; формирование эффективных каналов информирования потенциальных мигрантов о данных программах;
— развитие каналов организованного выезда (оргнабора) белорусской рабочей силы;
2) в сфере импорта рабочей силы:
— разработка специальных программ каникулярной и сезонной трудовой миграции, их информационное обеспечение и мониторинг эффективности;

— снятие ограничений для осуществления трудовой деятельности для иностранных студентов на весь период обучения в Республике Беларусь;
— совершенствование механизма привлечения иностранных высококвалифицированных специалистов. Необходимо более четко определить критерии, используемые для предоставления статуса высококвалифицированного специалиста, дополнив их образовательными и профессионально-квалификационными характеристиками иностранного специалиста.

Список литературы

1. *Воробьев Н. В.* Региональная организация миграции населения в сибирских условиях. — Новосибирск: Наука, Сиб. изд. фирма, 2001. — 152 с.
2. *Демидов А. В.* Формирование современной миграционной политики Российской Федерации и сотрудничество с международными организациями. — М.: Междунар. орг. по миграции, 2003. — 143 с.
3. *Ивахнюк И. В.* Перспективы миграционной политики России: выбор верного пути. — М.: МАКС Пресс, 2011. — 128 с.
4. Концепция государственной миграционной политики готовится в Беларуси. URL: https://www.belta.by/society/view/kontseptsija-gosudarstvennoj-migratsionnoj-politiki-gotovitsja-v-belarusi-329823-2018/ (дата обращения: 28.10.2019).
5. *Масленкова Е. В.* Внешняя трудовая миграция в Республике Беларусь / Е. В. Масленкова, Л. Е. Тихонова // Социологические исследования. — 2016. — № 6. — С. 49–55.
6. *Масленкова Е. В.* Миграционное взаимодействие Республики Беларусь со странами ЕАЭС: направления и перспективы / Е. В. Масленкова, Л. Е. Тихонова // Миграционные мосты в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта: материалы IX мед. науч.-практ. форума (Москва, 28–29 ноября 2017 г.). В 2 т. Т. 1 / редкол.: С. В. Рязанцев [и др.]. — М.: Экономическое образование, 2017. — С. 73–80.
7. *Масленкова Е. В.* Миграция как ресурс социально-экономического развития Беларуси в контексте евразийской интеграции / Е. В. Масленкова, Л. Е. Тихонова // Социальные технологии, исследования. Федеральный научно-практический журнал. — 2018. — № 7(93). — С. 57–66.
8. *Мигас В.* Закономерности современной международной миграции и особенности ее регулирования / В. Мигас, А. Нечай // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. — 1999. — № 1. — С. 92–99.
9. *Моисеенко В. М.* Содержание и тенденции развития миграционной политики в СССР: доклад. — М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1982.
10. *Топилин А. В.* Рынок труда России и стран СНГ: реалии и перспективы развития. — М.: Экономика, 2004. — 321 с.

11. Учет трудящихся-эмигрантов и трудящихся-иммигрантов. URL: https://mvd.gov.by/ru/page/uchet-trudyashihsya-emigrantov-i-trudyashihsya-immigrantov/ (дата обращения: 28.10.2019).

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Vorob'ev N. V.* Regional'naja organizacija migracii naselenija v sibirskih uslovijah. — Novosibirsk: Nauka, Sib. izd. firma, 2001. — 152 s.
2. *Demidov A. V.* Formirovanie sovremennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii i sotrudnichestvo s mezhdunarodnymi organizacijami. — M.: Mezhdunar. org. po migracii, 2003. — 143 s.
3. *Ivahnjuk I. V.* Perspektivy migracionnoj politiki Rossii: vybor vernogo puti. — M.: MAKS Press, 2011. — 128 s.
4. Koncepcija gosudarstvennoj migracionnoj politiki gotovitsja v Belarusi. URL: https://www.belta.by/society/view/kontseptsija-gosudarstvennoj-migratsionnoj-politiki-gotovitsja-v-belarusi-329823-2018/ (data obrashhenija: 28.10.2019).
5. *Maslenkova E. V.* Vneshnjaja trudovaja migracija v Respublike Belarus' / E. V. Maslenkova, L. E. Tihonova // Sociologicheskie issledovanija. — 2016. — № 6. — S. 49–55.
6. *Maslenkova E. V.* Migracionnoe vzaimodejstvie Respubliki Belarus' so stranami EAJeS: napravlenija i perspektivy / E. V. Maslenkova, L. E. Tihonova // Migracionnye mosty v Evrazii: modeli jeffektivnogo upravlenija migraciej v uslovijah razvitija evrazijskogo integracionnogo proekta: materialy IX med. nauch.-prakt. foruma (Moskva, 28–29 nojabrja 2017 g.). V 2 t. T. 1 / redkol.: S. V. Rjazancev [i dr.]. — M.: Jekonomicheskoe obrazovanie, 2017. — S. 73–80.
7. *Maslenkova E. V.* Migracija kak resurs social'no-jekonomicheskogo razvitija Belarusi v kontekste evrazijskoj integracii / E. V. Maslenkova, L. E. Tihonova // Social'nye tehnologii, issledovanija. Federal'nyj nauchno-prakticheskij zhurnal. — 2018. — № 7(93). — S. 57–66.
8. *Migas V.* Zakonomernosti sovremennoj mezhdunarodnoj migracii i osobennosti ee regulirovanija / V. Migas, A. Nechaj // Belorus. zhurn. mezhdunar. prava i mezhdunar. otnoshenij. — 1999. — № 1. — S. 92–101.
9. *Moiseenko V. M.* Soderzhanie i tendencii razvitija migracionnoj politiki v SSSR: doklad. — M.: Izd-vo Mosk. gos. un-ta, 1982.
10. *Topilin A. V.* Rynok truda Rossii i stran SNG: realii i perspektivy razvitija. — M.: Jekonomika, 2004. — 321 s.
11. Uchet trudjashhihsja-jemigrantov i trudjashhihsja-immigrantov. URL: https://mvd.gov.by/ru/page/uchet-trudyashihsya-emigrantov-i-trudyashihsya-immigrantov/ (data obrashhenija: 28.10.2019).

МИЩУК Светлана Николаевна
к.э.н., ведущий научный сотрудник,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия;
ведущий научный сотрудник,
Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН,
Биробиджан, Россия.
E-mail: svetamic79@mail.ru

ОБЩАЯ ДИНАМИКА И РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В 2011–2019 гг.

Ключевые слова: безвозвратная миграция, трудовая миграция, Дальний Восток.

Код JEL: R23

Начиная с 1992 г. численность населения Дальнего Востока сокращается. За период с 2011 по 2017 г. общая убыль населения региона составила 101,4 тыс. человек. С учетом двух новых субъектов Дальнего Востока, численность его населения за 2018–2019 гг. сократилась на 26,7 тыс. человек. Миграционная убыль за весь рассматриваемый период достигла более 197 тыс. человек, однако положительный естественный прирост с 2012 по 2016 г. частично ее компенсировал. Анализ количественных показателей миграции в регионе в 2011 и 2017 гг. позволяет отметить сохранение относительно устойчивой ситуации, а именно показатели коэффициента прибытия и коэффициента выбытия сопоставимы и не имеют существенных различий (в 2017 г. 41,6 и 44,3 соответственно), коэффициент интенсивности миграционного оборота возрастает. В 2018 г. при учете показателей по ДВ в рамках девяти субъектов рассмотренные три показателя возрастали, что отражает увеличение миграционной активности в регионе. Включение статистических данных по двум новым регионам снижает показатели по ДВ в целом. В 2019 г. при снижении коэффициента интенсивности миграционного оборота улучшаются значения коэффициента миграционного прироста, коэффициентов эффективности и результативности миграции (табл. 1).

На ДВ сохраняется отрицательная нетто-миграция, которая формируется в результате положительного сальдо миграции с зарубежными странами и отрицательного значения сальдо миграции с другими регионами России (рис. 1). Положительное сальдо миграции обусловлено

большим числом прибытий из стран СНГ. В 2018 г. 80,9% иммигрантов прибыли из стран СНГ от общего числа зарубежных иммигрантов на ДВ, в числе зарубежных эмигрантов 70,6% выбыли в страны СНГ[1]. В 2019 г. число мигрантов, прибывших из-за рубежа, увеличилось на 73%, в том числе из стран СНГ рост составил 76%, из стран дальнего зарубежья 60% к уровню 2018 г.

Таблица 1

Коэффициенты миграции на Дальнем Востоке России, 2011, 2017–2019 гг.

Год	Коэффициент прибытия	Коэффициент выбытия	Относительное сальдо миграции	Коэффициент миграционного прироста	Коэффициент интенсивности миграционного оборота	Коэффициент эффективности миграции, %	Коэффициент результативности миграции населения
2011	29,9	32,7	91,3	–2,8	62,5	–4,5	1094,8
2017	41,6	44,3	93,7	–2,8	85,9	–3,2	1066,7
2018 (11 субъектов)	40,0	44,1	90,8	–4,0	84,1	–4,8	1100,9
2018 (9 субъектов)	41,9	45,4	92,4	–3,4	87,3	–3,9	1082
2019	40,5	41,8	96,9	–1,3	82,3	–1,6	1031,8

Источник: составлено автором по [Численность..., 2020].

Рис. 1. Структура нетто-миграции ДВ по направлениям, 2011–2019 гг.

[1] Показана доля иммигрантов в рамках 11 субъектов ДВ. Учет новых дальневосточных субъектов не меняет характеристику рассматриваемого соотношения.

Структура миграционного оборота по потокам миграции на ДВ в целом схожа с общероссийской ситуацией: преобладают миграционные потоки внутри регионов. Однако с 2011 по 2019 г. сокращается доля перемещений внутри Дальнего Востока и возрастает доля межрегиональных. В 2011 г. в структуре миграционного оборота доля внутрирегиональных потоков миграции составляла 57% среди прибывшего населения и 52,1% — в числе выбывшего населения. Доля миграционных потоков с другими регионами России по прибытию составляла 33,4%, по выбытию — 46,3%. Международный поток миграции по прибытию составлял 9,6% от общего числа прибывших мигрантов, по выбытию лишь 1,6% мигрантов направлялись за рубеж. В 2019 г. структура миграционного оборота изменилась: возросла доля зарубежных мигрантов (по прибытию рост составил 5,6 п.п., по выбытию — 8,6 п.п.) при снижении доли других потоков миграции (рис. 2).

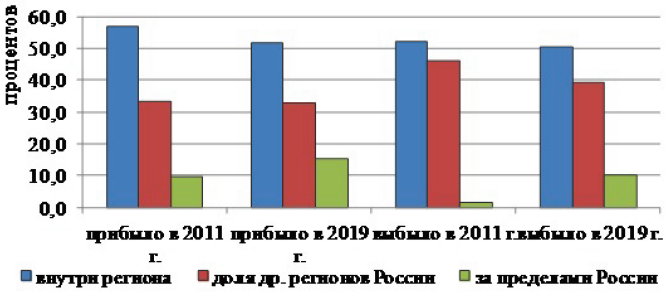

Рис. 2. Структура миграции по направлениям на ДВ России, 2011 г. и 2019 г.

Рассмотрим структуру миграции в рамках отдельных регионов ДВ.

В 2019 г. в семи регионах ДВ (Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Сахалинская область) максимальная доля мигрантов **по прибытию** зарегистрирована внутри региона. В четырех регионах (Камчатский край, Магаданская область, Еврейская автономная область и Чукотский автономный округ) выше доля мигрантов, прибывающих из других регионов. Абсолютными лидерами по данному показателю были Еврейская автономная область и Чукотский автономный округ. Максимальная доля прибывших мигрантов из стран СНГ в сравнении с другими регионами ДВ отмечалась в Камчатском крае и Сахалинской области (рис. 3).

В 2019 г. рост доли мигрантов, прибывающих из-за рубежа, связан с увеличением числа прибывших из стран СНГ. В разрезе регионов ДВ наиболее привлекательными являются северные территории. Коэффициент прибытия мигрантов из стран СНГ максимальный в Чукотским автономном округе, из стран дальнего зарубежья — в Приморском крае (рис. 4).

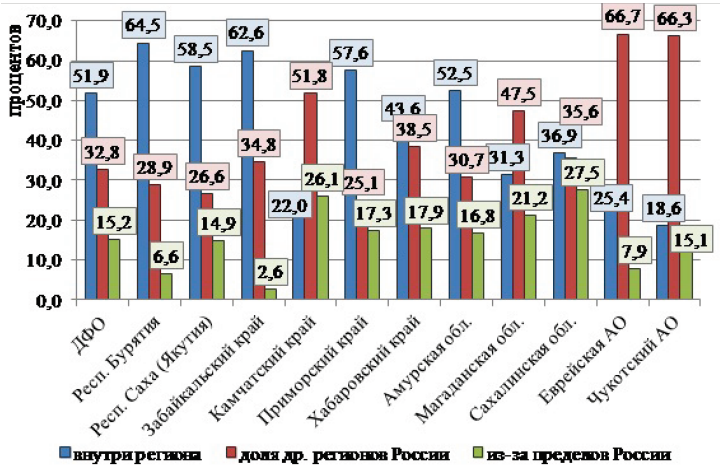

Рис. 3. Структура миграции в регионах ДВ по направлениям прибытия, 2019 г.

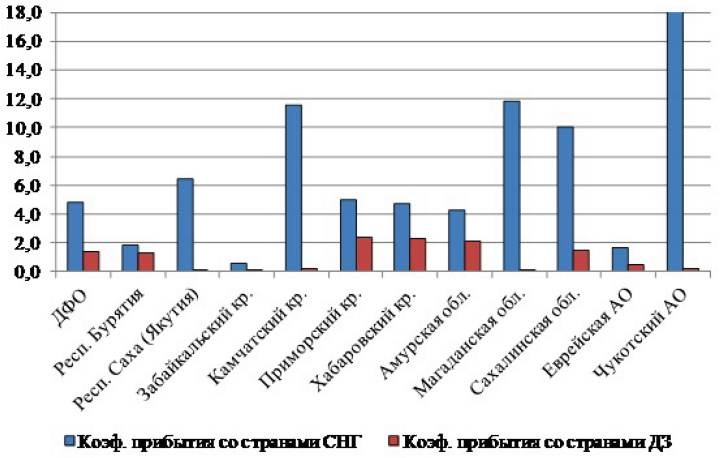

Рис. 4. Коэффициент прибытия с зарубежными странами, 2019 г.

В 2019 г. в пяти регионах ДВ (Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Приморский край, Амурская область) максимальная доля мигрантов **по выбытию** зарегистрирована внутри региона.

В шести регионах (Камчатский и Хабаровский края, Магаданская и Сахалинская области, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ) выше доля мигрантов, выбывающих в другие регионы России.

В Еврейской автономной области и Чукотском автономном округе отмечаются наиболее высокие значения доли мигрантов в рамках миграционного взаимодействия с другими регионами России (рис. 5). Вероятно, в Чукотском автономном округе данная ситуация объясняется большой долей мигрантов, работающих вахтовым методом. В ЕАО отмечается активное миграционное взаимодействие с Хабаровским краем.

Таким образом, в рамках безвозвратной миграции в 2019 г. увеличивается доля мигрантов, перемещающихся за пределами Дальнего Востока, в том числе и за рубежом. Относительные показатели миграции отражают снижение миграционной активности.

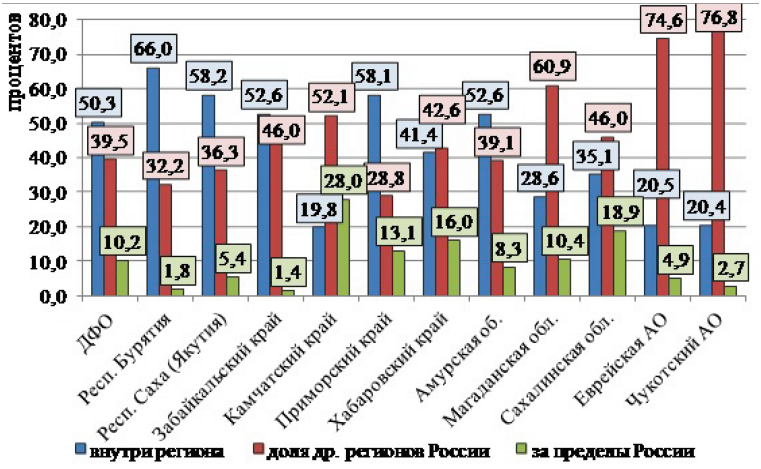

Рис. 5. Структура миграции в регионах ДВ по направлениям выбытия, 2019 г.

Внутренняя трудовая миграция является важным направлением стабилизации рынка труда региона. В 2019 г., как и в предыдущие годы, данная категория трудовых мигрантов обеспечивала основной прирост временных мигрантов на ДВ. Развитие новых проектов и отдельные отрасли промышленности на ДВ во многом ориентированы на российских специалистов. За период с 2011 по 2019 г. число прибывших внутренних мигрантов возросло с 40,9 до 101,4 тыс. человек (в рамках старого состава ДВ) и 110,4 тыс. человек с учетом двух новых субъектов ДВ, число выбывших — колеблется в пределах 28–29 тыс. человек ежегодно, с учетом числа мигрантов из Республики Бурятия и Забайкальского края показатель увеличился. Во всех регионах Дальнего Востока возрастает число трудовых мигрантов, прибывших из других регионов России, при сохранении стабильного числа мигрантов, выбывающих для работы за пределы Дальнего Востока (рис. 6).

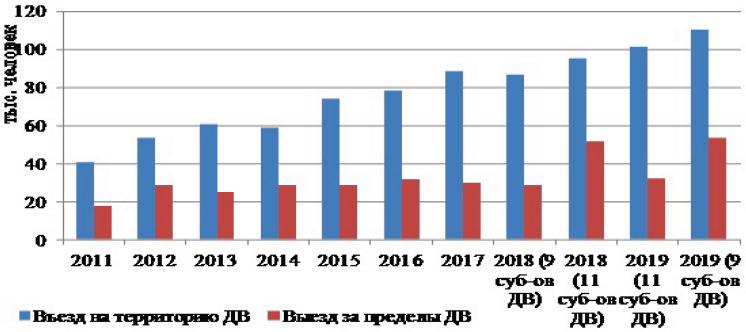

Рис. 6. Число внутренних трудовых мигрантов на Дальнем Востоке по направлениям, тыс. человек

За период с 2011 по 2019 г. происходит изменение структуры и регионального распределения потоков внешних трудовых мигрантов на ДВ: с одной стороны, меняется соотношение числа мигрантов, прибывающих из стран с визовым и безвизовым режимом. С другой стороны, при сохранении Приморским краем лидирующих позиций по числу внешних трудовых мигрантов возрастает доля Амурской области, что объясняется реализацией на ее территории крупных инвестиционных проектов.

Таким образом, анализ миграционных процессов на ДВ России во втором десятилетии XXI в. показал уменьшение оттока постоянного населения, рост числа мигрантов, перемещающихся за пределами Дальнего Востока, рост числа внутренних трудовых мигрантов, прибывающих из других регионов России.

Список литературы

1. Численность и миграция населения РФ в 2019 году // Росстат. Официальный сайт. URL: https://www.gks.ru/compendium/document/13283 (дата обращения: 23.07.2020).

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Chislennost' i migracija naselenija RF v 2019 godu // Rosstat: oficial'nyj sajt. URL: https://www.gks.ru/compendium/document/13283 (data obrashhenija: 23.07.2020).

ОКСИНЕНКО Валерия Геннадьевна
аспирант,
экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова,
кафедра народонаселения,
Москва, Россия.
E-mail: leraoksinenko@gmail.com

МИГРАЦИОННЫЕ НАМЕРЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВЫПУСКНЫХ КУРСОВ МЕДИЦИНСКИХ ВУЗОВ РОССИИ И НЕКОТОРЫХ СТРАН СНГ[1]

Ключевые слова: миграция медицинских работников, миграция выпускников, миграционные установки выпускников вузов, миграционная политика.

Коды JEL: I18, J62, J68

Дефицит молодых медицинских кадров в России является давней и острой проблемой, решение которой даже в частичном объеме невозможно без учета целого комплекса факторов. В 2012 г. была запущена программа «Земский доктор», благодаря которой на начало 2019 г. в населенные пункты с численностью населения не более 50 тыс. человек было привлечено в общей сложности 29 тыс. врачей [Чем обернется Путинская...]. Тем не менее дефицит медицинских кадров все еще сохраняется, а сами медики по-прежнему демонстрируют неудовлетворенность уровнем заработной платы, качеством медицинского оборудования и помещений больницы. Таким образом, необходимость продолжения государственного содействия регионам в части улучшения условий для привлечения медицинских работников сохраняется.

Целью проведения данного исследования является выявление факторов, определяющих принятие решения о миграции выпускниками медицинских учебных заведений, с целью их использования при формулировке и реализации мер воздействия на привлекательность возвращения выпускников в родные населенные пункты. Важно отметить, что в исследовании при этом не проводится различие между внутренней и международной миграцией; акцент делается на нежелании выпускника возвращаться в родной город в целом. Для этого решаются следующие задачи:

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00670\20 «Оценка результатов реализации миграционной политики Российской Федерации и предложения по ее модернизации в новых экономических и геополитических условиях».

1) выявление факторов, определяющих формирование миграционных установок выпускников медицинских и немедицинских специальностей на основе анализа мировой и российской академической литературы;
2) выявление факторов, определяющих миграционные установки выпускников вузов РФ и других стран СНГ (на примере Молдавии, Кыргызстана и Таджикистана);
3) выявление отличий миграционных установок выпускников вузов по медицинским специальностям от студентов других направлений и причин их возникновения;
4) эмпирический анализ результатов обследования выпускников медицинских и немедицинских специальностей в России и странах СНГ позволил определить выпускников медицинских факультетов как однородную группу, обладающую сходными миграционными установками и относительно слабой дисперсией оценок влияния на эти установки различных факторов.

Актуальность исследования подтверждается не только нерешенностью затрагиваемого вопроса в России, но и вниманием к нему в академической литературе. Современные зарубежные исследователи обращают внимание на социальные аспекты миграции молодых кадров [Dustmann and Glitz 2011; Faggian and McCann 2009; Fargues 2019; Heckert 2015; Jenny 2013; Kerr et al. 2016; Rérat 2014; Wu and Wilkes 2017]. В отечественной литературе особый акцент делается на анализе мер социальной и экономической политики [Чудиновских, Денисенко, Донец, 2003; Кашницкий, 2013; Варшавская, Чудиновских, 2014; Денисенко, Чудиновских, 2015]. Вопрос миграции медицинских кадров рассматривается отдельно, зачастую в контексте политики удержания, как зарубежными исследователями [Aronson 2011; Boncea 2015; Perry and Clark 2012; Ramos and Alves 2017; Rose and Janse Van Rensburg-Bonthuyzen 2015; Verma et al. 2016], так и отечественными [Денисенко, Чудиновских, 2015; Тарасенко, Хорева, 2016].

В качестве эмпирической базы для анализа используется первичная информация, собранная в результате проведения обследования учащихся выпускных курсов, выполненного при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ «Оценка миграционного потенциала студентов выпускных курсов высших учебных заведений стран СНГ» (далее — Обследование). В ходе Обследования в России было опрошено 6720 студентов из 29 вузов, в том числе 1954 респондента из учебных заведений медицинского профиля[1] (всего из 9). 164 студента (около 2,5% от числа

[1] Обследование в медицинских вузах Российской Федерации проводилось при организационной поддержке ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения» Министерства здравоохранения Российской Федерации.

опрошенных) приехали на обучение в Россию из-за рубежа. На территории других стран СНГ в исследовании приняли участие 648 студентов, в том числе в Таджикском государственном медицинском университете — 150, в Киргизско-Российском славянском университете — 60 и в Молдавском государственном университете медицины и фармации — 438 студентов.

Работа с материалами Обследования предполагала как дескриптивный анализ (с построением перекрестных таблиц с наиболее интересными и значимыми распределениями), так и регрессионный анализ, в ходе которого проверялись две ключевые гипотезы. Первая касалась студентов всех специальностей и была связана с фактором уровня социально-экономического развития родного населенного пункта выпускника: чем хуже перспективы выпускника в отношении оплаты труда, тем ниже его шансы на возвращение. Вторая гипотеза была связана с отличительными особенностями студентов-медиков: для них влияние всех факторов, в особенности тех, что вносят положительный вклад в принятие решения о возвращении, является более сильным, чем для всей совокупности студентов. Обе гипотезы подтвердились в результате проведения регрессионного анализа.

В ходе дескриптивного и регрессионного анализа поставленные в начале работы задачи были решены со следующими результатами:

1) опыт проведения исследований процессов и причин внешней и внутренней миграции (взятых в совокупности) выпускников вузов свидетельствует о многофакторности данного процесса, при этом более значимую роль играют экономические факторы;
2) выпускники российских вузов в целом выражают готовность к возвращению к месту прежнего проживания по окончании учебы в меньшинстве случаев, причем зачастую такие решения носят вынужденный характер (обучение в рамках целевого набора);
3) выпускники медицинских специальностей демонстрируют большую осознанность в выборе направления обучения и, следовательно, большую готовность работать в дальнейшем по полученной специальности, при этом при принятии решения о переезде они оказываются менее подвержены влиянию экономических факторов в сравнении со студентами прочих специальностей; при этом для студентов-медиков оказываются более значимыми факторы социального характера.

Следует отметить, что рассматриваемое в литературе ключевое влияние уровня развития родного региона студента на вероятность его возвращения проявляется в России более значимо в силу сильной экономической дифференциации регионов, поэтому для анализа влияния этого фактора необходимо проведение дополнительных исследований. Студенты-медики также подвержены влиянию данного дисбаланса, однако менее чувстви-

тельны к нему, и можно предположить, что в этом контексте улучшение условий работы в городах, не являющихся центрами регионов, окажет значимый эффект и приведет к повышению «оседания» молодых врачей в родных населенных пунктах. Значимость же социальных факторов для данной группы выпускников потенциально означает, что именно данный канал (повышение престижа профессии в общественном сознании, рост социальных льгот) способен также положительно повлиять не только на более равномерное распределение медиков по регионам, но и рост их численности в целом.

Список литературы

1. *Варшавская Е. Я., Чудиновских О. С.* Миграционные планы выпускников региональных вузов России // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика (3). — 2014. — С. 36–58.
2. *Денисенко М. Б., Чудиновских О. С.* К вопросу об организации миграции медицинских работников // Современные исследования миграции населения: сборник статей / под ред. Е. В. Донец, О. С. Чудиновских, серия Демографические исследования. — 2015. — Том 25. — С. 31–49.
3. *Кашницкий И. С.* Миграция молодежи в России: влияние на возрастные структуры // Современные исследования миграции населения: сборник статей / под ред. Е. В. Донец, О. С. Чудиновских. — 2013. — С. 79–93.
4. *Тарасенко Е. А., Хорева О. Б.* Экономическое стимулирование для устранения дефицита медицинских кадров в сельских территориях // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2016. — (4). — С. 117–142.
5. *Чудиновских О. С., Денисенко М. Б., Донец Е. В.* Миграционные намерения выпускников российских высших учебных заведений (Методика проведения и основные результаты выборочного обследования). — М.: МАКС-Пресс, 2003. — 76 с.
6. *Aronson J. K.* How to Attract, Retain and Nurture Young Academic Clinicians // Journal of the Royal Society of Medicine. — 2011. — 104(1). — P. 6–14.
7. *Boncea I.* Brain Drain or Circular Migration: The Case of Romanian Physicians // Procedia Economics and Finance. — 2015. — Vol. 32. — P. 649–656.
8. *Dustmann Ch., Glitz A.* Migration and Education // Handbook of the Economics of Education. — 2011. — Vol. 4. — P. 327–439.
9. *Faggian A., McCann P.* Human Capital, Graduate Migration and Innovation in British Regions // Cambridge Journal of Economics. — 2009. — 33(2). — P. 317–333.
10. *Fargues Ph.* International Migration and Education — A Web of Mutual Causation // Global Education Monitoring Report. — 2019. — 41 p.
11. *Heckert J.* New Perspective on Youth Migration: Motives and Family Investment Patterns // Demographic Research. — 2015. — 33(1). — P. 765–800.
12. *Kerr S. P., Kerr W., Özden Ç., Parsons Ch.* American Economic Association Global Talent Flows Global Talent Flows // The Journal of Economic Perspectives. — 2016. — 30(4). — P. 83–106.

13. *McGill J.* International Student Migration: Outcomes and Implications // Journal of International Students. — 2013. — 3(2). — P. 167–181.
14. *Perry J. J., Clark Ch.* Medical Malpractice Liability and Physician Migration // Business Economics. — 2012. — 47. — P. 202–213.
15. *Ramos P., Alves H.* Migration Intentions among Portuguese Junior Doctors: Results from a Survey // Health Policy. — 2017. — 121. — P. 1208–1214.
16. *Rérat P.* Highly Qualified Rural Youth: Why Do Young Graduates Return to Their Home Region? // Children's Geographies. — 2014. — 12(1). — p. 70–86.
17. *Rose A., Van Rensburg-Bonthuyzen E. J.* The factors that attract healthcare professionals to and retain them in rural areas in South Africa // South Africa, South African Family Practice. — 2015. — 57(1). — P. 44–49.
18. *Verma P., Ford J., Stuart A., Howe A., Everington S., Steel N.* A Systematic Review of Strategies to Recruit and Retain Primary Care Doctors // BMC Health Services Research. — 2016. — 16(1). — 25 p.
19. *Wu C., Wilkes R.* International Students' Post-Graduation Migration Plans and the Search for Home // Geoforum. — 2017. — 80. — P. 123–32.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Varshavskaja E. Ja., Chudinovskih O. S.* Migracionnye plany vypusknikov regional'nyh vuzov Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 6: Jekonomika. — 2014. — (3). — S. 36–58.
2. *Denisenko M. B., Chudinovskih O. S.* K voprosu ob organizacii migracii medicinskih rabotnikov // Sovremennye issledovanija migracii naselenija: sbornik statej / pod red. E. V. Donec, O. S. Chudinovskih, serija Demograficheskie issledovanija. — 2015. — Tom 25. — S. 31–49.
3. *Kashnickij, I. S.* Migracija molodjozhi v Rossii: vlijanie na vozrastnye struktury // Sovremennye issledovanija migracii naselenija: sbornik statej / pod red. E. V. Donec, O. S. Chudinovskih. — 2013. — S. 79–93.
4. *Tarasenko E A, Horeva O. B.* Jekonomicheskoe stimulirovanie dlja ustranenija deficita medicinskih kadrov v sel'skih territorijah // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija. — 2016. — (4). — S. 117–142.
5. *Chudinovskih O. S., Denisenko M. B., Donec E. V.* Migracionnye namerenija vypusknikov rossijskih vysshih uchebnyh zavedenij (Metodika provedenija i osnovnye rezul'taty vyborochnogo obsledovanija). — M.: MAKS-Press, 2003. — 76 s.

ПЕТРАКОВА Юлия Николаевна
Институт экономики НАН Беларуси,
Минск, Беларусь.
E-mail: petra13@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ключевые слова: миграционная политика, концепция управления миграцией, индикаторы управления миграцией.

Коды JEL: O15, J18

Содействие безопасной, упорядоченной и законной миграции при одновременном сокращении стимулов для незаконной миграции является наиболее продуктивным способом использования потенциала миграции для устойчивого развития. Беларусь как страна, вовлеченная во все глобальные процессы, не может игнорировать мировые тенденции управления миграционной сферой. Существующая в Республике Беларусь миграционная ситуация сложилась в результате сочетания индивидуальных особенностей развития страны и конфигурации региональных миграционных систем. В дальнейшем эффективность управления миграционными потоками будет зависеть от формирования миграционной политики, ориентированной на международное взаимодействие, значит, необходимо совершенствование инструментов управления миграцией в соответствии с международными нормами. В 2015 г. Международной организацией по миграции в контексте достижения целей устойчивого развития была разработана Концепция управления миграцией (MiGOF) как способ определения достоинств и недостатков национальной миграционной политики стран мира.

В данной статье рассматриваются инструменты регулирования миграционных процессов в Республике Беларусь с позиции Концепции управления миграцией, что дает возможность определить достоинства существующей миграционной политики и выделить направления ее совершенствования. В соответствии с целями и приоритетами Концепции управления миграцией инструменты регулирования миграционных процессов в Республике Беларусь рассматриваются с позиции шести сфер управления миграцией.

1. Соблюдение международных стандартов и реализация прав мигрантов. Показатели в этой сфере оценивают степень доступа мигрантов по сравнению с гражданами страны к базовым социальным услугам, таким как здра-

воохранение, образование и социальное обеспечение; описываются права мигрантов на воссоединение семьи, на работу, на проживание и гражданство; перечислены основные ратифицированные международные конвенции в сфере миграции.

В соответствии с международными стандартами Республика Беларусь ратифицировала ряд основополагающих международных документов в сфере управления миграцией. Среди семи целевых законодательных актов Беларусь присоединилась к Конвенции 1951 г. о статусе беженцев и Протоколу 1967 г. к ней (2001 г.), Конвенции о правах ребенка 1989 г. (1990 г.). Наряду с большинством стран мира в Беларуси остаются нератифицированными Конвенция о трудящихся-мигрантах (№ 97) 1949 г., Конвенция о статусе апатридов 1954 г., Конвенция о сокращении безгражданства 1961 г., Конвенция МОТ 1975 г. о трудящихся-мигрантах (№ 143), Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г.

Иностранным гражданам, желающим приобрести статус постоянно проживающих, необходимо непрерывно проживать на территории Республики Беларусь в течении семи лет, однако согласно действующему законодательству существует ряд облегченных условий получения постоянного вида на жительство для отдельных категорий иностранцев. Так, иностранцы, которые имеют право на воссоединение семьи, получают постоянный вид на жительство без учета времени непрерывного проживания на территории Республики Беларусь. Право на воссоединение семьи имеют иностранные граждане, состоящие в близком родстве с гражданином РБ или иностранцем, постоянно проживающим на территории РБ.

В соответствии с Законом Республики Беларусь «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» иммигранты, в том числе вынужденные, постоянно проживающие в Республике Беларусь, имеют право на доступное образование и медицинское обслуживание, социальную защиту и пенсионное обеспечение наравне с гражданами Республики Беларусь. Несовершеннолетние иностранцы, временно проживающие в Республике Беларусь, имеют право на дошкольное, общее среднее и специальное образование наравне с несовершеннолетними гражданами Республики Беларусь. Иностранные граждане и лица без гражданства, временно пребывающие или временно проживающие в Республике Беларусь, имеют право на доступное медицинское обслуживание за счет собственных средств.

Постоянно проживающие в Республике Беларусь иностранцы имеют право заниматься трудовой и предпринимательской деятельностью наравне с гражданами Республики Беларусь. Порядок занятия трудовой деятельностью иностранцами, временно пребывающими и временно проживающими в Республике Беларусь, определяется специальными законода-

тельными актами Республики Беларусь, в частности Законом «О внешней трудовой миграции», в соответствии с которым иностранец, не имеющий разрешения на постоянное проживание, должен получить специальное разрешение на право занятия трудовой деятельностью в Республике Беларусь, которое выдается по ходатайству нанимателя.

Временные эмигранты из Беларуси являются довольно уязвимыми в части социальной защиты и социального обеспечения. С 1992 г. действует соглашение в сфере пенсионного обеспечения между государствами СНГ, а также создание Союзного государства обеспечило равные права и возможности для граждан России и Беларуси. При этом длительное время у Беларуси было лишь три подписанных договора в области социального обеспечения: с Литвой в 1999 г., Россией в 2007 г. и Латвией в 2008 г. В 2014 г. Беларусь подписала двустороннее соглашение о пенсионном обеспечении с Азербайджаном, в 2018 г. о пенсионном обеспечении с Чехией и о социальном обеспечении с Эстонией, в 2019 г. — о социальном обеспечении с Польшей.

Направления, требующие совершенствования

Иностранцы, временно проживающие на территории Республики Беларусь, не имеют доступа к бесплатному медицинскому обслуживанию.

Иностранцы не могут избирать и быть избранными в выборные государственные органы, принимать участие в референдумах, быть членами политических партий и иных общественных объединений, созданных и действующих на территории Республики Беларусь, преследующих политические цели.

Не определены социальные гарантии трудящихся мигрантов в рамках ЕАЭС, так как не подписано Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов Евразийского экономического союза.

В последние годы направление трудовой эмиграции белорусов меняется с востока на запад, однако лишь с некоторыми странами ЕС подписаны двусторонние соглашения, что ставит белорусских трудящихся-мигрантов в уязвимое положение на рынке труда большинства стран региона.

2. Формирование политики на основе фактических данных в соответствии с принципом межведомственного взаимодействия. Показатели в этой сфере оценивают институциональную, правовую и нормативную базу страны, связанную с миграционной политикой; рассматривается существование национальных миграционных стратегий, соответствующих устойчивому развитию, а также институциональная прозрачность и согласованность в отношении управления миграцией; исследуется уровень сбора и использования миграционных данных.

На институциональном уровне в Беларуси существует ряд правительственных структур, отвечающих за разработку и реализацию миграционной политики. Ведущим учреждением является Департамент по граж-

данству и миграции Министерства внутренних дел, который координирует большинство действий, связанных с миграцией. Министерство труда и социальной защиты отвечает за внешнюю трудовую миграцию в соответствии с интересами национального рынка труда. Министерство иностранных дел координирует деятельность по взаимодействию с диаспорой.

Нормативно-правовой базой регулирования миграционных процессов служат законы «О гражданстве Республики Беларусь», «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь», «О внешней трудовой миграции», «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной защиты, убежища и временной защиты в Республике Беларусь».

Регулирование миграционных процессов осуществляется посредством миграционного законодательства в рамках различных программ социально-экономического развития Республики Беларусь. Среди основных программ, в которых прописаны отдельные аспекты управления миграцией, выделяются «Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г.», «Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг.», Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 гг., Государственная программа «О социальной защите и содействии занятости на 2016–2020 гг.».

Основными агентствами, собирающими данные о миграции в Республике Беларусь, являются Национальный статистический комитет, Министерство внутренних дел, Государственный пограничный комитет Республики Беларусь, Министерство образования собирает данные об иностранных студентах.

Направления, требующие совершенствования

Несмотря на высокий уровень разработки существующей нормативно-правовой базы, в Республике Беларусь отсутствует Концепция миграционной политики и Комплексная целевая программа (существовала в период с 2001 по 2010 г.), соответственно не разработан единый инструментарий регулирования миграционных процессов. Работа над обоснованием Концепции миграционной политики ведется в настоящий момент, и, возможно, сама Концепция будет принята в 2020 г., однако это не решает вопроса согласованности межведомственного взаимодействия. Хотя некоторые межведомственные координационные совещания проводятся, это не происходит на регулярной основе, и результаты этих обсуждений не являются легкодоступными для широкой общественности или экспертов.

В соответствии с официальными статистическими данными Беларусь является страной иммиграции, и в настоящее время в стране не в полной мере проработано законодательство, регулирующее эмиграцию. Со-

ответственно не разрабатывается законодательство по взаимодействию с диаспорой.

3. Взаимодействие с партнерами для решения вопросов миграции и связанных с ней проблем. Данная сфера сосредоточена на усилиях страны по сотрудничеству с другими государствами и соответствующими неправительственными субъектами, включая организации гражданского общества и частный сектор по вопросам, связанным с миграцией.

Беларусь является членом Международной организации по миграции (МОМ), Управления верховного комиссара по делам беженцев ООН (УВКБ ООН), Международной организации труда (МОТ). Беларусь — участник Глобального форума по миграции и развитию (GFMD) и Глобального подхода к миграции и мобильности (GAMM), Панели Восточного партнерства по миграции, мобильности и интегрированному управлению границами. Среди международных многосторонних договоров подписаны Совместная декларация о партнерстве в сфере мобильности между Республикой Беларусь, Европейским союзом и участвующими в партнерстве государствами — членами ЕС, Соглашение (государств — участников СНГ) о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов.

Кроме международного партнерства, государственные органы Республики Беларусь взаимодействуют с представителями гражданского общества по вопросам миграции. Основными аспектами взаимодействия являются помощь вынужденным мигрантам и жертвам незаконной миграции. Среди организаций выделяются Белорусское общество Красного Креста (оказывает медицинскую и гуманитарную помощь беженцам и гражданам Беларуси, которые находятся за рубежом и нуждаются в помощи, проводит образовательные программы, выступает как посредник между беженцами и государственными учреждениями), Служба по консультированию беженцев Белорусского движения медработников (проводит бесплатные консультации для беженцев по юридическим вопросам), программа «Ла Страда» (противодействие торговле людьми и консультирование по безопасному выезду за рубеж, помощь пострадавшим).

Направления, требующие совершенствования

В целях совершенствования регулирования трудовой миграции и организации системы защиты прав трудящихся-мигрантов в Беларуси рекомендуются законодательные и институциональные изменения, а также развитие межведомственного и международного сотрудничества.

Участие частного сектора и организаций гражданского общества в разработке политики, связанной с миграцией, остается ограниченным и нерегулярным. Недостаточный доступ к информации у представителей данных организаций снижает их заинтересованность во взаимодействии с государственными органами по вопросам миграции и ограничивает сферу

их интересов узким направлением в виде помощи вынужденным мигрантам и жертвам торговли людьми.

4. Повышение социально-экономического благополучия мигрантов и общества. Эта сфера включает показатели политики страны в области управления социально-экономическим благосостоянием мигрантов посредством таких аспектов, как признание образовательной и профессиональной квалификации мигрантов, положения, регулирующие миграцию студентов, наличие двусторонних трудовых соглашений между странами. Кроме того, рассматривается политика и стратегии, связанные с вовлечением диаспоры и денежными переводами мигрантов.

Республика Беларусь гарантирует защиту прав и свобод трудящихся-мигрантов в соответствии с ее Конституцией, законами и международными соглашениями. Кроме того, между Республикой Беларусь и рядом стран (в первую очередь СНГ) заключены двусторонние соглашения о трудовой деятельности и социальной защите трудящихся мигрантов [Денисенко, 2013]. Важным событием в плане мобильности рабочей силы стало вступление Беларуси в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и доступ к общему рынку труда Российской Федерации, Казахстана, Кыргызской Республики и Армении. Как член ЕАЭС Беларусь признает документы о квалификации, выданные и другими государствами-членами.

С учетом государственных интересов и ситуации на рынке труда Совет Министров Республики Беларусь может устанавливать квоты на привлечение в Республику Беларусь иностранной рабочей силы. С 2016 г. для создания условий по привлечению в страну высококвалифицированных специалистов, для трудоустройства данной категории иностранцев не требуется разрешения на привлечение иностранной рабочей силы, а резидентам ПВТ при приеме на работу иностранных граждан не требуется и получение специальных разрешений на право занятия трудовой деятельностью в Республике Беларусь.

Иностранным студентам, получающим образование в Республике Беларусь, предоставлена возможность трудоустраиваться по получаемой специальности во время обучения либо в течение одного года после окончания обучения на таких же правах, как и гражданам Беларуси, что позволяет увеличить численность высококвалифицированных специалистов за счет иностранных студентов.

В 2014 г. принят Закон «О белорусах зарубежья» и функционирует Консультативный совет при Министерстве иностранных дел Республики Беларусь по делам белорусов зарубежья, участники которого согласовывают совместные шаги по развитию партнерства государства и диаспоры.

Направления, требующие совершенствования

Взаимодействие с диаспорой ограничивается культурным обменом, необходимо усиливать сотрудничество с соотечественниками, привле-

кать экономический и интеллектуальный потенциал белорусов зарубежья для обогащения национальной экономики. Вопросы сотрудничества с белорусскими диаспорами сегодня регулируются фрагментарно в отдельных нормативных правовых актах Республики Беларусь различного уровня. В отличие от России в Беларуси отсутствует единый законодательный акт, определяющий категории лиц, относящихся к белорусским соотечественникам, комплексно и системно регламентирующий основы государственной политики Республики Беларусь в этой области. Отсутствие этого базового закона сдерживает развитие потока в Беларусь высококвалифицированных специалистов-соотечественников из стран СНГ и стран дальнего зарубежья, а также процесс формирования в зарубежных странах сильной белорусской диаспоры, способной эффективно лоббировать белорусские национальные интересы.

Отсутствие программ по интеграции мигрантов в белорусское общество.

Защита прав белорусских граждан, работающих за границей, не является политическим приоритетом, и, кроме консульской помощи, не существует конкретных механизмов защиты прав белорусских трудящихся-мигрантов за рубежом.

5. Эффективное решение проблем миграции в условиях кризисов. В этой сфере изучается уровень готовности страны к вынужденной миграции, связанной с бедствиями, экологическими катастрофами, конфликтами; оценивается доступ к гуманитарной помощи мигрантов в сравнении с гражданами страны.

В кризисных ситуациях в белорусском законодательстве закреплено право на гуманитарную помощь и доступ к экстренным службам для всех иммигрантов, независимо от их правового статуса.

В соответствии с законодательством иностранным гражданам, подвергающимся гонениям в стране гражданства, предоставляется статус беженца, дополнительной защиты, убежища и временной защиты. Своевременно подписанный указ «О пребывании граждан Украины в Республике Беларусь» облегчил для граждан Украины из Луганской и Донецкой областей ряд процедур, связанных с получением разрешения на временное/постоянное проживание, правом на получение дошкольного, общего и специального среднего образования, изменил порядок выдачи гражданам Украины разрешений на право занятия трудовой деятельностью.

Направления, требующие совершенствования

Не разработана стратегия по регулированию внезапных миграционных потоков (особенно крупномасштабных), возникших в результате природных или техногенных катастроф, а также помощи мигрантам в кризисных и посткризисных ситуациях.

Не проработан механизм регулирования возвращения эмигрантов, покинувших страну в результате кризисных явлений.

6. Гарантия безопасной, упорядоченной и регулируемой миграции. В данной сфере анализируется подход страны к управлению миграцией с точки зрения политики пограничного контроля и правоприменения, критериев приема мигрантов, уровня готовности к приему многочисленного и незапланированного потока мигрантов, а также борьбы с торговлей людьми и незаконным ввозом мигрантов; оцениваются усилия и стимулы по интеграции реэмигрантов.

Контроль за границами государства осуществляет Государственный пограничный комитет, который успешно борется с незаконным транзитом и пересечением границ Республики Беларусь. С 2018 г. при финансовой поддержке ЕС реализуется проект «Содействие Республике Беларусь в решении вопросов, связанных с увеличением количества нерегулярных мигрантов».

Важным аспектом двустороннего сотрудничества в борьбе с незаконной миграцией является соглашение о реадмиссии лиц, пребывающих без разрешения. Относительно недавно Беларусь подписала такие соглашения с Россией и Украиной, на последней стадии переговоров находится Соглашение о реадмиссии с ЕС. После вступления соглашения в силу Беларусь, как и Евросоюз, должна будет осуществлять реадмиссию (обратный прием на свою территорию) собственных граждан, граждан третьих государств и лиц без гражданства, которые не соответствуют либо перестали соответствовать критериям легальности на территориях друг друга.

На сайте Министерства иностранных дел предоставлена подробная информация о порядке оформления и типах виз, режимах пребывания иностранных граждан на территории Республики Беларусь. С начала 2019 г. иностранные граждане, временно пребывающие в Беларуси, могут зарегистрироваться на сайте единого портала электронных услуг без необходимости посещения местного отделения милиции.

Отдельным важным аспектом безопасной миграции является трафикинг и борьба с ним на уровне государства. Республика Беларусь выступает инициатором активизации международных усилий по борьбе с торговлей людьми, довольно успешно борется с данным явлением посредством усовершенствования законодательства, заключения двусторонних соглашений, подписания и имплементации всех основных международных правовых инструментов в данной сфере. К ним относят в первую очередь Конвенцию о рабстве, Конвенцию о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами, Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми. Действует Закон Республики

Беларусь «О противодействии торговле людьми», определены меры по защите и реабилитации жертв. В стране реализуется Государственная программа по борьбе с преступностью и коррупцией на 2017–2019 гг., в которой особый акцент сделан на предупреждении торговли людьми, защите и реабилитации жертв. Для повышения безопасности граждан, выезжающих за рубеж с целью трудоустройства, все фирмы, которые занимаются трудоустройством белорусских граждан за рубежом, должны иметь лицензию на осуществление деятельности, связанной с трудоустройством граждан за пределами Беларуси. Лицензию выдает Департамент по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь, там же можно посмотреть список действующих фирм.

Направления, требующие совершенствования

Для получения белорусского гражданства иностранцам необходимо предоставить письменное уведомление об отказе от предыдущего гражданства. Данная бюрократическая процедура сокращает численность потенциальных граждан Беларуси.

В Беларуси нет политики, стимулирующей возвращение граждан, проживающих за рубежом. Аналогичным образом, не существует программ реинтеграции для мигрантов, желающих вернуться в Беларусь.

В Беларуси нет отдельных изоляторов для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства в случае нарушения ими миграционного законодательства — их удерживают в изоляторах временного содержания в условиях, которые не рассчитаны на продолжительное содержание [Барановская, 2018]. В данных изоляторах в том числе содержат лиц, которые ходатайствуют о защите государства.

Таким образом, в Республике Беларусь реализуется миграционная политика, которая охватывает все сферы управления миграцией, однако существует ряд направлений, требующих совершенствования. Наиболее значимыми из которых является утверждение на законодательном уровне Концепции миграционной политики и формирование единого национального центра изучения миграционных процессов, аккумулирующего и координирующего все научные и правовые изыскания в сфере управления миграцией.

Список литературы

1. *Барановская А.* и др. Вынужденная миграция в Беларуси. Аналитическая записка, 2018. URL: https://humanconstanta.by/vynuzhdennaya-migraciya-v-belarusi/
2. *Денисенко М. А.* Правовое положение трудящихся-иммигрантов в Республике Беларусь // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права: сб. науч. тр. — Вып. 5. — Минск, 2013. — С. 154–186.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Baranovskaja A.* i dr. Vynuzhdennaja migracija v Belarusi. Analiticheskaja zapiska, 2018. URL: https://humanconstanta.by/vynuzhdennaya-migraciya-v-belarusi/
2. *Denisenko M. A.* Pravovoe polozhenie trudjashhihsja-immigrantov v Respublike Belarus' // Aktual'nye problemy mezhdunarodnogo publichnogo i mezhdunarodnogo chastnogo prava: sb. nauch. tr. — Vyp. 5. — Minsk, 2013. — S. 154–186.

ПИНЯЗИК Валентина Николаевна
к.э.н., доцент, зам. директора по научной работе,
НИИ труда Министерства труда и социальной защиты
Республики Беларусь,
Минск, Беларусь.
E-mail: pinyazik@rambler.ru

ВНЕШНЯЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ключевые слова: трудовая миграция, рынок труда, спрос на рабочую силу.

Коды JEL: J20, J23, J61

В современных социально-экономических условиях действие факторов развития национального рынка труда характеризуется их разнообразием, масштабностью и сложностью. Ключевыми среди них являются демографические и экономические факторы, действующие как внутренние факторы рынка труда и оказывающие влияние на его стабильность, защищенность, эффективность, соответствие запросам экономики, способность к развитию.

Не менее важной движущей силой выступает внешняя трудовая миграция, представляющая собой для национального рынка труда основной внешний фактор.

В последние годы в условиях глобализации укрепление тесноты и усиление взаимосвязей внутренних и внешних факторов уже не вызывали сомнений среди ученых и специалистов. Однако в настоящее время в условиях пандемии, обусловленной распространением коронавирусной инфекции, трудовая миграция требует нового осмысления и более глубокого изучения в контексте взаимосвязи факторов рынка труда.

Связь внешней трудовой миграции и демографических факторов наиболее очевидна в условиях снижения в стране численности трудовых ресурсов, в том числе численности трудоспособного населения в трудоспособном возрасте. Так, в Республике Беларусь за последние 10 лет сократилась не только доля трудовых ресурсов в численности населения (с 64,0% в 2009 г. до 60,4% в 2018 г.), но и удельный вес в численности трудовых ресурсов трудоспособного населения в трудоспособном возрасте (с 95,0% в 2009 г. до 93,6% в 2018 г.).

Главной демографической причиной складывающегося дефицита трудовых ресурсов выступают демографические изменения и в первую очередь старение населения. Увеличение пенсионного возраста в стране, начатое в 2017 г., смягчает в настоящее время проблему дефицита трудовых ресурсов лишь частично, в связи с чем потребность в трудящихся-мигрантах сохраняется. Это обусловливается разными обстоятельствами, главным образом спросом на труд в отдельных видах экономической деятельности, по отдельным профессиям (должностям), а также в отдельных регионах страны.

Как известно, увеличение притока внешних мигрантов считается позитивным для национального рынка труда, если не способствует увеличению эмиграции из страны собственных работников. Исходя из интересов национального рынка труда идеальными, в том числе и для Беларуси, следует считать тенденции, когда выезд трудящихся-мигрантов сокращается, а въезд увеличивается в пределах, необходимых для устойчивости рынка труда и сохранения трудового потенциала страны.

В значительной степени масштабы миграционных потоков связаны с действием экономических факторов. Исследование динамики показателей, характеризующих миграционные процессы и такие экономические показатели, как ВВП, располагаемые денежные доходы населения, уровень безработицы, позволило подтвердить их классический цикличный характер развития, а также рассмотреть скорость и масштабы миграционных потоков в ответ на изменения основных экономических показателей.

В 2008–2010 гг. снижение денежных доходов и повышение уровня безработицы были незначительны, в 2014–2016 гг. увеличение глубины спада денежных доходов сопровождалось более резким увеличением безработицы. Внешняя трудовая миграция в таких условиях проявляла себя следующим образом. Вслед за ростом денежных доходов населения и снижением безработицы рост числа въехавших трудящихся-мигрантов повышался (2013–2015 гг.), при снижении доходов — оперативно снижался (2016–2017 гг.). В 2019 г. в условиях благоприятной экономической ситуации (рост ВВП и денежных доходов населения) численность трудящихся-мигрантов увеличилась по сравнению с 2018 г. на 29% и составила 20,9 тыс. человек.

Внешняя трудовая миграция не только находится под влиянием экономических процессов, но и оказывает на них влияние. Это выражается главным образом в воздействии внешней трудовой миграции на соотношение спроса и предложения на рынке труда (количественный аспект) и уровень человеческого капитала работников (качественный аспект).

Сокращение притока иммигрантов в страну с начала текущего года, несмотря на сокращение в это же время численности трудящихся-мигрантов, увеличило спрос на рабочую силу. По данным Министерства труда и социальной защиты, на 1 апреля 2020 г. в органы по труду, занятости и социальной защите поступили сведения о наличии 85,6 тыс. вакансий, что составило 110,9% к аналогичному периоду предыдущего года. Потребность в работниках по рабочим профессиям составила 62,4% от общего числа вакансий. В таких условиях снижение численности трудящихся-иммигрантов может быть включено в перечень причин недостаточной реализации экономического потенциала страны.

Следует подчеркнуть, что масштабы внешней трудовой миграции в Республике Беларусь традиционно невелики, поэтому для экономического роста в стране, в том числе для рынка труда, являющегося его важнейшей составляющей, важным является не столько увеличение числа занятых за счет въезжающих трудящихся-мигрантов, сколько возможность поддержания или увеличения с их участием человеческого капитала всего занятого населения. Это имеет место в случае превалирования высококвалифицированных въезжающих трудящихся-мигрантов над низкоквалифицированной рабочей силой. В этом плане за последние пять лет наметилась положительная тенденция: удельный вес руководителей и квалифицированных работников в общей численности въехавших в страну трудящихся-иммигрантов составил в 2019 г. 36,5% против 22,9% в 2015 г. Одновременно снизилась доля въехавших работников рабочих профессий — с 64,0% в 2015 г. до 48,6% в 2019 г.

Прирост внешней трудовой миграции является потенциальным ресурсом для региональных сдвигов в экономике, развития необходимой инфраструктуры, инициирует создание новых рабочих мест, создает предпосылки для роста прямых инвестиций. Вслед за этим возрастает вероятность увеличения налоговых отчислений в государственный бюджет и Фонд социальной защиты населения.

К негативным последствиям и рискам прироста внешней трудовой миграции можно отнести: сдерживание роста производительности труда; демотивацию нанимателей по отношению к оптимизации численности персонала; стихийность в рассредоточении и расселении въезжающих трудящихся-мигрантов, ориентированных на «быстрые доходы»; дополнительную нагрузку на систему социальной защиты в стране.

Взаимодействие внутренних и внешних факторов рынка труда невозможно без такого связующего звена, как институты. Формальные и неформальные институты рынка труда определяют модель и механизмы взаимодействия всех его субъектов, создают правовое и социально-экономическое поле для влияния на рынок труда всех факторов в их единстве и взаимодействии. Включенность Республики Беларусь в достижение ЦУР и приверженность Концепции достойного труда еще больше повышают значимость на рынке труда адекватных институтов. Поэтому институциональные факторы наряду с демографическими и экономическими становятся ключевыми для:

— оптимизации потоков и качественных характеристик въезжающих трудящихся-мигрантов;
— сдерживания оттока выезжающих трудящихся-мигрантов и сохранения тем самым трудового потенциала страны и его человеческого капитала в интересах нынешнего и будущих поколений;
— формирования и развития в стране современного и эффективного рынка труда.

ПИПИЯ Людмила Карловна
к.э.н., советник директора по научно-организационным вопросам,
Институт проблем развития науки РАН,
Москва, Россия.
E-mail: l.pipiya@gmail.com

ЧИСТЯКОВА Вера Евгеньевна
к.э.н., ведущий научный сотрудник,
Институт проблем развития науки РАН,
Москва, Россия.
E-mail: v.chistjakova@issras.ru

ВЛИЯНИЕ «УТЕЧКИ УМОВ» НА СОСТОЯНИЕ КАДРОВ НАУКИ

Ключевые слова: миграция, «утечка умов», научные кадры, интеллектуальный капитал.

Коды JEL: J11, J61

Масштаб, структура и потенциальные возможности демографического потенциала во многом зависят и определяются его размещением по территории страны, плотностью и местами проживания. Численность населения — это универсальный критерий состояния любого общества, фор-

мирующий целевые ориентиры и потребности его развития, мотивационную, деловую и предпринимательскую активность, с одной стороны, а с другой — определяющий ресурсные возможности достижения заданных целей и потребностей.

По данным ООН, в настоящее время на нашей планете проживает примерно 7,8 млрд человек, а в России (по данным на 01.01.2020) — 146,7 млн человек, или же 1,9% [Росстат]. В России еще совсем недавно доминировало положение о том, что ее демографический потенциал достаточно велик. Однако для страны, территория которой составляет 12,5% всей площади Земли, численность населения недостаточна.

По оценкам ООН, численность населения России в 2025 г. составит 120 млн человек — 1,5% общемировой численности [ООН].

Прогноз Росстата по численности населения на 2035 г. — 147,1 млн человек. При этом, по оценкам ученых, чтобы обеспечить соответствующее современным требованиям устойчивое развитие национального экономического пространства, в нашей стране должно проживать не менее 400 млн человек.

В настоящее время во многих регионах страны сформировалась тенденция сокращения численности населения. Она охватила территории 74 регионов из существующих в настоящее время 85 субъектов РФ [Стратегия..., 2019].

Таким образом, в настоящее время в стране преобладают весьма неблагоприятные демографические процессы. При этом текущие демографические процессы РФ характеризуются следующими основными чертами и тенденциями:

— низкая численность населения (депопуляция, низкая плотность населения);
— диспропорции в размещении населения, «вымирание» сельских населенных пунктов;
— неравномерная структура населения (старение населения, причем как за счет уменьшения доли родившегося населения, так и за счет увеличения ожидаемой продолжительности жизни);
— проблемы с естественным движением и воспроизводством населения (низкая рождаемость населения; высокая смертность населения, особенно у мужчин трудоспособного возраста; суженное замещение поколений);
— миграционное движение населения (нелегальная миграция, отрицательное сальдо миграции, внутренняя миграция, приводящая к росту размеров территорий с минимальной плотностью населения, а также утечка интеллектуальных ресурсов).

Миграция населения, в основе которой лежат объективные причины, возникла как ответ на вызовы неравномерного социально-экономиче-

ского развития стран сопредельных территорий исхода и приема населения. Вместе с тем в настоящее время на смену стихийным перемещениям населения на более выгодные территории приходят регулируемые формы миграции, которые имеют субъективный характер и формируются исходя из экономической выгоды предпринимателей и политической воли лидеров в странах-реципиентах и странах-донорах.

Миграционные процессы многообразны по целям и формам, диверсифицированы по составу мигрантов и их правовому статусу на территории пребывания. Объединяет их два принципиальных обстоятельства: первое – вектор движения населения всегда направлен из стран более бедных в более богатые, и второе – миграция населения чаще происходит в страны, имеющие границы со странами исхода, что предполагает меньшие издержки, связанные с перемещением и пребыванием.

Сегодня Россия вновь переживает период всплеска миграции. На рис. 1 хорошо видно, что начиная с 2010 г. миграционный поток из Российской Федерации растет. По данным Росстата, численность выбывших из России в 2019 г. составила 416 131 человек, а всего за период 2000–2019 гг. страну покинули 2 646 534 человека [Росстат].

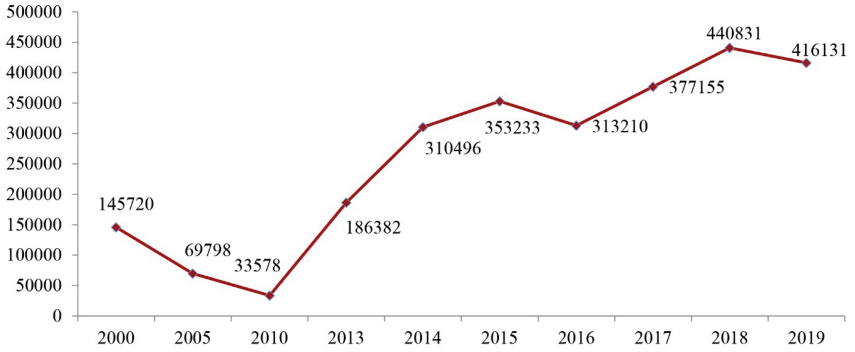

Рис. 1. Численность выбывших из России граждан, человек
Источник: [Росстат].

С учетом того, что страну покидает самая мобильная и хорошо образованная часть населения, приведенные выше цифры свидетельствуют, что Россия стала страной – экспортером интеллектуальных ресурсов. Сложившееся положение создает серьезные угрозы для национальной безопасности страны и делает проблематичными адекватные ответы на большие вызовы, стоящие перед Российской Федерацией.

Уезжают мелкие и средние предприниматели, владельцы компаний, экономисты и ученые, которые боятся усиления ограничений в российском обществе. Это люди, которые способны задавать динамику развития

российской экономике и которые нужны для возрождения духа предпринимательства, творчества и позитивных сдвигов в обществе.

Среди лиц различных профессий наиболее склонными к миграции считаются ученые и инженеры. Научные кадры — это важнейший ресурс любой страны, носители лучших традиций мысли и культуры. Поэтому «утечка умов» – это поток, который выделяют из общего процесса эмиграции как его наиболее ценный компонент.

Отток высококвалифицированных трудовых ресурсов сопровождается реальными и потенциальными потерями в научно-технологической сфере, в результатах ее деятельности — изобретениях, ноу-хау и других видах интеллектуальной продукции. Эмиграция ученых и специалистов обостряет проблему научно-технического отставания России от экономически развитых стран.

Необходимо отметить, что, с одной стороны, развитие секторов образования и науки во многих странах мира, не имевших ранее сильных научно-технологических сфер, приводит к появлению все большего числа мобильных специалистов-исследователей, что создает новые возможности для развития данной сферы в России через привлечение перспективных исследователей из других стран. Однако, с другой стороны, это же развитие приводит к появлению все новых вакансий для исследователей и преподавателей за рубежом. Сейчас практически любые страны, за исключением лишь бедных и беднейших стран мира, способны предложить талантливым исследователям и преподавателям выгодные условия работы и проживания. По данным Всемирного банка, значительная часть выпускников наших естественно-научных факультетов университетов и технических вузов, выехавших для продолжения учебы за рубежом, не возвращаются в Россию (в США доля «невозвращенцев» достигает 77%). Связано это с тем, что за рубежом условия для научных разработок и повседневной жизни ученых намного привлекательнее, чем в России.

По расчетам Министерства образования и науки РФ, потери российской экономики от эмиграции одного специалиста достигают от 250 до 3000 тыс. долл. США (подразумевается накопительный вклад этого человека в экономику в случае, если бы он не эмигрировал), при этом затраты на подготовку одного специалиста за счет бюджетных средств в престижном вузе достаточно невелики и составляют 3–3,5 тыс. долл. США за пять лет обучения [Рязанцев, Письменная, 2013].

На движение квалифицированного персонала влияет целый ряд причин. Активность процесса утечки повышается в случае наступления «выталкивающих факторов», таких как экономический спад, экологическое или стихийное бедствие, политическая нестабильность на родине и социальные конфликты. Также одной из важнейших причин внешней миграции является состояние внутреннего рынка труда, его неспособность

поглотить имеющиеся трудовые ресурсы. Нельзя не упомянуть низкую оплату труда. Так, например, средняя заработная плата ученого в России едва достигает 1 тыс. долл. в месяц, в то время как в США она составляет 5–7 тыс. долл. Зарплата высококвалифицированного программиста из России, работающего в крупной компании типа Alcatel, может доходить до 100–120 тыс. долл. в год (при 5–6 тыс. долл. на родине) [Рязанцев, Письменная, 2013]. Среди других важных факторов, мотивирующих решение об отъезде, следует назвать высокую степень бюрократизма в организациях исследовательской сферы, отсутствие достаточных средств и оборудования для исследований, плохие жилищные условия, возможность получения хорошего высшего образования на безвозмездной основе без обязательств работать в своей стране по специальности в течение определенного срока («право на отъезд»).

Последствия процесса «утечки умов» для стран-доноров и стран-реципиентов отнюдь не симметричны (см. таблицу ниже). В конкурентной борьбе за лучшие умы в выигрыше остаются страны, которые привлекают специалистов и ученых высокой заработной платой и хорошими условиями труда. Прежде всего это США, Австралия, Канада, Япония, страны Западной Европы. А в последнее время к ним присоединяются Китай, Сингапур, страны Персидского залива. Если в большинстве развитых стран перемещение интеллектуалов за рубеж связано с повышением миграционной подвижности населения в условиях доминирования факторов «притяжения», то в России это обусловлено действием факторов «выталкивания». Вполне обоснованно считать этот процесс применительно к России именно «утечкой умов». Она имеет интенсивный характер, расширяющуюся географию, приобретает многообразные формы, носит ярко выраженный социально-экономический характер. Российская наука теряет не только отдельных ученых и высококвалифицированных специалистов, но и целые научные школы, исследовательские коллективы и перспективные направления в математике, физике, генетике и других направлениях наук. Необходимо признать, что эмиграция ученых при нынешнем отношении государства к высококвалифицированным специалистам скорее всего будет носить безвозвратный характер.

Таблица

Последствия процесса «утечки умов»

Страны-доноры	Страны-реципиенты
Ухудшается интеллектуальный потенциал нации	Улучшается качественная структура населения путем повышения пропорции высококвалифицированных специалистов
Потеря инвестиций в человека	Экономия на подготовке специалистов

Окончание табл.

Страны-доноры	Страны-реципиенты
Потеря возможной отдачи от специалистов	Приобретение специалистов высокого уровня в необходимых в данный момент отраслях
Возможная выгода от валютных трансфертов	Возможные негативные эффекты социально-культурного значения
Возможная выгода от сохранения интеллектуальных ресурсов для будущего в масштабах мировой науки	

Кроме того, существует еще одна проблема. В Россию поступает огромный приток иммигрантов. Согласно данным Росстата, наибольшее число иммигрантов приезжает из Азербайджана, Узбекистана, Украины. При этом самым массовым работодателем для этих людей выступает государство. Крупнейшие национальные проекты, такие как АТЭС, Олимпиада в Сочи, строительство нефте- и газопроводов, объектов для проведения Чемпионата мира по футболу 2018 г., были реализованы или реализуются в том числе благодаря массовому привлечению трудовых иммигрантов. Неконтролируемое перемещение вынужденных и добровольных переселенцев негативно влияет на социально-экономическое и научно-техническое развитие России, ведет к неуплате налогов и угрозе распространения инфекционных заболеваний, приводит к избытку рабочей силы и нежелательной для местного населения конкуренции со стороны приехавших. Это вызывает определенное социальное напряжение в обществе. В столице, а также в ряде других субстоличных (центрах субъектов РФ) городах страны время от времени можно наблюдать явления ксенофобии, негативного отношения к лицам «нетитульных» национальностей, ограничения их прав и т.п. В стране в целом и ее регионах пока еще не выработаны миграционная политика, стратегия и оптимальные механизмы ее реализации [Ростовская и др., 2018].

Можно констатировать, что в России происходят серьезные демографические изменения, которые уже в недалеком будущем в значительной степени повлияют на ее экономическое и политическое место в мире.

Важно отметить, что проблема утечки интеллектуального капитала из страны — это не проблема отдельных мер, а проблема создания нормальных, т. е. конкурентоспособных, условий для жизни и профессиональной реализации в определенных сферах человеческой деятельности.

Исходя из сказанного представляется, что государственная политика в отношении процесса «утечки умов» должна ориентироваться на первоочередное решение следующих задач:

1) последовательное применение принципа приоритетности в отношении важнейших направлений научных исследований и тех научных организаций, функционирование которых жизненно необходимо для сохранения основ научного потенциала страны, повышения ее конкурентоспособности на мировой арене;
2) изыскание возможности для развития на взаимовыгодной межгосударственной основе сотрудничества в научно-технической сфере так, чтобы заинтересованные страны участвовали в финансировании части научного потенциала России в обмен на доступ к ее интеллектуальным ресурсам;
3) развитие контактов с эмигрировавшими учеными и выстраивание с ними отношений как с важным внешним ресурсом страны. Международный опыт показывает, что диаспора за рубежом может оказать позитивное влияние не только на научное, но и на технологическое развитие страны-донора;
4) формирование условий, благоприятствующих финансированию научных исследований частным бизнесом (как российским, так и зарубежным);
5) разработка и реализация программ государственного регулирования международной миграции высококвалифицированных специалистов, направленных на сдерживание оттока интеллектуального капитала. В этих программах целесообразно предусмотреть следующие мероприятия:

— значительное повышение до уровня выше среднего по региону оплаты труда высококвалифицированных кадров в сфере науки и образования, а также для приоритетных профессий, связанных с инновационным развитием экономики России, что позволит уменьшить отток специалистов из этих областей и частично покрыть их нехватку в будущем;
— создание новых рабочих мест, инвестирование в развитие инфраструктуры и профессиональной среды, корректировка налоговой политики, разработка и реализация среднесрочной стратегии или реформ, которые были бы направлены на улучшение государственного управления, макроэкономических показателей, что позволит снизить несоответствие уровня квалификации и занимаемой должности и частично устранить проблему «растраты умов» (mismatch);
— обеспечение укрепления связей с международным профессиональным сообществом, создание мультинациональных и международных образовательных проектов в качестве инструментов реализации национальной промышленной политики, что позволит укрепить

международное сотрудничество в профессиональной среде и обеспечит активный обмен опытом и знаниями;

— поддержка гражданского общества, обеспечение безопасности, защиты прав и свобод граждан, демократизация политической системы, снижение уровня преступности и коррупции, что позволит уменьшить отток высококвалифицированных кадров и молодого трудоспособного населения, выезжающих по причине неудовлетворенности политической ситуацией в стране.

Список литературы

1. Организация Объединенных наций (ООН). Официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru
2. *Ростовская Т. К., Виноградова М. В., Никипорец-Такигава Г. Ю.* Особенности процесса интеграции молодых мигрантов и иммигрантов в российское общество и реализация молодежной политики в многонациональных государствах Европы, СНГ, Китая и Индии (итоги Всероссийского социологического исследования). — М., 2018. URL: https://srb.rgsu.net/science/publications/
3. *Рязанцев С. В., Письменная Е. Е.* Эмиграция ученых из России: «Циркуляция» или «утечка» умов // Социологические исследования. — 2013. — № 4.
4. Стратегия прорыва и цифровая реальность России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2019 году // Минобрнауки России. ИСПИ РАН. — М., 2019.
5. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Официальный сайт. URL: https://www.gks.ru/

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Organizacija Ob#edinennyh nacij (OON). Oficial'nyj sajt. URL: https://www.un.org/ru
2. *Rostovskaja T. K., Vinogradova M. V., Nikiporec-Takigava G. Ju.* Osobennosti processa integracii molodyh migrantov i immigrantov v rossijskoe obshhestvo i realizacija molodezhnoj politiki v mnogonacional'nyh gosudarstvah Evropy, SNG, Kitaja i Indii (itogi Vserossijskogo sociologicheskogo issledovanija). — M., 2018. URL: https://srb.rgsu.net/science/publications/
3. *Rjazancev S. V., Pis'mennaja E. E.* Jemigracija uchenyh iz Rossii: «Cirkuljacija» ili «utechka» umov // Sociologicheskie issledovanija. — 2013. — № 4.
4. Strategija proryva i cifrovaja real'nost' Rossii. Social'no-politicheskoe polozhenie i demograficheskaja situacija v 2019 godu // Minobrnauki Rossii. ISPI RAN. — M., 2019.
5. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki (Rosstat). Oficial'nyj sajt. URL: https://www.gks.ru/

ПИСЬМЕННАЯ Елена Евгеньевна
д.социол.н., доцент,
профессор департамента социологии,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Россия;
главный научный сотрудник,
Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук,
Москва, Россия.
E-mail: epismennaya@fa.ru

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ МОЛОДЕЖИ: ПРОБЛЕМЫ МЕГАПОЛИСОВ

Ключевые слова: образовательная миграция, мегаполисы, молодежная политика.

Коды JEL: O15; R23; J13

В последние годы процесс образовательной миграции стал значительно увеличиваться. Масштабы образовательной миграции в условиях мировой глобализации постоянно растут, из-за чего становится невозможно представить точные данные о всех ее участниках.

На сегодняшний день молодежь, студенты или выпускники вузов мегаполисов являются важнейшей составляющей общества, так как высокий уровень мобильности и интеллектуальная активность по сравнению с другими категориями населения представляют собой особый экономический и демографический потенциал страны, который не хотелось бы терять в процессе миграции.

На относительно слабую разработанность проблем образовательной миграции сегодня влияет тот факт, что на качестве полученных данных после проведения социологических исследований часто сказывается неточность перевода, что затрудняет процесс разработки изучаемой темы (зачастую устойчивые фразы в определенном языке имеют не такой же смысл в другом языке, из-за чего возникает искажение и недопонимание в переведенных результатах).

Как показывают исследования, проводимые в Финансовом университете при Правительстве РФ (с участием бакалавра 3-го года обучения Дмитриевой М. Д.), самым весомым мотивом для образовательного мигранта можно считать повышение уровня иностранного языка и возможность погрузиться в быт другой страны. Несомненно, образовательная

миграция для молодежи дает большой опыт и урок в жизни, благодаря которому может поменяться как настоящее, так и будущее. Как представляется, факторы миграции можно разделить на три группы: неуправляемые, постоянно действующие факторы (географическое положение, климатические условия); временные факторы, которые регулируются косвенным воздействием (инфраструктура, культура, этнический состав населения, демографические характеристики, экономическое/политическое состояние); регулируемые переменные факторы (уровень заработной платы, наличие мест на рынке труда и т.д.).

Исследования показывают, что в большей степени для молодежи важен климат и инфраструктура страны. Географическое положение и национальности других студентов не имели приоритета при выборе стран для образования. В основном молодежь выбирает страны ЕС, так как климат приближен к российскому, уровень жизни в большинстве стран выше, качество образования, по мнению молодежи, так же выше, так как отличается способом проведения занятий, что сказывается на усвоении материала.

По результатам проведенного исследования были сформулированы рекомендации, направленные на усовершенствование образования в России с целью сокращения миграционных процессов, а в частности «утечки умов».

Большинство респондентов считают образование за рубежом более качественным, так как все предметы изучаются на практике, лекционных занятий нет, есть возможность самостоятельно выбирать дисциплины в соответствии со своими интересами и целями. Объяснение такого мнения у большинства схоже, многие считают, что в российском образовании много дисциплин, которые не имеют практической пользы, а несут общий характер, но при этом обязательны для изучения, так как находятся в учебном плане. Плюсом практических занятий являет то, что материал преподается в интерактивной форме, на занятиях не бывает теории, везде только практика, составление и представление проектов, работа в группах, решение кейсов. Такие занятия помогают научиться работать в команде, применять знания в работе и в целом дают четкое понимание того, что входит в обязанности будущей профессии.

Следующая особенность российского образования в отличие от зарубежного — четкий план изучаемых дисциплин, отсутствие возможности выбирать. Выбор предметов необходим, потому что для респондентов, которые в зарубежных вузах выбирали более интересующие их дисциплины, учебный процесс казался проще, быстрее и интереснее. Заинтересованность в получении знаний — это очень важно. Но, к сожалению, в российской системе образования согласно учебным планам у студентов очень много дисциплин, которые не всегда являются профильными

и нужными. В зарубежных вузах изучается примерно пять профильных предметов, которые выбираются самостоятельно, в то время как в России у студента около 10 разнопрофильных предметов в семестр. Большое количество дисциплин требует много сил и времени для качественного изучения каждой.

В связи с этим возникает возможность пересмотреть учебные планы, сделать их более качественными, сократив общие дисциплины, давать больше практических и профильных знаний, чтобы у молодежи формировалось представление о получаемой профессии и требованиях на рынке труда после получения образования.

Представляется, что образовательная миграция для современной молодежи является очень престижной возможностью, благодаря которой в будущем открываются большие перспективы на родине, так как есть подтверждение обучения в другой стране (диплом, сертификат), но также после проживания и обучения в другой стране остается большой опыт и много связей, благодаря которым можно больше путешествовать, а возможно, и переехать в другую страну. Действительно, если молодежь получила образование в другой стране, но потом вернулась в Россию и начала здесь дальше учиться или работать, появляется больше возможностей, так как имеется международный опыт обучения, установления контакта с представителями разных стран, а также хорошее знание иностранного языка, которое в нынешнее время очень ценится.

ПОЛЕТАЕВ Дмитрий Вячеславович
к.э.н., ведущий научный сотрудник
Института народнохозяйственного прогнозирования РАН,
директор Центра миграционных исследований,
Москва, Россия.
E-mail: migrocenter@yandex.ru

ЗДОРОВЬЕ, БЕРЕМЕННОСТЬ И РОДЫ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОК В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ КИРГИЗИИ И ТАДЖИКИСТАНА)[1]

Ключевые слова: здоровье мигрантов, трудовая миграция.

Коды JEL: J61, J68

[1] Статья написана по итогам проекта Тянь-Шаньского аналитического центра АУЦА «Мониторинг реализации прав трудящихся мигрантов из Кыргызской Республики в Рос-

Введение

Значительные перемещения рабочей силы в евразийской миграционной системе [Ивахнюк, 2008] остро ставят вопрос о медицинском обеспечении иностранных работников и охране их здоровья. К сожалению, многие задачи в области медицинского обеспечения и здоровья трудовых мигрантов, даже в рамках ЕАЭС, пока остаются нерешенными и не являются приоритетными [Алиев, 2016; Полетаев, Флоринская, 2015; Poletaev, 2018]. Теме здоровья трудовых мигрантов, а особенно женщин — трудовых мигранток, в России посвящено мало научных исследований [Ивахненко, 2013; Кислицына, 2013; Нафеев и др., 2013; Трудовая миграция, 2010]. Очень слабо также изучено репродуктивное поведение трудовых мигранток в России. Именно поэтому, на наш взгляд, данные предлагаемых автором трех исследовательских проектов, лежащих в основе данной статьи [Полетаев, 2016; Насритдинов и др., 2016; Полетаев, Злобина, 2018], представляют интерес для читателя.

Методология и характеристика выборки

Статья базируется на данных трех исследований, в результате которых было опрошено 1883 женщины — трудовые мигрантки, из них 1121 из Киргизии и 762 из Таджикистана.

Одно из исследований проведено автором для Тянь-Шаньского аналитического центра АУЦА в 2017-2018 гг. в Москве, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге, включало анкетный опрос (702 трудовых мигранта из Киргизии в России), 8 глубинных интервью с трудовыми мигрантами из Киргизии и 8 интервью с экспертами в области миграции. Анкетный опрос охватил 702 трудовых мигранта из Киргизии в России в трех городах — Москве (300 респондентов), Санкт-Петербурге (201 респондент) и Екатеринбурге (201 респондент). Выборка структурировалась по возрасту (34% — от 18 до 25 лет; 33% — от 26 до 35 лет; 33% — от 36 до 60 лет); полу (50% — мужчины, 50% — женщины); опыту работы в России (50% — с опытом работы 1–2 года, 50% — с опытом работы 3 года и более). Для анализа были отобраны 349 женщин, и почти все они были киргизками по национальности.

сийской Федерации и Республике Казахстан в соответствии с условиями присоединения Кыргызской Республики к Протоколу ЕАЭС» (2017–2018 гг.), проекта Тянь-Шаньского аналитического центра АУЦА «Анализ конъюнктуры рынка труда в РФ в целях эффективного трудоустройства трудящихся мигрантов из КР и РТ» (2016 г.) и проекта «Феминизация трудовой миграции из Таджикистана и Киргизии в России» (2015 г), выполненного при поддержке DFID (2015 г.).

Второе исследование 2016 г. включало анкетирование, охватившее 1001 трудового мигранта из Таджикистана и Кыргызстана в возрасте от 15 до 60 лет в РФ (в Москве был опрошен 501 респондент, 250 — в Санкт-Петербурге, 250 — в Екатеринбурге). Выборка выстраивалась по следующим параметрам: возраст (34% — от 15 до 25 лет, 33% — от 26 до 35 лет, 33% — от 36 до 60 лет), пол (70% — мужчины, 30% — женщины), страна исхода (50% — из Кыргызстана, 50% — из Таджикистана), опыт работы в России (50% — с опытом работы 1–2 года, и 50% — с опытом работы 3 года и более) и основные сферы занятости (максимально возможное разнообразие). Для анализа были отобраны 295 женщин — трудовых мигранток. Из них мигранток из Таджикистана — 128 и мигранток из Киргизии — 167.

Третье исследование включало анкетный опрос 2015 г., в результате которого в России было опрошено 1239 трудовых мигранток из Таджикистана и Кыргызстана (имеющих гражданство этих государств) от 15 до 60 лет в пяти городах (390 в Москве, 250 в Санкт-Петербурге, 209 в Екатеринбурге, 190 в Казани, 200 в Нижнем Новгороде). Выборка репрезентировалась по возрасту (34% — от 15 до 25 лет, 33% — от 26 до 35 лет, 33% — от 36 до 60 лет), странам исхода (50% — из Таджикистана, 50% — из Кыргызстана), опыту работы в России (50% — с опытом работы 1–2 года, и 50% — с опытом работы 3 года и более) и основным сферам занятости (максимально возможное разнообразие). В выборке 634 мигрантки из Таджикистана и 605 мигранток из Киргизии.

Здоровье трудовых мигранток

Большая часть опрошенных мигранток из Киргизии и Таджикистана оценивают свое здоровье как хорошее (рис. 1), что понятно, так как на заработки выезжают все же в основном здоровые работницы, готовые к тяжелым условиям труда. Удовлетворительным свое здоровье признавали от трети до четверти опрошенных женщин. Плохим свое здоровье признали от 1 до 5% опрошенных женщин. Наблюдается некоторое улучшение самооценки состояния здоровья у женщин — трудовых мигранток из Таджикистана (в 2017 г. по сравнению с 2015 г.).

Динамика изменения здоровья такова (рис. 2): у 70–80% трудовых мигранток состояние здоровья за последний год не изменилось, у 15–20% здоровье ухудшилось, а у 3–5% здоровье улучшилось. В целом наблюдается постепенное ухудшение здоровья у трудовых мигранток из Киргизии и Таджикистана в России.

Проблема нерачительного отношения к своему здоровью у мигранток из Киргизии и Таджикистана схожа с отношением к своему здоровью и у большинства россиян.

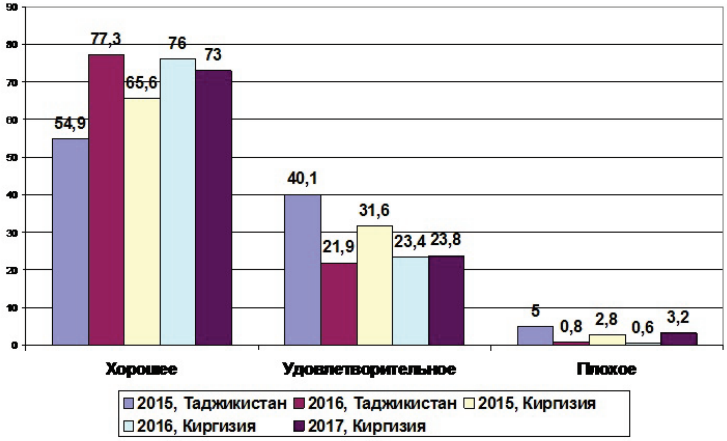

Рис. 1. Распределение респонденток из Таджикистана и Киргизии по самооценке своего здоровья во время пребывания в России, 2015–2017 гг., %
Источник: данные автора.

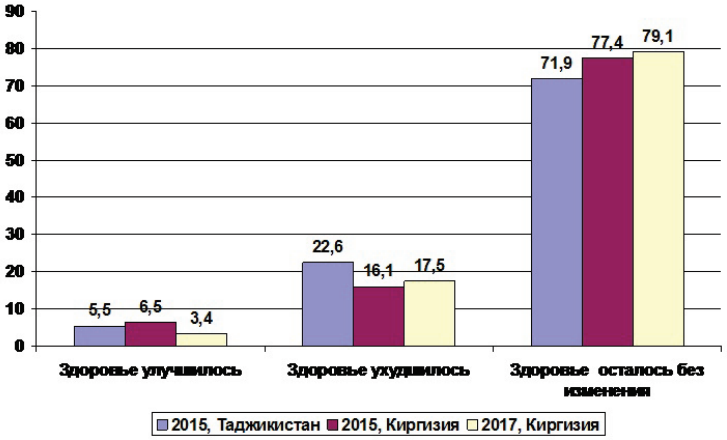

Рис. 2. Распределение респонденток из Таджикистана и Киргизии по самооценке динамики изменения их здоровья во время пребывания в России, 2015–2017 гг., %
Источник: данные автора.

Примерно каждая пятая трудовая мигрантка из Киргизии и Таджикистана занимается самолечением, около 40% посещают врача, только когда возникает острая необходимость, а около 17–19% никак не лечатся. Используют свою платную медстраховку 11–13% опрошенных женщин.

Подавляющее число женщин — трудовых мигранток не следят за своим здоровьем на регулярной основе, а прибегают к медицинской помощи только в случае, когда состояние здоровья уже не позволяет приступить к работе.

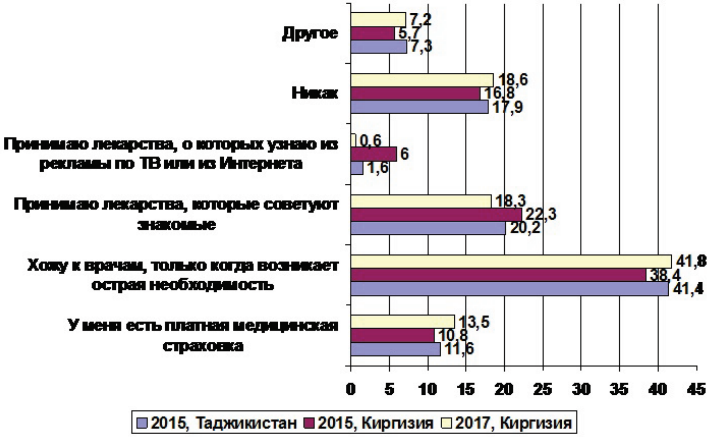

Рис. 3. Распределение респонденток из Таджикистана и Киргизии по способам лечения во время пребывания в России, 2015–2017 гг., %
Источник: данные автора.

Беременность и роды трудовых мигранток

Одним из трендов трудовой миграции в Россию из Киргизии в последнее десятилетие является постепенный рост доли женщин в общем миграционном потоке [Женщины..., 2011; Полетаев, 2016; Насритдинов и др., 2016; Poletaev, 2019]. Доля женщин среди потока трудовых мигрантов из Киргизии достигает 40%, а среди трудовых мигрантов из Таджикистана доля женщин меньше и не превышает одной пятой от общего потока.

Если ранее в Россию из Киргизии в основном ехали замужние женщины и приезжали они вместе с мужем, то со временем среди женщин появились и незамужние молодые женщины, а также разведенные женщины, в том числе из семей, распавшихся в результате трудовой миграции (мужья, длительно находящиеся в трудовой миграции, создавали новые семьи и/или разводились со своими женами, находящимися на родине) [Женщины..., 2011]. Среди мигранток из Таджикистана преобладают замужние женщины, выехавшие с мужьями или близкими родственниками. Исключением являются только женщины — выходцы с Памира, по структуре потока схожие с женщинами — трудовыми мигрантками из Киргизии.

Усиление потока женщин — трудовых мигранток привело к постепенному увеличению числа детей-мигрантов в России, в том числе рожденных уже в России [Зайончковская, 2014; Полетаев и др., 2018].

В исследовании 2017 г. удалось оценить численность женщин — трудовых мигранток из Киргизии, имевших беременность во время трудовой миграции. Оказалось, что среди опрошенных женщин более четверти (рис. 4) имели беременность (одну или несколько) за время пребывания в России (27%), причем 6% из них имели несколько беременностей. В основном они предпочитали рожать ребенка в России (рис. 5): 43% из них поступали так, тогда как на родину выезжали рожать ребенка 30% из них. Среди тех женщин, кто работал без документов, было больше тех, кто имел беременность в России, чем среди оформленных на работе официально (27,3% против 22,6%). Также среди работавших без документов было больше женщин, имевших несколько беременностей (7,4% против 2,8%). Среди тех, кто оформлен на работе официально, больше было тех, кто рожал ребенка в России (47,8%), чем среди тех, кто работал без документов (39,7%).

Очень тревожным является то, что число женщин из Киргизии, потерявших ребенка из-за выкидыша и мертворождения (14%), примерно в два раза превышает число абортов (7,5%). Это говорит как о плохих условиях, в которых женщины вынашивают ребенка, так и о неудовлетворительном состоянии их женского здоровья. Исследование 2017 г. показало, что большинство женщин до родов не наблюдаются в женской консультации, поэтому при родах сразу попадают в инфекционное отделение роддомов. Как видим, последствия того, что ведение беременности при помощи врачей не осуществлялось, и необходимое лечение в процессе беременности при необходимости не производилось из-за отсутствия необходимой диагностики, могут быть весьма печальны.

Среди тех, кто работает без документов, численность абортов (8,6%) почти в два раза выше, чем среди оформленных на работе официально (4,3%).

При сравнении с данными 2015 г. по женщинам — трудовым мигранткам из Киргизии наблюдается некоторый рост числа беременностей (с 19 до 27%) и снижение числа абортов в России (с 33 до 8%). Вместо аборта в России в 2017 г. женщины все чаще предпочитали возвращение в Киргизию и роды там (30%), тогда как в 2015 г. уезжали рожать на родину около 10% женщин — трудовых мигранток из Киргизии. Доля рожавших в России женщин — трудовых мигранток из Киргизии остается примерно на одном уровне (39% в 2015 г., 43% в 2017 г.), так же, как и доля выехавших на родину и сделавших там аборт (3 и 4%, соответственно) и имевших мертворождение или выкидыш (12 и 14%).

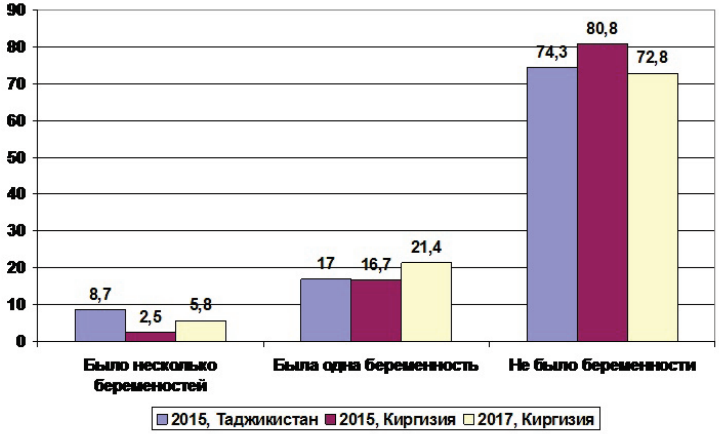

Рис. 4. Распределение респонденток по наличию беременности за время пребывания в России, 2015–2017 гг., %
Источник: данные автора.

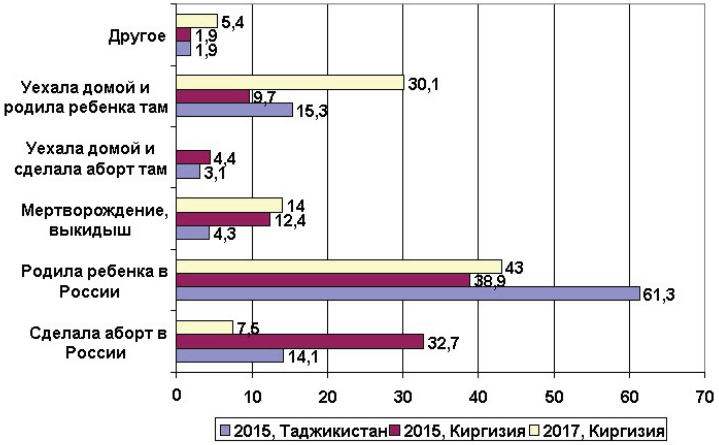

Рис. 5. Распределение респонденток по итогам беременности за время пребывания в России, 2015–2017 гг., %
Источник: данные автора.

Исследования 2015 и 2017 гг. показали, что нахождение в миграции оказывает влияние на изменение репродуктивных планов. Так, согласно исследованию 2017 г. 12% опрошенных женщин — трудовых мигрантов из Киргизии (рис. 6) отложили рождение ребенка в связи с миграцией. Среди оформленных на работе официально таких женщин больше (14,7%),

чем среди тех, кто работает без документов (9,7%). А в 2015 г. почти каждая пятая мигрантка из Таджикистана и Киргизии откладывала рождение ребенка из-за отъезда из дома на работу.

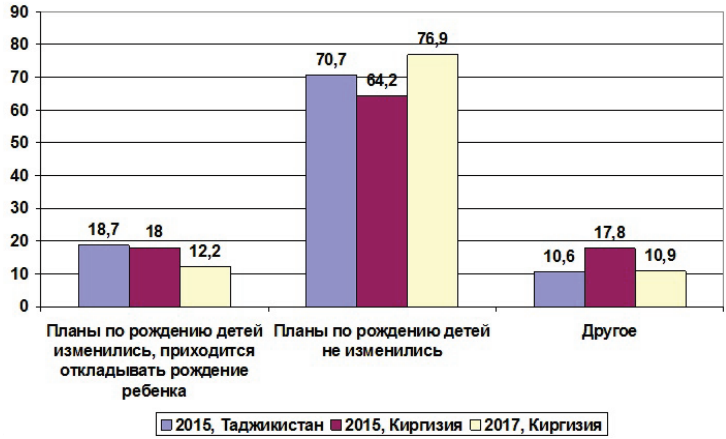

Рис. 6. Распределение респонденток по изменению репродуктивных планов (планы по рождению детей) в связи с отъездом из дома на работу, 2015–2017 гг., %
Источник: данные автора.

Подводя итоги, можно отметить, что беременность и роды женщин-трудовых мигранток из Киргизии и Таджикистана в России уже стали повседневной практикой. Тем не менее условия их пребывания и работы становятся для части таких женщин причиной отложить рождение ребенка на будущее. В 2017 г. число женщин — трудовых мигранток из Киргизии в России, потерявших ребенка из-за выкидыша и мертворождения, примерно в два раза превышало число абортов среди них, что свидетельствует о губительных для репродуктивного здоровья таких женщин условиях работы и проживания. Позитивным видится факт снижения числа абортов в целом среди мигранток из Киргизии в 2015–2017 гг.

Несмотря на лучшие возможности наблюдения беременности в женских консультациях для трудовых мигранток из ЕАЭС, далеко не все мигрантки из Киргизии пользуются такими возможностями. Они не прикрепляются к женским консультациям из-за оформления фиктивных трудовых договоров, что отрезает им возможность получить полис ОМС, предусмотренный в рамках ЕАЭС законодательно при наличии легального трудового договора.

Таким образом, мы наблюдаем весьма тревожную картину — при постепенном росте доли женщин — трудовых мигранток из Киргизии и Таджикистана в России их беременность и роды проходят у значительной ча-

сти из них в рисковых условиях, поэтому сложившаяся система охраны женского здоровья и материнства для них в России нуждается в модернизации.

Список литературы

1. *Алиев С. Б.* Трудовая миграция и социальное обеспечение трудящихся в Евразийском экономическом союзе. Евразийская экономическая комиссия, 2016.
2. Женщины-мигранты из стран СНГ в России. Серия: Миграционный барометр в Российской Федерации. — М.: МАКС Пресс, 2011.
3. *Зайончковская Ж. А.* и др. Защита прав москвичей в условиях массовой миграции. — М.: Центр миграционных исследований, 2014.
4. *Ивахненко Г. А.* Здоровье трудовых мигрантов в России // Социология медицины. — 2013. — № 2. — С. 48–51.
5. *Ивахнюк И. В.* Евразийская миграционная система: теория и политика — М.: МАКС Пресс, 2008.
6. *Кислицына О. А.* Различия в состоянии здоровья мигрантов и коренного населения в России и других странах Европейского региона // Социальные аспекты здоровья населения. — 2013. — № 3.
7. *Нафеев А. А., Тихонов В. М., Асанов Б. М. Булгаков С. Н., Магомедов М. А.* Факторы эпидемиологического риска в связи с трудовой миграцией // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2013. — № 5. — С. 10–12.
8. *Полетаев Д. В.* Феминизация сообществ трудовых мигрантов из Средней Азии: новые социальные роли таджичек и киргизок // Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономического кризиса. М.: РСМД, 2016. — С. 202–232.
9. *Полетаев Д., Злобина Т.* Мониторинг реализации прав трудящихся мигрантов из Кыргызской Республики в Российской Федерации и Республике Казахстан в соответствии с условиями присоединения Кыргызской Республики к Протоколу ЕАЭС. — Бишкек: Тянь-Шаньский аналитический центр, 2018.
10. *Полетаев Д. В. Флоринская Ю. Ф.* Осведомленность мигрантов о туберкулезе и ВИЧ-инфекции. — М.: Красный крест, 2015.
11. *Полетаев Д. В., Зайончковская Ж. А.* Доступ детей мигрантов к здравоохранению (на примере Москвы) // Социальная политика и социология. — 2019. — № 3. — С. 44–54.
12. *Полетаев Д. В., Зайончковская Ж. А., Михайлов Д. А.* Проблемы защиты прав детей, не имеющих гражданства Российской Федерации, в городе Москва. — М.: Уполномоченный по правам человека в городе Москве. РОО «Центр миграционных исследований», 2018.
13. *Насритдинов Э. З., Олимова С. К., Полетаев Д. В.* Анализ конъюнктуры рынка труда в РФ в целях эффективного трудоустройства трудящихся-мигрантов из КР и РТ. Трудовая миграция в РФ, КР и РТ. Аналитический доклад. Тянь-Шаньский аналитический центр. — Бишкек, 2016. URL: https://www.fergananews.com/archive/2017/Report_Book_Final_version_Rus_02_2017.pdf (дата обращения: 15.08.2020).

14. Трудовая миграция и вопросы здравоохранения. Материалы круглых столов. — М.: МОМ, 2010.
15. *Poletaev D.* Les travailleurs migrants face à la tuberculose en Russie et au Kazakhstan: résultats d'une enquête exemplaire. Santé et migration en Asie centrale // Cahiers d'Asiecentrale. Ed. Pétra. Paris, 2018. — P. 307–321.
16. *Poletaev D.* From Mistrust to Solidarity or More Mistrust? // Russia in Global Affairs. 2019. — Vol. 17. — 1. — P. 171–200.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Aliev S. B.* Trudovaja migracija i social'noe obespechenie trudjashhihsja v Evrazijskom jekonomicheskom sojuze. Evrazijskaja jekonomicheskaja komissija, 2016.
2. Zhenshhiny-migranty iz stran SNG v Rossii. Serija: Migracionnyj barometr v Rossijskoj Federacii. — M.: MAKS Press, 2011.
3. *Zajonchkovskaja Zh. A. i dr.* Zashhita prav moskvichej v uslovijah massovoj migracii. — M.: Centr migracionnyh issledovanij, 2014.
4. *Ivahnenko G. A.* Zdorov'e trudovyh migrantov v Rossii // Sociologija mediciny. — 2013. — № 2. — S. 48–51.
5. *Ivahnjuk I. V.* Evrazijskaja migracionnaja sistema: teorija i politika. — M.: MAKS Press, 2008.
6. *Kislicyna O. A.* Razlichija v sostojanii zdorov'ja migrantov i korennogo naselenija v Rossii i drugih stranah Evropejskogo regiona // Social'nye aspekty zdorov'ja naselenija. — 2013. — № 3.
7. *Nafeev A. A., Tihonov V. M., Asanov B. M. Bulgakov S. N., Magomedov M. A.* Faktory jepidemiologicheskogo riska v svjazi s trudovoj migraciej // Problemy social'noj gigieny, zdravoohranenija i istorii mediciny. — 2013. — № 5. — S. 10–12.
8. *Poletaev D. V.* Feminizacija soobshhestv trudovyh migrantov iz Srednej Azii: novye social'nye roli tadzhichek i kirgizok // Transnacional'nye migracii i sovremennye gosudarstva v uslovijah jekonomicheskogo krizisa. — M.: RSMD, 2016. — S. 202–232.
9. *Poletaev D., Zlobina T.* Monitoring realizacii prav trudjashhihsja migrantov iz Kyrgyzskoj Respubliki v Rossijskoj Federacii i Respublike Kazahstan v sootvetstvii s uslovijami prisoedinenija Kyrgyzskoj Respubliki k Protokolu EAJeS. — Bishkek: Tjan'-Shan'skij analiticheskij centr, 2018.
10. *Poletaev D. V. Florinskaja Ju. F.* Osvedomljonnost' migrantov o tuberkuljoze i VICh-infekcii. — M.: Krasnyj krest, 2015.
11. *Poletaev D. V., Zajonchkovskaja Zh. A.* Dostup detej migrantov k zdravoohraneniju (na primere Moskvy) // Social'naja politika i sociologija. — 2019. — № 3. — S. 44–54.
12. *Poletaev D. V., Zajonchkovskaja Zh. A., Mihajlov D. A.* Problemy zashhity prav detej, ne imejushhih grazhdanstva Rossijskoj Federacii, v gorode Moskva. — M.: Upolnomochennyj po pravam cheloveka v gorode Moskve. ROO «Centr migracionnyh issledovanij», 2018.
13. *Nasritdinov Je. Z., Olimova S. K., Poletaev D. V.* Analiz kon#junktury rynka truda v RF v celjah jeffektivnogo trudoustrojstva trudjashhihsja-migrantov iz KR i RT.

Trudovaja migracija v RF, KR i RT. Analiticheskij doklad. Tjan'-Shan'skij analiticheskij centr. — Bishkek, 2016. URL: https://www.ferga-nanews.com/archive/2017/Report_Book_Final_version_Rus_02_2017.pdf (data obrashhenija: 15.08.2020).
14. Trudovaja migracija i voprosy zdravoohranenija. Materialy kruglyh stolov. — M.: MOM, 2010.

ПРОКОФЬЕВ Алексей Денисович
магистрант, Институт наук о Земле
Санкт-Петербургского государственного университета,
кафедра экономической и социальной географии,
Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: alexinho97pro@gmail.com

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ АССИМИЛЯЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ У ЕВРОПЕЙСКИХ ИММИГРАНТОВ В США В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI В.

Ключевые слова: ассимиляция, иммигранты в США, этническая группа.

Коды JEL: J10, J11, J12

США являются многонациональным государством, так как исторически формировались как страна иммигрантов, прибывавших из разных частей света. За последние несколько веков в Соединенных Штатах сформировалось очень пестрое с этнической точки зрения население. Изменения направленности и интенсивности миграционных потоков наряду с нелинейностью процессов ассимиляции приводят к значительным изменениям в этнической структуре населения, продолжающимся и в настоящее время. Данное обстоятельство, а также высокая доступность и подробность статистических данных позволяют рассматривать США как модель для изучения процессов ассимиляции различных этнических групп во времени и пространстве.

Период массовой европейской иммиграции в США завершился более полувека назад, и теперь в иммиграционном потоке преобладают иммигранты из других регионов Земли. В демографическом отношении Европа, выходцы из которой до сих пор составляют абсолютное большинство американцев, сегодня почти не участвует в пополнении населения США. В этой связи особый интерес вызывают территориальные и этнические особенности процесса ассимиляции, протекающего среди потомков европейских переселенцев США. В исследовании рассматриваются про-

цессы ассимиляции шести наиболее многочисленных этнических групп европейского происхождения в период с 1980 по 2015 г. на основании трех показателей: 1) межэтнических браков; 2) динамики численности представителей группы и 3) использования национального языка в качестве разговорного дома. Была предложена типология штатов по интенсивности ассимиляционных процессов и достигнутому уровню ассимиляции у рассматриваемых этнических групп.

В переписях населения США нет статистики по межэтническим бракам, а есть только по межрасовым. В то же время межэтнические браки являются важнейшим показателем ассимиляции. Но распространенность межэтнических браков у различных групп можно выявить опосредованно, так как есть статистика по числу лиц, указавших единственное этническое происхождение, и числу лиц, указавших не только данное происхождение для каждой группы, т.е. смешанное происхождение. Доля лиц с более чем одним происхождением является индикатором смешанных браков для конкретной группы. Именно этому показателю будет уделено особенное внимание в данной работе.

Для рассмотрения были выбраны шесть крупнейших европейских этнических групп (немцы, англичане, ирландцы, итальянцы, французы и поляки). Была задача подобрать группы таким образом, во-первых, чтобы их доля была значимой в структуре населения США и они имели широкое территориальное распределение, во-вторых, чтобы они представляли разные волны европейской иммиграции и несколько различались в культурном плане (итальянцы — как представители Южной Европы, поляки как представители Восточной Европы и т.д.). Данные группы были выбраны исходя из абсолютной численности их представителей на 2015 г. Стоит заранее оговорить, что, конечно, называя рассматриваемые этнические группы, например, «англичане», мы подразумеваем американцев английского происхождения, а не уроженцев Англии, данная сократительная форма будет применяться далее ко всем группам ради удобства.

Также необходимо отметить, что используемые в исследовании сведения за 1980 г. брались из сборников переписи населения, за 2015 г. были взяты данные American Community Survey. Это связано с тем, что впервые вопрос об этническом происхождении появился в переписях населения 1980 г., а самые последние данные, необходимые для исследования, имеются только за 2015 г.

Первый рассматриваемый показатель — гетерогенность населения, косвенно указывающая на распространенность межэтнических браков. К 1980 г. у всех рассматриваемых этнических групп, кроме *итальянцев*, доля лиц с более чем одним происхождением превышала долю гомогенных представителей, что указывает на уже существовавший высокий уровень гетерогенности. Произошедшие за 35 лет изменения в гетерогенности затронули в наибольшей степени те территории, где в 1980 г. данный

показатель был низким и, как следствие, имелся потенциал для межэтнических браков и рождения смешанного потомства. В целом по США у всех групп, кроме *ирландцев*, наблюдался рост доли представителей, указавших более одного происхождения, что указывает на идущие процессы ассимиляции (см. табл. 1).

Таблица 1

Гетерогенность рассматриваемых этнических групп в 1980 и 2015 г. в целом по США, в % к общей численности населения, указавшего данное этническое происхождение

	Немцы	Англичане	Итальянцы	Французы	Ирландцы	Поляки	Американцы
Гетерогенность в 1980 г.	63,5	52,1	43,5	76,2	74,3	53,7	_
Гетерогенность в 2015 г.	65,9	63,7	61,5	77,8	71,8	66,0	14,1

Источник: составлено автором по данным [1; 2].

Каждая группа имеет разную смешанность на различных территориях. Так, например, наибольшая доля «чистых» *итальянцев* наблюдается на Северо-Востоке; *немцев* — на Среднем Западе; *англичан* — на Юге; *поляков* — на Северо-Востоке и в штате Флорида; *ирландцев* — на Юге, в штате Массачусетс и городе Нью-Йорк; *французов* — на Юге и в Новой Англии. У кого-то территориальные различия в уровне этнической смешанности проявляются в большей степени, как у *немцев* и *итальянцев*, у других — в меньшей, что зависит от времени прибытия на территорию США и от численности группы. Можно проследить следующую зависимость — чем позднее происходил пик иммиграции этнической группы в США, тем более выражены территориальные различия в уровне этнической смешанности[1].

Интересным является вопрос, на каких же территориях проживает наиболее смешанное европейское население в целом? Какие территории выступают своего рода «вавилонами»[2], нивелирующими этнические различия? Где европейцы смешиваются наиболее сильно и вследствие этого ассимилируются наиболее быстро? Для этого была сложена абсолютная численность смешанных представителей шести рассматриваемых групп и поделена на сумму всех представителей шести рассматриваемых групп.

[1] У поляков различия выражены слабо, вероятно, из-за малочисленности группы.

[2] Для обозначения территорий, отличающихся высокой смешанностью всего населения, будет использоваться нарицательный термин «вавилоны» — т.е. место смешения культур и народов.

Для таких «вавилонов» интересно определить различия между городскими территориями и остальной территорией штата. Для этого был найден компромисс между двумя территориальными единицами — штатом и идущим за ним округом (county — промежуточная единица, меньше штата и больше города, за исключением пяти округов в составе города Нью-Йорка). Были проанализированы 56 округов, население окружных центров которых превышает 300 000 человек в 2015 г. и отдельно территории штатов без этих округов. Выбор не пал на город или метрополитенский статистический ареал[1] потому, что эти территориальные единицы неудобны для отображения на карте. То есть территория штатов (вместе с проживающим на ней населением) рассматривалась отдельно, без территории выбранных округов.

Выяснилось, что в целом наименее смешанным макрорегионом и в 1980, и в 2015 г. является макрорегион Юг, а наименее смешанные округа — округа города Нью-Йорк. Также невысокая доля этнически гетерогенных представителей шести рассматриваемых европейских групп была и есть в Северо-Западных центральных штатах. Интересно то, что в 1980 г. в южной части США смешанность в округах (т.е. в крупных городах) явно больше, чем на остальных территориях, а в северной — наоборот (см. картосхему 1). В 2015 г. такая особенность уже менее выражена, но тоже присутствует. Этот факт говорит о том, что в южных штатах города выступают в качестве контактных зон, а в северных — наоборот, скорее способствуют этнической сегрегации. Главным же «вавилоном» в 2015 г. стал округ Гонолулу, где доля этнически гетерогенных европейцев составила 77,4%, а самый смешанный штат — Гавайи — 74,3% (см. картосхему 2). В целом же наиболее смешанное европейское население проживало и проживает на Западе США, в особенности в Тихоокеанских штатах. Это неудивительно, ведь эти штаты были районами нового освоения[2]. То есть осваивать Запад едут в основном из-за рубежа либо из других штатов — в Тихоокеанских штатах много иностранцев[3], а Горные больше осваивают уроженцы других штатов[4]. На Запад едут разные люди разных происхож-

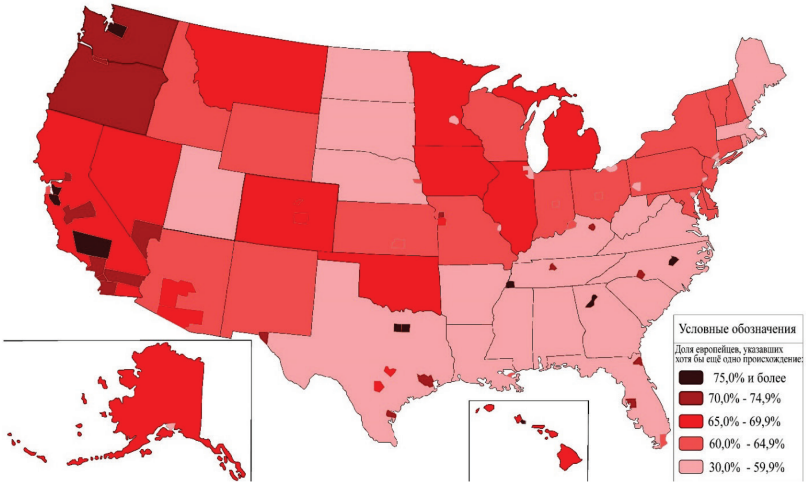
[1] В случае с метрополитенским статистическим ареалом возникает сложность в подсчетах, так как некоторые из них затрагивают несколько штатов. Так, например, у Чикаго несколько округов ареала попадают в штат Висконсин, для которого нет данных по округам в 1980 г., что значительно осложняет вычет их населения из населения штата.

[2] Доля населения, родившегося в Тихоокеанских штатах составляла только 45,8% от общей численности проживающего там населения в 1980 г. и 52,8% в 2015 г.; в Горных — 43,7% — в 1980 г. и 43,6% — в 2015 г. [1; 2].

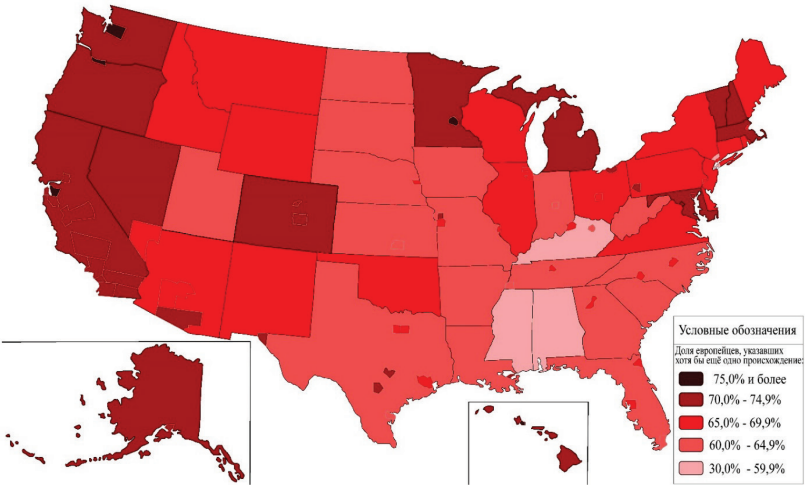
[3] Доля рожденных за рубежом в Тихоокеанских штатах в 1980 г. — 12,8%, в 2015 г. — 23,3% [1; 2].

[4] Доля рожденных в другом штате для Горных штатов в 1980 г. — 51,9%, в 2015 г. — 45,4% [1; 2].

дений, что не дало сложиться особо крупным европейским диаспорам и создало возможности для частых межэтнических браков. Можно утверждать, что Запад является главным «плавильным котлом» для европейских этнических групп в США.

Картосхема 1. Доля европейцев, указавших хотя бы еще одно происхождение в 1980 г.
Источник: составлено автором по данным [1].

Картосхема 2. Доля европейцев, указавших хотя бы еще одно происхождение в 2015 г.
Источник: составлено автором по данным [2].

Второй показатель — национальный язык сейчас играет малую роль для американцев европейского происхождения, так как язык теряется быстрее всего (см. табл. 2). Исключением является английский язык: родной — для *англичан* и абсолютного большинства *ирландцев* и государственный — на всей территории США. При этом пик иммиграции всех рассматриваемых этнических групп произошел более ста лет назад. Изменения в использовании родного языка у остальных рассматриваемых групп происходят по трем вариантам.

Таблица 2

Разговорные языки в 1980 и 2015 гг.

Язык	Французский	Немецкий	Итальянский	Польский
Число разговаривающих дома на родном языке в 1980 г. (чел.)	1 112 843	1 197 151	1 512 743	744 699
Доля среди представителей группы в 1980 г. (%)	8,6	2,4	12,4	9,1
Число разговаривающих дома на родном языке в 2015 г. (чел.)	1 282 291	998 922	663 139	560 496
Доля среди представителей группы в 2015 г. (%)	15,5	2,2	3,8	6,0

Источник: составлено автором по данным [1; 2].

Первый — сокращение использования языка при уменьшении численности группы. Такую ситуацию мы видим у *немцев*, у которых стирается связь использования языка с ареалом расселения группы. Второй вариант — увеличение использования языка при сокращении численности группы, что наблюдается у *французов*. В этом случае также происходит потеря зависимости использования языка с основными ареалами расселения группы, которая прослеживалась в 1980 г. Но увеличение использования французского языка скорее связано с увеличением иммигрантов из стран — бывших колоний Франции, в особенности Гаити[1]. И третий тип — уменьшение использования языка при увеличении численности группы, происходящее у *итальянцев* и *поляков*. У этих этнических групп территории с наиболее высоким уровнем использования родного языка совпадают с максимальной концентрацией их представителей как в 1980, так и в 2015 г.

При анализе третьего показателя — динамики численности представителей шести европейских этносов — было выявлено, что наибольшие темпы сокращения наблюдались в основных ареалах их проживания.

[1] За рассматриваемый период в США въехало 621 тыс. иммигрантов из Гаити [3].

Исторически пики иммиграции рассматриваемых этнических групп происходили в следующем порядке: *англичане, французы, ирландцы, немцы, поляки* и *итальянцы*. Сокращение численности потомков европейцев зависит от давности массовой иммиграции их предков на территорию США. Чем более продолжительное время группа проживает на территории США, тем быстрее сокращается ее численность. Исключение составили *поляки* и *итальянцы*, чья численность за рассматриваемый период увеличилась (см. табл. 3).

Все три показателя следует рассматривать в комплексе. Так, например, динамика численности *поляков* и *итальянцев* не дает полной картины процессов ассимиляции, происходящих у данных групп, так как численность их представителей росла, и можно было сделать вывод, что они не ассимилируются вообще. Определив, что у этих групп растет доля смешанных представителей и сильно падает использование национального языка, можно сделать вывод, что у поляков и итальянцев ассимиляция проходит также, как и у других групп, просто данный процесс находится на несколько более ранней стадии.

Таблица 3

Численность и темпы прироста/сокращения рассматриваемых этнических групп

Этническая группа	Англичане	Немцы	Ирландцы	Французы	Поляки	Итальянцы
Численность в 1980 г. (чел.)	49 618 035	49 224 146	40 165 912	12 903 212	8 228 037	12 183 692
Численность в 2015 г. (чел.)	24 786 549	46 402 347	33 525 846	8 272 443	9 385 676	17 285 497
Сокращение/ прирост с 1980 по 2015 г. (%)	–50,0	–5,7	–16,5	–35,9	14,1	41,9

Источник: составлено автором по данным [1; 2].

Таким образом, можно выделить три основных этапа пребывания европейской этнической группы в США после иммиграции на основании рассмотренных характеристик. На первом этапе после массовой иммиграции группа характеризуется высокой долей гомогенных представителей, говорящих на родном языке; рост численности группы происходит либо за счет продолжающегося миграционного прироста, либо за счет детей, рожденных преимущественно в браках между «своими». На втором этапе, по прошествии одного-двух поколений, сокращается использование на-

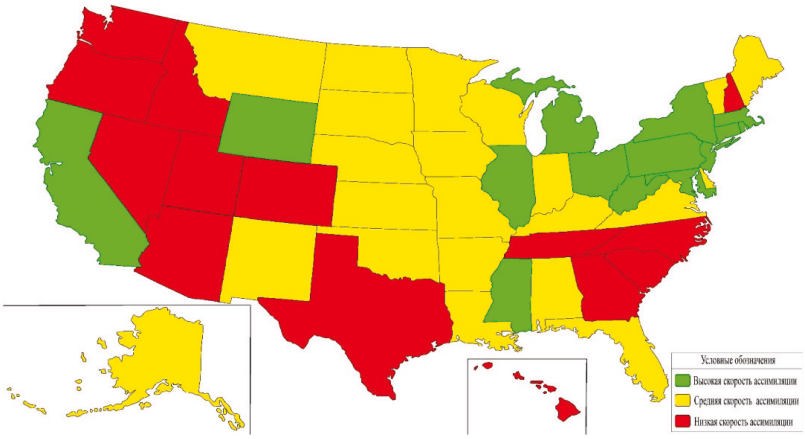
ционального языка дома в качестве разговорного, сильно возрастает число межэтнических браков и, как следствие, «смешанных» представителей. Доля последних увеличивается, что приводит к росту абсолютной численности этнической группы в целом. На этом этапе находятся поляки и итальянцы, у которых с 1980 по 2015 г. уменьшилось абсолютное количество гомогенных представителей, но общая численность возросла. На третьем этапе доля лиц, использующих национальный язык в качестве разговорного, сводится к минимуму, а соотношение гетерогенных и гомогенных представителей в какой-то момент достигает равновесия и незначительно колеблется примерно на одинаковом уровне. Численность представителей такой группы в целом начинает сокращаться (на этом этапе находятся *французы*, *ирландцы* и *немцы*). То есть можно предположить, что численность *итальянцев* и *поляков* в скором времени также начнет сокращаться. Этническим корням свойственно стираться, но у потомков смешанных браков они будут стираться быстрее. Это означает, что в отношении европейских этнических групп американский «плавильный котел» работает исправно.

Показатели, рассмотренные в работе, можно условно разделить на «динамические» и «статические» и на основе их анализа выделить типы территорий по характеру протекания ассимиляционных процессов. «Динамические» показатели рассматривают скорость (интенсивность) процесса этнической ассимиляции, а «статические» — результат, достигнутый к определенному времени.

В качестве динамических показателей были выбраны два: 1) динамика численности представителей этнической группы и 2) динамика доли гетерогенных представителей в период с 1980 по 2015 г. Для каждой группы данные показатели были проранжированы от самого низкого до самого высокого значения. Затем для каждого этноса были выделены четыре группы штатов на основании ранжирования, где каждому штату в зависимости от группы были присвоены значения от одного до четырех. Единица присваивалась штатам с низким приростом доли смешанных представителей и высоким приростом населения данной этнической группы, что указывает на низкую скорость процесса ассимиляции в данном штате за рассматриваемый период. Четверка соответствовала штатам с минимальными значениями прироста населения (либо отрицательным, в зависимости от конкретной этнической группы) и наиболее быстрым ростом гетерогенных представителей в рассматриваемый период, что говорит об активно идущих процессах ассимиляции. Соответственно, двойка и тройка присваивались штатам, расположившимся в середине интервала. Безусловно, в разделении штатов на группировки имела место некоторая субъективность. Но главной задачей было показать пространственные различия в скорости идущих процессов ассимиляции. Далее полученные

значения для каждого штата суммировались по всем этническим группам и по обоим рассматриваемым показателям. В итоге для каждого штата получилась сумма значений, где максимальное число означает, что процессы ассимиляции идут активно, а минимальное — наоборот, слабо. В соответствии с полученной суммой значений штаты были разделены на три типа, что показано на картосхеме 3.

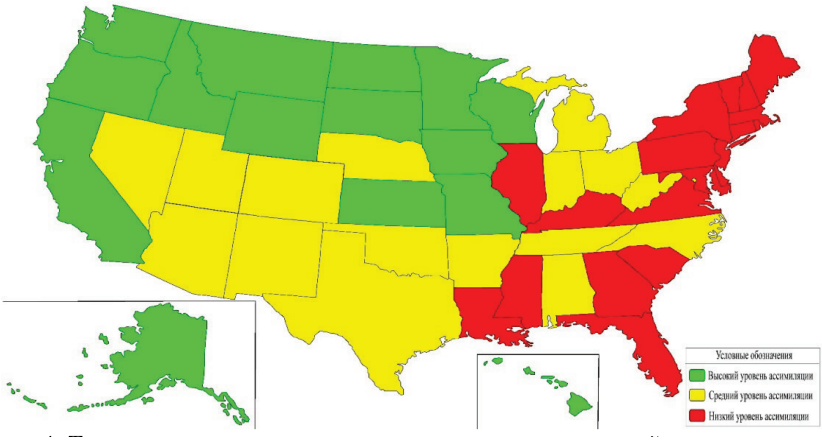
Наиболее быстро в период с 1980 по 2015 г. процессы ассимиляции протекали в штатах Приозерья, а наименее — в штатах Запада и Юга (Теннесси, Джорджия, Техас, Северная Каролина и Южная Каролина), а также в штате Нью-Гэмпшир. Отчасти это связано с тем, что в штатах Запада (кроме Калифорнии и Вайоминга) и Юга у большинства рассматриваемых этнических групп их абсолютная численность либо росла, либо сокращалась менее значительно, чем в штатах Северо-Востока и Среднего Запада. Во многом это обусловлено направлением внутренних миграционных потоков в стране и значительным увеличением численности населения на Западе и Юге в 1980–2014 гг.[1] Второй причиной сложившейся ситуации может быть уже имевшаяся к 1980 г. высокая гетерогенность населения западных штатов, что обеспечило незначительный прирост доли смешанных европейцев в рассматриваемый период.

Картосхема 3. Типология штатов по интенсивности ассимиляции европейских этнических групп в период с 1980 по 2015 г.
Источник: составлено автором по данным [1; 2].

[1] Для сравнения, с 1980 по 2015 г. прирост всего населения составил в штатах Запада — 73,4%, в штатах Юга — 64,8%, в штатах Среднего Запада — 18,1% и в штатах Северо-Востока только 13,9% [1; 2].

Другой вариант типологии штатов — в «статике» — отражает уровень ассимиляции у рассматриваемых этнических групп в 2015 г. Здесь было выбрано три показателя: 1) удельный вес гетерогенных представителей, 2) доля лиц, использующих национальный язык в качестве разговорного дома, и 3) доля всех представителей этнической группы (гомогенных и гетерогенных) в населении штата. Показатели также были проранжированы для каждой группы от максимального — к минимальному, но тут уже присваивались значения от одного до пяти, так как наблюдалась бóльшая вариативность рассматриваемых признаков. Соответственно, группе штатов с минимальной долей смешанных представителей присваивалась единица — наименьший уровень ассимиляции, а штатам с максимальным значением показателя — пятерка. Аналогично расставлялись значения по доле лиц, говорящих на национальном языке и по удельному весу каждой из рассматриваемых этнических групп в населении штата. По сумме всех показателей штаты были также поделены на три группы. Наиболее высокие значения соответствовали более высокому достигнутому уровню ассимиляции этнических групп европейского происхождения (см. картосхему 4).

Картосхема 4. Типология штатов по уровню ассимиляции европейских этнических групп в «статике» в 2015 г.
Источник: составлено автором по данным [2].

Из приведенных рисунков видно, что по показателям «динамики» и «статики» многие штаты попали в противоположные типы. Это говорит о различной степени завершенности процессов ассимиляции этнических групп европейского происхождения в разных частях США. Так, в штатах Северо-Востока наблюдается низкий уровень ассимиляции,

но при этом скорость процесса — высокая, и, следовательно, на этих территориях в ближайшем будущем ассимиляция европейцев будет идти быстрыми темпами. А вот в штатах Запада (кроме Калифорнии) динамика смены этнической самоидентификации слабая, но отмечается высокий уровень ассимиляции. На этом фоне особенно выделяется Калифорния с высоким уровнем ассимиляции европейских этнических групп в 2015 г. и одновременно высокой интенсивностью данного процесса в период с 1980 по 2015 г.

Кроме Калифорнии, наиболее высокий уровень ассимиляции европейских этнических групп наблюдается в штатах северо-западной части страны вдоль границы с Канадой. А вот южные штаты характеризуются как невысокой скоростью (кроме Миссисипи), так и низким уровнем ассимиляции. Именно на Юго-Востоке США, в штатах с высоким удельным весом афроамериканцев, потомки европейских переселенцев ассимилируются сложнее всего. Также достаточно сложно процесс ассимиляции европейского населения идет в тройке штатов Новой Англии — Мэн, Вермонт и Нью-Гэмпшир, что может быть связано с невысокой популярностью этих штатов у иммигрантов и традиционной «закрытостью» местных сообществ.

Список литературы

1. Официальный сайт Бюро цензов США. URL: https://www.census.gov/prod/www/decennial.html (дата обращения: 15.01.20120).
2. Официальный сайт Бюро цензов США. URL: https://factfinder.census.gov/faces/tableservices/jsf/pages/productview.xhtml?pid=ACS_17_5YR_S0501&prodType=table (дата обращения: 21.01.2020).
3. Официальный сайт Министерства национальной безопасности США. URL: https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/2016%20Yearbook%20of%20Immigration%20Statistics.pdf (дата обращения: 28.01.2020).

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Oficial'nyj sajt Bjuro cenzov SShA. URL: https://www.census.gov/prod/www/decennial.html (data obrashhenija: 15.01.20120).
2. Oficial'nyj sajt Bjuro cenzov SShA. URL: https://factfinder.census.gov/faces/tableservices/jsf/pages/productview.xhtml?pid=ACS_17_5YR_S0501&prodType=table (data obrashhenija: 21.01.2020).
3. Oficial'nyj sajt Ministerstva nacional'noj bezopasnosti SShA. URL: https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/2016%20Yearbook%20of%20Immigration%20Statistics.pdf (data obrashhenija: 28.01.2020).

ПРОХОДА Владимир Анатольевич
к.соц.н., старший научный сотрудник,
философский факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова,
кафедра философии образования,
доцент, департамент социологии Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия.
E-mail: prohoda@bk.ru

ГОТОВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ К ПРИЕМУ МИГРАНТОВ В РОССИИ И ЕВРОПЕ

Ключевые слова: миграция, мигранты, иммигранты, готовность к приему мигрантов, Европейское социальное исследование.

Коды JEL: J11, J15

Миграция как многоаспектное, повсеместно распространенное социальное явление привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Миграционные процессы имеют противоречивый характер, позитивные и негативные аспекты. В Европе проблемы, связанные с миграцией, актуализировались в связи с возникшим в 2015 г. миграционным кризисом. Успешность процесса интеграции мигрантов связана в том числе с готовностью принимающего сообщества к приему. На этом фоне представляется целесообразным обратиться к результатам межстранового социологического проекта.

Эмпирической основой проведенного вторичного анализа стали материалы девятой волны межстранового трендового исследования «Европейское социальное исследование» (European Social Survey, ESS), проведенного в 2018 г. ESS — проект, в рамках которого с 2002 г. проводится многолетнее сравнительное изучение установок, ценностей и поведения населения европейских государств. Метод сбора первичной социологической информации — личное интервью (face-to-face) на дому у респондентов. Опрос проводился среди населения в возрасте 15 лет и старше. В каждой стране было опрошено от 781 (Кипр) до 2745 (Германия) респондентов по национальной репрезентативной случайной выборке.

Российское социальное исследование, являющееся ассоциированной частью Европейского социального исследования (реализуется по программе ESS как независимое исследование), проведено ЦЕССИ (Институт сравнительных социальных исследований) в ноябре 2018 г. — феврале 2019 г., размер выборки — 2416 респондентов. Методология исследования описана в технической документации проекта на сайтах www.

ess-ru.ru и www.europeansocialsurvey.org. Анализируются данные по двадцати странам.

Готовность населения к приему мигрантов выявлялась с использованием серии вопросов о том, следует ли позволять переезжать в страну следующим категориям: представителям той же расы или национальности, что и большинство населения страны; людям, отличающимся от большинства населения по национальности или расовой принадлежности; выходцам из более бедных стран за пределами Европы. Проведенный факторный анализ (метод выделения — анализ главных компонент; объясненная дисперсия — 79,8%; мера адекватности выборки Кайзера—Мейера—Олкина — 0,699) показал корректность построения единого интегративного показателя, включающего в себя с высокими факторными нагрузками три упомянутые выше переменные, характеризующего готовность респондентов к приему мигрантов.

В дальнейшем страны — участницы ESS были ранжированы в порядке возрастания среднего значения интегративного показателя. Чем выше готовность населения страны к принятию мигрантов, тем больше ее ранг. Высокий уровень готовности демонстрируют жители Норвегии (ранг = 20), Германии (ранг = 19), Ирландии (ранг = 18), Швейцарии (ранг = 17), Бельгии (ранг = 16), Великобритании (ранг = 15), Франции (ранг = 14), Нидерландов (ранг = 13). Перечисленные государства привлекательны для мигрантов и выступают в качестве пункта конечного назначения, их можно охарактеризовать, как страны с развитой экономикой, нуждающейся в привлечении дополнительных трудовых ресурсов. В таких условиях коренное население не воспринимает мигрантов как конкурентов на рынке труда, способствующих усилению безработицы или снижению общего уровня заработной платы.

Низкий уровень готовности приема фиксируется в Венгрии (ранг = 1), Чехии (ранг = 2), Болгарии (ранг = 3), Кипре (ранг = 4), Польше (ранг = 5). Венгрия и в значительно меньшей степени Болгария являются транзитными пунктами миграционных маршрутов, их население сталкивается с отрицательными последствиями нелегальной миграции. Кипр характеризуется одним из самых высоких уровней безработицы в Евросоюзе, что очевидно сказывается на установках населения. Польша принимает большой поток мигрантов из Украины, при этом на официальном уровне декларируется необходимость мер по защите национального рынка труда. В Чехии на фоне моноэтнического состава населения и отсутствия серьезного опыта приема мигрантов установки жителей во многом могут определяться не реально существующей угрозой, а действием устойчивых стереотипов.

Россия (ранг = 6) по европейским меркам относится к числу стран со сравнительно низкой готовностью населения к приему мигрантов. Материалы других исследований подтверждают, что в России распространены

представления о том, что иммигранты создают конкуренцию на рынке труда и «отнимают» работу у местных жителей [Иммиграция в Россию..., 2013]. Большинство россиян относятся негативно к присутствию приезжих в различных сферах экономики за исключением коммунального хозяйства и сферы услуг [Мигранты на российском..., 2016].

Таким образом, результаты исследования показали, что европейские страны весьма дифференцированы по готовности населения к приему мигрантов, последнее детерминировано комплексом взаимосвязанных причин. Россияне на общеевропейском фоне демонстрируют низкий уровень готовности приема иммигрантов.

Список литературы

1. Иммиграция в Россию: благо или вред для страны? // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2360. — 2013. URL: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114322 (дата обращения: 17.02.2020).
2. Мигранты на российском рынке труда: за и против // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3072. — 2016. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115643 (дата обращения: 17.02.2020).

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Immigracija v Rossiju: blago ili vred dlja strany? // VCIOM. Press-vypusk № 2360. — 2013. URL: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114322 (data obrashhenija: 17.02.2020).
2. Migranty na rossijskom rynke truda: za i protiv // VCIOM. Press-vypusk № 3072. — 2016. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115643 (data obrashhenija: 17.02.2020).

САДОВСКАЯ Елена Юрьевна
к.ф.н., независимый аналитик,
Алма-Ата, Казахстан.
E-mail: esa2004@mail.ru

ОСНОВНЫЕ И НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ В МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ УЗБЕКИСТАНА

Ключевые слова: миграционные процессы, миграционная политика, институты управления, законодательство, Узбекистан.

Коды JEL: J18, J61, R23

Введение

Республика Узбекистан (РУз) является демографическим лидером Центральной Азии (ЦА) с населением 34,280 млн человек (на 15 августа 2020 г.) [ГКС РУз, 2020], страной интенсивных миграционных движений и основным «экспортером» трудовых мигрантов в СНГ. Миграция в РУз возросла в последние три года, и ее драйвером стала политика либерализации, начавшаяся в Узбекистане в 2016 г. с приходом к власти президента Шавката Мирзиеева. К этому времени в сфере миграции в РУз накопилось много проблем: значительные объемы нерегулируемой трудовой эмиграции, распространено нелегальное пересечение границ в местах компактного проживания диаспор в приграничных районах, миграционное законодательство слабо развито, а исследований недостаточно для реформирования миграционной политики (см. [Садовская, 2017; Садовская, 2020]).

В данных тезисах кратко определяются наиболее масштабные миграционные потоки и новейшие тенденции, сложившиеся в Узбекистане в последние три года; определяется динамика и направления миграций; выявляются проблемы в миграционной политике, законодательной и институциональной базе управления, освещаются проблемы, возникшие в связи с пандемией коронавируса. Предложены рекомендации по реформированию миграционной политики. Используемые методы: кабинетное исследование (desk research). Источники информации: данные Государственного комитета РУз по статистике (ГКС); базы данных и ведомственная статистика РУз и международных организаций; вторичные исследования.

Основные и новейшие тенденции в миграциях в Узбекистане

В советские времена Узбекистан был страной низкой трудовой мобильности. Причинами современных миграций стали сложная совокупность факторов: исторических, социально-экономических, политических, этнодемографических — выталкивающих в РУз и притягивающих — в странах достижения, в первую очередь в России и Казахстане. Они проанализированы в ряде работ [там же], поэтому перейдем к основным тенденциям.

Типы, виды и динамика миграций. С точки зрения легального статуса сегодня в республике наблюдаются все типы миграций: законные, нерегулируемые и нелегальные трансграничные пересечения. С учетом длительности пребывания наблюдаются миграции постоянные и временные. С точки зрения видов миграций (migration patterns) в Узбекистане представлено все разнообразие миграционных передвижений: трудовые, торговые, на постоянное место жительство, образовательные, туризм и др.

География пересечений: преобладающая часть миграционного обмена — 85–86% — приходится на соседние страны Центральной Азии, оставша-

яся доля — поровну на остальные страны СНГ и вне СНГ. Ключевой миграционный партнер Узбекистана — это Казахстан: между странами сохраняется диаспоральная миграция, т.е. частные (родственные) визиты представителей крупных узбекской и казахской диаспор, которые проживают в приграничье обеих стран. Казахстан также является одной из двух основных стран достижения узбекских трудовых мигрантов. Из стран вне СНГ лидируют Турция, Южная Корея, ОАЭ, Саудовская Аравия, Китай, Индия и США.

Динамика миграций. Имеющаяся открытая статистика (временных) въездов и выездов в Узбекистан с 2012 по 2019 г. показывает резкое ее увеличение в 2018 и 2019 гг. Рост въездов в 2019 к 2012 г. (12,9 млн к 2,7 млн) и выездов (8,3 млн к 1,9 млн) составил в 4,4 раза в каждом направлении [Data.gov.uz, 2020; Podrobno.uz, 2020]. В 2020 г. произошло резкое сокращение всех видов миграций в результате пандемии коронавируса и локдауна во многих странах мира. Число въездов в РУз в январе-июне 2020 г. по сравнению с тем же периодом 2019 г. сократилось с 3,035 до 1,216 млн, а выездов — с 3,720 до 1,439 млн, или в 2,6 раза в каждом направлении [ГКС РУз (а), 2020].

По официальным данным, в 2019–2020 гг. на заработках за пределами РУз находилось 2,5 млн человек (около 20% экономически активного населения), в том числе — около 2 млн в России [Sputniknews (а), 2020].

Современная миграционная политика в Узбекистане

Новейшие тенденции роста и диверсификации направлений миграций сложились благодаря значительным законодательным и институциональным реформам в регулировании миграций, проведенным в 2017–2019 гг. Они находятся в русле реализации «Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах», утвержденной указом Президента в феврале 2017 г., [Указ Президента, 2017] и нацеленной на всеобъемлющие реформы во всех областях общественной жизни. Среди нововведений: отмена визового режима выезда из страны для узбекских граждан («стикера» в паспорте) в 2017 г., введение заграничных биометрических паспортов для граждан РУз с 1 января 2019 г., введение электронной визы и упрощение режима въезда для иностранных граждан (поэтапно в 2017–2019 гг.), кардинальная перестройка работы в миграционной сфере Министерства внутренних дел и его подразделений на местах и другие инициативы, которые способствовали усилению легальности въезда и выезда [Mekhnat.uz, 2020].

Основополагающего закона, регулирующего отношения в области миграции, в Узбекистане еще не принято. Ожидалось, что первый законопро-

ект «О защите прав трудящихся-мигрантов и членов их семей — граждан Республики Узбекистан» будет представлен к 1 сентября 2020 г., но к 15 сентября было принято только постановление президента [Sputniknews, 2020]. В стране также до сих пор не принято стратегических документов по демографической и миграционной политике, что затрудняет формирование адекватной политики в области развития народонаселения и миграции.

В РУз существует несколько уполномоченных органов в области управления миграционными процессами: Министерство занятости и трудовых отношений, Министерство внутренних дел и его Главное управление миграции и оформления гражданства МВД РУз, Министерство иностранных дел, Министерство юстиции, Агентство по внешней трудовой миграции, Государственный комитет РУз по статистике и другие министерства и ведомства.

Более 15 лет (с 2003 г.) агентство было единственным учреждением в республике, которое занималось управлением процессами внешней трудовой миграции. Сейчас назрела необходимость децентрализации перехода к партнерству на региональном уровне (между регионами РУз, РК и РФ, других стран), а также развития структур промежуточного уровня: рекруитинговых и посреднических агентств, бюро по трудоустройству. Для этого в 2018 г. был принят закон о частных агентствах занятости [Закон, 2018]. Вопрос об учреждении единого государственного органа, ответственного за разработку и реализацию миграционной политики в РУз, остается актуальным, но пока не обсуждался исполнительными органами.

Пандемия коронавируса COVID-19 прервала позитивные тенденции в развитии миграций и их регулирования в РУз. 15 марта 2020 г. был зафиксирован первый инфицированный [WHO, 2020], и в стране был введен карантин. Государство предприняло ряд законодательных, финансовых, организационных мер по поддержке экономики, малого и среднего бизнеса, социальной защите населения и др. [Указ Президента, 2020]. С 16 марта было приостановлено транспортное сообщение с другими странами из-за угрозы распространения инфекции. По официальным данным на август 2020 г., почти 500 тыс. узбекских трудовых мигрантов не смогли выехать на заработки за рубеж [SputnikNews (a), 2020]. При этом 498 тыс. узбекских граждан вернулись из стран трудовой миграции и остались дома из-за карантинных ограничений.

В июне министр занятости и трудовых отношений РУз сообщил, что число безработных из-за пандемии коронавируса выросло с 1,35 млн до почти 2 млн человек [SputnikNews (b), 2020]. Всемирный банк и другие международные организации предложили комплекс мер и финансовую поддержку населению по сокращению бедности.

Не менее острые проблемы у мигрантов, «застрявших» в России и других странах из-за всеобщего локдауна. По данным российских исследо-

вателей, 40% опрошенных мигрантов потеряли рабочие места, у более чем 50% потеряны все источники доходов и финансовые накопления, у многих ухудшились условия труда [NG.RU, 2020].

Пандемия и угроза экономического кризиса поставили много вопросов перед политиками, законодателями, гражданскими активистами, исследователями в странах исхода и достижения. Для Узбекистана наряду с этими новыми вызовами в миграционной сфере остаются те же цели и задачи, которые существовали и до марта 2020 г. В первую очередь это развитие законодательства, в частности принятие базового закона по миграции населения (или миграционного кодекса), соответствующего международным стандартам. Не менее важны институциональные реформы. Необходимо разработать и принять концептуальные документы и госпрограмму в области демографического развития и миграционной политики. Актуально международное сотрудничество, так как кризис еще раз подтвердил, что миграция, в частности трудовая, необходима не только для Узбекистана, но и востребована на рынках труда стран приема и решать ее проблемы надо во взаимодействии всех заинтересованных акторов.

Список литературы

1. Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике (ГКС РУз). Население Узбекистана на 15.08.2020. URL: https://www.stat.uz/ru/2-uncategorised/5222-o-zbekiston-aholisi-ru (дата обращения: 15.08.2020).
2. Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике (ГКС РУз) (а). Количество лиц, выехавших и въехавших в Республику Узбекистан с туристической целью (в январе-июне 2020 года). URL: https://stat.uz/uploads/docs/kelgan_ketganlar_soni_iyun_ru.pdf (дата обращения: 13.08.2020).
3. Закон Республики Узбекистан «О частных агентствах занятости» № ЗРУ-501 от 16 октября 2018 г. URL: http://lex.uz/docs/-3992869 и http://lex.uz/docs/3992894 (дата обращения: 21.01.2020).
4. Министерство занятости и трудовых отношений РУз (Mehnat.uz 2020). Законы РУз. URL: https://mehnat.uz/ru/documents/zakony-respubliki-uzbekistan; Указы Президента РУз. URL: https://mehnat.uz/ru/documents/ukazy-i-postanovleniya-prezidenta-respubliki-uzbekistan; Постановления Кабинета Министров РУз. URL: https://mehnat.uz/ru/documents/postanovleniya-kabineta-ministrov-respubliki-uzbekistan и др. (дата обращения: 21.01.2020).
5. Портал открытых данных Республики Узбекистан (Data.gov.uz.). URL: https://data.gov.uz/ru/datasets/3572 (дата обращения: 07.02.2020).
6. *Садовская Е. Ю.* Миграция между Казахстаном и Узбекистаном в 21-м веке: демографическое, экономическое, политическое измерение // Казахстан-Спектр. — 2017. — № 4. — С. 61–83.
7. Указ Президента РУз № УП-4947 от 7 февраля 2017 г. «Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбеки-

стан в 2017–2021 годах». URL: https://lex.uz/docs/3107042 (дата обращения: 27.02.2020).
8. Указ Президента РУз № УП-5969 от 19 марта 2020 г. «О первоочередных мерах по смягчению негативного воздействия на отрасли экономики коронавирусной пандемии и глобальных кризисных явлений». URL: https://lex.uz/ru/docs/4770763 (дата обращения: 30.03.2020).
9. NG.RU. Трудовых мигрантов признали «питательной средой роста криминала». URL: https://www.ng.ru/politics/2020-08-03/1_7927_migrants.html 03.08.2020 (дата обращения: 12.08.2020).
10. Podrobno.uz. Свыше 12,8 миллиона узбекистанцев выезжали из страны в прошлом году. URL: https://podrobno.uz/cat/obchestvo/svyshe-12-8-milliona-uzbekistantsev-vyezzhali-iz-strany-v-proshlom-godu-/ Материал Темира Исаева. 24.01.2020. (дата обращения: 30.01.2020).
11. *Sadovskaya Ye.* International Migration and Migration Governance in Uzbekistan (находится в производстве), 2020.
12. SputnikNews. Власти Узбекистана намерены защитить своих мигрантов отдельным законом. URL: https://uz.sputniknews.ru/migration/20200211/13443525/Vlasti-Uzbekistana-namereny-zaschitit-svoikh-migrantov-otdelnym-zakonom.html. — 11.02.2020. (дата обращения: 14.02.2020).
13. SputnikNews (a). Сколько узбекистанцев не смогли уехать на работу за рубеж из-за пандемии. URL: https://uz.sputniknews.ru/migration/20200730/14657793/Skolko-uzbekistantsev-ne-smogli-uekhat-na-rabotu-za-rubezh-iz-za-pandemii.html. — 30.07.2020. (дата обращения: 13.08.2020).
14. SputnikNews (b). В Узбекистане из-за пандемии число безработных выросло почти до 2 миллионов. URL: https://uz.sputniknews.ru/society/20200609/14311959/V-Uzbekistane-iz-za-pandemii-chislo-bezrabotnykh-vyroslo-pochti-do-2-millionov.html. — 09.06.2020 (дата обращения: 13.08.2020).
15. World Health Organisation (WHO). Novel Coronavirus (COVID-19) Situation. URL: https://experience.arcgis.com/experience/685d0ace521648f8a5beeeee1b9125cd (дата обращения: 15.03.2020).

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Gosudarstvennyj komitet Respubliki Uzbekistan po statistike (GKS RUz). Naselenie Uzbekistana na 15.08.2020. URL: https://www.stat.uz/ru/2-uncategorised/5222-o-zbekiston-aholisi-ru (data obrashhenija: 15.08.2020).
2. Gosudarstvennyj komitet Respubliki Uzbekistan po statistike (GKS RUz) (a). Kolichestvo lic, vyehavshih i v#ehavshih v Pespubliku Uzbekistan s turisticheskoj cel'ju (v janvare-ijune 2020 goda). URL: https://stat.uz/uploads/docs/kelgan_ketganlar_soni_iyun_ru.pdf (data obrashhenija: 13.08.2020).
3. Zakon Respubliki Uzbekistan «O chastnyh agentstvah zanjatosti» № ZRU-501 ot 16 oktjabrja 2018 g. URL: http://lex.uz/docs/-3992869 i http://lex.uz/docs/3992894 (data obrashhenija: 21.01.2020).

4. Ministerstvo zanjatosti i trudovyh otnoshenij RUz (Mehnat.uz 2020). Zakony RUz. URL: https://mehnat.uz/ru/documents/zakony-respubliki-uzbekistan; Ukazy prezidenta RUz. URL: https://mehnat.uz/ru/documents/ukazy-i-postanovleniya-prezidenta-respubliki-uzbekistan; Postanovlenija Kabineta Ministrov RUz. URL: https://mehnat.uz/ru/documents/postanovleniya-kabineta-ministrov-respubliki-uzbekistan i dr. (data obrashhenija: 21.01.2020).
5. Portal otkrytyh dannyh Respubliki Uzbekistan (Data.gov.uz.). URL: https://data.gov.uz/ru/datasets/3572 (data obrashhenija: 07.02.2020).
6. *Sadovskaja E. Ju.* Migracija mezhdu Kazahstanom i Uzbekistanom v 21-m veke: demograficheskoe, jekonomicheskoe, politicheskoe izmerenie // Kazahstan-Spektr. — 2017. — № 4. — S. 61–83. URL: http://kisi.kz/uploads/33/files/8kJZd5Sf.pdf
7. Ukaz Prezidenta RUz № UP-4947 ot 7 fevralja 2017 g. «Strategija dejstvij po pjati prioritetnym napravlenijam razvitija Respubliki Uzbekistan v 2017–2021 godah». URL: https://lex.uz/docs/3107042 (data obrashhenija: 27.02.2020).
8. Ukaz Prezidenta RUz № UP-5969 ot 19 marta 2020 g. «O pervoocherednyh merah po smjagcheniju negativnogo vozdejstvija na otrasli jekonomiki koronavirusnoj pandemii i global'nyh krizisnyh javlenij». URL: https://lex.uz/ru/docs/4770763 (data obrashhenija: 30.03.2020).
9. NG.RU. Trudovyh migrantov priznali «pitatel'noj sredoj rosta kriminala». URL: https://www.ng.ru/politics/2020-08-03/1_7927_migrants.html 03.08.2020 (data obrashhenija: 12.08.2020).
10. Podrobno.uz. Svyshe 12,8 milliona uzbekistancev vyezzhali iz strany v proshlom godu. URL: https://podrobno.uz/cat/obchestvo/svyshe-12-8-milliona-uzbekistantsev-vyezzhali-iz-strany-v-proshlom-godu-/ Material Temira Isaeva. 24.01.2020 (data obrashhenija: 30.01.2020).
11. SputnikNews. Vlasti Uzbekistana namereny zashhitit' svoih migrantov otdel'nym zakonom. URL: https://uz.sputniknews.ru/migration/20200211/13443525/Vlasti-Uzbekistana-namereny-zaschitit-svoikh-migrantov-otdelnym-zakonom.html. — 11.02.2020 (data obrashhenija: 14.02.2020).
12. SputnikNews (a). Skol'ko uzbekistancev ne smogli uehat' na rabotu za rubezh iz-za pandemii. URL: https://uz.sputniknews.ru/migration/20200730/14657793/Skolko-uzbekistantsev-ne-smogli-uekhat-na-rabotu-za-rubezh-iz-za-pandemii.html. — 30.07.2020 (data obrashhenija: 13.08.2020).
13. SputnikNews (b). V Uzbekistane iz-za pandemii chislo bezrabotnyh vyroslo pochti do 2 millionov. URL: https://uz.sputniknews.ru/society/20200609/14311959/V-Uzbekistane-iz-za-pandemii-chislo-bezrabotnykh-vyroslo-pochti-do-2-millionov.html. — 09.06.2020 (data obrashhenija: 13.08.2020).

СИВОПЛЯСОВА Светлана Юрьевна
к.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник
Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН;
доцент кафедры Московского авиационного института
(национального исследовательского университета),
Москва, Россия.
E-mail: svetlankamos84@yandex.ru

МИГРАЦИЯ И БРАЧНОСТЬ В РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ[1]

Ключевые слова: миграция, брачность, регионы России, корреляционный анализ, кластерный анализ.

Коды JEL: J12, J61

Одной из важнейших составляющих жизни каждого человека является создание семьи. На время, место заключения брака, а также выбор спутника жизни может повлиять множество факторов, в том числе миграционный опыт индивида. При этом следует отметить, что миграция может как «сдерживать» вступление в брак, так и, напротив, «способствовать» ему. Фактор миграции в брачном поведении, вероятнее всего, будет заметнее проявляться в случае международной миграции. Остается неизученным вопрос: существует ли взаимосвязь между масштабами миграции в страну и объемом международной части брачного рынка государства? Настоящее исследование направлено на установление связей между иммиграцией в Россию и формированием международной компоненты брачного рынка на территории нашей страны.

Исследование строилось на предположении о том, что чем выше интенсивность иммиграции, тем больше емкость международной части брачного рынка государства и, следовательно, выше интенсивность заключения браков между гражданами России и иностранцами. Это, в свою очередь, влияет на формирование особой брачной и этнической структуры населения, создает новые миграционные потоки, отражается на численности населения.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики РФ, около 7% от общего числа заключенных на территории страны браков составляют браки, осложненные международным компонентом. Из них 67% составляют случаи, в которых жених является иностранцем, а невестой — гражданка России. То есть основу контингента фактических брач-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-311-70020.

ных иммигрантов в нашей стране составляют мужчины, что является российской спецификой, отличной от общемировой тенденции [Сивоплясова, 2020]. Наибольшее число иностранных мигрантов, заключивших брак на территории России в 2018 г., прибыли из Украины, Таджикистана, Азербайджана. Такая географическая структура брачной иммиграции хотя и соответствует географической структуре совокупного иммиграционного потока в Россию, но не полностью совпадает с ней. В связи с этим на первом этапе исследования была проверена гипотеза о наличии взаимосвязи между числом иммигрантов и числом заключенных браков между гражданами России и иностранцами. Для этого был проведен корреляционный анализ.

В основу анализа были положены данные Росстата за 2018 г. о численности иммигрантов в регионах страны, а также числе браков между иностранцами и россиянами в этих субъектах. Кроме того, для адекватной оценки силы взаимосвязи этих двух параметров в анализе использовались данные о численности населения регионов и числе заключенных браков.

Результаты анализа показали, что между всеми показателями существует тесная прямая связь. Коэффициент корреляции варьируется от 0,78 (корреляция между численностью населения региона и численностью иммигрантов в нем) до 0,99 (корреляция между численностью населения региона и числом заключенных браков). При этом взаимосвязь между численностью мигрантов в регионе и числом заключенных браков между гражданами России и иностранцами хотя и довольно тесная (коэффициент корреляции равен 0,86), но ниже, чем между численностью населения и числом заключенных браков. То есть миграция в Россию обладает определенным «сдерживающим» эффектом к заключению брака для иностранцев.

Очевидно, что интенсивность иммиграции и заключения браков, осложненных международным компонентом, в разных субъектах Российской Федерации различается. Поэтому и социально-экономический эффект международных браков для различных регионов будет разным. В связи с этим на втором этапе исследования был проведен кластерный анализ, целью которого стало выявление групп субъектов Российской Федерации по показателям интенсивности иммиграции и активности заключения браков с иностранцами (табл. 1). Проведенный анализ показал, что можно выделить пять групп субъектов России.

Первую группу регионов составляют субъекты с низкой интенсивностью международных браков (доля браков с иностранцами составляет 0,0–1,9% от общего числа заключенных в регионе браков). К данной группе относится 16 регионов России. Основу группы составляют регионы, являющиеся национальными республиками, а также регионы с низким уровнем полиэтничности. Вторая группа имеет значение показателя ниже среднего (2,0–6,08%). Данная группа самая многочисленная — 51 ре-

гион. Третья группа — регионы со средними показателями интенсивности браков с международным компонентом (6,1–9,5%). В нее входят 10 субъектов РФ, большинство из которых имеют приграничное положение, что, очевидно, сказывается на брачном поведении граждан России. В четвертой группе показатели международных браков выше средних — 9,6–14,0%. Участниками данной группы являются 6 субъектов. В их число входят все города федерального подчинения (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь), два их которых являются мегаполисами и центрами притяжения мигрантов, Республика Крым, население которой имеет тесные социальные связи с населением Украины, а также нефтедобывающие регионы Сибири, имеющие высокие показатели миграции и «молодое» население, что предопределяет высокие показатели браков между россиянами и иностранцами в этих субъектах.

Последнюю, пятую группу составляют три региона, в которых доля браков с иностранцами варьируется от 14,1 до 15,7%. В эту группу входят Московская и Ленинградская области, а также Калужская область. Высокие показатели брачности с иностранцами в этих регионах, вероятнее всего, предопределены экономическими и правовыми причинами.

Таблица 1

Классификация регионов России по доле браков с иностранцами в общем числе браков

Группа	Доля браков с иностранцами	Субъекты
Низкая интенсивность международных браков	0,0–1,9%	Амурская область, Архангельская область, Еврейская автономная область, Забайкальский край, Карачаево-Черкесская Республика, Кировская область, Костромская область, Республика Бурятия, Республика Ингушетия, Республика Калмыкия, Республика Мордовия, Республика Тыва, Республика Хакассия, Республика Чувашия, Чеченская Республика
Интенсивность международных браков ниже среднего	2,0–6,08%	Астраханская область, Алтайский край, Белгородская область, Брянская область, Волгоградская область, Владимирская область, Вологодская область, Ивановская область, Иркутская область, Камчатский край, Кемеровская область, Красноярский край, Курганская область, Курская область, Липецкая область, Мурманская область, Ненецкий автономный округ, Нижегородская область, Новгородская область, Новосибирская область, Омская область, Оренбургская область, Орловская область, Пензенская область, Пермский край, Приморский край, Псковская область, Республика Адыгея, Республика Алтай, Республика Башкирия, Республика Дагестан, Республика Карелия, Республика Коми, Республика Марий Эл, Республика Северная Осетия, Республика Татарстан, Республика Удмуртия, Рязанская область, Самарская область, Саратовская область, Свердловская область, Ставропольский край, Сахалинская область, Тамбовская область, Томская область, Тюменская область, Ульяновская область, Хабаровский край, Челябинская область, Чукотский автономный округ, Ярославская область

Окончание табл. 1

Группа	Доля браков с иностранцами	Субъекты
Средняя интенсивность международных браков	6,1–9,5%	Воронежская область, Калининградская область, Краснодарский край, Магаданская область, Ростовская область, Республика Саха (Якутия), Смоленская область, Тверская область, Тульская область, Тюменская область
Интенсивность международных браков выше среднего	9,6–14,0%	г. Москва, г. Санкт-Петербург, г. Севастополь, Республика Крым, Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ
Высокая интенсивность международных браков	14,1–15,7%	Калужская область, Ленинградская область, Московская область

Во-первых, крупнейшими центрами притяжения мигрантов в стране являются Московский и Ленинградский макрорегионы. Нередко, устраиваясь на работу в Москве или Санкт-Петербурге, мигранты местом проживания выбирают населенные пункты Московской или Ленинградской областей ввиду более низкой стоимости аренды жилья. Поэтому неудивительно, что и число браков с иностранцами, приходящихся на эти субъекты, наибольшее. Во-вторых, Калужская область является одним из самых динамично развивающихся в экономическом плане регионов страны. Открываются новые предприятия, в том числе с привлечением иностранного капитала, что влечет за собой рост показателей миграции и высокие показатели числа браков с иностранцами. Кроме того, Калужская область граничит с Московской и расположена недалеко от Москвы. Поэтому у мигрантов есть возможность работать в соседнем мегаполисе, а платить за аренду жилья значительно меньше, что делает субъект привлекательным для мигрантов и влечет за собой рост показателей брачности между россиянами и иностранцами в данном регионе. Помимо этого, Калужскую область называют «воротами» для въезда мигрантов в Россию. Регион участвует в государственной программе добровольного переселения соотечественников, поэтому, желая попасть в Центральный регион страны и легализоваться в ней, мигранты часто выбирают в качестве места въезда Калужскую область. Согласно региональным нормативно-правовым актам, для натурализации в Российской Федерации необходимо прожить и проработать на территории области 1–2 года [Калужскую область назвали..., 2018]. Это, с одной стороны, достаточное время, чтобы встретить спутника жизни и заключить брак, а с другой — стремясь быстрее и проще получить гражданство России, мигранты нередко прибегают к заключению брака с гражданином государства. Такие браки часто носят фиктивный характер, заключаются на, казалось бы, обоюдовыгодных «коммерческих» условиях. Однако имеют ряд негативных последствий.

Таким образом, в 2018 г. 19 регионов страны имели значение показателя доли браков с иностранцами среди общего числа заключенных браков выше, чем среднероссийское значение. Поэтому именно этим регионам в первую очередь целесообразно обратить особое внимание на социально-экономические и демографические эффекты данного явления.

Во-первых, заключение брака в стране иммиграции является показателем намерения человека связать свою судьбу с этой страной на длительный срок. Поэтому в регионах происходит как «механическое» увеличение численности населения (ввиду миграции), так и «естественное» (рождение детей в международных семьях).

Во-вторых, большое число браков с иностранцами влечет за собой изменение этнической структуры населения, формирование полиэтничности, которую необходимо учитывать при разработке и реализации мер социальной и экономической политики на региональном уровне.

В-третьих, актуализируется проблема регистрации фиктивных браков. Мигранты в данном случае стремятся быстрее и проще получить гражданство России, российские граждане хотят получить некоторый доход, не прикладывая при этом особых усилий. Распространенность данного явления «способствовала» формированию особой незаконной инфраструктуры брачного рынка — появлению «помощников» в сведении женихов и невест. Однако обе стороны брачных отношений нередко забывают о тех последствиях, которые несет за собой заключение и последующее расторжение брака. Среди них следует отметить: раздел имущества, нажитого в браке, ответственность за долги, накопленные одним из супругов, сложности с продажей недвижимости одним из супругов, вопросы признания отцовства детей, которые появились как у невесты, так и у жениха в период фиктивного брака, и многие другие.

Вместе с тем в российском законодательстве не предусмотрено процедуры контроля за действительностью брака, а также ответственности за его фиктивность. Поэтому крайне сложно отказать в получении гражданства по причине состояния в фиктивном браке, а также применить административные меры к мигрантам, стремящимся к получению «выгод» на фиктивной основе. В связи с этим представляется необходимым разработать комплекс мер, направленных на регулирование данной сферы.

Список литературы

1. Калужскую область назвали «воротами» для въезда мигрантов в РФ [Электронный ресурс]. URL: https://regnum.ru/news/society/2454680.html
2. *Сивоплясова С. Ю.* Брачный рынок России как составляющая международного брачного рынка // СОТИС. — 2020. — № 1. — С. 55–61.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Kaluzhskuju oblast' nazvali «vorotami» dlja v#ezda migrantov v RF [Jelektronnyj resurs]. URL: https://regnum.ru/news/society/2454680.html
2. *Sivopljasova S. Ju.* Brachnyj rynok Rossii kak sostavljajushhaja mezhdunarodnogo brachnogo rynka // SOTIS. — 2020. — № 1. — S. 55–61.

СМИРНОВ Андрей Владимирович
к.э.н., старший научный сотрудник
Лаборатории демографии и социального управления,
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми НЦ УрО РАН,
Сыктывкар, Россия.
E-mail: av.smirnov.ru@gmail.com

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ: ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ[1]

Ключевые слова: миграция, подходы, муниципальная статистика, Арктика, Россия.

Коды JEL: J11, O15

В 2012–2019 гг. миграционная убыль населения Арктической зоны Российской Федерации составила 168,5 тыс. человек, или 6,1% от общей численности населения. Отрицательное сальдо миграции наблюдается во всех девяти арктических субъектах РФ и в 64 из 75 муниципальных образований (городских округов и муниципальных районов). Притом что в Арктической зоне средний коэффициент миграционного прироста (убыли) составляет –7,9 на 1000 жителей, в некоторых городских округах отток еще более стремительный: Воркута (–30,1), Инта (–23,7), Муравленко (–17,2), Усинск (–16,1), Ковдор (–12,6), Ноябрьск (–12,3). Подобная ситуация характерна и для большинства сельских поселений. Столь большое влияние миграций на арктические сообщества делает актуальной задачу обобщения подходов к изучению миграционных процессов в Арктике.

[1] Исследование выполнено в рамках НИР «Население северных территорий России: история формирования и перспективы развития» (№ ГР АААА-А19-119012190103-0, 2019–2021 гг.).

Ресурсный подход объясняет трансформацию миграционных тенденций влиянием стадий цикла освоения природных ресурсов, поскольку в экономике арктических территорий преобладает добыча полезных ископаемых. На ранних этапах освоения регионов Арктики существует большая потребность в работниках, высок и миграционный прирост, особенно среди мужчин трудоспособного возраста [Пилясов, Замятина, 2017]. Постепенно половозрастной состав становится более сбалансированным. После наступления экономического спада из-за снижения спроса на ресурсы или исчерпания запасов интенсивные миграции возникают уже в противоположном направлении [Shiklomanov, 2019].

Климатический подход акцентирует внимание на природно-климатических условиях и изменениях климата в арктических регионах [Heleniak 2014]. Ожидается, что изменения климата в XXI в. быстрее и интенсивней будут происходить именно в Арктике. Они могут привести к разрушению инфраструктуры под влиянием таяния вечной мерзлоты или к изменению уклада жизни коренных народов Севера [Hamilton, 2016]. Однако уже сегодня наименее благоприятные с точки зрения климата города Российской Арктики испытывают высокий миграционный отток.

В рамках этнического подхода миграция рассматривается через призму национального состава населения и мер национальной политики [Heleniak, Bogoyavlenskiy, 2014]; изучаются миграционные установки представителей коренных народов [Hamilton et al., 2018] и пришлого населения. Как правило, для коренных народов характерна более низкая межрегиональная миграционная подвижность. Другие демографические показатели в Арктике также дифференцируются в зависимости от этнического состава населения.

Пространственный подход в изучении арктической миграции населения основывается на учете влияния гравитационного и агломерационного эффектов, близости и удаленности территорий, транспортной доступности [Berman, Lance, 2012]. Чем выше удаленность регионов от центров расселения, тем выше в них миграционная подвижность населения. В Российской Арктике выражены процессы урбанизации и концентрации жителей в немногочисленных крупных городах, выполняющих опорную функцию для огромных территорий [Смирнов, 2020]. В рамках пространственного и ресурсного подходов обычно рассматривается и вахтовая миграция.

Концепция вытеснения [Sassen, 2014] рассматривает арктическую миграцию как результат относительных изменений уровня и качества жизни населения, а также наличия или отсутствия перспектив долгосрочного развития территорий в восприятии местных жителей [Лыткина, Смирнов, 2019]. Миграционные настроения становятся защитной реакцией северян на снижающиеся показатели уровня и качества жизни. В резуль-

тате арктические регионы массово покидают жители, в том числе молодые и квалифицированные, что провоцирует дальнейшее снижение привлекательности жизни в Арктике для оставшихся.

Анализ динамики численности населения арктических территорий показал, что в течение большей части XX в. миграционные процессы в Арктической зоне России определялись преимущественно логикой циклов освоения природных ресурсов. Для выявления современных закономерностей миграции анализировалась муниципальная статистика, содержащаяся в Базе данных показателей муниципальных образований Росстата. Корреляционный анализ социально-демографических показателей 70 городских округов и муниципальных районов Арктической зоны (все за исключением закрытых административно-территориальных образований) за 2015–2019 гг. выявил, что первоочередное значение для миграций сегодня приобретают факторы качества жизни — возможности получать образование и вести долгую здоровую жизнь. Материальные стимулы могут повысить миграционную подвижность, но не миграционный прирост населения. Почти все муниципальные образования Российской Арктики имеют отрицательное сальдо миграции. Различаются только направления миграционных перемещений.

Основываясь на данных проекта «Виртуальное население России» (WebCensus.ru), выявлены ключевые направления миграций в Арктической зоне России, определены локальные центры притяжения населения. Показано, что главным сдерживающим фактором к еще более масштабной убыли численности населения Арктической зоны является наличие нескольких крупных городов, служащих образовательными и культурными центрами и привлекающих население из сельских территорий и поселков. Это прежде всего Архангельск и Мурманск, находящиеся в западной части Арктической зоны. В восточной части российской Арктики привлекательными для мигрантов являются Салехард и Анадырь. Жители крупных и относительно благополучных городов имеют больше ресурсов для миграции и уезжают в города за пределами Арктики.

За последние восемь лет миграционная убыль населения несколько снизилась. Если в 2012–2015 гг. среднегодовое сальдо миграции составляло –27,5 тыс. человек, то в 2016–2019 гг. оно составило –14,7 тыс. человек. В условиях пространственного выравнивания показателей материального уровня жизни, а также оптимизации сети образовательных организаций следует ожидать дальнейшего высокого миграционного оттока из Российской Арктики. Стабилизация демографической ситуации в арктических регионах невозможна без комплексного увеличения показателя человеческого развития и качества жизни.

Список литературы

1. *Лыткина Т. С., Смирнов А. В.* Вытеснение на Российском Севере: миграционные процессы и неолиберальная политика // Арктика и Север. — 2019. — № 37. — С. 94–117.
2. *Пилясов А. Н., Замятина Н. Ю.* Региональный консалтинг: приглашение к творчеству. Опыт разработки документов стратегического планирования регионального и муниципального уровня. — СПб.: Маматов, 2017. — 196 с.
3. *Смирнов А. В.* Человеческое развитие и перспективы формирования экономики знаний в российской Арктике // Арктика: экология и экономика. — 2020. — № 2 (38). — С. 18–30.
4. *Berman M., Lance H.* Remoteness, Transportation Infrastructure, and Urban-Rural Population Movements in the Arctic. In: Proceedings of the International Conference on Urbanisation of the Arctic, 2012. Stockholm: Nordregio, 2012. — P. 108–122.
5. *Hamilton L. C., Wirsing J., Saito K.* Demographic Variation and Change in the Inuit Arctic. Environmental Research Letters, — 2018. — Vol. 13 (11).
6. *Hamilton L. C.* [et al.]. Climigration? Population and Climate Change in Arctic Alaska // Population and Environment. — 2016. — Vol. 38 (2). — P. 115–133.
7. *Heleniak T., Bogoyavlenskiy D.* Arctic Populations and Migration. In: Arctic Human Development Report. Regional Processes and Global Linkages. — Copenhagen: Nordic Council of Ministers, 2014. — P. 53–104.
8. *Heleniak T.* Migration in the Arctic. In: Arctic Yearbook 2014. Human Capital in the North. — Akureyri: Northern Research Forum, 2014. — P. 82–104.
9. *Sassen S.* Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy. — Cambridge, MA: Belknap Press, 2014.
10. *Shiklomanov N.* [et al.]. Dealing with the bust in Vorkuta, Russia. Land Use Policy. — 2019. — Vol. 93. — P. 1–11.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Lytkina T. S., Smirnov A. V.* Vytesnenie na Rossijskom Severe: migracionnye processy i neoliberal'naja politika // Arktika i Sever. — 2019. — № 37. — S. 94–117.
2. *Piljasov A. N., Zamjatina N. Ju.* Regional'nyj konsalting: priglashenie k tvorchestvu. Opyt razrabotki dokumentov strategicheskogo planirovanija regional'nogo i municipal'nogo urovnja. — SPb.: Mamatov, 2017. — 196 s.
3. *Smirnov A. V.* Chelovecheskoe razvitie i perspektivy formirovanija jekonomiki znanij v rossijskoj Arktike // Arktika: jekologija i jekonomika. — 2020. — № 2 (38). — S. 18–30.

СТАНИШЕВСКАЯ Людмила Сергеевна
старший научный сотрудник отдела демографических прогнозов и занятости
Научно-исследовательского института
Министерства экономики Республики Беларусь,
Минск, Беларусь.
E-mail: stanishevskaya_l.s@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕЩЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В РАМКАХ ВНУТРИРЕСПУБЛИКАНСКИХ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ

Ключевые слова: внутриреспубликанская миграция, регионы, половозрастная структура населения, миграционный оборот.

Коды JEL: J11, R23

Одним из факторов социально-экономического развития любого региона является миграция. Для демографического развития Беларуси наиболее значимы последствия внутриреспубликанской миграции, удельный вес которой в миграционном обороте (суммарная численность прибывших и выбывших мигрантов) составляет более 90% ежегодно. В абсолютных цифрах внутриреспубликанский миграционный оборот населения республики в 2018 г. составил 473,6 тыс. человек, превысив международный миграционный оборот в 12 раз.

Анализ миграционного оборота населения в рамках внутриреспубликанской миграции в разрезе областей показывает, что лидером по количеству перемещений в 2018 г. являлась Минская область — 50,7 тыс. жителей (табл. 1). В остальных регионах миграционная активность была ниже почти в 2–2,5 раза.

Таблица 1

Миграционный оборот населения Республики Беларусь в рамках внутриреспубликанской миграции в разрезе областей в 2018 г.

Регион	Внутриреспубликанский миграционный оборот					
	общий		в рамках внутриобластной миграции		в рамках межобластной миграции	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Брестская	71 596	100	46 292	64,7	25 304	35,3
Витебская	60 022	100	40 440	67,4	19 582	32,6

Окончание табл. 1

Регион	Внутриреспубликанский миграционный оборот					
	общий		в рамках внутриобластной миграции		в рамках межобластной миграции	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Гомельская	67 591	100	47 388	70,1	20 203	29,9
Гродненская	55 645	100	35 344	63,5	20 301	36,5
г. Минск	87 255	100	-	-	87 255	100
Минская	83 595	100	32 890	39,3	50 705	60,7
Могилевская	47 938	100	28 168	58,8	19 770	41,2
РБ	**473 642**	**100**	**230 522**	**48,7**	**243 120**	**51,3**

Источник: Миграция населения в Республике Беларусь. Статистический бюллетень Национального статистического комитета Республики Беларусь за 2018 г.

Внутриобластная миграция не оказывает влияния на общую численность населения регионов, однако существенно изменяет его половозрастную структуру, способствуя дальнейшей урбанизации. Так, если на начало 2010 г. в областях на долю городского населения приходилось от 55,5 до 75,9% жителей, то на начало 2019 г. уже от 56,4 до 80,9% (рис. 1).

За счет внутриобластных миграционных потоков городское население областей ежегодно увеличивается в среднем на 2,6–3,4 тыс. человек, уменьшая на такую же величину сельское.

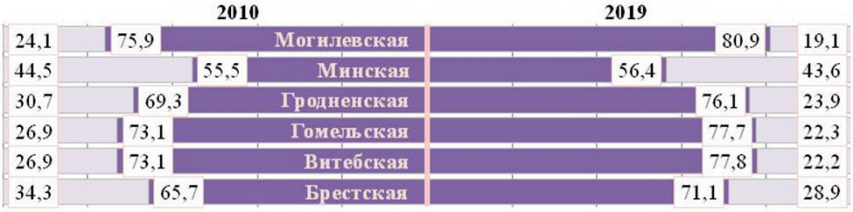

Рис. 1. Доля городского и сельского населения в региональном разрезе на начало 2010 и 2019 гг., %

Источник: Половозрастная структура населения Республики Беларусь на 1 января 2010 г. и среднегодовая численность населения за 2009 г. Статистический бюллетень Национального статистического комитета Республики Беларусь, 2010.
Половозрастная структура населения Республики Беларусь на 1 января 2019 г. и среднегодовая численность населения за 2018 г. Статистический бюллетень Национального статистического комитета Республики Беларусь, 2019.

Анализ структуры внутриобластной миграции свидетельствует, что во всех регионах республики преобладают перемещения населения между районами одной области. Доля *межрайонной* миграции населения в пределах одной области в 2018 г. составила от 55,3% в Минской до 82,6% в Могилевской областях (табл. 2).

Таблица 2

Миграционный оборот населения Республики Беларусь в рамках внутриобластной миграции в разрезе областей в 2018 г.

Регион	Внутриобластной миграционный оборот					
	общий		в рамках внутрирайонной миграции		в рамках межрайонной миграции	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Брестская	46 292	100	9 872	21,3	36 420	78,7
Витебская	40 440	100	8 990	22,2	31 450	77,8
Гомельская	47 388	100	12 002	25,3	35 386	74,7
Гродненская	35 344	100	8 658	24,5	26 686	75,5
Минская	32 890	100	14 718	44,7	18 172	55,3
Могилевская	28 168	100	4 914	17,4	23 254	82,6
РБ	**230 522**	**100**	**59 154**	**25,7**	**171 368**	**74,3**

Источник: Миграция населения в Республике Беларусь. Статистический бюллетень Национального статистического комитета Республики Беларусь за 2018 г.

В пределах своего района перемещались: каждый шестой житель Могилевской области, каждый пятый — Брестской, каждый четвертый — Витебской, Гомельской и Гродненской и каждый второй житель Минской области.

Доля миграционного оборота населения в рамках *межобластной* миграции составила от 29,9% в Гомельской до 60,7% в Минской области, где межобластной миграционный оборот в 1,5 раза превысил внутриобластной.

Межрегиональный обмен сопровождается потерями населения во всех административных образованиях, за исключением столицы и ее округа. В рамках межобластной миграции каждый регион ежегодно теряет 2,2–3,6 тыс. человек в миграционном обмене населением со столицей. Например, в период с 2013[1] по 2018 г. население Минска за счет межобластной миграции увеличилось на 73,5 тыс. человек, что сопоставимо с численностью г. Жлобина. Наибольшие потери населения из-за миграции в столицу в 2013–2018 гг. понесла Могилевская область (21,1 тыс. человек,

[1] Выбор периода 2013 и 2018 гг. обусловлен доступностью сопоставимой статистической информации.

или 2,0%). В остальных регионах это сокращение составило 0,9–1,2%. Таким образом, в этот период из каждой области в Минск переехало население, численность которого сопоставима в среднем с величиной малого города (15,0 тыс. человек) соответствующего региона.

Несмотря на ежегодные потери населения каждой области при миграционном обмене с Минском, городское население всех областей имеет положительное сальдо миграции за счет прироста населения из сельской местности. Сельские поселения теряют жителей в рамках как внутриобластной, так и межобластной миграции, приобретая население только в результате обмена со странами СНГ (за исключением Витебского и Могилевского регионов) (рис. 2).

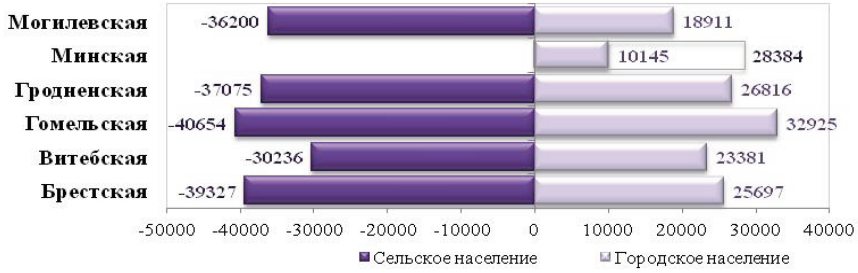

Рис. 2. Изменение численности населения регионов республики в результате внутриреспубликанской миграции за 2010–2018 гг., человек

В 2018 г. во всех областях республики миграционный оборот городского населения превысил миграционный оборот сельского как в рамках внутриобластной, так и межобластной миграции. В 5 из 6 регионов миграционный оборот городского населения практически в 2 и более раза превысил оборот сельского. Единственный регион, где общий миграционный оборот сельского населения превышает оборот городского, — это Минская область (в 1,2 раза) (табл. 3).

Таблица 3

Миграционный оборот городского и сельского населения в рамках внутриреспубликанской миграции в разрезе областей в 2018 г.

Регион	Внутриреспубликанский миграционный оборот					
	общий		городское население		сельское население	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Брестская	71 596	100	46 713	65,2	24 883	34,8
Витебская	60 022	100	42 067	70,1	17 955	29,9
Гомельская	67 591	100	46 995	69,5	20 596	30,5

Окончание табл. 3

Регион	Внутриреспубликанский миграционный оборот					
	общий		городское население		сельское население	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Гродненская	55 645	100	38 437	69,1	17 208	30,9
г. Минск	87 255	100	87 255	100,0	-	-
Минская	83 595	100	38 671	46,3	44 924	53,7
Могилевская	47 938	100	34 191	71,3	13 747	28,7
РБ	**473 642**	**100**	**334 329**	**70,6**	**139 313**	**29,4**

В целом миграционное сальдо в 2018 г. во всех областях республики было положительным для городских и отрицательным (за исключением Минской области) для сельских жителей. Общий прирост населения страны произошел за счет роста жителей г. Минска и Минской области (табл. 4).

Таблица 4

Сальдо миграции городского и сельского населения Республики Беларусь в разрезе областей в 2010 и 2018 гг., человек

Регион	Сальдо миграции					
	общее		городское население		сельское население	
	2010	2018	2010	2018	2010	2018
Брестская	–1 536	–1 888	5 363	1 725	–6 899	–3613
Витебская	360	–1 833	6 312	638	–5 952	–2471
Гомельская	712	–1 828	6 488	1 258	–5 776	–3086
Гродненская	–840	–513	5 148	2 178	–5 988	–2691
г.Минск	17 386	10 254	17 386	10 254	–	–
Минская	–1 816	6 753	1 289	680	–3 105	6073
Могилевская	–3 963	–1 583	548	1 567	–4 511	–3150
РБ	**10 303**	**9 362**	**42 534**	**18 300**	**–32 231**	**–8 938**

Источник: Миграция населения в Республике Беларусь. Статистический бюллетень Национального статистического комитета Республики Беларусь за 2018 г.

Как показывает анализ, приток людей в г. Минск происходит как за счет городского, так и сельского населения областей республики. При этом основная часть населения Беларуси перемещается в столицу из городов и поселков городского типа. Так, если в 2013 г. ее доля во внутреннем миграционном потоке составляла 65,3%, почти в 2 раза превысив долю сельского населения — 34,7, то в 2018 г. уже 68,%. В последние годы все боль-

шее значение для столицы приобретает международная миграция. Если в 2013 г. доля межобластных перемещений в общем миграционном приросте Минска составляла 82,9%, то в 2018 г. уже 51,7% (табл. 5).

Таблица 5

Сальдо миграции населения г. Минска в 2013 и 2018 гг., человек

г. Минск	Сальдо миграции					
	2013 г.			2018 г.		
	всего	городов и поселков городского типа	сельских населенных пунктов	всего	городов и поселков городского типа	сельских населенных пунктов
Все население	**15 332**	**14 524**	**808**	**10 254**	**12 734**	**–2480**
Межобластная миграция, в том числе из областей:	***12 717***	*11 909*	*808*	***5303***	*7783*	*–2480*
Брестская	**3030**	2198	832	**1909**	1478	431
Витебская	**2003**	1601	402	**1700**	1426	274
Гомельская	**2409**	1959	450	**2065**	1697	368
Гродненская	**2373**	1784	589	**1239**	926	313
Минская	**479**	2362	–1883	**–3187**	835	–4 022
Могилевская	**2423**	2005	418	**1577**	1421	156
Со странами СНГ	***1801***	*1801*	*0*	***2858***	*2858*	*0*
С другими странами	***814***	*814*	*0*	***2093***	*2093*	*0*

Источник: Регионы Республики Беларусь. Социально-экономические показатели. Статистический сборник Национального статистического комитета Республики Беларусь. Т. 1. Минск, 2014.

Миграция населения в Республике Беларусь. Статистический бюллетень за 2018 г. Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2018.

Помимо неравномерного распределения населения по территории страны и оттока из сельской местности внутриреспубликанская миграция обусловливает изменение и демографических характеристик населения. Самая высокая миграционная активность наблюдается в возрастах 15–24 года (рис. 3). В 2018 г. среди всех участвующих во внутриреспубликанской миграции на данную возрастную группу пришлось 51,3% женщин и 46,4% мужчин, в то время как в численности населения она составляла 9,1 и 11,1% соответственно.

Рис. 3. Половозрастная структура внутриреспубликанских миграционных потоков в 2010 и 2018 гг., %

Источник: Миграция населения в Республике Беларусь. Статистический бюллетень за 2018 г. Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2018.

Основной причиной миграции в данном возрасте выступает стремление молодежи к получению образования и профессии. Более высокая миграционная активность женщин обусловлена большим стремлением девушек по сравнению с юношами к получению хорошего образования и закреплению в местах учебы, которые обладают широкими возможностями для осуществления профессиональной деятельности по сравнению с прежним местом жительства.

Таким образом, выступая доминирующей составляющей миграционных процессов, внутренняя миграция оказывает влияние на численность и структуру городского и сельского населения Беларуси, трудового потенциала ее областей и административных районов. На протяжении последних лет внутриреспубликанские миграционные потоки направлены в основном из сельской местности в города и поселки городского типа, миграционный прирост которых происходит за счет убыли трудоспособного сельского населения. Ведущая роль в распределении мигрантов по типам перемещений принадлежит внутриобластной, для которой характерна аккумулирующая роль г. Минска, и все области имеют с ним отрицательное сальдо миграции.

Интенсификация процесса перемещения населения из села в город, в составе которого наряду с молодежью мигрируют и квалифицированные специалисты, приводит к обострению проблемы обеспечения сельскохозяйственных отраслей экономики квалифицированными работниками. Преобладание в составе мигрантов из села в город женщин ведет к образованию половых диспропорций, препятствует нормальному формированию семей. В то же время сравнительно высокий репродуктивный демографический потенциал, формирующийся в городской местности за счет

более интенсивного миграционного прироста женщин, не может полностью реализоваться, так как при этом нарушаются соотношение полов и брачная структура как в сельских населенных пунктах, так и в городах. Кроме того, происходит деформация половозрастной структуры сельских жителей, в результате чего село продолжает терять свой демовоспроизводственный потенциал.

Список литературы

1. Миграция населения в Республике Беларусь. Статистический бюллетень за 2018 г. Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2018.
2. Половозрастная структура населения Республики Беларусь на 1 января 2010 г. и среднегодовая численность населения за 2009 г. Статистический бюллетень Национального статистического комитета Республики Беларусь, 2010.
3. Половозрастная структура населения Республики Беларусь на 1 января 2019 г. и среднегодовая численность населения за 2018 г. Статистический бюллетень Национального статистического комитета Республики Беларусь. — 2019. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/migratsiya/statisticheskie-izdaniya/index_13475/.
4. Регионы Республики Беларусь. Социально-экономические показатели. Статистический сборник Национального статистического комитета Республики Беларусь. Т. 1. Минск, 2014. URL:https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_3473/

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Migracija naselenija v Respublike Belarus'. Statisticheskij bjulleten' za 2018 g. Nacional'nyj statisticheskij komitet Respubliki Belarus', 2018.
2. Polovozrastnaja struktura naselenija Respubliki Belarus' na 1 janvarja 2010 g. i srednegodovaja chislennost' naselenija za 2009 g. Statisticheskij bjulleten' Nacional'nogo statisticheskogo komiteta Respubliki Belarus', 2010.
3. Polovozrastnaja struktura naselenija Respubliki Belarus' na 1 janvarja 2019 g. i srednegodovaja chislennost' naselenija za 2018 g. Statisticheskij bjulleten' Nacional'nogo statisticheskogo komiteta Respubliki Belarus', 2019. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/migratsiya/statisticheskie-izdaniya/index_13475/.
4. Regiony Respubliki Belarus'. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. Statisticheskij sbornik Nacional'nogo statisticheskogo komiteta Respubliki Belarus'. T. 1. Minsk, 2014. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_3473/

СТОЛЯРОВА Зинаида Николаевна
к.ю.н., подполковник полиции,
Академия управления МВД России,
кафедра управления деятельностью подразделений
обеспечения охраны общественного порядка
центра командно-штабных учений,
Москва, Россия.
E-mail: zina_adyunkt@mail.ru

О РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: миграционная политика, концепция, стратегическое развитие, демографическое развитие, миграция иностранных граждан.

Код JEL: K23

31 октября 2018 г. указом Президента Российской Федерации утверждена новая Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг.

О ее подписании Президент Российской Федерации В. В. Путин объявил на VI Всемирном конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом. Следует подчеркнуть, что для нашей страны это не первый документ стратегического планирования в сфере миграции. 2012 г. в этом смысле является знаковым, поскольку именно в этот временной период впервые была не только разработана, но и подписана Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденная 8 июня 2012 г. (№ Пр-1490), которая определяла роль и место государственной миграционной политики в данный исторический период развития российского государства.

Справедливости ради следует подчеркнуть, что многие специалисты в рассматриваемой сфере, а также ученые и исследователи из иных отраслей науки, комментируя содержание первого концептуального документа в сфере миграции, высказывали положительные отзывы о его структуре и содержании.

Разработка новой редакции концепции связана с необходимостью обновления данного документа стратегического планирования в сфере социально-экономического развития и национальной безопасности (ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»), а также обязательностью реагиро-

вания на новые социально-экономические и геополитические вызовы и риски для России.

Перечень нормативных правовых актов, составляющих правовую основу концепции, представлен в п. 2 и 3 самой концепции, а новые цели и основные задачи миграционной политики определены п. 14 и 21 соответственно.

Обращает на себя внимание цель нового документа, в которой акцент сделан в первую очередь на развитие российского государства: социально-экономическое, демографическое, пространственное. Вопросы национальной безопасности, безусловно, учитывая категорию лиц, также остались сохранены, хотя и не занимают лидирующие позиции. Также в документе подобного уровня впервые в качестве цели задекларированы «защита и сохранение русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода»[1], иными словами, охранение цивилизационного кода нации становится приоритетным направлением современной миграционной политики России, что, безусловно, нашло положительные отзывы не только среди ученых и специалистов в рассматриваемой сфере, но и простых обывателей.

В целях определения этапов реализации основных направлений миграционной политики (п. 22 концепции) и конкретных мероприятий, необходимых для достижения целей концепции, 22 февраля 2019 г. распоряжением Правительства Российской Федерации № 265-р утвержден План мероприятий по реализации в 2019–2021 гг. Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации.

Данным распоряжением МВД России поручено: осуществлять мониторинг и контроль исполнения мероприятий плана, ежеквартально информировать Правительство Российской Федерации о результатах его реализации и ежегодно представлять в Правительство Российской Федерации проект доклада Президенту Российской Федерации о реализации концепции.

Первый проект доклада был представлен Президенту Российской Федерации в октябре 2019 г., содержащий перечень нормативных правовых актов, принятых на протяжении 2018–2019 гг., а также оценку их влияния на реализацию концепции.

Говоря о реализации концепции государственной миграционной политики, следует подчеркнуть, что одной из основных задач государства является регулирование миграции без нарушения прав, включая конституционные права граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства (далее — иностранные граждане).

---

[1] Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы».

Исходя из данных ведомственной статистической отчетности (по состоянию на 2019 г.) число иностранных граждан, въехавших на территорию Российской Федерации в 2019 г., превысило показатель аналогичного периода прошлого года (АППГ) на 12% (2019 г. — 10,8 млн человек; 2018 г. — 9,6 млн человек).

Основной целью въезда 39,5% иностранных граждан (или 4,2 млн человек от общего числа въехавших первично) является трудоустройство, 32% иностранных граждан (или 3,4 млн человек) въехали в Россию с туристической целью, и 17,5% (1,9 млн человек) для решения вопросов частного характера.

Несмотря на заключение работодателями порядка 1,5 млн трудовых договоров с иностранными работниками и выдачу 1,3 млн патентов (разрешений на работу для временно пребывающих иностранных граждан и прибывших в Россию в порядке, не требующем получения визы), количество нарушений миграционного законодательства Российской Федерации в сравнении с АППГ не снижается. Более того, часть иностранных граждан (порядка 0,5 млн человек) осуществляет трудовую деятельность на территории страны нелегально.

В ходе обеспечения контрольно-надзорных полномочий сотрудниками подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России в текущем году проведено более 358,7 тыс. мероприятий (АППГ — 360,1 тыс.).

Привлечено к административной ответственности порядка 605 тыс. человек (АППГ — 633 тыс.), принято около 206,5 тыс. решений о неразрешении въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан (АППГ — 207,3 тыс.), выдворено за пределы территории России более 86,2 тыс. иностранных граждан (АППГ — 97,5 тыс.), исполнено 4,5 тыс. решений о депортации иностранных граждан (АППГ — 4,9 тыс.).

Следует отметить, что в План по реализации концепции в мае 2020 г. распоряжением Правительства РФ были внесены существенные, на мой взгляд, изменения, которые позволили значительно изменить миграционную политику российского государства в отношении отдельных категорий иностранных граждан [Распоряжение..., 2020].

Помимо увеличения временного отрезка для реализации концепции до конца 2022 г., в плане дополнительно проработаны вопросы, затрагивающие институт гражданства Российской Федерации, порядок пребывания (проживания) как иностранных граждан, так и лиц без гражданства а также актуальные вопросы переселения в нашу страну. В этой связи вопросы территорий приоритетного заселения российского государства представляются особенно значимыми и актуальными и, безусловно, требуют отдельного самостоятельного рассмотрения. Еще одним важным акцентом в реализации миграционной политики стал раздел, затрагивающий вопросы правопорядка и безопасности, что, безусловно, представляет

собой одно из приоритетных направлений, поскольку в свете реализации новой концепции количество иностранных граждан, лиц без гражданства, а также иных лиц, прибывающих в наше государство с различными целями, значительно увеличилось. Данный факт свидетельствует о необходимости рассмотрения вопросов национальной безопасности, правопорядка, а также контроля за рассматриваемой категорией лиц. С положительной точки зрения оцениваю и поддерживаю рассмотрение вопроса о передаче исполнения наказания лица, осужденного судом Российской Федерации, для исполнения в государстве, гражданином которого оно является.

Модернизация информационного обеспечения, так же как и коммуникационного и технического, выступает одним из приоритетов в реализации миграционной политики.

Вопросам адаптации иностранцев, вынужденной миграции и развития международного сотрудничества также уделено большое внимание в Плане реализации Концепции миграционной политики российского государства.

Таким образом, представляется, что в целях реализации миграционной политики, регулирования миграционных процессов и предупреждения неконтролируемой миграции иностранных граждан необходимо организовать и обеспечить проведение ряда комплексных мероприятий, направленных на:

— ужесточение контроля и надзора за соблюдением работодателями и непосредственно иностранными работниками требований миграционного законодательства Российской Федерации;
— активизацию работы по совершенствованию институтов депортации, реадмиссии, выдворения иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации незаконно, путем издания нормативного правового документа, детально регламентирующего порядок указанных процедур;
— продолжение мероприятий по укреплению кадрового потенциала подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России, в том числе посредством увеличения штатной численности;
— расширение применения современных информационных технологий для изучения, оценки, прогнозирования изменений миграционной ситуации в стране;
— использование при осуществлении органами внутренних дел контрольно-надзорных полномочий биометрической информации, собранной в отношении иностранных граждан при пересечении ими Государственной границы Российской Федерации или при получении различного рода разрешительных документов.

Представляется, что перечисленные предложения в полной мере корреспондируют с содержанием Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг., а также планом мero-

приятий по ее реализации и будут способствовать повышению качества реализации концепции как основного документа стратегического планирования в сфере миграции в российском государстве.

Список литературы

1. Министерство внутренних дел Российской Федерации (МВД России). Официальный сайт. Статистические сведения по миграционной ситуации. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya (дата обращения: 13.03.2020).
2. Распоряжение Правительства РФ от 30.05.2020 № 1452-р «О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 22.02.2019 № 265-р // СПС «КонсультантПлюс».
3. Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Ministerstvo Vnutrennih del Rossijskoj Federacii (MVD Rossii) // Oficial'nyj sajt. Statisticheskie svedenija po migracionnoj situacii. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya (data obrashhenija: 13.03.2020).
2. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 30.05.2020 № 1452-r «O vnesenii izmenenij v rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 22.02.2019 № 265-r // CPS «Konsul'tantPljus».
3. Ukaz Prezidenta RF ot 31.10.2018 № 622 «O Koncepcii gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na 2019-2025 gody» // CPS «Konsul'tantPljus».

ТАБАК Татьяна Викторовна
аспирант, Центр демографических исследований
Национального института экономических исследований,
Кишинев, Молдова.
E-mail: tania.tabac@gmail.com

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МИГРАЦИИ ИЗ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА В СТРАНЫ ЕВРОПЫ: НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ

Ключевые слова: миграция, детерминанты миграции, интеграция мигрантов, молдавские мигранты, Германия.

Коды JEL: F22, J61, J11

Введение

В последние годы наблюдается рост миграционных потоков из Республики Молдова в европейские страны, особенно в страны Западной Европы, такие как Германия, Франция, Великобритания и др. Одним из важных условий, способствующих миграции в данный регион является массовое восстановление гражданства Румынии гражданами Молдовы[1], а также подписание в 2014 г. Соглашения об ассоциации между Республикой Молдова и Европейским союзом, отменяющего визовый режим. Основной причиной миграции в ЕС является поиск работы, особенно это характерно для миграции во Францию, в то же время важная часть потоков состоит из миграции на постоянное место жительство *(migration for settlement)*, в которой выделяется семейная миграция в Германию и Великобританию.

Целью данного исследования является изучение причин и факторов миграции, социально-экономическая интеграция мигрантов, а также рассмотрение особенностей расширения миграции в страны Западной Европы на примере Германии. Выбор для исследования Германии связан с наличием обширных и непрерывных статистических данных по сравнению с другими странами (Франция и Великобритания), анализ которых позволяет увидеть долгосрочные изменения и сформулировать некоторые объективные выводы.

Данные и методы

Для исследования использовались данные национальной статистики Германии о иностранном населении в категории *Ausländische*. Были проанализированы имеющиеся данные о потоках и контингентах мигрантов за 1992–2018 гг., а также их характеристики по полу и возрасту, продолжительности пребывания и стране рождения. Кроме того, было проведено 10 полуструктурированных интервью для выяснения факторов миграции, экономической и социальной интеграции мигрантов, их планов на будущее. Объектом исследования явились мигранты из Молдовы, приехавшие в Германию после 2014 г.[2] Интервью включало следующие блоки вопросов:

---

[1] В настоящее время довольно сложно оценить население Молдовы, которое также имеет румынское гражданство, поскольку официальная статистика на этот счет не публикуется. Различные официальные источники подтверждают, что 102 000 граждан Молдовы и Украины натурализовались за десятилетие 1991–2001 гг. [Iordachi, 2009]. Национальное управление по вопросам гражданства Румынии сообщило, что только за период 2002 — март 2018 г. румынское гражданство восстановили около 521 тыс. граждан Республики Молдова [Tabac, 2019].

[2] Было принято решение изучить мигрантов, выехавших в Германию не ранее 1 января 2014 г., в связи с тем, что с этой даты последние государства — члены ЕС (Австрия, Германия, Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Франция, Мальта, Великобритания и Испания)

общие данные, факторы миграции, процесс интеграции на рынке труда, социальная интеграция и адаптация, будущие планы и др. Интервью проводились методом снежного кома. Были интервьюированы мигранты, уехавшие в Германию на работу, учебу или стажировку, для воссоединения семьи, а также на постоянное место жительства.

Результаты

Миграционные тенденции последних десятилетий. Германия стала страной эмиграции для населения Молдовы в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Важную роль в эмиграции этого периода сыграли программы репатриации, осуществляемые государством Германии. Анализ потоков и контингентов миграции (рис. 1) показал, что миграция из Молдовы в Германию происходила в три этапа [Табак, 2018; Tabac, Gagauz, 2020]. В 1992–2002 гг. потоки мигрантов составляли до 2 тыс. человек ежегодно, и Германия в этот период входила в число пяти главных стран назначения. Контингент мигрантов в эти годы увеличился с 0,5 тыс. до 12 тыс. человек. Второй период, 2003–2013 гг., был отмечен снижением миграционных потоков и стабилизацией контингентов мигрантов на уровне 12–13 тыс. человек. Начиная с 2014 г. Федеральное статистическое управление Германии регистрирует новый рост миграции из Молдовы. Данные показывают, что в 2017 г. миграционные потоки увеличились более чем в четыре раза по сравнению с 2013 г., а также двукратное увеличение контингента мигрантов, что свидетельствует о новой волне эмиграции в Германию.

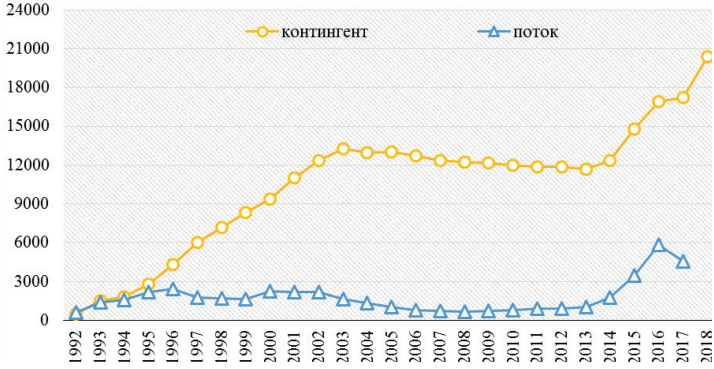

Рис. 1. Миграция из Молдовы в Германию в 1992–2018 гг., тыс. чел.
Источник: составлено по данным ОЭСР и Федерального статистического управления Германии.

сняли ограничения на рынок труда для румынских и болгарских граждан. Эта законодательная поправка способствовала расширению миграции граждан Молдовы с румынскими паспортами в Западную Европу.

Анализ возрастно-полового состава контингента мигрантов за 2015–2018 гг. показал увеличение доли детей до 10 лет и женщин в возрасте 25–45 лет. Доля женщин за данный период (2005–2018 гг.) выросла с 55% до 59%, а соотношение полов изменилось с 80 мужчин на 100 женщин до 69 мужчин на 100 женщин соответственно. В то же время наблюдается прирост доли мигрантов, не состоящих в браке: с 30 до 36%.

Увеличение числа детей до 10 лет, рожденных в Молдове, но проживающих в Германии, указывает на интенсификацию миграции семей на постоянное место жительства (табл. 1).

Таблица 1

Некоторые характеристики контингентов мигрантов

Год	Население, рожденное в Молдове				Население, рожденное в Германии				% детей до 10 лет, родившихся в Германии от общего количества детей	% родившихся в Германии от общего числа мигрантов
	Возраст (лет)				Возраст (лет)					
	до 10	10 – 18	18-25	25+	до 10	10 – 18	18-25	25+		
2005	432	1073	1711	9291	487	29	0	4	53	4,0
2006	340	994	1607	9235	500	40	0	4	60	4,3
2007	283	889	1506	9100	523	60	0	4	65	4,7
2008	212	847	1395	9143	541	72	0	4	72	5,1
2009	166	807	1318	9224	528	100	0	4	76	5,2
2010	126	706	1249	9250	518	114	5	4	80	5,4
2011	128	602	1169	9337	462	160	10	4	78	5,4
2012	128	516	1148	9437	428	179	16	3	77	5,3
2013	147	434	1101	9366	365	228	20	4	71	5,3
2014	268	409	1270	9783	311	261	26	2	54	4,9
2015	749	565	1732	11168	294	264	37	6	28	4,1
2016	1450	885	1785	12155	355	270	40	5	20	4,0
2017	1925	1200	1750	1237	350	275	55	10	15	4,0
2018	2880	1585	2075	13835	450	250	70	15	14	3,9

Источник: составлено автором по данным Федерального статистического управления Германии (статистические бюллетени за 2005–2018 гг.).

Кроме того, в 2018 г. выросла до 450 численность детей до 10 лет, родившихся в Германии в семьях мигрантов из Молдовы. Согласно этим данным, а также информации, полученной из интервью, можно сделать вывод, что новые мигранты уже реализуют свои репродуктивные планы в Германии. Так, доля мигрантов, рожденных в Германии, по имеющимся данным, составляет около 4% от общего количества мигрантов (табл. 1).

Детерминанты миграции. Решение уехать за границу связано с различными причинами и факторами. Однако независимо от цели эмиграции, будь то на работу или на постоянное место жительства, респонденты отметили экономический фактор в качестве главного, повлиявшего на решение об эмиграции. В частности, высокие цены и низкая заработная

плата были отмечены как недостаточные для поддержания достойного уровня жизни в Молдове. Таким образом, заработная плата на родине не представляются привлекательной, что в рамках теории относительной депривации объясняет важность разницы в доходах как фактора миграции [Stark, Taylor, 1989].

Мне нравится Молдова, страна маленькая, тихая, но нужно иметь достойную зарплату, чтобы жить здесь, иметь нормальные цены и жить в хороших условиях. В Молдове моя зарплата была маленькой, и единственным выходом для себя я посчитал работу за границей. Низкая зарплата мешает жить в Молдове, но, кроме того, есть много проблем политического и социального характера. Есть такие проблемы, на которые я больше не обращаю внимания, потому что ничего не решается (мужчина, 29 лет, эмигрировал в 2018 г. на работу).
Для лучшей жизни, потому что в Молдове не живешь, а выживаешь. Как были астрономические цены, такими и остались, и как было трудно жить, так и осталось. В Молдове ничего не меняется (женщина, 34 года, эмигрировала в 2016 г. с семьей).

Для мигрантов, переехавших с семьей, на первом месте стоял вопрос о возможностях лучшей жизни в Германии по сравнению с Молдовой. Разрыв в уровне социально-экономического развития этих двух стран колоссален, и возможности для воспитания и развития детей разные. Для родителей важно, чтобы их дети получили лучшее образование, качественные медицинские услуги, росли и развивались в европейском обществе.

Когда я впервые побывала в Германии, мы тогда были вместе со всей семьей, я поняла, какой здесь уровень жизни и что в Молдове даже у наших внуков не будет таких условий. Для нас как родителей важно, чтобы наши дети учились в хорошей школе и могли жить в хороших условиях (женщина, 45 лет, эмигрировала в 2014 г. с семьей).

Для других респондентов было важно приехать в Германию к своему партнеру или супругу. Данная категория мигрантов представлена молодыми незамужними девушками, у которых партнер уехал за рубеж в поиске работы задолго до них и уже на момент их приезда имел хорошую работу в Германии. Также это категория представлена замужними женщинами, переехавшими к супругу вместе с ребенком или детьми, т.е. для того, чтобы объединиться всей семьей.

Для меня было важно быть рядом с моим женихом, ради него я и приехала в Германию. Я очень привязана к дому, мне было очень сложно расстаться с родными и решиться переехать в Германию (женщина, 32 года, эмигрировала в 2017 г. для воссоединения семьи).

Определяющим фактором при выборе Германии в качестве страны назначения было наличие родственников, друзей, знакомых, что в научной литературе известно, как социальные сети [Massey et al., 1993]. Практически никто из респондентов не выехал в Германию самостоятельно, в большинстве случаев была поддержка родственников или соотечественников, помогавших найти работу, жилье и даже поступить на учебу.

У меня здесь брат живет уже давно. Я была у брата в гостях и потом подумала, что я тоже хочу здесь учиться. Сразу не получилось поступить на учебу, потому что в Молдове я еще училась в школе, надо было писать резюме, документы собрать, визу открыть (женщина, 22 года, эмигрировала в 2016 г. на учебу).
Я выбрал Германию, потому что здесь работали несколько моих друзей, у них была стабильная работа, и они сказали, что могут вначале помочь с местом жительства и работой. Я подумал, что буду в безопасности, и приехал (мужчина, 29 лет, эмигрировал в 2018 г. на работу).

Экономическая интеграция. Решение уехать в новую страну, как и фактический отъезд, — это только первый этап в жизненном цикле мигранта. В дальнейшем особенно важным моментом является адаптация, социально-экономическая и культурная интеграция мигрантов в принимающем обществе, и именно от успеха интеграции зависит, останется ли мигрант в данной стране. Данное исследование стремится охватить некоторые важные аспекты интеграции мигрантов: интеграцию на рынке труда и социальную интеграцию.

Как было сказано выше, мигрантам из Молдовы очень помогают существующие в Германии социальные сети. Таким образом, очень эффективным и быстрым способом нахождения работы являются социальные отношения родственников или друзей, находящихся в Германии, именно они связывают новых мигрантов с потенциальными работодателями. При этом выяснилось, что некоторые трудовые мигранты находят работу в Германии до фактического приезда, что также осуществляется через соотечественников, находящихся в Германии. Однако социальные сети — не единственный способ найти работу. Некоторые респонденты находят работу, просматривая рекламу на официальных сайтах или через рекламу, размещенную в общественных местах.

Просто в интернете пишу «переводчик» в таком-то городе, может, кто-то написал в объявлении. Да, ищу в основном через интернет (мужчина, 31 год, эмигрировал в 2015 г. для профессиональной стажировки).
Я пошла за покупками в русский магазин и нашла там объявление, что нужны работники в семьях пожилых людей. Я взяла номер, позвонила, пошла на собеседование, и меня приняли на работу. Первый месяц был испытательным сроком, потом

подписала контракт на неопределенный период (женщина, 32 года, эмигрировала в 2015 г. для воссоединения семьи).

Большим препятствием в поиске работы является незнание языка. Большинство рабочих мест требует знания немецкого языка, как минимум на среднем уровне. Некоторые респонденты отметили, что было довольно сложно найти работу по этой причине, кроме того, курсы изучения языка имеют неудобное расписание, как правило, днем и в будние дни, что также является препятствием для посещения курсов и последующего трудоустройства.

Единственный недостаток — незнание языка. Это препятствие и для трудоустройства, и для более высокооплачиваемой работы. Я очень хотела работать на шоколадной фабрике, но требуется знание немецкого языка хотя бы на минимальном уровне (женщина, 32 года, эмигрировала в 2017 г. для воссоединения семьи).

Исследование выявило существование различных возможностей для трудоустройства и дохода для мужчин и женщин. Согласно интервью, мужчинам легче найти работу в Германии, чем женщинам. В данном контексте сфера занятости имеет большое значение. Мужчины в основном заняты на фабриках, в строительном секторе, доставке, монтажных работах, которые оплачиваются лучше, а женщины работают в сфере услуг по уходу на дому, в гостинице или в торговле. Заработок мужчин в Германии может достигать 1700–2000 евро в месяц, в то время как женщин около 600–800 евро.

Все были удивлены, что я нашла работу за 3 месяца. Мне говорили, что это очень быстро, есть люди, которые год ищут и не находят. Мне правда очень повезло найти эту работу, и мне повезло, что работодатели русскоговорящие (женщина, 32 года, эмигрировала в 2015 г. для воссоединения семьи).

Было интересно узнать, что в Германии еще есть мигранты, работающие нелегально. Респонденты указали, что нелегальную работу можно найти в сфере строительства или на некоторых заводах, в свободное от основной работы время, а также в случае, когда работодатель иностранного происхождения (родом из Молдовы, Румынии, Украины, России и т.д.). Тем не менее большинство респондентов имеют официальную работу, платят налоги и другие сборы и в основном работают с румынским паспортом.

Другое дело, что многие работают нелегально, но я не хочу работать нелегально, хотя устроиться нелегально на работу очень легко. Есть также фабрики, которые нанимают нелегально, в этом случае и зарплата выше. Конечно, зависит и от

отработанных часов. Чем больше часов работаешь, тем выше зарплата (мужчина, 37 лет, эмигрировал в 2017 г. на работу).

Социальная интеграция. По словам интервьюированных, знание немецкого языка очень помогает не только в интеграции на рынке труда, но и в социализации, интеграции в новое общество. Однако некоторые респонденты отметили, что посещать курсы немецкого языка довольно сложно из-за неудобного графика обучения. Таким образом, некоторые респонденты смогли пройти курсы немецкого языка только после того, как уволились и стали безработными. Другие выучили язык до эмиграции на удовлетворительном уровне.

Язык, можно сказать, что это 90% успеха. Язык — это друзья, язык — это работа, квартира, увлечения, семья и все остальное (мужчина, 37 лет, эмигрировал в 2017 г. на работу).

Незнание немецкого языка затрудняет формирование социальных отношений с коренным населением. По мнению одного из респондентов, у немцев изначально существуют определенные стереотипы по отношению к иностранцам, особенно когда они плохо говорят по-немецки.

Как я заметила, немцы относятся к иностранцам уже изначально предвзято просто потому, что ты иностранец. А если ты еще говоришь не очень хорошо по-немецки, то это значит, что ты странный и что тебя надо остерегаться. Мне кажется, это из-за того, что сейчас большой поток беженцев (женщина, 22 года, эмигрировала в 2016 г. на учебу).

Приехав в Германию, большинство эмигрантов в первый период контактируют только с друзьями или родственниками из Молдовы. Через некоторое время социальные связи респондентов расширяются как на работе, так и по месту жительства, появляются новые друзья и/или знакомые из других стран. Исследование показало, что социальные сети эмигрантов расширяются, особенно за счет эмигрантов из Румынии, что способствует получению информации о наличии рабочих мест, расширению каналов общения и т.д. Отношения/контакты с коренным населением складываются после более длительного нахождения в Германии, а также у эмигрантов, хорошо владеющих немецким языком, занимающих определенные профессиональные должности.

Не все эмигранты отметили, что могут адаптироваться к социокультурному контексту и образу жизни в Германии. Для молдавских граждан характерен высокий уровень общения, проведение свободного времени в кругу друзей, чего нет в немецком обществе. Некоторым респондентам

настолько не хватает общения в Германии, что они с большой радостью возвращаются в Молдову на отдых.

Не люблю однообразную мрачную жизнь, будто все серое. Знаете какая жизнь здесь? Работа, дом и все. Они отдыхают только по праздникам и в отпуске. Я думаю, что у них есть дома где-то у моря, где они отдыхают. Может, молодежь куда-то выходит, но в целом в Германии однообразная жизнь (женщина, 32 года, эмигрировала в 2017 г. для воссоединения семьи).

Качественное исследование показало, что легче всего адаптироваться в немецком обществе детям, именно они быстрее всего изучают немецкий язык, адаптируются к школьной программе, легко интегрируются в детских садах и других внеклассных занятиях. Это стало возможным благодаря эффективному и устойчивому немецкому законодательству о социальной защите, образовательной интеграции детей-мигрантов и поддержке семей мигрантов.

Заключение

Пример Германии очень хорошо иллюстрирует изменения в международной миграции из Молдовы, которые произошли в последние годы. До недавнего времени, в 2014–2015 гг., эмиграция в Германию была более ограниченной по сравнению с другими странами ЕС, такими как Италия, Испания, Португалия или Чешская Республика. То же самое можно сказать и о других странах Западной Европы, таких как Франция, Бельгия, Нидерланды, Австрия или Великобритания.

Факторы миграции остаются прежними: экономические причины, более высокий уровень жизни, большие возможности для развития за границей, в данном случае в Германии. Мигранты из Молдовы очень успешно интегрируются в странах назначения, несмотря на определенные трудности, им удается в большей или меньшей степени достичь своих целей, ради которых они эмигрировали. Румынское гражданство позволяет мигрантам работать по контракту на равных правах с гражданами ЕС, получать социальную поддержку (пособие по уходу за ребенком, по безработице), пользоваться услугами по социальной реинтеграции (например, изучение немецкого языка) и интеграции на рынке труда.

Несмотря на то что доля женщин в общей численности мигрантов значительно увеличилась, им с трудом удается интегрироваться в экономическом и социальном плане без поддержки мужчины, будь то брат, муж, близкий родственник или друг. Мы обнаружили существенное неравенство в уровне оплаты труда в секторах, в которых работают мигранты, что, конечно же, не позволяет им полноценно реализовать себя.

Большинство респондентов не планируют возвращение в Молдову, пока существенно не улучшится социально-экономическая и политическая ситуация в стране. Более высокие намерения по возвращению на родину наблюдаются у мигрантов, не состоящих в браке, приехавших в Германию на работу. Для Молдовы тревожным фактом является расширение эмиграции молодых семей с детьми.

Список литературы

1. *Табак Т.* Эмиграция из Республики Молдова в постсоветский период // Демографическое развитие постсоветского пространства: сб. статей и аналитических материалов / под ред. М. Б. Денисенко, Р. В. Дмитриева, В. В. Елизарова. — М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2018. — С. 275–296.
2. *Iordachi C.* Romanian Citizenship Offer to Moldovans: Exaggerated Fears in the European Union. European Union Democracy Observatory on Citizenship, Press Release, 2009.
3. *Massey D., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.* Theories of International Migration: A Review and Appraisal // Population and Development Review. — 1993. — № 19(3). — P. 431–466. URL: https://www.researchgate.net/publication/270203247_Theories_of_International_Migration_A_Review_and_Appraisal
4. *Stark O., Taylor J. E.* Relative deprivation and international migration // Demography. — 1989. — № 26(1). — P. 1–14. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/2737350/
5. *Tabac T., Gagauz O.* Migration from Moldova: Trajectories and Implications for the Country of Origin // Migration from the Newly Independent States. 25 Years after the Collapse of the USSR. Denisenko M., Strozza S., Light M. (eds.). Springer Nature Switzerland AG — 2020. — P. 143–168. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-36075-7_7
6. *Tabac T.* Acquisition of foreign citizenship by Moldovan immigrants // Economy and Sociology. — 2019. — № 2. — P. 104–116. URL: https://doi.org/10.36004/nier.es.2019.2-09

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Tabak T.* Jemigracija iz Respubliki Moldova v postsovetskij period // Demograficheskoe razvitie postsovetskogo prostranstva: sb. statej i analiticheskih materialov. Pod red. M. B. Denisenko, R. V. Dmitrieva, V. V. Elizarova. M: Jekonomicheskij fakul'tet MGU imeni M. V. Lomonosova, 2018. — S. 275–296.

ТАРАСОВА Елена Владимировна
к.и.н., научный сотрудник,
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия.
E-mail: forschung2005@gmail.com

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ОКРАИН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ[1]

Ключевые слова: модернизация, переселенческое движение, Российская империя, Степной край, Туркестан, кочевое хозяйство.

Коды JEL: J60, N30, O15, O18

Переселенческое движение из европейской части Российской империи за Урал, принявшее на рубеже XIX–XX вв. значительные масштабы и получившее наконец организационно-правовое сопровождение со стороны органов власти, стало одним из инструментов социальных трансформаций. Его роль в развитии империи в целом и отдельных регионов неоднократно подвергалась оценке с позиций различных наук и исследовательских подходов. Наиболее подробно в научных исследованиях раскрыты следующие аспекты влияния переселенческого движения на развитие центральноазиатских окраин империи:

— укрепление границ империи (геополитическая роль);
— освоение пространства, включение земель в сельскохозяйственный оборот (экономическая роль);
— изменение численности и структуры населения (демографический вклад);
— динамика этнокультурного и этнорелигиозного ландшафта.

В настоящее время история Российской империи и ее центральноазиатских окраин пересматривается в рамках модернизационной парадигмы. Модернизация в широком смысле слова, как движение от традиционного к современному обществу, представляет собой процесс инновационных изменений. К числу модернизационных подпроцессов относят индустриализацию, урбанизацию, демографическую революцию, бюрократизацию, демократизацию, рационализацию, профессионализацию, образователь-

[1] Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00180 «Социально-экономическая модернизация центральноазиатских окраин Российской империи: междисциплинарные методы реконструкции и оценка эффективности».

ную революцию и т.д. [Алексеев и др., 2016, с. 6]. Отметим, что в число компонентов модернизации в классическом понимании не включены процессы и структуры, связанные с развитием аграрного сектора и соответственно с крестьянским населением.

Модернизационный подход к истории Российской империи конца XIX — начала XX в. позволяет более комплексно оценить роль переселенческого движения в социально-экономическом развитии центральноазиатских окраин. Несмотря на то что на рубеже XIX–XX вв. термина «модернизация» еще не было, в отечественной управленческой и научной мысли настойчиво присутствовала идея движения от традиционного к более прогрессивному обществу. Как считают отдельные исследователи, функцию современной концепции модернизации в России того времени выполняла идея «капитализации» жизненного уклада вследствие «Великих реформ» — развития товарного производства и становления новых основ общественного строя [Сиземская, 2014, с. 72].

Важным условием поступательного движения по капиталистическому пути были аграрные реформы, направленные на превращение крестьянина в индивидуального собственника и товаропроизводителя. Аграрная политика играла значительную роль в системе управления окраинами Российской империи. Как отмечали А. В. Ремнев и П. И. Савельев, колонизация в пореформенный период имела почти исключительно аграрный характер, и вообще аграрное развитие в России (в отличие от европейских стран) сохраняло самостоятельное значение [Ремнев, Савельев, 1997, с. 7]. Особый вес аграрной политике в Российской империи придавал тот факт, что страна не являлась классической морской империей, поэтому освоение недавно присоединенных территорий носило характер «внутренней колонизации» [Эткинд и др., 2013, с. 36]. Переселенческое движение наряду с вопросами землепользования и седентаризации кочевников являлось базовым компонентом аграрной политики в центральноазиатских окраинах.

После отмены крепостного права в Российской империи значительно усилилась миграция населения из европейских губерний в азиатскую часть страны. Первые самовольные крестьянские поселки возникли в 1860-е гг. в Акмолинской области, затем в Семипалатинской и Тургайской областях. В пореформенный период правительство возлагало надежды на автоматическое урегулирование процессов размещения населения сообразно потребностям развития хозяйства в связи с получением крестьянами свободы передвижений. Законодательством переселения должным образом не регулировалось. В 70-х гг. XIX в. масштабы переселения крестьян из Европейской России заметно увеличились.

В 1881 г. были утверждены «Временные правила о переселении крестьян на свободные казенные земли», согласно которым крестьяне получали право переселяться на окраины при наличии разрешения соответ-

ствующих органов власти. В 1889 г. был принят закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и порядке переселения лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время». Крестьянские переселения были узаконены при условии строгого контроля и регламентации «сверху». Однако введенные правила не только не способствовали переселению, а скорее сдерживали его. Число самовольных переселенцев по-прежнему оставалось высоким и даже возрастало, поэтому правительству пришлось узаконить факт самовольного переселения, причислив их к местам водворения [Турсунбаев, 1950, с. 26].

Новый этап развития как переселенческого движения, так и земельных отношений в Степном крае связан с образованием в 1892 г. Комитета Сибирской железной дороги, в обязанности которого входило содействие заселению прилегающих к строящейся дороге территорий. В связи с постройкой Сибирской железной дороги впервые был поставлен вопрос о планомерном заселении казахских степей русскими переселенцами и соответственно об изъятии «излишков» земель из казахского землепользования. Поэтому следующим шагом стала подготовка методики расчета норм киргизского землепользования и выявления «излишков» земель. Изначально в основу этой работы были положены представления о нерациональности использования огромных степных просторов кочевниками, низкой рентабельности кочевого животноводческого хозяйства и архаичности образа жизни киргизов.

Организованный с 1896 г. Переселенческим управлением текущий учет переселенцев и результаты Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. дали возможность оценить масштабы и направления миграции в пореформенный период. Так как до 1870 г. на территории Казахстана, кроме казахов, проживало в основном немногочисленное население казачьих войск, то указанные сведения достаточно точно характеризуют количество переселенцев, места их выхода и размещения. Больше всего переселенцев было из центрально-земледельческих, малороссийских и средневолжских губерний (Воронежская, Казанская, Курская, Орловская, Пензенская, Полтавская, Рязанская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская, Тульская, Харьковская, Черниговская), а также из новороссийских, нижневолжских и восточных (Астраханская, Бессарабская, Донская, Екатеринославская, Оренбургская, Самарская, Таврическая, Херсонская, Уфимская губернии) [Алексеенко, 1981, с. 66–67].

По-настоящему массовой колонизация территории Степного края и Туркестана стала в годы столыпинской реформы. Переселение крестьян из центра на окраины было составной частью аграрной реформы и одним из важных элементов укрепления политического пространства империи. На местах было образованы особые переселенческие районы: Акмолинский, Семипалатинский, Тургайско-Уральский, Семиреченский, Сыр-

Дарьинский. Именно в период 1907–1914 гг. наблюдался наиболее значительный приток переселенцев.

В эти годы существенно возросло значение русской крестьянской колонизации как инструмента снижения социальной напряженности в центральных губерниях России и способа быстрой русификации азиатских окраин. Переселение в Степной край и Туркестан русских крестьян, повышение в этих территориях численности и доли русского населения рассматривались как важный элемент конструирования империи. По данным В. А. Тресвятского, движение переселенцев и ходоков в Степной край с 1906 по 1915 г. составило соответственно 29 и 25% от общей численности переселенцев и ходоков за Урал. Доля «обратных» составила 38% общей численности переселенцев [Тресвятский, 1917]. Всего за период с 1896 по 1914 г., после вычета «обратных», в областях Казахстана осталось свыше 2 млн человек, что значительно пополнило численность населения региона.

В различных областях Казахстана переселенцы распределялись неравномерно. Большинство (62%) оседало в Акмолинской области, затем в Тургайской и Уральской (24%), менее всего — в Семипалатинской, Семиреченской и Сырдарьинской (14%). В целом, как отмечали сотрудники Переселенческого управления, «выход сельского населения из различных губерний и областей России с целью переселения в другие местности империи составляет по отношению к общей численности сельского населения крайне незначительную величину» [Пространство и население..., 1906, с. 132]. Однако эта незначительная в масштабах империи величина существенно меняла численность жителей в конкретных территориях вселения и усиливала борьбу за земельные ресурсы между переселенцами и кочевниками.

Активные миграционные процессы радикально повлияли на состав и размещение населения. Территории выхода мигрантов находились преимущественно в европейской части России, что определяло этнический и конфессиональный состав переселенцев. Проведенный Центральным статистическим комитетом МВД в 1917 г. анализ состава населения в сравнении с 1897 г. показал, что в Степном крае под влиянием миграции существенно снизилась доля коренного населения и увеличилась доля «пришлого» населения различных национальностей. В результате казахское население составило к 1917 г. чуть более 50% всего населения региона. В Туркестане же доля коренного населения сократилась не столь значительно (с 94,4 до 88,8%), и увеличение абсолютной численности представителей других национальностей не привело к масштабным этносоциальным изменениям.

Какова была роль переселенцев в модернизации центральноазиатских окраин Российской империи? Вряд ли на этот вопрос можно дать одно-

значный ответ. С одной стороны, переселение привело к росту численности населения, усложнению его профессиональной структуры, углублению разделения труда и росту товарности локальной экономики, а значит — способствовало модернизации. Оценивая воздействие аграрно-переселенческой политики на кочевое общество, необходимо прежде всего отметить ее роль в процессе разложения кочевой общины. Этот процесс начался самостоятельно, под влиянием объективно обусловленного имущественного и социального расслоения населения, но был существенно ускорен изъятием части земель под переселенческие участки. Потеряв возможность вести традиционное хозяйство, часть казахского населения перешла к более интенсивным по сравнению с кочевым скотоводством формам хозяйственной деятельности — земледелию, ремеслу и торговле.

Являлись ли крестьяне-переселенцы акторами модернизации? Управленцы и общественные деятели, ставшие современниками процесса, были склонны несколько преувеличивать роль переселенцев в развитии новых аграрных технологий и общественных структур. Славянские переселенцы воспринимались правительством как носители более «высокой» бытовой и хозяйственной культуры. Земледельческое хозяйство в большей степени соответствовало «модернизационному идеалу» властей, чем кочевое животноводческое, было более управляемым и имело более высокий уровень товарности.

Действительно, в ходе взаимодействия с переселенцами у коренного населения происходили изменения в хозяйственной деятельности и в целом в образе жизни, распространялись знания из области научной медицины, агрономии, ветеринарии, появлялись новые профессии. В то же время сохранилось достаточно свидетельств и мнений, что освоение переселенцами территорий носило экстенсивный характер. Российский исследователь М. К. Чуркин отмечает: «Социальный статус и поведенческие стратегии лиц крестьянского сословия в России как бы «выламывались» из всех передовых теорий и практик, в частности теории и практики модернизации традиционных обществ» [Чуркин, 2014, с. 111].

Крестьянство после отмены крепостного права было средой, где традиционные устои не только сохранялись, но и консервировались. Данная категория новоселов не имела опыта интенсификации сельскохозяйственного производства путем приобщения к новым аграрным технологиям. Поэтому в местах водворения переселенцы, не располагая ресурсами и мотивацией к использованию более интенсивных практик землепользования, ограничивались применением примитивной техники и архаичных технологий. Это способствовало консервации экономических стереотипов поведения, формируя новую область проблем, связанных со стабильным сокращением колонизационного фонда [Чуркин, 2014, с. 114].

Само по себе массовое переселенческое движение в определенной степени сдерживало темпы модернизации Центральноазиатского региона, поскольку являлось формой экстенсивного освоения пространства. В ходе аграрной колонизации низкотехнологичные уклады переносились на периферию страны, ослабляя таким образом действие модернизационных процессов урбанизации и индустриализации [Побережников, 2011, с. 39]. В то же время нельзя отрицать, что массовое аграрное переселение, ускоряя разрушение родовой общины казахов, косвенно содействовало формированию новых элементов общественного уклада. У казахов появились представления о частной собственности на землю, укреплялся институт аренды земли, что создавало фундамент для модернизации экономики и общественных отношений.

Таким образом, оценка роли аграрного переселенческого движения в процессе модернизации центральноазиатских окраин России на рубеже XIX–XX вв. не может быть однозначной в силу противоречивости характера его воздействия на экономику и общество. Углубленный анализ влияния переселенческого движения, переселенцев как акторов этого процесса, а также связанного с переселением государственного регулирования на темпы модернизации Российской империи и отдельных ее регионов требует уточнения критериев, позволяющих измерить глубину модернизационных изменений и учитывающих специфику пространственного развития страны.

Список литературы

1. *Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Богатырева О. Н., Дашкевич Л. А., Ермакова О. К.* и др. Акторы российской модернизации (XVIII — начало XX в.): региональное измерение. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. — 316 с.
2. *Алексеенко Н. В.* Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав, 1870–1914 гг.). — Алма-Ата, 1981. — 111 с.
3. *Побережников И. В.* Использование модернизационной парадигмы при изучении региональной истории России (XVIII — начало XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. — 2011. — № 2. — С. 37–41.
4. Пространство и население России в 1905 году. — СПб.: Центральный статистический комитет МВД, 1906. — 141 с.
5. *Ремнев А. В., Савельев П. И.* Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX века). — М., 1997. — С. 5–18.
6. *Сиземская И. Н.* Проблемы модернизации в исторической ретроспективе // История модернизации как предмет социально-философского анализа. — М.: ИФРАН, 2014. — С. 69–87.
7. *Тресвятский В. А.* Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Вып. 1. Степной край. — Петроград, 1917. — 135 с.

8. *Турсунбаев А. Б.* Из истории крестьянского переселения в Казахстан. — Алма-Ата, 1950. — 102 с.
9. *Чуркин М. К.* «Неудобный класс»: крестьянство в переселенческом движении в Сибирь (вторая половина XIX — начало XX века) // Историческая психология и социология истории. — 2014. — № 2. — С. 109–116.
10. *Эткинд А. М., Уффельман Д., Кукулин И. В.* Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Политическая концептология. — 2013. — № 2. — С. 31–56.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Alekseev V. V., Alekseeva E. V., Bogatyreva O N., Dashkevich L. A., Ermakova O. K. i drugie.* Aktory rossijskoj modernizacii (XVIII — nachalo XX v.): regional'noe izmerenie. — Ekaterinburg: Bank kul'turnoj informacii, 2016. — 316 s.
2. *Alekseenko N. V.* Naselenie dorevoljucionnogo Kazahstana (chislennost', razmeshhenie, sostav, 1870-1914 gg.). — Alma-Ata, 1981. — 111 s.
3. *Poberezhnikov I. V.* Ispol'zovanie modernizacionnoj paradigmy pri izuchenii regional'noj istorii Rossii (XVIII — nachalo XX v.) // Gumanitarnye nauki v Sibiri. — 2011. — № 2. — S. 37–41.
4. Prostranstvo i naselenie Rossii v 1905 godu. — SPb.: Central'nyj statisticheskij komitet MVD, 1906. — 141 s.
5. *Remnev A. V., Savel'ev P. I.* Aktual'nye problemy izuchenija regional'nyh processov v imperskoj Rossii // Imperskij stroj Rossii v regional'nom izmerenii (XIX — nachalo XX veka). — M., 1997. — S. 5–18.
6. *Sizemskaja I. N.* Problemy modernizacii v istoricheskoj retrospektive // Istorija modernizacii kak predmet social'no-filosofskogo analiza. — M.: IFRAN, 2014. — S. 69–87.
7. *Tresvjatskij V. A.* Materialy po zemel'nomu voprosu v Aziatskoj Rossii. Vyp. 1. Stepnoj kraj. — Petrograd, 1917. — 135 s.
8. *Tursunbaev A. B.* Iz istorii krest'janskogo pereselenija v Kazahstan. — Alma-Ata, 1950. — 102 s.
9. *Churkin M. K.* «Neudobnyj klass»: krest'janstvo v pereselencheskom dvizhenii v Sibir' (vtoraja polovina XIX — nachalo XX veka) // Istoricheskaja psihologija i sociologija istorii. — 2014. — № 2. — S. 109–116.
10. *Jetkind A. M., Uffel'man D., Kukulin I. V.* Vnutrennjaja kolonizacija Rossii: mezhdu praktikoj i voobrazheniem // Politicheskaja konceptologija. — 2013. — № 2. — S. 31–56.

ФАУЗЕР Виктор Вильгельмович
д.э.н., профессор, главный научный сотрудник
лаборатории демографии и социального управления,
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми НЦ УрО РАН,
Сыктывкар, Россия.
E-mail: fauzer.viktor@yandex.ru

ФАУЗЕР Галина Николаевна
научный сотрудник
лаборатории демографии и социального управления,
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми НЦ УрО РАН,
Сыктывкар, Россия.
E-mail: gfauzer@iespn.komisc.ru

ОЦЕНКА НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ В КОНТЕКСТЕ ВХОЖДЕНИЯ ЕЕ В РОССИЙСКУЮ АРКТИКУ[1]

Ключевые слова: Республика Коми, миграция населения, Арктика.

Коды JEL: J11, O15, R23

Миграционные процессы в целом по Российскому Северу и Арктике рассмотрены нами в [Фаузер, Лыткина, 2017]. В настоящем докладе акцент мы решили сделать на одном из субъектов Севера — Республике Коми, имеющей богатую миграционную историю [Фаузер, 1992], а с 2014 г. частично вошедшей в Арктическую зону Российской Федерации [О сухопутных территориях, 2014]. Новым этапом в миграционных процессах следует считать начало 1990-х гг. В эти годы резко сократился общий объем миграции. Только за 1991–1995 гг. он уменьшился по сравнению с 1986–1990 гг. на 294,8 тыс. человек, или на 37%; за 1996–2000 гг. — на 180,6 тыс. человек; за 2001–2005 гг. — на 124,5 тыс. человек; за 2006–2010 гг. — на 10,9 тыс. человек по сравнению с предыдущими периодами. Однако в период с 2011 по 2015 г. объем миграции увеличился на 162,0 тыс. человек по отношению к 2006–2010 гг. Вызван он был ростом числа как прибывших в республику на 75,4 тыс. человек, так и выбывших — 86,6. В настоящее время данная тенденция сохраняется и даже наблюдается увеличение среднего-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00509.

дового объема на 8,6% за 2016–2018 гг. В целом можно отметить, что с 1991 по 2018 г. число выбывших превысило число прибывших на 261,9 тыс. человек.

Оценивая направленность миграционных потоков, можно отметить следующее. С 1991 г. миграционный оборот определяла внешняя миграция, но ее объем постоянно снижался: 1991–1995 гг. — 62,3%; 1996–2000 гг. — 56,0%; 2001–2005 гг. — 53,0%; 2011–2015 гг. — 50,2%; 2016–2018 гг. — 50,8%, за исключением 2006–2010 гг., когда преобладала внутренняя миграция — 51,1%.

К числу новых тенденций следует отнести то, что миграции перестали способствовать росту численности городского населения. Если во второй половине 1980-х гг. городское население увеличивалось за счет миграции в среднем на 3,3 тыс. человек в год, то в 1991–1995 гг. оно сократилось на 11,6 тыс. человек; в 1996–2000 гг. — на 7,8 тыс. человек; в 2001–2005 гг. — на 5,5 тыс. человек; 2006–2010 гг. — на 5,1 тыс. человек; 2011–2015 гг. — на 6,4 тыс. человек; 2016–2018 гг. — 6,2 тыс. человек. Потери сельского населения во все рассматриваемые годы были в пределах 1–3 тыс. человек в год, величина вроде незначительная. Однако миграционный оборот имел куда более значимые размеры: 1986–1990 гг. — 200,5, 2011–2015 гг. — 87,8 и 2016–2018 гг. — 56,0 тыс. человек [Фаузер и др., 2016].

Рыночные отношения наиболее болезненно отразились на сельских жителях, их жизненном укладе, системе хозяйствования. На селе в своем большинстве перестали существовать государственные сельхозпредприятия, резко снизились объемы лесозаготовок, была свернута сеть социально-бытовых учреждений. Все это отразилось на уровне жизни, занятости и безработице сельского населения. Как следствие, возрос миграционный отток сельских жителей в города республики и частично за ее пределы. Миграционные потери понесли все районы, исключение составил Сыктывдинский район, имеющий выгодное географическое положение, как прилегающий к г. Сыктывкару.

Объяснить постоянный отток сельских жителей можно, с одной стороны, разочарованием жителей села и горожан в фермерском движении, а с другой — сохранением притягательной силы городских поселений для селян: более развита социальная инфраструктура, шире возможности для профессионального обучения и трудоустройства, а также для первоначальных накоплений, необходимых для организации собственного дела (вложение в землю или другие формы собственности). Поэтому сельско-городская миграция по-прежнему будет оказывать существенное влияние на демографические процессы в сельской местности республики, изменять расселение коренного этноса — коми, образ жизни жителей села и, естественно, их общую численность.

Со второй половины 1980-х гг. по 2000 г. изменилась роль экономических районов и бывших союзных республик в структуре прибывающих мигрантов. В 1986–1990 гг. четыре района: Уральский, Северный, Волго-Вятский и Дальневосточный — дали 76,8% миграционного притока. В последующие годы в качестве регионов-доноров выступили Закавказье, Средняя Азия, Казахстан и Дальневосточный район. В 1991–1995 гг. их доля в поставке мигрантов оценивалась в 77,2%, а в 1996–2000 гг. – 79,1%. Отток населения имеет также стабильную направленность: в Центральный, Поволжский, Северо-Западный и Северо-Кавказский районы.

В период с 2003 по 2018 г. существенных изменений в направлении миграций не произошло: сохранился приток населения из бывших союзных республик с увеличением числа мигрантов с Украины в 2015–2016 гг. (Средняя Азия – 29,8%; Закавказье – 29,2%; Украина – 22,8%; Молдова – 6,5%; Казахстан – 5,6%) и отдельных территорий России (Северо-Кавказский ФО – 3,7% и Дальний Восток – 2,4%). Отток населения также имеет традиционную направленность: в Центральный ФО он составил 44,0%; в субъекты Федерации Северо-Западного ФО – 21,2%; в Приволжский ФО – 20,1%.

1990-е гг. стали новой вехой и в международной миграции. Россия стала более открытой страной, приватизация госсобственности привлекла в страну зарубежный капитал, новых собственников и, как следствие, иностранную рабочую силу. Возрос и миграционный поток из России в страны дальнего зарубежья: на работу, учебу и на постоянное место жительства. Этому во многом способствовали принятые федеральные законы, нормативно-правовые акты, упростившие правила выезда/въезда в страну, в том числе на постоянное место жительства. Если не брать в расчет трудовую миграцию, то в обмене населением республика пока в постоянном минусе.

Миграционный обмен со странами дальнего зарубежья можно разбить на два периода. Первый период — это 1990–2000 гг., когда миграционные потери в обмене населением со странами дальнего зарубежья составили 18 570 человек. Чтобы понять масштабы эмиграции, достаточно отметить, что величина потерь сравнима с численностью наличного населения Усть-Цилемского района на начало 2000 г. – 16,9 тыс. человек. Среди покинувших Республику Коми в 2000 г. более 3/4 (79%) выбрали страной пребывания Германию, Болгарию – 6%, Израиль – 4%. Наибольшая доля в потоке эмигрантов приходилась на немцев (46%), каждый третий, выехавший за рубеж, – русский, каждый пятнадцатый – украинец. Второй период приходится на 2001–2018 гг., когда миграционные потери в обмене населением со странами дальнего зарубежья составили всего 2400 человек, или 133 человека в год, что в 12,7 раза меньше среднегодовых миграционных потерь за 1990–2000 гг.

В 2018 г. всего эмигрировало в страны дальнего зарубежья 62 человека. Наиболее предпочтительной страной остается Германия (26 человек, или 41,9%). Более 6% составляли эмигранты, выехавшие в США, по 4,8% — в Сербию и Турцию.

Новым этапом в миграционных процессах стало вхождение в 2014 г. муниципального образования городского округа «Воркута» в АЗРФ, а в 2020 г. вошли еще три субъекта республики: муниципальное образование городского округа «Инта», муниципальное образование городского округа «Усинск», муниципальный район «Усть-Цилемский» [Федеральный закон, 2020]. Опережающее развитие Российской Арктики позволит снизить миграционные потери, привлечь квалифицированные ресурсы для развития экономики Республики Коми.

Список литературы

1. О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014 № 296. Администрация Президента России. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/38377 (дата обращения: 01.08.2020).
2. *Фаузер В. В.* Влияние миграции на численность и состав населения Республики Коми. Серия препринтов «Научные доклады» / Коми научный центр УрО РАН. Сыктывкар. — 1992. — Вып. 293. — 32 с.
3. *Фаузер В. В., Лыткина Т. С.* Миграционные процессы на российском Севере // Социальная политика и социология. — 2017. — Том 16. — № 1 (120). — С. 141–149.
4. *Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н.* Демографические и миграционные процессы на российском Севере: 1980–2000 гг.: монография /отв. ред. д-р экон. наук, профессор В. В. Фаузер. — Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. — 158 с.
5. Федеральный закон от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007130047 (дата обращения: 01.08.2020).

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. O suhoputnyh territorijah Arkticheskoj zony Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.05.2014 g. № 296. Administracija Prezidenta Rossii. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/38377 (data obrashhenija: 01.08.2020).
2. *Fauzer V. V.* Vlijanie migracii na chislennost' i sostav naselenija Respubliki Komi. Serija preprintov «Nauchnye doklady» / Komi nauchnyj centr UrO RAN. Syktyvkar. — 1992. — Vyp. 293. — 32 s.
3. *Fauzer V. V., Lytkina T. S.* Migracionnye processy na rossijskom Severe // Social'naja politika i sociologija. — 2017. — Tom 16. — № 1 (120). — S. 141–149.

4. *Fauzer V. V., Lytkina T. S., Fauzer G. N.* Demograficheskie i migracionnye processy na rossijskom Severe: 1980–2000 gg.: monografija / otv. red. d-r jekon. nauk, professor V. V. Fauzer. — Syktyvkar: Izd-vo SGU im. Pitirima Sorokina, 2016. — 158 s.
5. Federal'nyj zakon ot 13 ijulja 2020 g. № 193-FZ «O gosudarstvennoj podderzhke predprinimatel'skoj dejatel'nosti v Arkticheskoj zone Rossijskoj Federacii». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007130047 (data obrashhenija: 01.08.2020).

ХАРАЕВА Оксана Альфредовна
к.э.н., ведущий инженер,
экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова,
лаборатория экономики народонаселения и демографии,
Москва, Россия.
E-mail: oxa-na1@yandex.ru

ПОЛИТИКА ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В АВСТРАЛИИ[1]

Ключевые слова: Австралия, иммиграция, трудовые мигранты.

Код JEL: F22

Иммиграция играла системообразующую роль в истории становления и развития Австралии и по-прежнему является одной из основ общественной жизни страны и главным фактором увеличения численности населения — вклад чистой миграции в обеспечение прироста численности населения настоящее время составляет более 60% [Australian Bureau of Statistics, 2020].

Доля лиц, родившихся за рубежом, в населении Австралии, как и в других странах классической иммиграции, достаточно велика и в 2019 г. достигла 29,7% [Australian Bureau of Statistics, 2018–2019]. В их числе попрежнему преобладают выходцы из Великобритании, однако удельный вес этой группы неуклонно сокращается: если в 1954 гг. их доля была равна 47,9%, то в 2001 г. — 25,5%, а в 2018 г. уже 13,5%. Второе и третье место по численности занимают представители Китая и Индии, соот-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00670\20 «Оценка результатов реализации миграционной политики Российской Федерации и предложения по ее модернизации в новых экономических и геополитических условиях».

ветственно 8,9 и 8,1%. В 2001 г. доля этих стран составляла 3,5 и 2,3%, а в 1954 г. они не входили в первую десятку государств по числу лиц, рожденных за рубежом [Simon-Davis, 2018].

Изменения в составе иммиграционного населения стали следствием постепенного отхода в 1950–1970-е гг. от дискриминационной политики, ограничивающей приток населения из неевропейских стран. Политика Белой Австралии была заменена селективной системой постоянной миграции, объединяющей три основных маршрута: воссоединение семьи, экономическая и гуманитарная иммиграция.

Численность прибывающих устанавливается правительством в рамках миграционной программы. За последние двадцать лет произошли значительные изменения ее объемов и структуры. Длительный период экономического роста обусловил существенное увеличение количественных параметров программы. Если в 1996 г. предусматривалось предоставление 85 000 виз постоянного проживания, то к 2016 г. планируемый уровень приема иммигрантов превысил 200 тыс. человек (включая гуманитарную иммиграцию) [Sherrell, 2018]. Расширение экономического канала иммиграции за счет сокращения семейной также стало следствием ориентации на растущие потребности экономики в рабочей силе. В настоящее время более 60% виз предоставляются в категории экономической иммиграции и менее 30% приходится на прибывающих по маршруту воссоединение семьи, тогда как в конце 1980-х гг. соотношение было обратным.

Программа экономической иммиграции нацелена на обеспечение притока иммигрантов, чье образование, квалификация и опыт работы могут представлять интерес для экономики Австралии, и включает независимую профессиональную иммиграцию, спонсорскую иммиграцию, а также ряд маршрутов для бизнес-инноваций и привлечения инвестиций.

Оценка претендентов по категориям независимой квалифицированной иммиграции и спонсорской в случае, когда спонсором выступает правительство штата или региона, проводится на основе системы баллов, начисляемых за возраст, образование, квалификацию, стаж работы по специальности, знание языка. В последние годы наметилась тенденция к снижению числа виз, выдаваемых в категории независимой квалифицированной иммиграции. В миграционной программе 2018–2019 гг. было предусмотрено сокращение выпуска виз данной категории по сравнению с предшествующим годом на 4890. Предполагалось, что в 2019–2020 гг. воспользоваться маршрутом независимой иммиграции смогут еще на 15 595 человек меньше [DOHA, 2019-20]. Как показывают исследования, многие прибывшие сталкиваются с трудностями в поисках работы. Так, в ходе опроса в 2015 г. квалифицированных мигрантов, проживающих в Южной Австралии, 44% респондентов сообщили, что не работают по специально-

сти, которая была указана в заявлении на получение визы, 54% заявили, что занимают вакансии, требующие более низкой квалификации, и 15% на момент опроса находились в состоянии отсутствия работы или неполной занятости [Cebulla, Tan, 2019]. Среди основных барьеров трудоустройства назывались отсутствие опыта работы в Австралии, отсутствие рабочих мест и непризнание квалификации.

Стремление повысить уровень трудоустройства мигрантов определило, с одной стороны, введение более жестких требований к знанию языка и опыту работы в системе отбора, а с другой — расширение каналов спонсорской иммиграции. Прием квалифицированных специалистов, спонсируемых работодателем, стал в настоящее время приоритетным направлением постоянной миграции. Так, в миграционной программе на 2019–2020 гг. был предусмотрен выпуск 30 000 виз для мигрантов, отобранных работодателями, и только 18 652 виз — для мигрантов в независимой категории.

Пересмотру также подвергся подход к привлечению постоянных мигрантов на основе выявления краткосрочного дефицита определенных специальностей: перечень востребованных профессий (*Skilled Occupation List — SOL*), введенный в 2010 г., был заменен в 2017 г. на перечень профессий, востребованных в среднесрочной и долгосрочной перспективе (*Medium and Long-term Strategic Skills List — MLTSSL*). Таким образом, категории независимой квалифицированной иммиграции в большей степени стала отводиться роль канала, ориентированного на наращивание человеческого капитала, тогда как решение проблемы текущего дефицита рабочей силы в настоящее время видится в расширении программ временной миграции квалифицированных специалистов.

Последние изменения, внесенные правительством в миграционную программу, включают сокращение на 20 000 мест объема постоянной миграции на 2019–2020 гг. и введение двух новых видов временных виз: региональной визы для специалистов, спонсируемых работодателем (9000 мест), заменяющей постоянную региональную спонсируемую визу, и региональной визы для специалистов, спонсируемых правительством штата или территории (14 000 мест). Введенные визы открывают путь к постоянному поселению по истечении трехлетнего пребывания в регионе и соответствия пороговому уровню дохода в течение всего этого срока.

Основным каналом временной квалифицированной миграции в настоящее время является временная визовая программа дефицита профессиональных навыков (*Temporary Skill Shortage visa –TSS*). Программа не имеет количественных ограничений, приток мигрантов определяется состоянием рынка труда и политикой приема. В 2018 г. в рамках визы TSS были выделены три составляющие: 1) краткосрочный поток — привлечение иностранных специалистов на срок до двух лет (если специальность кандидата

входит в краткосрочный перечень востребованных профессий), не дающий права на постоянное пребывание, 2) среднесрочный поток — приглашение иностранных работников на срок до четырех лет (при наличии специальности в составе перечня профессий, востребованных в среднесрочной и долгосрочной перспективе или региональном перечне дефицитных профессий, и более строгих требованиях к знанию английского языка), предоставляющий возможность претендовать на постоянное проживание, 3) поток трудовых соглашений — привлечение квалифицированных работников из-за рубежа на срок до четырех лет при условии заключения трудового соглашения между правительством Австралии и работодателем. Виза выдается для работы по определенной специальности у конкретного работодателя. В 2018–2019 гг. временную рабочую визу получили 81 975 иностранных специалистов, их число сократилось по сравнению с 2012–2013 гг., когда в страну прибыло 126 380 человек [Australian Migration Statistics, 2018–2019, T. 2.0].

Австралия расширяет возможности занятости иностранных выпускников вузов. Право на трудоустройство после окончания учебного заведения приобретает все большую значимость при выборе места обучения за рубежом. В 2013 г. правительство ввело новый поток «Работа после обучения» (*Post-Study Work Stream*), предоставляющий иностранным выпускникам право на пребывание в стране до четырех лет, в зависимости от уровня полученного образования. В 2018–2019 гг. в рамках программы была выдана 54 781 виза [Australian Migration Statistics, 2018–2019, T. 2.3]. Обладатели визы получают свободный доступ на рынок труда, не ограниченный в выборе сферы деятельности или работодателя.

Восполнение нехватки низкоквалифицированной рабочей силы в отраслях первичного сектора, сферы гостеприимства и строительства в Австралии в значительной степени осуществляется за счет использования программы работающих туристов, слабо регулируемой программы, не требующей тестирования рынка труда и не устанавливающей ограничений по уровню выплачиваемой заработной платы и занятости в трудодефицитных регионах и отраслях. В 2018–2019 гг. в рамках программы было выдано 209 036 виз, число ее участников заметно возросло по сравнению с 2007–2008 гг., когда было выпущено 157 830 виз [Australian Migration Statistics, 2018–2019, T. 2.0]. Широкое использование последней делает непопулярной программу сезонной миграции, запущенную правительством Австралии в 2012 г., поскольку работодателя считают ее административно сложной и дорогостоящей. В 2018–2019 гг. сезонными рабочими было получено 12 202 визы [Australian Migration Statistics, 2018–2019, T. 2.3].

В 2018 г. в Австралии развернулась широкая общественная дискуссия по вопросам иммиграции, ее социального и экологического воздействия, перегрузки и переполненности городов, инфраструктуры и цен на жилье

[Cave, Kwai, 2019]. В феврале 2018 г. бывший премьер-министр Тони Эббот выступил с заявлением о необходимости сокращения иммиграции, связав число мигрантов с проблемами качества жизни [Karp, 2018]. Эта позиция сегодня разделяется многими в австралийском обществе. В ходе опроса населения, проводившегося с 19 ноября по 3 декабря 2018 г. Центром социальных исследований Австралийского национального университета, более двух третей респондентов сообщили, что Австралия не нуждается в притоке мигрантов [Biddle, 2019].

Общественные дебаты предварили опубликование планов правительства сократить предоставление виз квалифицированным специалистам и лицам, прибывающим по каналам семейной иммиграции, до 160 000 в год, а также ослабить давление на крупные города, направив поток иммигрантов в трудодефицитные регионы.

Характер миграционной политики Австралии меняется. Традиционно ее основой являлись меры регулирования постоянной миграции посредством установления количественных ограничений и введения системы отбора иммигрантов. Однако в последние годы заметно возросла роль временных перемещений. При этом все в большей степени проявляются тенденции децентрализации системы управления миграционными процессами. В отборе мигрантов увеличивается роль работодателей и регионов как непосредственно в рамках программы постоянной миграции, так и посредством расширения визовых программ временной миграции, открывающих путь к постоянному проживанию.

Список литературы

1. Australian Bureau of Statistics. Australian Demographic Statistics, March 2020. URL: https://www.abs.gov.au/statistics/people/population/national-state-and-territory-population/latest-release
2. Australian Bureau of Statistics. Migration, Australia, 2018–2019. URL: https://www.abs.gov.au/statistics/people/population/migration-australia/latest-release#:~:text=There%20were%20over%207.5%20million,2.9%25%20from%20the%20previous%20year
3. Australian Migration Statistics, 2018–2019. Table 2.0. Open Data. Australian Government. URL: https://data.gov.au/data/dataset/australian-migration-statistics/resource/afbf44d6-080b-48d1-bffb-093887ce9a65
4. Australian Migration Statistics, 2018–2019. Table 2.3. Open Data. Australian Government. URL: https://data.gov.au/data/dataset/australian-migration-statistics/resource/afbf44d6-080b-48d1-bffb-093887ce9a65
5. *Biddle N.* Big Australia, small Australia, diverse Australia: Australia's views on population. Center for Social Research and Methods. ANU College of Arts and Social Sciences. Australian National University. 2019. URL: https://csrm.cass.anu.edu.au/research/publications/big-australia-small-australia-diverse-australia-australia-s-views-population

6. *Cave D., Kwai I.* Why Has Australian Fallen Out of Love With Immigration? The New York Times. April 22 2019. URL: https://www.nytimes.com/2019/04/22/world/australia/immigration.html
7. *Cebulla A., Tan G.* Skilled Migration to South Australia 2010-2014: profile and employment outcomes of recent permanent and temporary migrants. Economic Issues, № 52. South Australia Center for Economic Studies. University of Adelaide, 2019. URL: https://www.adelaide.edu.au/saces/system/files/media/documents/2019-09/saces-economic-issues-52.pdf
8. *Karp P.* Tony Abbott repeats claim immigration cut will improve quality of life. The Guardian. 19 February 2018. URL: https://www.theguardian.com/australia-news/2018/feb/19/tony-abbott-renews-push-to-cut-migration-to-improve-quality-of-life
9. Migration Program planning levels, 2019–2020. Immigration and citizenship. Department of Home Affairs. Australian Government. URL: https://immi.homeaffairs.gov.au/what-we-do/migration-program-planning-levels
10. *Sherrell H.* Permanent migration. Parliament of Australia. 2018. URL: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/pubs/rp/BudgetReview201819/Immigration
11. *Simon-Davis J.* Population and migration statistics in Australia. Parliament of Australia. 7 December 2018. URL: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/pubs/rp/rp1819/Quick_Guides/PopulationStatistics

ЧЕРНИКОВА Анна Андреевна
младший научный сотрудник,
Центр исследования процессов евразийской интеграции
Института социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук.
E-mail: aannyy@yandex.ru

МИГРАНТЫ ИЗ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ РОССИЙСКИМ ОБРАЗОВАНИЕМ (НА ПРИМЕРЕ г. МОСКВЫ)

Ключевые слова: образовательная миграция, академическая мобильность, мониторинг удовлетворенности, ЕАЭС.

Код JEL : I25

Изучение миграции иностранной молодежи в Российскую Федерацию является актуальной исследовательской задачей. Острый недостаток не-

обходимого знания обусловливает возникновение противоречия между потребностью экономики принимающих стран в миграции молодых специалистов (высококвалифицированных мигрантов) и несовершенством государственной концепции их привлечения.

Так, образовательная миграция является одним из значимых драйверов развития интеграции стран ЕАЭС, изучение и ценка удовлетворенности иностранных обучающихся из стран ЕАЭС условиями обучения и проживания в московских вузах становятся важным объектом изучения факторов привлечения иностранных граждан в вузы России [Черникова, 2019].

В качестве целевой аудитории выступили иностранные студенты из стран ЕАЭС, обучающиеся в образовательных организациях г. Москвы. Профиль респондентов следующий: студенты из Армении (13%), Беларуси (26%), Казахстана (41%) и Киргизии (20%). Было опрошено 25 обучающихся в МФТИ, 27 студентов МГТУ, 23 мигранта из МИФИ и 25 из РГСУ.

Основная причина выбора обучения в России — наличие хорошего образования. Почти половина иностранных студентов выбирает Россию из-за отсутствия языкового барьера. Отсутствие желаемой специальности является значимой причиной также почти для трети иностранных студентов. Снизилась значимость привлекательности российской культуры при выборе страны обучения.

Необходимо также уделить особое внимание трудностям при приеме на обучение, которые зачастую становятся преградами для поступления в вуз. Итак, большинство опрошенных не сталкивались с трудностями при приеме на обучение. Однако пятая часть студентов указала на наличие трудностей в целом при поступлении. Основными трудностями, с которыми столкнулись студенты, являются проблемы с документами: длительное оформление, большое количество документов. Также заметную долю проблем можно отнести к языковому барьеру и недостаточно квалифицированному, с точки зрения студентов, персоналу приемной комиссии, с которым они столкнулись.

Доминирующей целью поступления у иностранных студентов было получить хорошее образование, стать высококвалифицированным специалистом и найти работу по специальности. По мере обучения цели немного трансформировалась: акцент на качестве образования сместился ниже, выше поднялись цели окончания университета и получения работы по специальности.

Среди вузов по блоку «Образовательный процесс» самый высокий индекс ISO отмечается у МГСУ и МФТУ. Во всех представленных ниже вузах наиболее низкая удовлетворенность отмечена в отношении прохождения практик, оценки перспектив будущего трудоустройства и содержания про-

граммы по гуманитарным и естественно-научным дисциплинам. Среди основных достоинств студенты всех рассмотренных ниже вузов отметили высокую квалификацию преподавателей. Во всех вузах наиболее высокая удовлетворенность отмечена также в отношении оснащенности научной и электронной библиотеки.

Почти у 60% опрошенных обучение в вузе соответствует или почти соответствует ожиданиям. Только 10% заявили о том, что обучение не соответствует или скорее не соответствует ожиданиям (т.е. доля студентов, удовлетворенных обучением, в 6 раз больше тех, кто не удовлетворен). При этом среди студентов, рассматривающих при выборе вуза другие страны, только половина сказала о том, что обучение соответствует их ожиданиям, тогда как среди тех, кто не рассматривал другие страны, — таких студентов две трети. Среди вузов можно отметить РГСУ и МГСУ как вузы с наибольшей долей иностранных студентов, чье впечатление от обучения совпало с ожиданиями.

Ключевыми пожеланиями студентов по совершенствованию образовательного процесса являются следующие: повышать квалификацию преподавателей, сконцентрироваться на профильных предметах, давать больше практики и больше взаимодействовать со студентами.

В качестве рекомендаций студенты отметили необходимость создания комитетов поддержки иностранных студентов, повышение квалификации преподавателей, увеличение доли практических занятий и увеличение акцента на профильные дисциплины.

Список литературы

1. *Черникова А. А.* Кросс-культурные компетенции в международном образовательном пространстве // Социальная политика и социология. — 2019. — Т. 18. — № 4 (133). — С. 103–109.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Chernikova A. A.* Kross-kul'turnye kompetencii v mezhdunarodnom obrazovatel'nom prostranstve. Social'naja politika i sociologija. — 2019. — T. 18. — № 4 (133). — S. 103–109.

ЧЕРНЫШЕВ Константин Анатольевич
к.г.н, доцент,
Институт экономики и менеджмента ВятГУ,
кафедра государственного и муниципального управления,
Киров, Россия.
E-mail: kochern@rambler.ru

ИНТЕНСИВНОСТЬ МИГРАЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ РЕГИОНА-ДОНОРА В 1946–2018 гг. (НА ПРИМЕРЕ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)[1]

Ключевые слова: Кировская область, миграционные связи, постсоветское пространство.

Коды JEL: R23, J61

Кировская область является регионом России, характеризующимся устойчивой убылью населения, которая сохраняется здесь на протяжении длительного периода времени. Если судить по данным статистики межрегиональной миграции, то со времени образования в декабре 1936 г. регион стабильно выступает миграционным донором для других частей страны. Исключение составили периоды Великой Отечественной войны, с 1987 по 1997 г. и 1999 г., когда миграция носила стрессовый или возвратный характер.

Особенно заметные миграционные потери отмечались в регионе в 1960–1970-е гг., а также, вероятно, в первые послевоенные годы. В советский период Кировская область являлась одним из наиболее крупных поставщиков рабочей силы в другие регионы страны (крупные стройки, военные мобилизации, освоение целины, заселение вновь присоединенных территорий). Так, в 1965 г. зарегистрированная текущим учетом межрегиональная миграционная убыль составила 14,6 тыс. человек. Главным образом регион покидала сельская молодежь, что сделало необратимым сокращение населения деревни. Данные текущей статистики подтверждаются результатами переписей населения. Согласно данным Всесоюзной переписи 1989 г. только 56,3% уроженцев Кировской области проживали на территории малой родины.

К сожалению, в полном объеме оценить миграционные потери и миграционные связи Кировской области за длительный период времени

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00319А «Ретроспектива миграционных связей: оценка масштабов и социально-экономических последствий для региона — миграционного «донора».

затруднительно в силу многократных изменений подходов к организации миграционного учета. По мнению Рыбаковского О. Л., «данные обстоятельства не позволяют корректно сравнивать в динамике интенсивность миграционных потоков внутри России» [Миграционные процессы в России, 2014, с. 191]. До 1960 г. отчетные статистические формы содержали сведения только по городской местности. В результате наиболее сложный период в эволюции миграции, характеризующийся беспрецедентными масштабами движения населения, не имеет адекватных источников данных [Моисеенко, 1997]. В постсоветский период данные статистики стали хуже отражать объемы миграционных потоков ввиду ослабления паспортной системы, института прописки и регистрации [Чудиновских, 2004].

С нашей точки зрения, инструментом, адекватно отражающим интенсивность межтерриториальных миграционных связей в течение длительного отрезка времени, является расчет коэффициентов интенсивности миграционных связей (КИМС). Коэффициент рассчитывается как отношение доли прибывших из определенного региона в общем потоке прибытия (или выбывших в определенный регион в общем потоке выбытия) к доле численности населения региона в общей численности населения территорий, с которыми поддерживаются миграционные связи. Данный показатель был предложен Рыбаковским Л. Л. [Рыбаковский, 1973] и неоднократно применялся исследователями миграции [Карачурина, 1999; Мкртчян, 1997; Рязанцев, 2005; Воробьев, 2001 и др.].

Расчет коэффициентов производился за период после окончания Великой Отечественной войны по настоящее время. В качестве информационной базы использовалась данные статистических таблиц МТ2 «Распределение мигрантов по территориям прибытия и выбытия» (ежегодно составляются территориальным органом Росстата по Кировской области), а также аналогичные таблицы за период 1946–2018 гг. Миграционные связи Кировской области рассматривались во взаимодействии со всеми регионами и странами постсоветского пространства, которое было разделено на 75 территориальных единиц. Анализировались потоки межрегиональной (межреспубликанской) миграции, а с 1992 г. также международной со странами нового зарубежья.

В результате расчетов в целом за период 1946–2018 гг. высокая интенсивность миграционного взаимодействия предсказуемо была выявлена с соседними для Кировской области субъектами РФ (табл. 1). Исключение составила лишь Вологодская область, которая, несмотря на наличие общей границы, не связана с Кировской областью прямыми магистральными автомобильными или железными дорогами, а пограничные районы обеих областей малонаселены. Взаимодействие с регионами, выбытие в которые происходило с высокой интенсивностью, как правило, ха-

рактеризовалось и высокими значениями КИМС по прибытию. Высокие значения КИМС как по выбытию, так и по прибытию выявлены также для взаимодействия со Свердловской и Мурманской областями, а только по выбытию для взаимодействия с Тюменской областью и Камчатским краем — регионами, куда активно выбывали кировчане. Среди государств нового зарубежья повышенные значения КИМС по прибытию отмечаются для миграции из Республики Молдова.

Таблица 1

Распределение регионов и стран нового зарубежья по значениям коэффициентов интенсивности миграционных связей с Кировской областью[1]

Интенсивность миграционных связей	Выбытие из Кировской области	Прибытие в Кировскую область
Экстремально высокая интенсивность (КИМС более 10,0)	Коми и Марий Эл	Коми и Марий Эл
Высокая интенсивность (КИМС от 2,5 до 10,0)	Архангельская, Мурманская, Костромская, Нижегородская, Свердловская области, республики Татарстан и Удмуртия, Пермский и Камчатский края	Архангельская, Мурманская, Костромская, Нижегородская, Свердловская, Тюменская области, республики Татарстан и Удмуртия, Пермский и Камчатский края
Повышенная интенсивность (КИМС от 1,25 до 2,5)	Амурская, Владимирская, Вологодская, Иркутская, Ивановская, Калининградская, Сахалинская, Тюменская, Челябинская области, Красноярский, Приморский, Хабаровский края, Чувашия, Карелия, Саха (Якутия), Крым и Севастополь, Республика Молдова	Вологодская, Ивановская, Владимирская, Калининградская, Иркутская, Челябинская, Сахалинская области, Санкт-Петербург (с Ленинградской областью), республики Карелия, Чувашия, Крым (с Севастополем), Краснодарский и Красноярский края
Средняя, заметная или несущественная интенсивность (КИМС менее 1,25)	Остальные регионы и страны нового зарубежья	Остальные регионы и страны нового зарубежья

[1] Используются современные наименования регионов и стран.

Список литературы

1. *Воробьев Н. В.* Региональная организация миграции населения в сибирских условиях. — Новосибирск: Наука, 2001. — 152 с.
2. *Карачурина Л. Б.* Географический анализ интенсивности миграционных связей России и ее регионов с республиками Ближнего Зарубежья (1969–1997 гг.): автореф. дис. ... канд. геогр. наук. — М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 1999. — 24 с.
3. Миграционные процессы в России / под ред. В. В. Локосова и Л. Л. Рыбаковского. — М.: Экон-информ, 2014. — 383 с.
4. *Мкртчян Н. В.* Изменение межрайонных миграционных связей в современной России и ее регионах: автореферат дис. ... канд. геогр. наук. М.: МПГУ, 1997. — 16 с.
5. *Моисеенко В. М.* Миграция населения в переписях России и СССР // Вопросы статистики. — 1997. — № 4. — С. 30–37.
6. *Рыбаковский Л. Л.* Региональный анализ миграций. — М., 1973. — 159 с.
7. *Рязанцев С. В.* Внутрироссийская миграция населения: тенденции и социально-экономические последствия // Вопросы экономики. — 2005. — № 7. — С. 37–49.
8. *Чудиновских О. С.* О критическом состоянии учета миграции в России // Вопросы статистики. — 2004. — №10. — С. 27–35.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Vorob'ev N. V.* Regional'naja organizacija migracii naselenija v sibirskih uslovijah. — Novosibirsk: Nauka, 2001. — 152 s.
2. *Karachurina L. B.* Geograficheskij analiz intensivnosti migracionnyh svjazej Rossii i ee regionov s respublikami Blizhnego Zarubezh'ja (1969–1997 gg.): avtoref. dis. ... kand. geogr. nauk. — M.: MGU im. M. V. Lomonosova, 1999. — 24 s.
3. Migracionnye processy v Rossii / pod red. V. V. Lokosova i L. L. Rybakovskogo. — M.: Jekon-inform, 2014. — 383 s.
4. *Mkrtchjan N. V.* Izmenenie mezhrajonnyh migracionnyh svjazej v sovremennoj Rossii i ee regionah: avtoreferat dis. ... kand. geogr. nauk. — M.: MPGU, 1997. — 16 s.
5. *Moiseenko V. M.* Migracija naselenija v perepisjah Rossii i SSSR // Voprosy statistiki. — 1997. — № 4. — S. 30–37.
6. *Rybakovskij L. L.* Regional'nyj analiz migracij. — M., 1973. — 159 s.
7. *Rjazancev S. V.* Vnutrirossijskaja migracija naselenija: tendencii i social'no-jekonomicheskie posledstvija // Voprosy jekonomiki. — 2005. — № 7. — S. 37–49.
8. *Chudinovskih O. S.* O kriticheskom sostojanii uchjota migracii v Rossii // Voprosy statistiki. — 2004. — №10. — S. 27–35.

ЧИСТЯКОВА Наталия Евгениевна
к.э.н, доцент,
Институт проблем региональной экономики
Российской академии наук,
Санкт-Петербург.
E-mail: nat@nt1924.spb.edu

УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ МИГРАНТОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Ключевые слова: миграция, российские мигранты, международные мигранты, уровень образования, Санкт-Петербург.

Коды JEL: I26, J11

Санкт-Петербург является основным центром притяжения мигрантов в Северо-Западном федеральном округе. Структура сфер приложения труда в городе требует постоянной подпитки работниками с высоким уровнем образования и квалификации. Последнее десятилетие характеризовалось неизменным ростом миграционного прироста населения Санкт-Петербурга за счет лиц с высшим образованием. При этом подавляющее большинство приходилось на мигрантов в пределах России. Миграционный прирост этой категории после спада в начале века вырос и колебался с начала 2010-х гг. в пределах от 20 до 27,3 тыс. человек.

Обращает на себя внимание изменение конфигурации кривой возрастных коэффициентов миграционного прироста населения Санкт-Петербурга с высшим образованием за счет миграции в пределах России. В 2011–2014 гг. пик возрастных показателей приходился на возрастную группу 25–29 лет. С 2015 г. он переместился в группу 20–24 года и составил 16,1 человека на 1000 человек возрастной группы. В дальнейшем величина миграционного прироста неизменно снижалась и в 2018 г. равнялась только 8,3 человека на 1000 населения в возрасте 20–24 года. При этом показатели миграционного прироста россиян с высшим образованием в 2018 г. были минимальными для всех возрастных групп населения Санкт-Петербурга (рис. 1).

Таким образом, несмотря на ожидаемое снижение миграционного прироста вследствие действия деформаций возрастной структуры, попрежнему основной вклад в увеличение иногородних контингентов с высшим образованием в Санкт-Петербурге вносят мигранты из российских регионов.

Миграционный прирост населения Санкт-Петербурга за счет международной миграции лиц с высшим образованием не столь значителен и не имел таких колебаний, как в передвижениях в пределах России. Исключение составляет только 2016 г., в котором отмечалась миграционная убыль международных мигрантов с высшим образованием (рис. 1). В остальные годы наибольшие показатели миграционного прироста международных мигрантов с высшим образованием неизменно приходились на группу 25–29 лет.

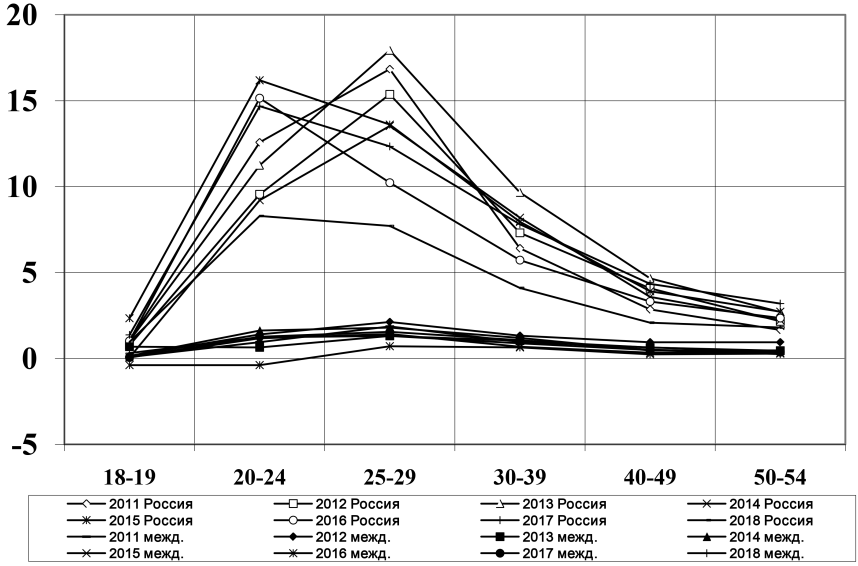

Рис. 1. Возрастные коэффициенты миграционного прироста населения Санкт-Петербурга с высшим образованием в 2011–2018 гг. Миграция в пределах России и международная миграция (на 1000 населения соответствующего возраста, человек)
Источники: [Численность, 2013–2019, с. 146–151; Итоги, 2011, таблица 2; Численность, 2012–2019, с. 32–39].

В целом возрастные коэффициенты миграционного прироста населения Санкт-Петербурга с высшим образованием за счет российских мигрантов многократно превышают значения этих показателей для международных мигрантов. Поэтому неизбежное сокращение миграционного прироста и, следовательно, уменьшение притока квалифицированных кадров за счет будущего сокращения молодежных контингентов вследствие деформаций возрастной структуры будут для Санкт-Петербурга очень болезненными.

В миграционном приросте населения города за счет российских и зарубежных мигрантов со средним образованием наблюдались существенные различия. В 2010–2016 гг. увеличение численности населения Санкт-Петербурга за счет россиян со средним образованием происходило почти на одном уровне от 11 до 15 тыс. человек ежегодно. Снижение миграционного прироста с 2017 г. отражает ситуацию повсеместного уменьшения численности юношеских контингентов в российских регионах.

В миграционном приросте за счет лиц со средним общим образованием в возрасте до 20 лет доминируют российские мигранты. Пик миграционного прироста приходится на возрастную группу 18–19 лет. Максимальные его значения отмечались в Санкт-Петербурге в 2016 г., когда миграционный прирост лиц со средним общим образованием на 1000 жителей в возрасте 18–19 лет составил 105,8 человека. В 2017–2018 гг. этот показатель сохранялся почти на таком же уровне (рис. 2).

В возрастной группе 20–24 года показатели миграционного прироста за счет россиян со средним образованием резко снизились в 2011–2014 гг. В 2015–2018 гг. они стали отрицательными, при этом их значения уменьшались от года к году. В 2018 г. на 1000 человек в возрасте 20–24 лет приходилось 22,8 человек миграционной убыли лиц со средним общим образованием (рис. 2). В возрастных группах после 25 лет показатели снова становились положительными, но на минимальном уровне.

Прирост населения Санкт-Петербурга за счет международной миграции лиц со средним образованием имел значительные перепады. После стремительного роста в 2011–2012 гг. он достиг максимального значения в 2013 г. При этом он превысил прирост лиц со средним образованием из российских регионов почти на 9 тыс. человек. Затем, после изменений в порядке государственной регистрации мигрантов, резко увеличился поток выезжающих из Санкт-Петербурга в зарубежные страны. В 2015 г. убыль населения города за счет международной миграции лиц со средним образованием составила 23,6 тыс. человек. В настоящее время международная миграция в Санкт-Петербурге вернулась к своим параметрам начала 2010-х гг.

Прирост международных мигрантов со средним образованием сохранялся за последнее десятилетие неизменно только в группе 16–17 лет. На фоне прироста во всех возрастных группах в 2011–2013 гг., в 2013 г. все возрастные коэффициенты миграционного прироста населения Санкт-Петербурга за счет международных мигрантов имели максимальные значения. При этом во всех возрастных группах старше 20 лет они превышали возрастные показатели российских мигрантов. 2014–2016 гг. отмечены миграционной убылью лиц со средним общим образованием с максимальным ее падением в 2015 г. С 2017 г. снова во всех возрастных группах населения Санкт-Петербурга наблюдается небольшой миграционный прирост

международных мигрантов со средним образованием, который в группах старше 25 лет даже превышает показатели российских мигрантов (рис. 2).

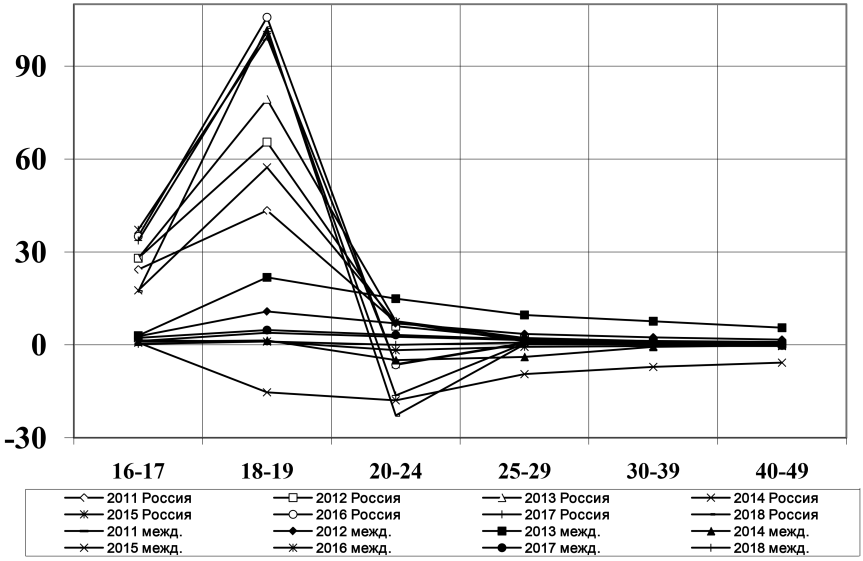

Рис. 2. Возрастные коэффициенты миграционного прироста населения Санкт-Петербурга со средним общим образованием в 2011–2018 гг. Миграция в пределах России и международная миграция (на 1000 населения соответствующего возраста, человек)
Источники: [Численность, 2013–2019, с. 146–151; Итоги, 2011, таблица 2; Численность, 2012–2019, с. 32–39].

Таким образом, российские переселенцы вносят в настоящее время основной вклад в миграционный прирост населения Санкт-Петербурга за счет квалифицированных кадров. Однако в ближайшее время ожидается значительное уменьшение численности молодежных контингентов в российских регионах. В связи с этим с неизбежностью возрастет роль международной миграции в формировании трудового потенциала Санкт-Петербурга.

Список литературы

1. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Том 2. Таблица 2 / Росстат. — М., 2011. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
2. Численность и миграция населения Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2011–2018 гг.: статистический бюллетень / Петростат. — СПб., 2012–2019.

3. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января: статистический бюллетень / Росстат. — М., 2013–2019.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Itogi Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda. Tom 2. Tablica 2 / Rosstat. — M., 2011. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
2. Chislennost' i migracija naselenija Sankt-Peterburga i Leningradskoj oblasti v 2011–2018 gg. Statisticheskij bjulleten' / Petrostat. — SPb., 2012–2019.
3. Chislennost' naselenija Rossijskoj federacii po polu i vozrastu na 1 janvarja. Statisticheskij bjulleten' / Rosstat. — M., 2013–2019.

ЧУДИНОВСКИХ Ольга Сергеевна
к.э.н., зав. лабораторией экономики народонаселения и демографии
экономического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия.
E-mail: olga@econ.msu.ru

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ РЕАЛИЗАЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ И НАПРАВЛЕНИЯ ЕЕ МОДЕРНИЗАЦИИ В СВЕТЕ НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ[1]

Ключевые слова: миграция. миграционная политика, соотечественники.

Коды JEL: F22, O15, J18

Введение. В новой Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 гг.[2] подчеркивалось, что «Основным источником восполнения населения Российской Федерации и обеспечения национальной экономики трудовыми ресурсами должно оставаться его естественное воспроизводство. Миграционная политика является вспомогательным сред-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00670\20 «Оценка результатов реализации миграционной политики Российской Федерации и предложения по ее модернизации в новых экономических и геополитических условиях».

[2] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310139/74e338ae02b148ec31de4bc38f486b8b045d3a1e/

ством для решения демографических проблем и связанных с ними экономических проблем». Однако демографические итоги 2019 г. и первого полугодия 2020 г., а также прогнозы на ближайшее будущее показывают, что рост численности населения, о котором идет речь также и в Указе Президента России «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [Указ..., 2020], возможен только при устойчивой положительной чистой миграции. Привлекательность России для мигрантов разных категорий — как временных, так и приезжающих на постоянное жительство — помимо объективных факторов зависит и от характера нашей миграционной политики, адекватности выбранных подходов, применяемых механизмов и способности законодателя усваивать уроки неудачного опыта прошлых лет. И роль миграционной политики никоим образом нельзя назвать вспомогательной.

Несмотря на большое число публикаций по вопросам регулирования миграции в России, трудно найти работы, содержащие разносторонний и аргументированный анализ отечественной миграционной политики, итогов ее применения и обоснованные предложения по корректировке существующих подходов и механизмов. Есть работы с общими и достаточно поверхностными умозаключениями [Бардаков, 2018] или полностью отрицающие изменения в регулировании миграции России за последние 25 лет [Жеребцов, Малышев, 2017]. Но безусловно, имеются примеры компетентного анализа современного миграционного законодательства и правоприменительной практики с позиций правоведов [Андриченко, Плюгина, 2019] и экономистов [Деминцева и др., 2018].

Имеются примеры учебной литературы, посвященной российской миграционной политике [Государственная..., 2019].

Обоснование актуальности. Нормативная правовая база в сфере миграции находится в процессе постоянного изменения как в частностях, так и в отношении принципиальных подходов. За последние восемь лет были приняты две Концепции государственной миграционной политики с временным горизонтом до 2025 г. Первая концепция[1] увидела свет в 2012 г. Осенью 2018 г. был подписан Указ Президента о новой концепции на период с 2019 по 2025 г., хотя многие здравые идеи первой концепции так и остались нереализованными [Денисенко, Чудиновских, 2017]. Концепция — это своего рода доктрина, в рамках которой развивается миграционное законодательство. Количество поправок к законам, регулирующим миграцию, внесенных с 2012 по 2019 г. (и ранее), было столь значительным, что вполне понятным стало решение о фундаментальной реформе основного закона, регулирующего положение иностранцев в России. Подготовка проекта нового нормативного акта ожидается

[1] http://government.ru/info/20224/

в 2021 г.[1] Поэтому наблюдение за меняющимися нормами, применением их на практике остается в поле внимания исследователей. Основной целью нашего проекта была оценка положений новой Концепции миграционной политики России, в том числе касающихся мер, которые были реализованы в период до ее принятия. С момента подписания указа о новой концепции прошло полтора года, но, за исключением единичных работ [Ивахнюк, 2018; Комаровский, 2019], она довольно слабо освещалась в российской научной литературе, что также дало нам определенную свободу творчества.

Оценка отдельных положений новой Концепции миграционной политики. Анализ текста новой Концепции миграционной политики Российской Федерации показал, что в ней сочетаются как реалистичные, так и декларативные идеи, которые могут отвлечь на себя средства и силы в ущерб насущным задачам миграционной политики. Преамбула концепции содержит утверждения, которые представляются спорными или не подтверждаются статистикой. Во-первых, вызывает определенные возражения ключевая идея документа, согласно которой целью миграционной политики является создание миграционной ситуации, которая, среди прочих, способствует решению задач «в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода». По нашему мнению, такой подход несет в себе смысловые риски и может увести миграционную политику в сторону попыток выполнения нереалистичных задач и движения к недосягаемым целям, что в итоге заменится имитацией реальной деятельности. Лексика процитированного фрагмента концепции ранее не была свойственна документам такого уровня. Трудно представить гипотетические концепции миграционной политики США, где бы шла речь о защите англосаксонского наследия, или Германии, призывающей к сохранению немецкой культуры и германского «цивилизационного кода». Возникают спорные коннотации и исторические параллели, которых не должно быть в документе такого уровня.

В разделе концепции, посвященном подведению итогов последних лет (после принятия предыдущей концепции), ряд примеров не подтверждается официальной статистикой ГУВМ МВД и ФМС России. В частности, параграф 11 новой концепции гласит, что «в 2012–2017 годах усовершенствованы инструменты правового регулирования в сфере миграции, включая меры ответственности за нарушение миграционного законодательства Российской Федерации и меры противодействия незаконной миграции. В том числе: а) проведена корректировка правил осуществления иностранными гражданами трудовой деятельности на территории Российской

[1] https://ria.ru/20200910/grazhdanstvo-1577034903.html

Федерации, что позволило сократить число иностранных граждан, незаконно находящихся в Российской Федерации, и способствовало увеличению числа иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на законных основаниях». Работа с данными ГУВМ МВД России и ФМС России показала, что утверждение об улучшении управляемости трудовой миграцией находится в противоречии с официальными данными самого́ Главного управления по вопросам миграции МВД России. После введения в 2015 г. новых, более строгих и экономически затратных правил допуска иностранцев на российский рынок труда только примерно половина потенциальных трудовых мигрантов обращаются за документами на работу.

На рис. 1 показана динамика числа иностранцев, поставленных на миграционный учет с целью «работа», и числа иностранцев, получивших разрешительные документы (патенты и разрешения на работу). Необходимо пояснить, что до 2015 г., когда было введено обязательное требование корректно указывать цель въезда, многие иностранцы указывали «частную» цель и также не обращались за патентом или разрешением на работу. В значительной степени именно это обстоятельство послужило основанием для введения в 2015 г. условия указания правильной цели въезда. Во-первых, в ином случае потенциальный трудовой мигрант в принципе не может получить документ, дающий право на работу. Во-вторых, если в ходе проверочных мероприятий у иностранца не окажется патента или разрешения, но цель въезда в миграционной карте будет указана правильно, это считается менее серьезным нарушением законодательства и влечет за собой менее строгое взыскание.

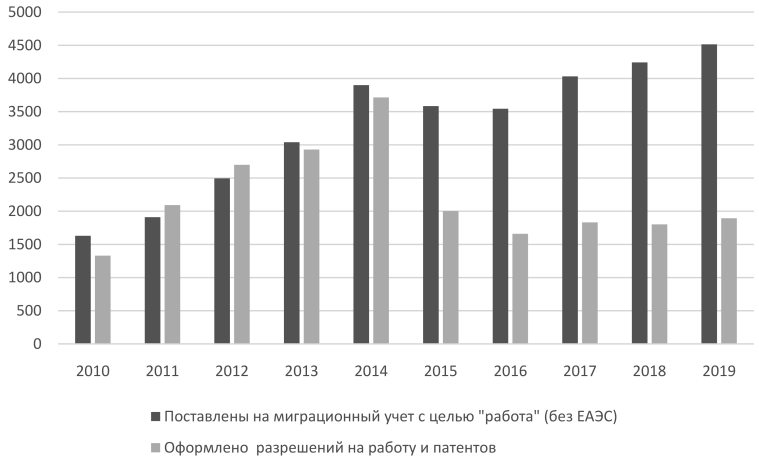

Рис. 1. Сравнение числа лиц, поставленных на миграционный учет с целью «работа» (без граждан стран ЕАЭС), и числа лиц, получивших разрешения на работу и патенты. Россия, 2010–2018, тыс.

Статистика ГУВМ показывает, что после введения новых правил очень большое число потенциальных мигрантов, даже указав целью въезда работу, не обращаются за необходимыми документами. Причины этого кроются в резко возросших с 2015 г. финансовых издержках, которые иностранцы должны нести в России, если они хотят работать легально. В новых экономических условиях, связанных с кризисом 2014–2015 гг., выросшие затраты на оформление документов на работу и высокая цена патента в самых привлекательных для мигрантов регионах России вынуждают законно работающего мигранта нести ежегодно расходы, равные двум месячным зарплатам. Многие низкооплачиваемые иностранцы предпочитают приезжать в Россию на короткие сроки и работать без получения документов, т.е. нелегально. В 2015–2019 гг. за год на миграционный учет с указанием цели «работа» были поставлены от 3,5 до 4,2 млн человек (без учета граждан стран ЕАЭС), а число выданных патентов и разрешений на работу не превышало 2 млн.

Отсутствие критического осмысления чрезмерно высокой цены за патенты привело к тому, что с 2020 г. ряд регионов (в том числе Москва) еще более повысили этот порог. Это свидетельствует об определенной недальновидности региональных властей (и отсутствии у федеральной власти возможности влиять на ситуацию) при выборе регуляторов и механизмов миграционной политики. В данном случае очевидно преобладание краткосрочных экономических интересов в ущерб эффективному регулированию потоков трудовой миграции. Как отметил в одном из своих выступлений мэр Москвы С. Собянин, в 2016 г. доходы от продажи патентов в Москве превысили налоговые поступления от нефтедобывающих компаний, зарегистрированных в столице[1]. При этом, получая такие доходы, городские власти не несут издержек, связанных с содействием в трудоустройстве мигрантов, их социальным страхованием, предложением доступного арендного жилья (отсутствие которого предполагает риски, связанные с миграционным учетом) и т.д. Сохранение дополнительных ограничений в виде запрета на работу в отдельных видах экономической деятельности и другие меры не наводят порядок в сфере трудовой миграции, а наоборот, ведут к сокращению ее легального сегмента [Schenk, 2019].

Таблица 1

Прием в гражданство носителей русского языка по основным странам имеющегося гражданства, 2015–2019 гг., человек и процентов

	человек					%				
	2015	**2016**	**2017**	**2018**	**2019**	**2015**	**2016**	**2017**	**2018**	**2019**
Всего	1624	3189	4716	19 965	30 456	100	100	100	100	100

[1] https://www.rbc.ru/rbcfreenews/56ab4f3a9a794770ae03f7d6

Окончание табл. 1

	человек					%				
	2015	**2016**	**2017**	**2018**	**2019**	**2015**	**2016**	**2017**	**2018**	**2019**
Таджикистан	1112	1890	1852	2372	3 519	68,5	59,3	39,3	11,9	11,6
Украина	1	47	764	14761	22 715	0,1	1,5	16,2	73,9	74,6
ЛБГ	255	931	1472	1892	2 630	15,7	29,2	31,2	9,5	8,6
Казахстан	17	134	213	270	360	1,0	4,2	4,5	1,4	1,2
Узбекистан	9	12	155	374	596	0,6	0,4	3,3	1,9	2,0
Прочие	230	175	260	296	636	14,2	5,5	5,5	1,5	2,1

Источник: форма 2-РД за 2015–2018 гг.

Еще одним положением Концепции, требующим комментариев, является утверждение об упрощении правил приема в российское гражданство иностранцев, являющихся носителями русского языка, инвесторами, предпринимателями или выпускниками российских образовательных организаций, квалифицированными специалистами. Статистика ГУВМ показала, что до отмены требования отказа от прежнего гражданства в отношении граждан Украины основная группа получателей российского паспорта в качестве носителей русского языка была представлена гражданами Таджикистана. С 2015 по 2019 г. доля граждан Украины выросла с 0,1 до 75%, а граждан Таджикистана сократилась с 69 до 12% (табл. 1). В 2019 г. число носителей русского языка, принятых в гражданство РФ, выросло до 30,5 тыс., что было почти в 20 раз больше, чем в 2015 г.

По данным ГУВМ (ФМС России), в первые годы применения статьи о носителях русского языка (вплоть до 2017 г.) более четверти соискателей не могли пройти тестирование на знание русского языка, что свидетельствует о попытках разных групп мигрантов использовать этот способ упрощенного получения гражданства при отсутствии других возможностей. В 2019 г. из 42 тыс. обратившихся за предоставлением гражданства по этому основанию, 5,5 тыс. не были признаны носителями русского языка (данные формы 1-РД ГУВМ МВД России).

Что касается инвесторов и индивидуальных предпринимателей, то за период с 2015 по 2019 гг. эффективность заявленного в концепции упрощения приема в гражданство стремилась к нулю (табл. 2). За пять лет только шесть предпринимателей воспользовались упрощенным порядком приема в гражданство; среди инвесторов таких было двое. Число квалифицированных специалистов с профессиями из перечня Минтруда[1]

[1] С 2015 г. Минтруд издал три приказа, последовательно расширявших список профессий, дающих право на упрощенный прием в гражданство. В настоящее время действует Приказ Минтруда России от 25.11.2019 № 734н «Об утверждении перечня профессий

за все годы наблюдения составило всего 224 человека, из них 136 были приняты в 2019 г.

Таблица 2

Число лиц отдельных категорий, принятых в российское гражданство в упрощенном порядке, 2014–2019 гг., человек

	2015	2016	2017	2018	2019
Выпускники российских вузов (в 2014 г. — 2213 чел.)	255	690	292	695	792
Индивидуальные предприниматели	0	0	0	1	5
Инвесторы	0	0	0	0	2
3 года работают по специальности из перечня востребованных профессий	0	0	4	84	136

Источник: форма 1-РД за 2015–2019 гг.

В концепции 2018 г. в качестве достижения упоминается введенная в 2014 г. уголовная ответственность за пересечение государственной границы Российской Федерации иностранными гражданами, въезд которым в страну не разрешен, за фиктивную постановку иностранных граждан на миграционный учет, расширен перечень оснований, по которым не разрешается или ограничивается въезд иностранных граждан в Российскую Федерацию, а также увеличены сроки таких ограничений. Между тем уже вскоре после введения в действие названных норм стало понятно, что принятые регуляторы носят чрезмерно строгий характер. За незначительные, не являющиеся общественно опасными правонарушения въезд может быть запрещен на 3–10 лет, уголовная ответственность введена за «фиктивную» постановку на миграционный учет и т.д. Поскольку административные правонарушения не имеют градации по степени значимости, въезд закрывается даже при незначительных проступках, например, за переход улицы в неположенном месте. Сейчас въезд в Россию закрыт почти 2 млн человек, для большинства которых работа в России была единственным источником существования. Эксперты считают, что установленные меры ответственности избыточны. Имеют место случаи ошибок при внесении соответствующих записей в базу данных ГУВМ, а их обжалование крайне затруднено. Под общее правило подпадают даже лица, имеющие вид на жительство. Несмотря на то что в концепции перечисленные меры представлены как достижение, в настоящее время активно ведется работа по их пересмотру в сто-

(специальностей, должностей) иностранных граждан и лиц без гражданства — квалифицированных специалистов, имеющих право на прием в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке».

рону большей гибкости и избирательности. Инициатором выступает само ГУВМ МВД России, признавая избыточную жесткость принятых нормативных актов.

Работа по контролю над реализацией новой концепции была поручена специальной рабочей группе при Администрации Президента, создание которой отметили ведущие издания[1]. При этом журналисты сообщили, что одной из задач рабочей группы будет привлечение в Россию новых граждан[2]. Между тем страны, испытывающие демографические проблемы, сходные с российскими, заинтересованы в привлечении не просто граждан, а новых жителей. Значительное количество иммигрантов длительное время (вплоть до конца жизни) проживают на новой родине по виду на жительство, не стремясь приобрести ее гражданство. И миграция в Россию в данном контексте не тождественна приобретению российского гражданства. Заложенные в новой концепции идеи по упрощению приема в российское гражданство, по нашему мнению, не были в достаточной мере обоснованы. Принятые в конце 2018 г. и в апреле-июле 2019 г. новые нормативные акты резко расширили возможности получения российского паспорта для отдельных категорий иностранных граждан, проживающих вне пределов России. В 2019 и 2020 гг. почти вдвое выросло число лиц, принятых в российское гражданство. Половина этого количества приходится на граждан Украины, преимущественно проживающих в юго-восточных регионах этой страны. Мы отмечали риски такой политики, как экономические, так и политические, в том числе связанные с выплатами российских пенсий и назначении материнского капитала [Хараева, Чудиновских, 2019]. По данным ГУВМ МВД России, в 2019 г. число принятых в гражданство выросло по сравнению с 2018 г. почти вдвое, составив 497 тыс. человек. Из них 227 тыс. получили российский паспорт «по гуманитарным основаниям», и абсолютное большинство этих людей не являются жителями России.

Следует отметить наиболее реалистичные и обоснованные положения новой концепции. К числу важнейших относится идея открытости России не только для соотечественников, но также и «для широкого круга мигрантов, которые не связывают с ней свое будущее, но рассматривают Россию как страну с благоприятными условиями для удовлетворения своих экономических, социальных и культурных потребностей, соблюдающих законодательство России» и пр. В этом тезисе скрыто определенное противоречие. С одной стороны, обозначена цель расширения каналов миграции в Россию, которые пока были ограничены только Госпрограммой

[1] http://www.kremlin.ru/events/administration/59986

[2] Мигрантополучатели // Коммерсантъ. — 14.03.2019. — № 44. — С. 1. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3909388

содействия переселению соотечественников. Но, с другой стороны, фраза «которые не связывают с Россией свое будущее» подразумевает временный характер миграции. (Эта «особенность» отечественной миграционной политики отмечается исследователями [Рязанцев, 2019, с. 171].) По нашему мнению, авторы концепции стали заложниками циркулирующей в определенных кругах идеи, согласно которой потоки миграции на постоянное жительство в Россию должны формироваться только за счет соотечественников. Между тем, как отмечалось выше, переехать в нашу страну и связать свое будущее с Россией могут и иностранные граждане, не относящиеся к категории соотечественников.

Тем не менее практика показала, что в процессе реализации новой концепции разработчики поправок к законодательству сделали необходимые выводы из наблюдаемых тенденций. Летом 2019 г. был принят важнейший закон [Федеральный закон (а), 2019], существенно упростивший для отдельных категорий иностранных граждан (в том числе — представителей отдельных профессий, инвесторов и предпринимателей, выпускников вузов и пр.) доступ к разрешению на временное проживание и виду на жительство, с которым они могут бессрочно проживать в нашей стране, даже не обращаясь за гражданством. Также были внесены поправки к закону о гражданстве, в соответствии с которыми с октября 2019 г. срок работы в России для выпускников и представителей востребованных профессий из перечня Минтруда сокращен с трех до одного года [Федеральный закон (б), 2019].

Следует понаблюдать за тем, насколько востребованным после принятия этого закона будет приобретение российского гражданства. Вполне вероятно, что новые возможности получения вида на жительство для многих иностранцев станут более удобным средством легализации проживания в России, нежели получение российского паспорта. В новой концепции явно недостаточно внимания уделяется временным формам миграции, которые и определяют характер миграционной обстановки в стране. В некоторых утверждениях руководителей органов по вопросам миграции подчеркивается, что «планируется постепенное смещение акцента с привлечения временных трудовых мигрантов на переселение соотечественников, в том числе в рамках Государственной программы». Эта задача противоречит реалиям и едва ли выполнима в среднесрочной перспективе. Для большинства временных трудовых мигрантов Россия привлекательна именно тем, что средства, заработанные мигрантами в нашей стране, домохозяйства мигрантов расходуют в странах исхода с более низкими жизненными стандартами. Это и определяет экономическую целесообразность трудовой миграции в Россию. Россия, в свою очередь, получает относительно недорогую рабочую силу (легальную и нелегальную), решая широкий круг проблем, связанных со спросом и предложе-

нием рабочей силы на рынке труда. Поэтому намеренное сужение каналов временной трудовой миграции в пользу миграции на постоянное жительство может привести к негативным экономическим и социальным последствиям. По нашему убеждению, следует изменить нацеленность миграционной политики только на соотечественников (которая приводит к искажениям и поиску мигрантами обходных путей в Россию). Следует развивать программы трудовой миграции — как временной, так и долгосрочной, не ограничивая интересы только высококвалифицированными специалистами.

К числу необходимых и важных задач, сформулированных в концепции, относятся те, которые связаны с развитием академической мобильности, программами адаптации и интеграции мигрантов, информационно-аналитическим обеспечением миграционной политики. Последний аспект имеет ключевое значение, так как в этой сфере сложилась весьма непростая ситуация. До перехода функций ФМС России в ведение МВД информационные ресурсы миграционной службы динамично развивались, совершенствовались алгоритмы выгрузки данных из ЦБДУИГ, были видны перспективы автоматизации текущего учета миграции. После апреля 2016 г. в соответствии с внутренним регламентом МВД все базы данных бывшей ФМС были передислоцированы в Департамент информационных технологий, связи и защиты информации. Организационные изменения привели к тому, что на протяжении нескольких лет нормальная работа ЦБДУИГ практически не поддерживалась. Только в 2019 г. были предприняты реальные шаги по восстановлению этой работы. Современная ситуация с информационными ресурсами ГУВМ не может не вызывать тревоги, потому что это ведомство собирает наибольший объем разнообразнейшей информации, связанной с миграцией граждан России и иностранцев. Этот вопрос имеет государственное значение и заслуживает внимания не на ведомственном, а на более высоком уровне. От наличия данных зависит адекватность нашего понимания ситуации и, следовательно, решения в сфере миграционной политики в будущем.

Выводы. По итогам анализа новой концепции были сделаны следующие выводы. Новая Концепция миграционной политики России — противоречивый документ. В ней содержатся положения, не имеющие объективной основы. Наблюдается сдвиг в сторону желаемых, идеальных целей, некоторых из которых нельзя достичь даже в отдаленной перспективе (и точно не к 2025 г.). Вместе с тем в концепции обозначены реальные и давно существующие проблемы, решение которых уже началось. В том числе речь идет о мерах, направленных на упрощение бюрократических процедур и практик, повышение компетенции сотрудников миграционных органов, развитие программ адаптации и интеграции мигрантов, совершенствование практик предоставления убежища, расширение кана-

лов миграции в Россию для различных групп мигрантов, не являющихся соотечественниками, а также совершенствование информационно-аналитического обеспечения миграционной политики России. Распределение усилий на достижение реального и нереального в миграционной политике будет зависеть от общеполитической и экономической ситуации в России, от места миграции в повестке внутренней и международной политики России. Данное направление исследования обладает безусловной научной новизной, поскольку до этого в отечественной практике не предпринималось попыток верификации и критического осмысления положений новой Концепции государственной миграционной политики России с привлечением официальной статистики. В данном случае мы в качестве дополнительного и оригинального результата получили подтверждение тому, что статистика миграции предоставляет наилучшие индикаторы эффективности миграционной политики. Она позволяет показать основные проблемы текущей ситуации, разработать меры для их решения, затем провести повторные замеры, посмотреть, изменилась ли ситуация, и решить, насколько удачными были предпринятые шаги и какие нужны коррективы.

Список литературы

1. *Андриченко Л. В., Плюгина И. В.* Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — М.: НОРМА ИНФРА М, 2019.
2. *Бардаков А.* Управление миграцией в современной России: достижения и просчеты // Вестник Волгоградского государственного университета, серия 4: История, регионоведение. Международные отношения. — 2018. — Том 23. — № 4. — С. 176–185.
3. Государственная миграционная политика Российской Федерации: учебник для бакалавриата / В. А. Волох, В. А. Суворова, Е. В. Афанасьева и др. — М.: Институт мировых цивилизаций, 2019.
4. *Деминцева Е., Мкртчян Н., Флоринская Ю.* Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения / Центр стратегических разработок, НИУ ВШЭ, 2018. — С. 33. URL: https://publications.hse.ru/books/217173926
5. *Денисенко М., Чудиновских О.* Причины нереализации положений Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации // Демоскоп Weekly. — 2017. — № 753–754. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0753/analit01.php
6. *Жеребцов А., Малышев Е.* Современные организационные и административно-правовые проблемы государственного управления миграцией населения // Общество и право. — 2017. — № 2 (60). — С. 199.
7. *Ивахнюк И. В.* Комментарии к Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг., 2018. URL: https://

migrant.ru/novosti-proekta-sobiranie-naroda-ekspertnyj-analiz-koncepcii-migracionnoj-politiki/

8. *Комаровский В. В.* Концепция миграционной политики и трудовая миграция: что можно или нужно сделать? // Общественные науки и современность. — 2019. — № 5. — С. 132–141.
9. *Рязанцев С. В.* Видит ли миграционная политика России человека? (Антропологическое измерение российской миграционной политики) // Вестник Томского государственного университета. История. — 2019. — № 59. — С. 167–177.
10. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: http://kremlin.ru/acts/news/63728
11. Федеральный закон (а) от 02.08.2019 № 257-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» в части упрощения порядка предоставления некоторым категориям иностранных граждан и лиц без гражданства разрешения на временное проживание и вида на жительство».
12. Федеральный закон (б) от 03.07.2019 № 165-ФЗ «О внесении изменения в статью 14 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации».
13. *Хараева О. А., Чудиновских О. С.* Прием в гражданство лиц, проживающих за рубежом: политика России и международный опыт // Демографическое обозрение. — 2019. — № 6(4). — С. 6–30. URL: https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10425
14. *Schenk C.* Why Control Immigration? Strategic Uses of Migration Management in Russia. — University of Toronto Press. Toronto Buffalo London, 2018. — P. 110.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Andrichenko L. V., Pljugina I. V.* Migratsionnoe zakonodatelstvo Rossijskoj Federatsii: tendencii razvitija i praktika primenenija / Institut zakonodatel'stva i sravnitelnogo pravovedeniya pri Pravitelstve Rossiiskoy Federatsii. — M.: NORMA INFRA M, 2019.
2. *Bardakov A.* Upravlenie migraciej v sovremennoj Rossii: dostizhenija i proschety // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, serija 4: Istorija, regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. — 2018. — Tom 23. — № 4. — S. 176–185.
3. Gosudarstvennaya migratsionnaya politika Rossiiskoy Federatsii: uchebnik dlya bakalavriata. Volokh V. A., Suvorova V. A., Afanasyeva E.V... — M.: Institut mirovykh civilizacii, 2019.
4. *Demintseva E., Mkrtchyan N., Florinskaja Ju.* Migracionnaja politika: diagnostika, vyzovy, predlozhenija / Centr strategicheskih razrabotok, NIU VShE, 2018. — S. 33. URL: https://publications.hse.ru/books/217173926
5. *Denisenko M., Chudinovskih O.* Prichiny nerealizacii polozhenij Konceptsii gosudarstvennoi migratsionnoi politiki Rossiiskoi Federacii // Demoskop Weekly. — 2017. — № 753–754. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0753/analit01.php

6. *Zherebtsov A., Malyshev E.* Sovremennye organizatsionnye i administrativno-pravovye problemy gosudarstvennogo upravlenija migratsiei naseleniya // Obshhestvo i pravo. — 2017. — № 2 (60). — S. 199.
7. *Ivahniuk I. V.* Kommentarii k Konceptsii gosudarstvennoi migracionnoi politiki Rossiiskoi Federatsii na 2019–2025 gg., 2018. URL: https://migrant.ru/novosti-proekta-sobiranie-naroda-ekspertnyj-analiz-koncepcii-migracionnoj-politiki/
8. *Komarovskii V. V.* Konceptsiya migracionnoi politiki i trudovaya migratsiya: chto mozhno ili nuzhno sdelat? // Obshchestvennye nauki i sovremennost. — 2019. — № 5. — S. 132–141.
9. *Rjazanysev S. V.* Vidit li migracionnaja politika Rossii cheloveka? (Antropologicheskoe izmerenie rossijskoj migracionnoj politiki) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. — 2019. — № 59. — S. 167–177.
10. Ukaz Prezidenta RF ot 21.07.2020 № 474 «O nacional'nyh celjah razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda». URL: http://kremlin.ru/acts/news/63728
11. Federalnyi zakon (a) ot 02.08.2019 № 257-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «O pravovom polozhenii inostrannykh grazhdan v Rossijskoi Federacii» v chasti uproshcheniya poryadka predostavleniya nekotorym kategoriyam inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva razresheniya na vremennoe prozhivanie i vida na zhitelstvo».
12. Federalnyi zakon (b) ot 03.07.2019 № 165-FZ «O vnesenii izmeneniya v statiu 14 Federalnogo zakona «O grazhdanstve Rossiiskoi Federatsii».
13. *Kharaeva O. A., Chudinovskih O. S.* Priem v grazhdanstvo lits, prozhivaiushchikh za rubezhom: politika Rossii i mezhdunarodnyi opyt // Demograficheskoe obozrenie. — 2019. N 6(4), — C. 6–30. URL: https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10425

ШИЧКИН Игорь Алексеевич
к.э.н., доцент,
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
базовая кафедра Торгово-промышленной палаты РФ
«Развитие человеческого капитала»,
Москва, Россия.
E-mail: shichkinia@mail.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТОЙНОГО ТРУДА И СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ВНУТРИРОССИЙСКИХ МИГРАНТОВ

Ключевые слова: трудовые мигранты, достойный труд, социальная защита.

Коды JEL: J62, J68

В экономически развитых странах внутренняя трудовая миграция выступает в роли основного инструмента территориального перераспределения трудоспособного населения в соответствии с приоритетными целями социально-экономического развития. По данным выборочного обследования рабочей силы, проведенного Росстатом, численность занятых, которые работали за пределами субъекта Российской Федерации, где они проживают, включая работавших на территории другого государства, в среднем за 2016 г. составила 2,7 млн человек, или 4% от численности занятого населения [Занятость..., 2017]. Таким образом, в отличие от развитых стран мира в современной России уровень внутренней миграционной подвижности населения чрезвычайно низок и поэтому не является реальным инструментом оптимизации рынка труда и выравнивания межрегиональной дифференциации уровней социально-экономического развития. Это обусловлено тем, что государство не стимулирует процессы внутренней трудовой мобильности, обеспечивая российским мигрантам достойный труд и социальную защиту.

Отсутствие информации о перспективах переезда в тот или иной регион России; проблемы жилищного обустройства, поиска работы, социальной адаптации мигрантов на новом месте; низкая заработная плата, неформальная занятость и нарушение требований охраны труда; недостаток юридической, правовой, информационной поддержки со стороны государственных органов; обман и мошенничество на рынке труда являются основными маркерами дефицита достойного труда и социальной защиты российских трудовых мигрантов и членов их семей.

Вознаграждение российских трудовых мигрантов также нередко подразумевает неофициальное получение всей суммы заработной платы «в конверте» или «на руки». Согласно данным Всемирного банка, доля неформально занятого населения в России в 2016 г. оценивалась в диапазоне от 15,1 до 21,2%, или от 10,9 млн до 15 млн человек [Доклад..., 2019]. К данной категории также относятся внутрироссийские трудовые мигранты, которые чаще всего являются неквалифицированными рабочими либо работниками сферы обслуживания. Российские трудовые мигранты компенсируют отсутствие достойных рабочих мест более высокой серой зарплатой. Последствиями недостаточного обеспечения достойного труда и социальной защиты российских трудовых мигрантов наряду с занятостью в неформальном секторе являются бродяжничество, криминал, трудовая и сексуальная эксплуатация, попрошайничество, родительство на расстоянии, дистанционная семья, ухудшение здоровья и быстрое развитие заболеваний.

Вышеприведенные факторы способствуют увеличению неустойчивой занятости внутренних мигрантов и консервации невысокого уровня жизни российских граждан. Ситуация усугубляется кризисными явлени-

ями как в мировой экономике, так и вследствие ухудшения общей эпидемиологической обстановки. Социально-экономические последствия пандемии COVID-19 в России в 2020 г. выражены в значительном росте уровня безработицы и снижении темпов миграционной подвижности. Общая численность безработных в России в июле 2020 г. составила 4,731 млн человек, или 6,3% [Занятость..., 2020]. Для сравнения, в августе 2019 г. показатель уровня безработицы в РФ был минимальным за всю историю наблюдений с 1991 г. — 4,3%. При этом восстановление рынка труда и рост экономической активности будут происходить невысокими темпами. К примеру, эксперты интернет-ресурса «Авито Работа» фиксируют падение количества вакансий в сферах туризма, ресторанного бизнеса, искусства и развлечений. В России в 2020 г. отчасти вследствие пандемии COVID-19 прекратили свое существование либо находятся в предбанкротном состоянии десятки тысяч микропредприятий, индивидуальных предпринимателей, субъектов малого и среднего бизнеса. Многие из них представляют сферу строительства, торговли, различных услуг, что является традиционным ареалом приложения труда внутрироссийских мигрантов. Таким образом, происходит сокращение спроса на рабочую силу и сужение занятости внутрироссийских мигрантов.

Острая фаза пандемии в марте-июне 2020 г. обусловила необходимость введения карантинного режима и закрытия государственных границ, что способствовало снижению миграционной подвижности населения. Наряду с этим крупнейшие центры притяжения трудовых мигрантов в России, такие как г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург, на фоне неблагоприятной эпидемиологической ситуации были вынуждены ввести существенные ограничительные меры на перемещения как внутри субъекта Федерации, так и на пересечение административных границ населенного пункта. В этих условиях внутрироссийские мигранты, лишившиеся оплачиваемой занятости и доходов, возвращались в регионы происхождения. Учитывая, что работа в другом регионе для российских мигрантов является единственным источником дохода, многие семьи остались без средств к существованию и выживали за счет личных подсобных хозяйств или увеличения кредитной нагрузки.

В подобных условиях гражданам остается рассчитывать на социальную поддержку государства. В Германии, США и других развитых странах в 2020 г. выделены колоссальные ресурсы для помощи собственному населению в условиях кризиса, которые позволили поддержать платежеспособный спрос и высокий уровень жизни населения. В период пандемии российское правительство приняло ряд мер поддержки отдельных категорий граждан и бизнеса. Выделены дополнительные средства на выплаты пособий по безработице. За период с апреля по июнь 2020 г. произведены ежемесячные выплаты семьям с детьми до трех лет в размере 5 тыс. руб.

Семьям, имеющим детей от 3 до 15 лет (включительно) предоставлена единовременная выплата в размере 10 тыс. руб. Введены дополнительные выплаты на детей для безработных граждан по 3 тыс. руб. на каждого ребенка. В отдельных регионах осуществлялись выплаты в пользу пожилых граждан. Так, в Московской области лица в возрасте 65 лет и старше и жители, страдающие определенными хроническими заболеваниями, соблюдающие режим самоизоляции, получали единовременную выплату в размере 3000 руб. Между тем важно отметить, что размер выплат и пособий является невысоким и недостаточным для удовлетворения минимальных потребностей российских граждан. При этом не охватывает такие категории населения, как внутренние мигранты и члены их семей.

В связи с этим целесообразно интенсифицировать социально-экономическую политику государства, направленную на обеспечение достойного труда и повышение социальной защиты российского населения, в том числе внутренних трудовых мигрантов и членов их семей.

Необходимо регулярно совершенствовать и вносить поправки в российское трудовое, налоговое и гражданское законодательство с целью защиты трудовых и социальных прав российских работников. Эти изменения должны стимулировать работодателей к созданию новых рабочих мест и к заключению с работниками официальных трудовых соглашений в условиях объективного распространения гибких форм занятости. Эти меры должны способствовать выводу из «тени» неформальной занятости, выплатам официальной зарплаты и осуществлению отчислений по обязательному социальному страхованию.

Вместе с тем следует усилить контроль над работодателями, использующими внутрироссийских мигрантов в части соблюдения ими норм трудового законодательства и требований охраны труда. Повысить ответственность и прозрачность деятельности рекрутинговых агентств и посреднических структур, специализирующихся на подборе временного персонала из регионов на вахтовой и сезонной основах.

Государственным центрам занятости населения и частным кадровым агентствам следует расширить работу по информированию населения и работодателей через средства массовой информации о состоянии регионального рынка труда, тенденциях его развития, возможностях трудоустройства.

Для внутрироссийских мигрантов и членов их семей требуется государственное содействие в социально-бытовой адаптации, в том числе помощь в решении жилищных проблем, размещении детей в учреждениях дошкольного и школьного образования, информационно-консультативная поддержка. Целесообразно предоставление внутрироссийским мигрантам и членам их семей, переезжающим в другой регион с целью трудовой деятельности, единовременной выплаты от государства («подъемных») для компенсации транспортных расходов и первичного обустройства.

Региональные власти должны обеспечить функционирование цивилизованного рынка аренды жилья, элиминируя институт посредничества для формирования предложения доступного временного жилья. Кроме того, необходима государственная поддержка девелоперских компаний с целью массового строительства в регионах — реципиентах рабочей силы жилья экономкласса, предназначенного для приобретения или аренды российскими трудовыми мигрантами.

Необходимо повышать роль диаспор и землячеств, а также профсоюзов в оказании поддержки уполномоченным государственным органам и мигрантам в решении их социальных и трудовых проблем. Выделять им для решения этих задач целевые ресурсы.

Внутрироссийским мигрантам важно ощущать заботу и поддержку государства, которая может выражаться в предоставлении стабильной и достойно оплачиваемой работы, соблюдении их трудовых прав и обеспечении необходимых социальных гарантий. Очевидно, что данный фактор выступит в качестве мощного импульса к увеличению внутренней миграционной подвижности российского населения.

Список литературы

1. Доклад об экономике России #41: Умеренные темпы роста экономики; в центре внимания — неформальный сектор / Всемирный банк, 2019. — 63 с. URL: http://pubdocs.worldbank.org/en/908421560108417755/rer-41-russian.pdf
2. Занятость и безработица в Российской Федерации в июле 2020 года (по итогам обследования рабочей силы) / База данных Росстата, 2020. URL: http://old.gks.ru
3. Занятость и безработица в Российской Федерации в августе 2017 года (по итогам обследования рабочей силы) / Росстат, 2017. URL: http://www.gks.ru/ wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/ statistics/wages/labour_force/#

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Doklad ob jekonomike Rossii #41: Umerennye tempy rosta jekonomiki; v centre vnimanija — neformal'nyj sektor / Vsemirnyj bank, 2019. — 63 s. URL: http://pubdocs.worldbank.org/en/908421560108417755/rer-41-russian.pdf
2. Zanjatost' i bezrabotica v Rossijskoj Federacii v ijule 2020 goda (po itogam obsledovanija rabochej sily) / Baza dannyh Rosstata, 2020. URL: http://old.gks.ru
3. Zanjatost' i bezrabotica v Rossijskoj Federacii v avguste 2017 goda (po itogam obsledovanija rabochej sily) / Rosstat, 2017. URL: http://www.gks.ru/ wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/ statistics/wages/labour_force/#

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

БЕЗРУКОВА Ольга Николаевна
к.соц.н., доцент,
зав. кафедрой социологии молодежи и молодежной политики,
факультет социологии
Санкт-Петербургского государственного университета,
кафедра социологии молодежи и молодежной политики,
Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: o.bezrukova@spbu.ru

САМОЙЛОВА Валентина Алексеевна
к.п.н., старший научный сотрудник, доцент,
факультет социологии
Санкт-Петербургского государственного университета,
кафедра теории и практики социальной работы,
Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: v.samojlova@spbu.ru

ОТЦОВСТВО И ПОДДЕРЖКА ОТЦОВ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ[1]

Ключевые слова: отцовство, практики отцовства, ответственное отцовство.

Коды JEL: J11, J12, J13, J18

Общественный дискурс об ответственном отцовстве активизировал развитие перспективных направлений и мер поддержки отцов в положениях государственной демографической политики на региональном и федеральном уровнях РФ. В Санкт-Петербурге в Концепции семейной политики на 2012–2022 гг., Стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг., Концепции демографической политики на период 2015–2025 гг., а также при разработке системы индикаторов для мониторинга эффективности

[1] Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 19-011-00543.

мероприятий по реализации стратегических программ и проектов, разработанных с участием авторов, впервые в отечественной законодательной практике выделено направление, посвященное поддержке отцов и повышению их родительской компетентности [Безрукова и др., 2016, с. 74–78]. Пропаганда ответственного отцовства, формирование позитивного образа отца, повышение ценностей семейного образа жизни, поддержка некоммерческих организаций, ориентированных на укрепление семьи и отцовства, закреплены в Концепции государственной семейной политики в России на период до 2025 г. (принята распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 №1618-р).

Несмотря на усиливающееся внимание к институту отцовства со стороны государства, исследователей, практиков, остается много нерешенных вопросов. Структурными барьерами предоставления социальной помощи отцам выступает несовершенство законодательства и правовые лакуны в отношении реализации прав и интересов отцов. В стандартах государственной социальной помощи на федеральном и региональном уровнях социальные услуги для мужчин не выделены в отдельную категорию, а в качестве клиентов и получателей социальных услуг рассматриваются только женщины и дети.

Культурные барьеры проявляются в устаревших традиционных гендерных нормах, предписывающих матери роль воспитателя, а отцу — «кормильца», что может помешать отцам участвовать в воспитании детей. В общественном мнении из поколения в поколение транслируются представления о том, что женщины лучше приспособлены к заботе о детях раннего возраста, а мужчины не компетенты и им нельзя доверять маленьких детей. Существуют информационные барьеры, влияющие на низкий уровень осведомленности отцов о программах для родителей. Исследователи и практики делают вывод о том, что существует необходимость в повышении осведомленности отцов, и подчеркивают важность их участия в родительском обучении. Экономические барьеры, вызванные экономической нестабильностью, бедностью, отсутствием работы или неформальной занятостью, вынуждают малообеспеченных отцов много работать, использовать любые возможности, чтобы получить доход, что негативно сказывается на их воспитательной роли в семье [Безрукова, Самойлова, 2020, с. 247–250].

Исследование, посвященное современному отцовству, его динамике, сценариям, смыслам, направлено на восполнение имеющихся дефицитов. В ходе первого этапа исследования, проведенного в 2019 г. в Санкт-Петербурге, приняли участие 75 отцов пяти целевых групп, находящихся в трудных жизненных ситуациях: в семьях с ребенком-инвалидом, приемных семьях, в ситуации одинокого отцовства, с новорожденными детьми, в процессе развода и постразводной ситуации. Метод исследования — глубинное интервью. Получены результаты эмпирической верифика-

ции типологии моделей отцовства, отцовских идентичностей и типичных сценариев становления мужчины в роли отца по каждой целевой группе. Проанализирована типология моделей мотивации отцовства. Сделан вывод о том, что реализация потенциала отцовства в значительной степени взаимосвязана с культурными, экономическими и структурными факторами. Специфика конфигурации отцовских практик, обусловленная фактором отца (мотивацией отцовства, культурными ресурсами, спецификой жизненной ситуации, режимом трудовой занятости и др.), в значительной степени взаимосвязана с качеством супружеских отношений (фактором матери) и межпоколенных отношений. На основании результатов исследования предложен проект рекомендаций по поддержке отцов с учетом актуальности и значимости для каждой целевой группы.

Полученные результаты имеют значимость для научного осмысления состояния российской семьи, отцовства/материнства и выявления основных трендов культурных и структурных изменений в семейной и родительской сфере. Научные результаты проекта могут быть использованы в реализации государственной демографической и семейной политики, учтены при разработке и совершенствовании правовой базы поддержки семьи, родительства и детства на государственном и региональном уровнях. На основе результатов проекта сформулированы рекомендации по совершенствованию информационной политики, по оптимизации работы с семьями/отцами в учреждениях социальной сферы. Результаты проекта востребованы социальными службами, негосударственными организациями, муниципалитетами для разработки и внедрения малозатратных программ и конкретных социальных технологий, направленных на формирование ответственного отцовства.

Список литературы

1. *Безрукова О. Н., Самойлова В. А.* Отцовство и поддержка отцов: тренды современных зарубежных исследований // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2020. — № 4. — С. 233—272.
2. *Безрукова О. Н., Самойлова В. А., Ивашкина Ю. Ю., Курганова Г. С.* Семейная политика в Санкт-Петербурге на 2012—2022 годы: концептуальные основы, практические решения, показатели эффективности: учебно-методическое пособие для самостоятельной работы, семинарских и практических занятий. — СПб.: Скифия-принт, 2016.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Bezrukova O. N., Samojlova V. A.* Otcovstvo i podderzhka otcov: trendy sovremennyh zarubezhnyh issledovanij // Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny. — 2020. — № 4. — S. 233—272.

2. *Bezrukova O. N., Samojlova V. A., Ivashkina Ju. Ju., Kurganova G. S.* Semejnaja politika v Sankt-Peterburge na 2012–2022 gody: konceptual'nye osnovy, prakticheskie reshenija, pokazateli jeffektivnosti. Uchebno-metodicheskoe posobie dlja samostojatel'noj raboty, seminarskih i prakticheskih zanjatij. — SPb.: Skifija-print, 2016.

БЕЛЕЦКАЯ Мария Юрьевна
к.э.н., научный сотрудник,
Институт США и Канады РАН,
Москва, Россия.
E-mail: mybeletskaya@gmail.com

ВЫПОЛНЕНИЕ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ НА 2015–2020 гг. СТРАНАМИ БРИКС

Ключевые слова: БРИКС, программа развития народонаселения стран БРИКС, демографическое развитие.

Коды JEL: F02, J11, J18

В странах БРИКС проживает более 40% населения земли, при этом численность населения в странах БРИКС сильно варьирует: от 57 млн (ЮАР) до более чем миллиарда (Китай, Индия) людей.

Сотрудничество стран БРИКС по вопросам народонаселения было начато в 2012 г. В 2013 г. было принято решение сделать обязательным проведение встреч высших должностных лиц и экспертов БРИКС, связанных с вопросами народонаселения.

Первый семинар БРИКС для высших должностных лиц и экспертов по вопросам народонаселения был проведен в Хейзивью, Южная Африка, в марте 2014 г., где были приняты рамки сотрудничества. Первое совещание министров стран, ответственных за вопросы народонаселения в БРИКС, в Бразилиа, Бразилия, 12–13 февраля 2015 г. последовало за вторым семинаром по вопросам народонаселения «Лучшие практики и извлеченные уроки», организованном 10–11 февраля 2015 г. На этом совещании министры приняли «Повестку дня сотрудничества Бразилии, России, Индии, Китая, Южной Африки (БРИКС) по вопросам народонаселения на 2015–2020 годы».

Третий ежегодный семинар по вопросам народонаселения БРИКС был проведен в Москве 9–10 декабря 2015 г. и был посвящен проблеме демографических вызовов и экономического развития стран БРИКС. По итогам этого семинара было опубликовано заявление, в котором обо-

значены пути трансформации демографических вызовов в возможности для экономического роста и развития человеческого потенциала.

В заявлении также указывалось, что страны БРИКС заинтересованы в расширении прав и возможностей женщин, совершенствовании политики в отношении детей и молодежи, а также пожилых людей и лиц с ограниченными возможностями здоровья. В нем была поставлена задача развития мониторинга и прогнозирования развития народонаселения.

На четвертом семинаре по вопросам народонаселения, прошедшем в Нью-Дели в 2016 г., страны БРИКС подтвердили свое обязательство содействовать долгосрочному и сбалансированному демографическому развитию и продолжать сотрудничество по вопросам народонаселения в соответствии с «Повесткой дня сотрудничества БРИКС по вопросам народонаселения на 2015–2020 годы», и это намерение было отражено в Декларации саммита лидеров БРИКС.

В 2020 г. в ходе российского председательства в БРИКС запланировано проведение очередного семинара по развитию народонаселения стран БРИКС, на котором будет продолжено обсуждение актуальных вопросов развития народонаселения, а также перспектив дальнейшего сотрудничества и взаимодействия стран БРИКС в их решении.

В числе вопросов, вынесенных на обсуждение, особое место занимают вопросы старения населения. Старение населения становится общей проблемой для стран БРИКС, в которых проживает почти 40% пожилого населения земли в возрасте 60 лет и старше.

Старение населения требует большего внимания к оказанию услуг по долгосрочному уходу, а также к действиям по продлению трудовой жизни и возможностям трудоустройства для пожилых людей. Качество жизни и занятость населения во многом зависят от доступности образования и устранения гендерного неравенства, особенно в сфере неоплачиваемого труда. Все страны БРИКС занимаются этими проблемами и заинтересованы в продвижении развития, ориентированного на человека.

Весной 2020 г. ситуация в мире резко изменилась в связи с глобальной пандемией коронавируса COVID-19. На 15 сентября 2020 г. от пандемии пострадали 213 стран, в том числе страны БРИКС. Общее количество зараженных превысило 29 млн[1].

Страны БРИКС оказались в числе наиболее пострадавших от вируса стран (табл. 1).

[1] Countries where COVID-19 has spread// Worldometers. URL: ttps://www.worldometers.info/coronavirus/countries-where-coronavirus-has-spread/

Таблица 1

Данные по COVID-19 и его влияние на страны БРИКС

Страна	Всего случаев заражения (02.09.2020)[1]	Всего смертей (02.06.2020)[2]	Количество больничных коек на 100 тыс. населения[3]	Ожидаемое влияние на занятость: уровень безработицы, %
Бразилия	3 950 931	122 596	2,3	Декабрь 2019 — 11,0% Июнь 2020 — 13,3%[4]
Россия	1 001 965	17 365	8,1	Декабрь 2019 — 4,6% Июль 2020 — 6,3%[5]
Индия	3 769 523	66 333	0,53	Декабрь 2019 — 7,6% Апрель 2020 — 23,5% Июнь 2020 — 11,0%[6]
Китай	89 934	4724	4,3	Декабрь 2019 — 5,2% Февраль 2020 — 6,2% Июль 2020 — 5,7%[7]
Южная Африка	628 259	14 263	2,3	IV квартал 2019 — 29,1% I квартал 2020 — 30,1%[8][B1]

Борьба с пандемией еще не закончена, однако глобальное распространение вируса ярко высветило необходимость тесного взаимодействия стран для решения вопросов народонаселения. Так, особо очевидными стали вопросы обеспечения гендерного равенства. Женщины составляют большинство медицинского персонала в мире, и именно они приняли

[1] COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University (JHU) // Johns Hopkins University. URL: https://coronavirus.jhu.edu/map.html

[2] COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University (JHU) // Johns Hopkins University. URL: https://coronavirus.jhu.edu/map.html

[3] Health at a Glance 2019 // OECD. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/4dd50c09-en.pdf?expires=1593094854&id=id&accname=guest&checksum=A717E57A34B460ED6C4A64CE2AF8B372

[4] Brazil Unemployment Rate, Trading Economics // Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/brazil/unemployment-rate

[5] Socioeconomic Situation in Russia. January-July 2020 // Russian Federal State Statistics Service. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ipv0csTN/osn-07-2020.pdf

[6] India Unemployment Rate, Trading Economics // Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/india/unemployment-rate

[7] China Unemployment Rate, Trading Economics // Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/china/unemployment-rate

[8] South Africa Unemployment Rate, Trading Economics // Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/south-africa/unemployment-rate

на себя основной удар пандемии, находясь в зонах высокого риска заражения. Помимо этого они столкнулись с более высоким риском увольнения в результате пандемии. Увеличился объем неоплачиваемого домашнего труда, выполняемого женщинами. Из-за закрытия производств и прекращения работы целых отраслей, а также закрытия школ на плечи женщин в домохозяйствах легла дополнительная нагрузка по уходу за членами семьи.

Пандемия COVID-19 повлияла и на другие демографические показатели. Потребуются значительные совместные усилия стран БРИКС по возврату к докризисному уровню развития народонаселения.

Список литературы

1. Brazil Unemployment Rate, Trading Economics// Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/brazil/unemployment-rate
2. Countries where COVID-19 has spread // Worldometers. URL: https://www.worldometers.info/coronavirus/countries-where-coronavirus-has-spread/
3. COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University (JHU) // Johns Hopkins University. URL: https://coronavirus.jhu.edu/map.html
4. Health at a Glance 2019 // OECD. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/4dd50c09-en.pdf?expires=1593094854&id=id&accname=guest&checksum=A717E57A34B460ED6C4A64CE2AF8B372
5. India Unemployment Rate, Trading Economics// Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/india/unemployment-rate
6. Socioeconomic Situation in Russia. January-July 2020 // Russian Federal State Statistics Service. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ipv0csTN/osn-07-2020.pdf

БЕРДНИК Егор Дмитриевич
младший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт труда
Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь,
Минск, Беларусь.
E-mail: goldenbereg97@gmail.com

МАТЕРИНСКИЙ, ОТЦОВСКИЙ И РОДИТЕЛЬСКИЙ ОТПУСКА В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Ключевые слова: материнский отпуск, отцовский отпуск, родительский отпуск.

Код JEL: I38

Материнский отпуск (отпуск по беременности и родам)

Отпуск по беременности и родам предоставляется во всех странах Европы, что связано с реализацией норм Конвенции № 183 Международной организации труда, где содержится рекомендация о минимальном сроке отпуска по беременности и родам — 14 недель (табл. 1). В Швеции, Норвегии и Португалии отпуск по беременности и родам встроен в схему родительского отпуска.

Таблица 1

Группировка стран Европы по продолжительности представляемого отпуска по беременности и родам в 2018 г., недель [MISSOC]

Количество недель	Количество стран	Страны
менее 14	3	Швеция, Норвегия, Португалия
14–20	19	Беларусь, Румыния, Украина, Польша, Россия, Финляндия, Латвия, Исландия, Дания, Литва, Эстония, Хорватия, Мальта, Словения, Испания, Греция, Кипр, Германия, Швейцария, Бельгия, Австрия, Франция, Нидерланды, Люксембург, Лихтенштейн
21 и более	7	Венгрия, Чехия, Словакия, Болгария, Ирландия, Великобритания, Италия

Практически во всех странах Европы отпуск по беременности и родам делится на две части: дородовая и послеродовая. Как правило, дородовая часть отпуска составляет половину или менее всей продолжительности отпуска по беременности и родам. Только в Испании, Литве и Украине дородовая часть превышает послеродовую. В Швейцарии отпуск предоставляется только после рождения ребенка (рис. 1).

В Западной Европе продолжительность отпуска по беременности и родам имеет небольшие различия между странами, от 14 недель в Швеции и Германии до 20 недель в Лихтенштейне и Люксембурге. В странах Южной Европы продолжительность отпуска по беременности и родам различается также незначительно — от 10,3 недели в Португалии до 21 недели в Италии.

В странах Северной и Восточной Европы различия в продолжительности отпуска существенны. Здесь есть страны с продолжительностью отпуска более полугода — Ирландия (26 недель), Чехия (28 недель), Словакия (34 недели) и более года — Великобритания (52 недели), Болгария (58,4 недели).

Таким образом, в Северной и Южной Европе есть страны с продолжительностью отпуска по беременности и родам менее 14 недель, а в Восточной и Северной — более 26 недель.

Практически в половине европейских стран предусмотрено увеличение продолжительности отпуска по беременности и родам в случае многоплодных родов. В основном он увеличивается на 2 или 4 недели, однако в России — на 54 дня, в Чехии и Словакии — на 9 недель, а в Польше — до 17 недель (рис. 2).

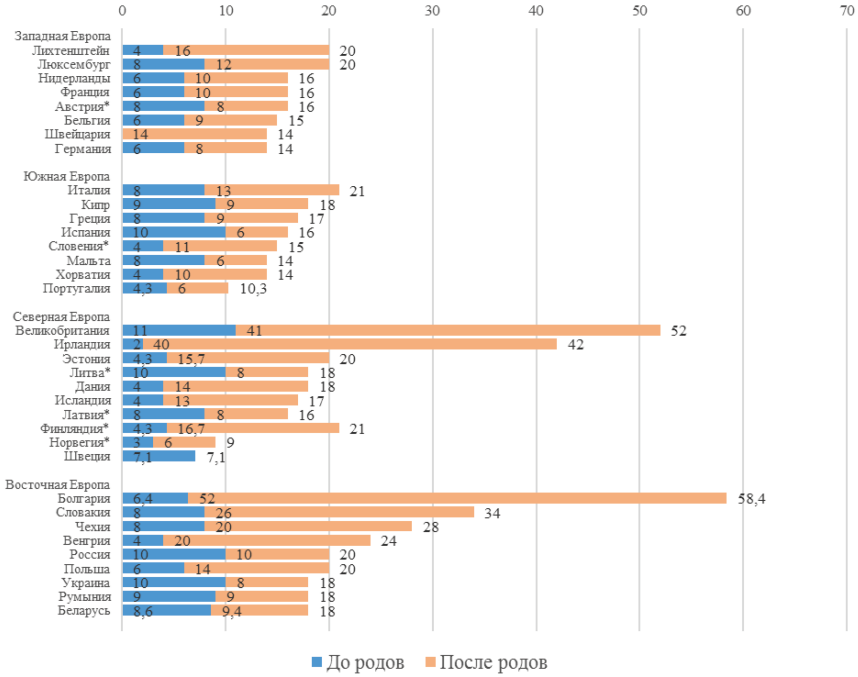

Рис. 1. Продолжительность и структура отпуска по беременности и родам стран Европы, 2018 г., недель [MISSOC]

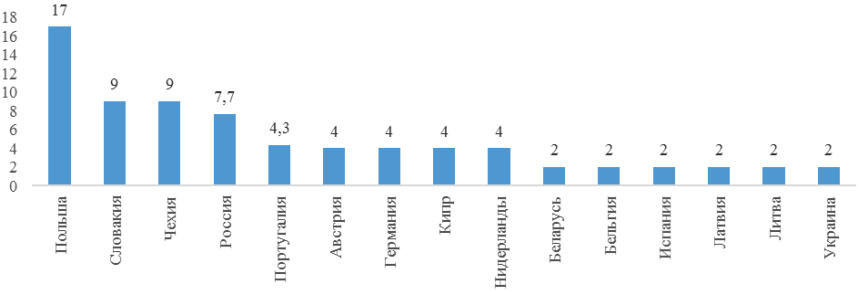

Рис. 2. Дополнительный отпуск по беременности и родам в случае многоплодных родов, 2018 г., недель [MISSOC]

Направленность политики стран Европы на рост уровня рождаемости определила в большинстве стран высокие уровни оплаты отпуска по беременности и родам. Во всех странах Европы, кроме Ирландии, размер пособия по беременности и родам привязан к средней заработной плате матери до отпуска. В Ирландии установлена фиксированная сумма выплаты пособия. В преимущественном большинстве стран уровень пособия равен 100% заработной платы [MISSOC]. Самый низкий уровень пособия отмечен в Чехии и Венгрии — 70% от заработной платы, однако эти страны выделяются большей продолжительностью отпуска по беременности и родам.

Распространена практика установления максимальных значений пособия по беременности и родам (в половине стран Европы). Потолок величины пособия устанавливается в фиксированной величине (рис. 3).

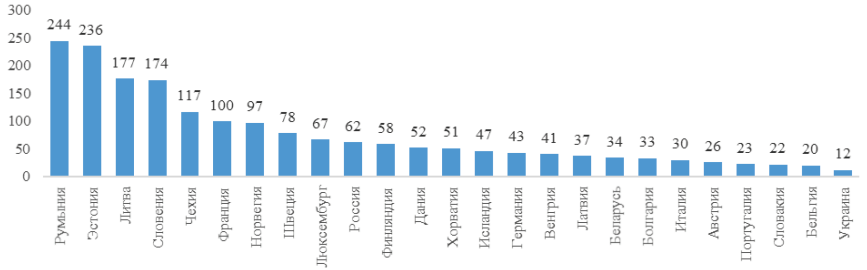

Рис. 3. Соотношение установленного максимального размера пособия по беременности и родам со средней зарплатой по стране, 2018 г., % [MISSOC]

Следует отметить, что в некоторых странах размер пособия снижается на протяжении отпуска. В Бельгии первые 30 дней оно составляет 82% от зарплаты, потом снижается до 70%, в Греции первый месяц 100%, остальной отпуск — 50% от зарплаты. В Великобритании первые 6 недель выплачивается 90% от зарплаты, следующие 33 недели по 164 €, а последние 13 недель не оплачиваются. Во всех странах Южной Европы, кроме Италии, уровень пособия равен 100% от заработной платы матерей. В четырех странах также нет потолка выплат пособий.

Достаточно благоприятная ситуация сложилась и в Западной Европе, где более чем в половине стран уровень пособия равен 100% от заработной платы матерей. В Северной и Восточной Европе в большинстве стран уровень пособия меньше 100% от зарплаты, а в Восточной находятся страны с самыми низкими уровнями пособия.

Продолжительность отпуска по беременности и родам в Беларуси составляет 18 недель, большая часть из которых предоставляется после родов. Уровень пособия привязан к заработной плате женщины и составляет 100%. Как и в большинстве стран Европы, в Беларуси установлена

максимальная величина пособия — трехкратная средняя заработная плата по стране.

Отцовский отпуск

Для привлечения отцов к воспитанию детей ряд государств предоставляют специальные отцовские отпуска, продолжительность и условия оплаты которых регламентированы законодательством. В настоящее время в 26 из 35 стран Европы есть официально установленный отцовский отпуск по уходу за ребенком (рис. 4).

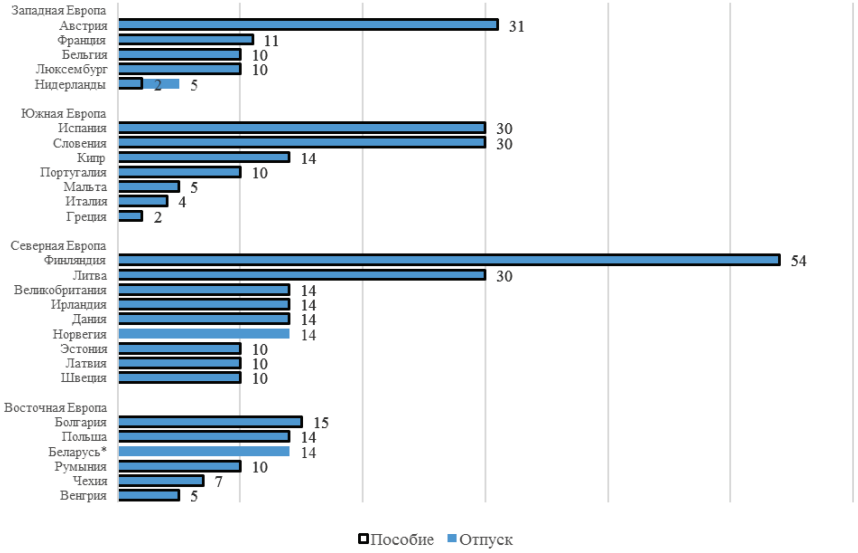

Рис. 4. Продолжительность отцовского отпуска и выплаты пособий стран Европы по регионам, 2018 г., дней [MISSOC]

Отцовский отпуск не установлен в Германии, Исландии, Лихтенштейне, России, Словакии, Украине, Хорватии и Швейцарии. В Беларуси в 2019 г. внесены изменения в Трудовой кодекс Республики Беларусь, предусматривающие предоставление отцам по их желанию отпуска (до 14 календарных дней) при рождении в семье ребенка [Александр Лукашенко...]. Новые нормы вступят в силу с 2020 г.

В большинстве стран отпуск предоставляется на 10 или 14 дней. В пяти странах предоставляются более длительные отпуска с продолжительностью от 30 дней — Испания (30 дней), Словения (30 дней), Литва (30 дней), Австрия (31 день) и Финляндия (54 дня). Среди стран Восточ-

ной Европы максимальная продолжительность отцовского отпуска в Болгарии (15 дней).

Минимальная продолжительность отцовского отпуска установлена в Венгрии и Мальте (5 дней), Италии (4 дня), Нидерландах и Греции (2 дня). Однако в Нидерландах предоставляется также 3 неоплачиваемых дня отпуска. Таким образом, страны Северной Европы выделяются наибольшей продолжительностью отцовских отпусков. Здесь минимальное значение для стран составляет 10 дней. Страны Восточной Европы характеризуются сравнительно низкой продолжительностью отцовского отпуска и его слабой распространенностью среди стран региона.

В странах установлены временные периоды, в которые необходимо использовать отцовский отпуск. В 19 из 26 стран они не больше 4 месяцев. В Италии 5 месяцев, в Ирландии полгода, в Словении 1 год, в Финляндии и Польше — 2 года, а в Болгарии, Греции и Люксембурге они не установлены.

Отцовский отпуск введен в 26 странах Европы и оплачивается везде, кроме Норвегии. В 16 странах, где отцовский отпуск введен, он оплачивается в размере 100% от средней заработной платы [MISSOC]. В Западной Европе во всех странах, где он введен, отпуск оплачивается в размере 100% от зарплаты отца, в Южной Европе во всех странах, кроме Кипра, а в Северной Европе только в трех из семи стран отцовский отпуск оплачивается в полном размере зарплаты отца. В Восточной Европе в Польше, Румынии и Венгрии оплачивается полностью, в Болгарии в размере 90% от зарплаты отца, а в Чехии — в размере 70% [MISSOC]. В Австрии и Ирландии установлены фиксированные выплаты в размере 22,6 € и 34,3 € соответственно.

Родительский отпуск (отпуск по уходу за ребенком)

Родительский отпуск предоставляется, как правило, по окончании отпуска по беременности и родам. Данный вид отпуска предоставляется во всех странах Европы. Единственным исключением является Швейцария, где такой отпуск не установлен [MISSOC; Employment...; OECD]. Этот вид отпуска является гендерно нейтральным и может быть предоставлен любому из родителей.

В таких странах, как Испания, Нидерланды, Кипр, Греция, Мальта, Великобритания, Ирландия и Лихтенштейн, отпуск по уходу за ребенком является неоплачиваемым. В оставшихся 26 странах предоставляется оплачиваемый родительский отпуск по уходу за ребенком.

Европейская практика регулирования отпусков по уходу за ребенком показывает использование двух подходов к установлению их продолжительности: отпуск до достижения ребенком определенного возраста; отпуск определенной продолжительности, выраженный в днях (неделях, месяцах).

Отпуск по уходу за ребенком до исполнения ребенку 3 лет предоставляется и полностью оплачивается в Венгрии, Беларуси, Словакии, Украине и Чехии. В некоторых оплачивается только часть отпуска: в Литве 2 года, в России 1,5 года, в Эстонии 1,2 года, в Германии 1 год, а в Испании отпуск является неоплачиваемым. В Австрии в зависимости от выбранной схемы выплаты пособия оно также может выплачиваться 3 года, однако продолжительность отпуска составляет 2 года.

Оплачиваемый родительский отпуск на 3 года предоставляется и во Франции, но только при рождении второго или последующего ребенка. На первого ребенка предусмотрен отпуск до достижения ребенком 1 года.

Родительский отпуск до исполнения ребенку 2 лет предоставляется в Австрии, Румынии и Болгарии, в последних двух он полностью оплачиваемый.

В остальных странах продолжительность отпуска устанавливается вне привязки к возрасту ребенка. В Латвии, Швеции, Норвегии, Франции, Люксембурге и Нидерландах отпуск длится от 1 до 1,5 года после окончания материнского отпуска и является полностью оплачиваемым, кроме Нидерландов (без оплаты). В оставшихся странах отпуск длится менее 1 года и является полностью оплачиваемым в Словении, Бельгии, Португалии, Хорватии, Польше, Дании, Финляндии и Италии.

В некоторых странах продолжительность выплаты пособий не совпадает с продолжительностью родительского отпуска. В Чехии выплата пособий продолжается и после окончания срока отпуска. В Австрии в зависимости от выбранных условий пособие может выплачиваться более длительный срок, чем продолжительность родительского отпуска. В России, Германии, Литве и Эстонии продолжительность отпуска по уходу за ребенком больше, чем период выплаты пособий.

Таким образом, отпуск по беременности и родам предоставляется во всех странах Европы и длится почти во всех странах более 14 недель. В случае многоплодных родов в 15 странах предусмотрено увеличение продолжительности отпуска в среднем на 2 или 4 недели.

Во всех странах Европы этот отпуск оплачиваемый и размер оплаты привязан к средней зарплате родителя. В 20 странах уровень оплаты равен в 100%, минимальный уровень — 70%. В 18 странах установлены максимальные значения выплаты пособия. В большинстве стран размер выплаты пособия со временем не изменяется. Однако существуют схемы, когда размер пособия снижается через определенный промежуток времени.

По окончании отпуска по беременности и родам во всех странах Европы, кроме Швейцарии, предусмотрен родительский отпуск по уходу за ребенком. Этот вид отпуска является гендерно нейтральным и может быть предоставлен любому из родителей. В отличие от отпуска по беременности и родам отпуск по уходу за ребенком имеет значительно больше

вариантов реализации в странах Европы. В 8 странах отпуск является неоплачиваемым.

Список литературы

1. Александр Лукашенко подписал Закон о внесении изменений в Трудовой кодекс // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-podpisal-zakon-o-vnesenii-izmenenij-v-trudovoj-kodeks-21618/. (дата обращения: 12.09.2019).
2. Employment, Social Affairs & Inclusion // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/social/main.jsp?langId=en&catId=858. (date of access: 11.09.2019).
3. OECD Family Database // OECD. URL: http://www.oecd.org/els/family/database.htm. (date of access: 16.09.2019).
4. The MISSOC Comparative tables// Mutual Information System on Social Protection. URL: https://www.missoc.org/missoc-database/comparative-tables/ (date of access: 11.09.2019).

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Aleksandr Lukashenko podpisal Zakon o vnesenii izmenenij v Trudovoj kodeks // Oficial'nyj internet-portal Prezidenta Respubliki Belarus'. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-podpisal-zakon-o-vnesenii-izmenenij-v-trudovoj-kodeks-21618/ (data obrashhenija: 12.09.2019).

БОГДАНОВИЧ Елена Анатольевна
научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт труда
Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь,
Минск, Беларусь.
E-mail: bogdanovich1016@gmail.com

ПОЛИТИКА СТРАН ЕВРОПЫ В ОБЛАСТИ РОЖДАЕМОСТИ И ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ

Ключевые слова: рождаемость, демографическая политика.

Коды JEL: J13, J18

Во всем мире наблюдается тенденция снижения рождаемости, при этом модели деторождения значительно различаются в разных странах и регионах. В настоящее время ни в одной европейской стране уровень рожда-

емости не обеспечивает простого воспроизводства населения. В соответствии с данными Всемирного банка в 2017 г. суммарный коэффициент рождаемости в европейских странах находился в пределах от 1,26 (Молдова) до 1,90 (Франция), в Беларуси этот показатель составил 1,54 рождения [The World Bank, 2019].

Страны с уровнем рождаемости ниже уровня воспроизводства, как правило, проводят политику повышения уровня рождаемости. Так, большинством стран Европы (66%) проводится политика, направленная на повышение уровня рождаемости, в четырех странах (Албания, Андорра, Исландия и Монако) — на его поддержание. Четыре государства (Босния и Герцеговина, Великобритания, Нидерланды и Сан-Марино) проводят политику невмешательства, и семь стран (Бельгия, Дания, Ирландия, Норвегия, Финляндия, Швейцария и Швеция) не имеют официальной политики по данному вопросу (табл. 1).

Все страны Восточной Европы без исключения позиционируют проводимую демографическую политику как направленную на повышение уровня рождаемости. В Северной Европе аналогичная политика проводилась только в трех прибалтийских государствах. Преобладающая часть правительств Южной (73%) и Западной (56%) Европы также отмечает заинтересованность в повышении рождаемости в своих странах.

Пронаталистская политика европейских стран включает следующие меры [UN DESA, 2018]:

- отпуск по беременности и родам, минимальная продолжительность и размер оплаты которого рекомендованы Конвенцией 183 МОТ об охране материнства (пересмотренной) и Рекомендацией 95 МОТ об охране материнства;
- отцовский отпуск в связи с рождением ребенка;
- отпуск по уходу за ребенком (родительский отпуск) и соответствующие пособия;
- денежные пособия и выплаты на детей и семьям с детьми;
- пособие в связи с рождением ребенка;
- налоговые льготы и вычеты для семей с детьми;
- субсидирование сферы ухода за детьми;
- предоставление возможностей гибкой занятости и работы в режиме неполного рабочего времени родителям, воспитывающим детей.

Во всех странах Европы предусмотрены оплачиваемые или неоплачиваемые отпуска по беременности и родам с гарантией занятости, в 82% европейских государств — отпуска по уходу за ребенком с гарантией сохранения рабочего места. Все большее распространение получает практика предоставления отцовских отпусков (77% стран). Наряду с предоставления отпусков практически все страны (95%) субсидируют предоставление услуг семьям с детьми, 68% стран развивают условия гибкой занятости для работающих родителей.

Большинство стран предусматривают также семейные и детские пособия, причем условия их предоставления и целевые группы существенно различаются. Менее популярными формами поддержки семей с детьми являются налоговые льготы на детей (57% стран).

Практически все страны Восточной Европы реализуют весь спектр мер в целях повышения рождаемости. В Южной и Северной Европе не получила широкого распространение практика предоставления налоговых льгот в связи с воспитанием детей (27 и 40% стран соответственно). Кроме того, для южноевропейских стран не характерна активная политика стимулирования гибкой занятости, только 47% стран используют данную форму поддержки семей с детьми.

Таблица 1

Политика стран Европы относительно уровня рождаемости

Регионы Европы*	**Повышение**	**Поддержание**	**Без вмешательства**	**Отсутствие официальной политики**
Европа	*29*	*4*	*4*	*7*
Северная Европа	3 Латвия, Литва, Эстония	1 Исландия	1 Великобритания	5 Дания, Ирландия, Норвегия, Финляндия, Швеция
Западная Европа	5 Австрия, Германия, Лихтенштейн, Люксембург, Франция	1 Монако	1 Нидерланды	2 Бельгия, Швейцария
Восточная Европа	10 Беларусь, Болгария, Венгрия, Молдова, Польша, Россия, Румыния, Словакия, Украина, Чехия	–	–	–
Южная Европа	11 Ватикан, Греция, Испания, Италия, Македония, Мальта, Португалия, Сербия, Словения, Хорватия, Черногория	2 Албания, Андорра	2 Босния и Герцеговина, Сан-Марино	–

* Страны сгруппированы в регионы в соответствии с районированием территории Европы по номенклатуре ООН.

Источник данных: [UN DESA, 2016].

Исследование и систематизация зарубежного опыта мер поддержки семей с детьми, оказывающих влияние на рождаемость, позволили сде-

лать заключение о разнообразии подходов к решению данных вопросов в странах Европы при их общей ориентации на гармоничное сочетание материальной поддержки с развитием услуг по уходу за детьми и распространением практики гибкой занятости.

Отдельным аспектом социальной политики, выходящим за рамки социально-экономической поддержки семей, выступают меры по охране репродуктивного здоровья и программы планирования семьи. Основными направлениями политики в странах Европы в данном вопросе выступают: программы школьного сексуального образования, регулирование минимального возраста вступления в брак, расширение охвата девочек школьным образованием, укрепление служб планирования семьи и обеспечение доступа к эффективной контрацепции, совершенствование служб охраны здоровья матери и ребенка.

Список литературы

1. The World Bank. Fertility rate, total (births per woman). URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TFRT.IN?end=2018&start=1960&view=chart (дата обращения: 22.05.2020).
2. World Population Policies — 2015 Database: Fertility, Family Planning and Reproductive Health // United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division, Policy Section. URL: https://esa.un.org/PopPolicy/wpp_datasets.aspx (дата обращения: 22.05.2020).
3. World Population Policies 2015 (ST/ESA/SER.A/374) // United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. New York. — 2018. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/policy/WPP2015/WPP2015_Report.pdf (дата обращения: 22.05.2020).

БУЛЕТОВА Наталья Евгеньевна
д.э.н., доцент, факультет государственного и муниципального управления Волгоградского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ, кафедра государственного управления и менеджмента,
Волгоград, Россия.
E-mail: buletovanata@gmail.com

К ВОПРОСУ ВЛИЯНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ДЕМОГРАФИЯ» НА РЕГИОНАЛЬНУЮ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ И ЕЕ РАЗВИТИЕ

Ключевые слова: демографическая политика, демографическая нагрузка, производительность труда, региональный рынок рабочей силы.

Коды JEL: J18, J20

Влияние демографических процессов на результаты и проекты социально-экономического развития государства, отдельной территории связаны не только с вопросами национальной безопасности, обеспечения рынка труда приростом рабочей силы и формированием эффективной пенсионной системы с учетом пенсионной нагрузки по показателям демографической нагрузки, но и с такими актуальными для экономического развития процессами, как рост потребительской активности на рынке товаров и услуг, полноценное обеспечение образовательной сферы и рынка труда человеческими ресурсами без зависимости от трудовой миграции, рост рынка недвижимости и т.п.

Применение проектных технологий в решении демографических проблем на федеральном уровне в форме национального проекта «Демография» направлено на повышение эффективности принимаемых управленческих решений и расхода бюджетных средств в рамках реализуемой в регионах демографической политики.

Основные характеристики данного национального проекта включают в себя целевые показатели, в которых речь идет именно об ожидаемой продолжительности здоровой жизни, непосредственно о здоровом образе жизни, росте суммарного коэффициента рождаемости и росте доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом. В рамках данного национального проекта с 01.01.2019 действуют пять федеральных проектов, самым значимым по объемам финансирования из которых является проект по финансовой поддержке семей при рождении детей (более 86% от общего бюджета национального проекта).

На российские регионы данные национальный и федеральный проекты имеют влияние через региональные проекты, для которых разработана и принята специальная правовая база каждого субъекта РФ и проектные комитеты при администрации, обеспечивающие комплексный подход к реализации и контролю за достижением показателей и результатов региональных проектов, в том числе по совершенствованию механизмов реализации запланированных мероприятий по направлению «Демография».

Среди традиционных показателей анализа рынка труда есть показатели демографической нагрузки, иллюстрирующие влияние тенденций в динамике численности населения разных возрастных групп на обеспеченность рынка труда трудовыми ресурсами.

По данным Росстата были проанализированы показатели демографической нагрузки на рынок рабочей силы двух регионов — Волгоградской области и Воронежской области, два данных региона выбраны для сравнения по ряду причин: за период 2005–2018 гг. Воронежская область по некоторым важным показателям значительно опередила в социально-экономическом развитии Волгоградскую область.

На рис. 1 представлено изменение основных показателей демографической нагрузки по Волгоградской области за 2005–2018 гг., по траектории которых видно, что пенсионная нагрузка не только превышала значения показателя потенциального замещения, но и прирост первого показателя за период нарастал более быстрыми темпами, чем прирост второго показателя.

Рис. 1. Изменение значений демографической нагрузки на примере Волгоградской области за 2005–2018 гг.

На рис. 2 представлен результат расчета базисного темпа роста вышеперечисленных показателей, что подтверждает вывод о высоком приросте пенсионной нагрузки (+40,1%) за анализируемый период по сравнению с приростом потенциального замещения (+20,8%).

Рис. 2. Динамика показателей демографической нагрузки на примере Волгоградской области за 2005–2018 гг. (к базисному 2005 г.)

На рис. 3 представлен результат сравнения динамики пенсионной нагрузки по Волгоградской и Воронежской областям за тот же период. Раз-

личие в темпах прироста наглядно показывает проблему, характерную для Волгоградской области, когда «давление» населения пенсионного возраста на занятых на региональном рынке труда значительно выше, чем в соседних регионах с примерно одинаковой численностью населения, структурой экономики и распределением занятых по видам экономической деятельности. При этом рис. 4 показывает, что по динамике потенциального замещения результат развития к 2018 г. в обоих регионах практически совпал, что свидетельствует о типичных тенденциях и проблемах в рождаемости, детской смертности и миграции для данной возрастной группы (до 15 лет).

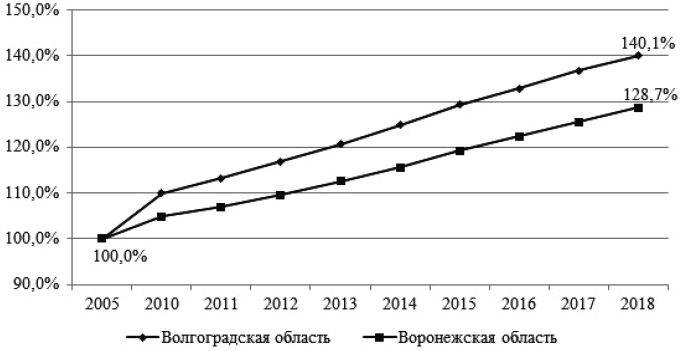

Рис. 3. Динамика пенсионной нагрузки в Волгоградской и Воронежской областях за 2005–2018 гг. (к базисному 2005 г.)

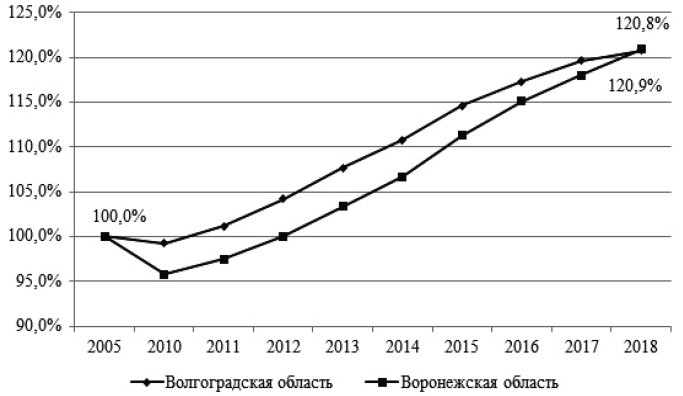

Рис. 4. Динамика потенциального замещения в Волгоградской и Воронежской областях за 2005–2018 гг. (к базисному 2005 г.)

Рассматривая влияние национального проекта «Демография» на развитие и потенциал региональной экономической системы, в первую очередь

затронем взаимосвязь данного проекта и его амбициозных и трудновыполнимых целей и задач с другим важным для регионов России национальным проектом «Производительность труда и поддержка занятости», так как в условиях цифровизации и замены аналоговых рабочих мест на цифровые перед государством стоит важный вопрос: существенное сокращение рабочих мест в традиционных сферах занятости в регионах страны на фоне планов по росту численности населения сможет быть решено в условиях резких диспропорций в уровне социально-экономического и цифрового развития территорий (город и сельское поселение, мегаполис и провинциальный моногород) или для этого у государства недостаточно ресурсов и степени влияния на бизнес для осуществления важных структурных изменений и в экономике, и в системе образования [Ахапкин и др., 2018]?

В поиске ответов на эти вопросы автор представляет следующие результаты анализа:

– в табл. 1 представлен результат сравнения экономического развития и продуктивности рабочей силы в двух анализируемых регионах, можно говорить о разных результатах экономического развития, при этом по производительности труда видно, что в регионах разная тенденция по изменению численности занятых в экономике (в Волгоградской области снижение, в Воронежской области — рост занятости при схожих показателях прироста потенциального замещения) и разный результат их использования в экономике — если в Воронежской области производительность росла, то в Волгоградской области, наоборот, планомерно снижалась;

Таблица 1

Состояние и динамика показателей, характеризующих продуктивность рабочей силы по двум регионам и в среднем по регионам России

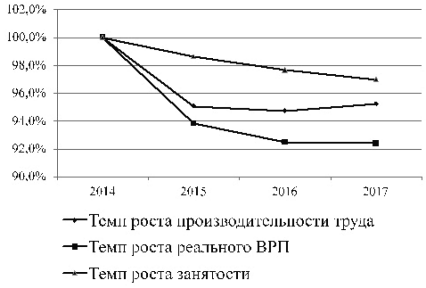
Регион	Период, год	Реальный ВРП, млн руб.	Занятость, тыс. чел.	Доля региона в общей занятости по РФ, %	Произв. труда, руб./чел. (2/3)	К средней произв. труда по РФ, %
	1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*
Волгоградская область	**2014**	715 410 (ранг 23)	1230 (ранг 16)	1,72	581 758 (ранг 43)	70,3
	2015	671 054	1213	1,68	553 074	68,0
	2016	661 659	1201	1,66	551 094	67,3
	2017	660 998 (ранг 26)	1193 (ранг 18)	1,65	553 925 (ранг 52)	66,2
	2018	-	1219 (ранг 16)	1,68	-	-

Окончание табл. 1

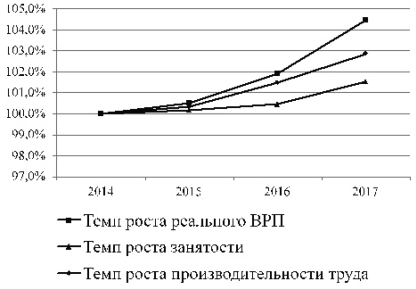
Регион	Период, год	Реальный ВРП, млн. руб.	Занятость, тыс. чел.	Доля региона в общей занятости по РФ, %	Произв. труда, руб./чел. (2/3)	К средней произв. труда по РФ, %
	1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*
Воронежская область	**2014**	717 667 (ранг 22)	1108 (ранг 21)	1,55	647 666 (ранг 35)	78,3
	2015	721 256	1110	1,53	649 739	79,9
	2016	731 353	1113	1,54	657 239	80,2
	2017	749 637 (ранг 21)	1125 (ранг 20)	1,56	666 208 (ранг 33)	79,6
	2018	-	1140 (ранг 19)	1,58	-	-

Источник: рассчитано автором по данным Росстата.

– на рис. 5 представлены результаты расчета показателя динамики производительности труда по выбранным территориям за 2014–2017 гг., которые визуально усиливают вышеперечисленные характеристики двух регионов;

а) Волгоградская область

б) Воронежская область

Рис. 5. Динамика показателей для расчета производительности труда за 2014–2017 гг.
Источник: составлено авторами по данным табл. 1.

– привлекательность системы образования на региональном уровне также является фактором, влияющим на решение семьи переезжать, мигрировать внутри страны или оставаться на исходных территориях проживания; в данном случае оценка привлекательности проведена по направлению обеспеченности высшей системы образования современными направлениями подготовки, в табл. 2 для оценки формирования цифровых компетенций человеческого капитала использовалась численность выпускников по программам высшего образования (ВО) в сфере IT (вклю-

чая бакалавриат, специалитет, магистратуру) и удельный вес выпускников по программам высшего образования в сфере IT к общей занятости населения в экономике.

Таблица 2

Обеспечение высшего образования и регионального рынка рабочей силы специальности в сфере IT в 2018 г.

Страна или регион	Численность выпускников по программам ВО в сфере IT, чел. *	Доля выпускников по программам ВО в сфере IT к общей занятости в экономике, %*
В среднем по регионам РФ	494	0,058
Волгоградская область	487	0,040
Воронежская область	787	0,069

Источник: составлено по данным Росстата.
* Рассчитано автором.

То, что основной объем финансирования национального проекта «Демография» направляется на один из федеральных проектов «Финансовая поддержка семей при рождении детей» и составляет 86,6% от общей суммы запланированного бюджета, показывает приоритеты государства в реализуемой демографической политике — максимальная адресность прямой финансовой поддержки, высокий уровень управляемости за счет прозрачности результатов и точности контроля за исполнением. Также такие начисления семьям повышают уровень их потребительской платежеспособности, обеспечивая вливание этих средств в экономику региона или в ее финансовую систему через банковские вклады и инвестиции.

По всем остальным федеральным проектам, направленным на формирование условий, способствующих росту занятости женщин с детьми до трех лет за счет переобучения и повышения квалификации, продлению ожидаемой продолжительности здоровой жизни за счет развития системы здорового образа жизни и необходимой для этого инфраструктуры (футбольные манежи, спортивное оборудование и т.п.) финансирование распределено по убывающей, и большую роль в успехе этих федеральных проектов играет мотивационная составляющая и пропаганда, направленная на формирование соответствующего стиля поведения, образа жизни, на что государство может влиять косвенно, обеспечивая доступность и привлекательность подобных профилактических действий со стороны населения.

Список литературы

1. *Ахапкин Н. Ю., Волкова Н. Н., Иванов А. Е.* Развитие цифровой экономики и перспективы трансформации российского рынка труда // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2018. — № 5. — С. 51–65.
2. Воронежский статистический ежегодник. 2018: стат. сб. / Воронежстат. — Воронеж, 2018. — 336 с.
3. Паспорт национального проекта «Демография». URL: http://static.government.ru/media/files/Z4OMjDgCaeohKWaA0psu6lCekd3hwx2m.pdf
4. Паспорт национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости». URL: http://static.government.ru/media/files/Ki3g5TzKdmVyX2ogBvNTIxH3BQ6YFADA.pdf
5. Российский статистический ежегодник. 2019: стат. сб. / Росстат. — М., 2019. — 708 с.
6. Статистический ежегодник. Волгоградская область 2017: сборник / Терр. орган Фед. службы гос. статистики по Волгоград. обл. — Волгоград: Волгоградстат, 2018. — 768 с.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Ahapkin N. Ju., Volkova N. N., Ivanov A. E.* Razvitie cifrovoj jekonomiki i perspektivy transformacii rossijskogo rynka truda // Vestnik Instituta jekonomiki Rossijskoj akademii nauk. — 2018. — № 5. — S. 51–65.
2. Voronezhskij statisticheskij ezhegodnik. 2018: Stat. sb. / Voronezhstat. — Voronezh, 2018. — 336 s.
3. Pasport nacional'nogo proekta «Demografija». URL: http://static.government.ru/media/files/Z4OMjDgCaeohKWaA0psu6lCekd3hwx2m.pdf
4. Pasport nacional'nogo proekta «Proizvoditel'nost' truda i podderzhka zanjatosti». URL: http://static.government.ru/media/files/Ki3g5TzKdmVyX2ogBvNTIxH3BQ6YFADA.pdf
5. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2019: stat. sb. / Rosstat. — M., 2019. — 708 s.
6. Statisticheskij ezhegodnik Volgogradskaja oblast' 2017: sbornik / Terr. organ Fed. sluzhby gos. statistiki po Volgograd. obl. — Volgograd: Volgogradstat, 2018. — 768 s.

ВАСИЛЬЕВ Владимир Петрович
к.э.н., доцент,
заведующий кафедрой социологии государственного управления,
социологический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия.
E-mail: vasvp15@gmail.com

РИСКИ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова: благосостояние, условия труда, здравоохранение, национальные проекты, стимулирование рождаемости.

Коды JEL: J18, I38

Научная школа, созданная Д. И. Валентеем, получила свое признание и продолжает развиваться на фундаментальной основе исследования народонаселения в системе научных знаний. Предмет этой науки о народонаселении — закономерности его развития, изменения в условиях труда и жизни, воспроизводство населения в широком толковании этого понятия [Валентей, 1973].

В современном обществе большинство семейно-демографических процессов и рисков находятся в координатах благосостояния, экологии и бедности. Для России главным ограничением с точки зрения ее демографического развития является благосостояние, максимальные риски бедности семей с детьми и соответственно детей в возрасте до 16 лет. Проблемы рождаемости и продолжительности жизни, здоровья детей и их генетики во многом зависят от условий труда и проживания родителей. Сокращение тяжелых и вредных условий труда, снижение экологической опасности в местах проживания населения непосредственно влияют на рождаемость и здоровье детей и взрослых и поэтому должны быть сопряжены с программами здравоохранения и рождаемости. Жизненные стратегии молодых семей по пополнению семейства во многом связаны с их прогнозами благосостояния, а не идеологией необходимости расширенного воспроизводства. В условиях ограниченных ресурсов и попыток их оптимизации в процессе стратегического планирования необходимо соотнести задачи демографического развития, семейного благосостояния и бедности. В связи с этим построение целостного механизма устойчивого развития предполагает разграничение инструментов помощи, стимулирования и поддержки семейно-демографических групп населения. На протяжении ряда лет решение социальных проблем рассматривается с точки зрения

оптимизации бюджетных расходов, что на практике приводит к их сокращению [Об основных..., 2015].

В области здравоохранения «оптимизировались» отдаленные медицинские пункты и детские поликлиники, минимизировались расходы на материально-техническое переоборудование больниц и поликлиник, общий уровень которых отстал от современного [Васильев, 2017]. Рост предстоящей продолжительности жизни и рождаемости зависит не только от точечных программ преодоления высокого уровня смертности, включая детскую, но и от масштаба охвата населения всеми видами медицинской помощи и ее качества.

Сегодня существует несколько десятков форм социальной помощи населению, многие из которых имеют семейно-демографическую направленность. Социальные практики показывают, что некоторые материальные выплаты могут быть отменены или объединены с другими платежами государства. Вместе с тем материальные платежи не стоит рассматривать как главный стимул при принятии решений о рождении ни первого, ни второго ребенка. Социологические опросы показывают, что материальные стимулы не являются основными. Детские пособия решают другую важную проблему — помощь молодым семьям в уходе и воспитании детей, что улучшает материальное положение и повышает качество жизни детей. В связи с этим перевод всех категориальных пособий в адресные может значительно ухудшить положение молодых семей. Переход к адресной поддержке по всей линейке демографических выплат сократит количество получателей дохода, ухудшит положение молодых семей, так как ориентирован только на малоимущие семьи. Такой подход может трактоваться как борьба с бедностью, но не как поддержка семей с детьми.

Целевая ориентация долгосрочной социальной политики РФ выстроена на основе реализации комплекса взаимосвязанных национальных проектов в области экономического и социального характера. Наряду с мерами по увеличению продолжительности жизни, сокращению уровня бедности ряд направлений охватывает проблемы повышения рождаемости. Особое место занимает проект в области здравоохранения, непосредственно связанный с ростом продолжительности жизни и увеличением рождаемости. По критериям качества предоставляемых медицинских услуг и доступности население весьма негативно оценивает состояние отрасли. По данным ВЦИОМ за 2017 г., более 50% населения оценивает систему здравоохранения как «плохо» или «очень плохо» [Эффективность..., 2017]. Во-первых, причина заключается в заданных условиях реформирования — сокращение бюджетных расходов, что было главной позицией административных реформ в последние 15 лет. Во-вторых, «оптимизация» сети учреждений здравоохранения, направленная на решения задач сокращения государст-

венных расходов. При этом не учитывались страновые различия в системах здравоохранения, а главное, то, что количество койко-дней определяются не «симметрией» статистических данных, а величиной болеющего населения. Как известно, по целому ряду заболеваний РФ значительно превосходит другие страны. Такая статистика существует и по заболеваемости, и по летальным исходам. «Оптимизация» привела к закрытию медицинских пунктов первичного звена в относительно отдаленных районах, сокращению сроков пребывания больных в стационарах.

На качестве медицинской помощи продолжала сказываться низкая материальная база стационаров и поликлиник, многие из которых требуют капитальных затрат. Только в 2019 г. поставлен вопрос о модернизации основных фондов учреждений здравоохранения, обеспечения их централизованном горячим водоснабжением, реальном обеспечении отдаленных районов ФАП. Реформирование здравоохранения, имеющего масштабную социальную значимость, в направлении социальной эффективности и удовлетворенности населения должно основываться не на принципах экономической технократии, а на комплексе учета факторов социальной динамики. На здоровье человека влияют условия жизненного цикла, включающие и материальные, и социальные, и экологические составляющие. Охрана здоровья населения должна учитывать весь этот комплекс. Перелом в лучшую сторону может произойти только при использовании государством своих финансовых и других ресурсов и продуманного управления. Такая постановка основана на двух социальных фактах. Во-первых, невысокие доходы и даже снижение реальных доходов населения. Во-вторых, нарастающая социальная несправедливость, которую можно остановить, расширяя доступность сферы здравоохранения для всех социальных слоев общества. В теоретическом аспекте необходимо отказаться от некоторых «экономизмов», которые вошли в обиход демографических и управленческих исследований. В первую очередь это относится к постановкам вопроса и логики мер по повышению рождаемости. Материальная и организационная поддержка рождаемости позиционируется как ее стимулирование. В экономике за стимулированием следует рост производства, и оно выступает проверенным способом, воспринимаемым рыночным механизмом. Рождение ребенка в семье основано на иных принципах. Это прежде всего семейная нравственная ценность. Дети появляются по любви, а не в расчете на деньги и являются самоценностью и фактором укрепления семьи. К социальному дарвинизму относится и идея рождения детей, и чем больше, тем лучше, для пополнения сокращающегося трудоспособного населения. Идея экономического стимулирования не срабатывает. Репродуктивные стратегии молодежи основываются на комплексе более значимых ценностей, рисков и ограничений. При этом материальная помощь со стороны государства при рождении детей должна рассма-

триваться как помощь молодым семьям с повышением критерия нуждаемости до медианы среднего дохода по региону.

Список литературы

1. *Валентей Д. И.* О системе демографических знаний // Вопросы экономики. — 1973. — № 5. — С. 74–84.
2. *Васильев В. П.* О материально-финансовом обеспечении здравоохранения // Социологические исследования. — 2017. — № 3. — С. 150–154.
3. Об основных направлениях повышения эффективности расходов федерального бюджета. Доклад. Минфин, 2015.
4. Эффективность российского здравоохранения и система ОМС. ВЦИОМ. данные опроса. — 2017. URL: http://old.w ciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/socialnye-mezhnacionalnye-otnoshenija-nacionaliz m.html (дата обращения: 17.01.2019).

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Valentej D. I.* O sisteme demograficheskih znanij // Voprosy jekonomiki. — 1973. — № 5. — S. 74–84.
2. *Vasil'ev V. P.* O material'no-finansovom obespechenii zdravoohranenija // Sociologicheskie issledovanija. — 2017. — № 3. — S. 150–154.
3. Ob osnovnyh napravlenijah povyshenija jeffektivnosti rashodov federal'nogo bjudzheta. Doklad. Minfin, 2015.
4. Jeffektivnost' rossijskogo zdravoohranenija i sistema OMS. VCIOM. Dannye oprosa. — 2017. URL: http://old.w ciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/socialnye-mezhnacionalnye-otnoshenija-nacionaliz m.html (data obrashhenija: 17.01.2019).

ГАМАРНИК Роман Олегович
младший научный сотрудник
Научно-исследовательского института труда
Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь,
Минск, Беларусь.
E-mail: raman.hamarnik@gmail.com

ПОСОБИЯ НА ДЕТЕЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Ключевые слова: социальная политика, демографическая политика, семьи с детьми.

Коды JEL: J13, J18

В странах Европы широкое распространение получила такая мера поддержки семей с детьми, как пособие на ребенка (MISSOC). Основными отличиями данного вида пособий от пособия по беременности и родам и пособия по уходу за ребенком является продолжительность его выплаты и отсутствие привязки его к уровню благосостояния семьи. Выплаты данного вида пособия предусмотрены для всех детей до определенного законодательно установленного возраста. В основном это возраст 16–18 лет, кроме этого, широко распространено продление выплат пособия на детей при получении ими среднего или высшего образования даже после достижения установленного возраста. В отличие от пособий по уходу за ребенком, которые зачастую основываются на размере заработной платы родителя, пособие на детей либо не связано с уровнем доходов, либо снижается при его высоких значениях. Таким образом, данный вид материальной поддержки ориентирован прежде всего на малообеспеченные семьи.

Пособия на детей могут рассматриваться как инструмент демографической политики, стимулирующий рождаемость, а также инструмент социальной политики, помогающий семьям обеспечить детям необходимый уровень жизни.

Из рассмотренных 35 стран Европы[1] только в двух странах детские пособия не предусмотрены (Украина, Молдова). В России и Беларуси данные пособия сильно ограничены. Так, в России подобное пособие выплачивается на детей до 18 лет только нуждающимся семьям, при этом критерии нуждаемости устанавливаются отдельно в различных регионах. В Беларуси наиболее похожим на данный вид выплат является пособие семьям на детей в возрасте от 3 до 18 лет, выплачиваемое только в том случае, если в семье есть еще и ребенок (дети) в возрасте до 3 лет, что ставит значительные ограничения в получении данного вида пособий.

Размер пособия в рассмотренных странах Европы варьируется в соответствии с уровнем экономического развития и проводимой социально-демографической политикой. Высокими размерами пособия на ребенка относительно размера заработной платы отличаются страны Западной Европы, а также наиболее развитые страны Южной Европы (около 5% от средней заработной платы). В Северной Европе пособие составляет около 4% заработной платы, но в этом регионе более развиты иные меры поддержки семей. В Восточной и отдельных странах Южной Европы в среднем пособие составляет 3% от средней заработной платы.

[1] Австрия, Беларусь, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Лихтенштейн, Люксембург, Мальта, Молдова, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Россия, Румыния, Словакия, Словения, Украина, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония.

Из рассмотренных стран Европы только в Ирландии, Норвегии, Испании и Словакии были установлены общие для всех детей размеры пособий (рис. 1). В большинстве стран Европы действуют специальные механизмы расчета размера пособий. Факторы, влияющие на размер выплат, можно разделить на следующие три группы:

1) число детей в семье / очередность рождения ребенка;
2) возраст ребенка;
3) уровень доходов семьи.

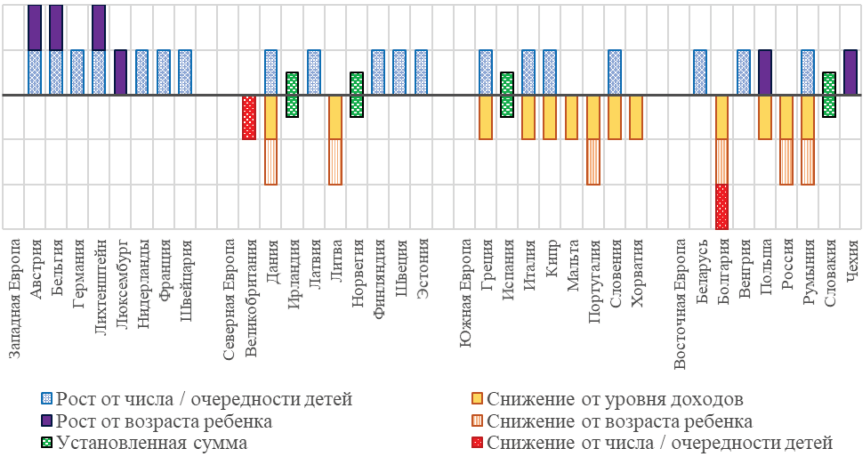

Рис. 1. Факторы, влияющие на размер пособия на детей в странах Европы

Наиболее распространенным фактором является число детей в семье / очередность рождения ребенка. Он влияет на размер пособия в 21 стране Европы.

В подавляющем большинстве стран с влиянием числа/очередности детей связь данного фактора с размером пособия прямая, т.е. размер пособия на ребенка повышается с ростом числа или очередности детей в семье (Австрия, Бельгия, Германия, Лихтенштейн, Нидерланды, Франция, Швейцария, Дания, Латвия, Финляндия, Швеция, Эстония, Греция, Италия, Кипр, Словения, Беларусь, Венгрия, Румыния). Это отражает общую направленность стран Европы на повышение рождаемости и направлено на поддержку рождения по возможности большего числа детей в семьях. В некоторых странах (Франция, Беларусь) для семей с одним ребенком пособие вовсе не предусмотрено. Увеличение размера пособия чаще всего проводится до четвертого либо пятого ребенка и в дальнейшем остается неизменным.

Лишь в двух странах Европы размер пособия на одного ребенка уменьшается с количеством или очередностью рождения детей. В Болгарии

семья с одним ребенком получает € 20, в то время как семья с четырьмя детьми € 74 (на одного ребенка приходится € 18,5), а за каждого последующего ребенка выплачивается лишь € 10. В Великобритании же максимальный размер пособия выплачивается только на старшего ребенка в семье, все остальные дети получают меньшие по размеру пособия.

Возраст ребенка оказывает влияние на размер пособия в 12 странах. В Австрии, Бельгии, Лихтенштейне, Люксембурге, Польше, Чехии размер пособия увеличивается с возрастом ребенка, что отражает увеличение расходов семьи на его содержание [Letablier et al., 2009]. Наибольшее распространение подобный механизм расчета размера пособия получил в странах Западной Европы.

В то же время в Дании, Литве, Португалии, Болгарии, России, Румынии наблюдается обратная связь между возрастом и выплатами, однако в четырех их них (Литве, Португалии, Болгарии и Румынии) повышенные пособия имеют только дети в возрасте до 1–2 лет, для остальных же детей вне зависимости от возраста размер пособия одинаков.

Снижение пособий для семей с высоким уровнем доходов (Дания, Литва, Греция, Италия, Кипр, Мальта, Португалия, Словения, Хорватия, Болгария, Польша, Россия, Румыния) характерно в первую очередь для стран Южной Европы, что можно объяснить тем, что в данном регионе наблюдается относительно высокая доля населения за чертой и на грани бедности (Eurostat). Таким образом, снижение пособий для обеспеченного населения позволяет увеличить пособия для семей с низким уровнем доходов. Схожая ситуация наблюдается и в некоторых странах Восточной Европы, а также в Литве. В Польше и Португалии семьям с доходами выше определенного уровня пособия на ребенка не выплачиваются.

Список литературы

1. The MISSOC Comparative tables // Mutual Information System on Social Protection. URL: https://www.missoc.org/missoc-database/comparative-tables/ (дата обращения: 11.09.2019).
2. *Letablier M-T.* et al. The costs of raising children and the effectiveness of policies to support parenthood in European countries: a Literature Review. — European Commission: European Communities, 2009. — P. 21.
3. Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/ eurostat/web/main/home (дата обращения: 13.09.2019).

ГРИШИНА Елена Евгеньевна
к.э.н., Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС,
Москва, Россия.
E-mail: grishina@ranepa.ru

БЕДНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: семьи с детьми, социальная поддержка, бедность.

Коды JEL: J10, I30

В Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 [Указ..., 2018] среди важнейших целей развития России отмечены в том числе цели, направленные на обеспечение устойчивого естественного роста численности населения, устойчивого роста реальных доходов граждан и снижения уровня бедности в два раза.

Исследования показывают, что наличие в семье детей является фактором, повышающим риски ее бедности [Овчарова, 2009; Горшков, Тихонова, 2014]. Уровень бедности особенно высок среди многодетных и неполных семей с детьми [Бурдяк, Попова, 2007; Пишняк, Попова, 2011; Малева, Гришина, 2019]. В связи с этим задача совершенствования социальной поддержки семей с детьми приобретает особую важность, поскольку будет способствовать как сокращению бедности семей с детьми, так и созданию благоприятной среды для рождения детей [Хасанова и др., 2019].

Целью данной работы является анализ бедности и уровня социальной поддержки семей с детьми в Ульяновской области на основании данных опроса домохозяйств.

Основой для проведения исследования стали данные опроса домохозяйств, организованного Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в Ульяновской области в 2018 г. Общий объем выборки составил 1568 домохозяйств, в том числе 456 домохозяйств с детьми до 18 лет.

Результаты проведенного опроса показали, что доля бедных домохозяйств с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума среди опрошенных домохозяйств составляла в Ульяновской области в 2018 г. 25,6%[1]. Однако, согласно данным Росстата, уровень бедности населения в данном регионе был ниже и составлял 15,3%. В то же время

[1] Для расчета уровня бедности учитывался совокупный денежный доход домохозяйства и прожиточный минимум домохозяйства, представляющий собой сумму региональных прожиточных минимумов для каждого члена домохозяйства.

оценка уровня бедности населения проводится Росстатом на основе выборочного обследования домашних хозяйств и макроэкономического показателя среднедушевых денежных доходов населения.

Уровень бедности среди опрошенных домохозяйств с детьми до 17 лет существенно выше уровня бедности среди домохозяйств в целом и составляет 50,1%. Доля бедных домохозяйств с детьми возрастает при увеличении числа детей: если в домохозяйстве с одним ребенком уровень бедности составляет 36,7%, то в домохозяйстве с тремя и более детьми — 76,9%. Повышенный уровень бедности также наблюдается среди домохозяйств с детьми школьного возраста (56,5%) и одиноких матерей с детьми (54,2%).

Многие из опрошенных семей с детьми не могут позволить себе купить необходимые им товары и услуги. Так, около 11% домохозяйств с детьми не могут себе позволить себе употреблять в пищу блюда из мяса, птицы, рыбы (или равноценную вегетарианскую пищу) хотя бы через день. Причем среди домохозяйств с детьми до двух лет эта доля доходит до 16%.

12% опрошенных домохозяйств с детьми сообщили, что они едва сводят концы с концами и денег им не хватает даже на продукты. И еще 31% домохозяйств с детьми отметили, что им хватает денег на продукты, но покупка одежды у них вызывает затруднения. Это свидетельствует о том, что более 40% семей с детьми испытывают трудности при покупке жизненно необходимых товаров. При этом приобретать без материальных сложностей товары длительного пользования (такие как холодильник, стиральная машина и др.) могут лишь 16% домохозяйств с детьми.

Более 56% домохозяйств с детьми Ульяновской области не могут из-за нехватки средств регулярно отдыхать вне дома (например, ходить в платный спортивный клуб, в кино или на концерты и т.д.), более 62% — не могут заменить старую мебель в своем жилье на новую. Более трети домохозяйств с детьми (35%) не могут в силу нехватки денежных средств проводить одну неделю отпуска вне дома, более 20% — не могут по финансовым причинам встречаться с друзьями, семьей или родственниками для совместного обеда, заменить изношенную верхнюю одежду и приобрести хотя бы две пары обуви на сезон каждому члену семьи.

17% домохозяйств с детьми сообщили, что из-за нехватки средств их дети не получают услуги дополнительного образования. Причем среди домохозяйств с двумя и более детьми эта доля еще выше и составляет 22%.

Желая поддерживать свой уровень потребления, значительная доля семей с детьми обращается за потребительскими кредитными средствами.

Более 60% опрошенных домохозяйств с детьми имели за последний год платежи по кредитам (потребительским или ипотечным) или долгам родственникам и знакомым, в том числе 46% домохозяйств с детьми выплачивали потребительский кредит, 19% — ипотечный кредит и 6% отдавали долги родственникам и знакомым.

Одной из причин высокой доли домохозяйств, имеющих кредитную задолженность, среди домохозяйств с детьми является желание поддерживать свой уровень потребления, в том числе иметь возможность покупать товары длительного пользования. Кроме того, участию домохозяйств с детьми в программах ипотечного кредитования способствует предоставление материнского (семейного) капитала. Так, среди домохозяйств с двумя детьми 25% выплачивали в течение последнего года ипотечные платежи, в то время как среди всех домохозяйств с детьми доля таких домохозяйств составляла 19%, а среди многодетных домохозяйств — лишь 12%. Доля имеющих ипотечный кредит наиболее высока среди домохозяйств с детьми от 3 до 6 лет — 28%.

Просроченная задолженность по кредитам имеется у 11% домохозяйств с детьми. В основном это задолженность по потребительским кредитам.

Анализ данных опроса свидетельствует о том, что охват семей с детьми социальными выплатами является достаточно высоким. Среди опрошенных домохозяйств с детьми Ульяновской области 68% получают какие-либо пособия (федеральные или региональные).

Почти половина домохозяйств с детьми Ульяновской области (48%) получают региональные пособия и более трети домохозяйств (35%) получают региональные пособия, предоставляемые с проверкой на нуждаемость.

39% домохозяйств с детьми до 18 лет, не являющихся получателями социальных пособий, отмечают, что не получают пособия по причине того, что не имеют на них право, в то время как 37% говорят о том, что не получают пособия по причине того, что не знают, какие пособия им положены.

Малоимущие домохозяйства с детьми, не получающие социальные пособия, реже, чем в целом домохозяйства с детьми, говорят о том, что не получают пособия, так как не имеют на это право, однако доля таких домохозяйств среди малоимущих домохозяйств достаточно велика и составляет почти треть (30%). Возможно, что отсутствие права на получение пособий у малоимущих домохозяйств связано со сложностью подтверждения доходов, в случае если члены домохозяйства являются занятыми в неформальном секторе. Кроме того, сложности подтверждения доходов часто испытывают неполные семьи с детьми.

Домохозяйства с детьми в среднем чаще, чем все домохозяйства в целом, отмечают сложности с получением информации о том, какие меры поддержки существуют и каким образом можно их получить (14% против 9% среди всех домохозяйств), а также трудности со сбором документов, необходимых для получения пособий (23% против 13% среди всех домохозяйств).

Кроме того, домохозяйства с детьми несколько чаще жаловались на необходимость длительного ожидания в очередях при подаче заявлений

на получение социальной поддержки (15% против 11% среди всех домохозяйств).

Кроме того, бедные домохозяйства с детьми несколько чаще, чем не бедные, говорили о сложностях сбора документов для получения пособий (30% против 24%).

Важно отметить, что среди малоимущих домохозяйств с детьми четверть не получает никаких социальных выплат.

Проведенные расчеты показывают, что в результате предоставления федеральных и региональных пособий доля бедных среди опрошенных домохозяйств с детьми сокращается на 8 п.п. (с 58 до 50%). Причем за счет региональных пособий уровень бедности среди домохозяйств с детьми сокращается лишь на 2 п.п. Если категориальные федеральные и региональные пособия сокращают уровень бедности среди семей с детьми на 6 п.п., то пособия, предоставляемые с проверкой доходов, — лишь на 3 п.п. Региональные адресные пособия, предоставляемые с проверкой на нуждаемость, сокращают уровень бедности среди домохозяйств с детьми менее чем на 1 п.п.

Предоставление федеральных и региональных пособий наиболее существенно снижает уровень бедности среди домохозяйств с детьми до трех лет и домохозяйств с тремя и более детьми (на 14 п.п.). В то же время доля бедных среди многодетных семей даже после предоставления пособий остается крайне высока и составляет более 70%. Наиболее существенно сокращение уровня бедности в результате предоставления региональных пособий наблюдается среди одиноких матерей с детьми (с 59 до 54%), а также многодетных семей (с 83 до 77%).

Предоставление пособий сокращает уровень крайней бедности среди опрошенных домохозяйств с детьми Ульяновской области в 2,0 раза, а среди многодетных домохозяйств — в 3,8 раза. Региональные пособия сокращают уровень крайней бедности среди домохозяйств с детьми в 1,3 раза, а среди многодетных домохозяйств — в 2,0 раза.

Одной из причин ограниченного влияния социальной поддержки на уровень бедности является неполный охват ею малоимущих домохозяйств: четверть бедных домохозяйств с детьми не получали никаких пособий. Региональные социальные пособия получают лишь 60% бедных домохозяйств с детьми. Охват бедных домохозяйств с детьми региональными адресными социальными выплатами еще ниже и составляет 48%.

Также ограничивает влияние региональной социальной поддержки на бедность невысокий размер отдельных социальных выплат. Так, например, базовый размер ежемесячного пособия на ребенка до 16 лет в семьях со среднедушевым денежным доходом ниже величины прожиточного минимума в Ульяновской области составляет на сегодняшний день 200 руб., а на ребенка одинокой матери — 400 руб. В целом региональные пособия составляют лишь 7% от общих доходов домохозяйств с детьми, получа-

ющих данные пособия. В то время как в доходах домохозяйств с детьми, получающих пособия федерального уровня (например, пособия по уходу за ребенком до 1,5 года, а также выплату на первого ребенка, рожденного после 2018 г.), доля пособий составляет уже 17%.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о необходимости усиления социальной поддержки семей с детьми в Ульяновской области: увеличения охвата малоимущих семей социальной поддержкой и повышения размеров социальных выплат наиболее нуждающимся семьям с детьми.

Введение пособия малоимущим семьям с детьми с учетом дефицита их дохода на условиях социального контракта и расширение группы бедных семей с детьми, имеющих право на получение социальной поддержки, вносящей весомый вклад в снижение дефицита их доходов, повысит адресность социальной поддержки семей с детьми и ее эффективность с точки зрения снижения уровня бедности. В свою очередь, мероприятия по преодолению бедности семей с детьми будут содействовать повышению их уверенности в завтрашнем дне и созданию благоприятной среды для повышения рождаемости.

Список литературы

1. *Бурдяк А. Я., Попова Д. О.* Причины бедности семей с детьми (по результатам обследования домохозяйств Ленинградской области) // SPERO. — 2007. — № 6. Весна. — С. 31–56.
2. *Горшков М. К., Тихонова Н. Е.* Бедность и бедные в современной России. — М.: Весь мир, 2014.
3. *Малева Т. М., Гришина Е. Е.* Каким должно быть детское пособие? // Экономическая политика. — 2019. — № 3. — С. 54–69.
4. *Овчарова Л. Н.* Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. — М.: М-Студио, 2009.
5. *Пишняк А. И., Попова Д. О.* Бедность и благосостояние российских семей с детьми на разных этапах экономического цикла // SPERO. — 2011. — № 14. — С. 57–78.
6. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
7. *Хасанова Р. Р., Малева Т. М., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф.* Проактивная демографическая политика: 10 лет спустя. Эффекты, инструменты, новые цели. — М.: Дело, 2019.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Burdjak A. Ja., Popova D. O.* Prichiny bednosti semej s det'mi (po rezul'tatam obsledovanija domohozjajstv Leningradskoj oblasti) // SPERO. — 2007. — № 6. Vesna. — S. 31–56.

2. *Gorshkov M. K., Tihonova N. E.* Bednost' i bednye v sovremennoj Rossii. — M.: Ves' mir, 2014.
3. *Maleva T. M., Grishina E. E.* Kakim dolzhno byt' detskoe posobie? // Jekonomicheskaja politika. — 2019. — № 3. — S. 54–69.
4. *Ovcharova L. N.* Teoreticheskie i prakticheskie podhody k ocenke urovnja, profilja i faktorov bednosti: rossijskij i mezhdunarodnyj opyt. — M.: M-Studio, 2009.
5. *Pishnjak A. I., Popova D. O.* Bednost' i blagosostojanie rossijskih semej s det'mi na raznyh jetapah jekonomicheskogo cikla // SPERO. — 2011. — № 14. — S. 57–78.
6. *Hasanova R. R., Maleva T. M., Mkrtchjan N. V., Florinskaja Ju. F.* Proaktivnaja demograficheskaja politika: 10 let spustja. Jeffekty, instrumenty, novye celi. — M.: Delo, 2019.

ЕЛИЗАРОВ Валерий Владимирович
к.э.н., доцент, научный руководитель
лаборатории экономики народонаселения и демографии
экономического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия.
E-mail: elizarovvv@gmail.com

ЦЕЛИ И ОЖИДАЕМЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова: демографическая политика, целевые показатели, воспроизводство населения, суммарный коэффициент рождаемости, ожидаемая продолжительность жизни.

Коды JEL: J10, J11, J18

В докладе представлен опыт постановки и достижения целей в демографической политике России. Анализируются целевые демографические показатели, определенные в стратегических документах (концепции, указы, постановления и планы мер). Показана динамика фактических показателей в сравнении с целевыми, что позволяет оценить реалистичность постановки целей и степень их достижения. Рассмотрены как целевые показатели на период до 2025 г., так и национальные цели развития на период до 2030 г.

Впервые долгосрочная цель демографической политики была сформулирована в 2001 г. в «Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года»: «...стабилизация численности населения и формирование предпосылок к последующему демографическому росту» [Концепция, 2001].

В октябре 2007 г. была утверждена «Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». Здесь впервые были использованы конкретные целевые показатели для описания ожидаемых результатов. Целями демографической политики РФ на период до 2025 г. были объявлены «...стабилизация численности населения к 2015 г. на уровне 142–143 млн человек и создание условий для ее роста к 2025 г. до 145 млн человек, а также повышение качества жизни и увеличение ожидаемой продолжительности жизни к 2015 г. до 70 лет, к 2025 г. — до 75 лет» [Концепция, 2007]. Конкретные целевые показатели для численности населения, рождаемости, смертности и продолжительности жизни были привязаны к определенным датам — этапам реализации концепции.

Так, по итогам реализации второго этапа концепции (2011–2015 гг.) планировалось: стабилизировать численность населения, увеличить показатель ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) до 70 лет, увеличить в 1,3 раза по сравнению с 2006 г. суммарный коэффициент рождаемости (СКР), на треть снизить уровень смертности населения, обеспечить миграционный прирост на уровне не менее 200 тыс. человек ежегодно. Были ли эти целевые показатели достигнуты?

Численность населения увеличилась к началу 2016 г. до 146,5 млн человек с учетом Крыма, но и без Крыма все равно было бы больше 144 млн. ОПЖ в 2015 г. составила 71,39 года, выше 70 лет. СКР в 2015 г. достиг 1,777 и увеличился в сравнении с 2006 г. в 1,36 раза[1]. Миграционный прирост значительно превышал намеченный показатель, был более 300 тыс. человек, в 2015 г. составил 245 тыс. человек.

Показатель снижения смертности (уровень смертности) не был четко указан. Общий коэффициент смертности (на 1000 населения) снизился с 15,1‰ в 2006 г. до 13,0‰ в 2015 г., или на 13,9%, а не на 1/3. Число умерших также снизилось, но только на 11,9%[2]. Практически все намеченное, кроме снижения «уровня смертности», было выполнено.

В мае 2012 г. были приняты Указы Президента РФ «О мерах по реализации демографической политики» и «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения», содержавшие ряд целевых демографических показателей [Указ, 2012, № 606; Указ, 2012, № 598]. Было намечено обеспечить к 2018 г.: повышение суммарного коэффициента рождаемости (СКР) до 1,753; увеличение ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) до 74 лет, снижение младенческой смертности (до 7,5‰) и показателей смертности по причинам.

---

[1] Росстат. Официальная статистика. Демография. Естественное движение населения. URL: https://www.gks.ru/folder/12781

[2] Там же.

СКР под влиянием стимулирующих мер вырос с 1,582 в 2011 г. до 1,777 в 2015 г., но затем снизился до 1,621 в 2017 г. — значительно ниже целевого показателя. ОПЖ в 2017 г. достигла 72,70 года, но не дотянула до целевого показателя в 74 года. То есть оба главных целевых показателя Указа № 606 оказались ниже запланированных.

Все целевые показатели Указа № 598, кроме снижения смертности от новообразований, были достигнуты [Елизаров, 2018]. Младенческая смертность снизилась с 9,4‰ в 2011 г. до 5,1‰ в 2017 г., что было намного ниже, чем намечал целевой показатель.

В 2016 г. был принят План мероприятий по реализации 3-го этапа Концепции демографической политики РФ. При этом цели были существенно скорректированы с учетом как прибавления населения Крыма (2,3 млн человек), так и улучшения демографической ситуации в 2007–2015 гг. В соответствии с этим планом к 2020 г. предполагалось увеличение численности населения до 147,5 млн человек; увеличение ОПЖ до 74 лет; увеличение суммарного коэффициента рождаемости до уровня 1,87; обеспечение миграционного прироста на уровне не менее 200 тыс. человек ежегодно [План, 2016]. По сравнению с концепцией 2007 г. был уменьшен показатель миграционного прироста с 300 до 200 тыс. человек.

2020 г. завершается. Близки ли намеченные цели к исполнению? Численность постоянного населения увеличилась с 146,5 млн человек на начало 2016 г. до 146,9 млн человек на начало 2018 г., а затем начала снижаться. За семь месяцев 2020 г. численность населения сократилась на 251,1 тыс.человек и на 1 августа 2020 г. составила вновь 146,5 млн человек[1]. Снижение численности населения, судя по предварительным данным за 2020 г., продолжится и далее. Шансов достигнуть целевого показателя нет.

СКР продолжил снижение до 1,579 в 2018 г. и 1,504 в 2019 г., а в 2020 г., судя по предварительным данным, составит менее 1,5, существенно отставая от целевого показателя в 1,87[2].

В целом за пятилетие 2016–2020 гг. миграционный прирост может превысить 1 млн человек, т.е. в среднем получится более 200 тыс. человек в год[3].

ОПЖ выросла до 72,91 года в 2018 г. и до 73,34 года в 2019 г., и был шанс приблизиться к целевому показателю в 74 года по итогам 2020 г.

---

[1] Росстат. Официальная статистика. Демография. Оперативная информация. Демография на 1 августа 2020 г. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B20_00/IssWWW.exe/Stg/d08/8-0.doc

[2] Росстат. Официальная статистика. Демография. Естественное движение населения. URL: https://www.gks.ru/folder/12781

[3] Там же.

В последние месяцы на показателях воспроизводства населения стали сказываться последствия пандемии COVID-19. Число рождений снизилось за январь-август 2020 г. на 56,0 тыс., число умерших увеличилось на 71,7 тыс., естественная убыль составила 346,9 тыс.человек[1]. За семь месяцев 2020 г. миграционный прирост сократился на 88,6 тыс. человек и лишь на 20,6% компенсировал естественную убыль[2]. В ближайшие месяцы перспектив для роста миграционного прироста нет. Общая убыль населения по итогам 2020 г. может превысить 350 тыс. человек.

Кроме Концепции демографической политики и указов Президента были и другие документы, в которых уточнялись целевые показатели на 2025 г.

Новые стратегические целевые показатели по снижению смертности и росту продолжительности жизни были сформулированы в 2017 г. Было намечено увеличение ОПЖ к 2025 г. не менее чем до 76 лет [О направлениях, 2017]. Появился и новый целевой ориентир: увеличение средней продолжительности здоровой жизни к 2025 г. до 66 лет. Было также запланировано снижение показателей смертности по причинам и снижение смертности лиц трудоспособного возраста.

Цели и целевые показатели демографического развития заняли важное место в Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» № 204 от 7 мая 2018 г. [Указ, 2018].

В целях увеличения численности населения страны было намечено обеспечение устойчивого естественного роста численности населения РФ, а также повышение ОПЖ до 78 лет (к 2030 г. — до 80 лет).

Реализацию этих и других национальных целей были призваны обеспечить национальные проекты на период 2019–2024 гг. «Демография», «Здравоохранение» и ряд других.

Согласно утвержденным в конце 2018 г. паспортам национальных проектов в 2024 г. должны быть достигнуты следующие целевые показатели: увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет; увеличение СКР до 1,7; снижение показателей смертности населения трудоспособного возраста (до 350 случаев на 100 тыс. населения), смертности от болезней системы кровообращения (до 450 на 100 тыс. населения), смертности от новообразований, в том числе от злокачествен-

[1] Росстат. Официальная статистика. Демография. Оперативная информация. Естественное движение населения в разрезе субъектов РФ за январь-август 2020 г. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/fBtgkZHk/edn08-2020.htm

[2] Росстат. Официальная статистика. Демография. Оперативная информация. Демография на 1 августа 2020 г. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B20_00/IssWWW.exe/Stg/d08/8-0.doc

ных (до 185 на 100 тыс. населения), снижение младенческой смертности (до 4,5 на 1 тыс. родившихся детей).

Судя по сегодняшним данным и наблюдаемым тенденциям, в целом по России в период до 2024 г. не удастся не только обеспечить естественный прирост (превышение числа родившихся над числом умерших), но и сохранить рост численности населения.

В 2016 г. естественный прирост вновь стал отрицательным (–2,3 тыс. человек). В 2017 г. естественная убыль составила –135,8 тыс. человек, в 2018 г. — выросла до –224,6 тыс.человек, а в 2019 г. достигла –317,2 тыс.человек[1]. За восемь месяцев 2020 г. естественная убыль составила –346,9 тыс. человек, на 126,8 тыс. больше в сравнении с аналогичным периодом 2019 г.[2]

Средний вариант прогноза Росстата (версия от 26.03.2020) предполагает увеличение естественной убыли до –355,7 тыс. в 2020 г. и до –532,5 тыс. в 2024 г. И даже высокий вариант прогноза допускает убыль населения в 2024 г. в размере –221,3 тыс.[3]

За ближайшие пять лет разница между числом умерших и числом родившихся (естественная убыль) может составить около 2 млн человек. А общая убыль будет зависеть от того, в каких масштабах миграционный прирост компенсирует эту убыль, и может составить более 1 млн человек.

Большие сомнения вызвала у экспертов возможность повышения ОПЖ до 78 лет в 2024 г. Для этого необходимо увеличение показателя за шесть лет на 5,1 года. За период 2013–2019 гг. ОПЖ выросла на 2,58 года[4].

А вот прибавка в два года к 2030 г. по сравнению с 2024 г. в принципе была бы более-менее реальна. Но войти в символический клуб 80+ (в число стран с ОПЖ более 80 лет) вряд ли возможно до 2035 г. В среднем варианте прогноза Росстата (версия от 26.03.2020) в 2035 г. ОПЖ составит 79,10 года[5].

На наш взгляд, понимание серьезных проблем, стоящих на пути реализации сверхоптимистичных демографических целей, поставленных как в Указе № 204, так и в национальном проекте «Демография», боль-

---

[1] Росстат. Официальная статистика. Демография. Естественное движение населения. Рождаемость, смертность и естественный прирост. URL: https://www.gks.ru/folder/12781

[2] Росстат. Официальная статистика. Демография. Оперативная информация. Естественное движение населения в разрезе субъектов РФ за январь-август 2020 г. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/fBtgkZHk/edn08-2020.htm

[3] Росстат. Официальная статистика. Демография. Демографический прогноз до 2035 года. URL: https://www.gks.ru/folder/12781

[4] Росстат. Официальная статистика. Демография. Естественное движение населения. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении. URL: https://www.gks.ru/folder/12781

[5] Росстат. Официальная статистика. Демография. Демографический прогноз до 2035 года. URL: https://www.gks.ru/folder/12781

шие риски не выполнить поставленные цели и тем подорвать доверие к социальной и демографической политике обусловили существенную корректировку национальных целей развития, продление периода их достижения до 2030 г. Возможно, что были приняты во внимание экономический кризис и падение реальных доходов граждан, а также пандемия COVID-19, ее прогнозируемые последствия.

В июле 2020 г. Президентом РФ был подписан новый Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [Указ, 2020].

Прежде всего обращает внимание, что вместо двух национальных демографических целей, по сути, сформулирована одна комплексная социально-демографическая цель. Так, если в Указе 2018 г. в целях увеличения численности населения страны было намечено обеспечить достижение таких национальных целей развития РФ на период до 2024 г., как обеспечение устойчивого естественного роста численности населения РФ и повышение ОПЖ до 78 лет (к 2030 г. — до 80 лет), то в новом Указе 2020 г. «...в целях увеличения численности населения страны... на период до 2030 г. определена такая национальная цель развития РФ, как «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей» (первая из пяти целей).

Для достижения этой национальной цели к 2030 г. установлены следующие целевые показатели: обеспечение устойчивого роста численности населения РФ; повышение ОПЖ до 78 лет; снижение уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 г.; увеличение доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, до 70%. Правительству РФ было поручено до 30 октября 2020 г. скорректировать (разработать) национальные проекты, направленные на достижение национальных целей и целевых показателей, определенных в новом указе. Предполагается продлить действие скорректированных национальных проектов до 2030 г.

Достижение ОПЖ в 78 лет перенесено на 2030 г. — сразу на шесть лет. Это вполне реалистичная цель. Согласно среднему варианту прогноза Росстата (версия от 26.03.2020), в 2030 г. ОПЖ может быть 77,54 года, а в 2032 г. превысит 78 лет[1]. Про вступление в клуб 80+, видимо, предстоит на время забыть. В указе такой цели больше нет.

Из прежней формулировки национальной цели «обеспечение устойчивого естественного роста численности населения» убрано слово «естественного». Эта поправка — большой шаг в сторону здравого смысла! Но стал ли от этого новый целевой показатель реалистичным?

---

[1] Росстат. Официальная статистика. Демография. Демографический прогноз до 2035 года. URL: https://www.gks.ru/folder/12781

Средний вариант прогноза Росстата (версия от 26.03.2020) предполагает сокращение численности населения к 2030 г. более чем на 2 млн человек при частичном замещении естественной убыли миграционным приростом в размере 250–260 тыс. человек. При этом прогнозируется сохранение убыли численности населения на весь период прогноза, в том числе с убылью в 2030 г. –277 тыс. и сокращение убыли до –135 тыс. к 2035 г.[1]

Научно обоснованных предложений по достижению устойчивого роста численности населения нет и, судя по динамике демографических показателей за последние годы, быть не может. Могут быть предложения по минимизации естественной убыли за счет остановки или замедления падения числа рождений и сохранения или увеличения масштабов снижения числа умерших. А если говорить о сохранении численности населения или о минимизации сокращения (что реальнее), то для этого необходимо увеличение вклада замещающей миграции. Кстати, в высоком варианте прогноза Росстата рост населения к 2030 г. достигается за счет миграционного прироста в 360–370 тыс. человек, перекрывающего неизбежную естественную убыль населения, пусть и существенно меньшую, чем в среднем варианте[2].

У России есть исторический шанс впервые в истории современной демографической политики попробовать затормозить снижение рождаемости в годы спада, предопределенного нашим недавним прошлым — низкой рождаемостью 1993–2006 гг., когда число рождений не превышало 1,5 млн человек. Если это удастся сделать — это будет большим вкладом в уменьшение размаха демографической волны, что в будущем благоприятно скажется на возможностях социально-экономического развития. Эту возможность необходимо учесть при подготовке Плана мер на 2021–2025 гг. по реализации завершающей фазы 3-го этапа Концепции демографической политики, а также при корректировке национальных проектов, целевых показателей, сроков их достижения и планируемых мероприятий для создания более благоприятных условий для воспроизводства населения.

Список литературы

1. *Елизаров В. В.* Целевые показатели демографического развития России на 2024 год: поможет ли опыт недавнего прошлого в их достижении? // Научные труды Вольного экономического общества. — 2018. — Т. 211. — № 3. — С. 322–350.

[1] Росстат. Официальная статистика. Демография. Демографический прогноз до 2035 года. URL: https://www.gks.ru/folder/12781

[2] Там же.

2. Концепция демографического развития РФ на период до 2015 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 21 сентября 2001 г. № 1270-р. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=98526
3. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/26299
4. О направлениях развития системы здравоохранения РФ в период до 2025 г. 11 апреля 2017. URL: http://government.ru/orders/selection/404/27146/
5. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/35270
6. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения». URL: https://base.garant.ru/70170948/
7. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: http://prezident.org/articles/ukaz-prezidenta-rf-204-ot-7-maja-2018-goda-07-05-2018.html
8. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: https://rg.ru/2020/07/22/ukaz-dok.html

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Elizarov V.V.* Celevye pokazateli demograficheskogo razvitija Rossii na 2024 god: pomozhet li opyt nedavnego proshlogo v ih dostizhenii? // Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva. — 2018. — T. 211. — № 3. — S. 322–350.
2. Koncepcija demograficheskogo razvitija RF na period do 2015 goda. Utverzhdena Rasporjazheniem Pravitel'stva RF ot 21 sentjabrja 2001 g. №1270-r. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=98526
3. Koncepcija demograficheskoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda. Utverzhdena Ukazom Prezidenta RF ot 9 oktjabrja 2007 g. № 1351. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/26299
4. O napravlenijah razvitija sistemy zdravoohranenija RF v period do 2025 g. 11 aprelja 2017. URL: http://government.ru/orders/selection/404/27146/
5. Ukaz Prezidenta RF ot 7 maja 2012 g. № 606 «O merah po realizacii demograficheskoj politiki». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/35270
6. Ukaz Prezidenta RF ot 7 maja 2012 g. № 598 «O sovershenstvovanii gosudarstvennoj politiki v sfere zdravoohranenija». URL: https://base.garant.ru/70170948/
7. Ukaz Prezidenta RF ot 7 maja 2018 g. № 204 «O nacional'nyh celjah i strategicheskih zadachah razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda». URL: http://prezident.org/articles/ukaz-prezidenta-rf-204-ot-7-maja-2018-goda-07-05-2018.html
8. Ukaz Prezidenta RF ot 21 ijulja 2020 g. № 474 «O nacional'nyh celjah razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda». URL: https://rg.ru/2020/07/22/ukaz-dok.html

ЕЛИЗАРОВ Валерий Владимирович
к.э.н., старший научный сотрудник,
экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова,
лаборатория экономики народонаселения и демографии,
Москва, Россия.
E-mail: elizarovvv@gmail.com

ДЖАНАЕВА Наталья Георгиевна
к.э.н.,
экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова,
лаборатория экономики народонаселения и демографии,
Москва, Россия.
E-mail: janaeva@gmail.com

НАЛОГОВЫЕ ЛЬГОТЫ КАК МЕРА ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ[1]

Ключевые слова: семьи с детьми, бедность, налоговые льготы.

Коды JEL: I20, J18, K34

Прямой угрозой нашему демографическому будущему являются «...низкие доходы значительной части наших граждан, семей» — отметил Президент В. В. Путин в Послании Федеральному собранию 2020 г. «По разным оценкам, порядка 70–80% семей с низкими доходами являются семьи с детьми», — подчеркнул глава государства [Послание, 2020].

Год назад, в Послании 2019 г. Президент предложил для повышения доходов российских семей реализовать решения прямого действия: «...прежде всего должна быть снижена налоговая нагрузка на семью. Принцип должен быть очень простой: больше детей — меньше налог». Было предложено увеличить федеральную льготу по налогу на недвижимое имущество для многодетных семей. При этом в Послании было подчеркнуто, что «...именно федеральный статус этой льготы гарантирует ее применение повсеместно» [Послание, 2019]. Регионам поручено ввести дополнительные налоговые меры поддержки семей с детьми. Прошел год. Но ни о каких дополнительных налоговых льготах, предложенных и введенных регионами, пока не слышно.

[1] Доклад и тезисы подготовлены на основе исследования, выполняемого при финансовой поддержке фонда РФФИ, проект № 18-010-01196 «Комплексное исследование факторов бедности семей с детьми и оценка вклада экономических мер семейно-демографической политики в ее снижение».

Единственный результативный путь — совершенствовать и расширять меры, имеющие федеральный статус. Принцип «больше детей — меньше налог» необходимо, по нашему мнению, распространить и на другие виды налоговых льгот, в частности, на освобождение от подоходного налога части доходов в зависимости от числа детей. Такая мера финансовой поддержки семей, повышения доходов и снижения рисков бедности распространена во многих развитых странах.

В России налоговые вычеты были введены в 90-е гг. в сумме однократного или двукратного МРОТ в зависимости от уровня доходов. В «Концепции демографического развития РФ на период до 2015 года» [Концепция, 2007] среди мер стимулирования рождаемости и укрепления семьи были намечены и налоговые вычеты. В Президентском послании 2010 г. [Послание, 2010] было предложено увеличить налоговые вычеты, что и было сделано в 2011–2012 гг. В «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» [Национальная стратегия, 2012] среди основных мер по сокращению бедности среди семей с детьми было предусмотрено «совершенствование системы налоговых вычетов для семей с детьми».

В настоящее время в Налоговом кодексе РФ прописаны стандартные (ст. 218 НК РФ) и социальные налоговые вычеты (ст. 219 НК РФ) [Налоговый кодекс, 2020].

Стандартный налоговый вычет предоставляется на каждого ребенка, находящегося на обеспечении у налогоплательщиков, являющихся родителями (усыновителями, опекунами, приемными родителями), в отношении доходов, облагаемых по налоговой ставке 13%. Вычет предоставляется на детей в возрасте до 18 лет или в возрасте до 24 лет (на учащихся очной формы обучения, аспирантов, ординаторов, курсантов и т.п.). Размеры вычетов: 1,4 тыс. руб. на 1-го и 2-го ребенка и 3 тыс. руб. на 3-го и последующих детей. Вычет на детей предоставляется за каждый месяц календарного года до тех пор, пока доход налогоплательщика, облагаемый по ставке 13%, не превысит с начала года 350 000 руб. С месяца, в котором суммарный доход стал больше 350 000 руб., «детские вычеты» не предоставляются.

У единственного родителя есть право на стандартный налоговый вычет в двойном размере. Также «детский» вычет в двойном размере может предоставляться одному из родителей по их выбору, если второй напишет заявление об отказе в получении «детского» вычета. На рассмотрение в Госдуму в 2019 г. был внесен проект закона [Законопроект, 2019], предусматривавший увеличение размера стандартных вычетов и повышение предельного порога дохода, до достижения которого предоставляется «детский» вычет. Но поскольку не было получено заключение Правительства РФ на этот законопроект, он не был принят.

Статьей 219 НК РФ предусмотрены также социальные налоговые вычеты — право налогоплательщика на уменьшение налоговой базы на суммы

произведенных в этом же налоговом периоде расходов на обучение и лечение его детей (в отношении доходов, полученных в налогооблагаемом периоде и облагаемых налогом по ставке 13%).

Из налоговой базы за предыдущий год можно вычесть суммы, уплаченные в течение года за обучение детей в возрасте до 24 лет на дневной форме обучения. Из налоговой базы за предыдущий год можно также вычесть суммы, уплаченные в течение года за услуги по лечению своих детей в возрасте до 18 лет, предоставленные медицинскими учреждениями РФ, а также расходы на медикаменты, но только в соответствии с перечнем услуг, утвержденных Правительством РФ.

Предельная сумма этих двух социальных налоговых вычетов принимается в размере фактически произведенных расходов, но с учетом ограничения, установленного п. 2 ст. 219 НК РФ — не более 50 тыс. руб. Однако по дорогостоящим видам лечения сумма вычета может быть и большей (в размере фактических расходов).

Льготное налогообложение как форма поддержки семей с детьми в социальной политике РФ развивается, но пока не приносит семьям ощутимого прироста доходов: выигрыш от налогового вычета для каждого из работающих родителей составляет: на одного ребенка 182 руб. (1400 руб. х 13%) в месяц, на двоих детей — 364 руб., на троих детей — 752 руб. Если оба родителя работают, то выигрыш будет соответственно вдвое выше, но даже в этом случае он составит лишь 3–5% от прожиточного минимума детей.

Для уменьшения явных экономических преимуществ бездетности и малодетности, повышения доходов и снижения уровня бедности семей с детьми (а также для усиления мотивации родителям получать доходы по труду) мы предлагаем в 2021–2025 гг. поэтапно увеличить стандартные налоговые вычеты на детей работающим родителям до размеров прожиточного минимума детей. А также рекомендуем увеличить порог доходов, по достижении которых вычет перестает действовать (примерно до 12-кратной величины средней зарплаты), и увеличить предельную сумму социального вычета.

Целесообразно также внимательно изучить зарубежный опыт налогообложения семей с детьми.

Список литературы

1. Законопроект № 692088-7. О внесении изменений в статью 218 части второй Налогового кодекса Российской Федерации. 18.04.2019. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/692088-7
2. Концепция демографического развития РФ на период до 2015 г. Утверждена Указом Президента РФ 09.10.2007. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/26299

3. Налоговый кодекс РФ (действующая редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/
4. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 30.11.2010. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/9637
5. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 20.02.2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318543/
6. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 15.01.2020. URL: http://prezident.org/tekst/stenogramma-poslanija-putina-federalnomu-sobraniyu-15-01-2020.html
7. Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы». URL: http://base.garant.ru/70183566/#friends

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Zakonoproekt № 692088-7. O vnesenii izmenenij v stat'ju 218 chasti vtoroj Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii. 18.04.2019. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/692088-7
2. Koncepcija demograficheskogo razvitija RF na period do 2015 g. Utverzhdena Ukazom Prezidenta RF 09.10.2007. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/26299
3. Nalogovyj kodeks RF (dejstvujushhaja redakcija). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/
4. Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniju Rossijskoj Federacii. 30.11.2010. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/9637
5. Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniju Rossijskoj Federacii. 20.02.2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318543/
6. Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniju Rossijskoj Federacii. 15.01.2020. URL: http://prezident.org/tekst/stenogramma-poslanija-putina-federalnomu-sobraniyu-15-01-2020.html
7. Ukaz Prezidenta RF ot 01.06.2012 № 761 "O Nacional'noj strategii dejstvij v interesah detej na 2012–2017 gody". URL: http://base.garant.ru/70183566/#friends

ЗАГОРЕЦ Владимир Семенович
к.э.н., доцент,
факультет финансов и банковской деятельности
Белорусского государственного экономического университета,
кафедра налогов и налогообложения,
Минск, Беларусь.
E-mail: zaharets.uladzimir@gmail.com

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА БЕЛАРУСИ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ключевые слова: демографический переход, суженное воспроизводство человеческих ресурсов, демографическая политика, экономические методы мотивации рождаемости.

Коды JEL: J10, J11

Начиная с XIX столетия характер протекания демографических процессов в мире стал меняться быстрыми темпами. Данное явление получило название демографического перехода. Обычно выделяют два основных этапа (стадии) демографического перехода. Для первого характерно существенное снижение смертности при незначительном уменьшении рождаемости. Второй отличается резким снижением рождаемости, превышающим падение уровня смертности. Завершением второго этапа является переход к суженному типу воспроизводства человеческих ресурсов. Демографический переход — глобальное явление, охватывающее все страны мира. При этом в различных группах стран, каждой отдельно взятой стране и ее регионах он имеет свои особенности, сроки начала и завершения.

Характеристике демографического перехода уделено значительное внимание в работах демографов, в том числе российских и белорусских. В то же время анализу влияния этих процессов на разработку и реализацию программ по государственному управлению формированием человеческих ресурсов страны в этих работах уделяется незначительное внимание. В итоге демографическая политика часто осуществляется без учета закономерностей, управляющих демографическими процессами, перед ней ставятся недостижимые цели, а методы ее осуществления являются неэффективными.

Для Беларуси и России в качестве отправной точки анализа современных демографических процессов логично принять 1990 г., в котором произошел «парад суверенитетов» на территории бывшего СССР и появились ныне существующие постсоветские государства. В этом году второй этап

демографического перехода уже завершился в 36 станах мира, в основном высокоразвитых странах. Россия и Беларусь также были в числе этих 36 стран, суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в них составлял 1,9. В целом по странам мира в 1990 г. СКР составлял 3,6. В последующие десятилетия он сократился и составил в 2018 г. 2,4. Сокращение произошло в основном за счет низко- и среднеразвитых стран, в высокоразвитых странах мира СКР изменился незначительно. При этом необходимо отметить, что во многих развитых странах все это время проводилась активная демографическая политика стимулирования рождаемости. Основным методом данной политики был экономический. На нее тратились огромные финансовые ресурсы. Но, несмотря на это, динамика СКР в данных странах практически не отличается от стран, где подобная политика отсутствовала. Аналогичная высокоразвитым странам политика стимулирования рождаемости проводилась в России и Беларуси, где она объявлена одним из важнейших стратегических приоритетов, на ее осуществление расходовались и продолжают расходоваться очень значительные финансовые ресурсы.

Таблица 1

Суммарный коэффициент рождаемости по отдельным странам и миру в целом (World)

Страны	Годы			
	1990	2005	2010	2018
Мир в целом	3,6	2,6	2,5	2,4
Страны с активной демографической политикой				
Франция	1,8	1,9	2,0	1,9
Норвегия	1,9	1,8	2,0	1,6
Дания	1,7	1,8	1,9	1,8
Страны, не проводившие активную демографическую политику				
Япония	1,5	1,5	1,4	1,4
Гонконг	1,3	1,0	1,1	1,1

Источники: [World Development Indicators 2000, с. 100–102; World Development Indicators 2012, с. 140–142; Основные..., 2018].

В Беларуси, по данным Минтруда, в 2019 г. при рождении первого ребенка семья получала в среднем за год 7408 руб., при рождении второго и последующих детей — 9711 руб. На пособия, стимулирующие деторождение, тратится около 2% ВВП сраны [На первенца..., 2020]. Размер пособий сопоставим с денежными доходами на душу населения по стране, которые в 2019 г. составили 8616 руб. [Денежные..., 2020]. Экономическая

мотивация рождаемости является главным элементом всех белорусских нормативно-правовых документов в сфере демографии. Одной из главных демографических угроз в этих документах названа депопуляция. В качестве основной цели демографической политики определено достижение стабилизации численности населения и обеспечение перехода к последующему демографическому росту. Важнейшей задачей для достижения данной цели объявлено увеличение рождаемости за счет усиления социально-экономической поддержки семей в связи с рождением и воспитанием детей.

По нашему мнению, декларируемые в этих документах цели недостижимы, а основной метод реализации неэффективен. Да, экономическая мотивация рождаемости создает предпосылки для наиболее полной реализации репродуктивных предпосылок населения. Под ее влиянием может меняться график деторождения, но сами репродуктивные установки она почти не меняет. Кроме того, восприятие размера детского пособия зависит от размера упущенной выгоды от вынужденного отказа от заработка. Одни (высокооплачиваемые) матери воспринимают его мизерным и стремятся выйти на работу раньше достижения ребенком трех лет. Идут на деторождение ради пособий те, чей заработок ниже или сопоставим с размерами пособий. Именно поэтому в сельской местности Гомельской области, где заработная плата низка, на максимуме в 2016 г. СКР достигал 4,995 [Суммарный..., 2020]. Это также связано с тем, что в районах, загрязненных радиацией, к которым относится часть районов области, размер пособий повышается в зависимости от степени загрязнения.

Кроме того, что факт деторождений в загрязненной зоне сам по себе представляет опасность для здоровья детей, он ведет к еще одному негативному последствию. Значительная часть многодетных семей после достижения детьми трех лет попадает в «ловушку бедности». Соответственно они нуждаются в дальнейшей поддержке государства до достижения детьми возраста 18–20 лет. На выплату различных пособий, введение целого ряда льгот и субсидий для таких семей расходуется очень большой объем финансовых ресурсов ФСЗН, республиканского и местных бюджетов.

Вообще для чего нужен рост рождаемости и численности населения? Обычно для обоснования политики мотивации рождаемости приводят ряд аргументов, основные из них следующие:

1. Развитие экономики невозможно без прироста численности трудовых ресурсов.
2. Повышение рождаемости якобы снижает демографическую нагрузку на трудоспособное и занятое население.
3. Если мы не будем увеличивать численность своего населения, то нашу территорию заселят другие быстрорастущие народы.

Первый тезис был актуальным при экстенсивном росте экономики, основанном на постоянном вовлечении новых ресурсов, в том числе трудовых. Однако в современных реалиях основной прирост обеспечивается за счет интенсификации производства. Логика следующего тезиса состоит в том, что при снижающимся уровне рождаемости происходят изменения возрастной структуры населения, возрастает доля старших нетрудоспособных возрастов, возникают проблемы с пенсионным обеспечением. Однако стимулирование рождаемости также способствует повышению демографической нагрузки, так как на одного работающего приходится еще больше нетрудоспособных (как пенсионеров, так и детей). Кроме того, многодетность приводит к сокращению занятости в общественном производстве женщин, что вновь повышает нагрузку на работающее население. Ложность завершающего тезиса в том, что нет ни малейшей корреляции между темпами роста коренного населения и миграционным притоком. Территории притягательны для мигрантов не потому, что слабо заселены, а потому что страны, в которых они расположены, имеют более высокий уровень жизни. То, что Беларусь, несмотря на невысокую плотность населения, не входит в число стран, притягивающих внешних мигрантов, объясняется уровнем развития производства и соответствующим ему уровнем жизни населения. Таким образом, невозможно привести ни одного убедительного аргумента в пользу стимулирования роста населения.

Существующий в настоящее время суженный тип воспроизводства человеческих ресурсов Беларуси и России характерен для большинства развитых стран мира, и бороться с ним сложно, а скорее всего невозможно. Гораздо важнее обеспечить достойную жизнь наших соотечественников, даже если их станет не 9, а 5 млн, чем увеличить численность населения страны до 10–15 млн, проживающих в нищете.

Список литературы

1. Денежные доходы в расчете на душу населения // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/uroven-zhizni-naseleniya/denezhnye-dokhody-naseleniya/godovye-dannye (дата обращения: 29.05.2020).
2. На первенца — больше 7000 рублей. Какую сумму пособий в год получает семья при рождении ребенка. URL: https://finance.tut.by/news621587.htm (дата обращения: 29.05.2020).
3. Основные демографические показатели по всем странам мира в 2018 году // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/app/world2018_1.php (дата обращения: 29.01.2020).
4. Суммарный коэффициент рождаемости. Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=128413 (дата обращения: 29.01.2020).

5. World Development Indicators 2007. — Washington: The World Bank, 2007. — 402 p.
6. World Development Indicators 2012. — Washington: The World Bank, 2012. — 458 p.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Denezhnye dohody v raschete na dushu naselenija // Nacional'nyj statisticheskij komitet Respubliki Belarus'. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/uroven-zhizni-naseleniya/denezhnye-dokhody-naseleniya/godovye-dannye (data obrashhenija: 29.05.2020).
2. Na pervenca — bol'she 7000 rublej. Kakuju summu posobij v god poluchaet sem'ja pri rozhdenii rebenka. URL: https://finance.tut.by/news621587.htm (data obrashhenija: 29.05.2020).
3. Osnovnye demograficheskie pokazateli po vsem stranam mira v 2018 godu // Demoskop Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/app/world2018_1.php (data obrashhenija: 29.01.2020).
4. Summarnyj kojefficient rozhdaemosti. Interaktivnaja informacionno-analiticheskaja sistema rasprostranenija oficial'noj statisticheskoj informacii/ Nacional'nyj statisticheskij komitet Respubliki Belarus'. URL: http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=128413 (data obrashhenija: 29.01.2020).

ЗОТОВА Елена Александровна
к.э.н., ведущий советник,
Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия.
E-mail: eazotova@gmail.com

ВОПРОСЫ ДЕМОГРАФИИ В ПОВЕСТКЕ СТРАН «ГРУППЫ ДВАДЦАТИ»

Ключевые слова: «Группа двадцати», демографическое развитие, гендерное равенство, старение населения.

Коды JEL: F02, J11, J18

«Группа двадцати» [G20..., 2020] является одной из самых масштабных международных площадок, где представители стран обсуждают актуальные вопросы мирового экономического развития, обмениваются опытом и принимают решения и рекомендации по различным направлениям.

Возникшая как инструмент координации финансовых рынков, «Группа двадцати» значительно переросла только финансовую тематику, и в рам-

ках сформированного так называемого «трека шерпы» страны рассматривают вопросы устойчивого развития, продовольственной безопасности, образования, рынков труда и занятости, цифровой экономики, энергетики, торговли и т.д.

«Группа двадцати», сформированная из представителей правительств стран-участниц и приглашенных стран тесно сотрудничает и взаимодействует с другими объединениями, в число которых входит «Бизнес-двадцатка», объединяющая представителей бизнеса, «Профсоюзная двадцатка», объединяющая представителей профсоюзных организаций, «Гражданская двадцатка», объединяющая представителей гражданского общества, «Молодежная двадцатка», объединяющая представителей молодежи, и «Женская двадцатка», объединяющая представителей женских движений. Указанные группы организованы аналогично «Группе двадцати» и разбиты на ряд рабочих групп по основным направлениям взаимодействия. Их рекомендации и предложения передаются «Группе двадцати» и находят отражение в решениях «Большой двадцатки».

Вопросы развития народонаселения не выделяются странами «Группы двадцати» в самостоятельную тему. Их рассмотрение является основой работы по многим направлениям, прежде всего по таким, как развитие рынков труда и занятости, образование, здравоохранение и т.д.

Все страны «Группы двадцати» согласны с тем, что происходящие в мире демографические изменения, и прежде всего старение населения, наблюдаемое в большинстве стран двадцатки, являются тем мегатрендом, который наряду с технологической революцией, цифровизацией и глобализацией определяет перспективы мирового экономического развития.

Вопреки мальтузианским опасениям, что растущее население земли может испытывать серьезный недостаток ресурсов, страны «Группы двадцати» полагают, что технологический прогресс позволяет с оптимизмом смотреть в будущее, а ценность каждого отдельного человека возрастает вне зависимости от численности населения. В основу политики развития народонаселения ими кладется принцип инклюзивности, который определяет необходимость осуществления мер, направленных на обеспечение полного и всестороннего развития человека и обеспечения защиты прав и свобод каждой личности.

Особое внимание в этой связи страны «Группы двадцати» уделяют вопросам гендерного равенства и улучшения положения женщин и девочек. Рассматриваются такие аспекты, как равенство в доступе к здравоохранению, образованию, равенство возможностей занятости. Широко обсуждаются, в частности, меры, которые могли бы изменить определенное еще Адамом Смитом соотношение заработка мужчин и женщин.

В последние годы предметом обсуждения стран «Группы двадцати» стали и вопросы предотвращения насилия в отношении женщин, в том числе на рабочих местах.

Отдельной темой 2019 г. (Японское председательство) стало старение населения и связанная с ним необходимость развития «экономики ухода» за нуждающимися в нем.

В 2020 г. Саудовское председательство обратило внимание на вопросы развития молодежи, в том числе доступность и охват образования, создание условий для перехода от обучения на рынок труда. Страны «Группы двадцати», которые ранее, говоря о молодежи, относили к этой демографической группе лиц в возрасте 15–24 лет, договорились о том, что в дальнейшем будут включать в эту группу лиц в возрасте 15–29. Страны мотивировали свое решение увеличением продолжительности жизни и ростом числа лет, которые тратятся на получение первоначального образования. При этом отмечалось, что происходящие на рынке труда изменения требуют непрерывного образования в течение всей жизни, поскольку только оно может гарантировать возможности занятости и самореализации и развития личности каждого.

2020 г. внес серьезные изменения в жизнь мирового сообщества. По состоянию на начало сентября, в мире было зафиксировано около 28 млн случаев заболевания COVID-19 и 900 тыс. смертей (77% в странах «Группы двадцати») от этого вируса. Глобальная пандемия COVID-19 поставила на первое место задачу спасения жизней населения, что привело к принятию беспрецедентных мер во всех сферах. Страны ввели ограничение мобильности населения. По оценке ОЭСР [Tackling..., 2020], мобильность населения сократилась на 30–70%. Кризис, вызванный COVID-19, еще далек от завершения. По оценке МОТ, в первом квартале 2020 г. было потеряно 5,4% рабочих часов в мире, что эквивалентно 155 млн рабочих мест с полной занятостью. Во втором квартале 2020 г. эта цифра эквивалентна примерно 400 млн.

Таблица 1

Прогнозируемое сокращение количества часов и занятости в период с четвертого квартала 2019 по второй квартал 2020 г.

	Потеря рабочих мест, эквивалентная в полной занятости, млн		**Общие потери оплачиваемых рабочих часов, %**
	В условиях 40-часовой рабочей недели	В условиях 48-часовой рабочей недели	14%
Страны «Группы двадцати»	320	265	14,2%
Страны «Группы двадцати»: развитые экономики Advanced economies	70	55	13,9%
Страны «Группы двадцати»: развивающиеся экономики	250	210	

Источник: ILO Monitor: COVID-19 and the world of work.

На саммите лидеров «Группы двадцати» в 2020 г. этим вопросам также предполагается уделить значительное внимание.

Список литературы

1. G20. Saudi Arabia. 2020 // G20. URL: https://g20.org/en/Pages/home.aspx
2. ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. Fifth edition// ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/documents/briefingnote/wcms_749399.pdf
3. Tackling coronavirus (COVID-19) // OECD. URL: https://www.oecd.org/coronavirus/en/

КИТОВА Анастасия Львовна
аспирант,
факультет государственного управления
МГУ имени М. В. Ломоносова,
кафедра политического анализа,
Москва, Россия.
E-mail: kitovaal@spa.msu.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ЗДРАВООХРАНЕНИЕ»: ОСОБЕННОСТИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ «БОРЬБА С СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ» И «РАЗВИТИЕ ЭКСПОРТА МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ»

Ключевые слова: национальный проект, смертность от сердечно-сосудистых заболеваний.

Коды JEL: I15, L18

Создание благоприятных социально-экономических условий для развития человеческого потенциала и высокого уровня качества жизни населения является одной из первоочередных задач для управленцев территориально-административных единиц. Невзирая на масштаб охватываемого управления, будь то наднациональные организации, государства, субъекты, муниципальные образования, взаимодействуя с гражданским обществом, они должны стремиться создавать наиболее благоприятные условия для всех групп населения. Организация системы здравоохранения территории традиционно является одной из важнейших частей со-

циально-экономической политики и оказывает непосредственное влияние на развитие человеческого потенциала и качества жизни населения. В связи с разделяемыми всеми членами современного общества ценностями социальной ответственности сфера общественного здравоохранения не может быть регулируема исключительно рыночными силами, законом спроса и предложения и иной капиталистической направленностью. Медицинская помощь должна быть доступна всем членам общества, вне зависимости от того, обладают ли они способностью заплатить за нее. На организацию системы здравоохранения оказывают влияние экономические, политические, социальные и технологические, информационно-коммуникационные, организационные и иные факторы. Задачей органов государственного управления в процессе регулирования данной области является использование всех возможностей расширять знания и навыки, чтобы избегать трансакционных издержек, эффективно использовать существующие ресурсы, применять положительный эмпирический опыт, в том числе зарубежный, эффективно управлять информационными потоками и др.

Здравоохранение имеет характеристику отрасли социальной сферы экономики и именно в данном смысле выступает предметом изучения. К основным принципам охраны здоровья относятся: соблюдение прав человека и гражданина, доступность медицинской помощи, приоритет профилактических мер в области охраны здоровья граждан, социальная защищенность граждан в случае утраты здоровья, ответственность органов государственного и муниципального управления, организаций и учреждений за обеспечение прав граждан в области охраны здоровья [Решетников и др., 2017, с. 11].

Президент Владимир Путин 7 мая 2018 г. подписал указ о национальных целях развития России до 2024 г. В соответствии с целями были разработаны 12 национальных проектов. Национальный проект «Здравоохранение» направлен на естественный рост численности населения России, повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2024 г. и до 80 лет к 2030 г. и включает в себя ряд целевых показателей:

- снижение смертности населения трудоспособного возраста (до 350 случаев на 100 тыс. населения);
- снижение смертности от болезней системы кровообращения (до 450 случаев на 100 тыс. населения):
- снижение смертности от новообразований, в том числе от злокачественных (до 185 случаев на 100 тыс. населения);
- снижение младенческой смертности (до 4,5 случая на 1 тыс. родившихся детей) и др.

Рассмотрим более подробно два федеральных проекта, входящих в состав национального проекта «Здравоохранение»: «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями» и «Развитие экспорта медицинских услуг».

Одну из самых серьезных угроз для здоровья человечества представляет собой растущее бремя неинфекционных заболеваний, в большой степени обусловленное БСК (болезни системы кровообращения). В России большое значение в сложившейся ситуации с крайне высоким уровнем заболеваемости и смертности от БСК оказывают высокая распространенность факторов риска сердечно-сосудистой патологии и отсутствие комплексного междисциплинарного подхода к борьбе с факторами риска [Шальнова и др., 2012, с. 7].

Высокая смертность от болезней системы кровообращения обуславливает существенный экономический ущерб, который в 2008–2009 гг. превысил 1 трлн руб. и составил 3,2% от ВВП страны [Концевая и др., 2018, с. 156].

Основными причинами смертности от БСК в России являются ишемическая болезнь сердца и цереброваскулярная болезнь: в 2016 г. — 481,8 и 279,8 тыс. человек соответственно.

Смертность от болезней системы кровообращения является основной и главной причиной смертности во всех развитых странах. Учитывая тот факт, что смертность от данной причины в России начала снижаться в последние годы, на сегодняшний день этот уровень остается катастрофически высоким: в 2018 г. показатель смертности от болезней системы кровообращения составил 856 127 человек (рис. 1).

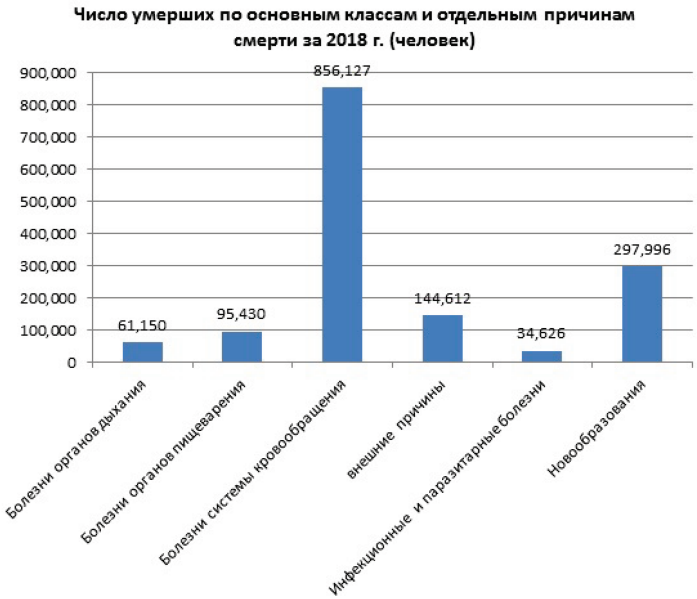

Рис. 1. Число умерших по основным классам и отдельным причинам смерти за 2018 г.

Принимая во внимание тот факт, что смертность от БСК в России очень высока, можно сделать вывод, что финансирование данного направления, а именно сумма, выделенная на федеральный проект «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями», является недостаточной (рис. 2) для решения существующих проблем. Так, к примеру, на федеральный проект «Создание единого цифрового контура» планируется потратить почти в 2,5 раза больше средств — 177,7 млрд руб., чем на проект « Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями» — 75,2 млрд руб. Следует отметить, что для эффективной борьбы с сердечно-сосудистыми заболеваниями необходимо пересмотреть финансирование федерального проекта.

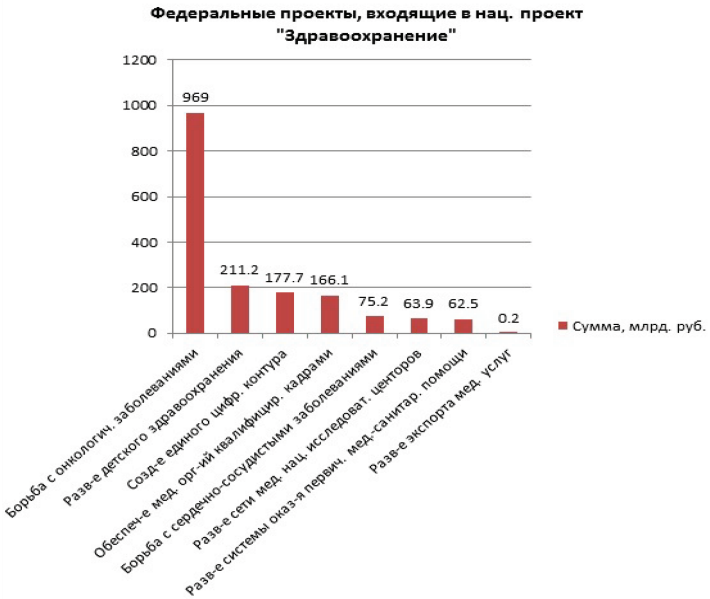

Рис. 2. Федеральные проекты, входящие в нацпроект «Здравоохранение»

В целом, учитывая существующие на сегодняшний день проблемы в отрасли и ориентируясь на положительный эмпирический опыт развитых государств в вопросах организации здравоохранения, можно отметить, что финансирование здравоохранения в России является недостаточным, а точнее, осуществляется по остаточному принципу. Однако всегда важно учитывать, что финансирование здравоохранения — это не затраты в классическом понимании, а инвестиции в человеческий потенциал, которые окупаются в виде здорового населения, высокой производительности труда, экономического роста и укрепления всеобщего благосостояния.

На графике 3 представлен рейтинг стран, созданный Организацией экономического сотрудничества и развития, который характеризует затраты на здравоохранение в 2015–2018 гг. Было учтено финансирование здравоохранения за счет государственных расходов и обязательного медицинского страхования («государственное/обязательное»), а также добровольное медицинское страхование и частные фонды, такие как платежи домохозяйств из собственных средств («добровольное»). Этот показатель представлен как общий, так и по типам финансирования («государственное/обязательное», «добровольное», «из собственных средств») и измеряется как доля ВВП в процентах. Российская Федерация на данном графике находится среди стран, имеющих наименьшие затраты на здравоохранение. Так, в структуре общих расходов страны на здравоохранение, составляющих 5,3% от ВВП, государственные расходы составляют 3% от ВВП, добровольное страхование — 2,3% (в том числе 2,1% — собственные средства граждан).

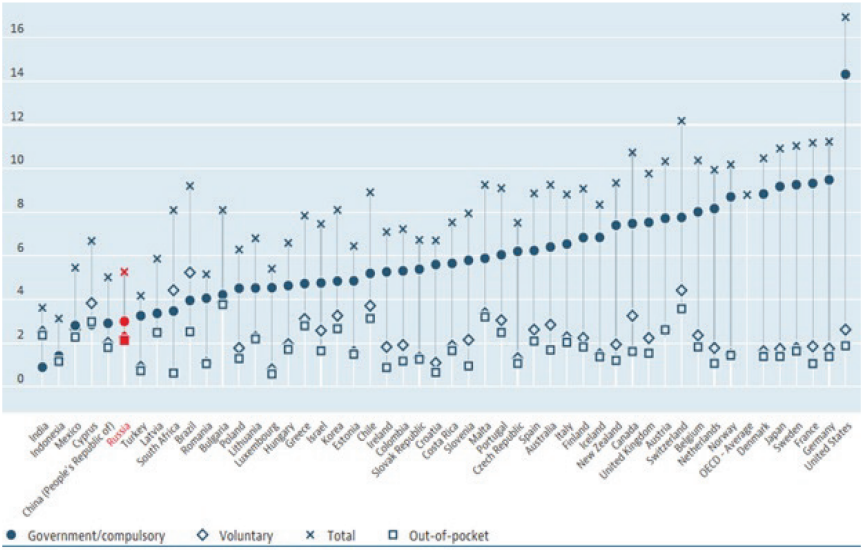

Рис. 3. Затраты стран на здравоохранение

Страны, признанные Всемирной организацией здравоохранения как лучшие с точки зрения организации медицинской помощи населению, уделяют более значительную часть своего бюджета вопросам здравоохранения. Конечно, большое значение имеет и сам способ организации отрасли, будь то государственная модель, обязательное или добровольное страхование.

Увеличение ВВП на душу населения выше определенного порогового уровня не всегда приводит к снижению смертности, если при этом не происходит качественных изменений в системе здравоохранения. Примером являются США — страна, обладающая высоким уровнем ВВП на душу населения и существенными расходами на систему здравоохранения, имеет показатели продолжительности жизни и смертности населения ниже, чем Япония и некоторые европейские страны, в которых затраты значительно ниже [Шальнова и др., 2012, с. 9].

Более подробно рассмотрим также федеральный проект «Развитие экспорта медицинских услуг». Проект направлен на создание и развитие на территории Российской Федерации механизмов и условий, обеспечивающих рост экспорта медицинских технологий. Единственная задача данного проекта — «совершенствование механизма экспорта медицинских услуг» — включает в себя ряд предполагаемых результатов. Так, к 1 февраля 2020 г. должны были быть достигнуты следующие результаты:

- разработана программа коммуникационных мероприятий по повышению уровня информированности иностранных граждан о медицинских услугах, оказываемых на территории Российской Федерации на период 2019–2024 гг;
- создан и функционирует координирующий центр по вопросам экспорта медицинских услуг;
- реализована программа коммуникационных мероприятий по повышению уровня информированности иностранных граждан о медицинских услугах, оказываемых на территории Российской Федерации за 2019 г.;
- разработана система мониторинга статистических данных медицинских организаций по объему оказания медицинских услуг иностранным гражданам, в том числе в финансовом выражении, включая методику расчета показателей.

В ходе реализации проекта предполагается усиление позитивного имиджа российского здравоохранения на международном рынке, а также привлечение дополнительных инвестиций в отрасль. Однако при анализе презентаций субъектов РФ по развитию экспорта медицинских услуг, расположенных на сайте Министерства здравоохранения, разработанных с целью привлечь иностранных граждан к медицинскому туризму в России и показать все преимущества лечения в российских медучреждениях, может сложиться противоположное впечатление. Большинство презентаций сделаны по единому шаблону в темных тонах, в них отсутствуют какие-либо элементы региональной идентичности, преимущества медицины региона, культурные, природные, рекреационные особенности (рис. 1 и 2). При помощи такого рода рекламы, и в частности дизайна презентаций, привлечь иностранных граждан к медицинскому туризму становится крайне непростой задачей.

Рис. 4. Презентации субъектов Российской Федерации по развитию экспорта медицинских услуг (английская версия)

Лишь небольшая часть презентаций регионов (например, Москва, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Республика Тыва, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Челябинская область) выглядят ярко и представительно, отражают культурные и природные особенности регионов и соответствуют современным представлениям о туризме. Для дальнейшего использования данного инструмента рекламы департаментам здравоохранения регионов необходимо в корне изменить существующий, скорее отталкивающий дизайн и, применяя современные маркетинговые и инновационные методы, разработать уникальные презентации для каждого субъекта.

Таким образом, следует отметить, что важно вносить своевременные поправки в федеральные проекты национального проекта «Здравоохранение», учитывать демографические характеристики и уделять больше внимания острой проблеме смертности населения от болезней системы кровообращения, а также применять современные технологии для привлечения иностранных туристов. Улучшение состояния здоровья населения требует учета большого количества различных факторов и в целом является непростой задачей. Меры, направленные на повышение уровня здоровья и качества жизни населения, должны носить комплексный характер и затрагивать другие сектора экономики.

Список литературы

1. Здравоохранение в России. 2017: стат. сб. / Росстат. — М., 2017. — 170 с.
2. *Концевая А. В., Драпкина О. М., Баланова Ю. А., Имаева А. Э, Суворова Е. И., Худяков М. Б.* Экономический ущерб от сердечно-сосудистых заболеваний в Российской Федерации в 2016 году // Рациональная Фармакотерапия в Кардиологии. — 2018. — № 14 (2). — С. 156–166.
3. Паспорт национального проекта «Здравоохранение» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16).
4. Презентации субъектов Российской Федерации по развитию экспорта медицинских услуг (английская версия). URL: https://www.rosminzdrav.ru/

poleznye-resursy/natsproektzdravoohranenie/medturizm/prezentatsii-sub-ektov-rossiyskoy-federatsii-po-razvitiyu-eksporta-meditsinskih-uslug-russka.ya-versiya
5. *Решетников А. В., Шамшурина Н. Г., Шамшурин В. И.* Экономика и управление в здравоохранении: учебник и практикум для вузов. — М.: Юрайт, 2017.
6. Федеральные проекты, входящие в нацпроект «Здравоохранение». URL: https://phototass3.cdnvideo.ru/futurerussia/uploads/20190920/20190920202745_5d850c11ec332.pdf
7. Число умерших по основным классам и отдельным причинам смерти за 2018 г. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31620#
8. *Шальнова С. А., Конради А. О., Карпов Ю. А., Концевая А. В., Деев А. Д., Капустина А. В., Худяков М. Б., Шляхто Е. В., Бойцов С. А.* Анализ смертности от сердечно-сосудистых заболеваний в 12 регионах Российской Федерации, участвующих в исследовании «Эпидемиология сердечно-сосудистых заболеваний в различных регионах России» // Российский кардиологический журнал. — 2012. — № 5 (97). — С. 6–11.
9. OECD Data: Health spending. URL: https://data.oecd.org/healthres/health-spending.htm#indicator-chart

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Zdravoohranenie v Rossii. 2017: stat. sb. / Rosstat. — M., 2017. — 170 s.
2. *Koncevaja A. V., Drapkina O. M., Balanova Ju. A., Imaeva A. Je, Suvorova E. I., Hudjakov M. B.* Jekonomicheskij ushherb ot serdechno-sosudistyh zabolevanij v Rossijskoj Federacii v 2016 godu // Racional'naja Farmakoterapija v Kardiologii. — 2018. — № 14 (2). — S. 156–166.
3. Pasport nacional'nogo proekta «Zdravoohranenie» (utv. prezidiumom Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po strategicheskomu razvitiju i nacional'nym proektam, protokol ot 24 dekabrja 2018 g. № 16).
4. Prezentacii sub#ektov Rossijskoj Federacii po razvitiju jeksporta medicinskih uslug (anglijskaja versija). URL: https://www.rosminzdrav.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravoohranenie/medturizm/prezentatsii-sub-ektov-rossiyskoy-federatsii-po-razvitiyu-eksporta-meditsinskih-uslug-russka.ya-versiya
5. *Reshetnikov A. V., Shamshurina N. G., Shamshurin V. I.* Jekonomika i upravlenie v zdravoohranenii: uchebnik i praktikum dlja vuzov. — M.: Jurajt, 2017.
6. Federal'nye proekty, vhodjashhie v nac. Proekt «Zdravoohranenie. URL: https://phototass3.cdnvideo.ru/futurerussia/uploads/20190920/20190920202745_5d850c11ec332.pdf
7. Chislo umershih po osnovnym klassam i otdel'nym prichinam smerti za 2018 g. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31620#
8. *Shal'nova S. A., Konradi A. O., Karpov Ju. A., Koncevaja A. V., Deev A. D., Kapustina A. V., Hudjakov M. B., Shljahto E. V., Bojcov S. A.* Analiz smertnosti ot serdechno-sosudistyh zabolevanij v 12 regionah Rossijskoj Federacii, uchastvujushhih v issledovanii «Jepidemiologija serdechno-sosudistyh zabolevanij v razlichnyh regionah Rossii» // Rossijskij kardiologicheskij zhurnal. — 2012. — № 5 (97). — S. 6–11.

МОТРИЧ Екатерина Леонидовна
д.э.н.,
ведущий научный сотрудник
Института экономических исследований ДВО РАН,
Хабаровск, Россия.
E-mail: motrich@ecrin.ru

ПРОБЛЕМЫ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ ВОСТОКА РОССИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Ключевые слова: Дальний Восток, проблемы народонаселения, естественное движение населения, миграция, демографическая ситуация.

Коды JEL: J10, J11

Население Дальнего Востока России[1] в настоящее время стремительно сокращается. Происходит уменьшение численности населения в трудоспособном возрасте, что представляет собой серьезные риски для выполнения программ по его ускоренному социально-экономическому развитию. Характер естественного воспроизводства населения и миграционных процессов в регионе не отвечает экономическим и политическим интересам дальневосточной территории и страны в целом.

Естественный прирост населения на Дальнем Востоке России многие годы играл существенную роль в увеличении его численности. Но воздействие данного источника на динамику населения в постсоветский период стало отрицательным за исключением периода 2012–2016 гг. В 2012 г. был зарегистрирован минимальный положительный естественный прирост на Дальнем Востоке (5,5 тыс. человек), когда коэффициент рождаемости достиг 14,0‰, а коэффициент смертности составил 13,1‰ [Демографический ежегодник, 2013, с. 76]. Несмотря на незначительную разницу этих показателей, появилась некоторая надежда на рост естественного воспроизводства населения в регионе. Однако изменение характера естественного движения оказалось кратковременным. Уже в 2016 г. коэффициент естественного прироста практически вернулся к уровню 2012 г.: 0,89‰ в 2012 г. и 0,88‰ в 2016 г. Коэффициент рождаемости в регионе в 2018 г. (10,9‰) не достигал даже того низкого уровня (менее 16,0‰), при котором невозможно возобновление поколений [Демографический энциклопедический словарь, 1985, с. 209]. При этом коэффициент смертности оставался высоким (12,4‰ в 2018 г.). В 2019 г. коэффициент естественного прироста населения на Дальнем Востоке продолжил свое минусовое зна-

[1] В границах на начало 2018 г.

чение и составил –0,9‰ [Росстат, 2020b]. Смертность практически во всех дальневосточных субъектах, кроме Республики Саха (Якутия) и Чукотского АО, устойчиво превышает рождаемость. Разница между количеством родившихся и умерших в 2019 г. составила 9987 человек, т.е. умерло на 6,6% больше, чем родилось. Лидерство по показателю смертности за Приморским краем, в котором в 2019 г. умерло на 7,5 тыс. больше, чем родилось (41,1%). За Приморьем следует Хабаровский край, где за 2019 г. превышение смертности над числом родившихся составило соответственно 3,2 тыс. человек — 12,2% [Естественный прирост..., 2020]. Заметим, что в первые четыре месяца 2020 г. относительно такого же периода 2019 г. процентное соотношение числа умерших к числу рожденных пусть незначительно, но увеличилось: за январь-апрель 2020 г. это соотношение было 23,3% а за такой же период 2019 г. — 23,17% [Росстат, 2020b].

Безусловно, если мероприятия, озвученные Президентом В. В. Путиным в послании 2020 г., ориентированные на улучшение демографической ситуации и прежде всего в плане естественного движения населения, будут успешно реализованы, то ситуация должна измениться. Но пока, по имеющимся прогнозам, на 2025 г., коэффициент естественного прироста даже по высокому варианту всего 0,9‰ при предполагаемом коэффициенте рождаемости 11,1‰ и коэффициенте смертности 10,2‰. Однако при современной сложившейся ситуации вполне вероятен низкий вариант прогноза, предполагающий коэффициент рождаемости 9,6‰, коэффициент смертности 13,1‰ и отрицательный коэффициент естественного прироста –3,5‰ [Росстат, 2020a].

Дальний Восток отстает от среднероссийского показателя продолжительности жизни. Если в РФ в целом ожидаемая продолжительность жизни в 2018 г. составляла 72,91 года, то в субъектах Дальневосточного региона этот показатель находился в диапазоне от 63,58 в Чукотском автономном круге до 70,48 лет в Приморье. Только в Республике Саха (Якутия) она достигает 72,72 года [Демографический ежегодник России, 2019]. Расчеты показывают, что отставание Дальневосточного региона по продолжительности жизни будет продолжено и в ближайшей перспективе. Если в Российской Федерации даже по низкому варианту прогноза предполагается продолжительность жизни в 2025 г. 74 года, то в Дальневосточном регионе — 71,3 года, по среднему варианту соответственно 75,3 и 72,4 года, высокому варианту 78,4 и 75,1 года [Росстат, 2020a].

Сокращения численности населения в Дальневосточном регионе при сохранении естественной убыли можно избежать путем формирования положительного миграционного сальдо, которое к тому же должно быть не ниже или хотя бы равно естественной убыли. Это аксиома. Однако миграция на Дальнем Востоке не является компенсирующим источником естественной убыли населения. Ежегодно округ покидает больше

мигрантов, чем прибывает. Неутешительны данные и за 2019 г. Объем миграции (сумма прибывших и выбывших) в рамках межрегиональной и внешней миграции в 2019 г. составил 270,5 тыс. человек. Это всего на 1,6% меньше, чем в 2018 г. (275,0 тыс. человек). Но при этом в рамках межрегиональной миграции число прибывших на Дальний Восток уменьшилось в 2019 г. относительно 2018 г. на 6%. За 2019 г. территорию Дальнего Востока в межрегиональных потоках и внешней миграции (со странами СНГ и дальним зарубежьем) покинуло 138,3 тыс. человек [Росстат, 2019; Росстат, 2020с].

Все субъекты Дальнего Востока (за исключением Чукотского АО) имеют отрицательное сальдо миграции во взаимодействии с регионами России. В перспективе перераспределение населения из российских регионов в пользу восточных районов будет крайне затруднительно, поскольку в России в целом складывается напряженность с трудовыми ресурсами.

В отличие от межрегиональной миграции российский Дальний Восток имеет положительное миграционное сальдо внешней миграции (со странами СНГ и дальнего зарубежья). В этих миграционных потоках в последние годы происходит увеличение как числа прибывших, так и выбывших. В 2019 г. относительно 2018 г. рост числа прибывших в Дальневосточный регион в этих потоках составил 30,1%, выбывших — 5,4%. В результате внешние потоки в миграционном партнерстве с Дальним Востоком дали положительный эффект 13,0 тыс. человек, в том числе страны СНГ 11,1 тыс. человек, страны дальнего зарубежья 1,9 тыс. человек [Росстат, 2020с]. Однако нельзя исключать, что в перспективе миграционное взаимодействие Дальнего Востока со странами СНГ может иметь тенденцию к понижению, поскольку этот поток в 2018 г. был ниже показателя 2017 г. на 13,3%. Миграционный поток из стран дальнего зарубежья в 2018 г. для российского Дальнего Востока был с отрицательным эффектом относительно 2017 г. больше в 6,2 раза.

Исходя из сложившихся тенденций в миграционных процессах, ориентированных на российский Дальний Восток, отрицательное сальдо миграции может составить в 2025 г. по низкому варианту прогноза –12,9 тыс. человек, по среднему варианту прогноза — 7,0 тыс. человек [Росстат, 2020а].

На российском Дальнем Востоке в условиях неравенства по уровню и качеству жизни в сравнении с общероссийскими показателями и сложившейся демографической и миграционной ситуацией динамика численности населения останется устойчиво отрицательной; сохранятся риски для достижения численности населения 6,5 млн к 2025 г., предусмотренной принятой в июне 2017 г. Концепцией демографического развития Дальнего Востока до 2025 г. [Правительство Российской Федерации, 2017].

Список литературы

1. Демографический ежегодник России 2013: стат. сб. / Росстат. — М., 2013. — 543 с. URL: https://www.gks.ru/free_doc/2014/demo/edn12-14.htm
2. Демографический ежегодник России 2019: стат. сб. / Росстат. — М., 2019. — 252 с. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B19_16/Main.htm
3. Демографический энциклопедический словарь / редколл.: Валентей Д. И. (гл. ред.) и др. — М.: Советская энциклопедия, 1985. — 608 с.
4. Естественный прирост населения субъектов Российской Федерации, 2020. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Естественный_ прирост_ населения субъектов_ Российской Федерации
5. Правительство Российской Федерации. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Распоряжение от 20 июня 2017 г. № 1298-р. — М., 2017.
6. Росстат. Общие итоги миграции населения по субъектам Российской Федерации в 2018 г., 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B19_16/Main.htm
7. Росстат. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 г., 2020(a). URL: https://www.gks.ru/compendium/document/13285
8. Росстат. Сведения о числе родившихся, умерших, браков и разводов за январь — апрель 2020 года, 2020 (b). URL: https://www.gks.ru/folder/12781
9. Росстат. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2019 г., 2020 (c). URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Demograficheskij ezhegodnik Rossii 2013: stat. sb. / Rosstat. — M., 2013. — 543 s. URL: https://www.gks.ru/free_doc/2014/demo/edn12-14.htm
2. Demograficheskij ezhegodnik Rossii 2019: stat. sb. / Rosstat. — M., 2019. — 252 s. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B19_16/Main.htm
3. Demograficheskij jenciklopedicheskij slovar' / redkoll.: Valentej D. I. (gl. red.) i dr. — M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1985. — 608 s.
4. Estestvennyj prirost naselenija sub#ektov Rossijskoj Federacii, 2020. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Estestvennyj_ prirost_ naselenija sub#ektov_ Rossijskoj Federacii
5. Pravitel'stvo Rossijskoj Federacii. Koncepcija demograficheskoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda. Rasporjazhenie ot 20 ijunja 2017 g. № 1298-r. — M., 2017.
6. Rosstat. Obshhie itogi migracii naselenija po sub#ektam Rossijskoj Federacii v 2018 g., 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B19_16/Main.htm
7. Rosstat. Predpolozhitel'naja chislennost' naselenija Rossijskoj Federacii do 2035 g., 2020(a). URL: https://www.gks.ru/compendium/document/13285
8. Rosstat. Svedenija o chisle rodivshihsja, umershih, brakov i razvodov za janvar' — aprel' 2020 goda, 2020 (b). URL: https://www.gks.ru/folder/12781
9. Rosstat. Chislennost' i migracija naselenija Rossijskoj Federacii v 2019 g., 2020 (c). URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm

ПРИВАЛОВА Наталия Николаевна
к.э.н., доцент,
заведующая отделом демографических прогнозов и занятости населения
Научно-исследовательского экономического института Минэкономики РБ,
Минск, Беларусь.
E-mail: privalova2006@mail.ru

НОВАЯ ПАРАДИГМА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ ДО 2035 г.

Ключевые слова: демографическая ситуация, рождаемость, смертность, миграция, демографическая политика.

Коды JEL: J10, J11

Важнейшей составляющей устойчивого социально-экономического развития Беларуси является улучшение демографической ситуации, в первую очередь режима воспроизводства населения. В демографическом развитии республики в 1991–2019 гг. можно выделить несколько периодов. Первый (1991–2010 гг.) — характеризуется негативными тенденциями демовоспроизводственных процессов, обусловившими устойчивое сокращение численности населения страны, которая уменьшилась за этот период почти на 7,0% и составила в 2010 г. 9490,6 тыс. человек (рис. 1). Определяющим фактором этого процесса выступала естественная убыль населения. В 2010 г. число умерших в целом по республике превысило родившихся в 1,3 раза.

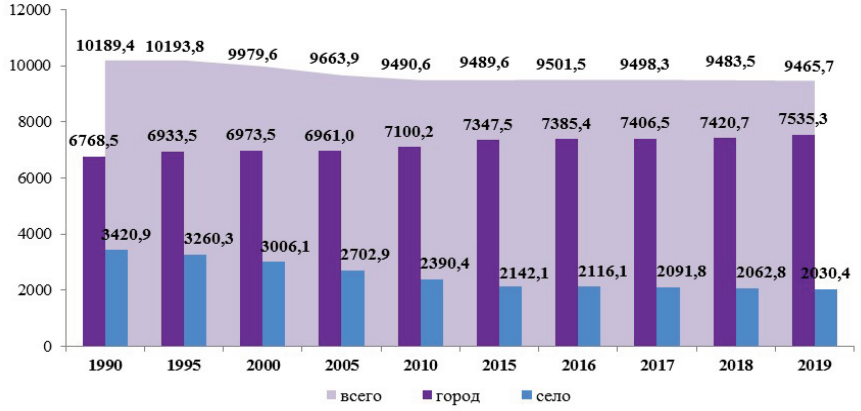

Рис. 1. Динамика среднегодовой численности населения Республики Беларусь

В 2011–2015 гг. в республике наблюдалась положительная динамика демовоспроизводственных процессов. В результате принятых мер по усилению материальной поддержки семей с детьми наряду с благоприятными демографическими факторами наметилась устойчивая тенденция роста рождаемости. За этот период число рождений увеличилось до 119,0 тыс., более половины из которых — это вторые и последующие дети (рис. 2). Общий коэффициент рождаемости вырос с 11,4 ‰ в 2010 г. до 12,5 ‰ в 2015 г. Кроме того, общий коэффициент смертности сократился на 1,7 промильного пункта и составил 12,5‰. В результате среднегодовая численность населения за этот период увеличилась на 16,4 тыс. (0,3%) и составила 9489,6 тыс. человек.

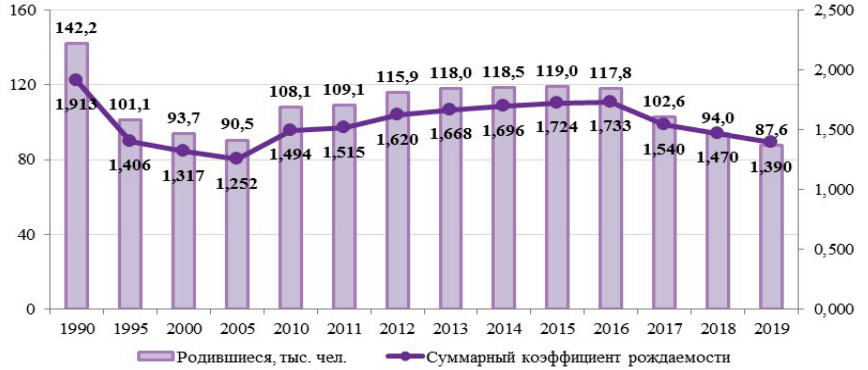

Рис. 2. Динамика числа рождений
и суммарного коэффициента рождаемости Беларуси

Вместе с тем начиная с 2017 г. демографическая ситуация в Беларуси становится сложной и определяется рядом ключевых проблем: снижением рождаемости и ростом смертности населения. В 2019 г. усилилась тенденция сокращения числа родившихся, которое по сравнению с предыдущим годом снизилось на 6,8% и составило 87,6 тыс. Общий коэффициент рождаемости сократился практически до уровня 2000 г. — 9,3‰. За 2017–2019 гг. суммарный коэффициент рождаемости снизился почти на 20% и составил в 2019 г. 1,39 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста. Естественная убыль населения по сравнению с 2017 г. увеличилась почти в 2 раза и достигла 32,9 тыс. человек. В результате численность населения республики сократилась за 2019 г. на 19,0 тыс. и составила на начало 2020 г. 9456,2 тыс. человек.

В анализируемом периоде в Беларуси наблюдаются замедление темпов снижения абсолютного числа смертей и начиная с 2018 г. рост числа умерших, которое увеличилось в 2019 г. на 0,3% и составило 120,5 тыс.

человек. В результате общий коэффициент смертности вырос на 0,1 промильного пункта и достиг 12,8 ‰ (рис. 3).

Рис. 3. Динамика числа умерших (тыс. чел.) и годовые темпы их изменения в Беларуси в 2001–2019 гг.

Как показывают расчеты, в перспективе ожидается сокращение численности населения республики вследствие естественной убыли. При этом положительный миграционный прирост будет выступать сдерживающим фактором снижения численности населения. По прогнозу, сокращение численности населения будет наблюдаться во всех регионах, за исключением г. Минска и Минской области, население которых будет увеличиваться, хотя и более медленными темпами. Особенно высокими темпами будет уменьшаться население в сельской местности. В перспективе усилится процесс старения населения как в целом по республике, так и в городской местности.

В стратегии устойчивого развития Беларуси до 2035 г. главной целью в области народонаселения является создание предпосылок для укрепления демографического потенциала страны на основе улучшения условий жизнедеятельности семей с детьми и сохранения семейных ценностей, укрепления здоровья населения и формирования здорового образа жизни, регулирования миграционных процессов. Для ее достижения предусматривается решение следующих задач:

1. Создание благоприятных условий для повышения рождаемости, всестороннего укрепления института семьи и традиционных семейных ценностей;
2. Увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни, сохранение и развитие потенциала здоровья на протяжении всего жизненного цикла;

3. Повышение эффективности миграционных потоков и рациональной их направленности исходя из потребностей и приоритетов регионального развития.

На первом этапе (2021–2025 гг.) приоритетом демографической политики выступает повышение рождаемости на основе создания дополнительных стимулов для рождения вторых и последующих детей.

Особое внимание будет уделено совершенствованию востребованных у населения мер социальной поддержки семей, воспитывающих детей. В этих целях предусматривается совершенствование системы социальной поддержки семей с детьми, включая выплату государственных пособий с акцентом на целевые группы семей (многодетные, семьи, воспитывающие детей-инвалидов, и др.); модернизация порядка и условий предоставления семейного капитала; расширение пенсионных гарантий многодетным матерям.

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь № 345 от 18 сентября 2019 г. программа семейного капитала продлевается на период с 1 января 2020 г. по 31 декабря 2024 г. Семьям предоставляется право досрочного использования средств семейного капитала на улучшение жилищных условий многодетных семей, состоящих на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий; получение услуг в сфере образования и получение платных медицинских услуг, оказываемых организациями здравоохранения.

В числе приоритетов остается обеспечение доступности различных видов жилья семьям, воспитывающим детей, особенно многодетным. К 2021 г. каждая многодетная семья должна быть обеспечена жильем в течение одного года с даты постановки на учет нуждающихся. Кроме того, семьи не будут терять право на льготные условия строительства жилья, если старшему ребенку исполнилось 18 лет. Планируется увеличение объемов строительства жилья с государственной поддержкой для семей, воспитывающих троих и более детей, арендного жилья и снижение его стоимости, реализация программы ипотечного жилья, в том числе для молодых семей.

Ключевой задачей остается повышение экономической активности семьи на основе баланса семейных и профессиональных обязанностей. Значимая роль в ее решении отводится содействию развитию женского предпринимательства, семейного бизнеса и самозанятости. Перспективными инструментами увеличения занятости женщин выступают центры переобучения и повышения квалификации женщин, имеющих трех и более детей и выходящих (или вновь устраивающихся) на работу после длительного перерыва в трудовой деятельности, связанного с нахождением в отпуске по уходу за ребенком в возрасте до трех лет. Акцент будет сделан на расширение практики использования нестандартных форм занятости,

развитие Е-занятости (дистанционная занятость, телетруд и др.) и других форм организации труда с использованием информационных технологий. Важная роль в решении этой задачи отводится развитию новых форм семейного отдыха, институциональных услуг по уходу за детьми (частные детские сады, сады на дому, услуг няни и др.).

Важное значение придается пропаганде семейного образа жизни как основы жизненного успеха. В этих целях планируется наполнение информационного пространства страны контентом, направленным на повышение престижа семейного благополучия, высокодуховных традиций семейного образа жизни, пропаганду позитивных примеров ответственного родительства. Особое внимание будет уделяться вовлечению общественных объединений, профсоюзов, бизнес-сообщества в деятельность по укреплению института семьи, их активизации в социальных сетях; проведению масштабных республиканских мероприятий по семейной тематике.

Важное значение придается стимулированию гендерного паритета в семейных отношениях, воспитании и развитии детей. Акцент будет сделан на расширение прав отцов на социальные гарантии в связи с воспитанием детей; развитие различных форм поощрения ответственного отцовства; пропаганду позитивных примеров равного вклада обоих родителей в гармоничное развитие ребенка.

Одной из главных задач является снижение смертности населения, обеспечение продолжительной и здоровой жизни. Особое внимание будет уделено укреплению репродуктивного здоровья населения и снижению смертности, прежде всего граждан трудоспособного возраста. Ее реализация будет обеспечена на основе дальнейшего развития здравоохранения, расширения доступа к вспомогательным репродуктивным технологиям; обеспечения гендерного равенства в отношении здоровья мужчин и женщин на протяжении всей жизни; стимулирования здорового образа жизни.

Задача по снижению смертности трудоспособных граждан и повышению их ожидаемой продолжительности здоровой жизни будет решаться посредством реализации комплекса мер по снижению преждевременной смертности по основным группам неинфекционных заболеваний, внешних причин, предотвращению и снижению доли инфицированных ВИЧ, распространению туберкулеза и других инфекций.

Продолжится работа по совершенствованию системы охраны здоровья матери и ребенка. Пристальное внимание будет уделено мерам по сокращению уровня предотвратимой заболеваемости, инвалидности и смертности среди детей и подростков. Одновременно предусматривается активизация усилий по обеспечению информационной безопасности детства на основе реализации программ обучения детей и подростков правилам безопасного поведения в интернет-пространстве, профилактики интернет-зависимости, предупреждения рисков вовлечения в противоправную деятельность.

Приоритетное внимание будет уделено регулированию миграционных процессов. Предусматривается разработка Концепции государственной миграционной политики, в которой найдут отражение дополнительные механизмы привлечения и эффективного использования иностранной рабочей силы, в том числе высококвалифицированных специалистов. Особое внимание будет уделено сокращению эмиграционного оттока из республики научно-технического, интеллектуального и творческого потенциала, особенно молодежи.

В рамках регулирования внутренней миграции акцент будет сделан на разработке экономических рычагов воздействия на миграционное поведение населения, способствующих замещению естественной убыли и уменьшению оттока специалистов из сельской местности и закреплению здесь молодых кадров.

На втором этапе (2026–2035 гг.) демографическая политика будет направлена на обеспечение долгой и здоровой жизни, максимально приближенной к уровню развитых европейских государств, создание условий для постепенного перехода к расширенному воспроизводству и высокой миграционной мобильности населения в интересах устойчивого развития.

Особое внимание будет уделено реализации модели ответственного отцовства, повышению родительской роли на принципах равного участия отца и матери в воспитании ребенка, более справедливому распределению домашних обязанностей, возвращению матери на рынок труда, практическому гендерному равенству.

В условиях усиления процесса старения населения актуальной задачей станет разработка комплекса мер по стимулированию активного долголетия лиц пожилого возраста, их социально-экономической интеграции в жизнь.

Приоритетными направлениями миграционной политики станут содействие развитию образовательной миграции и поддержка мобильности научных кадров на принципах возвратности, стимулирование притока в республику молодежи, имеющей востребованные на внутреннем рынке труда профессиональные навыки и компетенции, развитие инфраструктуры в сфере трудовой миграции на основе государственно-частного партнерства.

РЖАНИЦЫНА Людмила Сергеевна
д.э.н., профессор,
Институт экономики РАН,
Москва, Россия.
E-mail: 938@mail.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕР СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ДЕМОГРАФИИ

Ключевые слова: демографическая ситуация, демографическое развитие, пожилое население.

Коды JEL: J10, J11

В России проблемы демографии государство пытается учесть во всех областях управления, в том числе и мерами социальной политики. К сожалению, эти меры не являются системными, а потому нередко малоэффективны. Это, по нашему мнению, связано прежде всего с ненаучной постановкой главной цели.

Не секрет, что эксперты на основе изучения мирового опыта отмечают невозможность значительного повышения рождаемости в развитых странах в условиях цивилизации с ее успехами в уровне жизни, образования и здравоохранения, социального обеспечения, когда дети перестают быть гарантией содержания родителей в старости. И соответственно попытки максимально стимулировать рождаемость обречены на неудачу.

Отсюда, в нацпроекте «Демография» необходимо изменить главное его направление, обозначив в качестве такового сокращение смертности и подержание здоровья населения. И сделать основным показателем выполнения продолжительность здоровой жизни и сокращение смертности во всех возрастах на базе необходимых мер, набор которых далеко не исчерпан. В частности, можно было бы ввести обязательное социальное страхование по болезни и уходу в старости по типу ФРГ, в котором участвуют все 80 млн граждан страны.

У нас в начале пенсионной реформы 2013 г. подобная система предлагалась, но была отвергнута. А теперь власти ищут, что бы сделать с одинокими пожилыми стариками, и есть намерение отдавать их в патронажную семью, видимо, как домашних питомцев (на уровне детей-сирот и, возможно, домашних собак и кошек). Забыт зарубежный и отечественный опыт, к примеру, строительства доступного муниципального жилья, где молодые жильцы ухаживают за пожилыми соседями, которые продолжают жить у себя дома, т.е. так, как считается оптимальным в политике

поддержки активного долголетия. Такое долголетие — часть позитивной демографической политики, признаваемой в мире. С подачи ООН, ВОЗ, ЕС для ее измерения ввели в середине 90-х специальный показатель — индекс активного долголетия (ИАД), с 2019 г. рекомендуемый к использованию Росстатом на основе соответствующей методологии ЕС. Интересно, почему потребность в подобном действии возникла в РФ через столько лет?

Другой пример неэффективных действий государства, но уже в области рождаемости, — введение имущественного ценза на социальную помощь малообеспеченным семьям с детьми. При этом считаются не доходы, а само физическое имущество, независимо от потребности в нем семей различных составов, в том числе и с детьми-инвалидами. Как это вписывается в нацпроект «Демография», непонятно.

Гораздо разумнее было бы вначале разработать нормативы необходимого имущества с учетом состава семьи, как это предлагал Президент для определения компенсаций пострадавшим в условиях стихийного бедствия, и только потом вводить данное правило. Но раз наука ныне не в чести, то ничего подобного здесь и не было сделано.

Еще пример. Раз общество стоит перед необходимостью стимулировать продолжительность жизни имеющегося населения и его здоровье, то почему до сих пор не введено страхование лекарств или другие способы обеспечения их доступности, что уже много лет имеет место в развитых странах.

И наконец, антидемографический факт последнего времени — повышение возраста выхода на пенсию женщинам с 55 до 60 лет. В условиях масштабного дефицита яслей (он существует до сегодняшнего дня, несмотря на требование Президента решить проблему) исчезновение бабушек — фактор ограничения намерения молодых работающих родителей иметь детей. А если бы спросили науку, то легко бы нашли проект «Городская няня», способный организовать с участием местного бюджета и студентов образовательных учреждений во время практики помощь на дому родителям с маленькими детьми. Стоит указать, что нечто похожее предлагала уполномоченный по правам ребенка А. Н. Кузнецова.

Перечень таких примеров неэффективного влияния управленческих мероприятий на демографические процессы можно продолжить. Хотелось бы, чтобы их стало много меньше, для чего требуется создание грамотного экспертного сообщества науки и специалистов.

САЖИН Антон Александрович
бакалавр, студент,
географический факультет ПГНИУ,
кафедра социально-экономической географии,
Пермь, Россия.
E-mail: antonafrique@mail.ru

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ НИГЕР

Ключевые слова: Республика Нигер, демографическая ситуация, демографическая политика, Африка.

Коды JEL: J10, J11, J13

Республика Нигер входит в число беднейших государств мира. Стратегия социального развития Нигера до 2021 г. определяет улучшение условий жизни населения. Одной из ее задач является осуществление демографической политики [ESDP, 2017]. Несмотря на поставленные цели, прогресс в области социального развития в последнее десятилетие не привел к улучшению демографической ситуации, а лишь повлиял на изменение некоторых демографических показателей.

Отсутствие программ планирования семьи превратило демографический рост в Нигере в большую проблему. Начиная с середины XX в. численность населения Нигера быстро увеличивается. По данным ООН, на середину 2019 г. численность населения республики составила 23,311 млн человек. Данные о динамике численности населения в Республике Нигер представлены в табл. 1.

Рост численности населения с 1950 г. никогда не опускался ниже 2% в год. С 2020 г. рост численности населения Нигера будет расти на 3–4% каждый год до 2045 г. По прогнозам ООН, лишь к 2070 г. этот показатель снизится до 2%. Продолжительность жизни в Республике Нигер в 2015–2020 гг. составляла 60–65 лет для обоих полов. В XX в. среднеожидаемая продолжительность жизни повышалась каждые 10–20 лет, а в XXI в. продолжительность жизни повышается каждые 5–10 лет. По прогнозам ООН, в 2025–2050 гг. данный показатель в стране составит 70–75 лет. Данные о продолжительности жизни по годам представлены в табл. 2.

Уровень рождаемости на 1000 человек населения в 2017 г. составил 46 человек. Коэффициент фертильности остается самым высоким в мире. С момента обретения независимости показатель в 8 детей и больше держался 50 лет. Только в последнее десятилетие он начал несколько снижаться. По прогнозу ООН, в 2020–2025 гг. он будет составлять уже 6,5–7 детей на женщину. Общий коэффициент рождаемости среди на-

селения подросткового возраста на 1000 человек в 2015–2020 гг. составил 150–170 человек. В 1950–2015 гг. показатель не опускался ниже 200 человек. По прогнозу ООН, показатель будет постепенно снижаться. В 1950–1990 гг. общий коэффициент детской смертности для детей до 5 лет на 1000 человек составлял более 300 человек. Только в последнее десятилетие прошлого века данный показатель уменьшался, в целом на 50 человек в пятилетие. В 2015–2020 гг. он составил 80–90 человек. По прогнозам, общий коэффициент детской смертности в Нигере после 2020 г. и дальше продолжит снижаться. Также высоким остается коэффициент смертности среди взрослого населения. В 1950–1960 гг. коэффициент был крайне высоким и составлял 500 человек на 1000 человек. С 1960-х гг. наблюдается постепенное снижение смертности среди взрослого населения до 250 человек в 2010 г. В 2015–2020 гг. общий коэффициент смертности среди взрослого населения в Нигере был равен российскому и составлял 200–250 человек. Доля лиц старше 65 лет в общей структуре населения в 1950–2020 гг. составляла 2%. По прогнозам ООН, этот показатель будет удерживаться до 2070 г. Сегодня на молодежь до 18 лет приходится более 49% населения страны [UN, DESA, 2019].

Современная демографическая политика в Нигере делает акцент на взаимосвязи между развитием программ планирования семьи и снижением уровня рождаемости. Снижение рождаемости — непростая задача, требующая значительных вложений в образование, медицину и развитие специальных программ [Campbell et al., 2011, p. 95–96]. Благодаря инвестициям Нигер может испытать быстрый экономический рост. Развитие демографической политики повлияет на уровень рождаемости, следовательно, большинство детей получит медицинское обслуживание и базовый уровень образования.

Регулирование населения в рамках демографической политики в Нигере осложнено рядом проблем. Главная из них — доступ всех слоев общества к программам планирования семьи [Campbell et al., 2011, p. 97]. Для правительства Нигера это единственная достижимая стратегия, включающая инвестиции в человеческий капитал и соответствующую инфраструктуру. В обозримом будущем программы планирования семьи смогут повлиять на быстрый рост населения, предотвратить высокую младенческую и материнскую смертность и заложить основы для социального развития, ведущего к сокращению масштабов нищеты и улучшению положения населения.

Получение достоверной, соответствующей уровню образования населения информации представляет собой проблему. Необходимо значительно расширить использование радио и телевидения. Процент женщин из столицы, имеющих доступ к телевидению, намного выше, чем процент женщин из сельской местности [Campbell et al., 2011, p. 98]. Многие неграмотные женщины либо не знакомы с контрацепцией, либо считают,

что контрацепция опаснее, чем роды, хотя риск смерти, связанный с родами, намного выше. Некоторые женщины стремятся прервать нежелательную беременность через небезопасную и незаконную практику аборта традиционными методами [Campbell et al., 2011, p. 99].

Развитие демографической политики осложняется неразвитостью инфраструктуры (дефицит больниц, лабораторий, оборудования, литературы), ограниченным количеством медицинского персонала и отсутствием средств на преодоление этих проблем. Демографические проблемы являются следствием ограниченности доступа к контрацептивам и женским консультациям. Распространение методов контрацепции в сельской местности может уменьшить размер семьи даже в бедных общинах в течение короткого периода времени [Campbell et al., 2011, p. 99]. Доступным должно быть и использование стерилизации.

Проблемой является отношение населения к институту семьи. Традиционный образ жизни, религия, ранний возраст половой жизни женщин в Нигере являются ключевыми факторами, влияющими на высокий показатель рождаемости. Большое влияние оказывает культура общественного натализма, в рамках которой люди оцениваются по количеству детей. В сельской местности дети являются символом статуса и источником труда, а также страховкой обеспечения родителей в старости [Gänsler, 2016]. Большинство населения отвергает планирование семьи по религиозным причинам, а религиозные лидеры убеждают людей, что контрацепция — это попытка Запада воспрепятствовать развитию страны [Gänsler, 2016]. Увеличение возраста деторождения на несколько лет может уменьшить будущий рост населения. Развитие молодых женщин требует больших инвестиций. Образование повышает их самостоятельность в «управлении» своим телом и семьей. Это приносит пользу следующему поколению, поскольку образованные матери вкладывают полученные знания в своих детей [Campbell et al., 2011, p. 100].

Проблемой также является отсутствие возможностей для получения образования и трудоустройства для молодежи. Растущую долю молодых в возрастной структуре населения следует обеспечить доступным образованием и работой. Школы переполнены, а сельскохозяйственная сфера не может обеспечить молодое население рабочими местами, поэтому многие сельские жители переезжают в города. «Арабская весна» стала подтверждением того, что очень молодая возрастная структура в сочетании с отсутствием экономических возможностей может быть взрывоопасной комбинацией, увеличивающей риск гражданских беспорядков и конфликтов [May, 2019]. Террористические группы вербуют новобранцев из самых бедных слоев населения, предлагая денежные стимулы.

Другой важной проблемой Нигера является ограниченность природных ресурсов и увеличивающаяся экологическая нагрузка. Программа ООН по окружающей среде констатирует, что Сахель почти неизбежно

движется к экологической катастрофе [Campbell et al., 2011, p. 100]. Природная изменчивость в период летних дождей будет приводить к засухам и уменьшению количества пахотных земель. Сельское хозяйство Нигера зависит от дождей и плохо подготовлено к длительным аридным периодам. Международному сообществу потребуется увеличение продовольственной помощи для Нигера. Перенаселение и следующее за ним истощение природного потенциала приведут к конфликту за ресурсы. Становится понятно, что быстрый рост численности населения и его благосостояние несовместимы.

Учитывая укоренившиеся традиции в республике, имеет смысл обратиться к авторитетным религиозным фигурам, которые способны изменить мнение населения по таким чувствительным вопросам. Если достаточное количество из них убедить в том, что государство движется к бедствию из-за роста населения, они могут поддержать широкомасштабную кампанию по планированию семьи. Необходимо вовлекать в процесс и традиционных племенных лидеров, поскольку они сохраняют значительный авторитет на низовом уровне.

Если правительству Нигера не удастся внедрить программы планирования семьи, то республику ожидают катастрофические последствия. Постепенно начинает признаваться сложная проблема, связанная с продолжающимся быстрым ростом населения, подрывающим социально-экономическое развитие Нигера. Текущая демографическая ситуация, а также прогнозируемые последствия делают программу планирования семьи критически важной и, вероятно, единственной достижимой стратегией в реалиях государства [Campbell et al., 2011, p. 101]. Если правительство Нигера намерено предпринять какие-либо существенные шаги для постепенного снижения уровня рождаемости, то ему придется учиться на ошибках прошлого, а разработанные программы планирования семьи уменьшать долгосрочное воздействие этих ошибок.

Таблица 1

Динамика численности населения в Республике Нигер

Год	Численность населения, млн чел.	Относительный прирост населения, в % к предыдущему	Год	Численность населения, млн чел.	Относительный прирост населения, в % к предыдущему
1950	2,560		2000	11,332	41,2
1960	3,389	32,3	2005	13,624	20,2
1970	4,511	33,1	2010	16,464	20,8
1980	5,989	32,7	2015	20,002	21,4
1990	8,027	34	2020	24,200 (прогноз)	20,9

Источник: [UN, DESA, 2019].

Таблица 2

Динамика изменения показателя средней ожидаемой продолжительности жизни в Республике Нигер, лет

Период	Продолжительность жизни	Период	Продолжительность жизни
1950–1960	30–35	2000–2005	50–55
1960–1980	35–40	2005–2015	55–60
1980–1990	40–45	2015–2020	60–65
1990–2000	45–50	2020–2025	65–70 (прогноз)

Источник: [UN, DESA, 2019].

Список литературы

1. Economic and Social Development Plan (ESDP) 2017–2021 // Niger Renaissance. — 2017. — P. 6–7. URL: https://www.nigerrenaissant.org/en/social-and-economic-development-plan.
2. *Campbell M., Gidi V., Potts M., Zureick S.* Niger: Too Little, Too Late // Guttmacher Institute. — 2011. — Vol. 37. — Issue 2. — P. 95–101. URL: https://www.guttmacher.org/journals/ipsrh/2011/06/niger-too-little-too-late
3. *Gänsler K.* Niger: sleepwalking into huge population growth // Deutsche Welle. 2016. URL: https://p.dw.com/p/1I4kI
4. *May J. F.* Niger has the world's highest birth rate — and that may be a recipe for unrest // The Conversation. 2019. URL: https://theconversation.com/niger-has-the-worlds-highest-birth-rate-and-that-may-be-a-recipe-for-unrest-108654.
5. United Nations, DESA, Population Division. World Population Prospects, 2019. URL: https://population.un.org/wpp/

СОЛОВЬЕВ Аркадий Константинович
д.э.н., профессор Финансового университета,
заслуженный экономист России,
начальник Департамента актуарных расчетов и стратегического планирования
Пенсионного фонда Российской Федерации,
Москва, Россия.
E-mail: sol26@100.pfr.ru

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ

Ключевые слова: пенсионная система, пенсионная реформа, демография, пенсии.

Коды JEL: E620, E690

1. Развитие пенсионной системы не может рассматриваться в отрыве от демографической и экономической ситуации в стране. Создать эффективную пенсионную систему путем параметрических реформ в сложившихся макроэкономических и демографических условиях невозможно.

2. «Демографический кризис» в долгосрочной перспективе будет оставаться главным вызовом стабильности пенсионной системы. Основные его проявления: снижение уровня рождаемости, рост продолжительности жизни и связанное с этим старение населения — ведут к сокращению численности занятых, за которых уплачиваются взносы, росту численности пенсионеров и продолжительности периода получения пенсии. Для бюджета Пенсионного фонда России это означает уменьшение реальных доходов и снижение темпов индексации пенсий (а следовательно, и их размеров), рост расходов.

3. Сегодня в России на 1000 человек трудоспособного возраста приходится 347 человек в возрасте старше трудоспособного. Однако далеко не все население трудоспособного возраста занято экономической деятельностью, а среди пенсионеров около четверти не достигли пенсионного возраста. В результате число получателей пенсии практически сравнялось с числом занятых в экономике.

При этом вклад различных категорий занятого населения в бюджет ПФР существенно отличается. Если в 2010 г. сумма страховых взносов в ПФР, вносимая за наемного работника, составляла в среднем 10 тыс. руб. в месяц, то индивидуальные предприниматели уплачивали почти в 4 раза меньше.

4. Учитывая, что при стабильной и даже несколько возросшей численности занятых количество работающих по найму неотвратимо сокращается и, по прогнозам МЭР, будет уменьшаться дальше, поддержание сложившегося уровня пенсионного обеспечения требует все большего тарифа страховых взносов. Уже сегодня тариф, необходимый для выполнения текущих пенсионных обязательств, не менее трети от среднестатистического заработка наемного работника.

Дополнительным фактором усиления нестабильности долгосрочного развития пенсионной системы является неблагоприятная макроэкономическая ситуация, связанная не только с глобальным финансовым кризисом. Главной макроэкономической проблемой на протяжении всей пенсионной реформы остается теневая занятость и низкая (даже с учетом теневых выплат) оплата труда, не позволяющая застрахованным лицам, с одной стороны, сформировать достаточный объем собственных пенсионных прав, а с другой — обеспечить финансирование уже накопленных обязательств перед нынешними пенсионерами [Соловьев, 2015].

5. На Западе цена рабочей силы составляет 50–60% ВВП, из которых, в свою очередь, половина — страховые взносы на социальное страхова-

ние. В России доля официальной заработной платы в ВВП в пределах 22–24%, а вместе с отчислениями на социальное страхование — 32–37%.

При этом скрытая оплата труда достигла колоссальных размеров — 54,4% официального фонда заработной платы и 14,5% ВВП.

6. Наряду с огромными масштабами теневой зарплаты негативное влияние на пенсионные права застрахованных и доходы ПФР оказывает крайне неравномерно распределение наемных работников по уровню официальных заработков: на долю 10% высокооплачиваемых работников приходилось 32% фонда заработной платы, тогда как на долю 10% низкооплачиваемых — около 2%.

7. Распределение работающих по уровню заработной платы таково, что лица с 30-летним стажем, но невысокой заработной платой, едва зарабатывают права на получение фиксированного базового размера страховой части пенсии по старости. К 2020 г. уже более 5% не будет зарабатывать достаточно пенсионных прав, чтобы получать минимальное право на пенсию, а к 2030 г. — около 9%.

Из всех работников (31% от всей их численности), получавших заработную плату в размере менее половины средней, 50% составляли работники сферы образования, здравоохранения и предоставления социальных услуг, а также сельского и лесного хозяйства.

8. Для минимизации последствий демографического и финансового кризиса, обеспечения долгосрочной финансовой устойчивости ПФР необходимо на государственном уровне реализовать меры по:

1) снижению смертности населения в трудоспособных возрастах, особенно среди мужчин (в настоящее время смертность мужчин в 3 и более раз превышает женскую);
2) снижению уровня инвалидизации населения;
3) увеличению численности населения, занятого в экономике, как за счет вовлечения в трудовую деятельность имеющихся трудовых ресурсов, так и за счет продуманной политики привлечения мигрантов (не ведущей, однако, к росту числа пенсионеров);
4) увеличению доли работающих по найму в численности занятых;
5) ликвидации скрытой оплаты труда;
6) пересмотру подходов к определению цены рабочей силы и существенному повышению уровня заработной платы;
7) изменению структуры оплаты труда в различных видах экономической деятельности.

Список литературы

1. *Соловьев А. К.* Пенсионная реформа: иллюзии и реальность: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2015. — 336 с.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Solov'ev A. K.* Pensionnaja reforma: illjuzii i real'nost': uchebnoe posobie. 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Prospekt, 2015. — 336 s.

ТКАЧЕНКО Александр Александрович
д.э.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
заместитель директора
Института исследований международных экономических отношений.
E-mail: AATkachenko@fa.ru

ЦЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ООН И БЕДНОСТЬ В РОССИИ

Ключевые слова: Цели устойчивого развития, нищета, бедность, мониторинг бедности, государственная политика.

Код JEL: I32

Сокращение бедности и неравенства в доходах было объявлено основной целью ЦУР ООН [the UN's Sustainable Development Goals (SDGs)] и Группы Всемирного банка (далее — ВБ) и отнесено к задачам мирового сообщества, национальных правительств и международных организаций. Ее выполнение расписано в ЦУР 1 (Goal 1: End poverty in all its forms everywhere) по нескольким показателям, достижение которых, с одной стороны, продолжает задачи Целей развития тысячелетия[1], так как многие из них были не достигнуты, а с другой — многим экспертам представляются амбициозными. Важнейшей и труднейшей задачей, по нашему мнению, является первая цель, сформулированная как искоренение-ликвидация (eradication) нищеты или крайней бедности (extreme poverty) к 2030 г. Лозунг ВБ звучит как призыв покончить (ending) с нищетой, что, безусловно, является важной задачей, взаимосвязанной с улучшением многих основных позиций, связанных с развитием человеческого капитала, в том числе: ликвидация голода и хронического недоедания, сокращение заразных заболеваний, в том числе связанных с отсутствием доступа к питьевой воде, и др. Роль ВБ как организации, созданной для помощи

[1] Итоги подведены в докладе Millennium Development Goals Report 2014. New York: United Nations, 2014. URL: https://www.un.org/development/desa/publications/mdg-report-2014.html

развивающимся странам[1], определяется не только совпадением с его собственной основной целью, записанной как миссия банка: покончить с бедностью в течение жизни одного поколения, — но и его экономическими и, главное, информационными возможностями, его гуманитарной ролью по отношению к странам FCS: fragile and conflict-affected situations. Только банк может отслеживать достижение целей борьбы с бедностью, именно он разработал методологию подхода к измерению порогов бедности, которые зависят от уровня валового национального дохода на душу населения (GNI), и может отслеживать ситуацию для мониторинга ООН по выполнению поставленных задач. Укажем на имеющиеся допущения в поставленной цели ликвидации бедности.

Наряду с сильной формулировкой в документе ООН — покончить с крайней бедностью во всех видах и формах к 2030 г., — сама организация в экономической и социальной областях установила к этому году все же не нулевой вариант, а планку в 3% нищих в мире. Далее, до событий 2020 г. (COVID-19 crisis) в Глобальном докладе об устойчивом развитии Генерального секретаря ООН 2019 г. прозвучала новая цифра — 6%[2] при выражении сожаления и по поводу невозможности достижения прежней цифры, и по поводу снижения темпов ее достижения. Произошедшие и продолжающиеся последствия пандемии самыми болезненными окажутся для менее развитых стран[3]. По этой же причине задача ускорения решения этой проблемы, поставленная в Политической декларации политического форума высокого уровня[4] по устойчивому развитию, едва ли будет выполнена.

В соответствии с резолюцией ГА ООН для осуществления контроля за достижением ЦУР на национальном уровне в РФ разработан Национальный набор показателей ЦУР. Россия активно включилась в выполнение ЦУР, в том числе ЦУР 1 и ЦУР 10, так как проблемы бедности и неравенства доходов не решались даже в период экономического роста российской экономики и усугублялись во время кризиса (2008–2009) или рецессии (2015–2016).

---

[1] Подробнее см.: [Всемирный банк, 2007].

[2] Report of the Secretary-General on SDG Progress 2019. Special Edition. — New York: United Nations, 2019.

[3] Экономический кризис, вызванный пандемией COVID-19, — это кризис, не имеющий аналогов, поскольку мировая экономика, согласно прогнозам МВФ, потеряет более 12 трлн долл. США. Насколько увеличится разрыв между бедными и богатыми после выхода из этого кризиса и какие есть основания у экспертов считать, что можно избежать ухудшения неравенства в доходах при проведении специальной государственной политики, сказать пока невозможно.

[4] Political declaration of the high-level political forum on sustainable development convened under the auspices of the General Assembly, 15 October 2019. — P. 3–4. URL: https://undocs.org/en/A/RES/74/4

Практика измерения бедности в России началась еще в дорыночный период и была связана с намечаемой радикальной реформой цен (1989 г.), которая должна была негативно отразиться на большинстве населения, значительно понизив их реальные доходы. Поэтому было необходимо определить количество бедных, чьи доходы, по мнению руководителей страны, подлежали индексации, а для этого ввести понятие прожиточного минимума как официального института[1]. Впервые в отечественной истории обсуждение стоимостной формы прожиточного минимума — минимального потребительского бюджета было вынесено на обсуждение правительства в 1991 г., хотя первые попытки предпринимались в течение предшествующих двух лет. Обсуждение предложенного и тщательно разработанного с помощью ученых и представителей официальной статистики минимального потребительского бюджета на заседании Правительства проходило в очень напряженной атмосфере и, несмотря на аргументированное, можно даже сказать тщательно взвешенное, выступление министра труда и социальных вопросов СССР В. Ф. Паульмана завершилось «разгромом» предложенной идеи. Причина была очень проста: по предложенному варианту прожиточного минимума за чертой бедности оказывалось более 40% населения страны, а признать подробный факт было невозможно. С другой стороны, в то время разработчики не применяли шкалы эквивалентности [Bellù, 2005], а просто рассчитали минимальные потребительские корзины отдельно для детей, подростков, мужчин и женщин трудоспособного возраста (раздельно) и пожилых. Конечно, учет экономии домохозяйства с большим числом членов дотрудоспособного возраста в советских республиках с высокой рождаемостью привел бы к некоторому снижению доли бедных, но безусловно и то, что средние доходы населения были низки, а прожиточный минимум строился из черты бедности (минимального бюджета), учитывающей не только физиологические, но и минимальные социально-культурные потребности населения. В качестве «утешения» для автора этой статьи было предложено первым вице-премьером Правительства В. И. Щербаковым написать книгу о истории разработки первого прожиточного минимума в стране. Образование новых государств и позиция российского Правительства, критиковавшего бюджет 1991 г. как заниженный, привели к тому, что в условиях развернувшегося системного кризиса был принят российский так называемый бюджет физиологического минимума, просуществовавший до 2006 г. Правовые аспекты этого так называемого физиологического минимума, сопоставимого с таким социальным ориентиром [Ткаченко, 1999], как «приемлемый уровень жизни», значительно позднее даны в работе [Антонова, 2018].

[1] Автор статьи как непосредственный участник этого процесса считает необходимым обратить внимание на тот факт, что понятие индексации доходов до этого также в СССР не применялось, как и «потребительских корзин» для расчета прожиточного минимума.

В связи с принятием новой потребительской корзины мнения экспертов и ученых вновь разошлись [Роик, 2006], но от скудости предыдущей шаг все же был сделан. Федеральный закон от 8 декабря 2010 г. № 332-ФЗ установил новую потребительскую корзину до 2020 г., но она была пересмотрена в 2017 г. и по-прежнему подвергается справедливой и аргументированной критике. Например, между высшей децильной и низшей децильной группами, по обследованиям российских домохозяйств, которые ежегодно проводит Росстат, огромны до сих пор различия в доле затрат на продовольствие — они различаются более чем в 3 раза (2019). Но еще более заметны различия для дискреционных видов потребления. Так, доля затрат на отдых и культурные мероприятия в 2019 г. была у верхней децильной группы в 4,26 раза выше, чем у нижней, а по расходам на гостиницы и рестораны — в 4,9 раза выше. При этом доля расходов на дискреционные виды потребления росла у обеих полярных групп домашних хозяйств, но у самых высокодоходных заметно быстрее: на 22,8% за 2010–2019 гг., у нижней группы — на 16,9%. В процентных пунктах этот рост составил соответственно 3,12 пункта у верхней и лишь 0,55 у нижней группы, которая по-прежнему тратит на питание более 50% своих доходов[1].

В новой российской истории национальная черта бедности, мониторинг которой также предусмотрен ЦУР 1, как и ранее, связана с нормативным методом построения минимального потребительского бюджета, хотя и расширенного за счет социальных потребностей [Бобков и др., 2020]. В большинстве развитых государств, в том числе всех стран — членов ЕС, за черту бедности принимается доход на уровне 60% от медианного дохода в данной стране. Во-первых, это более высокий уровень, чем черта бедности в России, во-вторых, это значительно упрощает как расчет показателя, так и его регулярный пересмотр.

Основным в любом наборе потребительских корзин или в любой структуре прожиточного минимума, даже если она вычисляется по-другому, является продовольственная корзина, доля которой, как установил еще 163 года назад Э. Энгель, зависит от уровня доходов семьи или домохозяйства. «Почти все национальные черты бедности привязаны к стоимости продовольственной корзины — того, что обычно едят бедные в этой стране, — которая обеспечивает адекватное питание для хорошего здоровья и нормальной активности»[2]. Это утверждение ВБ, с одной стороны, отражает уже накопленные знания о расчетах бедности, а с другой — вызывает дальнейшие вопросы, несмотря на позитивное утверждение. Что такое

[1] Рассчитано по: Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2019 году (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств), табл. 1.1.4. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_102/Main.htm

[2] Poverty and Inequality. The World Bank. URL: https://datatopics.worldbank.org/world-development-indicators/themes/poverty-and-inequality.html

адекватное питание для хорошего здоровья и что считать хорошим здоровьем? Вероятно, кроме общего подхода в каждой группе стран — высокоразвитых, стран со средним или низким доходом, существуют и национальные подходы к тому, что данное общество считает хорошим здоровьем. Соотношение расходов на те или иные основные цели, выделяемые на основе методологии Энгеля [Daley, 2020; Ткаченко, 2017], является важным индикатором, который необходимо отслеживать в мониторинге. Методологию Энгеля можно применять даже для оценки существующих шкал эквивалентности. При этом не следует учитывать, что отечественные потребительские наборы для расчета прожиточного минимума почти не включают дискреционные виды потребления и соответствующие расходы.

Перейдем к главной цели нашего доклада — оценке перечня показателей ЦУР и выбранных нашей статистикой показателей по ЦУР 1. Из 13 показателей Росстатом выбрано 4. При этом из них 3 являются показателями, разрабатываемыми и ранее. Но такой важный показатель, как «доля мужчин, женщин и детей всех возрастов, живущих в нищете во всех ее проявлениях, *согласно национальным* определениям» (выделено автором. — *А. Т.*), не будет разрабатываться без объяснения причин. Остановимся на первом новом для нашей статистики показателе — глобальной международной черте крайней бедности или нищеты.

Отметим, что с октября 2015 г. ВБ использует черту крайней бедности в 1,90 долл. США в день по ППС 2011 г. для оценки этой бедности на глобальном уровне. Эта новая черта, называемая международной чертой, крайней бедности является средним показателем из тех же национальных черт бедности 15 беднейших стран мира, которые показали порог в 1,25 долл. США по ППС 2005 г. При этом в обосновании всех аналогичных показателей ВБ опирается на научные работы коллективов исследователей, предложивших черту 1,90. Коллектив экспертов подробно описал этот переход и учет инфляции за прошедший период, который был основным поводом для пересчета. То есть практически в реальном выражении абсолютная черта нищеты не изменилась, а ее относительный рост в долларах является относительным [Ferreira et al., 2016].

ВБ прямо уточняет, что размер 1,90 долл. (с учетом ППС 2011 г.) был вычислен как среднее значение черт бедности, обнаруженных в 15 самых бедных странах мира, ранжированных по уровню потребления на душу населения. И этот показатель давал, по данным ВБ, долю бедных в России 2,7%, что составляло на 2015 г. 3,95 млн человек, которых можно отнести к категории «крайне бедных» (extreme poverty), именно для таких рассчитываются «нормы» ВБ. Число же бедных, живущих за чертой бедности в России, можно или нужно определять по национальной черте бедности при всей условности и недостатках расчета национального прожиточного минимума. Рассмотрим показатели этой принятой нами черты в 1,90 по данным Росстата (табл. 1).

Как видим, по всему населению и населению в старших возрастных группах, начиная с 51-летнего возраста, крайне бедных в России нет, исключая мужчин 51–65 лет. Если исключить ситуацию с COVID-19, то из таблицы вполне ясно, что не только к 2030 г., но и значительно раньше все показатели будут равны 0,0. Будет ли это давать право российской стороне в отчетах по мониторингу представлять данные о ликвидации нищеты в российском обществе? С нашей точки зрения — нет. И причина кроется в том, что показатель для отчета по ЦУР 1 выбран неверно без учета методологических установок ВБ, который в 2015 г. ввел не только порог в 1,90 долл. в сутки. Это порог для глобальной черты крайней бедности, которая охватывает все страны мира без исключения и поэтому исходит из самой нижней возможной планки.

Кроме того, этот порог, который, разумеется, нужен ООН для подведения общего итога, а следовательно, данные от всех стран, не должен давать права сообщать в официальном российском документе, который называется «Добровольный национальный обзор», о том, что цель по ликвидации крайней нищеты уже достигнута[1]. Вероятно, эксперты Аналитического центра правительства принимают во внимание только первую строку приведенной таблицы, во-первых, и исходят из того, что РФ может отчитываться как страна из группы стран с самым низким доходом, выделяемой ВБ, во-вторых.

Таблица 1

Доля населения, живущего за международной чертой бедности, за год, предшествующий предыдущему (1.1.1) (процент, значение показателя за год)

		Российская Федерация	
		2017	2018
Всего	Всего	0	0
Женщины	18–25 лет	0,1	0,2
	26–40 лет	0,3	0,1
	51–65 лет	0	0
	66–75 лет	0	0
	76 лет и более	0	0
	Всего	0,2	0,1
	До 18 лет	0,4	0,2
	от 41 до 50 лет	0,1	0,1

[1] ЦУР 1 «Ликвидация нищеты». По основным параметрам в России достигнута цель по ликвидации крайней нищеты. Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. С. 11. URL: https://ac.gov.ru/projects/project/dobrovolnyj-nacionalnyj-obzor-dostizenia-celej-ustojcivogo-razvitia-10

Окончание табл. 1

		Российская Федерация	
		2017	2018
Мужчины	18–25 лет	0,1	0,1
	26–40 лет	0,2	0,1
	51–65 лет	0,1	0,1
	66–75 лет	0	0
	76 лет и более	0	0
	Всего	0,2	0,1
	До 18 лет	0,5	0,3
	от 41 до 50 лет	0,2	0,1

Источник: таблица (1.1.1) ЕМИСС государственная статистика. URL: https://fedstat.ru/indicator/58472

Состоявшийся выбор показателя в 1,90 долл. для наименее развитых стран, который является и общим для мира, но с разъяснениями, о которых сказано, — это вопрос не только информационно-статистический, но и политико-экономический, так как развитие ряда экономических и социальных программ и постановка задач государственной политики должны сообразовываться с целями ЦУР, но целями реальными, которые значительно различаются у групп стран.

«Заблуждение» в отношении порога международной черты бедности свойственно не только отечественным экспертам, но и, например, экспертам МОТ, которые утверждают уже в 2019 г., когда опубликована методология ВБ [World Bank, 2018, p. 154–165], о том, что 1,90 долл. — «это, как полагают, денежная сумма, необходимая для покрытия расходов на основные продукты питания, одежду и жилье по всему миру»[1]. При этом, кто полагает, не указывается. Действительно, ВБ использует этот порог для одного из исчислений численности мирового населения за чертой крайней бедности, но это не означает, что это население включает развитые страны, в которых доход на душу населения позволяет устанавливать другие пороги, и эти пороги выделены и обоснованы методологией ВБ. Кстати, ВБ, введя три порога: 1,90, 3,20 и 5,50 долл., сделал это только для трех групп стран, исключив высшую группу с высоким доходом (табл. 2).

Необходимо обратить внимание на то, что ВБ регулярно публикует данные об изменении порогов (границ) дохода на душу населения, по которым устанавливается классификация стран, содержащая четыре группы, и «события», произошедшие за этот период с теми странами, отмечающие переход из одной группы в другую. Например, последняя публикация

[1] https://www.worldbank.org/en/topic/poverty/brief/global-poverty-line-faq

«New country classifications by income level: 2019–2020» показывает, что Аргентина, Панама и Хорватия перешли из группы Upper-middle в группу High-income, а Армения из группы Lower-middle в группу Upper-middle, но есть и страны, ухудшившие свое положение и перешедшие в самую нижнюю группу с Low-income. При этом стоит обратить внимание на то, что порог для градуирования стран из-за учета инфляции меняется ежегодно, но за последние семь лет не показывает роста.

Таблица 2

Пороги классификации стран по уровню дохода на душу населения (финансовый год)

Порог в текущих долл. США/ год	С низким доходом	С доходом ниже среднего	С доходом выше среднего	С высоким доходом
2014	< 1,035	1,035–4085	4,086–12,615	>12,616
2021	< 1,036	1,036–4,045	4,046–12,535	> 12,535

Источник: составлено по: New country classifications by income level: https://blogs.worldbank.org/opendata/new-country-classifications;https://blogs.worldbank.org/opendata/new-country-classifications-2016; https://blogs.worldbank.org/opendata/new-world-bank-country-classifications-income-level-2020-2021

Россия как страна из группы стран с доходом выше среднего должна принимать за международный порог крайней бедности — нищеты суточное потребление в 5,50 долл. Кроме точности отчета страны перед ООН и действительно реальной цели искоренить нищету к 2030 г., которая у нас составляла в 2018 г., по данным ВБ, 2,28% всего населения, этот порог в отличие от других — 1,90 и 3, 20 — позволяет видеть влияние экономической ситуации на динамику доли и численности нищих и принимать соответствующие дополнительные меры в политике социальной защиты этих уязвимых групп населения. Так, в 2010 г. эта доля составляла 3,95% и снижалась по 2014 г. В 2015 г. в связи с начавшейся рецессией она выросла и лишь с 2017 г. стала заметно снижаться. Позиция по показателю 1,90 долл. ничего не дает и для макроэкономического анализа, поскольку не видно влияния (воздействия) рецессии в российской экономике 2014–2016 гг. на состояние крайней бедности. Показатель 3,20 долл. также малоинформативен, так как колебания в пределах 0,2–0,3 происходят в ходе самой рецессии. А «истинный» индикатор 5,50 долл. как раз весьма показателен: рост с 2,4% в 2014 г. до 2,7% в 2015 и 2016 гг., и лишь затем после выхода из рецессии новый «старт» его сокращения до 2,5% (2017) и 2,3% (2018), последняя доля самая низкая за весь период наблюдения ВБ. В то же время этот показатель свидетельствует, что в России все еще существует население, которое живет в крайней бедности, или нищее население. И скорее всего это уже маргинализированные слои, кото-

рые пребывают в таком состоянии ни один год, а следовательно, чьи дети должны быть охвачены специальными государственными программами дополнительной помощи, выходящими за *национальные проекты*. Эти проблемы по отношению к населению США подробно рассмотрены Р. М. Десаи в [Desai, 2015]. Для этого также необходимы специальные обследования этих домохозяйств (семей) или групп населения, что тоже требует специального финансирования. Без этого даже для среднеразвитой российской экономики возможен вариант недостижения к 2030 г. показателя 0,00% по крайней бедности, так как скажутся последствия COVID-19 и восстановление начнется только в 2022 г. ВБ также отмечает, что негативное воздействие на домохозяйства с низкими доходами особенно острое, что ставит под угрозу значительный прогресс, достигнутый в сокращении крайней бедности в мире с 1990-х гг.

В выполнение задач ЦУР в полной мере вовлечена и Международная организация труда (МОТ), даже, по мнению автора, нередко в ущерб своей основной деятельности [Ткаченко, 2019]. МОТ в соответствии с мандатом интересует не столько бедность всего населения, а в первую очередь проблемы бедности среди работающих и социальной защиты безработных, которая также не должна позволять людям, потерявшим работу, и их семьям автоматически попадать в число бедных граждан. Решение этой проблемы для нашей страны, как и большинства других стран, значительно сложнее. Даже преуспевающие страны начали эксперимент с универсальным базовым доходом (universal basic income), который, например, в Финляндии по условиям выплаты не требовал от безработных никаких усилий по поиску работы, не влиял на другие социальные выплаты, возможность приработка и т.д. Для измерения бедности среди работающих Росстат предлагает качественно различающиеся показатели для МОТ и ООН. В «Индикаторах достойного труда» это два показателя для работающего населения (занятых) в соответствии с рекомендацией МОТ: показатель «Доля занятых с низким уровнем заработной платы (ниже 2/3 медианы почасового заработка)», который для российской экономики представляется завышенным, и показатель доли «Работающих бедных», где в числителе стоит работник из домохозяйства с подушевым доходом ниже прожиточного минимума, а в знаменателе — все занятые в экономике. Для ЦУР предлагаются также два показателя: доля работников с заработной платой ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения и доля работников с заработной платой ниже двукратной величины прожиточного минимума трудоспособного населения. Поскольку эти показатели относят к разделу ликвидации крайней нищеты, они представляются вполне обоснованными. И хотя формально рекомендации МОТ и ООН выполнены, остается проблема терминологии, ибо в отличие от этих организаций отечественная статистика вынуждена употреблять выражение «малоимущие домохозяйства», которое даже нельзя назвать понятием, так как оно не

отражает суть измеряемого явления — доходов, а не имущества, которым владеет домохозяйство. Учитывая позицию МОТ и ООН (ЦУР), необходимо изменить терминологию для возможности международных сопоставлений. МОТ предлагает при распределении в зависимости от показателя дохода (в день) работника другие названия экономических классов: крайне бедных работающих, умеренно бедных работающих, работающих близко к бедности (near poor), работников среднего класса в развивающихся странах (от 5 до 13 долл.) и работников среднего класса для развитых стран, живущих в домохозяйствах с подушевым доходом выше 13 долл. в день [ILO Key Indicators, 2016, с. 139].

Существует и этимологическая проблема. Когда говорят «работающий бедный», то первый воспринимаемый смысл — низкий уровень оплаты труда, который не обеспечивает наемному работнику, и это тоже важно, иное социально-экономическое состояние, нежели бедность. Такому значению соответствовал и показатель доли получающих минимальную и ниже заработную плату. Но восприятие на этом уровне показателя «работающий бедный» может быть совсем другим — это бедная семья (домохозяйство, по международной статистике), глава которой(го) или даже несколько работающих не могут из-за иждивенцев выйти из-за состояния бедности при данной зарплате, а она может быть даже и выше средней. Поэтому называть показатель, характеризующий эту ситуацию, «работающий бедный» довольно условно. И наличие двух показателей одновременно видится лучшим выходом, отражающим достижение целей ЦУР. Ведь ликвидация сектора экономики, где занятые получают меньше прожиточного минимума, тоже задача, поставленная ООН.

Для адекватного применения терминов ЦУР 1 к российской реальности и для того, чтобы не употреблять распространившийся в научных исследованиях и тем более в официальной статистике термин «малообеспеченность», малообеспеченные и так далее, необходимо изменить Закон «О государственной социальной помощи»[1]. В нем определено иное понятие бедности, отличное от документов ООН по ЦУР и неточное по социально-экономическому смыслу. Это «малоимущие семьи, малоимущие одиноко проживающие граждане» — семьи и граждане, которые по не зависящим от них причинам имеют среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума, установленного в соответствующем субъекте Российской Федерации. В ряде более «дальновидных» субъектов Российской Федерации понятие «работающие *бедные*» определено законодательством: в Воронежской области[2], например, к работающим бедным относят работающее население с низким уровнем доходов.

[1] Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ.

[2] https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/14616.pdf

Для оценки прогресса в достижении цели повышения общего благосостояния ВБ отслеживает рост потребления или доходов беднейших 40% населения в каждой стране. Аналогичным образом, задача ЦУР 10.1 нацелена на то, чтобы доход 40% беднейших слоев населения к 2030 г. рос быстрее, чем в среднем по стране. Прогресс измеряется разницей между ростом потребления или дохода беднейших 40% и ростом среднего потребления или дохода всего населения. Учитывая значительную неравномерность распределения доходов в нашей стране и рост разрыва между полярными децильными группами домохозяйств в период 2010-х гг., этот показатель представляется весьма важным для российского общества, а его введение в оборот острой необходимостью.

Существует также необходимость внесения ясности в переводы различных вариантов бедности и нищеты как в докладах ВБ и в ЦУР ООН, так и их интерпретации российскими источниками. Например, в приведенной цитате Добровольного обзора (сноска 8) написано «крайней нищеты» — вероятно, авторы этого доклада и сами не смогут объяснить, что это такое, а переводчики ООН поставлены в тупик этим «новым» термином, как бы повторяющим «нищий нищий». В документах и материалах ООН и ВБ по ЦУР в некоторых случаях выражение extreme poverty заменяется просто poverty, хотя из контекста следует, что речь идет о нищете, т.е. крайней бедности, а не просто бедности, определяемой по национальной черте. По сути текста и показателей в докладах ВБ можно видеть, что речь в русском переводе должна идти о ликвидации глобальной нищеты, крайней бедности (global extreme poverty) в странах к 2030 г. Для России, исходя из принятых внутрироссийских методических установок Росстата, это цель должна быть связана с населением, имеющим доходы в 2 раза ниже прожиточного минимума, показатели которой (доли соответствующего населения) в 1990-е гг. российской статистикой публиковались. Именно такой «бедности» не должно быть в нашей стране к 2030 г. для выполнения п. 1.1.1 ЦУР. Если рассматривать результаты мирового развития по этим показателям за 1990–2015 гг., то в снижении показателей мировой бедности самых значительных результатов добились страны Восточной Азии и Тихого океана, т.е. региона, где много быстрорастущих экономик.

Необходимо кратко остановиться на показателях и переводе с английского ряда показателей из перечня, связанного с ЦУР. Росстат по какой-то причине сокращает название цели 1 из ЦУР: записывая «Ликвидация нищеты», хотя ООН ставит куда более амбициозную, красиво звучащую и невыполнимую, по нашему мнению, задачу: покончить с нищетой во всех ее формах и повсюду (везде). Эта более развернутая формулировка ВБ позволяет, как представляется, трактовать правильное допущение в переводе ООН, когда poverty заменяется

в соответствии с контекстом словом «нищета», а не «бедность», тем более что последующими показателями это подтверждается. Так, свою позицию ООН объясняет замедлением темпов сокращения глобальной крайней нищеты (extreme poverty) и на этом основании также приходит к пессимистическому выводу о том, что мир не находится на пути к достижению цели сокращения доли живущих в условиях крайней нищеты до менее чем 3% населения мира к 2030 г. Но у каждой страны свои стоящие на первом месте проблемы, а у каждой международной организации — свое поле деятельности по достижению ЦУР в соответствии с ее мандатом и статусом. МОТ больше волнует проблема, которая также обозначена в цели 1 ЦУР: только 22% безработных получают денежные пособия по безработице. Такого показателя среди имеющихся или предлагаемых в российской официальной статистике (Проект перечня национальных показателей ЦУР) мы не нашли, но, по данным Евростата, только в 11 странах ЕС доля безработных, получающих пособие, выше среднего показателя по союзу (37%), среди них выделяются Германия (80%) и Финляндия (70%), в то время как у аутсайдеров — Румынии (минимум в ЕС), Польши и Италии — они составляют 10% и по 15%. Для МОТ, которая подчеркивает задачу расширения охвата социальной защитой всех категорий нуждающегося в этом населения, особо неприятным явлением является то, что по сравнению с 2007 г. доля получающих пособие в девяти странах ЕС к 2014 г. заметно упала, а заметно увеличилась в 10 странах, включая Францию, которая «присоединилась» к пятерке стран, имевших и в 2007 г. долю выше 50% (Австрия, Бельгия, Дания)[1]. Отметим, что статистика ЕС имеет большое число показателей по получению пособий безработными, как зарегистрированными, так и незарегистрированными[2], среди которых предусмотрены показатели доли получающих пособие (помощь) среди зарегистрированных безработных в возрасте 15–74 лет по полу и периоду безработицы (1–2 месяца, 3–5, 6–11), что позволяет более точно оценивать важность пособий по безработице в поддержке соответствующих семей, не давая им скатиться в разряд крайне бедных — нищих. В число просто бедных они попадают автоматически в связи с уровнем российских пособий по безработице.

Список литературы

1. *Антонова Н. В.* Роль социальных ориентиров в определении уровня обеспечения российских граждан пособиями из государственного бюджета с учетом

[1] Кроме названных.

[2] В ряде стран пособие выплачивается и таким безработным.

опыта Белоруссии и Казахстана // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2018. — № 3. — С. 179–186.
2. *Бобков В. Н., Гулюгина А. А., Одинцова Е. В.* Минимальная потребительская корзина: какой ей быть в нынешней России? // Российский экономический журнал. — 2020. — № 1. — С. 54–73.
3. *Ткаченко А. А.* Бедность и население России: ретроспективный взгляд на проблему // Народонаселение. — 2019. — Т. 22. — № 4. — С. 36–50.
4. *Ткаченко А. А.* Роль МОТ в международных процессах // Международные процессы. — 2019. — Том 17. — № 3 (58). — С. 36–50.
5. *Ткаченко А. А.* Столетний юбилей Международной организации труда и развитие статистики в области занятости // Вопросы статистики. — 2019. — Т. 26. — № 12. — С. 73–82.
6. *Ткаченко А. А.* Эпоха реформ германской статистики и Э. Энгель // Вопросы статистики. — 2017. — № 5. — С. 75–84.
7. *Ткаченко А. А.* Бедность как социальный феномен // Власть. — 1999. — № 9. — С. 35–43.
8. *Bellù L. G., Liberati P.* Equivalence Scales: Objective Methods. Module 034. FAO. — 2005. — № 2–7. — 17 p.
9. *Daley A., Garner T., Phipps S., & Sierminska E.* Differences across countries and time in household expenditure patterns: implications for the estimation of equivalence scales // International Review of Applied Economics. — 2020. — № 1–24. URL: http://doi.org/10.1080/02692171.2020.1781798
10. *Desai Raj M.* Social Policy and the Elimination of Extreme Poverty. In: The Last Mile in Ending Extreme Poverty. Editors: Laurence Chandy, Hiroshi Kato, Homi Kharas. Publisher: The Brookings Institution Press, 2015.
11. *Ferreira F. H. G., Chen S., Dabalen A., Dikhanov Y., Hamadeh N., Jolliffe D., Narayan A., Prydz E. B., Revenga A., Sangraula P., Umar Serajuddin U., Yo-shida N.* A global count of the extreme poor in 2012: data issues, methodology and initial results // The Journal of Economic Inequality. Special Issue on Global Poverty Lines. — 2016. — Vol. 14. Iss. 2. — P. 141–172. URL: https://doi.org/10.1007/s10888-016-9326-6
12. ILO. Key Indicators of the Labour Market, Ninth edition. Geneva, Inter-national Labour Office, 2016. — 150 p.
13. World Bank. Poverty and Shared Prosperity 2018: Piecing Together the Poverty Puzzle. Washington, DC: World Bank, 2018. — 201 p.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Antonova N. V.* Rol' social'nyh orientirov v opredelenii urovnja obespechenija rossijskih grazhdan posobijami iz gosudarstvennogo bjudzheta s uchjotom opyta Belorussii i Kazahstana // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija. — 2018. — № 3. — S. 179–186.
2. *Bobkov V. N., Guljugina A. A., Odincova E. V.* Minimal'naja potrebitel'skaja korzina: kakoj ej byt' v nyneshnej Rossii? // Rossijskij jekonomicheskij zhurnal. — 2020. — № 1. — S. 54–73.

3. *Tkachenko A. A.* Bednost' i naselenie Rossii: retrospektivnyj vzgljad na problemu // Narodonaselenie. — 2019. — T. 22. — № 4. — S. 36–50.
4. *Tkachenko A. A.* Rol' MOT v mezhdunarodnyh processah // Mezhdunarodnye processy. — 2019. — Tom 17. № 3 (58). — S. 36–50.
5. *Tkachenko A. A.* Stoletnij jubilej Mezhdunarodnoj organizacii truda i razvitie statistiki v oblasti zanjatosti // Voprosy statistiki. — 2019. — T. 26. — № 12. — S. 73–82.
6. *Tkachenko A. A.* Jepoha reform germanskoj statistiki i Je. Jengel' // Voprosy statistiki. — 2017. — № 5. — S. 75–84.
7. *Tkachenko A. A.* Bednost' kak social'nyj fenomen // Vlast'. — 1999. — № 9. — S. 35–43.

ТКАЧЕНКО Лидия Григорьевна
к.э.н., ведущий научный сотрудник,
Институт демографии и социальных исследований имени М. В. Птухи
Национальной академии наук Украины,
Киев, Украина.
E-mail: lidiia ltkachenko@gmail.com

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ В ПЕНСИОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Ключевые слова: старение населения, социальная политика, продолжительность жизни, пенсионный возраст.

Коды JEL: J11, J21, J26

Несмотря на очевидное влияние старения населения, демографические показатели пока очень мало применяются для обоснования пенсионной политики, не всегда используются даже самые элементарные коэффициенты, такие как уровень старения или нагрузки. Также обращает на себя внимание, что демографические изменения трактуются политиками преимущественно в негативном свете, как источник проблем, вынуждающий принимать заведомо непопулярные решения.

Например, в обоснование реформы 2011 г., предусматривающей повышение пенсионного возраста для женщин до 60 лет, Правительство Украины прямо ссылалось на негативное влияние старения населения на бюджет Пенсионного фонда. Среди предпосылок реформы также назывались растущее соотношение численности пенсионеров и плательщиков взносов, большой разрыв в размерах пенсий женщин и мужчин, дефицитность Пенсионного фонда, необходимость стимулирования к более

длительной трудовой жизни и более позднему выходу на пенсию [Кабинет Министров Украины, 2011]. При подготовке реформы 2017 г., которая привязала право на пенсию по возрасту к растущим критериям продолжительности страхового стажа (по сути, равнозначно скрытому повышению пенсионного возраста), вся аргументация свелась к упоминанию о необходимости уменьшения демографической нагрузки на солидарную систему [Кабинет Министров Украины, 2017].

В Российской Федерации при подготовке реформы 2018 г., предусматривающей постепенное повышение пенсионного возраста, демографическая аргументация использовались более широко. Пояснительная записка правительства к проекту федерального закона ссылалась на динамику ожидаемой продолжительности жизни, соотношение численности пенсионеров и работников, структурные изменения на рынке труда. При этом демографическая ситуация оценивалась как однозначно негативная, а конечной целью ставились сбалансированность и финансовая устойчивость пенсионной системы [Правительство Российской Федерации, 2018]. В специальном обращении Президента Российской Федерации акцент делался на росте ожидаемой продолжительности жизни и изменении возрастной структуры, ведущих к сокращению населения трудоспособного возраста и дефициту рабочей силы. Хотя подчеркивались объективный характер и историческая обусловленность этих изменений, все же их последствия описывались исключительно в негативном ключе, как прямая угроза нехватки денег на индексацию пенсий и их регулярную выплату [Президент Российской Федерации, 2018].

Нельзя сказать, что вышеприведенная аргументация беспочвенна и демографические изменения лишены рисков. Но их однозначно негативная трактовка приводит к искаженному восприятию демографических перспектив и осложняет имплементацию правильных мер пенсионной политики. С таким подходом повышение пенсионного возраста воспринимается как способ сокращения пенсионных расходов и наступление на социальные права. Молодые люди делают вывод, что пенсий у них и подавно не будет, старшие поколения еще больше переживают, что их пенсии будут мизерными, и в обществе в целом растет уверенность, что пенсионная система вот-вот рухнет окончательно.

Негативно мотивированная пенсионная реформа сталкивается с проблемой мониторинга, поскольку затруднительно выбрать, какими индикаторами оценивать ее результаты. Если демографические перспективы ассоциируются со страшилками, а повышение пенсионного возраста — с желанием уменьшить расходы, главным результатом логично видеть экономию на выплатах. Но такой результативный индикатор неприемлем политически и недостижим на практике. В номинальном выражении и даже в процентах к ВВП пенсионные расходы скорее будут расти, чем сокра-

щаться. Во-первых, благодаря более позднему выходу на пенсию у новых пенсионеров будет длиннее стаж и больше пенсионных прав. Во-вторых, для поддержки имиджа в период реформы политики обычно предусматривают дополнительные повышения пенсий. Например, в Украине женщинам, выходящим на пенсию по новым возрастным рамкам, пропорционально насчитываются бонусы, которые могут достигать 25% страховой пенсии. В Российской Федерации поколения, которые первыми попали под реформу, получили ряд фискальных льгот, а всем неработающим пенсионерам гарантировали минимальную величину индексации в 1000 руб. С учетом «раздачи пряников» ожидать уменьшения пенсионных расходов не приходится.

Поскольку главной целью реформы провозглашается финансовая сбалансированность пенсионной системы, показателем успешности можно было бы считать уменьшение дефицита. Но баланс в данном случае не является самодостаточным индикатором, нужно понимать, за счет чего он достигается. Интуитивно ожидается, что уменьшение дефицита будет происходить благодаря росту доходов, однако этому могут помешать различные силы, начиная с участившихся глобальных финансово-экономических кризисов и заканчивая популизмом местных политиков. Например, в 2015 г. Правительство Украины инициировало существенное снижение ставки единого социального взноса, вследствие чего страховые поступления в Пенсионный фонд сократились почти наполовину и дефицит превысил 40% общей суммы расходов. Естественно, повышение пенсионного возраста не могло компенсировать эту потерю, но до сих пор звучат упреки, что реформа себя не оправдала, раз Пенсионный фонд остался дефицитным. Опять-таки печальный опыт Украины показывает, что наиболее действенным способом уменьшения дефицита пенсионной системы является заморозка индексации пенсий, а вовсе не реформа.

Валовые финансовые показатели вообще мало подходят для мониторинга пенсионной реформы. Сбалансированность и финансовая устойчивость пенсионной системы, конечно, важны, но они неспособны создать правильную мотивационную среду для восприятия и воплощения реформы, а потому не должны ставиться во главу угла. У реформы должно быть человеческое лицо: цели и результаты должны отражать, как реформа может изменить жизнь людей к лучшему.

Преимущество демографических показателей как раз в универсальном человеческом измерении, они не подвержены денежной инфляции и исторической девальвации и гораздо объективнее характеризуют движущие силы реформ. Конечно, у них тоже есть свои ограничения и недостатки. Количественные показатели, такие как численность, структурная доля или соотношение населения пенсионного и трудоспособного возраста, чувствительны к качеству текущего учета населения и демографическим

волнам, которые очень сильны во всех странах Восточной Европы. Обобщающие показатели воспроизводства населения имеют свои сложности.

В Российской Федерации еще на этапе подготовки реформы звучала критика по поводу использования динамики ожидаемой продолжительности жизни при рождении в качестве обоснования возможности повышения пенсионного возраста. Недостатками этого показателя называли условно-гипотетический, вероятностный способ расчета, смешение влияния разных возрастных групп и недостаточный учет влияния социально-экономической динамики [Вишневский, Щербакова, 2019; Любинин, 2018]. К этому можно также добавить уязвимость к влиянию форс-мажорных обстоятельств, которые могут кратковременно значительно повысить уровень смертности (например, нынешняя пандемия коронавирусной инфекции и связанный с ней локдаун), а также погрешности текущей оценки численности населения, используемой для расчета вероятностей. Если брать не общую ожидаемую продолжительность жизни, а при достижении порога пожилого возраста, или продолжительность здоровой жизни, или жизни без инвалидности, одновременно с повышением информативности эти показатели становятся еще более мультифакторными, их расчет содержит еще больше условностей.

Тем не менее показатели ожидаемой продолжительности жизни достаточно часто используются в качестве ориентира адекватной возрастной черты между трудоспособным и пенсионным периодами жизни. Некоторые страны ЕС (Болгария, Кипр, Чехия, Дания, Эстония, Финляндия, Италия, Португалия, Словакия, Нидерланды) установили привязку повышения пенсионного возраста к динамике ожидаемой продолжительности жизни в качестве механизма автоматической балансировки пенсионной системы [EC, 2018; MISSOC, 2020]. Конечно, полного автоматизма не получается. Процедура предусматривает принятие решения о повышении пенсионного возраста на высшем законодательном уровне, поэтому фактор сугубо политической «целесообразности» (например, электоральный цикл) все равно остается.

Демографические показатели по праву заслуживают максимально широкое применение для обоснования и мониторинга результатов пенсионной реформы (и всех других реформ тоже). Но для построения эффективной политики принципиально важно отойти от стереотипно негативной интерпретации демографических изменений. Склонность к драматизации последствий старения в наших странах связана с тем, что на уровне формирования политики люди старшего возраста рассматриваются преимущественно как пассивные объекты социальной защиты, а не как полноправные участники экономической системы и общественной жизни. Все надежды по развитию привычно возлагаются на молодые поколения, а со старением пытаются бороться материальным стимулированием рождае-

мости. Но спираль возрастных изменений уже запущена, в долгосрочной перспективе нас неизбежно ждет старение населения в сочетании с сокращением населения трудоспособного возраста (не детей!), и роль старших поколений становится ключевой для обеспечения будущего экономического роста и социального развития.

На самом деле в мире есть много стран с более старым населением, чем у нас, и их пенсионные системы гораздо лучше справляются со своими функциями. Конечно, проблемы есть у всех, и всем приходится делать реформы, в том числе повышать пенсионный возраст. Но старение воспринимается не как катастрофа, а как вызов, и политика строится на поиске новых возможностей и источников развития. Такой подход как нельзя лучше вписывается в приоритеты Мадридского международного плана действий по проблемам старения, где направление № 1 посвящено участию пожилых людей в развитии [Всемирная ассамблея по проблемам старения, 2002]. Трактовка повышения пенсионного возраста с позиций расширения возможностей занятости, увеличения шансов личностной самореализации и улучшения материального благополучия позволяет придать пенсионной реформе правильную мотивацию, установить ясные цели и ориентиры.

Найти для мониторинга пенсионной реформы идеальный показатель, не подверженный влиянию сторонних факторов и статистическим погрешностям, не удастся. Нужна комплексная система показателей, которые взаимно дополняют и верифицируют друг друга. Например, для этих целей может послужить система индикаторов, разработанная для оценки прогресса в реализации Мадридского международного плана действий по проблемам старения [Европейский центр, 2011]. Индикаторы подобраны и сгруппированы по четырем направлениям: демография, доходы, рынок труда, социальная защита и финансовая устойчивость. Как видим, на первом месте демография, и только в самом конце — финансовая устойчивость.

Список литературы

1. *Вишневский А. Г., Щербакова Е. М.* Демография: за и против повышения пенсионного возраста // Журнал НЭА. — 2019. — № 2 (42). — С. 148–167.
2. Кабінет Міністрів України. (2011). Пояснювальна записка до проекту Закону України «Про заходи щодо законодавчого забезпечення реформування пенсійної системи» // Официальный веб-портал Верховной Рады Украины, 2011. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc34?id=&pf3511=39220&pf35401=193476
3. Кабінет Міністрів України. Пояснювальна записка до проекту Закону України «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо підвищення пенсій» // Официальный веб-портал Верховной Рады Украины,

2017. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc34?id=&pf3511=62088&pf35401=427413
4. *Любинин А. Б.* Пенсионная реформа: из «тени» в «тень» // Российский экономический журнал. — 2018. — № 5.
5. ООН. Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года, принят второй Всемирной ассамблеей по проблемам старения, Мадрид, 8–12 апреля 2002. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program.shtml
6. Правительство Российской Федерации. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество», 2018. URL: http://sozd.duma.gov.ru/download/18DE084D-8AA4-494B-BAF2-AA2475D25F2D
7. Президент Российской Федерации. Обращение Президента к гражданам России 29 августа 2018 года // Сайт Президента России, 2018. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/58405
8. European Centre for Social Welfare Policy and Research. Indicators for the 2nd cycle of review and appraisal of RIS/MIPAA 2007–2012 (A suggestion from MA: IMI). Vienna, April, 2011. URL: http://www.monitoringris.org/documents/tools_nat/Madrid_meeting.pdf
9. European Union. The 2018 Ageing Report. Economic and Budgetary Projections for the EU Member States (2016–2070). European Commission Directorate-General for Economic and Financial Affairs. Luxembourg, Publications Office of the European Union, 2018.
10. MISSOC. The Mutual Information System on Social Protection, MISSOC comparative tables. Update as at 2020-01-01. URL: https://www.missoc.org/missoc-database/comparative-tables/

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Vishnevskij A. G., Shherbakova E. M.* Demografija: za i protiv povyshenija pensionnogo vozrasta // Zhurnal NJeA. — 2019. — № 2 (42). — S. 148–167.
2. Kabinet Ministriv Ukraïni. (2011). Pojasnjuval'na zapiska do proektu Zakonu Ukraïni «Pro zahodi shhodo zakonodavchogo zabezpechennja reformuvannja pensijnoï sistemi» // Oficial'nyj veb-portal Verhovnoj Rady Ukrainy, 2011. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc34?id=&pf3511=39220&pf35401=193476
3. Kabinet Ministriv Ukraïni. Pojasnjuval'na zapiska do proektu Zakonu Ukraïni «Pro vnesennja zmin do dejakih zakonodavchih aktiv Ukraïni shhodo pidvishhennja pensij» // Oficial'nyj veb-portal Verhovnoj Rady Ukrainy, 2017. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc34?id=&pf3511=62088&pf35401=427413
4. *Ljubinin A. B.* Pensionnaja reforma: iz «teni» v «ten'» // Rossijskij jekonomicheskij zhurnal. — 2018. — № 5.
5. OON. Madridskij mezhdunarodnyj plan dejstvij po problemam starenija 2002 goda, prinjat vtoroj Vsemirnoj assambleej po problemam starenija, Madrid, 8–12 aprelja

2002. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program.shtml
6. Pravitel'stvo Rossijskoj Federacii. Pojasnitel'naja zapiska k proektu federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii po voprosam naznachenija i vyplaty pensij» // Sistema obespechenija zakonodatel'noj dejatel'nosti Gosudarstvennoj avtomatizirovannoj sistemy «Zakonotvorchestvo», 2018. URL: http://sozd.duma.gov.ru/download/18DE084D-8AA4-494B-BAF2-AA2475D25F2D
7. Prezident Rossijskoj Federacii. Obrashhenie Prezidenta k grazhdanam Rossii 29 avgusta 2018 goda // Sajt Prezidenta Rossii, 2018. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/58405

ЮОДЕШКО Виктория Иосифовна
к.э.н., заведующая Центром социально-демографических исследований
НИИ труда Минтруда и соцзащиты,
Минск, Беларусь.
E-mail: yuodeshko@gmail.com

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ БЕЛАРУСИ В ИНТЕРЕСАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: демографическая политика, миграция, рождаемость, смертность.

Коды JEL: J11, J18

Комплексная оценка современной и перспективной демографической ситуации, выявление и понимание демографических процессов, их причин и социально-экономических последствий крайне важны для выбора стратегического пути социально-экономической и демографической политики Беларуси. В 2020 г. в стране заканчивает действие Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг., а также комплекс государственных программ, среди которых программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 гг. Соответственно, разрабатывается новый этап среднесрочного программно-целевого планирования на период до 2025 г., а также долгосрочная Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 г.

Текущие ориентиры государственной демографической политики страны нацелены на стабилизацию численности населения и увеличение

ожидаемой продолжительности жизни при рождении. В такой постановке цель демографического развития на период до 2020 г. только частично можно считать достигнутой. Так, численность населения страны убывает, но сохраняется в пределах 9,4–9,5 млн человек. Ожидаемая продолжительность жизни возросла с 73,9 года в 2015 г. до 74,5 года в 2018 г. При этом государственной программой демографической безопасности был запланирован более интенсивный ее рост — до 75,3 года к 2020 г.

В целом демографическая ситуация в Республике Беларусь характеризуется неустойчивостью. Позитивные тенденции демографического развития, наблюдавшиеся с 2005 г., сменились с 2016–2017 гг. нарастанием естественной убыли населения, снижением численности родившихся и суммарного коэффициента рождаемости, увеличением числа умерших, стагнацией динамики ожидаемой продолжительности жизни. Это повышает актуальность объективной оценки выбранных инструментов демографической политики в преддверии разработки государственных программ на период до 2025 г.

Для достижения поставленных демографических целей в период до 2020 г. использовалась традиционная триада — укрепление здоровья населения, развитие системы поддержки семей с детьми, регулирование внешних миграционных процессов.

Здоровье населения и ожидаемая продолжительность жизни

В направлении укрепления здоровья государственной программой в области демографической безопасности была предусмотрена реализация мероприятий пяти подпрограмм: «Профилактика и контроль неинфекционных заболеваний», «Предупреждение и преодоление пьянства и алкоголизма», «Туберкулез», «Профилактика ВИЧ-инфекции», «Обеспечение функционирования системы здравоохранения Республики Беларусь». Совокупное действие предусмотренных в них мер нацелено на создание условий для улучшения здоровья населения с охватом всех этапов жизни, широкой информированности населения о факторах риска здоровью и популяризации здорового образа жизни, формирования у населения самосохранительного поведения, сокращения уровня смертности, в том числе в трудоспособном возрасте, повышения качества и доступности услуг системы здравоохранения.

Значимые успехи можно отметить в снижении материнской, младенческой и детской смертности. Так, младенческая смертность составила в 2018 г. 2,4 ‰, детская смертность до 5 лет — 3,4 ‰, материнская смертность — 3 случая на 100 000 рожденных живыми. По младенческой смертности Беларусь входит в десятку стран Европы с самым низким ее уровнем.

Интенсивность прогресса в увеличении ожидаемой продолжительности жизни, очевидно, недостаточна. Пока продолжительность жизни в Беларуси, в том числе и здоровой жизни, остается одной из самых низких на европейском пространстве. В 2018 г. отмечена негативная тенденция снижения продолжительности жизни мужского населения.

Не удалось сохранить тенденцию в сокращении неравенства в продолжительности жизни мужчин и женщин. В 2018 г. этот разрыв составил 10,2 года. Существенное отставание продолжительности предстоящей жизни мужского населения от женского наблюдается в Беларуси после достижения 40 лет, тогда как в других странах Европы заметные различия проявляются только после 60 лет.

Причины отставания продолжительности жизни населения в Беларуси связаны с высокой смертностью, особенно среди мужчин трудоспособного возраста. Наиболее весомыми факторами, формирующими ее, являются смертность от болезней системы кровообращения, внешних причин и новообразований.

Таким образом, задача улучшения здоровья мужчин и женщин всех возрастов не решена полностью. Поэтому актуальными в ближайшей перспективе представляются поиск эффективных инструментов влияния на стратегии здоровья и образа жизни населения наряду с повышением доступности и качества медицинской помощи.

Рождаемость

В области рождаемости и поддержки семей с детьми акцент в государственных программах до 2020 г. был сделан на укреплении семейных ценностей и института семьи, повышении престижа родительства, развитии системы поддержки семей с детьми и улучшении условий их жизнедеятельности, обеспечении прав и законных интересов детей.

На решение этих задач был направлен ряд мероприятий подпрограммы «Семья и детство» государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 гг., подпрограммы «Развитие системы дошкольного образования» государственной программы «Образование и молодежная политика» на 2016–2020 гг., а также отдельные мероприятия государственной программы о социальной защите и содействии занятости населения на 2016–2020 гг.

Несмотря на сохранение общего пакета мер по поддержке семей с детьми и принятие ряда новых мер после 2015 г. (в частности, семейный капитал многодетным семьям, отцовский отпуск, жилищная поддержка многодетных семей, законодательное введение дистанционной занятости и др.), позитивные тренды роста рождаемости подержать не удалось. Так, суммарный коэффициент рождаемости снизился с 1,73 в 2016 г. до 1,45

в 2018 г. По предварительным экспертным оценкам, в 2019 г. он составил 1,4. При этом на этапе разработки и утверждения государственных программ текущего периода был запланирован устойчивый рост суммарного коэффициента рождаемости до 1,75 к 2020 г., по итогам нескольких лет реализации программ значение было скорректировано до 1,37.

Преимущественной формой повышения уровня и качества жизни семей с детьми в настоящее время являются денежные трансферты. Их наращивание в последнее десятилетие оказывало позитивное влияние на снижение малообеспеченности семей с детьми. При этом сфера услуг по уходу за детьми как важнейший элемент семейной политики, содействующий расширению возможностей занятости родителей и поддерживающий экономическую самостоятельность семей, не получила должного развития. Если в отношении детей старше трех лет в стране обеспечен практически всеобщий охват дошкольным образованием (96,4% в 2018 г.), то в отношении детей до трех лет он значимо ниже (21,5% в 2018 г.) и не позволяет в полной мере удовлетворить спрос семей на такие услуги.

Внешняя и внутренняя миграция

Приоритет в политике регулирования внешней миграции в период до 2020 г. состоял в совершенствовании системы выявления, предупреждения и пресечения незаконной миграции, содействии интеграции иностранцев, а также совершенствовании порядка привлечения иностранных специалистов в страну. На решение этих задач направлены мероприятия подпрограммы «Внешняя миграция» государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 гг. Вопросы внутренней миграции частично отражены в государственной программе о социальной защите и содействии занятости населения на 2016–2020 гг. В интересах системного решения проблем в области миграции в настоящее время разрабатывается Концепция государственной миграционной политики.

Демографическое преимущество Беларуси наряду с Россией и Чехией на фоне других восточноевропейских государств — сохранение положительного сальдо миграции (по официальным данным текущего учета). Объемы внешней миграции в стране недостаточны для нивелирования естественной убыли населения (13,9 тыс. человек в 2019 г., что более чем на 40% компенсировало естественную убыль населения). Государственной программой «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 гг. сальдо внешней миграции было запланировано в достаточно оптимистичном объеме — 16 тыс. человек в 2020 г., однако по итогам 2016–2017 гг. этот целевой показатель был скорректирован до 12,5 тыс. человек.

Актуальными остаются проблемы размещения населения. Продолжается снижение численности сельского населения, удельный вес горожан увеличился к 2019 г. до 78,4%. Значимым является разрыв в уровне и образе жизни между сельской и городской местностью, центральными и периферийными в экономическом плане районами. Процесс урбанизации приводит к «вымиранию» сельских населенных пунктов, упадку экономики отдельных административных районов, значительному старению населения регионов вследствие миграции молодежи.

Перспективные направления демографической политики на период до 2025 г.

Оценка реализованных в стране мер демографической политики позволяет сделать вывод о необходимости комплексного и системного подхода в разработке и реализации демографической политики до 2025 г., нацеленной не только на регулирование процессов рождаемости, смертности и миграции, но и на ответную переориентацию социально-экономической политики с учетом прогнозируемых демографических изменений.

В интересах стабильности демографической ситуации в Республике Беларусь актуальными и новыми направлениями являются:

— переориентация политики в области рождаемости с наращивания денежных пособий на развитие сферы доступных профессиональных услуг по уходу за детьми и расширение возможностей эффективной занятости родителей, воспитывающих детей;
— внедрение новых форм и методов работы с населением, эффективно влияющих на сохранение здоровья, в том числе репродуктивного, и снижение предотвратимых рисков смерти, с фокусом на мужчин в трудоспособном возрасте, подростков и молодежь;
— переход от централизованной миграционной политики к управлению реализацией региональных программ развития с учетом потенциала и проблем регионов, включая программы привлечения специалистов требуемой квалификации и социально-демографических характеристик, программы развития инфраструктуры регионов, программы развития малого и среднего бизнеса, фермерских хозяйств, программ перемещения отдельных производств и компаний из городов в сельскую местность.

Список литературы

1. Демографический ежегодник Республики Беларусь: стат. сб. // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь; редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. — Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2019. — 429 с.

2. Об утверждении Государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 14 марта 2016 г., № 200 // «КонсультантПлюс». Беларусь. ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2019.
3. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы: Указ Президента Респ. Беларусь, 15 дек. 2016 г., № 466 // ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2019.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Demograficheskij ezhegodnik Respubliki Belarus': stat. sb. // Nac. stat. kom. Resp. Belarus'; redkol.: I. V. Medvedeva (pred.) [i dr.]. — Minsk: Nac. stat. kom. Resp. Belarus', 2019. — 429 s.
2. Ob utverzhdenii Gosudarstvennoj programmy «Zdorov'e naroda i demograficheskaja bezopasnost' Respubliki Belarus'» na 2016–2020 gody: postanovlenie Soveta Ministrov Resp. Belarus', 14 marta 2016 g., № 200 // KonsulʹtantPljus. Belarus'. OOO «JurSpektr», Nac. centr pravovoj inform. Resp. Belarus'. — Minsk, 2019.
3. Ob utverzhdenii Programmy social'no-jekonomicheskogo razvitija Respubliki Belarus' na 2016–2020 gody: Ukaz Prezidenta Resp. Belarus', 15 dek. 2016 g., № 466 // OOO «JurSpektr», Nac. centr pravovoj inform. Resp. Belarus'. — Minsk, 2019.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И РАССЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

АВДЕЕВ Александр Александрович
к.э.н., профессор Института демографии Университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна,
зав. сектором лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова.
E-mail: Alexandre.Avdeev@univ-paris1.fr

ТРОИЦКАЯ Ирина Алексеевна
ведущий научный сотрудник
лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова.
E-mail: itro@econ.msu.ru

КЫРГЫЗСТАН: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР НЕУСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ[1]

Ключевые слова: Кыргызская Республика, демографическая ситуация, социальная напряженность.

Коды JEL: J11, J18

События осени 2020 г. в Кыргызстане дают основания полагать, что наряду с экономическими (рост бедности, высокий уровень безработицы) и социальными (деградация системы социальной защиты, расслоение общества, противостояние кланов) причинами особенности демографического развития также могут быть факторами роста социальной напряженности в республике.

После распада СССР и возникновения на его обломках пятнадцати новых независимых государств и четырех непризнанных или частично

[1] Доклад подготовлен в рамках проекта ЮНФПА «Анализ ситуации в области народонаселения в Кыргызской Республике».

признанных государственных образований система взаимного распределения демографических рисков, существовавшая в советское время, исчезла. Начиная с 1991 г. решение проблем, обусловленных особенностями демографического развития, оказалось в исключительной компетенции национальных правительств. В особенно сложном положении оказались страны Средней Азии, в том числе и молодая Кыргызская Республика.

Несмотря на то что в обозримом будущем абсолютная величина прироста численности населения будет оставаться значительной — в среднем 100 тыс. человек в год, Кыргызская Республика будет оставаться самым малонаселенным государством в Среднеазиатском регионе, и различия в численности населения между ней и ее ближайшими соседями в будущем станут только увеличиваться.

Географические особенности Кыргызстана таковы, что лишь 15% территории республики расположено в зоне комфортного проживания (на высоте менее 1500 м над уровнем моря, рис. 1).

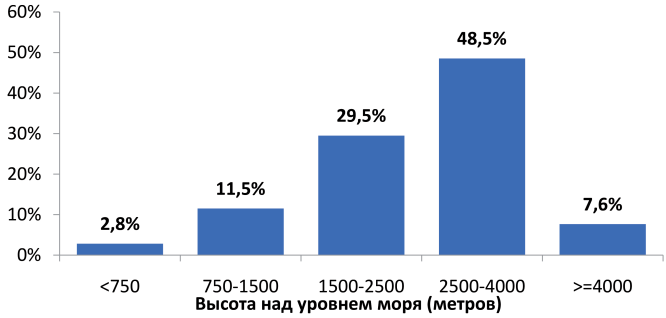

Рис. 1. Оценка высотного разделения территории Кыргызской Республики

Эти особенности рельефа определяют историческое и современное распределение населения по территории Кыргызстана. Это распределение неравномерно, население концентрируется вокруг двух полюсов: столичного региона, включающего город Бишкек и прилегающие к нему административные районы Чуйской области, и по оси Ош–Джалал-Абад, в районах «плодородного полумесяца», окаймляющего Ферганскую долину (рис. 2). При этом наиболее густонаселенные районы отличаются и наибольшим приростом населения. Население в этих районах увеличивается за счет как естественного, так и миграционного прироста, тогда как в остальных районах весьма высокий естественный прирост населения сопровождается миграционным оттоком в направлении обоих полюсов притяжения и за пределы республики.

В республике также наблюдается значительная концентрация населения и вокруг других крупных городов, начавших наступление на окружа-

ющие их сельскохозяйственные угодья, что создает прямую угрозу продовольственной безопасности республики.

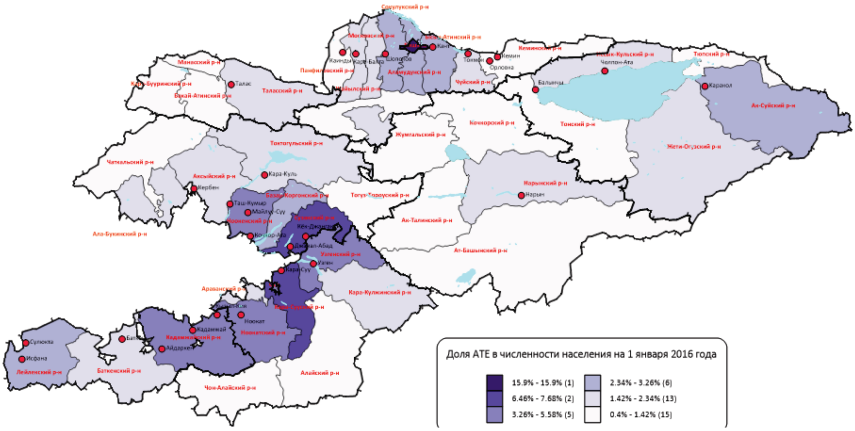

Рис. 2. Распределение населения Кыргызской Республики по территории на 1 января 2016 г. по административным районам, %
Примечание: АТЕ — административно-территориальная единица.

Другой особенностью демографического развития Кыргыской Республики является низкий уровень урбанизации. Несмотря на четырехкратное увеличение доли городского населения с конца XIX в. до настоящего времени, в Кыргызстане этот показатель никогда не превышал 40% (рис. 3).

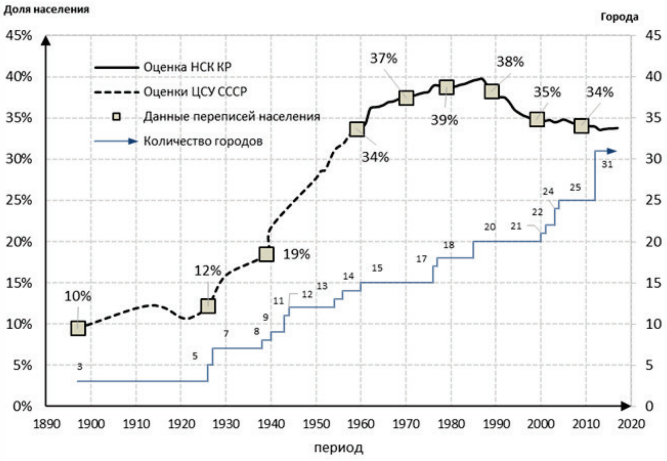

Рис. 3. Историческая динамика доли городского населения и рост количества городов в Кыргызской Республике

Если рассмотреть динамику соотношения между тремя основными возрастными группами — детей и подростков, населения в рабочем возрасте и населения в пожилом и преклонном возрасте, можно увидеть, что в настоящее время Кыргызская Республика проходит и и в ближайшем будущем будет проходить через «демографическое окно», и на 100 человек в рабочем возрасте будет приходиться около 80 человек, не достигших рабочего возраста и вышедших из него. Прогрессивная потеря демографического дивиденда начнется не ранее 2080-х гг. (рис. 4). Тогда же нагрузка пожилыми на население в рабочем возрасте превысит нагрузку молодежью. Начиная с 2010-х гг. в структуре демографической нагрузки начинается замещение молодежи и детей пожилыми как общая тенденция, которая искажается за счет демографической волны, порожденной колебаниями рождаемости в 1940–1980-е гг.

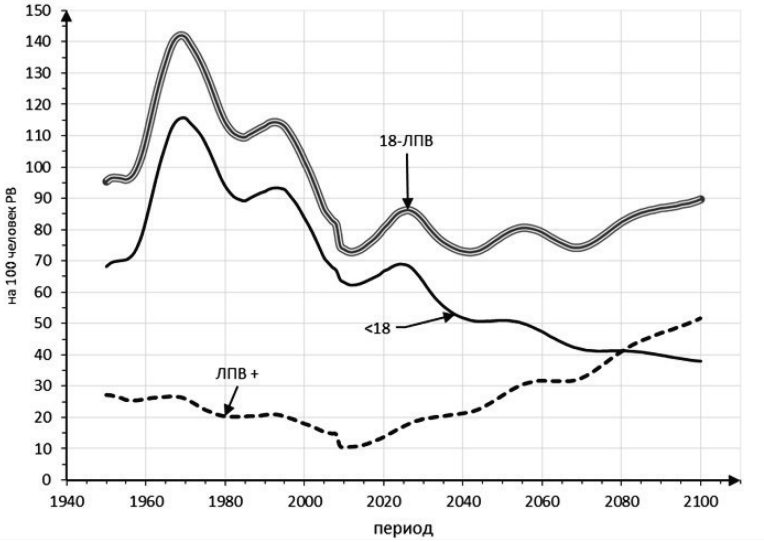

Рис. 4. Историческая динамика и перспективы демографической нагрузки по возрастным категориям населения Кыргызской Республики

Но «демографическое окно» (уменьшение нагрузки на трудоспособное население) на деле создает дополнительную напряженность на рынке труда. Численность молодежных контингентов, выходящих на рынок труда, в Кыргызской Республике в настоящее время очень велика, более 350 тыс. в год, и в ближайшие годы она будет расти, выдвигая серьезные требования к службе занятости, профессиональной ориентации и т.д.

С учетом выхода с рынка труда лиц пенсионного возраста и «молодых» пенсионеров (ПВ +3) и входа на рынок лиц в возрасте 18–21 год (рис. 5)

создание 20–30 тыс. новых рабочих мест в год, необходимых для обеспечения занятости молодежи, представляет собой очень сложную задачу при отсутствии национальных драйверов экономического роста и в условиях унаследованной от советского периода несбалансированной отраслевой структуры народного хозяйства.

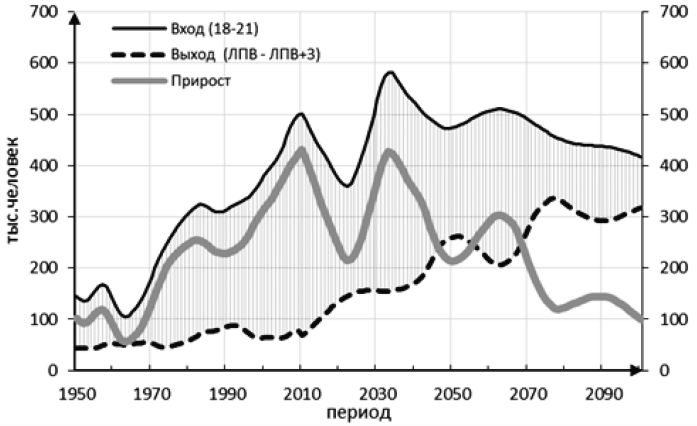

Рис. 5. Замещение на рынке труда в Кыргызской Республике

Рост социальных потребностей населения при истощении ресурсного обеспечения системы социальной защиты, к которому привыкло население республики (занятость, образование, медицинская помощь, пенсионное обеспечение), привел к ослаблению государственных институтов и, напротив, к усилению традиционных структур солидарности и социальной поддержки (семья, кланы, сильные личности).

ГАГАУЗ Ольга Евсеевна
д.социол.н.,
Центр демографических исследований,
Национальный институт экономических исследований,
Кишинев, Молдова.
E-mail: gagauzo@inbox.ru

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ МОЛДОВЫ

Ключевые слова: демографическая ситуация, Молдова, Приднестровье.

Коды JEL: J10, J11

Введение. Массовая депопуляция Молдовы является одним из худших негативных изменений, произошедших за период независимости страны. Уже два десятилетия наблюдается сокращение численности населения, происходящее с различной интенсивностью во времени и являющееся совокупным результатом негативного естественного прироста и отрицательной миграции. Динамика основных демографических процессов не вызывает оптимизма, а основные демографические вызовы: быстрое старение населения и рост демографической нагрузки на трудоспособную часть населения — оказывают существенное влияние на перспективы социально-экономического роста. Экономика, рынок труда, здравоохранение, пенсии, окружающая среда, справедливость в отношениях между поколениями, электоральные предпочтения и результаты выборов — все они в ближайшей и долгосрочной перспективе обусловлены демографической динамикой.

В данной статье представлен обобщенный анализ изменения численности населения Молдовы и основных его компонентов (рождаемость, смертность и миграция), а также рассматриваются возможные траектории развития событий на основе аналитического демографического прогноза.

Характеристика и источники данных. Трудности учета миграционных потоков породили определенную сложность в определении численности населения Молдовы. Так как официальная статистика эмиграции основана исключительно на информации, полученной из специальной формы регистрации, то граждане страны попадали в статистику как эмигранты только в том случае, если они подали соответствующее заявление в органы регистрации и были сняты с учета в связи с выбытием за рубеж на постоянное жительство. Граждане Молдовы, выехавшие за рубеж на период более одного года и не снявшиеся с учета, считались временными эмигрантами и относились официальной статистикой к «временной» или «трудовой» эмиграции. Таким образом, в численность населения Молдовы включались все граждане, в том числе и выехавшие когда-то за границу, но не снявшиеся с регистрационного учета по прежнему месту жительства. В результате численность наличного населения была существенно завышена, соответственно социально-экономические и демографические показатели были искажены, некоторые были завышены, другие занижены.

Перепись населения и жилищ 2014 г. была проведена на основании определения обычного места жительства населения. Поскольку перепись населения не охватила все население, то для определения численности наличного населения (с обычным местом жительства) использовались административные источники, и окончательные данные переписи были объявлены только в 2019 г. Вместе с тем был осуществлен перерасчет численности населения на основе критерия обычного места жительства для 2014–2019 гг., потребовавший использования новых подходов,

а также источников данных для определения численности мигрантов. В результате в настоящее время в официальной статистике используются два вида численности населения, так называемое стабильное население и наличное население (резиденты, население с обычным местом жительства). Был осуществлен перерасчет основных демографических показателей для 2014–2019 гг., а также некоторых социально-экономических показателей.

Существование двух типов населения привело к тому, что во многих международных базах данных, основывающихся на официальной статистике, отражена информация (показатели), имеющая в основе стабильное население, соответственно это затрудняет изучение реальной ситуации в Молдове во многих сферах. Следует отметить, что страновой анализ демографической динамики, представленный Венским институтом демографии в этом году, уже отражает данные по Молдове для населения с обычным местом жительства [Vienna Institute..., 2020].

Важный вклад в определение численности населения Молдовы внесла работа Пениной О., Жданова Д. и Григорьева П. [Penina et al., 2015], осуществивших оценки численности населения *de facto* (альтернативные данные) путем исключения из численности населения мигрантов, отсутствующих в стране более 12 месяцев. Сравнение данных оценок с официальными ежегодными данными о населении Молдовы за период 1980–2014 гг. показало, что различия между двумя сериями данных колеблются от 1% в начале 1990-х гг. до более чем 18% в конце периода. По оценкам исследователей, численность населения с обычным местом жительства *(de facto)* на 1 января 2014 г. составила 2911,6 тыс., на 42,4 тыс. больше, чем по данным переписи населения и жилищ 2014 г., дополненным из административных источников, согласно которым в Молдове проживало 2869,2 тыс. человек. Альтернативные данные о численности населения использовались другими исследователями для изучения демографических процессов [Гагауз, 2018; Tabac, Gagauz, 2020], а также послужили основой для демографического прогноза, разработанного Центром демографических исследований на 2014–2035 гг.

Для написания данной работы использовались данные переписей населения 2004 г. и 2014 г., данные текущей статистики, а также для обзора демографической ситуации в Приднестровье использовались данные государственной службы статистики Приднестровья.

Динамика численности населения Молдовы. Во второй половине XX в. численность населения Молдовы постоянно росла, увеличившись за 1950–1990 гг. почти в два раза с 2290 тыс. до 4362 тыс. В конце 1980-х гг. Молдова (тогда Молдавия) занимала лидирующее положение по темпам прироста населения среди других республик СССР как за счет естественного, так и за счет миграционного прироста населения. В начале 1990-х гг., по-

сле обретения независимости, демографическая ситуация в Молдове была довольно благоприятной, и так называемый этап «демографического дивиденда» должен был принести значительные выгоды для развития экономики и социальной сферы. Однако развал экономики после распада СССР, затянувшийся социально-экономический кризис, вызвавший массовый отток населения в поисках работы за границу, и последующая трансформация временной миграции в постоянную нанесли огромный ущерб демографическому потенциалу Молдовы.

За последние десятилетия по темпам сокращения численности населения Молдова занимает одно из первых мест среди стран Восточной и Центральной Европы. В первые годы независимости (1991–1997 гг.) естественный прирост был еще высоким (20,5‰) и, несмотря на миграционный отток (–136,2 тыс., –31,2‰), связанный с этнической эмиграцией (эмиграция русских, украинцев, евреев и др.), сокращение населения составило всего 46,6 тыс. человек (–10,7‰). За следующие двадцать лет (с 1998 по 2018 г.) население Молдовы сократилось с 3655,6 тыс. до 2730,3 тыс. (на 25,3%), причем на отрицательную нетто-миграцию пришлось 93,3% от общей убыли населения за этот период (табл. 1). С конца 90-х гг. международная миграция постоянно увеличивалась. Так, в 1998–2004 гг. общая убыль населения составила 272,6 тыс., из которых 247,1 тыс. — миграционная убыль (90,6%). Между переписями 2004 и 2014 гг. численность населения еще сократилась на 513,8 тыс. и тоже в основном за счет миграции (487,5 тыс.).

Таблица 1

Изменение численности населения Молдовы, 1991–2018 гг., и его компоненты

Годы	Изменение численности населения				Структура, %		
	Численность населения (тыс.)	Общая убыль (тыс.) по отношению к предыдущему периоду	Естественный прирост/убыль (тыс.)	Миграционная убыль (тыс.)	Общая убыль	Естественная убыль	Миграционная убыль
1991	4364,1	-					
1997	4317,5	–46,6	89,6	–136,2	–	–	–
1998	3655,6	–	–	–	–	–	–
2004	3383,0 (перепись)	272,6	–25,5	–247,1	100	9,4	90,6

Окончание табл. 1

Годы	Изменение численности населения				Структура, %		
	Численность населения (тыс.)	Общая убыль (тыс.) по отношению к предыдущему периоду	Естественный прирост/убыль (тыс.)	Миграционная убыль (тыс.)	Общая убыль	Естественная убыль	Миграционная убыль
2014	2869,2 (перепись)	513,8	–26,3	–487,5	100	5,1	94,9
2018	2730,4	138,8	–9,7	–129,1	100	7,0	93,0
1998–2018	**3655,6–2730,4**	**–925,2**	**–61,5**	**–863,7**	100	**6,7**	**93,3**

Источник: расчеты автора на основе данных НБС.

Примечание: за 1990–1997 гг. данные в целом по Молдове вместе с Приднестровьем, с 1998 г. без Приднестровья и мун. Бендеры.

Перспективная динамика населения Молдовы. Сравнение демографического прогноза, разработанного Центром демографических исследований на период 2014–2035 гг., с динамикой населения последних лет показывает, что реализуется низкий сценарий (рис. 1). На начало 2019 г. численность населения составила 2686,1 тыс., что несколько меньше, чем согласно прогнозу. Отметим, что данный прогноз имеет аналитический характер и был направлен на исследование возможных траекторий изменения численности и структуры населения на основе предположений о возможной динамике основных демографических процессов (рождаемость, смертность и миграция). Этот прогноз является скорее предупреждением о возможных сценариях демографического развития и не преследовал цель как можно более точного предсказания демографических изменений. Демографический прогноз был разработан на основе альтернативных данных о численности и структуре населения по возрасту и полу [Penina et al., 2015], а также показателях рождаемости и смертности, рассчитанных на их основе.

Низкий сценарий основывается на гипотезе о том, что КСР не будет изменяться и останется на уровне 2014 г. 1,65 ребенка на женщину детородного возраста; смертность будет постепенно снижаться, так что ожидаемая продолжительность жизни при рождении для мужчин увеличится с 64,9 до 67 лет, а для женщин — с 73,7 до 75,8 года; миграционная убыль постепенно увеличится от –1% до –1,3% в год.

Средний сценарий исходит из гипотезы об умеренном увеличении рождаемости — с 1,65 до 1,85 ребенка на одну женщину детородного воз-

раста к 2035 г.; снижении смертности и увеличении ожидаемой продолжительности жизни у мужчин — до 69,1 года, у женщин — до 77,9 года; сокращении миграционной убыли с –1% до –0,5% в год.

Оптимистичный сценарий основан на предположении о постепенном увеличении КСР до 2,1 ребенка на женщину детородного возраста к 2035 г.; существенном снижении смертности и увеличении ожидаемой продолжительности жизни (у мужчин до 71 года, у женщин до 80 лет); сокращении миграции до 0 к концу прогнозного периода.

Согласно результатам прогноза, в ближайшие десятилетия демографический спад будет продолжаться быстрыми темпами, ежегодное сокращение населения будет варьировать в пределах 1,1–2% (рис. 1). К 2035 г. население страны может сократиться до 2085,8 тыс. человек (на 28,4% по сравнению с 2014 г.). Только значительное улучшение демографических показателей: рождаемости, ожидаемой продолжительности жизни — и сокращение миграции могут уменьшить масштабы демографического спада. Улучшение ситуации возможно только при оптимистичном сценарии, при котором к концу прогнозного периода численность населения может установиться на уровне около 2600,0 тыс. человек.

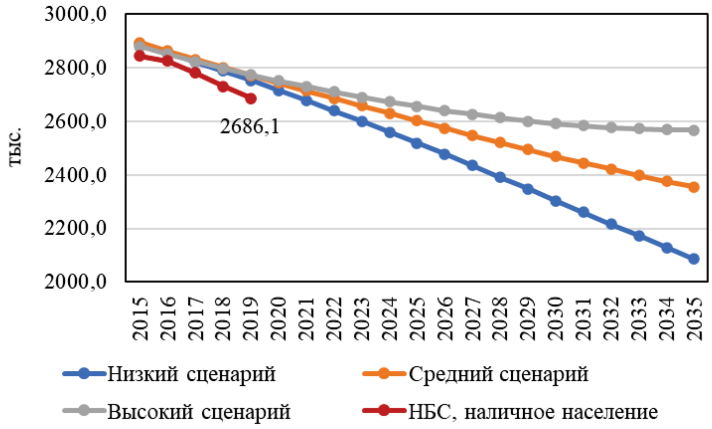

Рис. 1. Прогноз численности населения и данные текущей статистики за 2014–2019 гг.
Источник: прогноз Центра демографических исследований на 2014–2035 гг., данные Национального бюро статистики за 2014–2019 гг.
Примечание: данные без Приднестровья и мун. Бендеры.

Рождаемость. Сокращение численности населения неизбежно поведет за собой сокращение рождаемости. Уже в последние несколько лет наблюдается существенный спад числа рождений, несмотря на то что в настоящее время Молдова отличается одним из самых высоких уровней КСР в Европе. Согласно новым переоценкам НБС, этот показатель в 2014–

2019 гг. составил 1,82–1,77 живорожденных на одну женщину репродуктивного возраста (табл. 2). Отметим, что эти показатели несколько выше, чем оценки, сделанные автором с использованием альтернативных данных о населении, согласно которым КСР в 2014–2015 гг. составлял 1,64–1,61 рождений [Гагауз, 2018]. Это связано с тем, что в 2019 г. НБС произвело также переоценку численности рождений для 2014–2019 гг. Так как определенная часть населения Молдовы имеет двойное гражданство — Молдовы и Румынии, то в последние годы увеличивается число новорожденных, зарегистрированных родителями в консульстве Румынии, с целью получения более высоких пособий по рождению и уходу за ребенком. Как результат, число рождений в медицинских учреждениях существенно превышает число зарегистрированных новорожденных в органах ЗАГС Молдовы. Используя критерий обычного места жительства и данные перезарегистрированных свидетельств о рождении в органах ЗАГС, была осуществлена коррекция численности новорожденных, а также КСР.

Таблица 2

Показатели рождаемости, Молдова, 2014–2019 гг.

	Число живорождений	КСР	Нетто-коэффициент воспроизводства	Средний возраст матери при рождении
2014	40 909	1,82	0,87	26,8
2015	40 855	1,87	0,90	27,3
2016	39 961	1,89	0,91	27,4
2017	36 640	1,82	0,87	27,6
2018	34 764	1,82	0,87	27,7
2019	32 022	1,77	0,85	27,8

Источник: данные Национального бюро статистики.

Сокращение численности женщин в репродуктивных возрастах неизбежно ведет к сокращению числа рождений в календарные годы. Если в 2014 г. число рождений составило 40,9 тыс., то в 2019 г. только 32,0 тыс., что на 21,7% меньше. Нетто-коэффициент воспроизводства постепенно снижается и для 2019 г. составляет 85%.

Демографический прогноз показывает (низкий сценарий), что в последующие годы численность женщин в репродуктивном возрасте сократится с 735,5 в 2014 г. до тыс. до 484,8 тыс. в 2035 г., т.е. более чем на треть. При этом в структуре женщин репродуктивного возраста доля наиболее активных репродуктивных возрастов (20–40 лет) существенно уменьшится. Если в 2015–2020 гг. эта категория женщин составляла около 62%, то постепенно она упадет до 49% (2031–2035 гг.). Таким образом, даже если

в последующие годы КСР будет повышаться, численное количество рождений будет очень небольшим и не сможет перекрыть сокращение численности населения, вызванное увеличением количества смертей в результате демографического старения. Согласно низкому сценарию, число рождений может сократиться к концу прогнозного периода до 20 тыс., т.е. почти в два раза по сравнению с 2014 г.

Смертность. В настоящее время высокий уровень смертности населения является одной из острых демографических проблем Молдовы, как и России, и ведет к существенным потерям людских ресурсов. Известно, что ожидаемая продолжительность жизни при рождении является отражением уровня жизни в широком смысле этого понятия, культурного уровня населения и качества медицинской помощи. За 1990–2018 гг. в Молдове ожидаемая продолжительность жизни при рождении у женщин увеличилась с 72,09 до 75 лет (на 2,9 года), а для мужчин с 65,13 до 66,3 года (на 1,14 года), тогда как в Эстонии, например, за этот же период, данный показатель увеличился для женщин с 74,91 до 82,7 года (на 7,8 года), а для мужчин — с 64,7 до 74,0 (на 9,3 года). По сравнению с некоторыми другими странами Восточной Европы, ожидаемая продолжительность и мужчин, и женщин в Молдове является самой низкой (рис. 2 и 3).

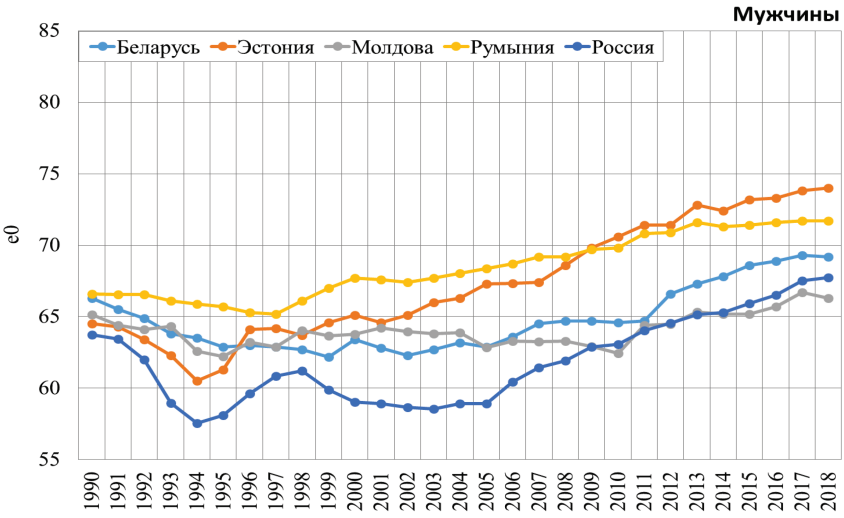

Рис. 2. Изменение ожидаемой продолжительности жизни мужчин в Молдове, России, Беларуси и Эстонии, 1990–2018 гг.
Источник: для России, Беларуси, Эстонии и Румынии данные World Bank, для Молдовы 1990–2013 гг. [Penina et al., 2015], 2014–2019 гг. данные НБС.

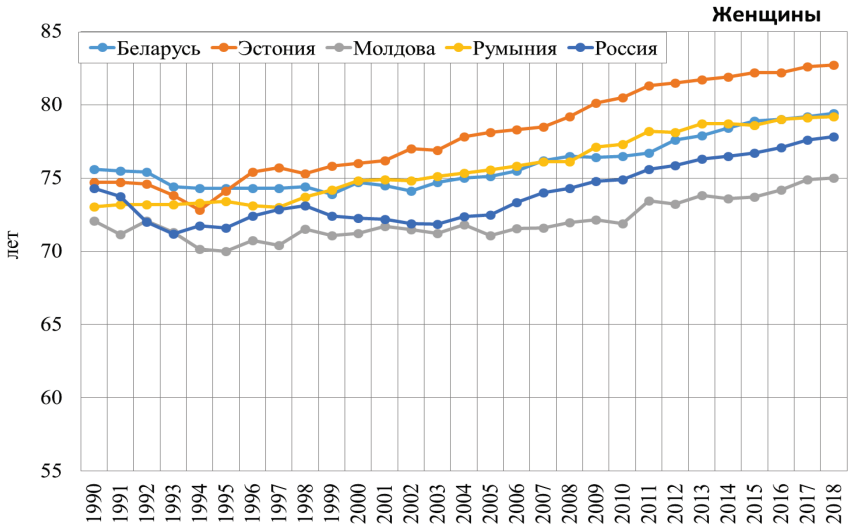

Рис. 3. Изменение ожидаемой продолжительности жизни женщин в Молдове, России, Беларуси и Эстонии, 1990–2018 гг.
Источник: для России, Беларуси, Эстонии и Румынии данные World Bank, для Молдовы 1990–2013 гг. [Penina et al., 2015], 2014–2019 гг. данные НБС.

Изменение ожидаемой продолжительности жизни в Молдове в 1990–2018 гг. можно разделить на два этапа: 1990–1997 гг., когда этот показатель снижался, и 1998–2018 гг., когда произошло его восстановление и повышение. Анализируя компоненты изменения продолжительности жизни по возрасту и по полу (табл. 3), можно заметить, что в первый период сокращение ожидаемой продолжительности жизни произошло в основном за счет населения трудоспособного возраста и у мужчин, и у женщин, а также старших возрастов.

Таблица 3

Вклад возрастных групп в снижение/повышение ожидаемой продолжительности жизни при рождении в 1990–2018 гг. (лет)

	Мужчины	**Женщины**	**Мужчины**	**Женщины**	**Мужчины**	**Женщины**
Возрастная группа	**1990–1997**		**1998–2018**		**1990–2018**	
	Мужчины	**Женщины**	**Мужчины**	**Женщины**	**Мужчины**	**Женщины**
0 лет	–0,19	0,01	0,55	0,58	0,70	0,64
1–9 лет	0,04	-0,08	0,34	0,23	0,38	0,30
10–19 лет	–0,08	0,01	0,13	0,09	0,09	0,09

Окончание табл. 3

Возрастная группа	1990–1997		1998–2018		1990–2018	
20–49 лет	–0,61	–0,25	0,88	0,61	0,42	0,53
50–59 лет	–0,47	–0,25	0,26	0,62	–0,03	0,67
60 лет и старше	–0,92	–1,13	0,09	1,36	–0,42	0,68
Все возраста	**–2,23**	**–1,69**	**2,23**	**3,48**	**1,14**	**2,90**

Источник: расчеты автора.

И у мужчин, и у женщин прирост ожидаемой продолжительности жизни в 1990–2018 гг. определялся в основном сокращением младенческой смертности, смертности детей (1–9 лет) и взрослых в возрасте 20–49 лет. Изменения смертности в возрасте 50 лет и старше имели различный характер в разрезе по полу. Так, у женщин произошло сокращение смертности, вклад в повышение ожидаемой продолжительности жизни составил 0,67 года для возрастной группы 50–59 лет и 0,68 года для 60+. У мужчин после повышения смертности в 1990–1997 гг. в возрастах старше 50 лет, в последующий период произошло ее сокращение, однако в целом за 1990–2018 гг. вклад этих возрастных групп в повышение ожидаемой продолжительности жизни остался отрицательным: –0,03 года для группы 50–59 лет и –0,42 года для 60+.

Стагнация увеличения ожидаемой продолжительности жизни у женщин и квазистагнация у мужчин превратились бы в спад, если бы негативные последствия увеличения смертности после 50 лет не были компенсированы умеренным снижением смертности среди мужчин и у женщин в возрасте 20–49 лет. Разрыв между ожидаемой продолжительностью жизни при рождении женщин и мужчин составлял 7 лет в 1990 г. и увеличился до 8,7 года в 2018 г., что более чем на 3 года выше, чем для населения ЕС-28.

Данная ситуация вызвана общим состоянием системы общественного здравоохранения, ее недостаточным финансированием, нехваткой медицинского персонала, небольшим спектром услуг, покрываемых за счет полиса медицинского страхования, высокой долей платных услуг, что в результате ведет к низкому уровню доступности качественных медицинских услуг для населения, особенно в сельской местности. Возможно, на динамику ожидаемой продолжительности жизни оказывает влияние миграция, если предположить, что в миграции участвует более здоровое население.

Миграция. Как уже было сказано выше, миграционные потери приобрели огромные масштабы. Подробный анализ миграционных потоков представлен в других работах с участием автора [Tabac, Gagauz, 2020]. Отметим, что за последние годы миграционная убыль продолжает увеличи-

ваться. Если в 2014 г. отрицательная нетто-миграция составляла 24,6 тыс., то в 2017 г. 49,5 тыс. (самое высокое число за этот период), а нетто-коэффициент миграции увеличился с –8,4‰ до –18,1‰ (рис. 4).

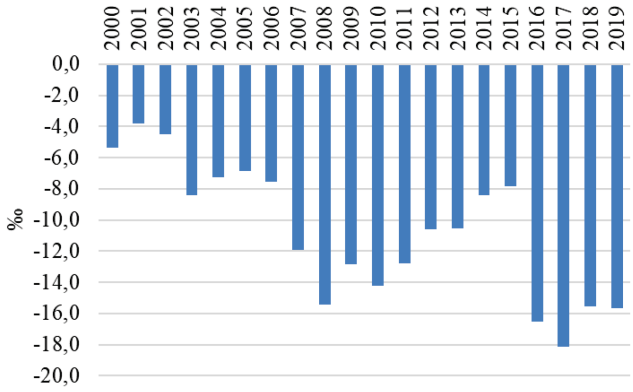

Рис. 4. Нетто-коэффициент миграции, Молдова, 2000–2019 гг.
Источник: 2000–2013 гг. [Tabac, Gagauz, 2020], 2014–2019 гг. данные НБС.

При этом миграционная убыль населения, затрагивающая прежде всего лиц в возрасте от 18 до 50 лет, не только деформирует половозрастную структуру, но и способствует дальнейшему увеличению естественной убыли. То, что подавляющее большинство покинувших Молдову составляют лица репродуктивного возраста, предполагает и косвенный (непрямой) ущерб от эмиграции. Страна теряет не только тех, кто уехал в другие государства, но и их детей, родившихся уже за границей. Согласно некоторым оценкам, «гипотетические» потери рождений за 1990–2017 гг. составили около 205 тыс. (около 17% от общего числа реализованных рождений), являясь результатом нереализованной рождаемости в стране из-за миграции [Пахомий, Табак, 2019].

Кроме того, число образованных людей среди мигрантов непропорционально высоко, особенно в последнее десятилетие. Это приводит к утрате квалифицированных кадров, что, в свою очередь, ослабляет конкуренцию на рынке труда и создает глубокий структурный перекос в демографической ситуации.

Пандемия COVID-19 вызвала возвратную миграцию граждан Молдовы, в основном тех, кто находился на заработках и, потеряв работу, был вынужден вернуться домой. Так, в период с 10 марта по 10 июля 2020 г. в Молдову въехало около 415 тыс. человек. Можно предположить, что возвращение мигрантов является временным явлением и после возвращения к обычной жизни миграционное движение возобновится. В настоящее время национальный рынок труда не может абсорбировать такое количе-

ство рабочей силы, тем более в условиях, когда многие сферы пострадали во время пандемии, предприниматели были вынуждены закрыть свой бизнес и многие люди потеряли работу.

Структура населения. Сравнение возрастно-половых пирамид (рис. 5) наличного населения (с обычным местом жительства) и стабильного населения (включающего мигрантов, отсутствующих в стране более года) показывает, каким могло бы быть население по численности и структуре в 2018 г. в условиях отсутствия массовой миграции, а также потери населения, которые приходятся в основном на молодые возраста, в том числе на детей, а также население трудоспособного возраста (до 60 лет).

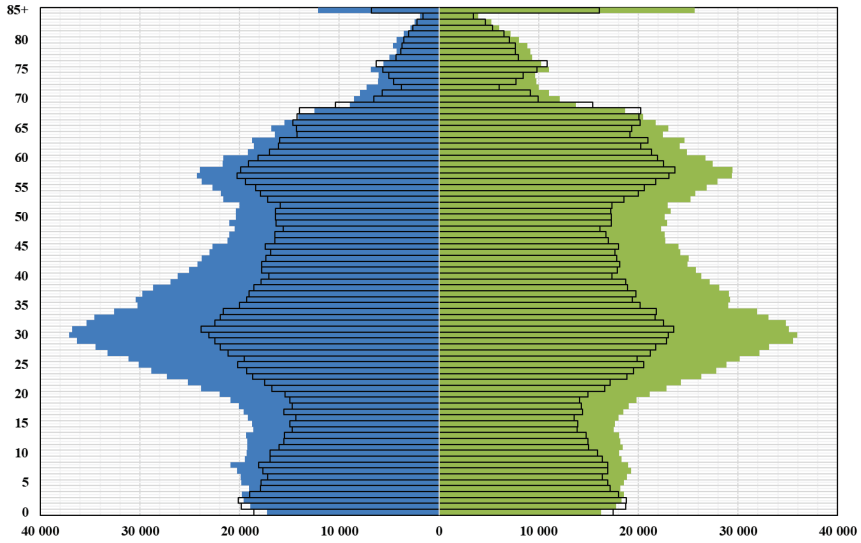

Рис. 5. Возрастно-половая пирамида населения Молдовы, 2018 г.
Наличное население (с обычным местом жительства) обозначено черным контуром, стабильное население (включающее мигрантов, отсутствующих более года) без контура.
Источник: на основе данных НБС.

Возрастно-половая пирамида наличного населения Молдовы имеет относительно пропорциональный профиль, только к старшим возрастам (55+) наблюдается постепенное увеличение диспропорции населения по полу — численность женщин существенно превышает численность мужчин, как результат более высокой смертности среди мужского населения. Пока старение населения не продвинулось далеко, а соотношение между тремя возрастными группами (дети 0–19 лет, население трудоспособного возраста 20–59 лет и пожилые 60+) относительно благоприятно и составляет соответственно: 23,8, 56,9, 19,3%.

После непрерывного сокращения населения страны на протяжении двух десятилетий в последние годы начали проявляться первые серьезные отрицательные экономические последствия. Ежегодный приток рабочей силы в население трудоспособного возраста численно сокращается, так как этого возраста достигают малочисленные поколения, родившиеся после 2000 г. Эта тенденция сохранится и в последующий период, снижение численности женщин репродуктивного возраста приведет к спаду рождаемости, соответственно в молодые трудоспособные возраста будут вступать еще более немногочисленные поколения.

Старение населения является основной тенденцией следующих десятилетий. Согласно демографическому прогнозу, к 2035 г. доля населения в возрасте 60 лет и старше будет постепенно увеличиваться. Численность когорт будет определять структуру пожилого населения. Так, до 2025 г. в общей численности пожилых будут преобладать возрастные группы 60–64-летних и 65–69-летних, составляя около 37–43%, затем ожидается значительное увеличение численности лиц в возрасте 70 лет и старше — до 57% к 2035 г.

Очевидно, что значительное сокращение населения Республики Молдова и демографическое старение имеют важные последствия для социально-экономического развития. В настоящее время и в ближайшие годы Молдова будет располагать относительно высокой долей населения трудоспособного возраста в общей численности населения, что при росте занятости и продлении периода трудовой жизни могло бы способствовать росту экономики и повышению уровня жизни людей.

Население Приднестровья. Как уже указывалось раннее, начиная с 1998 г. статистика населения Молдовы не включает данные по Приднестровью (непризнанная Приднестровская Молдавская Республика) ввиду прекращения поступления в НБС соответствующих данных.

Отправным пунктом для учета численности населения Приднестровья служат данные советской переписи 1989 г., согласно которым население данного региона составляло 680,9 тыс. В некоторых источниках указывается цифра 739,7 тыс. [Кивачук, 2014], однако после исключения из численности региона некоторых населенных пунктов, находящихся под администрацией Республики Молдова, численность региона была скорректирована и составила 680,9 тыс. [Кривенко, 2017]. В Приднестровье были проведены две переписи населения в 2004 г. и 2015 г., и, начиная с первой переписи, официальная численность населения рассчитывается на основе переписных данных.

Приднестровье также охватила проблема быстрого сокращения численности населения, как за счет превалирования смертности над рождаемостью, так и за счет миграции. На конец 2018 г. численность населения Приднестровья сократилась на треть по сравнению с 1989 г. и соста-

вила 465,1 тыс. Начиная с 1995 г. регистрируется негативный естественный прирост, и в различные годы этот показатель изменялся от –4‰ до –6,5‰.

Основным фактором сокращения численности населения Приднестровья, как и в Молдове, является миграционная убыль. Согласно некоторым оценкам, в период 1989–2004 гг. Приднестровье покинули около 185 тыс. жителей [Кивачук, 2014]. Между последующими переписями (2004 и 2015 гг.) население сократилось более чем на 79 тыс., в том числе за счет миграции на 50 тыс. человек (табл. 4). Кроме того, согласно данным переписи 2015 г., временно отсутствовали в стране 70,6 тыс. (14,8% от общей численности населения), 18 тыс. из которых отсутствовали более одного года. За двадцать лет (1998–2018 гг.) население Приднестровья сократилось более чем на 200 тыс., причем 71,4% убыли приходится на внешнюю миграцию.

После 2015 г. официальные оценки миграции очень невысоки, что связано со сложностью учета миграции, особенно в условиях, когда население использует для выезда свои паспорта других государств, как правило, России, Украины, Молдовы. Более точную информацию о численности населения региона, в том числе о миграционном приросте/убыли, возможно будет получить только на основе следующей переписи.

Таблица 4

Изменение численности населения Приднестровья, 2000–2018 гг., и его компоненты

Годы	Изменение численности населения				Структура, в %		
	Численность населения (тыс.)	Общая убыль (тыс.)	Естественный прирост/убыль (тыс.)	Миграционная убыль (тыс.)	Общая убыль	Естественный прирост/убыль	Миграционная убыль
1998	665,7	-	-	-	-	-	-
2004	554,4	–111,3	–16,1	–81,3	100	19,7	80,3
2015	475,4	–79	–28,6	–50,4	100	36,2	63,8
2018	465,1	–10,3	–6,9	–3,4	100	67,0	33,0
1998–2018	**665,–465,1**	**–200,6**	**–51,6**	**–135,1**	**100**	**28,6**	**71,4**

Источник: расчеты автора на основе данных статистических ежегодников Приднестровья и переписей населения Приднестровья 2004 г. и 2015 г.

Изучение рождаемости Приднестровья не представляется возможным из-за отсутствия данных о распределении рождений по возрасту матери.

Абсолютные показатели свидетельствуют о падении рождаемости. Если в 1998 г. число рождений составляло 5373, то в 2018 г. — 4086, сократившись на четверть.

Показатели и структура смертности в Приднестровье схожи с показателями Молдовы. Официальные оценки ожидаемой продолжительности жизни показывают, что данный показатель увеличился за 2007–2018 гг. с 61,8 до 68,4 года для мужчин и с 72,3 до 76,5 года для женщин. Однако эти данные представляются несколько завышенными, так как в численность населения включаются мигранты, отсутствующие более одного года.

Исходя из общих тенденций динамики численности населения Приднестровья, которые по своему вектору схожи с тенденциями, характерными для Молдовы, можно сделать вывод, что участью данного региона также является депопуляция и старение населения.

Заключение. Сокращение численности населения Молдовы приняло угрожающие масштабы, и, если не произойдет сокращения внешней миграции, уменьшение численности населения может принять катастрофический характер. После 1990 г. население Молдовы вместе с Приднестровьем сократилось более чем на 1 млн. Такой спад численности населения в мирное время не имеет прецедента, и сложно предложить какое-либо быстрое решение данной проблемы, опираясь на международный опыт в области демографической политики.

Современные подходы в области народонаселения указывают на необходимость перестановки акцентов с численности населения на качество человеческого потенциала — уровень образования и здоровье людей. Многие программные международные документы, касающиеся стран Восточной Европы, обращают внимание правительств на важность обеспечения сбалансированного развития населения с учетом возраста, пола, образования и здоровья и обеспечения активного долголетия. Однако этот вопрос является совсем непростым в условиях интенсивной международной миграции, потоки и направления которой сложно спрогнозировать, а также требует внушительных инвестиций.

Очевидно, что в ближайшие годы международная миграции из Молдовы будет продолжаться, и это зависит не только от экономической ситуации в стране, но также и от миграционной политики других европейских государств. Большой разрыв в уровне жизни между Молдовой и странами Западной Европы продолжит играть ключевую роль в определении миграционных потоков, и можно сказать, что Молдова, как и некоторые другие страны Восточной Европы, будет вынуждена жить демографическими циклами других стран, которые также сталкиваются с проблемами низкой рождаемости и старения населения, нуждаются в рабочей силе и ведут активную политику по ее привлечению. Опыт миграций показывает, что чем дольше мигранты находятся за пределами своей страны,

чем выше их уровень жизни, а также чем успешнее интегрируются их дети в новом обществе, тем выше вероятность того, что они не вернутся на родину. Это относится к большой части мигрантов, покинувших страну в предыдущие годы.

Для Молдовы, как и для других малых стран с небольшим населением, массовая миграция и сокращение населения могут иметь далекоидущие последствия, представляя серьезную угрозу с точки зрения национальной безопасности и обеспечения достойного уровня жизни своим гражданам. В настоящее время сокращение численности населения делает Молдову инвестиционно непривлекательной, а восстановление секторов экономики, способных генерировать высокую добавленную стоимость, уже в настоящее время упирается в острый дефицит высококвалифицированных специалистов.

Несмотря на официальное признание значимости демографических проблем и принятие Национальной программы в области демографической безопасности Республики Молдова (2011–2025), сильное отставание в социально-экономическом развитии от других стран, влияние внешних факторов, нестабильность политической ситуации не позволяют пока добиться каких-либо положительных изменений.

Список литературы

1. *Гагауз О.* Рождаемость в Республике Молдова: европейские тенденции и национальная специфика // Демографическое обозрение. — 2018. — 5(3). — С. 57–80. URL: https://doi.org/10.17323/demreview.v5i3.8135
2. *Кивачук А.* Демографическая картина Приднестровья // Демоскоп Weekly. — 2014. — № 591–592. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0591/demoscope591.pdf
3. *Кривенко А.* Демографическая ситуация в Приднестровье // Приднестровский университет. — Тирасполь, 2017. URL: http://edinstvopmr.ru/news/1057-demograficheskaya-situaciya-v-pridnestrove.html
4. *Табак Т., Пахомий И.* Потери потенциальных рождений в Республике Молдова в результате миграции // Теоретические и прикладные проблемы географической науки: демографический, социальный, правовой, экономический и экологический аспекты: материалы международной научно-практической конференции. В 2 т. / отв. ред. д.г.н. Н. В. Яковенко. — Воронеж, 2019. — Т. 1. — 704 с.
5. *Penina O., Jdanov D. A., Grigoriev P.* Producing reliable mortality estimates in the context of distorted population statistics: the case of Moldova. MPIDR Working Paper WP-2015-011, 35 pag. — Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research, 2015.
6. *Tabac T., Gagauz O.* Migration from Moldova: Trajectories and Implications for the Country of Origin. In: Denisenko M., Strozza S., Light M. (eds.) Migration from

the Newly Independent States: 25 Years After the Collapse of the USSR. Springer, Cham. — 2020. — P. 143–168. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-36075-7
7. Vienna Institute of Demography (VID), Austrian Academy of Sciences (ÖAW) and International Institute for Applied Systems Analysis (IIASA). European Demographic Datasheet 2020. Wittgenstein Centre for Demography and Global Human Capital, Vienna, 2020. URL: www.populationeurope.org

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Gagauz O.* Rozhdaemost' v Respublike Moldova: evropejskie tendencii i nacional'naja specifika // Demograficheskoe obozrenie. — 2018. — 5(3). — C. 57–80. URL: https://doi.org/10.17323/demreview.v5i3.8135
2. *Kivachuk A.* Demograficheskaja kartina Pridnestrov'ja // Demoskop Weekly. — 2014. — № 591 — 592. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0591/demoscope591.pdf
3. *Krivenko A.* Demograficheskaja situacija v Pridnestrov'e // Pridnestrovskij universitet. — Tiraspol'. — 2017. URL: http://edinstvopmr.ru/news/1057-demograficheskaya-situaciya-v-pridnestrove.html
4. *Tabak T., Pahomij I.* Poteri potencial'nyh rozhdenij v Respublike Moldova v rezul'tate migracii // Teoreticheskie i prikladnye problemy geograficheskoj nauki: demograficheskij, social'nyj, pravovoj, jekonomicheskij i jekologicheskij aspekty: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. V 2 t. / otv. red. d.g.n. N. V. Jakovenko. — Voronezh, 2019. — T. 1. — 704 s.

ДЕЛЬВА Кирилл Игоревич
преподаватель, факультет международных отношений
и политических исследований
Северо-Западного института управления РАНХиГС,
кафедра международных отношений,
Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: kirdelva93@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНУТРИГОРОДСКОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ МОЛОДЕЖНЫХ ГРУПП В Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В ПЕРИОД МОЛОДЕЖНЫХ МИГРАЦИЙ

Ключевые слова: Санкт-Петербург, молодежные миграции.

Коды JEL: J11, J61, J62, O15, R23

Исследование темпов прироста возрастных групп 1986–1990 и 1991–1995 годов рождения (г.р.) в г. Санкт-Петербурге за период с 2002 по 2015 г. показывает увеличение численности соответствующих молодежных групп города примерно на 40%.

В целом внутригородская дифференциация молодежных потоков характеризуется стабильностью и высокой неравномерностью распределения по районам города независимо от численности рассматриваемых возрастных групп; лидерами по абсолютному приросту изучаемых молодежных групп являются спальные северные районы города (Выборгский, Приморский, Калининский) и ряд спальных районов южной части города (Московский, Невский). Высокие темпы прироста демонстрирует ряд окраинных (Курортный, Пушкинский) и центральных (Василеостровский, Петроградский) районов города. Для окраинных районов это объясняется тем, что на 2002 г. они имели не самую высокую численность населения в исследуемых возрастных группах, а развертывание в 2010-е гг. строительства жилья в данных районах привело к взрывному приросту молодежных групп.

Наименьшими темпами прироста молодежных групп обладают наиболее удаленные от исторического центра пригородные районы города (Колпинский и Кронштадтский районы); прирост в двух районах составляет менее 40% от уровня 2002 г., доля районов в общей структуре миграционного прироста изучаемых молодежных групп составляет не более 1–2%. Несколько более высокими темпами прироста обладают два района исторического центра (Адмиралтейский и Центральный) и несколько спальных районов города (Кировский, Красногвардейский, Невский, Фрунзенский). При этом в указанных районах исторического центра происходит общее снижение численности населения, что указывает на их омоложение.

По результатам миграционного притока молодежных групп в городе сохраняется незначительное численное преобладание мужского пола над женским в возрастах от 25 до 29 лет. Соотношение мужчин и женщин для обеих возрастных групп в среднем по г. Санкт-Петербургу на 2015 г. находится на уровне 970–980 женщин на 1000 мужчин, тогда как для 2002 г. в обеих группах соотношение находилось на уровне 950–960 женщин на 1000 мужчин, что отчасти отражает большую миграционную активность женских поколений. В обеих исследуемых возрастных группах на 2002 г. доля мужчин во всех районах выше женского населения, однако на 2015 г. в пяти районах г. Санкт-Петербурга женское население стало преобладать над мужским в обоих возрастных группах (Приморский, Красногвардейский, Фрунзенский, Василеостровский, Московский районы). Противоположные значения в соотношении полов имеют Петродворцовый и Кронштадтский районы, где на 1000 мужчин обеих

возрастных групп приходится менее 900 женщин. Такое соотношение, вероятно, имеет связь с так называемым институциональным населением; в этих районах располагаются корпуса общежитий СПБГУ и флотилия Балтийского флота России, где учится/служит временно или постоянно приписанное мужское население призывного возраста.

Ответ на вопрос о причинах наблюдаемых различий в численном приросте молодежных возрастных групп по районам города лежит в рынке недвижимости как индикаторе социально-экономических процессов. По мнению А. А. Попова, «специфические особенности рынка недвижимости РФ оказывают существенное воздействие на миграционную подвижность населения... внутри крупных городов» [Попов, 2014, с. 70]. Исследование рассматривало связь численного прироста возрастной группы 1986–1990 г.р. по районам города с 1) ценой на недвижимость (выраженной в стоимости 1 кв. м) и 2) объемами ввода недвижимости по районам города (выраженных в кв.м. вводимого жилья). В первом случае в целях учета спроса на все виды жилья (первичный и вторичный сектора) в качестве допущения при расчетах использовалось среднее арифметическое стоимости жилья первичного и вторичного секторов в районах города за 2015 г., во втором — данные по вводу жилья по районам за 2013–2015 гг. (т.е. первичный сектор).

В результате сопоставления данных о приросте молодежной группы 1986–1990 г.р. за 2002–2015 гг. по районам города с соответствующими рассматриваемому временному периоду данными об объеме ввода жилья за 2013–2015 гг. (именно в этот период после завершения образования представители поколения обзаводятся собственным жильем) и средней стоимости недвижимости за 2015 г. установлено, что приток в районы молодежных когорт 1986–1990 г.р. напрямую соотносится с объемами недавно введенного, более дешевого первичного сектора жилья и не имеет связи со средней ценой на недвижимость в районе. Предложение первичной недвижимости, выраженное в вводе жилья, с большей вероятностью оказывает влияние на выбор молодежью района проживания и, следовательно, определяет большую численность притока молодежных когорт в район вне зависимости от цены на жилье. Так, наибольшим приростом рассматриваемого поколения обладают срединно-периферийные районы города со средней ценой на недвижимость. При этом для ряда окраинных районов (Курортный, Петродворцовый, Пушкинский) строительство дешевого жилья можно считать фактором, стимулирующим прирост молодежного поколения. Дополнительно отметим, что похожий вывод о том, что «иммигранты в силу своего статуса и низких доходов селятся в районах с дешевой недвижимостью» также не подтверждается и для Москвы [Шатило, 2015, с. 139].

Список литературы

1. *Попов А. А.* Пространственно-временной анализ факторов ценообразования на рынке жилой недвижимости Москвы // Региональные исследования. — 2014. — № 4. — С. 70–80.
2. *Шатило Д. П.* Роль рынка жилья в социальном расслоении городского пространства на примере Лондона, Берлина, Мадрида и Парижа // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. — М.—Смоленск: Ойкумена, 2015. — № 20. — Т. 20. — С. 123–140.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Popov A. A.* Prostranstvenno-vremennoj analiz faktorov cenoobrazovanija na rynke zhiloj nedvizhimosti Moskvy // Regional'nye issledovanija. — 2014. — № 4. — S. 70–80.
2. *Shatilo D. P.* Rol' rynka zhil'ja v social'nom rassloenii gorodskogo prostranstva na primere Londona, Berlina, Madrida i Parizha // Voprosy jekonomicheskoj i politicheskoj geografii zarubezhnyh stran — M.–Smolensk: Ojkumena, 2015. — № 20. — T. 20. S. 123–140.

ДЕНИСОВА Ирина Анатольевна
к.э.н., доцент МГУ, профессор РЭШ,
Москва, Россия.
E-mail: idenisova@nes.ru

КАРЦЕВА Марина Анатольевна
старший научный сотудник ИНСАП РАНХиГС,
Москва, Россия.
E-mail: mkartseva@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТИ СНИЖЕНИЯ БЕДНОСТИ В БЛАГОПОЛУЧНЫХ РЕГИОНАХ РФ (НА ПРИМЕРЕ ЯНАО)

Ключевые слова: бедность, политика снижения бедности, региональное развитие, ВНДН.

Коды JEL: I32, I38

В докладе обсуждаются ключевые показатели бедности в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) в сравнении со среднероссийским уровнем и другими регионами. В дополнение к оценке абсолютной бед-

ности, принятой в качестве официальной меры бедности в РФ, мы также измеряем относительную и депривационную бедность и строим показатели многомерной бедности. В докладе также обсуждается демографическая структура бедных (с использованием перечисленных выше концепций бедности) и выявляются факторы, повышающие риск попадания в бедность. Основой исследования стала база данных Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах Росстата за 2017 г.

Согласно официальным данным Росстата, в 2018 г. уровень абсолютной доходной бедности составил 5,8%. По данному показателю ЯНАО в 2018 г. занимает лидирующее место среди всех регионов РФ. В рейтинге регионов, построенном по убыванию уровня бедности, сразу после ЯНАО идут такие регионы, как Москва (6,6%) и Санкт-Петербург (6,8%). Показатель абсолютной доходной бедности в ЯНАО более чем в два раза меньше, чем в среднем по стране (12,6%).

В табл. 1 показана динамика численности населения ЯНАО с доходами ниже величины прожиточного минимума в период 2005 — 2018 гг. Представленные данные свидетельствуют о том, что ситуация с бедностью в ЯНАО в рассматриваемый временной период была относительно благополучной — уровень абсолютной доходной бедности в ЯНАО всегда был значительно ниже общероссийского уровня.

Таблица 1

Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (в процентах от общей численности населения субъекта)

Год	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
ЯНАО	8,4	7,3	7,4	6,4	6,4	6,7	7,5	7,1	6,1	5,8
РФ	17,8	12,5	12,7	10,7	10,8	11,3	13,4	13,2	12,9	12,6

Источник: [Регионы России..., 2019].

Расчеты с использованием базы ВНДН-2107 показали, что в 2016 г. глубина бедности населения ЯНАО в расчете на одного бедного человека варьировалась от 0,004 ПМ[1] до 0,98% ПМ. При этом средняя величина глубины бедности составила 0,31 ПМ, а медианный показатель — 0,25 ПМ. В табл. 2 представлено распределение бедного населения ЯНАО по глубине бедности (пять категорий). Анализ данных показывает, что для двух третей (65,7%) бедного населения ЯНАО глубина бедности составляет менее 40% ПМ.

[1] Здесь имеется в виду величина ПМ для всего населения в ЯНАО в 2016 г. (15 910 руб.).

Таблица 2

Распределение бедного населения в ЯНАО по глубине бедности

Глубина бедности, % ПМ	Доля бедного населения, %
менее 20% ПМ	43,7%
от 20 до 40% ПМ	22,0%
от 40 до 60% ПМ	19,3%
от 60 до 80% ПМ	11,7%
более 80% ПМ	3,4%

Источник: [ВНДН 2017, 2018].

Для увеличения наглядности распределение глубины бедности населения в ЯНАО в 2016 г. представлено на рис. 1.

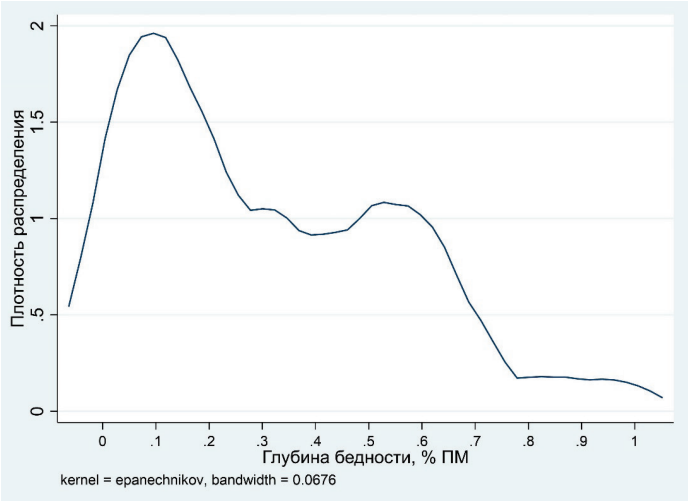

Рис. 1. Распределение глубины бедности населения в ЯНАО в 2016 г., % ПМ
Источник: [ВНДН 2017, 2018].

Результаты анализа риска бедности домохозяйств разных социально-демографических типов свидетельствуют о том, что риск бедности в ЯНАО возрастает в семьях с детьми, особенно до двух лет; в семьях с низкой трудовой активностью; в семьях с низким образованием членов семьи. В ЯНАО в отличие от РФ в среднем проживание в сельской местности не увеличивает риск бедности; не увеличивает риск бедности неполная семья, а наличие инвалида не уменьшает риск абсолютной бедности. Также менее выражен снижающий бедность эффект присутствия пенсионера в семье или повышения доли занятых в домохозяйстве.

Глубина бедности также варьируется для разных групп населения ЯНАО. В табл. 3 представлены основные статистические характеристики глубины бедности малоимущих граждан ЯНАО, принадлежащих к разным социально-демографическим типам. Относительно высокие показатели глубины бедности наблюдаются для малоимущих граждан, проживающих в сельской местности, и для одиноко проживающих бедных. Относительно низкая глубина бедности отмечается для лиц, проживающих в домохозяйствах, имеющих в своем составе инвалидов всех возрастных групп.

Результаты анализа позволяют сформулировать таргетированную политику снижения бедности в регионе. Так, политику борьбы с бедностью следует ориентировать на выделенные группы, а инструментами политики могут быть трансферты, создание условий для совмещения родительства и занятости, программы повышения привлекательности на рынке труда (переобучение), использование механизма социального контракта.

Полученные оценки глубины бедности малоимущего населения ЯНАО свидетельствуют о ее относительно небольшой величине. Средняя глубина бедности составляет 0,3 прожиточного минимума.

Таблица 3

Глубина бедности малоимущих граждан ЯНАО — различные социально-демографические группы, 2016 г.

Тип \ Глубина бедности	Статистические характеристики			
	Среднее	**Медиана**	**Минимум**	**Максимум**
Тип населенного пункта проживания				
Город	0,28	0,22	0,004	0,98
Село	0,40	0,40	0,012	0,98
Домохозяйства разного размера				
1	0,55	0,72	0,055	0,93
2	0,34	0,25	0,012	0,98
3	0,38	0,40	0,048	0,74
4 и более	0,29	0,24	0,004	0,93
Домохозяйства с детьми до 18 лет (количество детей)				
1	0,35	0,38	0,012	0,98
2	0,28	0,25	0,023	0,93
3 и более	0,32	0,12	0,004	0,93
Основные социально-демографические типы домохозяйств				
Имеющие детей в возрасте до 18 лет	0,31	0,25	0,004	0,98

Окончание табл. 3

Тип \ Глубина бедности	Статистические характеристики			
	Среднее	**Медиана**	**Минимум**	**Максимум**
Не имеющие детей в возрасте до 18 лет	0,29	0,16	0,031	0,98
Имеющие в своем составе молодые семьи	0,24	0,19	0,012	0,98
Имеющие в своем составе инвалидов всех возрастных групп	0,07	0,09	0,031	0,13

Источник: [ВНДН 2017, 2018], расчеты авторов.

Низкая глубина бедности делает политику предоставления трансфертов — пособий по нуждаемости — потенциально эффективной, введение пособия по нуждаемости в размере 30% от прожиточного минимума позволило бы сократить уровень абсолютной доходной бедности в ЯНАО в два раза, а при уровне пособия 65% от прожиточного минимума доля бедных составила бы менее 1%.

Результаты моделирования влияния наиболее значимых мер поддержки семей с детьми, введенных правительством РФ в 2017–2019 гг. (ежемесячной выплаты в связи с рождением ребенка и ежемесячных денежных выплат на детей в возрасте от 3 до 7 лет), показывают, что рассматриваемые меры поддержки семей с детьми позволят сократить уровень абсолютной доходной бедности в ЯНАО в 1,5 раза. Основными бенефициарами введенных мер являются городские домохозяйства, домохозяйства большого размера, домохозяйства с детьми (особенно многодетные), молодые семьи.

Список литературы

1. Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах (ВНДН) 2017 // Росстат. Официальный сайт, 2018. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/vndn-2017/index.html
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: сборник // Росстат. Официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Vyborochnoe nabljudenie dohodov naselenija i uchastija v social'nyh programmah (VNDN) 2017// Rosstat. Oficial'nyj sajt, 2018. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/vndn-2017/index.html
2. Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2019: sbornik // Rosstat. Oficial'nyj sajt. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

ЗИМОВИНА Елена Павловна
к.и.н., старший научный сотрудник,
Социологическая лаборатория БФУ имени И. Канта,
Калининград, Россия.
E-mail: zimelena@yandex.ru

МОДЕЛИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Ключевые слова: Калининградская область, естественный прирост, сальдо миграции, этническая структура.

Коды JEL: J10, J11

Калининградская область является особенным регионом Российской Федерации. В 1945 г. в результате победы над нацистской Германией и в соответствии с международными договоренностями часть территории Восточной Пруссии была передана СССР. В 1946 г. здесь была образована Калининградская область. Ее становление как территории Советского Союза пришлось на первое послевоенное десятилетие. Именно в этот период шел активный процесс «замены» населения региона — с августа 1946 г. началось организованное переселение советских граждан. Параллельно производилось выселение немецкого населения на территорию Восточной Германии [Костяшов, 2009, с. 97, 170–172]. Таким образом, к началу 1950-х гг. население Калининградской области полностью «обновилось» — это были переселенцы практически из всех союзных республик. До середины 1950-х гг. основным источником пополнения численности населения региона была миграция. С середины 1950-х до начала 1990-х гг. ведущую роль играл естественный прирост. С 1992 г. на динамику численности населения положительное влияние оказывает исключительно миграция.

Демографическим и миграционным процессам в Калининградской области посвящено значительное количество работ, которые исследуют как отдельные этапы исторического прошлого, так и современное положение [Емельянова, 2006; Зимовина, 2014; Зимовина, 2016; Костяшов, 2009; Лялина, 2016; Тюрюканова, 2008; Федоров, 2001; Эберхардт, 1996].

Анализируя процесс формирования населения Калининградской области с момента образования до современности, на наш взгляд, можно сконструировать две модели демографического развития региона: 1) модель демографического развития советского периода (1946–1991 гг.);

2) модель демографического развития постсоветского периода (1992–2019 гг.). Построение моделей осуществлено на основе архивных материалов [ГАКО. Ф. Р-181] и опубликованных статистических данных [Демографический ежегодник, 1998; Калининградская область, 2018; Калининградская область, 2020].

Сразу оговоримся — первые послевоенные годы (вторую половину 1940-х гг.) мы рассматриваем как некий переходный этап, когда население нового советского региона еще не представляло собой единого целого (здесь оставалась значительная численность немецких граждан, располагался многочисленный воинский контингент, происходил постоянный приток советских переселенцев). Кроме того, период становления переживала и сама система статистического учета на территории Калининградской области. В результате мы не всегда имеем дело с полными и проверенными демографическими данными. К началу 1950-х гг. в области наладился статистический учет, полностью сменилось население, а также оформилась тенденция роста его численности за счет рождаемости. Именно поэтому анализ модели демографического развития советского периода мы считаем целесообразным начинать с 1950-х гг.

Модель демографического развития Калининградской области в советское время характеризуется следующими параметрами: 1) поступательное увеличение численности населения (рис. 1); 2) постепенное снижение показателей естественного прироста (за счет неуклонного увеличения смертности и снижения рождаемости); 3) «маятниковые» изменения показателей сальдо миграции; 4) формирование полиэтничной структуры общества.

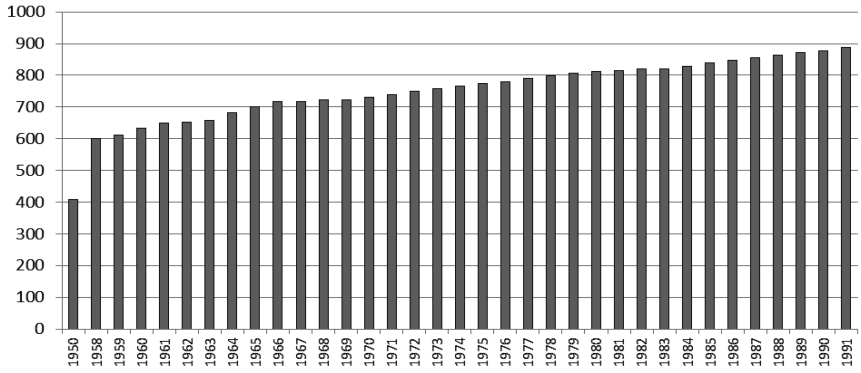

Рис. 1. Динамика численности населения Калининградской области в советский период (1950–1991 гг.; на начало года)

На протяжении 1950–1980-х гг. XX в. численность населения Калининградской области ежегодно увеличивалась: 1959 г. — 610,9 тыс.; 1970 г. —

731,9 тыс.; 1979 г. — 806,9 тыс.; 1989 г. — 871,3 тыс. человек [Калининградская область, 2018, с.24]. Причем рост городского населения происходил постоянно, а сельского — периодически. На данном этапе роль внешних миграций (из других союзных республик или из других областей России) была несущественной, хотя внутренняя миграция (по вектору «село-город») происходила активно и способствовала пополнению численности горожан (рис. 2). Однако определяющую роль в динамике численности населения региона (как городского, так и сельского) играл естественный прирост, показатели которого начиная с 1950-х гг. неуклонно снижались (рис. 2). Продемонстрируем динамику показателей естественного прироста (на 1000 человек населения): 1950 г. — 30,8; 1959 г. — 19,7; 1960 г. — 19,3; 1965 г. — 11,4; 1970 г.; 1975 г. — 8,7; 1980 г. — 6,6; 1985 г. — 6,3; 1989 г. — 4,4; 1990 г. — 2,8; 1991 г. — 1,8[1].

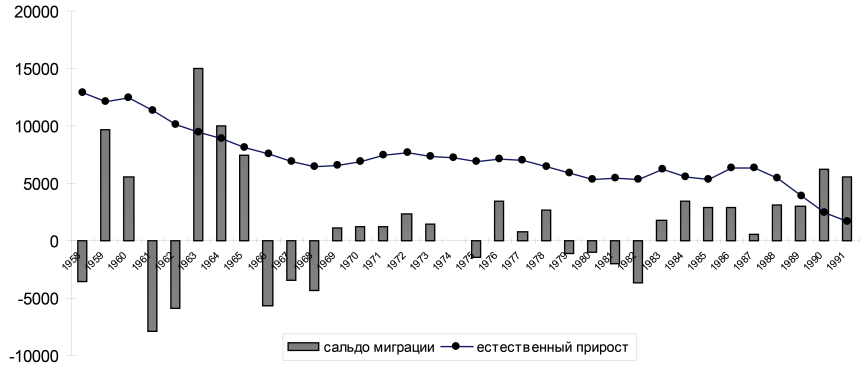

Рис. 2. Соотношение показателей естественного прироста и сальдо миграции в советский период (1958–1991 гг.; на начало года)

До конца 1960-х гг. на изменение показателей естественного прироста в большей степени влияло постепенное снижение рождаемости. Но к началу 1970-х гг. все бóльшую роль начинает играть смертность. Неуклонный рост показателей смертности привел к тому, что с середины 1970-х гг. естественный прирост окончательно «взял курс» на снижение. И решающую роль в этом сыграла смертность. Важно отметить, что снижение естественного прироста в советский период не оказало влияния на динамику численности населения Калининградской области — оно продолжало

[1] Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. Р-181 (Статистическое управление Калининградской области). Оп. 15. Д. 1061. Л. 7; Оп. 16. Д. 100. Л. 1, Д. 261. Л. 1, Д.401. Л. 8, Д. 588. Л. 8, Д. 701. Л. 8, Д. 839. Л. 8, Д. 933. Л. 8; Оп. 18. Д. 130. Л. 8, Д. 264. Л. 10, Д. 405. Л. 25, Д. 473. Л. 8, Д. 719. Л. 49, Д. 893. Л. 8; Оп. 19. Д. 148. Л. 5, Д. 326. Л. 8, Д. 513. Л. 8, Д. 717. Л. 8, Д. 964. Л. 4; Оп. 20. Д. 227. Л. 2, Д. 456. Л. 8, Д. 670. Л. 8, Д. 869. Л. 8, Д. 1109. Л. 8, Д. 1297. Л. 90–92, Д. 1518, Л. 93, Д. 1703. Л. 93, Д. 1853. Л. 90.

увеличиваться (рис. 1). Однако специфичные тенденции рождаемости предопределили процесс депопуляции, который развернулся позднее — в последнее десятилетие XX в.

В миграционных процессах на протяжении 1950–1980-х гг. прослеживается достаточно четкая тенденция — ежегодное количество мигрантов по области было небольшим (рис. 2). Тем не менее миграционные процессы продолжали оказывать влияние как на соотношение численности городского и сельского населения, так и на их динамику: 1959 г. — 64,2 и 35,8%; 1970 г. — 72,9 и 27,1%; 1979 г. — 76,0 и 24,0%; 1989 г. — 78,8 и 21,2% соответственно [Калининградская область, 2018, с. 24]. Рост численности городского населения области происходил как за счет рождаемости, так и за счет внешней и внутренней миграции. Внешние миграции, хотя и в разной степени, но осуществлялись со всеми союзными республиками. Это способствовало формированию полиэтничного населения Калининградской области. По данным Всесоюзных переписей 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., самыми многочисленными этносами были русские (77,6; 77,1; 78,3; 78,5% соответственно); белорусы (9,4; 9,4; 9,0; 8,5%); украинцы (5,9; 6,6; 6,8; 7,2%); литовцы (3,5; 3,2; 2,4; 2,1%). Значительную долю составляли также евреи (0,7; 0,6; 0,5; 0,4%) и поляки (0,5; 0,5; 0,5; 0,5%) [Демоскоп, Приложения].

Модель демографического развития Калининградской области в постсоветский период имеет следующие характеристики: 1) динамика численности населения региона выглядит волнообразно: рост численности сменился многолетним спадом, который вновь перешел в рост (рис. 3); 2) окончательно оформилась естественная убыль населения как за счет низкой рождаемости, так и за счет высокой смертности (рис. 4); 3) единственным источником пополнения численности населения становится миграция (рис. 4); 4) произошли некоторые изменения в этническом составе населения.

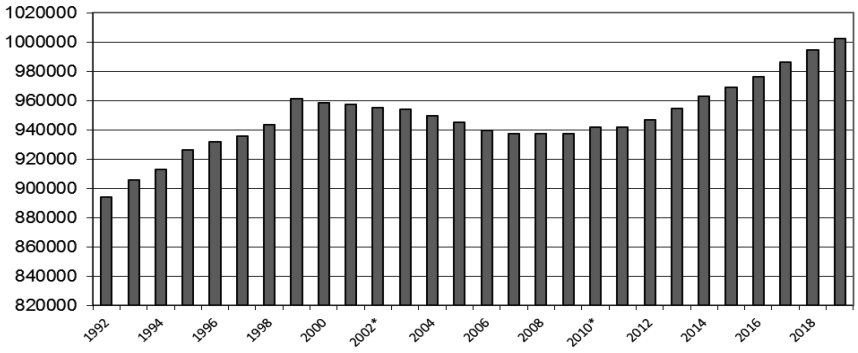

Рис. 3. Динамика численности населения Калининградской области в постсоветский период (1992–2019 гг.; на начало года)

В демографическом развитии Калининградской области в постсоветский период можно выделить несколько этапов. Первый этап (1992–1998 гг.) характеризовался ростом численности населения области (рис. 3). Однако это происходило на фоне резкого снижения показателей рождаемости, роста показателей смертности и формирования естественной убыли населения (рис. 4). В 1992 г. в Калининградской области впервые была зафиксирована естественная убыль (–0,7‰), показатель которой увеличивался на протяжении последующих лет: 1995 г. (–5,0‰); 1998 г. (–5,3‰) [Демографический ежегодник, 1998, с. 25]. Избежать сокращения численности населения в эти годы позволил значительный показатель миграционного прироста (рис. 4). На втором этапе (1999–2008 гг.) происходило ежегодное сокращение численности населения. Основными причинами этого были: увеличение показателей естественной убыли и сокращение миграционного прироста населения региона (рис. 4). Причем показатель естественной убыли показал в это время свой максимум: 2005 г. (–9,2‰). Третий этап (2009–2019 гг.) характеризуется вновь ростом численности населения (рис. 3). В эти годы продолжала сохраняться естественная убыль населения, хотя ее показатели ежегодно снижались, и вновь начал увеличиваться показатель миграционного прироста (рис. 4). Отметим, что показатель естественной убыли в 2016 г. достиг своего минимума (–0,1‰), и это давало надежду на возвращение к положительным значениям [Калининградская область, 2020, с. 22]. Однако этого не произошло. Если дать обобщенную характеристику демографического развития Калининградской области в постсоветский период (1992–2019 гг.), то она будет звучать следующим образом: единственным фактором роста численности населения в эти годы являлась миграция (рис. 4).

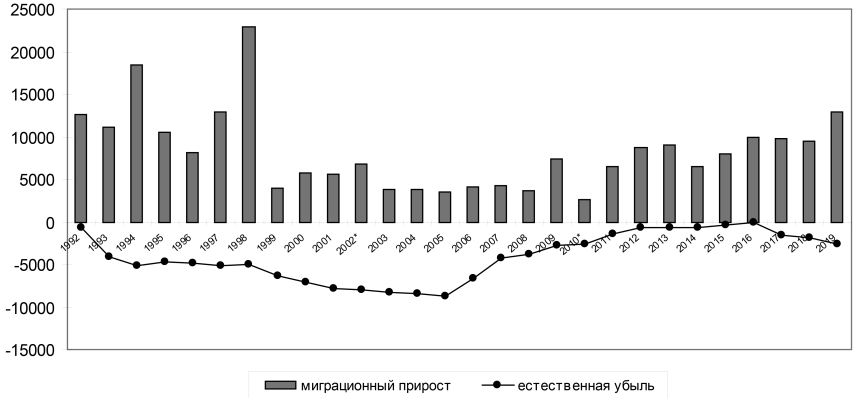

Рис. 4. Соотношение показателей естественного прироста и сальдо миграции в постсоветский период (1992–2019 гг.; на начало года)

Что касается этнической структуры населения, то следует отметить некоторые изменения по сравнению с советским временем. По данным Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., доля русского населения практически не изменилась (82,4 и 82,0% соответственно), но снизился удельный вес таких традиционно больших этносов, как белорусы (5,3 и 3,5%), украинцы (5,0 и 3,5%), литовцы (1,5 и 1,1%). Также сократилось количество евреев (0,2 и 0,1%) и поляков (0,4 и 0,3%). Зато увеличилась численность таких этносов, как азербайджанцы, армяне, немцы и узбеки. И хотя доля каждого из этих этносов в составе населения региона составляет менее одного процента, они представляют собой довольно сплоченные этнические сообщества и имеют региональные национально-культурные автономии [Демоскоп, Приложения].

Сравнивая две модели демографического развития Калининградской области, обратим внимание на корректировку существенных характеристик представленных моделей, смену векторов развития демографических процессов, изменение ролей естественного прироста и сальдо миграции в динамике численности населения региона, а также подвижки в этнической структуре.

Список литературы

1. Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. Р-181 (Статистическое управление Калининградской области).
2. Демографический ежегодник Калининградской области. 1998: стат. сб. — Калининград, 1998.
3. Демоскоп Weekly. Электронный бюллетень Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: http://www.demoscope.ru/ (дата обращения: 28.07.2020).
4. *Емельянова Л. Л.* Анализ пространственной мобильности населения Калининградской области и вопросы миграционного регулирования / Серия Регион сотрудничества. Вып. 2 (49). — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006.
5. *Зимовина Е. П.* Демографические процессы в Калининградской области в постсоветский период // Общенациональный научно-политический журнал «Власть». — 2016. — № 10. — С. 33–41.
6. *Зимовина Е. П.* Миграции и процесс трансформации полиэтничной структуры населения Калининградской области в постсоветский период // Балтийский регион. — 2014. — № 2(20). — С. 111–127.
7. Калининградская область в цифрах. 2018: краткий статистический сборник. — Калининград: Калининградстат, 2018.
8. Калининградская область в цифрах. 2020: краткий статистический сборник. — Калининград: Калининградстат, 2020.
9. *Костяшов Ю. В.* Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. — Калининград: Терра Балтика, 2009.

10. *Лялина А. В.* География внешних миграционных связей Калининградской области в 1990-е и 2000-е годы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. — 2016. — № 1. — С. 27–37.
11. *Тюрюканова Е.* Миграционные траектории и миграционные намерения жителей Калининградской области. Результаты социологического исследования. — МОМ, 2008.
12. *Федоров Г. М.* Население Калининградской области. Демографические условия обоснования Территориальной комплексной схемы градостроительного планирования развития территории Калининградской области и ее частей: монография. — Калининград: Изд-во КГУ, 2001.
13. *Эберхардт П.* Демографическая ситуация в Калининградской области в 1945–1989 гг. // Калининградская область: географические аспекты регионального развития: сб. науч. тр. — Калининград: Калинингр. гос. ун-т, 1996. — С. 46–52.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Gosudarstvennyj arhiv Kaliningradskoj oblasti (GAKO). F. R-181 (Statisticheskoe upravlenie Kaliningradskoj oblasti).
2. Demograficheskij ezhegodnik Kaliningradskoj oblasti. 1998: stat. sb. — Kaliningrad, 1998.
3. Demoskop Weekly. Jelektronnyj bjulleten' Instituta demografii Nacional'nogo issledovatel'skogo universiteta «Vysshaja shkola jekonomiki». URL: http://www.demoscope.ru/ (data obrashhenija: 28.07.2020).
4. *Emel'janova L. L.* Analiz prostranstvennoj mobil'nosti naselenija Kaliningradskoj oblasti i voprosy migracionnogo regulirovanija / Serija Region sotrudnichestva. Vyp. 2 (49). — Kaliningrad: Izd-vo RGU im. I. Kanta, 2006.
5. *Zimovina E. P.* Demograficheskie processy v Kaliningradskoj oblasti v postsovetskij period // Obshhenacional'nyj nauchno-politicheskij zhurnal «Vlast'». — 2016. — № 10. — S. 33–41.
6. *Zimovina E. P.* Migracii i process transformacii polijetnichnoj struktury naselenija Kaliningradskoj oblasti v postsovetskij period // Baltijskij region. — 2014. — № 2(20). — S. 111–127.
7. Kaliningradskaja oblast' v cifrah. 2018: kratkij statisticheskij sbornik. — Kaliningrad: Kaliningradstat, 2018.
8. Kaliningradskaja oblast' v cifrah. 2020: kratkij statisticheskij sbornik. — Kaliningrad: Kaliningradstat, 2020.
9. *Kostjashov Ju. V.* Sekretnaja istorija Kaliningradskoj oblasti. Ocherki 1945–1956 gg. — Kaliningrad: Terra Baltika, 2009.
10. *Ljalina A. V.* Geografija vneshnih migracionnyh svjazej Kaliningradskoj oblasti v 1990-e i 2000-e gody // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im.I.Kanta. Ser.: Estestvennye i medicinskie nauki. — 2016. — № 1. — S. 27–37.
11. *Tjurjukanova E.* Migracionnye traektorii i migracionnye namerenija zhitelej Kaliningradskoj oblasti. Rezul'taty sociologicheskogo issledovanija. — MOM, 2008.
12. *Fedorov G. M.* Naselenie Kaliningradskoj oblasti. Demograficheskie uslovija obosnovanija Territorial'noj kompleksnoj shemy gradostroitel'nogo planirovanija raz-

vitija territorii Kaliningradskoj oblasti i ee chastej: monografija. — Kaliningrad: Izd-vo KGU, 2001.

13. *Jeberhardt P.* Demograficheskaja situacija v Kaliningradskoj oblasti v 1945–1989 gg. / Kaliningradskaja oblast': geograficheskie aspekty regional'nogo razvitija: sb. nauch. tr. — Kaliningrad: Kaliningr. gos. un-t, 1996. — S. 46–52.

ИВАНОВА Марина Владимировна
аспирант,
СИУ филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
кафедра менеджмента,
Новосибирск, Россия.
E-mail: ivanovamvlad@mail.ru

ЭФФЕКТ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СЖАТИЯ — ВЫЗОВ ИЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ МОНОГОРОДОВ

Ключевые слова: демографическое сжатие, моногород, численность населения, отток населения.

Коды JEL: R11, J11, J63

Тенденция демографического сжатия характерна для значительной доли российских моногородов, прежде всего это вызвано особенностью формирования пространственной организации страны. Потребность в освоении природных ресурсов и обширные территории способствовали образованию сети моногородов, в том числе в отдаленных от крупных административных центров районах с низким уровнем развития транспортной и социальной инфраструктуры, экстремальными климатическими условиями.

Продолжительный период отсутствия конструктивных реакций со стороны органов государственной власти в постсоветском периоде к проблемам моногородов оказал значительное влияние на социальные аспекты жизни населения, сформировав устойчивый, специфичный для моногородов блок проблем: длительный период безработицы; низкая оплата труда; отток трудоспособного населения [Иванова, 2019].

Активный этап внедрения программ поддержки моногородов, в первую очередь направленных на уменьшение риска значительного роста уровня безработицы, снижение доли занятых на градообразующих предприятиях, а также сокращение числа монопрофильных муниципальных образований, пришелся на начало 2014 г.

Были закреплены критерии отнесения населенных пунктов к монопрофильным муниципальным образованиям, предложено деление моногородов на категории в зависимости от уровня их социально-экономического развития. Выделяют следующие категории моногородов: с наиболее сложным социально-экономическим положением (в перечень включены 97 моногородов, где проживают более 4,13 млн человек); с риском ухудшения социально-экономического положения (к категории относятся 148 моногородов с общей численностью населения более 4,8 млн человек) и со стабильной социально-экономической ситуацией (в категорию вошли 76 моногородов с населением более 4,45 млн человек). Таким образом, фиксируется относительно однородное распределение населения по численности в каждой из категорий социально-экономического развития монопрофильных муниципальных образований.

На 01.01.2020 в перечень моногородов включено 321 муниципальное образование. Моногорода распространены на территории 63 субъектов Российской Федерации, наибольшее их количество сосредоточено в Кемеровской (24 моногорода, общая численность населения боле 1,51 млн человек), Свердловской (17 моногородов, численность населения выше 1,31 млн человек) и Челябинской областях (16 моногородов, численность населения превышает 1,15 млн человек) [Распоряжение Правительства РФ № 1398-р от 29.07.2014]. В период 2015–2020 гг. численность населения моногородов сократилась на 149 тыс. человек и на 01.01.2020 составила 13,38 млн человек.

На 01.01.2020 12 населенных пунктов, включенных в перечень моногородов, не соответствуют критериям монопрофильности по показателю численности населения (более 3000 человек): с.п. Светлогорское (1,45 тыс. человек); с.п. Киземское (2,29 тыс. человек); с.п. Грузинское (2,51 тыс. человек) и др.

Научное сообщество неоднократно высказывалось о необходимости пересмотра перечня моногородов ввиду имеющегося несоответствия части населенных пунктов установленным критериям монопрофильности. Н. В. Зубаревич считает, что из-за несоответствия критерию занятости на градообразующем предприятии доля истинных моногородов близка к трети от существующего перечня [Зубаревич, 2017].

Для большинства моногородов характерна отрицательная динамика демографических процессов, вне зависимости от категории их социально-экономического развития. По данным на 01.01.2020, 76% монопрофильных муниципальных образований имеют отрицательную динамику прироста населения, существенный уровень демографического сжатия наблюдается в городах: г. Сатка, г. Новоульяновск, г. Прокопьевск, г. Воркута. Снижение численности населения в моногородах в значительной степени обусловлено механической миграцией местного населения, в том числе

оттоком трудоспособного населения. В период 2015–2019 гг. общая численность трудоспособных граждан в моногородах сократилась на 353 тыс. человек и на 01.01.2019 составила 7,32 млн человек [Счетная палата, 2019].

Моногорода, характеризующиеся отрицательным миграционным приростом, являются непривлекательными для местного населения ввиду существующих негативных социально-экономических процессов. Положительный показатель миграционного прироста свойственен конкурентоспособным моногородам с высоким качеством жизни населения, развитой инфраструктурной сетью городского пространства (г. Набережные Челны, г. Новокузнецк, г. Каспийск и др.).

Корреляционно-регрессионный анализ, проведенный автором по ряду показателей, характеризующих демографические процессы моногородов в период с 2016 по 2019 г., показал слабые корреляционные зависимости между миграционными потоками и состоянием градообразующей отрасли, количеством созданных рабочих мест, числом малых и средних предприятий, числом созданных или реконструированных объектов инфраструктуры.

Выполненный автором социологический опрос среди 3439 респонденотов из 152 моногородов России выявил ключевые факторы, способствующие оттоку населения, а именно: экология, качество медицинского обслуживания, безработица, низкие зарплаты. Отрицательно оценили экологическую обстановку в городе своего проживания 80,8% опрошенных; 92,61% считают низким качество медицинского обслуживания; 84,6% респондентов отметили, что в их населенном пункте отсутствуют места для желаемого трудоустройства; 76,4% считают низким их уровень заработных плат; 88% опрошенных сослались на актуальность проблемы безработицы. На возможный риск для развития моногорода из-за оттока трудоспособного населения указали 76,4% участвующих в опросе, при этом 75% опрошенных не хотели бы, чтобы их дети остались жить в моногороде; 59% респондентов рассматривают возможность переезда; 23% из них в ближайшее время. Отметим, что значительная дифференциация в ответах респондентов в зависимости от их проживания в моногородах, относящихся к разным категориям социально-экономического развития, не выявлена.

Основываясь на данных социологического опроса и корреляционного анализа, а также с учетом существующего тренда статистических показателей миграционных потоков, возможно спрогнозировать дальнейшее снижение численности населения в моногородах, что приведет к снижению качества трудовых ресурсов и инвестиционной привлекательности территории, а также к росту социальной напряженности.

Изменение статуса моногорода, в том числе ввиду сокращения численности населения и снижения доли занятых на градообразующем пред-

приятии, не может являться безусловным гарантом повышения качества жизни населения, данный аспект сокращает риски экстремального роста проблем, характерных для моногородов, ввиду изменения экономической базы города, снижения зависимости процессов его жизнеобеспечения от деятельности градообразующего предприятия.

Список литературы

1. *Зубаревич Н. В.* Трансформация рынков труда российских моногородов // Вестник МГУ. Серия 5. География. — 2017. — № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ transformatsiya-rynkov-truda-rossiyskih-monogorodov (дата обращения: 15.01.2020).
2. *Иванова М. В.* Основные направления государственной политики в области экономической поддержки моногородов // Государственное и Муниципальное управление. РАНХиГС. — 2019. — № 3. — С. 268–276. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=41040587 (дата обращения: 01.01.2020).
3. Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации. Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166540/ (дата обращения: 02.01.2019).
4. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг и оценка хода реализации приоритетной программы «комплексное развитие моногородов» // Бюллетень Счетной палаты РФ. — М., 2019. — № 7. URL: https://ach.gov.ru/statements/byulleten-schetnoj-palaty-7-iyul-2019-g-964 (дата обращения: 14.01.2020).

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Zubarevich N. V.* Transformacija rynkov truda rossijskih monogorodov // Vestnik MGU. Serija 5. Geografija. — 2017. — № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ transformatsiya-rynkov-truda-rossiyskih-monogorodov (data obrashhenija: 15.01.2020).
2. *Ivanova M. V.* Osnovnye napravlenija gosudarstvennoj politiki v oblasti jekonomicheskoj podderzhki monogorodov // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. RANHiGS. — 2019. — № 3. — S. 268–276. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=41040587 (data obrashhenija: 01.01.2020).
3. Ob utverzhdenii perechnja monoprofil'nyh municipal'nyh obrazovanij Rossijskoj Federacii. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 29.07.2014 № 1398-r. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166540/ (data obrashhenija: 02.01.2019).
4. Otchet o rezul'tatah jekspertno-analiticheskogo meroprijatija «Monitoring i ocenka hoda realizacii prioritetnoj programmy «kompleksnoe razvitie monogorodov» // Bjulleten' Schetnoj Palaty RF. — M., 2019. — № 7. URL:https://ach.gov.ru/statements/byulleten-schetnoj-palaty-7-iyul-2019-g-964 (data obrashhenija: 14.01.2020).

ИСКАКОВА Альфия Рафаильевна
аспирант,
факультет государственного управления
МГУ имени М. В. Ломоносова,
кафедра регионального и муниципального управления,
Москва, Россия.
E-mail: iskakovaalfiya@inbox.ru

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: демографическая ситуация, региональная демография, Республика Татарстан, демографические вызовы, демографическая политика.

Коды JEL: J10, J11, J20, J48

Известно, что экономика и демография тесно взаимосвязаны. Половозрастной состав населения влияет на процессы производства, на распределение производимых обществом благ. Следовательно, проблемы демографического характера государства прямо влияют на состояние экономики.

Республика Татарстан является одним из ключевых в экономическом отношении регионов России. В регионе активно реализуются перспективные инновационные проекты в области промышленности и науки. Все это позволяет предполагать сохранение за Татарстаном лидирующих позиций в стране и в будущем. Однако в ближайшее десятилетие республика столкнется с новыми вызовами — демографическими. Необходимо определить и оценить содержание этих вызовов и дать прогноз возможного воздействия их на социально-экономическое состояние региона. В разработанной «Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 г.» решающим фактором успешного развития территории в будущем признается человеческий капитал.

В первую очередь следует оценить тенденции основных демографических показателей.

Рождаемость в Республике Татарстан падает четвертый год подряд. На графике (рис. 1) наглядно показано соотношение количества родившихся и умерших человек в год за последние четыре года. Таким образом, задан тренд на сокращение доли молодого поколения в возрастной структуре населения. Увеличение доли старшего поколения в возрастной структуре населения создает дополнительную нагрузку на экономически активное население, влияет в конечном итоге на эффективность реали-

зации принципа солидарности поколений на практике в рамках отдельно взятого региона-донора.

Увеличение доли лиц старшего поколения, сокращение рождаемости в ближайшие десятилетия приведут к образованию демографической ямы при прочих равных условиях [Ильдарханова, Ибрагимова, 2019]. Число женщин репродуктивного возраста будет уменьшаться, что стимулирует дальнейшее сокращение рождаемости населения.

Указанные выше процессы напрямую влияют на численность экономически активного населения региона. Старение населения и сокращение коренного населения республики влияют негативным образом на человеческий капитал региона. Заметная нагрузка на сокращающееся экономически активное население приводит к нехватке кадров на местах. В силу вышесказанного для более эффективного решения экономических проблем, вызванных демографическими процессами, необходимо стимулировать рождаемость и вкладываться в инновационные, интенсивные пути развития экономики. Примером последнего служит основание города Иннополис.

В результате сокращения численности экономически активного населения республики вследствие низкой рождаемости 1990-х гг. Татарстан закономерно получит меньшее пополнение коренного экономически активного населения [Токарев, 2018], что в конечном счете может поставить под вопрос успешное развитие региона в ближайшей перспективе.

Важно также отметить, что в структуре населения наблюдается значительная диспропорция в соотношении сельского и городского населения [Биктимиров и др., 2019]. На начало 2020 г. население в сельской местности составляет 19,1%. Несмотря на лидирующие позиции по доле произведенной сельскохозяйственной продукции среди регионов России, дальнейшее сохранение и приумножение показателей производства [Хуснутдинова, Сафонова, 2015] становится вызовом для агропромышленного комплекса при тенденции сокращения числа работников на селе. В качестве одной из мер по возрождению села и повышению рождаемости коренного населения принята единовременная выплата матерям в селе за рождение детей. Причем основным условием является проживание в сельской местности не менее трех лет до рождения ребенка.

Среди последних негативных тенденций, наблюдаемых во всем мире из-за пандемии, отмечается сокращение рождаемости и ухудшение материального положения семей. 65% респондентов, по данным опроса, проведенным исполнительными органами республики совместно с организацией «Сообщество мам Казани», отметили нехватку финансовых ресурсов в период пандемии [Ярхамов, 2020].

Перечисленные выше тенденции и уже стоящие перед руководством республики демографические вызовы неизбежно повлекут за собой со-

циальные и экономические последствия: изменение спроса и предложения на рынке труда из-за изменения возрастной структуры населения; изменение объема и структуры сбережений и инвестиций; снижение предложения труда из-за старения населения, значительное увеличение потребности в бюджетных ресурсах из-за роста доли пожилого населения, а также для стимулирования демографических изменений в рамках определенных векторов развития; существенное изменение финансовых и иных мер для борьбы с демографическими вызовами при сохранении и возможном наращивании темпов роста экономики.

Экономический потенциал Татарстана, огромный по масштабам, оказался недостаточно эффективным в современных экономических условиях. Необходимо не только вкладываться в социальную сферу, стимулирование благоприятных тенденций в демографических процессах, но и остро встает проблема в поисках инновационных путей развития экономики для обеспечения экономического роста за счет перестройки структуры экономики, увеличения производительности труда. Эти задачи для руководства региона должны стать приоритетными.

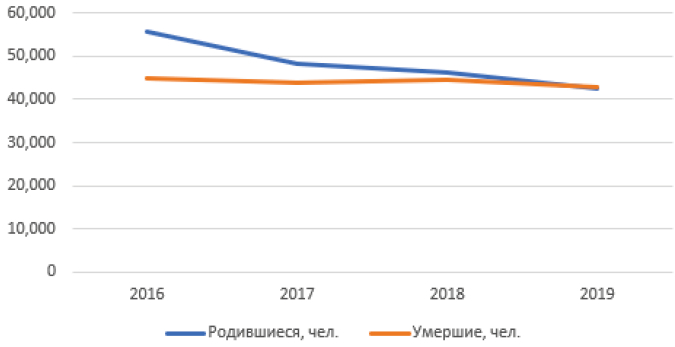

Рис. 1. Родившиеся и умершие в 2016–2019 гг., чел.
Источник: по данным Ежегодных отчетов Комитета Республики Татарстан по социально-экономическому мониторингу за 2016, 2017, 2018, 2019 гг.

Для изменения демографической динамики необходимо повышение рождаемости, обеспечение хотя бы простого воспроизводства. Необходим комплекс мер и системный подход в решении данной проблемы.

Среди мер, способных внести вклад в решение основной демографической проблемы — сокращение коренного населения, — как важные стоит отметить следующие:

- решение жилищной проблемы,
- повышение уровня здравоохранения,
- борьба с вредными привычками.

Помимо федеральных мер по стимулированию рождаемости в регионе вводятся дополнительные меры: материальная поддержка на рождение первого, второго и третьего ребенка, поддержки сельских жительниц, повышение МРОТ.

В итоге, несмотря на обозначившиеся негативные тренды в демографической среде, усиленные такими внешними факторами, как пандемия, в Татарстане при должном анализе и разработке мер как материального, так и нематериального характера есть вероятность решить проблемы не только в краткосрочной, но и в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. *Биктимиров Н. М., Гайфутдинова Р. М., Ибрагимова А. А., Ильдарханова Ч. И.* Внутрирегиональная дифференциация демографического потенциала Республики Татарстан // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2019. — № 3. — С. 189–202.
2. *Ильдарханова Ч. И., Ибрагимова А. А.* Женщины репродуктивного возраста как ресурс повышения уровня рождаемости: ретроспективный и перспективный анализ (на примере Республики Татарстан) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Спецвыпуск. — 2019. — № 1. — С. 82–87.
3. Закон Республики Татарстан от 17.06.2015 № 40-ЗРТ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года».
4. *Токарев А.* Демографическая яма Татарстана // Интернет-портал TatCenter. — Казань, 15.02.2018.
5. *Хуснутдинова С. Р., Сафонова М. В.* Демографическая ситуация урбанизированных территорий Республики Татарстан // Фундаментальные исследования. — 2015. — № 12-2. — С. 427–431.
6. *Ярхамов И.* Самоизоляция разрушила семейные скрепы // Интернет-портал KazanFirst. — Казань, 16.05.2020.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Biktimirov N. M., Gajfutdinova R. M., Ibragimova A. A., Il'darhanova Ch. I.* Vnutriregional'naja differenciacija demograficheskogo potenciala Respubliki Tatarstan // Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. — 2019. — № 3. — S. 189–202.
2. *Il'darhanova Ch.I., Ibragimova A. A.* Zhenshhiny reproduktivnogo vozrasta kak resurs povyshenija urovnja rozhdaemosti: retrospektivnyj i perspektivnyj analiz (na primere Respubliki Tatarstan) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sociologija. Pedagogika. Psihologija. Specvypusk. — 2019. — № 1. — S. 82–87.
3. Zakon Respubliki Tatarstan ot 17.06.2015 № 40-ZRT «Ob utverzhdenii Strategii social'no-jekonomicheskogo razvitija Respubliki Tatarstan do 2030 goda».

4. *Tokarev A.* Demograficheskaja jama Tatarstana // Internet-portal TatCenter. — Kazan', 15.02.2018.
5. *Husnutdinova S. R., Safonova M. V.* Demograficheskaja situacija urbanizirovannyh territorij Respubliki Tatarstan // Fundamental'nye issledovanija. — 2015. — № 12-2. — S. 427–431.
6. *Jarhamov I.* Samoizoljacija razrushila semejnye skrepy // Internet-portal Kazan-First. — Kazan', 16.05.2020.

КАБЕРТЫ Нодар Гаврилович
к.э.н., доцент кафедры менеджмента
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова»,
старший научный сотрудник
лаборатории прикладной социологии и конфликтологии ВНЦ РАН,
Владикавказ, Россия.
E-mail: kaberti-n@rmail.ru

КОЧИЕВА Жанна Герсановна
к.э.н., профессор, зав. кафедрой экономики и предпринимательства
Юго-Осетинского государственного университета имени А. А. Тибилова,
Цхинвал, Южная Осетия.
E-mail: janna.kochieva@yandex.ru

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЮЖНОЙ ОСЕТИИ[1]

Ключевые слова: Южная Осетия, демографическая ситуация, рождаемость, смертность, миграция.
Коды JEL: J11, J12, J13

Южная Осетия является одним из регионов, которые после распада Советского Союза превратились в горячие точки. В течение длительного этнополитического грузино-осетинского конфликта в республике разрушалась экономическая система, осложнилась социально-психологическая обстановка. Все это привело к ухудшению демографической ситуации, которая за весь советский период выглядела значительно прогрессивнее, чем в целом по стране и, в частности, в Грузинской ССР, в состав которой Южная Осетия входила в статусе автономной области.

[1] Работа выполнена в рамках научного проекта РФФИ № 20-510-07003 «Развитие аграрного сектора как фактора повышения уровня жизни и миграционной привлекательности Республики Южная Осетия», реализуемого в 2020–2022 гг.

Ситуация радикально и в худшую сторону изменилась с конца 80-х гг. прошлого века. Двадцатилетний конфликт, который закончился августовской войной 2008 г., привел к резкому ухудшению всех показателей естественного движения и интенсивному оттоку населения в другие государства, в первую очередь в Россию.

В Южной Осетии после признания ее независимости Россией и наступления периода мирного развития на первый план выдвинулась необходимость увеличения темпов экономического развития и обеспечения социальной стабильности в республике.

Решение этих задач невозможно в условиях демографического кризиса, в условиях депопуляции. Для выхода из кризисной ситуации в сфере воспроизводства населения нужно проведение научно обоснованной, достаточно финансируемой демографической, и в том числе миграционной, политики. Важнейшим этапом разработки такой политики является всесторонний, качественный и беспрерывный анализ как показателей воспроизводства населения, так и влияющих на них факторов.

«В условиях кризисного экономического и демографического развития как никогда важно грамотно и полно учесть все особенности сложившейся ситуации в выработке стратегии стабилизации и экономического роста» [Демографический..., 2004, с. 135].

Такой комплексный анализ дает возможность выявить основные проблемы в этой сфере, на решение которых должны быть направлены меры регулирования отдельных аспектов воспроизводства населения и трудовых ресурсов.

Характер и масштабы воспроизводства населения меняются под воздействием как естественного, так и механического движения населения. Само собой подразумевается, что основой воспроизводства населения является рождаемость и смертность, хотя нередко механическое движение на численность и состав населения влияет не менее интенсивно.

Ввиду отсутствия соответствующей статистической информации сложно проследить за динамикой показателей рождаемости и смертности за длительный исторический период на уровне автономных республик, областей и т.д.

Вместе с тем с помощью некоторых косвенных данных можно составить довольно четкую картину динамики масштабов основного демографического процесса — рождаемости. Ситуацию можно оценить, например, с помощью изменения доли детей в возрасте 0–4 лет в общей численности населения. Данный показатель в Южной Осетии менялся следующим образом: 1926 г. — 18,6%, 1939 г. — 15,7%, 1959 г. — 11,8%, 1970 г. — 10,2%, 1979 г. — 8,2%, 1989 г. — 8,1%, 2015 г. — 6,6% [Демоскоп; Итоги..., 2016]. Как видим, за 79 лет доля детей в возрасте до пяти лет уменьшилась почти в три раза.

С 1940 г. в статистических материалах уже фиксировались и публиковались данные об общем количестве родившихся и умерших, следовательно, легко рассчитывались соответствующие общие коэффициенты. Динамика этих показателей свидетельствует о том, что параметры рождаемости и смертности в Южной Осетии менялись не в лучшую сторону (табл. 1).

С самого начала анализируемого периода (с 1940 г.) в Южной Осетии постоянно уменьшались параметры рождаемости и увеличивались масштабы смертности. Соответственно уменьшались абсолютные и относительные показатели естественного прироста. Несмотря на такую отрицательную динамику, к моменту последней советской переписи населения (1989 г.) в Южно-Осетинской автономной области сохранились довольно рациональные показатели: рождаемость — 16,7‰, смертность — 8,7‰ и естественный прирост — 8,0‰.

В Грузинской ССР, в состав которой входила область, эти показатели составляли практически столько же: 16,7, 8,6 и 8,1‰ соответственно [Демографический..., 1991, с. 152].

В результате этнополитического конфликта в Южной Осетии почти полностью был разрушен статистический учет и в том числе учет демографических процессов. Ввиду отмеченного проанализировать демографическую ситуацию за 90-е гг. прошлого века — сложнейшая задача. Вместе с тем статистика постепенно восстанавливалась, и с 2000 г. можно проследить за динамикой основных показателей демографического развития и в том числе рождаемости и смертности. Такая динамика свидетельствует о том, что в современной Южной Осетии сложилась очень напряженная демографическая ситуация. В течение 19 лет фиксируется очень низкая рождаемость, высокая смертность, в результате чего происходит снижение численности населения. За 2000–2018 гг. в республике родились 8628 человек, умерли 11 213 человек, естественная убыль составила 2585 человек.

Таблица 1

Динамика общих показателей рождаемости и смертности населения Южной Осетии

Годы	Абсолютные данные (чел.)			На 1000 населения		
	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1940	2748	516	2232	25,2	4,7	28,0
1950	2207	542	1665	21,2	4,8	16,4
1960	2329	491	1838	23,6	5,0	18,6
1970	1898	684	1214	19,0	6,8	12,2

Окончание табл. 1

Годы	Абсолютные данные (чел.)			На 1000 населения		
	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1980	1629	892	737	16,7	9,1	7,6
1985	1891	890	1001	19,2	9,0	10,2
1989	1658	857	791	16,7	8,7	8,0
1990	1405	831	574	14,3	8,5	5,8
2000	627	613	14	9,6	9,4	0,2
2010	271	627	–356	5,4	12,5	–7,1
2011	492	630	–138	9,8	12,6	–2,8
2012	390	583	–193	7,6	11,3	–3,7
2013	461	557	–96	8,6	10,4	–1,8
2014	495	548	–53	9,4	10,4	–1,0
2015	542	520	22	10,1	9,7	0,4
2016	523	509	14	9,6	9,3	0,3
2017	496	507	–11	8,9	9,1	–0,2
2018	550	532	18	9,7	9,4	0,3

Источник: [Каберты, Кочиева, 2019, с. 83].

До 2014 г. информацию о рождаемости систематизировало и публиковало Управление государственной статистики РЮО на основе данных органов ЗАГС. С 2015 г. информация основывается на данных Министерства здравоохранения и социального развития. Это произошло с целью уточнения численности родившихся. Министерство, помимо родившихся на территории Южной Осетии, фиксирует и факты рождения детей гражданами республики за ее пределами. Например, из 550 новорожденных в 2018 г. в роддомах РЮО родилось 363 ребенка, а за пределами республики — 187 детей [Статистический..., 2019, с. 20]. Такое уточнение повышает показатель рождаемости, но радикально не меняет ситуацию: в республике рождаемость остается на низком уровне.

Соответствующая статистическая информация свидетельствует о том, что за весь советский период основные параметры демографической ситуации в Южной Осетии особо не выделялись среди аналогичных показателей регионов Южного и Северного Кавказа, чего нельзя сказать о постсоветском периоде. По состоянию на 2018 г. общие коэффициенты естественного движения населения в Южной Осетии выглядят намного хуже, чем в абсолютном большинстве стран и регионах Кавказа (табл. 2).

Таблица 2

Общие коэффициенты естественного движения в странах и регионах Кавказа в 2018 году, ‰

	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост (убыль)
Грузия	13,7	12,5	1,2
Абхазия	5,8	5,2	0,6
Аджария	16,7	9,9	6,8
Армения	12,3	8,7	3,6
Азербайджан	14,2	5,8	8,4
Дагестан	15,6	4,8	10,8
Ингушетия	16,3	3,1	13,2
Кабардино-Балкария	12,6	8,2	4,4
Карачаево-Черкесия	10,7	9,0	1,7
РСО-Алания	13,1	10,2	2,9
Чечня	20,7	4,4	16,3
Ставропольский край	11,0	11,5	–0,5

Источники: [Абхазия..., 2019; Демографическая..., 2019; Демографический..., 2019; Приложение..., 2019].

В первую очередь сказанное относится к коэффициенту рождаемости. Ниже, чем в Южной Осетии, он зафиксирован лишь в Абхазии. Надо отметить, что уровень смертности в РЮО почти в два раза выше, чем в Абхазии. Интенсивность смертности очень высока также в Грузии, в Ставропольском крае и в Северной Осетии, что особенно важно с точки зрения демографического развития обеих осетинских республик.

Показатели рождаемости и смертности сильно дифференцированы по внутренним административно-территориальным образованиям Южной Осетии (табл. 3).

Таблица 3

Общие коэффициенты рождаемости, смертности и естественного движения населения в административно-территориальных единицах Южной Осетии, ‰

Районы	2012 г.			2018 г.		
	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
Г. Цхинвал	9,6	11,9	–2,3	14,0	10,0	4,0
Цхинвальский район	5,4	9,2	–3,8	3,8	10,0	–6,2

Окончание табл. 3

Районы	2012 г.			2018 г.		
	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
Дзауский район	8,8	11,8	–3,0	4,5	6,2	–1,7
Знаурский район	3,2	20,3	–17,1	3,8	13,7	–9,9
Ленингорский район	1,2	3,5	–2,4	4,6	4,4	0,2

Источники: [Статистический..., 2013; Статистический..., 2019].

По данным 2018 г., относительно нормальная демографическая ситуация сложилась в столице республики. При этом она меняется в лучшую сторону. В 2012 г. в городе Цхинвал смертность превышала рождаемость, а в 2018 г. уже был зафиксирован естественный прирост. Во всех четырех административных районах республики наблюдатся депопуляция. Сложнейшая ситуация сложилась в Знаурском районе, где уровень смертности в 3,6 раза превышает показатели рождаемости. Следовательно, в районе очень высок коэффициент естественной убыли — 9,9‰.

Приведенные параметры как в целом по республике, так и по административным районам можно оценить, как катастрофические, с соответствующими последствиями.

У общих демографических коэффициентов есть общеизвестный недостаток, а именно: они не отражают особенности структуры населения, прежде всего половозрастной. Из-за этого недостатка почти никогда не известно, за счет каких факторов изменилась величина коэффициента: то ли за счет изменения изучаемого процесса, то ли за счет структуры населения.

Данный недостаток обычно устраняется с помощью так называемых повозрастных коэффициентов, в которых число событий, произошедших у населения определенного возраста, сопоставляется со среднегодовой численностью не всей, а лишь соответствующей возрастной группы населения.

Из частных коэффициентов рождаемости в первую очередь надо отметить так называемый специальный коэффициент рождаемости, который отражает интенсивность деторождения среди женщин фертильного возраста (15–49 лет). При его расчете не учитывается возрастной контингент женщин, которые практически не влияют на численность новорожденных. Следовательно, специальный коэффициент в меньшей мере подвержен влиянию возрастной структуры населения по сравнению с общим коэффициентом рождаемости.

При наличии компонентов (численности родившихся и женщин фертильного возраста) коэффициент можно рассчитать за любой период, чаще всего это год переписи населения.

Уровень и динамика специального коэффициента рождаемости лишний раз подтверждают сложную и постоянно ухудшающуюся демографическую обстановку в Южной Осетии (табл. 4). По приведенным в таблице данным видно, что специальный коэффициент рождаемости в республике за все рассмотренные годы менялся практически так же, как общий коэффициент, — после длительного и постоянного уменьшения в последние годы фиксируется некоторый его рост.

Таблица 4

Динамика специального коэффициентов рождаемости в Южной Осетии

Годы	Женщины в фертильном возрасте	Число родившихся	Специальный коэффициент рождаемости
1939	20 179	2678	132,7
1959	25 657	2181	85,0
1970	24 152	1898	78,6
1979	23 872	1636	68,5
1989	22 496	1658	73,7
2012	11 635	390	33,5
2015	12 254	542	44,2
2018	12 952	550	42,5

Источник: [Демоскоп, приложения. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php].

В 1939 г. на 1000 женщин фертильного возраста в Южной Осетии приходилось 132,7 рождения. Это один из наиболее высоких показателей среди всех регионов тогдашнего Советского Союза. К концу советского периода (1989 г.) он еще сохранялся на довольно высоком уровне — 73,7‰. Особо быстрое уменьшение коэффициента произошло с 90-х гг. прошлого века. В целом за 1939–2018 гг. специальный коэффициент рождаемости в Южной Осетии уменьшился в 3,1 раза. Такой темп спада данного показателя не зафиксирован ни в странах Южного Кавказа и ни в одном регионе Северного Кавказа.

Величина специального коэффициента тоже зависит от особенностей возрастной структуры, но уже от особенностей возрастной структуры внутри женского репродуктивного контингента, а не всего населения. Устранение данного недостатка возможно с помощью коэффициентов рождаемости по пятилетним возрастным группам женщин. Однако современное состояние статистической отчетности в Южной Осетии пока

еще не дает возможность расчета отмеченных и многих других частных коэффициентов.

Немаловажными факторами, влияющими на рождаемость, являются брачность и разводимость. Общие показатели указанных демографических процессов в Южной Осетии также меняются в худшую сторону (табл. 5).

Таблица 5

Браки и разводы в Южной Осетии

Годы	Число браков	Число разводов	На 1000 населения		Число разводов в % к числу браков
			Браки	Разводы	
2009	538	32	10,9	0,6	5,9
2010	306	25	6,1	0,5	8,2
2011	264	47	5,2	0,9	17,8
2012	262	42	5,1	0,8	16,0
2013	186	48	3,4	0,9	25,8
2014	160	61	3,0	1,1	38,1
2015	196	64	3,7	1,2	32,6
2016	199	61	3,7	1,1	30,6
2017	198	44	3,6	0,8	22,2
2018	131	64	2,3	1,1	48,8

Источники: [Статистический..., 2013; Статистический..., 2019].

За приведенный в таблице десятилетний период число браков уменьшилось в 4,1 раза, и в 2018 г. в республике был зафиксирован очень низкий коэффициент брачности — всего 2,3‰. В то же время масштабы и интенсивность разводов в основном менялись в сторону повышения. В результате такой регрессивной динамики с 2009 г. в Южной Осетии постоянно и интенсивно меняется соотношение браков и разводов в пользу последних. В 2018 г. в республике было расторгнуто 64 брака, что составляет 48,8% к числу заключенных браков в указанном году.

Для республики огромной проблемой является интенсивный отток населения. По экспертным оценкам, в годы этнополитического конфликта в регионе его масштабы увеличились в разы. Официальная статистика об этом процессе еще менее надежна, чем информация о рождаемости и смертности. В подтверждение сказанному можно привести пример. По данным Управления государственной статистики РЮО, за 2011–2018 гг. из республики уехали всего 986 человек. Согласно материалам Федеральной службы государственной статистики РФ, за этот же период из Южной Осетии в Россию переселились 3553 человека [Численность...,

2011–2018]. Естественно, в малых масштабах, но все-таки люди уезжают и в другие страны мира.

С помощью косвенных расчетов нами установлено, что в период между Всесоюзной переписью 1989 г. и первой переписью населения в Южной Осетии 2015 г., отрицательное сальдо внешней миграции составило около 38 тыс. человек, или 1,5 тыс. человек ежегодно. Это большая потеря для маленькой республики с учетом того, что среди мигрантов абсолютное большинство — с высоким репродуктивным и трудовым потенциалом.

В результате ухудшения показателей естественного движения и интенсивного оттока населения между указанными переписями общая численность населения и численность населения трудоспособного возраста в республике сократились практически одинаково — на 45,7 и 45,4% соответственно. Численность подростков (0–15 лет) сократилась в 2,5 раза, а население пенсионного поколения — лишь на 27,4%.

Дифференцированные темпы динамики численности возрастных групп изменили возрастную структуру населения республики. За анализируемый период удельный вес подростков уменьшился от 26,2 до 19,3%, доля пожилых людей увеличилась от 19,6 до 26,3%. В результате этого коэффициент демографической нагрузки населения трудоспособного возраста населением пенсионного возраста вырос от 363 до 483‰, а нагрузка детьми, наоборот, уменьшилась от 483 до 354 ‰ [Каберты, Кочиева, с. 52].

В настоящее время по трехступенчатой шкале ООН население Южной Осетии оценивается как очень старое с соответствующими отрицательными социально-экономическими последствиями. Кроме этого, доля женщин с наиболее высоким репродуктивным потенциалом (15–34 лет) уменьшилась от 28,0 до 24,8% [Каберты, Кочиева, с. 150–151].

Все отмеченное лишний раз подтверждает необходимость разработки и реализации эффективной демографической политики. Она должна стать приоритетным направлением всей социально-экономической политики республики. В связи с этим необходима демографическая экспертиза всех реализуемых и запланированных проектов и программ.

Список литературы

1. Абхазия в цифрах 2018: Управление государственной статистики Республики Абхазия. — Сухум: ИП «Лагвилава А.», 2019. URL: https://ugsra.org/ofitsialnaya-statistika.php?ELEMENT_ID=407©
2. Демографическая обстановка в Грузии. Статистическая публикация. — Тбилиси, 2019. URL: www@geostat.ge
3. Демографический ежегодник России. 2019: стат. сборник. Международные сравнения. URL: http://www.gks.ru
4. Демографический ежегодник СССР: стат. сборник. — М.: Финансы и статистика, 1991.

5. Демографический фактор в социально-экономическом развитии региона (на примере Пермской области) / под ред. д. э. н. профессора В. А. Ионцева. — М.: ТЕИС, 2004. — 256 с.
6. Демоскоп. Электронный журнал. Приложения. URL: http://www.demoscope.ru/weekly
7. Итоги всеобщей переписи населения Республики Южная Осетия 2015. Управление государственной статистики — Цхинвал, 2016.
8. *Каберты Н. Г., Кочиева Ж. Г.* Демографическая ситуация в Южной Осетии: факторы, прогнозы и основы механизма регулирования. Часть первая — демографическая ситуация современной Южной Осетии. — Цхинвал: Республика, 2019. — 155 с.
9. Приложение к демографическому ежегоднику России. 2019. URL: http://www.gks.ru
10. Статистический ежегодник 2012: стат. сборник (за 2007–2012 гг.). — Цхинвал, 2013.
11. Статистический ежегодник 2018: стат. сборник. — Цхинвал, 2019.
12. Численность и миграция населения Российской Федерации: стат. бюллетени за 2011–2018 гг. URL: http://www.gks.ru

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Abhazija v cifrah 2018: Upravlenie gosudarstvennoj statistiki Respubliki Abhazija. — Suhum: IP «Lagvilava A.», 2019. URL: https://ugsra.org/ofitsialnaya-statistika.php?ELEMENT_ID=407©
2. Demograficheskaja obstanovka v Gruzii. Statisticheskaja publikacija. — Tbilisi, 2019. URL: www@geostat.ge
3. Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 2019: stat. sbornik. Mezhdunarodnye sravnenija. URL: http://www.gks.ru
4. Demograficheskij ezhegodnik SSSR: stat. sbornik. — M.: Finansy i statistika, 1991.
5. Demograficheskij faktor v social'no-jekonomicheskom razvitii regiona (na primere Permskoj oblasti) / pod red. d. je. n. professora V. A. Ionceva. — M.: TEIS, 2004. — 256 s.
6. Demoskop. Jelektronnyj zhurnal. Prilozhenija. URL: http://www.demoscope.ru/weekly
7. Itogi vseobshhej perepisi naselenija Respubliki Juzhnaja Osetija 2015g. Upravlenie gosudarstvennoj statistiki. — Chinval, 2016.
8. *Kaberty N. G., Kochieva Zh. G.* Demograficheskaja situacija v Juzhnoj Osetii: faktory, prognozy, i osnovy mehanizma regulirovanija. Chast' pervaja — demograficheskaja situacija sovremennoj Juzhnoj Osetii. — Chinval: Respublika, 2019. — 155 s.
9. Prilozhenie k demograficheskomu ezhegodniku Rossii. 2019. URL: http://www.gks.ru
10. Statisticheskij ezhegodnik 2012: stat. sbornik (za 2007–2012 gg.). — Chinval, 2013.
11. Statisticheskij ezhegodnik 2018: stat. sbornik. — Chinval, 2019.
12. Chislennost' i migracija naselenija Rossijskoj Federacii: stat. bjulleteni za 2011–2018 gg. URL: http://www.gks.ru

КОРОВКИН Андрей Германович
д.э.н., заведующий лабораторией,
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН,
лаборатория прогнозирования трудовых ресурсов;
профессор,
экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова,
кафедра экономики труда и персонала,
Москва, Россия.
E-mail: akor@ecfor.ru

СИНИЦА Арсений Леонидович
к.э.н., научный сотрудник,
экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова,
лаборатория экономического образования;
старший научный сотрудник,
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН,
лаборатория прогнозирования трудовых ресурсов,
Москва, Россия.
E-mail: arcia.msu.e.05@mail.ru

КОРОЛЕВ Иван Борисович
к.э.н., старший научный сотрудник,
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН,
лаборатория прогнозирования трудовых ресурсов,
Москва, Россия.
E-mail: ecfor1809@mail.ru

ЕСТЕСТВЕННОЕ И МИГРАЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РФ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ)[1]

Ключевые слова: движение населения, миграция, Арктическая зона РФ.

Коды JEL: J11, J13, R23

На протяжении всего XX в. миграционная составляющая определяла демографическую динамику в регионах Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ). В СССР Арктика была зоной широкого освоения, куда привлекались значительные материальные и людские ресурсы. С из-

[1] Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-010-00944 «Межсекторальное движение рабочей силы как фактор перспективной динамики рынка труда РФ и ее регионов».

менением экономических условий миграционная обстановка в регионах Арктики существенно изменилась. На фоне смены общественного строя, ухудшения социально-экономического положения, падения уровня жизни, обострения противоречий на рынке труда миграционные процессы стали практически неуправляемыми. В результате на протяжении всего постсоветского периода в большинстве регионов наблюдается постоянный миграционный отток. Особенно большим он был в 1990-е гг.

Мы рассматриваем миграционное движение населения в регионах АЗРФ и оцениваем доли мигрантов и вероятности совершить миграцию в регион АЗРФ из других регионов АЗРФ, других регионов РФ (сгруппированных по федеральным округам), стран ближнего и дальнего зарубежья на временном периоде 1991–2015 гг. Рассматривается только миграция, связанная со сменой постоянного места жительства. Информационную основу составили данные Росстата. В качестве инструментария используется модель движения населения и трудовых ресурсов, учитывающая неоднократные переходы из состояния в состояние [Коровкин, 2001].

За 1991–2015 гг. выбытие населения в результате миграции и смертности в регионах АЗРФ происходило в большем объеме, чем по стране в целом. С учетом рождений и миграционного притока на конец 2015 г. в регионах АЗРФ осталось лишь около 40% от населения на начало 1991 г. В среднем по регионам России удалось сохранить около 49% населения.

Больше всего как прибытий, так и выбытий осуществлялось внутри регионов АЗРФ, но доля внутренних миграций в регионах АЗРФ заметно различалась. В регионах, которые полностью входят в АЗРФ, доля тех, кто осуществлял миграцию внутри региона, была примерно в два раза ниже, чем в регионах, входящих в АЗРФ лишь частично (где, вероятно, более активно идет миграция населения с территорий, относящихся к АЗРФ, на территории, в АЗ РФ не входящие). При межрегиональной миграции внутри АЗРФ наиболее распространены переезды из соседних регионов или из регионов, расположенных в одной части АЗРФ.

Ранг АЗРФ в миграции по стране в целом очень сильно зависит от региона. Если исключить внутрирегиональную миграцию, то лишь в Архангельской области и Ненецком АО регионы АЗРФ относятся к популярным направлениям выбытия населения. Во всех остальных регионах подавляющее большинство населения предпочитает уезжать в более комфортные климатические зоны. Особенно низкая доля тех, кто переезжает в другие регионы Арктики, находится в Азиатской части АЗРФ.

Наиболее популярным направлением выбытия является Центральный федеральный округ (ФО). Значительный исходящий поток направлен в ближнее зарубежье. Меньше всего людей едет в дальнее зарубежье. Еще одним непопулярным направлением выбытия является Дальневосточный ФО.

Вероятность въехать в регион, расположенный в АЗРФ, из других регионов АЗРФ является наиболее высокой среди всех вероятностей въезда. Это означает, что пополнение населения в значительной степени осуществляется из регионов АЗРФ, а не из других российских регионов. Вторым важным источником является иммиграция. Оценки вероятности приехать из-за рубежа заметно выше оценок вероятности приехать из других регионов России.

В целом по АЗРФ рождаемость смогла компенсировать лишь около 88% от всех смертей, ранг этого источника пополнения населения достаточно высокий. Он уступает лишь внутрирегиональной миграции и иногда странам ближнего зарубежья. В качестве причины выбытия населения смертность во всех регионах имеет первый или второй (вслед за межрегиональной миграцией) ранг.

В целом в течение рассматриваемого периода миграция оказывала более существенное влияние на воспроизводственные процессы, чем естественное движение. При этом входящий миграционный поток составил лишь 80% от исходящего.

Вероятность совершить миграцию внутри региона является наиболее высокой. В регионах, полностью входящих в АЗРФ, она была ниже и составляла 40–50%. В регионах, входящих в АЗРФ частично, вероятность была выше и составляла 45–60%.

Вероятность миграции в пределах АЗРФ, но за пределы исходного региона, для всех регионов, кроме Ненецкого АО, была низкой. Вероятность переехать в другой регион АЗРФ вошла в тройку основных направлений миграции только в Ненецком АО. В остальных регионах европейской части АЗРФ это направление выбытия не входило в число наиболее важных.

Во всех регионах АЗ РФ вероятность переехать в страны ближнего зарубежья была достаточно высокой и находилась в тройке основных направлений выбытия населения. Высока также вероятность переезда в Центральный ФО. В свою очередь, вероятность умереть как причина выбытия уступает лишь вероятности внутрирегиональной миграции.

Географическая близость, условия проживания, а также наличие социальных связей и жилья на месте переезда являются, по всей видимости, основными факторами, которые влияют на вероятность переехать из регионов АЗРФ, хотя определить конкретный вклад определенного фактора, особенно на уровне отдельных регионов АЗРФ, достаточно сложно.

Список литературы

1. *Коровкин А. Г.* Динамика занятости и рынка труда: вопросы макроэкономического анализа и прогнозирования. — М.: МАКС Пресс, 2001. — 320 с.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Korovkin A. G.* Dinamika zanjatosti i rynka truda: voprosy makrojekonomicheskogo analiza i prognozirovanija. — M.: MAKS Press, 2001. — 320 s.

КОРОЛЕВ Сергей Владимирович
к.и.н., доцент, Институт социальных коммуникаций
Удмуртского государственного университета,
кафедра истории, теории и практики социальных коммуникаций,
Ижевск, Россия.
E-mail: korolevudgu@yandex.ru

ДИНАМИКА И ФАКТОРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ В УДМУРТИИ В НАЧАЛЕ XXI в.

Ключевые слова: потребление алкоголя, Удмуртия, политика, проблемы.

Коды JEL: J18, E21, E23, E61

Россия по употреблению алкоголя, по данным ВОЗ, входит в пятерку самых пьющих стран мира [Потребление..., 2017], Удмуртия — один из «лидеров» среди регионов Приволжского федерального округа. В 2015 г., по данным Госкомстата, в республике было куплено в среднем 7,7 литра на душу населения, больше выпили только в Кировской области — 8,8 литра, наименьшее в Саратовской области — 4,4 литра. Для сравнения: в 1975 г. Удмуртия была на 8-м месте из 14 — 8,8 литра, в 1985 г. на 4-м месте — 8,3 литра.

Таблица 1

Продажа алкоголя по регионам Приволжского федерального округа (на душу населения, литров)

		1975	1985	2011	2012	2013	2014	2015
1	Кировская область	11,1	8,4	11,2	11,4	10,2	9,3	8,8
2	**Удмуртия**	**8,8**	**8,3**	**10,5**	**11,2**	**9,7**	**8,4**	**7,7**
3	Татарстан	8,7	7,7	9,6	9,7	9,0	8,2	7,7
4	Нижегородская	9,9	9,2	8,1	8,2	7,6	7,1	6,8
5	Мари Эл	8,1	9,0	7,9	7,9	7,1	6,9	6,6
6	Пермский край	10,1	9,0	8,5	9,1	8,4	7,4	6,4

Окончание табл. 1

		1975	1985	2011	2012	2013	2014	2015
7	Чувашия	7,3	7,4	8,5	8,5	7,6	6,9	6,3
8	Пензенкая	8,9	8,2	8,0	8,7	9,8	8,3	6,3
9	Самарская	8,4	7,4	7,8	7,3	6,8	6,2	6,1
10	Ульяновская	9,9	8,2	7,1	7,2	7,0	5,8	6,0
11	Мордовия	7,7	8,1	7,8	8,2	8,0	7,3	5,2
12	Башкирия	8,1	8,0	7,6	9,2	9,5	8,1	5,1
13	Оренбургская	8,9	5,8		6,1			
14	Саратовская	9,3	8,1	7,0	7,5	5,2	4,3	4,4

Источник: [Рынок..., 2016, с. 28]. *Примечание*: регионы ранжированы по объемам продажи алкоголя в 2015 г.

Анализ динамики потребления алкоголя в Удмуртии за пятнадцать лет свидетельствует о стабильном высоком уровне потребления алкоголя. Пик потребления приходится на 2012 г. — 11,2 литра на душу населения, рост с 2001 г. — (7,09) более чем на 4 литра в абсолютном алкоголе. Максимумы потребления водки наблюдаются в 2001 г. — 14,1 литра и в 2008 г. — 14,6 литра, что касается пива, то темпы роста его потребления беспрецедентно высоки, в 2001 г. жители Удмуртии выпили 27,03 литра, в 2012 г. — 96,13 литра, т.е. потребление пива за 10 лет увеличилось более чем в три раза. Потребление других алкогольных изделий также возрастало, вина с 2,09 литра в 2001 г. до 10,90 в 2010 г., коньяка с 0,13 до 0,47 соответственно, однако их общий вклад в количество абсолютного алкоголя по сравнению с водкой и пивом несущественный.

Другая тенденция последних лет — снижение потребления алкоголя, с 2012 по 2016 г. с 11,2 литра до 7,5 литра [Сидорова, 2017], т.е. фактически до уровня 2001 г. Каковы же причины падения? Первое, это те ограничительные меры, которые были реализованы в связи с принятием в 2010 г. Концепции государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией на период до 2020 г. [Концепция..., 2009], предусматривающей снижение уровня потребления алкогольной продукции на 55%. Одной из них является превышающее инфляцию повышение цен на алкоголь: средняя цена на водку за литр в Удмуртии составляла в 2011 г. — 215,9 руб., в 2015 г. увеличилась до 463,4 руб., пиво и вино подорожали с 58,51 до 95,63 руб. и со 165,7 до 329,8 соответственно [Рынок..., 2016, с. 35]. Об этом свидетельствует тот факт, что удельный вес продажи алкоголя в суммарном обороте розничной торговли и общественного питания увеличился с 16,4% в 2011 г. до 23,4% в 2015 г. [Рынок..., 2016, с. 34]. Кроме этого, важную роль сыграли меры, направленные на ограничение продажи алкоголя по времени, месту размещения, запрет

рекламы алкоголя на телевидении и продажи пива в неприспособленных помещениях (ларьки, киоски).

Таблица 2

Потребление алкоголя в организациях розничной торговли и общественного питания в Удмуртии (в расчете на душу населения, литров)

	1985	2001	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
в абсолютном алкоголе	8,3	7,09	7.49	9,95	10,45	11,22	9,74	8,40	7,73
водка и ликеро-водочные изделия		14,12	12,19	12,07	13,38	13,06	10,91	9,34	8,96
пиво		27,03	41,91	80,43	87,28	96,13	82,82	68,79	60,32
вино		2,09	5,95	10,90	7,95	8,05	5,66	5,93	5,54
коньяк		0,13	0,16	0,47	0,72	0,63	0,68	0,61	0,60
шампанское		0,32	0,52	0,95	0,99	1,04	1,01	1,02	0,91

Источник: [Статистический сборник..., 2016].

Вторая важная причина, которую в официальных отчетах забывают упомянуть, связана с последовательным падением численности молодежи в возрасте с 16 до 29 лет, это категория молодежи, для которой характерны самые высокие объемы потребления алкоголя. Ее численность вследствие демографических проблем 90-х гг. снизилась в Удмуртии с 2009 по 2017 г. на 100 тыс., с 346 054 до 248 550 тыс. человек, соответственно стало снижаться потребление алкогольной продукции, в особенности пива [Численность..., 2017].

Третья причина снижения официальных продаж алкоголя связана с ростом нелегального алкогольного рынка по причине роста цен на алкогольную продукцию. Действительно, спрос на спиртосодержащие жидкости, потребление так называемых «фанфуриков» в стране возросло, в связи с этим один из экспертов алкогольного рынка В. И. Дробиз утверждает, что «все попытки государства ограничить потребление алкоголя провалились», «сокращение произошло за счет того, что нелегальную продукцию выдавили в нелегальный сектор» [Дробиз, 2018].

Четвертая, о которой важно упомянуть, — это пропаганда трезвого образа жизни, которая стала более заметной благодаря деятельности трезвеннических организаций, в том числе в республике, например, движение «За трезвую Удмуртию». Главным идеологом трезвеннического движения считается лидер Союза борьбы за народную трезвость В. Г. Жданов, чьи видеолекции получили большую популярность в сети. Еще одним достижением трезвых сил стал проект «Общее дело», благодаря которому появились качественно снятые фильмы и видеролики, которые культивируют

в молодежной среде идеалы трезвого здорового образа жизни. Становится традицией празднование во многих регионах 11 сентября — Дня трезвости [11 сентября...]. Об изменении ситуации свидетельствуют данные опросов ВЦИОМа, «53% россиян поддерживают идею ввести полный запрет на продажу алкоголя для людей младше 21 года. Полный запрет алкогольных напитков в стране поддержали бы 13% населения, это рекордный за последнее десятилетие показатель» [Гатинский, 2017].

Вместе с тем опыт показывает, что для решения алкогольной проблемы необходимы системные последовательные меры как со стороны государства, так и гражданского общества. А здесь есть определенные проблемы; так, в 2015 г. были вновь снижены цены на алкоголь, например, в Удмуртии цена на водку за литр снизилась с 475 до 463 руб. В первом квартале 2018 г. минимальная цена на водку (0,5 л) составила уже 205 руб. Количество магазинов и павильонов, осуществляющих розничную торговлю алкоголем, в Удмуртии увеличилось с 2011 по 2015 г. с 2719 до 3528 [Рынок...,2016, с. 19], т.е. на 809, а значит, потенциал для алкогольного рынка сохраняется.

Во многом ситуацию в Удмуртии определяет непоследовательная политика на общероссийском уровне. Об этом свидетельствуют следующие факты. Накануне чемпионата мира по футболу в России пивные компании вновь пролоббировали рекламу алкоголя на телевидении, в 2018 г. была предпринята попытка продавать алкоголь через интернет-магазины, онлайн, проект закона был подготовлен Минфином и согласован в Минпромторге РФ. Причем не нужно думать, что это тактические ошибки, министр здравоохранения Вероника Скворцова недавно заявила о том, что «задача, стоящая перед властями, структуризация рынка спиртного в стране... пока на нем преобладают крепкие напитки. Благородные вина, особенно сухие вина, ряд других напитков, которые меньшей градусности, их рынок должен расширяться» [Гатинский, 2017]. То есть стратегическая задача государства заключается не в том, чтобы трезвый образ жизни стал нормой, а чтобы перевести россиян с крепкого алкоголя на слабый (пиво, вино и т.д.). Подобные полумеры уже провалились в 70-е гг., когда правительство пыталось нарастить потребление вина, а также в нулевые, в недавний период, когда потребление пива увеличилось более чем в три раза, однако итог и тогда, и сегодня один: рост потребления слабого алкоголя сопровождается ростом крепкого, как говорится, «пиво без водки — деньги на ветер».

В последние годы информагентства регулярно сообщают о снижении потребления алкоголя, в России, по данным ТАСС, с 2011 по 2018 г. — с 18 до 9,3 литра [Минздрав..., 2019], в Удмуртской Республике с 2011 по 2016 г. с 10,5 литра до 7,5 литра чистого алкоголя на душу населения [Статистический сборник, 2016]. По словам министра здравоохранения

В. Скворцовой, это привело к сокращению числа алкогольных отравлений, а также связанных с употреблением алкоголя заболеваний, что выразилось в снижении смертности мужчин трудоспособного возраста на 18% с 2012 г. [Минздрав..., 2019].

Однако до решения проблемы все еще далеко; так, по данным исследовательской компании Nielsen, объем продаж алкоголя в России в 2018 г. увеличился на 4,6% в денежном выражении по сравнению с показателем за 2017 г. Рост продаж пива в 2018 г. составил 7,9%, рост продаж других алкогольных категорий, к которым эксперты относят шампанское, ликер, джин, коньяк, виски, ром, бренди, игристое вино, текилу и вермут, — на 9,8%, продажи водки снизились на 2,7% [Эксперты..., 2019].

По данным Удмуртстата, жители республики по итогам первого полугодия 2018 г. потратили на алкоголь 8,9 млрд руб.; по сравнению с аналогичным периодом прошлого года рост составил в сопоставимых ценах 3,3%. Средние подушевые траты на покупку алкоголя, включая детей, составили 982 руб., это больше чем на хлебобулочные и молочные изделия, вместе взятые, 422 и 402 руб. соответственно [Жители..., 2018]. Так, в 2018 г. жители Удмуртии потратили на алкоголь 18 млрд 820 млн 126 тыс. руб., для сравнения — весь бюджет республики в 2019 г. составил 72 млрд руб.

Объем розничной продажи крепкой алкогольной продукции (выше 16,5 градуса), по ЕГАИС, в Удмуртии увеличился в 1-м квартале с 2017 по 2019 г. с 294 233,09 декалитра до 362 019,39 декалитра [Сведения...]. То есть жители Удмуртии за три года стали больше пить на 67 786,3 декалитра, если перевести в литры, то это 677 863 литра крепкого алкоголя (табл. 1).

Таблица 3

Сведения об объеме и доле розничных продаж алкогольной продукции по ЕГАИС в Удмуртской Республике

Розничная продажа крепкой алкогольной продукции за 1-й квартал		
	Объем (декалитры)	**Доля (%)**
2017	294 233,09	1,3908
2018	355 358,06	1,5071
2019	362 019,39	1,5020

Источник: [Сведения...].

И это происходит на фоне интенсивного снижения численности населения региона, с 2017 по 2019 г. на 9436 человек с 1 516 826 до 1 507 390 человек [Численность..., 2020]. То есть численность населения падает, а потребление алкоголя растет. При этом численность молодежи в воз-

расте с 16 до 29 лет, по данным Удмуртстата, только за один год, с 2017 по 2018-й сократилась на 12 585 человек, с 248 550 до 235 965 человек [Численность..., 2020], а ведь молодежь является наиболее активным потребителем алкогольных изделий.

В разрезе субъектов РФ доля розничных продаж алкогольной продукции в Удмуртской Республике выросла за этот же период с 1,39 до 1,50%. Таким образом, 1,5% всего алкоголя в России продается в Удмуртии. Причем если сравнивать Удмуртию с соседями, то там идет падение продаж крепкого алкоголя (за исключением Башкирии). В Кировской области доля потребления снизилась с 1,24 до 1,21%, в Республике Татарстан с 3,73 до 3,45%, в Пермском крае с 2,07 до 2,02 % (табл. 4).

Таблица 4

Сведения об объеме и доле розничных продаж алкогольной продукции по ЕГАИС в разрезе субъектов РФ

	1-й квартал 2017 г.		1-й квартал 2019 г.	
	Объем (декалитры)	Доля (%)	Объем (декалитры)	Доля (%)
Удмуртская Республика	294 233,09	1,39	362 019,39	1,50
Кировская область	263 334,24	1,24	294 013,70	1,22
Республика Татарстан	789 399,99	3,73	831 788,51	3,45
Пермский край	438 151,88	2,07	489 011,10	2,03
Республика Башкортостан	594 205,32	2,81	694 434,32	2,88

Источник: [Сведения...].

За последние пять лет резко возросло число магазинов, точек «общепита», продающих алкоголь, многие из них нарушают законодательство, ограничивающее продажу алкоголя в ночное время и вблизи образовательных учреждений. К сожалению, и на уровне Правительства УР антиалкогольная политика не всегда последовательна. Так, на коллегии министерства промышленности и торговли УР 1 марта 2018 г. рассматривалась возможность изменения времени ограничения продажи алкоголя с 22.00–10.00 на 23.00–10.00 [Власти..., 2018]. Причем эти «инициативы» оправдываются экономической целесообразностью, что не соответствует действительности. По данным общественной палаты России, «прямые и косвенные убытки от потребления алкоголя составляют более 1,7 трлн руб., это в 20 раз больше акцизов. На каждый полученный рубль страна теряет 20» [Востриков...]. Минздрав РФ оценивает ежегодные потери, связанные с употреблением алкоголя, в 500 тыс. человек, в основном это молодые люди трудоспособного возраста, в 80% случаев мужчины, чьи-то отцы, мужья, сыновья. Средняя продолжительность жизни российских мужчин

ниже, чем у женщин, на 10–12 лет, такой разницы нет ни в одной стране мира, и это один из аргументов, подтверждающих, что именно алкоголь является главным фактором сверхсмертности. Данные экспертов свидетельствуют, что алкоголь является причиной социального сиротства и неблагополучия семьи, из-за него десятки тысяч детей остаются без родителей, еще больше растут в состоянии безнадзорности, 80% всех преступлений в молодежной среде совершается в состоянии алкогольного опьянения.

Рекомендации Всемирной организации здравоохранения, опыт ряда стран свидетельствуют, что наиболее эффективными мерами, направленными на снижение потребления алкоголя, являются повышение цены на алкогольные изделия, ограничительные меры по доступности (временные, возрастные, сокращение торговых точек), а также информационная политика, социальная реклама, направленная на донесение до общества информации о вреде алкоголя и пользе здорового трезвого образа жизни.

В 2019 г. в рамках Года здоровья общественные организации Удмуртии (Совет отцов УР, УРА «Родительская забота») вышли с инициативой запретить продажу алкоголя в воскресенье, оправдывая данную меру следующими соображениями: само слово «воскресенье» имеет христианские истоки, в этот день традиционно люди ходили в церковь, работать не рекомендовалось, а сегодня для многих это единственный день, когда семья и дети собираются вместе, планируют общий досуг. Кроме нравственной составляющей и проблем, связанных с воспитанием, это и серьезные экономические потери: выход на работу в понедельник в состоянии интоксикации связан с повышенным риском травматизма, ростом брака в производственном процессе и т.д. Именно в выходные, по данным исследований В. М. Школьникова и В. В. Червякова [Политика..., 2000], происходит резкий рост потребления алкоголя, который, в свою очередь, отражается на росте количества смертей в трудоспособном возрасте (убийства, самоубийства, отравления, ДТП, переохлаждения и т.д.). В Удмуртии эти потери авторы оценивали от 5 до 8 тыс. человек, что составляет около 30% от всех умерших в регионе. Если учесть, что у этих молодых людей могли родиться дети, то эти потери можно умножить как минимум на два. Таким образом, алкоголь является одним из важных факторов превышения смертности над рождаемостью, демографической убыли в Удмуртской Республике.

Запрет на продажу алкоголя в выходные успешно практикуется в скандинавских странах, которые, как и Россия, относятся к северному типу потребления алкоголя. В Дании, Норвегии и Швеции сохраняется монополия на реализацию спиртного, принадлежащая государству (в Норвегии она распространяется и на производство). Во всех странах существует жесткий временной регламент: в Швеции приобрести спиртное можно с 10 до 18 часов по будням и до 3 часов дня по субботам. Воскресенье —

день трезвости, так как все магазины с алкоголем закрыты; в Финляндии алкоголь можно приобрести с 10 до 17 часов в будние дни и до 14 часов в субботу. За счет жесткого государственного контроля распространения спиртного и высоких цен скандинавские страны считаются одними из самых трезвых в мире.

Есть прецеденты и в российских регионах. Так, в Республике Тыва продажа алкоголя ограничена 4 часами с 11 до 15.00 в будние дни и запрещена полностью в воскресенье, а каждая последняя суббота месяца объявлена днем здорового трезвого образа жизни. Результаты не заставили себя долго ждать: уровень потребления алкоголя достиг самых низких показателей среди 12 регионов Сибирского федерального округа. В 2016 г. республика поднялась с 76-го места на 35-е в рейтинге трезвости субъектов РФ. Для сравнения, Удмуртия в 2018 г. заняла 68-е место.

Вместе с тем ограничительные меры должны сопровождаться общественно-массовой работой, до людей необходимо донести информацию о том, как алкоголь влияет на организм человека, какие неоправданные потери несет общество, употребляющее алкоголь. Поэтому важно, чтобы в Удмуртии появилась социальная реклама на телевидении, радио, билбордах, в образовательных и социальных учреждениях о преимуществах трезвого здорового образа жизни. Мы поддерживаем инициативу о проведении Уроков трезвости в регионе, считаем необходимым охватить этими занятиями и родителей, многие из которых находятся в плену алкогольных иллюзий о том, что «алкоголь полезен», «снимает стресс», «экономически выгоден» и т.д. Поэтому важнейшая задача — сформировать мировоззренческие установки молодежи на трезвый здоровый образ жизни, для этого необходимо объединить усилия всех институтов социализации (семья, школа, общественные организации, бизнес, СМИ). Мы убеждены, что только трезвая Россия станет великой, без этого невозможны ни успешные экономические реформы, ни модернизация.

Список литературы

1. Власти Удмуртии обсуждают возможность увеличения интервала разрешенной торговли алкоголем, 2018. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3561105
2. *Востриков С. А.* Президент КБ «АйМаниБанк» (АлтайЭнергоБанк). Секреты манипуляции. Алкоголь. URL: https://общее-дело.рф/19871/
3. *Гатинский А.* Минздрав заявил о почти двукратном снижении потребления алкоголя, 2017. URL: https://www.rbc.ru/society/11/09/2017/59b672579a794739a5af3f6a
4. *Дробиз В.* Все попытки государства ограничить потребление алкоголя провалились / Редакция «ФедералПресс», 2018. URL: http://fedpress.ru/interview/1960422

5. Жители Удмуртии потратили на алкоголь почти 9 млрд рублей за полгода, 2018. URL: https://finance.rambler.ru/realty/40614058/?utm_content=rfinance&utm_medium=read_more&utm_source=copylink
6. Концепция государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года // Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2009 г. № 2128-р. URL: http://fsrar.ru/policy_of_sobriety/koncepcia
7. Минздрав заявил о двукратном снижении потребления алкоголя в России, 2019. URL: https://tass.ru/obschestvo/6370145
8. Политика по контролю кризисной смертности в России в переходный период / Руководители проекта: Школьников В. М., Червяков В. В. Программа развития ООН. Россия, Институт международных исследований семьи. — М., 2000. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/krizis/krizis.html
9. Потребление алкоголя в мире, 2017. URL: http://stattur.ru/journal/20170609/
10. Рынок алкогольной продукции в Удмуртской Республике: статистический сборник, по каталогу № 151 / Федеральная служба государственной статистики / территориальный орган статистики по УР. — Ижевск, 2016.
11. Сведения об объеме и доле розничных продаж алкогольной продукции по ЕГАИС в разрезе субъектов РФ / Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка. URL: http: //www.fsrar.ru/statisticheskaja_informacija/svedia_ob_obyme_i_dole_roznuchnuh_prodag_po_egais
12. *Сидорова С.* В Удмуртии потребление алкогольной продукции снизилось на 5%, 2017. URL: http://izvestiaur.ru/news/view/12738501.html)
13. Статистический сборник. Торговля Удмуртской Республики 2002–2006 № 215 (7702); Торговля и общественное питание УР (по каталогу № 149) № 272 / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Удмуртской Республике. — Ижевск, 2016.
14. Удмуртия входит в десятку регионов с максимальным уровнем продажи алкоголя. URL: https://udm-info.ru/news/society/14-07-2017/udmurtiya-vhodit-v-10-ku-regionov-rossii-s-maksimalnym-urovnem-prodazhi-alkogolya-333c0e1b-6ab8-4e51-a9bb-e84a5625e777
15. Численность населения по полу и отдельным возрастным группам на начало 2017 года. URL: http://udmstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/udmstat/ru/statistics/population/
16. Численность постоянного населения Удмуртской Республики, 2020. URL: http://udmstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/udmstat/resources/e76dfd80473a5e8a9e75bfa9f02e5c1a/%D0%A7%D0%B8%D1%81%D0%BB_%D0%BD%D0%B0%D1%81_1980.pdf
17. Эксперты: в России в 2018 году увеличились продажи алкоголя, 2019. URL: https://tass.ru/ekonomika/6104872
18. 11 сентября — Всероссийский день трезвости. URL: http://profilaktika.tomsk.ru/?p=17309

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Vlasti Udmurtii obsuzhdajut vozmozhnost' uvelichenija intervala razreshennoj torgovli alkogolem, 2018. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3561105
2. *Vostrikov S. A.* Prezident KB «AjManiBank» (AltajJenergoBank). Sekrety manipuljacii. Alkogol'. URL: https://obshhee-delo.rf/19871/
3. *Gatinskij A.* Minzdrav zajavil o pochti dvukratnom snizhenii potreblenija alkogolja, 2017. URL: https://www.rbc.ru/society/11/09/2017/59b672579a794739a5af3f6a
4. *Drobiz V.* Vse popytki gosudarstva ogranichit' potreblenie alkogolja provalilis' / Redakcija «FederalPress», 2018. URL: http://fedpress.ru/interview/1960422
5. Zhiteli Udmurtii potratili na alkogol' pochti 9 mlrd. rublej za polgoda, 2018. URL: https://finance.rambler.ru/realty/40614058/?utm_content=rfinance&utm_medium=read_more&utm_source=copylink
6. Koncepcija gosudarstvennoj politiki po snizheniju masshtabov zloupotreblenija alkogolem i profilaktike alkogolizma sredi naselenija Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda // Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 30 dekabrja 2009 g. № 2128-r. URL: http://fsrar.ru/policy_of_sobriety/koncepcia
7. Minzdrav zajavil o dvukratnom snizhenii potreblenija alkogolja v Rossii, 2019. URL: https://tass.ru/obschestvo/6370145
8. Politika po kontrolju krizisnoj smertnosti v Rossii v perehodnyj period / Rukovoditeli proekta: Shkol'nikov V. M., Chervjakov V. V. Programma razvitija OON. Rossija, Institut mezhdunarodnyh issledovanij sem'i. — M., 2000. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/krizis/krizis.html
9. Potreblenie alkogolja v mire, 2017. URL: http://stattur.ru/journal/20170609/
10. Rynok alkogol'noj produkcii v Udmurtskoj Respublike. Statisticheskij sbornik, po katalogu № 151 / Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki / territorial'nyj organ statistiki po UR. — Izhevsk, 2016.
11. Svedenija ob ob#eme i dole roznichnyh prodazh alkogol'noj produkcii po EGAIS v razreze sub#ektov RF / Federal'naja sluzhba po regulirovaniju alkogol'nogo rynka. URL: http: //www.fsrar.ru/statisticheskaja_informacija/svedia_ob_obyme_i_dole_roznuchnuh_prodag_po_egais
12. *Sidorova S.* «V Udmurtii potreblenie alkogol'noj produkcii snizilos' na 5%», 2017. URL: http://izvestiaur.ru/news/view/12738501.html)
13. Statisticheskij sbornik. Torgovlja Udmurtskoj Respubliki 2002-2006 № 215 (7702); Torgovlja i obshhestvennoe pitanie UR (po katalogu № 149) № 272 / Territorial'nogo organa Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Udmurtskoj Respublike. — Izhevsk, 2016.
14. Udmurtija vhodit v desjatku regionov s maksimal'nym urovnem prodazhi alkogolja. URL: https://udm-info.ru/news/society/14-07-2017/udmurtiya-vhodit-v-10-ku-regionov-rossii-s-maksimalnym-urovnem-prodazhi-alkogolya-333c0e1b-6ab8-4e51-a9bb-e84a5625e777
15. Chislennost' naselenija po polu i otdel'nym vozrastnym gruppam na nachalo 2017 goda. URL: http://udmstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/udmstat/ru/statistics/population/
16. Chislennost' postojannogo naselenija Udmurtskoj Respubliki, 2020. URL: http://udmstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/udmstat/resources/e76dfd80473a5e-

8a9e75bfa9f02e5c1a/%D0%A7%D0%B8%D1%81%D0%BB_%D0%B-D%D0%B0%D1%81_1980.pdf
17. Jeksperty: v Rossii v 2018 godu uvelichilis' prodazhi alkogolja, 2019. URL: https://tass.ru/ekonomika/6104872
18. 11 sentjabrja — Vserossijskij den' trezvosti. URL: http://profilaktika.tomsk.ru/?p=17309

КУЧМАЕВА Оксана Викторовна
д.э.н., профессор,
экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова,
кафедра народонаселения,
Москва, Россия.
E-mail: kuchmaeva@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ЗАНЯТОСТИ В ЯМАЛО-НЕНЕЦКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ: ФАКТОРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: занятость, трудовая миграция, структура занятости, условия труда, политика занятости.

Коды JEL: J21, J28, J61, O15

Значительное влияние на рынок труда Ямало-Ненецкого автономного округа оказывает миграция. В последние годы численность трудовых мигрантов в Ямало-Ненецком автономном округе была сопоставима со списочной численностью персонала предприятий и организаций округа (268,7 тыс. человек в октябре 2017 г.) и составляла весьма значительную величину. При этом подавляющее большинство лиц, приехавших на работу в округ, были заняты в сфере добычи полезных ископаемых (43,7% всех трудовых мигрантов) и строительстве (33,7%).

Значительна доля приезжих работников в сфере гостиничного бизнеса, научной деятельности, сферы операций с недвижимостью, деятельности в области информации.

Как показало исследование, значительную роль в последние годы в формировании трудового потенциала сыграла международная трудовая миграция. По данным Росстата, в среднем за период с 2012 по 2018 г. доля международных мигрантов в потоке прибывших составила около 20%. Структура мигрантов меняется, и, видимо, эти изменения носят долгосрочный характер. Мигрантов из Украины и Узбекистана замещают

граждане стран ЕАЭС и Китая. Важно проведение мониторинга с целью выяснения, происходят ли изменения в профессиональной структуре международных трудовых мигрантов, их занятости; влияет ли деятельность в рамках ЕАЭС на изменение структуры профессиональной занятости. Возможно, целесообразно введение специальной профессиональной подготовки для потенциальных мигрантов с учетом интересов округа, потребностей рынка труда.

Анализ динамики численности населения за несколько десятилетий демонстрирует, что основное увеличение численности населения Ямало-Ненецкого автономного округа произошло между переписями населения 1979 и 1989 гг., т.е. в 1980-е гг. Это период интенсивного освоения региона, освоения месторождений, по сути, формирования отрасли добывающей промышленности. Развитие добывающей промышленности долгое время продолжало оказывать влияние на формирование модели экономики региона, структуру занятости и оплаты труда.

Однако подавляющая численность занятых в добывающей промышленности трудится в сфере добычи нефти и газа (99% от общей численности занятых в сфере добывающей промышленности и 71% от общей численности занятых в промышленности).

Современной тенденцией в мире выступает сокращение спроса и цены на традиционные энергоносители. Объем добычи сырой нефти и природного газа в России в феврале 2020 г. сократился на 10,7% по сравнению с соответствующим периодом прошлого года, в марте — на 40,3%, апреле — 68,3%, мае — 58,6%, июне — 34,8% [Росстат, 2020]. Ситуация обусловлена влиянием совокупности факторов, носящих относительно краткосрочный (в частности, санкции, диверсификация поставщиков, кризисные явления в экономике стран, связанные с эпидемией COVID-19) и долгосрочный характер (поиск альтернативных источников энергии, формирование модели «зеленой экономики», исчерпание используемых месторождений). Данные тренды необходимо учитывать при формировании долгосрочной стратегии социально-экономической политики, политики занятости. Ситуация требует диверсификации структуры занятости с учетом условий и возможностей региона.

Остается недостаточно развитой сфера торговли и услуг населению. Динамика численности работников различных сфер деятельности неравномерна — численность занятых сокращается в сельском хозяйстве и рыболовстве; растет в ТЭКе, строительстве, оптовой и розничной торговле, ремонте, операциях с недвижимым имуществом и предоставлении услуг. Увеличение численности занятых произошло в Ямальском, Тазовском, Пуровском, Красноселькупском, Надымском, Приуральском районах, г. Салехарде, сокращение — в г. Ноябрьске, г. Новый Уренгой, г. Муравленко, г. Надым, г. Лабытнанги, г. Губкинский, а также

Шурышкарском районе (особенно значимо в городах Надыме, Губкинском и Лабытнанги).

Регион считается трудонедостаточным, дефицит персонала в наибольшей степени наблюдается в строительстве (34,9%), транспортировке и хранении (8,8%), добыче полезных ископаемых (8,5%), здравоохранении (6,1%), торговле (5,6%) и образовании (5,5%).

Резерв для рынка труда представляют лица, не входящие в состав рабочей силы, — 99 тыс. человек. Прежде всего это учащиеся образовательных учреждений (касается возрастных групп 15–29 лет), а также лица в возрастах старше 50 лет. В 2018 г. в структуре лиц, не входящих в состав рабочей силы (не занятые и не безработные), увеличилась доля лиц старшей возрастной группы, лишь 49,1% находится в трудоспособном возрасте. Однако надо отметить, что лица, не входящие в состав рабочей силы в ЯНАО, относительно молоды — средний возраст даже в 2018 г. составил 40,6 года, в то время как среднероссийский показатель 54,6 года.

21 тыс. человек, не входящих в настоящее время в состав рабочей силы, не выразили желание работать, так как являются учащимися, находятся на пенсии, ведут домашнее хозяйство. 23 тыс. человек хотя и желают найти работу, однако пока не ищут ее и не готовы приступить к работе. И 2 тыс. человек представляют собой потенциальную рабочую силу — готовы приступить к работе

По данным Комплексного обследования условий жизни населения, в 2016 г. 51,8% пенсионеров продолжали работать (это в 2 с лишним раза больше, чем по России в целом). Играет роль и более ранний выход на трудовую пенсию, однако в данном случае имеются ввиду все виды пенсионеров (в том числе получающие пенсию по инвалидности). Среднее число лет продолжительности трудовой деятельности (трудового стажа) после назначения пенсии составило 5,3 года.

Доля работающих инвалидов в ЯНАО составила в 2020 г. 22,4% (это 3013 человек). Показатель занятости инвалидов в округе выше среднероссийского уровня (14,9%), однако в структуре занятых в округе доля инвалидов составляет только 1,0%. Среди инвалидов в ЯНАО 68% имеют 3-ю группу инвалидности, в значительной части случаев эти люди не имеют серьезных ограничений в занятости. Причиной инвалидности у 82,2% инвалидов является общее заболевание. 57% инвалидов — лица в возрасте от 18 до 60 лет. При условии соответствующей профессиональной подготовки многие инвалиды могли бы найти свое место на рынке труда. 2 марта 2020 г. приказом Департамента занятости был утвержден Перечень наиболее востребованных и приоритетных профессий (специальностей) и направлений подготовки (программ повышения квалификации специалистов) для профессионального обучения и дополнительного профессионального образования граждан в рамках национального проекта «Демография» . Данный

перечень охватывает широкий круг интересных профессий, в том числе связанных с интеллектуальным трудом, использованием современных технологий. Приказ прежде всего ориентирован на оказание помощи лицам пенсионных и предпенсионных возрастов, а также женщинам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком в возрасте до трех лет, или имеющим детей дошкольного возраста. Целесообразно обратить внимание и на профессиональную переподготовку инвалидов.

Обращает на себя внимание, что, в частности, судя по информации о ходе реализации регионального проекта «Содействие занятости женщин — создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет» (данные по состоянию на 1 октября 2019 г.), в округе фактическая численность женщин с маленькими детьми, прошедших переподготовку, стажировку, трудоустроенных, меньше, чем предусмотрено плановыми показателями проекта. Меньше плановых и цифры финансирования. Требуют уточнения причины сложившейся ситуации — неготовность самих женщин к участию в проекте, их неинформированность об имеющихся возможностях, отсутствие интереса к предлагаемым профессиям, возможностям или недостаток финансирования проекта.

Пока структура занятости в округе такова, что доля лиц рабочих специальностей выше, чем по России в среднем. С другой стороны, в ЯНАО ниже доля руководителей, специалистов высшего уровня квалификации. Это свидетельствует о неблагоприятной ситуации в сфере трудового потенциала региона. Рынок труда во многом ориентируется на востребованность продукции добывающей промышленности и строительства, не развивая высокопроизводительные, интеллектуальные рабочие места.

При этом численность занятых в сельском хозяйстве, включая рыболовство, сокращается. Тенденция к уменьшению коснулась также численности персонала в обрабатывающих производствах, прежде всего за счет текстильного и швейного производства, производства пищевых продуктов, производства резиновых и пластмассовых изделий, неметаллических минеральных продуктов, металлургического производства. Наряду с этим произошло увеличение численности персонала в сфере добычи полезных ископаемых, прежде всего топливно-энергетических полезных ископаемых. Происходит формирование моноориентированного рынка труда, что может неблагоприятно сказаться на ситуации в регионе с учетом существующих тенденций.

Стратегия социально-экономического региона во многом определяется государственной программой Ямало-Ненецкого автономного округа «Экономическое развитие и инновационная экономика на 2014–2020 годы» (утв. Постановлением Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 25.12.2013 № 1111-П). Во многом реализуемые меры коррели-

руют с мерами, предусмотренными достижением целей национальных проектов.

Комплекс мероприятий программы направлен на обеспечение устойчивого развития экономического потенциала Ямало-Ненецкого автономного округа. Государственная программа, в частности, предусматривает реализацию следующих подпрограмм:

3) Развитие малого и среднего предпринимательства в Ямало-Ненецком автономном округе.
6) Снижение административных барьеров, оптимизация и повышение качества предоставления государственных и муниципальных услуг, в том числе на базе многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг в Ямало-Ненецком автономном округе.
7) Развитие государственно-частного партнерства в Ямало-Ненецком автономном округе.

Реализация национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» предусматривает ряд мер, направленных на создание условий, способствующих расширению масштабов и экономической роли данного сектора экономики. В частности, представляется, что реализация мероприятий должна быть масштабнее. Так, в соответствии с национальным проектом предусматривается увеличение числа микрозаймов МФО субъектам МСП нарастающим итогом к 2024 г. до 197. Количество субъектов МСП и самозанятых граждан, получивших поддержку в рамках федерального проекта, к 2024 г. должно составить в округе 1,852. Планируется развитие предпринимательства в сельском хозяйстве. Однако количество вовлеченных в субъекты МСП, осуществляющих деятельность в сфере сельского хозяйства, в том числе за счет средств государственной поддержки, в рамках федерального проекта «Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации», должно составить в округе к 2024 г. лишь 90 человек.

По данным Всероссийского обследования малого предпринимательства 2015 г., в округе насчитывалось 16 516 индивидуальных предпринимателей. В настоящее время доля работников малых и средних предприятий в округе весьма незначительна, по данным обследования Росстата, в 2017 г. доля среднесписочной численности работников (без внешних совместителей) малых и средних предприятий к среднесписочной численности работников (без внешних совместителей) всех предприятий и организаций составляла лишь 9,44%, это значительно меньше, чем среднероссийский показатель (28,4%), а также в других регионах Арктической зоны (Республика Коми 20,2%, Ненецкий автономный округ 11,4%, Республика Саха (Якутия) 15,4%).

Расширение сферы малого и индивидуального предпринимательства не только способствует диверсификации приложения труда, но и содействует расширению сектора услуг, что приводит к большей удовлетворенности населения условиями проживания, качеством жизни.

В настоящее время в Ямало-Ненецком автономном округе действует комплекс мер социальной поддержки молодых специалистов, охватывающий желающих переехать в сельскую местность, занятых в организациях спортивной направленности, социального обслуживания, учреждениях сферы молодежной политики и туристской деятельности, медицинских или фармацевтических организациях, учреждениях культуры, образования, выпускников учреждений начального и среднего профессионального образования, а также включающий помощь в приобретении жилья для работников бюджетной сферы. Интерес с точки зрения его эффективности представляет проведение мониторинга по масштабности охвата различных категорий молодых специалистов, удовлетворенности полученной помощью, информированности молодых людей о существующих мерах поддержки, намерениях получателей относительно своей дальнейшей профессиональной деятельности, месте жительства. Возможно, это позволит скорректировать комплекс мероприятий, уточнить характер поддержки, категории получателей.

В округе наблюдается дефицит местных квалифицированных кадров для задач экономического развития региона, в том числе в условиях создания новых высококвалифицированных рабочих мест на новом технологическом оборудовании и в управлении новыми технологическими комплексами (и связанная с этим зависимость от мигрантов высокой квалификации и вахтовых работников). Это предъявляет новые требования к системе подготовки кадров.

В ходе мониторингового обследования Росстата «Комплексное обследование условий жизни населения», проводимого в том числе и на территории округа (2014–2018 гг.), работниками отмечено, что работа на Ямале более надежна, расстояние до работы меньше, зарплата выше, но моральное удовлетворение от работы ниже. Работники отмечают наличие вредных факторов и нервного напряжения на рабочем месте.

Хуже, чем среднероссийская, ситуация в округе у работников с наличием нервного напряжения, вредных производственных факторов и неудобств на рабочем месте, а также с моральным удовлетворением от работы (возможно, потому что в округе более 37% работают не по своей специальности) [КОУЖН, 2018].

Рабочая сила в регионе характеризуется высоким уровнем мобильности, более 60% (в России около 30%) работает с временным пребыванием в другом населенном пункте. Чаще, чем в среднем по России, жители округа работают на условиях трудового договора на неопределенный

срок. Данные свидетельствуют о незначительности использования гибких режимов труда, которые в настоящее время востребованы отдельными социально-демографическими группами (родителями с детьми, лицами, сочетающими профессиональную деятельность и получение образования), а также в отдельных сферах деятельности. Так, среди лиц, ищущих работу, 9,6% хотели бы найти работу с неполным рабочим днем [КОУЖН, 2018].

Необходимо обратить внимание на создание благоприятных условий труда. Высокая заработная плата не может компенсировать затраты трудовой энергии, неблагоприятную атмосферу на рабочем месте, приводящую к «выгоранию» и повышенному уровню заболеваемости сердечно-сосудистыми заболеваниями.

Требует решения проблема соответствия занятости уровню квалификации и профессиональной подготовки работников. Значительная дифференциация уровня заработной платы приводит подчас к перетоку работников в добывающую промышленность и строительство, приводя к фрустрации и неудовлетворенности.

Необходимо формирование системы профессиональной переподготовки, непрерывного образования для ликвидации «вилки» между уровнем подготовки работников и потребностями экономики.

Список литературы

1. Данные Всероссийского обследования малого предпринимательства 2015 г. Официальный сайт Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/prom/small_business/itog2015/itog-part1.htm (дата обращения: 14.08.2020).
2. Данные Выборочных обследований рабочей силы. Официальный сайт Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 14.08.2020).
3. Итоги Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖН), 2016. Официальный сайт Росстата. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ16/index.html (дата обращения: 14.08.2020).
4. Итоги Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖН), 2018. Официальный сайт Росстата. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html (дата обращения: 14.08.2020).
5. Официальный сайт Росстата. URL: //https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения: 14.08.2020).

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Dannye Vserossijskogo obsledovanija malogo predprinimatel'stva 2015 g. Oficial'nyj sajt Rosstata. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/prom/small_business/itog2015/itog-part1.htm (data obrashhenija: 14.08.2020).

2. Dannye Vyborochnyh obsledovanij rabochej sily Oficial'nyj sajt Rosstata. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (data obrashhenija: 14.08.2020).
3. Itogi Kompleksnogo nabljudenija uslovij zhizni naselenija (KOUZhN), 2016. Oficial'nyj sajt Rosstata. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ16/index.html (data obrashhenija: 14.08.2020).
4. Itogi Kompleksnogo nabljudenija uslovij zhizni naselenija (KOUZhN), 2018. Oficial'nyj sajt Rosstata. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html (data obrashhenija: 14.08.2020).
5. Oficial'nyj sajt Rosstata. URL: //https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (data obrashhenija: 14.08.2020).

МАМАДАЛИЕВА Хафиза Холдаровна
д.э.н., главный научный сотрудник,
руководитель отдела демографии, рынка труда и развития социальной сферы
Института прогнозирования и макроэкономических исследований.
Ташкент, Узбекистан.
E-mail: mhafiza@mail.ru

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ СЕМЬИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Ключевые слова: демографическая ситуация, демографическое развитие, благосостояние населения, здоровье семьи.

Коды JEL: J10, I12, I39

В международной трактовке население понимается как конкретно-историческая совокупность людей, проживающих на территории отдельного государства и находящихся под его юрисдикцией. Значение его для страны трудно переоценить. Население является важнейшим ресурсом экономики (трудовые ресурсы) и одновременно с этим конечной целью ее функционирования, т.е. и необходимым условием развития, но и важнейшим фактором общественного воспроизводства. Учеными — демографами и экономистами на основе многочисленных исследований давно доказано, что численность и динамика населения, демографическая ситуация тесно взаимосвязаны не только с социально-экономическими, но и с политическими, экологическими, этнокультурными и другими процессами. Значение населения, его численности для общественного развития неоценимо.

Демографические процессы в Узбекистане, в значительной степени определяющие качественные характеристики населения, претерпели су-

щественные изменения. Им свойственна позитивная динамика. В последние годы непрерывно ускоряется экономический рост, улучшаются социально-экономические и экологические условия жизни населения, реализуется системный подход в получении образования, совершенствуется система расселения.

Современный Узбекистан располагает огромным демографическим потенциалом. На начало 2020 г. численность населения республики составила 33,9 млн человек. На территории СНГ более высокая численность только в России (146 млн 745,1 тыс. человек) [Росстат. Электронный ресурс] и на Украине (41 млн 902,4 тыс. человек) [Minfin. Электронный ресурс]. За годы независимого развития в республике сложилась относительно благоприятная демографическая ситуация. Это выражается в оптимизации рождаемости, снижении смертности и миграционного оттока населения, улучшении всех социально значимых демографических индикаторов, значительном замедлении демографического роста. Среднегодовой прирост населения составляет 1,5–1,7% против 2,8–3,0% в конце советского периода. Репродуктивные намерения жителей Узбекистана ориентированы на среднедетную семью, а репродуктивный уровень все больше приближается к оптимальным и желаемым для самого населения параметрам. Новые тенденции обусловлены коренным изменением статуса женщин в семье и обществе, вовлечением их в производственную деятельность, повышением уровня образования и культуры населения, доступностью современных средств контрацепции.

Уровень смертности населения снизился с 6,2 до 4,9‰, что обеспечивает увеличение ожидаемой продолжительности жизни. По данным Госкомитета по статистике Узбекистана, в 1990 г. она составляла 69,2 года [Доклад..., 2005], в 2017 г. — 73,7 года, в том числе 71,3 у мужчин и 76,1 года у женщин [Семья..., 2018, с. 92]. Это означает, что в Узбекистане подавляющее большинство родившихся доживает до старости.

Оптимизация демографических процессов привела к улучшению возрастной структуры населения. Удельный вес детей и подростков снизился с 43,1 до 30,0%, доля населения трудоспособного возраста поднялась до 61% [Доклад..., 2005].

Современный Узбекистан имеет относительно стабильную миграционную ситуацию. В результате последовательной реализации государственной политики социального и политического согласия в обществе, недопущения межэтнических конфликтов миграционный отток населения последовательно снижается, и в 2018 г. составил 29,3 тыс. человек против 39,6 тыс. человек в 2010 г. и 66,6 тыс. человек в 2000 г. [Максакова. 2016].

Известно, что чем устойчивее экономика страны, тем больше инвестируется в человеческий и социальный капитал (здравоохранение, образование, культуру и т.д.), следовательно, более рационально и каче-

ственно развиваются социально-демографические процессы. Не случайно в числе множества характеристик общественного богатства и качества жизни той или иной страны, разработанных Всемирным банком развития, социальный капитал назван одним из основных и важнейших.

В последнее десятилетие идет увеличение трудового потенциала страны, что является реальной предпосылкой для ускорения экономического роста и благосостояния населения. Также в Узбекистане темпы экономического роста существенно обгоняют демографический рост, что является реальной предпосылкой для повышения уровня жизни населения.

В результате в качестве определения уровня жизни современной семьи будет выступать совокупность видов жизнедеятельности, охватывающих ее повседневную жизнь в сложной макросреде общественных отношений, находящихся в постоянном изменении в связи с процессами развития современного общества.

На уровень жизни и степень обеспеченности воздействуют общие факторы, во многом зависящие от глобальных, общегосударственных: состояние научно-технического прогресса, уровня инфляции, величины фонда оплаты труда, социально-демографической структуры населения и т.д. Кроме того, оказывают влияние частные факторы, отражающие качественные характеристики и особенности жизнедеятельности конкретного человека, семьи и домохозяйства. В реальной жизни происходит смещение аспектов неравенства доходов на возможности доступа к системам образования, здравоохранения, занятости, социальной и культурной жизни, так как малоимущие слои населения имеют ограниченный доступ и к этим благам, следовательно, и к реализации своих гражданских прав. В связи с этим возникают чувства неполноценности, неуверенности в своих возможностях, низкая самооценка личности. Все это в комплексе обусловливает попадание человека в уязвимые слои населения.

Уязвимые слои населения — это такие слои населения, которые в силу ряда причин (возраст, состояние здоровья, неблагоприятные жизненные обстоятельства) оказываются не в состоянии сами обеспечить себе приемлемое существование и нуждаются в поддержке государства.

В настоящее время в Узбекистане к категории социально уязвимого населения в законодательном порядке отнесены одинокие и одиноко проживающие престарелые, нуждающиеся в постороннем уходе, инвалиды I и II групп, дети-инвалиды, недееспособные и ограниченные в дееспособности граждане, лица, имеющие социально значимые заболевания, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей [Закон..., 2016, ст. 6] Социальная защита этих категорий населения является одним из важнейших направлений социальной политики в Узбекистане.

Во многих странах реализация социальной поддержки населения основана на принципах адресности. В западных источниках термин «адрес-

ность» трактуется как «пособие по бедности». В постсоветских странах понятие адресности получило более практическое применение, с приданием ему значения «проверки доходов» или «проверки нуждаемости», что важно при назначении пособий в условиях дефицита финансовых средств.

В Узбекистане разработан механизм обеспечения адресности государственной поддержки уязвимых слоев населения. Центральная роль в реализации инструмента адресной поддержки отведена традиционному национальному институту местного самоуправления граждан — махалле. В этой системе назначение адресной социальной помощи базируется на комплексной социальной характеристике и реальном уровне жизни семьи. Исходя из многообразия уязвимых слоев населения, характера, типа и особенностей социальной защиты, она осуществляется в трех основных формах:

— социальное обеспечение (пенсии, пособия, материальные льготы, социальные выплаты, натуральная помощь и т.д.);
— социальное обслуживание (психологическая помощь, консультирование, оказание социальных услуг, в том числе на дому);
— социальное страхование (как пособия по безработице, по временной нетрудоспособности, пособия на погребение и др.).

Это свидетельствует о том, что социальная защита носит комплексный характер, и это требует выработки различных подходов и методов.

Одним из показателей благополучия семей является уровень их материальной обеспеченности, на основе которого формируется уровень жизни и соответствующие условия для развития.

Анализ состояния благополучия семей целесообразно увязывать с особенностями демографической ситуации. Эти вопросы были изучены в 2018 г. в шести регионах Узбекистана: Андижанская, Наманганская, Ферганская, Ташкентская, Самаркандская области и Республика Каракалпакстан. Они расположены на различных по природно-географическим характеристикам территориях и несколько различаются по демографической ситуации [«Соглом авлод учун», 2018].

Анкетным опросом населения были охвачены самые густонаселенные регионы Ферганской долины и в то же время слабозаселенная Каракалпакия. Несмотря на эти различия, все регионы имеют и значительные схожие признаки. Все они располагают достаточно высоким демографическим потенциалом, имеют растущее население, умеренно расширенные режимы воспроизводства. Основные демографические показатели (уровень рождаемости и смертности) находятся практически на среднем уровне и мало отличаются и в разрезе названных регионов, и от среднереспубликанских показателей. Семейное положение населения во всех регионах также относительно благополучное, об этом свидетельствуют выявленный достаточно высокий уровень брачности, относительно низкий уровень разводов, повсеместно отмечено повышение среднего воз-

раста населения при вступлении в первый брак, что является позитивной тенденцией для всех регионов современного Узбекистана. Как показал опрос семей, обследованные регионы имеют и заметные различия, причем не столько по демографической ситуации, сколько по социально-экономическому развитию.

Так, Наманганская, Самаркандская, Ферганская области и Республика Каракалпакстан имеют относительно низкий уровень совокупного дохода на душу населения и по величине, и темпам их прироста, что сдерживает возможности качественного развития населения. В Каракалпакстане, например, в 2018 г. он был на 26% ниже, чем в среднем по республике. К тому же здесь обострены экологические проблемы, что негативно сказывается на качественных показателях воспроизводства населения, в частности на уровне младенческой смертности, особенно в районах Приаралья. Не случайно этот регион теряет свое население и в процессе миграции. На долю Каракалпакии приходится 17–18% всего общего миграционного оттока населения за пределы республики. Уже более двух десятков лет население Каракалпакии «перетекает» в Казахстан [Максакова, 2016].

В Самаркандской области слабо развиваются урбанизационные процессы. Это один из наименее урбанизированных регионов республики. При наличии такого крупного города, как Самарканд, доля городского населения в области в 2018 г. составила всего 37,4%, что в 1,3 раза ниже среднереспубликанского показателя, к тому же она постепенно снижается. Одним из влияющих факторов является достаточно значимый миграционный отток населения во внешних миграциях, который в основном охватывает городское население. Территория Ферганской долины по уровню смертности, в том числе младенческой смертности, а также ожидаемой продолжительности жизни отстает от многих регионов республики.

Следует отметить и общие для всех обследованных регионов проблемы, выявленные в процессе исследования и требующие решения. В каждом из них имеются проблемы занятости. Значительная часть населения трудится в неофициальном секторе экономики, причем в неформальном секторе экономики высокая доля молодежи. Исходя из этого, во всех регионах необходимо принимать меры по своевременному трудоустройству молодежи, недопущению молодежной безработицы. Целесообразно не только создавать рабочие места, но и увеличивать охват молодежи профессиональным образованием, в том числе в высших учебных заведениях. Серьезной проблемой является слабый доступ женщин к высшему образованию, даже в Ташкентской области. С учетом сосредоточенности высших учебных заведений именно в столичном регионе, такие тенденции чреваты негативными последствиями для качественного развития населения и роста благосостояния семей в перспективе, что противоречит вы-

работанной в республике стратегии на ускорение экономического роста и повышение качества жизни населения.

Как уже отмечалось, одним из основных показателей благополучия семей является уровень их материальной обеспеченности, который влияет на формирование уровня жизни и его развитие. В проведенном социологическом обследовании в 2018 г. (в шести регионах республики) также была изучена степень обеспеченности семей. По данным опроса, обследованные семьи достаточно многочисленны. В среднем на одно домохозяйство приходится 5–6 человек. В 40% домохозяйств имеются пенсионеры, в 10% — инвалиды. Все они имеют детей, в среднем 3 ребенка в возрасте до 14 лет на одно домохозяйство. Обследованные семьи достаточно заметно различаются по уровню обеспеченности. При этом оценку уровня обеспеченности домохозяйств определяли сами члены семей (самооценка). Материалы обследования показали, что значительная часть семей (45% из 100%) имеют средний уровень обеспеченности.Самая высокая доля семей со средним уровнем обеспеченности (58,2%) отмечена в Андижанской области. В Самаркандской области она тоже превышает половину семей (56,9%). В других областях и в Республике Каракалпакстан эта доля находится в пределах одной трети семей (табл. 1). Относительно небольшая доля приходится на семьи с доходом выше среднего уровня, по регионам она значительно различается, колеблется от 2,2% (Ташкентская область) до 28,8% (Наманганская область). Небольшой долей высокообеспеченных семей выделяются Ташкентская область и Республика Каракалпакстан (табл.1).

Значительная часть семей посчитали свой уровень обеспеченности ниже среднего. По оценкам, самым низким уровнем жизни выделяются семьи Республики Каракалпакстан, Ташкентской и Ферганской областей. Высокая доля малообеспеченных семей обусловлена тем, что обследованием были охвачены наименее экономически развитые районы республики. Поэтому такая ситуация прослеживается практически во всех обследованных регионах. Исходя из целей данного исследования, были выбраны наиболее проблемные районы, с высоким уровнем малообеспеченности.

Следует также отметить достаточно низкую долю семей с обеспеченностью выше среднего уровня в Ташкентской области (2,2%) и в Республике Каракалпакстан (5,0%), в то время как во всем обследованном массиве 12,7% (табл. 1).

Судя по ответам на вопросы анкеты, основными критериями отнесения семей к социально уязвимым слоям населения являются ситуационные положения, что можно проследить на примере Ташкентской области. Это оказались семьи с инвалидами (детьми и взрослыми), этот критерий был решающим в 46,7% семей от общего числа опрошенных семей в этом районе. Кроме того, в зоне риска находятся семьи одиноких пенсионеров

(соответственно 20,0 и 36,9% семей), а также молодые семьи с 3 и более детей (соответственно 17,8 и 21,7% семей).

Таблица 1

Распределение обследованных семей по уровню обеспеченности в разрезе областей, % к итогу

Уровень обеспеченности семьи	Республика Каракалпакистан	Андижанская область	Наманганская область	Самаркандская область	Ферганская область	Ташкентская область	Всего
Крайне бедные	40,0	8,8	17,5	12,7	19,0	15,4	16,7
Бедные	25,0	19,8	22,5	49,4	24,0	49,4	27,7
Со средним уровнем	30,0	58,2	31,2	56,9	38,0	33,0	42,9
Обеспеченнось выше среднего	5,0	13,2	28,8	5,9	19,0	2,2	12,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: таблица составлена по результатам обследования.

Анализ материалов обследования показал, что причины бедности семей самые разнообразные. В Ташкентской области, например, самой значимой причиной является низкий уровень образования и квалификации, на это указали 43,5% от общего числа опрошенных в этой области. Следует отметить, что на низкий уровень образования и квалификации как фактора малообеспеченности указали респонденты практически во всех обследованных регионах, но самые высокие показатели оказались в Ташкентской области.

Достаточно важной причиной попадания семей в категорию малообеспеченных является длительная безработица. В Самаркандской области так считает практически каждая третья-четвертая опрошенная семья. В Каракалпакии длительная безработица также является основной причиной бедности (35,0%). В Андижанской области эта причина составляет 31,5%. Меньше всего на отсутствие работы ссылались семьи в Ташкентской области (11,1%). Здесь более важными причинами бедности оказались лень, неприспособленность к жизни, нежелание членов семей менять привычный образ жизни, довольствуясь малым (20,9%).

Достаточно значимыми причинами оказались также алкоголизм и наркомания: в Самаркандской области на это указали 17,2% семей со средним уровнем обеспеченности и 31,6% — ниже среднего. В Андижанской области алкоголизм и наркомания тоже оказались достаточно значимым

фактором попадания семей в положение уязвимости. Среди других причин они занимают 18,0%, обгоняя по величине болезни и инвалидность, низкий уровень образования и квалификации.

По данным опроса, алкоголизм и наркомания как причина бедности совершенно отсутствуют во всех обследованных районах Ташкентской области. В числе причин недостаточной адаптации были указаны неблагоприятная экономическая и социальная обстановка в регионе, невостребованность профессии на рынке труда, быстрый рост инфляции, плохое здоровье (в Республике Каракалпакстан — 15%), большое число иждивенцев, а также недостаточные личностные качественные характеристики.

У 25% респондентов в Наманганской области важным проявлением бедности были отмечены теснота проживания, отсутствие средств для расширения жилплощади. В некоторых семьях в качестве причин были названы семейные неурядицы и несчастья, невезение в жизни, лень и неприспособленность к жизни, отсутствие поддержки со стороны родственников и близких людей.

Судя по материалам обследования, выделенные четыре категории семей значительно различаются по уровню и качеству жизни. Так, в Андижанской области семьи с обеспеченностью выше среднего потребляют качественные продукты питания (35,3%), каждая третья семья в ежедневном рационе имеет мясо, свежие фрукты, овощи, сладости и периодически обновляет свой гардероб. Аналогичное положение хорошо обеспеченных семей и в других областях. В обеспеченных семьях Самаркандской области практически у всех опрошенных было отмечено полноценное питание и возможности выезда для семейного отдыха, решения основных семейных проблем, включая ремонт жилья, покупку дорогостоящих лекарств, обновление гардероба и т.д. В Ташкентской области, например, кроме вышеназванного, такие семьи имеют возможность оплатить обучение детей, выехать всей семьей на отдых, позволить себе приобретение качественной бытовой техники, современной мебели, ремонт жилья, платное лечение.

В семьях со средним уровнем достатка практически во всех шести регионах жизненный уклад, уровень питания, обеспеченность жильем, бытовой техникой находятся практически на среднереспубликанском уровне. Люди имеют достаточный уровень доходов, нормально питаются, оплачивают коммунальные услуги, лекарства, при необходимости пользуются платными услугами, обучают детей в колледжах, некоторые — в институтах, имеют накопления для проведения больших семейных мероприятий (в Андижанской области, например, накопления имеют 38,4% таких семей). Имеются и проблемы, однако они не носят катастрофического характера. Основными из них являются высокая стоимость лекарственных средств, недостаточные возможности для обеспечения достойного семейного отдыха, оплаты высшего образования своим детям и т.д.

Основные проблемы были выявлены в бедных и крайне бедных семьях. В них респонденты в большей мере отмечали не столько свои возможности, сколько то, чего они не могут себе позволить. Так, из бедных и крайне бедных семей 11,0% не всегда могут покупать необходимые продукты, 12,3% не потребляют регулярно качественные мясные продукты, 16,9% не могут в срок сделать необходимые платежи, 20,3% вынуждены брать в долг на самые насущные расходы — оплатить образование детей, посетить родственников, живущих в другом населенном пункте, имеются проблемы с покупкой одежды и обуви, нет денег на поддержку здоровья членов семьи, оплату учебы детей и т.д.

В большинстве семей преобладает мнение, что их материальное положение зависит главным образом от личных качеств членов семьи. Каждая четвертая семья считает, что оно зависит от государства, причем такое мнение в большей мере выражено в семьях с самым низким уровнем обеспеченности. При этом ни одна семья с уровнем обеспеченности выше среднего не считает, что их материальное положение зависит от государства.

Качество жизни, связанное со здоровьем, признано одним из ключевых методов оценки состояния и благополучия семьи и детей. Основы здоровья закладываются в семье, она же является и основной социальной средой развития человека. Воспитание ценностного отношения к здоровью на разных этапах становления личности как мотивации к развитию потребности в здоровом образе жизни можно сформулировать и как разработку мероприятий по сохранению и укреплению здоровья. По литературным данным, 1/3 случаев хронических заболеваний связаны с условиями и образом жизни, гиподинамией, нарушениями экологии. С развитием медицинской науки и техники наблюдается улучшение диагностики и качества медицинской помощи матери и ребенку, что способствует выживаемости детей. Но появляются новые проблемы: обеспечение качества жизни, ранняя выявляемость и своевременная коррекция возможной патологии.

Как и в других странах, малоимущие сообщают о плохом здоровье, связывая его с теми или другими причинами. Но в отличие от них в Узбекистане поведение их отличается. Возможно, потому, что малоимущие не столько обращаются за медицинской помощью, сколько рассчитывают на посещения врача в отличие от более состоятельных граждан.

Здравоохранение или более высокое звено здравоохранения тесно связаны с проживанием в городе или на селе, притом что обеспеченные слои с большей вероятностью будут обращаться за помощью в учреждения более высокого звена здравоохранения (в городские больницы), а малоимущие с большей вероятностью будут обращаться за помощью в учреждения первичного звена здравоохранения. Эти различия и потенциальные барьеры для получения услуг здравоохранения (платные услуги) мешают

получению более качественного медицинского обслуживания малоимущими слоями.

Обработка статистических данных заболеваемости по исследуемым регионам за последние годы показала, что в 2018 г. отмечается рост общей заболеваемости по сравнению с 2015 г. по всем исследуемым областям среди женщин фертильного возраста. Наибольший рост в Наманганской области — на 3,4%. В Каракалпакии на 1%. По Самаркандской области на 2,1% населения. При сравнении заболеваемости по областям за 2018 г. заболеваемость некоторыми инфекционными и паразитарными болезнями находится примерно на одном уровне. Болезни эндокринной системы, расстройства питания, нарушения обмена веществ, новообразования, болезни органов дыхания превалируют в Наманганской области.

Болезни крови и кроветворных органов и отдельные нарушения, вовлекающие иммунный механизм, преобладают в Наманганской и Самаркандской областях. Болезни системы кровообращения и органов пищеварения преобладают в Каракалпакии и Самаркандской областях. Болезни кожи и подкожной клетчатки также преобладают в Каракалпакии и Наманганской области.

Заболевания органов дыхания занимают первое место среди причин детской смертности. На долю этой болезни приходится более половины детских смертей. За годы независимости число умерших от этих болезней детей сократилось в 2,5 раза. Но эта проблема все еще остается достаточно актуальной в Республике Каракалпакстан и Хорезмской области, так как уровень ее в этих регионах в 1,4–1,5 раза выше, чем в среднем по республике.

В процессе исследования был выявлен ряд проблем, связанных со здоровьем населения, которые вытекают из недостаточной информационно-профилактической культуры самого населения. В ходе анкетного опроса к женщинам обратились с вопросом «Как вы оцениваете состояние своего здоровья?». 41,4% женщин собственное здоровье оценили как хорошее, 52,2% как среднее и 5,4% как плохое. 58,7% городских жительниц и 55,0% сельских жительниц заявили, что при первых признаках недомогания сразу же обращаются к врачу. 30% респондентов признались, что сначала займутся самолечением. К сожалению, это типичное явление у населения. Женщины сначала пытаются вылечиться собственными усилиями и только при ухудшении состояния обращаются к врачу. Причиной этому, по мнению опрошенных, является достаточно высокая цена лекарств и расходы, связанные с лечением в стационаре.

Обобщенные ответы респондентов относительно рекомендуемых мер по улучшению здоровья населения позволяют считать, что в республике целесообразно дальнейшее совершенствование системы здравоохранения, особенно в сельской местности, оказание качественной медицин-

ской помощи населению, активизация мер по развитию информационно-профилактической культуры населения. Целесообразно вводить системы льгот на лечебные препараты для социально уязвимых слоев населения. Необходимо также совершенствовать меры по пропаганде и внедрению здорового образа жизни, высокой медицинской и санитарной грамотности у населения, воспитанию гигиенических навыков, созданию улучшенных условий для занятий физической культурой и спортом, развитию детских, семейных, массовых видов спорта. И, конечно, борьба с наркоманией, токсикоманией, алкоголизмом, курением и другими вредными привычками. Это важно не только для улучшения здоровья, но для укрепления семьи.

Результаты проведенного исследования показали, что среди респондентов 75,0% матерей, имеющих больных детей, алкогольные напитки не употребляли, 22,0% — только в торжественных случаях, а 3,0% — выпивали 1–3 раза в месяц. В Андижанской и Наманганской областях никто из матерей, имеющих ребенка, не злоупотреблял алкоголем. Изучение отношения к алкоголю со стороны отцов, воспитывающих больных детей, показало, что среди опрошенных совсем не употребляли алкоголь 37,0% мужчин, выпивали только в торжественных случаях 53,0% в Каракалпакии и Самаркандской области, 1–2 раза в месяц — 6,0%. На вопрос, есть ли в семье лица, злоупотребляющие алкоголем, во всех опрашиваемых регионах 12,0% респондентов ответили положительно, а 88,0% — отрицательно.

Одним из факторов, которые влияют на продолжительность и полноценность жизни человека, является брак и благополучная семья. Общее соотношение между семьей и здоровьем объединено в комплектующие ссылки, которые объясняют их взаимосвязь. Создание семьи напрямую связано с физическим здоровьем, психологическим благополучием и низкой смертностью. Потенциал здоровья и привычный стиль жизни человека закладываются в детстве. Семейное окружение вносит первоочередный и существенный вклад в общее состояние здоровья и благополучие всех членов семьи и рассматривается как важнейший ресурс формирования здоровья и здорового образа жизни. В нашем опросе в большинстве исследуемых семьей такие факторы, как «желание иметь ребенка» и «вести здоровый образ жизни», казались наиболее значимыми из всех предложенных вариантов ответов: 28,7 и 22,1%. При этом в трех регионах из четырех обследуемых (Каракалпакии, Самаркандской и Андижанской областях) эти ответы распределились практически равнозначно. Можно предположить, что из предложенных ответов мотивации создания семьи в первую очередь выступает репродуктивный потенциал семьи, что составляет аспект системного оценивания демографических процессов.

На третьем месте оказался ответ: «желание быть как все», вести принятый в обществе образ жизни» — 19,7%. Учитывая менталитет нашего

народа, в истоках которого лежит создание здоровой полноценной благополучной семьи, этот ответ вполне логичен. На вопрос «Если вы считаете, что изменили отношение к своему здоровью, что послужило причиной этого?» на первом месте стоит ответ «вступление в брак» — 32,2%. Респонденты отметили, что при создании семьи чувство ответственности за свое здоровье намного возросло, более того, забота о нем возросла со стороны партнера. Создание семьи и ее поддержка положительно влияют на здоровье каждого члена семьи и общества в целом.

Результаты проведенного исследования ярко свидетельствуют о том, что большинство людей не только изменили отношение к своему здоровью после начала семейных отношений, но и стали поддерживать здоровый образ жизни.

Это очевидно, среди значимых факторов ведения здорового образа жизни, как и риска приобщения подростков к табаку и алкоголю, заложен семейный фактор. Одним из подтверждающих факторов важности и значимости здоровья в жизни любого человека, как и здоровья семьи, сами за себя говорят результаты ответов на вопрос: «Какой из факторов в настоящее время является наиболее значимым для вас лично?» Значительное число респондентов ответили, что хотели бы обладать крепким здоровьем и прожить долгую жизнь в кругу своей семьи и близких, — 64%. Вторая часть респондентов выбрали ответ «иметь крепкую семью, детей и внуков» — 31%.

Если вернуться к мотивации создания семьи, то ответы всецело совпадают с ответами на последний вопрос о самых важных факторах лично для каждого человека — здоровье и создании семьи.

По результатам социологического опроса можно с уверенностью сделать вывод о том, что повышение значения семьи в дальнейшем развитии духовных основ общества, усиления внимания и заботы со стороны государства и общества в решении проблем повышения материального благосостояния каждой семьи является основным приоритетом в нашей стране.

Надо отметить и тот факт (по результатам опроса), что женщины хорошо осведомлены о ЗОЖ, но ведение и соблюдение всех параметров ЗОЖ не выполняются. Как отметили респонденты, на это влияют многие факторы, в том числе и материальные.

Проведенные обследования выявили, что малообеспеченное население в республике нерегулярно пользуется услугами здравоохранения, помогли уточнить многие специфические результаты по здоровому образу жизни, питанию и оказанию медицинских услуг населению, санитарии, гигиене и др., а также влияние экономического благосостояния на здоровье и качество жизни населения.

В настоящее время, в период пандемии и карантина, состояние малообеспеченных слоев населения, несмотря на определенную поддержку со стороны государства, намного ухудшилось.

Конечно, социологические обследования по выявлению проблем населения всегда были и остаются актуальными. Мы надеемся, их результаты дадут возможность правительству составить программы по выводу из бедности и организовать адресную социальную помощь населению.

Список литературы

1. Доклад о человеческом развитии. Узбекистан-2005. Center for economic research. — Ташкент: UNDR, 2005. — С. 105.
2. Закон Республики Узбекистан «О социальных услугах для престарелых, инвалидов и других социально уязвимых категорий населения» (№ ЗРУ-415 от 26.12.2016), ст. 6.
3. *Максакова Л. П.* Демографический и миграционный потенциал Узбекистана // Народонаселение. — 2016. — № 1-1. — С. 88.
4. Семья в Узбекистане 2013–2017. Государственный комитет по статистике, 2018. — С. 92.
5. Результаты социологического обследования, проведенного научным отделом фонда «Соглом Авлод учун», 2018.
6. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Официальный сайт. URL: https://www.gks.ru/
7. Minfin база данных. URL: https://index.minfin.com.ua/reference/people/

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Doklad o chelovecheskom razvitii. Uzbekistan-2005. Center for economic research. — Tashkent: UNDR, 2005. — S. 105.
2. Zakon Respubliki Uzbekistan «O social'nyh uslugah dlja prestarelyh, invalidov i drugih social'no ujazvimyh kategorij naselenija» (№ ZRU-415 ot 26.12.2016), st. 6.
3. *Maksakova L. P.* Demograficheskij i migracionnyj potencial Uzbekistana // Narodonaselenie. — 2016. — № 1-1. — S. 88.
4. Sem'ja v Uzbekistane 2013–2017. Gosudarstvennyj komitet po statistike, 2018. — S. 92.
5. Rezul'taty sociologicheskogo obsledovanija, provedennogo nauchnym otdelom Fonda «Soglom Avlod uchun», 2018.
6. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki (Rosstat).Oficial'nyj sajt. URL: https://www.gks.ru/
7. Minfin baza dannyh. URL: https://index.minfin.com.ua/reference/people/

НИКОЛАЕВА Ульяна Геннадьевна
д.э.н., старший научный стотрудник,
экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломонососва,
кафедра народонаселения,
Москва, Россия.
E-mail: ynikolaeva@list.ru

ДЕПОПУЛЯЦИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ: ФАКТОРЫ И ПОТЕНЦИАЛ ИЗМЕНЕНИЙ[1]

Ключевые слова: сельское население, депопуляция, социально-экономические процессы в сельских районах, «Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года», человеческий капитал, дезурбанизация.

Коды JEL: J10, J11

Устойчивая депопуляция сельского населения Центральной России, принявшая колоссальные масштабы и темп, связана с целым рядом социально-экономических, политических, социокультурных и собственно демографических факторов. Если в первые пореформенные десятилетия определяющими экономическими факторами депопуляции стали кризис сельского хозяйства в результате резкого перехода к рынку, распад прежних колхозно-совхозных моделей и прекращение систематической государственной поддержики сельскохозяйственного производства, то в последнее десятилетие факторами, отрицательно влияющими на количество рабочих мест на селе, стало распространение трудосберегающих технологий в сельском хозяйстве (особенно в широко распространившихся агрохолдингах), а также масштабные оптимизации в области образования, здравоохранения и местного управления на селе, приведшие к резкому сокращению рабочих мест. В совокупности указанные процессы приводили к росту хронической безработицы на селе, сокращению доходов домохозяйств, к росту отходничества, отъезду молодежи и ускоренному старению населения. Возникшая в результате этих процессов фактическая трудоизбыточность сельского населения в староосвоенных районах в сложившихся экономических условиях дополнительно стимулирует отток молодежи и трудоспособного населения в города, внося свой вклад

[1] Доклад подготовлен по проекту РФФИ № 19-29-07546\19 «Влияние человеческого капитала на настоящий и будущий экономический рост в России».

в усиливающуюся депопуляцию, ускоренное старение населения и рост гендерных диспропорций. Факторами, способствующими сокращению рабочих мест в сельской местности и стимулирующими миграцию в города, стали реформы управления (укрупнение муниципалитетов, слияния городских и сельских округов, сокращение аппарата управления на низовых уровнях), оптимизация в области здравоохранения и образования (сокращение ФАПов, закрытие малокомплектных школ и др.) [Потенциал Ближнего Севера, 2014; Денисенко, Николаева, 2015; Калабихина, Мокренский, 2017; Нефедова, 2017; Нефедова Т. Г., Мкртчян Н. В., 2017 и многие др.].

Помимо обозначенных социально-экономических факторов, выталкивающих молодежь и трудоспособное население из сельской местности, сказывается также фактор несоответствия местных условий и возможностей в удовлетворении потребностей в содержательном досуге, современных коммуникациях, общении тем новым стандартам, которые приходят вместе с глобализацией. Распространение среди сельских жителей благодаря средствам массовой коммуникации ценностей общества потребления (посредством рекламы, фильмов и т.д.) в условиях низких зарплат и высокой степени социальной эксклюзии, что обостряет неудовлетворенность жизнью и уровнем благосостояния сельских жителей. Все это дополняется недостаточным бытовым комфортом (отсутствие во многих сельских поселениях водопровода, централизованной канализации, газа, централизованного отопления и др.).

Спад сельскохозяйственного производства, медленное развитие фермерства и ускорение процесса депопуляции сельского населения в последние десятилетия (несмотря на предпринимающиеся меры по стабилизации ситуации) сделали необходимой разработку комплексных мер государственной поддержки сельского населения и сельских территорий. В феврале 2015 г. распоряжением Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р была принята «Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» (далее — Стратегия), разработанная Министерством сельского хозяйства РФ [Стратегия устойчивого развития сельских территорий, 2015]. Основные положения стратегии стали развитием основных направлений разработанной ранее «Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 30.11.2010 № 2136-р.

Цели Стратегии включали социально-экономические и демографические компоненты:

— создание благоприятных социально-экономических условий для выполнения сельскими территориями их общественно значимых функций и решения задач территориального развития;

— обеспечение стабилизации численности сельского населения и создание условий для его роста за счет снижения смертности, увеличения ожидаемой продолжительности жизни, уменьшения миграционного оттока населения;
— обеспечение занятости, повышение уровня и качества жизни сельского населения с учетом современных требований и стандартов;
— повышение эффективности сельского хозяйства и вклада сельских территорий в социально-экономическое развитие страны.

Стратегией предусмотрены два этапа реализации: переходный этап (2015–2020 гг.), основной этап (2021–2030 гг.). На основном этапе развитие инфраструктуры сельских территорий планируется продолжить одновременно с интенсификацией деятельности по повышению качества жизни сельских жителей. Приоритеты этого этапа — формирование и внедрение сбалансированной системы механизмов и стимулов по улучшению демографической ситуации с учетом региональной специфики, содействие внедрению новых экономически эффективных механизмов хозяйственной деятельности и предоставления социальных услуг, ускоренное развитие инфраструктуры связи и коммуникаций, комплексное обеспечение культурно-досуговых потребностей населения.

Основные механизмы реализации Стратегии — государственные программы Российской Федерации и государственные программы субъектов Федерации.

Выполнение целей и задач Стратегии определяется достижением к 2030 г. основных целевых показателей, в том числе:

— стабилизации численности сельского населения на уровне 35 млн человек;
— увеличения ожидаемой продолжительности жизни сельского населения до 75,6 года;
— уменьшения миграционного оттока сельского населения до 74,1 тыс. человек;
— обеспечения среднегодового темпа прироста производства продукции сельского хозяйства в размере 5,5%;
— повышения уровня занятости сельского населения до 65,5%;
— расширения сети фельдшерско-акушерских пунктов и (или) офисов врачей общей практики в сельской местности на 1,7 тыс. единиц;
— повышения доли сельского населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом, до 37,3%;
— увеличения удельного веса сельских населенных пунктов, имеющих связь по дорогам с твердым покрытием с сетью автомобильных дорог, до 80%.

В 2019 г. была разработана и утверждена государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий» постановлением Прави-

тельства РФ от 31.05.2019 № 696 с общим объемом финансирования госпрограммы в 2020–2025 гг. — около 2,3 трлн руб., в том числе за счет федерального бюджета — 1 трлн руб. [Комплексное развитие сельских территорий, 2019].

Цели и задачи Программы непосредственно сосредоточены на решении проблем депопуляции сельского населения, необходимости повышения доходов и улучшения условий жизни сельских жителей как главных факторах сохранения населения в сельской местности. Основными целями госпрограммы стали: 1) сохранение доли сельского населения в общей численности населения России на уровне не менее 25,3%; 2) достижение соотношения среднемесячных располагаемых ресурсов сельского и городского домохозяйств до 80%; повышение доли общей площади благоустроенных жилых помещений в сельских населенных пунктах до 50%.

В проектную часть госпрограммы включены пять ведомственных проектов: «Развитие жилищного строительства на сельских территориях и повышение уровня благоустройства домовладений», «Содействие занятости сельского населения», «Развитие инженерной инфраструктуры на сельских территориях», «Развитие транспортной инфраструктуры на сельских территориях», «Благоустройство сельских территорий». Основные целевые показатели программ нацелены на 2025 г.

При общей правильной макроцелевой установке Программы — обеспечить устойчивое развитие сельских территорий — вызывают вопросы целевые показатели, не предусматривающие учета высокой дифференциации сельских территорий, анализа объективных факторов и реальных возможностей выполнения. В частности, первая цель — «сохранение доли сельского населения на уровне не менее 25,3%». Представляется, что в таком виде сформулированная цель скорее будет побуждать чиновников не прилагать усилия к улучшению уровня и качества жизни сельского населения, повышению уровня их здоровья и долголетия, а к чисто бюрократическим решениям по манипулированию цифрами (например, к переводу части городских поселений в статус сельских; к созданию препятствий к снятию уезжающих в города сельских жителей с регистрационного учета и т.д.). Многолетние исследования сельских сообществ, проводимые в рамках «Угорского проекта» (рук. Н. Е. Покровский и Т. Г. Нефедова) продемонстрировали сложность, масштабность и глубину процессов, ведущих к депопуляции сельского населения. Неоходим учет специфических географических, экономических, социальных и демографических факторов в каждом конкретном случае [Потенциал Ближнего Севера, 2014; Нефедова, 2017; Нефедова, Трейвиш, 2020].

Что касается конкретных мер по реализации указанной госпрограммы, то представляется вполне перспективным запущенный в 2020 г. проект льготной «сельской ипотеки» в соответствии с постановлением Прави-

тельства № 1567 от 30.11.2019 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям и акционерному обществу «ДОМ.РФ» на возмещение недополученных доходов по выданным (приобретенным) жилищным (ипотечным) кредитам (займам), предоставленным гражданам Российской Федерации на строительство (приобретение) жилого помещения (жилого дома) на сельских территориях (сельских агломерациях)» (документ вступил в силу 1 января 2020 г.). Данные меры были введены в рамках реализации упомянутого проекта «Развитие жилищного строительства на сельских территориях и повышение уровня благоустройства домовладений». Уже в 2020 г. стало можно получить льготный кредит со ставкой от 0,1 до 3% на сумму от 100 тыс. до 3 млн руб. (в Ленинградской области и на Дальнем Востоке до 5 млн руб.) на срок до 25 лет. Льготная сельская ипотека распространяется на объекты невижимости, находящиеся только в сельской местности, а именно: на покупку готового жилья по договору купли-продажи, строящегося по договору участия в долевом строительстве дома с землей; на покупку земельного участка и строительство на нем жилого дома по договору подряда; на строительство или завершение строительства жилого дома по договору подряда на имеющемся в собственности земельном участке. На сегодняшний день в программу включились Россельхозбанк, Сбербанк, банк «Центр-Инвест», обсуждается расширение списка банков. Условием получения является внесение первоначального взноса в размере не менее 10% от суммы, при этом материнский капитал нельзя использовать в качестве первоначального взноса, но можно использовать для погашения оставшейся части кредита. Московская область не входит в данную программу.

По данным Минсельхоза, с начала и до середины сентября 2020 г. сельской ипотекой воспользовались уже более 19 тыс. человек в 80 регионах страны, объем выданных кредитов превысил 37,7 млрд руб., а заявок в банки поступило на сумму 272 млрд руб. от порядка 125 тыс. человек; средний размер кредита составлил 2 млн руб., средний период выдачи — 17 лет, средняя ставка — 2,7%. В в 2020 г. на реализацию программы выделен 1 млрд руб., успех программы поставил вопрос о привлечении дополнительных средств на реализацию программы из федерального и местных бюджетов [Россияне взяли сельскую ипотеку почти на 38 млрд рублей, 2020].

Дезурбанизационные процессы в России уже несколько десятилетий проявляют себя в различных формах — классийческой дезурбанизации, «дачной» дезурбанизации, в форме создания «экопоселений» и «родовых поместий». Однако центростремительные перемещения всегда значительно преобладали над центробежными [Между домом и... домом, 2016]. Фактором, подстегнувшим интерес городского населения к дезурбаниза-

ционной перспективе в целом и к программе «сельской ипотеки» в частности, стала эпидемия коронавируса в 2020 г. в России, спровоцировшая масштабную дезурбанизационную «кризисную» миграцию из мегаполисов в малые города и сельскую местность [Nikolaeva, Rusanov, 2020]. Сохраняющаяся угроза заражения коронавирусом в условиях пандемии при отсутсвии надежных вакцин и лекарств вместе с открывшимися возможностями цифровой дистанционной занятости и учебы сделали перспективы переезда в сельскую местность для горожан (в том числе семей с детьми) очень привлекательными. При этом наиболее предпочтительным вариантом, как представляется, станет не полная дезурбанизация, а модель жизни «на два» дома, т.е. сохранение городского жилья (в качестве резервного, или сдача городской квартиры внаем для получения дохода).

Переезд горожан в сельскую местность может стать важным фактором стабилизации и позитивного развития сельских поселений. Исследования влияния дезурбанизации на местные сельские теоритории и сообщества показывают, что горожане, имеющие гораздо более значительный и финансовый потенциал (сбрежения, т.е. потенциальные инвестиции), и человеческий капитал (высшее образование, навыки пользования цифровыми и коммуникационными технологиями для поиска информации, предприимчивость) по сравнению с местными сельскими жителями, оказываются той социальной силой, которая способна частично изменить негативный тренд в социально-экономическом, демографическом и социокультурном развитии локальных сообществ. Новые возможности, которые открывает льготная сельская ипотека вкупе с новым этапом в развития цифровых технологий в условиях коронавируса, могут дать синергетический эффект в ряде регионов, в ряде локальных сельских сообществ. Однако эти возможности должны быть подкреплены, как представляется, государственными мерами по ускорению газификации сельских территорий, улучшению инфраструктуры и реализации политики по увеличению рабочих мест (как минимум — приостановление тенденции к их сокращению в результате перманентных оптимизаций).

В последние годы одним из методов стабилизации и улушения ситуации в сельских районах стал рассматриваться внутренний туризм, в том числе так называемый агротуризм (сельский туризм). В частности, в Стратегии 2015 г., а также в Программе 2019 г. появились формулировки, связанные с необходимостью развития условий для сельского туризма. Весной 2019 г. Правительство рассмотрело и дало положительные заключения на законопроекты о развитии внутреннего туризма на сельских территориях. Проекты федеральных законов «О внесении изменений в статьи 1 и 19 Федерального закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (далее — законопроект 1) и «О внесении изменения в статью 5 Федерального закона «О развитии сельского хозяйства» (далее — законопроект 2)

внесены в Госдуму депутатами Государственной Думы С. В. Максимовой, В. Б. Кидяевым, А. К. Исаевым и др. Законопроектами предлагается отнести к основным целям государственной аграрной политики развитие малого и среднего предпринимательства на сельских территориях, в том числе внутреннего туризма. К видам деятельности крестьянских и фермерских хозяйств предлагается дополнительно отнести услуги по продвижению внутреннего туризма на сельских территориях.

В связи с темой развития сельского туризма нельзя не отметить, что возможности сельского туризма в увеличении количества рабочих мест и обеспечении устойчивого развития именно сельских территорий (а не малых городов с богатым культурно-историческим наследием) крайне ограничены. В гораздо большей степени, как показали исследования «Угорского проекта», устойчивое развитие сельских поселений могут обеспечить горожане-дачники, покупающие деревенские дома и проводящие в сельской местности от нескольких недель до нескольских месяцев, а иногда и круглогодичный цикл. Владение сельским домом и ведение даже небольшого подсобного хозяйства создают для горожан гораздо больше стимулов к инвестированию в местное развитие сельских поселений, нежели краткосрочный туризм. К тому же благоприятный для рекреации сезон в большинстве сельских территорий в России, за исключением Юга, сравнительно короток. Сельский туризм сам по себе никогда не сможет конкурировать с зарубежными курортами и туристическими программами. Городские же дачники, приобретающие собственность в деревне, начинают чувствовать более тесную связь с местным сообществом, поддерживают в деревне местную инфраструктуру, препятствуют разрушению сельских домов и дорог, покупают созданную местными жителями продукцию, пользуются различными услугами местных жителей. Исследование роли и потенциала дачной миграции было осуществлено в рамках Угорского проекта [Потенциал Ближнего Севера, 2014; Между домом и... домом, 2015; Нефедова и др., 2015; Покровский, Николаева, Демидова, 2019 и др.].

Ограниченность культурной жизни и соответсвующей социально-культурной инфраструктуры как фактор, способствующий миграции из сельских населенных пунктах, была осознана на государственном уровне. В 2014 г. появился документ «О создании центров культурного развития в малых городах и сельской местности», утвержденный распоряжением Правительства от 26.12.2014 № 2716-р. Программа направлена на реализацию мероприятий по строительству новых зданий, модернизации и перепрофилированию и (или) реконструкции существующих учреждений культуры в малых городах и сельской местности. Цели Программы — обеспечение максимальной вовлеченности населения в культурно-творческую деятельность, создание новых возможностей для творческой самореализации, духовного обогащения и культурного развития, создание

условий для межнационального культурного обмена, повышение качества жизни, а также развитие инфраструктуры и создание новых рабочих мест. Задачами Программы стали: строительство новых центров в малых городах и сельской местности, модернизация, перепрофилирование и (или) реконструкция существующих зданий с целью приспособления их для использования в качестве центров культурного развития, поддержка существующих учреждений культуры в малых городах и сельской местности путем улучшения их материально-технической базы, создание единой гастрольной сети, подготовка и переподготовка кадров для работы в центрах.

Правильные цели и задачи, сформулированные в программах по развитию культуры на селе, пока не коррелируют с реальной практикой систематического закрытия сельских домов культуры, библиотек, музеев, кинотеатров. Вместе с закрытием учреждений культуры сокращаются должности руководителей, библиотекарей, культурных работников. Открытие заново культурных учреждений — это не только вопрос нового строительства или реконструкции здания, но и выделения постоянных бюджетных ставок, поиск соответствующих кадров, организации и финансирования систематической просветительской и социокультурной работы с сельской молодежью и другими категориями сельского населения. Представляется, что подготовка культурых работников для села в вузах практически не ведется, перспективы приезда выпускников городских вузов в сельскую местность на вновь создающиеся места — сомнительны. Одним из путей решения кадрового вопроса для учреждений культурой может стать привлечение горожан соответствующей квалификации, имеющих намерение переселиться в село, для работы в учреждениях культуры.

Важным аспектом в рассмотрении вопросов развития человеческого капитала в сельской местности стала проблема качества начального и среднего общего образования в сельских школах, проблема обеспеченности сельских школ квалифицированными кадрами, а также возможностями использования общефедеральных сетевых ресурсов для обеспечения повышения методической оснащенности сельских школ. Как показывают исследования Угорского проекта, нередко дорогостоящее оборудование, приобретаемое государством для сельских школ, не используется в полной мере в образовательном процессе (часто администрация школ боится за сохранность оборудования и вообще не включает его в учебный процесс), в школах не работает интернет, либо им пользуется только администрация школы.

Важная проблема — овладение сельской молодежью навыками активной современной социальной, экономической, культурной и коммуникационной деятельности. Качественные социологические исследования показали, что молодежь, закончившая сельские школы, менее активно использует интернет и современные средства коммуникации с целью по-

иска работы, повышения квалификации, приобретения новых навыков и умений [Шилова, 2017]. При переезде в город сельская молодежь испытывает немало социально-психологических трудностей при адаптации к городскому образу жизни (высокий темп жизни, большое колличество коммуникаций, социальных контактов, текущих задач, иных стрессогенных факторов).

Таким образом, в связи с поставленными в ряде государственных программ и стратегических документов целей и задач по обеспечению устойчивого развития сельских территорий особое значение приобретает проведение комплексных социологических и социолого-статистических исследования условий и образа жизни сельских жителей, что позволит конкретизировать задачи и цели государственных программ, учесть как общие, так и локальные особенности сельских поселений, помочь разработать расширенные и, одновременно, критерии оценки эффективности. Особое значение приобретает также оценка потенциала развития конкретных сельских территорий с точки зрения экономического (хозяйственного), рекреационного, социокультурного и, что особенно важно, демографического развития.

Список литературы

1. *Денисенко М. Б., Николаева У. Г.* Что происходит с сельским населением на Ближнем Севере России (на материале Костромской области) // Социологические исследования. — 2015. — № 12. — С. 70–81.
2. *Калабихина И. Е., Мокренский Д. Н.* Динамика численности населения муниципальных образований Центральной России // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. — М.: Изд-во Моск. ун-та. — 2017. — № 6. — С. 97–124.
3. *Нефедова Т. Г.* Двадцать пять лет постсоветскому сельскому хозяйству России: географические тенденции и противоречия // Известия РАН. Серия географическая. — 2017. — № 5. — С. 7–18.
4. *Нефедова Т. Г., Мкртчян Н. В.* Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. — 2017. — № 5. — С. 58–67.
5. *Нефедова Т. Г., Николаева У. Г.* Современное подсобное хозяйство селян и горожан: историческая динамика, функции, пространственные различия // Население и экономика. — 2019. — Т. 3, № 1. — С. 95–111.
6. *Нефедова Т. Г., Покровский Н. Е., Трейвиш А. И.* Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности населения // Социологические исследования. — 2015. — № 12. — С. 60–69.
7. *Нефедова Т., Трейвиш А.* Поляризация и сжатие освоенных пространств в Центре России: тренды, проблемы, возможные решения // Демографическое обозрение. — 2020. — Т. 1, № 1. — С. 1–23.

8. *Николаева У. Г., Покровский Н. Е., Смирнов С. Н.* Качество и образ жизни сельского населения в условиях нарастающей депопуляции: региональный аспект // Социально-трудовые исследования. Научно-практический журнал. — 2019. — № 4 (37). — С. 33–44.
9. О создании центров культурного развития в малых городах и сельской местности. Государственная программа. Утверждена распоряжением Правительства от 26.12.2014 № 2716-р.
10. Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям и акционерному обществу «ДОМ.РФ» на возмещение недополученных доходов по выданным (приобретенным) жилищным (ипотечным) кредитам (займам), предоставленным гражданам Российской Федерации на строительство (приобретение) жилого помещения (жилого дома) на сельских территориях (сельских агломерациях). Постановление Правительства № 1567 от 30.11.2019 г.
11. Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения: коллективная монография / под ред. Н. Е. Покровского и Т. Г. Нефедовой. — М.: Логос, 2014.
12. Россияне взяли сельскую ипотеку почти на 38 млрд рублей в 2020 году // ТАСС, 18 сентября, 2020. URL: https://tass.ru/ekonomika/9496897
13. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года. Министерство сельского хозяйства РФ. — М.: ФГБНУ Росинформагротех, 2015. — 76 с. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/region_stat/sel-terr/strateg_2030.pdf
14. *Тихонова Н. Е.* Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. — 2003. — Т. XII. № 1. — С. 36–84.
15. Федеральная программа «Комплексное развитие сельских территорий» (утверждена постановлением Правительства РФ от 31.05.2019 № 696). URL: http://government.ru/docs/36905/
16. Федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» (утверждена постановлением Правительства РФ от 15.07.2013 № 598).
17. *Шилова В. А.* Коммуникативные практики сельской молодежи России на рынке труда // Социальные науки и перспективы устойчивого развития сельских сообществ Ближнего Севера России: сборник тезисов и материалов VIII Междисциплинарной научной конференции Угорского проекта (12–15 мая 2017 года) / под ред. Н. Е. Покровского. — М.: Университетская книга, 2017. — С. 118–122.
18. *Nikolaeva U. G., Rusanov A. V.* Self-isolation at the dacha: Can't? can? have to? // Population and Economics. — 2020. — No. 4(2). — P. 182–198.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Denisenko M. B., Nikolaeva U. G.* Chto proishodit s sel'skim naseleniem na Blizhnem Severe Rossii (na materiale Kostromskoj oblasti) // Sociologicheskie issledovanija. — 2015. — №12. — S. 70–81.

2. *Kalabihina I. E., Mokrenskij D. N.* Dinamika chislennosti naselenija municipal'nyh obrazovanij Central'noj Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 6: Jekonomika. M.: Izd-vo Mosk. un-ta. — 2017. — № 6. — S. 97–124.
3. *Nefedova T. G.* Dvadcat' pjat' let postsovetskomu sel'skomu hozjajstvu Rossii: geograficheskie tendencii i protivorechija // Izvestija RAN. Serija geograficheskaja. — 2017. — № 5. — S. 7–18.
4. *Nefedova T. G., Mkrtchjan N. V.* Migracija sel'skogo naselenija i dinamika sel'skohozjajstvennoj zanjatosti v regionah Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 5: Geografija. — 2017. — № 5. — S. 58–67.
5. *Nefedova T. G., Nikolaeva U. G.* Sovremennoe podsobnoe hozjajstvo seljan i gorozhan: istoricheskaja dinamika, funkcii, prostranstvennye razlichija // Naselenie i jekonomika. — 2019. — T. 3, № 1. — S. 95–111.
6. *Nefedova T. G., Pokrovskij N. E., Trejvish A. I.* Urbanizacija, dezurbanizacija i sel'sko-gorodskie soobshhestva v uslovijah rosta gorizontal'noj mobil'nosti naselenija // Sociologicheskie issledovanija. — 2015. — № 12. — S. 60–69.
7. *Nefedova T., Trejvish A.* Poljarizacija i szhatie osvoennyh prostranstv v Centre Rossii: trendy, problemy, vozmozhnye reshenija // Demograficheskoe obozrenie. — 2020. — T. 1, № 1. — S. 1–23.
8. *Nikolaeva U. G., Pokrovskij N. E., Smirnov S. N.* Kachestvo i obraz zhizni sel'skogo naselenija v uslovijah narastajushhej depopuljacii: regional'nyj aspekt // Social'no-trudovye issledovanija. Nauchno-prakticheskij zhurnal. — 2019. — № 4 (37). — S. 33–44.
9. O sozdanii centrov kul'turnogo razvitija v malyh gorodah i sel'skoj mestnosti. Gosudarstvennaja programma. Utverzhdena rasporjazheniem Pravitel'stva ot 26.12.2014 № 2716-r.
10. Ob utverzhdenii Pravil predostavlenija subsidij iz federal'nogo bjudzheta rossijskim kreditnym organizacijam i akcionernomu obshhestvu "DOM.RF" na vozmeshhenie nedopoluchennyh dohodov po vydannym (priobretennym) zhilishhnym (ipotechnym) kreditam (zajmam), predostavlennym grazhdanam Rossijskoj Federacii na stroitel'stvo (priobretenie) zhilogo pomeshhenija (zhilogo doma) na sel'skih territorijah (sel'skih aglomeracijah). Postanovlenie Pravitel'stva № 1567 ot 30.11.2019.
11. Potencial Blizhnego Severa: jekonomika, jekologija, sel'skie poselenija: kollektivnaja monografija / pod red. N. E. Pokrovskogo i T. G. Nefedovoj. — M.: Logos, 2014.
12. Rossijane vzjali sel'skuju ipoteku pochti na 38 mlrd rublej v 2020 godu // TASS, 18 sentjabrja, 2020. URL: https://tass.ru/ekonomika/9496897
13. Strategija ustojchivogo razvitija sel'skih territorij Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda. Ministerstvo sel'skogo hozjajstva RF. — M.: FGBNU Rosinformagroteh, 2015. — 76 c. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/region_stat/sel-terr/strateg_2030.pdf
14. *Tihonova N. E.* Fenomen social'noj jekskljuzii v uslovijah Rossii// Mir Rossii. — 2003. — T. XII. № 1. — S. 36–84.
15. Federal'naja programma «Kompleksnoe razvitie sel'skih territorij» (utverzhdena postanovleniem Pravitel'stva RF ot 31.05.2019 № 696). URL: http://government.ru/docs/36905/
16. Federal'naja celevaja programma "Ustojchivoe razvitie sel'skih territorij na 2014–2017 gody i na period do 2020 goda" (utverzhdena postanovleniem Pravitel'stva RF ot 15.07.2013 № 598).

17. *Shilova V. A.* Kommunikativnye praktiki sel'skoj molodezhi Rossii na rynke truda // Social'nye nauki i perspektivy ustojchivogo razvitija sel'skih soobshhestv Blizhnego Severa Rossii. Sbornik tezisov i materialov VIII Mezhdisciplinarnoj nauchnoj konferencii Ugorskogo proekta (12–15 maja 2017 goda) / pod red. N. E. Pokrovskogo. — M.: Universitetskaja kniga, 2017. — S. 118–122.

НОСКОВА Антонина Вячеславовна
д.с.н., профессор,
факультет международной журналистики МГИМО МИД России,
кафедра социологии,
Москва, Россия.
E-mail: avnoskova@mail.ru

КУЗЬМИНА Елена Игоревна
ведущий аналитик,
Управление учебно-организационной работы МГИМО МИД России,
Москва, Россия.
E-mail: helen.i.kuzmina@gmail.com

ЖИЛИЩНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В ЖИЗНЕННОМ ЦИКЛЕ ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ

Ключевые слова: жилищная мобильность, мотивы выбора жилья, городская семья, миграционная подвижность, расселение населения.

Коды JEL: R21, R23

Введение. Жилищная мобильность, определяемая как переезд на короткие расстояния, преимущественно в пределах одной агломерации, является актуальным вопросом расселения населения. Поиск ответа на вопрос, почему и как люди меняют жилье, считается востребованным направлением современных социальных исследований.

В докладе обсуждается проблема жилищной мобильности в ее связи с жизненными событиями городской семьи с детьми. В докладе раскрываются теория и методология вопроса, а также приводятся результаты авторского исследования интернет-сообществ родителей, участники которых активно обсуждают вопросы переезда.

Теоретические аспекты изучения жилищной мобильности. Данная исследовательская проблема находится на пересечении демографического и социологического дискурсов. В контексте проблем народонаселения жилищная подвижность рассматривается, во-первых, как миграционный процесс, формирующий динамику городских поселений [Wang et al.,

2019], во-вторых, в причинно-следственной цепочке демографических событий. Как объект социологического исследования жилищная мобильность связана с вопросами социальной мобильности и профессиональной стратификации.

Научный дуализм предметного поля, сосуществование в его границах двух дискурсивных начал определили содержание понятия жилищной мобильности, которое сформировалось на стыке миграционной подвижности и социальной мобильности. От миграционной подвижности в исследованиях по жилищной мобильности заимствован параметр «число перемещений». От социальной мобильности — изменение социального статуса. В рамках первого направления, как правило, анализируется влияние на жилищную мобильность семейно-демографических событий двух типов: увеличивающие (вступление в брак, рождение детей) и уменьшающие (развод, овдовение, уход детей из родительской семьи) размер семьи. Второе направление ориентировано на изучение влияния социальных факторов (социального статуса, материального положения, профессиональной занятости) на жилищную мобильность.

Развитие методологии исследования жилищной мобильности. Активное изучение жилищной мобильности семей началось во второй половине XX в. с выхода работы американского ученого П. Росси «Почему семьи переезжают: социально-психологическое исследование городской жилищной мобильности» [Rossi, 1955]. Росси исследовал жилищную мобильность в контексте жизненного цикла семьи. Впоследствии к изучению этой проблемы активно подключились европейцы, а также ученые из Австралии [Hassan et al., 1996].

Американский ученый В. Кларк [Clark, 2013], занимаясь исследованиями жилищной мобильности, перенес акцент с закономерностей жизненного цикла семьи на вариативность жизненных событий. Методологический поворот позволил полнее осмыслить этот феномен с позиции адаптации членов семьи к изменениям состава домохозяйства, вызванным разными демографическими событиями. Поэтому предложенная П. Росси методология исследования жилищной мобильности на основе жизненного цикла домохозяйства в современных исследованиях активно дополняется перспективой биографического метода [Wang et al., 2019], а изучение причин и мотивов переездов актуализируется в контексте современных социальных и демографических процессов [Coulter et al., 2015].

С 2000-х гг. в изучении мотивов жилищной мобильности появляются новые исследовательские фокусы — к мотивам переезда на новое место жительства все чаще добавляются мотивы выбора жилья. Результаты большого числа исследований показывают, что значимым мотивом выбора жилья для современных жителей крупных городов является расстояние до работы [Yang et al., 2019]. Совсем недавно китайские ученые показали

проявление новой тенденции в этой сфере семейной активности. В современном Китае для городских семей значимую роль при выборе жилья имеет наличие хороших образовательных возможностей для детей. Так, ученые [Yang et al., 2019] описали выбивающийся из стереотипных представлений китайский феномен — старые и полуразрушенные дома продаются по беспрецедентно высокой цене только потому, что они соседствуют с высокорейтинговыми школами. Иными словами, если еще недавно китайские семьи, проживающие в крупных городах, при выборе нового места жительства ориентировались на географическую близость к месту работы родителей, то теперь они все чаще делают акцент на образовательной инфраструктуре для своих детей [Yang et al., 2019]. Этот эмпирический факт позволяет взглянуть на жилищные перемещения под принципиально иным углом зрения, фиксирующим связь между жилищной и образовательной видами мобильности.

Методика и результаты эмпирического исследования. Основываясь на представленных выше теоретико-методологических положениях изучения жилищной мобильности, авторы доклада провели анализ дискуссии двух интернет-сообществ родителей, участники которых активно обсуждают вопросы переезда на новое место жительства в границах своих городов и относят себя к среднему классу.

Одной из задач исследования было выявление мотивов переездов семей с детьми в крупных российских городах. На эмпирическом материале, относящемся к конкретным интернет-сообществам родителей, формулировались и тестировались гипотезы: 1) о смене парадигмы жилищной мобильности в российском обществе; 2) о связи между решением о рождении второго ребенка с потенциальной возможностью достаточно быстро улучшить жилищные условия. В докладе представлены некоторые результаты исследования.

Участники дискуссии разделились на две категории. Первая категория объединила родителей, обсуждающих вопросы переезда в их связи с рождением второго (третьего) ребенка. Вторая категория объединила родителей, обсуждающих вопросы переезда в контексте нового этапа жизненного цикла семьи, — включения детей в систему школьного образования.

На эмпирическом материале показано, что появляются новые факторы, влияющие на решение семьей с детьми об осуществлении переезда и стратегии жилищной мобильности. Среди них, как и в Китае, — выбор учебных заведений для своих детей, желание проживать в районе, к которому прикреплены «рейтинговые» школы. Закрепленная стратификация учебных заведений (школ) в пространстве города и даже района обуславливает новую тенденцию при выборе нового жилья. В некоторых городах России, в том числе в Москве, прописка в определенном районе (а иногда

и доме) дает практически единственную возможность попасть в высокорейтинговое учебное заведение.

Что касается второй гипотезы, то вопрос остался открытым. Анализ дискуссии вокруг принятия решения о рождении второго ребенка выявил жилищную проблему как барьер на пути к положительному решению. В то же время, как следует из нарративов, для многих участников дискуссии решение жилищного вопроса — это не основной фактор, препятствующий или способствующий выбору в пользу рождения второго и последующих детей.

Выводы. В современных исследованиях жилищной мобильности выделились два основных направления изучения причин и мотивов переезда в новое жилье. Новый фокус изучения жилищной мобильности — принятие решения о выборе нового места жительства с позиции образовательных возможностей для детей. Результаты исследования показали, что прописка в домах, относящихся к высокорейтинговым учебным заведениям, становится значимым фактором при выборе жилья у представителей среднего класса, имеющих детей дошкольного и школьного возраста.

Список литературы

1. Живой журнал «Malyshi». URL: https://malyshi.livejournal.com
2. *Clark W. A. V.* Life course events and residential change: Unpacking age effects on the probability of moving // Journal of Population Research. — 2013. — No 40(4). — P. 319–334.
3. *Coulter R., Maarten van Ham, Findlay A. M.* New Directions for Residential Mobility Research: Linking Lives through Time and Space. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4893457/
4. *Hassan R., Zang X., McDonnell-Baum Sc.* Why families move: a study of residential mobility in Australia // The Australian and New Zealand Journal of Sociology. — 1996. — Vol. 32. — Issue 1. — P. 72–85.
5. *Rossi P. H.* Why families move: a study in the social psychology of urban residential mobility. — Glencoe, IL: Free Press, 1955. — 220 p.
6. *Wang R., Walter R., Arafat A., Song J.* Understanding the role of life events on residential mobility for low-income, subsidised households // Urban Studies. — 2019. — Vol. 56(8). — P. 1628–1646.
7. *Yang Z., Pu Haob P., Wuc D.* Children's education or parents' employment: How do people choose their place of residence in Beijing // Cities. — 2019. — No 93. — P. 197–205.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Zhivoj zhurnal «Malyshi». URL: https://malyshi.livejournal.com

ПАШКЕВИЧ Ольга Александровна
к.э.н., доцент, заведующий сектором рынка труда,
отдел трудовых и социальных отношений,
Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси,
Минск, Беларусь.
E-mail: o_lala@list.ru

ЛЕВКИНА Виктория Олеговна
к.э.н., ведущий научный сотрудник сектора рынка труда,
отдел трудовых и социальных отношений,
Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси,
Минск, Беларусь

ЗАНЯТОСТЬ В АГРОГОРОДКАХ БЕЛАРУСИ И ОСНОВНЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Ключевые слова: занятость, трудовые ресурсы, агрогородок, население, демографическая тенденция.

Коды JEL: J11, J21

Согласно Государственной программе возрождения и развития села на 2005–2010 гг. на базе сельских советов и центральных усадеб крупнотоварных сельскохозяйственных организаций за период 2005–2010 гг. сформирован 1481 агрогородок [Программа, 2005]. Агрогородок — благоустроенный населенный пункт, в котором созданы производственная и социальная инфраструктура для обеспечения социальных стандартов проживающему в нем населению и жителям прилегающих территорий. Количество таких качественно новых типов сельских населенных пунктов равномерно распределено по регионам республики, и они, как показали проведенные нами исследования, характеризуются более высокой численностью населения, в них сосредоточено большинство объектов социальной и производственной инфраструктуры.

Следует отметить, что научное сообщество уделяет большое внимание проблемам развития сельских территорий и обоснованию путей их решения [Акимов, 2019; Зайцева, 2014; Егорова, 2012; Трескова, Семин, 2012], оценке развития рынка аграрного труда и занятости молодежи в агрогородках [Пашкевич, Левкина, 2018], изучению особенностей систем расселения [Вихрев, 2016; Давиденко, 2018; Горбенкова, 2017, 2019; Мальчикова, 2016], параметрам развития агрогородков и их типологизации [Стадник, Самохвалова, 2020; Гануш, Чирич, 2018; Горбенкова, 2015].

Цель настоящего исследования — на базе анализа и оценки демографических тенденций, стратегий развития населенных пунктов и территорий сельских советов обосновать направления регулирования занятости населения в агрогородках.

Детальный и углубленный мониторинг динамики развития агрогородков в 2011–2019 гг. проводился на базе Вилейского района Минской области (в разрезе сельских советов). Так, за период 2005–2010 гг. в Вилейском районе было введено 16 агрогородков с градообразующим сельскохозяйственным предприятием в каждом из них. По данным на конец 2019 г., 45,5% сельских жителей района проживали в агрогородках, 54,5% — в прилегающих сельских населенных пунктах (в 2010 г. — 40,7 и 59,3% соответственно). Вместе с тем претерпели изменения средние параметры развития как агрогородков, так и прилегающих сельских населенных пунктов (табл. 1).

Таблица 1

Средние параметры развития сельских населенных пунктов Вилейского района

Показатели	2011 г.	2019 г.	2019 к 2011 г., %
Средний размер агрогородка, чел.	642	588	91,5
Среднее число домохозяйств в агрогородке, ед.	300	238	79,3
Средний размер прилегающей деревни, чел.	38	29	76,3
Среднее число домохозяйств в прилегающей деревне, ед.	17	15	88,2

Источник: таблица составлена по данным Вилейского районного исполнительного комитета.

Анализ данных социальных паспортов за 2011–2019 гг., где аккумулируются показатели численности и структуры населения сельских населенных пунктов, показал, что за указанный период в большинстве агрогородков (в 15 из 16) произошло сокращение численности населения. Анализ данных динамики структуры населения агрогородков по категориям трудоспособности за период 2011–2019 гг. показал, что во всех агрогородках района (кроме аг. Селище и аг. Луковец) произошло снижение удельного веса лиц моложе трудоспособного возраста. В то же время всем агрогородкам свойственна тенденция старения населения. Изменение же доли населения трудоспособного возраста зависит от следующих факторов: там, где имеется развитая производственная и социальная инфраструктура, которая предоставляет рабочие места, наблюдается рост доли данной категории лиц, и, наоборот, в агрогородках, где инфраструктура претерпе-

вает изменения (преобразование предприятий, их ликвидация), удельный вес этой категории сокращается, и в некоторых агрогородках значительно.

В целом, как показал проведенный мониторинг, к агрогородках Вилейского района демографическая ситуация характеризуется низкой рождаемостью, высокой смертностью населения. Это приводит к естественной убыли и требует принятия мер по предотвращению и ликвидации демографических угроз. К числу последних относятся: депопуляция (рост отношения числа умерших к родившимся), старение населения, нерегулируемые миграционные процессы (особенно у молодежи), деградация института семьи (рост внебрачной рождаемости, рождение детей лицами, ведущими асоциальный образ жизни, в большинстве случаев ради получения пособия на детей).

Снижение рождаемости как в агрогородках, так и прилегающих сельских территориях наблюдается на протяжении последних 10 лет и обусловлено воздействием ряда объективных и субъективных факторов. Основной из них — характер рождаемости, который в настоящее время определяется массовым распространением малодетности (1–2 ребенка). Поэтому основные задачи в сфере реализации демографической политики в агрогородках заключаются в следующем: стабилизация численности населения, популяризация ценности брака и семьи, увеличение средней продолжительности жизни населения, численности населения за счет миграции, улучшение жилищных условий.

Сельскохозяйственная организация является градообразующим предприятием в агрогородке. Структурные реформы в АПК направлены на ликвидацию неэффективных сельскохозяйственных предприятий или их подразделений. Проводимая в последние годы технико-технологическая модернизация отрасли повлекла за собой сокращение неэффективных рабочих мест и высвобождение работников. В этом контексте вопросы устойчивого развития сельских территорий и создания новых рабочих мест становятся наиболее важными.

Сокращение занятости в сельском хозяйстве предполагает, что параллельно с активизацией аграрной политики должна осуществляться не менее активная политика по развитию на селе несельскохозяйственной деятельности. Это является системообразующим направлением, позволяющим осуществлять повышение производительности аграрного труда без ущерба для устойчивого развития села как многофункциональной системы.

В соответствии с этим в Государственной программе развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2016–2020 гг. предусмотрены меры по созданию новых рабочих мест на сельских территориях, поддержке предпринимательства, включая возможности для самостоятельной занятости, развития государственно-частного партнерства — подпрограмма 10

[Программа, 2016]. Это ориентирует на проведение оценок и выработку рекомендаций в отношении политики развития сельских территорий, направленной на создание рабочих мест и расширение возможностей для самостоятельной занятости с учетом ресурсного потенциала территории, потребностей и приоритетов местного населения и особенно молодежи.

В процессе проведенных исследований нами выделен комплекс актуальных факторов регулирования отношений в социально-трудовой сфере агрогородков — правовые, экономические, демографические, культурные, экологические, организационные, инвестиционные и инновационные; определены сфера и диапазон их влияния. Данные факторы регулируют такие важнейшие социально-трудовые аспекты, как формирование и использование трудовых ресурсов села, их занятость, уровень доходов сельских жителей, производственную специализацию регионов, организацию труда в агрогородках, качество жизни сельского населения. Это позволяет выработать дифференцированные направления формирования и реструктуризации рабочих мест в агрогородках и прилегающих к ним территориях, стратегию занятости, учитывая при этом особенности демографической ситуации.

Список литературы

1. *Акимов В. В.* Разработка методологических основ устойчивого развития сельских территорий / В. В. Акимов, Э. В. Белоусова // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление. — 2019. — № 2 (29). — С. 16–23.
2. *Вихрев О. В.* Системы сельского расселения и их центры (на примере Тверской области) / О. В. Вихрев, А. А. Ткаченко, А. А. Фомкина // Вестн. моск. ун-та. Сер. 5. География. — 2016. — № 2. — С. 30–37.
3. *Гануш Г.* Типология агрогородков по привлекательности для жизни населения / Г. Гануш, А. Чирич // Аграрная экономика. — 2018. — № 2. — С. 66–72.
4. *Горбенкова Е. В.* Методика определения индекса развития агрогородка / Е. В. Горбенкова, Е. В. Щербина, О. М. Старолавникова // Интернет-журнал «Науковедение». — 2015. — Том 7. — № 2. URL: http://naukovedenie.ru/PDF/92TVN215.pdf (дата обращения: 20.05.2020).
5. *Горбенкова Е. В.* Методологические подходы моделирования развития сельских поселений / Е. В. Горбенкова, Е. В. Щербина // Вестник МГСУ. — 2017. — Т. 12. — Вып. 10 (109). — С. 1107–1114.
6. *Горбенкова Е. В.* Факторы, определяющие развитие сельского расселения // Вестник МГСУ. — 2019. — Т. 14. — Вып. 7. — С. 805–818.
7. Государственная программа возрождения и развития села на 2005–2010 годы: офиц. изд. — Минск: Беларусь, 2005. — 96 с.
8. Государственная программа развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2016–2020 годы / Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 11.03.2016 № 196 / зарегистрировано в Национальном реестре

правовых актов Республики Беларусь 23 марта 2016 г. № 5/41842 // КонсультантПлюс: версия 4000.00.07 / ООО «Юрспектр». — Минск, 2017.

9. *Давиденко П. Н.* Моделирование системы сельско-городского расселения России / П. Н. Давиденко, Е. В. Горбенкова // Вестник Евразийской науки. — 2018. — № 5. URL: https://esj.today/PDF/52SAVN518.pdf (дата обращения: 20.05.2020).
10. *Егорова О. И.* Обоснование приоритетных направлений обустройства сельских территорий региона с целью создания достойной мотивационной среды // Фундаментальные исследования. — 2012. — № 9-1. — С. 209–213.
11. *Зайцева Н. В.* Социально-экономические аспекты развития современного белорусского села // Труды БГТУ. — 2015. — № 5. — С. 67–70.
12. *Мальчикова Д. С.* Планирование территорий и функции сельской местности: общественно-географический анализ // Географический вестник. — 2014. — № 3 (30). — С. 45–53.
13. *Пашкевич О. А.* Занятость в агрогородках Беларуси: анализ, оценка, регулирование / О. А. Пашкевич, В. О. Левкина // Организационно-правовые аспекты инновационного развития агробизнеса: сб. науч. трудов. — Щецин-Горки: БГСХА, 2018. — Вып. 15. — С. 194–200.
14. *Стадник А.* Концепция размещения сельскохозяйственного производства в условиях развития агрогородков / А. Стадник, А. Самохвалова // АПК: экономика, управление. — 2020. — № 3. — С. 37–46.
15. *Трескова Е. А.* Концепция развития сельских территорий: два базовых подхода / Е. А. Трескова, А. Н. Семин // Аграрный вестник Урала. — 2012. — № 12 (104) — С. 69–73.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Akimov V. V.* Razrabotka metodologicheskih osnov ustojchivogo razvitija sel'-skih territorij / V. V. Akimov, Je.V. Belousova // Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S. Ju. Vitte. Serija 1. Jekonomika i upravlenie. — 2019. — № 2 (29). — S. 16–23.
2. *Vihrjov O. V.* Sistemy sel'skogo rasselenija i ih centry (na primere Tverskoj oblasti) / O. V. Vihrjov, A. A. Tkachenko, A. A. Fomkina // Vestn. mosk. un-ta. Ser. 5. Geografija. — 2016. — № 2. — S. 30–37.
3. *Ganush G.* Tipologija agrogorodkov po privlekatel'nosti dlja zhizni naselenija / G. Ganush, A. Chirich // Agrarnaja jekonomika. — 2018. — № 2. — S. 66–72.
4. *Gorbenkova E. V.* Metodika opredelenija indeksa razvitija agrogorodka / E. V. Gorbenkova, E. V. Shherbina, O. M. Starolavnikova // Internet-zhurnal «Naukovedenie». — 2015. — Tom 7. — № 2. URL: http://naukovedenie.ru/PDF/92TVN215.pdf (data obrashhenija: 20.05.2020).
5. *Gorbenkova E. V.* Metodologicheskie podhody modelirovanija razvitija sel'-skih poselenij / E. V. Gorbenkova, E. V. Shherbina // Vestnik MGSU. — 2017. — T. 12. — Vyp. 10 (109). — S. 1107–1114.
6. *Gorbenkova E. V.* Faktory, opredeljajushhie razvitie sel'skogo rasselenija // Vestnik MGSU. — 2019. — T. 14. — Vyp. 7. — S. 805–818.

7. Gosudarstvennaja programma vozrozhdenija i razvitija sela na 2005–2010 gody: ofic. izd. — Minsk: Belarus', 2005. — 96 s.
8. Gosudarstvennaja programma razvitija agrarnogo biznesa v Respublike Bela-rus' na 2016–2020 gody / Postanovlenie Soveta Ministrov Respubliki Belarus' ot 11.03.2016 g. № 196 / Zaregistrirovano v Nacional'nom reestre pravovyh aktov Respubli-ki Belarus' 23 marta 2016 g. № 5/41842 // Konsul'tantPljus: versija 4000.00.07 / OOO «Jur-spektr». — Minsk, 2017.
9. *Davidenko P. N.* Modelirovanie sistemy sel'sko-gorodskogo rasselenija Rossii / P. N. Davidenko, E. V. Gorbenkova // Vestnik Evrazijskoj nauki. — 2018. — № 5. URL: https://esj.today/PDF/52SAVN518.pdf (data obrashhenija: 20.05.2020).
10. *Egorova O. I.* Obosnovanie prioritetnyh napravlenij obustrojstva sel'-skih territorij regiona s cel'ju sozdanija dostojnoj motivacionnoj sredy // Fundamental'nye issledovanija. — 2012. — № 9-1. — S. 209–213.
11. *Zajceva N. V.* Social'no-jekonomicheskie aspekty razvitija sovremennogo be-lorusskogo sela // Trudy BGTU. — 2015. — № 5. — S. 67–70.
12. *Mal'chikova D. S.* Planirovanie territorij i funkcii sel'skoj mestnosti: obshhestvenno-geograficheskij analiz // Geograficheskij vestnik. — 2014. — № 3 (30). — S. 45–53.
13. *Pashkevich O. A.* Zanjatost' v agrogorodkah Belarusi: analiz, ocenka, reguliro-vanie / O. A. Pashkevich, V. O. Levkina // Organizacionno-pravovye aspekty innovacionno-go razvitija agrobiznesa: sb. nauch. trudov. — Shhecin-Gorki: BGSHA, 2018. — Vyp. 15. — S. 194–200.
14. *Stadnik A.* Koncepcija razmeshhenija sel'skohozjajstvennogo proizvodstva v uslovijah razvitija agrogorodkov / A. Stadnik, A. Samohvalova // APK: jekonomika, upravle-nie. — 2020. — № 3. — S. 37–46.
15. *Treskova E. A.* Koncepcija razvitija sel'skih territorij: dva bazovyh podhoda / E. A. Treskova, A. N. Sjomin // Agrarnyj vestnik Urala. — 2012. — № 12 (104) — S. 69–73

РУСАНОВ Александр Валерьевич
инженер,
экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова,
лаборатория экономики народонаселения и демографии,
Москва, Россия.
E-mail: rusanovmsu@gmail.com

ЗНАЧЕНИЕ СЕЗОННОГО НАСЕЛЕНИЯ ДЛЯ ИЗМЕНЕНИЯ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ В СЕВЕРНОМ ПОДМОСКОВЬЕ

Ключевые слова: дача, второй дом, дачное расселение, сезонное население.

Коды JEL: O18, P25

Одной из основных особенностей крупных городов во многих странах мира является наличие вокруг них временно обитаемых поселений, в которых расположены «вторые дома» горожан, используемые сезонно или эпизодически, чаще всего для досуга и отдыха от городской суеты. В России такие поселения представлены в основном садоводческими некоммерческими товариществами (СНТ), дома в которых традиционно называют дачами.

Основными источниками данных о дачах в Московской области являются реестр дачников Московской области, который ведется с 2016 г. и регулярно обновляется, а также Всероссийская сельскохозяйственная перепись, которая проводится один раз в 10 лет начиная с 2006 г. Оба этих источника незначительно расходятся в оценке общей численности дачных поселений: по реестру, в Московской области насчитывается 11 637 подобных объединений [Реестр..., 2018], по переписи — 11 798. Из них СНТ — 10 468 (88,7%), дачные некоммерческие товарищества (ДНТ) — 1240 (10,5%) (перепись проводилась до принятия нового закона), огороднические некоммерческие товарищества (ОНТ) — всего 90 (0,8%) [Всероссийская..., 2017].

По оценкам исследователей, сеть сезонного дачного расселения Московской области включает более 7 тыс. поселков вне границ официальных населенных пунктов, что на 20% превышает общее число сельских поселений [Махрова и др., 2016]. Площадь сезонных поселений может достигать 4–6% от общей площади районов и городских округов в ближнем Подмосковье, сокращаясь по мере удаления от границ столицы до 3%. Исторически в размещении сезонного населения Подмосковья преобладают северные и западные направления (рис. 1), где сосредоточена треть дачных поселений: это Истринский (673 — 5,7%), Дмитровский (663 — 5,6%), Наро-Фоминский (640 — 5,4%), Солнечногорский (640 — 5,4%), Одинцовский (615 — 5,2%) и Сергиево-Посадский (602 — 5,1%) городские округа [Всероссийская..., 2017]. Косвенные данные мобильных операторов подтверждают данный тренд: наиболее сильно градиент между летним и зимним населением выражен именно в западном и северном секторах Московской области [Махрова, Бабкин, 2018].

Многие москвичи проживают на своих участках несколько месяцев в году или даже круглый год, одновременно принимая активное участие в общественной жизни столицы. Об этом свидетельствовали, в частности, намерения находящихся на дачах москвичей принять участие в выборах мэра столицы, проходивших в сентябре 2018 г. Специально для дачников было организовано 200 загородных избирательных участков, соответствовавших необходимым критериям — хорошая доступность для пешеходов и транспорта, наличие не менее 1000 москвичей в радиусе двух километров (рис. 2): 174 в Московской области, 26 — в Калужской (16), Тульской (5) и Владимирской (5) областях [Результаты..., 2018].

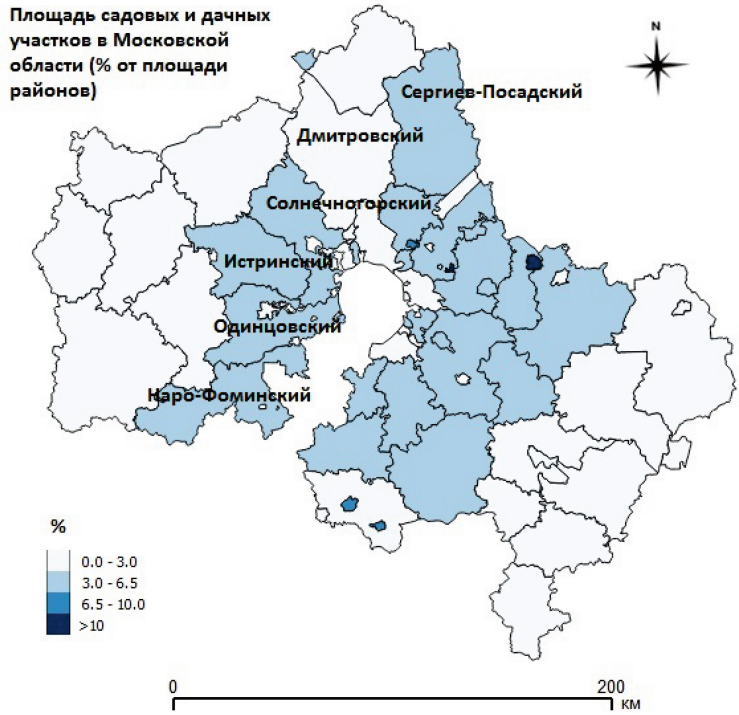

Рис. 1. Площадь, занимаемая садовыми и дачными участками в районах Московской области

Источник: составлено автором по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи — 2016 и реестра дачников Подмосковья.

Открытие загородных избирательных участков является косвенным свидетельством «стационаризации» сезонного жилья, в котором некоторые москвичи в течение года могут проживать дольше, чем в своих городских квартирах. В ряде районов Московской области сформировались поселенческие объединения, в которых на относительно небольшой территории могут соседствовать несколько десятков СНТ, а численность сезонного населения заметно превышать численность постоянного населения окрестных населенных пунктов. Такие объединения можно назвать «дачными городами», или «дачными конгломератами» (ДК), они создают импульс для развития локальной, а иногда и региональной экономики. Они характерны для пригородов многих крупных российских городов, в частности Перми [Щепеткова, 2018].

Анализ распределения загородных избирательных участков позволил выделить четыре «дачных города», в которых на относительно небольшой

территории были расположены четыре и более избирательных участков. Все они обладают общей чертой: эти «дачные города» сформировались на территории бывших торфоразработок (рис. 2).

Рис. 2. «Дачные города» Московской области
Источник: составлено автором по результатам анализа распределения «дачных» избирательных участков.

Как видно из рис. 2, два «дачных города» располагаются на севере Московской области: в Талдомском городском округе (между пос. Бельское и д. Сорокино) и в Дмитровском городском округе (между с. Орудьево и д. Княжево).

Вследствие сочетания нескольких факторов: благоприятных природных условий, наличия земель, требующих рекультивации после торфоразработок, относительно удобной транспортной доступности — Талдомский городской округ является одним из самых популярных среди дачников районом Подмосковья. Согласно реестру дачников Московской области, в округе насчитывается 310 СНТ, в которых расположено 39,6 тыс. земельных участков. Численность дачников в летний период может превышать численность постоянного населения округа минимум в несколько раз.

На территории Талдомского городского округа в районе между пос. Бельское и д. Сорокино расположен «дачный город», сформированный в 1960-х гг. на бывших местах промышленной добычи торфа, где москвичам были выделены первые дачные участки, которые пришлось обустраивать с нуля. В настоящее время здесь располагается более 100 СНТ, большинство из которых объединены в три ассоциации садовых товариществ (АСТ): «Норд» — 45 СНТ, «Ветеран» — 37 СНТ, «Бель» — 17 СНТ. В рамках исследования было проведено интервью с председателем одной из таких ассоциаций, которое показало тесное взаимодействие руководства Талдомского городского округа с председателями местных СНТ, направленное на объединение действий постоянного и сезонного населения в целях развития местной экономики.

Выборочный опрос 15 дачников в АСТ «Бель» показал, что люди воспринимают дачу прежде всего как место отдыха. Лишь двое из опрошенных считают урожай, выращенный на участке, значительной частью своей продуктовой корзины, при этом все респонденты отмечают, что расходы на содержание дачи превышают возможные доходы, а вложения невозможно отбить последующей продажей, т.е. не рассматривают свой дачный участок в качестве инвестиции. Среди основных плюсов дачники выделяют природные условия и сложившийся местный социум, а среди основных минусов — скученность участков и удаленность от Москвы (дорога в одну сторону занимает не менее двух часов даже для жителей Северного округа).

Дачники осознают свое специфическое положение как и не городского, и не сельского населения, и, по словам председателя, ассоциация садоводов обратилась к федеральным властям с инициативой наделить их особым статусом «дачного поселения» при Талдомском городском округе. Такой статус, с одной стороны, дал бы возможность передать на баланс службам ЖКХ округа сложные инфраструктурные объекты, за которыми дачники в настоящее время вынуждены следить самостоятельно, не обладая необходимыми компетенциями, а с другой стороны, стал бы большим подспорьем для местного бюджета Талдомского городского округа.

В Дмитровском городском округе садовые участки на территории бывших торфоразработок начали появляться в 1960-х гг., и к настоящему времени в окрестностях с. Орудьево насчитывается около 80 СНТ, более трети из которых входят в состав некоммерческого объединения садовых товариществ (НОСТ) «Природа» (32 СНТ по Реестру дачников 2017 г., 1029 участков площадью 88,1 га), остальные — 48 автономных СНТ общей численностью 4062 участка и площадью 340,6 га.

Выборочный опрос 15 дачников в НОСТ «Природа» показал, что и здесь люди воспринимают дачу прежде всего как место отдыха. Лишь один из респондентов считает урожай, выращенный на участке, значительной частью

своей продуктовой корзины, причем все респонденты отмечают, что расходы на содержание дачи превышают возможные доходы. Тем не менее 1/3 респондентов рассчитывают в дальнейшем при необходимости продать свои участки по цене, сравнимой со стоимостью вложений в капитальное строительство и инфраструктуру, что пока невозможно сделать из-за небольшого спроса на участки и болотистой местности. Несмотря на это, в СНТ наблюдается тенденция к стационаризации жилья, и дачники стремятся обновлять свои дома, чтобы они были пригодны для проживания круглый год. Среди основных плюсов дачники выделяют природные условия и близость железнодорожной станции, среди минусов — скученность участков и сложные отношения с местными жителями, так как в СНТ время от времени происходят случаи вандализма и воровства.

Здесь также была высказана целесообразность вхождения СНТ в состав с. Орудьево или создания особой административно-территориальной единицы на базе НОСТ «Природа». Это позволило бы пополнять местный бюджет за счет дачников, а внутри СНТ появились бы объекты социальной инфраструктуры (опорный пункт полиции, аптека и проч.).

Таким образом, в северном Подмосковье сформировались «дачные города», численность летнего населения в которых значительно превышает численность постоянного населения в окрестных сельских поселениях, а также наблюдается тенденция к росту числа дачников, стремящихся проживать на даче круглый год. Эти «города» фактически созданы руками садоводов, которые собственными силами рекультивировали землю на бывших торфоразработках, не дав ей выйти из хозяйственного оборота.

За несколько десятилетий развития садоводческие участки постепенно изменили свое назначение. Выдаваясь изначально в качестве места для ведения подсобного хозяйства, в кризисные годы они выполнили свое продовольственное назначение и в настоящее время, формально располагаясь на землях сельскохозяйственного назначения, как правило, уже не несут в себе функцию самообеспечения своих владельцев урожаем. Увеличение транспортных расходов, налогов, развитие торговли и общий рост уровня жизни привели к тому, что садоводство практически потеряло экономический смысл и уже не является основным занятием дачников, а скорее остается дополнением к рекреационному времяпрепровождению в сложившемся местном социуме на природе, которое большинство респондентов отмечают в качестве основного преимущества владения дачным участком.

В настоящее время эти «дачные города» уже обладают минимально необходимой инфраструктурой для того, чтобы проживать в них стационарно. Будущее этих «городов» зависит от взаимодействия с руководством административных территорий, на которых они расположены. Получение дачными городами официального статуса поселений может стать

импульсом для дальнейшего развития и этих дачных объединений, и территорий, на которых они расположены, поскольку дачники получат дополнительные возможности пополнения местного бюджета и создания за счет него дополнительной социальной инфраструктуры внутри самих «дачных городов».

Дачники могут играть ведущую роль в современном развитии периферийных сельских районов. Распространение дачных поселений меняет пространственные и социальные взаимосвязи между городскими центрами и сельскими территориями и создает импульс для развития депопулирующих сельских районов.

Список литературы

1. Всероссийская сельскохозяйственная перепись населения. Том 2. Предварительные итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. по Московской области. — М.: Мособлстат, 2017.
2. *Махрова А. Г., Бабкин Р. А.* Анализ пульсаций системы расселения Московской агломерации с использованием данных сотовых операторов // Региональные исследования. — 2018. — № 2 (60). — С. 68–78.
3. *Махрова А. Г., Медведев А. А., Нефедова Т. Г.* Садово-дачные поселки горожан в системе сельского расселения // Вестник Московского университета. Сер. 5. Геогр. — 2016. — № 2. — С. 64–74.
4. Результаты выборов мэра Москвы 9 сентября 2018 года. URL: http://www.moscow_city.vybory.izbirkom.ru/region/region/moscow_city?action=show&root=1&tvd=27720002197406&vrn=27720002197402&region=77&global=&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=27720002197406&type=234 (дата обращения: 12.09.2019).
5. Реестр дачников Московской области. URL: http://data.mosreg.ru/opendata/7725131814-reestr-dachnikov (дата обращения: 12.09.2019).
6. *Щепеткова И. О.* Территориальная организация садово-дачных образований в пригородах Перми // Известия РАН. Серия географическая. — 2018. — № 4. — Р. 46–54.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Vserossijskaja sel'skohozjajstvennaja perepis' naselenija. Tom 2. Predvaritel'nye itogi vserossijskoj sel'skohozjajstvennoj perepisi 2016 goda po Moskovskoj oblasti. — M.: Mosoblstat, 2017.
2. *Mahrova A. G., Babkin R. A.* Analiz pul'sacij sistemy rasselenija Moskovskoj aglomeracii s ispol'zovaniem dannyh sotovyh operatorov // Regional'nye issledovanija. — 2018. — № 2 (60). — S. 68–78.
3. *Mahrova A. G., Medvedev A. A., Nefedova T. G.* Sadovo-dachnye poselki gorozhan v sisteme sel'skogo rasselenija // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5. Geogr. — 2016. — № 2. — S. 64–74.

4. Rezul'taty vyborov mjera Moskvy 9 sentjabrja 2018 goda. URL: http://www.moscow_city.vybory.izbirkom.ru/region/region/moscow_city?action=show&root=1&tvd=27720002197406&vrn=27720002197402&region=77&global=&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=27720002197406&type=234 (data obrashhenija: 12.09.2019).
5. Reestr dachnikov Moskovskoj oblasti. URL: http://data.mosreg.ru/opendata/7725131814-reestr-dachnikov (data obrashhenija: 12.09.2019).
6. *Shhepetkova I. O.* Territorial'naja organizacija sadovo-dachnyh obrazovanij v prigorodah Permi // Izvestija RAN. Serija geograficheskaja. — 2018. — № 4. — P. 46–54.

САКАЕВ Василь Тимерьянович
к.и.н., доцент, Институт международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, кафедра международных отношений, мировой политики и дипломатии, Казань, Россия.
E-mail: sakaev2003@mail.ru

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ И СПЕЦИФИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ТАТАРСКОЙ АССР В 1946–1991 гг.

Ключевые слова: Татарская АССР, демографическая модернизация, факторы, особенности демографической модернизации.

Коды JEL: I15, I25, J12, J13, J61

Татарская АССР в годы Великой Отечественной войны понесла существенные демографические потери, которые серьезно замедлили рост численности населения во второй половине XX в. и в значительной степени предопределили дальнейшую динамику демографического развития региона. Фактически Татарстан вновь смог достичь довоенной численности населения только к концу 1950-х гг. Негативное воздействие войны нашло свое выражение в таком явлении, как «демографическое эхо войны», которое влияло на многие демографические процессы в Республике Татарстан вплоть до конца XX в. В частности, оно проявлялось в наличии «демографических ям», дисбалансе соотношения полов, в падении рождаемости и брачности, в ослабленном здоровье и в повышенной смертности военных поколений.

Данные по рождаемости в ТАССР демонстрируют, что она в 1950–1960 гг. так и не восстановилась до довоенного уровня. Имевшее место

до 1960 г. некоторое повышение рождаемости затем вновь сменилось тенденцией к спаду, и к концу 1960-х гг. она составляла почти половину от уровня конца 1950-х гг. Считается, что на динамику рождаемости повлияло общее уменьшение доли женщин, состоящих в браке, увеличение численности женщин, занятых в общественном производстве, недостаточная обеспеченность детей детскими садами и яслями, а также распространение абортов и применение противозачаточных средств.

Хотя с начала 1960-х гг. показатели рождаемости по республике начали быстро снижаться, однако общий коэффициент рождаемости в 1960-е гг. в республике все еще оставался на более благоприятном уровне, чем в целом по РСФСР. В общем же, в республике в конце 1960-х гг. рождаемость составляла менее половины от показателей предвоенного 1940 г. Падение рождаемости отчасти было обусловлено и постепенным переходом к малодетности. Это, в частности, демонстрируют данные о структуре рождаемости. Так, во второй половине 1960-х гг. рождаемость составляла лишь 2/3 от показателей начала 1960-х гг., причем наибольшее сокращение приходилось на рождения 3–9-го ребенка, и более выражено оно было в сельской местности, откуда население в детородном возрасте активно выезжало в города.

При этом в Татарстане в это время продолжал сохраняться относительно высокий уровень мертворождаемости, который в 1959–1963 гг. составлял 0,8–0,9% от общего числа рождений. Причины этого заключались, среди прочего, в недостаточном обслуживании беременных и рожениц консультациями. На состояние рождаемости негативное воздействие оказал и рост числа абортов после их легализация в ноябре 1955 г. [Араловец, 2009, с. 200]. После 1960 г. число абортов в республике впервые начинает превышать число родов, а к 1965 г. — уже превышает их число в 2 раза. При этом сопоставимый рост числа абортов наблюдался и в городской, и в сельской местностях, что свидетельствовало о повсеместном переходе женщин к контролю рождаемости.

В то же время характерной особенностью материнства на рубеже 1950–1960-х гг. стало увеличение доли матерей в молодых возрастах (до 25 лет). В национальном разрезе можно заметить, что в начале 1960-х гг. у русских больше родившихся приходилось на более молодые возраста матерей, чем у татарок.

Таким образом, процессы трансформации рождаемости выражались прежде всего в ее снижении, вызванном рядом причин (рост числа абортов и распространение практик контрацепции, общее сокращение контингента женщин в фертильном возрасте, поскольку в 1960-е гг. в детородный возраст стали вступать малочисленные контингенты девушек, рожденных в военные годы, социально-экономические факторы).

В 1970-е гг. в республике наблюдался подъем рождаемости в абсолютных показателях почти на 15% по сравнению с данными конца 1960-х гг., однако соответствующего роста относительных показателей рождаемости не наблюдалось, что говорит о том, что ее динамика была обусловлена миграцией и притоком нового населения в состав республики, в основном в новые города региона — Набережные Челны и Нижнекамск. При этом нужно отметить, что относительные показатели рождаемости городского населения в 1970-е гг. в ТАССР были выше общероссийских, а в сельской местности — ниже.

В 1980-х в республике вновь стала наблюдаться тенденция роста рождаемости (уже в абсолютных и относительных показателях), что в определенной мере стало следствием проводимых мероприятий по поддержке семей, имеющих детей [Каримова, 2018, с.15]. Несомненно, рост рождаемости был и результатом изменения возрастной структуры населения вследствие массового притока молодежи в новые города республики, поскольку самые высокие показатели рождаемости фиксировались в г. Набережные Челны и в некоторых рабочих поселках. В целом же порядка 70% всех родившихся приходилось уже на городскую местность [Каримова (а), 2018, с. 15]. В сельской местности также наблюдался незначительный рост рождаемости в указанный период [Ханипова, 2018, с. 308].

Одновременно происходил и переход к новому типу смертности в советском обществе, что отразилось в ее динамике в Татарстане. В 1950–1960-е гг. в ТАССР были зафиксированы некоторые колебания смертности. При этом смертность сельского населения к концу 1960-х гг. изменилась незначительно, а количество умерших в городах выросло существенно. Правда, при одновременном росте численности городского населения эта динамика уже не находила своего отражения в относительных показателях смертности. Общий коэффициент смертности колебался в 1950–1960-е гг. в диапазоне от 7,0 до 8,5 в целом по республике. При этом показатель по ТАССР был несколько выше общероссийского уровня. Показатели смертности в сельской местности на 1000 человек населения также были выше вследствие более низкого уровня развития здравоохранения на селе, ограниченного доступа к нему сельчан, особенностей возрастной структуры населения (отток сельской молодежи и высокий удельный вес пожилых).

Значительные изменения произошли в возрастной структуре смертности: при серьезном сокращении детской смертности вырос удельный вес умерших среди трудоспособного населения, особенно в возрасте 41–50 лет в городской местности, и в возрастной группе 31–50 лет — в сельской. Выросла и доля умерших в возрасте старше 60 лет. Практически во всех возрастах смертность мужчин превышала смертность женщин,

но в большей степени это касалось трудоспособных возрастов и поколений, прошедших войну.

Изменялась и структура смертности по причинам, причем она имела некоторые отличия от структуры смертности в РСФСР в целом. В частности, в РСФСР второе место по удельному весу в этот период занимали онкологические заболевания, в то время как в ТАССР — болезни нервной системы и органов чувств. Рост заболеваемости нервно-психическими расстройствами был связан с тяжелыми условиями труда, плохим питанием, бытовой неустроенностью, а также с влиянием нервно-психического напряжения военных лет. В общем же, следует констатировать, что основные причины роста смертности довоенных лет (смертность от инфекционных заболеваний, туберкулеза и пневмоний) были преодолены (относительно высокой оставалась только смертность от пневмоний в сельской местности). В то же время на первый план выходят заболевания сердечно-сосудистой системы, рак и болезни нервной системы. Увеличивалась доля смертности от несчастных случаев, травм и отравлений. Одновременно в 1950–1960-е гг. удалось снизить детскую смертность, причем особенно значительно — в сельской местности. Следует отметить, что детская смертность в изучаемый период в ТАССР сократилась в 1,9 раза, в то время как по РСФСР только в 1,5 раза [Население, 2005, с. 67]. Снижению детской смертности способствовали развитие системы медицинского обслуживания, массовая вакцинация, увеличение продолжительности отпусков по беременности и родам и т.д. [Араловец, 2009, с. 220–221]. Главными причинами смерти детей в возрасте до 1 года являлись болезни органов дыхания, в основном — пневмонии и болезни новорожденных. При этом в середине 1960-х гг. также произошло изменение сезонности младенческой смертности: на смену пику летних месяцев, связанному с ростом желудочных заболеваний, появился пик в зимний период, связанный с ростом заболеваемости органов дыхания [Кваша, 2003, с. 53–55].

Таким образом, характер смертности в республике существенно изменился. Вместо причин смертности, характерных для общества традиционного типа (смертность от инфекционных заболеваний, высокая младенческая смертность), приходит современный тип. Он характеризовался в основном смертностью в более старших возрастных группах из-за сердечно-сосудистых заболеваний, поражений нервной системы, рака и других новообразований.

В 1970-х гг. рост смертности в республике продолжился, что в условиях невысоких относительных показателей рождаемости, вело к снижению естественного прироста населения. Числа умерших и общий коэффициент смертности в республике в 1970-е гг. существенно превышали показатели 1960-х гг., что свидетельствовало о неблагополучном положении, причем как относительно смертности среди пожилых, так и смертности среди

трудоспособных возрастов, особенно среди мужчин. При этом к концу 1970-х гг. относительные показатели смертности населения в ТАССР оставались все-таки ниже, чем по РСФСР в целом.

В 1980-е гг. в республике наблюдалась стабилизация динамики общего коэффициента смертности, что было обусловлено, очевидно, определенным «омоложением» возрастной структуры населения вследствие миграционных процессов в городской местности. В то же время коэффициент смертности сельского населения заметно превышал коэффициент смертности городского, что было связано с выездом молодежи из села в городскую местность, «постарением» сельского населения, отставанием уровня медицинской помощи на селе [Каримова (b) , 2018, с. 62].

В структуре смертности вновь произошли определенные сдвиги. В 1986 г. ведущей причиной смерти на селе и в городе были болезни кровообращения, на втором месте среди горожан находилась смертность от новообразований, тогда как в сельской местности — болезни органов дыхания, на третьем месте по количеству смертей у горожан была смертность от несчастных случаев, отравлений и травм, тогда как у сельских жителей — смертность от новообразований [Ханипова, 2018, с. 310]. Одновременно в середине 1980-х гг. в республике, причем как в сельской, так и в городской местности, наблюдался достаточно серьезный подъем младенческой смертности, связанный, очевидно, с недостатками в развитии системы здравоохранения в условиях некоторого повышения рождаемости [Ханипова, 2019].

Подводя итог, следует отметить, что Татарская АССР являлась ключевым регионом экономической модернизации 1950–1980-х гг. Модернизация вела к изменению демографических характеристик общества и трансформации территориальной структуры размещения населения вследствие специфики естественного воспроизводства и миграций. В частности, произошли значительные изменения в характеристиках рождаемости и смертности населения, которые были обусловлены во многом изменениями в возрастной структуре населения, в том числе вследствие роста интенсивности миграционных потоков, причем как межрегиональных, так внутриреспубликанских, и их влияния на численность и состав населения региона. Причем республика на протяжении изучаемого периода на разных его этапах была как регионом-донором, так и принимающим регионом. Урбанизация стала еще одним ключевым фактором демографической модернизации республики. При этом масштабные урбанизационные процессы были вызваны в значительной степени централизованными усилиями властей по созданию новых отраслей экономики и территориально-промышленных комплексов. В результате относительно быстро республика из аграрной превратилась в индустриально-аграрную, а городское население стало превалирующей частью регионального соци-

ума. В конечном итоге это привело к тому, что демографическая сфера республики претерпела серьезную трансформацию, которая в силу определенных социально-экономических и демографических факторов (например, ускоренной урбанизации, целенаправленно осуществлявшейся в регионе) обладала некоторой спецификой по сравнению с общими характеристиками демографического развития страны в указанный период.

Список литературы

1. *Араловец Н. А.* Городская семья в России, 1927–1959 гг. — Тула: Гриф и К, 2009. — 304 с.
2. *Кваша Е. А.* Младенческая смертность в России в XX веке // Социологические исследования. — 2003. — № 6. — С. 47–55.
3. *Каримова Л. К.* (a) Естественное и механическое движение населения ТАССР в первой половине 1980-х годов (по материалам Национального архива РТ) // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. — 2018. — № 2(5). — С. 12–18.
4. *Каримова Л. К.* (b) Архивные данные о движении сельского населения Татарской Автономной Советской Социалистической республики в годы XI пятилетки // Электронный научный журнал «Архонт». — 2018. — Выпуск № 5 (8). — С. 58–67.
5. Население России в XX веке: исторические очерки: в 3-х т. / Т. 3. Кн. 1: 1960–1979 гг. — М.: РОССПЭН, 2005. — 304 с.
6. *Ханипова И. И.* Сельское население Татарской АССР во 2-й половине 1980-х гг.: демографические параметры // Развитие регионоведческих исследований в Российской Федерации: особенности и основные направления: сб. статей Всерос. научн.-практ. конференции (г. Казань, 7 декабря 2018 г.) / ИТЭР АН РТ / отв. ред.: Р. В. Шайдуллин, Л. М. Айнутдинова. — Казань, 2018. — С. 306–314.
7. *Ханипова И. И.* Состояние здоровья и причины смертности населения Татарской АССР во 2-й половине 1980-х гг. // Общественное здоровье и здравоохранение: демографические проблемы и пути их решения: сборник научных трудов / гл. ред. проф. Л. И. Меньшикова, отв. ред. проф. А. Л. Санников. — Архангельск: Изд-во Северного государственного медицинского университета, 2019. — С. 133–139.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Aralovec N. A.* Gorodskaja sem'ja v Rossii, 1927–1959 gg. — Tula: Grif i K, 2009. — 304 s.
2. *Kvasha E. A.* Mladencheskaja smertnost' v Rossii v HH veke // Sociologicheskie issledovanija. — 2003. — № 6. — S. 47–55.
3. *Karimova L. K.* (a) Estestvennoe i mehanicheskoe dvizhenie naselenija TASSR v pervoj polovine 1980-h godov (po materialam Nacional'nogo arhiva RT) // Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ja. — 2018. — № 2(5). — S. 12–18.

4. *Karimova L. K.* (b) Arhivnye dannye o dvizhenii sel'skogo naselenija Tatarskoj Avtonomnoj Sovetskoj Socialisticheskoj respubliki v gody XI pjatiletki // Jelektronnyj nauchnyj zhurnal «Arhont». — 2018. — Vypusk № 5 (8). — S. 58–67.
5. Naselenie Rossii v XX veke: istoricheskie ocherki: v 3-h t. / T. 3. Kn. 1: 1960–1979 gg. — M.: ROSSPJeN, 2005. — 304 s.
6. *Hanipova I. I.* Sel'skoe naselenie Tatarskoj ASSR vo 2-j polovine 1980-h gg.: demograficheskie parametry // Razvitie regionovedcheskih issledovanij v Rossijskoj Federacii: osobennosti i osnovnye napravlenija: sb. statej Vseros. nauchn.-prakt. konferencii (g. Kazan', 7 dekabrja 2018 g.) / ITJeR AN RT / otv. red. R. V. Shajdullin, L. M. Ajnutdinova. — Kazan', 2018. — S. 306–314.
7. *Hanipova I. I.* Sostojanie zdorov'ja i prichiny smertnosti naselenija Tatarskoj ASSR vo 2-j polovine 1980-h gg. // Obshhestvennoe zdorov'e i zdravoohranenie: demograficheskie problemy i puti ih reshenija: sbornik nauchnyh trudov / gl. red. prof. L. I. Men'shikova, otv. red. prof. A. L. Sannikov. — Arhangel'sk: Izd-vo Severnogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta, 2019. — S. 133–139.

САМСОНОВА Наталья Александровна
ст. лаборант ЦЭМИ РАН;
аспирант экономического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова,
кафедра математических методов анализа экономики,
Москва, Россия.
E-mail: sonnatali@yandex.ru

АГЕНТ-ОРИЕНТИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ КЛЮЧЕВЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБОСНОВАНИЯ И ПОДДЕРЖКИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В РЕГИОНАЛЬНОМ СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ

Ключевые слова: агент-ориентированная модель, демографическая ситуация, рабочая сила, стратегическое планирование.

Коды JEL: B41, C02, C45, C50, C63, C68, E17, E27

С 2014 г. действует Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее — федеральный закон № 172-ФЗ), который определил правовые основы стратегического планирования, полномочия его участников, систему планирования, способы мониторинга и контроля за реализацией документов стратегического планирования.

С марта 2017 г. действуют Методические рекомендации по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации (далее — Методические рекомендации), утвержденные приказом Минэкономразвития России от 23.03.2017 № 132. Цель данных рекомендаций — унифицировать процесс разработки стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации. Но унификация носит условный характер в силу существования региональных различий. Поэтому структуру и содержание стратегии определяют сами органы государственной власти соответствующего субъекта Российской Федерации.

Исходя из описания задач разработки стратегии и рекомендаций по содержанию ее разделов, можно выявить схему разработки документов стратпланирования:

1) комплексный анализ текущего уровня развития системы;
2) определение приоритетных целей и задач долгосрочного развития;
3) разработка реалистичных вариантов (сценариев) развития;
4) составление прогнозов реализации вариантов развития и выбор оптимального варианта;
5) предложение плана мероприятий по реализации оптимального варианта.

Однако не утверждено методических рекомендаций по разработке прогнозов и определению целевых сценариев социально-экономического развития. На практике выявлено, что разработка стратегий социально-экономического развития и схем территориального планирования в регионах осуществляется внешними экспертами (НИИ, вузами и т.п.).

Недостаточность централизованного обеспечения регионов и муниципальных образований утвержденной методологией прогностической работы может стать причиной неэффективного функционирования системы стратегического планирования и стимулирует регионы самостоятельно искать эффективные инструменты прогнозирования и поддержки принятия решений.

Таким образом, институт стратегического планирования определил новый вызов для экспертов и государственных/региональных управленцев: подбор экономико-математического инструментария, предназначенного для сопровождения процесса разработки документов стратегического планирования. Таким инструментом может стать модель социально-экономической системы региона (макрорегиона, муниципального образования и т.п.) или ее отдельные спецификации в разрезе отдельных процессов развития.

Задачей данного доклада является ознакомление аудитории с разрабатываемой агент-ориентированной моделью, иллюстрирующей основные демографические тенденции (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) и прогнозирующей развитие ситуации в рамках под-

держки принятия решений по внедрению социально-экономических программ.

Целью разрабатываемой агент-ориентированной модели Ямало-Ненецкого автономного округа (далее — АОМ ЯНАО) является воспроизводство базовых демографических процессов региона на основе сложившихся тенденций, а также построение прогноза развития демографической ситуации. Объектом моделирования являются демографические процессы Ямало-Ненецкого автономного округа.

Концепция демографического блока разрабатываемой агент-ориентированной модели заключается в имитации демографической ситуации Ямало-Ненецкого автономного округа, включающей изменение численности населения, его половозрастной структуры, численности женщин репродуктивного возраста, числа родившихся и умерших. Основным условием модели является моделирование численности постоянного населения региона и естественных процессов движения населения с учетом миграционных потоков.

Для реализации моделирования применяется специальное программное обеспечение для имитационного моделирования AnyLogic. К явным преимуществам данного инструмента можно отнести возможность комбинирования трех подходов имитационного моделирования: дискретно-событийного, системной динамики, агентного моделирования. Особо важно отметить комбинацию агентного моделирования и системной динамики для моделирования социально-экономических систем.

Модель откалибрована таким образом, чтобы статистические данные, рассчитанные на популяции агентов, совпали с наибольшей возможной точностью с реальными данными федеральной статистики о численности населения, его половозрастной структуре.

Валидация результатов моделирования осуществляется на основе ретроспективного анализа: сравнения результатов моделирования с фактическими данными, представленными официальной статистикой.

Результаты моделирования были сравнены с основными демографическими показателями, доступными за 2017–2019 гг. В таблице представлены результаты сравнения численности постоянного населения по состоянию на 1 января соответствующего года.

Таблица 1

Сравнение результатов моделирования и фактических данных по численности населения в 2017–2019 гг.

Численность населения на 1 января, тыс. человек	**2017**	**2018**	**2019**
Факт (данные статистики)	536,0	538,5	541,5
Модель	536	533,1	544,9
Отклонение, %	**0,0%**	**–1,0%**	**0,6%**

Демографические прогнозы осуществлены по двум направлениям:

— при предположении, что миграционная убыль населения балансируется естественным приростом населения, т.е. в данной спецификации не реализован миграционный блок, а рассмотрены потенциальные границы естественного прироста при постоянном нулевом значении миграционного сальдо (спецификация № 1);

— с учетом миграционного выбытия населения при постоянной «нулевой» величине миграционного потока: в целях определения возможностей естественного прироста обеспечивать воспроизводство населения (спецификация № 2).

Результаты демографического прогноза численности населения Ямало-Ненецкого автономного округа до 2050 г. по спецификациям № 1 и № 2 представлены в табл. 2. По результатам моделирования спецификации № 1 можно сделать вывод, что естественное движение населения при условии нулевого миграционного сальдо приведет к росту численности населения в 2050 г. на 4,5 % (относительно того же показателя 2017 г.). При этом происходит постепенное старение населения, и численность населения трудоспособного возраста к 2050 г. снизилась бы на 6,2% (относительно того же показателя 2017 г.). Постепенное старение населения подтверждается официальной статистикой о преобладании лиц пожилого возраста в числе выбывшего из региона населения вследствие эмиграции. При моделировании населения в трудоспособном возрасте был учтен постепенный переход к новой границе пенсионного возраста.

Таблица 2

Результаты демографического прогнозирования численности населения и трудоспособного населения (СКР 1,91; таблицы смертности 2017 г.), тыс. человек

Сценарии демографического прогноза (миграция)	Численность населения 2024	Численность трудоспособного населения* 2024	Численность населения 2050	Численность трудоспособного населения* 2050
Спецификация № 1 Сальдо миграции нулевое	554,7	362,7	560,2	315,2
Спецификация № 2 Нет прибытия мигрантов, выбытие, как в базовом периоде (2017–2019)	406	267,3	125,4	50,1

* С учетом перехода к новой границе пенсионного возраста.

По результатам моделирования спецификации № 2 видно, что при постоянной миграционной убыли (совершенно не компенсирующейся

миграционным притоком) возможностей естественного движения населения не хватит в силу того, что помимо лиц пожилого возраста большую долю эмигрантов занимают и лица с высокой репродуктивной мотивированностью.

При установке стратегических целей по перспективному росту экономического потенциала результаты моделирования указывают на необходимость принятия мер, направленных на сохранение и увеличение трудовых ресурсов региона.

САФАРОВА Гаянэ Левоновна
к.э.н., д.б.н., заведующая лабораторией,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт проблем региональной экономики
Российской академии наук» (ИПРЭ РАН),
Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: gaia-s@mail.ru

КИПЯТКОВА Вера Анатольевна
старший научный сотрудник,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт проблем региональной экономики
Российской академии наук» (ИПРЭ РАН),
Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: verakip@mail.ru

САФАРОВА Анна Арамовна
научный сотрудник,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт проблем региональной экономики
Российской академии наук» (ИПРЭ РАН),
Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: safarova.a@gmail.com

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗМЕНЕНИЯ ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В КОНТЕКСТЕ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Ключевые слова: возрастная структура населения, старение населения, перспективные расчеты.

Код JEL: J11

Работа посвящена анализу долгосрочных перспектив изменения возрастной структуры населения Санкт-Петербурга. На основе рассмотрения ряда прогнозных сценариев дана оценка возможных границ изменения как общей численности, так и численности отдельных возрастных групп в контексте старения населения мегаполиса до 2065 г.

В настоящее время демографические прогнозы являются неотъемлемым элементом управления социально-экономическим развитием на различных уровнях. Они могут служить средством количественной оценки ожидаемого воздействия различных экономических и социальных программ, используемых для достижения определенных результатов.

Необходимо отметить, что в англоязычной литературе для обозначения оценки основных параметров развития населения в будущем имеются термин «*forecast*» — научно обоснованное предвидение изменения демографических процессов (рождаемости, смертности, миграции) под влиянием социально-экономического развития и более узкое понятие «*projection*» — перспективный расчет (передвижка по возрастам) на основании некоторых оценок уровней рождаемости, смертности и миграции. В русском языке имеется лишь один термин «прогноз», обозначающий и «*forecast*», *и* «*projection*». Демографы занимаются в основном прогнозами в смысле «*projection*», в данной работе речь идет о перспективных расчетах, однако для краткости вместо более точного термина «перспективный расчет» будет употребляться «прогноз».

Росстат осуществляет расчет предположительной численности населения до 2030 г. по трем вариантам (низкий, средний, высокий) на основе оценки численности постоянного населения субъектов Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2010 г. и с учетом Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351. Средний вариант прогноза считается наиболее реалистичным, в нем учтены сложившиеся демографические тенденции и принимаемые меры демографической политики. Мы же рассматриваем прогнозы до 2065 г. (в качестве базового был взят 2015 г.), причем не ограничиваемся только приведенными выше тремя вариантами.

Конкретные прогнозы, которые будут приведены ниже, основаны на методологии, называемой перспективным анализом. Этот подход исходит из реальной возможности осуществления многих вариантов развития населения при определенных внешних и внутренних условиях. Практическая ценность полученных при этом результатов определяется не степенью их близости к фактическим значениям (что можно определить только post factum), а той значимостью и ролью, которую полученный результат прогноза может иметь в процессе принятия решений в различных областях политической или социально-экономической деятельности.

Расчеты основаны на данных Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Петростата, petrostat.gks.ru) и Росстата (gks.ru).

Для расчетов использована программа DemProj — компьютерная программа для демографического прогнозирования, разработанная американской компанией The Futures Group в 1987 г.

В данной работе не ставилась задача рассмотреть как можно больше сценариев, а сделана попытка определения возможных границ изменения общей численности и численности агрегированных возрастных групп (детей, населения трудоспособного возраста и пожилых) населения Санкт-Петербурга до 2065 г. (в качестве базового был взят 2015 г.), последние являются основой расчета традиционных показателей старения населения. Кроме того, исследовались последствия сохранения существующей демографической ситуации, роста рождаемости до уровня простого воспроизводства и демографического развития при отсутствии миграции. Показатели основных демографических процессов для базового года представлены в табл. 1.

Предварительные расчеты выявили необходимость более детального рассмотрения в контексте старения населения вопросов, связанных с миграцией. Рассматривая ранее варианты с нулевой миграцией, мы полагали, что они далеки от реальности и их назначение состоит в демонстрации теоретических возможностей воспроизводства населения при отсутствии миграции. Однако пандемия COVID-19 и последовавшее практическое закрытие границ показывают, что этот вариант развития следует реально принимать в расчет.

Таблица 1

Показатели основных демографических процессов для Санкт-Петербурга, 2015 г.

Показатель	**Санкт-Петербург**
Общая численность населения (млн человек)	5,19
СКР* (рождений на женщину)	1,59
ОПЖ** мужчин (лет)	69,8
ОПЖ женщин (лет)	78,4
Сальдо миграции (человек)	25263

* СКР — суммарный коэффициент рождаемости,
**ОПЖ — ожидаемая продолжительность жизни при рождении.
Источники: данные Росстата и Петростата.

Сценарии перспективных расчетов

Как и ранее [Сафарова и др., 2018], рассмотрены три типа сценариев (отражающих три уровня показателей основных демографических процессов):

i. C^M — предполагающий сохранение СКР, ОПЖ на уровне базового года (Constant rates) и усредненного сальдо миграции за 2001–2015 гг. (Mean);

ii. L (Low, низкий) — предполагающий низкие значения соответствующих показателей (наименьшие значения, наблюдавшиеся в 1990–2015 гг.);

iii. H (High, высокий) — предполагающий высокие значения СКР, LE и сальдо миграции, а именно наибольшие значения СКР и сальдо миграции (для миграции — среднее из трех наибольших значений), наблюдавшиеся в 1990–2015 гг., и LE, рассчитанную с использованием прогноза Росстата (H^R).

Поскольку наибольшее значение СКР в 1990–2015 гг. составляло 1,59 рождения на женщину, т.е. было значительно ниже уровня простого воспроизводства, были рассмотрены сценарии с СКР на уровне простого воспроизводства, F^R (2,1 рождения на женщину).

В рамках каждого типа рассмотрен случай нулевой миграции (0). Значительное внимание уделено рассмотрению влияния возрастного профиля миграции на общую численность и возрастную структуру населения Санкт-Петербурга в долгосрочной перспективе. Для этого помимо реального усредненного возрастного распределения сальдо миграции рассмотрены профиль (обозначаемый abr), предполагающий концентрацию миграционного потока в возрастах до 55 лет (95%), и распределение, использовавшееся ООН при исследовании замещающей миграции, обозначаемое un [United Nations, 2000].

На основе этих предположений сформированы сценарии перспективных расчетов. В данной работе рассмотрены следующие сценарии (из 144 возможных комбинаций уровней СКР, ОПЖ, величины и возрастных профилей миграции):

1. CCC^Mm	2. CCC^Mabr	3. CCC^Mun	4. CC0
5. LLLm	6. LLLabr	7. LLLun	8. LL0
9. HH^RHm	10. HH^RHabr	11. HH^RHun	12. HH^R0
13. F^RHMm	14. F^RHMabr	15. F^RHMun	16. F^RH0
17. LH^RMm	18. LH^R0		
19. HLMm	20. HL0		

Здесь сценарии с нулевой миграцией обозначены тремя символами, первые два из которых указывают на уровень рождаемости и уровень ожидаемой продолжительности жизни при рождении, третий — 0. Обозначения сценариев с ненулевым сальдо миграции состоят из четырех частей, отражающих уровень рождаемости, уровень ОПЖ, уровень сальдо миграции и возрастной профиль миграции. Так, например, LH^RMm обозначает сценарий, предполагающий низкий уровень рождаемости, высокий уровень ОПЖ и усредненное сальдо миграции в сочетании с его усредненным возрастным распределением.

Анализ результатов перспективных расчетов

В табл. 2 приведены значения общей численности населения и агрегированной возрастной структуры населения для 2065 г.

Результаты расчетов, представленные в табл.2, показывают, что все варианты с нулевой миграцией, даже предполагающие высокую ОПЖ и СКР на уровне простого воспроизводства, приводят к снижению общей численности населения Санкт-Петербурга. Эти же сценарии приводят к наибольшим значениям доли пожилых (65+).

Установлено, что для каждого из рассмотренных типов сценариев наибольшие значения общей численности населения и наименьшие значения доли пожилых достигаются при профиле миграции abr, а наименьшие значения общей численности населения и наибольшие значения доли пожилых — при нулевом сальдо миграции.

В целом для вариантов с нулевой миграцией общая численность населения города в 2065 г. может составить от 2,28 млн человек (сценарий LL0) до 4,31 млн человек (сценарий F^RH0). Таким образом, при отсутствии миграции удельный вес пожилых в общей численности населения к 2065 г. может достичь 37,5% (сценарий LH^R0).

Для сценариев с ненулевым сальдо миграции к наименьшим значениям общей численности населения в 2065 г. (2,50 млн человек) приводят относящиеся к «низкому» типу варианты LLLm и LLLun, к наибольшему — относящийся к «высокому» типу вариант HH^RHabr (9,78 млн человек). Для этих сценариев удельный вес пожилых может изменяться от 15,8–15,9% (сценарии HH^RHabr и HLMm соответственно) до 27,2–27,3% (сценарии LH^RMm и LLLun соответственно).

К наименьшим значениям общей численности пожилого населения в 2065 г. приводят сценарии с нулевой миграцией LL0 и HL0 (652,2 тыс. человек) и сценарий с ненулевой миграцией LLLabr (670,8 тыс. человек). Сценарий CCC^Mm приводит к росту численности пожилого населения до 1105,7 тыс. человек. К наибольшим значениям общей численности пожилого населения приводят относящиеся к «высокому» типу ва-

рианты $HH^{R}Hun$ и $HH^{R}Hm$ — 1848,3 тыс. человек и 1670,6 тыс. человек соответственно.

Таблица 2

Общая численность населения и агрегированная возрастная структура для сценариев перспективных расчетов, Санкт-Петербург, 2065 г.

Показатель / Сценарий	Общая численность населения (млн чел.)	Агрегированная возрастная структура (%)		
		дети (0–14 лет)	*население трудоспособного возраста (1–64 года)*	*пожилые (65+)*
1. $CCC^{M}m$	5,67	15,1	65,4	19,5
2. $CCC^{M}abr$	6,01	15,8	66,4	17,8
3. $CCC^{M}un$	5,72	16,5	63,0	20,5
4. CC0	3,53	14,0	59,6	26,4
5. LLLm	2,50	7,7	65.3	27,0
6. LLLabr	2,53	7,9	65,6	26,5
7. LLLun	2,50	8,1	64,6	27,3
8. LL0	2,28	7,6	63,6	28,8
9. $HH^{R}Hm$	9,02	15,1	66,4	18,5
10. $HH^{R}Habr$	9,78	16,3	67,9	15,8
11. $HH^{R}Hun$	9,15	17,2	62,6	20,2
12. $HH^{R}0$	3,88	13,0	55,9	31,1
13. $F^{R}HMm$	6,77	19,5	62,9	17,6
14. $F^{R}HMabr$	7,19	20,3	63,6	16,1
15. $F^{R}HMun$	6,82	20,7	60,8	18,5
16. $F^{R}H0$	4,31	18,4	58,2	23,4
17. $LH^{R}Mm$	4,73	7,6	65,2	27,2
18. $LH^{R}0$	2,92	6,6	55,9	37,5
19. HLMm	5,01	15,7	68,4	15,9
20. HL0	3,02	14,9	63,4	21,7

Источники: собственные расчеты на основе данных Росстата и Петростата.

На рис. 1 и 2, демонстрирующих динамику общей численности населения и удельного веса пожилых в 2015–2065 гг., для большей наглядности представлены не все рассмотренные сценарии, а, в частности, сценарии, приводящие к наибольшей и наименьшей общей численности населения, к наибольшему и наименьшему удельному весу пожилых, а также вариант

$CCC^{M}m$, показывающий, по сути дела, последствия сохранения демографической ситуации базового года.

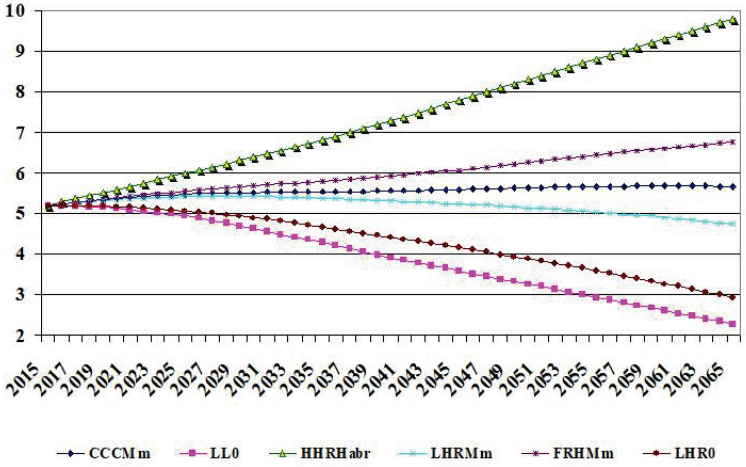

Рис. 1. Динамика общей численности населения Санкт-Петербурга в соответствии со сценариями $CCC^{M}m$, LL0, $HH^{R}Habr$, $LH^{R}Mm$, $F^{R}HMm$, $LH^{R}0$, 2015–2065 гг., млн человек

Источники: собственные расчеты на основе данных Росстата и Петростата.

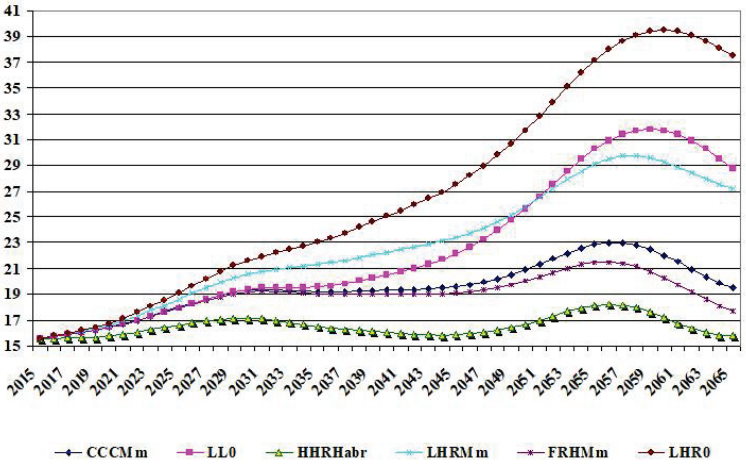

Рис. 2. Динамика удельного веса пожилых (65+) для Санкт-Петербурга в соответствии со сценариями $CCC^{M}m$, LL0, $HH^{R}Habr$, $LH^{R}Mm$, $F^{R}HMm$, $LH^{R}0$ 2015–2065 гг., %

Источники: собственные расчеты на основе данных Росстата и Петростата.

Отметим, что все сценарии с ненулевой миграцией типов C^M, H и F^R (девять из рассмотренных двадцати) приводят к росту общей численности населения в долгосрочной перспективе. Все рассмотренные сценарии приводят к росту удельного веса пожилых (65+) по сравнению с базовым годом, в котором он составлял 15,5%.

Показана важная роль миграции в развитии процесса старения населения мегаполиса. Для разработки миграционной политики может представлять интерес результат, показывающий, что при прочих равных условиях ограничение верхней границы возраста мигрантов в перспективе приводит к меньшим по сравнению с другими возрастными профилями миграции значениям удельного веса пожилых.

Список литературы

1. *Сафарова Г. Л., Кипяткова В. А., Сафарова А. А.* Изменение возрастно-половой структуры населения Санкт-Петербурга в среднесрочной перспективе // Санкт-Петербург: глобальной город / Ершова С. А., Елисеева И. И., Боченина Н. В., Сафарова Г. Л., Кипяткова В. А., Сафарова А. А., Чистякова Н. Е., Скогорев В. В., Чуприна Е. В. /под науч.ред С. А. Ершовой — СПб.: ООО «Принт», 2018. — С. 266–277.
2. Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Петростат). Официальный сайт. URL: https://petrostat.gks.ru
3. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Официальный сайт. URL: http://www.gks.ru
4. *DemProj. A* Demographic projection model for development planning, version 2, The Futurist Group, Glastonbury, 1987.
5. United Nations. Replacement migration: Is it a solution to declining and ageing populations? New York: UN Population Division, Department of Economic and Social Affairs, ESA/P/WP.160, 2000.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Safarova G. L., Kipjatkova V. A., Safarova A. A.* Izmenenie vozrastno-polovoj struktury naselenija Sankt-Peterburga v srednesrochnoj perspektive // Sankt-Peterburg: global'noj gorod / Ershova S. A., Eliseeva I. I., Bochenina N. V., Safarova G. L., Kipjatkova V. A., Safarova A. A., Chistjakova N. E., Skogorev V. V., Chuprina E. V. /pod nauch.red S. A. Ershovoj — SPb.: OOO «Print», 2018. — S. 266–277.
2. Upravlenie Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po g. Sankt — Peterburgu i Leningradskoj oblasti (Petrostat)/ Oficial'nyj sajt. URL: https://petrostat.gks.ru
3. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki (Rosstat)/ Oficial'nyj sajt. URL: http://www.gks.ru

САХВАДЗЕ Анзор Шотаевич
к.э.н., ассоциированный профессор,
факультет социальных и политических наук
Тбилисского государственного университета имени И. Джавахишвили,
Тбилиси, Грузия.
E-mail: a_saxvadze@yahoo.com

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО И МИГРАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГРУЗИИ

Ключевые слова: демографическое развитие, региональная демография, депопуляция, эмиграция.

Коды JEL: J10, J11, J13, J18

Существующее в современной Грузии демографическое положение в основном является сопутствующим результатом политических и социально-экономических катаклизмов, связанных с распадом СССР. За разрушением политических связей последовало и прекращение традиционных экономических связей, что, со своей стороны, способствовало возникновению чуждых для советского периода таких социальных явлений, как безработица, крайняя бедность и массовая трудовая эмиграция. Все это сильно повлияло на и без того неблагоприятное демографическое развитие Грузии, и уже почти три десятка лет как она переживает хроническую депопуляцию (см. график 1).

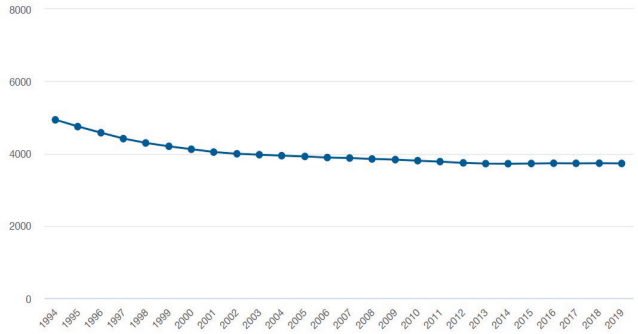

График 1. Динамика численности населения Грузии (на 1 января соответствующего года, в тыс. человек)[1]

[1] Тут и далее графики и статистические данные взяты из официального сайта Грузстата: https://www.geostat.ge/ka

Наблюдая график, отражающий сокращение численности населения, легко убеждаемся, что в зависимости от формы проявления налицо непрерывная депопуляция, по своему характеру и продолжительности — устойчивая и долгосрочная, а в зависимости от типа развития — почти равномерная.

При таком демографическом развитии Грузия выпадает из магистральной тенденции демографического развития современного мира, которая состоит в том, что численность населения очень быстро растет. Несмотря на сокращение за последние годы темпов прироста (до 1,0–1,6% в среднем за год), очень велика величина абсолютного прироста населения. Например, в 2017–2018 гг. население мира выросло на 1,1%, что в абсолютных числах означает, что в 2018 г. население мира возрасло на 85 млн человек. Из них только 3 млн (или только 3,5%) новорожденных было из развитых, а 82 млн (или 96,5%) — из развивающихся стран. Иначе говоря, это означает то, что только в течение 2018 г. население мира увеличилось более чем на численность населения Германии (82,3 млн), из которых 96,5% живут в тех странах, которые затрудняются прокормить даже самих себя, не то что должным образом обеспечить новорожденных. Так что эти новорожденные, так же как и их родители и предки, будут объектом заботы для развитых стран. Именно поэтому экономически развитые страны советуют развивающимся странам воздержаться от рождения тех детей, возможности экономического обеспечения которых они не имеют.

В связи с этим вопросом нельзя не вспомнить знаменитого английского экономиста XVIII–XIX вв. Т. Р. Мальтуса [Мальтус, 1868], который указывал именно на то, что темпы роста населения опережают темпы роста средств для его существования, т.е. фактически он указывал на то, что имеет место в современном мире и что в конечном счете становится причиной то тут, то там вспыхивающих войн, эпидемий и другого рода социальных катаклизмов. С учетом таких предупреждений, наверное, было бы уместным, чтобы их автор был соотвественно оценен, а его идеи в большей степени учтены (вместо того, чтобы считать его автором «человеконенавистнической теории», на что он несправедливо был обречен в период господства марксистской идеологии).

Поскольку современный мир озабочен высокими темпами прироста численности населения, он старается стабилизировать, а потом и сократить его численность. На этом фоне несколько иначе стоит вопрос в связи с демографическим развитием Грузии, которая является малочисленным государством и, как мы видели, уже несколько десятилетий выделяется довольно стабильными показателями депопуляции, в связи с чем ее существованию как самостоятельного государства фактически грозит реальная опасность.

Такая динамика численности населения указывает на продолжительную кризисную тенденцию демографического развития страны и легко заметна по выступам и впадинам на половозрастной пирамиде (см. график 2).

Эти впадины особенно заметны в поколениях, рожденных после 1989 г., т.е. в возрастных группах 25–29 лет, и последующих молодых поколениях и в основном обусловлены снижением интенсивности рождаемости.

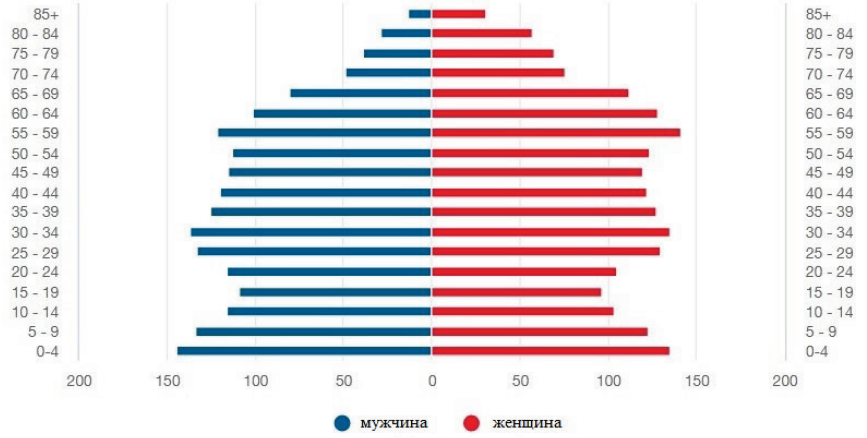

График 2. Половозрастная пирамида населения Грузии (по состоянию на 1 января 2019 г., тыс. человек)

Снижение уровня рождаемости, вызвавшее депопуляцию в Грузии, и необычно большие масштабы трудовой эмиграции, естественно, снизили и плотность населения, что хорошо видно на графике 3. Вместо 82 человек на 1 км^2 в 1994 г., она в 2019 г. составила 65,1 человека на 1 км^2 (с учетом временно утраченных территорий Абхазии и Южной Осетии), т.е. снизилась на 20,6% (см. график 3).

Негативные демографические процессы за последние 25 лет (1994–2019 гг.) отразились на таком обобщающем показателе возрастной структуры населения, каким является медианный возраст. Если в 1994 г. медианный возраст для обоих полов равнялся 32 лет (среди мужщин — 29 и среди женщин — 34 года), уже на 1 января 2019 г. его величина достигла 37 лет (среди мужчин — 35 и среди женщин — 40 года), т.е. он вырос на 15,6% (среди мужщин — на 20,7% и среди женщин — на 17,6%) (см. график 4).

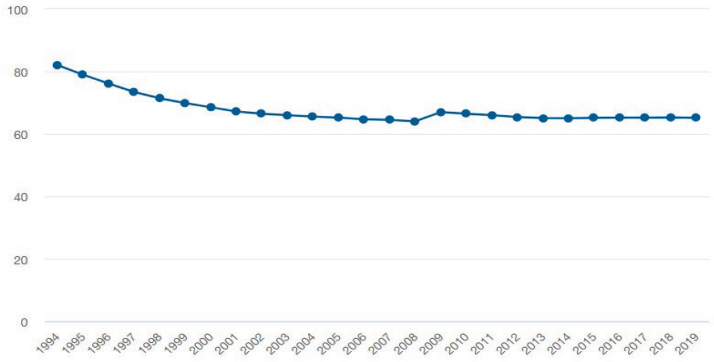

График 3. Динамика плотности населения Грузии, человек на 1 кв. км

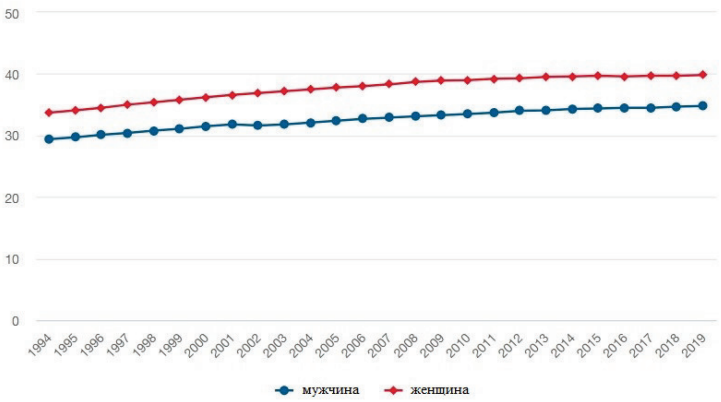

График 4. Динамика медианного возраста населения Грузии, лет

Такой большой рост медианного возраста населения является четким индикатором демографического старения и указывает на то, что за счет ухудшения возрастной структуры еще больше осложнится нормальный ход демографических процессов. В частности, сократится рождаемость, количество браков, а за счет демографического старения возрастет уровень смертности и сократится продолжительность предстоящей жизни, что в конечном счете вызовет быструю смену поколений.

Уровень демографического старения, динамика которого показана на графике 5, наглядно свидетельствует о почти неуклонном его росте (величина которого для обоих полов вместо существовавших в 1994 г. 10,5% к 2019 г. увеличилась почти на 41% и составила 14,8%) и указывает на то, что здесь имеет место в основном «старение снизу».

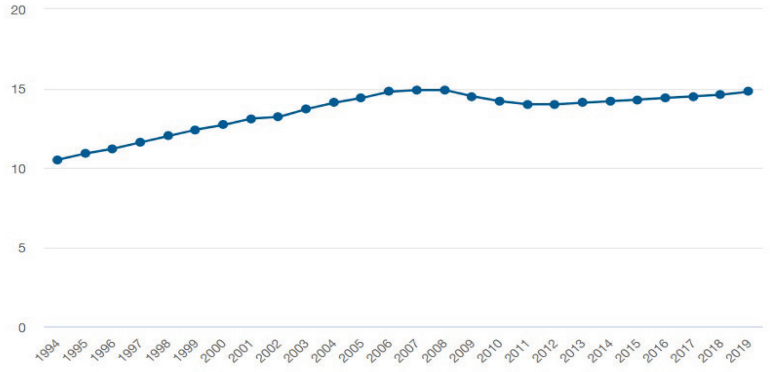

График 5. Динамика удельного веса населения в возрасте 65 лет и старше, *%*

В соответствии с трехступенчатой шкалой, разработанной экспертами ООН, ныне население Грузии, так же как и население Западной Европы, Японии и США, демографически довольно «перестаревшее». При этом заметим, что и в Грузии, как и в любой другой стране, демографическому старению способствует характер резкого ухудшения воспроизводства населения и очень большие масштабы необычно активизировавшейся в Грузии трудовой эмиграции, в которой в большинстве случаев участвуют молодые трудоспособные люди, вследствие чего, думаем, в ближаюшие годы процесс демографического старения еще больше углубится. А это, со своей стороны, обусловливает ряд экономических, социально-гигиенических и морально-этических последствий, которые в различных странах рассматриваются и решаются по-разному, хотя во всех развитых странах они имеют одно общее направление — улучшение возможностей и качества жизни пожилых людей.

К сожалению, Грузия пока еще не в состоянии соответствующим образом заботиться о своем пожилом населении, подтверждением чего служат хотя бы совершенно недостаточные для нормального развития человека пенсии (например, в 2019 г. в Грузии размер пенсии составлял 200 лари, или приблизительно 65–70 долл. США), и если б не пока еще сохранившая в нашей стране традиция взаимопомощи института семьи, наверное, многих пожилых людей даже не было бы в живых.

На показатель демографического старения очень похожи коэффициенты демографической нагрузки, которые являются обобщающими величинами возрастной структуры и показывают нагрузку общества непроизводительным населением. В 1994–2019 гг. величина этих коэффициентов для обоих полов (общая нагрузка) возрасла (с 50,5 до 54,1, т.е. на 7,1%) значительно (см. график 6).

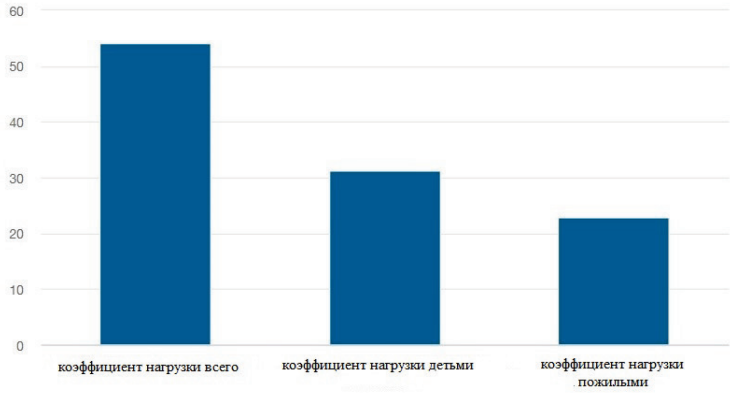

График 6. Коэффициенты демографической нагрузки по состоянию на 1 января 2019 г.

При этом примечательно, что коэффициент нагрузки молодыми людьми всегда выше, чем показатель нагрузки пожилым населением (такое положение неудивительно, так как в молодом возрасте из-за вторичного соотношения полов, как правило, преобладают мужчины, а среди людей пенсионного возраста — из-за низкой смертности и более высокой средней продолжительности предстоящей жизни у женщин — гораздо больше женщин). Со своей стороны, в коэффициентах нагрузки молодыми доля мужчин преобладает над долей женщин, а в коэффициентах нагрузки стариками, наоборот, — доля женщин выше, чем доля мужчин.

За анализируемый период в Грузии значительно снизился уровень рождаемости, для иллюстрации чего на графике 7 приводим динамику численности живорожденных.

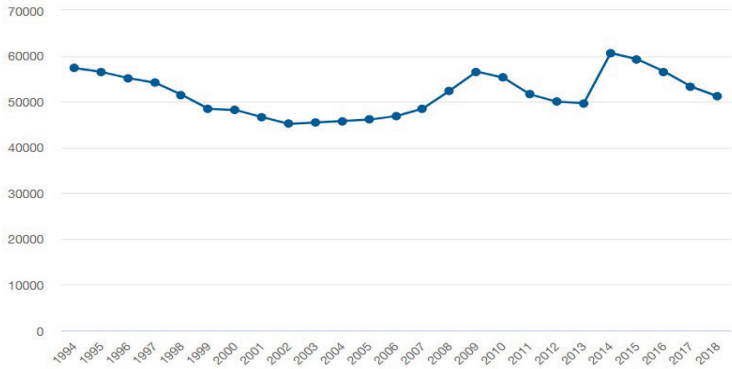

График 7. Динамика численности живорожденных в Грузии

В период с 1994 по 2018 г. количество живорожденных сократилось с 57 311 до 51 138, а величина общего коэффициента рождаемости возросла с 11,9 до 13,7 промиле (см. график 8). Такое противоположное изменение абсолютных и относительных показателей рождаемости обусловлено тем, что благодаря отрицательному сальдо миграции в анализируемом периоде по сравнению с сокращением абсолютной численности живорожденных гораздо больше сократилась среднегодовая численность населения Грузии, т.е. выявились негативные последствия вышеупомянутых депопуляционных процессов, что создало мнимое представление о якобы позитивных изменениях рождаемости. При этом такое изменение еще раз указывает на недостоверные аналитические возможности общего коэффициента рождаемости, и поэтому следует осторожно относиться к заключениям, сделанным только на основе его анализа.

Среди показателей, характеризующих рождаемость, заслуживает внимания изменение вторичного соотношения полов, динамика которого (см. график 9) говорит о том, что этот показатель изменялся незначительно и, естественно, в будущем не сможет сильно повлиять как на половозрастной состав населения всей страны, так и на режим его воспроизводства. Хотя на изменение общего уровня рождаемости может повлиять и распределение численности живорожденных по возрасту матери.

Из табл. 1 (см. также график 10) ясно видно, что за последние 25 лет в Грузии значительно сократилась численность детей, рожденных женщинами в возрасте до 20 лет, и увеличилось количество детей, рожденных женщинами в возрасте страше 30 лет, т.е. участились поздние роды, что может стать причиной сокращения уровня рождаемости.

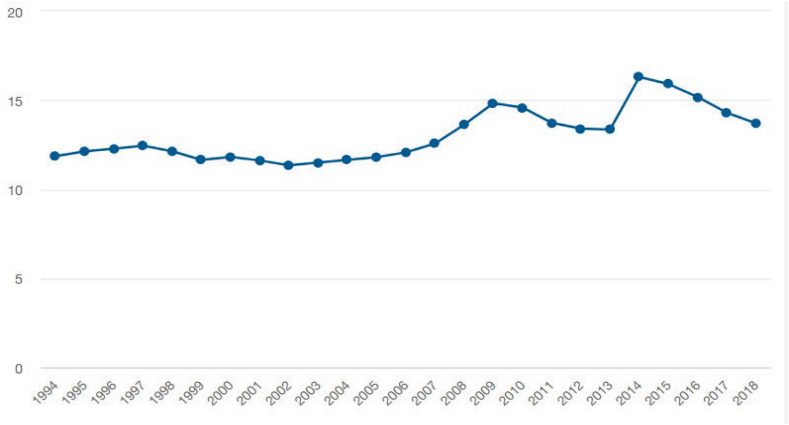

График 8. Динамика общего коэффициента рождаемости в Грузии, ‰

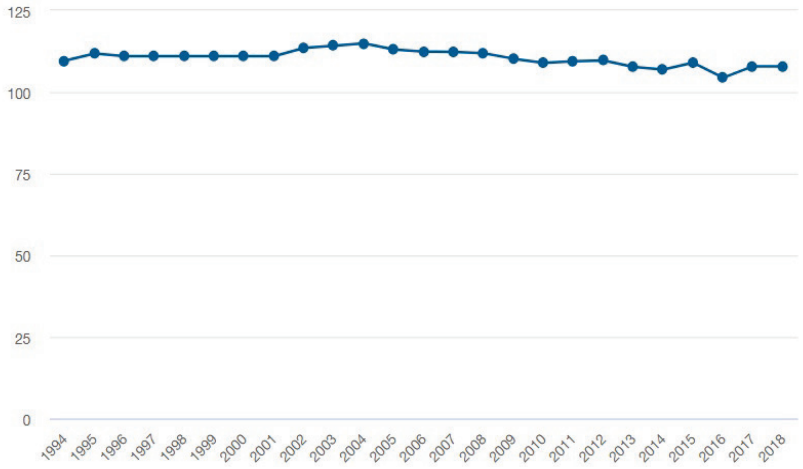

График 9. Динамика вторичного соотношения полов в Грузии

Таблица 1

Динамика численности живорожденных по возрасту матери

Год	Всего	Возраст матери, лет						
		<20	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45+
1994	57 311	12 597	21 155	12 810	7 444	2 612	624	69
1995	56 486	11 924	20 631	12 723	7 493	2 936	678	101
1996	55 153	10 892	19 958	12 751	7 612	3 162	651	127
1997	54 136	9 945	19 271	12 776	7 484	3 351	859	450
1998	51 491	9 206	18 596	12 279	6 934	3 254	767	455
1999	48 408	8 264	17 449	11 681	6 821	3 262	801	130
2000	48 167	7 032	18 155	11 943	6 779	3 262	857	139
2001	46 620	5 666	18 193	11 147	6 929	3 536	936	213
2002	45 127	5 648	17 376	9 756	7 586	3 429	1 114	218
2003	45 450	5 819	16 218	12 262	7 161	2 995	915	80
2004	45 751	5 782	16 901	12 216	6 772	3 034	899	147
2005	46 063	6 928	16 520	12 036	6 868	2 880	746	85
2006	46 845	6 525	17 386	12 304	6 801	2 919	789	121
2007	48 499	6 433	17 951	12 935	7 312	3 063	725	80
2008	52 442	7 072	19 258	13 993	7 926	3 326	782	85

Окончание табл. 1

Год	Всего	Возраст матери, лет						
		<20	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45+
2009	56 568	7 853	20 381	15 457	8 473	3 544	781	79
2010	55 230	6 841	19 291	15 465	8 862	3 793	893	85
2011	51 565	5 742	18 032	14 963	8 324	3 612	803	89
2012	49 969	4 930	17 116	14 762	8 558	3 634	869	100
2013	49 657	4 678	16 486	14 806	8 797	3 880	897	113
2014	60 635	5 579	19 131	18 257	11 398	4 941	1 148	181
2015	59 249	5 108	17 917	17 739	11 729	5 266	1 311	179
2016	56 569	4 467	15 650	17 613	11 706	5 539	1 386	208
2017	53 293	3 614	13 834	17 350	11 496	5 581	1 285	133
2018	51 138	3 117	12 786	16 548	11 564	5 627	1 344	152

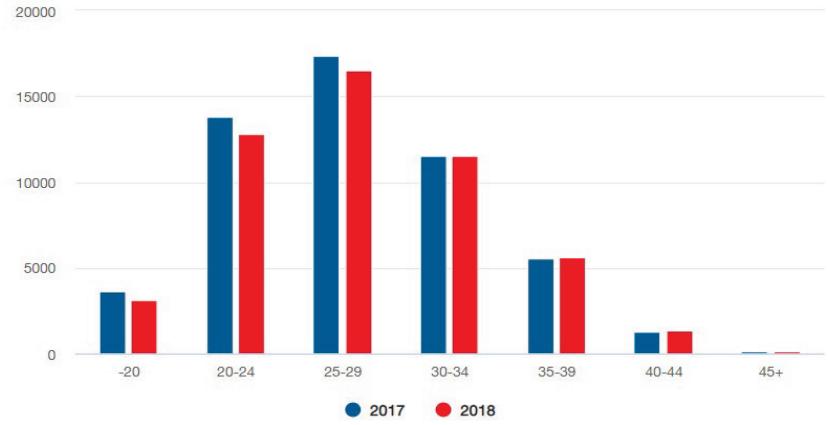

График 10. Численность живорожденных по возрасту матери в 2017 и 2018 гг.

Что касается сокращения уровня рождаемости в Грузии, его в основном определяет структурный фактор. Сейчас и в ближайшем будущем в фертильный возраст вступает относительно малочисленный контингент девочек, рожденных в 1990–1999 и 2000–2009 гг., что еще больше обострит и без того тяжелую демографическую обстановку (см. табл 2).

Таблица 2

Численность девочек рожденных в 1960–2009 гг., по десятилетиям[1]

Годы	Численность рожденных девочек
1960–1969	466 622
1970–1979	433 361
1980–1989	454 960
1990–1999	306 395
2000–2009	236 681

Для углубленной характеристики уровня рождаемости большое значение имеет и динамика численности живорожденных по очередности рождения (см. табл. 3 и график 11). Из приведенных данных и графика очевидно, что с 2006 г., несмотря на неоднородную динамику (то роста, то снижения) общей численности родившихся, среди них неуклонно сокращалась доля первенцев, которая вместо 60,6% в 2006 г. в 2018 г. снизилась до 37,8%.

Сокращение же удельного веса первенцев само по себе означает рост удельного веса детей более высокой очередности и указывает на рост многодетности. Об этом свидетельствует хотя бы почти неуклонный рост в 2007–2018 гг. удельного веса детей третьей и более высокой очередности. Если в 2007 г. среди живорожденных доля детей третьей очередности составляла 8,3% (в абсолютных величинах это составляло 4 046 детей), четвертой очередности — 1,7% (в абсолютных числах — 817 детей), пятой и более высокой очередности — 0,8% (в абсолютных числах — 410 детей), уже в 2018 г. их доля (и абсолютные числа) соответственно составляла — 18,2% (9291), 4,1% (2073) и 1,3% (718), что само по себе, конечно же, положительный факт и в условиях хронического дефицита рождаемости и депопуляции в какой-то степени является обнадеживающим.

[1] Таблица составлена профессором А. Тотадзе и с целью обеспечения сопоставимости, учитывает и те территориальные изменения, которые связаны с временной оккупацией Абхазии и Юго-Осетинской АО, т.е. из числа рожденных в 1960–1989 гг. вычтены соответствующие данные по Абхазии и Юго-Осетинской АО. См.: *А. Тотадзе.* Демографическая обстановка в Грузии и программа демографического развития. — Тб., 2016. — С. 26 (на груз. языке).

Таблица 3

Численность живорожденных по очередности рождения

	Всего		Очередность рождения											
			I		II		III		IV		V+		не указано	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1994	57 311	**100**	31 020	**54,1**	18 510	**32,3**	5 605	**9,8**	1 505	**2,6**	671	**1,2**	0	-
1995	56 486	**100**	30 089	**53,3**	18 399	**32,6**	5 657	**10,0**	1 625	**2,9**	716	**1,2**	0	-
1996	55 153	**100**	28 459	**51,6**	18 587	**33,7**	5 846	**10,6**	1 599	**2,9**	662	**1,2**	0	-
1997	54 136	**100**	27 502	**50,8**	18 081	**33,4**	6 117	**11,3**	1 678	**3,1**	758	**1,4**	0	-
1998	51 491	**100**	26 209	**50,9**	17 198	**33,4**	5 921	**11,5**	1 493	**2,9**	670	**1,3**	0	-
1999	48 408	**100**	25 077	**51,8**	15 974	**33,0**	5 373	**11,1**	1 355	**2,8**	629	**1,3**	0	-
2000	48 167	**100**	24 998	**51,9**	16 039	**33,3**	5 202	**10,8**	1 301	**2,7**	627	**1,3**	0	-
2001	46 620	**100**	24 942	**53,5**	14 779	**31,7**	5 081	**10,9**	1 259	**2,7**	559	**1,2**	0	-
2002	45 127	**100**	24 160	**53,5**	14 406	**31,9**	4 900	**10,9**	1 110	**2,5**	551	**1,2**	0	-
2003	45 450	**100**	28 410	**62,5**	11 563	**25,4**	3 866	**8,5**	1 008	**2,2**	603	**1,4**	0	-
2004	45 751	**100**	25 934	**56,7**	14 557	**31,8**	3 883	**8,5**	957	**2,1**	420	**0,9**	0	-
2005	46 063	**100**	27 013	**58,6**	13 682	**29,7**	4 030	**8,7**	919	**2,0**	419	**1,0**	0	-
2006	46 845	**100**	28 395	**60,6**	13 099	**28,0**	4 019	**8,6**	907	**1,9**	425	**0,9**	0	-
2007	48 499	**100**	29 272	**60,4**	13 954	**28,8**	4 046	**8,3**	817	**1,7**	410	**0,8**	0	-
2008	52 442	**100**	28 978	**55,3**	16 841	**32,1**	5 040	**9,6**	1 098	**2,1**	485	**0,9**	0	-
2009	56 568	**100**	29 953	**53,0**	18 874	**33,4**	5 959	**10,5**	1 257	**2,2**	525	**0,9**	0	-
2010	55 230	**100**	27 303	**49,4**	19 698	**35,7**	6 338	**11,5**	1 301	**2,4**	590	**1,0**	0	-
2011	51 565	**100**	24 559	**47,6**	19 293	**37,4**	5 989	**11,6**	1 166	**2,3**	558	**1,1**	0	-
2012	49 969	**100**	23 075	**46,2**	19 044	**38,1**	6 065	**12,1**	1 269	**2,5**	516	**1,1**	0	-
2013	49 657	**100**	22 478	**45,3**	18 910	**38,1**	6 387	**12,9**	1 353	**2,7**	529	**1,0**	0	-
2014	60 635	**100**	26 355	**43,5**	23 171	**38,2**	8 724	**14,4**	1 646	**2,7**	644	**1,1**	95	0,1
2015	59 249	**100**	24 684	**41,7**	22 644	**38,2**	9 189	**15,5**	1 878	**3,2**	719	**1,2**	135	0,2
2016	56 569	**100**	22 949	**40,6**	21 563	**38,1**	9 389	**16,6**	1 964	**3,5**	704	**1,2**	0	-
2017	53 293	**100**	20 742	**38,9**	20 435	**38,3**	9 291	**17,4**	2 073	**3,9**	677	**1,3**	75	0,2
2018	51 138	**100**	19 362	**37,9**	19 511	**38,2**	9 291	**18,2**	2 073	**4,1**	718	**1,3**	183	0,3

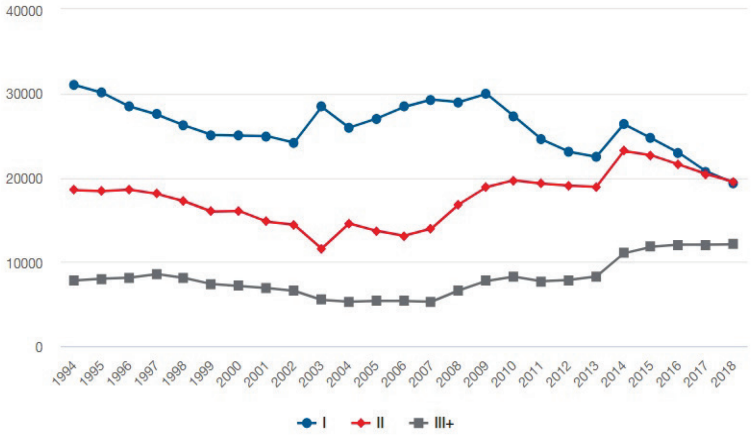

График 11. Динамика численности живорожденных по очередности рождения

Как известно, среди новорожденных традиционно почти везде и всегда преобладают первенцы, но, по данным за 2018 г., в Грузии эта закономерность нарушена, и число детей второй очередности (19 511) на 149 детей превысило количество первенцев (19 362). Это явно неординарный случай, очень трудно объяснимый. В частности, если это не недостаток статистического учета (чего нельзя полностью исключить), то это может быть следствием сокращения количества браков (так как в основном, как правило, первенцы рождаются у новобрачных, т.е. приблизительно в первые пять лет после брака), что потверждают данные табл. 4 о неуклонном сокращении численности зарегистрированных браков за последние шесть лет (2013–2018 гг.).

Таблица 4

Динамика численности браков в Грузии в 1994–2018 гг.

Годы	Число браков	Годы	Число браков
1994	21 908	**2007**	24 891
1995	21 481	**2008**	31 414
1996	19 253	**2009**	31 752
1997	17 099	**2010**	34 675
1998	15 343	**2011**	30 863
1999	13 845	**2012**	30 412
2000	12 870	**2013**	34 693
2001	13 336	**2014**	31 526
2002	12 535	**2015**	29 157

Окончание табл. 4

Годы	Число браков	Годы	Число браков
2003	12 696	**2016**	25 101
2004	14 866	**2017**	23 684
2005	18 012	**2018**	23 202
2006	21 845		

Кроме того, преобладание детей второй очередности по сравнению с первенцами могло быть вызванно и тем фактом, что в период после 1 июня 2014 г. в шести регионах Грузии с тяжелыми демографическими (депопуляционными) условиями финансово стимулируется рождение детей третьей очередности (в низменных местностях в размере 150, а в горных регионах — 200 лари), что из-за тяжелого экономического положения могло бы стать стимулом рождения детей сперва второй, а потом и третьей очередности.

Вместе с тем надо отметить, что вопреки некоторым утверждениям, что будто бы материальное стимулирование не способствует (или играет незначительную роль) улучшению демографической обстановки, в Грузии есть пример противоположного характера. В частности, в одном из муниципалитетов (Сачхерском) Западной Грузии, который ничем (ни природно-климатическими, ни социально-экономическими или иными условиями) не отличается от соседних муниципалитетов того же Имеретинского края, естественный прирост сельского населения был положительным, тогда как, например, в 2006–2015 гг. во всех других 10 муниципалитетах этого края он был отрицательным (см. табл. 5).

Таблица 5

Динамика естественного прироста (убыли) сельского населения муниципалитетов Имеретинского региона в 2006–2015 гг. [Тотадзе, 2016]

Муниципалитеты	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Всего за 10 лет
Багдадский	–147	–84	–106	–102	–16	–82	–65	–56	–44	–55	–757
Ванский	–170	–121	–124	–87	–83	–112	–98	–94	–83	–29	–1001
Зестафонский	–169	–41	–136	–116	14	–117	–127	–112	–134	–56	–1014
Терджольский	–239	–127	–186	–149	–30	–136	–110	–112	–106	–104	–1299
Самтредский	–70	–61	2	36	–33	–77	–158	–88	–50	16	–483
Сачхерский	**24**	**181**	**149**	**147**	**355**	**290**	**134**	**96**	**6**	**32**	**1 414**

Окончание табл. 5

Муниципалитеты	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Всего за 10 лет
Ткибульский	–109	–95	–92	–61	–80	–103	–139	–67	–87	–116	–949
Цхалтубский	–120	–92	–62	–69	–82	–122	–87	–100	–68	–128	–930
Чиатурский	–272	–139	–236	–199	–35	–122	–108	–140	–155	–74	–1480
Харагаульский	–132	–100	–126	–117	–37	–91	–122	–91	–112	–52	–980
Хонский	–63	–66	–12	5	83	–44	–35	–99	–74	–44	–349
Всего	–1467	–745	–929	–712	56	–736	–915	–863	–907	–610	–7828

Дело в том, что в Сачхерском муниципалитете население уже почти два десятилетия регулярно получает значительную материальную и финансовую поддержку от своего земляка, знаменитого мецената (или олигарха), что и способствовало сохранению такого демографического оазиса среди населения соседних регионов. Поэтому, обобщая этот опыт, с большой доли вероятности можно сказать, что повышению уровня рождаемости в большей степени способствуют именно финансово-экономические меры, чем малоизученный и тем более не потверждающийся на практике психологический принцип демографической установки, так называемой потребности в детях.

Как уже было отмечено, в постсоветский период в обострении демографического положения Грузии очень большое значение имели невиданные масштабы трудовой эмиграции (например, –194 634 в 1994 г.). Хотя по сравнению с предыдущим периодом с 2012 г. отрицательное сальдо миграции значительно сократилось, но, за редким исключением (2014, 2015, 2017 гг.), ее величина превышала численность естественного прироста и способствовала сокращению количества населения (см. табл. 6).

Таблица 6

Динамика сальдо миграции и естественного прироста в Грузии в 2012–2019 гг., человек

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Сальдо миграции	–21 521	–2606	–6620	–3408	–8060	–2212	–10 783	–8243
Естественный прирост	622	1093	11 548	10 128	5798	5471	4637	1637

Поэтому наряду с рождаемостью государство должно обратить внимание и на эмиграционные процессы, масштабы которых довольно существенны и грозят сокращением населения даже при малочисленном по-

ложительном естественном приросте населения, достижение которого само по себе тоже задача не из легких. В этой связи следует вспомнить один из древнейших законов, регулирующий процесс эмиграции населения, введенный вавилонским царем Хаммурапи (около 1810–1750 гг. до н.э.), согласно которому: «(136) Если человек бросил свое поселение и убежал, и после него его жена вступила в дом другого, то если этот человек вернулся и захотел взять свою жену, то так как он презрел свое поселение и убежал, жена беглеца не должна вернуться к своему мужу»[1], т.е. в этом случае отягчает наказание то обстоятельство, что «он презрел свое поселение и убежал», из-за чего, по законам Хаммурапи, ему не возвращается даже его собственность — жена[2]. Обострение внимания по данному вопросу нам представляется актуальным, так как эмиграция (в том числе и трудовая) преобрела довольно широкие масштабы и создала явные проблемы демографическому развитию Грузии. На этом фоне считаем важным, чтобы государство заботилось не только о регулировании иммиграционных процессов, а во избежание демографической катастрофы ввело бы соответствующие регуляции по отношении к эмигрантам (хотя бы определило ту предельную продолжительность нахождения в эмиграции, после которой на эмигрантов могут быть наложены определенные санкции, в том числе лишение гражданства Грузии со всеми вытекающими из этого последствиями), так как, как показывает практика, значительная часть эмигрантов уехала не за куском хлеба, чтобы прокормить оставшихся тут членов их семей, а в поисках «хорошей жизни». Дай бог всем искателям, но если их отъезд создает угрозу существованию страны (а сегодня именно так должны рассматриваться ставшие хроническими депопуляционные процессы в Грузии), то государство обязано своевременно принять соответствующие меры, в том числе в первую очередь для исправления экономического положения страны. Так что эта статья законов Хаммурапи и сегодня может стать важнейшим основанием для разработки миграционной политики нашей страны, тем более что в мире существуют подобные прецеденты. Так, например, в США человеку, отказавшемуся от гражданства этой страны, приходится платить довольно солидную сумму штрафа.

---

[1] Итак, бегство из общины — «презрение своего поселения» — уничтожает даже семейные (тем более, очевидно, и имущественные) права беглеца. Из ст. 136 видно, что принадлежность к общине была не только правом, но и обязанностью каждого «авилума», и покидать общину он мог только с ее разрешения. См. Законы Хаммурапи и коментарий к ним на сайте: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm

[2] Более подробно об этом см. нашу статью: «Демографические аспекты законов Хаммурапи» в журн. Национальной АН Грузии «Мацне» (серия — истории, археологии, этнологии и истории искуств), 2019 г., № 2 и 2020 г., № 1 (на грузинском языке, резюме на английском и русском языках).

Исходя из всего вышесказанного, считаем целесообразным для улучшения демографического положения в современной Грузии разработать и, что главное, решить следующие стратегические задачи:

— на основании концепции демографической безопасности страны, принятой парламентом Грузии, разработать и реализовать долгосрочную программу стабилизации численности населения;
— с учетом тяжелого экономического положения считаем целесообразным еще больше расширить мероприятия, материально стимулирующие деторождение, тем более что в Грузии существует хороший пример в Сачхерском муниципалитете (где в отличие от соседних районов благодаря материальной помощи известного грузинского мецената был сохранен положительный естественный прирост населения);
— для обеспечения общего прироста населения наряду с ростом естественного прироста стратегической задачей считаем также регулирование слишком высокого уровня трудовой эмиграции и разработку такого законодательства, которое, подобно законам вавилонского царя Хаммурапи, во избежание демографической катастрофы предполагает введение соответствующих регуляций. Поскольку отъезд эмигрантов угрожает существованию страны (сегодня именно так следует рассматривать уже ставшие хроническими депопуляционные процессы в Грузии), государство обязано вовремя принять соответствующие меры демографической политики для устранения причин, вызывающих эмиграцию, в первую очередь для улучшения экономического положения страны. Разработка и проведение такой политики под силу только государсту, так как, как писал Д. И. Менделеев: «...высшая или важнейшая и гуманнейшая цель всякой «политики» яснее, проще и осязательнее всего выражается в выработке условий для размножения людского» [Менделеев, 2002].

Думаем, что будет хорошо, если это мнение Д. И. Менделеева станет руководящим принципом и для нашей правящей политической элиты.

Список литературы

1. *Мальтус Т. Р.* Опыт о законе народонаселения. Т. 1 и т. 2. — СПб., 1868.
2. *Менделеев Д. И.* К познанию России. — М.: Айрис пресс, 2002. — С. 43.
3. *Тотадзе А.* Демографическая обстановка в Грузии и программа демографического развития. — Тб., 2016. — С. 26 (на груз. языке).
4. National statistics office of Georgia (Geostat)/ Official website. URL: https://www.geostat.ge/en

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Mal'tus T. R.* Opyt o zakone narodonaselenija. T. 1 i t. 2. — SPb., 1868.
2. *Mendeleev D. I.* K poznaniju Rossii. — M.: Ajris press, 2002. — S. 43.
3. *Totadze A.* Demograficheskaja obstanovka v Gruzii i programma demograficheskogo razvitija. — Tb., 2016. — S. 26 (na gruz. jazyke).

СУХОВА Екатерина Александровна
младший научный сотрудник,
ГКУ ЯНАО Научный центр изучения Арктики,
сектор социально-экономических исследований,
Салехард, Россия.
E-mail: Learn2@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АО В РАЗРЕЗЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Ключевые слова: рождаемость, смертность, миграция, Ямало-Ненецкий автономный округ.

Старение населения, низкая рождаемость и другие демографические проблемы входят в рейтинги значимых государственных проблем не только России, но и других стран, являясь глобальным вызовом для мирового сообщества. В каждом регионе свои особенности демографической ситуации. Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) не является исключением.

При анализе демографических процессов в регионе (используя общие по региону показатели смертности и рождаемости, миграции), ситуация выглядит не такой уж критичной, особенно по сравнению с показателями других регионов России. Однако усредненные показатели по региону сглаживают демографические особенности отдельных муниципальных образований ЯНАО.

На территории ЯНАО находятся 13 муниципальных образований: 6 городских округов и 7 муниципальных районов.

Таблица 1

Динамика численности населения муниципальных образований, 2015–2019 гг.

Муниципальные образования ЯНАО	2015	2015–2018 механический прирост	%	2015–2018 естественный прирост	%	прирост населения,%	2019
Город Губкинский	27070	400	1,5	1094	4,04	5,52	28564
Город Лабытнанги	26549	–860	–3,2	522	1,97	–1,27	26211
Город Муравленко	32786	–1860	–5,7	1206	3,68	–1,99	32132
Город Новый Уренгой	115092	–3220	–2,8	5066	4,4	1,6	116938
Город Ноябрьск	107129	–4889	–4,6	3895	3,64	–0,92	106135
Город Салехард	48607	–360	–0,7	2103	4,33	3,59	50350
Красноселькупский район	6021	–310	–5,2	178	2,96	–2,19	5889
Надымский район	66267	–3828	–5,8	2104	3,18	–2,6	64543
Приуральский район	15248	–586	–3,8	621	4,07	0,23	15283
Пуровский район	51859	–1928	–3,7	1839	3,55	–0,17	51770
Тазовский район	17242	–871	–5,1	1034	6	0,95	17405
Шурышкарский район	9651	–699	–7,2	362	3,75	–3,49	9314
Ямальский район	16464	–605	–3,7	1086	6,6	2,93	16945

С 2015 по 2019 г. в ЯНАО наблюдался миграционный отток населения (кроме города Губкинский) с переменными тенденциями в отдельные годы в некоторых муниципальных образованиях. В то же время во всех муниципальных образованиях за период с 2015 по 2019 г. был зафиксирован естественный прирост населения: от 2% (в городе Лабытнанги) до 6,6% (в Ямальском районе).

Демографические проблемы региона, такие как снижение рождаемости, увеличение среднего возраста матери, увеличение доли населения пенсионного возраста, ставят перед органами власти задачи по их решению — от них требуется разработать систему мер, направленных на увеличение рождаемости, социальную поддержку старшего поколения, снижение смертности (в частности, от внешних причин в трудоспособном возрасте).

Для описания демографической ситуации в ЯНАО предлагается исследовать демографические процессы региона в разрезе его муниципальных образований с целью выявления индивидуальных демографических особенностей.

Первый исследуемый демографический показатель — это рождаемость населения.

Рождаемость традиционно выше в сельской местности — Ямальский и Тазовский районы лидеры по рождаемости (рис. 1, 2). Однако явная тенденция на снижение рождаемости за последние пять лет проявляется во всех МО — и в муниципальных районах и в городах. И это нельзя объяснить общим снижением численности женщин фертильного возраста, потому как плодовитость также снижается с 2015 г. (рис. 3, 4).

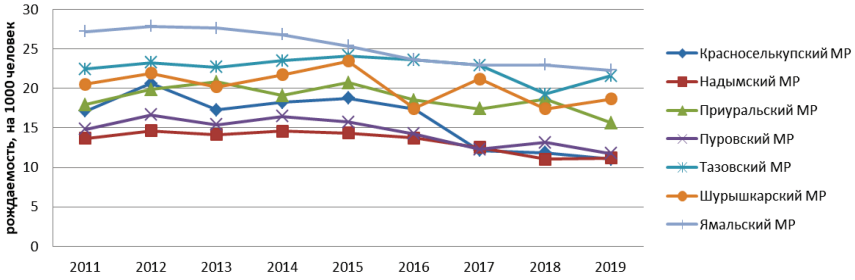

Рис. 1. Рождаемость ЯНАО, муниципальные районы

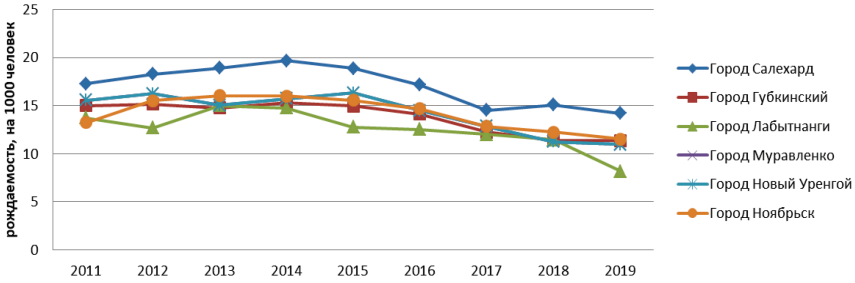

Рис. 2. Рождаемость ЯНАО, города

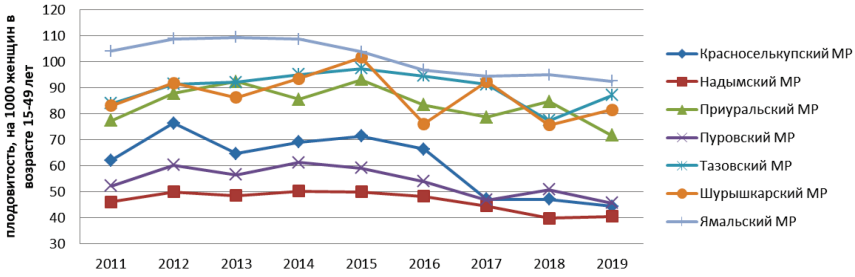

Рис. 3. Плодовитость ЯНАО, муниципальные районы

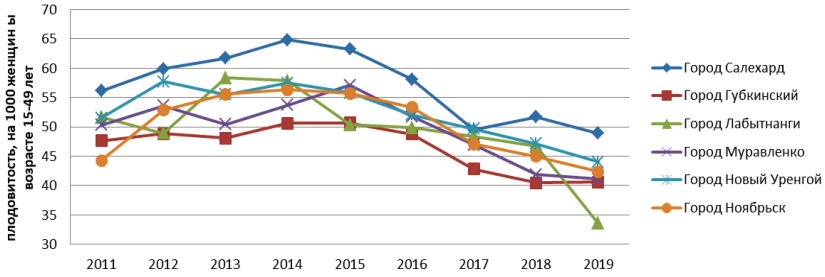

Рис. 4. Плодовитость ЯНАО, города

Самая высокая смертность на протяжении последних семи лет наблюдается в Шурышкарском районе — от 12 до 9 на 1000 населения. Также высокая смертность в Приуральском и Красноселькупском районах — от 10 до 8 на тысячу населения. Среди городов самая высока смертность в: Лабытнагах (8–7) и Салехарде (6–5), минимальная смертность в городах Губкинский и Новый Уренгой (3–4) (рис. 5, 6).

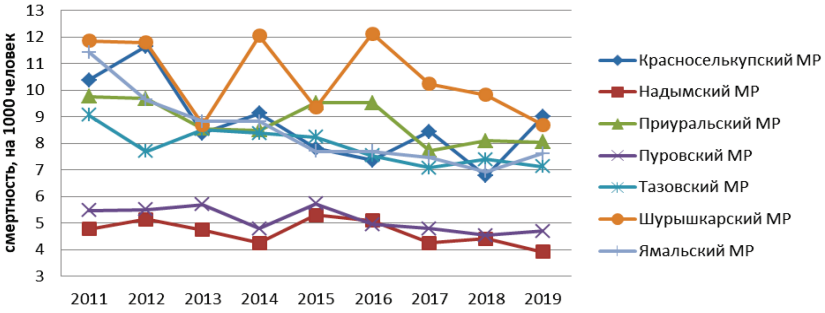

Рис. 5. Смертность ЯНАО, муниципальные районы

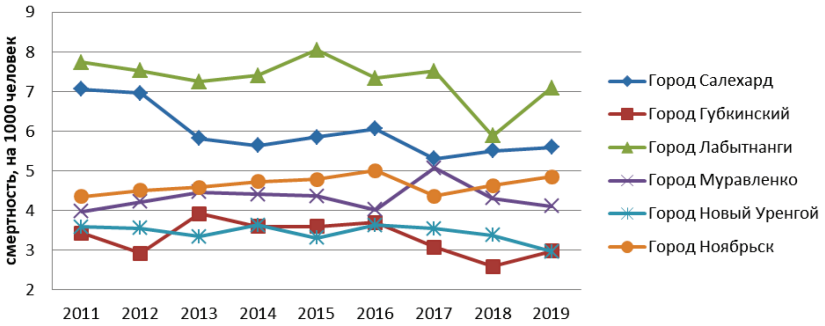

Рис. 6. Смертность ЯНАО, города

Миграция населения ЯНАО в последние годы направлена на выбытие за пределы региона. Разложим миграцию на составляющие в разрезе следующих возрастных групп: население в возрасте 0–15 лет, население трудоспособного возраста, население старше трудоспособного возраста.

Положительное сальдо миграции трудоспособного населения наблюдалось в 2015 г. в Приуральском и Тазовском районах, и в 2019 году в Шурышкарском районе. В остальных районах наблюдалось отрицательное сальдо миграции с 2015 г. В городах Губкинский, Салехард, Новый Уренгой в период 2017–2019 гг. наблюдалась ежегодная положительная миграция. В городе Муравленко, напротив, в этот период наблюдался отток трудоспособного населения (рис. 7, 8).

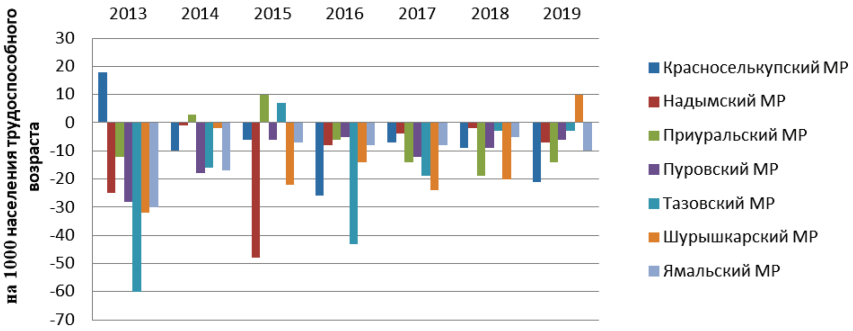

Рис. 7. Миграция населения ЯНАО трудоспособного возраста, муниципальные районы

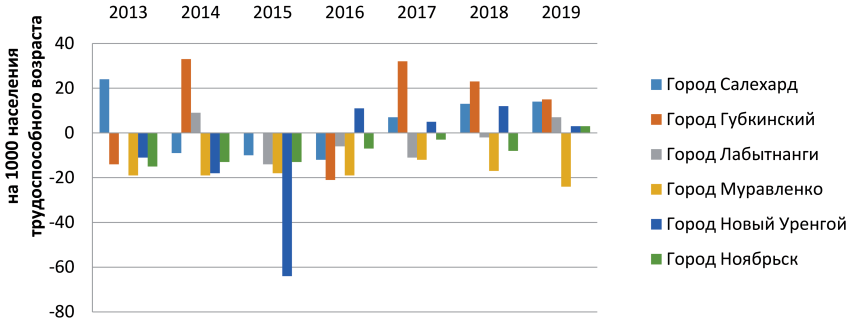

Рис. 8. Миграция населения ЯНАО трудоспособного возраста, города

Миграция населения старше трудоспособного возраста за период 2013–2019 гг. всегда была отрицательной, однако на протяжении всего периода она сокращалась. В 2019 г. по 1% от численности населения старше трудоспособного возраста выбыло из городов Салехарда и Ноябрьска,

Шурышкарского и Приуральского районов; по 2% — Губкинский, Лабытнанги, Новый Уренгой, Надымский, Пуровский и Ямальский районы; по 3% — Муравленко и Тазовский район, и 4% Красноселькупский район (рис. 9, 10).

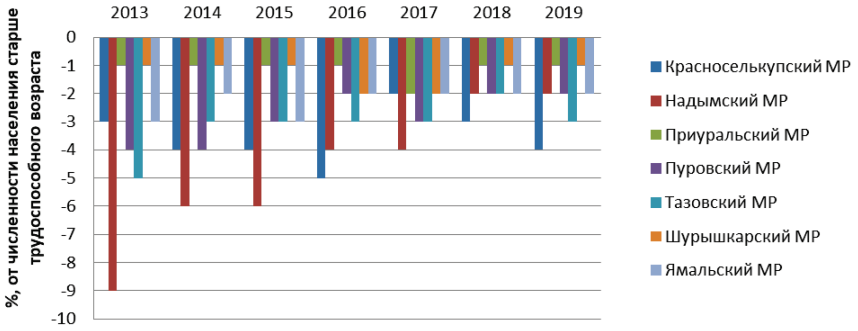

Рис. 9. Миграция населения ЯНАО старше трудоспособного возраста, муниципальные районы

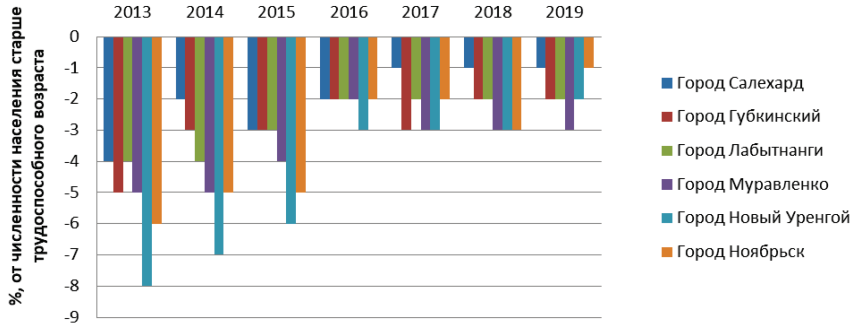

Рис. 10. Миграция населения ЯНАО старше трудоспособного возраста, города

Рассмотрим миграцию молодежи в отдельных возрастных группах — 15–19 лет (возраст выбытия по причине выезда на учебу или для службы в армии) и 20–24 года (возраст возвращения с учебы и из армии). На рис. 11 представлено сальдо миграции за период 2015–2019 гг., отнесенное к средней численности каждой возрастной группы в соответствующем МО за указанный период. Из представленного рисунка мы видим, что молодежь сельской местности в основной своей массе маломобильна. Не выезжает за пределы МО, и нет въезжающего потока молодежи. Это относится к Ямальскому, Тазовскому, Приуральскому, Шурышкарскому районам. Пуровский и Надымский районы показали значительный отток молодежи в указанный период, но вернулись не все. Красноселькуп-

ский район показал большой отток и значительный приток (но меньше, чем выбыло). Все города показали значительный отток молодежи в возрасте 15–19 лет, но лишь в Губкинский приехало больше, чем уехало, а также в Новый Уренгой вернулись почти все. В остальных городах вернулось значительно меньше молодежи в возрасте 20–24 лет, чем уехало в возрасте 15–19 лет.

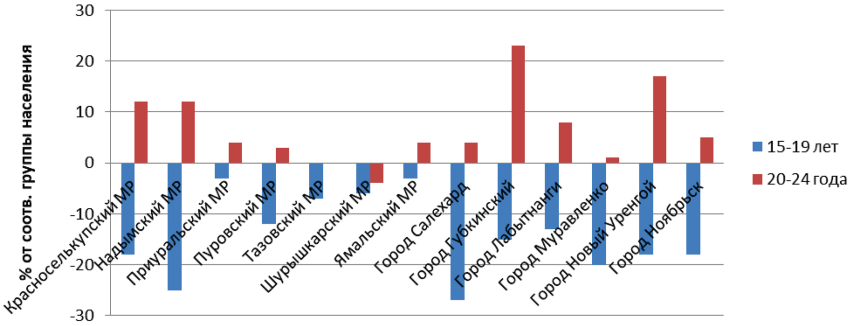

Рис. 11. Миграция молодежи МО ЯНАО за 2015–2019 гг.

Население МО в разрезе возрастных групп имеет разную структуру (рис. 12).

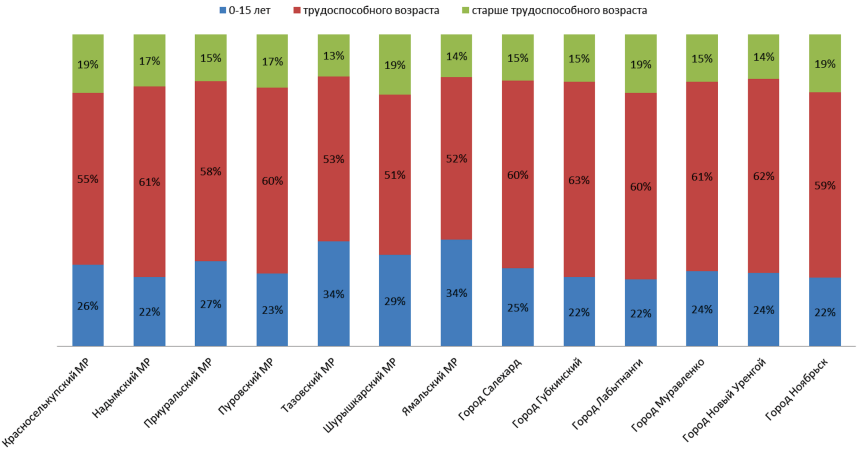

Рис. 12. Структура населения МО ЯНАО в 2019 г.

В сельских районах заметно выше доля детей в возрасте 0–15 лет — Ямальский и Тазовский районы по 34%, в Шурышкарском 29%, в Приуральском 27%. В городах доля детей заметно меньше — в Губкинском,

Лабытнангах, Ноябрьске по 22%, в Салехарде — 25%. Доля трудоспособного населения: Надымский (61%) с Пуровским районом (60%) и города: Губкинский (63%), Новый Уренгой (62%), Муравленко (61%), Салехард (60%) и Лабытнанги (60%). Доля населения старше трудоспособного возраста: Красноселькупский, Шурышкарский районы и города Ноябрьск и Лабытнанги по 19%, меньше всего в Ямальском (13%) и Тазовском (14%).

На основании рассчитанных показателей можно составить краткую демографическую характеристику муниципальных образований ЯНАО.

Муниципальные образования ЯНАО можно классифицировать следующим образом:

- традиционные сельские МО — высокая рождаемость, высокая смертность, низкая мобильность, высокая доля детей в составе населения — Тазовский и Ямальский муниципальные районы;
- депрессивные сельские МО — высокая смертность, высокая или средняя рождаемость, отток населения, высокая доля населения старше трудоспособного возраста — Красноселькупский, Шурышкарский, Приуральский муниципальный районы;
- смешанного типа — сельские поселения и город в составе муниципального образования сглаживают свои особенности, плюс высокая доля промышленности — средняя рождаемость, средняя смертность, высокая мобильность молодежи, но мало молодежи возвращается, высокая доля населения трудоспособного возраста — Надымский и Пуровский районы;
- депрессивные города — низкая или средняя рождаемость, средняя или низкая смертность, большой отток населения во всех возрастных группах — Лабытнанги, Муравленко;
- пассивный город — средняя рождаемость, низкая смертность, много уезжает молодежи, но мало возвращается, мало приезжает населения трудоспособного возраста, больше остается населения старше трудоспособного возраста — Ноябрьск;
- развивающиеся города — средняя рождаемость, низкая смертность, много молодежи уезжает, но и много возвращается, много приезжает населения трудоспособного возраста — Губкинский, Новый Уренгой, Салехард.

ТОЖИЕВА Зулхумор Назаровна
д.г.н., профессор,
Национальный университет Узбекистана имени Мирза Улугбека,
факультет географии и природных ресурсов,
Ташкент, Узбекистан.
E-mail: z_tadjieva@mail.ru

АЛЕКПЕРОВА Шахноза Тангировна
младший научный сотрудник,
Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: shine_77@list.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Ключевые слова: рождаемость, смертность, брутто-коэффициент, нетто-коэффициент, воспроизводство населения.

Коды JEL: R20, R23

Характер воспроизводства населения в современном Узбекистане отличается от наблюдавшегося в период бывшего Союза. Политические, экономические, социальные, культурные и другие изменения в стране привели к формированию в республике специфической демографической ситуации. Учитывая, что для населения страны в последние годы первый, второй и третий ребенок являются результатом потребностей и желания, резкое снижение числа в большинстве случаев последующих детей можно объяснить тем, что обычаи и традиции постепенно адаптируются к новым экономическим отношениям. Именно из-за снижения рождаемости сократилась доля детей и молодежи среди всего населения. В результате стала повышаться так называемая «ценность» детей, влияющая на укрепление семьи, социально-экономическое развитие общества.

Изменения, происходящие в социально-экономической жизни Республики Узбекистан, привели к своеобразному демографическому развитию. Это прежде всего стало явно ощущаться в демографических процессах, являющихся важным источником роста населения. Хотя изменения в современных демографических процессах и не привели к снижению численности населения, однако они непосредственно отражаются на снижении общего абсолютного и среднегодового темпов прироста населения.

Охватывая лишь 0,4% населения земного шара, население Узбекистана по численности занимает 38-е место в мире, третье место в СНГ

и первое — в Центральной Азии. Республика в течение ряда лет выделялась высокими темпами роста численности населения.

При росте численности населения республики за годы независимости (1991–2018 гг.) на 161,4% средний абсолютный прирост населения составил 12 647,8 тыс. человек, среднегодовой прирост населения — 1,65%. Такие изменения более рельефно проявляются в абсолютном приросте и среднегодовых темпах прироста населения. Хотя период самого высокого прироста населения республики приходится на 1959–1970 гг. (3,8%). Кроме того, если в 1989–1990 гг. население республики увеличивалось на 442 тыс. человек, то в 2018–2019 гг. эта цифра была равна 598,8 тыс. человек.

Уменьшение абсолютного прироста населения, обусловленное естественным приростом и внешней миграцией, определяет общее и территориальное развитие населения республики. Согласно решению Кабинета Министров Республики Узбекистан, принятому в марте 2009 г., около тысячи сельских населенных пунктов были преобразованы в города и городские поселки. В результате этого доля городского населения выросла с 35,8% (2008 г.) до 50% и более. Данное искусственное повышение уровня урбанизации оказывает положительное влияние на социально-экономическое развитие этих территорий. Однако, хотя это преобразование и не скажется сразу на репродуктивном поведении и репродуктивных отношениях населения, через определенное время оно может привести к дальнейшему снижению показателей, отражающих демографические процессы.

Общее количество населения из года в год растет в основном за счет естественного движения населения. Причина в том, что механический прирост населения давно имеет отрицательное значение. Согласно сведениям Организации Объединенных Наций, по коэффициенту естественного прироста населения (1,7%, 2018 г.) Узбекистан занимает место после Таджикистана (2,7%) среди сопредельных стран. Именно этот показатель, т.е. коэффициент естественного прироста населения, в Казахстане равен 1,5%, в Киргизии 2,1%, в Туркменистане 1,9% [Population Reference Bureau. 2018 World Population Data Sheet].

В период перехода к рыночной экономике и ее модернизации формирующиеся новые социально-экономические и демографические отношения оказывают решающее влияние на все процессы воспроизводства населения и их параметров. В результате в показателях, отражающих увеличение численности населения высокими темпами, начинает наблюдаться процесс их снижения. Например, если в 1991 г. уровень естественного прироста населения составлял 28,3‰, у сельского населения 34,9‰, у городского населения 19,9‰, то в 2018 г. эти показатели были на 1,3, 1,5 и 1,6 пункта ниже.

Воспроизводство населения и переход его от одного типа к другому еще более точно определяются в населении областей Узбекистана. В частности, если в 1991 г. в 13 административно-территориальных единицах (за исключением столицы — города Ташкента) коэффициент естественного прироста населения составлял 23–37‰, то к 2018 г. этот показатель составил 15–19‰, т.е. уменьшился в 1,5–1,9 раза. Согласно территориальному распределению показателя естественного прироста населения целесообразно следующим образом сгруппировать области:

1. Области с очень высоким коэффициентом естественного прироста населения: Джизакская (21,0‰), Кашкадарьинская (21,7‰), Сурхандарьинская (22,7‰) и Самаркандская (22,0‰).

2. Области, продолжающие естественное движение населения со средним коэффициентом: Андижанская (18,7‰), Наманганская (19,9‰).

3. Территории с низким по сравнению с общереспубликанским (18,6‰) показателем естественного движения населения: Республика Каракалпакстан (17,0‰), Бухарская (17,3‰), Навоийская (17,9‰), Ташкентская (14,9‰), Хорезмская (17,5‰), Сырдарьинская и Ферганская (17,7‰) области.

Результаты данной группировки показывают, что 76,9% населения областей все еще имеют показатель естественного воспроизводства населения выше, чем общегосударственный. Кроме того, значительная часть населения на территории первой группы занята в сельском хозяйстве и проживает в сельской местности. Почти однородный национальный состав и определяет высокий уровень естественного прироста населения. Области третьей группы имеют разнообразный национальный состав, промышленность относительно хорошо развита, высок уровень урбанизации, что тоже определяет их демографическое развитие.

Анализ исследований с 2005 г. показывает, что еще происходят процессы увеличения коэффициентов естественного прироста населения республики. Это мы видим в участии в репродуктивной деятельности родившихся между 1980–1990 гг. и достижении экономической устойчивости республики в 1996 г., которое привело к демографической стабильности к 2005–2006 гг. Однако такое положение считается временным, потому что ход демографических процессов за годы независимости и современный, имеющий общемировой характер экономический кризис и его последствия (безработица, малая обеспеченность) не могут не оказать влияния на определенные изменения демографической ситуации страны.

Процесс рождаемости, формирующийся под влиянием различных социально-экономических и общественно-психологических факторов, и показатели, отражающие ее уровень, за период исследования постепенно уменьшаются. В частности, если в 1991 г. общий коэффициент рождаемости нв Узбекистане составлял 34,5‰, то спустя 27 лет данный показатель был равен 23,3‰. Аналогичное снижение проявляется и в специаль-

ном, суммарном, брутто- и нетто-коэффициентах рождаемости. В частности, специальный коэффициент рождаемости в республике за период исследования (1991–2018 гг.) сократился с 152,14 до 80,22, суммарный коэффициент изменился с 4,199 до 2,415, брутто-коэффициент с 2,098 до 1,246, а нетто-коэффициент с 1,867 до 1,196, т.е. все они уменьшились в 1,5–1,8 раза.

Снижение уровня рождаемости в стране тесно связано с влиянием социально-экономических изменений на демографическое поведение, взгляды и отношения, а также с уровнем культурно-нравственной жизнедеятельности, образованностью женщин, ростом занятости населения. Например, если в 80-х гг. прошлого века среди преподавателей школ республики удельный вес мужчин составлял 80–85%, то сегодня наблюдается обратное явление.

Велика роль уровня рождаемости населения, проживающего в сельских местностях, в росте всего населения страны, ибо в течение многих лет высокая рождаемость сельского населения обеспечивала увеличение населения республики высокими темпами. За последние годы наблюдается более ускоренное снижение показателя, отражающего процесс рождаемости сельского населения, по сравнению с городским. Сокращение уровня рождаемости во всех территориальных единицах отражается на уменьшении количества и удельного веса детей в возрастном составе населения, увеличении прослойки трудоспособного населения, постепенном увеличении в составе населения пожилых. А это стало основой начала процесса старения населения республики «снизу». Важная положительная особенность демографической ситуации Узбекистана заключается в формировании устойчивых брачных отношений, их высоком уровне и низкой разводимости. В частности, тот факт, что коэффициент брачности составляет в республике 9,5‰, а коэффициент разводимости 1,0‰, также является причиной обеспечения высоких темпов роста населения. Указанные показатели были всегда высокими для сельского населения (10,5; 0,5, 2018 г.) по сравнению с городским (8,4; 1,1, 2018 г.). Это свидетельствует о все еще сохраняющейся в сельских местностях большой роли национальных, религиозных обрядов и традиций по сравнению с городскими местностями, и в них значительна роль семьи, брачных отношений. Вследствие высокого уровня рождаемости, низкого уровня смертности, устойчивости брачных отношений и незначительности разводов в Узбекистане не наблюдаются большие различия в половом и возрастном составе населения. Например, непосредственно воздействующий на рождаемость половой состав населения уравновешен (женщины — 49,7%; мужчины — 50,3%; 2018 г.). Что касается возрастной структуры населения, то здесь различия в численности мужчин и женщин во всех возрастных группах незначительны. Более того, доля женщин в детородном возрасте (15–49 лет) составляет более половины, точнее, 55% всех женщин.

В стране совершенствовалась система здравоохранения, усилилось внимание к здоровью матери и ребенка. В результате был достигнут главный рубеж в демографическом развитии населения Узбекистана — снижены случаи смертей во всех возрастных группах. Улучшение условий жизни населения, высокая доля молодежи и лиц среднего возраста, снижение уровня рождаемости привели к уменьшению случаев смертности детей до 1 года, материнской смертности и общей смертности. За короткий период (1991–2018 гг.) уменьшились: общий коэффициент смертности населения республики — на 13,9%, детская смертность до 1 года — на 75,8%, или общий коэффициент смертности снизился с 6,2 до 4,7‰, детская смертность до 1 года — с 35,5 до 11,6‰. Такие позитивные изменения в процессах смертности и сокращение уровня рождаемости привели к предпосылке перехода воспроизводства населения в республике от традиционного к современному типу.

Результаты изменений демографической ситуации, отличные от таковых в период бывшего Союза, показывают, что наступает новый этап в демографическом развитии Республики Узбекистан. Эта демографическая ситуация и демографическое развитие находят свое отражение в снижении темпов роста и среднегодовых темпов прироста населения, уровней рождаемости и смертности. Как уменьшение численности населения, так и его увеличение быстрыми темпами представляют собой серьезные проблемы. Следовательно, резкое уменьшение численности населения или предупреждение чрезмерного роста, переход воспроизводства населения к рациональному типу требуют уже сейчас проведения в Узбекистане специальной демографической политики.

Список литературы

1. *Буриева М. Р. Тожиева З. Н., Саидов А.* Современная демографическая ситуация в Узбекистане // Информация Географического общества Узбекистана. Том 21. — Ташкент, 2000. — С. 107–109.
2. *Солиев А. С., Буриева М. Р., Назаров М. И., Тожиева З. Н.* и др. Демография сельской местности: научная монография. — Ташкент, 2005.
3. *Тожиева З. Н.* Население Узбекистана: рост и местонахождение (1989–2009 гг.): научная монография. — Ташкент: Fan va texnologiya, 2010.
4. *Тожиева З. Н.* Изменения репродуктивной тенденции женщин в Узбекистане и их когортный анализ // Известия Национального университета Узбекистана. — 2018. — № 3/1. — С. 452–455.
5. *Тожиева З. Н.* Трансформация повозрастных коэффициентов рождаемости населения Узбекистана // Материалы международной конференции «Демографическое развитие — вызовы глобализации». Седьмые Валентеевские чтения, Москва, 15–17 ноября 2012 г. — М., 2012.
6. *Tozhieva Z. N., Sabirova M.Sh., Saipov U. M.* Reproduction of the population in the republic of Uzbekistan and its territorial divisions // European science review. Scientific journal. — 2018. — № 11–12. — Vol. 1. — P. 17–20.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Burieva M. R. Tozhieva Z. N., Saidov A.* Sovremennaja demograficheskaja situacija v Uzbekistane // Informacija Geograficheskogo obshhestva Uzbekistana. Tom 21. — Tashkent, 2000. — S. 107–109.
2. *Soliev A. S., Burieva M. R., Nazarov M. I., Tozhieva Z. N. i drugie*. Demografija sel'skoj mestnosti: nauchnaja monografija. — Tashkent, 2005.
3. *Tozhieva Z. N.* Naselenie Uzbekistana: rost i mestonahozhdenie (1989–2009 gg.): nauchnaja monografija. — Tashkent: Fan va texnologiya, 2010.
4. *Tozhieva Z. N.* Izmenenija reproduktivnoj tendencii zhenshhin v Uzbekistane i ih kogortnyj analiz // Izvestija Nacional'nogo universiteta Uzbekistana. — 2018. — № 3/1. — S. 452–455.
5. *Tozhieva Z. N.* Transformacija povozrastnyh kojefficientov rozhdaemosti naselenija Uzbekistana // Materialy mezhdunarodnoj konferencii «Demograficheskoe razvitie vyzovy globalizacii». Sed'mye Valenteevskie chtenija, Moskva, 15–17 nojabrja 2012 g. — M., 2012.

ЧАЙКА Егор Евгеньевич
студент, экономический факультет
Российского университета дружбы народов,
кафедра региональной экономики и географии,
Москва, Россия.
E-mail: jkzitr2499@mail.ru.

Научный руководитель: МИЗЕРОВСКАЯ Ульяна Викторовна,
к.э.н., доцент, экономический факультет
Российского университета дружбы народов,
кафедра региональной экономики и географии,
Москва, Россия.
E-mail: mizerovskaya-uv@rudn.ru.

СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ РАССЕЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ КРАЙНЕГО СЕВЕРА РОССИИ

Ключевые слова: региональная демография, Крайний Север России, расселение населения, миграция населения, Дальний Восток.

Коды JEL: J10, J11

Введение. Суровые условия Крайнего Севера оказывают значительное влияние на динамику численности и территориальную структуру расселения населения, которую формируют прежде всего нужды хозяйственного освоения данных территорий. Преимущественно сырьевая моноспециализация абсолютного большинства местных населенных пунктов делает их крайне чувствительными к структурным сдвигам в экономике как отдельных регионов, так и страны в целом, а позднее освоение и недостаточная инфраструктурная обеспеченность северных территорий усиливает эту особенность и обуславливают слабую устойчивость системы расселения населения Крайнего Севера, что хорошо иллюстрируется «постсоветской» географией внутристрановых миграций. Наиболее острая ситуация, выявляющая современные проблемы расселения населения Крайнего Севера России, складывается на Дальнем Востоке с его огромными территориями и низкой численностью населения.

Методика и комментарии к объекту исследования. Результаты исследования основываются на анализе динамики численности населения и количества городских населенных пунктов (городов и поселков городского типа — пгт) регионов дальневосточного Крайнего Севера России по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. [Перепись 1989], Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. [Перепись 2002; Перепись 2010], а также оценочных данных численности населения на 1 января 2020 г. [10]. Кроме того, отдельно были рассмотрены основные характеристики миграционных потоков в указанном регионе на основе сведений Росстата о миграциях в России за 2019 г. [Численность и миграция..., 2019].

Для сопоставимости данных за весь исследуемый период границы административно-территориального деления субъектов РФ и отнесенность к районам Крайнего Севера [Постановление..., 1983] взяты по состоянию на 2020 г. При этом районами Крайнего Севера определены только непосредственно являющиеся таковыми, без учета приравненных к ним. Таким образом, в дальневосточный Крайний Север полностью входят Магаданская область, Камчатский край, Республика Саха (Якутия), Чукотский автономный округ, частично Хабаровский край (Охотский и Аяно-Майский районы) и Сахалинская область (Курильский, Северо-Курильский, Южно-Курильский, Ногликский, Охинский районы и город Оха).

Результаты исследования. Сложившиеся к настоящему времени тенденции в динамике системы расселения населения дальневосточного Крайнего Севера обусловлены не только его северным положением как таковым, но и существенными отличиями от европейского Крайнего Севера России, имеющего более длительную историю освоения. Промышленное — а это в первую очередь значит «оседлое» — развитие дальневосточ-

ный Крайний Север получил только в эпоху советской власти, т.е. менее века назад. В конце XIX — начале XX в., когда на европейском Севере, граничащем с Западной Европой, вовсю рос экспортный лесопромышленный комплекс, дальневосточный Север России продолжал традиционно заниматься охотой и рыболовством, предполагавшими скорее кочевой, чем оседлый образ жизни. И даже в советские времена его промышленное развитие по сравнению с европейским Севером России тормозилось гораздо меньшей транспортной доступностью и значительной отдаленностью от центра страны.

Строительство начатой еще в царские времена железной дороги до Мурманска, прокладка Беломорско-Балтийского канала, Северо-Печорской и Сорокско-Обозерской железнодорожных линий, стремительное развитие незамерзающего порта Мурманска обеспечили европейскому Северу в XX в. дополнительные стимулы развития. Если же говорить о дальневосточном Крайнем Севере, то даже сейчас отдельные железнодорожные линии существуют только на территории Сахалина и в южных районах Якутии (при этом в последнем случае они появились сравнительно недавно — до Якутска линию довели менее десяти лет назад). Природно-климатические условия в виде подземного слоя вечной мерзлоты и плоскогорного рельефа делают затруднительным строительство железнодорожных транспортных артерий. Это продолжает ослаблять и без того неустойчивую систему расселения региона, так как многие населенные пункты являются более жизнеспособными и функциональными вблизи таких «твердых связующих». Более того, транспортное развитие способствует появлению мелких населенных пунктов — разъездов, остановок, — которые впоследствии могут вырасти в более крупные территориальные единицы, а также снижает издержки и развивает логистику доставки грузов. Дальневосточный Север в настоящее время в большинстве своем не может воспользоваться подобными положительными эффектами.

Отдаленность дальневосточного Крайнего Севера от основных центров экономической жизни как европейской части России, так и южных «развитых» субъектов Дальнего Востока повышает транспортные издержки на все виды доставляемой продукции. При этом важно понимать, что логистика перемещения грузов выглядит следующим образом: сначала доставка происходит в административные центры субъектов, потом из них в районные центры и только в конце доходит до самых мелких населенных пунктов. Это сильно снижает возможности для диверсификации транспортных потоков и приводит к цикличности завоза продукции и периодическому дефициту отдельных ее видов, что, в свою очередь, ведет к удорожанию проживания на данных территориях и пониженной жизнеспособности

мелких населенных пунктов, представленных в основном поселками городского типа (пгт).

Стоит отметить, что ввиду промышленного освоения дальневосточного Севера и трудностей ведения сельского хозяйства в местных климатических условиях наиболее преобладающей формой размещения населения здесь являются городские населенные пункты. Основание населенных пунктов происходило преимущественно вблизи месторождений полезных ископаемых, в более редких случаях — вблизи морского побережья. Основанные населенные пункты в большинстве случаев являлись рабочими поселками и были ориентированы на разработку месторождений золота и серебра (Магаданская область, Чукотский АО, Республика Саха, Камчатский край, районы Крайнего Севера Хабаровского края), нефти и газа (районы Крайнего Севера Сахалинской области), угля (районы Крайнего Севера Сахалинской области, Магаданская область, Республика Саха), алмазов (Республика Саха). Подобные поселки впоследствии превратились в поселки городского типа, а некоторые даже стали городами. Однако населенные пункты, ориентированные на добычу сырья, являются очень неустойчивыми ввиду исчерпаемости ресурсной базы, что ведет к их ликвидации или смене статуса на сельский населенный пункт, которая лишь ненадолго продлевает им жизнь. Что касается прибрежных населенных пунктов, то они зачастую имеют смешанный профиль специализации, так как одновременно являются морскими портами и центрами рыбного промысла. Такой формат менее способствует удержанию внутреннего населения, нежели «добывающая» специализация, однако более устойчив во временном аспекте ввиду возобновляемости морских биоресурсов и важности поддержания морских путей, стоянок и портов.

Таким образом, молодая и не до конца сформировавшаяся система расселения населения дальневосточного Крайнего Севера вкупе с огромными территориями и их периферийным положением, небольшой численностью населения и затрудненностью транспортного сообщения обуславливает малочисленность и значительную разреженность сети населенных пунктов, обладающих в основном сырьевой моноспециализацией и представленных преимущественно городскими населенными пунктами. Как следствие, Север Дальнего Востока отличается в настоящее время самыми низкими показателями как плотности населения, так и плотности городских населенных пунктов. Все перечисленные особенности обусловили выявленные в процессе данного исследования **тенденции в развитии системы расселения населения дальневосточного Севера.**

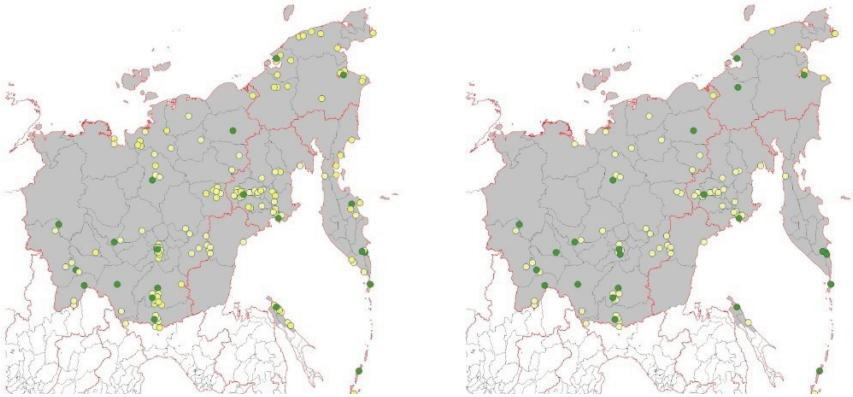

Рис. 1. Города и пгт дальневосточного Крайнего Севера в 1989 г. (левый рисунок) и на начало 2020 г. (правый рисунок)
Источник: построено автором по [Перепись 1989; Численность..., 2020].
Примечание: серым цветом выделены районы Крайнего Севера, темными пунсонами отмечены города, светлыми — пгт.

1. Концентрация населения. В 1989 г. на территории Крайнего Севера Дальнего Востока насчитывалось 140 пгт и 21 город. К 2020 г. количество пгт сократилось почти в 2 раза (осталось 74), а количество городов увеличилось до 24. Снижающееся общее число населенных пунктов ведет к их все более плотному и компактному расположению (см. рис. 1). Центрами областей концентрации становятся города — административные центры субъектов, а также городские населенные пункты, которые имеют перспективы развития. Как правило, к последним относятся те, базовая отрасль которых не скоро перестанет функционировать, что в случае с добывающими населенными пунктами обусловлено большими запасами разрабатываемого месторождения.

В Чукотском АО, Магаданской области и Якутии заметно исчезновение большого количества пгт, что усиливает тенденцию к очаговому и ленточному размещению населенных пунктов на карте региона. Например, очаговый наблюдается по всей территории Якутии. Элементом ленточного расселения в Магаданской области является протянувшаяся полоса из пгт вдоль рек и небольших ручьев, вблизи которых осуществляется добыча россыпного золота.

2. Повышенная уязвимость более северных населенных пунктов. Чем севернее находится населенный пункт, тем выше вероятность того, что в случае снижения рентабельности его функционирования или полного исчерпания близлежащего месторождения полезных ископаемых он будет полностью ликвидирован без смены статуса на сельский населенный пункт. Так, в се-

верных районах Сахалинской области из исчезнувших в 1989–2020 гг. шести поселков городского типа один был полностью ликвидирован (17%), в Камчатском крае также ликвидирован один, но из десяти (10%), в Магаданской области ликвидации подверглись два из одиннадцати пгт (18%), в Якутии 12 из 26 (46%). Самые высокие показатели у Чукотского АО — там были ликвидированы 10 из 13 пгт (77%). Во всех регионах оставшаяся доля исчезнувших пгт принадлежит либо переведенным в статус сельских населенных пунктов, либо включенным в состав других населенных пунктов. Более того, оставшиеся городские населенные пункты более северных районов депопулируют гораздо быстрее, чем южные. В районах Крайнего Севера Сахалинской области и Камчатского края каждый городской населенный пункт ежегодно теряет по 1,1% населения, в Якутии по 2,4% населения, а в Магаданской области 4,4% (при этом здесь зафиксированы самые высокие отдельные результаты — у пгт Большевик и пгт Бурхала этот показатель достигает 9,1 и 8,6% соответственно). Несмотря на то что Чукотский АО является самым северным, здесь ежегодно городские населенные пункты теряют только по 1% каждый год. Это связано с тем, что здесь осталось три города, которые уже «вытянули» региональное население исчезнувших пгт, а существующие пять пгт еще имеют функционирующую базовую отрасль. Таким образом, происходит смещение постоянно проживающего населения в Ближний Север.

3. Превращение Дальнего Севера в территорию исключительно вахтовых поселений. Исчерпание более удачно расположенных месторождений и начало освоения ранее относящихся к категории перспективных, расположенных глубоко внутри регионов дальневосточного Крайнего Севера месторождений ведет к тому, что уже невыгодно основывать постоянно функционирующие населенные пункты. Решением становятся временные поселки, существование которых ограничено периодом разработки месторождений. Это ведет к тому, что трудовые ресурсы все больше привлекаются извне, т.е. рабочие являются вахтовыми. При этом чем труднодоступнее регион, тем более востребованной является концепция вахтовых поселков. Это прослеживается в структуре прибывающего населения. В среднем по России доля прибывающих на срок не более года в 2019 г. составляла 33,9%, по Дальневосточному федеральному округу — 36,4%, в наиболее близкорасположенной и имеющее меньшие трудности в транспортной доступности Якутии — 34,8%. Но в более отдаленных регионах Дальнего Востока эта доля превышает как среднероссийские показатели, так и средние по федеральному округу. В Магаданской области и Камчатском крае она составила 46,6 и 45% соответственно и своего пика достигла в Чукотском АО — 64% (самый высокий показатель по стране).

4. Обезлюдивание территорий. Население регионов Крайнего Севера Дальнего Востока России продолжает убывать. Убытие сформировано

как стабильным миграционным оттоком, так и отрицательными значениями естественного прироста в некоторых субъектах. За последние пять лет каждый год в среднем уезжало из Якутии 3472 человек, из Магаданской области 1454 человек, из Камчатского края 1039 человек, из Чукотского АО 194 человек, а из районов Крайнего Севера Хабаровского края 186 человек. Только в северных районах Сахалинской области наблюдается ежегодный миграционный прирост в 115 человек. В Магаданской области и северных районах Хабаровского края усугубляет ситуацию и естественная убыль населения (ежегодно 130 человек и 15 человек соответственно). При этом более отдаленные регионы имеют большую уязвимость к демографическим процессам. Это наглядно отражено в доле, занимаемой субъектами в численности населения в районах Крайнего Севера Дальнего Востока. Если в 1989 г. структура размещения в данном регионе была следующей: 45,6% населения проживало в Якутии, 22,9% в Магаданской области, 19,6% в Камчатском крае, 6,6% в Чукотском АО и 4,3 и 1% в районах Крайнего Севера Сахалинской области и Хабаровской края, то к 2020 г. она сильно изменилась. Так, доля Республики Саха возросла до 63,2%, второе место уже занял Камчатский край, доля которого немного подросла (до 20,3%), доля Магаданской области уменьшилась больше чем в 2 раза до 9,1%, а у Сахалинской области, Чукотского АО и Хабаровского края снизилась до 3,6, 3,3 и 0,5% соответственно. Самыми «убывающими» являются Чукотский АО и Магаданская область.

Заключение. В целом дальневосточный Крайний Север претерпевает трансформацию системы расселения. Не до конца сформировавшаяся в советский период истории, она была подвергнута сильным демографическим испытаниям после распада СССР. Эти испытания выявили ее несостоятельность и нерентабельность в современных условиях, поэтому нынешние изменения в ней — это своеобразный поиск нового пути. Равномерное развитие территории с отчетливо выделяющимися центрами — городами и поселками городского типа — уходит в прошлое, на смену приходит концепция сохранения опорных пунктов только на Ближнем Севере, расположенном относительно недалеко от основной полосы расселения. В то же время на Дальнем Севере создаются временные вахтовые поселки, которые носят чисто утилитарный характер и предназначены не для постоянного проживания, а лишь для разработки месторождений полезных ископаемых. Из негативных следствий подобной трансформации главным является то, что развитие территорий, особенно наиболее отдаленных, уже не происходит, идет только разработка существующих там месторождений через систему вахтовых поселков, которые будут заброшены сразу же по исчерпании минерально-сырьевой базы. В то же время населенные пункты и их население смещаются на юг и концентрируются

там, и без поддержки развитием транспортного каркаса территории этот «южный» дрейф остановить затруднительно.

Список литературы

1. *Бурлаев Е. А., Дьяченко В. Н., Мотрич Е. Л., Фещенко Н. В.* Население Дальнего Востока России: проблемы и тенденции / под ред. П. А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. — Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2018. — 71 с.
2. *Вишневский А. Г., Денисенко М. Б., Зайончковская Ж. А., Мкртчян Н. В.* Демографические вызовы России. Часть третья — миграция // Демоскоп Weekly. — 2017. — № 753–754. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0753/tema01.php (дата обращения: 03.08.2020).
3. Всероссийская перепись населения 2010 г. Численность населения городских населенных пунктов Российской Федерации // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg2.php. (дата обращения: 02.08.2020).
4. Всероссийская перепись 2002 г. Численность городского населения России, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php (дата обращения: 02.08.2020).
5. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (дата обращения: 01.08.2020).
6. *Обедков А. П.* Особенности размещения населения и современные тенденции в развитии расселения в России // Россия: тенденции и перспективы развития. — 2019. — Т. 14, Ч. 1. — С. 863–870.
7. *Обедков А. П.* Формирование опорного каркаса северных территорий как фактор модернизации и укрепления российского пространства // Россия: тенденции и перспективы развития. — 2018. — Т. 13, Ч. 1. — С. 1029–1038.
8. Постановление Совмина СССР от 03.01.1983 № 12 (ред. от 27.02.2018) «О внесении изменений и дополнений в Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, утвержденный Постановлением Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 г. № 1029». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_403/e0ea98970eab53abef3339d0a701bed7dd8420a1/. (дата обращения: 01.08.2020).
9. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2019 году // Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm. (дата обращения: 06.08.2020).
10. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2020 года // Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13282. (дата обращения: 04.08.2020).

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Burlaev E. A., D'jachenko V. N., Motrich E. L., Feshhenko N. V.* Naselenie Dal'nego Vostoka Rossii: problemy i tendencii / pod red. P. A. Minakira; Institut jekonomicheskih issledovanij DVO RAN. — Habarovsk: IJeI DVO RAN, 2018. — 71 s.
2. *Vishnevskij A. G., Denisenko M. B., Zajonchkovskaja Zh.A., Mkrtchjan N. V.* Demograficheskie vyzovy Rossii. Chast' tret'ja — migracija // Demoskop Weekly. — 2017. — № 753–754. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0753/tema01.php (data obrashhenija: 03.08.2020).
3. Vserossijskaja perepis' naselenija 2010 g. Chislennost' naselenija gorodskih naselennyh punktov Rossijskoj Federacii // Demoskop Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg2.php. (data obrashhenija: 02.08.2020).
4. Vserossijskaja perepis' 2002 g. Chislennost' gorodskogo naselenija Rossii, ejo territorial'nyh edinic, gorodskih poselenij i gorodskih rajonov po polu // Demoskop Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php (data obrashhenija: 02.08.2020).
5. Vsesojuznaja perepis' naselenija 1989 g. Chislennost' gorodskogo naselenija RSFSR, ejo territorial'nyh edinic, gorodskih poselenij i gorodskih rajonov po polu // Demoskop Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (data obrashhenija: 01.08.2020).
6. *Obedkov A. P.* Osobennosti razmeshhenija naselenija i sovremennye tendencii v razvitii rasselenija v Rossii // Rossija: tendencii i perspektivy razvitija. — 2019. — T. 14, Ch. 1. — S. 863–870.
7. *Obedkov A. P.* Formirovanie opornogo karkasa severnyh territorij kak faktor modernizacii i ukreplenija rossijskogo prostranstva // Rossija: tendencii i perspektivy razvitija. — 2018. — T. 13, Ch. 1. — S. 1029–1038.
8. Postanovlenie Sovmina SSSR ot 03.01.1983 № 12 (red. ot 27.02.2018) «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Perechen' rajonov Krajnego Severa i mestnostej, priravnennyh k rajonam Krajnego Severa, utverzhdjonnyj Postanovleniem Soveta Ministrov SSSR ot 10 nojabrja 1967 g. № 1029». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_403/e0ea98970eab53abef3339d0a701bed7dd8420a1/ (data obrashhenija: 01.08.2020).
9. Chislennost' i migracija naselenija Rossijskoj Federacii v 2019 godu // Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki RF. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm (data obrashhenija: 06.08.2020).
10. Chislennost' naselenija Rossijskoj Federacii po municipal'nym obrazovanijam na 1 janvarja 2020 goda // Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki RF. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13282. (data obrashhenija: 04.08.2020).

ЧУЧКАЛОВ Александр Сергеевич
студент, географический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова,
кафедра экономической и социальной географии России,
Москва, Россия.
E-mail: chuchkalov_sashka@mail.ru

АЛЕКСЕЕВ Александр Иванович
д.г.н., профессор, географический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова,
кафедра экономической и социальной географии России,
Москва, Россия.
E-mail: alival@mail.ru

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР СТРУКТУРЫ И ДИНАМИКИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ[1]

Ключевые слова: динамика населения, сельское население, этнодемография, возрастная структура, Республика Марий Эл.

Код JEL: J11

Сельская местность Марий Эл обеспечена уникальным материалом: по каждому сельскому населенному пункту (СНП) с конца XIX до начала XXI в. доступны данные о людности (численности населения) СНП, этническом составе, их административных, хозяйственных и производственных функциях (центры волостей, центральные усадьбы колхозов, наличие промышленных предприятий и др.) и размещении учреждений сферы услуг (школы, фельдшерские пункты, магазины и пр.), а за начало XXI в. — и о возрастном составе жителей СНП [Чучкалов, Алексеев, 2020].

Для полевого исследования нами были выбраны два муниципальных района (Мари-Турекский и Параньгинский), находящиеся на юго-западе республики, на границе с Татарстаном. Оба района — периферийные, интенсивность оттока сельского населения оттуда выше средней. Данные районы имеют наиболее разнообразный этнический состав: марийцы, русские, татары, удмурты. Сельские населенные пункты на их территории преимущественно являются моноэтничными — в их населении абсолютно преобладает один из этих этносов [Шабыков, Зеленеева, 2014]. Более того, преобладающий этнос в населении большинства СНП за период с сере-

[1] Тезисы к докладу подготовлены при поддержке РФФИ, проект 18-05-00394 «Новая типология сельских населенных пунктов России: эффект колеи и современные факторы эволюции сельской местности».

дины XX в. по начало XXI в. оставался неизменным[1]. Поэтому сравнение данных по разным СНП позволяет выделить «этнический фактор» демографического развития на данной территории.

Возрастная структура населения СНП оценивалась через одну из модификаций коэффициента Сови — отношение доли лиц старше трудоспособного возраста к доле лиц младше трудоспособного возраста (соотношение численности «пенсионеров» и «детей»). Чтобы избежать влияния случайных факторов (значение которых тем больше, чем меньше людность СНП), были взяты только СНП с людностью более 100 жителей — всего их 75. Также на диаграмме не указаны населенные пункты, в которых расположены специальная школа-интернат для детей и пансионат для престарелых и инвалидов — учреждения, наличие которых отражается на возрастной структуре соответствующих СНП[2].

На рис. 1 отложены значения показателей отношения людности населенных пунктов в 2010 г. к численности населения в 2002 г. (горизонтальная ось) и отношения доли «пенсионеров» к доле «детей» в 2010 г. (вертикальная ось).

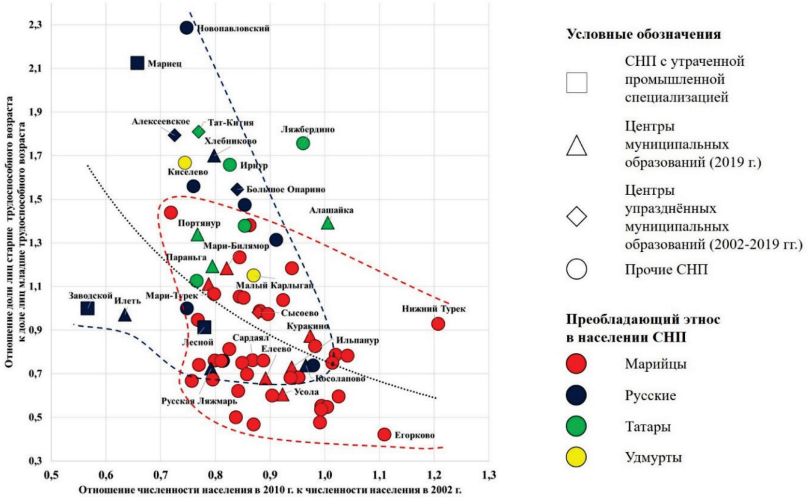

Рис. 1. Этнический фактор возрастной структуры и динамики численности населения населенных пунктов Мари-Турекского и Параньгинского муниципальных районов в 2002–2010 гг.
Источник: составлено авторами.

[1] Это справедливо для всех сельских населенных пунктов за исключением шести деревень с численностью населения в 2010 г. от 2 до 17 человек.

[2] Поселок Нартас (в составе Мари-Биляморского сельского поселения Мари-Турекского района) и деревня Большой Карлыган (Карлыганское сельское поселение Мари-Турекского района) соответственно.

Понятно, что между показателями действительно существует статистическая зависимость, близкая к обратно пропорциональной: при прочих равных условиях, чем сильнее сократилась численность проживающего в населенных пунктах населения за 2002–2010 гг., тем больше доля пенсионеров по отношению к доле детей в их населении в 2010 г.

На рисунке ярко выделяются марийские СНП с наименьшей убылью населения и наиболее молодым возрастным составом. Русские и татарские села не образуют столь компактной группы, но очевидно, что самыми старыми являются русские СНП, с наибольшей убылью населения. Татарские СНП занимают промежуточное положение, несмотря на повышенную долю «пенсионеров» в их населении. В целом наибольшая убыль населения за 2002–2010 гг. была характерна для «русских» населенных пунктов с утраченной промышленной специализацией[1].

Такая ситуация объясняется более ранней урбанизацией русского населения, массовый отток которого в города начался еще в 1950–1960-х гг. У марийцев это началось позже, их образ жизни и сейчас более традиционен (например, больший размер личного подсобного хозяйства, часть уехавших на учебу молодых людей возвращается к родителям), они более привязаны к родным местам (в том числе вследствие почитания местных святынь — священных рощ и т.д.). В то же время у татар миграционный отток меньше, чем у русских, но больше, чем у марийцев. Заметим, что именно татарскому населению районов свойственен наибольший размер личных подсобных хозяйств.

По итогам глубинных интервью с сельскими жителями выявлены этнические особенности функционирования сельско-городских сообществ. Так, представители марийского этноса в сравнении с населением «русских» СНП в целом поддерживают более интенсивные социальные связи с дальними родственниками, находящимися в городах, что способствует повышению устойчивости их сельских сообществ.

В ходе выполненных глубинных интервью местные жители и сотрудники сельских администраций также нередко указывали на коренные различия в менталитете между марийским и русским населением (в том числе в части повышенной сохранности «аграрного» менталитета у части представителей марийцев[2]). Таким образом, фактор самоорганизации

---

[1] А именно для поселков Заводской и Мариец в составе Мари-Турекского и Марийского сельских поселений Мари-Турекского района соответственно (убыль на 43,3 и на 34,2% соответственно); закрытие промышленных предприятий и следующая за ним безработица, как известно, провоцируют миграционный отток трудоспособного населения и сокращение численности населения СНП.

[2] «Русское население какое-то менее активное само по себе. Их сложнее как-то вытащить на те же концерты, например, или на общественную работу. А вот именно марийское население — они очень активные. Кто-то увидел, что там человек сено косит — и они раз

проживающего в СНП сельского населения и коллективного выполнения труда является значимым в условиях почти повсеместной депопуляции сельской местности.

Список литературы

1. Административно-территориальное деление Марийской АССР 1952–1986 гг. // Родная Вятка. Краеведческий портал. URL: https://www.rodnaya-vyatka.ru/maratd/ (дата обращения: 2020.8.14).
2. База данных «Этноязыковой состав населенных пунктов России». URL: http://www.lingvarium.org/russia/settlem-database.shtml (дата обращения: 2020.8.14).
3. Мари-Турекский район // Информационный ресурс Республики Марий Эл. URL: https://www.12rus.ru/List/26/ (дата обращения: 2020.8.14).
4. *Чучкалов А. С., Алексеев А. И.* Эффект колеи в эволюции сельских населенных пунктов Республики Марий Эл. // Вестник Московского университета. Серия 5: География. — 2020. — № 2. — С. 53–65.
5. *Шабыков В. И., Зеленеева Г. С.* Динамика межэтнических браков в Республике Марий Эл на рубеже 20–21 веков (на материале актовых записей ЗАГСов) // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России. — Петрозаводск, 2014.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Administrativno-territorial'noe delenie Marijskoj ASSR 1952-1986 gg. // Rodnaja Vjatka. Kraevedcheskij portal. URL: https://www.rodnaya-vyatka.ru/maratd/ (data obrashhenija: 2020.8.14).
2. Baza dannyh «Jetno-jazykovoj sostav naseljonnyh punktov Rossii». URL: http://www.lingvarium.org/russia/settlem-database.shtml (data obrashhenija: 2020.8.14).
3. Mari-Turekskij rajon // Informacionnyj resurs Respubliki Marij Jel. URL: https://www.12rus.ru/List/26/ (data obrashhenija: 2020.8.14).
4. *Chuchkalov A. S., Alekseev A. I.* Jeffekt kolei v jevoljucii sel'skih naselennyh punktov Respubliki Marij Jel // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 5: Geografija. — 2020. — № 2. — S. 53–65.
5. *Shabykov V. I., Zeleneeva G. S.* Dinamika mezhjetnicheskih brakov v Respublike Marij Jel na rubezhe 20–21 vekov (na materiale aktovyh zapisej ZAGSov) // Finno-ugorskie jazyki i kul'tury v sociokul'turnom landshafte Rossii. — Petrozavodsk, 2014.

и прибежали, и помогли. У них если у кого-то день рождения, то они празднуют его всей семьей» (цитата по интервью с главным библиотекарем села Илеть Илетского сельского поселения Параньгинского района).

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

ГЕРАСИМОВИЧ Сергей Анатольевич
аспирант,
географический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова,
кафедра социальной и экономической географии России,
Москва, Россия.
E-mail: 777sir@gmail.com

КОМПЛЕКСЫ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В СЕЛЬСКО-ГОРОДСКИХ И ДАЧНЫХ СООБЩЕСТВАХ: ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ И НОВЫЕ СМЫСЛЫ

Ключевые слова: комплексы традиционной культуры, локальные сообщества, сельско-городские сообщества, трансформация роли.

Коды JEL: Q56, Q57

В настоящее время одним из важнейших вопросов, стоящих перед мировым сообществом, является охрана нематериальной культуры. Признано, что нематериальное культурное наследие — важнейшая составляющая идентичности, ее фундамент.

Особое место среди объектов нематериального наследия занимают урочища и прочие пространства, ценность которых обусловлена не их природной составляющей как таковой, а отношением к ним коллективной фольклорной памяти. Это и есть комплексы традиционной культуры. Комплексный или даже дуалистический характер данных объектов объясняется наличием двух составляющих: природной или антропогенной основы — урочища, материального объекта, а также ассоциируемой с ним легенды — фольклорной привязки, объясняющей его важность для местного сообщества, а иногда — и обрядовой системы, связанной с посещением данного объекта представителями местного сообщества.

Если часть из этих объектов уже охраняются как уникальные памятники природы, то многие с точки зрения природной составляющей уникальности не представляют и не имеют охранного статуса. В последние десяти-

летия происходит разрушение традиционной сельской культуры: деревни и села пустеют, нарушается преемственность поколений в сфере нематериального наследия, а с уходом носителей этих знаний утрачивается и значение самого комплекса традиционной культуры, который превращается в рядовой элемент культурного ландшафта. Поэтому актуальность проблемы фиксации и сохранения комплексов традиционной культуры очевидна. Комплексы традиционной культуры являются узловыми объектами социокультурного пространства на различных уровнях и важным компонентом при конструировании локальной территориальной идентичности.

Религиозные представления жителей деревень традиционно имели синкретическую форму, сочетающую православие и мифологические представления о природе. Сакрализация пространства бытия человека сохраняется и поддерживается всеми поколениями. Соблюдение нормативов взаимодействия с одухотворенным пространством нарушается в большей степени мужской частью среднего поколения. Взаимодействие с божественными силами опосредовано предметно-знаковыми действиями. Обращение за помощью к святым происходит не столь четко в соблюдении календарных канонов, сколь по мере необходимости (болезнь, просьба за ребенка, просьба об урожае и т.д.).

Сейчас происходит эрозия и размывание локальной сельской идентичности, что связано с деградацией традиционного уклада жизни и миграцией части населения в города. Поэтому и память о комплексах традиционной культуры также постепенно умоляется и уходит вместе с ее носителями.

Однако некоторые выходцы из сельских населенных пунктов, имеющих комплексы традиционной культуры на своей территории, продолжают сохранять собственную идентичность и знания легенд, связанных с объектами традиционной культуры, и после переезда. Уже упоминалась страница в социальных сетях и сайт прощи в д. Кохоновка (https://vk.com/nasha_proscha, http://carkva.wixsite.com/hramvlesu). В дни фестов — традиционных праздников прощ и прочих объектов традиционной культуры — выходцы из окрестных населенных пунктов приезжают на их территорию, чтобы поучаствовать в традиционных обрядах, что является частью их идентичности.

Обряд почитания для каждой прощи уникален. Если они освоены церковью — это будет традиционный молебен, где-то с окунанием в воды источника. Вода, обладающая, по преданию, целебными свойствами, бралась домой, ею омывались руки и другие части тела. В некоторых прощах на ветвях определенных деревьев или кустов завязывались кусочки ткани, иногда приносились деревянные кресты и т.п.

Совершенно иную группу населения составляют дачники. Приезжая в сельские населенные пункты и приобретая там усадьбы, они с удовольствием поддерживают фольклорную память, однако придавая ей не са-

кральное, а традиционное значение. Так, дачники не считают, что, например, камни-следовики обладают целебными свойствами. Но они с удовольствием водят желающих к ним и рассказывают легенды, с ними связанные, иногда даже пытаясь найти в них рациональное, с их точки зрения, зерно. Таким образом, для дачников не является актуальным обряд инициации, они рассказывают эти легенды всем, это уже не есть прерогатива лишь членов местных сообществ. Знания о комплексах традиционной культуры в их сознании являются критерием укорененности в данных локальных сообществах, в которых они перестают быть «чужаками». Однако при естественном исчезновении всех прямых носителей информации об комплексе традиционной культуры данная информация, носителями которой остаются только дачники, часто притерпевает различной степени трансформацию. Так как она не носит сакрального характера для них, дачники пытаются ликвидировать либо смягчить наиболее фантастические и неправдоподобные моменты легенд, адаптировать под их понимание настоящей легенды, часто исходя из собственного литературного либо жизненного опыта. Таким образом, комплекс традиционной культуры десакрализируется, но продолжает оставаться значимым компонентом социокультурного ландшафта, ментальной карты местности.

А вот собственно в городах роль комплексов традиционной культуры чрезвычайно важна: они помогают формировать национальную или региональную идентичность. Существующие в черте города комплексы переосмысливаются, для наиболее важных и значимых комплексов из данного региона или страны могут создаваться стилизованные реплики.

Как уже говорилось, комплексы традиционной культуры исчезают вместе с носителями информации о них. Но некоторые из них, попав в региональный или национальный дискурс, становятся маркерами соответственно региональной или национальной идентичности, прочно закрепляясь в национальном нарративе.

Интересно проследить эволюцию комплексов традиционной культуры или их реплик в городах на конкретных примерах, подтвердить их значение в качестве маркеров национальной или региональной идентичности.

Например, холмы Кернаве в Литве, хотя принадлежность их к городским ландшафтам спорна. Легендарная первая столица страны, локализация которой не доказана и большинством историков ставится под сомнение, дает балтскому народу право пользоваться этнонимом, хотя в Средневековой Литве господствовал славянский язык и культура.

Есть комплексы традиционной культуры, изначально существующие в городах. В России — это Чреватовский вяз в Дивееве — эрзянский сакральный объект, Гора Крестов в литовском Шяуляе и Грабарка в Польше, Голосов овраг в Москве, Полыковский источник под Могилевом и многие другие.

Другая группа — комплексы традиционной культуры локального уровня, переосмысленные после включения в черту города. Курганы вя-

тичей (ранее известные как Наполеоновы могилы) в Москве. Это — яркий пример традиционного восточнославянского инвайдерского палимпсеста. В географический обиход термин «палимпсест» ввел Д. Мейниг в предисловии к знаменитой книге «Интерпретация обыкновенных ландшафтов» [Meinig, 1979]. Мейниг описал процесс формирования ландшафта как растянутый во времени, в связи с чем в ландшафте всегда сохраняются следы его прошлых состояний. В восточнославянских землях курганы прочно связываются с последними завоевателями: так татарские могилы превратились в шведские, а потом во французские или наполеоновские. Данное наименование курганов вятичей в Москве до сих пор сохранилось в Переделкине. В последнее время палимпсест был переосмыслен, закрепилось название «курганы вятичей» как ответная реакция на утверждения о построении Москвы на мерянских землях. Трудности в разграничении балтских голядских, вятичских и мерянских курганов безусловны. Да и сами вятичи — даже согласно национальному нарративу — более поздние пришельцы в восточнославянские земли. Если славянское происхождение курганов еще имеет какую-то доказательную базу, то принадлежность их именно вятичам — явно дань национальному мифу.

Список литературы

1. *Meining D.W.* Introdaction // The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays / Ed. by D.W. Meining. — New York — Oxford: Oxford University Press, 1979.

ГРИГОРЬЕВА Наталия Сергеевна
д.п.н., профессор,
факультет государственного управления
МГУ имени М. В. Ломоносова,
кафедра политического анализа,
Москва, Россия.
E-mail: grigorieva@spa.msu.ru

СТУДЕНЧЕСКАЯ СЕМЬЯ — ПОТЕНЦИАЛ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СТРАТЕГИЙ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: студенческая семья, демографическое развитие, стратегии семейного поведения.

Коды JEL: J10, J11

В настоящее время необходимы глубокие исследования современных тенденций развития брачно-семейных отношений в России, что особенно важно для коррекции мер государственной политики в сторону повышения ее эффективности. Численность, структура, качественные характеристики семей и их динамика являются существенной компонентой формирования новых поколений, влияют на процесс воспроизводства населения, а также на различные аспекты социально-экономического развития [Доброхлеб, Кондакова, 2017], в том числе и на потенциал развития человеческого капитала.

Молодежь является особой группой, отличающейся высокой мобильностью, подверженной влиянию различных течений и трендов, одновременно представляющей стратегическое значение для ресурсной мобилизации. Представления студенческой молодежи — прогностический источник информации о тенденциях развития семьи и брака в современных условиях [Ростовская, Кучмаева, 2015; Гурко, Тарченко, 2019; Назарова, Зеленская, 2019].

Статистика фиксирует сокращение числа пар, заключивших брак в студенческом возрасте (18–24 года). В отличие от советского времени, когда таких браков было много, современные студенты представляют семью как некое отдаленное будущее, считая образование, которое они получают, основанием для получения в дальнейшем интересной и высокооплачиваемой работы, ставят это основой для достижения материального и социального благосостояния.

На факультете государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова было проведено два исследования с целью выявления семейных стратегий современного студенчества. Первое — в 2008–2009гг. [Григорьева, 2009], а второе спустя 10 лет [Панова и др., 2019]. Респондентами в обоих случаях выступили студенты старших курсов гуманитарных и естественных факультетов. Сходность характеристик респондентов и идентичность вопросов позволили повести сравнительный анализ и достичь качественно значимых показателей.

Оба исследования показали, что около трети студентов придерживается мнения, что семья — личное дело каждого и государство не имеет к данному социальному институту никакого отношения; при этом столько же уверены в том, что, если государство ставит перед собой какие-либо цели в сфере семейной и молодежной политики, оно должно иметь механизм для гарантии их реализации.

Результаты опросов также показали, что для студентов характерна выраженная психологическая неподготовленность к зарегистрированной форме брака. Вторым диагностированным препятствием стал материальный фактор — отсутствие желаемого уровня/качества жизни; на третьем месте — фактор наличия у студентов «в багаже» неудачного опыта роди-

телей или окружающих (друзей, родственников, знакомых) по выстраиванию семейных отношений. Кроме того, в исследовании 2019 г. было зафиксировано значительное увеличение числа тех, кто уже изначально не планирует иметь детей. По сравнению с исследованием 2008 г. увеличение произошло в 2,5 раза среди юношей и в 10 раз среди девушек. Причем рост этой группы респондентов произошел «за счет» уменьшения группы тех студентов, которые в исследовании 2008 г. были среди тех, кто планировал иметь 1–2 детей. Таким образом можно говорить о «планируемой бездетности» [Григорьева и др., 2014] в очень молодом возрасте.

Данные двух опросов продемонстрировали пессимизм в восприятии студентами семьи как индикатора успеха в жизни. Произошли существенные изменения и в системе ценностей: ценность семьи уступает у молодых людей иным ценностям (образование, престижная работа, удовлетворение личных эмоциональных потребностей). Для того чтобы максимально эффективно реализовать себя при построении карьеры (по мнению большинства опрошенных), нужно быть свободным от каких-либо иных обязательств. В силу такого подхода для студенческой молодежи более привлекательной представляется партнерская модель брачных отношений как эффективный способ апробации семейного формата жизни.

В этой ситуации важным представляется выявление мотивационных механизмов и характеристика жизненных стратегий студентов. Анализ современных семейных стратегий в проекте «Семейные стратегии студенческой молодежи: 10 лет спустя» позволил выявить проблемные точки формирования семейных стратегий студентов. Результаты сравнительного анализа анкет 2008 и 2019 гг. показывают, что существует настоятельная необходимость выявления социальных механизмов конструирования демографического поведения российской студенческой молодежи с тем, чтобы скорректировать перспективные направления развития семейной и демографической политики в отношении этой социальной группы.

Список литературы

1. *Григорьева Н. С.* Семейные стратегии современной российской студенческой молодежи. Решение конфликта «работа-семья», 2009. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_312488.pdf
2. *Григорьева Н., Дюпра-Куштанина В., Шарова М.* Социальная политика в области родительства и бездетности: сравнительный анализ (Россия—Франция) // Журнал исследований социальной политики. — 2014. — Т. 12. — № 1. — С. 21–38.
3. *Гурко Т. А., Тарченко В. С.* Динамика брачных установок и планов студентов // Социологические исследования. — 2019. — Т. 45. — № 7. — С. 102–113.

4. *Доброхлеб В. Г., Кондакова Н. А.* Семейный потенциал в условиях модернизации современной России // Проблемы развития территории. — 2017. — Вып. 6 (92).
5. *Назарова И. Б., Зеленская М. П.* Брак, семья, обучение: установки и представления студентов // Социологические исследования. — 2019. — № 7. — С. 78–89.
6. *Панова Е. А., Андрюшина Е. В., Григорьева Н. С.* Семейные стратегии современной российской студенческой молодежи (результаты компаративного анализа данных опроса за 2008 и 2019 гг.) // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). — 2019. — № 77. — С. 246–273. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/77_2019andryushina_grigorieva_panova.htm
7. *Ростовская Т. К., Кучмаева О. В.* Представления молодых россиян о семейной жизни: социологический ракурс // Вопросы управления. — 2015. — № 3. — С. 85—90.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Grigor'eva N. S.* Semejnye strategii sovremennoj rossijskoj studencheskoj molodezhi. Reshenie konflikta «rabota-sem'ja, 2009. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_312488.pdf
2. *Grigor'eva N., Djupra-Kushtanina V., Sharova M.* Social'naja politika v oblasti roditel'stva i bezdetnosti: sravnitel'nyj analiz (Rossija-Francija) // Zhurnal issledovanij social'noj politiki, — 2014. — T. 12. — № 1. — S. 21–38.
3. *Gurko T. A., Tarchenko V. S.* Dinamika brachnyh ustanovok i planov studentov // Sociologicheskie issledovanija. — 2019. — T. 45. — № 7. — S. 102–113.
4. *Dobrohleb V. G., Kondakova N. A.* Semejnyj potencial v uslovijah modernizacii sovremennoj Rossii // Problemy razvitija territorii. — 2017. — Vyp. 6 (92).
5. *Nazarova I. B., Zelenskaja M. P.* Brak, sem'ja, obuchenie: ustanovki i predstavlenija studentov // Sociologicheskie issledovanija. — 2019. — № 7. — S. 78–89.
6. *Panova E. A., Andrjushina E. V., Grigor'eva N. S.* Semejnye strategii sovremennoj rossijskoj studencheskoj molodjozhi (rezul'taty komparativnogo analiza dannyh oprosa za 2008 i 2019 gg.) //Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj vestnik (Jelektronnyj zhurnal). — 2019. — № 77. — S. 246–273. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/77_2019andryushina_grigorieva_panova.htm
7. *Rostovskaja T. K., Kuchmaeva O. V.* Predstavlenija molodyh rossijan o semejnoj zhizni: sociologicheskij rakurs // Voprosy upravlenija. — 2015. — № 3. — S. 85—90.

ИЛИМБЕТОВА Айсылу Амировна
к.э.н., старший преподаватель,
экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова,
кафедра народонаселения,
Москва, Россия.
E-mail: akkosh@inbox.ru

ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ПРЕПЯТСТВИЕ РАЗВИТИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ЖЕНЩИН[1]

Ключевые слова: цифровизация, человеческий капитал, гендерное равенство.

Коды JEL: J16, J24

Развитие экономической науки в XX в. превратило категорию человеческого капитала в одно из основных общеэкономических научных понятий, под которым подразумевается «запас знаний, навыков и способностей, которые есть у каждого человека и которые могут использоваться им как в производственных, так и в потребительских целях» [Задорожняя и др., 2016, с. 60].

Немало работ посвящено связи гендера и человеческого капитала. В большинстве из них подчеркнуто, что гендерная сегрегация на рынке труда, различия в зарплате, необходимость выполнения работ по домашнему хозяйству ограничивают возможности женщин в развитии собственного человеческого капитала. Но процессы цифровизации актуализируют вопросы связи гендера и человеческого капитала уже на новом уровне: какой статус обретут женщины в цифровой экономике при наблюдаемых особенностях развития своего человеческого капитала?

Статус и роли работника в цифровой экономике определяются его образованием и квалификацией. Сохраняющаяся гендерная сегрегация и гендерные стереотипы превращаются в рамки, ограничивающие возможности развития человеческого капитала женщин, что снижает степень их вовлеченности в цифровую экономику, оставляя роль пользователей технологиями, созданными мужчинами, в повседневной жизни и трудовой деятельности.

Согласно Г. Беккеру, человеческий капитал «представляет собой благо длительного пользования; требует расходов по ремонту и содержанию; может устаревать до того, как произойдет его физический износ» [Смирнов

[1] Подготовлено по результатам работы в рамках гранта РФФИ № 19-29-07546\19.

и др., 2005, с. 72]. Ремонт, содержание и обновление человеческого капитала требуют как времени на это «обслуживание», так и самого капитала, который выступает «фактором, участвующим в процессе производства дополнительного капитала. По мере продолжения инвестиций накопленный человеком капитал, как и затраты его времени, приобретает все большую ценность» [Смирнов и др., 2005, с. 72].

Гендерные стереотипы содержат представления о формах и степени участия женщин в тех или иных видах экономической деятельности и сферах производства. Воздействие стереотипов на поведение мужчин и женщин начинает проявляться еще в период обучения в школе, когда девочкам принято интересоваться гуманитарными науками, а мальчикам — физико-математическими. Эти сформированные обществом роли определяют выбор гуманитарных профессий девушками и точных наук юношами. Однако цифровая экономика основана на информационных технологиях, а значит, требует физико-математической подготовки и профессиональных знаний в области точных наук. Постоянное обновление технологий требует усилий «владельца» человеческого капитала в ремонте и обновлении своих знаний, но эта необходимость сталкивается с тем, что женщины вынуждены больше внимания уделять домашнему хозяйству и прерывать профессиональную деятельность на время декретного отпуска.

Степень готовности российских женщин к цифровизации нельзя назвать низкой. Уровень цифровизации российской экономики отстает от европейских стран, хотя отрасли не равны между собой в этом процессе: образование, финансовая деятельность, оптовая и розничная торговля, в которых заняты преимущественно женщины, цифровизированы на 27–38% ниже, чем соответствующие отрасли в странах Евросоюза. Добывающая и обрабатывающая промышленность отстают еще сильнее — более чем на 60%. Хотя традиционно женские рабочие места связаны с активным освоением современных электронных устройств и специализированных компьютерных программ, это освоение готовых программ и технологий, алгоритмов, разработанных преимущественно мужчинами, занятыми в сфере ИКТ.

Перевод государственных услуг на электронные платформы также способствует тому, что именно женщины осваивают эти современные технологии, так как оплатой коммунальных услуг, образованием и здоровьем членов семьи и другими бытовыми вопросами чаще всего занимаются женщины.

Среди прочих положительных последствий цифровизации для повседневной жизни людей подчеркивается возможность удаленной занятости, что на первый взгляд соответствует интересам женщин — они смогут больше времени уделить семье, совмещая уход за детьми и оплачиваемую

занятость. Но, с другой стороны, постоянное нахождение женщины дома усиливает нагрузку на нее, не давая возможности переключаться на работу, вынуждая еще больше времени уделять домашнему труду в ущерб профессиональному. Экономика заботы, развивающаяся ранее и дающая возможность женщинам переложить часть забот по дому и уходу за детьми на профессионалов, резко сократила и финансовые, и физические возможности (на посещение детьми детских садов и школ, выезд на дом помощников по хозяйству) домохозяйств, что вновь усилило нагрузку на женщин.

Таким образом, можно сказать, что женщины активно осваивают цифровые технологии, но специфика участия и потребления готовых технологий вместо участия в их разработке усиливает востребованность гендерного равенства в обществе. Без вовлечения женщин в созидательную цифровую экономику она может стать инструментом углубления неравенства в силу своих особенностей.

Список литературы

1. *Задорожняя Е. К., Гриненко С. В., Найденко И. С., Едалова Е. С., Гороховская Е. А., Гриненко Р. А.* Оценка и прогнозирование влияния гендерной структуры человеческого капитала на социально-экономическое региональное развитие. — Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2016. — 241 с.
2. *Смирнов В. Т., Сошников И. В., Романчин В. И., Скоблякова И. В.* Человеческий капитал: содержание и виды, оценка и стимулирование: монография / под ред. д.э.н., профессора В. Т. Смирнова. — М.: Машиностроение-1, Орел: ОрелГТУ, 2005. — 513 с.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Zadorozhnjaja E. K., Grinenko S. V., Najdenko I. S., Edalova E. S., Gorohovskaja E. A., Grinenko R. A.* Ocenka i prognozirovanie vlijanija gendernoj struktury chelovecheskogo kapitala na social'no-jekonomicheskoe regional'noe razvitie. –Taganrog: Izdatel'stvo Juzhnogo federal'nogo universiteta, 2016. — 241 s.
2. *Smirnov V. T., Soshnikov I. V., Romanchin V. I., Skobljakova I. V.* Chelovecheskij kapital: soderzhanie i vidy, ocenka i stimulirovanie: monografija / pod red. d.je.n., professora V. T. Smirnova. — M.: Mashinostroenie-1, Orel: OrelGTU, 2005. — 513 s.

КАЛАБИХИНА Ирина Евгеньевна
д.э.н., профессор, зав. кафедрой народонаселения
экономического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия.
E-mail: ikalabikhina@yandex.ru

КАЗБЕКОВА Зарина Германовна
студентка магистратуры
МГУ имени М. В. Ломоносова,
экономический факультет,
Москва, Россия.
E-mail: kazbekova.zarina@bk.ru

ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ДИВИДЕНДА НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ С УЧЕТОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА[1]

Ключевые слова: демографический дивиденд, экономический рост, регионы России, возрастная структура населения, человеческий капитал.

Коды JEL: J11, J24

На вопрос о том, как увеличение численности населения влияет на рост подушевого выпуска, до сих пор не существует единого ответа: одни авторы утверждают, что связь положительна, другие — отрицательна, третьи считают, что ее нет [Bloom et al., 2003]. Что касается возрастной структуры населения, то, анализируя ее воздействие на экономику, большинство авторов приходят к общим выводам: возрастное распределение имеет значение. Концепция демографического дивиденда отражает теорию экономического жизненного цикла индивидов, согласно которой в зависимости от соотношения между уровнями потребления и трудового дохода все население можно разделить на две части: чистых производителей и чистых потребителей [United Nations, 2013]. Так, дети и пожилые люди обычно являются чистыми потребителями (потребляют больше, чем производят), люди в трудоспособных возрастах — чистыми производителями. В связи с этим общество, в котором велика доля детей и пожилых людей, будет тратить значительный объем ресурсов на их содержание, что может тормозить темпы роста подушевого выпуска. Напротив, если в стране преобладает доля населения трудоспособного возраста, то высокая произво-

[1] Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 19-29-07546\19 «Влияние человеческого капитала на настоящий и будущий экономический рост в России».

дительность и уровень сбережений данной группы населения могут привести к возникновению «демографического дивиденда».

Под демографическим дивидендом мы будем иметь в виду увеличение ВВП на душу населения вследствие роста доли населения трудоспособного возраста. Некоторые авторы разделяют демографический дивиденд на первый, второй [Mason et al., 2016] и даже третий [Fried, 2016].

Существуют разные точки зрения на причину положительного влияния увеличения доли населения в трудоспособном возрасте на рост подушевого выпуска. Во-первых, люди в трудоспособном возрасте, как правило, более производительны [Mody, Aiyar, 2011]. Во-вторых, уровень сбережений наиболее высок среди людей в трудоспособном возрасте, следовательно, при прочих равных условиях рост доли населения данной возрастной группы ведет к более высокой норме сбережения и мобилизует возможности для роста внутренних инвестиций [Mason, 2005]. В-третьих, при увеличении численности людей трудоспособного возраста происходит рост предложения труда, и если рынок труда сможет обеспечить достаточное количество рабочих мест для трудоустройства новых работников, то выпуск на душу населения будет возрастать [Bloom et al., 2003].

Следует отметить, что действие демографического дивиденда не является детерминированным [Mason, 2005; Lee, Mason, 2006; Bloom, Canning, 2004]. Его появление и размер зависят от способности экономики создавать рабочие места, качества институтов, государственной политики в области образования и других факторов. В качестве примера успешного использования демографического дивиденда обычно приводят политику, проводимую в странах Юго-Восточной Азии [Mason, 2003a; Mason, 2003b; Mason, Kinugasa, 2008]. Так, Мэйсон (Mason) считает, что позитивные экономические результаты в странах Юго-Восточной Азии, к которым привели демографические сдвиги, во многом были определены эффективной макроэкономической политикой, направленной на развитие экспорта, которое обеспечило рост занятости для возрастающего населения в трудоспособном возрасте [Mason, 2003a].

Таким образом, благоприятная возрастная структура населения, а именно преобладание доли людей трудоспособных возрастов, является необходимым, но недостаточным условием для достижения «демографического дивиденда». При отсутствии сопутствующей демографическим тенденциям макроэкономической политики государства, направленной на реализацию демографического дивиденда, рост численности населения в трудоспособном возрасте может привести к росту безработицы, политической нестабильности, преступности и снижению социального капитала [Lee, Mason, 2006].

Согласно трем сценариям демографического прогноза Росстата, в ближайшие 5–7 лет доля населения трудоспособного возраста в России будет сокращаться, в связи с чем рассматриваемая тема представляет особый интерес.

Использование общепринятых границ трудоспособного возраста (15–64 лет) является допущением. В разных странах средний возраст экономической зависимости отличается. Так, согласно данным, полученным Мэйсоном, в 2000 г. в США к экономически зависимым лицам можно было отнести граждан в возрасте до 24 лет и старше 65 лет [Mason, 2005]. В работе «Влияние демографического дивиденда на экономический рост» при построении эконометрических моделей были использованы границы трудоспособного возраста, принятые Росстатом (16–59 лет для мужчин и 16–54 года для женщин) [Казбекова, 2018].

В работе «Межпоколенческие счета и демографический дивиденд в России» авторы строят возрастные профили потребления и производства и оценивают границы «бездефицитной» стадии жизненного цикла (т.е. возраста, в котором индивид производит больше, чем потребляет) для России [Денисенко, Козлов, 2018]. Согласно полученным в статье данным, в России границы трудоспособности составляют 23–55 лет. Чтобы приблизить модель к реальности, в данной работе в качестве переменных интереса использовался показатель доли населения в возрасте 23–55 лет.

В ходе исследования гипотеза о том, что влияние доли населения трудоспособного возраста на темпы роста подушевого выпуска в РФ изменится, если учесть вклад человеческого капитала, подтвердилась. При добавлении в модель переменных, отражающих человеческий капитал населения (образование, здоровье, культуру), коэффициент при переменной доли населения трудоспособного возраста снизился, но остался значимым. Большинство прокси-переменных человеческого капитала оказались незначимыми, что может быть объяснено качественной природой человеческого капитала и, как следствие, сложностью его количественной оценки.

Список литературы

1. *Денисенко М. Б., Козлов В. А.* Межпоколенческие счета и демографический дивиденд в России // Демографическое обозрение. — 2018. — Т. 5. — № 4.
2. *Казбекова З. Г.* Влияние демографического дивиденда на экономический рост // Население и экономика. — 2018. — Т. 2. — № 4. — С. 85–135.
3. Официальный сайт федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
4. *Bloom D., Canning D., Sevilla J.* The demographic dividend: A new perspective on the economic consequences of population change. — Rand Corporation, 2003.
5. *Bloom D. E., Canning D.* Global demographic change: Dimensions and economic significance. — National Bureau of Economic Research, 2004. — № W10817.
6. *Fried L. P.* Investing in health to create a third demographic dividend // The Gerontologist. — 2016. — Т. 56. — № Suppl_2. — P. S167–S177.
7. *Mason A.* Capitalizing on the demographic dividend // Population and Poverty. — 2003a. — Т. 39.

8. *Mason A.* Population change and economic development: what have we learned from the East Asia experience? // Applied Population and Policy. — 2003b. — T. 1. — № 1. — P. 3–14.
9. *Mason A.* Demographic transition and demographic dividends in developed and developing countries // United Nations expert group meeting on social and economic implications of changing population age structures. — 2005. — T. 31.
10. *Mason A., Kinugasa T.* East Asian economic development: two demographic dividends // Journal of Asian economics. — 2008. — T. 19. — № 5–6. — C. 389–399.
11. *Mason A., Lee R., Jiang J. X.* Demographic dividends, human capital, and saving // The Journal of the Economics of Ageing. — 2016. — T. 7. — P. 106–122.
12. *Mody M. A., Aiyar M. S.* The demographic dividend: Evidence from the Indian states. — International Monetary Fund, 2011. — № 11-38.
13. United Nations. National transfer accounts manual: Measuring and analysing the generational economy. — UN, 2013. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/development/Final_March2014.pdf

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Denisenko M. B., Kozlov V. A.* Mezhpokolencheskie scheta i demograficheskij dividend v Rossii // Demograficheskoe obozrenie. — 2018. — T. 5. — № 4.
2. *Kazbekova Z. G.* Vlijanie demograficheskogo dividenda na jekonomicheskij rost // Naselenie i jekonomika. — 2018. — T. 2. — № 4. — S. 85–135.
3. Oficial'nyj sajt federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

КАЛМЫКОВА Наталья Михайловна
к.э.н., доцент,
экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова,
кафедра народонаселения,
Москва, Россия.
E-mail: natalia@econ.msu.ru

НЕРАВНОМЕРНОСТЬ СТАРЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ КАК ФАКТОР ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА[1]

Ключевые слова: демографическое старение, возрастные структуры, города-миллионники.

Коды JEL: J11, J19, J24

[1] Подготовлено при поддержке РФФИ, грант № 19-29-07546\19.

Несмотря на глобальный характер старения населения, регионы России стареют неравномерно. По темпам старения населения различаются не только регионы в целом, но также городская и сельская местности регионов и города разной величины. На 1 января 2020 г. в России насчитывалось 15 городов, население которых превышает 1 млн человек. Совокупное население этих крупнейших городов России составляет 33 688 тыс. человек, или 23% от общей численности населения России, именно в крупных городах формируется база для развития человеческого капитала регионов. Вопрос о недооценке вклада городов в производство человеческого капитала был поставлен в работе Н. В. Зубаревич [Зубаревич, 2010]. В силу опережающего экономического развития крупные города притягивают молодежь не только из своих регионов, но и из других регионов страны [Мкртчян, 2013], тем самым усиливая демографическую дифференциацию и различия в возрастной структуре населения территорий.

Демографические тенденции в крупных городах России рассматривались в ряде публикаций последнего десятилетия: различия в демографической ситуации в крупных городах [Карачурина Л. Б., 2013], формирование населения региональных центров за счет притока молодежи, старение в городах России в 2010-е гг. [Зубаревич, Сафронов, 2019], различия в смертности населения в городах-миллионниках [Щур, 2018]. Также есть немало работ, посвященных демографическому развитию отдельных городов (например, [Сафарова и др., 2015]). Но сравнительных работ, посвященных факторам старения населения крупных городов, не так много. При этом возрастная структура населения города определяет уровень образования, состояние здоровья, оказывает влияние на доходы и благосостояние этого населения.

В настоящем исследовании проводится сравнительный анализ изменения возрастной структура крупнейших городов России на основе Базы данных муниципальных образований (БДМО) Федеральной службы государственной статистики, Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. как основы формирования человеческого капитала крупнейших городов.

На начало 2019 г. доля населения 60 лет и старше в среднем в России составляла 21,8%, причем значительную роль в росте доли пожилого населения играло сельское население, среди которого население 60+ составляло в среднем 22,6%. При этом уровень старения населения городов-миллионников был неоднороден: в шести городах наблюдался высокий уровень старения, превышавший среднероссийские показатели (Волгоград, Самара, Москва, Санкт-Петербург, Воронеж, Нижний Новгород — удельный вес населения 60+ составлял 22,5–23,6%; в остальных городах доля пожилого населения варьировала от 17,4% (Красноярск) до 21,7% (Ростов-на-Дону).

Эти различия в возрастной структуре городов-миллионников обусловлены разной динамикой демографических и миграционных процессов,

которая, в свою очередь, во многом определяется прошлым и современным социально-экономическим развитием. С учетом демографических волн различия в уровне рождаемости влияют на численность и структуру детского населения, а различия в уровне смертности, особенно в старших возрастах, — на структуру пожилого населения.

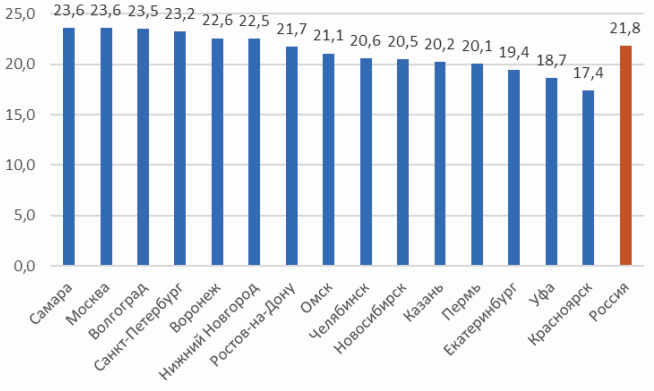

Рис. 1. Доля населения в возрасте 60 лет и старше в городах России с населением 1 млн человек и более на 1 января 2019 г. (в % от общей численности населения города)
Источник: База данных муниципальных образований, Бюллетень «Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту» за 2019 г.

Динамика возрастной структуры и дифференциация демографических процессов в крупных городах определяют различия в структуре демографической нагрузки (рис. 2). В наиболее «старых» городах ниже нагрузка детьми, однако самая низкая нагрузка детьми — в Ростове-на-Дону, который по доле населения 60+ находится на 7-м месте среди городов- миллионников.

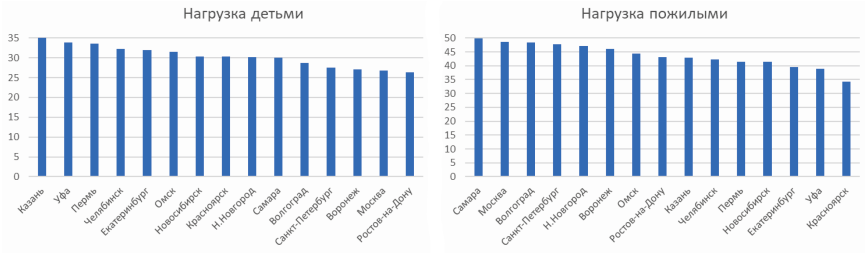

Рис. 2. Демографическая нагрузка в городах-миллионниках на 1 января 2019 г. (на 100 человек в трудоспособном возрасте)
Источник: База данных муниципальных образований, Бюллетень «Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту» за 2019 г.

Старение населения влияет на экономическую отдачу от человеческого капитала — через долю и структуру трудоспособного населения, а также его состав, в частности образовательный.

Различия в темпах старения населения городов требуют уточнения подходов к политике в области здравоохранения, образования, социальной поддержки в регионах для формирования человеческого капитала с учетом демографической специфики.

Список литературы

1. *Зубаревич Н. В.* Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // Общественные науки и современность. — 2010. — № 3. — С. 5–19.
2. *Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г.* Развитие больших городов в России в 2010-х годах // Региональные исследования. — 2019. — № 1(63). — С. 39–51.
3. *Карачурина Л. Б.* Демографические трансформации городов постсоветской России // Региональные исследования. — 2013. — № 3(41). — С. 23–36.
4. *Мкртчян Н. В.* Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX — начале XXI века // Известия РАН. Серия Географическая. — 2013. — № 6. — С. 19–32.
5. *Сафарова А. А., Сафарова Г. Л., Косолапенко Н. Г., Арутюнов А. В.* Демографические аспекты старения населения Санкт-Петербурга в конце XX — начале XXI века. Часть 1. Традиционные меры старения населения // Успехи геронтологии. — 2015. — Т. 28. — № 3. — С. 605–611.
6. *Щур А. Е.* Города-миллионники на карте смертности населения России // Демографическое обозрение. — 2018. — № 5(4). — С. 66–91.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Zubarevich N. V.* Goroda kak centry modernizacii jekonomiki i chelovecheskogo Ckapitala. // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. — 2010. — № 3. — S. 5–19.
2. *Zubarevich N. V., Safronov S. G.* Razvitie bol'shih gorodov v Rossii v 2010-h godah // Regional'nye issledovanija. — 2019. — № 1(63). — S. 39–51.
3. *Karachurina L. B.* Demograficheskie transformacii gorodov postsovetskoj Rossii // Regional'nye issledovanija. — 2013. — № 3(41). — S. 23–36.
4. *Mkrtchjan N. V.* Migracija molodezhi v regional'nye centry Rossii v konce XX — nachale XXI veka // Izvestija RAN. Serija Geograficheskaja. — 2013. — № 6. — S. 19–32.
5. *Safarova A. A., Safarova G. L., Kosolapenko N. G., Arutjunov A. V.* Demograficheskie aspekty starenija naselenija Sankt-Peterburga v konce XX — nachale XXI veka. Chast' 1. Tradicionnye mery starenija naselenija // Uspehi gerontologii. — 2015. — T. 28. — № 3. — S. 605–611.
6. *Shhur A. E.* Goroda-millionniki na karte smertnosti naselenija Rossii // Demograficheskoe obozrenie. — 2018. — № 5(4). — S. 66–91.

КРАСОВСКАЯ Наталья Ивановна
к.ю.н., Научно-исследовательский институт труда
Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь,
центр социально-демографических исследований,
Минск, Беларусь.
E-mail: natalyakrasovskaya@list.ru

СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА НА РЫНКЕ ТРУДА, В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ

Ключевые слова: гендерное равенство, гендерная политика, гендерно ориентированное законодательство.

Коды JEL: K30, K31, K38

Республика Беларусь является государством, в котором достигнуты значительные успехи в обеспечении одного из важнейших принципов защиты прав человека — равноправия женщин и мужчин, заключающегося в запрете любой дискриминации по половому признаку и его интеграции во все сферы общественной и государственной жизни.

К числу белорусских феноменов можно отнести высокую долю представленности женщин в парламенте страны. Так, количество женщин в нижней палате парламента — Палате представителей седьмого созыва составляет 40%, в то время как в прошлом созыве было только 34,5%. Еще один белорусский феномен: высокая занятость женщин. Уровень занятости женщин трудоспособного возраста за трехлетний отрезок (2016–2018 гг.) превышает занятость мужчин, хотя мужское население трудоспособного возраста больше, чем женское.

Несмотря на реальный прогресс, в стране все же присутствует гендерный диспаритет, который наблюдается на рынке труда, в сфере занятости и социальной защиты.

К основным способам обеспечения гендерного равенства относятся: гендерная политика и национальные механизмы ее реализации, наличие институциональных условий, гендерное бюджетирование, гендерно ориентированное законодательство (на республиканском и локальном уровнях), а также позитивные корпоративные гендерные практики.

Гендерная политика Беларуси реализуется на основе национальных планов действий по обеспечению гендерного равенства. Первым программным документом суверенной Беларуси в этой сфере стал Национальный план действий по улучшению положения женщин на 1996–2000 гг. Уже само его название говорит об узком понимании в тот период

гендерного равноправия. Принципиальным направлением гендерной политики страны было улучшение положения женщин. Изменения произошли в 2001 г. С этого периода в стране принимаются и реализуются национальные планы действий по обеспечению гендерного равенства. Последний Национальный план на 2017–2020 гг., в отличие от предыдущих имеет существенную отличительную черту. Его цель — «развитие механизмов внедрения гендерного подхода... в процесс разработки и реализации мер государственной политики в различных сферах жизнедеятельности общества». Задачи, определенные для достижения данной цели, обозначают наиболее проблемные гендерные вопросы: расширение экономических возможностей женщин и мужчин; развитие институционального механизма; обеспечение гендерно ориентированной охраны здоровья; противодействие насилию в семье и торговле людьми; создание условий для гендерного равенства в семейных отношениях; гендерное образование и просвещение.

К сожалению, основным недостатком этого и предыдущих документов является отсутствие финансирования запланированных в них мероприятий, а также гендерных индикаторов, отражающих достижение позитивных результатов.

Уровень гендерного равенства зависит от эффективности национального механизма по его обеспечению, потенциала государственных структур, а также четкого порядка их подотчетности. Беларуси удалось достигнуть определенных успехов в создании такого механизма как на республиканском, так и на местном уровнях. В стране функционирует Национальный совет по гендерной политике при Совете Министров Республики Беларусь (далее — Национальный совет). Национальный совет осуществляет координацию проводимой в стране гендерной политики и выработку согласованных действий, направленных на обеспечение выполнения положений международных правовых актов. Вместе с тем анализ компетенции Национального совета свидетельствует о необходимости ее расширения для дальнейшего продвижения гендерных процессов и инициатив, широкого внедрения гендерных подходов.

В Республике Беларусь сформированы предпосылки для внедрения гендерного бюджетирования. В 2016 г. в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 23 марта 2016 г. № 106 «О государственных программах и некоторых вопросах оказания государственной поддержки» (далее — Указ № 106) осуществлен переход на новую систему формирования и финансирования государственных программ. Его цель состоит в повышении результативности реализации государственных программ и консолидации финансовых ресурсов для достижения стратегических приоритетов социально-экономического развития страны на среднесрочную перспективу, использование программно-целевого

подхода в бюджетном процессе. Так, если ранее в Республике Беларусь бюджетные средства выделялись на финансирование около 100 государственных программ, что составляло не более 17% расходов бюджета, то в 2017 г. охват расходов консолидированного бюджета на государственные программы (21 госпрограмма) составляет уже около 60,2% [Государственные программы...].

Программно-целевой подход является инструментом инкорпорирования гендерного фактора в бюджетный процесс. Он позволяет выявлять актуальные гендерные проблемы в соответствующей сфере деятельности и принимать целевые меры, направленные на поощрение гендерного равенства.

Следует отметить, что гендерное бюджетирование все еще не стало частью бюджетного процесса и имеющиеся гендерные проблемы не нашли отражения в мероприятиях сформированных государственных программ. Не в последнюю очередь это обусловлено отсутствием соответствующих нормативных правовых положений в Бюджетном кодексе Республики Беларусь от 16 июля 2008 г. № 412-З и Указе № 106. До сих пор не разработан Закон Республики Беларусь «О государственном индикативном планировании социально-экономического развития Республики Беларусь». Необходимо принять методические рекомендации, определяющие действия институциональных структур по учету гендерной проблематики в программном цикле.

Важнейшим фактором обеспечения гендерного равенства является законодательство, которое должно соответствовать международным стандартам. Именно изучение международных стандартов в области гендерного равенства позволило определить основные направления реформирования национальной законодательной базы.

Прежде всего представляется, что белорусскому законодательству необходимо уходить от его гендерной нейтральности. В условиях сохраняющейся в обществе гендерной асимметрии требуют корректировки формулировки отдельных конституционных норм в целях отражения в них не только равенства прав, но и равенства возможностей мужчин и женщин.

В национальное законодательство следует внедрять рекомендуемые ООН и МОТ положения в пользу «догоняющего» пола, чьи права фактически ущемлены. Сегодня это, как правило, женщины в аспекте доступа к ресурсам, собственности, занятости, профессиональной карьере, управлению. Меры, способствующие переходу от формального к реальному равенству и ликвидации социополовых асимметрий в стране (гарантии минимальных доходов, льготы на детей, квоты на трудоустройство и обучение, продвижение по службе и т.п.), не должны рассматриваться как привилегии и/или дискриминация.

Республике Беларусь нужно продолжить работу по ратификации ряда конвенций МОТ, чтобы обеспечить продвижение других международных стандартов труда, например, касающихся работников с семейными обязанностями, охраны труда, неполной занятости и надомных работников в целях изменения и улучшения положения женщин и мужчин как внутри, так и вне рынка труда.

Изменения должны произойти в таких важнейших сферах, как государственная и военная служба. В военной службе дисбаланс (явное преобладание мужчин) поддерживается законодательными мерами: через запрет участия женщин в военной службе по призыву и через узкий профессиональный коридор для женщин в военной службе по контракту.

В гражданской государственной службе дисбаланс не в пользу мужчин создается практикой и косвенно поддерживается законодательными мерами (отказ от открытого конкурса на замещение вакантной государственной должности, замещение вакансий преимущественно из кадрового резерва). Феминизации судейского корпуса способствует сложившийся на практике рекрутинг в судьи из «женского» аппарата судов. В связи с тем, что для военнослужащих и государственных служащих работодателем выступает «государство», изменение гендерной ситуации в этих сферах требует принятия государственных решений.

Гендерные диспропорции в регулировании занятости сосредоточены и в сфере неоплачиваемого домашнего труда, и в сфере оплачиваемого наемного труда.

Закон Республики Беларусь от 15 июня 2006 г. № 125-З «О занятости населения Республики Беларусь» (далее — Закон о занятости), к сожалению, не содержит никаких мер против профессиональной сегрегации мужчин и женщин (в преимущественно мужских и преимущественно женских отраслях). В официальной занятости, в частности на стадии трудоустройства, есть проблемы с дискриминационными объявлениями о найме на работу. Закон о занятости запрещает такого рода объявления, однако в Кодексе Республики Беларусь от 21 апреля 2003 г. № 194-З об административных правонарушениях отсутствует прямая норма об административной ответственности именно за данные дискриминационные действия.

Нельзя не отметить перекос законодательных мер в защиту репродуктивной функции женщин, хотя репродуктивное здоровье мужчин нуждается не в меньшей защите. Существование запретов на профессии для женщин не только является дискриминирующим фактором, но и закрывает доступ женщин к высокооплачиваемой работе. Нужно применять универсальный подход к охране труда обоих полов, отказываться от презумпции списочной вредности и переходить к оценке фактической вредности условий труда для обоих полов на основе четко разработанных медицинских критериев.

Труд беременных женщин, а также труд женщин в период активного материнства (период беременности и послеродовой период) не связан с гендерными диспропорциями, потому что все льготы и гарантии адресованы только женщине, и они никому не передаются. Однако здесь можно говорить о суперзащите, которая предполагает ряд абсолютных запретов (запреты приема и увольнения, сверхурочной и ночной работы; направления в командировки и пр.). Нанимателей, особенно на малых и средних предприятиях, такие меры обременяют и во многом «отталкивают». В связи с этим можно рекомендовать законодателю переход к политике гибких мер, когда сама женщина с учетом медицинских показаний выбирает приемлемые для нее условия труда.

Следует также обратить внимание на противоречивость трудового законодательства по некоторым вопросам. Так, беременной женщине запрещены сверхурочные работы, но не запрещены такие виды переработки, как ненормированный рабочий день и совместительство. С одной стороны, закон гарантирует занятость женщины в период беременности и родов (вне границ соответствующего отпуска), с другой стороны, ее можно уволить не только за виновные действия, но и по результатам испытания, в связи с истечением срока трудового договора, заключенного на период отсутствия основного работника, последнее основание увольнения не редкость, особенно в преимущественно женских коллективах.

С рождением детей связано предоставление различных видов отпусков, часть из которых является непередаваемыми, часть — передаваемыми, а значит, гендерно нейтральными (например, отпуск по уходу за ребенком до трех лет). Длительный перерыв в работе из-за родительского отпуска обостряет проблему вхождения работника в трудовой процесс, ему требуется постепенная адаптация, которую могут обеспечить: дистанционный и надомный труд, гибкий график, неполное рабочее время и, что не менее важно, создание корпоративных детских садов или оплата услуги няни. На нанимателей ложится бремя финансирования программы переобучения и повышения квалификации для работников, уходивших в отпуска по беременности и родам и по уходу за ребенком. Представляется, что дружественная политика нанимателей в отношении работающих родителей должна иметь налоговые льготы.

Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-З (далее — ТК) предусматривает широкий спектр мер, создающих благоприятные условия для работающих родителей (неполное время, дополнительные свободные дни, благоприятное время для использования трудового отпуска), защиту от увольнений. При этом не всегда выдерживается гендерный баланс прав. Мы разделяем мнение международных экспертов, признающих существование проблемы, которая получила название «штраф за материнство» или «отлучение от возможностей по причине ма-

теринства»: «отлучение от работы по причине материнства», «отлучение от руководства по причине материнства», «отлучение от заработка по причине материнства». На этом фоне важно ориентировать государственную семейную политику на закрепление модели «ответственного отцовства». Права отцов Беларуси сегодня — это отцовский отпуск в первые шесть месяцев после рождения ребенка, а также возможность оформления отпуска по уходу до трех лет.

Совмещение работы с семейными обязанностями предполагает не только уход за детьми, но и уход (попечение) за пожилыми и больными родственниками. «Попечительских» норм в ТК немного, они предлагают решать проблему ухода за взрослыми только по медицинским показаниям и в основном за счет неоплачиваемого свободного времени. Все нормы не указывают на пол, т.е. их можно отнести к гендерно нейтральным. Поскольку в Беларуси грядет старение населения, семьи станут «поколением сэндвича»: от них будет требоваться осуществление ухода и за детьми, и за престарелыми. Помогать в этой двойной задаче должны и наниматели, и государство, стимулируя создание рынка услуг по уходу за престарелыми на дому и в специальных учреждениях, например, дневных стационарах государственных и корпоративных медицинских учреждений.

Анализ локальных нормативных правовых актов позволяет сегодня говорить о развивающейся тенденции по выделению специальной политики нанимателей в отношении работающих родителей с малолетними детьми. Она строится по двум направлениям: создание дополнительных гарантий занятости и оказание материальной помощи. Что касается подходов к формированию кадрового состава, то, к сожалению, у нанимателей и профсоюзов нет стремления на локальном уровне закреплять так называемую концепцию разнообразия, которая предполагает увеличение эффективности работы за счет того, что в трудовом коллективе представлены разновозрастные мужчины и женщины.

Отдельным недостатком корпоративных локальных правовых актов является непризнание гендерного разрыва в заработной плате мужчин и женщин и отсутствие мер по его преодолению.

Нуждается в реформировании пенсионное законодательство. Белорусская пенсионная система гендерно асимметрична по составу пенсионеров и размерам их пенсионного обеспечения. Основное гендерное неравенство связано с различием пенсионного возраста мужчин и женщин. Первые шаги в нивелировании этой проблемы предприняты Законом Республики Беларусь от 17 апреля 1992 г. № 1596-XII «О пенсионном обеспечении», который закрепил поэтапное увеличение пенсионного возраста до достижения мужчинами 63 лет, а женщинами 58 лет, сохранив гендерные различия в возрасте выхода на пенсию.

Проблема дальнейшего повышения пенсионного возраста в стране в недалеком будущем опять станет крайне актуальной как по экономическим, так и демографическим причинам. Сегодня следует говорить не только о дальнейшем повышении пенсионного возраста, но и о его возможной траектории.

В пользу выравнивания пенсионных возрастов свидетельствуют также произошедшие изменения в принципах пенсионного обеспечения, согласно которым размер пенсии теперь во многом зависит от продолжительности выплаты пенсионных взносов (страхового стажа) и их величины. В настоящее время для того, чтобы получить пенсию, человеку необходимо иметь страховой стаж 16 лет, а к 2025 г. — 20 лет. С учетом того, что установление для мужчин и женщин одинаковых требований по накопленному страховому стажу, в то время как пенсионный возраст остается разным, женщины, имеющие перерывы в работе (отпуск по беременности и родам, уходу за ребенком и т.д.), могут оказаться в достаточно уязвимом положении. В этой связи можно отметить, что типично «женским» основанием для назначения социальной пенсии является «отсутствие установленного страхового (трудового) стажа». Среди социальных пенсионеров в Беларуси женщины составляют подавляющее большинство — 71,2%. В дальнейшем, с увеличением необходимого периода страхового стажа, все проявления прямой или косвенной дискриминации по признаку пола существующие в сфере занятости, будут негативно отражаться на размерах пенсии женщин.

К числу пробелов белорусского законодательства следует также отнести отсутствие закона о борьбе с домашним насилием, а также норм о противодействии сексуальным домогательствам и моббингу.

Представляется, что в целях обеспечения гендерного равенства необходимо внести дополнения в Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах», установив обязательность гендерной экспертизы в целях выявления в проектах нормативных правовых актов (нормативных правовых актах) положений, применение которых может повлечь (повлекло) ущемление равных прав и равных возможностей мужчин и женщин, а также возникновение негативных последствий в различных сферах общественных отношений в связи с рисками гендерного неравенства.

В завершение приведем оценку МОТ, которая признает, что по сравнению с большинством государств мира страны СНГ, в том числе Республика Беларусь, значительно продвинулись вперед на пути обеспечения равенства мужчин и женщин в мире труда. Они достигли такой стадии развития, когда настало время принимать решения и проявить политическую волю к дальнейшим шагам по обеспечению гендерного равенства, консолидировать усилия всех социальных партнеров по внедрению

комплексного гендерного подхода в политику и практику их организаций [Гендерное...].

Список литературы

1. Государственные программы // Сайт Министерства экономики Республики Беларусь. URL: http://economy.gov.by/ru/gos_progr-ru/ (дата обращения: 15.06.2020).
2. Гендерное равенство в СНГ: общий обзор // МОТ. URL: https://www.ilo.org/moscow/areas-of-work/gender-equality/WCMS_249144/lang--ru/index.htm (дата обращения: 15.06.2020)

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Gosudarstvennye programmy // sajt Ministerstva jekonomiki Respubliki Belarus'. URL: http://economy.gov.by/ru/gos_progr-ru/ (data obrashhenija: 15.06.2020).
2. Gendernoe ravenstvo v SNG: obshhij obzor // MOT. URL: https://www.ilo.org/moscow/areas-of-work/gender-equality/WCMS_249144/lang--ru/index.htm. (data obrashhenija: 15.06.2020).

МУХАМАДИЕВА Айжан Аргыновна
к.э.н., докторант,
экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова,
кафедра народонаселения,
Москва, Россия.
E-mail: ai-m77@mail.ru

ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО КАК НЕОБХОДИМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Ключевые слова: гендерное равенство, индекс гендерного разрыва, демографическое развитие.

Коды JEL: J11, J16

Достижение гендерного равенства в XXI в. является одним из глобальных приоритетов каждого государства.

Республика Казахстан на своем пути развития также фокусируется на этой проблеме, так как гендерное равенство является базой для эко-

номического и социального развития государства, важным ресурсом модернизации общества.

За годы суверенитета Казахстаном приняты обязательства по международным договоренностям: подписана Пекинская платформа действий, Факультативный протокол CEDAW, ратифицирована Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Принят ряд законодательных и нормативно-правовых актов, разработана национальная стратегия в области гендерного равенства. В 1998 г. была создана Национальная комиссия по делам семьи и женщин. Вовлечение женщин в предпринимательство и общественную деятельность, улучшение репродуктивного здоровья женщин и решение проблем насилия в отношении женщин были приоритетами Национальной комиссии с 2004 г. Одной из важных организаций по продвижению женщин в разных аспектах является Ассоциация деловых женщин Казахстана.

Однако, несмотря на все достижения, Казахстан занимает 72-ю позицию в мировом рейтинге по **индексу гендерного разрыва, потеряв с 2006 г. 40 позиций.** Индекс гендерных разрывов влияет на внутренний валовый продукт на душу населения, который является одним из показателей, характеризующих экономическое состояние государства. Чем больше индекс гендерных разрывов, т.е. чем меньше неравенства между полами, тем выше ВВП на душу населения. Европейские страны, такие как Исландия и Швеция, лидируют по данному показателю. Для измерения индекса рассматриваются 14 различных критериев в четырех областях: экономическая активность и экономические возможности, уровень образования, здоровье и выживание, расширение политических прав и возможностей. В мировом рейтинге Республика Казахстан по показателю экономической активности и экономических возможностей в 2006 г. занимала 16-ю позицию в 2020 г. — 36-ю позицию, по показателю уровня образования в 2020 г. занимает 63-ю позицию, потеряв 10 позиций с 2006 г., по показателю здоровья и выживания потеряла 38 позиций с 2006 г. и находится в 2020 г. на 74-й позиции, по показателю расширения политических прав и возможностей находится в настоящее время на 106-й позиции, потеряв 37 позиций. Это свидетельствует о значительном ухудшении ситуации в Казахстане, особенно в области последних двух показателей.

По данным Международной организации труда, закрытие гендерного разрыва на 25% к 2025 г. повысит мировой ВВП на 5,3 трлн долл. США. Это также показывает важность достижения гендерного равенства для роста экономики.

Важным проблемным аспектом вопроса гендерного равенства в странах постсоветского пространства является безработица образованных женщин. Среди студентов высших учебных заведений наибольший удельный

вес в составе обучающихся принадлежит представителям женского пола. Получив образование в вузах, женщины сталкиваются с проблемой трудоустройства. Работодатели более благосклонно относятся к мужчинам. Работниками, занимающими высокие должностные позиции, как правило, являются представители мужского пола.

Эта проблема существует и в Республике Казахстан. В Казахстане актуальным остается вопрос разрыва по заработной плате между представителями разных полов. Положительным моментом является то, что в стране практически достигнуто гендерное равенство на этапе получения образования. Девочки получают даже более высокий уровень образования. Однако впоследствии они не могут конкурировать со специалистами мужского пола, так как замужество и рождение детей не дают возможности реализовать свой профессиональный потенциал. Особое значение в Казахстане необходимо уделить таким показателям, как здоровье и выживание, расширение политических прав и возможностей, так как они значительно повлияли на снижение индекса гендерного равенства.

В настоящее время осознание того, что явления, происходящие в обществе, и решения, принимаемые в стране на всех уровнях власти, по-разному влияют на положение мужчин и женщин, интересы которых могут существенно различаться, лежит в основе гендерного подхода к анализу социальных процессов и явлений и отражает его суть. В рамках данного подхода закрепляется положение о том, что мужчины и женщины могут иметь разные нужды и потребности, при этом они должны быть полноправными участниками и бенефициарами процесса развития, который только в этом случае приобретает, с одной стороны, устойчивый, а с другой — справедливый характер. И в данный момент в Республике Казахстан остро стоит вопрос внедрения гендерных подходов на всех этапах и на всех уровнях процесса формирования социально-экономической политики. В частности, одним из важных вопросов является внедрение в Республике Казахстан гендерно ориентированного бюджетирования. На данный момент в республике не хватает компетентных специалистов, способных сделать анализ бюджета и разработать механизм внедрения гендерно чуствительного бюджетирования.

Экономическая и социальная политика, проводимая в Казахстане, должна быть направлена на повышение интересов женщин во всех сферах деятельности и должна решать задачи прежде всего по созданию культуры гендерного равенства, решать проблемы по трудоустройству женщин и разрыву в оплате труда по половому признаку, улучшению состояния здоровья женщин, искоренению насилия, достижению доступа женщин на руководящие посты.

Над решением проблемы гендерного равенства работает все мировое сообщество, международными организациями проводится постоянная

аналитическая работа, результаты которой публикуются и обсуждаются на межгосударственном уровне.

В Республике Казахстан необходимо усилить работу в данном направлении, так как это, в свою очередь, позитивно отразится на социально-экономическом положении государства.

Список литературы

1. Ассоциация деловых женщин Казахстана. Об Ассоциации. URL: http://businesswomen.kz/assotsiatsii/
2. *Атыгаев Н. А.* Казахские женщины при дворах иностранных правителей, (XV–XVII вв.) // Электронный научный журнал «edu.e-History.kz». — 2020. — № 1 (09). URL: http://edu.e-history.kz/en/publications/view/645
3. *Бекирова А. В.* Казахстане предлагают ввести квоты для женщин в высших эшелонах власти. — Литер, 2015. URL: https://www.liter.kz/mobile/ru/articles/show/13623-v_kazahstane_predlagayut_vvesti_kvoty_dlya_zhenshin_v_vysshih_eshelonah_vlasti
4. *Задорожняя Е. К., Найденко И. С.* Гендерное равенство и экономический рост: взаимообусловленность показателей // Фундаментальные исследования. — 2016. — № 11-4. — С. 787–791. URL: https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=41256
5. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. Об утверждении Концепции семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года. URL: http://egov.kz/cms/ru/law/list/U1600000384
6. Исландия — на первом месте в рейтинге гендерного равенства, 2017. URL: http://mignews.com/news/politic/291014_143338_11832.html
7. *Коваль А.* Гендерное равенство как необходимая составляющая экономического роста // Экономическое развитие России. — 2015. — Т. 22. — № 7. — С. 74–76. URL: http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=3164&type=news
8. Международная организация труда. Гендерное равенство в СНГ: общий обзор. URL: https://www.ilo.org/moscow/areas-of-work/gender-equality/WCMS_249144/lang--ru/index.htm
9. Национальная комиссия по делам женщин и семейно-демографической политике. URL: http://www.akorda.kz/ru/o-nacionalnoi-komissii
10. Результат многолетней борьбы, 2018. URL: https://sweden.ru/ljudi/znak-ravenstva/
11. *Сарбаева Р. Е.* Женщины Казахстана в политике и на международной арене: гендерная проблематика // Вестник КазНУ. — 2015. URL: https://articlekz.com/article/16679
12. *Урашев С., Абдалиева М.* Казахская женщина // Дружба. — 2017. URL: http://dostykmag.kz/?p=2439
13. *Шалтыков А. И.* Некоторые вопросы обеспечения гендерного равенства в Республике Казахстан // Вестник КазНПУ. — 2016. URL: https://articlekz.com/article/19074

14. Economic impacts of reducing gender gap. International Labour Organization. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/dgreports/inst/documents/publication/wcms_577685.pdf
15. European Institute for Gender Equality, Gender Mainstreaming, Concepts and definitions. Gender Equality. URL: http://eige.europa.eu/gender-mainstreaming/concepts-and-definitions
16. Global Gender Gap Report 2020. World Economic Forum. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2020.pdf

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Associacija Delovyh Zhenshhin Kazahstana. Ob Associacii. URL: http://business-women.kz/assotsiatsii/
2. *Atygaev N. A.* Kazahskie zhenshhiny pri dvorah inostrannyh pravitelej, (XV–XVII vv.) // Jelektronnyj nauchnyj zhurnal «edu.e-History.kz». — 2020. — № 1 (09). URL: http://edu.e-history.kz/en/publications/view/645
3. *Bekirova A. V.* Kazahstane predlagajut vvesti kvoty dlja zhenshhin v vysshih jeshelonah vlasti. Liter, 2015. URL: https://www.liter.kz/mobile/ru/articles/show/13623-v_kazahstane_predlagayut_vvesti_kvoty_dlya_zhenshin_v_vysshih_eshelonah_vlasti
4. *Zadorozhnjaja E. K., Najdenko I. S.* Gendernoe ravenstvo i jekonomicheskij rost: vzaimoobuslovlennost' pokazatelej // Fundamental'nye issledovanija. — 2016. — № 11-4. — S. 787–791. URL: https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=41256
5. Informacionno-pravovaja sistema normativnyh pravovyh aktov Respubliki Kazahstan, Ob utverzhdenii Koncepcii semejnoj i gendernoj politiki v Respublike Kazahstan do 2030 goda. URL: http://egov.kz/cms/ru/law/list/U1600000384
6. Islandija — na pervom meste v rejtinge gendernogo ravenstva, 2017. URL: http://mignews.com/news/politic/291014_143338_11832.html
7. *Koval' A.* Gendernoe ravenstvo kak neobhodimaja sostavljajushhaja jekonomicheskogo rosta// Jekonomicheskoe razvitie Rossii. — 2015. — T. 22. — № 7. — S. 74–76. URL: http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=3164&type=news.
8. Mezhdunarodnaja Organizacija Truda, Gendernoe ravenstvo v SNG: obshhij obzor. URL: https://www.ilo.org/moscow/areas-of-work/gender-equality/WCMS_249144/lang--ru/index.htm
9. Nacional'naja Komissija po delam zhenshhin i semejno-demograficheskoj politike. URL: http://www.akorda.kz/ru/o-nacionalnoi-komissii
10. Rezul'tat mnogoletnej bor'by, 2018. URL: https://sweden.ru/ljudi/znak-ravenstva/
11. *Sarbaeva R. E.* Zhenshhiny Kazahstana v politike i na mezhdunarodnoj arene: gendernaja problematika // Vestnik KazNU. — 2015. URL: https://articlekz.com/article/16679
12. *Urashev S., Abdalieva M.* Kazahskaja zhenshhina // Druzhba. — 2017. URL: http://dostykmag.kz/?p=2439
13. *Shaltykov A. I.* Nekotorye voprosy obespechenija gendernogo ravenstva v Respublike Kazahstan // Vestnik KazNPU. — 2016. URL: https://articlekz.com/article/19074

ПУШКАРЕВА Людмила Васильевна
д.э.н., профессор,
Северо-Западный институт управления РАНХиГС,
кафедра безопасности,
Санкт-Петербург, Россия.
E-mail:plv1412@mail.ru

КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ С УЧЕТОМ ВОЗРАСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ

Ключевые слова: социальные характеристики, критерии оценки, работающие пенсионеры, неработающие пенсионеры.

Коды JEL: J21, J26

Рост удельного веса пожилых людей в общей численности населения России при одновременном сокращении людей трудоспособного возраста обуславливает серьезные перемены в социальной политике государства [Антонова и др., 2015]. Повышение пенсионного возраста в России у женщин с 55 до 63 лет, а у мужчин с 60 до 65 лет вызвало положительные и отрицательные отклики со стороны разных социальных групп населения страны [Пушкарева, 2006].

Авторов настоящей статьи к проведению социологического анализа разных групп пенсионеров побудили исследования Саратовского государственного медицинского университета (СГМУ) имени Разумовского. На кафедре философии, гуманитарных наук и психологии названного высшего учебного заведения был проведен опрос молодых людей студенческого возраста о целесообразности вовлечения пенсионеров в производственный процесс и проблемах пожилых людей. В результате исследований СГМУ было установлено, что 68% молодых людей считают «пожилым человеком» в России людей, достигших 55–60 лет. Хотя по классификации Всемирной организации здравоохранения пожилыми считаются люди, достигшие 75 лет и более. Несмотря на то что имеется острая потребность в заработке у большинства пенсионеров, только 58% опрошенных молодых людей считают, что следует привлекать пожилых людей к выполнению производственных обязанностей, а 42% молодежи полагают, что в этом нет необходимости.

Основной проблемой пенсионеров является тревожное финансовое положение, т.е. в результате обследования было установлено, что пожилым людям не хватает пенсии на месячное проживание из-за роста цен на продукты и лекарства. Другой значимой проблемой пожилых людей является одиночество. С учетом того, что средняя статистическая продолжительность жизни мужчин ниже, чем у женщин, в основном к группе

одиноких пожилых людей относятся женщины. Трудоустройство этого контингента престарелых людей сопряжено с трудностями, так как большинство работодателей считают, что активность с возрастом снижается. Кроме того, пожилые люди не знают информационные технологии и коммуникации и труднообучаемы, т.е. «не так заточены». Такая позиция свидетельствует о дискриминации работников старших возрастов [Богданова, 2017]. На волне нигилизма происходит выталкивание опытных специалистов из производственной сферы, т.е. специалист, достигший 45–50 лет, находится на пороге увольнения. Тем не менее для укрепления российской экономики потребность в опытных специалистах велика, а подготовка специализированных кадров не восполняет эту потребность. Следует отметить, что в образовательном процессе и на производстве полностью исчезла группа специалистов старших возрастов — наставники.

Целью настоящего исследования является установление целесообразности вовлечения специалистов пенсионного возраста в общественное производство. В плане личной инициативы авторы настоящей статьи провели социологический опрос и анализ его результатов у двух групп пожилых людей с общей численностью 40 человек: «работающих пенсионеров» и «неработающих пенсионеров». В контексте поставленной цели в обеих группах пенсионеров изучались уровень доходов и материального благополучия, субъективные особенности жизненных ориентаций, сформированность коммуникативных компетенций. Для получения достоверных выводов в процессе проводимых социологических исследований были использованы методы: методики проведения социологического опроса, неформализованная психодиагностическая беседа, авторский опросник «Субъективное благополучие жизни», карта наблюдения «Особенности коммуникативной компетенции», тест «смысложизненных ориентаций».

В ходе проведения анализа характеристик значимости ценностей и благополучия пожилых людей в обеих группах путем опроса были выявлены различные критерии, определяющие уровни значимости жизненных ценностей. Анализ результатов опроса представлен в табл. 1.

Таблица 1

Анализ результатов опроса значимости жизненных ценностей работающих и неработающих пожилых людей и распределение ответов по рангам

Ранги	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1-я группа: работающие пожилые	С	З	Д	МБ	П	Л	СР	ЖУ	ВП
2-я группа: неработающие пожилые	С	Д	З	МБ	ЖУ	Л	СР	П	ВП

Примечание: критерии (ранги) опроса представлены в виде условных обозначений: Д — надежные и верные друзья; ЖУ — жизнь в свое удовольствие; З — сохранение и улучшение здоровья; С — дружная семья; МБ — материальное благополучие; СР — саморазвитие и са-

мореализация; П — любовь к природе; Л — любовь и межличностные отношения; ВП — высокое положение в обществе.

При сравнении ответов респондентов в обеих группах выявлено сходство ответов относительно наиболее ценных жизненных критериев, из которых отнесены к 1-му рангу «дружная семья»; к 4-му рангу — «материальное благополучие», к 6-му рангу — «любовь и межличностные отношения», к 7-му рангу — «саморазвитие и самореализация», к 9-му рангу — «высокое положение в обществе». Следует заметить, что в системе рангов работающие пожилые люди назвали наиболее ценными ранги — «жизнь в удовольствие» (8-й ранг), а в среде неработающих пенсионеров данная позиция расположилась лишь на 5-м месте. Такие различия в суждениях у людей пенсионного возраста подтверждаются статистическими данными и литературными источниками [Осинцева, 2015; Petkova, 2016].

Более подробно изучались вопросы материального благополучия работающих и неработающих пенсионеров, которые позволили прийти к соответствующим выводам. При общем недостатке месячного пенсионного обеспечения из-за роста цен на продукты и лекарства, оплату коммунальных услуг, прейскурантов на лечение, тарифов на транспортные разъезды отношение к росту названных расходов в разных исследуемых группах пенсионеров носит субъективный характер [Фетисова, 2017]. Субъективное материальное благополучие испытывают представители из группы работающих пенсионеров. Пожилые люди из этой группы, имеющие дополнительный трудовой доход, проявляют активную жизненную позицию, уверены в себе, успешно взаимодействуют с окружающими и испытывают положительные эмоции. В группе неработающих пенсионеров низкий уровень пенсионного обеспечения обуславливает эмоциональный дискомфорт и неудовлетворенность прожитым на пенсии отрезком времени.

Для выяснения дальнейших намерений пожилых людей у анализируемых групп работающих и неработающих пенсионеров было проведено тестирование для выявления структуры «смысложизненных ориентаций» по критериям: цель жизни (ЦЖ); процесс жизни (ПЖ); результат жизни (РЖ). Результат тестирования приводится на рис. 1.

Соотношение групповых показателей на рис.1 показывает, что группа работающих пожилых людей имеет более высокие показатели, характеризующие «смысложизненные ориентации». Даже при отсутствии у всех представителей групп пожилых людей удовлетворенности материальным обеспечением работающие пожилые люди чаще испытывают положительные эмоции. Представители этой группы строят планы на будущее и разрабатывают способы их достижения и конкретной реализации. Неработающие пожилые люди не склонны строить перспективные планы из-за отсутствия материальных возможностей, а от настоящей жизни испытывают неудовлетворенность и усталость.

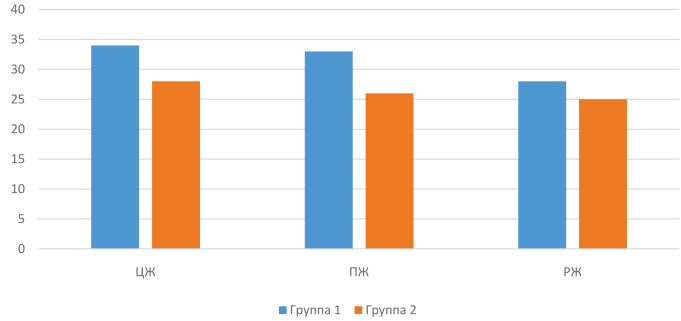

Рис. 1. Структура «смысложизненных ориентаций» пожилых людей (ЦЖ — цель жизни; ПЖ — процесс жизни; РЖ — результат жизни)

Для ответа на вопрос о целесообразности вовлечения пожилых людей в сферу общественного производства были сделаны социологические наблюдения, которые нашли отражение в изучении компонентов коммуникативной компетенции и построении соответствующего графика на рис. 2.

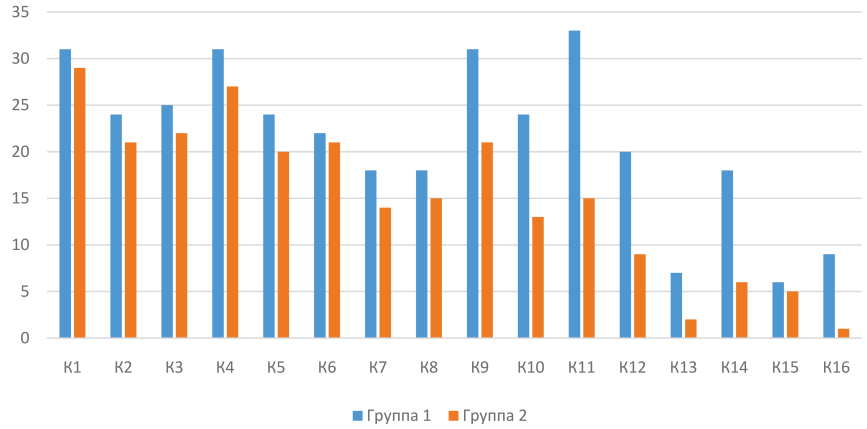

Рис. 2. Компоненты коммуникативной компетенции пожилых людей *(К1* — вежлив в общении, тактичен; К2 — правильная речь, грамотная; К3 — соблюдает этику и этикет общения; К4 — общителен; К5 — доброжелателен; К6 — владеет навыками активного слушания; К7 — адекватно проявляет навыки вербальной коммуникации; К8 — восприимчив к стилю общения других; К9 — поддерживает зрительный контакт; К10 — интересуется мнением других людей; К11 — включается в творческую работу, активно взаимодействует с другими участниками процесса; К12 — адекватно анализирует внешние сигналы (телодвижения, мимика, интонации); К13 — «гасит» конфликты; К14 — учитывает интересы другого человека; К15 — владеет коммуникативными тактиками; К16 — проявляет навыки ассертивного общения)

В качестве критериев социологических наблюдений приняты: вежливость в общении, тактичность (К1); правильная речь (К2); соблюдение этики общения (К3); общительность (К4); доброжелательность (К5); владение навыками слушания (К6); адекватность в проявлении навыков вербальной коммуникации (К7); восприимчивость к стилю общения окружающих (К8); поддержка зрительного контакта (К9); проявление интереса к мнению других людей (К10); умение включиться в творческую работу, активное взаимодействие с другими участниками процесса (К11); адекватный анализ внешних сигналов: мимики, интонаций, телодвижений и пр. (К12); способность гасить конфликты (К13); способность к учету интересов другого человека (К14); владение коммуникативными тактиками (К15); проявление навыков делового общения (К16).

Общей характеристикой опрошенных групп работающих и неработающих пенсионеров явился достаточно высокий уровень коммуникативной компетенции, в частности в области общительности, вежливости, знания этических норм общения, навыков активного слушания, восприимчивости к стилю доброжелательного общения. Однако не сформированы в обеих группах пожилых людей такие компоненты, как «владение коммуникативными тактиками». Кроме того, в группах опрошенных работающих пенсионеров проявляется желание активно участвовать в творческом процессе и желание поддерживать зрительный контакт с собеседником любого возраста с умением учитывать мнение и интересы младшего поколения.

Заключение и выводы

В заключение при сравнении всех результатов, выполненных в разных аспектах социологического анализа по группам работающих и неработающих пожилых людей, прослеживается ряд взаимосвязей разных критериев, обуславливающих причинно-следственную связь. В группе работающих пожилых людей прослеживается взаимосвязь между критериями «субъективное благополучие» и «дружная семья», «любовь и межличностные взаимоотношения». В этой группе респондентов уровень «субъективного благополучия» тем выше, чем меньший состав имеет семья работающего пенсионера. В группе неработающих пожилых людей отмечается корреляционная связь между критерием «субъективное благополучие» и показателями: «цель жизни», «процесс жизни», «жизнь в удовольствие», «коммуникативная компетенция», «самореализация».

На основе проведенных исследований следует сказать, что у работающих и неработающих пожилых людей коррекционные мишени различны, но этот контингент населения пригоден к участию в общественной жизни и может быть вовлечен в созидательный процесс с учетом их умений, на-

выков и личных устремлений [Petkova, 2016; Чернышкова, Андрианова, 2015]. Учитывая, что вклад пенсионеров в развитие экономики, социальной сферы, в воспитание подрастающего поколения многократно превышает материальные затраты государства на содержание пожилых людей, современные меры по обеспечению групп общества (работающих и неработающих пенсионеров) должны быть направлены на создание достойной и комфортной жизни престарелых россиян.

Список литературы

1. *Антонова И. Ю. Аджиньязова А. А., Ермолаева Е. В.* Демографические проблемы в современной России // Бюллетень медицинских интернет-конференций. — 2015. — Т. 5. — № 12. — С. 1517.
2. *Богданова К. В.* К проблеме дискриминации пожилых людей на рынке труда // Интерактивная наука, раздел: Социология. — Волгоград: Российский экономический ун-т им. Г. В. Плеханова, 2017. URL: http: www. interaktive-science.media/ru/keyword/7412/articles
3. *Осинцева В. М.* Качество жизни пожилых людей в современной России // «Интерактивная наука», раздел: Экономическая теория, финансы, бухгалтерский учет, статистика. — Тюмень: Тюменский гос.ун-т, 2015. URL: http: www. interaktive-science.media/ru/keyword/7412/articles
4. *Пушкарева Л. В.* Формирование социально ориентированной системы стратегического планирования маркетинга на коммерческом предприятии: монография. Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Санкт-Петербургский гос. инженерно-экономический ун-т». — СПб., 2006.
5. *Фетисова О. В.* Социальные проблемы людей пожилого и престарелого возраста // Гуманитарий Юга России, раздел: Социология. — Ростов-на-Дону, Южный федерал. ун-т, 2017. — Т. 6. — № 6.
6. *Чернышкова Е. В., Андрианова Е. А.* Активный образ жизни в пожилом возрасте: медико-социальные стратегии, риски, практики // Саратовский научно-медицинский журнал. — 2015. — Т. 5. — С. 568.
7. *Petkova I., Vaycheva D.* The method of project in education of students' efficiency and cooperation // Интерактивная наука, раздел: Наука и инновации в современном мире и изменения социальных ценностей. — Плевен, Болгария: Медицинский ун-т, 2016. URL: http: www. interaktive-science.media/ru/keyword/7412/articles

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Antonova I. Ju.* Adzhin'jazova A. A., Ermolaeva E. V. Demograficheskie problemy v sovremennoj Rossii // Bjulleten' medicinskih Internet-konferencij. — 2015. — T. 5. — № 12. — S. 1517.
2. *Bogdanova K. V.* K probleme diskriminacii pozhilyh ljudej na rynke truda // Interaktivnaja nauka, razdel: Sociologija. — Volgograd: Rossijskij jekonomicheskij

un-t im. G.V. Plehanova, 2017. URL: http: www. interaktive-science.media/ru/keyword/7412/articles

3. *Osinceva V.M.* Kachestvo zhizni pozhilyh ljudej v sovremennoj Rossii // Interaktivnaja nauka, razdel: Jekonomicheskaja teorija, finansy, buhgalterskij uchet, statistika. — Tjumen': Tjumenskij gos.un-t, 2015. URL: http: www. interaktive-science.media/ru/keyword/7412/articles
4. *Pushkareva L.V.* Formirovanie social'no orientirovannoj sistemy strategicheskogo planirovanija marketinga na kommercheskom predprijatii. Monografija. Federal'noe agentstvo po obrazovaniju, Gos. obrazovatel'noe uchrezhdenie vyssh. prof. obrazovanija "Sankt-Peterburgskij gos. inzhenerno-jekonomicheskij un-t". — SPb., 2006.
5. *Fetisova O.V.* Social'nye problemy ljudej pozhilogo i prestarelogo vozrasta // Gumanitarij Juga Rossii, razdel: Sociologija. — Rostov-na-Donu, Juzhnyj federal. un-t, 2017. — T. 6. — № 6.
6. *Chernyshkova E.V., Andrianova E.A.* Aktivnyj obraz zhizni v pozhilom vozraste: mediko-social'nye strategii, riski, praktiki // Saratovskij nauchno-medicinskij zhurnal. — 2015. — T. 5. — S. 568.
7. *Petkova I., D. Vaycheva.* The method of project in education of students' efficiency and cooperation // Interaktivnaja nauka, razdel: Nauka i innovacii v sovremennom mire i izmenenija social'nyh cennostej. — Pleven, Bolgarija: Medicinskij un-t, 2016. URL: http: www. interaktive-science.media/ru/keyword/7412/articles

СМИРНОВ Сергей Николаевич
д.э.н., заведующий Центром анализа социальных программ и рисков
Института социальной политики НИУ ВШЭ,
ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН,
Москва, Россия.
E-mail: sernsmirnov@mail.ru

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ЖИТЕЛЕЙ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ РОССИИ[1]

Ключевые слова: человеческий капитал, сельские поселения, социологические обследования.

Коды JEL: J24, R20

[1] Тезисы подготовлены в соответствии с программой исследований по гранту Российского фонда фундаментальных исследований № 19-29-07559 мк «Транзит, обмен, развитие: динамика человеческого капитала в сельских поселениях в условиях депопуляции и роста возвратной миграции (на примере Центрального федерального округа РФ)».

Человеческий капитал, понимаемый в данном случае как совокупность знаний, умений, навыков, которые используются для удовлетворения различных потребностей человека, может быть оценен количественно. В России основными источниками информации для такого оценивания являются регулярно проводимые с 2011 г. федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам, прежде всего такие, как Комплексное обследование условий жизни населения (КОУЖ) и Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах (ВНДН), последние из которых были осуществлены соответственно в 2018 и 2019 гг.

Материалы этих обследований позволяют оценить такие параметры человеческого капитала, как, например, образовательный ценз, распространенность инновационных или, напротив, архаичных практик в повседневной жизни, возможность сохранения человеческого капитала (доступ к медицинским услугам) и др. В конечном счете эти характеристики позволяют дать относительную оценку экономической конкурентоспособности тех или иных категорий населения, представленных респондентами.

Данные обследований репрезентативны в разрезе городских и сельских поселений, что важно для изучения одного из ключевых (наряду с дифференциацией доходов) социальных разрывов, характеризующих современную Россию, — человеческим капиталом горожан и сельских жителей и его использованием.

Результаты проведенных расчетов, как и ожидалось, подтвердили априорно высказывавшуюся гипотезу о депривации проживающих в сельских населенных пунктах страны. Они в целом имеют более низкий по сравнению с горожанами уровень образования, обладают меньшими навыками использования современных информационных технологий, слабее заботятся о своем здоровье, менее результативно (в структуре суточного времени) используют свой ресурсный потенциал и т.д.

Все это, однако, в большинстве случаев является проблемой самих сельских жителей, поскольку внятная региональная политика в настоящее время в Российской Федерации фактически отсутствует, сводясь к стимулированию концентрации населения в относительно небольшом числе крупных городов (самый яркий пример тому — быстрый рост населения столицы с сопутствующей ему деградацией природных территорий). Одновременно разрушалась как невостребованная инфраструктура сельских поселений страны, многие из которых исчезли с карты России. Только в период между переписями 1989 и 2010 гг. количество сельских населенных пунктов в стране сократилось на 9 тыс., или более чем на 5,5% их общего числа.

Однако в последнее время ситуация начинает меняться. 31 мая 2019 г. Правительством Российской Федерации была утверждена государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий», рассчитанная на реализацию в период до 2025 г. В ее составе выделены такие направления, как создание условий для обеспечения доступным и комфортным жильем сельского населения, развитие рынка труда, создание и развитие инфраструктуры на сельских территориях. В конечном счете они ориентированы на решение накопившихся проблем формирования и использования человеческого капитала в сельских поселениях, а также на создание условий для его развития.

Таких проблем накопилось достаточно много. Проведенный статистический анализ показал, что человеческий капитал в сельских поселениях России, понимаемый как совокупность личностных характеристик сельских жителей, существенно меньше, чем в городах страны. Это видно на при мере характеристик образования, состояния здоровья, условий и образа жизни и т.п.

Результативность использования человеческого капитала в сельских поселениях также уступает ее показателям в городах. Основная причина разрыва заключается в более низком по сравнению с городами уровне доходов сельского населения и в первую очередь доходов от занятости. Заработные платы в сельском хозяйстве страны ниже по сравнению с промышленностью и многими другими видами экономической деятельности, сосредоточенными в городах. Государственное субсидирование заработной платы работникам сельскохозяйственных предприятий (иногда встречаются и такие предложения) не является выходом из положения. Трудоспособные сельские жители решают для себя проблему получения доходов от занятости экономическим отходничеством в близлежащие или более отдаленные города. Создание высокоэффективных по уровню заработной платы рабочих мест возможно только на современных сельхозпредприятиях, где отсутствует так называемая избыточная занятость.

С этих позиций важность упомянутой государственной программы трудно переоценить. Детальный анализ ее влияния на улучшение человеческого капитала и его использование в сельских поселениях страны представляет собой предмет самостоятельных исследований, которые должны носить мониторинговый характер.

ЯКОВЕНКО Наталия Владимировна
д.г.н., доцент, заведующая кафедрой,
факультет географии, геоэкологии и туризма,
кафедра социально-экономической географии и регионоведения,
Воронежский государственный университет,
Воронеж, Россия.
E-mail: n.v.yakovenko71@gmail.com

КОМОВ Игорь Владимирович
к.г.н., доцент, факультет географии, геоэкологии и туризма,
кафедра социально-экономической географии и регионоведения,
Воронежский государственный университет,
Воронеж, Россия.
E-mail: igrkom@bk.ru

МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР НАКОПЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)[1]

Ключевые слова: миграция населения, Воронежская область, человеческий капитал.

Коды JEL: J24, J11, J61

Миграционные процессы в условиях глобализации обусловлены разными факторами развития государства: социально-экономическими, политическими, этническими, религиозными, военными и др. Государства пытаются контролировать миграционные процессы с помощью определенных ограничений выезда в те или иные страны. Миграция выполняет определенные функции: ускорительную (географическая мобильность человеческого капитала), распределенческую (перераспределение населения между регионами) и селективную (изменение качественного состава человеческого капитала вследствие неравномерного участия в миграционных процессах различных социально-демографических групп). Рост масштабов международной трудовой миграции влияет на вовлечение России в процессы международной миграции человеческого капитала и развитие отечественной экономики. В связи с этим возникает необходимость изучения влияния человеческого капитала на экономическое развитие. Многие ученые рассматривали этот вопрос. В частности, экономисты классической школы У. Петти [Петти, 1940] и А. Смит [Смит, 1962]

[1] Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта 19-29-07400 мк (The reported study was funded by RFBR, project number 19-29-07400 mk).

стали первыми, кто осветил влияние рабочей силы на экономический рост и благосостояние населения.

В экономических трудах Уильяма Петти человеческий капитал определяется как «эффективность бытия» и рассматривается в контексте национального богатства. Этот ученый считает, что человеческий капитал является не только главным двигателем роста благосостояния, но и одним из его элементов [Петти, 1899]. Адам Смит последовал примеру сэра У. Петти и обратил внимание на человеческие способности, проявляющиеся под влиянием факторов производства. Позднее Карл Маркс выдвинул идею о «человеческом факторе», влияющем на экономическое развитие. Он предлагает рассматривать рабочую силу как «совокупность физических и духовных качеств работников» [Маркс, 2013].

В XX в. специалисты пришли к выводу, что необходимо оценивать эффективность человеческого капитала с точки зрения количества. В частности, они разработали экономические, математические и статистические модели для решения таких вопросов, как человеческая ценность и образовательные факторы, влияющие на экономическое развитие. Целью данной статьи является изучение миграций как фактора накопления человеческого капитала (на примере Воронежской области).

Социально-экономические предпосылки развития теории человеческого капитала в концепции человеческого капитала сформировались в работах Теодора Шульца и Гэри Беккера. Они первыми определили человеческий капитал как явление, связанное с экономическим развитием. В частности, Шульц определил это понятие следующим образом: понятие капитала основано на имеющейся некоторой вещи, которая обладает экономическим свойством влиять на будущие услуги, имеющие некоторую ценность [Шульц, 1961]. Беккер отмечал, что инвестиции в человеческий капитал позволяют генерировать человеческий капитал. Под инвестициями он понимал образование, расходы на здравоохранение, миграцию и поиск информации о ценах и доходах [Беккер, 1964].

Концепция человеческого капитала нашла свое дальнейшее развитие в работах Блауга [Блауг, 1992]. Современные ученые рассматривают человеческий капитал как основной двигатель экономического роста. Высшее образование — это машина, генерирующая больше знаний и инноваций. Это облегчает заимствование технологий и тем самым способствует научно-техническому прогрессу. Кроме того, уровень человеческого капитала определяет качество институтов. Миграция населения с точки зрения мирового развития выступает в качестве «локомотива научно-технического прогресса, важнейшего фактора развития человечества в целом» и влияет на развитие человеческого капитала [Ионцев, Магомедова, 2015, с. 96–97].

Неравномерность экономического и социального развития районов и городов Воронежской области приводит к активизации процесса внутриобластной миграции, объем которой по сравнению с 2011 г. вырос

на 33,2%. Во внутренних миграциях в 2018 г. участвовало 35.7 тыс. человек, что на 1,4 % больше, чем в 2017 г. Из 31 муниципального района области положительное сальдо миграции имело место в 11 районах. Так же как и в 2017 г., это были следующие районы: Богучарский, Новоусманский, Нижнедевицкий, Острогожский, Рамонский, Репьевский, Хохольский муниципальные районы, к которым в 2018 г. добавились Верхнемамонский, Панинский, Петропавловский и Семилукский. Тогда как миграционная убыль наблюдалась в Бобровском, Каширском, Новохоперском и Поворинском муниципальных районах. Наиболее весомый миграционный прирост населения наблюдался в Рамонском (1094 человек) и Новоусманском (577 человек) муниципальных районах. Наибольший отток населения — в Калачеевском и Павловском муниципальных районах (615 и 539 человек соответственно). Кроме перечисленных районов еще в пяти районах области отток был в диапазоне от 214 до 283 человек. Положительное сальдо миграции следует отметить также в городских округах город Воронеж и город Нововоронеж (8235 и 235 человек соответственно).

Внутрирегиональная или внутриобластная миграция не оказывает влияния на изменение численности населения области, она отражает его механическое движение в границах области и существенно влияет на изменение численности городского и сельского населения. Общий миграционный прирост населения области зависит от потоков обмена с другими регионами России, государствами СНГ и другими зарубежными странами. Наиболее сильное влияние на численность и состав населения в целом по области оказывают первые два потока. В структуре внешних миграционных потоков преобладала межрегиональная миграция, ее удельный вес в числе прибывших составил в 2018 г. 57,5%, в числе выбывших — 65,8%. Это значит, что жители Воронежской области предпочитали выезжать в другие регионы России, а среди прибывающих в область мигрантов чуть меньше половины — иностранцы.

В 2018 г. сальдо миграции было положительным в силу притока из российских территорий (2,6% его общего объема) и из государств СНГ (97,4%). Однако миграционный прирост населения области в 2018 г. уменьшился на 30,4% в сравнении с 2011 г. В 2018 г. по сравнению с 2011 г. наиболее резкое снижение миграционного прироста (в 12,7 раза) наблюдалось в обмене населения области с другими регионами. Однако по сравнению с 2017 г. миграционный прирост по данному направлению сменился с миграционной убыли (−11 человек) на прирост (+181 человек). Снижение прироста числа международных мигрантов по сравнению с 2011 г. составило 11,7%.

Возраст мигрантов выступает одной из наиболее важных характеристик миграции, который дает возможность провести оценку экономического и демографического потенциала населения, а также тех положительных и негативных эффектов, которые могут возникнуть вследствие миграции.

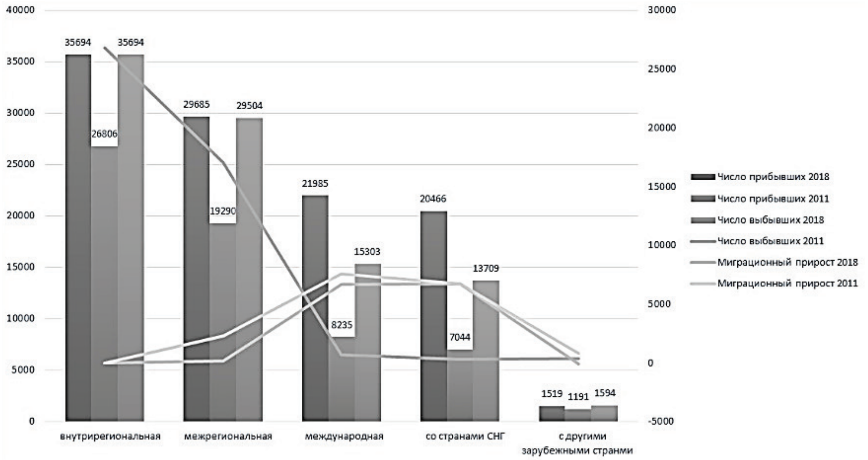

Рис. 1. Миграция населения Воронежской области, чел.

Анализ возрастного состава граждан, выбравших территорию Воронежской области местом постоянного проживания, свидетельствует о том, что основная их часть — это молодежь и люди трудоспособного возраста, что, несомненно, окажет влияние на накопление человеческого капитала региона [Яковенко, 2007, 2013].

Рис. 2. Возрастной состав населения мигрантов Воронежской области, %

В 2018 г. в Воронежскую область прибыло 6863 человек, из которых 3925 человек — это мигранты трудоспособного возраста (57,2%). Необ-

ходимо отметить, что за последние семь лет (за исключением 2017 г.) наблюдалась тенденция снижения числа мигрантов трудоспособного возраста, выбравших Воронежскую область местом проживания. В 2018 г. доля лиц в трудоспособном возрасте по сравнению с 2011 г. снизилась на 22,4%, а доля лиц моложе и старше трудоспособного возраста соответственно возросла на 17 и 5,4%.

В 2011–2018 гг. состав мигрантов в миграционном приросте Воронежской области менялся в сторону увеличения доли лиц моложе трудоспособного возраста при достаточно стабильном удельном весе лиц старше трудоспособного возраста.

Также укажем на тот факт, что возрастная структура мигрантов весьма благоприятная для региона, так как в Воронежскую область мигрирует молодежь и лица трудоспособного возраста, а это, в свою очередь, влияет на возрастную структуру населения. Для того чтобы оценить возможности использования образовательного потенциала мигрантов в интересах социально-экономического развития Воронежской области, следует провести анализ образовательной структуры миграционного потока, а также профессионально-квалификационный состав населения. В 2018 г. в структуре миграционного оборота по уровню образования мигранты в возрасте 14 лет и старше распределились следующим образом: с высшим и неполным высшим профессиональным — 31,8%, со средним и начальным профессиональным — 26,2%, со средним и основным общим — 34,9%, с начальным общим и не имеющие образования — 2%. В 2011–2018 гг. наблюдался рост удельного веса мигрантов, которые имели профессиональное образование (с 55,9% (2011 г.) до 58,1% (в 2018 г.). Всего за 2011–2018 гг. Воронежская область приобрела 51,3 тыс. человек со средним профессиональным образованием и выше, в том числе специалистов высшей квалификации с послевузовским образованием (2 доктора и 19 кандидатов наук).

На региональном уровне действия Правительства Воронежской области направлены на прирост численности внешней миграции человеческого капитала. Органы власти предпринимают максимум усилий для привлечения в регион высококвалифицированных кадров. Для привлечения иностранных трудовых иммигрантов, необходимых для решения задач, связанных с демографией и социально-экономическим развитием, стимулируется возвращение ранее эмигрировавших граждан. Привлекаются иностранцы — выпускники российских вузов, им предоставляется стажировка с последующим получением гражданства РФ. На тех территориях, где происходит отток населения, но которые представляют определенный национальный интерес, необходимо принимать меры по повышению миграционной привлекательности. Важным будет гарантировать интеграцию иммигрантов в российское сообщество. Подобным образом происходит управление миграционными потоками на региональном уровне.

Список литературы

1. *Ионцев В. А., Магомедова А. Г.* Демографические аспекты развития человеческого капитала в России и ее регионах // Экономика региона. — 2015. — № 3.— С. 89–102.
2. *Маркс К.* Капитал. В 3 т. — М.: Проспект, 2013. — 1852 с.
3. *Петти В.* (1623-1687). Экономические и статистические работы. I–II / пер. под ред. д-ра экон. наук М. Смит; предисл. д-ра экон. наук Д. Розенберга [с. IV–XXVIII]. — М.: Соцэкгиз, 1940. — XXVIII. — 324 с.
4. *Смит А.* Исследования о природе и причинах богатства народов. — М.: Соцэкгиз, 1962. — 492 с.
5. *Яковенко Н. В.* «Качество жизни населения» как научная категория демографии // Экология урбанизированных территорий. — 2007. — № 1. — С. 41–46.
6. *Яковенко Н. В.* Социально-экономическая устойчивость депрессивного региона (Ивановская область) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. — 2013. — Т. 18. — № 2. — С. 731–736.
7. *Becker G. S.* Human Capital. A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. — New York: Columbia University Press, 1964. — 187 p.
8. *Blaug M.* The Methodology of Economics: Or, How Economists Explain. 2nd ed. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992. — 286 p.
9. *Petty W.* The Economic Writings of Sir William Petty, together with The Observations upon Bills of Mortality, more probably by Captain John Graunt, ed. Charles Henry Hull, 2 vols. — Cambridge University Press, 1899.
10. *Schultz T. W.* Investment in Human Capital // The American Economic Review. — 1961. — Vol. 51. — № 1. — P. 1–17.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Ioncev V. A., Magomedova A. G.* Demograficheskie aspekty razvitija chelovecheskogo kapitala v Rossii i ee regionah // Jekonomika regiona. — 2015. — № 3. — S. 89–102.
2. *Marks K.* Kapital. V 3 t. — M.: Prospekt, 2013. — 1852 s.
3. *Petti V.* (1623–1687). Jekonomicheskie i statisticheskie raboty. I–II / per. pod red. d-ra jekon. nauk M. Smit; predisl. d-ra jekon. nauk D. Rozenberga [s. IV–XXVIII]. — M.: Socjekgiz, 1940. — XXVIII. — 324 s.
4. *Smit A.* Issledovanija o prirode i prichinah bogatstva narodov. — M.: Socjekgiz, 1962. — 492 s.
5. *Jakovenko N. V.* «Kachestvo zhizni naselenija» kak nauchnaja kategorija demografii // Jekologija urbanizirovannyh territorij. — 2007. —№ 1. — S. 41–46.
6. *Jakovenko N. V.* Social'no-jekonomicheskaja ustojchivost' depressivnogo regiona (Ivanovskaja oblast') // Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Estestvennye i tehnicheskie nauki. — 2013. — T. 18. — № 2. — S. 731–736.

ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИИ

ВАРЛАМОВА Юлия Андреевна
к.э.н., доцент, Институт управления экономики и финансов К(П)ФУ,
кафедра экономической теории и эконометрики,
Казань, Россия.
E-mail: Julia.Varlamova@kpfu.ru

МОДЕЛИ ФИНАНСОВОГО ПОВЕДЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ[1]

Ключевые слова: финансовое поведение, сберегательная модель, заемная модель, поколения, финансовая включенность.

Коды JEL: G41, G5, J10

Модели финансового поведения являются относительно устойчивыми шаблонами, формирующимися исходя из особенностей финансового рынка и социально-демографических характеристик индивида. Диагностирование моделей финансового поведения позволяет выстроить политику финансовой включенности уязвимых групп населения, повысить финансовую активность населения, сделать адресными мероприятия по стимулированию сберегательного поведения отдельных социально-демографических групп, по снижению угроз чрезмерного кредитования [Кузина, Крупенский, 2018]. Целью проводимого исследования становится поиск ответа на вопрос: какие модели финансового поведения характерны для определенных групп населения, выделенных по различным социально-демографическим критериям.

Критерии для стратификации населения явились результатом анализа научной литературы. Гендерные различия в финансовом поведении на-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00663.

ходятся в фокусе внимания ряда исследований: финансовая грамотность [Bucher-Koenen et al., 2017], принятие финансовых решений в семьях [Ibragimova, Guseva, 2017]. В обзорной статье [Ярашева, Аликперова, 2020] приводится анализ причин и возможных последствий различий мужчин и женщин в принятии финансовых решений и склонности к риску. Возраст как социально-демографическая характеристика индивидов традиционно присутствует в эконометрических моделях, учитывающих принятие финансовых решений. В соответствии с гипотезой жизненного цикла [Modigliani, 1988] было показано, что сбережения выстраиваются индивидом таким образом, чтобы обеспечить равномерное потребление в течение всей жизни. Более того, исследователями была доказана U-образная зависимость финансовой грамотности от возраста индивидов [Hizgilov, Silber, 2019].

Доход как критерий для анализа финансового поведения групп населения прослеживается в работах, подтверждающих склонность высокодоходных групп населения к более высокому уровню сбережений по сравнению с низкодоходными группами [Karlan et al., 2014; Александрова, Ярашева, 2016]. Образование, способствующее более продуманным решениям на финансовом рынке, представлено работами в области финансовой грамотности и финансовой включенности населения [Lusardi, Mitchell, 2014].

Выделение поколений в экономической теории началось с модели перекрывающихся поколений [Diamond, 1965; Buiter, 1981], подчеркивающей различные временные предпочтения и, следовательно, сберегательное и заемное поведение у молодого и старшего поколений. Межпоколенческий подход к анализу финансового поведения населения России представлен в научной литературе недостаточно. В основном исследования в данной области останавливаются на отдельных социально-демографических группах, выделенных по основному занятию респондентов. Среди исследований финансового поведения демографических групп населения России выделим работы, посвященные взаимосвязи финансовой грамотности, личностных характеристик и финансового поведения молодежи [Малкина, Рогачев, 2019], мотивов трудовой деятельности и финансовых стратегий молодежи [Аликперова и др., 2019], финансовых стратегий выпускников [Ниворожкина, Алифанова, 2019], пенсионеров [Дулина, Моисеева, 2019].

Основная гипотеза исследования состоит в том, что социально-демографические группы населения, выделенные в соответствии с гендером, возрастом, уровнем образования, доходом, источником дохода, имеют различную склонность к определенным моделям финансового поведения. Кроме того, в рамках исследования проверяется гипотеза о том, что существует значимая дифференциация в поколениях при реализации моделей финансового поведения.

Информационной базой исследования послужили данные Всемирного банка по финансовой включенности Global Findex по Российской Федерации — 3946 респондентов за 2014 и 2017 г. (последние доступные данные).

В рамках исследования были выделены следующие модели финансового поведения: сберегательная модель, заемная модель, сберегательно-заемная (смешанная модель), неактивная модель. Сравнение распространенности финансовых моделей в 2014 и 2017 гг. позволило сделать вывод о том, что индивиды переключились со сберегательной модели на заемную модель: удельный вес респондентов со сберегательной моделью уменьшился с 29 до 22%, при одновременном увеличении респондентов с заемной моделью с 17 до 25%. Финансовая активность в целом существенно не изменилась: удельный вес респондентов с неактивной моделью уменьшился на 1 пп. с 39 до 38%. Полученные выводы противоречат результатам исследования сберегательной модели потребления, проведенного по данным Росстата до 2014 г. [Манахова, 2014], что может свидетельствовать о влиянии макроэкономической нестабильности на сберегательное поведение индивидов.

Реализация социально-демографической группой определенного типа модели финансового поведения проверялась на основе построения мультиномиальной пробит-модели. Выбор модели был продиктован типом переменной — категориальная неупорядоченная переменная — и критерием Шварца при сравнении с мультиномиальной логистической регрессией.

Результаты анализа показывают, что деление населения России по гендерному признаку (gender) не дает существенных различий для сберегательной (saving model) и смешанной моделей (mixed model) финансового поведения. Однако в отношении заемной модели (borrowing model) — женщины увеличивают вероятность по сравнению с мужчинами.

Социально-демографические группы населения, выделенные в зависимости от уровня образования, показали более высокую склонность к сберегательной модели: для группы респондентов со средним и высшим уровнем образования склонность к сбережениям возрастает. Для лиц с высшим образованием возрастает вероятность выбора смешанной модели финансового поведения и снижается вероятность выбора заемной модели.

Стратификация населения по 20%-ным доходным группам позволила сделать вывод о том, что четвертая и пятая группы (наиболее богатые) реализуют активную модель сберегательного поведения: для данных групп вероятность сберегательного поведения выше по сравнению с первым квантилем, а заемного — ниже. Полученный результат согласуется с выводом кейнсианского подхода к теории сбережений, когда рост склонности к сбережению определяются ростом дохода индивида. В данном случае более высокий уровень дохода позволяет индивиду сберегать. Смешанная модель финансового поведения характерна для средней группы по доходу (income_quantile. Middle 20%).

Респонденты, у которых основным источником дохода были государственные трансферты (income_source. gov_transfers), демонстрируют более низкую склонность к заемному поведению по сравнению с теми респондентами, кто получал как заработную плату, так и государственные трансферты. Респонденты с другими источниками дохода имеют меньшую вероятность заемной и смешанной моделей финансового поведения по сравнению с получателями заработной платы и государственных трансфертов.

Таблица 1

Предельные эффекты в средней точке по мультиномиальной пробит-модели (зависимая переменная — модель финансового поведения)

Variable	saving model	mixed model	borrowing model
gender	–0,00403557	–0,0123465	0,03246408*
age	–0,01493547***	–0,00184996	0,01465197***
age2	0,00018087***	0,00001696	–0,00014325***
education			
secondary	0,05121455*	0,01509418	–0,03364613
tertiary	0,11978256***	0,06592927**	–0,06646402*
income_quantile			
Second 20%	–0,00561916	0,02172496	–0,01066163
Middle 20%	–0,01744614	0,03969859*	–0,0151879
Fourth 20%	0,05153006*	0,021646	–0,06747564**
Richest 20%	0,08050594***	0,02996212	–0,07951075***
income_source			
gov_transfers	0,04613986	–0,024246	–0,0580747**
others	–0,0059829	–0,0521044***	–0,08458976***
generations			
X	0,05683391	–0,05217677	–0,06793946*
BB	0,0648376	–0,07841014	–0,12361297*
silent	0,04963415	–0,13747978**	–0,18045918**
GI	0,79341287***	–0,20186424***	–0,27967625***
N	*3946*	*3946*	*3946*

legend: * p < 0,05; ** p < 0,01; *** p < 0,001.

Среди возрастных групп, выделенных по теории поколений [Howe, Strauss, 1991], более высокую склонность к сберегательной модели по сравнению с поколением Y демонстрирует поколение Победителей (generations. GI). В заемной модели лидирует поколение Y: все остальные поколения су-

щественно снижают вероятность заемного поведения по сравнению с ним. В смешанной модели значимо отличаются от поколения Y — молчаливое поколение (generations.silent) и поколение Победителей (generations.GI), вероятность для которых существенно ниже.

Выводы исследования позволяют подтвердить выдвигаемые гипотезы. Социально-демографические группы, выделенные по критериям гендера, возраста, уровня образования, дохода, источника дохода, имеют разную склонность к выбору сберегательной, заемной и смешанной модели финансового поведения. Более того, в работе эмпирически доказано, что в российской экономике присутствуют существенные межпоколенческие различия в выборе моделей финансового поведения. Государственной политике, направленной на стимулирование сберегательного поведения, следует учесть тот факт, что среди молодых поколений присутствует существенный сдвиг в пользу заемной модели финансового поведения. Сберегательной модели отдают предпочтение только высокообразованные и высокообеспеченные индивиды старших возрастов. Чрезмерное распространение заемного поведения без соответствующего финансового обеспечения может привести к созданию угроз для финансовой системы России, когда краткосрочные кредиты приводят к стимулированию спроса, но не обеспечивают роста производства, и создают угрозу для финансовой стабильности на национальном уровне.

Список литературы

1. *Александрова О. А., Ярашева А. В.* Трансформация инвестиционно-сберегательного поведения высокодоходных групп населения в период кризиса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2016. — № 1(43). — С. 122–137.
2. *Аликперова Н. В., Ярашева А. В., Виноградова К. В.* Мотивация трудового поведения молодежи как возможности для реализации финансовых стратегий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2019. — Т. 12. — № 1. — С. 226–240.
3. *Дулина Н. В., Моисеева Д. В.* Финансовое поведение пенсионеров: трансформация под влиянием цифровой экономики? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. — 2019. — Т. 19. — № 4.— С. 399–406.
4. *Кузина О. Е., Крупенский Н. А.* Перекредитованность россиян: миф или реальность? // Вопросы экономики. — 2018. — № 11. — С. 85–104.
5. *Малкина М. Ю., Рогачев Д. Ю.* Влияние личностных характеристик на финансовое поведение молодежи // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). — 2019. — Т. 11. — № 3. — С. 135–152.
6. *Манахова И. В.* Трансформация потребления в информационной экономике: дис. — М.: спец. 08.00. 01 «Экономическая теория», 2014. — 398 с.

7. *Ниворожкина Л. И., Алифанова Е. Н.* Финансовые стратегии выпускников вузов: отцы и дети (опыт статистического анализа) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. — 2019. — № 3. — С. 138–143.
8. *Ярашева А. В., Аликперова Н. В.* Гендерные различия финансового поведения населения // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 2. — С. 51–60.
9. *Bucher-Koenen T., Lusardi A., Alessie R., van Rooij M.* How financially literate are women? An overview and new insights // Journal of Consumer Affairs. — 2017. — 51(2). — P. 255–283.
10. *Buiter W. H.* Time preference and international lending and borrowing in an overlapping-generations model // Journal of political economy. — 1981. — Т. 89. — № 4. — P. 769–797.
11. *Diamond P. A.* National debt in a neoclassical growth model // The American Economic Review. — 1965. — Т. 55. — № 5. — P. 1126–1150.
12. *Hizgilov A., Silber J.* On multidimensional approaches to financial literacy measurement // Social Indicators Research. — 2019. — 29 p.
13. *Howe N., Strauss W.* Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. — New York, William Morrow & Company, 1991. — 554 p.
14. *Ibragimova D., Guseva A.* Who Is in Charge of Family Finances in the Russian Two-Earner Households? // Journal of Family Issues. — 2017. — Vol. 38. (17). — P. 2425–2448.
15. *Karlan D., Ratan A. L., Zinman J.* Savings by and for the Poor: A Research Review and Agenda // Review of Income and Wealth. — 2014. — Т. 60. — № 1. — P. 36–78.
16. *Lusardi A., Mitchell O. S.* The economic importance of financial literacy: Theory and evidence // Journal of economic literature. — 2014. — Т. 52. — № 1. — P. 5–44.
17. *Modigliani F.* The role of intergenerational transfers and life cycle saving in the accumulation of wealth // Journal of Economic Perspectives. — 1988. — Т. 2. — № 2. — P. 15–40.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Aleksandrova O. A., Jarasheva A. V.* Transformacija investicionno-sberegatel'nogo povedenija vysokodohodnyh grupp naselenija v period krizisa // Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. — 2016. — № 1(43). — S. 122–137.
2. *Alikperova N. V., Jarasheva A. V., Vinogradova K. V.* Motivacija trudovogo povedenija molodezhi kak vozmozhnosti dlja realizacii finansovyh strategij // Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. — 2019. — T. 12. — № 1. — S. 226–240.
3. *Dulina N. V., Moiseeva D. V.* Finansovoe povedenie pensionerov: transformacija pod vlijaniem cifrovoj jekonomiki? // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Sociologija. Politologija. — 2019. — T. 19. — № 4.— S. 399–406.
4. *Kuzina O. E., Krupenskij N. A.* Perekreditovannost' rossijan: mif ili real'nost'? // Voprosy jekonomiki. — 2018. — № 11. — S. 85–104.
5. *Malkina M. Ju., Rogachev D. Ju.* Vlijanie lichnostnyh harakteristik na finansovoe povedenie molodezhi // Journal of Institutional Studies (Zhurnal institucional'nyh issledovanij). — 2019. — T. 11. — № 3. — S. 135–152.

6. *Manahova I. V.* Transformacija potreblenija v informacionnoj jekonomike: dis. — M.: spec. 08.00. 01 «Jekonomicheskaja teorija», 2014. — 398 s.
7. *Nivorozhkina L. I., Alifanova E. N.* Finansovye strategii vypusknikov VUZov: otcy i deti (opyt statisticheskogo analiza) // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. — 2019. — № 3. — S. 138–143.
8. *Jarasheva A. V., Alikperova N. V.* Gendernye razlichija finansovogo povedenija naselenija // Narodonaselenie. — 2020. — T. 23. — № 2. — S. 51–60.

КОЗЛОВА Ольга Анатольевна
д.э.н., профессор,
руководитель центра исследований социоэкономической динамики,
Институт экономики УрО РАН,
Екатеринбург, Россия.
E-mail: olga137@mail.ru

СЕКИЦКИ-ПАВЛЕНКО Ольга Олеговна
ведущий экономист,
Институт экономики УрО РАН,
Екатеринбург, Россия.
E-mail: pavlenko_ola@mail.ru

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ: АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ[1]

Ключевые слова: возрастная структура населения**,** трансформация возрастной структуры**,** методы измерения и показатели возрастной структуры.

Коды JEL: J10, J11

В статье проводится анализ относительно новых методических подходов к изучению возрастной структуры населения. Особое внимание уделяется возможностям использования таких показателей, как индекс старения населения, индекс Биллетера, коэффициенты прибытия, выбытия и обмена. Данные показатели отражают трансформацию возрастной структуры населения, обусловленную движением основных возрастных групп, как в сугубо демографическом, так и в социально-экономическом смысле. Приведены расчеты вышеуказанных показателей на федераль-

[1] Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-010-01049 «Методология и методика системной оценки взаимосвязи средовых факторов и здоровья населения в задаче устойчивого развития регионов России».

ном и региональном уровнях. Подчеркнута необходимость освоения новых методов исследования возрастной структуры.

Возрастная структура выступает в качестве базового источника информации обо всех демографических процессах. В России к настоящему времени она претерпела значительные изменения. Причины этих изменений следует искать как в ранее накопленном демографическом потенциале, так и в системных социально-экономических, политических и культурных преобразованиях. Процесс формирования возрастной структуры населения характеризуется непрерывностью и накопительным эффектом, которые отражают результаты действия адаптивного механизма взаимодействия населения и внешней среды. В связи с этим в целях динамичного развития страны и общества перед наукой встает необходимость изучения механизмов адаптации населения к новой социально-экономической реальности через оценку изменений возрастной структуры населения. Как и для всех социально-экономических явлений, одной из главных методологических процедур является поиск эффективного научного инструментария, адекватно отражающего происходящие изменения.

Трансформации возрастной структуры населения в свое время значительное внимание уделяли как советские, а позже российские, так и зарубежные ученые. Среди отечественных исследователей стоит выделить классиков отечественной демографии: Б. Ц. Урланиса, Д. И. Валентея, А. Я. Квашу, А. Г. Вишневского, Л. Л. Рыбаковского, С. И. Пирожкова, Е. М. Андреева, Н. Б. Баркалова, М. А. Клупта, М. Б. Денисенко, Н. В. Мкртчяна, В. М. Школьникова, Б. С. Хорева и др.

Вопросы трансформации возрастной структуры населения и последствия этой трансформации рассматриваются в работах А. А. Саградова, Г. Л. Сафаровой, А. А. Шабуновой, Е. М. Щербаковой, В. Г. Доброхлеб, В. Н. Барсукова, Т. З. Винокуровой, Л. В. Иванковой и ряда других исследователей.

Среди зарубежных авторов существенный вклад в развитие представлений о возрастной структуре населения внесли: А. Г. Сундберг, Ф. Бургдерфер, А. Сови, Ж. Боже-Гарнье, Э. Россет и многие другие ученые.

На наш взгляд, отдельную категорию исследователей динамики возрастной структуры населения представляют ученые Восточной Европы, демографические школы которых развивались под влиянием достижений как советской, а позже российской, так и западной научной мысли. Среди этих ученых необходимо выделить Зденека Павлика, Збигнева Длугожа, Славомира Курека, Йозефа Младека, Марцелу Качерову, Яну Ондачкову. Работы этих исследователей не только способствовали расширению представлений о динамике возрастной структуры отдельных регионов и стран Европы, но и в значительной мере обогатили методический аппарат демографических исследований.

Среди показателей, с помощью которых исследуется возрастная структура населения и ее динамика, наиболее популярными и прочно себя зарекомендовавшими являются: средний возраст, соотношение основных возрастных групп, коэффициент старения населения, коэффициенты демографической нагрузки.

Менее популярным является такой показатель, как индекс старения *(Ageing Index),* представляющий собой соотношение лиц пожилого возраста на 100 детей.

Вычисляется индекс старения по формуле:

$$I_{\text{стар}} = \frac{P_{65+}}{P_{0-14}} \times 100. \quad (1)$$

Расчет данного показателя нашел широкое применение в аналитических отчетах Европейской экономической комиссии при ООН и в исследованиях зарубежных авторов. Однако в нашей стране использование данного показателя весьма ограничено. Исключение составляют работы Г. Л. Сафаровой [Сафарова, 2008] и В. Л. Барсукова [Барсуков, 2014].

Одним из наиболее значимых показателей, характеризующих изменения в возрастной структуре, в частности процесс старения населения, является индекс Биллетера *(Billeter index)*. С его помощью можно получить представление о старении популяции именно с демографической/биологической точки зрения, поскольку при вычислении данного показателя используются данные о возрастных группах по критерию репродуктивности/нерепродуктивности. Данный индекс представляет собой разницу между числом лиц дорепродуктивного возраста и пострепродуктивного возраста, отнесенную к числу лиц репродуктивного возраста.

$$I_{\text{Билл}} = \frac{P_{0-14} - P_{50+}}{P_{15-49}} \times 100. \quad (2)$$

Выражается индекс Биллетера, как правило, в процентах. Индекс принимает положительные значения, когда доля детей в общей численности населения превышает долю людей пострепродуктивного возраста, и отрицательные значения, когда число лиц пострепродуктивного возраста превышает долю детей. Использование данного показателя при исследовании возрастной структуры населения и процессов старения приобрело широкую популярность во всем мире, однако в отечественных исследованиях демографических процессов и структур он почти не применяется. Среди государств СНГ индекс Биллетера уже насколько лет рассчитывает для своих регионов Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан [3].

Относительно новыми методами изучения возрастной структуры населения являются так называемые коэффициенты прибытия, выбытия, и обмена *(coefficient of inflow,coefficient of outflow, coefficient of exchange)*. Судя по названию, можно подумать, что речь идет о процессе миграции, но это не так. Под прибытием, выбытием и обменом понимается движение между основными возрастными группами населения в социально-экономическом плане, т.е. прибытие лиц в трудоспособный возраст и выбытие из него. Проще говоря, данные коэффициенты характеризуют процесс воспроизводства населения трудоспособного возраста. Методы расчета этих коэффициентов были предложены восточноевропейскими учеными Й. Младеком. М. Качеровой и Я. Ондачковой [Káčerová, Mládek, 2012; Káčerová et al., 2012; Káčerová et al., 2012], и формулы имеют следующий вид:

$$K_{\text{приб}} = \frac{P_{10-14}}{P_{15-64}} \times 100, \quad (3)$$

$$K_{\text{выб}} = \frac{P_{60-64}}{P_{15-64}} \times 100, \quad (4)$$

$$K_{\text{обмен}} = \frac{P_{10-14}}{P_{60-64}} \times 100, \quad (5)$$

$$\text{или } K_{\text{обмен}} = \frac{\text{приб}}{\text{выб}}. \quad (6)$$

В случае, если $K_{\text{обмен}} > 1$, речь идет о расширенном воспроизводстве населения трудоспособного возраста, когда $K_{\text{обмен}} < 1$ — о суженном воспроизводстве, а при $K_{\text{обмен}} = 1$ имеет смысл говорить о простом замещении данной возрастной группы населения. Каждый из упомянутых показателей может быть рассчитан как отдельно для каждого пола, так и для населения в целом.

В статье приведены рассчитанные нами индекс старения населения, индекс Биллетера и коэффициенты прибытия, выбытия и обмена на региональном и федеральном уровнях (Свердловская область, Уральский Федеральный округ, Российская Федерация). В качестве временного периода были взяты 2012–2019 гг. Основой для расчета послужили данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат), а именно статистические бюллетени «Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту» за соответствующие годы. Как видно из данных табл. 1, в последние годы интенсивность процесса старения как в целом по России, так и в УрФО и Свердловской области возросла.

Таблица 1

Динамика индекса старения населения в Российской Федерации, Уральском федеральном округе и Свердловской области, 2012–2019 гг., %

год	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
РФ	82,3	81,3	80,6	81,2	81,5	81,7	83,1	84,7
УрФО	66,0	64,7	63,8	64,1	64,4	65,2	66,9	68,6
Свердловская обл.	82,2	80,6	79,0	78,9	78,7	78,7	80,3	81,9

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата: https://rosstat.gov.ru/

Если в 2012 г. в России на 100 детей приходилось 82 человека в возрасте старше 65 лет, то в 2019 г. этот показатель составил почти 85 человек. В УрФО индекс старения возрос с 66 до 68,6%. А в Свердловской области, напротив, было отмечено незначительное снижение данного показателя. Индекс старения в УрФО в среднем ниже на 15–20% по сравнению со Свердловской областью и Россией. Это объясняется существенно более молодым населением в трех его субъектах (Тюменской области, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах).

Таблица 2

Динамика индекса Биллетера в Российской Федерации, Уральском федеральном округе и Свердловской области, 2012–2019 гг., %

год	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
РФ	–36,2	–36,7	–37,1	–37,3	–37,3	–37,3	–37,2	–37,5
УрФО	–30,1	–30,0	–30,0	–29,7	–29,2	–28,7	–28,7	–28,9
Свердловская обл.	–37,8	–37,7	–37,6	–37,0	–36,3	–35,6	–35,2	–35,1

Источник: Рассчитано авторами по данным Росстата: https://rosstat.gov.ru/

На протяжении последних восьми лет индекс Биллетера как в целом по России, так и в регионах имеет исключительно отрицательные значения, что свидетельствует о превышении доли пострепродуктивного населения над долей детей (табл. 2). В последние годы (начиная с 2015 г.) в Свердловской области наметилась динамика повышения индекса Биллетера, однако говорить об омоложении популяции области, на наш взгляд, не следует. Положительная динамика может быть вызвана как увеличением рождаемости, так и миграционным приростом населения.

Что касается рассмотрения репродукции возрастных групп с экономической точки зрения, то можно сделать однозначный вывод о постарении населения как в России, так и в УрФО и Свердловской области (табл. 3). Так, коэффициент прибытия, хоть и имеет некоторую тенденцию увеличения, по-прежнему остается крайне низким, что свидетель-

ствует о недостаточном прибытии молодежи в продуктивную возрастную категорию.

За исследуемый период в Российской Федерации, УрФО и Свердловской области на 100 человек работающего населения в среднем приходилось 6–8 человек в возрасте 10–14 лет.

Коэффициент выбытия наряду с коэффициентом прибытия показывает растущую тенденцию. Однако его величина как в России, так и в УрФО и Свердловской области превосходит коэффициент прибытия. На протяжении 2012–2019 гг. в России, УрФО и Свердловской области в среднем 8–10 человек каждый год переходят из категории продуктивного в категорию постпродуктивного населения.

Таблица 3

Динамика коэффициентов прибытия, выбытия и обмена возрастных категорий населения в Российской Федерации, Уральском федеральном округе и Свердловской области, 2012–2019 гг.

год	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Коэффициент прибытия (%)								
РФ	6,402	7,309	6,727	6,982	7,167	7,380	7,627	7,915
УрФО	6,546	6,787	7,007	7,349	7,609	7,871	8,157	8,500
Свердловская обл.	6,081	6,320	6,580	6,965	7,259	7,550	7,834	8,161
Коэффициент выбытия (%)								
РФ	8,170	9,495	8,823	9,072	9,332	9,573	9,820	10,142
УрФО	7,851	8,294	8,693	8,967	9,263	9,436	9,633	9,931
Свердловская обл.	8,717	9,620	9,620	9,855	10,083	10,200	10,301	10,458
Коэффициент обмена								
РФ	0,78	0,77	0,76	0,77	0,77	0,77	0,78	0,78
УрФО	0,83	0,82	0,81	0,82	0,82	0,83	0,85	0,86
Свердловская обл.	0,70	0,66	0,68	0,71	0,72	0,74	0,76	0,78

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата: https://rosstat.gov.ru/

Ни на уровне страны, ни на уровне регионов на протяжении всего исследуемого периода коэффициент обмена не превысил значения, равного 1, что свидетельствует о суженном воспроизводстве рабочей силы (рис. 1).

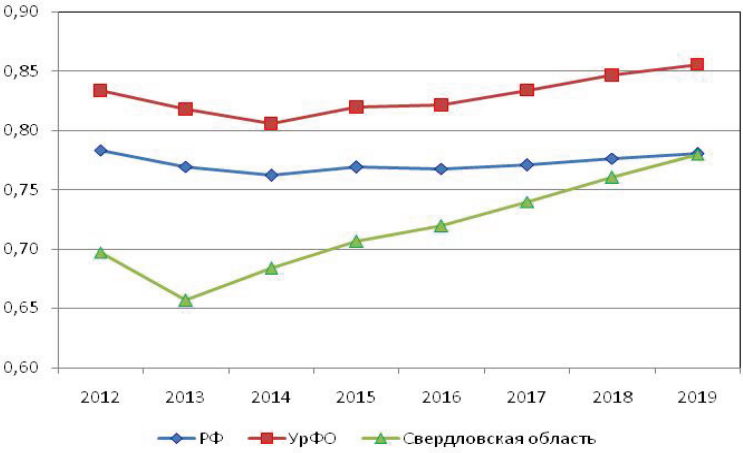

Рис. 1. Динамика коэффициента обмена возрастных категорий населения в Российской Федерации, Уральском федеральном округе и Свердловской области, 2012–2019 гг.

Исходя из анализа рассмотренных показателей, можно сделать следующие выводы о возрастной структуре населения:

1. Характерным признаком возрастной структуры населения Российской Федерации и выбранных для анализа регионов является тенденция старения населения.

2. При анализе внутрирегиональных асимметрий необходимо учитывать природные, социально-экономические и культурные особенности регионов, а также их территориальную близость, поскольку между соседними регионами может идти активный обмен населением, в том числе трудовыми ресурсами, что влияет на характер изменения возрастной структуры этих регионов.

3. Изменения возрастной структуры населения, идущие как в целом в России, так и во многих ее регионах, являются следствием таких современных процессов в обществе, как массовое распространение однодетной модели семьи, неустойчивость брака, рост числа сожительств, усиление индивидуализма. В конечном итоге это ведет к трансформации экономической, социальной и культурной составляющих общественной жизни.

Мы полагаем, что в последние годы в отечественной научной литературе почти не уделяется внимание рассмотрению и созданию новых инструментов демографического исследования. Это, в свою очередь, снижает потенциальные возможности исследования возрастной структуры и других демографических структур и процессов, с ней связанных. На наш взгляд,

изучение новых методов расчета показателей и последующее их применение к российским реалиям позволят существенно развить методологический аппарат отечественной демографической науки.

Список литературы

1. *Барсуков В. Н.* Демографическое старение населения: методы оценки // Вопросы территориального развития. — 2014. — № 4. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21595075_55419900.pdf (дата обращения: 29.01.2020).
2. Индекс Биллетера в регионах Республики Казахстан. Экспресс-информация № 36-7/378 от 25 октября 2019 г. URL: https://www.stat.gov.kz (дата обращения: 29.01.2020).
3. *Сафарова Г. Л.* Демографические аспекты старения населения России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0317/analit03.php (дата обращения: 29.01.2020).
4. *Káčerová M., Mládek J.* Population Ageing as Generation Substitutions: Economic and Social Aspects // Journal of Economics. — 2012. — Vol. 3. — P. 259–276.
5. *Káčerová M., Mládek J., Ondačková J.* Nové štatistické metódy merania populačného starnutia // Forum statisticum slovacum. — 2012. — Vol. 3. — P. 62–69.
6. *Káčerová M., Ondačková J., Mládek J.* A comparison of population ageing in the Czech Republic and the Slovak Republic based on generation support and exchange // Moravian Geographical Reports. — 2012 (4). — Vol. 20. — P. 26–38.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Barsukov V. N.* Demograficheskoe starenie naselenija: metody ocenki // Voprosy territorial'nogo razvitija. — 2014. — № 4. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21595075_55419900.pdf (data obrashhenija: 29.01.2020).
2. Indeks Billetera v regionah Respubliki Kazahstan. Jekspress-informacija № 36-7/378 ot 25 oktjabrja 2019 g. URL: https://www.stat.gov.kz (data obrashhenija: 29.01.2020).
3. *Safarova G. L.* Demograficheskie aspekty starenija naselenija Rossii. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0317/analit03.php (data obrashhenija: 29.01.2020).

КОЛОТУША Антон Васильевич
аспирант 1-го г.о., лаборант,
экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова,
кафедра народонаселения,
Москва, Россия.
E-mail: tony_kol@mail.ru

ДЕТЕРМИНАНТЫ ПИТАНИЯ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ[1]

Ключевые слова: инвалидность, питание, питание инвалидов.

Коды JEL: I12, I18, I19, J18, J19

Структура питания является важной характеристикой уровня и качества жизни человека. От нее зависит риск возникновения различных заболеваний, в том числе болезней кровообращения и новообразований. По данным Росстата на 2017 г. [Российский статистический ежегодник, 2018], несмотря на наметившееся сокращение числа смертей от болезней кровообращения (588 человек на 100 тыс. населения за 2017 г. к 806 человек на 100 тыс. за 2010 г.) и новообразований (201 человек на 100 тыс. населения за 2017 г. к 205 человек на 100 тыс. за 2010 г.), в структуре смертности по основным классам причин смертности две вышеуказанные группы продолжают преобладать (по данным Росстата, причины 47,2% случая смертей связаны с нарушениями работы органов кровообращения, 16,1% приходятся на новообразования, следующая же по значению группа, внешние причины, имеет долю 8,4%). Цифры говорят о наметившейся опасной тенденции, требующей выработки мер по снижению уровней заболеваемости и смертности вследствие нарушения структуры и режима питания, без чего невозможна реализация поставленных целей демографической политики РФ. В свою очередь, разработка этих мер невозможна без исследования факторов, влияющих на рацион питания, а также каналов их влияния на состояние здоровья людей через изменение рациона питания.

В свете развития теории нутрициологического перехода Б. Попкина (см., например, [Popkin, 1994; Drewnowski, Popkin, 1997; Popkin, 1999;

[1] Доклад подготовлен в рамках гранта РФФИ «Влияние человеческого капитала на настоящий и будущий экономический рост в России» (№ 19-29-07546, руководитель — Калабихина И. Е.).

Popkin, 2001]), развиваемой им еще с 90-х гг. прошлого столетия, об идущем во всем мире начиная с 70-х гг. с экономически развитых стран структурном сдвиге в рационах питания от продуктов, богатых клетчаткой, в сторону обработанных продуктов, насыщенных жирами и сахаром, выявление различных детерминант нарушения рациона питания с целью выработки последующих рекомендаций, направленных на сокращение масштабов заболеваемости и смертности от алиментарно-зависимых заболеваний, приобретает особенную важность.

В существующих работах (например, [Devaux et al., 2011; Drewnowski, Specter, 2004]) рациональность питания в основном измеряется опосредованно, как соответствие значения индекса массы тела (ИМТ) пределам нормативного коридора (18,5–25), значения выше которого указывают на ожирение, ниже — на недоедание. Популярность этого показателя можно объяснить тем, что это достаточно удобный прокси-показатель для оценки рациональности питания, поскольку он, с одной стороны, коррелирован с рационом питания (длительное нахождение значения ИМТ вне нормативного коридора может быть следствием нарушения рациона и режима питания) и в той же мере может служить индикатором риска возникновения алиментарно-зависимых заболеваний и смертности от них, что и рацион питания, с другой — прост в вычислении и опирается на объективные данные по легкодоступным показателям роста и веса (кг/м^2). Кроме того, в силу единства методологии, т.е. из-за того, что шкала расчета показателя представлена ВОЗ, имеющей статус международной организации, использование этого показателя при межстрановом анализе обеспечивает сопоставимость по нему индивидов из разных стран. В то же время он дает несколько свернутое представление о рационе питания, указывая скорее лишь на возможное отклонение от оптимального рациона с точки зрения максимизации капитала здоровья, оставляя при этом за кадром более важные характеристики режима и суточного рациона питания (структуру потребления отдельных пищевых групп, объемы среднего в день потребления продуктов питания в рамках каждой из групп, объемы потребления белков, жиров и углеводов в день, количество приемов пищи в день, потребление продукции быстрого питания и др.), которые полнее раскрывают аспекты понятия рациона питания. Отход от традиции использовать ИМТ в качестве измерителя качества питания был произведен в отечественной работе Л. Родионовой и Е. Копновой [Родионова, Копнова, 2017], в которой структура питания была разложена на спектр компонент (на потребление жиров, сахара, овощей и фруктов), а зависимыми переменными выступили переведенные в бинарный вид индикаторы потребления тех или иных веществ выше/ниже нормы. При построении зависимых переменных авторы опираются на рекомендуемые нормы потребления

продуктов питания, установленные Минздравом России на оцениваемый период (2013 г.), и в соответствии с нормами строят следующие индикаторные переменные:

- «Переизбыток потребления жиров» (1 — выше нормы 30%, 0 — ниже нормы, норма)
- «Переизбыток потребления сахара» (1 — выше нормы 71 г/день, 0 — ниже нормы, норма)
- «Недостаток потребления фруктов» (1 — ниже нормы 260 г/день, 0 — выше нормы, норма)
- «Недостаток потребления овощей» (1 — ниже нормы 356 г/день, 0 — выше нормы, норма)

На основе данных выборочного наблюдения рациона питания населения, проведенного Росстатом в 2013 г., авторы строят серию из восьми моделей максимального правдоподобия на основе бинарного логита, бинаризируя данные о среднем объеме потребления жиров, сахара, фруктов и овощей в день и оценивая модели отдельно для мужчин и женщин.

В центре внимания данного доклада — вопрос об особенностях поведения инвалидов в области питания, что может дать нам возможности выработки мер по сохранению здоровья и профилактике смертности инвалидов.

Пользуясь методологией оценки вероятности нерационального питания на основе логит-моделей бинарного выбора, по аналогии с работой Родионовой и Копновой, мы провели регрессионный анализ на тех же данных Выборочного наблюдения рациона питания населения (ВНРП) также за 2013 г. Его использование удобно для нас тем, что обследование содержит как информацию о наличии у индивида инвалидности, так и о питании индивидов, что дает нам возможность выявить особенности питания лиц с инвалидностью и без. Выборка содержит свыше 91 тыс. валидных наблюдений, из которых почти 9 тыс. человек (10%) имеют инвалидность или находятся в процессе ее оформления.

На основании регрессионного анализа получены следующие предварительные результаты:

На подвыборке мужчин:

1.1. Дети-инвалиды значимо больше здоровых людей злоупотребляют жирной пищей, однако инвалиды всех групп значимо меньше здоровых переедают жирной пищи.

1.2. Инвалиды 1 и 2-й групп значимо меньше здоровых переедают сладкого.

1.3. Инвалиды 1 и 2-й групп значимо больше здоровых недоедают овощей.

1.4. С потреблением фруктов значимых различий нет.

На подвыборке женщин:

2.1. Инвалиды 2-й группы значимо меньше здоровых переедают жирной пищи.

2.2. Дети-инвалиды и инвалиды всех групп значимо меньше здоровых переедают сладкого.

2.3. Дети-инвалиды значимо больше здоровых недоедают овощей.

2.4. Инвалиды 1 и 3-й групп значимо меньше здоровых недоедают фруктов.

Полученные результаты могут указывать на сравнительное большее недоедание пищи у инвалидов в целом, что может объясняться как сравнительно меньшей экономической доступностью продуктов питания для них, так и большим количеством ограничений по рациону питания. В то же время инвалиды женского пола в меньшей степени, чем более здоровые респондентки, подвержены угрозе недоедания фруктов. Из проведенного анализа может следовать рекомендация повысить в рационе питания инвалидов содержание овощей.

Кроме этого, на тех же данных получено, что инвалиды значимо меньше других питаются вне дома (рис. 1–3).

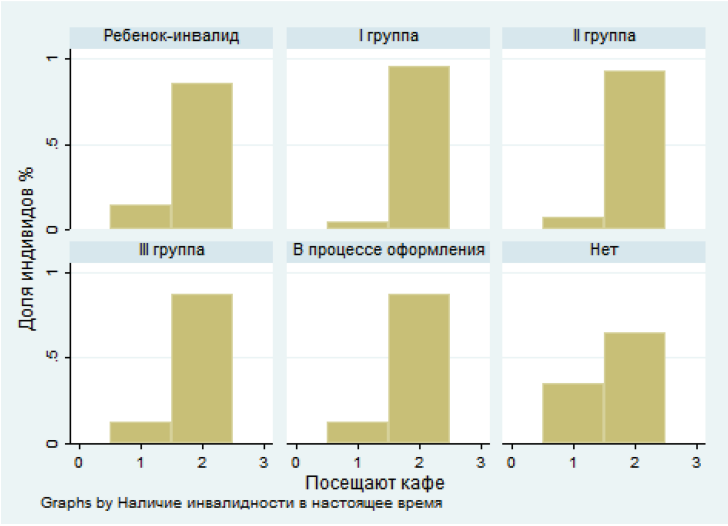

Рис. 1. Посещение кафе и ресторанов лицами с инвалидностью и без (1 — посещают, 2 — нет).

Источник: построено автором в программном пакете Stata 14.2 на данных Выборочного наблюдения рациона питания за 2013 г. [Выборочное..., 2013].

Рис. 2. Посещение предприятий быстрого питания лицами с инвалидностью и без (1 — посещают, 2 — нет).

Источник: построено автором в программном пакете Stata 14.2 на данных Выборочного наблюдения рациона питания за 2013 г. [Выборочное..., 2013].

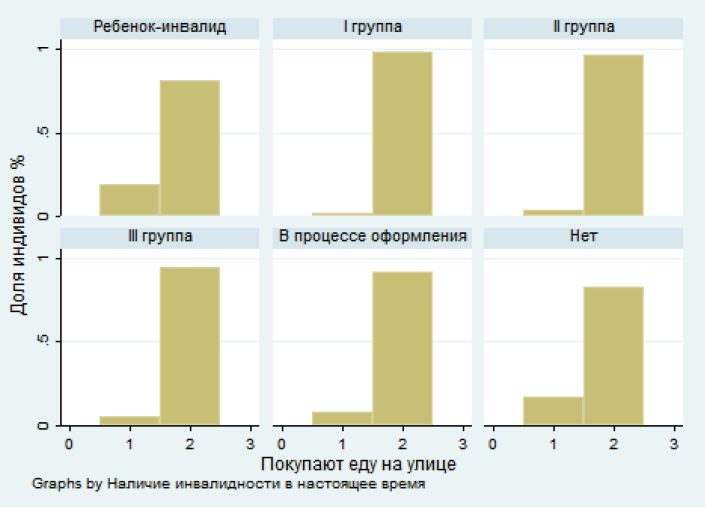

Рис. 3. Покупка еды на улице лицами с инвалидностью и без (1 — покупают, 2 — нет).

Источник: построено автором в программном пакете Stata 14.2 на данных Выборочного наблюдения рациона питания за 2013 г. [Выборочное..., 2013].

В то же время заметно, что и в целом респонденты ВНРП не очень склонны к питанию вне дома. Мы полагаем, что это связано с возрастной особенностью как выборки, так и структуры инвалидов, смещенных в сторону старших возрастов (рис. 4), у которых может быть отличная от более молодых возрастов культура питания, основанная на приготовлении и потреблении домашней пищи.

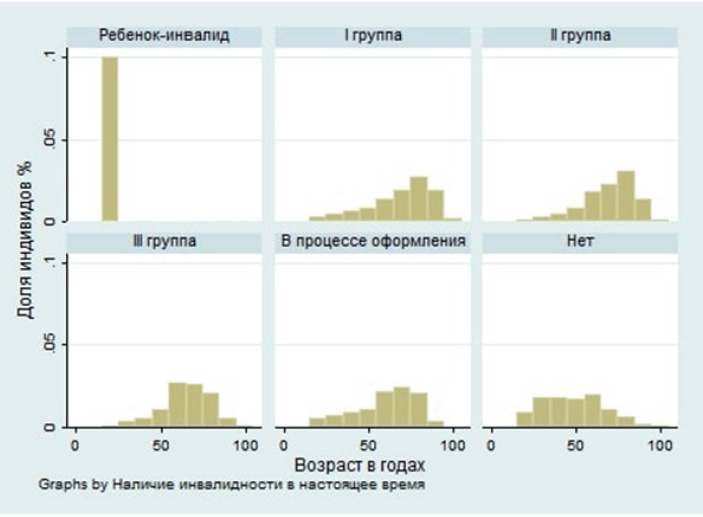

Рис. 4. Повозрастное распределение лиц с инвалидностью и без.
Источник: построено автором в программном пакете Stata 14.2 на данных Выборочного наблюдения рациона питания за 2013 г. [Выборочное..., 2013].

В целом из проведенного исследования следует, что социально неустойчивое положение инвалидов в России вдвойне обостряется тем, что в их возрастной структуре преобладают, как правило, менее обеспеченные старшие возраста. Это дает нам основание сделать вывод, что меры поддержки инвалидов должны быть в основном ориентированы на пожилые возраста. Данные показывают, что лица с инвалидностью в особенной мере подвержены угрозе недоедания овощей, из чего следует рекомендация по повышению экономической доступности для них овощных продуктов, например через разработку системы купонов на скидку на покупку овощей для пожилых или пересмотр меню в приютах для инвалидов в сторону овощных продуктов.

Список литературы

1. Всемирная организация здравоохранения. Здоровое питание (2018). URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/healthy-diet (дата обращения: 21.06.2020).
2. Выборочное наблюдение рациона питания населения. Индивидуальный вопросник для лиц в возрасте 14 лет и более / Росстат. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/food1/survey0/da.. (дата обращения: 11.11.2019).
3. *Родионова Л. А., Коппова Е. Д.* Статистический анализ характеристик рационального питания населения России // Вопросы статистики. — 2017. — № 7. — С. 28–40.
4. Российский статистический ежегодник. 2018: стат. сб. / Росстат. — Р76 М., 2018. — 694 с. URL: https://gks.ru/storage/mediabank/year18.pdf (дата обращения: 28.10.2019).
5. *Devaux M., Sassi F., et al.* Exploring the relationship between education and obesity. — OECD // Economic Studies. — 2011(1). — P. 5–6.
6. *Drewnowski A., Popkin B. M.* The nutrition transition: new trends in the global diet // Nutrition reviews. — 1997. — Т. 55. — № 2. — P. 31–43.
7. *Drewnowski A., Specter S. E.* Poverty and obesity: The role of energy density and energy costs // American Journal of Clinical Nutrition. — 2004. — 79(1). — P. 6–16.
8. *Popkin B. M.* The nutrition transition and obesity in the developing world // The Journal of nutrition. — 2001. — Т. 131. — № 3. — P. 871S–873S.
9. *Popkin B. M.* The nutrition transition in low-income countries: an emerging crisis // Nutrition reviews. — 1994. — Т. 52. — № 9. — P. 285–298.
10. *Popkin B. M.* Urbanization, lifestyle changes and the nutrition transition //World development. — 1999. — Т. 27. — № 11. — P. 1905–1916.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Vsemirnaja Organizacija Zdravoohranenija. Zdorovoe pitanie (2018). URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/healthy-diet (data obrashhenija: 21.06.2020).
2. Vyborochnoe nabljudenie raciona pitanija naselenija. Individual'nyj voprosnik dlja lic v vozraste 14 let i bolee // Rosstat. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/food1/survey0/da.. (data obrashhenija: 11.11.2019).
3. *Rodionova L. A., Kopnova E. D.* Statisticheskij analiz harakteristik racional'nogo pitanija naselenija Rossii // Voprosy statistiki. — 2017. — № 7. — S. 28-40.
4. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2018: stat. sb. / Rosstat. — R76 M., 2018 — 694 s. URL: https://gks.ru/storage/mediabank/year18.pdf (data obrashhenija: 28.10.2019).

КОРОВКИН Андрей Германович
д.э.н., заведующий лабораторией,
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН,
лаборатория прогнозирования трудовых ресурсов;
профессор,
экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова,
кафедра экономики труда и персонала,
Москва, Россия.
E-mail: akor@ecfor.ru

ДОЛГОВА Ирина Николаевна
к.э.н., доцент, старший научный сотрудник,
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН,
лаборатория прогнозирования трудовых ресурсов,
Москва, Россия.
E-mail: ecfor1809@mail.ru

КОРОЛЕВ Иван Борисович
к.э.н., старший научный сотрудник,
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН,
лаборатория прогнозирования трудовых ресурсов,
Москва, Россия.
E-mail: ecfor1809@mail.ru

ФАКТОР ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И РАБОЧЕЙ СИЛЫ ПРИ АНАЛИЗЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИИ ДИНАМИКИ РОССИЙСКОГО РЫНКА ТРУДА[1]

Ключевые слова: движение населения, рынок труда, рабочая сила, структурная безработица, прогнозирование.

Коды JEL: J21, J62, E24, R23

Современная экономическая ситуация в нашей стране характеризуется существенным ростом уровня напряженности на национальном и локальных рынках труда. Риски сохранения или даже усиления напряженности в средне- и долгосрочной перспективе достаточно высоки, особенно если в условиях наличия объективных и субъективных ограничений предполагаемая конструктивная повестка экономической политики будет реализо-

[1] Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-010-00944 «Межсекторальное движение рабочей силы как фактор перспективной динамики рынка труда РФ и ее регионов».

вана не в полной мере (см., например, [Порфирьев и др., 2020; Ивантер и др., 2017]). Учитывая региональную неоднородность соответствующих процессов, с высокой долей вероятности это приведет и к усилению дифференциации на отечественном рынке труда, которая и до начала вызванных последствиями пандемии новой болезни кризисных явлений была весьма актуальной проблемой. Происходящие сегодня и перспективные структурные сдвиги в экономике и на отечественном рынке труда могут выступить еще одним катализирующим усиление дифференциации фактором, привести к росту структурной безработицы, существенному ухудшению положения на отдельных сегментах рынках труда. В свою очередь, структурные изменения неизбежно связаны и с интенсификацией процессов движения населения и рабочей силы.

Сами тенденции движения населения и рабочей силы могут оказывать заметное позитивное или негативное влияние на состояние локальных рынков труда. Вполне естественно ожидать, что с ростом интенсивности процессов движения населения и рабочей силы, активизации процессов ее найма и высвобождения роль этого фактора в динамике локальных и общенационального рынка труда будет только возрастать (т.е., в частности, стать значимой даже в тех случаях, когда этого раньше не наблюдалось), что подтверждает важность его учета при проведении прогнозно-аналитических расчетов.

Для исследования процесса согласования спроса на рабочую силу и ее предложения с учетом тенденций движения рабочей силы, совместного движения рабочей силы и вакантных рабочих мест может быть использована модель согласования спроса на рабочую силу и ее предложения [Коровкин, 2001]. Многосекторные варианты такой модели позволяют учитывать неоднородность как спроса на рабочую силу, так и ее предложения, исследовать процесс согласования спроса на рабочую силу и ее предложения на национальном, региональных и отраслевых рынках труда. Такая постановка позволяет акцентировать внимание на особенностях процесса согласования спроса и предложения в различных сегментах рынка труда, определяемых в том числе и тенденциями движения населения и рабочей силы.

Интенсификация процессов движения населения и рабочей силы актуализирует оценку степени напряженности для отдельных региональных рынков труда с учетом данных о движении рабочей силы. Для этого нами был использован интегральный индекс, рассчитываемый на основе данных Росстата об уровне занятости населения, уровнях общей и регистрируемой безработицы, доле застойной безработицы, коэффициенте напряженности (отношении численности безработного населения к числу вакантных рабочих мест), сальдо межрегиональной трудовой миграции за 2015–2018 гг. Все регионы были ранжированы в зависимости от значений рассматриваемых показателей. Наиболее напряженной ситуацией на рынке труда,

судя по полученными данным, характеризовались Республики Ингушетия, Тыва, Калмыкия, Карачаево-Черкесская и Кабардино-Балкарская Республики. Значения среднего ранга по шести использованным для расчета интегрального индекса показателям для этих регионов находились в диапазоне от 71,6 до 76,9. Регионы с наименее напряженной ситуацией на рынке труда, в свою очередь, характеризуются низкими рангами по рассматриваемым показателям: средний ранг пяти регионов с наименее напряженной ситуацией на рынке труда был не выше 15. При этом ранги для отдельных показателей в ряде случаев (в определенные года) были значительно выше. Наименее напряженная ситуация зафиксирована на рынке труда г. Москвы, средний ранг составил 2,5 с разбросом от первого до пятого места в зависимости от показателя и года. Отличия в рангах регионов по отдельным рассматриваемым показателям позволяют говорить о большей или меньшей сравнительной остроте той или иной проблемы. Например, относительно высокий уровень общей безработицы может сочетаться с невысоким уровнем зарегистрированной безработицы, и наоборот. Это справедливо как для благополучных, так и неблагополучных с точки зрения ситуации на рынке труда регионов. Можно видеть, что включение в расчет интегрального индекса сальдо трудовой миграции довольно сильно корректирует оценки степени напряженности на региональных рынках труда, хотя и не для всех регионов. Так, например, для регионов с наиболее благополучной ситуацией на рынке труда оценка уровня напряженности при учете фактора движения принципиально не меняется, они сохраняют свои лидирующие позиции. А вот для регионов с наиболее напряженной ситуацией на рынках труда оценка меняется более заметно.

В целом проведенный анализ показал актуальность учета параметров движения при оценке уровня напряженности на региональных рынках труда, подтвердил высокую степень дифференциации по уровню напряженности на региональных рынках труда, что, в частности, согласуется с ранее полученными для другого временного периода результатами [Коровкин, 2019].

Соответственно, улучшение ситуации на территориях с высокой степенью напряженности на рынке труда, недопущение заметного роста напряженности на других территориях — важная задача в рамках реализуемой государственной политики занятости.

Список литературы

1. *Коровкин А. Г.* Динамика занятости и рынка труда: вопросы макроэкономического анализа и прогнозирования. — М.: МАКС Пресс, 2001. — 320 с.
2. *Коровкин А. Г., Королев И. Б.* Напряженность на региональных рынках труда и определяющие ее факторы // Современные проблемы экономики и ме-

неджмента: материалы международной научно-практической конференции, 2019. — С. 147–150.
3. *Порфирьев Б. Н., Широв А. А., Узяков М. Н., Гусев М. С., Шокин И. Н.* Основные направления социально-экономического развития в 2020–2024 гг. и на период до 2035 г. // Проблемы прогнозирования. — 2020. — № 3. — С. 3–15.
4. Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России: монография / под науч. ред. акад. В. В. Ивантера. — М.: Научный консультант, 2017. — 196 с.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Korovkin A. G.* Dinamika zanjatosti i rynka truda: voprosy makrojekonomicheskogo analiza i prognozirovanija. — M.: MAKS Press, 2001. — 320 s.
2. *Korovkin A. G., Korolev I. B.* Naprjazhennost' na regional'nyh rynkah truda i opredeljajushhie ee faktory // Sovremennye problemy jekonomiki i menedzhmenta. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 2019. — S. 147–150.
3. *Porfir'ev B. N., Shirov A. A., Uzjakov M. N., Gusev M. S., Shokin I. N.* Osnovnye napravlenija social'no-jekonomicheskogo razvitija v 2020–2024 gg. i na period do 2035 g. // Problemy prognozirovanija. — 2020. — № 3. — S. 3–15.
4. Strukturno-investicionnaja politika v celjah obespechenija jekonomicheskogo rosta v Rossii: monografija / pod nauch. red. akad. V. V. Ivantera. — M.: Nauchnyj konsul'tant, 2017. — 196 s.

КУЧМАЕВА Оксана Викторовна
д.э.н., профессор,
экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова,
кафедра народонаселения,
Москва, Россия.
E-mail: kuchmaeva@yandex.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В РОССИИ[1]

Ключевые слова: инвалидность, занятость инвалидов, права инвалидов, социальная активность инвалидов.

Коды JEL: I12, I18, I19, J18, J19

[1] Доклад подготовлен в рамках гранта РФФИ «Влияние человеческого капитала на настоящий и будущий экономический рост в России» (№ 19-29-07546, руководитель — Калабихина И. Е.).

Мировое сообщество консолидирует усилия на обеспечении принципа доступности для инвалидов основных прав и свобод человека, закрепленного в Конвенции ООН о правах инвалидов (ратифицирована Российской Федерацией в 2012 г.). Речь идет о преодолении дискриминации лиц по признаку инвалидности, обеспечении социальной инклюзии инвалидов — их включении в жизнь общества: в трудовую деятельность, образование, спорт, религию, политику и т.д.

Внимание к положению и соблюдению прав инвалидов обусловлено увеличением абсолютной и относительной численности людей с инвалидностью, что является мировой и российской тенденцией.

По данным ВОЗ [10 фактов об инвалидности..., 2020], инвалиды относятся к самым изолированным группам населения в мире. Они характеризуются в среднем более низкими показателями здоровья, достижений в образовании и участия в экономическом развитии, а также чаще составляют малообеспеченное население, нежели люди без инвалидности. Все вышеперечисленное указывает на то, что инвалидизация населения в определенной степени выступает фактором возникновения потерь человеческого капитала страны. В России, к сожалению, согласно данным Росстата [Общая численность инвалидов..., 2020], масштаб инвалидности хоть и монотонно снижается, все же остается достаточно высоким: общая численность инвалидов за последние семь лет сократилась с 13,1 до 11,9 млн человек, а на 1000 человек населения на начало 2020 г. приходилось немногим более 80 инвалидов.

Целью исследования выступало, с одной стороны, определить факторы, влияющие на риск получения инвалидности, с другой — возможные потери рынка труда вследствие наличия ограничений на занятость инвалидов.

На основе микроданных мониторингового исследования «Российский мониторинг экономики и здоровья», проводимого НИУ ВШЭ, взятых за период с 2003 по 2018 гг., была построена серия моделей выживания на основе регрессий Кокса, в которых преследовались две задачи: 1) оценка влияния социоэкономических факторов на вероятность стать инвалидом здоровому человеку, 2) оценка влияния социоэкономических факторов на вероятность умереть инвалиду. Выбор периода обследования обусловлен наличием доступных данных по статистике инвалидности только за эти годы. За наступление перехода в состояние инвалидности принимался факт оформления инвалидности за календарный год до года обследования. Выборка была стратифицирована по полу и ограничена снизу возрастом «28+», а также из выборки исключались уже состоявшиеся инвалиды (лица со сроком оформленной инвалидности от двух лет и более). Объем выборки составил более 125 тыс. наблюдений, из которых 519 индивидов получили инвалидность. Набор

ковариат составили переменные семейного статуса, местности проживания, последней законченной ступени образования, а также профессиональные группы. В моделях оценки вероятности стать инвалидом оценивались как вероятность стать инвалидом в целом, так и попасть в каждую из трех групп инвалидов по отдельности. В модели оценки вероятности умереть инвалиду группы инвалидности использовались как дополнительные регрессоры.

Регрессионный анализ не позволил выявить значимых различий в оценках риска умереть у инвалидов с разным уровнем образования, семейным статусом, местностью проживания, профессиональной группой и группой инвалидности. В то же время более высокая квалификация частично проявляется как фактор, сокращающий угрозу для здорового человека перейти в число инвалидов.

Мы полагаем, что полученный результат объясняется более высокой экономической доступностью высококачественных услуг здравоохранения для лиц с более высокой квалификацией, что повышает шансы вовремя обнаружить и локализовать заболевание, ведущее к инвалидности. Кроме того, вероятно, лица с более высоким уровнем образования больше внимания уделяют самосохранительному поведению. Возможно также, что люди с плохим состоянием здоровья имеют меньше возможностей для продолжения образования.

К сожалению, в России лица с инвалидностью пока недостаточно включены в социальную и экономическую жизнь общества. Положение инвалидов в социуме, их социальный статус зависят от таких факторов мобильности, как инклюзивность образования и трудоустройства. Развитие профессиональной инклюзии для людей с инвалидностью существенно расширяет возможности социализации и занятости. Важный фактор, способствующий социальной мобильности инвалидов, — возможность их физической мобильности через создание доступной среды [Washburn and others, 2002, p. 193–200].

Представительное число исследований посвящено доступности для инвалидов образования и включенности их в трудовые отношения [Государственная..., 2008; Sickness..., 2010; Heron, 2016]. Доступ к образованию и занятости во многом определяет качество и разнообразие жизни инвалидов, однако мобильность инвалидов определяется также наличием необходимой инфраструктуры, включенностью в жизнь местного сообщества, характером проведения досуга и отдыха, дружескими связями и добровольческой деятельностью. 89,1% инвалидов (на фоне 52,6% всего населения) полагают, что из-за состояния здоровья они не могут вести активный образ жизни [КОУЖН, 2016].

Характеризуя инфраструктуру в месте проживания инвалидов, необходимо отметить, что большая часть инвалидов (69,0%) говорят о недо-

ступности услуг в сфере медицинского обслуживания, 21,7% — большой отдаленности аптек, 21,5% — отдаленности учреждений культуры, 27,0% — мест проведения отдыха и досуга, 25,4% — мест для занятий физкультурой. Однако посещение инвалидами различных культурно-развлекательных мероприятий распространено достаточно широко, хотя и здесь, безусловно, наличие проблем со здоровьем накладывает свой отпечаток на возможности досуга. Чаще всего инвалиды ходят на концерты, в рестораны, кафе или посещают церковь.

Достаточно небольшое количество респондентов являются членами каких-либо общественных, добровольных или благотворительных организаций — не более 3%. В случае, если инвалиды являются членами общественной организации, они принимают весьма активное участие в ее деятельности. 44,3% инвалидов — членов общественных организаций делают это «регулярно» (на фоне 33,9% всех россиян). Данное различие является статистически значимым.

Лишь 9,6% инвалидов в ходе обследования 2016 г. ответили, что у них была работа, доходное занятие на момент обследования. 2,1% работали на условиях неполного рабочего дня или гибкого графика. 1,0% ответили, что они используют интернет для поиска или выполнения оплачиваемой работы. Эти цифры говорят о крайне ограниченных возможностях занятости для инвалидов, в том числе дистанционной.

Занятость инвалидов может рассматриваться как своеобразный резерв трудового потенциала населения в условиях старения и сокращения численности населения трудоспособного возраста.

Прежде чем рассмотреть ситуацию в сфере занятости инвалидов, стоит остановиться на их возрастной структуре. Более половины российских инвалидов — люди в возрасте старше 60 лет (58,9% на начало 2020 г.). Доля инвалидов трудоспособных возрастов составляет лишь около 30%.

В силу этого уровень инвалидизации россиян весьма различается по возрастным группам. Если среди несовершеннолетних доля инвалидов составляет 2,3%, то к возрастной группе 41–50 лет показатель увеличивается до 5,3%, а среди лиц старше 61 года доля инвалидов составляет почти четверть (23,4%)[1].

Возрастная структура, а также структура инвалидности по группам инвалидности не могут не влиять на уровень занятости инвалидов. В структуре инвалидности доля инвалидов 3-й группы в начале 2020 г. составила 38,4%. Однако этот показатель очень дифференцирован по регионам страны: по данным за 2019 г., когда по стране в целом доля инвалидов

[1] Рассчитано по данным Федерального реестра инвалидов на начало 2020 г. URL: https://sfri.ru/ (дата обращения: 14.08.2020).

3-й группы составляла 37,6%, показатель колебался от 10% в Чеченской Республике до 50,6% в Чувашской Республике.

Доля занятых (работающих) инвалидов в России составляет 14,9% (в 2019 г.). Снижение численности работающих инвалидов после 2016 г. обусловлено вступлением в силу Федерального закона от 29.12.2015 № 385-ФЗ «О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и особенностях увеличения страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии и социальных пенсий», в соответствии с которым работающим пенсионерам не производится индексация пенсии.

Естественно, доля работающих инвалидов выше среди тех, кто имеет 3-ю группу инвалидности (23,3% в 2019 г.). Среди инвалидов 1-й группы работают лишь 3,7%, 2-й группы — 10,4%.

Показатель занятости инвалидов в регионах значительно колеблется — от 7,2 до 29,2%. Причем в 75 российских регионах доля работающих инвалидов не превышает 20% от их численности.

Это приводит к тому, что доля инвалидов среди занятых в экономике составляет весьма незначительную величину — 2,3% в 2019 г. Однако и здесь разброс показателя по регионам велик. В большинстве регионов доля инвалидов среди занятых составляет от 1 до 3%.

В случае, если бы при создании соответствующих условий доля занятых инвалидов среди всех инвалидов соответствовала во всех регионах среднероссийскому уровню (14,9% в 2019 г.), то рынок труда получил дополнительно 33,5 тыс. работников. А в случае, если бы показатель занятости в регионах не опускался ниже 14,9%, при этом в регионах с более высоким уровнем занятости инвалидов показатели сохранились, то по стране в целом рынок труда получил дополнительно 165,8 тыс. занятых. По сути, максимально возможная величина привлечения трудового потенциала лиц с инвалидностью, близкая к показателю численности инвалидов трудоспособного возраста, — это показатель занятости инвалидов, соответствующий 20% от всех инвалидов. Данный показатель наблюдался в 2019 г. в 10 регионах страны. В случае, если бы такая ситуация сложилась на российском рынке труда, это позволило привлечь дополнительно 611,5 тыс. работников.

В целом можно рекомендовать создание условий для доступа к качественному профессиональному образованию для всех граждан, включая имеющих определенные ограничения по здоровью, а также содействовать занятости инвалидов, что позволит сократить потери человеческого капитала страны из-за инвалидизации населения.

Список литературы

1. Государственная политика в отношении трудовой занятости людей с инвалидностью: международный опыт и российская практика. — М.: РООИ «Перспектива», 2008. — 142 с.
2. Итоги Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖН), 2016. Официальный сайт Росстата. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ16/index.html (дата обращения: 14.08.2020).
3. Общая численность инвалидов по группам инвалидности (на 1000 человек) (2020). URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1-1.doc (дата обращения: 14.08.2020).
4. Федеральный реестр инвалидов (2020). URL: https://sfri.ru/ (дата обращения: 14.08.2020).
5. 10 фактов об инвалидности. Всемирная организация здравоохранения (2020). URL: https://www.who.int/features/factfiles/disability/ru/ (дата обращения: 14.08.2020).
6. *Washburn R. A., Zhu W., McAuley E., Frogley M. and Figoni S. F.* The Physical Activity Scale for Individuals with Physical Disabilities: Development and Evaluation. Archives of Physical Medicine and Rehabilitation. — 2002. — Vol. 83. — № 2. — P. 193–200.
7. Sickness, Disability and Work: Breaking the Barriers: A Synthesis of Findings across OECD Countries, 2010. URL: https://b-ok.org/book/1062807/32ac3f (last accessed: 14.08.2020).

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Gosudarstvennaja politika v otnoshenii trudovoj zanjatosti ljudej s invalidnost'ju: mezhdunarodnyj opyt i rossijskaja praktika. — M.: ROOI «Perspektiva», 2008. — 142 s.
2. Itogi Kompleksnogo nabljudenija uslovij zhizni naselenija (KOUZhN), 2016. Oficial'nyj sajt Rosstata. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ16/index.html (data obrashhenija: 14.08.2020).
3. Obshhaja chislennost' invalidov po gruppam invalidnosti (na 1000 chelovek) (2020). URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1-1.doc (data obrashhenija: 14.08.2020).
4. Federal'nyj reestr invalidov (2020). URL: https://sfri.ru/ (data obrashhenija: 14.08.2020).
5. 10 faktov ob invalidnosti. Vsemirnaja organizacija zdravoohranenija (2020). URL: https://www.who.int/features/factfiles/disability/ru/ (data obrashhenija: 14.08.2020).

МАХРОВА Алла Георгиевна
к.г.н., ведущий научный сотрудник,
географический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова,
кафедра экономической и социальной географии России,
Москва, Россия.
E-mail: almah@mail.ru

ОЦЕНКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ МОСКВЫ ПО ДАННЫМ СОТОВЫХ ОПЕРАТОРОВ[1]

Ключевые слова: численность населения, Москва, данные операторов сотовой связи.

Коды JEL: O15, J11

В настоящее время концепцию «умный город» называют концепцией 3i (instrumented, interconnected, intelligent), когда вначале происходит аккумуляция данных о состоянии города посредством сенсоров и датчиков; затем интеграция всех собранных данных в большую базу и на финальной стадии — переработка и анализ полученных материалов. Для Москвы и ее населения этот подход имеет особое значения, учитывая важность оценки численности населения города в разные промежутки времени в разных территориальных разрезах на основе разных источников информации, одним из которых стали данные сотовых операторов.

Данные сотовых операторов используются в зарубежных научных исследованиях с середины 2000-х гг. В России первое исследование с использованием таких данных было проведено в 2013 г., более широкий доступ к данным появился в 2015 г. Эти данные позволяют оценить численность и плотность населения; выявить колебания численности населения с разными ритмами и многое другое [Бочкарев, 2017].

На фоне депопуляции значительного числа регионов страны и особенно областей Центральной России Москва демонстрирует непрерывный рост демографического потенциала. При этом в течение двух последних межпереписных периодов данные текущей статистики показывали убыль или стабилизацию населения, а переписи — ее резкое увеличение, что закономерным образом вызывает вопрос о том, какова реальная численность населения Москвы.

[1] Работа написана в рамках госбюджетной научно-исследовательской работы МГУ имени М. В. Ломоносова (проект № I.17 «Социально-экономические факторы трансформации территориальной организации общества в России и сопредельных странах», ГЗ, НИОКР № АААА-А16-116032810087-1).

Сравнение общей численности постоянного населения, фиксируемого статистикой, и оценки населения по данным сотовых операторов в зимнюю буднюю ночь, которые максимально приближены к численности реального населения, дают довольно неожиданный результат. Они показывают, что официальная статистика существенно завышает численность населения Москвы, но занижает показатели Московской области. Население столицы в зимнюю буднюю ночь октября 2018 г. меньше фиксируемой статистикой на 0,6 млн человек, составляя 12,0 млн человек против 12,6 млн человек. Численность населения Московской области, по данным сотовых операторов, достигает почти 10,4 млн человек против «официальных» 7,6 млн человек, т.е. расхождение составляет уже 2,8 млн человек [Махрова, Бабкин, 2018].

При этом для оценок численности населения муниципальных образований столицы по этим двум источникам информации характерны существенные различия. В районах Центрального административного округа и соседних с ним районов, которые вместе образуют зону центра и субцентра города, наблюдается почти полное соответствие данных сотовых операторов и статистики. Для спальных районов «старой» Москвы и Зеленограда статистика примерно на 10% завышает численность их населения. Особенно сильные различия, но в сторону недооценки населения, характерны для Новой Москвы, в которой данные статистики и сотовых операторов расходятся в 2 раза.

Такие расхождения сложно объяснимы и могут быть связаны с действием разных причин. Во-первых, это двудомность москвичей, которые, сохраняя столичную регистрацию, постоянно живут на своих дачах в Московской области, что уменьшает население столицы и увеличивает людность области (более полумиллиона владельцев московских сим-карт в буднюю ночь находятся в области), [Махрова, Бабкин, 2018]. Кроме того, часть москвичей постоянно живут в области, когда для решения жилищной проблемы покупается более дешевое подмосковное жилье, но сохраняется регистрация в Москве и все связанные с этим «столичные блага» (доплаты к пенсиям, московское здравоохранение и пр.). Однако социологические опросы показывают, что таковых довольно немного — около 300 тыс. человек. Кроме того, статистика недоучитывает арендаторов квартир, подавляющее большинство которых регистрируется по месту пребывания, и мигрантов, которые могут жить без оформления регистрации [Отдельные..., 2019, Мкртчян, 2009]. Активное жилищное строительство, которое особенно характерно для районов Новой Москвы, расположенных с внешней стороны МКАД, оказывает двойное влияние на численность населения. Во-первых, статистика не успевает за изменением населения вновь присоединенных территорий. Во-вторых, относительно дешевое по столичным меркам жилье вместе с активным развитием транспортной инфраструктуры, прежде всего появлением новых станций метро,

привлекает квартиросъемщиков и мигрантов, которые плохо учитываются статистикой. В-третьих, многие москвичи, купившие здесь квартиры или живущие на своих дачах, сохраняют старый адрес места регистрации [Argenbright et al., 2020].

Значительная часть расхождений в оценках людности Москвы и Московской области может быть обусловлена погрешностями методики проведения переписи, связанными с двойным счетом населения, неправильным учетом военнослужащих, студентов, пенсионеров [Андреев, 2012; Мкртчян, 2012]. При этом, в свою очередь, данные операторов сотовой связи обладают рядом погрешностей, которые вызваны сложностью учета ряда категорий абонентов сотовой связи.

Таким образом, оценки численности населения Москвы и Московской области, публикуемые официальной статистикой и сделанные на основе данных операторов сотовой связи, сильно расходятся между собой, делая актуальным вопрос использования разных источников информации для повышения достоверности оценок численности населения. И хотя сами данные операторов сотовой связи не лишены недостатков, этот ценный источник информации позволяет оценить многие аспекты реального распределения населения города в разных территориальных и временных разрезах, что важно для выработки оптимальных режимов функционирования многих систем жизнеобеспечения города и планирования его развития.

Список литературы

1. *Андреев Е. М.* О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. — 2012. — № 11. — С. 21–35.
2. *Бочкарев А. Н.* Методические аспекты изучения трудовой маятниковой миграции // Региональные исследования. — 2017. — № 3. — С. 42–50.
3. *Махрова А. Г., Бабкин Р. А.* Анализ пульсаций системы расселения Московской агломерации с использованием данных сотовых операторов // Региональные исследования. — 2018. — № 2 (60). — С. 68–78.
4. *Мкртчян Н. В.* Проблемы учета населения отдельных возрастных групп в ходе переписи населения 2010 г.: причины отклонения полученных данных от ожидаемых // Демографические аспекты социально-экономического развития / под ред. М. Б. Денисенко. Вып. 22. — М.: МАКС Пресс, 2012. — С. 197–214.
5. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь — декабрь 2018 года с распределением по странам и регионам // МВД. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/15851053/ (дата обращения: 16.07.2020).
6. Оценка численности населения на 1 января текущего года // База данных муниципальных образований. URL: https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst45/DBInet.cgi (дата обращения: 10.07.2020).

7. *Argenbright R., Bityukova V. R., Kirilliv P. L., Makhrova A. G., Nefedova T. G.* Directed suburbanization in a changing context: "New Moscow" today // Eurasian Geography and Economics, — 2020. — Vol. 61. — № 3. — P. 211–239.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Andreev E. M.* O tochnosti rezul'tatov rossijskih perepisej naselenija i stepeni doverija k raznym istochnikam informacii // Voprosy statistiki. — 2012. — № 11. — S. 21–35.
2. *Bochkarev A. N.* Metodicheskie aspekty izuchenija trudovoj majatnikovoj migracii // Regional'nye issledovanija. — 2017. — № 3. — S. 42–50.
3. *Mahrova A. G., Babkin R. A.* Analiz pul'sacij sistemy rasselenija Moskovskoj aglomeracii s ispol'zovaniem dannyh sotovyh operatorov // Regional'nye issledovanija. — 2018. — № 2 (60). — S. 68–78.
4. *Mkrtchjan N. V.* Problemy ucheta naselenija otdel'nyh vozrastnyh grupp v hode perepisi naselenija 2010 g.: prichiny otklonenija poluchennyh dannyh ot ozhidaemyh // Demograficheskie aspekty social'no-jekonomicheskogo razvitija / pod red. M. B. Denisenko. Vyp. 22. — M.: MAKS Press, 2012. — S. 197–214.
5. Otdel'nye pokazateli migracionnoj situacii v Rossijskoj Federacii za janvar' — dekabr' 2018 goda s raspredeleniem po stranam i regionam // MVD. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/15851053/ (data obrashhenija: 16.07.2020).
6. Ocenka chislennosti naselenija na 1 janvarja tekushhego goda // Baza dannyh municipal'nyh obrazovanij. URL: https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst45/DBInet.cgi (data obrashhenija: 10.07.2020).

ФЕДОРОВА Елена Сергеевна
к.э.н., старший научный сотрудник,
Институт экономики РАН,
Центр экономической теории социального сектора,
Москва, Россия.
E-mail: escampoverde@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЫНКА ТРУДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: рынок труда, цифровая экономика, цифровые технологии, образование, кадровый потенциал.

Коды JEL: J23, J44, J45

Тезисы посвящены рассмотрению влияния цифровой экономики на трансформацию рынка труда. Показано, что высокие темпы внедрения

цифровых технологий приводят к оптимизации используемых ресурсов и процессов в организациях и государстве в целом. Представлены прогнозы модернизации рынка труда в условиях внедрения цифровой экономики.

В Российской Федерации развитие цифровой экономики было закреплено на государственном уровне в программе «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной 28 июля 2017 г. Документ определял отстающие отрасли экономики по уровню внедрения в них информационно-коммуникационных технологий, а также указывал на необходимость разработки целевых показателей для отслеживания эффекта проводимой цифровизации и подготовки плана дальнейшего внедрения новых технологий.

Повсеместное внедрение цифровых технологий напрямую влияет на функционирование современного общества — на образ жизни людей, их образование, работу. Так, российскую экономику ожидают серьезные изменения, и в первую очередь они коснутся рынка труда.

Ряд ученых проводят исследования, как цифровизация влияет на трансформацию рынка труда.

В научном сообществе взгляды на сложившуюся ситуацию в экономике можно разделить на оптимистичные и пессимистичные.

С одной стороны, произойдет вытеснение рабочей силы из большинства сфер хозяйственной деятельности. С другой — цифровизация повлечет за собой появление новых рабочих специальностей, отраслей экономики и сфер деятельности. В связи с этим возникает вопрос, насколько тяжелые социально-экономические последствия могут быть.

Следует отметить, что в основе цифровой экономики лежат несколько ключевых технологий: искусственный интеллект, роботизация промышленности и бизнес-процессов, многоканальный сбор больших данных, их анализ и применение на их основе инструментов поведенческой экономики — как для предугадывания и удовлетворения спроса и желаний потребителей, так и активного их формирования.

В докладе McKinsey отмечено, что до настоящего момента отечественный рынок труда практически не менялся под влиянием цифровых технологий, реагируя на экономические кризисы не столько сокращением рабочих мест, сколько снижением общего уровня зарплат [Цифровая..., 2017].

Однако, по мнению ряда ученых, внедрение цифровых технологий вызовет сокращение рабочих мест и исчезновение большого перечня профессий в результате роботизации и автоматизации хозяйственных процессов [Салтанова, 2017; Черновалов и др., 2018].

Опираясь на международный опыт, в первую очередь прогнозируется сокращение спроса на специальности, связанные с финансами, бухгалтерским учетом, юриспруденцией, и ряд других, связанных с высококвалифицированным трудом. Так, внедрение роботизированной техники снижает

уровень занятости на 35% во Франции, 59% в Германии, 45–60% в целом для государств Евросоюза [Суптело, 2015]. По прогнозу Глобального института McKinsey, уже к 2036 г. может быть автоматизировано от 2 до 50% работы, выраженной в человеко-часах, а к 2066 г. эта доля может достичь от 46 до 99%.

По данным Forbes, мы стоим на пороге самой крупной безработицы в истории человечества, приспосабливаться придется всем: государству, частным компаниям, работникам. На начало 2018 г. уровень безработицы в России составлял 5,2% — около 4 млн человек. И это только официально охваченное население, вставшее на учет. Более показательными являются цифры самозанятости. По разным оценкам, от 15 до 22 млн человек находят себе оплачиваемое занятие вне государственного или «белого» коммерческого сектора. Это репетиторы, няни, арендодатели-рантье в крупных городах, собиратели грибов и ягод — огромный теневой сектор, главным образом в сфере услуг [Заутер, 2019]. По данным Всемирной организации труда, количество удаленных работников в мире составляет 17%, а в Японии и США уже достигает почти 40%.

По прогнозам Центра по мониторингу технологической модернизации и научно-технического развития ОНФ, к 2027 г. наибольшее сокращение рабочих мест произойдет на обрабатывающих производствах (на 23,9%), в сельском хозяйстве (на 14,8%) и в транспортной отрасли (на 9,3%). Переход к цифровой экономике больше всего скажется на рабочем рынке Москвы, который сократится более чем на 670 тыс. рабочих мест, Московской области — на 350 тыс., Санкт-Петербурга — на 270 тыс. Всего в России за 10 лет будет автоматизировано порядка 6,7 млн рабочих мест. В десятилетнем горизонте цифровизация может позволить повысить производительность труда на 8–14% [Мониторинг...].

Другая группа современных исследователей рынка труда отмечает, что внедрение цифровых технологий обеспечивает прирост рабочих и эволюцию структуры занятости и не приведет к долгосрочной технологической безработице.

Таких понятий, как «профессия», «стабильная занятость», «карьера» в классическом понимании этого слова уже нет и не будет [Заутер, 2019]. Питер Друкер отмечал, что в будущем понятие «неграмотный человек» будет относиться не к людям, которые не умеют читать и писать, а к людям, которые не могут постоянно учиться и переобучаться.

Поэтому ключевой навык сейчас — это постоянное самообразование и получение новых компетенций, создание их гибкого набора, позволяющего приспособиться к любым изменениям.

Однако существуют навыки, которые хуже поддаются автоматизации, к их числу относятся: решение проблем, изобретательство, проектирование, программирование и обслуживание, организация и наладка произ-

водства, интуиция, творчество и умение убеждать. Производство в большей части случаев не будет нуждаться в людях, они будут необходимы для сферы «человекоориентированных» услуг.

Параллельно возник и расширился «креативный класс», где роботизация сведена на минимум. Это люди, создающие культурный, интеллектуальный и символический капитал, — художники, дизайнеры, писатели, журналисты, ученые и преподаватели. Многие государства сейчас интенсивно наращивают свой «креативный класс», так как он является локомотивом для общего экономического роста.

По данным Forbes, в Сингапуре таких людей в настоящий момент более 50%, в России около 20–25%, но по факту не больше 5–7%, так как только эта доля владеет английским языком. Без его знания невозможно быть встроенным в мировые тренды, а значит, и являться частью всемирного «креативного класса» [Заутер, 2019].

Стоит отметить, что в условиях внедрения цифровых технологий рынок труда становится более гибким. А механизм аутсорсинга — более популярным. Организация имеет возможность привлечь специалиста для выполнения конкретных работ в рамках гражданско-правового договора, может купить услуги у другой организации (клининг, охрана, информационное обслуживание, юридическое консультирование) либо нанять по гражданско-правовому договору квалифицированного сотрудника на выполнение отдельных, разовых операций (проектный менеджер, специалист по маркетингу и т.д.) [Андреева, Джемаев, 2017].

Растет доля удаленной занятости. Специалист имеет возможность работать в любом месте, в любой стране, что снижает издержки организации. Так, за последние годы выросла доля международного аутсорсинга. Что, в свою очередь, приводит к давлению международной конкуренции на зарплаты трудящихся в западных странах. Так, зарплата «нижнего среднего класса» в странах Запада перестала расти [Капелюшников, 2017].

Таким образом, на основе проведенного анализа трансформации рынка труда в условиях становления цифровой экономики можно сделать вывод, что современная система образования должна модернизироваться и формировать новый, качественный конкурентноспособный человеческий капитал исходя из потребностей цифрового общества. Профессиональная переподготовка сыграет важнейшую роль в происходящих изменениях. А чтобы быть востребованным на современном рынке труда, надо уделять внимание дополнительному образованию.

Список литературы

1. *Андреева А. Ю., Джемаев О. Т.* Влияние цифровой экономики на формирование новых трендов на российском рынке труда // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. — 2017. — № 3.

2. *Заутер А.* Как цифровая трансформация изменит рынок труда в России, 2019. URL: https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/371537-kak-cifrovaya-transformaciya-izmenit-rynok-truda-v-rossii
3. *Капелюшников Р. И.* Технологический прогресс — пожиратель рабочих мест? Препринт WP3/2017/03. URL: https://wp.hse.ru/data/2017/09/27/1159159417/WP3_2017_03__ff.pdf
4. Мониторинг технологической модернизации и научно-технического развития. URL: https://onf.ru/project/28125/results
5. *Салтанова С. В.* Технологическая безработица: почему машины не вытеснят человека с рынка труда, 2017. URL: https://iq.hse.ru/news/211413387.html
6. *Суптело Н. П.* Особенности спроса на московском рынке труда. Потенциал социально-экономического развития Российской Федерации в новых экономических условиях: материалы международной научно-практической конференции / под ред. Ю. С. Руденко, О. В. Романченко. — М.: ЧОУВО «МУ им. С. Ю. Витте», 2015. — 555 с.
7. *Черновалов А. В., Цекановский З., Шиманьский З., Черновалов П. А.* Цифровое будущее или экономика счастья? — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2018. — 218 с.
8. Цифровая Россиия: новая реальность, 2017. URL: https://www.mckinsey.com/ru/~/media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Andreeva A. Ju., Dzhemaev O. T.* Vlijanie cifrovoj jekonomiki na formirovanie novyh trendov na rossijskom rynke truda // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS. — 2017. — № 3.
2. *Zauter A.* Kak cifrovaja transformacija izmenit rynok truda v Rossii, 2019. URL: https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/371537-kak-cifrovaya-transformaciya-izmenit-rynok-truda-v-rossii
3. *Kapeljushnikov R. I.* Tehnologiche skij progress — pozhiratel' rabochih mest? Preprint WP3/2017/03. URL: https://wp.hse.ru/data/2017/09/27/1159159417/WP3_2017_03__ff.pdf
4. Monitoring tehnologicheskoj modernizacii i nauchno-tehnicheskogo razvitija. URL: https://onf.ru/project/28125/results
5. *Saltanova S. V.* Tehnologicheskaja bezrabotica: pochemu mashiny ne vytesnjat cheloveka s rynka truda, 2017. URL: https://iq.hse.ru/news/211413387.html
6. *Suptelo N. P.* Osobennosti sprosa na moskovskom rynke truda. Potencial social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii v novyh jekonomicheskih uslovijah: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / pod red. Ju. S. Rudenko, O. V. Romanchenko. — M.: ChOUVO «MU im. S.Ju. Vitte», 2015. — 555 s.
7. *Chernovalov A. V., Cekanovskij Z., Shiman'skij Z., Chernovalov P. A.* Cifrovoe budushhee ili jekonomika schast'ja? — M.: Izdatel'sko-torgovaja korporacija «Dashkov i Ko», 2018. — 218 s.

8. Cifrovaja Rossija: novaja real'nost', 2017. URL: https://www.mckinsey.com/ru/~/media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx

ХОРЕВА Ольга Борисовна
к.э.н., доцент кафедры
управления развитием территорий и регионалистики,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия.
E-mail: ohoreva@hse.ru
НЕЖИНА Тамара Генриховна
PhD, доцент кафедры экономики и управления
в негосударственных некоммерческих организациях,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия.
E-mail: tgnezhina@hse.ru
ТАРАСЕНКО Елена Анатольевна
к.с.н., доцент кафедры управления и экономики здравоохранения,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия.
E-mail: etarasenko@hse.ru
ТАМИЦКАЯ Екатерина Николаевна
старший преподаватель кафедры философии и социологии,
Северный арктический федеральный университет
имени М. В. Ломоносова.
E-mail: e.tamickaya@narfu.ru
ЗАЙКОВ Константин Сергеевич
д.ф.н.,
доцент кафедры регионоведения,
международных отношений и политологии,
Северный арктический федеральный университет
имени М. В. Ломоносова.
E-mail: k.zaikov@narfu.ru

ЗДОРОВОЕ ПИТАНИЕ? ПИЩЕВЫЕ ПРИВЫЧКИ И СТРУКТУРА ПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В УСЛОВИЯХ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ

Ключевые слова: Арктическая зона России, региональная политика в области здорового питания, питание школьников и студентов, структура питания, здоровое питание, пищевые привычки, здоровье школьников и студентов.

Коды JEL: I12, I18

Нездоровое, однообразное, энергетически не сбалансированное питание с большим количеством трасжиров, сахара и соли, преобладанием переработанных продуктов, а также низкая двигательная активность — это основная причина роста неинфекционных заболеваний и снижения продолжительности жизни населения [WHO, 2017].

В связи с этим продвижение культуры здорового питания и формирование правильных пищевых привычек у молодежи, способствующих сохранению здоровья, профилактике неинфекционных заболеваний, включая диабет, сердечно-сосудистые и онкологические заболевания, — одна из важнейших задач общественного здравоохранения, по мнению Всемирной организации здравоохранения, что подтвердила принятая в 2004 г. Глобальная стратегия Всемирной организации здравоохранения по питанию, физической активности и здоровью. Очень важно сформировать правильные пищевые привычки в молодом возрасте [Brown et al., 2014]. В этой связи основная масса зарубежных национальных компаний по продвижению здорового питания среди детей и молодежи, например, «Пять фруктов и овощей» в Великобритании, в качестве методологической базы использует теорию планового поведения, разработанную Айзеном в конце 80-х гг. прошлого века [Ajzen, 1985, 1991], и ее развитие применительно к диетическим паттернам [McDermott et al., 2015].

Проблема заключается в том, что, по мнению западных исследователей, молодежь сталкивается, с одной стороны, с дефицитом знаний в области здорового питания [Sam Abraham et al., 2018], с другой стороны, воспроизводит нездоровые паттерны собственных родительских семей относительно питания [Das, Evans, 2014], а с третьей стороны, с широчайшим выбором на прилавках магазинов [Das, Evans, 2014] вредной, называемой «мусорной» еды и ее и агрессивным маркетингом со стороны производителей.

В России относительно мало исследований сфокусировано на тематике именно пищевого поведения молодежи, гораздо больше исследований посвящено грамотности в области здоровья [Сырцова и др., 2016] и ценностным установкам молодежи [Шабурова, Корчагина, 2012] к самосохранительному поведению и практикам здорового образа жизни в целом [Миронова, 2016; Сабгайда, Сергиевская, 2011].

В этой связи авторы решили исследовать структуру питания и пищевые привычки школьников и студенческой молодежи в Архангельске, проведя в марте-июне 2018 г. социологическое исследование с применением количественной методологии — опрос учащихся школ, колледжей и вузов (150 человек в возрасте 18–24 года: из них 50% юношей и 50% девушек).

Известно, что само проживание в климатических условиях Арктической зоны — это фактор, оказывающий потенциально неблагоприятное влияние на здоровье.

Гипотезы исследования состояли в следующем:

1) Учащиеся и студенческая молодежь, учитывая неблагоприятный арктический климат, в целом достаточно ответственно подходят к сохранению своего здоровья в вопросах питания.
2) Студенческая молодежь, более осознанно относится к своему питанию, заботясь о своем здоровье, чем школьники, в силу того, что она более старшего возраста и обладает большим объемом знаний.

При этом принималось во внимание: насколько пищевые привычки подростков и молодежи можно условно охарактеризовать как здоровые; есть ли гендерная разница в структуре питания; как учащиеся и студенческая молодежь Арктической зоны подходят к сохранению своего здоровья в вопросах питания.

Для проверки гипотез авторы собрали данные методом опроса среди учащихся школ, колледжей и университета. Всего в опросе участвовало 150 человек, по 50 в каждой из трех групп. В анкете были заданы вопросы о количестве ежедневных приемов пищи, составе блюд обеда, наличии перекуса, полдника или чаепития, составе перекуса, оценке учащимися качества своего питания и др.

Для проверки гипотез были использованы дискриптивные, сравнительные и корреляционные методы анализа.

Дискриптивные методы выявили, что студенты высших ученых заведений чаще, чем студенты младшего возраста, осознают, что питаются неправильно: 74% студентов вузов и 70% студентов колледжей (см. рис. 1).

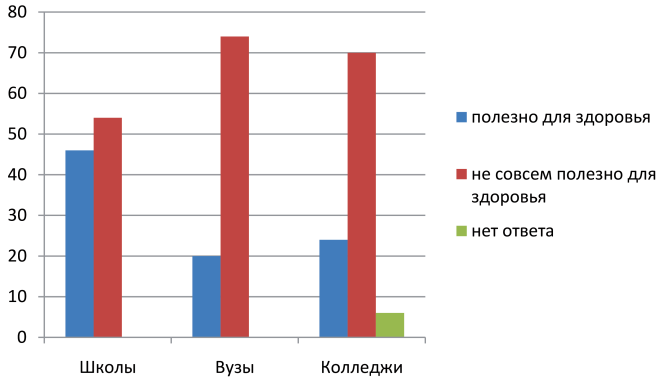

Рис. 1. Распределение ответов учеников школ, студентов колледжей и вузов г. Архангельска на вопрос «Как вы считаете, то, как вы перекусываете, — это?», %

Методом гендерного сравнения удалось установить, что мальчики и девочки, обучающихся в школах, по-разному относятся к позднему ужину. Так, 28% девочек отказываются от еды после 23 часов, а 56% выпивают

стакан кефира/молока, а мальчики отдают предпочтение более плотному позднему ужину: мясо/колбаса с гарниром и др. (см. рис. 2.).

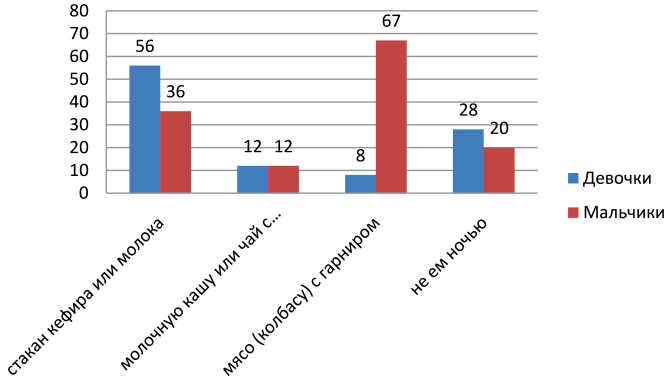

Рис. 2. Распределение ответов учеников школ г. Архангельска (мальчиков и девочек) на вопрос «Едите ли вы на ночь (после 23.00)?», *%*

Методом корреляционного анализа удалось установить, что место обучения (школа, колледж или институт) взаимосвязано с количеством приема пищи в день, с приемом пищи на ночь и с пониманием отрицательного влияния перекуса на здоровье здоровья.

Корреляция рассчитывалась по формуле:

$$r = \frac{\sum_{i=1}^{n}\left((x_i - \bar{x}) - (y_i - \bar{y})\right)}{\sqrt{\sum_{i=1}^{n}(x_i - \bar{x})^2 \sum_{i=1}^{n}(y_i - \bar{y})^2}}.$$

Результаты корреляционного анализа представлены нами в табл. 1.

Таблица 1

Результаты проведенного корреляционного анализа

№	Переменные $X_1, X_2 X_3$	Переменные $Y_1, Y_2 Y_3$	Парная корреляция Спирмана
1.	Место обучения (школа, вуз, колледж)	Количество приемов пищи в день	Статистическая значимость на уровне ρ = 0,07*
2.	Место обучения (школа, вуз, колледж)	Прием пищи на ночь	Статистическая значимость на уровне ρ = 0,10*
3.	Место обучения (школа, вуз, колледж)	Ответственное отношение к своему перекусу	Статистическая значимость на уровне ρ = 0,01**

* ρ = 0,07, можно считать значимой корреляцией при небольшой выборке.

* ρ = 0,10, можно считать значимой корреляцией при небольшой выборке.

Во всех трех случаях мы выполнили непараметрический корреляционный анализ для двух переменных, одна из которых — место обучения (школа, колледж или вуз). В первой и второй корреляции мы сделали допущение правильности результатов при ошибке p = 0,10 при 90% верно определенных взаимосвязей. Учитывая, что выборка была небольшой (50x3), все результаты корреляционного анализа можно считать значимыми.

В результате проведенного анализа мы выяснили, что питание два и три раза в день больше характерно для студентов колледжей и вузов, а питание четыре раза в день с большим перевесом было отмечено у школьников. Скорее всего это объясняется тем, что питание школьников контролируют родители, и тем, что школы предоставляют питание для школьников, в то время как студенты колледжей и вузов самостоятельно решают вопросы своего питания.

Большинство опрошенных учащихся считают свои перекусы не полезными для здоровья. Больше в пользе своих перекусов убеждены школьники г. Архангельска. Для студентов колледжей и вузов оказалось более свойственно критически и ответственно относиться к своему питанию. Ответы респондентов также показали, что для учащихся школ более свойственно не принимать пищу после 23 часов или ограничиваться стаканом кефира/молока. Больше всего наличие плотного позднего ужина было характерно для студентов колледжей (мясо/колбаса с гарниром и др.).

Результаты данного исследования могут быть полезны местным организаторам общественного здравоохранения в планировании проектов и массовых кампаний по продвижению здорового образа жизни. Кроме того, это исследование помогает понять привычки молодежи в отношении питания, что позволяет принимать решения на уровне местного правительства для организации обучения молодого поколения нормам правильного здорового питания.

Список литературы

1. Глобальная стратегия Всемирной организации здравоохранения по питанию, физической активности и здоровью. URL: http://www.who.int/dietphysicalactivity/strategy/eb11344/ru/
2. Здоровое питание // Всемирная организация здравоохранения. URL: http://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/healthy-diet (дата обращения: 01.11.2018).
3. *Миронова Ю. Г.* Особенности самосохранительного поведения современной студенческой молодежи // Теория и практика общественного развития. — 2016. — № 6. — С. 48–51.
4. *Сабгайда Т. П., Сергиевская А. Л.* Детерминанты отношения успешных студентов к сохранению своего здоровья // Электронный научный журнал «Социальные аспекты здоровья населения». — 2011. — № 4 (20).

5. *Сырцова Л. Е., Абросимова Ю. Е., Лопатина М. В.* Грамотность в вопросах здоровья: содержание понятия // Профилактическая медицина. — 2016. — № 2. — С. 58–63.
6. *Шабурова А. А., Корчагина П. С.* Ценностные установки и поведенческие практики как значимые факторы самосохранительного поведения молодежи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2012. — № 6 (24).
7. *Ajzen I.* From intentions to actions: A theory of planned behavior // Kuhl, J., Beckman, J. (Eds.), Action-control: From cognition to behavior Springer, Heidelberg, 1985. — P. 1139.
8. *Ajzen I.* 1991. The Theory of Planned Behavior. Organ Behav Hum Dec 50:179-211 World Health Organisation, 2014. The top 10 causes of death. World Health Organisation.
9. *Barnes S., Brown K., McDermott R. et al.* Perceived parenting style and the eating practices of college freshmen // J Am Health Educ. — 2012. — 43. — P. 8–17.
10. *Brown M., Flint M., Fuqua J.* The effects of a nutrition education intervention on vending machine sales on a university campus // J Am Coll Health. — 2014. — 62(7). — P. 512–516.
11. *Das B., Evans E.* Understanding weight management perceptions in first-year college students using the health belief model // J Am Coll Health. — 2014. — 62. — P. 488–497.
12. *McDermott M. S., Oliver M., Simnadis T., Beck E.J., Coltman T., Iverson D., Caputi P., Sharma R.* The Theory of Planned Behaviour and dietary patterns: A systematic review and meta-analysis // Prev Med. — 2015. — 81. — P. 150–156.
13. *Sam Abraham, Brooke R., Noriega Ju., Young Shin.* College students eating habits and knowledge of nutritional requirements // Journal of Nutrition and Human Health. — 2018. — Vol. 2. — Issue 1.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. Global'naja strategija Vsemirnoj organizacii zdravoohranenija po pitaniju, fizicheskoj aktivnosti i zdorov'ju. URL: http://www.who.int/dietphysicalactivity/strategy/eb11344/ru/
2. Zdorovoe pitanie // Vsemirnaja organizacija zdravoohranenija. URL: http://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/healthy-diet (data obrashhenija: 01.11.2018).
3. *Mironova Ju. G.* Osobennosti samosohranitel'nogo povedenija sovremennoj studencheskoj molodezhi // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. — 2016. — № 6. — S. 48–51.
4. *Sabgajda T. P., Sergievskaja A. L.* Determinanty otnoshenija uspeshnyh studentov k sohraneniju svoego zdorov'ja // Jelektronnyj nauchnyj zhurnal «Social'nye aspekty zdorov'ja naselenija». — 2011. — № 4 (20).
5. *Syrcova L. E., Abrosimova Ju. E., Lopatina M. V.* Gramotnost' v voprosah zdorov'ja: soderzhanie ponjatija // Profilakticheskaja medicina. — 2016. — № 2. — S. 58–63.
6. *Shaburova A. A., Korchagina P. S.* Cennostnye ustanovki i povedencheskie praktiki kak znachimye faktory samosohranitel'nogo povedenija molodezhi // Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. — 2012. — № 6 (24).

ЦАЦУРА Елена Алексеевна
к.с.н., старший научный сотрудник,
ИНСАП РАНХиГС,
Москва, Россия.
E-mail: tsatsura-ea@ranepa.ru

ГРИШИНА Елена Евгеньевна
к.э.н., ведущий научный сотрудник ИНСАП РАНХиГС,
руководитель направления «Уровень жизни и социальная защита»,
Москва, Россия.
E-mail: grishina@ranepa.ru

БАРЬЕРЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ РЫНКА НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОСТАВЩИКОВ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ ДЛЯ ПОЖИЛЫХ

Ключевые слова: социальное обслуживание, социальные услуги, пожилые, негосударственный поставщик.

Коды JEL: I38, L3, J14

Происходящий рост продолжительности жизни в России (в ближайшие 20 лет продолжительность жизни населения вырастет более чем на шесть лет) повышает актуальность задачи развития рынка социальных услуг для пожилых. Существующая система социального обслуживания лиц старшего возраста нуждается в трансформации с целью повышения доступности для пожилого населения услуг по уходу и помощи в быту и кардинального улучшения качества данных услуг и их соответствия потребностям пожилых.

Озабоченность демографическими вызовами нашла отражение в стратегических документах, началось пилотное внедрение системы долговременного ухода. В России запущен процесс вовлечения в сферу государственного социального обслуживания негосударственных поставщиков услуг, однако по прошествии нескольких лет можно говорить о том, что развитие идет очень медленно.

В докладе представлены результаты анализа текущей ситуации и барьеров для развития рынка негосударственных поставщиков социальных услуг для пожилых в России на основе серии полуструктурированных экспертных интервью с представителями коммерческих и некоммерческих организаций, осуществляющих социальное обслуживание пожилых людей. Исследование было проведено Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в 2019 г. в восьми регионах, в которых находятся столицы федеральных округов: Хабаровский и Ставропольский

края, Нижегородская, Свердловская, Ленинградская, Ростовская, Московская, Новосибирская области. В выборку попали как организации, входящие в реестр поставщиков социальных услуг, так и те, кто в него не вошел по разным причинам. Всего было проведено 43 интервью. Кроме того, дополнительно был проведен опрос ярких представителей сферы, в том числе представителей лидирующих организаций отрасли (10 экспертных интервью).

Это исследование позволило выявить ряд барьеров для вступления в реестр поставщиков и предоставления услуг в качестве поставщика. В ходе исследования также было выявлено, какая поддержка, в том числе со стороны государства, нужна негосударственным поставщикам социальных услуг для пожилых граждан. С целью упрощения для негосударственных поставщиков процедуры вхождения в реестр и последующей работы в нем со стороны региональных министерств, ответственных за развитие социального обслуживания, необходима организация консультационно-методической поддержки. В частности, необходимы разъяснения нормативно-правовых актов, методические рекомендации по вопросам определения нуждаемости, порядка оформления потенциальных получателей на обслуживание, описание порядка взаимодействия с организациями, уполномоченными определять нуждаемость в социальном обслуживании; разъяснения по требованиям к поставщикам социальных услуг и т.д. В процессе вступления в реестр должен осуществляться диалог между государственным органом и организацией, что позволит организации быстрее правильно оформить документы. Кроме того, нужна информационная поддержка, например, в формате интернет-портала с легкой навигацией, где в одном месте собрана вся информация по вступлению в реестр поставщиков и оказанию услуг. Методическая поддержка по работе с негосударственными поставщиками требуется территориальным организациям, уполномоченным определять нуждаемость в социальном обслуживании (в том числе создание шаблонных документов). Для более эффективной работы нужно подробное описание требований к качеству услуг, а также разработка и внедрение единой методики оценки качества услуг. Для облегчения отчетности было бы полезно дать возможность негосударственным поставщикам использовать программы ведения реестров получателей социальных услуг наравне с государственными учреждениями.

Для налаживания взаимодействия на региональном уровне необходимо проведение регулярных рабочих встреч и обсуждений с участием государственных органов и поставщиков социальных услуг для решения возникающих рабочих вопросов.

Необходимо расширять инструменты финансовой поддержки негосударственных организаций стационарного социального обслуживания, позволяющие привести условия оказания услуг в данных организациях

в соответствие с законодательно установленными нормами (например, предоставлять гранты на развитие).

Для повышения возможностей негосударственных поставщиков услуг всесторонне обслуживать своих подопечных необходимо внести изменения в нормативно-правовую базу, предоставив возможность частным домам для престарелых регистрировать людей по месту жительства и пребывания по своему адресу.

Значимой поддержкой НКО, коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей могли бы стать ресурсные центры, предоставляющие аутсорсиноговые услуги (например, бухгалтерия, юридическое сопровождение).

Кроме того, снятию барьеров для развития рынка способствовали бы разработка и принятие на федеральном уровне методики расчета региональных минимальных экономически обоснованных тарифов на социальные услуги.

Кроме того, для осуществления комплексного мониторинга развития сектора негосударственных поставщиков социальных услуг для лиц старшего возраста и инвалидов представляется важным усовершенствовать формы федерального государственного статистического наблюдения № 3-собес и № 6-собес, в том числе за счет расширения перечня собираемых показателей, и сделать заполнение данных форм обязательным для всех негосударственных организаций, предоставляющих социальное обслуживание, а не только для организаций, входящих в реестр поставщиков социальных услуг.

ШАРКО Елена Романовна
к.э.н., экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова,
лаборатория институционального анализа,
Москва, Россия.
E-mail: ersharko@yandex.ru

«ОДИНОЧЕСТВО В СЕТИ»: РЕАЛИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Ключевые слова: социальные сети, персонал, виртуальное общение, производительность труда.

Коды JEL: J12, J24

Проблема одиночества актуальна для любой эпохи. Но в современном быстроменяющемся мире, при динамичных и масштабных временных и общественных изменениях, личность как духовный персонаж со своими потребностями и проблемами все чаще не находит своего назначения. Она теряется среди достижений науки и техники, которые несут за собой не только комфортные условия, но и духовный нигилизм и упадок. Ввиду развития возможностей виртуального коммуницирования люди чувствуют себя брошенными, ненужными, потерянными, переживают неописуемые страдания, что часто приводит к разрушению их ролей в социуме. Итак, исследование феномена одиночества в современном информационном обществе не теряет актуальности.

Исследования явления одиночества являются достаточно молодыми — первые работы датируются 1995 г. [Baumeister, Leary, 1995; Killeen, 1998]. Первые исследования изучали факт одиночества с позиции психологического заболевания — невозможности наладить какие-либо связи, что приближает возможность нормально коммуницировать к нулю [Cacioppo at al., 2006]. Позже в 2000-х проблема одиночества охватила исследования другого сегмента людей: люди преклонного возраста, люди с ограниченными возможностями, люди с выявленными тяжелыми заболеваниями. Такие исследования связаны больше с выделением медицинских симптомов и определении роли социума в поддержке коммуникационных процессов с такими людьми: социологи и медики сформировали признаки одиночества, исследовали депрессивные состояния таких одиноких людей, выделяли факторы, которые способствуют отторжению к общению одиноких [Holwerda et al., 2012; Herrera-Badilla et al., 2015]. Но современные исследования (начиная с 2010 г.) выявили, что факт одиночества не всегда связан с психологическими и медицинскими показаниями — это внутренняя идентификация человека в своем окружении (позиционирование плюс ощущения) [Purcal at al., 2019; Schormans at al., 2019]. В эпоху стирания границ пространства за счет ИТ-технологий и уникальных программ и устройств в мире одиночество продолжает существовать и влиять на все сферы человеческой жизни, включая профессиональную.

Казалось бы, что с появлением интернета и социальных сетей проблема одиночества может быть успешно решена. Ведь теперь, даже испытывая трудности в общении с близкими, любой человек (чаще всего подросток) может легко сменить обстановку и переключиться на общение с теми, кто имеет схожие интересы и предпочтения в жизни.

Одной из причин погружения человека в виртуальную реальность является чувство одиночества в реальной социальной среде. Отсутствие реального общения и отсутствие возможности быть услышанным и понятным для другого обусловливает поиск выхода из кризисного состояния. Таким

иллюзорным выходом встает побег в виртуальную реальность, где индивид ищет ощущение единства с окружающим миром и другими субъектами, пусть и виртуальными.

Зато состояние одиночества может быть не только причиной погружения в виртуальную реальность, но и следствием. Человек сначала, не чувствуя одиночества, по некоторым причинам (стремление к развлечениям, зависимость от сети Интернет, профессиональные потребности) может слишком углубляться в виртуальную реальность, одновременно порывая реальные социальные контакты. И результатом становится все то же ощущение одиночества и пустоты. Ведь только в самом начале кажется, что общение в соцсетях придает силы, делает тебя нужным людям (френдам по «Фейсбуку» или «ВКонтакте» и т.д.).

Но на самом деле каждый знает, что стоит ему только исчезнуть на некоторое время из сети, и никто (или почти никто) этого не заметит. В этом смысле подобное интернет-общение больше похоже на наркотик, без которого трудно жить, который просто забирает и силы, и время, ничего не давая взамен [Houwelingen-Snippe et al., 2020; Gao, Sai, 2020].

Также важным аспектом исследования является анализ влияния состояния одиночества персонала в современных компаниях. Во-первых, новые форматы организации рабочего времени не позволяют формироваться и развиваться дружеским отношениям в рабочее время, как это было прежде (многие компании выделяют для обеденного перерыва разное время для разных сотрудников — «чтобы на месте кто-то был», а это приводит к разобщенности коллектива, точнее, после сплоченности в рамках рабочих задач). Во-вторых, во многих современных компаниях частично или полностью запрещены корпоративные вечера (это обусловлено тем, что в рабочем коллективе должны быть только формальные деловые отношения, а любые праздники и вечеринки — повод «сблизиться» сотрудникам, что приведет к ухудшению должностных иерархических связей). В-третьих, в современных компаниях ненормированный рабочий график (точнее, он гибкий у каждого сотрудника в зависимости от функций и загруженности задачами), что усложняет возможность «послерабочего» общения коллег.

Таким образом, если в компании работает семейный человек, то одиночество как феномен ему не свойственно, но если в такие компании попадает одинокий человек, то появляется угроза того, что он «выпадет» из реальности, и кроме «виртуального мира друзей» в жизни ему будет сложно выйти из замкнутого круга «работа–дом–работа».

Как рекомендации и направления дальнейшего исследования предлагается сфокусироваться на оптимизации рабочего и свободного времени в организациях нового формата с указанными особенностями, а также провести количественный анализ взаимосвязи одиночества на рабочем

месте с показателями производительности труда и достижением целей компании.

Список литературы

1. *Baumeister R. F., Leary M. R.* The need to belong — desire for interpersonal attachments as a fundamental human-motivation // Psychological Bulletin. — 1995. — Vol. 117 (3). — P. 497—529.
2. *Cacioppo J. T., Hughe M. E., Waite L. J.* Loneliness as a specific risk factor for depressive symptoms: Cross-sectional and longitudinal analyses // Psychology and Aging. — 2006. — Vol. 21(1). — P. 140–151.
3. *Gao G., Sai L. N.* Towards a 'virtual' world: Social isolation and struggles during the COVID-19 pandemic as single women living alone // Gender work and Organization. — 2020. — Vol. 27 (5). — P. 754–762.
4. *Herrera-Badilla A., Navarrete-Reyes P. A., Amieva H.* Loneliness is associated with frailty in community-dwelling elderly adults // Journal of the American Geriatrics Society. — 2015. — Vol. 63 (3). — P. 607–609.
5. *Holwerda T. J., Beekman A. T. F., Deeg D. J. H.* Increased risk of mortality associated with social isolation in older men: only when feeling lonely? Results from the Amsterdam Study of the Elderly (AMSTEL) // Psychological Medicine. — 2012. — Vol. 42 (4). — P. 843–853.
6. *Houwelingen-Snippe J., Rompay T. J. L., Jong M. D. T., Allouch B. S.* Does Digital Nature Enhance Social Aspirations? An Experimental Study // International Journal of Environmental Research and Public Health. — 2020. — Vol. 17 (4).
7. *Killeen C.* Loneliness: an epidemic in modern society // J Adv Nurs. — 1998. — Vol. 28. — P. 762–770.
8. *Purcal Ch., Fishe, K. R., Robinson S.* Co-production in peer support group research with disabled people // AREA. — 2019. — Vol. 51 (3). — P. 405–414.
9. *Schormans A. F., Wilton R., Marquis N.* Building collaboration in the co-production of knowledge with people with intellectual disabilities about their everyday use of city space // AREA. — 2019. — Vol. 51 (3). — P. 415–422.

ЕЛИЗАРОВ Валерий Владимирович
к.э.н., с.н.с.,
экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова,
лаборатория экономики народонаселения и демографии,
Москва, Россия.
E-mail: elizarovvv@gmail.com

ИЗ ИСТОРИИ ЛАБОРАТОРИИ ЭКОНОМИКИ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ И ДЕМОГРАФИИ (ЛЭНД) И ВАЛЕНТЕЕВСКИХ ЧТЕНИЙ

В 2020 г. исполнилось 55 лет со дня организации на экономическом факультете МГУ лаборатории по изучению народонаселения. Она была создана в 1965 г. по инициативе профессора, д.э.н. Дмитрия Игнатьевича Валентея (1922–1994). Д. И. Валентей был одним из тех ученых, благодаря которым в 60-е гг. прошлого века возродилась демографическая наука.

Рождению лаборатории предшествовало создание по инициативе Д. И. Валентея в сентябре 1962 г. проблемной группы, а в апреле 1964 г. — Координационного совета по проблемам народонаселения при Научно-техническом совете Минвуза СССР, объединившего вузовских ученых и содействовавшего комплексному изучению теоретических и практических вопросов народонаселения представителями разных наук, развитию демографических исследований в высшей школе.

В начале 1964 г. в газете «Известия» было опубликовано письмо ряда ученых (А. Я. Боярского, Д. И. Валентея, С. Г. Струмилина и др.), в котором обосновывалась необходимость создания научного учреждения по изучению народонаселения.

Ректорат Московского университета имени М. В. Ломоносова поддержал предложение Д. И. Валентея о создании лаборатории народонаселения на экономическом факультете МГУ, и в феврале 1965 г. был подписан приказ Минвуза РСФСР об организации специальной лаборатории, получившей статус «проблемная» и соответствующий этому статусу порядок финансирования. Подобные научные лаборатории (со словом «проблемные» в названии) финансировались особым образом — не по линии Минвуза (как учебные лаборатории), а по линии ГКНТ.

Проблемная лаборатория народонаселения развернула свою деятельность первоначально по трем основным направлениям, что определило

и ее структуру. К началу 70-х гг. в составе лаборатории функционировали три научно-исследовательских сектора:

- общетеоретических проблем;
- воспроизводства населения;
- расселения и поселений.

> *«...Комплексным изучением проблем народонаселения силами социологов, экономистов, демографов-статистиков, историков, этнографов, экономгеографов, психологов и врачей занимается Проблемная лаборатории народонаселения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (ПЛН МГУ)»* (Валентей Д. И. Теория и политика народонаселения. М.: Высшая школа, 1966. С.10).

С первых лет существования лаборатории в исследовательскую работу были включены не только экономисты и статистики, но и историки, географы, философы, социологи. Это позволило развернуть междисциплинарные исследования, дающие особый эвристический эффект вследствие интеграции информации и методов, гипотез и выводов разных направлений в изучении населения. Методологической основой такой интеграции стала концепция системы знаний о народонаселении.

В апреле 1968 г. приказом ректора МГУ И. Г. Петровского на экономическом факультете МГУ был образован Центр по изучению проблем народонаселения (в составе Проблемной лаборатории народонаселения и кафедры народонаселения, созданной Д. И. Валентеем в сентябре 1967 г.). Было сформировано принципиально новое для университета подразделение — учебно-научный центр, сочетающий подготовку кадров с исследовательской и координационной деятельностью. Кафедру и центр возглавил профессор Д. И. Валентей, руководство лабораторией он продолжил на общественных началах. Короткое время лабораторией заведовал д.ф.н. Олег Васильевич Лармин. После его ухода ставка заведующего лабораторией была упразднена, за счет этого были созданы должности заведующих секторами.

Среди первых сотрудников лаборатории были Т. К. Смолина, Э. А. Араб-Оглы, П. Ф. Борисенков (зам. руководителя лаборатории) Б. Д. Бреев, Э. Ю. Бурнашев, И. В. Дзарасова, Л. Н. Казакова, Г. П. Киселева, Ю. Н. Козырев, В. М. Моисеенко, Р. С. Ротова, А. А. Рыбаков, Е. С. Самойлова, Н. А. Таубер, Б. С. Хорев и др. При лаборатории была открыта аспирантура, в ней начали обучение будущие сотрудники В. А. Сысенко и А. С. Первушин и др.

К началу 70-х гг. была уточнена структура лаборатории, сектора были переименованы в отделы, были уточнены названия отделов и направления исследований.

В ноябре 1972 г. в соответствии с Положением о Центре по изучению проблем народонаселения, утвержденным приказом ректора МГУ, в составе лаборатории были выделены следующие отделы:

- теории и методологии комплексного анализа проблем народонаселения;
- экономики народонаселения и социально-демографического развития;
- социально-демографических проблем расселения.

За годы существования в лаборатории не раз менялись названия отделов (секторов), сменялись заведующие, обновлялся штат сотрудников.

Лаборатория во все годы своего существования обладала штатом высококвалифицированных профессионалов, представителей разных научных дисциплин и поколений.

В 70-е гг. штат лаборатории пополнили А. И. Антонов, И. Н. Веселкова, Н. В. Власова, К. К. Баздырев, Е. С. Баженова, Н. Б. Баркалов, В. А. Безденежных, В. В. Бодрова, Б. Н. Волынская, А. Г. Гришанова, А. Г. Давыдова, И. А. Данилова, Н. Г. Джанаева, В. В. Елизаров, А. В. Затонских, Н. А. Затонских, Н. В. Зверева, Д. И. Зюзин, Т. Д. Иванова, И. В. Калинюк, Е. А. Карпова, Г. А. Култышева, О. В. Лармин, Т. Г. Лифарь, В. Х. Маос, И. И. Маркова, В. М. Медков, А. Н. Савостьянов, С. Г. Смидович, Р. Т. Татевосов, Д. К. Шелестов, В. Х. Эченикэ; в 80-е гг. пришли работать О. В. Белоконь, Е. В. Донец, Е. И. Иванова, А. Н. Федотенков, О. С. Чудиновских и др.

Во второй половине 70-х гг. в связи с большой работой по подготовке «Демографического энциклопедического словаря» (ДЭС) в составе лаборатории была создана группа подготовки ДЭС, работавшая в 1976–1985 гг. Авторами идеи и руководителями работы по подготовке и выпуску в свет двух изданий словаря были Д. И. Валентей и профессор, д.и.н. Д. К. Шелестов (1927–2000).

В первой половине 80-х гг. структура лаборатории видоизменилась, к четырем уже функционировавшим отделам по ходатайству руководства Москвы в 1984 г. добавился новый отдел — отдел экономико-демографических проблем г. Москвы, который вел практико-ориентированные исследования в интересах Подотдела народонаселения Мосгорисполкома.

После публикации в 1985 г. подготовленного в содружестве с коллегами из других научных учреждений ДЭС (главный редактор Д. И. Валентей) группа не была расформирована, на базе группы в 1986 г. был создан новый отдел — отдел глобальных проблем народонаселения. Новый отдел вел работу по подготовке следующего издания — Энциклопедического словаря «Народонаселение» (вышел в 1994 г., главный редактор Г. Г. Меликян, на тот момент — министр труда РФ). В отделе была

развернута работа по подготовке библиографий по проблемам народонаселения.

В разные годы секторами (отделами) лаборатории заведовали к.э.н. Э. Ю. Бурнашев (1929–1996), к.ф.н. В. А. Сысенко (1937–2008), к.г.н. Р. В. Татевосов (1937–2007), д.г.н. Б. С. Хорев (1932–2003), д.и.н. Д. К. Шелестов (1927–2000), д.э.н. Н. В. Зверева (1950–2019), а также д.э.н. В. М. Моисеенко, к.э.н. Чудиновских О. С., д.ф.н. А. И. Антонов (в настоящее время — заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ), к.э.н. М. Б. Денисенко (в настоящее время — зав. кафедрой демографии в НИУ-ВШЭ).

Ведущие научные сотрудники лаборатории активно привлекались к учебной работе со студентами и аспирантами кафедры народонаселения, преподавали на курсах ООН при МГУ для специалистов по демографии из развивающихся стран, а также в специальном отделении по переподготовке кадров по демографии (отделение работало с 1984 по 1992 г., за восемь месяцев обучения получали полноценное демографическое образование специалисты-практики, научные работники и преподаватели из разных республик СССР).

Сотрудники лаборатории активно участвовали в работе редколлегии серии «Народонаселение» (1973–1988 гг., главный редактор Д. И. Валентей, заместитель главного редактора Р. С. Ротова, ответственными секретарями в разные годы были Т. Г. Лифарь, Н. Г. Джанаева, А. Н. Савостьянов), выступали составителями и авторами статей тематических сборников. Серия издавалась в издательстве «Статистика» (позднее «Финансы и статистика»), а с середины 80-х гг. — в издательстве «Мысль». Научные сборники этой ежеквартальной серии (их было выпущено более 50) в значительной мере восполняли собой отсутствие в стране научного демографического журнала.

Выполненные в лаборатории фундаментальные и прикладные научные разработки способствовали формированию и развитию нового научного направления по комплексному изучению народонаселения, повышению уровня исследований демографических проблем нашей страны, внедрению элементов демографической экспертизы в практическую деятельность органов планирования и управления, признанию важности развития демографического образования и науки о народонаселении.

В конце 1991 г. была восстановлена должность заведующего лабораторией, на эту должность Д. И. Валентеем был рекомендован заместитель руководителя Центра по науке к.э.н. В. В. Елизаров (выпускник экономического факультета 1972 г. и аспирантуры по кафедре народонаселения 1977 г.).

В 1991 г. Дмитрий Игнатьевич перешел на должность главного научного сотрудника, передав руководство центром и кафедрой своему первому заместителю профессору Александру Яковлевичу Кваше. К сожалению, осенью 1993 г. Александр Яковлевич был вынужден оставить работу по состоянию здоровья.

В конце 1991 г. была проведена реорганизация лаборатории, изменено название лаборатории на новое — лаборатория экономики народонаселения и демографии (сокращенно — ЛЭНД).

Отделы были вновь переформатированы в сектора, в составе лаборатории было сформировано четыре сектора:

- сектор теоретических проблем воспроизводства и политики народонаселения;
- сектор экономико-демографических проблем занятости и миграции рабочей силы;
- сектор экономических проблем расселения, региональной демографии и экологии;
- информационно-библиографический сектор (сектор обеспечивал функционирование единственной в стране специализированной библиотеки, обладавшей уникальным книжным фондом литературы по народонаселению, как русскоязычной, так и на иностранных языках, готовил к изданиям информационно-библиографические бюллетени).

В 90-е гг. в лабораторию пришли работать А. А. Авдеев, М. Б. Денисенко, Л. В. Иванкова, Н. М. Калмыкова, И. Е. Калабихина, А. А. Саградов, И. А. Троицкая и другие выпускники аспирантуры кафедры народонаселения.

В 2017 г. лабораторию возглавила к.э.н. О. С. Чудиновских, а В. В. Елизаров был назначен Ученым советом ЭФ научным руководителем лаборатории.

Изменилась структура лаборатории, уточнены названия секторов. В настоящее время сектора возглавляют:

— сектор воспроизводства населения и демографической политики — к.э.н. В. Н. Архангельский;
— сектор региональной демографии, расселения и миграции — к.э.н. В. Х. Эченикэ (по совместительству);
— сектор историко-демографических и библиографических исследований — к.э.н. А. А. Авдеев (в последние годы преподает в Сорбонне (Париж).

В ЛЭНД на данный момент работают 11 кандидатов наук: 9 к.э.н.,1 к.г.н. и 1 к.т.н.

Среди сотрудников лаборатории четыре научных сотрудника: ведущие научные сотрудники, к.э.н. В. В. Елизаров и к.э.н. И. А. Троицкая, стар-

ший научный сотрудник, к.э.н. Н. Г. Джанаева (ученый секретарь Центра по изучению проблем народонаселения), к.т.н. С. Я. Щербов — и 11 инженеров: к.э.н. И. А. Данилова, к.э.н. Б. П. Денисов, к.э.н. О. А. Хараева, Н. В. Власова, П. В. Греус, Н. А. Затонских, Е. А. Карпова, В. Г. Оксиненко, Ю. А. Потанина, А. В. Русанов, А. В. Степанова.

О Валентеевских чтениях

Важным направлением научно-организационной деятельности центра (кафедры и лаборатории) с конца 90-х гг. стала регулярная организация международных конференций «Валентеевские чтения», которые, как правило, приурочены к юбилейным датам Д. И. Валентея, а также к определенным датам в истории лаборатории и кафедры народонаселения.

Первая конференция была проведена в сентябре 1997 г. и была посвящена 75-летию Д. И. Валентея. По итогам конференции всеми участниками была поддержана идея сделать конференцию регулярной и присвоить ей название «Валентеевские чтения».

Валентеевские чтения, судя по тематике и количеству участников конференций, превратились в форум, на котором происходит серьезный обмен научными достижениями исследователей населения разных направлений: демографов, экономистов, социологов, географов.

Конференции проводятся с периодичностью два раза за пять лет. Каждая была посвящена одной из актуальных демографических проблем: старению населения, демографическому образованию, политике народонаселения, миграции, исторической демографии, глобальным аспектам проблем народонаселения, 50-летию университетской демографической школы.

Международная конференция «Валентеевские чтения» имеет хорошую репутацию среди специалистов из регионов России и стран ближнего и дальнего зарубежья, ожидающих от Московского университета традиционно высокого уровня проведения конференции.

Конференция имеет статус международной, поскольку является одним из демографических научных мероприятий, на котором традиционно встречаются демографы из стран постсоветского пространства, сохранившие и поддерживающие научные связи с университетским Центром по изучению проблем народонаселения.

Участие в международной конференции «Валентеевские чтения» профессоров, преподавателей, научных работников и специалистов-практиков укрепляет связи образования, науки и практики, способствует выработке научно обоснованных предложений в области семейной, демографической и миграционной политики, знакомит региональных специалистов

с последними достижениями демографической науки, способствует развитию демографического образования и междисциплинарных исследований в периферийных научных центрах и учебных заведениях, позволяет использовать результаты конференции в совершенствовании преподавания демографических дисциплин и дальнейшем развитии демографического просвещения.

Научная значимость Валентеевских чтений заключается в развитии междисциплинарного комплексного подхода к изучению народонаселения и его воспроизводства как главной предметной области, в развитии отдельных направлений системы демографических наук, в интеграции и взаимообогащении демографической науки и других наук, объектом которых является население, повышении взаимосвязи демографической науки с демографическим образованием и просвещением.

Материалы всех Валентеевских чтений были опубликованы. Финансовую и организационную поддержку конференциям (с 4-й по 7-ю) оказывало представительство Фонда ООН по народонаселению.

Хронология Валентеевских чтений

Международная конференция «Народонаселение: современное состояние научного знания» (сентябрь 1997 г., к 75-летию Д. И. Валентея). По предложению оргкомитета и участников получила статус Первых Валентеевских чтений.

Вторые Валентеевские чтения — «Демографические и социально-экономические аспекты старения населения» (ноябрь 1999 г., были приурочены к Международному году пожилых людей).

Третьи Валентеевские чтения — «Демографическое образование в XXI в. в странах СНГ, Балтии и Восточной Европы» (сентябрь 2002 г., к 80-летию Д. И. Валентея).

Четвертые Валентеевские чтения — «Политика народонаселения: настоящее и будущее» (апрель 2005 г., к 40-летию лаборатории народонаселения).

Пятые Валентеевские чтения — «Миграция и развитие» (сентябрь 2007 г., к 85-летию Д. И. Валентея и 40-летию кафедры народонаселения).

Шестые Валентеевские чтения — «Проблемы народонаселения в зеркале истории» (апрель 2010 г., к 45-летию лаборатории народонаселения и 25-летию «Демографического энциклопедического словаря»).

Седьмые Валентеевские чтения — «Демографическое развитие России: вызовы глобализации» (сентябрь 2012 г., к 90-летию Д. И. Валентея).

Восьмые Валентеевские чтения — «Междисциплинарные исследования населения: 50 лет университетской демографической школе» (к 50-летию лаборатории народонаселения). В центре внимания конференции — вклад университетской демографической школы в становление и развитие со-

ветских и российских междисциплинарных исследований в области народонаселения.

Девятые Валентеевские чтения — «Демографическое образование и изучение народонаселения в университетах» (октябрь 2017 г., посвящены 95-летию Д. И. Валентея и 50-летию создания им кафедры народонаселения).

Десятые Валентеевские чтения — «Стратегические задачи демографического развития: приоритеты и региональные особенности» (октябрь 2020 г., в год 55-летия лаборатории народонаселения).

Одиннадцатые Валентеевские чтения предполагается провести осенью 2022 г. и посвятить их 100-летию со дня рождения Д. И. Валентея.

Научное электронное издание

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ПРИОРИТЕТЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Десятые Валентеевские чтения

ISBN 978-5-906932-57-0

